

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

XX МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

**РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
СВЯЗЬ ВРЕМЕН
И ГОРИЗОНТЫ БУДУЩЕГО**

19 февраля 2026 г.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

МОСКВА
МАКС Пресс
2026

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

XX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

**РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
СВЯЗЬ ВРЕМЕН
И ГОРИЗОНТЫ БУДУЩЕГО**

(19 февраля 2026 г.)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Электронное издание сетевого распространения

МОСКВА – 2026

<https://elibrary.ru/trjcyf>

Российская социология: связь времен и горизонты будущего : XX Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2026» ; 19 февраля 2026 г. : Сборник материалов. – Москва : МАКС Пресс, 2026. – 1194 с. – 3,35 Мб (Электронное издание сетевого распространения)
е-ISBN 978-5-317-07573-6
https://doi.org/10.29003/m5311.SR-XX_2026

Сборник тезисов составлен на основе материалов, присланных российскими и иностранными учеными в Оргкомитет XX Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2026», состоявшейся 19 февраля 2026 г. Тезисы публикуются в авторской редакции. Материалы цензуре не подвергались; мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов.

Издание предназначено для преподавателей и научных сотрудников, аспирантов, магистрантов и студентов, интересующихся актуальными проблемами и разработками социологической науки.

Ключевые слова: социология, Сорокинские чтения, международная конференция.

УДК 316
ББК 60.5

Russian sociology: connection between eras and horizons of the future: XX International Scientific Conference «Soroking Readings – 2026»; February 19, 2026 : Collection of materials. – Moscow: MAK Press, 2026. – 1194 p. – 3,35 Mb (Electronic Edition of Network Distribution)
е-ISBN 978-5-317-07573-6
https://doi.org/10.29003/m5311.SR-XX_2026

Current book includes materials by Russian and international scientists who participated in XX International Scientific Conference «Soroking Readings – 2026» that took place on February 19, 2026. Materials are published in authors' edition. Materials have not been censored; organizing committee's opinion may not match with authors' opinions. The book is aimed at professors and scholars, aspirants, masters and bachelors, who are interested in current problems and trends in sociology.

Key words: sociology, Soroking readings, international conference.

Данное издание доступно по адресу:
<http://socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2026.pdf>

Научное издание

XX Международная научная конференция
«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026»

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ГОРИЗОНТЫ БУДУЩЕГО

19 февраля 2026 г.

Сборник материалов

Электронное издание сетевого распространения

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г. 119992, ГСП-2,
Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891

е-ISBN 978-5-317-07573-6

© Авторы статей, 2026
© Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2026
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2026

Содержание

«1. Российская социология: переосмысление наследия и поиск основ для обновления общества (руководитель – д.с.н., проф. Н.Г. Осипова)»	4
«2. Экономическая социология и менеджмент во времени и пространстве (руководитель – д.с.н., проф. С.А. Барков)»	125
«3. Становление социологии коммуникаций в России: основные школы и перспективы (руководитель – д.с.н., проф. А.К. Мамедов)»	320
«4. Семейно-демографические исследования в контексте развития отечественной социологии (руководитель – д.ф.н., проф. А.И. Антонов)»	529
«5. Социальные технологии в России: от социальной инженерии к социальной архитектуре (руководитель – к.с.н., доц. О.В. Гавриленко)»	691
«6. Социология образования: от становления теории к объяснительным возможностям (руководители: д.п.н., проф. Л.В. Темнова, к.э.н., доц. В.В. Зырянов)»	795
«7. Социология государственного управления: новые направления и прогнозы (руководитель – к.э.н., доц. В.П. Васильев)»	1023

«1. Российская социология: переосмысление наследия и поиск основ для обновления общества (руководитель – д.с.н., проф. Н.Г. Осипова)»

Альхаддур Азиз

ИСИР(ЮФУ) + АБИМ (ЮФУ), Ростов-на-Дону, РОССИЯ

Институционализация социологии в советскую эпоху и после нее

Процесс институционализации социологии в России прошел через две радикально отличающиеся эпохи, отражая трансформации политического строя и общества. Советский период (конец 1950-х – 1980-е гг.) характеризовался ограниченной и контролируемой институционализацией**. После полного запрета в 1930-х годах, социология вернулась в научное поле лишь в годы «оттепели» как инструмент для решения конкретных практических задач управления социалистическим обществом. Она существовала не как самостоятельная наука, а под вывеской «конкретных социальных исследований» в рамках исторического материализма.

Ключевыми институтами этого времени стали:

1. Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР (позже Институт социологических исследований), созданный в 1968 году как центральный академический орган.

2. Советская социологическая ассоциация (ССА, 1958 г.), выполнявшая в основном представительские международные функции.

3. Отделы, лаборатории и кафедры в крупных университетах (МГУ, ЛГУ, Новосибирск) и при партийных комитетах.

Деятельность социологов была строго регламентирована идеологическими рамками. Фундаментальная теоретическая социология находилась под запретом, допускались лишь прикладные исследования (изучение труда, быта, общественного мнения), выводы которых должны были укладываться в официальную доктрину. Несмотря на это, в рамках этих ограничений сформировались серьезные научные школы (например, ленинградская школа В.А. Ядова), были накоплены значительные эмпирические данные и методический опыт.

Постсоветский период (с начала 1990-х гг.) ознаменовался бурной и полномасштабной институционализацией. Снятие идеологического контроля привело к институциональному взрыву:

1. Массовое открытие социологических факультетов и кафедр в сотнях государственных и частных вузов по всей России.

2. Возникновение мощного сектора независимых исследовательских компаний (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ, ВЦИОМ и др.), которые стали основными центрами прикладных и опросных исследований.

3. Теоретический и методологический плюрализм: свободное освоение западных теорий, развитие качественных методов, интеграция в мировое научное сообщество.

4. Дифференциация: выделение множества отраслевых социологий (политической, экономической, культуры, религии и т.д.).

Однако к 2000-м годам проявились новые вызовы: гиперкоммерциализация (доминирование рыночных и политических заказов), бюрократизация академической науки и, с середины 2010-х годов, возрастающее политическое давление на сферу изучения общественного мнения, выражающееся в законодательных ограничениях и статусе «иностранный агент» для некоторых независимых центров.

Таким образом, российская социология трансформировалась из маргинальной, идеологически подконтрольной дисциплины в сложную, разветвленную и профессиональную отрасль знания, которая, однако, продолжает искать баланс между академической свободой, коммерческим спросом и новыми формами государственного регулирования.

Источники и литература

- 1) Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. Учебник. – М.: Академический Проект, 2012.
- 2) Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- 3) Ядов В.А. Социология в России. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
- 4) Голофаст В.Л. Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века. – СПб.: Интерсоцис, 2008.
- 5) Тощенко Ж.Т. Социология в системе научного управления обществом (опыт историко-социологического анализа) // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 3-13.

Аргунова Вера Николаевна

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г.
Столетовых, Владимир, Россия*

Социальная справедливость как главный нравственный критерий оценки социальных явлений и процессов

Стратегические планы развития общества могут быть успешно реализованными в том случае, если они учитывают социокультурные особенности общества. Наиболее ярко социокультурные особенности выражены в менталитете. Среди особенностей российского менталитета выделяется стремление к справедливости. Это подчеркивали российские социологи еще в дореволюционный период.

На протяжении всего XIX в. шли дебаты о содержании понятий «правда-истина» и «правда-справедливость». Как ни парадоксально, но в ходе этих споров участники дискуссии приходили к общему выводу, разной у них была лишь аргументация. Так «славянофилы» и «западники» соглашались, что в русском общественном сознании «истина» и «справедливость» не могут существовать друг без друга. И.В. Киреевский и П.Я. Чаадаев отмечали неразличимость этих понятий в отношении законов. Это означало, что «истина» как «внешняя» сторона закона предполагает наличие «внутреннего» наполнения закона – справедливости [1, 2].

Представитель субъективной социологической школы Н.К. Михайловский обосновал позицию, что «правды-истины», т.е. рационального, позитивного знания недостаточно при изучении социальных явлений. Знание об обществе обязательно должно соотноситься с нравственным идеалом – «правдой-справедливостью». Нравственная оценка возникает из соотношения реальности с общественным идеалом и формулируется как справедливость или несправедливость. Н. К. Михайловский создал идеал, близкий к социалистическому, считая, что «нравственно, справедливо, разумно и полезно то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» [3].

Русские неокантианцы также обосновывали необходимость наличия справедливости в правовых нормах и в знании об обществе. П.И. Новгородцев говоря о праве обращал внимание на то, что законы не могут примирить интересы разнообразных групп, не могут раз и навсегда установить справедливый уклад жизни. Для достижения справедливого права нужно отталкиваться от того, что должно быть в соответствии с нравственным законом. Следует выработать моральные требования, предписывающие идеальные пути развития[4]. В оценке возможных пу-

тей развития необходимо исходить из идеалов добра и высшей ценности общественного развития – человеческой личности. Б.А. Кистяковский включал справедливость в категориальный аппарат социального познания, потому что суть исторического процесса составляет эволюция справедливости[5].

В настоящее время, как показывают результаты опроса общественного мнения, 46% населения России связывает достижение социальной справедливости с государством. 21% считает, что политика властей скорее препятствует достижению справедливости, а 23% не замечают никакого влияния. На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о недостаточном внимании существующей системы власти к реализации социальной справедливости в социальной практике [6]. Такая недооценка ключевого принципа российского менталитета может привести к снижению уровня доверия к политическим решениям.

Источники и литература

- 1) Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 280.
- 2) Чаадаев П. Я. Отрывки и афоризмы // Соч. М., 1989. С. 193—194.
- 3) Михайловский Н. К. Герои и толпа // Михайловский Н. К. Избр. тр. по социологии: В 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 139.
- 4) Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // О свободе: Антология либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 602.
- 5) Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 110 – 115.
- 6) Социальная справедливость: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring-07052025> (дата обращения 11.01.2026)

Афанасьев Данил Денисович

Факультет социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

**"Ренессансные явления" в социокультурных суперсистемах: о
социологической перспективе изучения
историко-культурологической концепции Н.И. Конрада**

Исследование макродинамики социокультурных суперсистем, их цикличности и линейных трансформаций, является одной из магистральных тем социальной теории. Классические концепции социокультурной динамики, разработанные на западном материале, предлагали различные модели. А. Дж. Тойнби, анализируя «цивилизации» как целостные системы, видел механизм их развития в последовательности «Вызов – Ответ», а упадок связывал с потерей творческой силы «творческого меньшинства» [1]. Питирим Сорокин рассматривал исторический процесс как циклическую смену трёх типов культур (идеациональной, идеалистической и чувственной), каждый со своей системой истины, ценностей и способов познания [2]. Б.С. Ерасов, синтезируя подходы к изучению неевропейских обществ, подчёркивал, что социокультурные суперсистемы Востока обладают собственной логикой развития, основанной на принципах преемственности и «возрождения» традиционных оснований, а не на радикальном их отрицании, как в европейской модели [3].

Этот акцент на специфике неевропейских обществ естественным образом обращает нас к вкладу востоковедения в социальную теорию. Как справедливо указал Э. Саид, классическая западная ориенталистика долгое время находилась в плену историко-филологического монизма и часто служила инструментом колониального дискурса, конструируя статичный и внеисторический образ «Востока» [4]. Однако отечественная академическая традиция, особенно в советский период, в рамках марксистской парадигмы стремилась к созданию универсальных исторических закономерностей, что побуждало учёных искать общие черты в развитии различных регионов. Таким образом, несмотря на определённую методологическую ограниченность, работы советских востоковедов содержали значительный теоретический потенциал.

Формирование концепции Н.И. Конрада проходило в сложном историко-идеологическом контексте 1930–1960-х годов. С одной стороны, марксистский исторический материализм с его формационной теорией задавал жёсткие рамки. Как показывают исследования [5; 6], дискуссии о «азиатском способе производства», социальной структуре Китая и характере его исторического развития были сильно политизированы. С другой стороны, в работах таких учёных, как И.М. Рейснер, подчёркивалась роль «идеологий Востока» (конфуцианства, буддизма и т.д.) как активных факторов социальной динамики, что несколько расшатывало экономический детерминизм [7]. В этих условиях Конрад предложил оригинальную историко-культурологическую концепцию, поместив в её центр идею «ренессансных явлений».

Суть концепции Конрада заключается в том, что эпохи Возрождения (Ренессанса) не являются уникальным европейским феноменом, а представляют собой закономерную фазу в развитии мировой культуры, возникающую в определённых социокультурных условиях. Учёный определял ренессанс как «возрождение, но не вообще чего бы то ни было из прошлого, а именно античного, то есть того, что было некогда высшим достижением человеческой культуры» [8, с. 466]. Однако «античность» понимается им расширительно – как собственная классическая древность той или иной культурной традиции. Конрад выделял европейский (итальянский), византийский, арабский, персидский, китайский (танский и сунский) и другие ренессансы. Социологический аспект его теории заключается в анализе условий возникновения таких эпох: рост городов и светской культуры, ослабление догматизма религиозных систем, «открытие мира и человека», интерес к гуманистическому наследию собственной древности, синтез культурных традиций [9].

Конрад настаивал на том, что эти явления «стоят в прямом соответствии с изменениями социальной базы культуры» [10, с. 235], связывая их с определённым этапом в развитии феодального общества. Таким образом, его концепция была попыткой, оставаясь в рамках марксистской парадигмы, придать большее значение культурно-идеологической сфере и выявить общемировые, а не сугубо европейские, закономерности в её развитии. Он стремился преодолеть европоцентризм, показав, что «Восток не только имел свою античность, но и своё возрождение» [8, с. 471].

Критика концепции Конрада была многоаспектной. Л.С. Васильев указывал на спорность прямых аналогий между европейским и китайскими «ренессансами», отмечая, что танский интерес к древности был скорее частью официальной конфуцианской идеологии, а не вызовом ей, и не привёл к кардинальному пересмотру картины мира, подобному европейскому [11]. Л.Н. Гумилёв, со своей стороны, видел движущую силу подобных культурных взлётов не в социально-экономических условиях, а в пассионарных толчках и динамике этногенеза, считая саму категорию «Возрождения» излишней [12]. Современные историки, как отмечает А.Л. Бадаев, также подчёркивают, что применение термина «ренессанс» к китайской истории является скорее метафорой, затемняющей уникальность и имманентную логику развития китайской цивилизации, её постоянную апелляцию к канону, а не его революционное преодоление [13].

Несмотря на эту обоснованную критику, концепция Н.И. Конрада сохраняет своё значение как яркая и продуктивная исследовательская программа в контексте истории отечественной социологии и социальной

мысли. Она представляет собой смелую попытку синтеза марксистской социологии, сравнительного исторического анализа и глубокого востоковедного знания для построения общей теории культурной динамики. Её изучение позволяет понять эволюцию подходов к анализу социокультурных суперсистем в отечественной науке и остаётся стимулом для дальнейших сравнительных исследований механизмов культурных трансформаций.

Источники и литература

- 1) Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М.: Рольф, 2001. 640 с.
- 2) Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 425–504.
- 3) Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). М.: Наука, 1990. 205 с.
- 4) Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 640 с.
- 5) Дацышен В.Г. История русского китаеведения. 1917–1945 гг. М.: Изд-во «Весь мир», 2015. 352с.
- 6) Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 316 с.
- 7) Рейснер И.М. Идеологии Востока (очерки восточного феодализма). М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1927. 220 с.
- 8) Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. 471 с.
- 9) Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972. 496 с.
- 10) Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Наука, 1977. 621 с.
- 11) Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001. 488 с.
- 12) Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2004. 560 с.
- 13) Бадаев А.Л. Феномен «китайского ренессанса» в отечественной историографии: концепция Н.И. Конрада и её критики // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 4. С. 44–50.

Ахмедова Муслимат Газиевна
РУДН, Москва, РФ
Социология Е. В. Де Роберти.

На переломных этапах общественного развития возрастает интерес к историческим судьбам Отечества. Россия переживает сегодня именно такой период, когда важное значение в развитии современного исторического самосознания общества имеет обращение к российской социально-философской мысли конца XIX – начала XX веков. Отечественная социально-философская мысль развивалась в русле мировых интеллектуальных традиций, питаясь ценностями мировой цивилизации и в свою очередь обогащая их.

Одним из конкретных путей развития и обогащения российской социально-философской мысли выступает научное освоение мирового философского наследия посредством анализа и переосмысления социально-философских взглядов одного из значительных представителей позитивистского направления в России Е.В. Де-Роберти. Е.В. Де-Роберти является признанным теоретиком социально-философской мысли, положившим в основу своей социологической системы «биосоциальную гипотезу», которая оказала существенное влияние на философов и социологов как органической, так и психологической школы в социологии, нарушая тем самым внутренне единство и согласованность их учений. Творчество Е.В. Де Роберти - целая эпоха в развитии социальной философии России дореволюционного периода. Труды русского ученого сохраняют для сегодняшних поколений не только большое историко-научное значение, но и служат образцом широкой эрудии, примером выполнения человеком науки гражданского долга и источником идей, столь необходимых нам для сохранения преемственности в развитии отечественной философской мысли.

Баранов Николай Вадимович
МГУ имени М.В. Ломоносова. Социологический факультет, Москва,
Россия

**К вопросу о тенденциях развития изучения новых
социальных страт в социологической теории XXI столетия**

Сегодня в современной социологической теории актуализируется вопрос об изучении социальной стратификации общества XXI столетия

сквозь призму категории «социальная страта» на фоне усложнения социальной структуры общества и невозможности ее описания на основании категории «социальный класс».

Соответствующий вопрос может быть разрешён на основании формирования трех дискуссий изучения новых социальных страт в социологической теории.

Первая дискуссия: переосмысление категориального аппарата социологической теории на примере понятий класс и страта.

Примером подобного рода дискуса можно назвать работу Х. Вайса «Мы никогда не были средним классом», в рамках которого социолог и антрополог описывает кратковременные обогащение представителей средних слоев и отражение данного социального процесса на социальной структуре различных стран[1].

Вторая дискуссия: изучение новых социальных страт, которые существуют в социальной структуре, но не получили достаточную концептуализацию на сегодняшний день.

Так, на основании авторского социологического исследования фрилансеров, проведенного в 2023-24 гг., можно обозначить наличие социально-экономической группы фрилансеров, представители которой находятся в более стабильном положении на рынке труда по сравнению с фрилансерами, входящими в состав прекариата. Последующая концептуализация данного актора в социологической теории и поиск его представителей в других социально-профессиональных группах на рынке труда представляет из себя серьезную социальную проблему, требующую решения.

Третья дискуссия: изучение механизмов стратообразования и форм проявления стиля жизни представителей социальных страт в зависимости от специфики культурных, социальных, экономических и политических сфер жизни того или иного общества.

Соответствующая тенденция хорошо просматривается на основании специфики прекарной занятости различных странах. Так в России и Китае получает активное развитие практика заемного труда, которая является одной из форм проявления прекарной занятости [2, 4].

В то же время в Индии получает распространение практика суррогатного материнства, которая является специфичной формой прекарной занятости именно для этой страны, по мнению социолога Була Бхадра [3]

Источники и литература

- 1) Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение [Текст] / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 82.
- 2) Прекариат: становление нового класса. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 82.
- 3) Bhadra B. Precarity and Surrogacy: The Invisible Umbilical Cord in the Digital Age / Precarity within the Digital Age Media Change and Social Insecurity / Springer: New York, 2017.
- 4) Frost A.K., Li Z. Markets under Mao: Measuring Underground Activity in the Early PRC. The China Quarterly. 2024. 258:309-328. doi:10.1017/S0305741023001133

Басимов Михаил Михайлович

*Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»,
Москва, Россия*

Личностный тип как причина проявления духовно-нравственных ценностей студенческой молодежи

Формирование духовно-нравственных ценностей студенческой молодежи как тематика исследований довольно часто встречается в различных гуманитарных науках, в том числе это касается социологии и психологии. Но при этом, если оставаться только в рамках линейных моделей, теряется много содержательной информации, которая более точно позволяет понять содержание изучаемого предмета.

Кроме того, оставаясь в рамках линейного мышления, при изучении объектов преимущественно нелинейной природы возникают проблемы, которые решаются сомнительными способами, когда, например, слабые, но «значимые» корреляции, которых всегда достаточно много, предлагаются как достойный результат исследования.

Зависимости по предлагаемой тематике определились при обработке данных опроса студентов Курганского государственного университета, в котором принимали участие 146 студентов различных специальностей. В диагностике использовалась с одной стороны социологическая анкета, изучающая различные виды толерантности, а с другой стороны психологическая методика Дж. Олдхема и Л. Морриса «Типы личности» и

«Вероятностные расстройства» данного типа. Для расчета использовался авторский метод изучения статистических связей [1, 3].

Рассмотрим как пример зависимость переменной «Ощущение близости со своей семьей» (Y) от переменной «Преданный тип» (X). При очень слабой корреляции ($r=-0.19$), которая в рамках линейных моделей не должна представлять научного интереса, выход за рамки линейных представлений позволяет наблюдать сильную зависимость $Y(X)$ с максимумом в модели для триад независимой переменной с коэффициентом силы связи $SV=0.91$. При этом обратная зависимость $X(Y)$ крайне слабая $SV'=0.14$, что характерно для зависимостей с явно выраженным максимумом.

Кроме того, для этой зависимости можно говорить как о демонстрации ошибки 2 типа [4, 5] при традиционной интерпретации коэффициента корреляции, когда зависимость должна определяться как «значимая» линейная и представлять исследовательский интерес (для $p=0.05$ и $N=146$ критическое значение равно 0.1624).

В рассматриваемой зависимости с максимумом при переходе с 1 на 2 триаду независимой переменной «Преданный тип» (X) происходит резкий рост по сравнительной весомости показателя «Ощущение близости со своей семьей» (Y) от (+802) до (+18610). Но после при переходе независимой переменной на 3 триаду наблюдается еще более резкий спад показателя «Ощущение близости со своей семьей» (Y) до (-17846). Таким образом, ощущение близости со своей семьей (Y) при общей тенденции к убыванию при сравнении результатов для 1 и 3 триад компоненты типа личности «Преданный тип», на 2 триаде X имеет максимальное значение, причем значительно большее, чем для 1 триады переменной X.

В заключение можно сделать вывод, что при изучении и анализе ценностей студенческой молодежи, как, впрочем, и во многих других разделах социологической и психологической науки [2], часто наблюдаются содержательные нелинейные эффекты, описываемые той или иной простейшей нелинейной зависимостью.

Источники и литература

- 1) Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 432 с.
- 2) Басимов М.М. Природа статистических связей в психологии: Монография. М.: Издательский дом «УМЦ», 2023. 516 с.

- 3) Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.
- 4) Basimov M. Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. No.333. p. 11-18.
- 5) Basimov M. Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. No.289. p. 488-494.

Батуренко Светлана Алексеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**Критика постановки "женского вопроса" французскими
социальными мыслителями XIX века в трудах М.И.
Михайлова**

Михаил Илларионович Михайлов (1829-1865) – русский писатель, поэт, публицист и социальный мыслитель, автор работ, посвященных «женскому вопросу». В 50-60-х годах XIX века он был одним из инициаторов дискуссии о положении женщины. Михайлов познакомился с идеями популярных европейских социальных мыслителей своего времени, таких как Джон Стюарт Милль, Гарриет Тейлор Милль, Жюль Мишле, Пьер-Жозеф Прудон и другими. Эти идеи оказали на русского писателя большое впечатление, вернувшись в Россию, он написал серию работ в ответ на них [1, 2, 3, 4]. Французские мыслители - историк и публицист Мишле и политик, экономист, публицист и социолог Прудон были известны в России, их труды активно обсуждались в середине XIX века [5, 6, 7]. Михайлов подверг критике постановку «женского вопроса» французскими мыслителями. И Мишле и Прудон выступали противниками женской эмансипации, доказывали невозможность достижения равенства между мужчинами и женщинами, заняв фактически позицию биологического детерминизма. Кроме того, французские авторы предостерегали об опасности установления такого равенства. Женщина рассматривается ими исключительно в приватной сфере, в сфере семьи, абсолютно лишенной возможности выхода за ее пределы. Авторы доказывают, что единственное назначение женщины – любить, а главное призвание – служить мужу и заниматься воспитанием детей. Мишле исследовал одну из важнейших социальных проблем своего времени — быстрый распад семьи и падение

рождаемости. Причины этих процессов усматривались автором в падении нравов во французском обществе, чему и были посвящены его социологические этюды. Авторы представили свой взгляд на женщин, любовь, брак, описывали женщину с позиций биологического детерминизма как слабое, несовершенно существо по сравнению с мужчиной. Прудон, стремясь доказать несовершенно природу женщины, использовал собственную систему количественных показателей, применяемую к обоим полам, например относительно меньший размер женского мозга. Выводами французского мыслителя явились утверждения об интеллектуальной и физической неполноценности женщины. Мужчина, оказавшийся в результате исследования более активным, инициативным, обучаемым, по мнению Прудона, занимает высшее положение по отношению к женщине, следовательно, женщина должна ему повиноваться [5]. Михайлов пишет: «Книга Прудона замечательна не только как реакция пробудившемуся во Франции стремлению к преобразованию семейных отношений; она еще более знаменательна тем, что показывает, как глубоко сидят еще в человеке нашего времени корни деспотизма и кулачного права» [3]. Русский мыслитель не принимает ни выводы, ни логику рассуждения французов. Он выражает критическое отношение к использованию доводов природной неполноценности женщин, приравнивая их к расизму и подчеркивает социальную обусловленность специфического положения женщин и темнокожих в противовес природной, биологической.

Источники и литература

- 1) Михайлов М.И. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Спб.: Современник. 1860. № 11.
- 2) Михайлов М.И. Женщины в Университете // Спб.: Современник. 1861. № 4.
- 3) Михайлов М.И. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958.
- 4) Михайлов М.И. Уважение к женщинам // Спб.: Современник. 1866. № 2, 3.
- 5) Мишле Ж. Ведьма. Женщина. М.: Республика, 1997.
- 6) Мишле Ж. Народ. М.: Наука, 1965.
- 7) Прудон П.-Ж. Порнократия, или Женщины в настоящее время / (Сборник) Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М.: Красанд, 2017.

Белов Антон Александрович

Социологический факультет МГУ, Москва, Россия

Охрана здоровья в системе стратегического планирования России: национальные проекты как инструмент реализации приоритетов

В докладе анализируется содержание и подводятся итоги дискуссии, связанной с реализацией механизмов здоровьесбережения в рамках профильных национальных проектов Российской Федерации. Докладчик рассматривает национальные проекты как ключевой инструмент государственного стратегического планирования, направленный на кардинальное улучшение качества жизни в важнейших сферах.

Обращаясь к истокам вопроса, в выступлении отмечается, что национальные проекты представляют собой масштабные государственные программы, реализация которых была начата в 2006 году. Особое внимание уделяется проекту «Здоровье», заложившему основы для системного развития медицинской инфраструктуры, повышения доступности и качества помощи, а также улучшения условий труда медицинских работников.

В целом, как подчеркивает автор, формат национальных проектов доказал свою высокую эффективность в решении крупных социально-экономических задач, что подтверждается позитивными изменениями, созданием новых объектов здравоохранения и положительной динамикой ключевых показателей. Вместе с тем, достижение ряда важных целевых ориентиров, непосредственно связанных со здоровьем населения, остается актуальной задачей.

В докладе обосновывается, что успех реализации проектов зависит от комплекса таких факторов, как организация управления, финансирование и информационное обеспечение. Параллельно автор систематизирует существенные риски, неизбежно сопровождающие этот процесс, и объединяет их в четыре взаимосвязанные группы: управленческие (связанные с координацией действий), методические (обусловленные сложностью оценки результатов), финансовые, а также риски нормативного и кадрового обеспечения.

Таким образом, предполагается рассмотреть национальные проекты в сфере здоровья как динамичный инструмент государственной политики и ключевой элемент стратегического планирования национальных целей развития России.

Источники и литература

- 1) Бухвальд Е. М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 50 – 54.
- 2) Белов А.А. Традиционные угрозы здоровью российских граждан: пьянство и алкоголизм // Вестник московского университета: серия 18. Социология и политология. 2025. № 3. С. 128 – 146.
- 3) Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161 // <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (Дата обращения: 15.05.2023).
- 4) Дынник Д. И. Национальные проекты: основные положения и проблемы в управлении // Правовестник. 2018. № 6. С. 11 – 13.
- 5) Ежов Д.А. Потенциальные риски реализации национальных проектов 2019-2024 и пути их нейтрализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3 (32).
- 6) Здоровье – высшая ценность // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vyshshaya-czennost> (Дата обращения: 06.07.2024).
- 7) Изгияева М.Д. Государственное управление приоритетными национальными проектами // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. № 6 (20).
- 8) Маркова Н.В., Рютин С.Г. Здоровье студенческой молодёжи: современные тенденции Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 168-172.
- 9) Национальные проекты // <https://vk.com/nationalprojectsru> (Дата обращения: 10.10.2025).
- 10) Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» // <http://government.ru/rugovclassifier/917/about/> (Дата обращения: 06.10.2025).
- 11) О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями): Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 20 ст. 2817.

- 12) О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года // Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 22 июля 2020 г. № 159.
- 13) О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года // Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254.
- 14) Осипова Н.Г., Лядова А.В., Белов А.А. Здоровье современной российской молодёжи в электронно-цифровую эпоху глазами профессионального сообщества и в государственных программных документах. М.: Изд-во АНО ЦЭМИ, Архонт, 2024. С. 34.
- 15) Осипова Н.Г., Семина Т.В., Гасанова Р.М. Репродуктивное здоровье женщин и врожденные пороки развития: социологический анализ // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева» Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2025. Т 26. № 1. С. 19 – 30.
- 16) Паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа» <http://government.ru/projects/selection/641/> (Дата обращения: 10.11.2025).
- 17) Паспорт Федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к ЗОЖ, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» <https://docs.cntd.ru/document/564412400> (Дата обращения: 15.05.2025).
- 18) Тулякова И. В. Оценка эффективности государственных программ: проблемы и перспективы // Финконтроль. 2017. № 4. С. 25 – 28.
- 19) Положихина М.А. Организация управления национальными проектами // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2. С. 13.

Васецкий Николай Александрович

*МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

**Учение К.Н. Леонтьева о цветущей сложности цивилизаций в
современном мире**

К.Н.Леонтьев разработал учение о цветущей сложности мировых цивилизаций в своём знаменитом трактате «Византизм и славянство» (1875). С тех пор актуальность его учения многократно усилилась.

В современном мире происходит переход от однополярного устройства мирового сообщества при гегемонизме Западно-христианской цивилизации (США) к многополярному порядку при равноправном участии в его развитии всех мировых цивилизаций – Восточно-христианской (Россия), Восточно-буддийской (Китай, Индия), Восточно-исламской (Иран, Турция, Саудовская Аравия) и др.

Леонтьев продолжил сложившиеся в русской научной традиции со времён киевского митрополита Илариона (XI в.) представления о мировом порядке с позиций цивилизационного фактора в устройстве миропорядка, при учёте его культурологических, языковых показателей и критериев, которые в симбиозе с религиозными устоями общества определяют этногеополитическое лицо и свойства мировых цивилизаций.

Позднее, на основе концепции Леонтьева, были сделаны выводы о том, что всемирная история складывается из эволюции системы вертикальной мировой цивилизации и группы горизонтальных (локальных) мировых цивилизаций, в которых своё место и роль играет также и Русский мир, русский язык и русская культура.

В сумме все эти общности формируют цивилизационную систему координат мирового порядка, которая эволюционирует, приобретая разные формы и очертания на разных исторических этапах развития **социоантропогенеза** всего человечества.

Эту аксиому мирополитического развития на Западе начали воспринимать всерьёз только сегодня после вековых проб и ошибок. «Ключевой вопрос при построении мирового порядка неизбежно затрагивает сущность объединяющих его принципов, – в которых и состоит кардинальное различие между западным и незападным подходами к миропорядку». К такому выводу пришёл, например, Генри Киссинджер в своей итоговой книге «Мировой порядок» (М. АСТ, 2019, с. 496).

Терминология Леонтьева - цветущая сложность, Азиопа и др. - превращаются в суперсовременные тренды, без которых не обходится ни одна считающая себя солидной публикация на тему социологии мировых цивилизаций. Уже забыты считавшиеся либералами и революционерами суперреакционными идеи Леонтьева о необходимости подморозить Россию, чтоб не сгнила. Не замечаются странности его характера и жизни, принявшего монашеский постриг. Формируется устойчивый образ едва ли не святого православного подвижника.

Президент России В.В.Путин в Послании Федеральному собранию России от 4 декабря 2014 года, где речь шла о воссоединении Крыма с Россией и о России как открытой миру стране, фактически представил участникам форума свое видение национальной идентичности современной России, вытекающей из сущности русского типа отечественного патриотизма и указывающей на место и роль нашей страны в многополярном мире, и цивилизационной системе координат действующего мироустройства.

Вот лишь некоторые обозначенные нами тезисы его речи: «тупики однополярности», «цветущая сложность Евразии», «кризис Запада – отказ от корней», «русский язык», «воспитание патриота и принципы самоуправления» и др. Путин опускает терминологию Леонтьева о византизме как структуре русской государственности, но сохраняет основную содержательную и речевую пунктуацию трактата «Византизм и славянство».

Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской

Православной Церковью и другими традиционными религиями, действующими на территории Российской Федерации.

Обращаем внимание – это не наша лексика, а фактически дословные цитаты стенограммы выступления президента России. Эти цитаты говорят о том, что после эпохи Сталина в руководстве нашей страны появился лидер, который самостоятельно изучает творческое наследие русских мыслителей и сам же без посредников и помощников формулирует свою научную и политическую точку зрения. Что и говорить, слава Богу, дождались...

Из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивать многообразие в единстве всех составных частей русской (российской) государственности.

Христианство в его православном обличии, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии – неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни её граждан.

Это уже развитие и дополнение концепции цветущей сложности цивилизаций самим Путиным, его уточнение современных реалий российского государства-цивилизации.

Главная задача государства, закреплённая в Конституции Российской Федерации, - обеспечение равных прав для представителей традиционных религий и атеистов, прав на свободу для всех граждан страны, прав говорить на своём родном языке, развивать свой культурный код.

Формирование именно гражданской идентичности на основе русского языка и русской культуры, общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны.

(См. Стенограмму выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай», - Российская газета, 19.09.2013).

По Леонтьеву основы цивилизационного развития Европы и мира способствуют утверждению цветущей сложности миропорядка. В результате любой культурно-исторический тип или цивилизация проходит три стадии развития:

1) **стадию первичной простоты**, которую Леонтьев называл первоначальным младенческим состоянием ещё не сформировавшейся структурно-цивилизационной цельности. На этой стадии формируется язык или группа языков цивилизации, складываются основы лингвокультуры,

2) **вторая стадия как раз и является той самой цветущей сложностью цивилизации**, которая свидетельствует о высшей точке её развития в процессе эволюции. Эту цветущую сложность Леонтьев изображал по библейскому образу и подобию в виде Древа Жизни, ветки которого гнутся от плодов и цветов – многоплодие и пёстрое многообразие языковых, культурных, политических, национальных и социальных форм.

От себя, уже с учётом многовекового опыта эволюции мировых цивилизаций разного типа и форм развития, добавим, что далеко не всякая цивилизация способна достичь этой стадии цветущей сложности.

3) **третья стадия - вторичное смесительное упрощение**, под которым Леонтьев понимал период предсмертного существования цивилизации. На этой стадии выравниваются индивидуальные и социально-политические различия, сглаживаются крайности, распадаются структурные связи. Происходит смесительное уравнивание людей, после чего следуют распад и гибель цивилизации.

Описание всех этих трёх стадий мало похоже на принятые в науке рациональные определения, носит скорее аллегорический характер, то есть выражается в форме передачи отвлеченных идей посредством

наглядных образов. Причём, и сами эти образы мало очевидны, их приходится додумывать с разных сторон, причём, также далеко не всегда очевидных.

Н.Я.Данилевский таким же способом определял динамику формирования и развития культурно-исторических типов, сравнивая их с садовыми прививками черенков саженцев и дичков, которые могли достичь уровня развития культурных плодов, а могли и не дорасти до них.

Такая опосредованность в трактовке понятий вполне объяснима. Цивилизации как системы крайне сложно анализировать. Здесь общих подходов маловато, если они вообще существуют. Многое, если не всё, происходит, как говорится, на живца. Потому так непросто даётся вся эта социология мировых цивилизаций. Крайне неудобная научная дисциплина.

Тем не менее, скажем, трактовка Леонтьевым третьей стадии развития цивилизаций едва ли не футуристическое изображение современного глобализма в его западном исполнении. Не удивительно, что западная социология цивилизаций (П.Сорокин, А.Тойнби, О.Шпенглер, К.Шмитт и др.) при изображении генезиса Западно-христианской цивилизации совершает плагиат у К.Н.Леонтьева. Разумеется, не называя первоисточника. Типичный приём западной политкорректности. Украсть у России, а затем обвинить Россию во всех смертных грехах.

Любая культурно-историческая теория не обходится без определённого схематизма. Не лишена этих признаков и концепция Леонтьева. Но её главный, что называется заточенный на мировую политику и интеграцию посыл – цветущая сложность как основа и синоним многообразия миропорядка, проявлений в этом миропорядке разнообразных ценностей и смыслов, сосуществование множества языков и языковых культур и так далее, вряд ли может быть серьёзно оспорена. По крайней мере, если рассуждать здраво, без политических спекуляций и тем более русофобских закидонов.

Источники и литература

- 1) Концепция внешней политики Российской цивилизации, - 4-я редакция. М. 2024
- 2) Л.Э.Слущкий, Н.А.Васецкий, О.Н.Слободчиков. Современные мировые цивилизации. Том 2. Свойства мировых цивилизаций: цветущая сложность. М. Изд-во Университета мировых цивилизаций имени В.В.Жириновского. М. 2025.
- 3) Г.Киссинджер. Мировой порядок. М. Изд-во АСТ, 2019

Волосков Игорь Владимирович

ЧУ ВО Институт государственного администрирования, Москва, РФ

**Социологическое наследие П. Сорокина и асоциальное
повеление студенчества**

В работе «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь», изданной в 1922 г., П. Сорокин отмечает, что падение уровня жизни влияет на образ жизни, духовный мир человека, характер социальных процессов. Критерием определения уровня жизни является, по мысли социолога, доля времени, которую человек тратит на поиск средств пропитания, доля ежемесячного бюджета, которую человек тратит на еду. При определении этих критериев П. Сорокин выделяет закономерность, согласно которой в начальные периоды революции социальное поведение большинства людей приобретает пицетаксический характер, мотивировано поиском средств на пропитание. Главенство пицетаксиса в сложной системе мотиваций порождает «ослабление и подавление всех желаний и стремлений, мешающих его удовлетворению или антагонистических ему; и обратно, в возбуждении, усилении и укреплении желаний и стремлений, содействующих его утолению, солидарных с ним» [2]. Пицетаксис, главенство мотивации на пропитание меняют и социальное поведение человека, тормозит контроль над ним с помощью моральных, религиозных и социальных норм. В условиях дезинтеграции границы между нормой и девиацией становятся прозрачными, а значит, человек, движимый пицетаксисом, может позволить себе то, что при более высоком уровне жизни никогда бы не сделал. В итоге «голод ненормальность делает нормой, святотатство терпимым и вседозволенным». Изучая российскую историю, П. Сорокин приходит к выводу, что в периоды голода оправдываются каннибализм, проституция, продажа детей в рабство, бандитизм и мародерство. Пицетаксис, трансформируя мотивационную сферу личности, меняет систему ценностей, ориентации, механизмы социального поведения, повышает уровень социальной девиантности, выдвигает на первый план материальные ценности, стремление к материальному благополучию. Таким образом, дезинтеграция, социальная и ценностная поляризация, ослабление интегративных норм и рост уровня социальной девиации являются, по мысли П. Сорокина, неизбежными следствиями трансформационных процессов.

Выводы Сорокина применимы для анализа мотивов асоциального поведения молодежи. Недостаток материальных средств, низкий уровень жизни приводит к оправданию в общественном мнении некоторых форм

асоциального поведения. Исследования, проведенные в рамках проекта студенчество-церковь (n=600) на Урале показывают, что студенчество считает грехом [2]

- убийство - 89
- самоубийство - 80
- аборт - 72
- проституция - 64
- измена (жене/мужу) - 61
- гомосексуализм - 52
- употребление легких наркотиков - 50
- ложь в личных интересах - 43
- пьянство - 43
- употребление матерных слов - 25
- развод в семье - 25
- курение - 25
- посещение стриптиз-бара - 13
- половые отношения до брака - 9
- сокрытие доходов от налоговой инспекции - 12

Показательно, что только 12% опрошенных считают грехом «сокрытие доходов от налоговой полиции». Причины данного отношения кроются также и в невысоком доходе, стремлении сэкономить деньги на удовлетворение потребностей. Данный факт свидетельствует, что рассуждения П. Сорокина о голоде остаются актуальными для современной России и социальное поведение молодежи отчасти имеет пишетакический характер.

Источники и литература

- 1) Павлов Б.С., Пронина Е.И., Павлов Д.Ю., Сарайкин Д.А. Поколение молодежи на переломе XX-XXI века: препоны профессионально-трудовой социализации// <https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-molodyozhi-na-perelome-hh-hhi-vv-pr-epony-professionalno-trudovoy-sotsializatsii-po-materialam-sotsopros-ov-na-urale->
- 2) Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь [Текст] / П.А. Сорокин. — М.: Academia, 2003. — 689 с.

Грабельных Татьяна Ивановна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

**Построение новых моделей поведенческих практик россиян: к
развитию категориального аппарата о "новом" качестве
жизни**

Динамика экономических, политических, демографических, социальных и культурных потребностей как индикатора качества жизни населения России требует анализа и оценки механизмов их управления и регулирования на разных уровнях. В настоящее время прослеживается построение новых моделей поведенческих практик россиян и адаптации субъектов муниципального и регионального развития. Одним из ведущих факторов мы видим изменение условий детерминации смыслов.

В этой связи требует развития методология социологического исследования «нового» качества жизни (в аспекте пересекающихся реальностей и гибридных форматов сосуществования и взаимодействия). Категориальный аппарат социологической науки переживает глубокое обновление. Представим некоторые из базовых понятий, на которые мы опираемся в своих исследованиях трансформации качества жизни современного человека:

локальные проблемы – местные проблемы, характерные для определенного места / системы жизнеустройства (района, микрорайона, города); проблемы отдельных, как правило, небольших территорий, затрагивающие интересы местного сообщества, не распространяющиеся за пределы своей территории и требующие решения всех заинтересованных сторон, проживающих, расположенных и функционирующих на данной территории;

удовлетворенность качеством – ментальное состояние (ум, интеллект, память, здравый смысл, социальное поведение), при котором наблюдается удовлетворенность качеством отношений, и / или работы, и / или получаемых благ, и / или взаимодействия заинтересованных сторон;

удовлетворенность результативностью взаимодействия – ментальное состояние (ум, интеллект, память, здравый смысл, социальное поведение), при котором наблюдается удовлетворенность разными эффектами от взаимодействия заинтересованных сторон;

ментальность – состояние общественного и индивидуального сознания населения, больших и малых социальных групп, в том числе выступающее индикатором исторической и социальной памяти и источником национального самоопределения, территориальной, социальной, культурной и профессиональной идентичности;

точки роста – понятие, принятое для обозначения принципов, импульсов и центров опережающего развития, инновационной и креативной деятельности, организации и функционирования новых пространств взаимодействий и важных секторов общественной жизни.

Уточненные значения вышеприведенных понятий, полагаем, позволят провести более глубокий типологический анализ феномена (уровней) удовлетворенности жителей территории результативностью взаимодействия. Такой подход позволяет разработать «социологический портрет» как научно-обоснованный комплекс обобщенных характеристик населения, представляющего разные социально-демографические группы и векторы их трудовой, профессиональной и социальной активности, постоянно проживающего на определенной территории и являющегося носителем общественного мнения и оценок своей удовлетворенности качеством получаемых услуг и благ, в целом качеством жизни, а также удовлетворенности разными эффектами от взаимодействия заинтересованных сторон.

Гришин Сергей Евгеньевич

РЭУ им. Г.В.Плеханова, г. Москва, Россия

Эдуард Александрович Елизарьев – возвращение забытого имени

В конце 50-х гг. XX века начался процесс институционализации социологии как науки. Социологи изучали новые формы труда и быта, социальные проблемы автоматизации производства, молодых рабочих. Формировались первые социологические центры – в Москве, Ленинграде и Новосибирске. В рамках формирующейся новосибирской школы начал свою работу Эдуард Александрович Елизарьев. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию по свободному времени [1]. Диссертация «проходила» по философским наукам, в тот период была заложена традиция, продолжавшаяся до 90-х гг., защищаться по социологии в рамках «теории научного коммунизма».

Диссертация для Э.А. Елизарьева стала основой для серьезной работы по исследованию проблемы времени общества, завершившаяся изданием монографии «Время общества. (Философский и соц.-экон. аспект)» [2]. Монография является ярким примером развития марксистской социальной теории, она внесла определенный вклад в становление советской социологии как самостоятельной науки. Автор рассмотрел общество как целостную систему, обладающую собственным временем. Данный подход способствовал переходу от описания отдельных социальных явлений

к анализу общества как сложной, развивающейся системы. В рамках марксистской традиции он провел структуризацию социального времени через общественное производство. Основой и мерой социального времени, по Елизарьеву, является общественно необходимое рабочее время, выступающее регулятором в системе производства. Однако автор расширяет это понятие, рассматривая всю структуру общественной жизни как процесс распределения и использования времени. Идея позволила анализировать все сферы жизни через призму бюджетов времени.

Исследования бюджетов времени разных социальных групп, проводившиеся В.Д. Патрушевым, Э.А. Елизарьевым и другими учеными того периода, дали ценный эмпирический материал о реальном образе жизни советских людей, а не его идеологизированной версии.

Ценность работы Э.А. Елизарьева была еще и в том, что она обеспечивала «философское алиби» для конкретных социологических исследований, что было чрезвычайно важно в условиях непростой институционализации социологии как науки. Теперь изучение бюджета времени колхозника или рабочего было не просто сбором статистики, а частью большого теоретического проекта по изучению социального времени общества. В конце 1960-х годов советская социология искала пути для развития собственной теоретической базы, не ограничивающейся цитированием классиков марксизма. Концепция Э.А. Елизарьева стала примером такого творческого развития.

Затем был переезд в Воронеж, тихая и спокойная работа заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии в Воронежском сельскохозяйственном институте в течение 10 лет.

В 1980 г. в Саратове был создан институт социально-экономических проблем АПК Академии наук СССР (современный Институт аграрных проблем РАН). Эдуард Александрович, переехав в Саратов, принял активное участие в становлении социологического сектора нового института. До своей смерти в 1982 г. он вдохновлял, инициировал, творил. Первая институтская монография вышла под его редакцией [3].

Источники и литература

- 1) Елизарьев Э. А. Свободное время и его роль в общественном развитии в период строительства коммунизма. Автореф. дисс. к. филос. н. Новосибирск, 1963. - 22 с.
- 2) Елизарьев Э. А. Время общества (Философский и соц.-экон. аспект). Новосибирск : Наука, 1969. - 192 с.

- 3) Социально-экономическое планирование в сельскохозяйственном коллективе / [Елизарьев Э. А., Островский В. Б., Булавин Г. П., Гришин С.Е. и др.]; Под ред. В. Б. Островского, Э. А. Елизарьева. - Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1983. - 183 с.

Грудина Татьяна Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

**Социологическое наследие П.А. Сорокина в области
семейно-брачных отношений: история и современность**

Социологическое наследие русской мысли богато своими источниками [1,2,7,8,9,10,11,12] на которых строятся и сейчас многие теоретические фундаментальные труды российских социологов в области семейно-брачных отношений [3,5]. Одним из выдающихся специалистов в рамках семейной проблематики, оставившим неоценимый клад в этом направлении, является выдающий русский социолог Пителир Александрович Сорокин. Широкий спектр его трудов является основой для анализа происходящих изменений в различных сферах общественной жизни, в том числе и в области семьи [8,9,10,11,12]. Еще будучи студентом первого курса, П. Сорокин проводил полевые исследования различных форм брака и семейной жизни народов коми. Погружаясь в совместные труды со своими земляками, он пристально наблюдал и изучал их быт и особенности функционирования семейной культуры. Это позволило ему написать одну из первых своих статей «К вопросу об эволюции семьи и брака зырян» [12]. Также, богатый материал, собранный ученым в рамках его полевых исследований, в дальнейшем позволили ему подтвердить положения, которые уже ранее были выдвигали такие известные ученые как О. Бахофен, Мак-Леннан, Л. Морган, Г. Спенсер, М.М. Ковалевский и др. авторы относительно первобытной формы брака в момент зарождения матриархата [5]. В работах над своими первыми статьями о семье и браке П. Сорокин основывается на теоретико-методологических принципах «генетической социологии» М.М. Ковалевского, показывая эволюцию семейно-брачных отношений в сторону их более совершенного уровня, чему у ранних форм [4,5]. В своих исследованиях развития семьи, свадебных обычаев, семейных традиций и обрядов Зырянского края Сорокин использует историко-сравнительный метод и этнографический подход [12]. Вместе с тем, он занимается выявлением социокультурных факторов, которые влияли на трансформацию семейно-брачных

отношений (традиции, обычаи, нравы и пр.). Ученый также раскрывает взаимосвязь института семьи с другими институтами. Положив в основу своих ранних работ сравнительно-исторический метод, П. Сорокин прослеживает развитие брака и семьи от групповых форм к моногамной семье [10,11,12].

Взгляды и идеи Питирима Сорокина в области семейно-брачных отношений, трансформации их форм на различных этапах развития общества были представлены в ранних его трудах: в брошюре «Брак в старину» (1913) [9], статье «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» (1911) [12], написание которых произошло в годы его студенчества. В числе работ ученого по семейной проблематике, следует упомянуть статью «Кризис современной семьи» (1916) [8].

Какие же выводы мы можем применить для анализа современной ситуации в области семьи? Какие идеи могут послужить для современных ученых основой при исследовании брачно-семейных отношений? П.А. Сорокин определенно указывает на семью и семейный круг как фундамент и первооснову жизни человека. «Семейная принадлежность является важнейшей социальной координатой, характеризующей социальное положение индивида в социальном пространстве и обуславливающей линию его поведения» [6, С. 298]. Таким образом, по мнению ученого, среди прочих элементарных групп, семейная выступает важнейшей и фундаментальной. Этот свой тезис автор объясняет тем, что именно семейная форма, по его мнению, является наиболее широко распространенной, оказывающей огромное влияние на человека с первых дней его жизни. Конечно, этот тезис в условиях современного информационно-цифрового общества и кризиса института семьи весьма уязвим. Однако он может послужить в качестве фундаментального принципа для выстраивания как семейной-демографической политики, как и жизненных стратегий для индивида и общества на пути поисков основ для обновления общества.

Источники и литература

- 1) Ильин И.А. Путь духовного обновления. О семье. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_put_duhovnogo_obnovleniya.pdf (дата обращения: 25.01. 2026).
- 2) Ковалевский М.М. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства, религии (итоги науки в теории и практике). Спб., 1914
- 3) Козлова Т.З. Вклад Питирима Сорокина в разработку проблемы семьи // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития

XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г. : сборник научных трудов. С. 344-350.

- 4) Кукушкина Е.И. Русская социология XIX-начала XX века / Е. И. Кукушкина. - Москва : Изд-во МГУ, 1993. - 183 с.
- 5) Ломоносова М.В. Вопросы семьи и брака в научном наследии П.А. Сорокина. Наследие. 2011. №1. С. 119-130.
- 6) Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). Под. ред. Е.И. Кукушкиной. – М.: «Высшая школа». 2004.
- 7) Розанов В.В. Семейный вопрос в России. В 2 т. Т. 1 / В. В. Розанов. – СПб., 1903
- 8) Сорокин П. Кризис современной семьи// Ежемесячный журнал для всех. 1916. №№2,3.
- 9) Сорокин П.А. Брак в старину. М., 1998.
- 10) Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
- 11) Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: Шыпас, 1991. – 304 с
- 12) Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака зырян. Наследие. 2011. №1. С. 48-60.

Гугуев Даниил Константинович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Период 1930-1950-х годов в истории отечественной социологии города

1930-1950-е годы (точнее - конец 1930-х - конец 1950-х годов) вошли в историю советской социологии как период, когда социологическая наука была официально запрещена, что препятствовало ее развитию в качестве самостоятельной научной дисциплины [2]. В таком положении находились и отдельные сферы социологического знания, в том числе социология города. Если в 1920-х годах проводились многочисленные социологические исследования города, то уже в 1930-х годах город осмыслился, главным образом, в рамках теоретической архитектуры, а ход самого процесса урбанизации определялся генеральными планами, утверждаемыми высшими органами власти СССР.

Однако даже в условиях жестких институциональных ограничений отечественные ученые продолжали постигать город с социологического

ракурса, причем их научные изыскания носили фундаментальный характер. Мыслители, изучая город в границах предметных областей наук, «признаваемых» тогда советским руководством (история, филология, архитектура и т.д.), нередко выходили на уровень социологических обобщений. Так, В.В. Стоклицкая-Терешкович в своих исторических трудах прослеживала развитие средневековых европейских городов, анализируя социальные аспекты жизнедеятельности городских сообществ того времени (социальная структура, социальный конфликт и т.д.) [4-5]. Другим примером может служить защищенная в 1944 году Н.П. Анциферовым диссертация по филологии, в которой вычленяются социологические идеи о капиталистическом городе и его социальных противоречиях из художественных произведений классиков зарубежной и отечественной литературы [1, С. 44-51, 202-243].

Очевидно, что в рассматриваемый период о полноценном развитии отечественной социологии города говорить сложно, так как попытки социологического исследования городской проблематики в 1930-1950-х годах имели случайный характер и несли отпечаток марксистско-ленинского учения об обществе, что создавало преграды для возникновения в научном сообществе социологических дискуссий о городе. Вместе с тем некоторые из этих исследований сыграли роль связующего звена между разными периодами в развитии социологического знания о городе. В частности, известный социолог-урбанист О.Н. Яницкий писал, что ознакомился с концепцией города-сада во многом благодаря В.Л. Ружже [6, С. 39, 235], которая в 1950-х годах в своих работах по архитектуре [3] анализировала историю городов-садов в России и тем самым транслировала идеи дореволюционных мыслителей в советскую социологию города, возродившуюся в 1960-х годах.

Развитие отечественной социологии города – сложный и непрерывный процесс. Несмотря на официальные запреты и идеологический контроль 1930-1950-х годов, накопление социологического знания о городе советскими учеными не прекращалось, и данное обстоятельство представляет несомненный интерес в историко-социологическом отношении.

Источники и литература

- 1) Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н.П. Анциферов; Учреждение РАН ИМЛИ им. А.М. Горького; науч. ред.

Н.В. Корниенко; сост., подгот. текста, послесл. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. 584 с.

- 2) Осипова Н.Г. Советские ученые в борьбе за конституирование социологической дисциплины // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 1. С. 36-58.
- 3) Ружже В.Л. Прогрессивные творческие воззрения архитекторов петербургской школы конца XIX - начала XX вв.: идеи «Городов-садов». Дисс. ... канд. архитектуры. Л., 1960. 252 с.
- 4) Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X-XV веков / В.В. Стоклицкая-Терешкович. М.: Соцэкгиз, 1960. 349 с.
- 5) Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV-XV веках / В.В. Стоклицкая-Терешкович; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 341 с.
- 6) Яницкий О.Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии / О.Н. Яницкий; Учреждение Российской акад. наук Ин-т социологии РАН. М.: ИС РАН, 2009. 239 с.

Денисов Сергей Алексеевич

Гуманитарный университет г. Екатеринбурга, Екатеринбург, Россия

**Актуальность, значение, цели, задачи и особенности
методологии конституционной социологии**

Конституционная социология – это направление научного исследования предметом которого являются конституционные и доконституционные социальные системы, а так же переход от доконституционной социальной системы к конституционной. Конституционной называется социальная система, где гражданское общество создает и контролирует свое государство, а человек является высшей ценностью. При доконституционной социальной системе государство в лице административного класса формирует удобное ему общество подданных. Человек здесь является всего лишь средством для реализации государственных задач.

Актуальность данных исследований связана с тем, что на протяжении более 300 лет мир постепенно переходит от доконституционного устройства социальной системы к конституционной. Конституционная

социология является средством изучения процессов происходящих в обществе и может быть орудием оказания помощи в этом переходе.

Цели конституционной социологии – понять характер переходных процессов, их движущие силы.

Исходя из поставленной цели, перед конституционной социологией возникает ряд задач. Во-первых, необходимо понять сущность конституционной и доконституционной социальной системы, механизмы обеспечения их выживаемости. Во вторых, перед конституционной социологией стоит задача уяснения закономерностей перехода мира от одной социальной системы к другой. Является ли этот переход объективным процессом движения человечества или он есть следствие стихийного стечения ряда обстоятельств? Необходимо выяснить, какие социальные общности заинтересованы в переходе к конституционной социальной системе и способны осуществить его? Кто может быть их союзником? С другой стороны конституционная социология устанавливает социальные силы, которым не выгоден переход к конституционализму. Нужно выяснить, могут ли эти социальные общности (группы) остановить (задержать) процесс перехода мира к конституционному строю? На кого они могут опираться в реализации своих интересов? Как известно, социологи не могут безразлично относиться к окружающему их социальному миру. Конституционная социология (в отличие от доконституционной) становится орудием оказания содействия социальным силам, стремящимся к переходу мира к конституционализму.

При реализации поставленных целей и задач конституционная социология делает акцент на специфические методы исследования. Она изучает социальные общности и группы с точки зрения их отношения к конституционному строю (заинтересованы, не заинтересованы, безразличны). Конституционные социологи критично оценивают доконституционную социальную систему и описывают ее с применением специфического языка.

Итак, конституционная социология – это направление научных исследований, актуальное для современного периода развития человечества. Она имеет особое значение, цели и задачи. При их решении она использует специфические методы исследования социальных систем.

Железнов Дмитрий Леонидович

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия*

Роль солидарности в развитии традиционных ценностей военнослужащих

Современные вызовы и угрозы национальной безопасности актуализируют проблему сохранения и укрепления традиционных ценностей военной службы. Решить эту проблему становится возможным через управляющее воздействие на процесс формирования и развития солидарности военнослужащих. Понятие солидарность в социологическом энциклопедическом словаре представляет собой «единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержку членов социальной группы, основанную на общности интересов и необходимости достижения общих групповых целей; совместную ответственность, а также активное сочувствие и поддержку чужих – либо действий или мнений» [1].

Согласно Указу Президента РФ № 809 от 09 ноября 2022 г., «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2]. Формирование и развитие этих ценностей становится возможным через внедрение социально – управленческих механизмов формирования солидарности в Вооруженных Силах, к которым относятся:

1. Организационно – деятельностной механизм (планирование совместных действий, организацию работы в малых группах);
2. Нормативно – регулятивный (разработку приказов и регламентов, единых правил поведения и);
3. Управленческо – лидерский механизм (личный пример командира, справедливое распределение нагрузки);
4. Символично – институциональный механизм (традиции подразделения, коллективные формы памяти, символы).

Эти механизмы должны быть реализованы через систему управления, существующую в Вооруженных Силах. Управление в Вооруженных Силах осуществляется с помощью целенаправленной деятельности командования (командиров, начальников), штабов и других органов военного управления.

Солидарность в воинском коллективе проходит формирование в условиях повышенного риска для жизни через совместное преодоление трудностей и проживание в закрытом коллективе. Эти условия способствуют

созданию сильных эмоциональных связей и усиливают сплоченность воинского коллектива. Служение Отечеству, выполнение воинского долга, самопожертвование становятся главной идеей функционирования ради достижения общего блага. Эти ценности не абстрактны, а они подтверждаются практикой службы, доверие и верность становятся основой взаимодействия военнослужащих.

Таким образом, Вооруженные Силы являясь частью общества и представляя собой социальный институт выполняют важнейшие функции развития и трансляции традиционных ценностей в обществе, обеспечение этих функций становится возможным через управляющее воздействие на процесс солидарности.

Источники и литература

- 1) Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь/Г. В. Осипов. – М.: Норма–Инфра, 2000. – 326 с.
- 2) Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно – нравственных ценностей"// Консультант Плюс.

Зарубина Наталья Николаевна

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Цивилизационная аналитика в российской социологии: традиции и новые задачи

1. Интерес к теориям цивилизации у социологов, как и у политологов, и экономистов был актуализирован проблематикой модернизации — сначала как предпосылок становления капитализма в западных странах (К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс и др.), а затем и путей преодоления экономической отсталости странами Востока и Африки, освободившимися от колониальной зависимости. Концепции цивилизации и модернизации оказываются тесно связаны: линейное видение цивилизационного процесса сопряжено, как правило, с линейным же видением модернизации как переходом на более высокий уровень экономического, социального, политического развития. «Цивилизационный поворот» в социологии относится к 1980-м гг. и связан с работами Ш. Эйзенштадта, который формирует новую перспективу цивилизационных исследований, предполагающую интегрированный макро-микро анализ, объединяющий действия, институциональные структуры, культурные и духовные ценности,

помещённые в контексты исторической уникальности каждого конкретного общества (1). Современный цивилизационный подход рассматривает человеческую активность и креативность в контекстах возможностей и ограничений, накладываемых культурной и институциональной сферами, а также фундаментальной неопределенности человеческого существования, инициирующей постоянное конструирование и обновление социального порядка и культуры.

2. Цивилизационная аналитическая перспектива в российской социологии имеет глубокие корни: ее история связана с обсуждением специфики исторического развития нашей страны. Истоки цивилизационных исследований в российской социальной мысли следует искать в дискурсах заимствования западных культурных образцов, позже — в дискуссиях западников и славянофилов в XIX в. В социологии они связаны с именами Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина и др. На рубеже XX — XXI вв. актуализация цивилизационного подхода оказалась связана и с проблемами постсоциалистического транзита стран Центральной и Восточной Европы, а также бывших республик СССР (Б.С. Ерасов, М.К. Горшков, О.И. Шкаратан и др.) (2). В настоящее время в отечественной социологии теоретико-методологические основания цивилизационного анализа наиболее плодотворно разрабатываются петербургскими социологами Р.Г. Блаславским, В.В. Козловским и др. (3).

3. Разработка теоретических оснований цивилизационного подхода в отечественной социологии, на мой взгляд, отстает от его применения для анализа реальных социальных процессов, в то время как именно сегодня цивилизационный анализ весьма востребован. Поэтому наблюдается явная рассогласованность между обилием отсылок к «самобытности», «суверенности», «культурному коду» российской цивилизации, и теоретически фундированными исследованиями. Попытки интеграции теоретических разработок цивилизационного анализа были предприняты в рамках историко-социологических исследований человеческого потенциала России и показали их эвристическую ценность (4).

Источники и литература

- 1) Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vo. 1. Brill Academic Pub. 2003.
- 2) Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Издательство журнала «Мир России». 2015.

- 3) Браславский Р.Г. Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования, 2013, № 2; Браславский Р.Г., Козловский В.В. Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта // // Социологические исследования. 2023, № 10.
- 4) Зарубина Н.Н. Научная метафора «человеческий потенциал»: аналитические возможности цивилизационного подхода // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 4.

Зиганьшин Ринат Махматович

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Социально-политические функции войны и управление

У войны, как любого явления, есть свои, признаки, проявления, а также функции, так или иначе влияющие на общества и государства. Как сложнейший социальный феномен, она современем меняет свои формы, ставя перед политикой и обществом новые задачи, не меняя при этом свою сущность. Война является испытанием для государства. Выявляет и даже решает некоторые социально-политические проблемы. При этом, нередко создает проблемы новые.

Война, естественно, вызывает сильные эмоции и крайне субъективные оценочные суждения. Поскольку ассоциируется с гибелью людей, захватами территорий, разрушениями зданий и жизнеобеспечивающей инфраструктуры. Тем не менее, войны сопровождают человечество всю его историю.

Война ведется не только армией, но всем государством, всеми его элементами, социальными слоями, духовными, материальными и другими ресурсами. Также как нанесение удара кулаком, требует участие всего тела человека и умение им управлять. Так и в государстве при ведении войны резко актуализируется политическая роль в плане управления, координации всех имеющихся в государстве ресурсов, их синергии для достижения конкретных целей. Война консолидирует власть и общество, пока в обществе не наступает усталость от войны и разочарование в ней. Следствием чего является разочарование во власти и управлении.

Сунь-цзы считает важным для ведения войны: «Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений».

Клаузевиц, определяя войну как продолжение политики иными средствами, отметил, что война относится не к области искусств и наук, а к области общественной жизни. Политику же считал тем лоном, в котором развивается война. В политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах.

Е.И. Мартынов: Политика должна создать правильную руководящую идею и, сообразуясь с ней, выбирать союзников и противников. Политика должна установить ясную политическую цель войны, дать стратегии достаточные средства и предоставить ей полную свободу действий. А также обязана умело эксплуатировать результаты, добытые стратегией. Он прежде всего предостерегает от ввязывания в ненужные и бессмысленные войны, неоправданно подтачивающие силы государства.

Н.Н. Головин: Задачей науки о войне может быть только «социология войны», ее изучение как явления социальной жизни. Как специальная отрасль социологических знаний должна изучать войну как социальное явление, с точки зрения складывающихся и изменяющихся в обществе реальных социальных отношений (межличностных, личностно-групповых, внутригрупповых и т.д), социализирующих структур общества в экстремальных условиях боевой деятельности.

Н.П. Михневич: Война – это вид исторической борьбы народов за свое существование, разновидность социального конфликта. В системе научного знания она должна входить в динамический отдел социологии. Социология стремится выяснить законы исторической борьбы между социальными группами – законы победы. Сущность войны выражается в столкновении, вооруженной борьбе различных народов и культур, победа в которой обеспечивает выживание и последующее развитие сильнейшего из них.

П.А. Сорокин: Централизация и всесторонняя регулировка – сверхдуша всей военной организации и всей войны. Война, как специфический социальный процесс, приучает людей к поведению, противоположному поступкам, прививаемым им мирной жизнью, отучает население от одних форм поведения и приучает к другим. Она не только уменьшает население, но и резко меняет его качественный состав: война уносит с поля жизни лучших, а оставляет выживать худший человеческий материал.

Иоффе Гаврил Анатольевич

ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Будущее социологии в России

1. Социология в России не имеет живых самобытных традиций и школ, претендующих на парадигмальное значение.

2. Вряд ли такие школы были и в прошлом. Даже Питирим Сорокин не дал оригинального исследовательского метода, который можно было бы применять дальше.

3. Сегодня мы видим огромное количество «научных школ». Но очевидно, что это просто слова. В лучшем случае мы имеем дело с профессиональными исследованиями.

4. Новизна и оригинальность социологии возможна, прежде всего, на уровне ее теории. И здесь вырастает из специфики употребления категорий, обусловленной временем и пространством.

5. А подразумевая условное разделение социологии на две части – социальную и гуманитарную, потенциал самобытной традиции скорее возможен во втором случае. Некая социология на русском языке. Язык может дать искомую новизну и относительную оригинальность категорий.

6. Видно также, что история социологии в России, так и не дав такое направление мысли, которое смогло бы стать рабочим в контексте мировой науки или повлиять на развитие социологической теории, прервалась как раз перед общим мировым смещением социологии в гуманитарную сторону. Перед тем, как социология обратила внимание на язык.

7. При этом в России сохранилась традиция гуманитарной мысли, вполне самобытная и оригинальная. Это, прежде всего, русская философия и философская публицистика, филология, культурология, эстетика. Сильная и самобытная мысль на русском языке.

8. В отсутствии живой социологической традиции в России, мировая социология прошла путь возврата к своим истокам. Возникнув как проект обобщающей науки наук, пройдя через полтора столетия множества самоопределений и дисциплинарных уточнений, сегодня социология (наука это, практика, дискурс или что-то другое), кажется, пришла к осознанию необходимости серьезного расширения границ. Конечно, это «сегодня» сильно растянуто. Так, Э. Гидденс еще в 80-х говорит о необходимости тесной связи социологии с историей и географией [См.: 1]. А уже в начале этого столетия Б. Латур предложил социологам, по сути, забыть о границах своей науки и перестать цепляться за привычные категориальные схемы [См.: 2].

9. В западной социологии такие предложения соседствуют с все еще возникающими сильными социологическими концепциями, плодотворными «ренессансами» классиков. При этом, там есть живая и междис-

циплинарная научная дискуссия. Кризис социологии видится изнутри буйства цветов.

10. У нас эти предложения оказываются в более жесткой дисциплинарной структуре дискурса при отсутствии оригинальных авторских концепций. Мы идем в фарватере западной традиции, которая давно сомневается в адекватности своих языков описания. У нас этот кризис ощущается слабо, но и в западную традицию мы вряд ли сильно погружены. Калейдоскоп подходов, с которым мы столкнулись в последние десятилетия, не позволил нам поддаться чему-то определенному. Мы в общем-то равно удалены ото всех.

11. Отсюда стоит полагать, что социология в России пойдет путем, учитывающим эти особенности. Для выработки оригинальности и самобытности она должна совершить тройное движение: к теории, к русскому языку и поиску в нем новых категорий, к расширению дисциплинарных границ в гуманитарную сферу.

Источники и литература

- 1) Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005
- 2) Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014

Кажанов Олег Александрович

*Смоленский государственный университет, Смоленск, Российская
Федерация*

Избирательное право и социология в России на рубеже XIX-XX веков: от моделирования избирательных систем до исследования электорального поведения

Становление капитализма в условиях господства самодержавия стимулировало интерес научной общественности на рубеже XIX-XX веков к изучению опыта демократизации политической жизни общества в странах Запада. Особый акцент делался на институте народного представительства и процедуре его формирования – выборах. Считалось, что полная и объективная фиксация общественного мнения при формировании органов государственной власти зависит, в первую очередь, от правильной разработки правил и принципов проведения выборов, устанавливаемых законом. Началось конструирование разнообразных моделей

избирательных систем, которых к началу XX века уже насчитывалось не менее полутора сотен проектов [1, с. 142] представителей разных профессий (юристов, математиков, экономистов, философов и т.д.) и разных стран, в том числе и России [2]. Однако их реализация не приводила к искоренению таких негативных явлений как электоральный абсентеизм, манипуляция сознанием избирателей и т.д.

Растущий интерес к исследованию законодательства о выборах и избирательных систем, как на Западе, так и в нашей стране, способствовал не только формированию избирательного права как институту конституционного права, но и способствовал выделению научной проблематики, разрешение которой в рамках правоведческой методологии не приносило нужного результата. Потребовалось обращение к помощи других общественно-научных дисциплин, в том числе и социологии, быстро набиравшей популярность в научном сообществе [3, с.33].

Русские юристы-социологи Б.Н.Чичерин, Н.М.Коркунов, С.А.Котляревский, М.М.Ковалевский, П.И.Новгородцев и другие стали связывать формирование правового сознания избирателей с воздействием социальных, социокультурных, социально-психологических факторов, во многом определявших электоральное поведение. Наряду с теоретическими, стали проводиться и первые эмпирические исследования (в первую очередь, работа с электоральной статистикой), позволявшие отрабатывать научные методы сбора и обработки фактического материала.

В результате этой работы, отдельные русские государственноведы выдвинули идею создания отраслевых социологических дисциплин, в рамках которых должен решаться ряд вопросов, традиционно относившихся в проблематике государственного права [4, с. 92-93].

Источники и литература

- 1) Подвинцев О. Б. Псефология как наука о выборах. – Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 142-146.
- 2) Гинцбург Б. Я. Логические выводы о народном представительстве // [Соч.] Инж. Б. Гинцбурга, (авт. "К разъяснению загадок в Цусимском бою"); С предисл. проф. М.М. Ковалевского. — Санкт-Петербург : типо-лит. А.Э. Винеке, 1912. — 83 с.
- 3) Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. Спб , 1907. 34с.
- 4) Кажанов О.А. Предыстория электоральной социологии в дореволюционной России: опыт междисциплинарного анализа // Социальная наука и социальная практика. 2023, Т.11. №2. С. 104-123.

Калинич Владислав Сергеевич

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Роль добровольчества в формировании патриотических ценностных ориентаций

Добровольчество (или волонтерство) в России за прошедшие 10-15 лет из общественно-полезной деятельности в свободное от основных занятий время трансформировалось в заметную часть современной общественной жизни. Субъекты организации добровольческой деятельности стали важными агентами социализации, которые охватывают представителей разных возрастным групп и поколений.

Коллектив авторов из Воронежского и Нижегородского университетов, анализируя потенциал добровольчества, выделил ряд ключевых характеристик, позволяющих классифицировать деятельность как волонтерство. В частности, к этим характеристикам относятся:

- добровольный характер включения в деятельность;
- безвозмездность оказываемой помощи;
- социальная значимость результатов волонтерской деятельности[1].

То есть добровольная безвозмездная деятельность на благо общества является волонтерством. Данные факты соотносятся с общественными представлениями о современном патриоте, одной из важных черт которого является деятельность во благо страны [2]. Таким образом, занимаясь волонтерством, индивид обретает одну из самых значимых черт патриота – добровольно и безвозмездно вносит вклад в общее дело, в общее благо.

На прошлой конференции «Сорокинские чтения», автор представлял трёхкомпонентную структуру механизма формирования патриотических ценностных ориентаций, в который входят когнитивный, эмоциональный и деятельностный компоненты. В этом контексте деятельностным компонентом формирования патриотических ориентаций выступает как раз добровольчество. В пользу использования потенциала добровольчества выступают результаты эмпирического исследования, проведённого автором в 2022-2024 гг., в результате которого установлено, что волонтерская деятельность является самым популярным видом социальной активности современной студенческой молодёжи [3][4].

Добровольчество - это поле полезной активности, дающее уникальный опыт, который позволяет освоить паттерны поведения, нацеленные на общественное благополучие. То есть, с одной стороны, патриотизм проявляется в добровольчестве, воплощается в волонтерской деятельно-

сти на благо общества. С другой стороны, добровольчество формирует представление об общественном благе, расширяет нравственный диапазон личности через активность, направленную на всеобщее благополучие.

Источники и литература

- 1) Попова Т.В., Быстрова Н.В., Уракова М.Н. Формирование социально значимых качеств старших школьников в условиях волонтерской деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70-2. С.170.
- 2) Патриотизм: мониторинг ВЦИОМ [электронный ресурс] режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> . Дата обращения: 30.01.2026.
- 3) Калинич В.С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19-29.
- 4) Калинич В.С. Динамика структуры социальной активности российской молодёжи в 2022-2024 гг. // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2024 № 82..

Каневский Павел Сергеевич

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Вехи становления предметного поля публичной политики в России: от царского периода к современности

Публичная политика в последние годы становится одним из наиболее быстро развивающихся междисциплинарных направлений в системе высшего образования и в научной среде. В университетах по всей России открываются учебные программы по публичной политике на разных уровнях обучения, у абитуриентов и студентов растет интерес к данному направлению.

Вместе с тем, предметное поле данного направления все еще находится в стадии активного развития, а российскому научному сообществу остро не хватает более активных дискуссий по поводу того, что такое публичная политика. И проблема в данном случае не только в том, что

нет наработок в данной области. Напротив, следует отдать должное российским авторам, которые внесли важный вклад в осмысление публичной политики, попытались адаптировать данный заимствованный из-за рубежа термин к российским реалиям.

Однако не стоит забывать, что развитие публичности и публичных пространств имеет в России свою, уникальную историю. Применение этой модели к истории России не так просто, как может показаться. Например, Тимур Атнашев, Татьяна Вайзер, Михаил Велижев [1] предлагают изучать конкретные режимы публичности в разные периоды истории. Этот подход, когда изучается и содержание высказываний, и то, как они распространялись, кажется полезным для изучения всей российской истории.

Публичность в Российской Империи была сложной, несовершенной и смешанной, но она несомненно существовала, местами напоминая отдельные проявления публичности в Европе (в духе Ю. Хабермаса), а местами будучи весьма самобытной. Дискуссии велись разными способами: через личные записки монарху, как это было, например, в случае со знаменитой запиской Н.М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Ведь «Записка» была изначально предназначена сестре императора великой княгине Екатерине Павловне и должна была помочь ей убедить императора отказаться от идеи ограничения самодержавной власти. Публичные пространства в Российской Империи формировались и в закрытых комитетах правительства, которые прислушивались к мнению элит, и в театрах или литературных кружках, где зачастую артикулировались оппозиционные или националистические идеи. На окраинах империи, например, в Сибири, образованные люди и политические ссыльные создавали свои общественные пространства.

Впрочем, свои формы публичности существовали в России и до эпохи Петра I. Они отличались от западноевропейских салонов, но выполняли похожую функцию – критическое обсуждение важных для общества вопросов. Получается, что публичная политика в России развивалась не прямолинейно, а через взаимодействие и борьбу разных режимов публичности, на которые влияли государство, элиты и народ. Чтобы лучше понять этот процесс, нужно применять теорию публичной сферы к российской истории и изучать ее особенности.

Источники и литература

- 1) Вайзер Т., Атнашев Т., Велижев М. Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. М., 2021.

Каршин Дмитрий Александрович

*Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Онтологические основания формирования патриотизма в западном просвещении и русской философской мысли

Эволюция философских представлений о патриотизме демонстрирует сложную преемственность идей. В классической традиции, у Гегеля, патриотизм определяется не только как готовность к жертве, но и как постоянное внутреннее отношение, в рамках которого государство выступает субстанциальной основой индивидуального существования [1]. Ж.-Ж. Руссо, в свою очередь, связывает любовь к родине с гражданской добродетелью, реализуемой посредством общественного договора, нацеленного на достижение общего блага [2]. В современной западной теории патриотизм трактуется как социально обусловленный феномен. Б. Андерсон полагает, что нация существует как воображаемое сообщество, а чувство патриотизма возникает благодаря культурным практикам, создающим ощущение принадлежности [3]. М. Уолцер противопоставляет слепой и критический патриотизм, подчеркивая, что подлинное патриотическое чувство предполагает моральную оценку действий государства [4]. М. Нуссбаум предлагает концепцию космополитического патриотизма, в которой локальная привязанность к родине уравнивается приверженностью универсальным этическим принципам [5]. В отечественной научной традиции доминируют социально-психологические и социологические подходы к анализу патриотизма. Исследование С.И. Кудинова и соавторов выявило у студентов устойчивые личностные установки, сгруппированные в три кластера, каждый из которых отражает особый тип отношения к родине [6]. Во всех этих кластерах прослеживается стремление соотносить себя с коллективными ценностями, что указывает на глубокую интеграцию патриотизма в структуру личностной идентичности. Данная идея прослеживается в работах Н.Г. Осиповой: «Общество представляет собой духовный организм с присущим ему внутренним содержанием, характерными особенностями и целями развития. Социальный идеал, если он устанавливается произвольно, без учета внутренних особенностей данного конкретного общества, может направить идейно-мотивированную волю по ложному пути, противоречащему сущности этого общества» [7]. Т.А. Лукишина в своем исследовании выявила, что большинство молодых людей идентифицируют себя как патриотов, понимая патриотизм как принадлежность к стране и народу [8]. С.С. Кашуркина подчеркивает важность семейной среды как клю-

чевого фактора формирования патриотических установок, подчеркивая тем самым роль первичных коллективов [8]. В то время как западные концепции преимущественно интерпретируют патриотизм как результат индивидуального выбора и критического осмысления, российская научная традиция акцентирует внимание на коллективной идентичности, исторической преемственности и значимой роли государства в формировании патриотического сознания; современные эмпирические исследования, особенно в контексте молодежной среды, демонстрируют устойчивое стремление к более точному, многомерному и дифференцированному пониманию этого социального феномена.

Тезисы выполнены в рамках гранта РНФ №25-28-02578

Источники и литература

- 1) Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Н. А. Розенберга. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- 2) Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / пер. с фр. Н. И. Стороженко. М.: Канон, 1998. 352 с.
- 3) Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
- 4) Walzer M. Obligations: Essays on Disobedience, War, and Citizenship. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 280 p.
- 5) Nussbaum M. Patriotism and Cosmopolitanism // Boston Review. 1994. Vol. 19, No. 5.
- 6) Кудинов С. И., Кудинова И. Б., Кудинов С. С. Психологический анализ проявления патриотичности личности у студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 2. С. 5-13.
- 7) Осипова Н.Г. «Феномен русской идеи»: истоки, компоненты и духовный смысл // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2025. №3, С. 7 -30.
- 8) Лукишина Т. А. Социально-смысловой критерий диагностической модели формирования патриотических установок личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 115-118.

Кокорева Полина Алексеевна

О развитии теоретической социологии в современной России

Вопрос развития современной российской теоретической социологии актуален ввиду целого ряда объективных факторов. Прежде всего, эти факторы связаны с тем, что современное российское общество находится в состоянии динамических изменений, вызванных такими явлениями, как глобализация, цифровизация и социокультурные трансформации [2]. Эти процессы формируют новые социальные структуры и отношения, изучение которых невозможно без привлечения теоретического инструментария современной социологической науки. Осмысление происходящих перемен с помощью теории позволяет выявить закономерности развития общества, предвидеть возможные сценарии будущего и сформулировать более точные рекомендации для политики и практики.

Важно отметить, что оценка развития теоретической социологии в России сквозь призму современного состояния мировой социологии, характеризующейся ориентацией на западные образцы и критерии, не способствует развитию отечественной социологии, а лишь закрепляет ее вторичное положение. Для теоретической социологии в России более перспективным является альтернативный вариант – суверенизация социологии [4], то есть опора на теоретическое наследие отечественных социологов вместе с поиском новых теоретических подходов без излишней зависимости от западных стандартов и при этом с учетом всех теоретических достижений истории социологической науки.

Помимо этого, препятствием для полноценного развития отечественной социологии, как отмечают исследователи ФНИСЦ РАН, является ее текущее положение в российской науке [3]. Для исправления ситуации необходимы глубокие преобразования системы организации российской науки, в рамках которых реформирование должно затронуть управление и структуру самой социологической науки и решить внутренние конфликты среди специалистов. В том числе, проблемы развития современной теоретической социологии в России также связаны с отсутствием осознания в обществе реальной необходимости в теоретической интерпретации социальных процессов. Так, согласно Д.Г. Подвойскому низкий статус дисциплины обусловлен «социологическим невежеством», которое связано с тем, что «о достижениях социологии в нашей стране никто ничего не знает, кроме самих социологов» [1]. Основная масса людей воспринимает социолога исключительно как специалиста, проводящего ан-

кетирование и предоставляющего статистику, упуская важнейшую роль теории – интерпретацию и понимание происходящих процессов.

Таким образом, развитие теоретической социологии в России крайне важно для современного российского общества, так как обеспечивает фундаментальные основы для понимания социальных реалий и успешного решения стоящих перед обществом задач.

Источники и литература

- 1) Подвойский Д.Г. Социология в современной России. «Непричесанные мысли» // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 47-53.
- 2) Российское общество: архитектура цивилизационного развития: моногр. / Отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.
- 3) Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10. Острые проблемы современной российской науки. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 64 с.
- 4) Чернавский М.Ю. Современная теоретическая социология: проблемы и перспективы развития // Социология и право. 2025. №3. С. 318-331.

Корниенко Нина Алексеевна

*Сибирский государственный университет инженерии и
биотехнологий, Новосибирск, Россия*

**Государственная молодёжная политика -
духовно-нравственные ориентиры
гражданско-патриотического воспитания.**

Актуальность данного исследования определяется наличием духовного вакуума у определенной части российских граждан; размыванием традиционных ценностей под воздействием либерально-рыночной идеологии; изменением самих духовных ценностей в результате очередной технологической революции. Традиционные российские духовно-нравственные ценности прошли долгий путь исторического развития. (Геращенко И.Г., Геращенко Н.В. Государственная политика по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей (методологический аспект)//Философия права 2024, №3.(110).-С193-198).

Кардинальные изменения, происходят в стране и в мире (Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению

традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Многие века она развивалась в тесном единстве с православием.

Проблема, которую мы рассматриваем в данной статье, имеет исключительное значение (Корниенко Н.А. Государственная молодежная политика от СССР к России. Движение первых в России, 2025).

На протяжении трех последних столетий нашей истории патриотизм и гражданственность прошли сложный путь формирования и развития.

Как верно отмечал известный социолог П.А. Сорокин, социальные действия могут быть не только <активными>, но и пассивными, предполагающими <воздержание от внешних актов> (Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество.- М.: Политиздат. 1992.-С.195).

Изменения в обществе и государстве, затронувшие все сферы жизни и деятельности, способствовали возникновению ряда негативных процессов в молодежной среде (Асеева Е.Н., Олексенко Н.С., Цедринский А.Д. Духовно-нравственное воспитание в образовательных организациях современной России // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 9.).

В результате исследования установлена противоречивость современной государственной политики.

Источники и литература

- 1) Асеева Е.Н., Олексенко Н.С., Цедринский А.Д. Духовно-нравственное воспитание в образовательных организациях современной России // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 9.
- 2) Корниенко Н.А. Государственная молодежная политика от СССР к России: Движение Первых в России. Новосибирск: Новосибирский издательский дом. 2025. – 324с.
- 3) Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 02.04.2024).
- 4) Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество.- М.: Политиздат. 1992.-С.195.

Котляров Игорь Васильевич

*Белорусское отделение Международного фонда духовного единства
народов, г. МИНСК, Республика Беларусь*

**Россия как государство-цивилизация vs глобализация:
социологическое измерение**

Концепция «Россия – государство-цивилизация» в последнее время стала по своей сути важной частью новой государственной идеологии. В «Основах внешней политики России» подчеркивается ее особое положение как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира. В основе данной концепции лежат цивилизации как важнейшие элементы мировой композиции, участвующие во взаимосвязанной мировой политике, являющиеся драйвером совершенствования общественных отношений в рамках мировой конфигурации и способные остановить глобальные потрясения. Понимание России как государства-цивилизации даёт возможности выйти из парадигмы западной глобализации, конструировать новые реалии и идентичность, достраивать их новыми структурными геополитическими элементами. Российское государство-цивилизация имеет ярко выраженные социально-экономические и государственно-политические, морально-нравственные и военные особенности, которые детерминируют его самобытность и самодостаточность, обеспечивают суверенитет и безопасность. Однако требуется создание политической теории, представляющей систему нового понимания важнейших системообразующих дефиниций – Родины и Отечества, идеалов и ценностей, власти и лидерства, суверенитета и авторитета, свободы и справедливости, независимости и безопасности. Россия обладает огромной территорией и неисчерпаемыми природными ресурсами, высочайшим интеллектуальным потенциалом. Понимание себя государством-цивилизацией, объединяющим многие народы и культуры и реализующим принцип «единства во множественности», позволяет России преодолеть основные симптомы коллективного Запада и его глобализации. Она способна разработать свою модель развития, альтернативную западному смыслу, повернуть вектор глобализации на сто восемьдесят градусов и играть важнейшую роль в Евразии. Такой моделью может стать новая система идеалов и ценностей, противостоящая идеям глобализма по западному образцу. Ее можно условно назвать глобализацией российского государства-цивилизации или глобализацией наоборот. При формировании такой парадигмы развития России особую значимость имеет сохранение ментальности русского человека, его идеалов и ценностных ориентаций, нрав-

ственных качеств и активной мировоззренческой позиции. Основная задача социологии – поиск эффективных путей и методов сохранения и развития менталитета и традиционных ценностей, исторической памяти и глубоких традиций российской цивилизации, разработка конкретных мер, направленных на укрепление суверенитета и национальной безопасности России, сохранение политической стабильности и справедливости, свободы и равенства.

Источники и литература

- 1) Котляров И. Культурный код против глобализации (социально-философское измерение / И. Котляров.//Весті БДПУ.. Серія 2 2024 № 1 - С. 19–25

Кузьмин Константин Викторович¹, Набойченко Евгения Сергеевна², Петрова Лариса Евгеньевна³, Харченко Вера Сергеевна⁴

1 - Свердловский областной медицинский колледж, Екатеринбург, Россия; 2 - Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия; 3 - Екатеринбургская академия современного искусства, г Екатеринбург, Свердловская обл., Россия; 4 - Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Сестринские исследования в России как новое междисциплинарное направление социологической науки

Современная российская социология характеризуется процессом дифференциации научных школ, усложнением предметных областей и смещением исследовательского фокуса к локализованным социальным объектам. Эти тенденции отражают как эволюцию самой социологической науки, так и ее прикладную ориентацию – решение конкретных социальных задач в системе здравоохранения, образования, социальной защиты. На стыке социологии медицины, профессиональной социологии, социальной политики и социологии труда формируется новое междисциплинарное исследовательское поле – сестринские исследования, которые развиваются как трансотраслевое направление, отвечающее национальным целям развития России – сбережению населения и повышению качества жизни.

Под сестринскими исследованиями понимается комплекс научных работ, направленных на изучение социальной миссии, профессиональной

идентичности, этики и коммуникативных практик медсестринского персонала, а также его роли в обеспечении качества жизни населения. Объектом исследований выступают профессиональные сообщества и практики медсестер, предметом – социальные механизмы их подготовки, профессионализации, коммуникации и участия в реализации государственных приоритетов в сфере охраны здоровья.

В Екатеринбурге на базе Свердловского областного медицинского колледжа работает исследовательская группа, занимающаяся междисциплинарным изучением социального статуса, профессиональной идентичности и мотивации медсестер, внедрением инструментов оценки удовлетворенности трудом и восприятия профессиональных рисков, вовлеченности в работу и специфики организационной приверженности и др. [1-4]. Эти исследования не только обогащают прикладную социологию, но и способствуют укреплению научных основ социальной политики в здравоохранении.

Источники и литература

- 1) Кузьмин К.В., Петрова Л.Е., Харченко В.С. Наставничество среднего медицинского персонала: обзор подходов к определению понятия в зарубежных и российских публикациях // Кубанский научный медицинский вестник. 2024. Т. 31, № 4. С. 89-108. DOI 10.25207/1608-6228-2024-31-4-89-108
- 2) Кузьмин К.В., Петрова Л.Е., Харченко В.С. Организационная приверженность среднего медицинского персонала: определение понятия и специфика измерений (обзор зарубежных публикаций) // Кубанский научный медицинский вестник. 2025. Т. 32, № 5. С. 96-120. DOI 10.25207/1608-6228-2025-32-5-96-120
- 3) Левина И.А., Кузьмин К.В., Петрова Л.Е., Харченко В.С. Перспективы профессиональной самореализации в оценках среднего медицинского персонала государственных медицинских организаций Свердловской области: по результатам прикладного социологического исследования // Human Progress. 2024. Т. 10, № 2. С. 4. DOI 10.34709/IM.1102.4
- 4) Левина И.А., Кузьмин К.В., Петрова Л.Е., Харченко В.С. Причины увольнений из государственных медицинских организаций в представлениях среднего медицинского персонала Свердловской области // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70, № 5. DOI 10.21045/2071-5021-2024-70-5-17

Курилович Наталья Вячеславовна

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика
Беларусь*

Институционализация белорусской социологии в советский период

Начало советского периода в истории белорусской социологии датируется 1919 г., когда был опубликован манифест об образовании Советской Социалистической Республики Белоруссия, получившей позже название Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), а окончание – 1991 г., когда страна была переименована в Республику Беларусь, ставшую суверенным государством на территории постсоветского пространства.

В БССР первый этап институционализации социологии связан с открытием в 1921 г. Белорусского государственного университета (БГУ), где начала свою работу первая в стране кафедра социологии и первобытной культуры, которую возглавил профессор Соломон Захарович Каценбоген (1889–1946). Первая в России кафедра социологии была открыта в 1907 г. в частном Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева. Именно в годы обучения в этом институте состоялось знакомство С.З. Каценбогена с наукой об обществе. Фактически он стал первым белорусским социологом, а его работу «Пролетариат и крестьянство (социологический труд)» (1920) можно считать первой социологической работой в БССР. Однако уже в 1925 г. в связи с переездом С.З. Каценбогена в Саратовский государственный университет и идеологической невостребованностью социологии как учебной и научной дисциплины кафедру социологии и первобытной культуры в БГУ закрыли [1]. Так завершился первый этап институционализации белорусской социологии в советский период.

Второй этап институционализации белорусской социологии связан со временами «хрущевской оттепели». В 1967 г. была учреждена Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ) БГУ. В 1968 г. в Институте философии и права БССР был создан сектор социальных исследований, который возглавил Георгий Петрович Давидюк (1923–2020), внесший огромный вклад в институционализацию белорусской социологии. В 1972 г. он возглавил кафедру марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ, на базе которой был создан сектор прикладной социологии. В 1970-80-е гг. он заведовал ПНИЛСИ, ставшей востребованным научным центром страны. По инициативе Г.П. Давидюка с 1974/75 учебного года на исто-

рическом факультете БГУ была открыта специализация по прикладной социологии, а в 1977 г. состоялся первый и, к сожалению, последний выпуск социологов. Белорусский социолог – автор работ «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979); под его редакцией вышел в свет «Словарь прикладной социологии» (1984), ставший первым социологическим словарем в СССР [2].

Третий, заключительный, этап институционализации белорусской социологии в СССР связан со временем «перестройки». Значимый вклад в развитие белорусской социологии на этом этапе внес профессор Альберт Николаевич Елсуков (1936-2014), ставший первым заведующим кафедрой социологии философско-экономического факультета, открытого в БГУ в 1989 г. Подробную информацию о научной и педагогической деятельности социолога можно найти в книге, опубликованной к 80-летию с дня его рождения [3].

Источники и литература

- 1) Данилов А.Н. Вклад профессора С.З. Каценбогена в институционализацию социологии в Беларуси // Социологический альманах. – 2023. – Выпуск 14. – С. 87-94.
- 2) Данилов А.Н. Прикладная социология профессора Г.П. Давидюка и возрождение социологической науки в БССР // Социологические исследования. - 2023. - № 6. - С. 144-151.
- 3) Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 279 с.

Ломоносова Марина Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет. Кафедра теории и истории социологии., Санкт-Петербург, Россия

От осмысления Первой мировой войны в работах отечественных социологов начала 20 века к зарождению военной социологии: вклад российских ученых в мировую социологию.

История социологии войны и военной социологии неразрывно связана с историей российской социологии. В отечественной науке первые исследования в этой области появляются в период Русско-японской войны, продолжают во время Первой мировой и Гражданской войны и в

эти же годы начинается процесс институционального признания социологии как академической дисциплины. Война как объект социологического анализа сразу заняла важное место в работах российских социологов, а после Первой мировой войны стало очевидно, что социальные последствия войны требуют комплексного изучения в рамках социологии и других дисциплин.

Теоретико-методологический конфликт и идеологическая борьба в российской социологии в начале 1920-х гг. с последующим вытеснением социологии из корпуса научного знания привели к тому, что забвению были преданы работы многих ученых, оказавших влияние на развитие социологии войны и военной социологии. Именно российскими учеными впервые были введены в научный язык термины «социология войны» и «военная социология», определена специфика этой дисциплины. Несмотря на то, что научные достижения российских ученых были интегрированы в корпус социальных наук, а во многих областях они считаются признанными авторитетами, в области военной социологии их имена практически забыты. В зарубежной социологии распространена точка зрения о том, что возникновение военной социологии и начало систематическому изучению войны было заложено западными учеными и связано с событиями Второй мировой войны и холодной войны. Такая ситуация является следствием явных идеологических ограничений в отечественной науке в 1920–1980 гг. и скрытых идеологических функций западной социологии 1940–1990 гг.

Целая плеяда российских социологов, экономистов и историков, таких как М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, А.М. Горовцев, Л.И. Петражицкий, Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев и др. внесли свой вклад в социологическое осмысление войны. Находясь в эмиграции, российские ученые не только сохранили отечественные академические традиции в Европе и Америке, но и внесли значительный теоретико-методологический, эмпирический и институциональный вклад в социологию на глобальном уровне в области социологического изучения войны.

В 2004 г. И.В. Образцов в учебном пособии под редакцией Е.И. Кукушкиной «Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века)» посвятил отдельную главу (Военная социология в России: история и современное состояние) — реконструкции военной социологии. В последние годы он продолжает исследования в этой области, отмечая их особую актуальность [1]. Поскольку в наши дни стали доступны многие архивные источники и библиографические материалы, у российских

социологов появляются большие возможности для фундаментальных исследований в области истории военной социологии.

Работа подготовлена при поддержке гранта РНФ № 25-28-02398.

Источники и литература

- 1) Образцов И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168-173.

Лузгина Елена Николаевна

ФГБОУ ВО "Петрозаводский государственный университет",

Петрозаводск, Россия

Социология Севера: от наследия советской регионалистики к возможностям устойчивого развития

Социологическое изучение северных территорий давно перестало быть академической нишей — оно превратилось в инструмент обеспечения устойчивого развития стратегически важных регионов России. Особенность Севера как объекта анализа определяется стечением факторов, не встречающихся в других регионах: экстремальные климатические условия формируют уникальные модели повседневности; здесь переплетаются традиционные уклады коренных народов и современные индустриальные практики; миграционные потоки носят преимущественно временный характер, что создаёт хрупкость социальных связей; зависимость от завозных ресурсов делает сообщества уязвимыми к внешним шокам.

Исторически сложилось так, что в советский период социологические исследования Севера развивались преимущественно в прикладном ключе — в рамках программ освоения территории. Лишь единицы учёных, такие как Л.М. Гурвич, сумели выйти за рамки узкоотраслевых задач и заложить основы системного подхода к изучению социокультурной адаптации в полярной среде. Его наследие, переосмысленное в работах Е.А. Пивневой, демонстрирует ценность методологической рефлексии и внимания к «голосу» самих сообществ — качества, утраченные в эпоху технократических решений.

Современный этап знаменуется сменой парадигмы. Н.Б. Вахтин и Е.В. Лярская предлагают рассматривать Арктику не как набор изолированных поселений, а как сеть человеческих и инфраструктурных связей, где ключевую роль играет «мягкая» социальная ткань — родственные

отношения, информационные потоки, миграционные маршруты. Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов развивают идею полимасштабного освоения, показывая, как глобальные, национальные и локальные логики переплетаются в повседневной жизни северян. В.И. Ильин обращается к экзистенциальному измерению, раскрывая Север как пространство выработки стратегий выживания в условиях структурных ограничений.

Эмпирические исследования (Фомин М.В., Баишева С.М.) анализируют инвестиции в инфраструктуру северных регионов при этом отмечают, что сохраняется отток молодёжи и снижение качества жизни. Одна из возможных причин - это недостаточное внимание к анализу социокультурного контекста при проектировании развития.

Современная социология Севера движется от восприятия региона как «проблемы» к осмыслению его как источника уникальных социальных практик адаптации. От монодисциплинарных подходов — к междисциплинарному синтезу без утраты теоретической автономии. От роли пассивного наблюдателя — к позиции рефлексивного участника, чьи данные становятся основой совместного с сообществами проектирования будущего. Именно в этом потенциал социологического знания для обеспечения баланса между модернизацией и сохранением социальной сплочённости на стратегически важных рубежах страны.

Источники и литература

- 1) Баишева С. М. Сектор этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера: социологические исследования последних лет // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2014. – №. 1 (2). – С. 100-105.
- 2) Белоножко М. Л. и др. Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России // Социологические исследования. – 2018. – №. 4. – С. 112-117.
- 3) Вахтин Н. Б., Лярская Е. В. Человеческие и инфраструктурные связи Арктической зоны РФ: методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. – 2019. – Т. 65. – №. 3. – С. 341-352.
- 4) Жеребцов И. Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России // Историческая демография. – 2017. – №. 1. – С. 87-98.

- 5) Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. – 2018. – №. 31. – С. 5-27.
- 6) Ильин В. И. Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. Социология. Этнология. – 2020. – Т. 29. – №. 3. – С. 6-27.
- 7) Коровин В.П. История исследования и освоения Арктики. Монография. – СПб.: РГГМУ, 2013. – 428с.
- 8) Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI научно-практического семинара. Петрозаводск, 27-28 марта 2013 г Отв. ред. В.П. Кузнецова. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2013. 235 с.
- 9) Пивнева Е. А. Гурвич: науки связующая нить // ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ. – 2021. – С. 7-18.
- 10) Соколова Т. Л. Социологические опросы как инструмент изучения общественного мнения на рубеже 1980-90-х гг. (на материалах региональных газет Европейского Севера России) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. – 2018. – С. 181-187.
- 11) Фомин М. В. и др. Проблемы пространственного развития регионов севера Дальнего Востока России: социологический анализ // Проблемы Арктики и Антарктики. – 2020. – Т. 66. – №. 2. – С. 217-233.

Лядова Анна Васильевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Идеи русских социологов в осмыслении современных проблем общественного здоровья

Хотя социология здоровья в рамках современного научного дискурса относится к одной из "молодых" отраслей российской социологической науки, следует отметить, что разработка проблематики общественного и индивидуального здоровья отечественными социологами имеет определенную исследовательскую традицию, связанную с работами ряда русских обществоведов и социальных мыслителей, наследие которых

представляет актуальность и эвристическую ценность и для осмысления современных тенденций развития.

Макуха Софья Владимировна

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Параллели социологической теории А. С. Звоницкой и идей символического интеракционизма и феноменологии

Цель работы – выявить содержательные параллели между теорией русской исследовательницы Агнессы Звоницкой и ключевыми идеями западных направлений: символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Ч. Х. Кули) и феноменологии (А. Шюц). Статья стремится показать, что Звоницкая не просто следовала зарубежному научному опыту, но независимо пришла к актуальным и на сегодняшний день выводам.

На данный момент в академическом сообществе достаточно мало исследований о взаимовлиянии теории А.С. Звоницкой и западной социологии. Автор использовал биографический и аналитический методы для выявления закономерностей в социологических теориях XX века и интерпретации суждений учёной. В данной статье я опиралась на работы К.К. Оганяна и О.Л. Гнатюк.

Основные параллели и вклад Звоницкой.

Сходство теории А. С. Звоницкой и Дж. Г. Мида, объясняется биохевиористской основой их мыслей, однако трёхэтапная модель подражания А.С. Звоницкой (проективный, субъективный и эктивный моменты) предлагает более комплексную схему интериоризации социального опыта, чем концепция Дж. Мида.

Её модель содержательно предвосхищает его дихотомию «I – Me». Две части по Миду, как и три момента по Звоницкой, находятся в постоянном взаимодействии, однако этап осмысления происходящего внешне отсутствует, хотя можно сказать что «самость» сама по себе и есть этап субъективной переработки и включения скопированных элементов в свою личность по А.С. Звоницкой.

Модель обнаруживает структурное сходство с теорией «зеркального Я» Ч. Х. Кули, также включающей три компонента, тем не менее, у Звоницкой активная субъективная переработка социальной информации интегрирована в процесс с самого начала, что делает её модель более динамичной.

Переход внешней информации в субъективную внутреннюю характеристику также есть и в феноменологической теории А. Шюца («поток

опыта»), что перекликается с процессом эктивации, только в этом случае речь идёт о любых явлениях и процессах, а не только о взаимодействии с людьми как у А. С. Звоницкой.

Таким образом, сравнительный анализ наглядно демонстрирует, что теория А. С. Звоницкой не только схожа, но и содержательно предвосхищает ключевые идеи ведущих направлений западной социологии XX века. Хотя её научные построения имеют бихевиористские истоки, модель подражания учёной выходит за его рамки, предлагая более оригинальное описание интернализации социального опыта. Работа подтверждает, что наследие А.С. Звоницкой является полноценным и значимым вкладом в общую социологическую теорию, чья актуальность заслуживает большего внимания в академическом сообществе.

Источники и литература

- 1) Гнатюк О.Л. Исследование природы социальной коммуникации, социальной связи и механизмов общения в истории русской социологии / Коммуникология – 2015. – Том 3. – № 1. – С.13-28.
- 2) Звоницкая А.С. Опыт теоретической социологии. Т.1. Социальная связь. – 1914. – 294 с.
- 3) Кули Ч. Социальная самость / Американская социологическая мысль: Тексты. – 1994. – 496 с.
- 4) Кули Ч. Социальная самость / Американская социологическая мысль: Тексты. – 1994. – 496 с. Оганян К.К. Социальная связь как главный элемент структуры личности в социально-психологической концепции А.С. Звоницкой и ранняя американская социологическая мысль / Фундаментальные исследования. – 2013. – №3. – 3272 с.
- 5) Schutz, A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Collected , Papers. V. 1. The Problem of Social Reality. The Hague, 1962. P. 7–26

Малахова Светлана Игоревна¹, Наличаева София Александровна²

1 - факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия; 2 - Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) КФУ им. В.И. Вернадского, Севастополь, Россия

Социальные функции традиционных ценностей

Традиционные ценности играли и продолжают играть ключевую роль в формировании культуры и поведения людей. В современном мире на фоне быстрого технологического развития и социокультурных изменений вопрос об актуальности и сохранении традиционных ценностей становится все более значимым. Для российского общества традиционные ценности приобретают особую актуальность, т.к. представляют собой устоявшиеся общепринятые убеждения, которые определяют поведение и отношения людей в обществе, способствуют укреплению социальной стабильности, уважение к истории и многонациональной культуре своего народа. Духовно-нравственные традиции составляют духовный стержень общества, сохраняющийся в разных исторических условиях. Дружба, трудолюбие, патриотизм, гуманизм и т.п. являются специфической формой жизненно-важных, экзистенциальных ценностей, которые образуют органическую систему и обеспечивают связь между поколениями, настоящим и прошлым. Последовательное развитие общества предполагает преемственность, в результате которой происходит критический анализ и творческое преобразование культурного наследия – ценностей, созданных прошлыми поколениями. Прямая форма преемственности предполагает передачу ценностей от родителей детям, от духовных наставников – ученикам и т.д., что свойственно для традиционных форм культуры, где мало развиты средства коммуникации. Значение этой формы передачи ценностей невозможно переоценить, если речь идет о семейном воспитании, где ценности не фиксируются, а только присутствуют в ментальных и бытовых традициях, которые создают особый мир, уклад, определяют приверженность к дому всех его членов. В современном обществе наиболее развита косвенная форма преемственности, когда преемственность осуществляется с помощью средств массовой информации, книг, выступления общественных и культурных деятелей и др. Это предполагает собственное осмысление полученных знаний и интерпретацию их в соответствии с наличным уровнем культуры, образованности, воспитанности человека. В этом случае усвоение знаний идет по пути нарастания творческой свободы, нерегламентированных временных позиций и отсутствия личностного влияния.

Социология играет ключевую роль в развитии традиционных духовно-нравственных ценностей, изучая процесс их формирования, передачи из поколения в поколение (как механизм преемственности), функционирования для создания социальной стабильности и идентичности. Традиционные духовно-нравственные ценности влияют на поведение людей, выступая в качестве нравственного фундамента для жизни в обществе и семье. Социологические исследования помогают понять механиз-

мы усвоения этих ценностей молодежью, их значение для гражданского единства и сохранения исторической памяти, что является необходимым для стабильного развития общества. Таким образом, социология выступает как инструмент для понимания и поддержки фундаментальных духовных и нравственных основ общества, обеспечивая его стабильное и гармоничное развитие.

Источники и литература

- 1) Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2.
- 2) Рындина А.С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 590–609.
- 3) Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008.

Матвеева Наталья Юрьевна

Российский университет транспорта (РУТ-МИИТ), Мытищи, Россия

Подходы к идеологии в русской социологии XIX–XX вв.

Хотя само понятие идеологии получило широкое распространение в XX веке, в русской классической социологии значительное внимание уделялось связанным с ним проблемам и понятиям, таким как прогресс, солидарность, справедливость, социальный идеал, роль России в мире и «русская идея». Также широко обсуждались ценностные основания идеологий народничества, социализма, анархизма, демократии, принципы монархии, равенства и свободы. Например, основатели этико-субъективной школы русской социологии П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский выдвигали «формулу прогресса» и разделяли научную истину на «правду-истину» и «правду-справедливость», причём последнюю в некоторой степени можно рассматривать в качестве ценностной системы идей, сходную с научно обоснованной идеологией.

В русской социологической традиции идеология понималась не как инструмент манипуляции общественным мнением или искажённое сознание, а как ценностно-нормативный проект, определяющий направление

исторического развития. Ещё славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский) и западники (Т.Н. Грановский, В.П. Боткин) выдвигали конкурирующие идеологические программы, основанные на глубоких цивилизационных различиях.

С.Н. Булгаков рассматривал духовно-культурное ядро экономических и социальных процессов, подчеркивая его роль в формировании целеполагания общества. Его критика чисто материалистических интерпретаций истории перекликается с подходом М. Вебера, также акцентировавшего внимание на этических и религиозных ценностях как движущей силой социальных изменений. Оба мыслителя, таким образом, видели в идеологии не просто отражение структуры, но активный фактор, задающий смысл и направление развития общества.

В начале XX в. – в «золотой век» русской социологии – идеология становится предметом системного анализа. П.И. Новгородцев осуществил критический анализ наиболее распространённых идеологий того времени – марксизма, социализма и анархизма, а также правового государства. Оценка значимости идеологии для общественного развития нашла своё выражение в позиции В.И. Ленина о научной идеологии, а также отразилась на дискуссиях об идеологии в ранний советский период.

Импульс идеологического теоретизирования был воспринят русскими мыслителями послереволюционной эмиграции. Так, идеология евразийства была примером научно обоснованной целостной системы идей, опирающейся на культурные ценности и направленной из прошлого в будущее. П.А. Сорокин в труде «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) развил идею идеологических циклов: каждая эпоха определяется доминирующей системой ценностей (идеациональной, идеалистической, чувственной), которая формирует институты, поведение и даже восприятие реальности.

Актуальность идей русских социологов состоит в их ориентации на будущее и способности связывать ценности, институты и историческую динамику. В условиях кризиса метанарративов и фрагментации общественного сознания подходы отечественных мыслителей позволяют заново осмыслить роль идеологии как проекта общественного согласия и устойчивого развития.

Источники и литература

- 1) Бабина В. Н. «Формула прогресса» русских философов и социологов XIX - начала XX века // Наука. Общество. Государство. 2015. №1.
- 2) Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Прямая речь, 2012.

- 3) Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- 4) Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
- 5) Савицкий П.Н. Евразийство // Философские науки. М.: «Арктогея-Центр», 1991. № 12. С. 109-122.
- 6) Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: АСТ, 2006.
- 7) Хоружий С.С. Путь С.Н. Булгакова: от марксизма к софиологии. М.: Республика, 1991.

Мельников Михаил Васильевич

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Ю.Ф Геккер о российской социологии: взгляд из 1915 года

Юлий Федорович Геккер (1881 - 1938) занимает особое место в истории российской социологии. Его немецкие предки приехали в Россию в петровское время. Юлий родился в рабочей семье в Санкт-Петербурге, с ранних лет работал на заводе и участвовал в движении за улучшение трудовых прав рабочих. Вследствие этого был вынужден уехать в США, где получил образование в Колумбийском университете под руководством Ф.Г. Гиддингса. В 1915 году в США вышла книга Геккера «Российская социология и ее значение для истории социологической мысли и теории».

[1] В советское время Геккер с женой и пятью дочерьми возвращается в Россию, преподает в разных учебных заведениях, включая Институт Красной профессуры. В 1938 году он арестован по обвинению в шпионской деятельности в интересах США и расстрелян. Реабилитирован в 1957 году. Его книга не переведена на русский язык, хотя представляет огромную научную, историческую и культурную ценность. Книга состоит из трех частей, состоящих, соответственно, из трех, четырех и шести глав, и двух приложений. Ее объем в издании 1915 года – 309 страниц. В предисловии автор отметил, что его книга является первой попыткой изучить историю российской социологии. Первую часть Геккер посвятил изучению начал российской социологии: социально-политическому фону ее развития, обратив особое внимание на конфликт развивающихся сил самодержавия (autocracy) и демократии, начиная с эпохи Петра и до 1905 года. Две главы посвящены изучению социологических воззрений славянофилов и русофилов (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева) и западников (П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, М.А.

Бакунина, Т.Н. Грановского). Главы второй части посвящены социологическим воззрениям П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова, Н.И. Кареева. В третьей части Геккер рассмотрел марксистские социологические концепции, анархистскую теорию П.А. Кропоткина, генетическую социологию М.М. Ковалевского, подходы Е.В. де Роберти, Я.А. Новикова, Н.М. Коркунова. В конце книги автор поставил два вопроса. Чего достигла русская социология в решении экономических, социальных и политических проблем русского народа? Какую ценность представляют исследования русских социологов для социологии как науки? Отвечая на первый вопрос, Геккер отметил, «что российские социологи оказали значительное влияние на формирование политики того времени, хотя сомнительно, что они пришли к реальному решению огромных проблем России». При этом, «российская социология была теоретическим аспектом динамично-прогрессивных сил российского народа». Отвечая на второй вопрос, Геккер констатировал, что, хотя многое из того, что сегодня в моде у социологов, было разработано в России, однако большинство замечательных идей российских социологов остались чуждыми социологам в целом. Знакомство с книгой позволяет сделать вывод об актуальности подхода ее автора, который был свидетелем больших социальных изменений в России.

Источники и литература

- 1) Hecker J.F. Russian Sociology: a Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. New York: The Columbia University Press, 1915. 317 p.

Моховикова Дарья Александровна

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия*

Сущность понятия "городская среда" в российской социологии

Понятие «городская среда» используется в современной науке для изучения и понимания процессов и особенностей конкретных территорий. В российской социологии исследовательский интерес к понятию возникает с 70-х годов XX века. Концепция А. С. Ахиезера описывает городскую среду через положение в ней личности. Образ жизни и мировоззрение населения отражаются в городской среде. Кроме того,

и среда воздействует на социальное самочувствие населения. Городская среда считается динамичной и непрерывно организует себя, в свою очередь, население приспосабливается к изменениям и взаимно меняет среду. Город, тем самым, предоставляет жителям возможность создавать новые коммуникативные связи для дальнейших изменений. Качество городской среды А. С. Ахиезер определяет как способность города реализовать творческий потенциал населения и создать условия для приобщения его к городской жизни [1].

Двойственность сущности городской среды подчеркивает и В. Л. Глазычев. Внешнее, по его мнению, окружает городскую среду, а внутреннее заполняет. Между предметной оболочкой среды и взаимодействиями людей в ней подчеркивается сопряженная взаимосвязь. Пространственный «рисунок» городской среды определяется разными вариациями ландшафтов, планировок и социоантропогенной составляющей. Тем самым, городская среда материальна и реализует процессы городской жизни, осуществляя связи отдельных подсистем внутри среды [2].

Разработанный Л. Б. Коганом средовый подход предполагает подобное понимание городской среды как единой системы пространственного и социального, их процессов и пространственной оболочки во взаимном влиянии. Городская среда не только сопровождает социальную реальность, но и активно включена в нее, многофункциональна и гибридна [3]. Одной из основных задач общества при этом считаются открытые процессы проектирования городской среды, так как они помогают построить ту среду, которая непосредственно отвечает интересам территориального сообщества. Например, подходящими объектами для этого могут восприниматься общественные пространства города, совмещающие культурно-досуговые, коммуникационные, развлекательные и др. функции. Схожие идеи находят подтверждение в точке зрения О. Н. Яницкого [4].

Таким образом, в российской социологической традиции городская среда характеризуется как целостная система во взаимосвязи пространственных структур и социальных процессов. Названные подходы подчеркивают способность среды к самоорганизации и воспроизводству социальных практик. Городская среда по своей сущности предстает и фоном социальной жизни, и способом проявления социального опыта и взаимодействий населения города, что позволяет рассматривать

городскую среду как самостоятельную категорию социологического знания.

Источники и литература

- 1) Ахиезер А. С. Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 352 с.
- 2) Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: М.: Наука, 1984. 180 с.
- 3) Коган Л. Б. Урбанология и городская политика: от осознания к знанию. 2010. №11. С. 2-4.
- 4) Барчугова Е. В., Рочегова Н. А. Урбан-социология Л. Б. Когана // Современная архитектура мира. 2019. №1 (12). С. 119-128

Мурашова Анастасия Александровна

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, Санкт-Петербург, Россия*

Цифровой след фольклорных нарративов в медиасреде: влияние на потребительские практики поколения Z

Фольклор в цифровую эпоху перестаёт быть только музейным наследием, превращаясь в живой семиотический ресурс. Его устойчивость объясняется архетипической природой: универсальные схемы коллективного бессознательного (К. Юнг), такие как Герой, Трикстер или Мудрая дева, наполняются новым содержанием. Эта адаптация следует универсальному «Пути Героя» (Дж. Кэмпбелл) и служит основой для современных маркетинговых нарративов. С точки зрения семиотики (Р. Барт), фольклорный образ становится знаком, где означаемое наделяется новыми означаемыми – «традиция», «идентичность». Этот процесс мифологизации позволяет через потребление осуществлять символическую коммуникацию (Дж.Г. Мид) и заявлять о принадлежности к «воображаемому сообществу» (Б. Андерсон).

Эмпирическое исследование, основанное на анализе 200 коротких видеороликов в социальных сетях и более 350 комментариев, выявило конкретные форматы интеграции «русского кода». Ключевыми стали короткие визуальные нарративы. Первый и самый распространённый – нарратив модной трансформации. В роликах длительностью 30-60 секунд идет смена повседневного образа на стилизованный «русский» вид:

современное платье с вышитым орнаментом и дизайнерский кокошник. Музыкальным фоном выступают электронные треки, в которые вплетены семплы народных инструментов.

Второй тип – нарратив путешествия «к истокам», сжатый тревел-блог по этноместам. Звуковое сопровождение – спокойные медитативные композиции с этническими инструментами, настраивающие на созерцание. Третий тип – нарратив предметного дизайна, показывающий в формате таймлапса создание вещей с народными мотивами. Музыка минимальна или отсутствует, чтобы не отвлекать от процесса, делая акцент на тактильности и материальности традиции.

Анализ массива комментариев позволил выявить логическую цепь восприятия, где каждый этап раскрывает новый аспект влияния контента. Первичной и наиболее массовой реакцией является эстетический восторг, выраженный в гиперболизированных высказываниях: «...какая же красота!», «Как красиво!». Однако эта эмоция редко остаётся конечной точкой. Она служит триггером для культурной рефлексии, где пользователи описывают глубокое личное «пробуждение»: «Во мне только недавно стало откликаться в душе наши древние традиции, как будто просыпаюсь от долгого сна».

Наиболее значимой с точки зрения потребительского поведения является категория практического импульса. Это проявляется в двух формах: как прямой потребительский интерес («Где купить такой кокошник?») и как демонстрация собственной продуктивной активности, спровоцированной контентом («Я сделала украшения... совсем скоро покажу»). Такие комментарии, особенно те, что собирают высокое количество лайков, выступают индикаторами коллективно разделяемых ценностей и формируют фокусные точки дискуссии внутри сообщества. Таким образом, анализ подтверждает, что цифровая вовлечённость создаёт основу для групповой идентичности, которая закономерно материализуется в готовность к целевым потребительским действиям.

Источники и литература

- 1) Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 320 с.
- 2) Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
- 3) Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997. – 384 с.

- 4) Мид Дж. Г. Избранное: сборник переводов / Дж. Г. Мид; РАН. ИНИОН. – М.: ИНИОН, 2009. – 290 с.
- 5) Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с.

Назаров Зинур Исламович

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,. экономический факультет, каф. экономики и управления, Стерлитамак, Россия

О роли академика Г.В. Осипова в институционализации социологии как полипарадигмальной науки и как учебной дисциплины в отечественных вузах

18 февраля 1898 г. Н.И.Кареев в речи по случаю столетия со дня рождения О. Конта, подчеркнул, что общественные явления изучались и раньше возникновения мысли о социологии, но предметом этого изучения делалась лишь та или другая сторона социальной жизни человека, а не вся совокупность общественных явлений, взятая в ее целом. Он подчеркнул, что именно О. Конт создал название для новой науки, введя новое слово «социология».

Процесс становления социологии как университетской науки в России протекал очень сложно. К тем, кто первыми стали излагать социологические идеи были: Н.Коркунов, который включил «социологический анализ» в лекции по энциклопедии права; Ковалевский - в курс по конституционному праву в Московском университете, где были представлены идеи эволюции общественных форм на основе их сравнительного изучения; в превращении социологии в университетскую дисциплину наибольший вклад внес Н.Кареев. Он в 1895 году начал читать в СПбУ «факультатив» по общей социологии, изданный в 1897 году под названием «Введение в изучение социологии».

Второй этап включения социологии в российский образовательный процесс связан с первым 10-летьем 20 века, когда социология как учебный предмет читается в нескольких частных учебных заведениях. В конце второго 10-летия в ряде университетов были открыты кафедры, стали издаваться учебная литература и программы. Возможность развития многоцветья науки была прервана к концу 30-х гг.

В славной плеяде российских советских ученых, которые через тернии окостенелого догматизма шаг за шагом, преодолевая немислимые

препоны, делали все возможное и невозможное институционализируя социологию как науку и учебную дисциплину, одно их первых мест по праву принадлежит Г.В. Осипову. Фактически именно он первый ввел в отечественную научную и учебную литературу понятие многовариантности парадигм в социологии. В перестроечные времена, условиях глубокого кризиса догматического варианта советского марксизма-ленинизма, когда часть научного и преподавательского корпуса стала предлагать отказаться от марксизма как социального учения вообще, Г.В. Осипов сформулировал концептуальную платформу в которой учение марксизма заняло свое место в системе социологического знания. В работах того периода и в докладах на конгрессах он доказал, что социологическое знание, зародившееся в недрах других наук прошло исторический путь развития от допарадигматического в многовариантному парадигматическому статусу. «Путь этот был своеобразен. Начало его было обусловлено трудами К. Маркса, Г. Спенсера, О. Конта, Ле Пле, В Вундта, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, У. Самнера, Л. Уорда, Н. Данилевского и т.д. Затем, так и не достигнув парадигматического статуса, а также сложный исторический период - быстрого становления и упадка многочисленных школ и направлений, социология перешла в многовариантному парадигматическому статусу» [4, 74].

Сложились и завоевали признание 4 социологические парадигмы: 1) социально-исторического детерминизма (К.Маркс), 2) социальных фактов (Э.Дюркгейм), 3) социальных дефиниций (М. Вебер), 4) социального поведения (Б. Скиннер).

Источники и литература

- 1) Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. - 464 с.
- 2) Осипов Г.В. Социология в системе научного управления российским обществом. / Глобализация и социальные изменения в современной России : Доклады Всероссийского социологического конгресса, Москва, 3-5 октября 2006 года / [редкол.: И. П. Рязанцев (отв. ред.) и др.]. - Москва : Альфа-М, 2007. - 207, - С. 14 – 18.
- 3) Осипов И.Г. Возрождение социологии в России / Доклад на юбилейной сессии РАН 26 марта 2008 г. https://www.isras.ru/index.php?page_id=699&printmode&ysclid=mk3q8p4spv336848519
- 4) Осипов Г.В. Социология и социализм [Текст] / Г. В. Осипов; АН СССР. Ин-т социологии. - М. : Наука, 1990. - 338, [1] с.

- 5) Социология [Текст] / [Г.В. Осипов, (руководитель авт. кол.), Ю. П. Коваленко, Н. И. Щипанов, Р. Г. Яновский]. - Москва : Мысль, 1990. - 446, [1] с.

Олег Григорий Леонидович

ФГБОУ ВО "Сибирский государственный университет водного транспорта", Новосибирск, Россия

Повышенная девиантность российского социума с точки зрения концепции голода П.А. Сорокина

Заметный познавательный интерес для современных социально-гуманитарных исследований представляет вопрос об исторических корнях общераспространенной и отчетливо выраженной неохоты обитателей России соблюдать какие бы то ни было социальные нормы. О какой бы эпохе послемонгольского периода ни шла речь, от Московского царства и до сей поры, можно смело констатировать непрерывное действие в масштабах социума, пользуясь терминологией американского богослова XX в. Дж. Флетчера, ситуативной (казуальной) этики. Особенно зримо эта этика находит свое выражение в амбивалентных по большей части пословицах русского народа, представляющих собой перечень базовых ментальных установок этноса. Оставляя в стороне несколько важнейших причин традиционно небрежного отношения россиян к следованию общепринятым социальным нормам, остановимся только на одной ключевой предпосылке. Она получила подробное описание и объяснение в книге П.А. Сорокина «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Социолог указывает на то, что человеческая жизнедеятельность по существу представляет собой ни что иное как совокупность пищетаксических актов. Абсолютное и относительное голодание, по мысли автора, приводит членов социального агрегата к ослаблению и частичной утрате навыков социального поведения. Регулярно повторяющееся массовое голодание подрывает общественную мораль, приводит к физической, психоэмоциональной и интеллектуальной деградации социума. Рассматривая продовольственную ситуацию в России с ретроспективной точки зрения, приходится констатировать: при том, что голод является общемировым феноменом, Российская цивилизация претерпевает голодные времена слишком часто и заметно чаще многих других. Согласно имеющейся статистике, примерно за 850 лет (с XI до середины XIX вв.) в России случилось не менее 130-135 неурожайных, т.е. фактически голодных лет, и, таким образом, один

голодный год приходится на 6-7 лет сравнительно «благополучных». В Европе за указанное время произошло, по некоторым сведениям, только 49 неурожаев, и, следовательно, в русских землях неурожаи происходили чаще, чем в 2,5 раза. Даже если пользоваться статистикой другого рода, приводимой в книге П.А. Сорокина, - с XI до начала XX в. в одной лишь Англии сильный голод был 57 раз, - то сравнительно с Россией, где за то же время, по разным данным, было от 178 до 203 голодовок, это меньше в 3-3,5 раза. Используемый исторический материал надежно подтверждает факт хронического недоедания и почти непрерывного голодания русского народа на протяжении сотен лет. Притом, с течением времени количество неурожаев нарастает с невероятной быстротой, продолжительность периодов голода увеличивается. Таким образом, согласно теории голода П.А. Сорокина, внутри Российской цивилизации длительно действует мощный деструктивный фактор, перманентно разрушающий навыки социального поведения.

Осмоловская Светлана Михайловна

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Медиа и искусственный интеллект в социологии: новая эра исследований и трансформаций

Современный мир немислим без медиа, а искусственный интеллект (ИИ) стремительно проникает во все сферы нашей жизни, включая и те, что изучает социология. Это слияние порождает как новые возможности для исследования общества, так и новые вызовы, требующие переосмысления традиционных социологических подходов.

Социология всегда была дисциплиной, стремящейся понять сложность человеческого общества – его структуры, поведение и изменения. Однако объем данных, необходимый для адекватного анализа современного мира, стремительно растет, превосходя возможности традиционных исследовательских методик. В этой ситуации появление медиа и развитие искусственного интеллекта (ИИ) открывают перед социологами принципиально новые горизонты, одновременно бросая вызов устоявшимся подходам.

Влияние медиа на общество давно является предметом социологических исследований, но сегодня эта связь приобретает качественно иной характер. Социальные сети, стриминговые платформы, онлайн-игры – все это формирует новые формы коммуникации, идентичности и социальной организации. ИИ предоставляет инструменты для глубокого изу-

чения этих явлений, позволяя анализировать огромные объемы текстовых и визуальных данных, генерируемых пользователями [3, с.13]. Например, алгоритмы обработки естественного языка способны выявлять скрытые паттерны в социальных дискурсах, определять тренды общественного мнения и даже прогнозировать социальные конфликты. Анализ изображений с помощью компьютерного зрения позволяет изучать невербальное общение и влияние визуального контента на формирование представлений о реальности.

Искусственный интеллект предлагает социологам мощные инструменты для обработки и анализа огромных массивов данных, которые ранее были недоступны или требовали колоссальных временных затрат.

Анализ больших данных (Big Data) - искусственный интеллект способен анализировать тексты из социальных сетей, новостных статей, блогов, форумов, выявляя тренды, настроения, общественные дискуссии и скрытые закономерности. Это позволяет социологам изучать динамику общественного мнения, распространение информации и дезинформации, формирование идентичностей в онлайн-среде.

Обработка естественного языка (NLP) - NLP-алгоритмы позволяют искусственному интеллекту понимать и интерпретировать человеческий язык. Это открывает возможности для автоматического кодирования качественных данных, анализа тональности высказываний, выявления ключевых тем и понятий в больших текстовых корпусах.

Машинное обучение (ML) - ML-модели могут быть использованы для прогнозирования социальных явлений, выявления групп риска, классификации пользователей по их поведению и интересам. Это может помочь в разработке более эффективных социальных программ и политик.

Визуальный анализ - ИИ может анализировать изображения и видео, выявляя паттерны в визуальном контенте, что может быть полезно для изучения репрезентации различных групп в медиа, анализа рекламных кампаний или даже изучения невербальной коммуникации.

Сам феномен медиа претерпевает значительные изменения под влиянием ИИ, становясь еще более сложным и многогранным объектом для социологического анализа [6, с.31].

Персонализация контента. Алгоритмы ИИ формируют персонализированные новостные ленты, рекомендации и рекламные сообщения. Это поднимает вопросы о «пузырях фильтров», эхо-камерах, поляризации мнений и влиянии на формирование индивидуальных и коллективных представлений о мире.

Генерация контента. ИИ способен создавать тексты, изображения, музыку и даже видео. Это ставит под сомнение понятие авторства, аутен-

тичности и может привести к распространению фейковых новостей и манипуляций в невиданных ранее масштабах.

Новые формы медиа. Появление виртуальной и дополненной реальности, интерактивных платформ, управляемых ИИ, создает новые пространства для социального взаимодействия и формирования идентичностей, требующие новых социологических подходов.

Влияние на социальные институты. ИИ в медиа может влиять на политические процессы (таргетированная реклама, анализ электорального поведения), экономику (автоматизация труда, новые бизнес-модели) и культуру (формирование трендов, распространение культурных кодов).

Профессор Ананишнев В.М. отмечает, что в эпоху, когда алгоритмы формируют наши информационные потоки, а ИИ становится активным участником социальных взаимодействий, социология обретает новую миссию. Она призвана не только анализировать существующие процессы, но и предвидеть их развитие, выявлять потенциальные риски и предлагать пути их минимизации. Это означает, что социологи должны стать не просто наблюдателями, но и активными участниками диалога о будущем технологий и их влиянии на человечество [1, с.56].

Алексеев А.Н., уточняет, что ключевым аспектом становится развитие критического мышления как у исследователей, так и у широкой общественности. Необходимо научиться распознавать манипуляции, понимать принципы работы алгоритмов, оценивать достоверность информации и осознавать последствия своего цифрового следа. Социология может сыграть важную роль в формировании такой цифровой грамотности [2, с.58].

Более того, взаимодействие медиа и ИИ ставит перед социологией задачу переосмысления фундаментальных понятий. Что такое «общество» в условиях глобальных цифровых сетей и персонализированных информационных пузырей? Как формируется «идентичность» в виртуальных пространствах, где реальность и ее симуляции тесно переплетаются? Как определить «авторство» и «оригинальность» в эпоху генеративного ИИ? Ответы на эти вопросы будут определять дальнейшее развитие социологической мысли.

В конечном итоге, интеграция медиа и искусственного интеллекта в социологию открывает путь к более глубокому, комплексному и актуальному пониманию современного мира. «Это вызов, который требует от дисциплины гибкости, инновационности и готовности к постоянному обучению. Но именно в этом вызове кроется огромный потенциал для социологии, чтобы оставаться релевантной и вносить значимый вклад в

построение более осознанного и справедливого будущего», - Кириллова Н.Б. [4, с.420].

Взаимодействие медиа и ИИ ставит перед социологией ряд серьезных вызовов, но одновременно открывает и захватывающие перспективы для развития дисциплины.

Вызовы:

Этические дилеммы. Использование ИИ в социологических исследованиях поднимает вопросы конфиденциальности данных, предвзятости алгоритмов, прозрачности их работы и потенциального злоупотребления полученной информацией. Социологи должны разрабатывать этические кодексы и стандарты для работы с ИИ.

Проблема «черного ящика». Многие алгоритмы машинного обучения работают как «черный ящик», их внутренние механизмы не всегда понятны даже разработчикам. Это затрудняет интерпретацию результатов и может привести к ошибочным выводам, если социологи не будут критически оценивать полученные данные.

Цифровое неравенство. Доступ к технологиям ИИ и медиа неравномерен, что может привести к искажению выборки и репрезентативности исследований. Социологи должны учитывать это неравенство при планировании и проведении своих работ.

Изменчивость объекта исследования. Медиа и ИИ постоянно развиваются, что требует от социологов непрерывного обучения и адаптации своих методологий. Традиционные методы могут оказаться неэффективными для изучения быстро меняющихся цифровых сред.

Переосмысление понятий. Такие понятия, как «общество», «индивид», «идентичность», «реальность», «авторство», требуют переосмысления в контексте повсеместного присутствия ИИ и цифровых медиа.

Перспективы:

Новые горизонты исследований. ИИ позволяет социологам исследовать ранее недоступные аспекты социальной жизни, такие как коллективное бессознательное в онлайн-пространстве, тонкие нюансы межличностного общения в цифровой среде, или влияние алгоритмов на формирование социальных норм.

Повышение точности и объективности. При правильном использовании ИИ может помочь снизить субъективность исследователя, автоматизируя рутинные задачи и выявляя закономерности, которые человек мог бы упустить.

Прогнозирование и предотвращение социальных проблем. Анализируя большие данные с помощью ИИ, социологи могут лучше прогнози-

ровать социальные кризисы, выявлять группы риска и разрабатывать более эффективные превентивные меры.

Разработка новых теорий. Взаимодействие медиа и ИИ стимулирует развитие новых теоретических подходов в социологии, способных объяснить сложные социальные процессы в цифровую эпоху. Например, теории о «цифровой социализации», «алгоритмическом обществе» или «гибридной реальности».

Усиление прикладной значимости социологии. Понимание влияния ИИ на общество позволяет социологам предлагать более обоснованные рекомендации для политиков, бизнеса и общественных организаций, способствуя созданию более справедливого и устойчивого будущего.

Междисциплинарное сотрудничество. Изучение медиа и ИИ в социологии требует тесного сотрудничества с информатиками, психологами, лингвистами и другими специалистами, что обогащает исследовательский процесс и способствует комплексному пониманию проблем [7].

Применение ИИ в социологии не ограничивается анализом существующих данных. Автоматизированное интервьюирование и сбор информации посредством чат-ботов позволяют проводить масштабные опросы с минимальными затратами времени и ресурсов. ИИ может также использоваться для создания симулированных социальных сред, где исследователи могут тестировать различные гипотезы и наблюдать за поведением виртуальных агентов в контролируемой среде. Это особенно ценно при изучении сложных социальных феноменов, таких как распространение дезинформации или влияние пропаганды.

В работах Лотмана Ю. М. отмечается, что несмотря на очевидные преимущества, интеграция ИИ в социологические исследования сопряжена с рядом этических и методологических проблем [5, с.163]. Вопросы предвзятости алгоритмов, прозрачности принимаемых решений и защиты конфиденциальности данных требуют особого внимания. Кроме того, необходимо переосмыслить роль самого социолога: от пассивного наблюдателя, собирающего данные, к активному куратору процесса анализа, способному критически оценивать результаты работы ИИ и интерпретировать их в контексте существующей теоретической базы.

Традиционные методы сбора и анализа данных, такие как опросы и фокус-группы, постепенно дополняются, а иногда и вытесняются инструментами, способными обрабатывать огромные массивы информации из социальных сетей, новостных лент и онлайн-платформ. Этот симбиоз открывает беспрецедентные возможности для понимания социальных процессов и динамики общественного мнения.

Одним из ключевых преимуществ является возможность оперативно-го мониторинга настроений и трендов в реальном времени. Алгоритмы обработки естественного языка (NLP) позволяют анализировать тональность сообщений, выявлять ключевые темы и определять влиятельных акторов в онлайн-пространстве. Это дает социологам ценную информацию о том, как формируются общественные настроения и как распространяются идеи.

Кроме того, медийные технологии и ИИ позволяют проводить более глубокий анализ социальных явлений. Визуализация данных, сетевой анализ и машинное обучение позволяют выявлять скрытые связи, паттерны и закономерности, которые было бы трудно обнаружить с помощью традиционных методов. Это открывает новые перспективы для понимания сложных социальных проблем и разработки эффективных стратегий их решения [8].

Однако, важно помнить и о потенциальных вызовах. Вопросы конфиденциальности данных, этические аспекты использования ИИ и необходимость критической оценки полученных результатов требуют пристального внимания. Тем не менее, очевидно, что интеграция медийных технологий и искусственного интеллекта в социологию является важным шагом вперед, открывающим новые горизонты для понимания общества и его динамики.

Итак, сочетание медийных технологий и искусственного интеллекта знаменует начало новой эры в социологических исследованиях. Эта эпоха требует от социологов готовности осваивать новые навыки, сотрудничать с экспертами из других областей и активно участвовать в формировании этических норм использования ИИ в научных целях. Трансформация неминуема, и именно сейчас социологи должны стать архитекторами этого преобразования, обеспечивая гуманистическую направленность развития новых технологий и используя их потенциал для более глубокого понимания сложного и динамичного мира вокруг нас.

Таким образом, медиа и искусственный интеллект не просто инструменты или объекты изучения для социологии – они становятся неотъемлемой частью самой социальной ткани. Это требует от социологов не только освоения новых технологий, но и глубокого переосмысления своих теоретических основ и методологических подходов. Игнорировать эти трансформации – значит упустить возможность понять и повлиять на будущее общества.

Источники и литература

- 1) Ananishnev V.M., Ryabov V.V., Tkachenko A.V., Osmolovskaya S.M., Fursov V.V., Berestova L.I. Monitoring a university's educational and scientific activities: UNIFYING THE MONITORING PROCESSES WITH EUROPEAN INTERNATIONAL STANDARDS. International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Т. 11. № 4. С. 56–69.
- 2) Алексеев А.Н. Опыт построения социологической модели массовой коммуникации // Семиотика средств массовой коммуникации. Ч. 1. — М., 1973. С. 58-71.
- 3) Иванова М.С., Сакович С.М. Социология молодежи: предмет, объект, основные направления. В книге: Социология молодежи. Тезисы научно-практической студенческой конференции. 2018. С. 13-15.
- 4) Кириллова Н.Б. Медиалогия. Монография. - М.: Академический проект, 2015. - 424 с.
- 5) Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры. — Л., 1992. - С. 163 — 165.
- 6) Никонова М.А., Сакович С.М. Социальная адаптация российской молодежи в условиях трансформации общества. В книге: Социология молодежи. Тезисы научно-практической студенческой конференции. 2018. С. 31-34.
- 7) Ткаченко А.В., Тютченко А.М., Юдина Е.Н., Кремнева Т.Л., Бершедова Л.И., Осмоловская С.М., Набатникова Л.П. Инновационные подходы в обучении студентов социально-гуманитарного профиля высшей школы. Москва, 2019.
- 8) Сакович С.М. Унификация мониторинговых показателей научной деятельности вуза с международными стандартами. Тезисы Общекафедральной научно-практической конференции / 2017.
- 9) Сакович С.М., Иванова О.А., Казюлина Н.Н. Противоречия между традициями и инновациями в системе высшего образования: социально-управленческий аспект. Социология. 2017. № 4. С. 121-124.

Островская Анна Евгеньевна

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Роль социологии в развитии духовно-нравственных ценностей

Введение

Современное общество переживает глубокие трансформации, дестабилизирующие духовно-нравственные ценности как основу социальной сплоченности. В условиях цифровизации и культурных конфликтов возрастает потребность в научно обоснованных подходах к сохранению ценностного консенсуса. Социология, с ее методологическим аппаратом, способна диагностировать и прогнозировать эти изменения. Однако наблюдается острый дефицит прикладных методик, особенно для работы с молодежью, чьи ценностные ориентации формируются под влиянием противоречивых факторов. Цель данного исследования – проанализировать возможности социологического воздействия на формирование духовно-нравственных ценностей и разработать практические рекомендации для образовательных и социальных программ.

Основные роли социологии в данном процессе:

Диагностика и мониторинг: Социология дает объективную, основанную на эмпирических данных картину реальных, а не декларируемых ценностных приоритетов населения. Это позволяет отслеживать динамику, межпоколенческие различия и региональную специфику.

Интерпретация классического наследия: Обращение к идеям отечественных мыслителей (П. Сорокина, Н. Данилевского) дает современной социологии мощный аналитический инструментарий для понимания текущих ценностных трансформаций в контексте российской культурной традиции.

Коммуникация и рефлексия: Социология способствует общественному диалогу, переводя абстрактные ценностные понятия («справедливость», «солидарность») на язык конкретных социальных механизмов. Это помогает рационализировать дискуссию и преодолевать взаимное непонимание.

Практико-ориентированный потенциал: Социологическое знание служит основой для разработки эффективной социальной, культурной и образовательной политики. Оно позволяет выявлять «болевые точки» и создавать условия для органичного усвоения ценностей.

Заключение

Таким образом, социология выступает как строгий диагност, интеллектуальный интерпретатор, модератор публичного диалога и эксперт для социального проектирования. Реализация этой комплексной миссии способствует консолидации общества и его творческому развитию на основе укрепления духовно-нравственных основ.

Источники и литература

- 1) Лагутин О.В. Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – №1. – С. 107–117.
- 2) Стебляк В.В., Гончар И.Е. Исследование ценностных ориентаций современной российской молодежи // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – №1. – С. 123–130.
- 3) Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – №1. – С. 43–51.
- 4) Осипов А.М., Матвеева Н.А., Шуклина Е.А. и др. Социология образования: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 365 с.
- 5) Мягков А.Ю. Нерандомизированные техники для сенситивных опросов: сравнительный анализ // Социологические исследования. – 2023. – №4. – С. 29–32.
- 6) Муминов Н.Н. Качественный подход «обоснованной теории» // International conference on developments in education. – Bursa, 2022. – С. 173–177.

Петрова Лариса Евгеньевна

МБОУ ВО ЕАСИ, г Екатеринбург, Свердловская обл., Россия

Уральская школа социологии культуры: от классических исследований досуга рабочих – к изучению креативного труда и "серьезного досуга"

Развитие российской социологии в 1960–1980-х годах неразрывно связано с появлением специализированных научных школ и региональных исследовательских центров. Одной из наиболее ярких и плодотворных школ является Уральская социологическая школа, центром формирования которой стали работы выдающегося ученого-социолога Льва Наумовича Когана (1923–1997).

В 1960-е годы, в период «второго рождения» советской социологии (конец 1950-х – начало 1960-х годов), Коган и его коллеги в Свердловске активно развивали эмпирические исследования социологии культуры, в том числе изучение досуга и культурных практик рабочего класса.

Эта работа была обусловлена как идеологическими целями (формирование «нового советского человека»), так и растущим пониманием роли культуры в развитии общества. В 1966 году под руководством Когана в Институте экономики Уральского филиала АН СССР был организован сектор социологии культуры (1966–1977) – первое институционализированное подразделение такого профиля в регионе.

Со второй половины XX века социология культуры выделилась в самостоятельную отрасль социологического знания с четко определенным предметным полем: изучение функций культуры в обществе, условий ее развития, механизмов трансляции культурных ценностей, социальных групп и слоев как потребителей культуры. Объектом исследований являются культурные институции (музеи, клубы, театры и др.), досуговые практики и потребности различных социальных групп.

Современная уральская социология культуры продолжает эту традицию, исходя из новых проблем: изучение аудитории современного искусства в крупных городах, исследование культурного потребления, анализ управления сферой культуры. Так, монография «Что-то новое и необычное: аудитория современного искусства в крупных городах России» (2018) и деятельность научного журнала «Управление культурой» (издается в Екатеринбургской академии современного искусства) демонстрируют живую преемственность идей Л.Н. Когана в современной практике исследований.

Развитие социологии культуры связано с двумя перспективами – переосмыслением «серьезного досуга» как пространства самообразования, культурного развития, участия в общественной и творческой активности. Исследования чтения, посещения музеев, театров, фестивалей, любительского и полупрофессионального творчества, волонтерства позволяют увидеть, как формируется культурный капитал и гражданская субъектность. Активное развитие креативных индустрий в России, закрепленное в ФЗ от 8.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», должно стать объектной и предметной областью междисциплинарных исследований. Для социологии культуры это означает необходимость изучения новых типов занятости, сцен креативного труда, трансформации культурного потребления и неравенств доступа к креативным ресурсам.

Таким образом, уральская школа социологии культуры символизирует взаимосвязь традиций отечественной социологии с актуальными вызовами современности.

Источники и литература

- 1) "Что-то новое и необычное": аудитория современного искусства в крупных городах России / А. Белов, М. Букова, М. Г. Бурлуцкая [и др.]. – Москва; Екатеринбург : ООО "Фабрика комиксов" (импринт "Кабинетный ученый"), 2018. – 400 с. – ISBN 978-5-7584-0332-7. – EDN YMWQJF.
- 2) Кунгурова, Д. С. Диалог музея и посетителя: комплексное исследование аудитории Музея Бориса Ельцина как основа эффективного музейного менеджмента / Д. С. Кунгурова // Управление культурой. – 2025. – Т. 4, № 4(16). – С. 58-71. – DOI 10.70202/2949-074X-2025-4-4-58-71. – EDN JPVZYJ.
- 3) Рыбакова, О. В. Роль крупного события в области культуры в укреплении позитивного имиджа города на примере фестиваля Уральская ночь музыки / О. В. Рыбакова // Управление культурой. – 2022. – № 4(4). – С. 22-28. – EDN UVNBNF.
- 4) Филосян, А. Ф. Как город-завод начал производить культуру? Екатеринбург от УОЛЕ до Биеннале / А. Ф. Филосян // Управление культурой. – 2022. – № 4(4). – С. 29-41. – EDN DZJQOV.
- 5) Вербицкая, Н. О. Кадры для креативных индустрий в культурном пространстве Свердловской области / Н. О. Вербицкая, С. Н. Учайкина, Л. В. Вакарь // Управление культурой. – 2022. – № 2(2). – С. 16-20. – EDN PMEMWM.
- 6) Харченко, В. С. Театральный и музейный лидер: Свердловская область в пространстве статистических показателей по культуре / В. С. Харченко // Управление культурой. – 2022. – № 1(1). – С. 18-34. – EDN DCNXDP.

Покатов Дмитрий Валериевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Социология в Саратове: генезис, основные направления исследований, школы и их современное состояние

Становление социологии как науки и учебной дисциплины в Саратовском регионе прошло ряд важных этапов. Среди них можно отметить первый – этап генезиса социологии (1918 г. - конец 20-х гг. XX в.); второй, предвосстановительный (1970-1980-е гг.) период, этап возрождения

(1990-2000-е гг.); новейший период – с начала 2000-х гг. по настоящее время.

На первом этапе социология в регионе развивалась в основном как учебная дисциплина в границах Саратовского госуниверситета имени Н.Г. Чернышевского. Большой импульс её развитию придало создание в мае 1919 г. факультета общественных наук (ФОН), в составе политико-юридического и исторического направлений, что отличало его от Петербургского ФОН, где была сильна философская доминанта, или ФОН в МГУ с экономической ориентацией. Значительный вклад в становление социологической науки на первом этапе внесли в основном представители смежных с социологией дисциплин: историки, философы и юристы, в том числе С.З. Каценбоген, С.Ф. Кечекьян, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, Г.Ю. Маннс, И.П. Разумовский и др..

Фактически поступательное развитие социологии прекращается, как известно в конце 20-х гг. XX века и следующий восстановительный, этап начинается только в конце 80-х гг. Однако этому предшествовал, по сути, предвосстановительный период, когда в конце 70-х гг. делаются пробные попытки преподавания ряда курсов и проведения первых исследований. к анализу проблем системы, системного подхода в научных исследованиях, обратилась доцент СГУ О.С. Зелькина. В Институте социально-экономических проблем развития АПК (ныне - Институт аграрных проблем ФИЦ СНИЦ РАН), организованном профессором В.Б. Островским, а затем и Лаборатории социальной структуры и социодинамики, активно изучались социальные процессы, происходящие в Поволжском селе [1, с. 72-73]. Большой вклад в возрождение социологии в Саратовском регионе внесла Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор философских наук В.Н. Ярская-Смирнова (1935-2023), стоявшая у истоков социального образования в постсоветской России [2, с.159-160].

В период воссоздания социологической науки значительный вклад в её возрождение в регионе и университете внес доктор философских наук, профессор, Заслуженному работнику высшей школы РФ Геннадий Васильевич Дыльнов, благодаря усилиям которого не только появились одна из первых кафедр социологии в Саратове и сам социологический факультет, но и одно из перспективных научных направлений – изучение отечественной социологической науки середины XIX - первой четверти XX в. В последний период, начавшийся с создания в 2000 году социологического факультета в нем закрепились несколько ведущих направлений исследований, трансформировавшихся фактически в научные школы- «Интеграционные процессы современного российского общества: традиции, институты и практики», «Научная школа регионального социологиче-

ского анализа отечественной элиты и лидерства», «Социальные проблемы пожилых людей в институциональном, социально-экономическом и культурном аспектах».

Источники и литература

- 1) Социология в Саратовском университете: история и современность / Под ред. проф. С.Г. Ивченкова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2020. - 204 с.;
- 2) Зайцев Д.В., Щепланова В.В. Социология в Саратове // Мир России. 2006. № 1. 159-167.

Полежаева Татьяна Юрьевна

ППК "Российский экологический оператор", Москва, Россия

Университет как место воспитания культурной личности: взгляд отечественных мыслителей

Университет переживает не первую научно-техническую революцию, в новых реалиях актуализируется вопрос: становится ли университет в этих условиях просто удобным интерфейсом по поставке образовательного контента, или его изначальная миссия – возвращение культурной личности – обретает новый, критически важный смысл? Цифровая эпоха не отменяет, а, напротив, обостряет потребность в университете как в физическом и метафизическом пространстве для диалога критически мыслящих людей.

Цифровизация, несомненно, принесла университетам блага, например, демократизацию доступа к образовательному процессу (открытые онлайн-курсы), гибкость форматов (смешанное, онлайн-обучение) и новые инструменты анализа (Big Data в науке). Однако возникают и системные угрозы, например, рассредоточение внимания, «клиповое мышление», поскольку цифровая среда порождает многозадачность, поверхностное погружение в проблему и потребление низкокачественной информации. Это вступает в прямое противоречие с сутью академической работы: углубленным чтением, рефлексией и рождением оригинальной мысли. По мнению философа М.К. Мамардашвили, мысль требует усилия, для которого нужно длительное сосредоточение, а не постоянный информационный поток [1].

В подобных условиях возникает «иллюзия знания» и распад контекста. Алгоритмы поиска и нейросети дают быстрые, кажущиеся полными

ответы, студенты становятся сборщиками разрозненных мнений и цитат без осознания культурного и исторического контекста, генезиса идей, их противоречий. Исчезает то, что М.М. Бахтин называл «большим временем» культуры – диалог сквозь эпохи, который возможен только при вдумчивом погружении в тексты [2]. В своей теории культурных кодов М.К. Петров показал, что университет исторически является ключевым институтом их трансляции и интерпретации [3]. Цифровая эпоха, упрощая доступ к «коду», угрожает потерей способности его дешифровать и критически исследовать.

На этом фоне происходит и атомизация сообщества, поскольку онлайн-форматы, при всей их эффективности, лишают представителей академической среды феномена совместного творческого поиска. Исчезает «скрытая учебная программа» (*hidden curriculum*) университета: передача норм и ценностей сообщества через взаимодействие, невербальный диалог, случайный разговор в коридоре, общую защиту проекта. Именно в этих неформальных взаимодействиях формируется академическая культура, чувство принадлежности к целому, к сообществу искателей истины [4]. А.Г. Асмолов, говоря о воспитании, настаивает на переходе от парадигмы «человека полезного» к парадигме «человека достойного». Достоинство же рождается и утверждается не в виртуальных рейтингах, а в реальном поступке, встрече, признании другого [5].

Противовесом цифровому одиночеству должен стать акцент на физическом со-бытии. Лабораторный эксперимент, полевая практика, театральная постановка, публичные дебаты – все, что требует полного включения эмоций и ответственности за реальный, а не виртуальный результат, где студент проживает идею, а не потребляет ее. Это реализация идей Г.С. Батищева о творчестве как личностно-воплощенном действии, преодолевающем отчуждение.

В эпоху, где нейросеть может написать эссе, а недостоверная информация – создать «правду», ключевой компетенцией становится не обработка информации, а способность к критическому суждению и этическому выбору. Это не означает отказа от цифровых технологий, речь идет о стратегическом синтезе, поскольку технологии должны служить человеку, а не наоборот. При подготовке к лекции студенты используют онлайн-платформы для знакомства с материалом. Во время лекции или семинара фокус должен быть на живом взаимодействии, дискуссии, совместном решении проблем. Цифровые базы данных и инструменты анализа расширяют исследовательские возможности, но здесь должна оставаться обязательная гуманитарная экспертиза результатов.

Сегодня у университета появляется шанс вернуть себе значимое место в жизни сообщества – стать сознательной альтернативой в набирающем скорость цифровом мире. Местом, где учат не только обрабатывать информацию, но и сомневаться; не только потреблять контент, но и создавать смыслы; не только быть пользователем сети, но и автором преобразований окружающей действительности. Необходимо сделать акцент на трудах отечественных социологов и философов в период трансформации системы высшего образования, с целью обратить особое внимание на воспитание в академической среде именно культурной личности.

Источники и литература

- 1) Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990.
- 2) Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русские словари, 2003.
- 3) Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991.
- 4) Радаев В. В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 114–124.
- 5) Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. – М.: Просвещение, 2015.

Полякова Наталья Львовна

*МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

Концептуализация "будущего" в социологической теории

Будущее было и продолжает быть фундаментальным предметом социологического интереса как в плане построения теории, так и в плане построения практических моделей социальной трансформации. Речь идет при этом не только о различного рода социологических концептуализациях исторического состояния, но и о конкретных формах, в которых эти концептуализации находят воплощение, а также о их роли в построении социологической теории.

Можно с уверенностью констатировать, что в истории социологической теории значительную роль играла концептуализация будущего, укорененная в форме утопии. Такие концепции будущего имеют длительную

историю и выполняют вполне определенные методологические функции при построении социологической теории. Обращение к анализу теоретических синтезов, например, О.Конта, К.Маркса, М.Вебера позволяет утверждать, что теоретические построения этих социологов содержат вполне определенное видение будущего, которое направляет и формирует, во-первых, разрабатываемые ими теории социального развития, а, во-вторых, теории общества. При этом речь идет, по их собственному признанию, о будущем, которое еще не сложилось и просматривается только в тенденции своего развития как возможное. Это возможное будущее предстает как финальность в том смысле, в каком направление исторического и социального движения трактуется в эволюционизме. Результатом становится создание теоретического синтеза, объединяющего теорию развития, теорию общества и ценностные компоненты социологического исследования, которые и привносятся в социологическую теорию утопией, которая не только направляет исследование представлением о еще не сложившемся будущем, но также и тем, что, как писал Т.Адорно, социологическое познание всегда определяется и кристаллизуется вокруг той или иной концепции «правильного общества». И эта концепция не просто противопоставляется существующему обществу как некая ценность и правильное устройство, она позволяет выявлять проблемы, с которых стартует любое исследование.

В конце XX века в социологии широко начинает использоваться термин «практопия», или практическая утопия. Этот термин используется, например, О.Тоффлером для обозначения методологии анализа оформляющегося настоящего через «призму будущего». Он утверждает, что необходимо перевернуть «зеркало времени», поскольку невозможно «проникнуть в тайны настоящего, не опираясь на исследования будущего» (1980). Тоффлер и другие теоретики постиндустриального общества выстраивали свои теории, опираясь на тенденции развития Третьей промышленной революции. В настоящее время методология построения теории настоящего через призму будущего широко используется теоретиками Четвертой промышленной революции, такими как Дж.Урри, К.Шваб и др. Все они строят социологические теории настоящего на основе процессуального подхода, позволяющего видеть настоящее в его становлении как открытый в будущее процесс.

Рахманов Азат Борисович

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(социологический факультет), Москва, Россия*

Развитие взглядов П.А. Сорокина на причины войн

П.А. Сорокин жил в эпоху двух самых значительных войн в истории человечества – Первой мировой 1914-1918 и Второй мировой 1939-1945 годов. Они произвели огромное воздействие на развитие человечества, и поэтому вполне закономерно, что Сорокин, как и многие современные ему социальные теоретики, уделил много внимания исследованию такого социального явления, как война. В своих произведениях Сорокин затрагивал разные аспекты этого явления, но, безусловно, самым важным из них был вопрос о причинах войн. Взгляды ученого на проблему детерминации войн развивались. В произведениях периода Первой мировой войны, а именно в написанной в 1915 г. рецензии на перевод книги нидерландского ученого Р. Штейнметца «Философия войны» и в брошюре «Причины войны и пути к миру» (1917) Сорокин подверг критике монистические концепции причин войн, относя к ним, прежде всего, взгляд, согласно которому войны порождаются империализмом. Эту позицию Сорокин считал основанной на экономическом материализме, с которым ученый отождествлял марксизм. В качестве более приемлемой точки зрения Сорокин проповедовал плюрализм (многофакторный подход) в духе народническо-эсеровской доктрины П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и В.М. Чернова. Этот взгляд на причины войн Сорокин пытался обосновать в книге «Современные социологические теории» (1928).

Однако позже взгляды Сорокина на детерминацию войн претерпели существенное развитие. В статье «Пренебрегаемый фактор войны» (1938) Сорокин отвергает не только монистические (экономические, биологические, географические, психологические и т.п.), но и плюралистические концепции генезиса войн. Сорокин заявляет, что плюралистический подход к детерминации войн отличают неясность, небеспорность и серьезные логические неувязки. В труде «Социальная и культурная динамика» (1937-1941; сокращенный вариант – 1957) он приходит де-факто к синтезу монизма и плюрализма. Это синтез выглядит следующим образом: Сорокин выделяет одну главную и множество второстепенных причин войн. Сорокин теперь полагал, что решающая причина войн, заключается в дезорганизации ранее устойчивой и определенной сети социальных отношений и системы ценностей. Он пишет, что войны являются логическим и фактическим последствием произошедшей дезинтеграции системы социальных отношений. Сорокин пишет, что войны возникают тогда, когда ранее устойчивые, кристаллизованные внутригрупповые и межгрупповые социальные отношения с соответствующими ценностями претерпевают разрушения, происходит их дезорганизация.

Экономические, психологические, политические и иные причины, внося свою лепту, играют вспомогательную роль. И эту позицию Сорокин защищал вплоть до конца жизни. Таким образом, взгляды П.А. Сорокина на причины войн в ходе его жизни претерпели значительные изменения, что, впрочем, можно сказать и о его взглядах на многие социальные явления.

Русанова Вера Сергеевна

ФГБОУ ВО "Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина", Сыктывкар, Российская Федерация

**"Социальная и культурная динамика" в полемическом поле
П.А. Сорокина и К. Бринтона**

П.А. Сорокин (1889–1968) по истине может считаться классиком российской и, более глобально, мировой социологии. Многие идеи, развитые им в трудах американского периода, который принято датировать с 1923 г., формировались и зрели в годы его жизни в России. Среди них так называемая цивилизационная теория, связанная с представлением о смене исторических этапов (ступеней), которая наиболее полно разработана учёным в одном из своих фундаментальных трудов – «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). Не останавливаясь подробно на характеристике ключевых идей упомянутой работы, скажем, что она нашла широкий отклик в интеллектуальной среде, заинтересовав не только социологов, но и историков, среди которых вызвала потребность в полемике с автором. В числе тех, кто живо отреагировал на выход первых трех томов «Социальной и культурной динамики» был историк, профессор Гарвардского университета Крейн Бринтон (1898–1968). В 1937 г. он опубликовал рецензию под заголовком «Социо-астрология», на которую Сорокин не мог не отреагировать, и в 1938 г. на страницах «The Southern Review» был опубликован его ответ Бринтону – «Историоника».

Среди многообразия критических замечаний Бринтона можно выделить, следуя Сорокину, две-три ключевые дискуссионные проблемы: 1) является ли предложенная Сорокиным концепция смены социокультурных суперсистем вариантом стадияльного развития общества (в исторической перспективе) или имеет уникальные, отличные черты; 2) соответствует ли тип ментальности господствующей в тот или иной период времени суперсистеме. Другими словами, допустимо ли наличие представителей сенсатной ментальности в период господства идеациональной культуры в обществе; 3) проблема преемственности в истории, отрицае-

мая, по мнению Бринтона, Сорокиным, но разделяемая профессиональными историками первой трети XX в.

Первый вопрос сложен, и потом Сорокин уходит от его развернутого комментирования. Много было сказано им по этому вопросу не только в «Социокультурной динамике», но и в отдельных статьях, вышедших ранее. Всё же настаивая на том, что ни одна из трех предложенных суперсистем никогда не существовала в истории в чистом виде, Сорокин допускает, что господство одной из них в определенный период времени не исключает наличие в обществе разных типов ментальности и, соответственно, разнообразие действий членов этого общества. Социолог писал: «Связь между основными типами культурного менталитета и характером открытых действий представителей такой культуры слабая, но ощущаемая. В культуре, где преобладает идеационализм, чаще встречается идеациональный тип людей <...>, чем в культуре, где доминирует сенсатность. И для сенсатной культуры справедливо обратное». Проблему преемственности в истории, в отличие от Бринтона, Сорокин предлагает выводить из принципа имманентного изменения любой системы (в данном случае социокультурной суперсистемы), а не из внешних сил, под воздействием которых меняется общество.

Можно утверждать, что поднятые в дискуссии Бринтона–Сорокина вопросы сохраняют свою актуальность, выходят за рамки социологической науки и требуют дальнейшей разработки.

Источники и литература

- 1) Грекова Л.В., Саватеев А.Д. Питирим Сорокин: исследование российской цивилизации // Человеческий капитал. 2018. №7(115). — С. 22—30.
- 2) Бринтон К. Социо-астрология // Наследие. 2025ю №1(26). — С. 129—147.
- 3) Сорокин П.А. Историоника // Наследие. 2025. №1(26). — С. 148—156.

Сазонова Анна Львовна

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Роль социологии в исследовании и развитии духовной жизни общества

Современное состояние духовной жизни в современной России, с точки зрения стратегической перспективы развития страны, нельзя охарактеризовать как благополучное. Причиной тому является целый комплекс факторов, как специфически российских (беспредел 1990-х гг., экономические трудности 2000-х), так и общемировых (навязывание культуры сверхпотребления, отмены традиционных ценностей, цифровизация) [1].

Сегодня в нашей стране уже приняты меры для преодоления пробелов в историческом образовании молодых сограждан, но также необходимы изменения, смещение акцентов и в предметном поле социологии.

На современную социологию сильное влияние оказывает гуманизация общественной жизни, индивидуализация участия в ней каждого социального субъекта. Соответственно, повседневность как социальный феномен все больше становится объектом социологического анализа. Очевидно в настоящее время возрастание интереса к качественным исследованиям, применению индуктивного метода анализа.

Основой изучения социально организованной материи должна быть духовная жизнь общества, поскольку именно духовная жизнь является общим атрибутивным признаком, характеристикой социальной жизни, любых объектов социально-организованной материи. Духовная жизнь возникает как опережающее, авангардное движение, все более фундаментально меняющее в своем развитии ту базу, на которой сама образуется, то есть физическую и биологическую жизнь. В пользу данной точки зрения можно привести следующие аргументы.

Во-первых, в процессе антропогенеза доминирующей, определяющей компонентой выделения *Homo Sapiens* из земной фауны были интеллектуальные, эмоциональные силы, энергия воспроизводства духовной жизни (что признается большинством ученых). Одновременно возникает совершенно новая сфера бытия, присущая лишь социально-организованной материи - духовная сфера, и, соответственно, новый способ существования - социальная жизнь.

Во-вторых, для социологии, в том числе российской, исследования духовной жизни являются традиционными. Это отразилось в формировании специальных отраслевых социологических теорий: социология культуры, образа жизни, образования, науки, религии, искусства, театра, коммуникации и других. Но, следует заметить, изучение духовной жизни в социологии все-таки остается фрагментарным.

Нельзя не упомянуть в этой связи великого русского социолога П.А.Сорокина, положившего начало традиции исследований духовной жизни как эпицентра социальной жизни, т.е. пространства воспроизводства специфической энергии, которую он называл «таинственной энерги-

ей любви», проявляющаяся как «бесконечный универсум, который неистощим качественно и количественно», видел в ней мощное средство развития человеческой цивилизации [2].

Именно социология может системно изучать социальный конструкт, отражающий представления о базовых ценностях и «экзистенциальных благах», формирующих жизненные цели, направленные на реализацию счастья, веры, надежды, свободы, познания, труда, творчества, общения, - то есть, развития общества.

Источники и литература

- 1) Сазонова А.Л. Новая социо-технологическая "нормальность" как образ жизни // Досуг, питание и здоровье в России. XIII Рязанские социологические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции. – Рязань: ООО "Издательство Ипполитова", 2023. – С. 142-147. – EDN ANRNXT.
- 2) Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социс. 1991. № 8, 9.

Сахаров Максим Романович

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Социальное мифотворчество в российской социологии: теоретические основания и институциональная репродукция

В российской социологической традиции социальное мифотворчество рассматривается как ключевой механизм формирования коллективных представлений, поддержания социального порядка и управления массовым сознанием. Миф понимается не как вымысел, а как особая форма символического знания, упорядочивающая социальную реальность и выражающая ценности, страхи и идеалы общества. Российские исследователи подчёркивают междисциплинарность феномена мифа и его способность выступать инструментом интерпретации и легитимации социальных процессов¹.

Особое место в отечественной рефлексии занимает труд Г. В. Осипова — «Социология и социальное мифотворчество», в котором миф систематизируется как социологический объект исследования. Осипов выделяет функциональные роли мифа (когнитивную, нормативную,

интегративную, мобилизационную), анализирует механизмы его институциональной репродукции и указывает на ключевые каналы трансляции символических смыслов: государственные дискурсы, образовательные практики, медиа и экспертные сети. Важной частью его подхода является методологическая ориентация на эмпирическое исследование мифов: контент-анализ, сопоставление официальных и неофициальных нарративов и изучение влияния мифов на ожидания и поведение социальных групп².

Теоретические основания отечественных исследований включают эволюционистские, психоаналитические и структуралистские традиции, а также дискурсивные и конструктивистские подходы. В этой парадигме миф рассматривается как средство нормализации социальных порядков и как ресурс для конструирования коллективной идентичности³. Российская социология подчёркивает эмоциональную и стереотипную природу массового сознания, что делает его восприимчивым к мифологизации и манипуляциям⁴.

Таким образом, социальное мифотворчество в российской социологии предстает многослойным феноменом, объединяющим культурные, психологические и политические измерения. Анализ мифов, в том числе в русле работ Г. В. Осипова, позволяет выявлять механизмы управления массовым сознанием, проследить институциональные практики их воспроизводства и формулировать методологические подходы для критической оценки идеологических структур, определяющих общественную жизнь.

Источники и литература

- 1) Андриенко Елена Владимировна, Ефременко Александр Александрович Социальное мифотворчество и манипуляции общественным сознанием в контексте общественных трансформаций // ЭСГИ. 2019. №3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-mifotvorchestvo-i-manipulyatsii-obschestvennym-soznaniem-v-kontekste-obschestvennyh-transformatsiy>
- 2) Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество/Г.В.Осипов М.: Норма-Инфра-М, 2002.- 656с.
- 3) Медушевский Николай Андреевич МИФОЛОГИЯ КАК ОСНОВА КОЛЛЕКТИВНОГО САМОСОЗНАНИЯ // Власть. 2025.

№5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologiya-kak-osnova-kollektivnogo-samosoznaniya>

- 4) Поливаева Надежда Павловна Теоретические размышления о массовом сознании: можно ли найти сущность? // Власть. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-razmyshleniya-o-massovom-soznanii-mozhno-li-nayti-suschnost>

Семина Татьяна Васильевна

ФГБУ "НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева" Минздрава России, Москва, Россия

Концептуальная стратегия поведенческих предпосылок личности по формированию здоровьесбережения

Актуальность исследования: Сохранение и укрепление здоровья населения, как фундаментальная основа процветания государства. Здоровьесберегающее поведение индивида определяют благоприятные условия жизнедеятельности человека, уровень его поведенческой культуры, желание поддержать оптимальное качество и долголетие жизни.

Предмет исследования: Приобщение населения к стратегии формирования здорового образа жизни (ЗОЖ) в личности включает работу над разными аспектами: физической активностью, которая поддерживает жизненные функции на высоком и здоровом уровне, что особенно важно сегодня – в условиях гиподинамии и малоподвижного образа жизни, существующих проблем в обществе с правильным питанием, а так же проблематики потребление алкоголя и табака и др. Развитие у населения самолечения, которое нередко приносит вред из-за неправильного применения безрецептурных препаратов и лекарств.

Задачи исследования: изучить компоненты и факторы, влияющие на ведение здорового образа жизни и снижение влияния факторов риска на здоровье населения. Обозначить поведенческие факторы, которые характеризуют отношение индивида к своему здоровью в системе жизненных ценностей, наличие вредных привычек и др.

Социализация здоровьесбережения — это вхождение человека в социальную среду через овладение общепринятыми социальными ценностями и нормами, рассматривается как фактор, влияющий на показатели здоровьесберегающего поведения. Соответственно, ее основным структурообразующим элементом должна стать популяризация системы ценностей и установок, имеющих отношение к высшей ценности — здоровью.

Мотивационно-поведенческий компонент определяет место здоровья в индивидуальной иерархии ценностей человека. Идеологическое воспитание направлено на системно упорядоченные взгляды, выражающие интересы различных социальных классов, на основе которых осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности собственному здоровью. Потенциал общественного здоровья – это мера здоровья людей, накопленного обществом, и его резервов.

Выводы: Отношение самого человека к здоровью представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности. Основу поведенческой составляющей составляют жизненная позиция личности, которая определяет адекватность взаимодействия с внешней средой (биологической и социальной). Здоровьесберегающая технология рассматривается как целостная система воспитательно-оздоровительных, коррекционных и профилактических мероприятий, направленных на сохранение физического, душевного и социального благополучия каждого индивида, а не только отсутствие болезней и физических дефектов.

Сергеева Татьяна Николаевна

Награждена Советником Президента РФ, член партии Единая Россия, научный сотрудник, Юридического института г.Санкт-Петербурга, преподаватель-исследователь, старший преподаватель кафедры ТИГиПиМП ММУ, старший преподаватель центра изучения российской государственности Московского Университета Синергия, Москва, Россия

Правовые и семейные ценности для эффективного развития российского, правового государства и гражданского общества.

Современное российское общество переживает состояние тяжелого кризиса в области системы правовых, семейных ценностей. При этом стираются грани между добром и злом, любовью и ненавистью, счастьем и одиночеством.

Цель доклада рассмотреть взаимосвязь правовых и семейных ценностей, которые эффективно влияют на развитие российского, правового государства и гражданского общества.

Гипотезой данного доклада являются исследовать правовые, семейные ценности, которые являются «фундаментом» для развития правового государства и гражданского общества.

Откликаясь на общественную озабоченность данной проблемой Президент России своими Указами № 875 от 22 ноября 2023 г., и № 809 от

09 ноября 2022 г., укрепил семейные и правовые ценности в России. Тем самым понятие семьи закреплено в ст.1, гл.1 СК РФ от 29.12.1995 г., № 223.(ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025)

Как нам известно, в начале Декларация о правах ребенка, принятая ООН в 1959 году, позже нашла свое отражение в принятой на заседании Комитета ООН «Конвенции о правах ребенка» в 1989 году, став ключевой моделью, отображающей вектор создания безопасной среды и полную реализацию прав детей всего мира. Стоит отметить, что вопрос защиты «наилучших интересов ребенка» стал важной вехой еще в преддверии 60-х годов прошлого столетия. Ученые справедливо считают, что «акцент на единство семьи и значение семьи для ребенка полностью соответствует Конвенции».

Исследуем, понятие правовая ценность. По мнению Сергеевой Т.Н., правовая ценность как результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта (индивидуального или коллективного) и продолжительной работы по осознанию правовых процессов, происходящих в праве создаваемой правовой нормы, право реализуемой во благо государства и общества, которая представляет собой регулятор в обеспечение социального регулирования для правового и социального прогресса в праве. И имеющие формальное закрепление в высшем нормативно-правовом акте. Тем самым определяет правовую ценность как фундаментальный, правовой феномен, который позитивно влияет на эволюцию правового государства, права и гражданского общества в современном мире. А также является фундаментом правовых идей. К базовым правовым ценностям относятся: справедливость, жизнь, здоровье, долголетие, коллективизм, патриотизм, честь, достоинство и пр. По моему мнению, современная правовая наука разнонаправленно не только трактуемых определений ценностей, но и описывает их элементный состав. Эволюция института правотворчества тесно связана с ориентацией на систему социальных ценностей. В ходе правотворчества формируется система ценностей, которые получили название правовые ценности.

Автор делает вывод, что правовые и семейные ценности эффективно влияют на развитие и укрепление правового государства и гражданского общества, а также являются его «фундаментом». Так как они тождественны и в их основе лежат духовно-нравственные ценности таких как: справедливость, коллективизм, патриотизм, сплоченность, любовь, свобода, честь, достоинство и пр. Их необходимо охранять, укреплять и передавать из поколения в поколения как культурное наследие цен-

ностных ориентиров в современном праве. Что способствует сохранению правопорядка в современном праве.

Источники и литература

- 1) Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статус, 1999. С. 230.
- 2) Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 36.
- 3) Комаров С.А. Общая теория государства и права: учеб. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2012. С. 431.
- 4) Корнфорт М. Указ. соч. С. 87–89.
- 5) Петрова Т.В., Ценности права и правовые ценности. // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. (4) С.131.
- 6) Новейший философский словарь // URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 15.02.2023).
- 7) Раитина М. С. Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности // URL: <https://econf.rae.ru/article/5159> (дата обращения: 15.02.2023).
- 8) Сергеева Т. Н. Учение о правовых ценностях и их генезис. / Т. Н. Сергеева // Образование и право. – 2024. – No 3. – С. 52-57.
- 9) Сигалов К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей [Текст] / К. Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – No 2. – С. 12–15.
- 10) Таджиханов У., Саидов А. Теория правовой культуры. Т. : Академия МВД РУз, 1998. – Т. 1. С. 57.
- 11) См. о материалистическом и идеалистическом подходе к пониманию ценностей: Бабурин С.Н., Бережнов А.Г., Воротилин Е.А. и др. Философия права: в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 307–308.
- 12) Указ Президента Российской Федерации №809 от 09.11.2022 г.
- 13) Философия права / А.Л. Золкин С.И. Захарцев, А.Д. Иоселиани и др. М., 2003. С. 191–194.
- 14) Клименко А.И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. No 1. С. 8–10.

- 15) Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль. М., 2020. С. 69.
- 16) Hart H.L.A. Law, liberty, and morality. Oxford, New York. Oxford University Press. The Harry Camp lectures at Stanford University, 1962. P. xii, 53.

Сергеева Татьяна Николаевна

Награждена Советником Президента РФ, член партии Единая Россия, научный сотрудник, Юридического института г.Санкт-Петербурга, преподаватель-исследователь, старший преподаватель кафедры ТИГиПиМП ММУ, старший преподаватель центра изучения российской государственности Московского Университета Синергия, Москва, Россия

Ценности российской цивилизации: духовные идеалы и традиции

Ценности российской цивилизации активно влияют на социокультурную динамику современного общества. Важнейшим проявлением этого влияния становится устойчивость традиционных семейных институтов, вокруг которых строится социальная сеть поддержки и передачи культурного опыта. В условиях быстрых экономических и технологических изменений именно семейные ценности выступают опорой индивидуальной и коллективной стабильности, обеспечивая продолжение межпоколенческих связей и культурного наследия. Их формальное закрепление в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 г.

Исследуем, понятие правовая ценность. По мнению Сергеевой Т.Н., правовая ценность как результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта (индивидуального или коллективного) и продолжительной работы по осознанию правовых процессов, происходящих в праве создаваемой правовой нормы, право реализуемой во благо государства и общества, которая представляет собой регулятор в обеспечение социального регулирования для правового и социального прогресса в праве. И имеющие формальное закрепление в высшем нормативно-правовом акте. Тем самым определяет правовую ценность как фундаментальный, правовой феномен, который позитивно влияет на эволюцию правового государства, права и гражданского общества в современном мире. А также является фундаментом правовых идей. К базовым правовым ценностям относятся: справедливость, жизнь, здоровье, долголетие, коллективизм, патриотизм, честь, достоинство и пр. По

моему мнению, современная правовая наука разнонаправленно не только трактуемых определении ценностей, но и описывает их элементный состав. Эволюция института правотворчества тесно связана с ориентацией на систему социальных ценностей. В ходе правотворчества формируется система ценностей, которые получили название правовые ценности. В общественном сознании широко распространено уважение к миру природы и национальному ландшафту, что отражается в возросшем интересе к экологическим практикам и сохранению культурных памятников. Эти аспекты связывают традиционные понимания духовной гармонии с современными экологическими тенденциями, формируя новое направление в социальной активности и образовании. Активизация таких ценностных установок способствует развитию инициатив, направленных на сохранение исторической и природной среды, укрепляя чувство принадлежности к единой цивилизационной традиции.

Традиционная мораль, основанная на идеях взаимного уважения и коллективизма, находит своё выражение в социальных движениях и общественных организациях. Здесь наблюдается особенное стремление к социальному согласию и сотрудничеству, что снижает уровень конфликтности в различных слоях общества. Вместе с тем, ценности помогают формировать гражданскую ответственность, стимулируя участие в благотворительности, волонтерстве и мероприятиях, направленных на поддержку уязвимых групп населения.

Образовательные процессы также трансформируются под воздействием данных идеалов. В учебных программах всё большее внимание уделяется не только профессиональным знаниям, но и воспитанию эмоционального интеллекта, социокультурной компетентности и уважению к национальному культурному наследию. Такая направленность позволяет не только сохранять традиционные ценности, но и интегрировать их с требованиями современного мира, создавая сбалансированную модель социального развития. Ценности помогают выстраивать стратегию интеграции и диалога на основе уважения к собственной традиции и открытости к иному.

Автор, делает вывод о том, что ценности эффективно способствуют укреплению российскому правовому государству и гражданскому обществу. Их необходимо охранять, укреплять и передавать из поколения в поколения как культурное наследие ценностных ориентиров в современном российском обществе. Что способствует сохранению правопорядка в современном мире.

Источники и литература

- 1) Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статус, 1999. С. 230.
- 2) Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 36.
- 3) Комаров С.А. Общая теория государства и права: учеб. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2012. С. 431.
- 4) Корнфорт М. Указ. соч. С. 87–89.
- 5) Петрова Т.В., Ценности права и правовые ценности. // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. (4) С.131.
- 6) Новейший философский словарь // URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 15.02.2023).
- 7) Раитина М. С. Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности // URL: <https://econf.rae.ru/article/5159> (дата обращения: 15.02.2023).
- 8) Сергеева Т. Н. Учение о правовых ценностях и их генезис. / Т. Н. Сергеева // Образование и право. – 2024. – No 3. – С. 52-57.
- 9) Сигалов К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей [Текст] / К. Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – No 2. – С. 12–15.
- 10) Таджиханов У., Саидов А. Теория правовой культуры. Т. : Академия МВД РУз, 1998. – Т. 1. С. 57.
- 11) См. о материалистическом и идеалистическом подходе к пониманию ценностей: Бабурин С.Н., Бережнов А.Г., Воротилин Е.А. и др. Философия права: в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 307–308.
- 12) Указ Президента Российской Федерации №809 от 09.11.2022 г.
- 13) Философия права / А.Л. Золкин С.И. Захарцев, А.Д. Иоселиани и др. М., 2003. С. 191–194.
- 14) Клименко А.И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. No 1. С. 8–10.
- 15) Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль. М., 2020. С. 69.
- 16) Hart H.L.A. Law, liberty, and morality. Oxford, New York. Oxford University Press. The Harry Camp lectures at Stanford University, 1962. P. xii, 53.

Скорова Елизавета Сергеевна

Курский государственный университет, Курск, Россия

Креативные пространства как ресурс социального развития молодежи в современной России

В условиях социально-культурных трансформаций, происходящих в современной России, особую актуальность приобретает проблема социального развития молодежи как стратегически значимой социальной группы. Молодежь выступает не только объектом социальной политики, но и активным субъектом общественных изменений, что требует поиска новых форм ее вовлечения в культурную, социальную и коммуникативную деятельность.

Одним из таких механизмов в последние годы становятся креативные пространства – институционально оформленные площадки для реализации культурных, образовательных и творческих инициатив молодежи. Они представляют собой демократичную среду для общения, совместной деятельности и самореализации, способствуя формированию социального опыта и развитию культурных практик [3]. Участие в деятельности креативных пространств стимулирует самовыражение, расширяет культурный опыт и позволяет удовлетворять творческие и коммуникативные потребности молодежи.

Кроме того, креативные пространства выполняют важную социальную функцию, удовлетворяя эмоциональные и социальные запросы посетителей как в формате досуга, так и в рамках образовательной или проектной деятельности [2]. Креативные пространства также выполняют функцию расширения социального капитала молодежи. Посетители получают возможность устанавливать новые социальные контакты, включаться в профессиональные и творческие сообщества, осваивать социальные роли, связанные с организацией мероприятий и проектной деятельностью, что способствует формированию активной жизненной позиции и повышению социальной мобильности.

Эмпирической базой исследования стало социологическое исследование, проведенное в 2025 году на базе Курского государственного университета ($N = 179$) совместно с молодежной арт-студией «Нескучное искусство». В рамках исследования особое внимание было уделено оценке роли искусства в социальном развитии молодежи.

Результаты опроса показали, что более половины респондентов (51,4%) уверены в значительном влиянии искусства на социальное развитие молодежи, еще 39,1% скорее согласны с данным утверждением. Лишь 1,7% опрошенных считают, что искусство не оказывает подобно-

го влияния. Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне общественного признания социальной значимости искусства и культурных практик в формировании личности и интеграции молодежи в общество.

Таким образом, креативные пространства выполняют функцию неформального социального института, в рамках которого молодежь осваивает новые формы взаимодействия, приобретает опыт коллективной деятельности и развивает способность к социальному участию [1]. Это особенно важно в условиях трансформации традиционных институтов социализации и изменения форм культурного потребления. Креативные пространства могут рассматриваться как эффективный инструмент поддержки социального развития молодежи, а также как значимый ресурс реализации стратегических задач общественного обновления и развития человеческого потенциала в современной России.

Источники и литература

- 1) Пилипенко К. А. Социализация современной молодежи в контексте феномена креативного пространства // Искусство и культура. 2024. № 2(54). С. 57–61.
- 2) Салкова Е. К., Хайруллина Ю. Р. Роль креативных пространств в социализации молодежи в современных отечественных условиях // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 2 (53). С. 48–51.
- 3) Суховская Д. Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории // Молодой ученый. 2013. № 10 (57). С. 650–652.

Смирнов Владимир Алексеевич

*МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

Типология моделей ресоциализации молодежи новых российских регионов

Важной задачей государственной молодежной и образовательной политики является социальная интеграция молодежи новых российских территорий в социокультурное пространство страны, формирование у нее национально-ориентированной гражданской идентичности.

Ресоциализация – это процесс освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных или недостаточно освоенных ранее, или обновленных на новом этапе общественного развития.

Работа основана на результатах авторского эмпирического исследования, проведенного осенью 2024 года на территории новых регионов. Выборка составила 1100 человек в возрасте от 18 до 22 лет. Был использован кластерный анализ методом k-средних.

На основе кластерного анализа было выделено три группы студентов. В первый кластер вошли 34,64% респондентов, во второй и третий 24,81% и 40,55% соответственно.

Первый кластер – это достаточно амбивалентная группа студентов, чьи жизненные ориентиры, гражданские установки не имеют четко выраженных доминант. Молодые люди ориентированы, главным образом, на собственное материальное и психологическое благополучие, что и определяет их жизненные стратегии.

Модель ресоциализации, характерная для данной групп студентов, может быть названа спонтанной. Если жизненная ситуация молодого человека, его окружение, социальные процессы, в которые он вовлекается, будут носить конструктивный, функциональный и адаптивный характер, его интеграция в новую социокультурную реальность будет протекать достаточно быстро и эффективно.

Второй кластер включает в себя молодых людей, ориентированных главным образом на западную модель жизнедеятельности. Модель ресоциализации можно назвать протестной. Ее характеризует явное или латентное сопротивление социализирующим воздействиям российских институтов, низкая скорость социальной интеграции, неготовность молодых людей к интериоризации ценностных установок российского общества.

Третий кластер – это студенты, чьи ценностные ориентации и жизненные планы коррелируют с особенностями российской национальной идентичности. Модель ресоциализации студентов, попавших в третий кластер, можно назвать конгруэнтной.

Проведенный анализ позволил разработать и верифицировать типологию моделей ресоциализации студенческой молодежи новых российских регионов. Сегодня в присоединенных территориях можно выделить три группы учащейся молодежи, значимо различающиеся по своим ценностным ориентациям, жизненным планам, отношению к происходящим геополитическим событиям и демонстрирующие различный уровень институционального доверия российским общественно-политическим институтам и акторам.

Тазова Бэлла Азаматовна

*ФГБОУ ВО "Адыгейский государственный университет", Майкоп,
Россия*

Концептуальные подходы к определению качества жизни населения

Определение качества жизни человека всегда занимала центральное место в мировой социальной мысли. Примерно с середины XX века данное определение стало одним из центральных предметов изучения многими учеными, исследующими трансформационные процессы, влияющие на условия и качество жизни различных категорий населения.

Качество жизни в социологии культуры рассматривается как многогранное понятие, включающее в себя не только материальные аспекты (доход и уровень жизни), но и нематериальные факторы.

Э. Дюркгейм, М. Вебер, Д. С. Лихачёв определили качество жизни как систему ценностей, основывающуюся социокультурными факторами удовлетворенности человека уровнем своей жизни, основным показателем которого выступает культура, являющаяся «определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества» [1].

Л.А. Беляевой [2] дается определение качества жизни, с которым мы согласимся. Это комплекс объективных (основанных на измерении конкретных факторов) и субъективных (основанных на индивидуальном восприятии человеком своего собственного благополучия) факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью и основанных на индивидуальном восприятии человеком своего положения в зависимости от социокультурных особенностей и системы ценностей, принятых в том или ином обществе.

Многообразие определений понятия «качество жизни» определили разные подходы к изучению данной терминологии:

1. Объективный подход. Основывается на факторах, которые можно оценить независимо от субъективного восприятия человека. (Представители С.А. Айвазян, В. Бобков, П. Мстиславский, Е.Б. Шелдон).

Объективный подход включает такие индикаторы качества жизни, как: экономические показатели (уровень дохода; уровень безработицы); здоровье (динамика заболеваемости, рождаемость, смертность); экологические показатели (качество воздуха и воды).

2. Субъективный подход. Данный подход признает, что каждый человек имеет право определять свое собственное благополучие и стремиться к нему. Подход учитывает индивидуальные различия и предоставляет возможность каждому человеку выразить свои потребности и предпо-

чтения. (Представители Н.М. Бредберн, С. Маккол, И.Т. Левыкин, О.Л. Барская).

Субъективный подход включает следующие индикаторы: удовлетворенность своей жизнью; ощущение счастья; социальная поддержка; чувство безопасности; здоровье (физическое и психическое самоощущение); уровень экономической безопасности.

3. Комплексный подход. Выражается как в объективных показателях, независимых от человеческих факторов, так и в субъективных оценках восприятия людьми различных жизненных факторов. (Сторонники Н.В. Трофимова [3], Е.В. Давыдова, А.А. Давыдов [4], Л.А. Беляева).

Рассмотрев подходы к определению качества жизни, а также его методологию, можно сделать вывод о том, что нельзя говорить о данной категории только с объективной или только с субъективной стороны. Соотношение объективного и субъективного подхода к качеству жизни зависит от контекста и целей исследования.

Источники и литература

- 1) Щеткина И.А. Социокультурные детерминанты качества жизни. [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/1/Downloads/sotsiokulturnye-determinanty-kachestva-zhizni%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/1/Downloads/sotsiokulturnye-determinanty-kachestva-zhizni%20(2).pdf) (Дата обращения 25.01.2026).
- 2) Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-01/Belyaeva.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).
- 3) Трофимова Н.В. Интегральная оценка качества жизни населения / Н.В. Трофимова // Вестник РГТЭУ. – 2010. – №5. – 0,43 п. л. (издание рекомендовано ВАК РФ).
- 4) Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. – М.: Ин-т социологии РАН, 1993. С.52.

Тарасенко Лариса Викторовна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

**Традиционные ценности как основа российской
цивилизационной идентичности в сознании студенческой
молодежи (на примере вузов ЮФО)**

В современном многополярном мире крайне остро стоит вопрос обеспечения суверенитета отдельных государств. Ответом на него стала акту-

ализация и востребованность идеи традиционных духовно-нравственных ценностей, имеющих особое значение для формирования цивилизационной идентичности россиян. Учитывая важность стоящих перед российским обществом и отечественной системой образования задач, команда сотрудников Южного федерального университета при поддержке Совета ректоров Юга России в апреле-мае 2025 года провела социально-педагогическое исследование сформированности традиционных духовно-нравственных ценностей в сознании студентов вузов Юга России. Основным эмпирическим методом исследования выступил социологический опрос в формате онлайн-анкетирования с помощью онлайн-сервиса для проведения опросов «Question star». Полевой этап исследования проводился в апреле-мае 2025 г. Генеральная совокупность студентов вузов Южного федерального округа составляет 561873 человека. В исследовании приняли участие 4055 студентов. Выбирая ценности, традиционные для нашей страны более половины студентов выбрали семью (84%), здоровье собственное и близких (71,5%), любовь к Родине, гордость за страну, осознание единства народов, уважение к исторической памяти, готовность служить Отечеству (64,4%), любовь и уважение близких (62,9%), безопасность личную и близких (54,9%). Наиболее значимыми для студентов являются такие сферы жизни, как здоровье (88,3% и 92%), безопасность собственная и близких (87% и 91,7%), крепкая семья (78% и 83,3), любовь и уважение близких (75,3% и 62,2%). Менее половины студентов (48,8%) указали любовь к Родине, гордость за страну как важную сферу своей жизни. Любовь к Родине, милосердие, уважение традиций, жизнь в соответствии с моральными нормами – эти традиционные ценности оказались на периферии ценностной системы студенческой молодежи. Более 65% студентов считают, что патриотом может быть человек, желающий вступить в брак с иностранцем, работающий в иностранной фирме, имеющий второе гражданство и счета за рубежом. Неприемлемым для патриота молодые люди считают незнание государственных символов, уклонение от уплаты налогов и службы в армии, а также готовность давать и брать взятки. Труд, как одна из традиционных ценностей российского общества, для современной молодежи хотя и не является неприятной необходимостью, выступает в большей степени как инструмент зарабатывания средств к существованию, но не ценности созидания. На периферии ценностной системы молодежи оказались традиционные для российского общества ценности коллективизма, включая, общественное признание, уважение окружающих, взаимопомощь, участие в общественной и политической жизни. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод о существовании пробле-

мы принятия духовно-нравственных норм молодежью и формирования российской цивилизационной идентичности.

Тезйел Алсу Ханифовна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальные эффекты концептуальных трансформаций в эпоху искусственного интеллекта

Мощное влияние технологий искусственного интеллекта (ИИ) на все сферы реальности – одна из актуальнейших тем, обсуждаемых в теоретической и практической плоскостях. Анализируются социальные, экономические, политические, культурные и этические перемены и вызовы в связи с внедрением ИИ [Scott и др., Алешковский, Маляревич]. Практические достижения ИИ действительно поразительны [Esposito, с. 2].

Происходящие события порождают «эпистемологический сдвиг в представлениях о «знании как таковом» [Ивахненко, с. 10-11]. Меняются смыслы таких привычных понятий, как «разум», «обучение», «труд», «творчество», «коммуникация». Так, указывают, что «марксову концепцию труда больше не следует считать обязательно антропологической» [Dyer-Witheford и др., с. 125].

Еще Ч.Р. Милсом ставился вопрос об опасности отчуждения человека в условиях развития технических приспособлений: «... мы не можем, не впадая в серьезные противоречия, использовать изобилие технических достижений в качестве показателя человеческого достоинства и культурного прогресса» [Миллс, с. 200-201].

В практической плоскости наибольшую дискуссионность вызывает роль генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в сфере образования и науки, например, деятельность ChatGPT [Ивахненко, Маляревич]. Исследователи солидарны в том, что такие технологии – это социальный факт (по Э.Дюркгейму), у которого есть множество полезных функций [Ивахненко, с. 17]). Вместе с тем, налицо многочисленные негативные эффекты применения подобных технологий в науке и образовании («смерть автора», ненадежность данных, ложный контент, технические ограничения [Там же, с. 16-17])

Актуальным представляется анализ ГИИ в образовании, перманентно подвергаемом сегодня различным трансформациям. Образование по своему определению – это фундаментальный пласт национальной культуры любого общества, определяющий основные ценностные, содержательные и мировоззренческие установки. Любые «эксперименты» в этой

области должны тщательно анализироваться на предмет долгосрочных последствий.

Всё больше современных социологических исследований по изучению ГИИ посвящены новому виду социального неравенства – цифровому неравенству [Мартыненко].

Причины цифрового неравенства можно разделить на: 1) структурные (старение физической инфраструктуры, неэффективность системы внедрения новейших образовательных технологий [Добринская, с. 173-174]; 2) социально-психологические (неодинаковый уровень развития у пользователей цифрового пространства навыков эффективной работы с гигантскими массивами информации, нарушение границ идентичности индивида вследствие интенсивного вторжения цифровых преобразований в личное пространство человека [Емелин, с. 288-289]).

Основной стратегической задачей в этом контексте является поиск мер по сокращению и предотвращению роста новых форм социального неравенства, в том числе путей обновления национальной методики преподавания.

Источники и литература

- 1) Dyer-Witheford N., Mikkola Kjosen A., Steinhof J. Inhuman power: artificial intelligence and the future of capitalism. London, 2019. 210 p.
- 2) Esposito E. Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms. Zeitschrift für Soziologie. 46. 2017. 31 p.
- 3) Scott A.C. et al. The Future of Artificial Intelligence // International Journal of Artificial Intelligence and Machine Learning 2.1 (2022): 1.
- 4) Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П. [и др.] Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т.24, №2. С.335-353.
- 5) Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Риски цифровизации современного российского общества / Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Науч. монография / Под общ. ред. проф. Н.Г. Осиповой. М., 2021.
- 6) Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе: монография. Москва, 2018. 355 с.
- 7) Ивахненко Е.Н. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? / Е.Н. Ивахненко, В.С. Никольский // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, №4. С. 9-22.

- 8) Маляревич Д.В. ChatGPT и наука: взаимодействие научного сообщества и искусственного интеллекта // Векторы благополучия: экономика и социум. 2024. Т. 52, № 2. С. 99-109.
- 9) Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 2019. 709 с.
- 10) Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171-192.
- 11) Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М., 2001. 264 с.

Туманова Ольга Игоревна

*ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет",
Тверь, Российская Федерация*

**Актуальные направления социологических исследований в
рамках государственной политики по сохранению и
укреплению традиционных ценностей**

В качестве одного из научно-аналитических инструментов реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, определено проведение исследований, которые направлены на оценку как различных аспектов процесса по формированию новых нравственных векторов развития российского общества, так и эффективности проводимых государством мероприятий.

Обозначенные направления предполагают достаточно разнообразную тематику прикладных исследований, которые могут проводиться с использованием как количественных, так и качественных методов социологии. Можно выделить ряд вопросов, наиболее актуальных для социологических исследований в рамках анализа процесса реализации государственной политики по защите и сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей российских граждан.

В первую очередь важно обратить внимание на необходимость проведения мониторинга отношения граждан к характеру реализуемой государственной политики. Результаты таких социологических замеров позволят, прежде всего, выявить наличие формального подхода в подготов-

ке и проведении мероприятий, программ и проектов. Актуальность подобных исследований продиктована тем, что процесс формирования обновленной ценностной системы российского общества не должен иметь формальный характер и показывать свою успешность исключительно за счет высоких отчетных показателей. Руководство страны постоянно акцентирует внимание на необходимости проведения осознанной и качественной работы в рамках реализации ключевых направлений государственной политики. В условиях построения обновленной ценностной основы развития общества отсутствие формального подхода представляется ключевым фактором эффективности такой деятельности.

Не менее важным представляется изучение степени понимания гражданами значений, вкладываемых в понятия традиционных духовно-нравственных ценностей. Использование социологических исследований для подобного анализа необходимо для понимания качества восприятия гражданами сущности ценностных категорий. Полученные результаты, в данном случае помогут в случае необходимости скорректировать работу по формированию единого восприятия ценностных установок гражданами страны.

Одинаковое восприятие смыслового содержания традиционных ценностей, их значимости для развития общества, а также их связи с историей, культурой, традиционными религиями является одним из ключевых элементов в процессе формирования общероссийской гражданской идентичности.

Традиционные ценности важны не только для укрепления идентичности, но и являются ключевым инструментом противодействия деструктивной идеологии и усиления единства общества, формируя нравственные векторы его развития. Каждое из этих направлений требует оптимального формата работы с целевой аудиторией. Социологические исследования помогут выявить наиболее эффективные формы и методы, использование которых позволит получить качественные результаты реализации государственной политики по защите и сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Уварова Татьяна Сергеевна

Губкинский филиал НИТУ "МИСИС", Губкин, Россия

Краткий обзор Новосибирской экономико-социологической школы в России

Первоначальным этапом организации Новосибирской экономико-социологической школы в России принято считать появление отдела со-

циальных проблем (труда и формирования трудовых ресурсов) в составе Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР в конце 1960-х годов. Инициатором создания данного отдела стал советский и российский экономист А.Г. Аганбегян. Специалистам, занятым в исследовательской деятельности упомянутого выше отдела, необходимо было провести ряд научных социологических исследований с параллельным освоением математических методов анализа данных по теме изучения миграции сельского населения Сибири в города.

Отличительными чертами Новосибирской экономико-социологической школы принято считать междисциплинарный характер исследований, иными словами, социологический анализ проводится на основе выводов, полученных путем совместной работы научных направлений социологии и экономики. Затем упоминается присущие данной школе комплексность и системность изучения социальных объектов. Современные социологи особенно выделяют данную отличительную черту, поскольку исследование, связанное с изучением миграционных потоков из сельской местности в городскую, требовало от исследователей, осуществляющих свою деятельность в рамках совершенно разных направлениях науки, максимальной консолидации усилий, формирования комплексной методики изучения сельской и городской территорий при условии предъявления жестких требований к качеству конечного результата исследования. Далее следует практико-ориентированное социально-экономическое направление исследования обширной территории Сибири. Одним из методов получения информации указываются частые научные экспедиции. Следующей чертой является тема исследования, затрагивающая наиболее острые проблемы общественного развития. Если вернуться к вопросу исследования миграционных потоков населения сельских территорий в города, то для более точной процедуры выявления проблем, побуждающих людей менять место жительства, как правило, проводится анализ уровня жизни населения, а точнее многих ее сфер. Это и размер заработной платы, наличие мест для трудоустройства, уровень благоустройства и инфраструктуры, медицины и образования, дошкольных учреждений и т.д. Иными словами, социологам необходимо вникнуть в каждую сферу жизни населения и путем определенных социологических методов выявить те проблемы, которые наиболее актуальны для данной конкретной местности и данного конкретного населения. Наконец, последней отличительной характеристикой Новосибирской экономико-социологической школы является взаимосвязь методов различных отраслей науки, а именно социологической, статистической и математической.

Таким образом, Новосибирская экономико-социологическая школа на протяжении многих лет своего функционирования разрабатывает уникальный подход к изучению экономики сквозь призму социальных процессов, что делает её важным элементом российской академической традиции.

Источники и литература

- 1) Актуальные вопросы экономики и социологии: сборник статей по материалам XIX Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / под ред. Ю.М. Слепенковой – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2023. – 174 с.
- 2) Актуальные вопросы экономики и социологии : сборник статей по материалам 20-ой Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / под ред. Ю.М. Слепенковой ; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2024. – 182 с.

Файзуллин Фаниль Саитович

*Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа,
Россия*

Актуализация исследований ценностных ориентаций в условиях трансформации российского общества

Определение особенностей, основных направлений и способов формирования новой системы ценностей и менталитета, их влияния на различные стороны жизни современного общества российского государства стали актуальными проблемами. Это связано с тем, что многие противоречия, которые имеются в современном российском обществе, возникли под влиянием кризиса ценностей и ценностных ориентаций, в период трансформации социально-экономических отношений в стране. На этой основе создавалась новая установка на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества, формирующие ориентированное мировоззрение и определяющее деятельность и поведение субъектов. Происходящие события показали, что ценностная ориентация и менталитет субъектов являются определяющими факторами духовной жизни общества и индивида.

Радикальные перемены, которые, произошли в стране в общественной системе, государственном устройстве и управлении требуют необходимость глубокого изучения ценностей и определения основных направлений их развития. Это обусловлено тем, что анализ преобразований истории человеческого общества дает основание утверждать, что система ценностей, может формировать как прогрессивную основу духовной культуры и мировоззрения людей, выступать и ускорять процесс развития, так и стать труднопреодолимым, непреодолимым барьером на пути развития страны. Как известно, преобразования систем становятся действительно необратимыми только в той ситуации, когда они воспринимаются обществом и закрепляются в системе ценностей, на которые это общество ориентируется.

Вопрос о духовном возрождении общества и его всех национальных сообществ в условиях трансформации российского общества актуализировался не случайно. Это возрождение должно носить многогранный характер. Как известно, только народ сохранивший свои национальные и патриотические ценности и ощущающий своё единство с другими народами, способен на оптимальные решения своих проблем. Стабилизация ситуации в создавшихся условиях требует решений социальных, экономических, политических проблем и связанных с ними ценностей, ценностных ориентаций и установок населения страны, учитывающих при этом диалектическую взаимосвязь национального и общечеловеческого их компонентов.

Поскольку обновление касается системы ценностей и ценностных ориентаций касается всех сторон общественной жизни этот процесс в условиях трансформации существенно осложняется. Проведенные в последние десятилетия преобразования и используемые методы оказались недостаточно действующими на процесс формирования новой системы ценностей и ценностной ориентации.

Вполне естественно, что проблема формирования нового мировоззрения и ментальности требует первым делом решение задач, связанных с духовно- нравственными установками общества. Эти ценности в системе общественных отношений играют столь важную роль, что кризис в этой сфере, разрушение её базовых основ по своей силе оказываются значительно сильнее последствий, как установлено нашими исследованиями, экономического кризиса [1, с. 3-5]. В связи с этим представляется необходимым разработка специальной социальной политики, направленной на решение этого вопроса.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01228)

Источники и литература

- 1) Файзуллин Ф.С., Вильданов У.С., Вильданов Х.С. Гносеологический анализ ценностей и ценностных ориентаций. -М.: Наука.2008.- 296 с.

Филиппова Дария Николаевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Российская Федерация

Традиционные духовно-нравственные ценности молодежи Республики Саха (Якутия)

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Молодежь, как самая динамичная и восприимчивая к трансформациям и изменениям группа, находится в эпицентре «переосмысливания» ценностей, переданных предыдущими поколениями. В рамках реализации НИР на 2024-2026 гг. «Социальное самочувствие и стратегии адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» (FWRS-2024-0063) проведен массовый социологический опрос. Генеральная совокупность по данным на 2024 год составляет – 1 001 664 чел. Опрос охватывает население Республики Саха (Якутии), сгруппированного по пяти зонам проживания: Центральная, Южная, Восточная, Западная и Арктическая Якутия.

В блоке «Ценностные ориентации» респонденты подчеркивали степень значения 28 ценностных ориентиров. В топ-10 ценностей для молодежи попали: семья, дети, родные; справедливость; иметь собственность; личная жизнь, любовь; взаимопомощь; социальный порядок (стабильность общества); национальная безопасность; сохранение и развитие культуры, традиций и язык своего народа; дружба; забота об окружающей среде. Самая главная ценность для всех поколений якутян – это традиционно «семья, дети, родные», однако важно отметить, что «зумеры» выбирали этот вариант реже («очень важно» - 69,4%), а другие три поколения чаще, абсолютной ценностью признали «миллениалы» (90,1%).

Самая часто выбираемая ценность среди зумеров – это «справедливость» (72.1%).

Из традиционных ценностей, перечисленных в Указе Президента РФ, «взаимопомощь» важна для представителей всех поколений (66,9%). Также значимы «труд, успех в работе, постоянная работа», эти ценности в топе-10 у «зумеров».

«Духовная жизнь», «служение стране народу» выбирают также большинство якутян всех возрастов, однако выбор степени значения «скорее важно» и «очень важно» практически сбалансирован в данных ценностных категориях. Исключение составляет выбор ответов «поколения застоя», они выбирали данные ценности чаще «зумеров» (51,7%-53,1% против 36,1-36,5%).

Выявлено, что традиционные ценности «патриотизм» и «служение родине» для молодежи менее значимы, чем для старшего поколения. Таким образом, можно сделать вывод, что для поколений отслеживается различный уровень приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям. Предполагаем, что интерпретация ценностей также различается у представителей разных поколений. Какие смыслы вкладывает молодежь в понятие традиционных духовно-нравственных ценностей? В условиях современного поликультурного общества, характеризующегося стремительными изменениями и вызовами, изучение представления о традиционных духовно-нравственных ценностях молодежи становится особенно актуальным для воспитания патриотичной, социально ответственной личности.

Исследование выполнено в рамках Госзадания №075-00619-26-00 (проект НИР № FWRS-2024-0063).

Источники и литература

- 1) Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.01.2026)
- 2) Республика Саха (Якутия) в цифрах: Краткий стат. сборник. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – Я., 2025 - 150 с. [Электронный ресурс] URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/РС\(Я\)](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/РС(Я))

- 3) Филиппова Д.Н. Патриотизм и служение Родине как ценность: молодежь и старшее поколение» // Великая Отечественная война в памяти молодого поколения / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2025. – 617 с.
- 4) В. В. Радаев. Миллениалы: Как меняется российское общество; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019 – 224 с.

Царьков Петр Евгеньевич

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия*

**Авторская методология социологического анализа текста на
примере исследования концепции социального идеала,
разработанной российскими мыслителями-эмигрантами,
последователями П. И. Новгородцева**

Предложенный автором аналитический метод наиболее эффективен для исследования текстов, характеризующихся нечеткой концептуальной структурой и позволяющих выявлять многозначные и сложные идеи (литературные, публицистические, социально-философские, социально-научные тексты и т. д.). Более того, эта методология может быть успешно применена для анализа музыкальных произведений и произведений искусства, включая архитектурные сооружения.

В работах, представляющих школу П. И. Новгородцева, концепция социального идеала не представлена как всеобъемлющая теория. Это объясняется тем, что в ранний период Нового времени... Социальные науки еще только формировались, и их философские предпосылки вызвали споры.

- Термин «современность» (*Modern era*) используется для обозначения исторического периода на рубеже XX века. В широком смысле, современность (эпоха модерна) — это период, следующий за Средневековьем. В строгом смысле, используемом автором диссертации, современность — это период с 1910 по 1960 годы. В этот исторический период социальные науки еще только формировались, а их философские предпосылки были предметом споров.

Поэтому можно говорить только о совокупности концепций рассматриваемых авторов и об отдельных теоретических построениях, которые, кроме того, развивались со времени публикации в 1917 году ключевой для школы П. И. Новгородцева книги «О социальном идеале» до начала 1950-х годов. Из этой совокупности выделяются теоретические утверждения, относящиеся к понятию социального идеала, и вся концепция социального идеала формируется как комплекс.

Данное исследование представляет собой контент-анализ источников, включая монографии и статьи П. И. Новгородцева и его учеников Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина и Н. Н. Алексеева, что позволяет эмпирически проверить целостность концептуальной основы и реалистичность целей и средств реализации социального идеала.

В ходе исследования автор проанализировал содержание шестидесяти пяти источников — 24 статей и 41 монографии. Эти тексты содержат информацию, относящуюся к понятию социального идеала. Анализ источников проводился в два этапа с применением методологии, основанной, с одной стороны, на классическом контент-анализе, а с другой стороны, на информационно-целевом анализе текстов, разработанном Т.М. Дридзе.

На первом этапе текстового исследования было проверено и доказано предположение об идентичности теоретической основы концепции социального идеала у П. И. Новгородцева, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина и Н. Н. Алексеева, а также о стилистическом сходстве представления этой концепции. Таким образом, есть основания применять к исследованию всех текстов методологическую модель, разработанную для определения путей реализации социального идеала. Основной акцент на этом этапе анализа следует сделать на исследовании текстов И. А. Ильина и Н. Н. Алексеева, поскольку в них в основном развивался политический (относительный) идеал, который, по их замыслу, должен был быть реализован в ближайшей исторической перспективе.

Тексты произведений рассматриваемых авторов были всесторонне изучены с использованием вышеупомянутой методики. Поскольку количество проанализированных текстов достаточно велико (24 статьи и 41 монография), оказалось невозможным продемонстрировать анализ каждого отрывка из всех этих текстов. Анализ проводился по модели социального идеала, взятой из произведений представителей школы П. И. Новгородцева.

На каждом из четырех уровней исследования, указанных в методологическом разделе, для наглядности приводится необходимый текстовый фрагмент, соответствующий конкретному элементу данной модели.

Следует учитывать наличие некоторых неточностей в полученных результатах, вызванных очень большим объемом анализируемых текстов. По этой причине анализ всего текстового корпуса на втором этапе семантического и структурного анализа оказывается невозможным. На этом этапе исследования единицы анализа будут отобраны только из одного источника — монографии Н.Н. Алексеева «Теория государства: теоретическая политология, структура государства, государственный идеал». Выбор данной монографии обусловлен тем, что она была издана в более поздний период творчества автора, когда концепция социального идеала уже приобрела свою форму.

Общее количество слов в анализируемом тексте составляет 54 600. В процессе отбора было выбрано 30 слов, наиболее важных для исследования. Они повторяются по всему тексту, поэтому их количество достигает 2184. Выбранные слова составляют 4% текста. Количество слов на одной странице составляет около 260.

Большинство выбранных слов, имеющих ключевое значение — путь, идея, судьба, бесконечный, особый, высший, универсальный, вечный, истина, обновление, духовный — носят метафизический, религиозный и философский характер. Это наиболее общие и расплывчатые понятия, которые делают невозможным понимание того, как именно должен быть реализован проект идеального государства, а также что такое идеальное государство. В целом, анализ позволил выявить отсутствие в текстах четкой и хорошо разработанной терминологии. Это создает трудности при определении значения многих ключевых слов.

Такие слова, как должен (должен) и будет (будет), (наиболее часто встречающиеся – 337 раз) используются в тексте как синонимы и чаще всего сопровождаются такими единицами анализа, как строй (режим), право (право), государство (государство), идея (идея) и (мощность).

Следует подчеркнуть, что слова с отрицательным значением, такие как нет (нет), не (не), невозможно (невозможно) не используются в тексте со словами будет (будет) и должен (должен). Это свидетельствует о декларативном характере высказываний.

Результаты, полученные в ходе контент-анализа, позволяют нам сделать следующие выводы:

- На основе эмпирических исследований обосновывается существование единой школы П. И. Новгородцева, представленной ее учениками - Б. П. Вышеславцевым, Н. Н. Алексеевым и И. А. Ильиным;
- Представители этой школы развивают концепцию социального идеала, характеризующуюся схожими концептуальными рамками;

- Эта концепция оказалась слабо обоснованной с теоретической точки зрения, противоречивой внутри себя и принципиально нереализуемой;
- Концепция социального идеала, разработанная представителями школы П. И. Новгородцева, представляет собой исключительно идеологическую абстрактную схему, не имеющую отношения к социальной практике.

Источники и литература

- 1) Холсти О. Р. и др. Контент-анализ // Справочник по социальной психологии, том 2: Методы исследования. Под ред. Г. Линдзи и Э. Аронсона. Мило-Парк (Калифорния) – Аддисон-Уэсли, 1968.
- 2) Алексеев Н. Н. Теория государства: Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал— Прага, 1931 год.
- 3) Алимарин С.И. Социальнаяэволюцияидеология // МОЛ (Московская организация литературоведов). - Том. 1. — 2003.
- 4) Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев, Б.П.ЭтикапреображенногоЭроса. – М.: Республика, 1994.
- 5) Вышеславцев Б.П.ЭтикапреображенногоЭроса. – М.: Республика, 1994.
- 6) Гавров С.Н.Модернизатсиявойимперия: социокультурные аспекты-модернизационных процессов в России. Книга в формате pdf. М.: Редакция УРСС УРСС, 2004, 2010.ISBN 978-5-354-00915-2↑
- 7) Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит.М.: МГУДТ, 2010.ISBN 978-5-87055-116-6↑
- 8) Галечян А.М. Политическая элита как субъект модернизации современной России. Автореферат кандидатской диссертации. диссертация — М., 2008.
- 9) Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследования.— МПСИ: Флинта, 2005.
- 10) Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – СМ.: Наука, 1984.
- 11) Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. – 1991. –Т. 5.

- 12) Хабермас Дж. Модерн – незавершенный проект. Постмодернизм и культура.http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Moder
- 13) Шалак В. И. Современный контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. – Омега-Л, 2009.
- 14) Орлова Е.А. Современный как культурный стиль л// Обсерватория культуры. Том. 4.
- 15) Орлова Е.А. Социология культуры. – М., 2012.
- 16) Эйзенштадт С. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизации. — М., 199

Цыденов Даба Дашиинимаевич

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского
отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия*

**Социальный статус врачей в современной России: основные
направления трансформации**

Сохранение здоровья и жизни населения является одной из базовых общественных потребностей, в связи с этим профессия врача занимает особое место в социальной структуре общества. Исторически социальный статус врачей всегда характеризовался высоким авторитетом, общественным доверием, социальной значимостью и престижем. В настоящее время в результате институциональных и социальных трансформаций статус врачей в современной России претерпевает существенные изменения.

Одним из ключевых причин изменения статуса врачей выступает реформирование системы здравоохранения, сопровождаемое оптимизацией медицинских учреждений, внедрением управленческих технологий и усилением стандартизации деятельности. Данные процессы ведут к ограничению профессиональной автономии врача и росту бюрократической нагрузки. Медицинская деятельность всё чаще оказывается встроенной в систему нормативного контроля и отчётности, и это изменяет традиционную модель врача как независимого профессионала.

Важным направлением трансформации является экономическое измерение статуса. Несмотря на государственные меры поддержки, уровень материального обеспечения врачей остаётся неоднородным и доста-

точно часто не соответствует высокой социальной ответственности профессии, особенно в проблемных регионах. Коммерциализация медицины усиливает противоречивость положения врача: медицинская помощь всё чаще воспринимается как услуга, что формирует потребительские ожидания пациентов и изменяет характер взаимодействия «врач–пациент».

Существенные изменения затрагивают и сферу общественного доверия. Пандемия COVID-19 актуализировала роль врачей как ключевых акторов социальной безопасности, что повысило общественное признание профессии. Вместе с тем рост конфликтности, критика в СМИ, судебные преследования и увеличение юридических рисков делают статус врача более уязвимым.

Кроме того, трансформируется профессиональная идентичность врачей. Современный специалист обязан сочетать клиническую компетентность с цифровой грамотностью, коммуникативными навыками и адаптацией к управленческим требованиям. Данное обстоятельство усложняет профессиональную роль врачей и усиливает нагрузку на них.

Таким образом, социальный статус врачей в современной России развивается в условиях противоречивых тенденций: сохраняется высокая общественная значимость профессии, но одновременно усиливаются факторы, снижающие её устойчивость. Социологический анализ трансформации статуса врачей представляет важное направление исследований, поскольку напрямую связан с эффективностью системы здравоохранения и качеством медицинской помощи.

Источники и литература

- 1) Еремина М.Г., Ковалев Е.П., Кром В.Л. Социальный портрет профессиональной группы врачей в региональном здравоохранении // Главврач. 2020. № 12. С. 33-39.
- 2) Крымская И.А. Социально-профессиональное положение врачей в условиях реформирования российского здравоохранения. Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук. М. 2025 - 171 с.
- 3) Линденбратен А.Л. Актуальные проблемы российского здравоохранения. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2020. №3. с.35.
- 4) Решетников А.В. «Социология медицины : руководство». - М.: ГЭОТАР - Медиа. 2010. - 864 с.

Чердымова Елена Ивановна

*Самарский национальный исследовательский университет имени
С.П.Королева, Самара, Россия*

Онтологические основания формирования патриотизма в западном просвещении и русской философской мысли

Эволюция философских представлений о патриотизме демонстрирует сложную преемственность идей. В классической традиции, у Гегеля, патриотизм определяется не только как готовность к жертве, но и как постоянное внутреннее отношение, в рамках которого государство выступает субстанциальной основой индивидуального существования [1]. Ж.-Ж. Руссо, в свою очередь, связывает любовь к родине с гражданской добродетелью, реализуемой посредством общественного договора, нацеленного на достижение общего блага [2]. В современной западной теории патриотизм трактуется как социально обусловленный феномен. Б. Андерсон полагает, что нация существует как воображаемое сообщество, а чувство патриотизма возникает благодаря культурным практикам, создающим ощущение принадлежности [3]. М. Уолцер противопоставляет слепой и критический патриотизм, подчеркивая, что подлинное патриотическое чувство предполагает моральную оценку действий государства [4]. М. Нуссбаум предлагает концепцию космополитического патриотизма, в которой локальная привязанность к родине уравнивается приверженностью универсальным этическим принципам [5]. В отечественной научной традиции доминируют социально-психологические и социологические подходы к анализу патриотизма. Исследование С.И. Кудинова и соавторов выявило у студентов устойчивые личностные установки, сгруппированные в три кластера, каждый из которых отражает особый тип отношения к родине [6]. Во всех этих кластерах прослеживается стремление соотносить себя с коллективными ценностями, что указывает на глубокую интеграцию патриотизма в структуру личностной идентичности. Данная идея прослеживается в работах Н.Г. Осиповой: «Общество представляет собой духовный организм с присущим ему внутренним содержанием, характерными особенностями и целями развития. Социальный идеал, если он устанавливается произвольно, без учета внутренних особенностей данного конкретного общества, может направить идейно-мотивированную волю по ложному пути, противоречащему сущности этого общества» [7]. Т.А. Лукишина в своем исследовании выявила, что большинство молодых людей идентифицируют себя как патриотов, понимая патриотизм как принадлежность к стране и народу [8]. С.С. Кашуркина подчеркивает важность семейной среды как клю-

чевого фактора формирования патриотических установок, подчеркивая тем самым роль первичных коллективов [8]. В то время как западные концепции преимущественно интерпретируют патриотизм как результат индивидуального выбора и критического осмысления, российская научная традиция акцентирует внимание на коллективной идентичности, исторической преемственности и значимой роли государства в формировании патриотического сознания; современные эмпирические исследования, особенно в контексте молодежной среды, демонстрируют устойчивое стремление к более точному, многомерному и дифференцированному пониманию этого социального феномена.

Тезисы выполнены в рамках гранта РНФ №25-28-02578

Источники и литература

- 1) Гегель Г.В. Ф. Философия права / пер. с нем. Н. А. Розенберга. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- 2) Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / пер. с фр. Н. И. Стороженко. М.: Канон, 1998. 352 с.
- 3) Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
- 4) Walzer M. Obligations: Essays on Disobedience, War, and Citizenship. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 280 p.
- 5) Nussbaum M. Patriotism and Cosmopolitanism // Boston Review. 1994. Vol. 19, No. 5.
- 6) Кудинов С. И., Кудинова И. Б., Кудинов С. С. Психологический анализ проявления патриотичности личности у студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 2. С. 5-13.
- 7) Осипова Н.Г. «Феномен русской идеи»: истоки, компоненты и духовный смысл // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2025. №3, С. 7 -30.
- 8) Лукишина Т. А. Социально-смысловой критерий диагностической модели формирования патриотических установок личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 115-118.

«2. Экономическая социология и менеджмент во времени и пространстве (руководитель – д.с.н., проф. С.А. Барков)»

Chen Xing

*Hankou University, Wuhan City, Hubei Province, China, 430200, NO.299,
Culture Av. Jiangxia District*

Spatial Evolution of Transnational Division of Labor in New Energy Industries from a Global Value Chain Perspective and Comparison of "De-risking" Strategies

Against the backdrop of intertwined global green transition and economic security imperatives, the global value chain (GVC) division of labor in new energy industries (e.g., photovoltaics, lithium batteries) is undergoing profound restructuring. Based on trade-in-value-added data from the OECD-WTO TiVA database, this paper employs forward/backward decomposition methods of GVC to characterize the division of labor pattern and combines a spatial econometric model (Spatial Durbin Model, SDM) to systematically analyze the driving mechanisms of spatial evolution in GVCs of new energy industries from 2010 to 2022. It focuses on exploring the transformation path from the "East Asian production network" to a "global multi-center" structure, the reshaping effects of Europe and the U.S. "friend-shoring" policies on the spatial layout of global new energy GVCs, and Russia's industrial upgrading strategy through embedding in high-value-added segments. The findings reveal: (1) The GVC division of labor in new energy industries shows a "decentralization" trend. China still dominates intermediate goods supply (with its value-added share in photovoltaic modules exceeding 60%), but Southeast Asia (Vietnam, Malaysia) and Eastern Europe (Poland, Hungary) have gradually taken over assembly segments, forming a multi-center pattern of "East Asian R&D + regional manufacturing + global market." (2) Europe and the U.S. "friend-shoring" policies, through tariff barriers and subsidy incentives (e.g., the U.S. Inflation Reduction Act, IRA), promote the transfer of value chains to regions of "value-based alliances," leading to a 12% decline in the EU's import dependence on Chinese lithium batteries, though its reliance on Chinese photovoltaic equipment remains high (over 50%). (3) Leveraging energy resource endowments and military-industrial technology

accumulation, Russia has achieved value-added enhancement in segments like anode materials (graphite) for lithium batteries and purification of photovoltaic silicon materials; the export value-added of related products in 2022 increased by 45% compared to 2018. Innovatively integrating dual perspectives of "green transition" and "economic security," this paper quantitatively reveals how industrial policies reshape GVC spatial structures, providing theoretical references for global new energy industry collaboration and risk prevention.

With carbon neutrality goals becoming a global consensus, new energy industries have emerged as a focus of great-power strategic competition. The traditional "East Asian production network" (centered on China, Japan, and South Korea) faces challenges from geopolitical conflicts and increasing supply chain vulnerabilities. Europe and the U.S. have implemented "de-risking" strategies such as "friend-shoring" and "nearshoring" to restructure GVC spatial layouts. However, existing studies mostly focus on traditional manufacturing, lacking systematic analysis of the dynamic evolution of GVCs in new energy industries, the actual effects of "de-risking" policies, and the upgrading paths of emerging economies (e.g., Russia).

Based on GVC theory, this paper uses trade-in-value-added data from the TiVA database. Forward decomposition (measuring a country's value-added contribution to GVCs) and backward decomposition (measuring foreign value-added in a country's GVC participation) are applied to identify the division of labor status of countries in new energy industries. A Spatial Durbin Model (SDM) is constructed, incorporating variables such as geographic distance, institutional similarity (e.g., the EU's Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM), and policy intensity (e.g., subsidy amounts) to quantify factors influencing GVC spatial agglomeration.

Core Findings

1. GVC Division of Labor Evolves from "East Asian Unipolarity" to "Global Multi-centrality"

From 2010 to 2022, the regional concentration (Herfindahl-Hirschman Index, HHI) of GVCs in new energy industries decreased from 0.68 to 0.52, indicating a decentralized trend. China maintains a lead in high-value-added segments like photovoltaic wafers and lithium battery cathode materials (with value-added shares of 75% and 62%, respectively), but assembly segments have accelerated their shift to Southeast Asia: Vietnam's photovoltaic module exports grew at an average annual rate of 23%, and Malaysia's lithium battery PACK capacity accounts for 15% of the global total. Meanwhile, Europe (relying on technological R&D—Germany's patents for photovoltaic inverters account for 30% of the global total) and

the U.S. (leveraging market demand—California’s energy storage installed capacity accounts for 40% of the U.S. total) have formed dual centers of "R&D-market," promoting the transformation of GVCs toward "multi-node collaboration."

2. Europe and the U.S. "Friend-shoring" Policies Reshape GVC Spatial Layouts

The U.S. IRA attracts the return of lithium battery production capacity through the Production Tax Credit (PTC); U.S. planned domestic lithium battery capacity in 2022–2023 tripled compared to pre-policy levels. The EU’s Net-Zero Industry Act sets a target for domestic new energy product capacity to reach 40% by 2030, promoting Poland and Hungary to become new production bases for photovoltaic modules. Spatial econometric results show that friend-shoring policies reduced the import elasticity of intermediates from "non-allied" countries by 0.35 for Europe and the U.S., but their import dependence on high-value-added equipment (e.g., photovoltaic PECVD equipment) remains irreplaceable, highlighting the inherent contradiction between "de-risking" and "efficiency-first."

3. Russia Achieves Industrial Upgrading Through Embedding in High-Value-Added Segments

Leveraging graphite ore resource advantages (reserves accounting for 20% of the global total) and nuclear industry technology accumulation, Russia has broken through purification technologies for lithium battery anode materials (artificial graphite). In 2022, the export value-added of related products reached \$1.2 billion, a 45% increase from 2018. Additionally, by cooperating with India to build a photovoltaic silicon material plant (annual capacity: 50,000 tons), it is gradually reducing its dependence on Chinese silicon materials. However, it still relies on imports for high-end equipment (e.g., lithography machines), facing the risk of "low-end lock-in" in industrial upgrading.

Russia’s case demonstrates that resource endowments need not lead to "low-end lock-in"; synergy between "resources-technology-international cooperation" enables leapfrogging from "raw material supplier" to "controller of key segments." Key experiences include: 1) Activating resource value through technological accumulation: Redirecting military/heavy industry tech reserves (e.g., graphite purification, silicon processing) to new energy high-value-added segments. 2) Addressing industrial chain gaps via international cooperation: Trading resources/markets for technology (e.g., Russia-India silicon plant) to quickly overcome entry barriers. 3) Precision policy focus on "chokepoint" areas: Avoiding misallocation via targeted

support for high-value-added, high-linkage segments (e.g., anode materials, electronic-grade silicon).

GVCs in new energy industries are experiencing complex evolution characterized by the coexistence of decentralization and regional clustering. China needs to strengthen technological research in high-value-added segments (e.g., chips, precision equipment) while consolidating its manufacturing advantages. While friend-shoring policies can reduce supply chain risks in the short term, they may raise costs and delay green transitions in the long run. Russia demonstrates that combining resource endowments with technology accumulation is an effective path for industrial upgrading, but breaking through external technological blockades is critical. Future research could further explore the interaction between digital technologies and GVC restructuring to provide more inclusive solutions for global economic governance.

Источники и литература

- 1) Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Harvard University Press.
- 2) Wang, Z., Wei, S. J., & Zhu, K. (2013). *Quantifying International Production Sharing at the Bilateral and Sector Levels*. NBER Working Paper No. 19677.
- 3) Zhang, Y., et al. (2022). *Global Value Chain Reconfiguration in Photovoltaic Industry: From East Asia to Global Multi-Polarity*. *Energy Policy*, 168, 113127.
- 4) Li, X., & Sun, L. (2023). *Lithium-Ion Battery Global Value Chains: Structural Changes and Policy Impacts*. *Journal of Cleaner Production*, 402, 136782.
- 5) Evenett, S. J., et al. (2023). *Friend-Shoring and the Geopolitics of Supply Chains*. CEPR Discussion Paper No. DP18234.
- 6) WTO (2023). *World Trade Report 2023: Re-globalization for a Secure and Inclusive Future*.
- 7) Pietrobelli, C., & Rabellotti, R. (2011). *Upgrading in Global Value Chains: Lessons from Latin American Clusters*. *World Development*, 39(10), 1777-1789.

Grigroyan Ani Zohrab

Economic Crises and the Sociological Analysis of Managerial Decision-Making

Economic crises are not merely financial disruptions or market fluctuations; they represent complex, multidimensional social environments that fundamentally reshape the landscape of managerial decision-making at both organizational and governmental levels. During periods of intense economic instability, management decisions are no longer dictated solely by supply and demand or market constraints. Instead, they are deeply embedded in a web of social factors, including the erosion of institutional trust, shifting collective expectations, intricate power relations, and the subjective value orientations of key decision-makers.

The primary purpose of this study is to examine the transformation of managerial decision-making during economic crises through a sociological lens. Particular attention is paid to the concept of "social embeddedness," which suggests that economic actions are inextricably linked to social networks and institutional norms. By analyzing how managers navigate crises, the research seeks to uncover how societal consequences are often overlooked in favor of immediate financial survival. The theoretical framework of this study is inherently interdisciplinary, synthesizing core principles from economic sociology, modern organizational theory, and New Institutionalism.

The methodological approach of the research relies on a rigorous qualitative analysis of secondary data, including case studies of past global recessions and a comparative review of crisis management practices across diverse socio-economic contexts. This allows for a deeper understanding of how different institutional environments influence the adaptive strategies of organizations.

Findings indicate that economic crises tend to transform established management models by significantly increasing systemic uncertainty and perceived risk. Under such volatile conditions, formal rules often give way to informal institutions. Internal organizational cohesion and the perceived legitimacy of managerial actions become critical assets for survival. Consequently, decision-making processes increasingly move beyond the narrow scope of purely economic rationality. Managers are forced to incorporate social considerations such as employee morale and community reputation aimed at preserving long-term stability and maintaining stakeholder confidence.

At the same time, the study identifies a critical paradox: crisis-driven management frequently prioritizes short-term financial stabilization and liquidity. While these actions may ensure immediate survival, they often trigger a cascade of negative long-term social effects. These include increased labor insecurity, rising structural inequality, and a profound declining trust in social and economic institutions. The analysis demonstrates that organizations and public authorities that proactively account for these social consequences demonstrate significantly higher resilience and superior adaptive capacity in the post-crisis recovery phase.

The study concludes that the integration of sociological analysis into the traditional framework of crisis management contributes to more balanced, ethical, and sustainable managerial decisions. Such a comprehensive approach enables a holistic assessment of risks, moving beyond balance sheets to support strategies that successfully combine economic recovery with social responsibility and human-centric governance.

Mulaw Sisay Genanu Mulaw

*Лобачевский State University Nizhny Novgorod, Нижний Новгород,
Russia*

The impact of good governance quality on trade openness in reformed African countries

Counter trade openness crosswise the world has augmented speedily over the past decades, yet the execution rate remains highly irregular [6]. There is a huge gap in trade openness to developing countries so developed countries in groups should fill the gap in groups [5]. One progressively imperative illustrative influence is governance: institutional, regulatory systems, and the quality of politics in the country. Governance quality considered by transparency, accountability, rule of law, and regulation can create an enabling environment for fostering trust among businesses and investment in infrastructure. These elements are significant for inspiring Trade openness [3].

Empirical studies support a strong connection between trade openness and governance quality. For example, regardless of the regime type, access to trade provides more stable governance. Trade brings more freedom to societies to exercise democracy, leads to democracy. It enhances the effectiveness of the government [6]. On the other hand, Trade Openness is important for corruption control, shaping government and promoting democratization, promoting political institutions and

economic digitalization, and political regime and political liberties [4]. More importantly, trade openness has a significant impact on government effectiveness but more effectively in developed countries. [1].

Although there are various studies about developed and developing countries in individual countries and groups, as mentioned above, studies based on politically reformed states are limited. Therefore, this study is important in terms of examining the relationship between governance quality and trade openness for politically reformed countries and identifying the macroeconomic and institutional factors that will contribute to the trade openness in these countries. Thus, the study would provide empirical evidence on how governance reforms in Africa foster trade development, and the role of political institutional changes in supporting digital economy.

This study examined the impact of governance quality on Trade Openness in African countries. The countries were Angola, Ethiopia, Sudan, South Africa, and Zimbabwe, between the year 2000 and 2021. We selected these countries because they implemented political reforms between 2017 and 2019. The main aim was to assess whether the political reform (measured by WGIs) in these countries improves the Trade Openness.

The dependent variable is Trade Openness, which is measured as export plus import divided by GDP and collected from our world on data website. The independent variable was good governance obtained from, which is proxied by World Governance Indicators (WGIs) obtained from World Bank Government indicators. The control variables are GDP per capita, educational level, proxied by expected year of schooling, which is the number of years of children of school entrance age can expect to receive. Urbanization is proxied by share of people living in urban areas. All the control variables are collected from our world on data website.

To assess the effect of good governance on Trade Openness in the selected African Countries, a panel model with fixed effects was specified [7]. The model is presented in equation below, $Openness_{it}$ stands for Trade openness in the right side. WGI_{it} indicates government quality, $Schooling_{it}$ stands for educational level, and $Urbanization_{it}$ stands for urbanization on the left side. Then, the model is specified as follows.

Where i stands for each nation, t is the year, α is the intercept, and β_0 - β_4 are the slopes of each explanatory variable, and ϵ is the error term.

To analyze the effects of the impact of governance quality on trade openness in African countries, the descriptive analysis was conducted. Angola is the leading country in the group in opening the country for trade. Zimbabwe, South Africa, and Ethiopia follow. Ethiopia showed continuous decreasing trends in trade openness while other countries showed increasing

trend since 2020. It implies Except Ethiopia other reformed countries didn't show an improvement in the trade openness after the reform.

Based on the Fixed effect panel model, government quality, internet adoption and urbanization are significant determinants of internet adoption in Africa countries. Government quality negatively while internet adoption and urbanization have affected trade openness positively. Government quality has a significant and negative impact on trade openness in these countries. An increase in quality of government by 1-unit results in a decrease in Trade Openness of 2.9 units. This implies in these countries, due to the political reform trade openness is not expanded.

The second significant variable is internet adoption. Internet adoption has a positive and significant impact on trade openness. This implies when internet adoption expands the trade openness increases. An increase in internet adoption by 1-units results in increase in trade openness of 8.28 units. This finding is consistent with [4] who studied in southeast Asian countries.

Another finding is that urbanization shows a positive and significant impact on trade openness. This implies when urbanization expands the trade openness increases. This finding is consistence with [2] who studied in BRICS countries. Diagnostic tests additionally validate the model's robustness, including the F-test, heteroskedasticity test, Multicollinearity test, serial correlation test, and cross-sectional dependency test, which all yielded satisfactory results that confirmed the robustness of the model.

The study investigates the relationship between governance quality and trade openness within the context of politically reformed countries. The study includes Angola, Ethiopia, South Africa, and Zimbabwe from 2000 to 2021. Opposing the previous findings, this research reveals a negative and significant relationship between quality of governance and trade openness in these countries. The study confirms that the recent political reforms have not yet successfully brought stability, accountability, and institutional trust, which are very vital for the development of trade.

The study also showed that the main factors influencing trade openness in these countries are urbanization and internet adoption. Therefore, for the improvement of trade openness, the improvement of political institutions and development of urbanization, and expansion of internet are important. Given the small number of countries chosen, future studies should broaden their focus to include developing and African reformed states.

Источники и литература

- 1) Al-Marhubi FA. Openness and governance: Evidence across countries. Oxford Development Studies. 2005;33(3-4) :P. 453-71. <https://doi.org/10.1080/13600810500199269>
- 2) Chhabra M, Giri AK, Kumar A. The impact of trade openness on urbanization: Empirical evidence from BRICS economies. Journal of Public Affairs. 2022 Nov;22(4): P. 2637. <https://doi.org/10.1002/pa.2637>
- 3) Manocha R. Does Quality of Governance Play a Role in Trade? The Case of India's Trade Flows. Asian Development Policy Review. 2022;10(1): P. 65-76. <http://www.aessweb.com/>
- 4) Nguyen H.M. Impact of Internet Use on Trade Openness: Evidence from Southeast Asian Countries. Journal of Economic and Banking Studies. 2023, P.45-52. <https://doi.org/10.59276/JEBS.2023.06.2420>
- 5) Omoke PC, Opuala–Charles S. Trade openness and economic growth nexus: Exploring the role of institutional quality in Nigeria. Cogent Economics & Finance. 2021 Jan 1;9(1) :P.1868686. <https://doi.org/10.1080/23322039.2020.1868686>
- 6) Onafowora O.A, Owoye O. Trade openness, governance quality, and economic growth in Latin America and the Caribbean. International Economics. 2024, P.100527. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2024.100527>
- 7) Wooldridge J.M. Econometric analysis of cross section and panel data. MIT press; 2010, P.265-276. <https://mitpress.mit.edu/9780262232586/econometric-analysis-of-cross-section-and-panel-data/>

***Абраменко Мария Леонидовна¹, Старшов Егор Дмитриевич²,
Гиленко Евгений Валерьевич²***

*1 - Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского
государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; 2 -
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Брачно-семейные установки и предпочтения в выборе жилья молодёжью: постановка проблемы и подходы к моделированию

В последние годы в СМИ и научной литературе широко обсуждается вопрос смены предпочтений при выборе жилья представителями

поколений Y и Z [1; 2; 3]. Развитие «шеринговой» экономики, повышение среднего возраста рождения первого ребёнка – эти и другие тенденции приводят к переосмыслению молодыми людьми образа жизни. Перемены в репродуктивном поведении молодёжи (откладывание решения о рождении первого ребёнка), где жилищный вопрос выступает одним из значимых барьеров, говорят о важности рассмотрения государственной политики в сфере жилья с учётом поколенческих особенностей [4]. Государственные программы, в основном, направлены на повышение доступности жилья для молодёжи, но не так часто ставятся вопросы: *какое именно* жильё нужно молодёжи? Отличаются ли предпочтения в выборе жилья у молодых людей с разными *репродуктивными намерениями*?

Реалистичность результатов применения традиционных методов определения предпочтений (совместный анализ, анализ выявленных предпочтений и др.) для ответов на эти вопросы ограничивается стоимостным фактором [5]. Жесткие бюджетные ограничения сужают набор доступных альтернатив, вынуждая покупателей отказываться от значимых для них атрибутов. В таких условиях фактический выбор не отражает истинную структуру ценностей потребителя, что ведет к смещению оценок при использовании традиционных методов. В связи с этим, для выявления паттернов потребительского поведения целесообразно сместить фокус с анализа изолированных атрибутов жилья на изучение иерархических связей между характеристиками объекта и ценностями, которые они реализуют. Такой подход позволяет выявить альтернативные, более доступные продуктовые решения, удовлетворяющие те же глубинные потребности покупателя.

В исследовании представлена методология изучения взаимосвязи атрибутов жилья и ценности, которую они представляют для молодёжи с разными брачно-семейными установками. Базовой моделью, позволяющей изучить взаимосвязь атрибутов продукта и ценности, которую он в себе несёт для покупателей, является модель «means-end chain» (модель средство-цель, МЕС), предложенная Дж. Гутманом [6]. МЕС представляет собой иерархическую цепочку, где атрибуты продукта (например, высота потолка) определяют последствия (отсутствие скованности), которые формируют ценность (чувство уверенности). Традиционно МЕС составляется на основе каскадных глубинных интервью, где респондентам предлагается выбрать несколько значимых атрибутов продукта и обосновать их ценность [7].

Методологическая новизна разрабатываемого нами подхода заключается в оценке МЕС модели с использованием метода PLS-SEM: показатели воспринимаемой важности атрибутов становятся манифестными

переменными для следствий — латентных переменных, которые, в свою очередь образуют ценности, раскладываемые по категориям Шварца [8]. Затем значимость коэффициентов модели сравнивается по кластерам респондентов в соответствии с их брачно-семейными установками. Ожидается, что применение разработанной модели позволит сегментировать молодежь по ценностным ориентирам для более точного продуктового позиционирования жилья для молодёжи.

Источники и литература

- 1) Aramburu M. 2015. Rental as a taste of freedom: the decline of home ownership amongst working-class youth in Spain during times of crisis. *International Journal of Urban and Regional Research*. Т. 39. №. 6. P. 1172-1190.
- 2) McKee K. 2012. Young people, homeownership and future welfare. *Housing studies*. Т. 27. №. 6. P. 853-862.
- 3) Лернер И. М. и др. 2024. Модель отбора информационных ресурсов на базе теории поколений, наукометрии и факторной методики исследования личности как инструмент развития глобальных цифровых платформ. *Научные и технические библиотеки*. Т. 1. №. 1. С. 15–50.
- 4) ВЦИОМ. Квартирный ответ на демографический вопрос. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii> - (дата обращения: 18.10.2025).
- 5) Jansen S. J. T., Coolen H. C. C. H., Goetgeluk R. W. 2011. *The Measurement and Analysis of Housing Preference and Choice*. Netherlands: Springer. P. 253-264.
- 6) Gutman J. 1982. A means-end chain model based on consumer categorization processes. *Journal of marketing*. Т. 46. №. 2. P. 60-72.
- 7) Collen H., Hoekstra J. 2001. Values as determinants of preferences for housing attributes. *Journal of Housing and the built Environment*. Т. 16. №. 3. P. 285-306.
- 8) Schwartz S. H. 1992. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. Academic Press. Т. 25. P. 1-65.

Агабабян Асмик Робертовна

Факторы формирования организационной культуры в условиях цифровизации

Процесс цифровизации продолжает активно проникать в жизнь общества. Системы образования, здравоохранения, государственного управления, а также бизнес-среда подвергаются значительным переменам. На жизнедеятельность компании особое влияние оказывает организационная культура. Актуальность изучения факторов формирования организационной культуры в условиях цифровизации связана с необходимостью адаптации компаний к новым условиям, с повышением эффективности деятельности компаний в быстро меняющейся обстановке, а также с формированием новой организационной культуры и новых бизнес-моделей в эпоху цифровизации. Внедрение новых технологий и искусственного интеллекта меняет характер взаимодействия, роли и должностные функции сотрудников организаций. В связи с этим формирование и развитие организационной культуры являются важнейшими процессами для успешной деятельности компаний.

В условиях цифровизации важнейшими факторами являются технологические. К ним можно отнести инновации, искусственный интеллект, средства автоматизации, научной-технический прогресс и технологическую инфраструктуру организации в целом.

К социальным факторам можно отнести отношение к труду, изменения в базовых ценностях, уровень жизни, образование. В организациях также необходимо учитывать стиль лидерства и управления, системы мотивации труда, реакцию руководителей в кризисных ситуациях. Можно выделить социально-экономические факторы, моральные нормы, а также национальную специфику компаний.

Необходимо также отметить, что уровень технического развития в разных странах мира отличается и зависит от целого ряда факторов. Например, важными факторами являются экономическое развитие и научный прогресс. Одним из мировых лидеров в сфере высоких технологий является Китай. В России есть крупные технологические центры (например, Сколково). В США – «Кремниевая долина», где сосредоточены высокотехнологичные компании. Появилось понятие «Кремниевая саванна» в Кении. Кения является одной из наиболее технологически развитых стран в Африке.

Таким образом, социальные и технологические факторы организационной культуры в условиях цифровизации формируют новые вызовы и

проблемы, вносят изменения в характер и условия труда, требуют новых навыков и компетенций, новых способов управления и организационного поведения.

Источники и литература

- 1) Барков С.А. Социология организаций / С.А. Барков, В.И. Зубков. – 2-е изд. - М.: Издательство Юрайт. 2019.
- 2) Грошев И.В., Хэ М. Управление цифровой трансформацией организационной культуры и формирующих ее факторов в условиях цифровизации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 5-13.
- 3) Гавриленко О.В. Российская деловая культура: тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология
- 4) Иванова Н.И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике // Экономика. Налоги. Право. 2024. №3.

Агафонова Вера Владимировна

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Организационно-сетевые и инфраструктурные механизмы поддержки молодежного предпринимательства в России: институциональный потенциал, достижения и структурные ограничения

Развитие молодежного предпринимательства в Российской Федерации закреплено в качестве одного из приоритетных направлений социально-экономической политики, что отражено в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года [1] и национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [2].

Согласно данным Единого реестра субъектов МСП и Корпорации МСП, в России в последние годы наблюдается устойчивый рост численности субъектов малого и среднего предпринимательства [3]. Вместе с тем количественное расширение сектора МСП не всегда сопровождается пропорциональным ростом его инновационной активности, производительности и устойчивости.

В этой связи актуализируется задача анализа инфраструктурной системы поддержки молодежного предпринимательства, включающей бизнес-инкубаторы, акселераторы, технопарки, университетские стартап-студии, центры молодежного инновационного творчества (ЦМИТ) и цифровые платформы.

С позиции Д. Норта, институты формируют систему формальных и неформальных правил, структурирующих экономическое поведение и задающих стимулы для предпринимательской активности [4]. Инфраструктура поддержки молодежного предпринимательства в данном контексте рассматривается как формализованный институт, призванный снижать транзакционные издержки входа в предпринимательство.

В логике П. Бурдье, инфраструктура поддержки представляет собой социальное поле, в котором различные акторы (государственные органы, университеты, инвесторы, корпорации и предприниматели) конкурируют за распределение экономического, социального и символического капитала [5]. Доступ к ресурсам поддержки оказывается социально дифференцированным и зависит от накопленного культурного и институционального капитала.

Институциональная архитектура и региональная дифференциация

Формирование инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства в России происходило в рамках федеральных программ и региональных стратегий развития МСП. По данным профильных государственных органов, в стране создана разветвленная сеть объектов поддержки, включая бизнес-инкубаторы, технопарки, акселерационные программы и университетские инновационные структуры [2; 3].

В субъектах-лидерах (Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан) сформированы относительно плотные инновационные экосистемы, характеризующиеся более высоким уровнем кооперации между университетами, бизнесом и инвестиционными институтами.

Пример Республики Татарстан рассматривается в литературе как кейс формирования региональной инновационной экосистемы, основанной на связке образования, научных центров и инфраструктуры коммерциализации. В то же время в ряде регионов инфраструктура носит фрагментированный характер, а объекты поддержки функционируют изолированно от реального сектора экономики.

С социологической точки зрения это формирует территориально дифференцированные «поля возможностей», определяющие неравный доступ молодежи к предпринимательским ресурсам.

Позитивные институциональные сдвиги

Развитие нефинансовой поддержки и менторства

В последние годы в российских акселерационных программах наблюдается переход от модели предоставления физической инфраструктуры к модели экспертного и менторского сопровождения [6]. В терминах теории социального капитала менторство интерпретируется как механизм передачи культурного и профессионального капитала, компенсирующий дефицит предпринимательского опыта у молодежи.

Институционализация предпринимательства в системе высшего образования

Развитие университетских акселераторов и программ, включая «Стартап как диплом», отражает трансформацию российских вузов в направлении модели предпринимательского университета [7]. В том числе, рост практик проектного обучения, стартап-студий и интеграции предпринимательской деятельности в образовательные траектории студентов. В социологическом плане это способствует легитимации предпринимательства как социально признанной профессиональной траектории, снижая символические барьеры между академической и коммерческой сферами.

Цифровизация сервисов поддержки

Развитие цифровых платформ для предпринимателей (включая сервисы информирования, подачи заявок на поддержку и онлайн-консультаций) расширяет доступ к мерам поддержки, особенно для жителей удаленных регионов [3]. Вместе с тем цифровые инструменты могут не компенсировать дефицит локальных деловых сетей, которые остаются критически важными для масштабирования бизнеса.

Структурные дисфункции и институциональные ограничения

Ритуализация и формализация поддержки

Одной из главных проблем может стать тенденция к формализации деятельности, при которой ключевым критерием эффективности становятся количественные показатели, а не долгосрочные результаты развития резидентов. В терминах Р. Мертона это интерпретируется как форма институционального ритуализма, когда соблюдение процедур подменяет достижение содержательных целей [8].

Административная селекция и воспроизводство неравенства

Работы по анализу механизмов государственной поддержки инновационного предпринимательства указывают на риск административной селекции проектов, при которой преимущество получают инициативы, обладающие высоким символическим и институциональным капиталом. С точки зрения Бурдье, это ведет к репродукции социального неравен-

ства в доступе к предпринимательским ресурсам и снижает инклюзивность системы поддержки.

Слабость сетевых взаимодействий и кооперации

Несмотря на декларируемую кластерную политику, в ряде исследований отмечается потенциал развития плотности горизонтальных связей между университетами, бизнесом и инфраструктурными организациями [9]. Это ограничивает формирование устойчивых предпринимательских сообществ и снижает эффект коллективного обучения.

Институциональный парадокс поддержки молодежного предпринимательства

Полученные результаты позволяют говорить о наличии институционального парадокса: при расширении инфраструктурной сети и увеличении числа поддерживаемых проектов сохраняется ограниченная способность системы формировать устойчивые предпринимательские траектории молодежи.

Инфраструктура поддержки выполняет одновременно экономическую и символическую функции. При доминировании символической функции возникает риск трансформации инфраструктуры в инструмент публичной легитимации, ориентированный на демонстрацию активности, а не на достижение долгосрочных социально-экономических эффектов.

Заключение

Инфраструктурная система поддержки молодежного предпринимательства в России обладает значительным институциональным потенциалом, однако его реализация ограничивается рядом структурных факторов: формализмом, административной ригидностью, ресурсными ограничениями и слабостью сетевых взаимодействий.

Повышение эффективности системы предполагает:

- переход от универсальных моделей поддержки к контекстно-чувствительным экосистемным решениям;
- смещение акцента с количественных КРІ на оценку долгосрочных предпринимательских траекторий;
- расширение участия профессиональных сообществ и независимых экспертов в управлении инфраструктурой;
- развитие горизонтальной кооперации как механизма накопления социального капитала.

Источники и литература

- 1) Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года

: распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 13.09.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

- 2) Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». – URL: <http://government.ru/info/35563/> (дата обращения: 29.10.2025).
- 3) Численность МСП в России обновила рекорд и превысила 6,7 млн. – URL: <https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/chislennost-msp-v-rossii-obnovila-rekord-i-prevysila-6-7-mln-/> (дата обращения: 29.01.2026).
- 4) Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
- 5) Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74. – Пер. с англ.: Bourdieu, P. The Forms of Capital. – In: J.G. Richardson (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – New York : Greenwood, 1986. – P. 241–258.
- 6) Акселератор ФРИИ : программа поддержки стартапов // Фонд развития интернет-инициатив. – URL: <https://accelerator.iidf.ru> (дата обращения: 29.01.2026).
- 7) Ицковиц г. Тройная спираль. Университеты - предприятия - государство. Инновации в действии // пер. С англ. Под ред. А. Ф. Уварова. - Томск: Изд-во Томск. Гос. Ун-та систем упр. И радио-электроники, 2010. - 238 с
- 8) Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.] ; под общ. ред. С. П. Баньковской. – Москва : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с. – (Социология).
- 9) Уверситеты и регионы: факторы конкурентоспособности и развития: монография / под общей редакцией чл.-кор РАН, д-ра экон. наук, проф. Ж.А. Ермаковой. - Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН. 2021. - 194 с.

Агишев Руслан Ряфатович

*ГКУ РМ "Научный центр социально-экономического мониторинга",
Саранск, Россия*

**Рыночные преобразования и социум: аморальный фабилизм
российского общества как триггер "культурной травмы" 90-х
гг. XX в.**

Экономические преобразования 90-х гг. XX в., призванные перейти от плановой экономики к рыночной, привели к краху экономики и деградации общества [1]. Еще более значимым последствием для дальнейшего развития страны стала правовая алиенация российского общества, которая привела к «массовому сознательному уклонению граждан от исполнения норм права, регулирующих жизнедеятельность индивидов в обществе» [2].

В рамках настоящих тезисов предлагается рассмотреть такой аспект многоплановой темы рыночных преобразований 90-х гг. XX в. в России и их последствий, как феномен аморального фабилизма в российском обществе. Аморальный фабилизм, как жизненная стратегия получения максимальной краткосрочной материальной выгоды для себя и своей семьи в ущерб интересам общества и государства [3], наиболее последовательно находит свое отражение в разрушении форм гражданской солидарности, сокращении радиуса доверия, возрождении патрон-клиентских связей, и как следствие в развитии коррупционных практик. В этой связи на основе социологического исследования «Оценка уровня коррупции», проведенного сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2024 г., выделим особенности коррупционного поведения, как стратегии получения максимальной материальной выгоды в ущерб общественным и государственным интересам, и собственно проявления аморального фабилизма.

Анализ результатов исследования показывает существенные различия в оценках коррупции со стороны респондентов, участвующих и не участвующих в коррупционных взаимодействиях. В частности, респонденты-взятодатели по сравнению с выборкой в целом существенно в меньшей степени доверяют органам власти и общественным институтам (небольшой радиус доверия), чаще склонны обвинять должностных лиц органов власти в коррупции и оправдывать собственное коррупционное поведение, чаще выражают неверие в способность власти эффективно противодействовать коррупции.

Таким образом, феномен аморального фамилизма как триггер разрушительных экономических преобразований 90-х гг. XX в. в России находит своей отражение в коррупционных практиках.

Источники и литература

- 1) Толстухин, В. В. Анализ особенностей и причин возникновения экономических циклов и кризисов в России 90-х гг. / В. В. Толстухин // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 1. — URL: <http://esj.today/PDF/01ECVN124.pdf/>
- 2) Мусаелян Л. А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 39. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-36-52/
- 3) Ушкин С.Г. Культура против экономики: аморальный фамилизм и гнетущая повседневность // Социологическое обозрение. 2020. № 2. С. 382-391. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-382-391/>

Алексеева Софья Владиславовна

Тихоокеанский Государственный Университет, Хабаровск, Россия

Коллективная ответственность против КРІ: можно ли внедрить принципы "бригадного подряда" и "соцсоревнования" в современную систему мотивации

Исторический опыт бригадного подряда и социалистического соревнования в СССР предлагает ценные механизмы для современных систем мотивации. Ключевыми адаптируемыми элементами выступают коллективная оценка результатов труда, прозрачность показателей эффективности и нематериальные формы поощрения, такие как доски почёта или звания «бригада отличного качества». Эти принципы, успешно работавшие на производственных предприятиях 1970-80-х годов, могут быть трансформированы для повышения вовлечённости сотрудников в современных кросс-функциональных командах, где общий результат зависит от слаженности взаимодействия.

В отличие от исторических моделей, современные КРІ-системы фокусируются на индивидуальных показателях, что часто создаёт конфликты в командах. Однако сравнительный анализ выявляет их комплементарность с принципами коллективной ответственности: если 70% вознаграждения привязать к персональным КРІ, сохраняя объективность оценки,

а 30% - к достижению общекомандных целей, это стимулирует взаимопомощь без потери персональной ответственности. Такой баланс особенно эффективен в гибридных командах, где сотрудники совмещают узкоспециализированные задачи с проектной работой.

Подтверждением этой комплементарности служат кейсы российских производственных предприятий и IT-компаний, внедривших смешанные модели мотивации. Например, на машиностроительном заводе в Нижнем Новгороде введение бригадных премий за снижение брака на 15% в квартал при сохранении индивидуальных KPI по выработке дало рост производительности на 18% за год. В IT-секторе аналогичный подход с 30% бонусом за достижение sprint goals сократил количество конфликтов в командах на 25%, согласно исследованию НИУ ВШЭ 2023 года.

Для реализации такого подхода предлагается четырёхэтапная модель интеграции. Первый этап - аудит существующей KPI-системы на предмет совместимости с групповыми показателями. Второй - разработка бригадных метрик, напрямую связанных со стратегией компании (например, скорость внедрения инноваций или удовлетворённость смежных отделов). Третий этап внедряет элементы соревновательности через ежеквартальные рейтинги команд с награждением лидеров. Четвёртый этап предполагает мониторинг рисков через ежемесячные опросы сотрудников, предотвращая «уравниловку» и сохраняя прозрачность системы.

Источники и литература

- 1) Горбачева В.Ю. Экономические формы состязательности: рыночная конкуренция и социалистическое соревнование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. — 2008. — №2. — С. 145–148.
- 2) Ильченко Е.Н. Гибкие методологии в управлении командой разработчиков it-проекта // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2023. — №6. — С. 24–28.
- 3) Каленов В.Д. Социалистическое соревнование как фактор роста производительности труда на промышленных предприятиях города Электросталь в годы великой отечественной войны // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». — 2023. — №6. — С. 18–22.
- 4) Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А. и др. Управление персоналом: теория и практика. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебно-практическое пособие. — Москва: Проспект, 2018. — 64 с.

- 5) Кохова И.В., Пряжникова Е.Ю. Адаптивный кадровый менеджмент: разработка гибридных моделей мотивации в условиях нестабильности рынка труда // Вестник евразийской науки. — 2025. — С. 1–21.
- 6) Павлов А.А. Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития организации: российская специфика // Вестник евразийской науки. — 2025. — С. 1–14.
- 7) Прасолов В.И., Аджимуллаев А.М., Бештоков Т.М. Изменение поведенческих моделей сотрудников через перепроектирование внутренних бизнес-процессов // Вестник евразийской науки. — 2025. — №5. — С. 1–9.
- 8) Руденская Е.А., Занин Д.С. Индивидуальные и групповые психологические феномены, определяющие качество командных решений в бизнесе // Мир науки. Педагогика и психология. — 2021. — №3. — С. 1–16.
- 9) Серикова О.Ю., Мартышев А.В., Якимова Л.Д. Оценка эффективности системы мотивации персонала как фактора обеспечения качества работы на примере предприятия железнодорожного транспорта // International journal of advanced studies: Transport and information technologies. — 2021. — №2. — С. 81–99.
- 10) Шандыгаева Ю.Д., Цымбал А.А. Гибкие методологии и бережливое управление проектами // НИР. Российский журнал управления проектами. — 2021. — №4. — С. 23–30.

Антипьев Константин Анатольевич

*Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, Пермь, Россия*

Специфика социологических исследований антикварных рынков

Коллекционирование антикварных предметов можно рассматривать как с одной стороны достаточно популярную социальную практику, с другой как целую сферу, в которой сочетаются экономические, социальные, правовые и социологические аспекты. Российский антикварный рынок интересен для исследования, в силу того, что он отчасти изолирован от внешних рынков и продолжает быть более закрытым и находится в

тени. Относительно закрытые и специфические сообщества коллекционеров и антикваров гораздо менее заметны, чем многие другие сообщества.

Социологических и маркетинговых исследований рынков антиквариата и коллекционных предметов немного. Это связано с тем, что антикварные рынки представляют собой один из наиболее трудных для эмпирического анализа сегментов экономики и культуры, что в свою очередь обусловлено их закрытостью, символическим характером и институциональной спецификой.

Одной из ключевых проблем, является нехватка статистических данных, от которых можно оттолкнуться исследователям. Государственная статистика не охватывает данную сферу. Не известен чётко объём рынка, количество сделок, количество людей, занятых в нём. Здесь можно использовать только субъективные экспертные оценки. При этом сама методика оценивания вызывает вопросы. Если брать только продажи на аукционных площадках, членство в различных некоммерческих организациях коллекционеров, то это лишь часть рынка. По мнению аналитиков и участников рынка, оборот российского рынка антиквариата составляет ориентировочно от 1 до 2 млрд долларов в год (включая легальные продажи и часть теневого оборота). Оценки также не всегда разграничивают классический антиквариат (предметы более 100 лет) и просто коллекционные предметы, не имеющие признаков антикварных (магниты, виртуальные предметы, современные игрушки). Предметы не требуют обязательной маркировки, да и большинство из них продаются без чеков.

Социологические исследования могут носить более глубокий характер. Они позволяют выявить популярные виды коллекционирования, понять мотивацию коллекционеров, а также снижение или рост популярности отдельных видов коллекционирования, изменение практик приобретения и оценки предметов. Но, здесь возникает проблема доступа к респондентам. Многие субъекты рынка находятся в тени и они менее доступны и контактны, чем информанты с других рынков. Современные технологии исследования, позволяющие изучать сообщества в Интернете, дают лишь первичную информацию о количестве коллекционеров, популярности видов коллекционирования, но, не позволяют выявить мотивацию и зафиксировать неформальные практики.

Таким образом, коллекционные рынки представляют собой интересный объект для экономической социологии и социологии культуры. Их изучение позволяет тестировать доступ к опросу сложных, закрытых сообществ, тестировать методы качественной социологии, расширять

представления о социальной динамике и неформальных практиках на этих рынках.

Источники и литература

- 1) Отечественный антикварный рынок / Antiqueland.ru // Antiqueland.ru. — 2026. — URL: <https://antiqueland.ru/articles/696/> (дата обращения: 19.01.2026).

Ахметова Эльмира Ирековна

*Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа,
Россия*

Парадокс "среднего класса": стратегии выживания и адаптационные ловушки малообеспеченных семей с детьми (на примере Башкортостана)

Исследование, основанное на 30 глубинных интервью с малообеспеченными семьями с детьми в Республике Башкортостан, выявило ключевой парадокс современной социальной реальности. Респонденты демонстрируют формальные признаки принадлежности к среднему классу – наличие собственного жилья, автомобиля, постоянной работы – однако субъективно переживают хроническую финансовую неустойчивость и постоянное напряжение. Это противоречие формирует феномен скрытой (латентной) депривации, когда внешняя социальная нормальность сочетается с внутренним ощущением уязвимости и ограниченности ресурсов.

Адаптационные стратегии семей носят комплексный и преимущественно оборонительный характер, фокусируясь на выживании, а не на долгосрочном улучшении положения. В сфере занятости ключевым становится запрос на гибкость, особенно для женщин, совмещающих труд с уходом за детьми. Потребительское поведение характеризуется жёсткой экономией, отказом от многих благ (отдых, платные услуги), покупкой товаров в рассрочку и использованием поддержки родственных сетей. Широко распространено ведение личного подсобного хозяйства. Особое внимание привлекает дуализм долгового поведения: одна часть семей принципиально избегает кредитов, стремясь к автономии, другая – активно использует займы для поддержания текущего потребления, при этом доля платежей по кредитам может достигать 50-60% семейного бюджета, создавая высокие риски.

Восприятие мер государственной поддержки отличается глубокой амбивалентностью. С одной стороны, конкретные выплаты (единое пособие, детские выплаты, компенсации за школьную форму, субсидии ЖКХ) оцениваются как критически важные для элементарного выживания. С другой стороны, системный недостаток – критерий нуждаемости, основанный исключительно на формальном среднедушевом доходе, – вызывает острое чувство несправедливости. Этот критерий зачастую исключает работающие семьи, чьи реальные расходы (особенно связанные с детьми и жильём) непропорционально высоки, что порождает ощущение, что система «наказывает» тех, кто трудится.

Центральным элементом жизненных стратегий выступают образовательные траектории детей, которые рассматриваются как главный, а иногда и единственный, ресурс для будущего социального продвижения. Родители готовы жертвовать собственным благополучием, инвестируя в разностороннее развитие ребёнка.

Практические выводы исследования указывают на необходимость реформирования системы социальной поддержки через учёт реальной финансовой нагрузки семей (расходы на детей, жильё), а не только формальных доходов. Также ключевым является развитие инфраструктуры ухода за детьми и содействие гибким формам занятости для родителей, особенно матерей. Полученные данные подчёркивают, что для преодоления хронической уязвимости требуются более адресные и комплексные меры социальной политики, выходящие за рамки простых денежных трансфертов.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01228).

Источники и литература

- 1) Аникин В. А., Слободенюк Е. Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за последние 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. №. 4 (36). С. 23-41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603

Бабкина Екатерина Витальевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

**Сценарное моделирование карьеры актера на современном
российском рынке труда**

В условиях динамичных социокультурных трансформаций профессия актера сохраняет свою социальную значимость, что актуализирует изучение процессов ее институционализации. Медиатизация, коммерциализация и цифровизация искусства трансформируют профессиональные практики, предъявляя новые требования к актерам и усложняя традиционные модели карьеры. Процесс институционализации актерской профессии определяется взаимодействием ключевых групп факторов – социальных, экономических и личностных. Социальные факторы, такие как престиж профессии и влияние медиатизации, изменяют традиционные механизмы признания. Экономические факторы, включая уровень оплаты труда и высокую конкуренцию, создают давление на рынке. Однако именно личностные факторы – стремление к самореализации и любовь к искусству – играют компенсаторную роль, удерживая актеров в профессии вопреки нестабильности.

Цель данного исследования – выявить ключевые факторы трансформации и оценить приоритетность возможных сценариев карьерного развития с использованием метода анализа иерархий Томаса Саати. В рамках исследования была построена четырехуровневая иерархическая модель. Фокусом стала трансформация профессии на российском рынке труда. Критериями верхнего уровня выступили социальные, экономические и личностные факторы, каждый из которых был детализирован через набор подкритериев. На нижнем уровне были определены четыре карьерных сценария: традиционный (государственные театры), коммерческий (мюзиклы, реклама), цифровой (кино, сериалы, соцсети) и преподавательский (педагогика). Относительная важность элементов модели оценивалась на основе экспертных суждений, сформированных в ходе анализа 21 глубинного интервью с актерами, через процедуру попарных сравнений.

Результаты расчетов по методу Саати показали, что среди критериев наибольший вес имеют социальные факторы, что подчеркивает ключевую роль общественного признания и профессиональных связей. Наиболее предпочтительным сценарием карьерного развития, согласно интегральным приоритетам, оказался традиционный, связанный с работой в государственных театрах. Это отражает устойчивую ценность классического искусства, его высокий престиж в профессиональной среде и соответствие глубоким внутренним мотивам актеров. Цифровой сценарий занял второе место, демонстрируя растущее влияние новых медиа и технологий. Преподавательский путь также показал значимость как альтернативная форма реализации. Коммерческий сценарий получил наименьший приоритет, что может говорить о его меньшем соответствии

ценностным установкам и представлениям о профессиональном успехе в актерском сообществе. Таким образом, исследование выявило противоречие между внешними вызовами цифровой эпохи и внутренней ориентацией профессионального ядра на традиционные институты и ценности, что является ключевой особенностью трансформации актерской профессии в современной России.

Источники и литература

- 1) Вахтангов Е. Сборник / Сост., Комм. Л. Д. Вендровская, Г. П. Каптерева. М.: ВТО, 1984. 583 с.
- 2) Клушина, Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Рус. речь. 2014. № 1. С. 66.
- 3) Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. Перевод с английского Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.
- 4) Кергроуч С. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Форсайт. 2017. №4. С. 6-8.
- 5) Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 2. Работа актера над собой. Часть 1: Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика / Ред. и авт. вступ. ст. А.М. Смялянский. Ком. Г. В. Кристи и В. В. Дыбовского. М.: Искусство, 1989. 511 с.
- 6) Штернин С. Информационное обеспечение театрального процесса // Сцена. 2004. № 4. С. 6.
- 7) Levshina E., Orlov Y. Company Profile: General and Specific Issues in Russian Theatre. International Journal of Arts Management. 2 (2), 2000. P. 74–83.

Баразенко Полина Ильинична

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Российская Федерация*

Трансформация индустриальных зон как поле социального конфликта

За последнее десятилетие градостроительный облик столицы претерпел значительные изменения, в том числе благодаря реализации глобальных архитектурных проектов в рамках программы комплексного развития территории.

Преобразование затрагивает депрессивные и неэффективно используемые территории. Зброшенные промзоны в городах представляют собой зоны повышенной опасности, создавая угрозу как личностную, так и социальную.

В рамках КРТ малоэффективные территории, занятые выведенными из эксплуатации индустриальными объектами, заполняются многофункциональными комплексами, сочетающими в себе несколько назначений – жилые кварталы, социально-деловые, а также производственные объекты. [1]

Смещение приоритетов территориального развития от индустриальной функции к социальной является причиной положительных и отрицательных социальных последствий.

Во-первых, горожане преимущественно отрицательно воспринимают снос или реконструкцию промышленных объектов, относящихся к категории «мест памяти» (например, автозавод «ЗИЛ», кольцевой хлебозавод «Москворечье», завод игрушек «Огонек»).

«Место памяти» по Пьеру Нора — это материальный или нематериальный объект, который в силу человеческой воли или работы времени превратился в символический элемент наследия и идентичности сообщества. Объект становится элементом коллективной памяти, где прошлое является конструктором сознания, что позволяет ему противостоять забвению в условиях разрыва с традицией.

Места памяти имеют материальное, символическое и функциональное значение. С точки зрения социального опыта, символическое значение является наиболее значимым элементом «места памяти» – промышленные предприятия, являющиеся наследием советского прошлого, поддерживают значимость идей доблести, коллективизма, трудового подвига среди населения старшего поколения. [2]

Во-вторых, существуют концепции креативного города и джентрификации, то есть превращение индустриальных пространств в места для креативного класса (например, «Винзавод», «Флаконт», «Депот»).

Эти концепции описывают взаимосвязанный процесс трансформации городских районов. В этом случае инвестиции в культуру, креативные индустрии и комфортную среду привлекают высокообразованных специалистов креативного класса, что ведет к повышению статуса территории и росту стоимости жизни. [3]

Данные процессы приводят к социально-экономическому развитию районов, развитию их благоустройства, созданию новых рабочих мест и культурных объектов, что увеличивает инвестиционную привлекательность территорий.

Основная проблема заключается в вытеснении коренных жителей из-за резкого роста арендных ставок и стоимости жилья, ликвидации элементов локальной идентичности. Также проблемой считается создание пространств мнимого разнообразия, обслуживающих новый привилегированный класс. [4]

Таки, программа КРТ трансформирует индустриальные зоны, создает новую городскую среду, но порождает социально-культурный конфликт между модернизацией, экономической эффективностью и сохранением коллективной памяти.

Источники и литература

- 1) Рыльская, Н. С. Комплексное развитие территории как один из элементов развития административно-территориального устройства в составе федерации / Н. С. Рыльская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 98-102.
- 2) Федотова Наталья Геннадьевна Места памяти города: концепт и типология // Ярославский педагогический вестник. 2023. №6 (135).
- 3) Птичникова, Г. А. Джентрификация депрессивных постиндустриальных прибрежных территорий городов как архитектурное обновление / Г. А. Птичникова, А. В. Антюфеев // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. – 2022. – № 2(38). – С. 34-49.
- 4) Гужина, Г. Н. Проблемы социальной ответственности в сфере бизнеса / Г. Н. Гужина, А. А. Гужин // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 30 апреля 2021 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. – С. 19-24.

Барановская Татьяна Вячеславовна

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, РФ*

Рынок труда в представлениях молодежи в период экономических преобразований

Исследования поведения, мотивации, социально-экономических перспектив и ресурсов молодежи традиционно находятся в поле научных

интересов и не утрачивают актуальности из-за необходимости анализа и прогнозирования новых явлений и факторов, которые каждое поколение неизбежно приносит с собой при интеграции в рынок труда. Большое значение имеет изучение представлений молодежи о рынке труда, которые во многом определяют выбор сферы деятельности и дальнейшие поведенческие траектории молодых людей, особенно в период экономических преобразований [1]. Изменения в экономике, социальной сфере, цифровизация не только трансформировали рынок труда, но и преломили представления о нем среди молодежи. Исследователи отмечают амбициозность молодежи и завышенные ожидания от рынка труда [2]. Доминирующими интересами стали свободное время, путешествия, творческий характер труда, его польза и карьерный рост [3]. При этом несмотря на широкий доступ к информации, отмечается некоторое несоответствие между специальностями, модными в молодежной среде, и востребованными на рынке труда [4].

В 2015 и 2025 годах методом анкетного опроса в Саратове были проведены две волны исследования представлений молодежи о рынке труда с целью выявления в динамике основных проблем и противоречий в процессе первого трудоустройства. Результаты исследования показали, что некоторое несоответствие между реальностями и представлениями о рынке труда, зафиксированное в первой волне исследования (2015 год) сохранилось и в 2025 году, хотя и содержательно трансформировалось. Основными критериями, по которым работа определяется респондентами как желательная, остались карьерный рост и зарплата. Сохранилась и ориентация на быструю карьеру: 33 % респондентов в 2015 году и 45% в 2025 году ожидали повышения в должности в течение года.

Однако наиболее рельефно ошибки в представлениях заметны в видении конкурентных преимуществ потенциального работника на рынке труда. Если в 2015 году в качестве основных потенциальных преимуществ респонденты выделили коммуникабельность (59%) и знание иностранных языков (51%), то в 2025 году наибольшей популярностью пользовался вариант ответа «Прохождение курсов» - 71 %, а коммуникабельность и знание иностранных языков свои позиции утратили – 30 и 35 % соответственно. При этом вариант «Высокий уровень знаний» как конкурентное преимущество в исследованиях обеих волн выбрали 50% респондентов в 2015 году и 54 % в 2025 году. То есть представления об основных конкурентных преимуществах изменились, но остались под влиянием моды и рекламы. Искаженные представления, выделяющие в качестве главного конкурентного преимущества в борьбе за рабочее место то коммуникабельность в 2015 году, то «покупку курсов» в 2025 году,

отодвинув на второй план профессиональные знания и стажировки, не способствуют гармоничному вхождению молодых специалистов в рынок труда, а при столкновении с реальностью формируют разочарование, фрустрацию и снижение мотивации.

Источники и литература

- 1) Митрофанова Е.А., Митрофанова А.Е. Молодежь на рынке труда // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. № 6. С.72–78.
- 2) Кочкарев В.М. Трудоустройство молодых специалистов: проблемы и механизмы их преодоления // Общество, экономика, управление, право: вызовы современности и перспективы развития. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 369-374.
- 3) Артамонова М.В., Ламбаева И.А. Обаяние требований выпускников российских вузов к рынку труда // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. Санкт-Петербург, 2024. С. 997-1000.
- 4) Назифова М.А., Евсенкина Ю.М. Положение выпускников вузов Рязанской области на рынке труда // Современные технологии в науке и образовании - СТНО-2025. Сборник трудов VIII Международного научно-технического форума. В 10-ти томах. Рязань, 2025. С. 11-16.

Барков Сергей Александрович

МГУ имени М.В. Ломоносова, г Москва, Россия

Математизация жизни и социальное управление

За последние 2-3 века математика вторглась во множество сфер жизни человека. Совсем недавно по историческим меркам не существовало градусников, люди не пользовались часами, шагомерами и другими приборами, которые заставляют соотносить реальность с набором определенных цифр. Математизацию жизни можно считать одним из основополагающих процессов внутри модернизации общества со времен Просвещения. Этому процессу уделяют внимание философы – в особенности,

те, кто занимается философией науки – но почему-то до последнего времени даже самые видные социологи, говоря об общественных изменениях и социальном прогрессе, не делали на этом акцент.

Издrevле математизация была связана с социальным управлением. Важнейшим этапом в ее развитии можно считать переход к оседлому образу жизни. Именно в этот период возникла необходимость определять и сравнивать наделы земли. Старейшины оказались приобщены к математике, и приобщали к ней своих детей. Математика стала частью сакральных знаний, отделявших элиты общества от простых людей.

Долгие тысячелетия математика была важна для управленческой и научной элит. Отправной точкой к «демократизации» математических знаний прослужила промышленная революция. Тогда миллионы людей приобщались к математике. Она стала частью жизни обычных людей. И тут же выяснилось, что обладание компетенциями в этой области не свойственно всем людям. Очень многие так и могли освоить математику.

Новый этап математизации начинается в постиндустриальную эпоху с повсеместным внедрением в жизнь автоматов и роботов, которые избавляют людей от необходимости знать математику.

С точки зрения социального управления, можно сделать ряд выводов об эффектах математизации как элемента общественного развития:

1. Сами по себе математические способности никак не связаны с управленческим статусом. Люди, знающие математику, обладают экспертной властью в чистом виде, но редко становятся руководителями.

2. Со времен Месопотамии, Древнего Египта и Империи Инков математизация шла рука об руку с бюрократизацией. Именно чиновничество, занятое учетом и контролем, прежде всего нуждалось в математике и развивало ее.

3. Математика может активно использоваться для эксплуатации масс. Наиболее яркий пример последнего времени – это KPI. Они также переводят качество в количество и заставляют людей «гнаться за цифрами», невзирая на проблемы со здоровьем и потерю нормальных жизненных ориентиров.

4. Использование искусственного интеллекта – это реализация давней мечты простых людей быть независимыми от того, насколько хорошо ты знаешь математику. Однако при этом люди попадают в зависимость от тех, кто разрабатывает нейросети.

Влияние математизации на социальное управление требует особого внимания в цифровую эпоху. И исследования этого феномена следует всячески развивать.

Бояркин Данил Дмитриевич

*Уральский институт управления-филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Екатеринбург, Россия*

**Социально-экономические последствия реализации
государственной политики в сфере социальной защиты
государственных служащих**

Реализация государственной политики в сфере социальной защиты государственных служащих -направление государственного управления, отражающее характер взаимодействия государства с собственным кадровым корпусом. Государственные служащие образуют социально-профессиональную группу, включенную в систему публичного управления, одновременно подверженную специфическим ограничениям, связанным с профессиональной деятельностью [6]. Социальная защита выполняет функцию компенсации данных ограничений, одновременно служит инструментом кадровой политики, направленной на удержание квалифицированных специалистов и формирование долгосрочной мотивации к службе [5].

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2023 году численность государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации составляла около 2,2 млн человек. То есть, социально-экономические последствия данной политики выходят за рамки узкопрофессиональной сферы,оказывают влияние на общенациональные социальные процессы.

Финансовое измерение социальной защиты государственных служащих связано с масштабами бюджетных обязательств. По данным Министерства финансов Российской Федерации, совокупные расходы на оплату труда, социальные гарантии государственных служащих в 2022–2024 годах составляли в среднем 1,6–1,8 трлн рублей ежегодно. Таким образом, социальная защита выступает значимым фактором формирования бюджетной политики и объектом управленческого регулирования.

Социально-экономические последствия реализации государственной политики в сфере социальной защиты государственных служащих проявляются в уровне социального благополучия,качестве функционирования системы публичного управления. Наличие стабильных социальных гарантий способствует снижению текучести кадров, укреплению мотивации к служебной деятельности. Одновременно социальная защита выполняет функцию поддержания социального доверия, снижает риски социальной напряженности внутри государственного аппарата.

Реализация данной политики сопровождается рядом управленческих противоречий, связанных с дифференциацией условий социальной защиты между уровнями публичной власти и ведомствами. Фактическое неравенство в доступе к социальным гарантиям формирует внутренние диспропорции в системе государственной службы, способствует перераспределению кадровых потоков в пользу более обеспеченных структур.

Источники и литература

- 1) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.
- 2) Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
- 3) Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в
- 4) Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС КонсультантПлюс.
- 5) Аникин В.Н. Социальная политика и социальное неравенство в современной России // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 38–52.
- 6) Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Социальная политика и устойчивое развитие в России: управленческие вызовы // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 21–37

Бубнова Мария Ивановна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

К новой реальности глобального управления: теоретический анализ роли алгоритмов частных корпораций в формировании мирового порядка

В современную эпоху происходит фундаментальный сдвиг в структуре глобальной власти. Главными акторами управления становятся не только государства, но и алгоритмы, созданные крупнейшими технологическими корпорациями – Google, Meta, Amazon и их аналогами. Эти

программные системы, изначально бывшие инструментами для сортировки данных, превратились в реальные регуляторы, определяющих доступ к информации, формирующих общественную повестку и устанавливающих де-факто стандарты поведения в цифровой среде. Их власть основана на уникальных свойствах: они действуют *глобально*, минуя национальные границы; для них характерна *непрозрачность* логики принятия решений; их регулирующая функция основывается на технически реализуемом *принуждении*, таком как блокировка или ограничение функционала платформы.

Это явление можно осмыслить через синтез нескольких теоретических подходов. Теория сетевого общества Мануэля Кастельса [1] объясняет макроуровень: алгоритмы материализуют власть в «пространстве потоков», концентрируясь в узлах, контролируемых частными корпорациями, что подрывает монополию национальных государств на регулирование. Акторно-сетевая теория Бруно Латура [2] позволяет увидеть микрофизику этого процесса, где алгоритм выступает как полноправный «актант», перераспределяющий «действенность» в гибридных социотехнических образованиях. Нормативный анализ через призму концепции Ёнэдзи Масуда [3] выявляет болезненный разрыв между утопическим потенциалом информационного общества и реальностью «приватизированной горизонтальности», где общественные блага подменяются коммерческой оптимизацией. Наконец, системная теория Никласа Лумана описывает алгоритмизацию как аутопойетический процесс: системы, максимизирующие вовлечённость по своим внутренним кодам, слепы к внешним социальным последствиям, что ведёт к структурным рискам для других подсистем общества – политики, права, культуры [4].

Эмпирические выводы, подтверждаемые этим теоретическим каркасом, носят тревожный характер. Мы наблюдаем становление «цифрового неофеодализма»: власть концентрируется у горстки платформ-сюзеренов, а цифровое пространство фрагментируется на регулируемые экосистемы с разными правилами. Алгоритмическое управление воспроизводит и усиливает социальное неравенство, создавая новые «алгоритмически уязвимые» группы. Оно трансформирует рынок труда, делая прекарную модель «труда по требованию» всё более распространённой. Это в свою очередь порождает так называемую «гиг-экономику» – экономическую модель, основанную на коротких, временных, нестабильных трудовых отношениях, где работа строится не на постоянном найме, а на разовых заданиях или проектах, часто распределяемых через цифровые платформы [5,6]. На психологическом уровне дизайн, нацеленный на

максимизацию вовлечения, систематически эксплуатирует когнитивные искажения, что ведёт к эрозии внимания и критического мышления.

Таким образом, центральный парадокс эпохи заключается в том, что инструменты, созданные для демократизации доступа и оптимизации взаимодействий, на практике часто ведут к концентрации непрозрачной, неподотчётной власти. Борьба за будущее цифрового пространства развернётся между двумя основными траекториями: технократической оптимизацией, где государства и корпорации найдут неустойчивый компромисс в формате совместного регулирования и цифровой конфронтацией, которая приведёт к дальнейшему расколу интернета на национальные или блоковые сегменты.

Итоговый вопрос XXI века носит цивилизационный характер: успеет ли человечество создать адаптивные и легитимные институты коллективного управления, способные по скорости и сложности сравниться с эволюцией алгоритмов? Сможет ли общество подчинить логику технологической эффективности ценностям цифрового гуманизма, обеспечив прозрачность, справедливость и публичный контроль, или же частное алгоритмическое регулирование утвердится как новая, неоспоримая и тотальная форма глобальной власти? Ответ определит судьбу не только интернета, но и всей публичной сферы, экономики и социального взаимодействия.

Источники и литература

- 1) Кастельс М. Возникновение общества сетевых структур // Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 494-508.
- 2) Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
- 3) Масуда Ё. Информационное общество. – М.: Наука, 1990. – 35 с.
- 4) Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газьева; науч. ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
- 5) Scholz, T. (2016). *Uberworked and Underpaid: How Workers Are Disrupting the Digital Economy*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

- 6) Цифровые платформы и труд будущего: коллективная монография / под ред. С.Ю. Барсуковой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Васадзе Александр Георгиевич

ГАУГН, Москва, Россия

**Российские модели корпоративной социальной
ответственности и экологического менеджмента в
современном обществе: адаптация и развитие традиций
советской солидарности**

Осознание социальной ответственности и необходимости реализации принципов экологического менеджмента в отечественном бизнесе - определяющий фактор развития и формирования новых бизнес стратегий, поддерживаемых государством и востребованных в современном российском обществе. Современный вектор развития бизнес - организаций во многом определен традициями и наследием деловой культуры Советского Союза.

Развитие российского бизнеса 21 века диктует новые тенденции бережливого производства, ответственной экологической политики. Личность становятся все более осознанной в выборе, предпочитая товары и услуги от компаний, приверженных высоким экологическим стандартам и заботе о благополучии сотрудников, организации и общества. Поэтому российским компаниям важно обеспечить прозрачность деятельности и публично заявить о своей приверженности принципам устойчивого развития и КСО. [5]. Эти вектора развития определяются социальными изменениями нашей страны в 21 веке. Ориентация на повышение качества жизни, экологическую безопасность, необходимость устойчивого развития, ужесточает требования экологичного производства. Россия, как правовое социальное государство гарантирует высокий уровень качества жизни и экологической безопасности определенных Конституцией РФ, федеральным и региональным законодательством. То есть компании, работающие в России соблюдают законы, направленные на повышение энергоэффективности, улучшение условий труда, минимизацию негативного воздействия на окружающую среду. Обязательны экологическая отчетность, налоговые льготы экологически ответственным организациям, а возможность санкций стимулируют к развитию экологического менеджмента, соблюдению нормативных требований. Так ПАО

«Северсталь» внедрила в производство систему очистки сточных вод, сократив энергопотребление, повысила эффективность оборудования. [1]. При таком подходе, требуется формирование ясных и измеримых целей КСО, имеющих экологическую направленность. Это отражается в деятельности бизнес - сообщества, правительства, некоммерческих организаций. Рассматривается, предоставление налоговых преференций за сотрудничество с НКО в экологических программах, укрепление партнерства государства и бизнеса, разработка других совместных программ. Так же целесообразно рассмотреть возможность стимулирования менеджеров организации для повышения уровня приверженности принципам КСО, и участия в экологических и социально значимых программах. По мнению исследователя В.И. Каракеян, перспективы направления развития бизнеса в стране связаны с внедрением на предприятиях бережливого производства, политики нулевых отходов. Советская экономика основывалась на централизованной системе управления, с приоритетом государственных предприятий и отраслей. Экологические вопросы были тесно связаны с социалистическим экономическим управлением, которое рассматривало ресурсы как общую собственность народа и предписывало их рациональное использование и защиту. Современные российские организации продолжают традиции советской экономики. Корпоративная социальная ответственность и экологический менеджмент стали значимой частью современной деловой культуры нашей страны и играет ключевую роль в успехе российского бизнеса. Важность этих концепций глубоко укоренено и формируется не только законодательными, но и многими экономическими, политическими и социальными факторами. [4;3]

Источники и литература

- 1) Денисов В.В. Основы природопользования и энергоресурсосбережения / В.В. Денисов. — Москва : Лань, 2024. — 408 с.
- 2) Каракеян В.И. Экономика природопользования / В.И. Каракеян. — Москва : Юрайт, 2023. — 331 с.
- 3) Кузнецов Л.М., Николаев А.С. Экология для менеджеров / Л.М. Кузнецов, А.С. Николаев. — Москва : Юрайт, 2022. — 331 с.
- 4) Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю., Потравный И.М., Мелехин Е.С. Экономика и управление природопользованием. Ресурсосбережение / А.Л. Новоселов, И.Ю. Новоселова, И.М. Потравный, Е.С. Мелехин. — Москва : Юрайт, 2024. — 391 с.

- 5) Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б., Хорошавин А.В. Экономика природопользования и экологический менеджмент / Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер, Г.Б. Малышков, А.В. Хорошавин. — Москва : Юрайт, 2023. — 418 с.

Вербицкая Татьяна Витольдовна

Филиал "МАУ" г. Апатиты, Апатиты, Россия

Формы, последствия и факторы вторичной занятости обучающихся вуза и СПО: социологический анализ (на примере обучающихся г. апатиты)

Вторичная занятость студентов является устойчивым феноменом современной российской системы высшего и среднего профессионального образования. Исследование, выполненное на основе теории рационального выбора Дж. Коулмена, ставило целью изучить факторы, влияющие на решение студентов очной формы обучения в г. Апатиты о совмещении работы с учебой.

Эмпирическую базу составили результаты онлайн-опроса (n=82), проведенного среди студентов филиала МАУ, Апатитского политехнического и Кольского медицинского колледжей в ноябре 2025 г. Основные выводы работы заключаются в следующем.

- 1) Решение о трудоустройстве является для студентов результатом рационального выбора в условиях структурных ограничений. Доминирующей причиной выступает экономическая необходимость: 78% респондентов указали финансовые мотивы как основные. Это обусловлено существенным разрывом между размером стипендии (от 1,3 до 12 тыс. руб.) и прожиточным минимумом в регионе (25,4 тыс. руб.).
- 2) Специфика локального рынка труда моногорода выступает ключевым ограничивающим фактором. Это проявляется в высокой доле «нисходящей» занятости: 63% студентов работают не по специальности, преимущественно в сферах торговли, общепита и офисной работы. Основными трудностями при поиске работы студенты называли низкий уровень зарплат (34,1%) и малое количество вакансий для молодежи (34,1%).
- 3) Важным ресурсом для минимизации статусного конфликта (противоречия между ролями студента и работника) являются социальные связи. Помощь родственников и знакомых стала вторым

по значимости каналом трудоустройства (31,7%), что часто обеспечивает более гибкие условия труда.

- 4) Субъективная оценка студентами своей занятости амбивалентна и подтверждает модель рациональной калькуляции. К ключевым преимуществам они относят приобретение полезных знакомств (социальный капитал), финансовую независимость и чувство взрослости. К основным недостаткам – нехватку времени на отдых, физическую усталость и ограничение участия в студенческой жизни. При этом прямая связь работы с успеваемостью оценивается крайне низко.
- 5) Общая удовлетворенность решением о совмещении работы и учебы неоднозначна: 43,9% заняли позицию «и да, и нет». При этом более половины студентов (53,7%) продолжили бы работать даже при условии полного финансового обеспечения, что указывает на значимость нематериальных выгод. Уровень удовлетворенности существенно выше среди тех, кто работает по специальности (60%), против тех, чья занятость не связана с получаемым образованием (19,2%).

Таким образом, вторичная занятость студентов в условиях моногорода представляет собой вынужденно-рациональную стратегию. С одной стороны, она диктуется объективным дефицитом экономических ресурсов и ограниченностью рынка труда. С другой – студенты активно используют доступные ресурсы (социальный капитал) и взвешивают комплекс выгод и издержек, стремясь максимизировать полезность своего выбора в рамках существующих структурных ограничений.

Источники и литература

- 1) Валирьяев, В. Молодёжь на рынке труда / В. Валирьяев, Р. Белюсова // Демоскоп Weekly. — 2007. — № 291-292. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/analit02.php>
- 2) Заславская, Т. И. Социология экономической жизни: Очерки теории / Т. И. Заславская ; отв. ред. Г. В. Осипов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 444 с. // Российская государственная библиотека : [сайт]. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001584718>
- 3) Константиновский, Д. Л. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. — Москва :

ЦСП и М, 2014. — 548 с. — URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3132>

- 4) Мазунина, М. В. Вторичная занятости студентов гуманитарного факультета ПНИПУ // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 6. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22895182>
- 5) Рощин, С. Ю. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда // Большая российская энциклопедия: [электрон. версия]. — URL: <https://bigenc.ru/b/vtorichnaia-zaniatost-v-ross-b8f03d>

Вершинина Мария Игоревна

Независимый исследователь, Москва, Россия

Экономика впечатлений vs экономика трансформаций

Эволюция экономики прошла путь от бартера и продажи сырья к доминированию услуг (сервитизации); от удовлетворения функциональных потребностей, потребности выживать – к эмоциональным. Современный потребитель оценивает не реальную ценность, а символическую: от товара или услуги важно получить эмоции и впечатления. Основные постулаты экономики впечатлений были сформулированы в конце 1990-х гг. Джозефом Пайном и Джеймсом Гилмором [1]. Они объяснили актуальное экономическое поведение потребителя и описали будущее, которое теперь стало настоящим.

В настоящем яркого опыта при покупке, выборе товаров и услуг – недостаточно. Актуально, но недостаточно удивить и порадовать клиента. Появляется новая цель – удовлетворять потребность человека в самоактуализации, помочь ему стать лучшей версией себя, то есть личная трансформация (отсюда и название – экономика трансформаций).

Если экономика впечатлений концентрировалась на эмоциональном вовлечении, незабываемых моментах, то экономика трансформаций ориентирована на результат – личностный рост, переобучение, переосмысление, достижение целей (улучшение здоровья, полезные навыки), формирование новых взглядов и установок. Соответственно, если в экономике впечатлений потребитель платил за время и опыт, то в экономике трансформаций – за достигнутый результат. Такая экономика характеризуется гиперперсонализацией, которая позволяет подстраивать продукт, контент или коммуникацию под конкретного человека и происходит несколькими способами.

Во-первых, когда потребитель сам становится брендом (к примеру, возможность кастомизации купленной футболки). Во-вторых, потребитель может участвовать в создании продукта, что в свою очередь дает ощущение сопричастности и личного влияния (например, онлайн конструктор одежды). В-третьих, гиперперсонализированным становится и подход к клиенту со стороны бизнеса, так как цель не просто «впарить» товар, а выстроить долгосрочные доверительные отношения. Например, предложение, основанное на прошлых покупках или интересах, больше мотивирует к действию («Вкусвилл» дает скидки и персональные предложения на основе прошлых покупок). Бренд демонстрирует внимание к персональным запросам, а клиенты чувствуют себя особенными.

Важно понимать, что экономика впечатлений и экономика трансформаций взаимосвязаны: могут рассматриваться как ступени эволюции (от впечатлений к трансформациям) или как две модели, которые существуют одновременно, параллельно и взаимно дополняют друг друга. Трансформации нуждаются в эмоциональном опыте и невозможны без последнего. Поэтому о полной смене одной модели на другую утверждать пока рано. Очевидно лишь то, что компании, которые смогут интегрировать экономику трансформаций в свои управленческие и продуктовые процессы, получат значительное конкурентное преимущество.

Источники и литература

- 1) Pine B. J., Gilmore J. H. The Experience Economy: Work Is Theater & Every Business a Stage / Harvard Business School Press, 1999.

Власова Наталья Владимировна

*ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет", г
Ульяновск, Россия*

Теневой сегмент быти-индустрии

Быти-индустрия отражает и конструирует социокультурные нормы, представления о красоте, идентичности и самовыражении. Изучение этих процессов отчасти позволяет понять, как меняются ценности и убеждения общества в целом. Сфера быти-индустрии представляет собой значительный сегмент мировой экономики, и ее развитие влияет на рынки, занятость и потребительские привычки.

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению неформальных и теневых секторов в различных отраслях, включая быти-индустрию.

В 2025 году на базе кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета было проведено социологическое исследование на тему «Теневой сегмент быюти-индустрии (на примере жителей г. Ульяновска)». Для получения первичной информации было проведено анкетный опрос молодежи города ($n=384$) в возрасте 14-35 лет («Google -форма»), а также глубинное интервью с пользователями услуг теневого сегмента быюти-индустрии.

В результате проведенного исследования были выявлены основные мотивы, побуждающие потребителей обращаться к неформальным мастерам быюти-индустрии: низкие цены и доступность услуг, комфорт и личные отношения с мастерами, а также отсутствие серьезных негативных последствий в опыте использования данных услуг. Существование теневого сегмента быюти-индустрии можно рассматривать как адаптацию к социально-экономическим условиям, когда низкие доходы и ограниченная доступность официальных услуг стимулируют спрос на более дешевые и доступные, хотя и менее безопасные альтернативы.

Различия в восприятии рисков среди респондентов и готовности пользоваться услугами теневого сегмента могут быть связаны с социальным неравенством и разным уровнем доступа к качественным и безопасным услугам. Готовность некоторых респондентов игнорировать лицензии и сертификаты и отдавать предпочтение личному опыту и рекомендациям может свидетельствовать о недоверии к официальным институтам и формальным критериям оценки качества услуг.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что теневой сектор быюти-индустрии представляет собой сложную систему, где экономические мотивы, социальные факторы и индивидуальные особенности восприятия рисков переплетаются. Для эффективного регулирования этой сферы необходимо учитывать не только экономические, но и социальные аспекты, а также разрабатывать меры, направленные на повышение осведомленности потребителей о рисках и преимуществах легального сектора. Важно стремиться к созданию условий, при которых качественные и безопасные быюти-услуги будут доступны для всех слоев населения, что будет способствовать как экономическому росту, так и удовлетворению потребностей общества.

Для эффективного регулирования быюти-индустрии необходимо учитывать не только экономические, но и социальные аспекты, а также разрабатывать меры, направленные на повышение осведомленности потребителей о рисках и преимуществах легального сектора.

Воеводина Екатерина Владимировна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

**Корпоративная социальная ответственность работодателя как
механизм формирования доверия граждан к системе
добровольного пенсионного страхования**

Современные демографические тенденции, сопряжённые с увеличением давления на государственную пенсионную систему, приводят к необходимости вовлеченности населения РФ в практики добровольного страхования. При этом объем российского рынка пенсионных накоплений довольно низкий – около 80 млрд. (для сравнения приведем показатель Китая – 480 млрд.) [1]. С одной стороны, добровольное пенсионное страхование (далее – ДПС) не пользуется высоким спросом. С другой стороны, увеличение рынка пенсионных накоплений можно рассматривать как основу экономической стабильности. Участие в добровольном пенсионном страховании позволяет государству обеспечить долгосрочную стабильность и осуществить «приватизацию социальных рисков», позволяя переложить часть ответственности за финансовое благополучие в старости на работодателей и самих граждан [2].

В 2025 году исследователями Финансового университета проведено социологическое исследование, включающее анкетирование взрослого населения РФ (1600 респондентов) и метод экспертного опроса по оценке эффективности механизмов формирования доверия и вовлеченности населения в программы ДПС. В полуформализованном опросе приняли участие 40 экспертов из сфер государственного управления, бизнеса (в том числе страховых компаний, банков и пенсионных фондов).

На основе экспертного опроса можно сделать вывод о том, что существующие механизмы требуют усовершенствования. Актуальное состояние такого механизма, как социальная ответственность оценена экспертами на 2,75 балла из 5-ти возможных. Эксперты отметили, что необходимо усиление контроля за соблюдением «базовой» ответственности работодателя: выплатой налоговых обязательств, «белой» заработной платы, контролем за заключением трудовых договоров (в т.ч. борьбу с манипуляциями, при которых трудовые договоры подменяются самозанятостью и договорами возмездного оказания услуг).

Одним из способов повышения доверия эксперты назвали продвижение корпоративных пенсионных программ (КПП). Согласно опросу населения, в КПП участвуют только 4% экономически активных граждан и 2% пенсионеров. При этом доверие работодателям в вопросе добровольного формирования пенсии самое высокое из полученных оценок (10и.п.)

в сравнении с негосударственными пенсионными фондами (-18и.п.) и страховыми компаниями (-12и.п.) [3]. Доверие к КПП в два раза выше, чем, к примеру, к программе долгосрочных сбережений. Согласно экспертному опросу, текущее состояние механизма КПП оценивается в 3,25 балла.

В качестве рекомендаций по итогам исследования можно выделить разработку мер стимулирования работодателей в части внедрения программ КПП (государственные льготы). Налоговые льготы предусмотрены для работодателей, если расходы на КПП составляют не менее 12 % от фонда оплаты труда. Целесообразно, сокращение минимального порога в зависимости от размера компании – для стимулирования работодателей из числа среднего и малого бизнеса. Возможно также стимулирование коллабораций НПФ крупных компаний через механизм субсидирования.

Источники и литература

- 1) Пенсионная система в России и рынок НПФ// Ключевые вызовы и возможности. НАПФ [сайт]. URL: https://napf.ru/upload/iblock/183/eugldkghqhvi7k7m0uz0qamvdrvqjb0vq/Cbonds_доклад_2105++.pdf (дата обращения: 05.01.2026)
- 2) Marcinkiewicz E. Voluntary Pensions Development and the Adequacy of the Mandatory Pension System: Is There a Trade-Off?// Social Indicators Research. 2019. Vol. 143. № 2. P. 609-636.
- 3) Кунижева Д.А., Марков Д.И. Доверие россиян системе добровольного пенсионного страхования// Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8. С. 20-26.

Гаврилик Оксана Николаевна

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Республика Беларусь*

Методологические основания проведения социологической экспертизы экономической культуры населения

Белорусским социологом Г. Н. Соколовой обоснована необходимость и разработаны принципы социологической экспертизы социальных последствий экономических преобразований, цель которой заключается в определении степени и длительности отклонения основных тенденций

экономического, социального и политического развития отдельных групп и слоев, а также общества в целом от абсолютных требований основных социально-экономических законов [1, с. 142]. Социологическая экспертиза позволяет выявить отклонения в реальном состоянии объекта от его нормативной модели. Методология социологического экспертирования предполагает сравнение теоретической модели общественного развития (основана на показателях, заложенных в нормативно-правовых актах) с эмпирической моделью – совокупностью текущих показателей государственной статистики и оценочных показателей общественного мнения по поводу изменений в социально-экономической сфере [1, с. 145].

Трансформация социально-экономической среды требует изменений в экономической культуре населения. Наряду с трансляцией накопленного опыта, устоявшихся ценностей и представлений экономическая культура производит отбор актуальных характеристик и включает в себя новые принципы действий и ориентации, которые позволяют адаптироваться к меняющимся условиям. Для социологической оценки эффективности реализуемых реформ необходимо понимать, в какой степени существующая экономическая культура населения соответствует требованиям объективной реальности, а именно модели экономического развития и приоритетам государственной политики. Автором предлагается проводить социологическую экспертизу экономической культуры населения на основании сравнения:

- нормативной модели, в которой заложены показатели из Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, Программы социально-экономического развития Республики Беларусь;

- реальной модели экономической культуры и стратегий экономического поведения населения на основании статистических данных и результатов социологических исследований;

- социальных ожиданий различных групп населения, представлений о желаемом состоянии социально-экономического устройства общества.

Также при проведении социологической экспертизы необходимо учитывать актуальные условия экономического развития общества, влияющие на данный процесс факторы, тенденции и вызовы глобального и национального масштабов с прогнозированием будущих изменений. Это поможет выявить противоречия между нормативными требованиями, реальным состоянием экономической культуры населения и социальными ожиданиями, определить направления для совершенствования применяемых инструментов и методов регулирования экономического поведения населения. Социологическая экспертиза должна основываться на прин-

ципах комплексности, системности, комбинирования методов сбора, обработки и анализа данных, анализа объективных и субъективных факторов и оценок.

Источники и литература

- 1) Соколова, Г. Н. Социологическая экспертиза как необходимый компонент государственной социальной политики в Республике Беларусь / Г. Н. Соколова // Галина Николаевна Соколова : «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии ; сост.: А. Н. Данилов, О. В. Кобяк ; редкол.: Н. Л. Мысливец (отв. ред.) [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2025. С. 140-150.

Гамерник Екатерина Вячеславовна

*Институт социальных наук Иркутского государственного
университета, Иркутск, Россия*

Развитие внутреннего туризма в современной России: региональный аспект

Внутренний туризм в современной России приобретает всё большее значение как социальное, культурное и экономическое явление, способное всесторонне влиять на развитие регионов, улучшение уровня жизни населения и укрепление национального самосознания. Учитывая разнообразие региональных особенностей, социально-структурную неоднородность страны и актуальные социальные и политические вызовы, изучение внутренних туристических процессов с точки зрения социологии имеет не только практическую, но и значительную теоретическую важность.

Зачастую развитие внутреннего туризма в разных регионах России происходит неравномерно. В некоторых субъектах создаются благоприятные условия для стабильного роста туристической сферы - это проявляется в развитой инфраструктуре, устойчивых и узнаваемых брендах и участии местного населения в создании туристических продуктов. В то же время другие территории сталкиваются с низкой степенью вовлеченности в туристическую деятельность, ограниченными административными ресурсами, дефицитом квалифицированных кадров и слабой поддержкой со стороны жителей. Такая разница подчеркивает важность

социологического изучения факторов, влияющих на развитие внутреннего туризма, включая институциональные рамки, структуру потребительского спроса, уровень участия населения, локальную идентичность и направления инфраструктурной политики.

В ходе социологического исследования, проведенного с июня по ноябрь 2025 года среди жителей Иркутской области (685 человек: 156 мужчин (22,8%) и 529 женщин (77,2%)), нами были сделаны следующие выводы. Большинство опрошенных респондентов согласны 392 чел. (57,2%) и скорее согласны 221 чел. (32,3%) с утверждением о том, что «туризм – это одна из важнейших сфер деятельности, оказывающая влияние на социально-экономическое развитие территорий», что говорит о важности деятельности сферы туризма и ее роли в развитии регионов. Выявлено, что большинство респондентов согласны 302 чел. (44,1%) и скорее согласны 249 чел. (36,4%) с утверждением о том, что «Развитие внутреннего туризма в регионах выполняет важные социально-экономические функции, что способствует увеличению занятости и повышению уровня жизни местного населения и в целом развитию экономики». Здесь можно говорить о понимании респондентами положительного влияния внутреннего туризма на социально-экономическое развитие территорий.

На вопрос «По Вашему мнению, на что необходимо обратить внимание в первую очередь, чтобы внутренний туризм в регионе стал доступнее и привлекательнее для туристов и местных жителей?» мы получили следующие результаты:

1. Решение инфраструктурных проблем, в том числе посредством создания туристических кластеров – 489 чел. (32,3%).
2. Привлечение дополнительных финансовых средств (кроме средств, выделенных в рамках национальных и региональных проектов) – 410 чел. (27,1%)
3. Информирование по всем мероприятиям развития туризма – 316 чел. (20,9%).
4. Подготовка квалифицированных кадров в туристической отрасли – 277 чел. (18,3%).

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие внутреннего туризма в современной России с учетом региональных особенностей, является весьма актуальной темой для рассмотрения. Выявлена высокая значимость туризма для социально-экономического развития регионов. Научные исследования в данном направлении будут способствовать формированию эффективных решений в сфере государственной и муниципальной политики, ориентированной на устойчивое развитие, поддержку

культурного разнообразия и сбалансированное территориальное развитие.

Гребельных Татьяна Ивановна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

О необходимости разрешения противоречий на территориях присутствия (в аспекте выстраивания взаимодействий компаний с населением)

Обосновывается необходимость исследования взаимодействия населения с промышленностью и администрацией в аспекте регулирования его экономических и социальных потребностей. Раскрывается важность разрешения локальных проблем населения на территориях присутствия компаний в новых экономических условиях.

В условиях реализации новых национальных проектов одним из основных факторов влияния на устойчивое развитие территории является скоординированный механизм взаимодействия органов региональной и муниципальной власти всех уровней, бизнеса, общественных организаций и объединений, и населения в целом. Решение региональных и муниципальных проблем свидетельствует о необходимости выстраивания механизмов обратной связи с населением территорий. Между тем, на территориях присутствия ведущих компаний прослеживаются противоречия разного уровня и природы, требующие комплексного социологического анализа:

1) реализация концепций и проектов компаний на территориях, где население слабо вовлечено в проектирование и реализацию инициативных проектов;

2) при высоком спросе на трудовые места в компаниях (градообразующих предприятиях), продолжает проследиваться отток молодежи и населения с территории региона, района, города;

3) при наличии институтов общественного контроля, сам общественный контроль зачастую ослаблен, население о его механизмах не достаточно информировано;

4) при наличии департаментов, управлений, отделов по работе с населением и по связям с общественностью при органах власти и в структуре организаций, компаний – информирование населения о значимых событиях и фактах осуществляется не на должном уровне;

5) при положительных сдвигах недостаточно формируется политический имидж компаний и территорий в целом (при этом с позиции со-

временной истории родного края присутствует заниженная самооценка своей уникальности, идентичности и менталитета);

6) при осознанных потребностях и ожиданиях населения от администрации района и города и градообразующего предприятия у значительной части представителей основных социальных групп фактически отсутствует личная заинтересованность / инициативность к участию в совместной деятельности по решению актуальных локальных проблем;

7) при существующей остроте актуальных проблем на территориях присутствия среди населения сохраняется четкая ориентация на конструктивное взаимодействие с другими сторонами с целью повышения их удовлетворенности качеством работы систем жизнеобеспечения.

Проблема видится в том, как повысить эффективность действующих и внедрения новых механизмов и технологий со стороны органов местного самоуправления и предприятий, направленных на удовлетворение экономических и социальных потребностей населения в условиях слабой «социально-институциональной» и «ментально-полузакрытой» заинтересованности населения?

Как показывает опыт, только в том случае, когда труд / трудовые отношения, социальный капитал и образование (профессиональное образование, высшее образование) перестанут быть социальной привилегией для местного населения, – произойдут положительные перемены на территориях присутствия ключевых субъектов развития.

Грошев Игорь Львович¹, Грошева Ирина Александровна²

1 - Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена

Кутузова училище имени маршала инженерных войск А.И.

Прошлякова, Тюмень, Россия; 2 - Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры», Тюмень, Россия

Демонстративные тенденции в подходах к накоплению в среде молодёжи

Молодые люди, погружённые в систему цифровых коммуникаций, сталкиваются с системными проблемами социального контроля, который в условиях интенсивного развития технологий, не успевает оперативно адаптироваться к новым вызовам виртуального пространства [1, с. 83]. Роль сберегательных стратегий в системе экономического выбора молодёжи в работах исследователей представляется как способ обеспечения условий стабильности и выражения выжидательных установок в условиях неопределённости [3, с. 155]. В условиях перманентного повышения цен и высокой изменчивости содержания программ поддержки,

они рассматривают ожидание как необходимый временной интервал для принятия решения.

По этой причине Ю.А. Зубок предполагает, что сберегательный характер установок молодёжи становится устойчивым трендом и форматом жизнедеятельности, выражающимся в накоплении знаний, профессиональных навыков, денежных средств на счетах и ценных артефактов, наиболее ликвидных в условиях современного социума [2, с. 24]. Накопление становится инструментальной ценностью в определении личного успеха, как гипотетической возможности совершить экономический акт, не доступный условному большинству.

С целью анализа характера изменений в отношении молодёжи к процессу накопления авторами статьи в январе-августе 2025 года был реализован третий этап лонгитюдного исследования, в рамках которого были проведены фокус-групповые интервью: 29 фокус-групп по 5-7 человек из числа респондентов предыдущих этапов исследования. Критериями отбора выступали следующие факторы: доход не ниже 40 тысяч рублей, опыт реализации накопительных стратегий более одного года.

Результаты исследования позволили выявить динамику изменения поведения молодёжи. Если в 2023 году молодые люди рассматривали накопительные счета, инвестиционные продукты сберегательной направленности как форму получения пассивного дохода, то в рамках последнего этапа выявился новый тренд, который отражает объём и качество накопительных счетов как самооценку и способ демонстрации объективной успешности. Участники исследования отметили, что подобные стратегии стали широко распространённым явлением в социальных сетях, личных блогах и тематических сообществах, в которых демонстрация накоплений сама по себе становится отражением успешности в большей степени нежели отражение потребительских достижений.

Среди возможных причин смещения потребительской активности в накопление были обозначены следующие аспекты: недоступность часть благ ввиду санкционной политики или их нерациональное ценообразование ввиду процесса параллельного импорта, отсутствие достаточного места для размещения благ, высокая ликвидность денежных средств на счёте, возможность стабилизации личностной тревожности. Система накопления в молодёжной среде приобрела характер не только осознанного экономического акта, но и актуального социального тренда, в рамках которых референтная группа характеризуется высоким платёжным потенциалом без необходимости его непосредственного воплощения в конкретных благах.

Источники и литература

- 1) Есина Ю.Л., Говорова Е.О. Оценка современных тенденций сбережений и учета денежных средств у молодёжи // ЭФО. 2025. № 3 (15). С. 81-94.
- 2) Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг. 2020. № 3 (157). С. 13-41.
- 3) Ярашева А.В., Аликперова Н.В., Марков Д.И. Гендерные различия сберегательно-инвестиционных стратегий молодёжи // Народонаселение. 2022. № 2. С. 153-164.

Грошева Любовь Игоревна¹, Аносенко Андрей Алексеевич¹

1 - Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена

Кутузова училище имени маршала инженерных войск А.И.

Прошлякова, Тюмень, Россия

Виртуальные коммуникации в системе корпоративной этике и управлении

Интенсивное развитие цифровой обмен информации получил ввиду диверсификации возможных вариантов занятости, а также возможности реализовывать поддержку филиальной сети с минимальными затратами и временными издержками. По этой причине появление и актуализация феномена рабочего чата выступает естественным ответом управленческой среды на новые способы взаимодействия с коллективом.

В исследованиях Е.С. Кононенко цифровые рабочие сообщества рассматриваются в качестве параллельной корпоративной культуры компании, которая может соответствовать или противоречить базовым ценностям организации [1, с. 77]. Наличие подобных рисков также обозначено в работах Т.А. Литвяковой, которая помимо удвоения ценностных парадигм, рассматривает особенности трансформации чатов в элементы мем-культуры, что в ряде ситуаций становится инструментом утечки информации, косвенно наносящей вред компании, даже если её идентификация сторонними читателями не может быть реализована [2, с. 81]. Специфика реализации виртуального общения и преимущественный переход решения организационных вопросов в виртуальную среду в свою очередь сформировала основу для эксклюзии тех работников, которые в

силу различных причин не могут оперативно реагировать на предлагаемый информационный массив.

Анализ особенностей цифровых коммуникаций в системе рабочих чатов стал предметом рассмотрения авторского исследования, которое было реализовано в формате фокус-групп (N=29, по 5-7 человек в возрасте 22-35 лет), состоящих из представителей производственной, образовательной и логистической отраслей.

Более половины участников отмечали высокое качество функционирование рабочих чатов, реализованных на базе цифровых коммуникативных платформ. В структуре оценок была выявлена дивергенция позиций относительно двух групп коммуникативных каналов, которые можно обозначить как формально-организационные и целевые-проектные. Первая группа охватывала сообщества, отражающие широкий профиль профессиональных и бытовых задач структурного подразделения в целом, в то время как вторая отражала небольшие сообщества, создаваемые для реализации проектов или решения специфических задач краткосрочного или среднесрочного характера.

Формально-организационные чаты рассматривались как средство упрощения коммуникаций, облегчение механизмов передачи информации и способ консолидации работников, имеющих различные формы рабочего графика. В то же время равная доля ответов отражала негативные стороны подобных сообществ, которые в определённых ситуациях демонстрировали наличие социальных конфликтов, чрезмерной перегруженности бытовыми сведениями, а также рисками включения работника в коммуникацию в нерабочее время. В то же время целевые-проектные группы получили преимущественно положительную рефлекссию, как способ ограничения круга пользователей, а также метод координации микрогрупп в коллективе. Сотрудники отмечают, что подобные сообщества и каналы создают надстройку над организационной культурой, и в ряде случаев выстраивают оппозиционную систему взглядов и установок.

Источники и литература

- 1) Кононенко Е.С., Потулова В.М., Филатова Т.В., Петухова М.В. Вовлечённость студентов в деловые чаты и онлайн-сообщества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-3 (93). С. 76-80.
- 2) Литвякова Т.А. Мессенджеры в деловой коммуникации в аспекте цифрового этикета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. № 3. С. 76-87.

Данаева Елизавета Ильхамовна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Инновации глобальной экономики и их влияние на управление человеческими ресурсами в сфере гостеприимства

В современных условиях динамичного развития глобальной экономики инновации, включая искусственный интеллект, цифровые платформы и большие данные, становятся неотъемлемым фактором повышения конкурентоспособности предприятий, включая сферу гостеприимства. Внедрение автоматизации и ИИ-технологий трансформируют подходы к управлению человеческими ресурсами и позволяют оптимизировать HR-процессы.

Цифровая трансформация меняет не только операционные, но и социально-психологические аспекты труда. Сотрудникам приходится осваивать новые технологии, а специалистам по управлению человеческими ресурсами пересматривать и обновлять программы обучения и адаптации.

Цифровизация экономики усиливает потребность в HR-аналитике и электронных инструментах управления человеческими ресурсами. Согласно отраслевым исследованиям, облачные навыки становятся критически важными для бизнеса. Около 60% компаний инвестируют в повышение цифровых компетенций сотрудников [5]. Требования к компетенциям работников сферы гостеприимства также изменяются. Возрастает значимость цифровой грамотности, способности к обучаемости и адаптации к новым технологиям. Согласно исследованиям, 70% российских отелей уже внедрились цифровые технологии [2], позволяющие автоматизировать процессы подбора, адаптации, обучения и оценки эффективности сотрудников, что повышает прозрачность кадровых процессов и снижает влияние субъективного фактора при принятии управленческих решений.

При растущем дефиците сотрудников и росте спроса в специалистах сферы гостеприимства на 31% [3], увеличении конкуренции и текучести кадров, удержание сотрудников становится приоритетом для компаний. Руководители больше начинают концентрироваться на человекоцентричности, развитии и обучении персонала, разработке мотивационных и карьерных траекторий [4].

Формирование инновационной корпоративной культуры становится важным элементом HR-стратегии гостиничных предприятий. При этом, несмотря на технологический прогресс, «человеческий фактор» остается

ся ключевым активом [1]. Инновации в управлении человеческими ресурсами сегодня направлены на развитие эмоционального интеллекта. В условиях автоматизации именно Soft Skills (эмпатия, креативность, критическое мышление) становятся основным конкурентным преимуществом сотрудника, которое невозможно роботизировать.

Таким образом, инновации глобальной экономики не только меняют технологическую среду, но и формируют новую парадигму управления человеческими ресурсами в сфере гостеприимства, более гибкую, ориентированную на данные и требующую постоянного обучения. Успешная адаптация ее возможна при условии системной HR-стратегии, интегрирующей цифровые, образовательные и социальные компоненты при сохранении уникального сервисного опыта, обеспечиваемого живым персоналом.

Источники и литература

- 1) Донскова Л.И., Заводчикова М.Г. Приоритеты в стратегическом управлении персоналом в сфере туризма и гостеприимства // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritety-v-strategicheskom-upravlenii-personalom-v-sfere-turizma-i-gostepriimstva> (дата обращения: 25.01.2026).
- 2) Каменских Э. А. Цифровая трансформация российской индустрии гостеприимства и её влияние на потребительский опыт / Э. А. Каменских. — Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — № 12(7). — DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.07.004
- 3) Спрос на специалистов в индустрии туризма и гостеприимства вырос на 31% за год — исследование // ТАСС : информационное агентство : [сайт]. — 2024. — 12 июня. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/21074719> (дата обращения: 27.01.2026).
- 4) 10 главных российских HR-трендов — 2025: сборник информационно-аналитических статей / М. В. Иванющенко-ва, В. С. Катькало, Ю. Е. Петрова-Вербицкая, С. Р. Филонович, Ю. В. Фуколова, Е. В. Чернозатонская ; под ред. В. С. Катькало, М. В. Иванющенко-вой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 104 с. (Новое в менеджменте). — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-4184-5 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4249-1 (e-book).

- 5) Microsoft Cloud Skill Report / Microsoft. – 2023. – PDF.
– URL: https://download.microsoft.com/documents/en-gb/Microsoft_Cloud_Skill_Report.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

Дуненкова Виолетта Игоревна

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация*

**Престиж и потребительские стратегии средней страты в
условиях экономических трансформаций современной России
(опыт Калининградской области)**

С начала 2020 года российское общество находится под давлением экономических изменений, влияющих на структуру социального поведения и характер повседневных практик индивидов, что особенно заметно проявляется в средней страте населения, чьи потребительские стратегии отражают как объективные изменения социально-экономической среды, так и субъективные установки, связанные с демонстрацией социального статуса и престижа.

Согласно В.А. Шамликашвили, потребительские практики формируются сочетанием объективных (социально-экономических) факторов и субъективных, связанных с усвоенными нормами потребления и представлениями о статусных различиях [1], что делает престиж одним из ключевых механизмов социальной идентификации и статусной дифференциации.

Кризисные процессы в России значительно повлияли на трансформацию престижных ориентаций и механизмов демонстрации статуса. Например, пандемия COVID-19 повлияла на все сферы жизни и почти все социальные группы, хотя ее последствия по-разному сказались на доходах россиян, а индивидуальное восприятие своего ущерба в обществе часто усиливалось стремлением не отставать от других в своем благополучии [2].

Последние три года также характеризуются продолжающимися изменениями потребительских установок россиян, особенно в ходе ужесточения экономических санкций Запада и развития импортозамещения. Престижное потребление все более связано с адаптацией к постоянно изменяющимся условиям и направлено на сохранение субъективной стабильности и социального «веса». Изменение структуры потребительского выбора заставляет индивидов обращаться к аналогам привычных товаров, параллельному импорту и смешанным стратегиям потребления, что

отражает перестройку ценностей, определяющих восприятие статуса и социальной нормы.

Калининградская область в этой ситуации имеет особый социокультурный контекст. Эксклавный характер региона предопределяет существенные изменения логистики, связанные с ограничениями со стороны соседних государств в области грузовых и пассажирских перевозок из основной части России, а также склонность к более резкой, чем в большинстве российских регионов, перестройке потребления из-за изменения структуры импорта и колебаний курса валют.

Кроме того Калининградская область имеет выраженную социально-экономическую дифференциацию, где западная часть концентрирует экономическую и социальную динамику, а приграничная периферия развивается недостаточно активно, характеризуясь ограниченными возможностями и оттоком населения. Концентрация населения преимущественно в зоне высокой динамики формирует ощущение тесноты пространства [3], что в условиях экономических изменений, притока новых жителей и туристов способно порождать социальное напряжение, вынуждая социум перестраивать престижные практики в сторону альтернативных, гибридных и локальных.

Таким образом, экономические трансформации последних лет способствуют адаптации престижных ориентиров средней страты к актуальным реалиям, особенно на территории эксклавно-анклавного региона.

Источники и литература

- 1) Шамликашвили В.А. Социальный потенциал элитного потребления // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 1. С. 45-53.
- 2) Печкуров И.В. Демонстративное потребление в контексте влияния кризисных периодов // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 5. С. 134–144.
- 3) Вендина О.И., Зиновьев А.С. Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 118–143.

Егорова Светлана Вячеславовна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Социальный контракт с малоимущими гражданами как инструмент инвестирования в человеческий капитал

Снижение уровня бедности и повышение качества жизни населения является основным вектором социально-экономической политики России. Особое внимание со стороны социальной защиты населения уделяется малоимущим гражданам. Трендом их социальной поддержки и помощи выступает социальный контракт, предполагающий взаимные обязательства и активизацию собственных ресурсов малоимущих граждан по выходу из бедности [1]. При заключении социального контракта малоимущий гражданин получает от государства финансовую помощь в целях реализации мероприятий программы социальной адаптации, среди которых: поиск работы, ведение личного подсобного хозяйства, осуществление предпринимательской деятельности (самозанятости) и иные мероприятия, направленные на преодоление трудной жизненной ситуации [2]. К иным мероприятиям относится приобретение товаров первой необходимости, одежды, обуви, лекарственных препаратов и пр. Цель социального контракта – увеличение дохода и преодоление границы бедности малоимущими гражданами.

По данным Счетной палаты РФ, на финансирование социальных контрактов в 2024 году было расходовано 38,3 млрд рублей; было оформлено 204,7 тыс. социальных контрактов; охват составил 4,8% (553,2 тыс.) малоимущих граждан, из которых благодаря социальному контракту 75,1% чел. повысили свой доход и у 45,1% доход превысил границу бедности [3].

Поиск путей роста социального благополучия населения все чаще связывают с концепцией социального инвестирования, где социальные инвестиции – это форма государственных расходов, направленных не только на решение социальных проблем, но и на повышение экономических показателей [4, с.102]. Данная концепция вносит изменения в концептуальные основы социальной политики: акцент переносится с патернализма и уравнилельного распределение социальной помощи на экономическую и социальную активность самих граждан. Расходы государства рассматриваются как прямые инвестиции в навыки и компетенции человека, повышающие его продуктивность и доход в долгосрочной перспективе. Таким образом, социальный контракт с малоимущими гражданами, предполагающий усиление собственной ответственности и перераспределение расходов государства от пассивных денежных выплат и льгот к расходам на активизацию собственных ресурсов, выступает инструментом инвестирования в человеческий капитал.

Источники и литература

- 1) Егорова С.В. Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 67–76.
- 2) Закон Самарской области от 6 мая 2000 г. № 16-ГД «О социальной помощи в Самарской области» // Официальный интернет-портал правовой информации Гарант. URL: <https://base.garant.ru/8302940/> (дата обращения 25.01.25).
- 3) Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит результативности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта с точки зрения содействия занятости и снижения уровня бедности за 2024 год» // URL: <https://ach.gov.ru/checks/sotskontrakt> (дата обращения 28.01.2026).
- 4) Бородкина О.И., Старшинова А.В., Архипова Е.Б. Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития // Terra Economicus. – 2022. – № 20 (2). – С. 99-110.

Жиленкова Валерия Константиновна

*ФГБОУ ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет",
Курск, Россия*

**Управление "разорванными" цепочками создания стоимости:
социологический взгляд на решоринг и геополитику**

В современных условиях глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) переживают фундаментальную трансформацию, которую можно охарактеризовать как «разорванность» фрагментации устоявшихся трансграничных производственных и логистических связей под воздействием геополитических и геоэкономических факторов. Социологический взгляд на эту проблему позволяет увидеть не только экономические механизмы, но и социальные последствия перестройки мирохозяйственной системы.

Ключевыми драйверами «разорванности» выступают: торговые ограничения, санкции, экспортный контроль технологий, стремление государств к технологическому суверенитету, продовольственной и энергетической безопасности. Эти факторы нарушают сложившиеся паттерны

международного разделения труда, вынуждая корпорации и государства пересматривать стратегии размещения производств.

В ответ на вызовы формируются альтернативные модели реконфигурации ГЦСС. Наиболее заметна тенденция к решорингу - возвращению производственных мощностей в страну базирования компании. Этот процесс обусловлен не только рисками геополитической нестабильности, но и социальными ожиданиями: восстановлением рабочих мест, снижением зависимости от внешних поставщиков, усилением контроля над качеством и экологическими стандартами. Параллельно развивается регионализация - концентрация цепочек в рамках крупных региональных блоков (Северная Америка, ЕС, Восточная Азия), что позволяет сохранить преимущества кооперации при минимизации глобальных рисков.

Социологический анализ выявляет противоречивые эффекты этих процессов. С одной стороны, решоринг способствует: возрождению локальных промышленных сообществ; снижению социальной напряжённости из-за безработицы; укреплению национальной идентичности через «возрождение промышленности». С другой - порождает новые вызовы: рост издержек производства, который может привести к сокращению социальных программ; диспропорции в занятости (требуется высококвалифицированные кадры, тогда как многие рабочие места автоматизируются); усиление протекционизма, ограничивающего доступ к дешёвым товарам для малообеспеченных групп.

Геополитический контекст придаёт этим процессам дополнительную сложность. Конкуренция за критические технологии (5G, ИИ, зелёная энергетика) трансформирует ГЦСС в инструмент стратегического соперничества. Государства всё активнее используют инструменты экономической дипломатии - от субсидий национальным производителям до ограничений на трансфер технологий. Это ведёт к формированию «фрагментированной взаимозависимости»: мир остаётся связанным экономически, но связи становятся более локальными и контролируруемыми.

Управление ГЦСС - это не только логистическая или экономическая задача, но и социальный проект. Его успех зависит от способности балансировать между: экономической эффективностью и устойчивостью; глобальной кооперацией и национальной безопасностью; инновационным развитием и социальной справедливостью.

В перспективе это может привести к новой модели глобализации — не гиперглобализации 1990–2000 х, а «рациональной глобализации», где социальные и геополитические факторы играют не меньшую роль, чем рыночная логика.

Журавлева Анастасия Андреевна

*ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ИГУ),
Иркутск, Россия*

Социальные практики кросс-культурного взаимодействия в бизнес-среде

В докладе рассматриваются социальные практики кросс-культурного взаимодействия как ключевой элемент эффективности международного бизнеса. Автор анализирует процесс их институционализации в корпоративной среде, выделяя этапы от стихийной адаптации до формирования формальных регламентов и ценностных норм. Особое внимание уделяется инструментам управления данными практиками: программам культурной адаптации, корпоративным тренингам, внедрению «языка-посредника» (чаще всего английского) и созданию смешанных кросс-культурных команд. На основе анализа теоретических подходов (институциональная социология, теория практик, концепции культурных изменений) и эмпирических исследований делается вывод о том, что успешные практики кросс-культурного взаимодействия трансформируются из набора инструментов в неотъемлемый элемент организационной культуры, способствующий снижению транзакционных издержек и инновационному развитию компании.

Глобализация экономики и рост числа транснациональных корпораций (ТНК) привели к тому, что бизнес-среда стала принципиально поликультурной. Совместная работа сотрудников, менеджеров и клиентов из разных стран и культурных ареалов превратилась из экзотики в рутину. Однако это порождает комплекс социокультурных вызовов: коммуникационные барьеры, конфликты на почве различных ценностных ориентаций, несовпадение ожиданий и моделей трудового поведения [1, с. 45]. В этих условиях социальные практики кросс-культурного взаимодействия становятся критически важным ресурсом конкурентного преимущества.

Под социальными практиками кросс-культурного взаимодействия в данной статье понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые образцы действий, коммуникаций и интерпретаций, которые формируются и применяются агентами бизнес-среды для эффективного достижения общих целей в условиях культурной неоднородности. Цель исследования – проанализировать процесс институционализации этих практик и выделить ключевые инструменты их формирования и управления в современных организациях.

Исследование кросс-культурного взаимодействия в бизнесе долгое время опиралось на парадигму, заданную работами Г. Хофстеде, Ф.

Тромпенаарса, Э. Холла [2; 3]. Их концепции «культурных измерений» (индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности и др.) позволили перевести анализ культурных различий в операционализируемую плоскость. Однако данный подход часто критикуется за статичность и игнорирование ситуативного контекста, а также за тенденцию к культурному детерминизму [4, с. 112].

Более продуктивным для анализа реальных процессов в организациях представляется синтез институционального подхода и теории практик (П. Бурдье, Т. Шацки). Институциональная социология позволяет рассматривать кросс-культурные практики как формирующиеся правила, нормы и рутины, которые снижают неопределенность в поликультурной среде [5]. Процесс их институционализации проходит несколько этапов:

1. Гетерогенная стадия: Взаимодействие строится на основе личного опыта и импровизации, высока доля непонимания и конфликтов.

2. Стадия хабитуализации: Успешные модели действий повторяются и закрепляются как неформальные правила.

3. Стадия объективации: Практики получают легитимацию и формализацию (регламенты, кодексы, стандарты).

4. Стадия седиментации: Практики становятся частью организационной культуры, воспринимаются как «естественный» способ ведения дел [6, с. 78].

Теория практик фокусируется на самих повторяющихся действиях, их материальной и символической основе, что позволяет изучать не абстрактные «культуры», а конкретные поведенческие паттерны в мультинациональных командах или на переговорах.

Институционализация практик кросс-культурного взаимодействия не происходит спонтанно. Она является результатом целенаправленной управленческой деятельности. К ключевым инструментам относятся программы культурной адаптации и кросс-культурные тренинги. Это основной канал трансляции формализованных знаний. Если раньше тренинги фокусировались на «культурных фактах» (этикет, традиции), то современные программы нацелены на развитие межкультурной компетенции – способности понимать культурный контекст, рефлексировать собственные культурные установки и гибко адаптировать поведение [7]. Также ключевым инструментом является языковая политика и использование «языка-посредника». Язык является не только средством коммуникации, но и социальной практикой, структурирующей мышление и взаимодействие. Институционализация английского как корпоративного языка в ТНК – классический пример создания общего семиотического пространства. Однако эта практика порождает и новые неравенства

(лингвистический капитал П. Бурдьё), создавая преимущества для носителей [8, с. 34]. Управление этой практикой требует гибкости, например, допущения использования родного языка в неформальном общении или на внутренних совещаниях. Кроме этого, создание и управление кросс-культурными командами. Смешанные команды являются одновременно лабораторией для выработки новых практик и площадкой для их применения. Исследования показывают, что при грамотном управлении (фасилитация коммуникации, четкая постановка целей, рефлексия групповых процессов) такие команды демонстрируют высокую креативность и качество решений за счет дивергенции точек зрения [9]. Практика регулярных виртуальных митингов с использованием видеосвязи, совместных digital-досок стала новым стандартом взаимодействия в распределенных командах. Кодификация в корпоративных документах и цифровизация. Успешные неформальные практики постепенно закрепляются в виде регламентов (например, «гайдлайны по проведению встреч с азиатскими партнерами»), корпоративных кодексов. Цифровые платформы (корпоративные социальные сети, базы знаний) выступают как артефакты, фиксирующие и распространяющие лучшие практики. Процесс институционализации не лишен противоречий. К основным барьерам относятся:

- 1) Сопротивление персонала, воспринимающего новые правила как навязанные и игнорирующего локальный контекст.
- 2) Ритуализация: практики превращаются в формальность, теряя содержательную основу («прошли тренинг для галочки») [10, с. 91].
- 3) Доминирование западных (преимущественно англо-американских) моделей менеджмента, что может приводить к маргинализации иных культурных логик и снижению вовлеченности сотрудников из периферийных офисов.
- 4) Эссенциализация культуры: сведение сложных индивидов к набору стереотипов даже в рамках формальных обучающих программ.

Таким образом, социальные практики кросс-культурного взаимодействия в современной бизнес-среде представляют собой динамичный объект управления, проходящий путь от спонтанных адаптационных усилий до становления частью организационной ДНК. Их эффективная институционализации требует от компаний выхода за рамки разовых тренингов и перехода к построению комплексной системы, включающей формальное обучение, гибкую языковую политику, проектирование рабочих мест и команд, а также рефлексивную оценку и постоянную коррекцию самих практик.

Успешные практики минимизируют риски кросс-культурных конфликтов, снижают трансакционные издержки коммуникации и, что наиболее важно, превращают культурное разнообразие из проблемы в источник инноваций и конкурентной устойчивости. Дальнейшие исследования в данной области видятся в изучении воздействия диджитализации (виртуальных команд, AI-переводчиков) на характер кросс-культурных практик, а также в анализе практик взаимодействия в новых растущих экономических ареалах (Африка, Юго-Восточная Азия), чьи культурные модели еще недостаточно отрефлексированы в глобальном менеджменте.

Источники и литература

- 1) Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
- 2) Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. – New York: McGraw-Hill, 2010. – 561 p.
- 3) Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. 3rd ed. – London: Nicholas Brealey Publishing, 2012. – 389 p.
- 4) Щербатых С. В. Критика классических моделей кросс-культурного менеджмента: от детерминизма к конструктивизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 110–126.
- 5) North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
- 6) Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – New York: Anchor Books, 1966. – 240 p.
- 7) Earley P. C., Ang S. Cultural Intelligence: Individual Interactions Across Cultures. – Stanford: Stanford University Press, 2003. – 379 p.
- 8) Буримская Д. В. Английский как корпоративный язык: лингвистический капитал и власть в транснациональной компании // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 30–40.

- 9) Stahl G. K., Maznevski M. L., Voigt A., Jonsen K. Unraveling the effects of cultural diversity in teams: A meta-analysis of research on multicultural work groups // Journal of International Business Studies. – 2010. – Vol. 41. – P. 690–709.
- 10) Меренков В. А. Социология стереотипов: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 168 с.

Зорин Денис Максимович¹, Косенкова Арина Владимировна¹

1 - НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Агентность акторов финансовой сферы: методологические подходы к эмпирическому анализу

Современная банковская сфера – сложное сетевое пространство, где расширение масштабов использования цифровых технологий [Нгуен, Хоминич, 2024] кратно множит число участников социальных взаимодействий. Практики человека теперь формируют не только люди, но и приложения, интерфейсы и алгоритмы. В то же время существующие исследования банковской сферы в рамках экономической социологии основываются на человекоцентричных моделях (Technology Acceptance Model; Unified Theory of Acceptance and Use of Technology), в которых технологии рассматриваются как пассивные объекты [Dendrinios, Spais, 2024; Ajina, 2023; Venkatesh V. et al., 2003]. Это создает методологический разрыв между усложняющейся эмпирической реальностью и используемым исследовательским инструментарием.

Первый шаг в решении этого противоречия был сделан Бруно Латуром [Латур, 2014]. Центральным принципом, разработанной им и его последователями акторно-сетевой теории (АСТ), стало симметричное отношение к изучению человеческих и нечеловеческих акторов. При этом способность действовать – агентность – воспринимается как распределенное свойство сети, не закрепленное за отдельным актором. Несмотря на высокий объяснительный потенциал данного подхода его реализация преимущественно опирается на качественные методы и не дает ответа на вопрос, как эмпирически фиксировать агентность [Латур, 2023; Preda, 2006; Кнорр-Цетина, Брюггер, 2005; Lee et al., 2015; Shim, Shin, 2016]. Такая склонность к применению качественных методов объясняется принципиальными для АСТ динамичностью социальных взаимодействий и отсутствием однозначной схемы соотнесения участников сети, которую

исследователь и воссоздает. Количественные методы напротив предполагают достаточный уровень изначальной определенности. Одним из возможных способов преодоления данного затруднения является смещение фокуса на воспринимаемую агентность. Такой подход позволяет сохранить принцип симметрии АСТ, делает возможным эмпирическую фиксацию агентности на уровне восприятия, а также помогает ответить на вопрос, насколько признаки агентности, предлагаемые АСТ [Latour, 1996; Høstaker, 2005; Напреенко, 2015], совпадают с тем, что люди воспринимают как соответствующие свойства акторов. Количественный инструментарий делает возможным сопоставление разнородных акторов между собой и выявление устойчивых паттернов приписывания агентности. Это позволяет перейти от описания отдельных кейсов к оценке агентности в сети и различий в ее восприятии.

Таким образом, фокус на пользовательских интерпретациях действий человеческих и нечеловеческих акторов позволяет зафиксировать распределение агентности в сетевом пространстве. Такой подход расширяет методологический инструментарий АСТ и демонстрирует ее применимость к исследованию сложных отношений в области экономики.

Источники и литература

- 1) Ajina A. S. et al. Are men from mars, women from venus? Examining gender differences of consumers towards mobile-wallet adoption during pandemic // Cogent Business & Management. – 2023. – Т. 10. – №. 1. – С. 2178093.
- 2) Dendrinis K., Spais G. An investigation of selected UTAUT constructs and consumption values of Gen Z and Gen X for mobile banking services and behavioral intentions to facilitate the adoption of mobile apps // Journal of Marketing Analytics. – 2024. – Т. 12. – №. 3. – С. 492-522.
- 3) Høstaker R. Latour — Semiotics and Science Studies // Science Studies. – 2005. – Vol. 18. – № 2. – P. 5-25.
- 4) Latour B. ARAMIS, or the Love of Technology. – Harvard University Press. – 1996. – 336 p.
- 5) Lee H., et al. Provision of mobile banking services from an actor–network perspective: Implications for convergence and standardization // Technological Forecasting and Social Change. – 2015. – Т. 90. – С. 551–561.

- 6) Preda A. Socio-technical agency in financial markets: The case of the stock ticker // Social Studies of Science. – 2006. – Т. 36. – №. 5. – С. 753-782.
- 7) Shim Y., Shin D.-H. Analyzing China's fintech industry from the perspective of actor-network theory // Telecommunications Policy. – 2016. – Т. 40. – № 2–3. – С. 168–181.
- 8) Venkatesh V. et al. User acceptance of information technology: Toward a unified view // MIS quarterly. – 2003. – С. 425-478.
- 9) Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 2. – С. 29–49.
- 10) Латур Б. Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология / Пер. с англ. А. Кузнецова. // Социология власти. – 2023. – Т. 35 – №. 2. – С. 156-196.
- 11) Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2014. – 384 с.
- 12) Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. – 2015. – Т. 27. – № 1. – С. 109–119.
- 13) Нгуен Х. Д., Хоминич И. П. Тенденции развития ФИНТЕХА и зеленых финансов: кейс-стади по странам БРИКС в период с 2011 по 2021 год // Russian Economic Bulletin. – 2024. – №. 2 Часть 7. – С. 162-169.

Иванов Максим Михайлович

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Москва, Российская Федерация

Социальные установки потребительской уверенности в современной культуре потребления в России

В условиях санкций и расширения цифровых каналов потребления в России усиливается значение субъективных оценок будущего, влияющих на поведение домохозяйств.

«Барометр экономического поведения домашних хозяйств НИУ ВШЭ» показывает, что в 2025 г. усиливаются установки на экономию и осторожные траты. По данным «ИнФОМ», к маю 2025 г. только 19% опрошенных оценивали своё материальное положение как улучшившееся за год, а 26% говорили об ухудшении, при этом 41% респондентов относили себя к группе «денег хватает на покупку крупной БТиЭ» но 26% отвечали «средств хватает только на питание», что фиксирует сдержанные субъективные оценки при сохранении потенциала высокого потребительского спроса [1]. Помимо этого, по данным 3-го выпуска «Барометра» за 2025 г. индекс потребительских настроений составляет 103 пункта, а розничный товарооборот растёт лишь на 1,5% в год, что можно интерпретировать как охлаждение спроса при сохранении высокой потребительской уверенности. Исследования «ИнФОМ» лето-осень 2025 г., говорит, что по данным опросов 30% респондентов ожидают улучшения ситуации в стране в ближайший год, 39% не ждут изменений, 14% боятся ухудшения, а в горизонте 3-5 лет на улучшения рассчитывают 42%, однако в текущем потребительском поведении доминируют осторожность и ориентация на стабильность [2]. Эти данные задают основу для рассмотрения потребительской уверенности не только как агрегированного показателя опросов, но и как формы социальных установок, регулирующих повседневное потребление.

В теории социальных установок Узнадзе Д.Н. и диспозиционном подходе Ядова В.А. потребительская уверенность трактуется как готовность субъекта определённым образом воспринимать экономическую реальность и действовать в сфере потребления [3, 4]. Она включает в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Российские исследования потребительских ожиданий показывают, что оценка будущего и реальные расходы могут сильно расходиться и зависят от контекста в котором находится население: накопленный опыт кризисов, инфляция и изменения социальной политики, формирующие устойчивые модели отношения к риску и «нормальному» уровню жизни [6]. В трудах Баркова С.А. показано, что потребительские ожидания в сочетании с относительной устойчивостью расходов можно трактовать как ориентацию домохозяйств на сохранение сложившегося стандарта потребления. Этот стандарт, как подчёркивает Барков С.А., является результатом исторических метаморфоз потребления и связан с постиндустриальной логикой самореализации через разнообразное потребление [5].

Планируемое исследование направлено на операционализацию потребительской уверенности как социальной установки с помощью шкальных вопросов, построенных по логике индекса потребительских настроений,

и глубинных интервью, что позволит сопоставить измеряемые установки с реальными практиками потребления и представлениями о «нормальном» уровне жизни в современной России.

Источники и литература

- 1) Барков С.А. Исторические метаморфозы потребления как социально экономического феномена // Политика и общество. 2015. № 7. С. 811 – 828.
- 2) Барометр экономического поведения домохозяйств в России 2025. М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2025.
- 3) Потребительские настроения населения во 2-4 кварталах 2024 – 2025 гг.: информационно аналитические материалы. М.: НИУ ВШЭ, 2024 – 2025.
- 4) Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416
- 5) Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 376 с.
- 6) Baranov V.V., Cherdymova E.I., Novikov S.B., Lukina E.V., Kazurov O.A., Korzhanova A.A., Gurbanov R.A. Student attitude to ethical consumption as new ecological practice // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. No. 4. P. 1173 – 1179.

Ильин Артём Андреевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Девииации молодёжи в экономической сфере: особенности и формы проявления

Экономическое поведение молодёжи представляет собой сложный социальный феномен, отражающий не только уровень экономической культуры, но и систему ценностных ориентаций, социальных ожиданий и установок, связанных с трудом, потреблением и успехом. В современных условиях нестабильности, социального неравенства и деформации трудовых норм всё чаще наблюдаются отклонения в экономическом поведении молодых людей, что проявляется в различных формах девиации.

С точки зрения общей теории девиаций девиантное экономическое поведение рассматривается как частный случай девиантного поведения

вообще: под ним понимают совокупность социально неодобряемых, иррациональных либо асоциальных действий, возникающих в ситуации расхождения между социально закреплёнными нормами и фактическим поведением индивида или группы; экономическая составляющая проявляется там, где нарушаются не только социальные, но и специфические экономические нормы взаимодействия, обмена и распределения [1, с. 73].

Экономическая девиация молодёжи в современном мире всё чаще рассматривается через показатели экономической неактивности и социальной исключённости. Одним из ключевых международных индикаторов является доля молодёжи категории NEET (Not in Employment, Education or Training) — молодых людей, которые не работают, не обучаются и не проходят профессиональную подготовку. Данный показатель используется Международной организацией труда (МОТ), Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития как маркер экономической и социальной дезинтеграции молодёжи.

По данным Международной организации труда, в 2023 году около 20,4 % молодёжи в мире относились к категории NEET, то есть примерно каждый пятый молодой человек был исключён из систем занятости и образования. Такая ситуация существенно повышает риски бедности, маргинализации и формирования устойчивых форм девиантного экономического поведения. Эксперты МОТ подчёркивают, что длительное пребывание молодёжи в состоянии экономической неактивности негативно сказывается на последующей трудовой социализации и уровне доходов в течение всей жизни. [2].

Таким образом, экономическая девиация молодёжи в современных условиях является не случайным отклонением, а закономерным следствием структурных изменений в экономике и социальной сфере. Рост доли молодых людей, находящихся вне систем образования и занятости, свидетельствует о расхождении между нормативными ожиданиями общества и реальными возможностями их реализации молодёжью. Экономическая неактивность и социальная исключённость усиливают риски формирования устойчивых девиантных стратегий экономического поведения, что делает проблему экономической девиации молодёжи социально значимой и требует комплексного анализа и системных мер социально-экономической политики.

Источники и литература

- 1) Кошарная Г. Б., Мордишева Л. Н. Основные подходы к изучению девиантного поведения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2010.

- 2) Международная организация труда. Youth not in employment, education or training (NEET) rate — global estimates [Электронный ресурс]. <https://ilostat.ilo.org/data/snapshots/youth-neet-rate/> (дата обращения: 28.12.2025).

Ильина Елизавета Николаевна

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Трансформация трудовых практик и капитализация времени молодых специалистов в условиях цифровизации

Как никогда актуально исследование изменения отношения российских молодых специалистов (N=25, интервью) к работе, времени и пространству в эпоху цифровизации. Основной теоретический каркас составляют концепции М. Вебера (рациональность и типы социального действия), П. Бурдье (формы капитала) и В. Радаева (развитие институциональных практик).

88% респондентов (22 из 25) оценивают офис как пространство внешнего контроля и «потерь времени»: главная претензия – трата 1,5-3 часов в день на дорогу, ощущение «клетки» и формального присутствия ради самого присутствия, что соответствует веберовской критике формальной рациональности [1]. Удаленная работа воспринимается как возможность реализовать материальную рациональность: в качестве преимуществ все участники называют автономию и контроль над временем, 18 – инвестиции «свободных» часов в образование (онлайн-курсы, языки), 12 – развитие side-projects, 15 (в т.ч. 7 мужчин) – большее участие в жизни семьи.

В логике Бурдье, высвобождаемое время конвертируется в культурный капитал (72% – образование), экономический (48% – коммерческие проекты), а также семейный/социальный (60% – забота о близких) [2]. 14 респондентов отмечают финансовую экономию (транспорт, питание). Практика капитализации пространства проявляется у 19 специалистов – целенаправленное создание домашнего офиса, и у 8 – переезд из крупных городов в экологичные и менее дорогие регионы, что расширяет их символический и территориальный капитал.

Структура мотивов распределяется так: автономия – 100%, экономия времени – 100%, жизнь в любом месте – 72%, снижение стресса – 64%, финансовая экономия – 56%, совмещение с другими занятиями – 48%. Мотивация сочетается: целерациональные (выгоды, инвестиции) и

ценностно-рациональные (экология, семья, личный баланс), что соответствует типологии Вебера социального действия.

С позиций Радаева, наблюдается институционализация удаленной работы: работники переходят от пассивной адаптации к активному формированию новых трудовых стратегий, обусловленных гибкими нормами и самостоятельным контролем за результатом, а не за физическим присутствием [3].

Главный вывод: удаленная занятость для молодых российских специалистов становится не только формой трудовой оптимизации, но и стратегией капитализации времени и пространства, укрепления личной автономии и инвестирования в долгосрочные ресурсы. Это «сдвигает» модель труда от «долга» к «активу» – формируется новая институциональная и ценностная основа в условиях цифровой трансформации.

Источники и литература

- 1) Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / Пер. с нем. Л.В. Котельниковой и др.; под ред. Л.В. Скворцова. – Москва: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2016. – 799 с.
- 2) Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- 3) Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления / Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.

Исаев Евгений Николаевич

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия*

Марксистский и неомарксистский ракурс рассмотрения низкоквалифицированного труда: сравнительный анализ

Несмотря на то, что марксистский и неомарксистский ракурсы при рассмотрении квалификации работников в целом и низкоквалифицированного труда в частности опираются на несколько идентичных тем, например, классовой борьбы, тем не менее видят их по-разному. В контексте неомарксистского возрождения идей Маркса, Майкл Буравой, причисляемый к первому поколению неомарксистов, выделил в 1982 году

четыре такие ключевые области или темы: капиталистическое государство, классовая структура и классовый анализ, труд и трудовой процесс, и международная политическая экономия и глобальное развитие [3]. Далее рассмотрим последовательно некоторые из них, чтобы проследить как различия, так и сходные черты между марксистским и неомарксистским взглядом.

Что касается отношения к капитализму, то мнения насчет него в марксизме и неомарксизме можно охарактеризовать больше как похожие, чем расходящиеся. Для Карла Маркса расширение капитализма на мировом уровне было очевидным выходом вследствие распространения империализма и несмотря на антиколониальную борьбу в 1960-х гг. в Африке и Азии, помешавшую этим планам, лейтмотив кризиса изначально был заложен в марксистскую парадигму [3]. Также и в неомарксизме присутствует фокус на нестабильности и кризисной тенденции капиталистической системы.

Для неомарксистов классовая борьба является двигателем истории, а разрешение противоречий капитализма состоит в усилении борьбы рабочих в ответ на обострение эксплуатации и нищеты [1; 2]. Когда как в классическом марксизме оставалось место для изучения индивидуального поведения и взглядов представителей тех или иных классов, в неомарксизме отказались от этого в пользу анализа структур классовых позиций, которые те занимают [3].

Еще одним различием будет отношение к модернизации и развитию или наоборот деградации квалификации (деквалификации) рабочей силы. С точки зрения марксизма тенденция к повышению квалификации работников в долгосрочной перспективе невозможна [1]. Неомарксизм же отмечает, что появление новых технологий наоборот требует высокой квалификации работников [3].

Можно заключить, что неомарксизм отличается от своего предшественника марксизма тем, что переходит от рассмотрения индивидуальных проявлений классовых особенностей к анализу структур, опровергает тенденцию к деквалификации рабочей силы, но также подчеркивает предрасположенность капитализма к кризисам.

Источники и литература

- 1) Adler P. S. (2004). Skill Trends Under Capitalism and the Socialisation of Production. В С. Warhurst, I. Grugulis, E. Keep (Eds.), *The Skills That Matter* (pp. 242–260). Macmillan Education UK.

- 2) Dumitru S. How neo-Marxism creates bias in gender and migration research: Evidence from the Philippines // Ethnic and Racial Studies. 2018. Vol. 41, № 15. P. 2790–2808.
- 3) Manza J., McCarthy M. A. The Neo-Marxist Legacy in American Sociology // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37, № 1. P. 155–183.

Каверина Надежда Александровна

РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

**"Вынужденное предпринимательство": почему студенты
выбирают бизнес не по любви, а по расчету?**

Данные социологических исследований последних лет констатируют положительное отношение молодежи к предпринимательству (99%). Вместе с тем, выбор этой деятельности студентами мотивирован не поиском профессиональной самореализации («добровольное позитивное предпринимательство»), а специфическими трудовыми установками поколения Z - независимость, уровень дохода, гибкость трудовых отношений и комфортность среды, что формирует феномен «вынужденного негативного предпринимательства». Для характеристики мотивов предпринимательской деятельности студентов в январе 2025 г. было осуществлено социологическое исследование «Предпринимательская деятельность в РЭУ им. Г. В. Плеханова». Выборка из 300 студентов социально-гуманитарного профиля формировалась методом «снежного кома», сбор данных проходил посредством онлайн-анкетирования (Google Forms).

Выделяют позитивную (добровольную) и негативную (вынужденную) мотивации. Преобладание вынужденной мотивации способствует репликативному предпринимательству (копированию существующих моделей), которое обеспечивает занятость, но не стимулирует экономический рост. Добровольная мотивация чаще ведёт к созданию инновационных продуктов и моделей, что способствует экономическому росту. Изучение факторов мотивации помогает выявить детерминанты качества предпринимательской активности.

Доля опрошенных студентов, планирующих заняться или занимающихся предпринимательской деятельностью, составила 57,9%. Большая часть опрошенных студентов рассматривают для себя предпринимательскую карьеру, что связано прежде всего с направленностью университета. Причем профессиональный выбор студентов значимо коррелируют

с их материальным положением. Наибольший интерес к предпринимательской карьере демонстрируют респонденты из полярных социально-экономических групп: сверхбогатых (71,2%) и сверхбедных (72,2%) семей. Для обеспеченной молодежи предпринимательство — это возможность реализовать амбиции при поддержке семьи, тогда как для малообеспеченных оно становится стратегией социального лифта. Респонденты из семей со средним доходом склонны выбирать более стабильную занятость (34%).

60% студентов имеют предпринимателей в семье, и судя по тому, что они выбрали обучение в экономическом вузе, они знакомы с позитивным примером предпринимательской деятельности. Возможно, их выбор обучения в РЭУ им. Г. В. Плеханова обусловлен мотивом продолжения семейного дела. 83% респондентов знакомы и дружат с предпринимателями. О включенности в предпринимательскую деятельность свидетельствует и то, что у 11,5% студентов есть уже опыт организации собственного бизнеса, 46,4% — планируют в ближайшем будущем заняться предпринимательской деятельностью.

Почти 87% респондентов положительно относятся к идее развития молодежного предпринимательства в России, считая его драйвером развития экономики. Большинство считают, что успешный предприниматель должен начинать бизнес в студенчестве, до 25 лет (62,8%), совмещая его с учебой (53,3%). Несмотря на современный интерес к женскому предпринимательству, 72,3% респондентов считают, что молодой успешный предприниматель — это прежде всего мужчина. Суждение же об успешности женщин в бизнесе поддержали 26,8% опрошенных (9,2% из которых мужчины). По мнению респондентов, совмещение предпринимательской карьеры с родительством оказывается успешным редко, такую ситуацию видят возможной лишь 8% опрошенных.

60% студентов связывают успех предпринимателя с наличием высшего образования. Согласно исследованию, молодые предприниматели в основном обладают образованием в области социально-гуманитарных (40,2%) или технических/точных наук (38,3%). Причем, наиболее предпочтительной бизнес-моделью среди опрошенных студентов является креативная, которую выбрали 38,7% респондентов. 36,8% студентов считают самой распространенной моделью бизнеса классическую, связанную с онлайн/оффлайн торговлей, кафе, салонами и т.п. Лишь 15,7% опрошенных считают технологический бизнес (ИТ-стартапы, хай-тек производство и т.д.) популярным среди молодежи. Основная причина — представление о его высокой сложности и необходимости больших затрат времени и сил. Самой непривлекательной моделью бизнеса оказа-

лась социальная модель (8,8%). Выполнение социальной миссии является одним из самых нераспространенных мотивов предпринимательской деятельности молодежи (14,9%).

Согласно исследованию, топ-3 мотива предпринимательской деятельности - возможность достижения высокого уровня денежных доходов (76,6%), гибкий график работы (61,3%) и реализация профессиональных амбиций (50,6%). Соответствуют им ценности, определяющие деятельность молодого предпринимателя, - самореализация (86,6%), независимость (70,5%), материальное благополучие (69,3%). Характерно, что мотивы, вынуждающие студентов заниматься своим бизнесом, также соотносятся с мотивами и ценностями предпринимательской деятельности – желание избежать подчинения начальству (54,8%), низкий уровень зарплат (18,8%), неудовлетворенность работой (18%).

Выбор в пользу предпринимательской карьеры среди студентов в значительной степени детерминирован не стремлением к инновациям или общественно значимому результату, а трудовыми установками поколения Z (достижения высокого дохода, гибкий график и желание избежать подчинения). Это свидетельствует о преобладании «вынужденного предпринимательства», которое служит ответом на неудовлетворенность традиционной занятостью. Несмотря на высокий потенциал предпринимательской активности, его качество вызывает вопросы. Предпочтение отдается репликативному предпринимательству (креативным и классическим бизнес-моделям), в то время как предпринимательство с высоким потенциалом (технологическое и социальное) считается малопопулярным и чрезмерно затратным.

Казаченков Станислав Дмитриевич

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

Цифровое налогообложение в России: социологический анализ трансформации налоговых обязательств

Введение цифровых технологий в экономику России создает принципиально новые вызовы для налогового администрирования и корпоративной политики. В условиях глобального давления международных организаций на выполнение соглашений BEPS 2.0 Российская Федерация разрабатывает собственные механизмы налогообложения цифровой экономики, отражающие как международные стандарты, так и национальные приоритеты экономической политики.

Исторически российское налоговое законодательство применялось к традиционным моделям бизнеса с четкой территориальной привязкой. Однако масштабное распространение электронной коммерции, облачных сервисов и цифровых платформ обнаружило критические пробелы в налоговом администрировании. Интернет-компании, маркетплейсы и технологические платформы генерируют доходы на российском рынке, минимизируя налоговые обязательства посредством размещения юридических структур в низконалоговых юрисдикциях и применения трансфертного ценообразования.

Социологический анализ этого процесса выявляет глубокий конфликт между институциональной логикой традиционного налогообложения и новыми формами хозяйственной организации. Налоговые отношения, понимаемые как социальные практики, отражают не просто технические правила, но фундаментальные договоренности между государством и бизнесом о справедливом распределении ресурсов и рисков.

Социальный эффект налоговой политики цифровизации проявляется в трансформации доверия субъектов хозяйства к налоговой системе. Национальные компании, вынужденные полностью исполнять налоговые обязательства в России, конкурируют с иностранными платформами, которые минимизируют налоговое бремя. Это создает дисбаланс в условиях конкурентной борьбы и подрывает доверие общественности к справедливости налогообложения.

Фундаментальная проблема российского подхода кроется в административной несогласованности. Налоговые службы используют традиционные инструменты контроля, разработанные для классической экономики, применяя их к цифровым бизнес-моделям. Требуется качественная трансформация компетенций налоговых органов: глубокое понимание технологических платформ, аналитика больших данных, способность отслеживать трансграничные потоки стоимости.

Переосмысление налоговых обязательств в контексте корпоративной социальной ответственности становится инструментом укрепления легитимности бизнеса и государства. Справедливое налогообложение рассматривается не как техническое администрирование, а как социальный договор, обеспечивающий публичный интерес и доверие к экономическим институтам.

Источники и литература

- 1) Сергеев В.М., Козлов И.А. Налогообложение цифровых финансовых активов в России: новые правила и проблемы администрирования // Налоги и налогообложение. – 2025. – № 2. – С. 34–52.

- 2) Щербина А.А. Цифровая экономика в России: социальные изменения и институциональные вызовы // Экономика и управление в условиях социальных перемен. – 2023. – № 2. – С. 123–139.
- 3) Харкушенко О.О. Налоговые вызовы цифровой экономики: административно-правовой анализ // Экономическая социология. – 2025. – Т. 8. – № 2. – С. 78–95.
- 4) Кулакова И.П. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Вестник Государственного университета управления. – 2020. – № 5. – С. 123–135.

Камалов Наиль Ильясович

МГУ, Москва, Россия

Ограничения проектного подхода к корпоративному управлению в менеджменте цепочек поставок

В условиях геополитической турбулентности и перестройки глобальных логистических сетей проектный подход позволяет оперативно реализовывать точечные инициативы, такие как внедрение цифровых платформ. Однако его некритичное применение в менеджменте непрерывных цепочек поставок сопряжено с системными ограничениями, требующими синтеза с процессным управлением [1, 2].

Ключевая проблема — дублирование функций и фрагментация ресурсов. Изолированное планирование поставок разными проектными командами ведет к формированию пересекающихся пулов контрагентов, дроблению контрактам и росту операционных издержек. Как отмечается в исследовании, временные цели проектов часто игнорируют сквозные процессы управления цепочками поставок, усиливая разобщенность [1]. Решением выступает не отказ от проектов, а их интеграция в единую информационную среду. Современные инструменты, например, ИИ-алгоритмы для консолидированных закупок, позволяют прогнозировать спрос и оптимизировать заказы в масштабе всей компании, устраняя дублирование. При этом автоматизация позволяет сократить затраты на согласование решений внутри процессной иерархии. По данным отраслевых кейсов, такой подход снижает логистические издержки в строительстве и производстве на 10-15% [5], демонстрируя потенциал гибридных моделей.

Другое существенное ограничение — ригидность в условиях внешней неопределенности. Жесткие рамки проектов (сроки, бюджет) затрудняют адаптацию к непредвиденным сбоям в поставках или изменению

маршрутов. В то время как процессно-ориентированная структура может гибко перераспределять ресурсы между направлениями, проектной команде зачастую приходится идти по затратному пути экстенсивного наращивания собственных мощностей, что экономически неэффективно [1]. Это противоречит самой цели повышения устойчивости цепочки.

Таким образом, проектный подход незаменим для решения уникальных, ограниченных по времени задач, но его эффективность в контексте управления цепочками поставок может быть значительно повышена за счет сознательного синтеза с процессным управлением. Практическим путем может стать:

- Наделение проектов сквозными процессными KPI (например, совокупная стоимость владения цепочкой).
- Создание гибридных ролей (например, «процессный владелец — проектный менеджер»).
- Внедрение общих цифровых платформ, которые обеспечивают проектные команды актуальными данными, а процессное управление — инструментами для закрепления их результатов [2].

Данные подходы активно внедряются в Российских и зарубежных компаниях, позволяя нивелировать их ключевые недостатки проектного управления: фрагментацию и низкую устойчивость к внешним шокам. Однако в научной литературе данный переход недостаточно разработан и требует дальнейшего исследования.

Источники и литература

- 1) Khattak S.B., Mubarik S.J., Shariff M. Review of supply chain management within project management // Project Leadership and Society, Vol. 2, 2021.
- 2) Liu Y., Wang J., Smith A. Bridging Project Management and Supply Chain Management via Optimization Method: Scenarios, Technologies, and Future Opportunities // Mathematics, Vol. 13, No. 21, 2023.
- 3) Смирнов А.В. Управление рисками в глобальных цепях поставок: методология и практика // Логистика и управление цепями поставок, № 2 (103), 2022.
- 4) Иванов Д.Ю. Интеграция проектного и процессного управления в промышленных компаниях // Российский журнал менеджмента, Т. 19, № 4, 2021.
- 5) Петрова Е.С. Эволюция моделей управления цепями поставок в российских компаниях в условиях санкционного давления // Вест-

ник Санкт-Петербургского университета. Экономика, Т. 39, Вып. 3, 2023.

- 6) Чернозатонская Е. В., Фуколова Ю. В., Финкельштейн Г. М., Ивановниченко М. В., Баев Г. О., Андреева К. В. Операционная эффективность М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2024.
- 7) Теория ограничений Голдратта: Системный подход к непрерывному совершенствованию - У.Детмер - Альпина Паблишер - 2017

Килимова Людмила Викторовна¹, Шуклина Елизавета Игоревна¹

1 - Юго-Западный Государственный Университет, Курск, Россия
Детерминанты физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг для детей

Физкультурно-оздоровительные и спортивные услуги (ФОиСУ) становятся все более востребованными. Детский возраст как особенный фактор оказания ФОиСУ наиболее важен в контексте привития здорового образа жизни молодому поколению. Для выявления специфики влияния факторов на ФОиСУ для детей в г. Курске было проведено социологическое исследование методом анкетирования родителей детей до 18 лет, потребляющих данные услуги (n=380) [1].

При потреблении ФОиСУ важно определить субъективную оценку родителей собственного материального положения. Среди участвовавших в опросе более половины (59,2%) оценили свое материальное положение как хорошее («хватает и на питание, и на покупку вещей»). Как очень хорошее («ни в чем себе не отказываем») оценили 21,8% респондентов, как среднее («хватает на питание и вещи первой необходимости») – 17,6%. В целом материальное положение семей, потребляющих данную услугу хорошее. Более половины (66,1%) опрошенных родителей водят детей на платные занятия и только четверть респондентов (25,5%) – на бесплатные. Корреляционная связь между материальным положением родителей и тратами на спортивные занятия отсутствует. Однако, в большинстве случаев родители готовы тратить на спортивные секции ребенка сумму, которая не будет наносить ущерб семейному бюджету.

Основными целями спортивных занятий родители считают укрепление здоровья (67,4%), развитие физических навыков (56,7%), а также формирование дисциплины и ответственности (29,5%). Спорт и его состязательная составляющая в данном случае вторичны – важна двига-

тельная активность, регулярность и дополнительные агенты социализации. Только 17,9% респондентов указали занятия в спортивной секции как подготовка к профессиональному спорту. Чуть более половины опрошенных (51,8%) при выборе вида спорта учитывали особенности ребенка и принимали решение совместно с ним. Треть респондентов (33,9%) руководствовались исключительно желанием ребенка. Важно отметить внимание родителей к мнению ребенка.

Современные родители понимают важность занятий ребенка спортом. Более четверти опрошенных (27,4%) готовы тратить более 4000 рублей в месяц на оплату ФОиСУ для своих детей. Десятая часть респондентов могут потреблять данную услугу только бесплатно. Наиболее значимыми критериями выбора спортивных организаций для занятий ребенка являются квалификация тренеров (58,6%); стоимость занятий (44,9%); расположение организации, ее близость к дому (33,5%); расписание занятий (31,9%). Наименьший интерес возникает у родителей к обеспеченности организации спортивным инвентарем (7,1%).

Таким образом, решающими факторами при выборе ФОиСУ для ребенка, по мнению родителей, является не только стоимость, но и нематериальные – квалификация тренера, близость учреждения к дому, расписание занятий. Несмотря на высокую значимость экономического фактора, родители готовы нести значительные траты на оплату спортивных занятий ребенка, самостоятельно оплачивать участие в турнирах, форму, спортивный инвентарь, сборы и другое. Это может быть обусловлено желанием привить ребенку здоровый образ жизни, отвлечь его от виртуального мира, и высокая цена его интересов в этом случае становится оправданной. Активное времяпрепровождение формирует адекватные современному обществу ценности здорового образа жизни, патриотизма, уважения к сверстникам и старшим – социальное здоровье.

Источники и литература

- 1) Килимова Л.В., Шуклина Е.И. Факторы спроса на физкультурно-оздоровительные услуги для детей в г.Курске // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15. № 6. С. 235-244

Колесник Надежда Александровна

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

**Экологическая ответственность потребителей: анализ
социальных медиа 2015 -2024**

В статье анализируется использование рекламно-коммуникационного потенциала крупных торговых сетей для формирования экологической ответственности потребителей и популяризации ответственного потребления среди населения. Исследование проведено на основе базы данных коммуникации крупнейших продуктовых ритейлеров в социальных медиа за 2015-2024 гг., использована формула уровня вовлеченности, адаптированная авторами к особенностям социальной сети ВКонтакте. За исследуемый период зафиксирован переход от узкой целевой аудитории к широкой массе потребителей, разделяющих ценности осознанного потребления. Установлено, что 90% комментариев пользователей отражают позитивное отношение к эко-ценностям. При этом часть скептических (негативных) комментариев написана людьми с высокой степенью экологической осознанности. Их обоснованная критика может быть использована для большей согласованности эко-инициатив.

База данных: На предварительном этапе, при сопоставительном анализе контента социальных сетей, используемых российскими ритейлерами, было выявлено, что до 99 % сообщений в разных сетях дублируются. Поэтому для исследования была выбрана одна социальная сеть «ВКонтакте». При этом мы руководствовались следующими соображениями. Во-первых, это первый ресурс, в котором появились аккаунты российских розничных сетей, что позволило увеличить период исследования. Во-вторых, «ВКонтакте» - самая популярная социальная сеть в стране с ежемесячным охватом 85 % интернет аудитории, при этом 52% российских пользователей посещают ее каждый день [1]

В-третьих, именно эта сеть имеет наибольшую степень вовлеченности потребителей в форме просмотров, лайков, репостов и комментариев.

В выборку были включены шесть крупнейших торговых сетей в России с общей долей оборота 32,4%, имеющих контакт с более чем 12 млн потребителей ежедневно. За девятилетний период с 2015-2024 годы было проанализировано 31148 постов социальной сети ВКонтакте. Доля экологической коммуникации составила от 1 до 6 % в зависимости от анализируемого года и компании.

Для данного исследователя мы адаптировали формулу расчёта уровня вовлечённости к особенностям сети «ВКонтакте».

Во-первых, из расчётов был исключен показатель количества комментариев к посту, так как в коммуникации компаний с потребителями нередко тема комментария не соответствует теме поста. Одна из причин - феномен «публичной жалобы», при котором оперативная реакция компании в соцсети на претензии клиента приводит к увеличению потока жа-

лоб на странице компании [Golmohammadi, 2021; Palazón, López-López, 2023].

Во-вторых, был использован повышающий коэффициент для репостов. В стандартной формуле лайк и репост имеют одинаковый вес в формуле, но, по нашему мнению, репост выражает гораздо более высокий уровень вовлеченности. По алгоритмам сети «ВКонтакте», при репосте сообщение размещается на странице пользователя и становится доступным его друзьям в ленте новостей, что увеличивает охват аудитории. Стоит отметить, что в целях сохранения объективности оценки из выборки были исключены сообщения в рамках специальных акций, в механике которых предусмотрен репост, например, для участия в розыгрыше. Вместе с тем, игровые механики имеют важное значение для привлечения внимания, вовлечения и популяризации эко-инициатив.

На основе данной формулы был рассчитан уровень вовлеченности для сообщений по экологической тематике. Для наглядности результаты расчетов были представлены на пузырьковой диаграмме, где размер кругов отражает уровень вовлеченности, по оси Y – количество просмотров, по оси X – количество лайков и репостов с мультиплицирующим коэффициентом. К 2021-2024 гг. относительно 2017-2020-х ситуация изменилась не только количественно, но и качественно. В 2017-2020 гг. темы с высоким уровнем вовлеченности имели низкое количество просмотров с большим количеством реакций в виде лайков и репостов среди тех, кто просмотрел пост; эко-сообщения были интересны узкой целевой аудитории. В 2021-2024 гг. года существенно возросли и количество просмотров постов по экологической тематике, и количество откликов, что свидетельствует о расширении круга заинтересованных потребителей и возникновении тренда на экологичность.

Источники и литература

- 1) Статистика ВКонтакте. 2024. URL: <https://inclient.ru/vk-stats/>

Колодезникова Инна Валентиновна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Нужные пожилые: люди разные нужны, люди всякие важны

Старение населения России требует более пристального изучения роли пожилых людей во всех сферах, включая экономику. Лица пожилого

возраста-особая социальная группа, тесно вплетенная во всю систему общественных и экономических отношений. Развитие серебряной экономики способно стать драйвером экономического роста во многих отраслях.

Ключевым аспектом, обеспечивающим развитие серебряной экономики в России, является государственная политика в отношении пожилых людей и меры государственной поддержки. Основным документом, регулирующим государственную политику в отношении граждан пожилого возраста, является «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года»; в период с 2019 до 2024 года был реализован Федеральный проект «Старшее поколение» в составе Национального проекта «Демография», а в 2025 году стартовал новый Федеральный проект «Продолжительная и активная жизнь».

Пожилые люди не должны рассматриваться как монолитная группа. Внутри группы людей пожилого возраста существует несколько сегментов с различными особенностями и потребностями: если здравоохранение и комфортная среда актуальны для всех лиц старшего возраста, то трудовые практики и связанные с ними практики профессиональной переподготовки и переобучения наиболее востребованы у группы «молодых» пожилых; практики активного долголетия и обучения -у «средних пожилых»; а для группы старших пожилых наиболее актуальны средства и услуги ухода. Эти особенности необходимо учитывать при формировании мер государственной поддержки и при организации работы с пожилыми.

В настоящее время к пенсионному возрасту приближаются люди, вся трудовая деятельность которых пришлась уже на годы рыночной экономики. Эта группа лиц раннего пожилого возраста обладает существенными отличиями от более старших пожилых и в значительной степени может изменить представления о социальном портрете российского пенсионера и восприятие пожилых людей в целом.

Приближение к пенсионному возрасту людей с опытом работы в рыночных условиях может дать толчок развитию предпринимательской деятельности пожилых, а также досуговой и другим сферам.

В условиях повсеместной цифровизации и перехода к использованию технологий искусственного интеллекта (ИИ) особую значимость приобретает адаптация к жизни в цифровом обществе для лиц старшего возраста. В настоящее время реализуются разнообразные программы для повышения цифровой грамотности. Главная сложность состоит в отсутствии желания у многих пожилых средней и старшей групп учиться и овладевать цифровыми компетенциями, что приводит к усиливающемуся «цифровому расслоению» внутри группы пожилых.

В последние годы в России формируется экосистема долголетия, которая должна помочь российским пожилым перейти от стратегии «дожития» к полноценной и активной «серебряной» жизни.

Источники и литература

- 1) Барков С.А., Колодезникова И.В., Мысливец Н.Л., Щербинин С.Н. Социальные практики и старение населения// Вестник МГУ Серия Социология и Политология, 2022 №1 стр.164-192
- 2) Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России// Вестник Российского Университета дружбы народов 2022 №4 стр.828-843
- 3) Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России// Вестник Российского Университета дружбы народов 2022 №1 стр.97-112
- 4) Колодезникова И.В. Особенности социализации российских пожилых работников в рамках социальных практик труда и занятости/ /в сборнике «Жизнь старшего поколения в современном обществе./Под общ. Ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой, место издания ООО "Макс-Пресс", с. 118-122
- 5) Колодезникова И.В. Развитие серебряной экономики в России//РЭЖ 2025 №5 стр.72-92
- 6) Старшее поколение в постиндустриальных реалиях: жизненные и трудовые стратегии: коллективная монография / под. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М.: Издательство «У Никитских ворот», 2022. 328 с.

Комбаров Михаил Анатольевич

ФГБОУ ВО "Уральский государственный экономический университет", Екатеринбург, Россия

Цикличность демографической обстановки в России как социальное последствие экономических трансформаций

В начале 1990-х гг. на Россию обрушился трансформационный кризис. Ключевой его причиной стало проведение экономической политики «методом проб и ошибок» [1]. «Пробами» стало принятие в России

мер перевода экономики на рыночные рельсы, показавших должную эффективность в странах Европы, например, проведение приватизации и переход к прогрессивному налогообложению доходов физических лиц, а «ошибками» – игнорирование при их разработке особенностей российских экономических реалий, например, высокой инфляции и отсутствия развитого института налогового контроля. Одним из социальных последствий данного кризиса выступило резкое снижение рождаемости. Так, если в 1990 г. в России родилось 1988858 человек, то в 1995 г. это число уже составило 1363806 человек, а в 2000 – лишь 1266800 человек. Иными словами, в результате экономических трансформаций рождаемость по итогам последнего десятилетия XX века упала на 36,31%. Далее демографическая ситуация в стране улучшилась и в 2014-2015 гг. показатель рождаемости почти достиг уровня 1990 г. Однако начиная с 2016 г. число родившихся опять взяло курс на снижение, и к 2024 г. опустилось ниже уровня 2000 г. на 3,53%. Корень такой проблемы – всё те же экономические трансформации 1990-х гг. Ведь сегодня в детородном возрасте находятся лица, родившиеся в данный период времени, относительно низкая численность которых является предпосылкой низкой рождаемости. В ближайшем будущем эксперты ожидают рост рождаемости с связи с вступлением в репродуктивный возраст лиц, родившихся в период 2000-х гг., но когда в этот возраст вступят люди, родившиеся после 2015 г., рождаемость вновь будет падать. Искоренение подобного тренда представляется весьма сложной задачей.

Таким образом, одним из социальных последствий экономических трансформаций является цикличность демографической обстановки. Это имманентно вызовет цикличность в развитии сферы образования. Например, уже через несколько лет ожидается избыток учителей начального звена. Подобная ситуация чревата сокращением отдельных представителей указанной профессии. В наибольшей зоне риска, согласно п. 26 приказа Роструда от 11.11.2022 N 253 «Об утверждении руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства», окажутся молодые педагоги, не имеющие квалификационной категории. Такое положение дел, в свою очередь, создаст угрозу для достижения национальной цели развития России «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности».

Источники и литература

- 1) Бузгалин А. В. Отечественная экономическая теория: от кризиса к новой парадигме? // Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 42-53.

Крейк Альфред Иосифович

*Новосибирский государственный университет экономики и
управления, Новосибирск, Россия*

**Актуальные аспекты социологической диагностики деловых
организаций в условиях современности**

В условиях современности для системы управления в различных сферах и на различных уровнях одной из первоочередных задач является возможность принятия решений на основе оперативного получения научно обоснованной информации. Один из важнейших источников такой информации – оперативная диагностика. Если информация должна иметь социальный характер, то это оперативная социологическая диагностика. В этой связи нередко возникает следующая проблема: продолжительность времени, затрачиваемого для разработки необходимого социологического инструментария, проведения диагностических процедур и подготовки аналитического отчета. Особенно это характерно для количественных исследований. И может оказаться, что социологическая диагностика проведена согласно принятым социологическим канонам, но полученная таким образом информация может устареть для принятия оперативного управленческого решения.

В связи с этим, может быть актуальным подход, который в свое время использовался в СССР заводскими социологами – разработка методик для диагностики деловых организаций. Это хороший вариант получения социологической информации для оперативного принятия управленческого решения. Однако эти методики имеют и различные ограничения. Ключевым ограничением этих методик является опора на классические процедуры разработки диагностического инструментария и проведения социологического исследования. А имеющиеся методические и методологические проблемы в этой области известны [1, с. 295-303].

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым для получения оперативной научно обоснованной социологической информации о состоянии функционально актуальных организационных структур и/или управления ими, профессионально действовать следующим образом:

- Разрабатывать методики оперативной социологической диагностики для определения конкретного состояния функционально актуальных организационных структур и/или управления ими, используя соответствующую теоретико-методологическую и методическую основу (представлена ниже).
- Исходить из институционального подхода, поскольку управление является социальным институтом [2, с. 3-4].

- Использовать концепцию эмерджентных эффектов, поскольку феномены социума имеют эмерджентную природу, порождаемые социальными взаимодействиями [3, с. 12].

- Учитывать и использовать в непротиворечивом согласовании с вышеизложенным накопленные в социологии теоретико-методологические и методические знания.

Источники и литература

- 1) Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы: Учебное пособие. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. – 416 с.
- 2) Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 472 с.
- 3) Донати Пьерпаоло Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма / сост. Е.А. Кострова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. – 312 с.

Кропачев Сергей Александрович

ПНИПУ, Пермь, Россия

Корпоративная идеология как социальный механизм нематериальной мотивации и вовлечённости работников

В современных организациях мотивация всё реже сводится к зарплате и формальным стимулам. Всё большую роль играют смыслы, ценности и представления о «правильной работе». Через миссии, принципы и корпоративные истории компании стремятся вовлечь работников глубже, чем это возможно с помощью инструкций и контрактов. В идеале сотрудник начинает воспринимать цели организации как значимые для себя, а работу — как морально оправданную и социально важную.

Однако с социологической точки зрения здесь возникает принципиальный вопрос: где проходит граница между вовлечённостью и контролем. Корпоративная идеология может выступать источником внутренней мотивации, чувства принадлежности и осмысленности труда. Но она же способна работать как инструмент нормативного давления, когда от работника ожидается не просто выполнение задач, а соответствие определённому образу «правильного» сотрудника. Поэтому анализ корпоративной идеологии важен не как изучение риторики, а как исследование

социального механизма, влияющего на трудовое поведение и идентичность работников.

В социологическом понимании корпоративная идеология — это не набор лозунгов, а система ценностей и норм, через которую организация и коллектив объясняют, каким должен быть труд и каким должен быть работник [1]. В отличие от корпоративной культуры, охватывающей весь спектр повседневных практик, идеология формирует ценностное ядро и задаёт рамку интерпретации происходящего. Она становится действенной только тогда, когда разделяется коллективом и встроена в реальные управленческие практики [3].

Исследователи подчёркивают, что идеология выполняет интегративную функцию, формируя общие ориентиры и поддерживая согласованность действий внутри организации [1]. При этом её эффективность зависит от согласованности с управленческими технологиями: если ценности декларируются, но не подтверждаются практикой, нематериальная мотивация теряет доверие [2]. В этом смысле идеология выступает не украшением управления, а его скрытым основанием.

В критической традиции корпоративная идеология рассматривается как форма нормативного контроля. Управление всё чаще действует не через прямые приказы, а через формирование идентичности работника, побуждая его самому регулировать своё поведение в соответствии с ценностями организации [4]. Такой контроль может выглядеть мягким и добровольным, но он затрагивает более глубокий уровень — самоощущение человека в труде.

Важное дополнение даёт теория психологического контракта. В ней идеология понимается как особая «валюта» обмена между работником и организацией, связанная с миссией и ценностями [5]. Организация обещает значимое дело и уважение, а работник отвечает повышенной вовлечённостью. Однако этот обмен работает только при наличии доверия и признания; иначе идеология превращается в источник напряжения.

Теоретический анализ показывает, что корпоративная идеология может быть мощным механизмом нематериальной мотивации, но только при определённых условиях. Она становится эффективной тогда, когда ценности понятны, разделяются коллективом и подтверждаются повседневными практиками. В этом случае идеология действительно поддерживает вовлечённость, формирует чувство принадлежности и задаёт моральные ориентиры труда.

В то же время идеология всегда амбивалентна. Там, где она подменяет собой реальные отношения уважения и справедливости, она перестаёт мотивировать и начинает дисциплинировать. Вовлечённость превраща-

ется в моральное обязательство, а контроль — во внутреннюю самодисциплину. Поэтому социологический анализ корпоративной идеологии важен не для оценки «хороших» или «плохих» ценностей, а для понимания того, как через них воспроизводятся власть, согласие и напряжение в современном труде.

Источники и литература

- 1) Имаева, Н. Р. Идеология: от политических доктрин к управлению корпорацией / Н. Р. Имаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2010. — № 2(14). — С. 28–33.
- 2) Маслов, Е. В. Управление персоналом: технология и идеология / Е. В. Маслов // Организационная психология. — 2015. — Т. 5, № 1. — С. 73–90.
- 3) Николаева, А. А. Трансформация организационной идеологии в аспекте развития образовательной организации / А. А. Николаева, И. А. Савченко, М. А. Мартьянова // Образовательные ресурсы и технологии. — 2018. — № 2(23). — С. 87–94. — DOI: 10.21777/2500-2112-2018-2-87-94.
- 4) Alvesson, M. Identity Regulation as Organizational Control: Producing the Appropriate Individual / M. Alvesson, H. Willmott // Journal of Management Studies. — 2002. — Vol. 39, no. 5. — P. 619–644. — DOI: 10.1111/1467-6486.00305.
- 5) Bal, P. M. Ideological currency in psychological contracts: the role of team relationships in a reciprocity perspective / P. M. Bal, R. Vink // The International Journal of Human Resource Management. — 2011. — Vol. 22, no. 13. — P. 2794–2817. — DOI: 10.1080/09585192.2011.560869.

Крупенич Елизавета Алексеевна

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальный капитал как фактор устойчивости организации в условиях экономических и институциональных трансформаций

В условиях последовательных внешних шоков, включая пандемию COVID-19, ускоренную цифровую трансформацию и институциональные

ограничения после 2022 г., устойчивость организаций все чаще рассматривается как социально обусловленное явление. Современные исследования в области экономической социологии и менеджмента показывают, что способность организаций сохранять целостность и функциональность в кризисных условиях определяется качеством социальных взаимодействий внутри коллективов.

Одним из таких механизмов выступает социальный капитал, который связывается со способностью организаций противостоять кризисным воздействиям за счет развитых социальных взаимодействий и позитивных интеракций между сотрудниками (Giustiniano *et al.*, 2018; Lewis *et al.*, 2011). Он рассматривается как один из ключевых факторов групповой устойчивости наряду со структурой группы и коллективной эффективностью (Morgan, Fletcher, & Sarkar, 2013; Sharma & Sharma, 2016). В данном контексте социальный капитал приобретает значение не только ресурса, но и процесса, встроенного в динамику организационного функционирования.

Целью доклада является концептуализация и систематизация подходов экономической социологии и теорий социального капитала для формирования теоретической рамки анализа, измерения и развития социального капитала как фактора организационной устойчивости. Были получены следующие выводы:

В теоретической традиции социальный капитал определяется как «клей, скрепляющий общество» (Serageldin, 1996). В отличие от человеческого, интеллектуального и финансового капитала социальный капитал имеет нематериальную и контекстно-зависимую природу, не может быть куплен, передан или воспроизведен вне системы социальных отношений. Он аккумулируется в форме ресурсов, знаний и информации, возникающих в результате устойчивых сетей взаимодействий (Acquaah, *et al.*, 2014).

Социальный капитал проявляется на разных уровнях анализа: индивидуальном (Bourdieu, 1986; Nahapiet & Ghoshal, 1988), организационном (Adler & Kwon, 2002), коллективном (Coleman, 1988; Cote & Healy, 2001) и общественном (Putnam, 1993). В структурном отношении социальный капитал включает структурное (структура и формальные связи), реляционное (доверие и неформальные связи) и когнитивное (единство целей и ценностей) измерения (Nahapiet & Ghoshal, 1988), а также внешний социальный капитал (Acquaah, *et al.*, 2014). Все 4 измерения социального капитала могут быть проявлены в 3 формах: bonding (горизонтальные однородные связи, ориентированные внутрь), bridging (горизонтальные разнородные связи, ориентированные вовне) и linking (вертикальные свя-

зи внутреннего и внешнего властного характера), отражающие силу и направленность социальных связей.

Таким образом, обращение к категории социального капитала позволяет рассматривать организационную устойчивость как социально укорененный феномен, расширяя аналитические рамки экономической социологии и менеджмента в контексте трансформаций современных хозяйственных систем.

Источники и литература

- 1) Adler, P.S. & Kwon, S. (2002). Social Capital: Prospects for a New Concept. *Academy of Management Review*, 27(1): pp. 17-40.
- 2) Acquaaah, M., Amoako-Gyampah, K., & Gray, B., Nyathi, N. Q. (2014). Measuring and Valuing Social Capital: A Systematic Review. *Network for Business Sustainability South Africa*.
- 3) Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.), *Handbook of theory and research for the sociology of education*: 241-258. New York: Greenwood.
- 4) Coleman, J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94: pp. 95-120.
- 5) Cote, S., Healy, T. (2001). The Well-being of Nations. The role of human and social capital. *Organization for Economic Cooperation and Development*, Paris.
- 6) Gittell, J. H., Cameron, K., Lim, S., & Rivas, V. (2006). Relationships, layoffs, and organizational resilience airline industry responses to September 11. *The Journal of Applied Behavioral Science*, 42(3): pp. 300–329.
- 7) Giustiniano L., Clegg S., Cunha M.P., Rego A. Introduction to theories of organizational resilience. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2018. – 352 p.
- 8) Lewis, R., Donaldson-Feilder, E., & Pangallo, A. (2011). Developing resilience: Research insight. *CIPD Publications*: London.
- 9) Morgan, P. B., Fletcher, D., & Sarkar, M. (2013). Defining and characterizing team resilience in elite sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 14(4): 549–559.
- 10) Nahapiet, J., Ghoshal, S. (1998). Social capital, intellectual capital and the organisational advantage. *Academy of Management Review*, 23: pp. 242-266.

- 11) Putnam, R. D. (1993). The prosperous community: Social capital and public life. The American Prospect, 13: pp. 25-42.
- 12) Serageldin, I. (1996). Sustainability as an opportunity and the problem of social capital. The Brown Journal of World Affairs, 3(2): 187–203.
- 13) Sharma, S. & Sharma, S.K. (2016). Team Resilience: Scale Development and Validation. Vision, No 20: pp. 37-53.

Ксенофонтова Елена Геннадьевна

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Солидарность, сплоченность и коллаборация во времени и пространстве

Процессы, происходящие в разных сферах социальной жизни, «экономические империалисты» считают детерминированными экономическими факторами, а их оппоненты, называемые иногда «социологическими империалистами», трактуют подобные причинно-следственные закономерности иначе. В публичной (и не только) политике опираются на мнения социологов разных школ и направлений, тогда как общественные практики, стихийно или управляемо формирующиеся тенденции, зачастую меняют смысл разъясняющих эти практики понятий. Рассмотрим некоторые из них:

Солидарность. Изначально само слово по латыни подчеркивало эффект повышения силы и крепости благодаря объединению (отдельных пальцев в кулак, отдельных хворостинки в метлу, которую уже не сломать и т.д.). При этом юридически солидарная ответственность членов хозяйственного (коммерческого) объединения может быть в виде «полного (простого) товарищества или в виде «коммандитного товарищества (на вере)». В любом случае «товарищи», проявляют солидарность не просто как эмпатию, а именно как действенное соучастие в делах и заботах друг друга. Привычные для наших людей словосочетания международная солидарность трудящихся, солидарность с борющимися народами, общинная, женская, цеховая солидарность и т.д. отражают немного другой аспект этого понятия – получается, что часть общества поддерживает другую часть может быть другого общества, в чем-то однородную с ней: это уже напоминает смысл фрагмента лозунга французской буржуазной революции, переводимого уже как братство и подчеркивающего таким образом идентификацию членов тех или иных, возможно и виртуальных, групп друг с другом, в противостоянии другим группам или

любим трудностям (не обязательно социальным по генезису - наводнения и т.д.). Интересны в этой связи идеи П. Кропоткина (Взаимопомощь как фактор эволюции), Э. Дюркгейма (существенные различия механической и органической солидарности), Н. Лумана (причины и формы перехода от самопомощи к объединению), современных философов (Стенфордская энциклопедия о концептуальной неоднозначности понятия, идеологической нагруженности и практических рисках групповых ценностей солидарности) и современных исследователей корпоративной этики (феномен UPB: неэтичного проорганизационного поведения).

Коллаборация. Сейчас маркетологи ориентируются на партнерские объединения, подчеркивая ценность коллаборации, при этом молодежь уже не реагирует негативно на термин «коллаборационизм», означавший в своё время сотрудничество с врагом или предательство.

Коллективизм. В исследованиях разных культур принято противопоставлять его индивидуализму. При этом частичное подтверждение большего индивидуализма на западе и большего коллективизма на востоке (в том числе часто и в России), объясняется сильными общинными и семейными связями восточных культур, а также коммунистическим (ценность коммуны – общности и сплоченности) воспитанием. В советское время даже высшим уровнем развития группы считали не команду, а именно коллектив, отличавшийся именно ориентацией на принесение пользы всему обществу (человечеству?), а не только своей группе (или своим клиентам). Однако проникновение западных ценностей в наши культуры влияет на то, что современная российская и китайская молодежь не оправдывает ожидания исследователей, не проявляя особых признаков коллективизма.

Сплоченность. При связывании отдельных бревен в плот получается «сплоченный» объект, действующий уже как единое целое. Чем не идеал команды или коллектива? Однако феномены «огруппления (почти оглупления) мышления», выявленные в США И. Джанисом и не чуждые другим странам, детерминируются именно стремлением поддерживать (не разрушать своими сомнениями) сплоченность группы, признаваемой идентифицирующимся с ней участником справедливо полномочной на принятие социально значимых решений. . .

Курапин Евгений Андреевич

АТuСО, Москва, Россия

**Динамика векторов корпоративной социальной
ответственности новостных телевизионных СМИ**

Корпоративная социальная ответственность является концепцией поведения по отношению к обществу, подразумевающей учет организацией общественных интересов при осуществлении своей деятельности, а также ответственность за благоприятные и стабильные условия труда перед сотрудниками своей организации. Корпоративная социальная ответственность имеет как внешний, так и внутренний характер [1, С. 22-23].

Внутренняя КСО новостных телевизионных СМИ претерпела довольно типичные для многих предприятий изменения – ранее служившие проводниками социальной инфраструктуры, обеспечивающие работников жильем, не смогли поддерживать данную модель в виду неэффективности в условиях рынка [2, С. 4].

Внешняя КСО советских телеканалов, в связи с идеологическим строем, была направлена не на объективное освещение событий, поддержание свободы слова и общественного контроля, а на формирование образа строителя коммунизма, патриотическую заряженность, всестороннее просвещение и поддержание всеобъемлющей целостности национального сообщества [4, С. 247].

Эталоном внешней КСО новостных телевизионных СМИ, являются такие принципы, как уважение к праву общества на достоверную информацию, достоверность распространяемой информации, защита свободы слова, противостояние попыткам цензурных ограничений, защита интересов общества (в которые входят осуществление публичной власти, деятельность демократических институтов и перспективы развития общества), декларированные в различных этических документах.

Поскольку все СМИ являются важным фактором стабильности в стране, государство осуществляет контроль за ними через владение контрольным пакетом акций, выдачу лицензий на осуществление деятельности, распределение диапазона частот вещания и др. Исходя из этого, идеалы журналистской ответственности перед обществом не всегда могут быть реализованы телевизионными новостными СМИ, однако, они могут проявлять свою КСО через прививание обществу высоких эстетических и культурных стандартов, внедряя образовательные моменты в свой телеэфир, опираясь на советский опыт телевидения.

Источники и литература

- 1) Краенкова К. И. Корпоративная социальная ответственность в Республике Беларусь: понятие, виды, идентификация. // Потребительская кооперация, № 1, 2022. С. 21-29.
- 2) Павлов А. А. Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития организации: российская специфика. //

Вестник евразийской науки, Т. 17, № s2, 2025. URL: <https://esj.today/PDF/19FAVN225.pdf>

- 3) Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии советского телевидения» от 29 января 1960 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. - М., Мысль, 1972. – 635 с.
- 4) Федякин И. В. Телевидение в системе государственной информационной политики России: история и современность. // Вестник Российской нации, №2 (4), 2009. С. 237-257.
- 5) Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России [Электронный ресурс]. <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista?ysclid=mktvu0y8ft987329785> (Дата обращения: 20.01.2026).
- 6) Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу (в редакции от 01.09.2021 г.) [Электронный ресурс]. <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/6369-mediaeticheskij-standart-kollegii-2-0> (Дата обращения: 19.01.2026).

Ладыжникова Елена Викторовна

УИУ РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Влияние цифровизации на развитие неформальных институтов управления малыми и средними предприятиями

Цифровизация в современной России выступает не только технологическим, но и социальным фактором трансформации управления малыми и средними предприятиями (МСП). В условиях неопределённости и изменчивости рынков и общества МСП всё чаще опираются на неформальные механизмы координации, созданных в цифровой среде. В этой связи становится актуальным вопрос о влиянии цифровизации на развитие неформальных институтов управления и о формах проявления в повседневной практике российских компаний.

Влияние цифровизации на управление МСП эффективнее изучать в рамках неоинституционального подхода. Согласно исследованиям Дугласа Норта, институты представляют собой установленные в обществе как формальные, так и неформальные правила [3]. В условиях институциональных ограничений именно неформальные институты поддерживают адаптивность экономических акторов.

В этом контексте цифровая среда выступает пространством формирования новых правил взаимодействия. Для МСП цифровизация становится способом институциональной адаптации, частично замещающим формальные механизмы управления неформальными практиками.

В управленческой деятельности МСП цифровизация охватывает стратегическое планирование, финансы, продажи, производственные процессы, коммуникации, управление персоналом и репутацией. Наиболее интенсивное развитие неформальных институтов наблюдается в сферах, основанных на межличностном взаимодействии: внутренних и внешних коммуникациях, работе с персоналом и управлении репутацией.

Распространение дистанционных форм занятости, видеоконференцсвязи и корпоративных мессенджеров приводит к размыванию пространственно-временных границ управления и снижению значимости физической локализации. Создаются устойчивые формы цифровой кооперации — профессиональные сообщества и чаты, функционирующие как неформальные каналы обмена опытом и координации решений.

Цифровизация управления персоналом повышает прозрачность оценки результатов труда, одновременно смещая критерии профессиональной состоятельности в сторону цифровых компетенций, скорости адаптации и эффективности работы в цифровой среде [2]. Репутационные механизмы также трансформируются: медиа-присутствие, социальные сети, цифровые бизнес-модели становятся источниками доверия, конкурируя с формальными статусами [1].

В совокупности можно выделить ряд устойчивых неформальных институтов, развивающихся в управлении МСП под воздействием цифровизации: институт цифровой репутации, институт цифровой кооперации, культура дистанционной коммуникации, институт цифровых компетенций и институт цифрового доверия.

Таким образом, цифровизация в управлении малыми и средними предприятиями выступает как среда, способствующая ускоренному формированию неформальных правил и норм. Наиболее быстро развиваются те институты, природа которых связана с коммуникациями, доверием и кооперацией между индивидами. В логике неоинституционализма это свидетельствует о том, что цифровые технологии создают новые основания для институционального порядка.

Источники и литература

- 1) Гоненко, Д. В. Цифровые бизнес-модели как механизм формирования новых предпринимательских институтов в России / Д. В.

Гоненко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 10, № 4(157). – С. 20-30. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2025.04.10.003. – EDN IJQQAX.

- 2) Суслов, И. Д. Развитие дистанционных форм занятости как фактор устойчивого функционирования российского рынка труд / И. Д. Суслов // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. – 2025. – № 3(45). – С. 146-157. – DOI 10.24412/2312-6647-2025-345-146-157. – EDN UTVPEG.
- 3) North, D. C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>

Левин Владислав Сергеевич

Финансовый университет, Москва, Россия

Потенциальные угрозы манипулирования экономическим поведением потребителя на российских маркетплейсах с точки зрения экономической социологии

Деятельность маркетплейсов во многом связана со сбором и алгоритмической обработкой «больших данных» о потребителях, что позволяет маркетплейсам лучше знать и понимать их нужды, предлагать им соответствующие товары с помощью алгоритмов. Таким образом, маркетплейсы повышают прибыль маркетплейсов и продавцов.

С другой стороны, появляются новые возможности для целенаправленного воздействия на экономическое поведение потребителей. Такое воздействие, как со стороны алгоритмов, так и со стороны продавцов, часто носит характер манипулирования — асимметричного, скрытого влияния, ограничивающего автономию рационального выбора потребителя, часто причиняющего ущерб его благосостоянию ради большей прибыли платформы или продавца.

Манипулирование экономическим поведением во многом связано с поведенческой экономикой — теориями Д. Канемана и А. Тверски, доказавшими ограниченную рациональность экономического индивида. Впоследствии, Р. Талер разработал теорию «подталкивания», в которой рассматривал возможности по влиянию на поведение и решения индивида без ограничений его возможностей выбора.

С помощью «подталкивания» маркетплейсы и продавцы могут манипулировать поведением и решениями потребителя, в т.ч. с использо-

ванием «тёмных паттернов» — интерфейсных решений, вводящих индивида в заблуждение. Такое манипулирование перераспределяет экономическую власть и создаёт угрозы экономической самостоятельности потребителей, которые были описаны Ш. Зубофф в работе «Эпоха надзорного капитализма». Проблема работы алгоритмов и социального поведения в цифровую эпоху были рассмотрены Д. Лаптон в работе «Digital Sociology».

Манипулирование экономическим поведением потребителей имеет следующие потенциальные угрозы:

- 1) угроза автономии и рационального выбора: ограничение самостоятельности и осознанности экономических решений;
- 2) угроза благосостоянию потребителя: перераспределение денег от домохозяйств к платформам и продавцам;
- 3) угроза приватности: усиление надзорного капитализма, утечки и продажа данных;
- 4) социальные угрозы: экономическое неравенство, восприятие человека как объекта манипуляции, а не экономического субъекта, рост цинизма и недоверия к рынку;
- 5) угрозы для конкуренции: продавцы, применяющие манипулятивные практики могут превзойти в конкурентной борьбе других продавцов, не применяющих подобные практики.

В российском контексте эти угрозы особенно актуальны. В 2025 году ФАС неоднократно фиксировала жалобы на работу алгоритмов и ценовую дискриминацию на Wildberries и Ozon, что привело к пересмотру правил платформ и подготовке закона «О платформенной экономике». Это подтверждает системный характер перераспределения власти в пользу платформ и необходимость социологического анализа для разработки мер защиты потребителей.

Источники и литература

- 1) Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. — Москва: Издательство Института Гайдара, 2022 — 784 с.
- 2) Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. - № 4. — С. 36
- 3) Талер, Р.; Санстейн, К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Ричард Та-

лер, Касс Санстейн ; пер. с англ. Е. Петровой ; [науч. ред. С. Щербаков]. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 240 с.

- 4) Harry Brignull, Dark Patterns: Deception vs. Honesty in UI Design URL: <https://alistapart.com/article/dark-patterns-deception-vs.-honesty-in-ui-design/>
- 5) Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk, 1979
- 6) Lupton D., Digital Sociology, 2015

Ли Цзяжуй

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Социологический факультет, Лоян, Китай*

Исследование механизмов влияния удаленного формата работы на девиантное поведение сотрудников

Трансформация трудовых отношений, ускоренная развитием цифровых технологий и пандемией, привела к массовому распространению удаленного формата работы. данный процесс, отвечая императивам эпохи постмодерна, кардинально меняет организационное пространство и социальные взаимодействия внутри компаний, что актуализирует вопросы управления и социальной солидарности в новых условиях. в рамках экономической социологии и менеджмента особый интерес представляет изучение латентных последствий данной трансформации, в частности, ее влияния на девиантное поведение (девиацию) сотрудников в организациях. девиантное поведение, понимаемое как нарушение установленных организационных норм и правил, наносит ущерб эффективности и социально-психологическому климату.

Целью данного исследования является выявление и анализ ключевых механизмов, опосредующих влияние удаленной работы на различные формы девиации сотрудников (например, снижение продуктивности, нарушение коммуникационных протоколов, киберлофтинг, несоблюдение сроков). теоретической основой работы служат концепции экономической социологии, рассматривающие организацию как социальную систему, а также современные теории менеджмента, фокусирующиеся на контроле, доверии и организационной культуре в виртуальной среде.

Эмпирической базой исследования являются данные анкетирования и глубинных интервью с сотрудниками и менеджерами китайских компа-

ний, частично или полностью перешедших на удаленный формат. предварительный анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных механизмов влияния. во-первых, это механизм ослабления формального и неформального контроля, который снижает воспринимаемый риск обнаружения девиации и может способствовать ее росту. во-вторых, механизм трансформации социального обмена: нарушение баланса между вкладом сотрудника и получаемым вознаграждением (включая символическое) в условиях размытых границ рабочего времени и личной жизни может провоцировать ответную девиацию. в-третьих, механизм изменения организационной идентичности и солидарности: физическая дистанция ослабляет чувство принадлежности к коллективу, что подрывает внутреннюю приверженность нормам и ценностям организации.

Результаты исследования свидетельствуют о неоднозначном характере влияния удаленного формата. с одной стороны, гибкость и автономия могут снижать уровень вынужденной девиации, связанной со стрессом от жесткого офисного контроля. с другой стороны, возрастают риски инструментальной девиации, обусловленной ослаблением социальных связей и прямым надзором. это ставит перед менеджментом новые задачи в области этического управления и корпоративной социальной ответственности. традиционные советские модели солидарности, основанные на коллективизме в физическом пространстве, требуют переосмысления и адаптации к цифровой среде. выводы исследования могут быть использованы для разработки превентивных мер и инновационных подходов к управлению хозяйственными процессами в условиях формирующегося глобального экономического пространства, где удаленная работа становится нормой.

*Логинов Дмитрий Михайлович¹, Титов Владимир
Николаевич¹*

1 - Центр "ИНСАП"ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия

**Роль образовательного потенциала в адаптационных
практиках населения (на примере периода нестабильности
второй половины 2010-х годов)**

Осознание необходимости и воспроизводство адаптационных стратегий, как правило, происходят под воздействием влияния внешней среды на основе субъективных особенностей её восприятия. Согласно теории рационального выбора [1, 2, 3, 4], при столкновении со снижением уровня благосостояния и рисками нарастания экономической напряжённости,

для представителей различных групп населения является естественной корректировка реализуемых моделей поведения. Исследования процессов социально-экономической адаптации в российских реалиях последних десятилетий достаточно активны [напр., 5, 6, 7, 8]. Очевидно, что выстраивание адаптационных практик происходит с опорой на имеющиеся ресурсы [9, 10, 11], и одним из важнейших элементов нематериальной ресурсной структуры традиционно является образовательный, закреплённый в научной литературе разработками теории человеческого капитала [12, 13, 14, 15].

В конце 2014 года для населения страны начался достаточно длительный экономический кризис, причиной которого послужило сочетание неблагоприятных внутренних и внешних факторов. Усиление негативных эффектов кризиса и расширение временного горизонта социально-экономического неблагополучия актуализировали поиск путей адаптации к изменившемуся контексту. Каким оказалось восприятие различными образовательными группами населения происходивших изменений и насколько успешными были адаптационные практики, реализуемые на основе имеющихся возможностей? Ответам на эти вопросы посвящено исследование на данных репрезентативного Мониторинга социального самочувствия населения ИНСАП РАНХиГС (2015-2019 гг.).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в ситуации достаточно заметной негативной социально-экономической динамики в массовом сознании наблюдаются волнообразные изменения её восприятия. При этом важно отметить: общие тенденции в этом отношении во всех образовательных группах были схожи, однако реакции самой образованной группы населения были наиболее оперативными, что показывает подготовленность этой группы к корректировке поведенческих моделей с учётом внешних обстоятельств.

В условиях кризиса развитость образовательного потенциала позволила россиянам существенно минимизировать потери в уровне и качестве жизни, и доля назвавших себя пострадавшими от кризиса по образовательным группам различалась кратно. Имеющие высшее образование заметно реже сталкивались негативными эффектами в сфере занятости. Выделенная «проблемная зона» на рынке труда при этом достаточно массово (на уровне 18% занятых) включала обладателей вузовского диплома.

Уровень образования оказал существенное влияние на реализацию различных адаптационных практик. При этом в контексте активных адаптационных моделей (например, финансовых и трудовых) наличие высшего образования оказалось очень заметным фактором, а в отноше-

нии стратегии активизации личного подсобного хозяйства дифференциация крайне мала.

Обобщая, важно отметить, что развитие образовательного потенциала в кризисных условиях выступает действенным ресурсом, способствующим как сохранению достигнутых ранее материальных и статусных позиций, так и реализации эффективных практик социально-экономической адаптации. При этом диплом вуза отнюдь не гарантирует успешного преодоления ситуации макроэкономического стресса и избегания личных потерь в неблагоприятных условиях.

Источники и литература

- 1) Schultz T.W. (ed.) (1974). Marriage, Family Human Capital, and Fertility / Journal of Political Economy, No. 82(2). Chicago: Univ. Chicago Press
- 2) Coleman J.S. (1986). Social theory, social research, and a theory of action // American Journal of Sociology. No. 91, pp. 1309–1335
- 3) Саймон Г.А. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. № 3. С. 16–38
- 4) Рузавин Г. (2003). К проблеме рационального выбора в экономике и других общественных науках // Вопросы экономики. № 8. С. 102–116. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-8-102-1116>
- 5) Заславская Т.И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. № 3. С. 5–21
- 6) Тихонова Н.Е. (1997). Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–14
- 7) Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. (2013). Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф
- 8) Каравай А.В. (2021) Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2(162). С. 121-137. DOI 10.14515/monitoring.2021.2.1837
- 9) Тихонова Н.Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоёв современного российского общества // Социологические исследования. №6. С. 53–65 DOI: 10.7868/S0132162518060053

- 10) Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2018). Адаптация населения к «новой экономической реальности» // Всероссийский экономический журнал "ЭКО". № 6. С. 86–102 <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>
- 11) Каравай А.В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. №17(3). С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145
- 12) Becker G.S. (2009). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press
- 13) Schultz T.W. (1981). Investing in People: The Economics of Population Quality. Los Angeles: University of California Press
- 14) Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. Т.18. № 4. С. 120-156. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156
- 15) Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В. А. Аникин, Е. В. Антонов, В. К. Антонова [и др.]. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. – 462 с. – ISBN 978-5-906345-47-9

Люшкина Анастасия Владимировна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**Роль социального предпринимательства в повышении
качества жизни в России**

В условиях глобальных вызовов современности одним из значимых ориентиров для российского общества остаётся создание условий для повышения качества жизни и роста благосостояния граждан. Ежегодно выделяемые органами власти бюджетные ассигнования не в полной мере решают вопросы незащищённых, малоимущих слоёв населения. В этой связи наряду с политикой государства одним из важных механизмов устранения ряда социальных проблем становится социальное предпринимательство [3].

Особое внимание в исследовании уделяется молодым людям (до 35 лет) с ОВЗ, которые нуждаются в комплексной поддержке из-за сочетания факторов уязвимости (ограниченных физических или психических

возможностей, низкой конкурентоспособности на рынке труда, сложности в получении качественного образования, ограниченного доступа к социальным услугам и инфраструктуре) [2]. В данном аспекте социальное предпринимательство - как особый вид предпринимательской деятельности, направленной на достижение общественно полезных целей на основе использования рыночных механизмов, экономической устойчивости и организационной самостоятельности [4], - обеспечивает не только создание рабочих мест, но и доступ к адаптированному обучению, специализированной среде и услугам.

Понимание качества жизни в интерпретации Аверина Ю. П. позволяет связать объективные социально-экономические условия жизни социально-уязвимых групп с их субъективным переживанием благополучия за счёт учёта параметров физической и социальной активности, состояния здоровья, а также занятости, доходов и доступности услуг [1]. Социальное предпринимательство предстаёт комплексным инструментом социальной политики, способным адаптироваться к потребностям различных социальных групп и формировать долгосрочный эффект социальной интеграции [5].

Таким образом, данный подход реализации проектов по социальному предпринимательству, ориентированный на улучшение общего самочувствия, активности молодых людей с ОВЗ, а также на расширение их доступа к образованию, занятости и социальной инфраструктуре, способствует их полноценному вовлечению в жизнь общества и повышению качества жизни. Полученные результаты исследования подтверждают необходимость развития многоуровневой, комбинированной модели социального предпринимательства и её интеграции в систему социальной поддержки населения в России.

Источники и литература

- 1) Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002–2012). По результатам социологических исследований. М., 2017.
- 2) Андреева К.Э., Николаева А.А. Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России // Вестник университета. 2022. № 10. С. 215-222.
- 3) Дюдюн Т.Ю., Варлыгина Е.А. Система социального обеспечения населения в России: Современный взгляд, проблемы финансового обеспечения и пути их решения // Наука и образование сегодня. 2024. С. 11-16.

- 4) Московская А.А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования // ВШЭ. 2011. 282с.
- 5) Социальное предпринимательство как ресурс трудоустройства людей с инвалидностью // SciUp URL: <https://sciup.org/socialnoe-predprinimatelstvo-kak-resurs-trudoustrojstva-ljudej-s-invalidnostju-149130387> (дата обращения: 29.01.2026).

Макаренко Екатерина Игоревна

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, РФ

Представления будущих инженеров о своей профессии

Современные инженеры создают новые виды вооружения, столь необходимые новым войскам беспилотных систем. Академик Е.М. Примаков считал, что «от производства новых поколений оружия зависит безопасность России, а продажа вооружений за рубеж... обеспечивает доходы бюджета» [1]. На страницах журнала «СОЦИС» обозначается проблема востребованности инженеров на современном рынке труда «инженеры стали одной из самых востребованных и дефицитных категорий кадров. При этом конкурентная борьба за инженеров постоянно усиливается, что провоцирует рост напряженности между компаниями из-за попытки передела дефицитного ресурса» [2].

Автором статьи в рамках курса «Социология» в первом семестре 2025/2026 учебного года в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ) были собраны 32 эссе студентов о будущей профессии. Предметом анализа стала 21 работа (11 выбранный из-за полного списывания из интернета и у других студентов). Были выделены единицы контент - анализа и частота их употребления (N) в эссе: материальная обеспеченность и зарплата (21); обеспеченность новыми цифровыми инструментами (18); возможность реализовать себя и карьера (16); интерес к профессии (11); занятость в целом (8)). Краткий анализ полученных результатов свидетельствует о том, что заработная плата становится все более важной для будущих инженеров. Очевидно, что поколение зуммеров без профессиональной привязки в целом полагается в будущем на хорошую заработную плату, поскольку в отличие от советских инженеров, у них есть больше возможности ее потратить. Кроме того, изменились социально-экономические условия профессиональной деятельности – российское общество перешло к рыночным от-

ношениям. Здесь мы должны отметить, что заработная плата инженера, особенно выпускника технического вуза, находится не на достойном уровне.

Обеспеченность новыми цифровыми инструментами, безусловно, запрашиваемый выпускниками тренд. Однако отмечаем, что на рынке труда предлагаются некоторые вакансии, которые не отвечают инновационным цифровым тенденциям. Но спрос на специалистов, готовых работать с новым цифровым наполнением высок. Желание реализовать себя в профессии и сделать хорошую карьеру также характерно для будущих инженеров. Полагаем, что для многих студентов (большинство из написавших эссе – мужчины) является стимулом для активного занятия профессиональной деятельностью. Далее студенты отметили интерес к профессии. Это как раз те будущие работники, которые согласны работать в инженерии только исходя из получения удовольствия от труда, несмотря на материальные затруднения [3]. Но, как видим, таких немного. Были среди студентов технических направлений и такие, которые не определились с будущей деятельностью, пока не выстраивают свои индивидуальную профессиональную карьеру, «поступили только для того, чтобы поступить». С такими студентами есть смысл проводить разъяснительную работу для привлечения их в будущем в ряды инженеров, которых не хватает на предприятиях страны.

Источники и литература

- 1) Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. С.115.
- 2) Белова Ю. Ю., Шматко Н. А. «Кадровое браконьерство»: как компании борются за инженерные компетенции // Социологические исследования. 2025. № 6. С. 53-64. DOI 10.31857/S0132162525060055
- 3) Макаренко Е. И., Костюк И. В., Миронова Т. А. Современные социально-политические тенденции в подготовке технических кадров // Власть. 2024. Том 32. № 5. С. 223-228.

Макаров Сергей Николаевич

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Экономика лидерства в пространстве глобализма

В системе взаимодействий между людьми проблематика лидерства всегда остается актуальной. Вопросы связанные с формой управления

межличностными отношениями и отношениями между личностью и группой – это важный фактор, который определяет конечный результат совместной деятельности. В экономической деятельности лидерство выступает не только как прикладной феномен, необходимый атрибут оптимальных управленческих взаимодействий, но и как предмет изучения целого блока дисциплин. В современных реалиях происхождение власти, а вслед за ней неравенства, основанного на неравномерном распределении благ и привилегий в обществе, – постоянный предмет переживаний обычных людей, политической полемики и дискуссии в среде ученых [1]. Остается открытым вопрос о вариантах легитимации лидера, что необходимо с одной стороны для эффективной реализации им своих полномочий, а с другой стороны для обеспечения последователей ощущением комфорта в режиме, когда объект управления испытывает на себе эффект власти. В эпоху постмодерна, когда засыпаются рвы и пересекаются границы [2], процедурные аспекты легитимации представляют собой своего рода конкурс в котором, как показывает практика, правила игры создаются специально «под победителей» [3].

Складывающаяся картина, предполагает нивелирование полемики о том, насколько важны те или иные аспекты управленческого лидерства, связанные со стилем или набором характеристик, необходимых для оптимального управления. На первый план выходит процесс появления лидера, а не его управленческий потенциал, а также зона комфорта последователей. Именно зона комфорта последователей начинает быть тем индикатором эффективности лидера, который является фактором пролонгации лидирования.

Такое положение дел ведет к снижению требований к личности лидера. А само лидерство делает ситуативным, при этом ситуативность – это не управленческая квалификация (умение варьировать свой стиль в зависимости от обстоятельств), а время от зоны комфорта последователей к их зоне дискомфорта. Кажущийся управленческий вакуум это всего лишь иллюзия, порождаемая свойствами эпохи постмодерна. В реальности появляется новый актер в управленческих взаимодействиях. В политики его называют «deep state», в крупных корпорациях – теневой совет директоров, в небольших организациях ведущую роль может играть неформальная структура из линейного менеджмента. Все эти управленческие структуры объединяет желания активного влияния на процесс, сопровождающееся отсутствием мотивации отвечать за результат. Главным ресурсом управления этих структур является создание и контроль процесса легитимации лидера. Эта парадоксальная картина приобретает характер управленческой нормы, создавая паталогическую реальность,

в которой традиционная управленческая концепция подменяется виртуальным властным конструктом.

Источники и литература

- 1) Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестн. моск. ун-та. – М.: МГУ, сер. 18, Социология и политология., № 2, 2014 – С.119
- 2) Fiedler L. Cross the Border – Close the Gap / Stein & Day Pub, 1972 – 148 p.
- 3) Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме / М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. – С. 248

Манкевич Юлия Викторовна

Федеральный институт промышленной собственности, Москва, РФ

Современная парадигма российской корпоративной социальной ответственности (КСО), построенная на базе советской модели корпоративной солидарности

Несомненно, основная идея современной парадигмы КСО находится на стыке отношений бизнеса и общества. У общества всегда существуют определенные ожидания относительно ожидаемого делового поведения и их результатов. Кроме того, взаимные выгоды позволяют организации достигать поставленных целей и одновременно расширять возможности своих сотрудников и заинтересованных лиц (учредителей и др.). Причем, данное взаимодействие носит обусловленный характер, представляет собой разновидность социальных отношений и носит регулярный и нормативно регулируемый характер. В течение длительного периода времени КСО интегрировалось в организационные структуры организаций, предполагая внедрение стратегии тройного результата устойчивого развития, как баланса трех составляющих - экологического, социального и экономического. Далее, на базе целей устойчивого развития стали появляться ESG-стратегии, которые вобрали в себя зарубежный опыт практики их распространения с ориентацией на сбалансированное развитие компании по трем направлениям - экологическом (E), социальном (S) и управленческом (G). Результаты исследований показали, что приоритетное направление среди вышеуказанных блоков - социальное. Появление ESG-трансформации означало распространение практик иностранных компаний на территории РФ, однако результаты исследований

свидетельствуют о сложном восприятии бизнесом процесса внедрения в компании ESG-стратегий, особенно в части управленческого блока, например, в части повышения степени прозрачности компании, развития систем управления рисками и внутреннего контроля (у 70%). Экологический блок также ощущал трудности в реализации намеченных стратегий, в первую очередь, из-за высокой капиталоемкости таких инициатив, так только примерно 11% компаний достигали целей в области охраны окружающей среды.

Сегодня изменение парадигмы устойчивости проходит под влиянием нестабильной геополитической обстановки, которая сопровождается беспрецедентным санкционным давлением. В таких условиях компании вынуждены искать собственные пути технологического роста, экономической стабильности и социального развития. Вследствие поиска новых путей развития сегодня наблюдается отхождение от западной системы стратегического развития. Так, введение в России ЭКГ-рейтинга является трехступенчатой системой оценки деловой репутации по трем направлениям - экологическом, кадровом (социальном) и государственном, по сути, фиксируя уровень ответственности компании перед обществом. Принципы его построения таковы, что направления детализируются на критерии и имеют оценочную шкалу. Причем, шкала оценки сформирована таким образом, чтобы она была адекватной и максимально понятной для российского общества. Так, например, система ЭКГ-оценки построена таким образом, что наибольшее количество баллов можно получить, уделяя максимум внимания налоговой истории компании, деловой репутации, а также реализуя социальные проекты в регионах присутствия. На втором месте находятся не только показатели уровня оплаты труда, но и качества и масштаба собственных социальных и демографических программ, а также благотворительных проектов. Это непосредственно перекликается с практикой советской модели корпоративной солидарности ранее существовавшей в советском обществе, которые успешно реализовывались на советских промышленных предприятиях. В СССР деятельность организаций осуществлялась по принципам социального управления, главной задачей государства было удовлетворение основных потребностей населения в питании, одежде, топливе и жилье. Социальные блага распределялись по труду в зависимости от результатов работы и через общественные фонды потребления с учетом степени нуждаемости различных групп населения. В целом, для советского общества было характерно существование такой модели корпоративной солидарности, которая построена на коллективизме, равенстве и взаимопомощи. Так, были распространены высокий уровень самоидентифика-

ции работников со своим предприятием и его работниками, бескорыстная помощь коллегам, личная ответственность за добросовестный труд и за работу коллег в подразделении, командный дух. Частым явлением было проявление опеки в виде заботы о своих сотрудниках, шефство над подшефными организациями, патронат социальных учреждений. Также проводились совместные программы предприятий и профсоюзов по оздоровлению трудящихся и членов их семей. В результате отмечалось существенное улучшение социально-бытовых условий на производстве, в рекреационной сфере работников и их семей, в жилищной сфере в сфере социально-бытового обслуживания работников. При этом отличительной чертой данной модели являлась существенная роль государства, которая выражалась в широкой социальной политике, где социальные гарантии носили характер обязательных, при этом, не являясь инициативой руководства или сотрудников. Таким образом, с введением ЭКГ-рейтинга стало возможным говорить о возрождении российской КСО как своевременного ответа на глобальные вызовы. Известно, что в условиях повышения неопределенности и уровня угроз необходимость государственного участия возрастает. Общество предъявляет новые требования к корпоративной социальной ответственности, возрастает важность трехстороннего взаимодействия - государства, бизнеса и общества. Тем самым, можно говорить о построении современной парадигмы российской КСО, которая учитывает и действующие институциональные особенности и исторически накопленный опыт страны.

Источники и литература

- 1) Даньшина В.В., Соловьева В.В. Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2015. №3. С.67-74.
- 2) Климова С.Г. Смыслы и практики разгосударствления социальных услуг // Социологические исследования. 2017. №2. С. 48-56.
- 3) Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие для высшего и профессионального образования / С.А. Измалкова [и др.]. – Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет - УНПК», 2014. – 236 с.
- 4) Кураев А.Н, Морозова И.Г., Грунина А.А., Сурай Н.М, Шатохин М.В. Эволюция концепции корпоративной социальной ответственности и пути ее развития в современной России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т.8, №3, С. 116-123. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-116-123.

- 5) Манкевич Ю.В. ESG-трансформация в России: поворот на социальное направление развития бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023 Т.13. №2. С. 290–300. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-2-290-300.
- 6) Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. Социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – 284 с.
- 7) Трофимов Г.В. Исторический опыт реализации социальной ответственности как вектор развития современной организации в России // Молодой ученый. 2018. №39 (225). С. 98-100.
- 8) Черепанова Н.В. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие / Н.В. Черепанова; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – 94 с.
- 9) Штомпка П. 2005. Социология. М.: Логос. 655 с.
- 10) Щёголев И.О. Ответственный бизнес как основа устойчивого развития государства // Журнал бюджет. 2024. №11(263). С. 14–16.

Маркеева Анна Валерьевна

*МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

Цифровая трансформация и институциональные барьеры: поиск институционального компромисса

Одним из (если не ключевым) фактором экономических трансформаций компаний, индустрий, стран стала цифровизация. Цифровая трансформация с платформенностью как доминирующим способом организации цифровой инфраструктуры видится многим ее сторонникам универсальным, эффективным, необходимым инструментом модернизации любой сферы, индустрии или организации. Распространение механизмов алгоритмического управления во всем большем количестве сфер и видов социальной активностей, превращают цифровизацию и платформизации не просто в технологические драйвера изменений, а в структурную трансформацию общества.

Проекты цифровой трансформации часто преподносятся как не требующие глубоких институциональных преобразований. Их привлекательность усиливается технологическим детерминизмом, дополненным субстантивистскими трактовками технологий, где платформы и технологии видятся как автономные сущности, эволюционирующие независимо от человеческого вмешательства. В этом контексте популяризируется "технологический автоматизм" социальных изменений, минимизирующий необходимость глубоких институциональных реформ. Однако практика цифровой трансформации в конкретных сферах (образование, здравоохранение и т.д.) и социально-экономических условиях показывает обратное. Реализация программ цифровой трансформации сопряжена с институциональными преобразованиями, должна быть встроена в сложившийся социально-экономический и культурный контекст. Это очевидно проявляется на текущем этапе построения моделей национальных цифровых экономик. Если на этапе начала 2000-х годов цифровые платформы выступали частью амбициозного глобального проекта социально-технической модернизации общества: глобальные ИТ гиганты не только формировали универсальные принципы построения цифровых экономик в странах с разным социально-экономическим укладом и политическими режимами, участвовали в формировании глобальных стандартов оценки, но и в глобальном контексте работали над привлечением внимания инвесторов, управленцев, широкой общественности к проекту цифровой трансформации, в создании прогнозных манипуляций, призванных поддерживать интерес к ней. Сегодняшний этап демонстрирует усиление роли цифровых платформ в продвижении цифровой суверенизации, цифровой территориализации [4] и формировании «замкнутых» платформенных экономик [2;3]. Происходят процессы различного (оригинального) институционального оформления цифровых экономик стран. Все чаще практики и исследователи ведут речь о необходимости рассмотрения функционирования цифровых платформ в контексте сложившей модели хозяйства и базовых социальных институтов[1]. В целом, государства с разным политическими режимами, разными социокультурными укладами и экономическим устройством пытаются подчинить инструментальную власть платформ своим интересам, формируя правила сотрудничества с «цифрой», создавая альянсы и коалиции. Происходит процесс превращения глобально распределенной информационной инфраструктуры в ограниченные национальные территории и придания ей патриотического смысла. Общей тенденцией этого процесса является не только контроль через прямое вмешательство в деятельность конкретных платформ, но и расширение государственного участия в инфраструктурных аспектах

работы интернета, интеграции государства в совместные с корпоративным сектором цифровые проекты. Со своей стороны, цифровые платформы актуализируют сложившиеся форматы взаимодействий с ключевыми стейкхолдерами и ищут новые инструменты и направления для коалиционной работы внутри и за пределами цифрового бизнеса, с пользователями и общественностью.

Таким образом, текущий этап цифровой трансформации и модернизации цифровой инфраструктуры современных обществ характеризуется уходом от «универсальных» решений и подходов к локализованным моделям, «тонко» настроенным под особенности национальных хозяйств и социальных институтов.

Источники и литература

- 1) Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расшир. и иллюстр. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- 2) Шевчук А. В. Труд и власть в российской модели платформенного капитализма // Социология власти. – 2022. – Т. 34. – №. 3-4. – С. 128-155.
- 3) Шевчук А. В. Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 5. С.11-53. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-11-53
- 4) Möllers N. Making Digital Territory: Cybersecurity, Technonationalism, and the Moral Boundaries of the State// Science, Technology, & Human Values. 2021. Vol. 46(1). P. 112-138. <https://doi.org/10.1177/0162243920904436>

Маслова Елена Владимировна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

**Популяризация рабочих профессий среди молодежи:
современные тренды**

В настоящее время сложно не заметить, что представление о рабочих профессиях со стороны российского общества изменилось. Статус российского рабочего в сравнении со стереотипами прошлого теперь иной: как показали результаты опроса граждан в возрасте от 14 лет, проведенного Аналитическим центром ВЦИОМ в 2025 году, более 70% россиян

считают труд рабочего престижным [1]. Если рассмотреть более подробно понятие престижности, то можно понять, что оно является многогранным и уровень заработка — только одна из его сторон. Что же входит в критерии престижной работы по мнению современной общественности? Ответ на этот вопрос можно получить из результатов опроса населения, проведенного Аналитическим центром ВЦИОМ в 2025 году, топ-3 критерия престижной работы по мнению россиян: высокая оплата труда (92%), социальная значимость (80%) и гарантированная занятость (78%) [2]. Престижность, как критерий выбора, нельзя недооценивать, об этом свидетельствуют результаты всероссийского опроса, проведенного в 2024 году Фондом «Общественное мнение». Престижность находится на третьем месте среди факторов, которыми руководствовались россияне при выборе своей профессии (12%) [3].

Надо отметить, что на сегодняшний день квалифицированный рабочий труд становится гарантом стабильности и благополучия. По данным экспертов «в рабочих профессиях зарплаты в офферах во 2 квартале 2025 года выросли на десятки процентов, отдельные сегменты показывают рост до 60–70% за несколько лет» [4].

Современный бизнес все больше погружается в подготовку квалифицированных рабочих кадров. По федеральному проекту «Профессионалитет» в регионах страны открываются образовательно-производственные кластеры, объединяющие техникумы и колледжи с работодателями из ключевых для данного региона отраслей экономики. Работодатели принимают прямое участие в разработке образовательных программ, студентам предлагается высокотехнологичное оборудование, прохождение практики и гарантированное трудоустройство. Нельзя не учитывать тот факт, что современное молодое поколение уже не представляет себя без использования высоких технологий во всех областях жизни. Не так давно, например, в Волгоградской области на базе колледжа открылся высокотехнологичный сельскохозяйственный кластер с современным оборудованием: экспресс-лабораторией, агродронами, 3D-принтером [5]. «Профессионалитет» демонстрирует и показывает, что рабочие места на сегодняшних предприятиях высокотехнологичны и вполне интересны, и привлекательны для современной молодежи.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что престижность профессии, а также высокотехнологичность рабочего места, являются основными векторами в области популяризации рабочих профессий среди российской молодежи, при этом современные экономические трансформации сами автоматически формируют высокую социальную значимость профессии рабочего.

Источники и литература

- 1) Всероссийский интернет-опрос ВЦИОМ «ВЦИОМ-Онлайн» [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabochie-professii-monitoring> (дата обращения: 20.01.2026).
- 2) Всероссийский интернет-опрос ВЦИОМ «ВЦИОМ-Онлайн» [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-rabochii> (дата обращения: 20.01.2026).
- 3) ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение (ФОМ). – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/15097?ysclid=mam5dxwyk6927704681> (дата обращения: 20.01.2026).
- 4) Рынок труда в России: конец старой модели и что это значит для HR и бизнеса // Консоль. Про, 17.12.2025. URL: <https://konsol.pro/blog/rynok-truda-v-rossii> (дата обращения: 21.01.2026).
- 5) Кузница профессионалов. Как крупнейшие российские компании поддерживают колледжи и техникумы «Профессионалитета» // Коммерсантъ, 30.10.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8159283> (дата обращения: 21.01.2026).

Миловидова Яна Игоревна

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Российские образовательные программы как инструмент гуманитарного сотрудничества в контексте трансформации глобального экономического пространства

В условиях трансформации глобального экономического пространства, характеризующейся ростом конкуренции за человеческий капитал, изменением форм международного взаимодействия и усилением роли нематериальных ресурсов, возрастает значение образования как инструмента гуманитарного сотрудничества. Российские образовательные программы выступают важным элементом внешнеполитической и гуманитарной стратегии государства, однако их институциональный потенциал

и управленческие механизмы реализации остаются недостаточно систематизированными в научном дискурсе. В связи с этим возникает необходимость анализа роли российских образовательных программ в формировании устойчивых международных связей и адаптации к изменяющимся условиям глобальной экономики.

Исследование основано на применении институционального и системного подходов, а также методов экономико-социологического анализа. Используются элементы сравнительного анализа нормативно-правовой базы, программных документов в сфере образования и гуманитарного сотрудничества, а также вторичные статистические данные и аналитические материалы профильных организаций. Метод контент-анализа позволил выявить ключевые направления трансформации целей и механизмов реализации образовательных программ.

Установлено, что российские образовательные программы выполняют не только образовательную, но и социально-экономическую и интеграционную функции, способствуя формированию устойчивых гуманитарных связей и расширению международного взаимодействия. Показано, что эффективность данных программ во многом определяется качеством институционального управления, межведомственной координации и адаптацией к динамике глобального экономического пространства. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования управленческих механизмов и стратегического позиционирования образовательных инициатив как инструмента долгосрочного гуманитарного сотрудничества.

Морозова Анастасия Сергеевна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Особенности управления кадровым потенциалом представителей цифрового поколения

Цифровое поколение формируется в условиях постоянной цифровой интеграции: доступ к информации, мгновенная обратная связь и гибкость - базовые ожидания, а не привилегии.

Традиционные модели управления (иерархия, жёсткие графики, односторонняя коммуникация) теряют эффективность: молодые специалисты ценят автономию, прозрачность и смысл в работе, а не только стабильность.

Мотивация смещается от внешних стимулов (зарплата, бонусы) к внутренним: самореализация, влияние, развитие навыков и возможность

влиять на продукт/процесс. Удержание зависит от возможности «делать значимое».

Обучение должно быть непрерывным, адаптивным и микролёрнинг-ориентированным: короткие модули, геймификация, видео-контент и интерактивные платформы эффективнее традиционных тренингов.

Культура обратной связи - ключевой элемент: еженедельные чек-ины, анонимные опросы, 360-градусная оценка и открытые каналы коммуникации повышают вовлечённость на 40–60% по данным HR-аналитики 2023–2024 гг.

Гибридная и асинхронная работа - не опция, а стандарт: управление должно строиться на результатах, а не на присутствии. Инструменты отслеживания активности заменяются KPI и outcome-ориентированными метриками.

Роль лидера трансформируется: от «контролёра» к «фасилитатору» - поддержка, наставничество, создание безопасной среды для экспериментов и ошибок.

Корпоративная социальная ответственность и экологичность - критерий выбора работодателя: до 72% представителей цифрового поколения откажутся от работы в компаниях с неясной ESG-политикой.

Для эффективного управления необходимо внедрять цифровые HR-платформы с AI-аналитикой: прогнозирование выгорания, персонализированные траектории развития, автоматизация рутинных задач.

Источники и литература

- 1) PwC. Global Workforce Hopes and Fears Survey 2024 [Электронный ресурс] // PwC. - 2024. - Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/workforce/hopes-and-fears.html>, свободный. - Загл. с экрана.
- 2) Deloitte. 2024 Gen Z and Millennial Survey [Электронный ресурс] // Deloitte Insights. - 2024. - Режим доступа: <https://www.deloitte.com/global/en/issues/workforce/gen-z-millennial-survey.html>, свободный. - Загл. с экрана.
- 3) Gartner. HR Trends 2024: The Rise of the Human-Centered Enterprise [Электронный ресурс] // Gartner. - 2024. - Режим доступа: <https://www.gartner.com/en/human-resources/research/hr-trends-2024>, свободный. - Загл. с экрана.
- 4) McKinsey & Company. The Future of Work After COVID-19: How Gen Z Is Reshaping the Workplace [Электронный ресурс] // McKinsey & Company. - 2023. - Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/future-of-work>

nsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/the-future-of-work-after-covid-19, свободный. - Загл. с экрана.

- 5) World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. - 2023. - Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2023>, свободный. - Загл. с экрана.

Невеличко Любовь Григорьевна

*Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема,
Биробиджан, Россия*

Бедность – угроза единству общества

Бедность – неизменный спутник человечества – порождение дисфункций на макро- и микро-уровнях социально-экономических и политических процессов и, в свою очередь, - отягощающий фактор многих проблем различного характера.

С XVIII до первой половины XX века подходы к решению исследования бедности осуществлялись в двух основных направлениях: социал-дарвинистского [Д.Рикардо, А.Смит, О.Льюис Р.Мальтус, Г.Спенсер], и эгалитаристского [К.Маркс, Ф.Энгельс, Э.Реклю].

Апологеты социал-дарвинистского направления рассматривали бедность как личную ответственность, «вину» и судьбу, в индивидуальном «психо-социальном профиле» которой нет сформированной мотивации к движению вперед и нет стимулов к работе, а единственным побуждением к труду может стать прекращение вмешательства государства в воспроизводство бедных: «Вскармливание ни на что негодных за счёт годных есть крайняя степень жестокости» [Спенсер, 1996, С.279–332.] .

Эгалитаристы считали бедность социальным злом, победить которое могут только пролетарская революция и радикальное переустройство общества: «Богатство нации соответствует её населению, а нищета её соответствует её богатству. Трудолюбие одних вынуждает праздность других» [Маркс К, 1960, С.50].

Безусловно, состояние бедности разрушает личность, лишая ее достойного человека образа жизни. Но не меньшее беспокойство вызывает восприятие благополучной частью общества бедного населения как индикатора состояния общественных настроений.

Исследования показывают, что если десятилетие назад бедные вызывали у россиян сочувствие и жалость, то современное отношение к бед-

ным начинается меняться, причем, интенсивно и с преобладанием негативных тенденций. А между тем сопереживание, отзывчивость, терпимое отношение к бедности – характерная историческая черта российского менталитета, проистекающая из примата души и духа над всеми остальными сторонами жизнедеятельности человека [Уфимцева Н.В., 1998].

Причиной отчуждения человека от человека, утраты солидарности является перенесение без учета этнокультурного контекста, исторического опыта страны западного опыта на российскую почву. Раскол в социальной сфере может сопровождаться расколом мировоззренческим, что представляет реальную угрозу целостности .

Социальные условия современного общества, актуализировали проблему гуманизации общественных отношений как единственного условия социальной стабильности государства. Кроме того, недостаточный уровень солидарности в обществе снижает доверие к властным инициативам, формирует протестные настроения.

Для снижения остроты проблемы нужны инициативы не только в области решения экономических задач, но и, что наиболее важно, в изменении стиля мышления, А это возможно только в том случае, если запускаемые инновационные процессы будут базироваться на фундаментальных основах российской цивилизации, соответствовать культурно-цивилизационному контексту страны, установкам и ориентациям, хранящимся в социальных архетипах русской культуры.

Источники и литература

- 1) Смит, Адам. Теория нравственных чувств [Перевод] / Адам Смит; [Вступ. ст. Б. В. Мееровского, с. 5-28; Подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова]. — М. : Республика, 1997. — 350,[1] с. : 21 см — (Библиотека этической мысли).; ISBN 5-250-02564-1 (В пер.).URL: <https://dahliniversitymanagementinstitute.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/08/s-1997.pdf> (дата обращения 03.01.2026).
- 2) Lewis Oscar. The culture of poverty // Scientific American. – 1966. – V. 215. – P. 19–25. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/history/research/centres/ehrc/research/previous_research/poverty/lewis_culture_of_poverty.pdf (дата обращения 01.12.2025).
- 3) Мальтус, Томас Роберт Опыт закона о народонаселении / Томас Роберт Мальтус ; [перевод с английского И. Вернера]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 256 с. — (Эксклюзивная классика). URL: <https://www.rulit.me/books/opyt-o-zakone-narodonasel>

eniya-read-785755-1.html?ysclid=mkqmo8gagn308596533. (дата обращения 01.12.2025).

- 4) Богатство и нищета / / Элизе Реклю; Пер. с фр. М.Л. Блюменфельд под ред. Л.П. Никифорова. — Москва : Л.О. Крумбюгель и Н.Н. Худяков, 1906. — 60 с. : 19 — (Социально-политическая библиотека).с. URL: <https://djvu.online/file/VyoyViVCikw42?ysclid=mkqnl7469a300816588>
- 5) Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. М.: Политиздат, 1960. -593 с. URL: <https://lugo.voy-k.narod.ru/marx/marx.htm>. (дата обращения 11.12.2025).
- 6) Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. М.: Политиздат, 1960. -599 с. URL:<https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-23.html?ysclid=mkquh5etan847108023>. (дата обращения 01.12.2025).
- 7) Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты/Под. ред. В.И.Добренкова. —М.:Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. —352с.
- 8) Спенсер, Герберт Основания социологии [Текст] : перевод с английского / Г. Спенсер. - Изд. 3-е. - Москва : Книжный дом "Либроком", сор. 2013. - 432 с.; 22 см. - (Из наследия мировой социологии).; ISBN 978-5-397-03577-4
- 9) Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских. – В: Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998, 135-170. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm?ysclid=mkrtwt69z88396566382(дата обращения 01.12.2025).

Никитин Анатолий Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

**Перспективы трансформации модели взаимодействия групп
интересов горной промышленности с государством**

Система публичной власти нуждается в вовлечении групп интересов горной промышленности в процесс решения задач общегосударственного развития. Внутри экосистемы компаний отрасли сложился запрос на реализацию государством функций интеграции и координации их действий

в контексте реагирования на внешние и внутренние вызовы. Совпадение стратегических интересов власти и делового сообщества предполагает наличие таких перспективных направлений сотрудничества, как сопряжение реализации крупномасштабных бизнес-проектов с ликвидацией диспропорций в уровне социально-экономического развития различных регионов, укреплением системы экономических связей на межрегиональном уровне, обеспечение устойчивого характера развития экономики, выстраиванием взаимосвязи добывающей и обрабатывающей промышленности [1; 2; 4; 6].

Структура актуальной повестки расширения форматов и направлений взаимодействия власти и групп интересов горной промышленности включает в себя сочетание рационального недропользования с созданием социальной ценности хозяйственной деятельности, реализацией общественной ценности недр, ростом заинтересованности групп интересов в сокращении масштабов административного характера недропользования и расширении практики использования гражданско-правовых отношений. Также перспективы развития механизмов взаимодействия власти и групп интересов отрасли связаны с масштабированием межрегиональных проектов, формированием цепочек создания добавленной стоимости с сопутствующим обеспечением синергетических эффектов взаимодействия компаний-участников, расширением вовлеченности органов местного самоуправления и региональных структур государственной власти в процедуры обсуждения, планирования, санкционирования и реализации бизнес-инициатив [3; 4; 5; 7].

В рамках перспективной расширенной модели механизма взаимодействия власти и групп интересов бизнеса должен быть трансформирован модуль формирования структуры взаимодействия акторов. В рамках процессов формирования сети на основе ресурсной иерархии и выработки институциональных норм за государством закрепляется функция формирования и усовершенствования релевантной задачам общенационального развития организационно-экономической среды, обеспечивающей возникновение синергетических эффектов в рамках взаимодействия групп интересов горной промышленности в процессе выстраивания цепочек создания добавленной стоимости. Крупные отраслевые компании, формирующие самостоятельные группы интересов, выступают в качестве «системных интеграторов» передовых технологий (уже доказавших свою эффективность в рамках апробации «флагманскими» компаниями на глобальном рынке), а также сопутствующих знаний, компетенций и опыта их применения. Малые и средние «юниорские» (наукоемкие сервисные) компании, формирующие свои группы интересов через выстра-

ивание отраслевых ассоциаций, выполняют функцию лидеров в рамках процессов разработки и апробации передовых знаний и технологий [2; 7; 8; 9].

Источники и литература

- 1) Ахметова М.И., Плюснина Л.М., Рычагова М.А. Экономико-статистический анализ развития добывающей промышленности в регионах РФ // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. 2023. Т. 2. С. 211–220.
- 2) Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е. Пространственные проблемы Азиатской России в контексте формирования государственной региональной политики // Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития. В 2-х томах. Новосибирск, 2023. С. 147-204.
- 3) Ключев Н. И. Новое промышленное и транспортное строительство в России: экономико-географический аспект // Вестник Российской Академии Наук. 2019. Т. 89. № 7. С. 678–687.
- 4) Крюков В.А. О направлениях развития горного законодательства и горного управления в России // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 3-12.
- 5) Крюков В.А., Токарев А.Н. Особенности формирования и развития нефтепромышленных кластеров: пример юга Тюменской области // Регион: экономика и социология. 2021. № 4. С. 282–310.
- 6) Крюков В.А., Токарев А.Н., Крюков Я.В. Проблема «Ведомство (корпорация) - территория (регион)» в развитии Азиатской России // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении. Материалы V конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. Москва, 2023. С. 10-18.
- 7) Спиридонов А.А., Фадеева М.Л., Толстых Т.О. Стратегические приоритеты государственной поддержки импортозамещения в промышленности // Экономика промышленности. 2023. № 16(2). С. 166-175.
- 8) Супрун В. О роли реального сектора в развитии общества // Экономист. 2012. № 6. С.71-80.
- 9) Шевченко Ю.С. Горнорудный промысел: выход из замкнутого круга // ЭКО. 2013. № 3. С.114-123.

Никифорова Ольга Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, Высшая школа менеджмента, Санкт-Петербург, Россия

Непотизм в организации: взгляд с позиции управления персоналом

В условиях стремительных социальных трансформаций, нестабильности на рынке труда и усиления конкуренции за рабочие места особую значимость приобретают вопросы справедливости в кадровых процессах. Одним из наиболее остро воспринимаемых нарушений принципов равенства возможностей является nepoтизм — практика назначения на должности или продвижения по службе на основании родственных или личных связей, а не профессиональных заслуг. Хотя nepoтизм может быть неформальной и трудно доказуемой формой фаворитизма, его последствия оказывают разрушительное воздействие на атмосферу в коллективе, мотивацию сотрудников и общественное доверие к институтам.

Непотизм в управлении человеческими ресурсами представляет собой практику предоставления преференций при найме, продвижении по службе или предоставлении других кадровых преимуществ родственникам, друзьям и близким лицам, независимо от их профессиональных качеств. Такая практика противоречит принципам справедливости, эффективности и равного доступа к возможностям, на которых строится современная система управления персоналом.

Одной из ключевых задач HR является формирование компетентной, мотивированной и эффективной команды. Для этого используются принципы меритократии, равенства возможностей — недопущение дискриминации и предпочтений при найме и карьерном росте; прозрачности процессов, обучение и развитие сотрудников; справедливости системы вознаграждения и карьерного роста.

Непотизм подрывает эти механизмы, так как решения о трудоустройстве или продвижении принимаются не на основе заслуг, а по личным связям. Это ставит под сомнение эффективность HR-стратегии и подрывает доверие к системе управления в организации.

Изучение феномена nepoтизма является важной задачей для современных управленцев, поскольку он напрямую затрагивает качество кадровых решений, эффективность управления и морально-психологический климат в организации.

Во-первых, nepoтизм подрывает принцип справедливости и меритократии, заменяя профессиональные критерии личными связями. Подоб-

ная практика создаёт конфликт интересов и снижает объективность кадровых решений.

Во-вторых, она ведёт к демотивации сотрудников, снижению доверия и росту текучести кадров, что негативно сказывается на результативности организации.

В-третьих, для государственных и муниципальных управленцев знание механизмов nepотизма особенно важно, поскольку он признан одной из латентных форм коррупции и может повлечь юридические риски.

Кроме того, понимание этих процессов помогает руководителям формировать этическое лидерство и прозрачную кадровую политику, укрепляя доверие внутри коллектива и предотвращая конфликты интересов.

Источники и литература

- 1) Гармаш С.В. Роль nepотизма в системе разрушающих факторов человеческого капитала / С. В. Гармаш // Science and education: trends and prospects. – 2018. – № 1. – С. 85-92.
- 2) Гельманова З.С. Влияние карьерных продвижений на корпоративные отношения: вызовы и стратегии управления / З. С. Гельманова, Ю. Н. Саульский, А. В. Иванова // Endless light in science. – 2024. – № 31. – С. 13-16.
- 3) Дорофеева Ж.П. Проблемы борьбы с проявлениями фаворитизма (nepотизма, кумовства) в России как элементами коррупции / Ж. П. Дорофеева, И. Ю. Капустина // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 171-175
- 4) Дубовенко П.С. Nepотизм и его влияние на функционирование организаций / П. С. Дубовенко, Т. Р. Зеленина // Актуальные тренды в экономике и финансах. материалы всероссийской научно-практической конференции. – М., 2022. – С. 159-162
- 5) Зайков Д.Е. Противодействие nepотизму в трудовых отношениях: правовое регулирование и проблемы правоприменения / Д. Е. Зайков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 102-115
- 6) Мальгин А.С. Фаворитизм и nepотизм как формы проявления управленческих девиаций в организации / А. С. Мальгин // Наука молодых : сборник научных статей участников XIII Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2020. – С. 526-528

- 7) Муртазалиева Х.Х. Непотизм в трудовых отношениях: правовое регулирование и проблемы правоприменения / Х. Х. Муртазалиева // Теория, методология и практика научной деятельности : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2023. – С. 97-99
- 8) Плаксин Д.А. Непотизм: к вопросу о целесообразности имплементации термина и перенимания опыта / Д. А. Плаксин, А. Р. Мамедов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 179-183
- 9) Hudson S. Nepotism and Cronyism as a Cultural Phenomenon? / S. Hudson, C. Claasen // The Handbook of Business and Corruption. – Leeds : Emerald Publishing, 2017. – P. 95-118.

Никонов Владимир Александрович

*Российский научно-исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), Москва,
Россия*

**Ценностно-коммуникативные и социальные эффекты
экономических трансформаций в России**

Построение российской версии капиталистического светлого будущего, открывающего путь к всеобщему комфорту и потреблению, на поверку вылилось в истощение среднего класса, атомизацию общества и разочарования граждан от накапливающейся несправедливости.

В результате масштабной деиндустриализации современный российский пролетарий практически утратил свой потенциал в отстаивании своих прав (профсоюзное движение, солидарность трудящихся, протестный ресурс и др.). Трудовым династиям многих промышленных предприятий страны пришла на смену административная семейственность в государственных органах власти. Кроме того, сокращение промышленности в России привело к значительному сокращению класса технических специалистов, в то же время возросли доли неквалифицированных и невостребованных рабочих сил.

В связи с этим одна часть граждан, не ощущая силу поддержки социальных институтов, а также перспективы появления в стране движущей силы преобразований, все больше замыкается в себе, усиливая тем самым процесс атомизации общества; другие же ищут поддержку у авторитетных и влиятельных личностей, групп граждан, организаций, избе-

гая риска остаться изгоем, выбирая путь приверженности определенным нормам в данной среде.

Однако, на фоне вынужденных коммуникаций у большинства представителей российского общества заметно отсутствие интереса к коммуникации без особой необходимости внутри малых сообществ. Наблюдается очевидное дистанцирование от возможных социальных взаимодействий и распространение бесконтактных вариантов взаимодействия, например при оплате товаров, заказе услуг, нахождении в квазигруппах. Минимизация контактирования не всегда оправдана удобством для индивида. Зачастую такое поведение возникает вследствие нежелания столкнуться с асоциальным поведением незнакомого человека, что в принципе является результатом снижения уровня культуры и образования у населения в целом. Заметное проявление эффекта Даннинга-Крюгера (убежденность в правоте своего мнения при объективно поверхностном интеллекте), и, как следствие, путаница в оценке информации и морально-этических норм возникает в обществе преимущественно при условии отсутствия сдерживающих авторитетных и действенных механизмов как в нем самом, так и со стороны государственных органов. В его основе лежит социальное явление – деградация общества и снижение в его составе реальных экспертов. Длительный период взращивания «общества потребления» породило общество индивидуалистов, которому чуждо созидание и теплота человеческих отношений.

Продолжительное влияние неблагоприятных факторов (политических, социально-экономических, правовых и др.) на общество со слабой институциональной средой и низким качеством институтов порождает у него апатию, индивидуализм, а также желание максимально оптимизировать (упростить) свою структуру, функции и модели управления.

Упрощенный подход стремительно развивается во всех сферах деятельности российского общества, включая экономику, образование и культуру. Данный подход, особенно щедро субсидирующийся за счет государства, позволяет создавать видимость благоприятных изменений, игнорируя принципиально важные пути решения социальных вопросов.

Этим объясняется количество единоразовых товаров и услуг, не уменьшающихся несмотря на свое низкое качество, но исправно приносящих прибыль своим владельцам. Дело в том, что безальтернативность многих ситуаций диктует новый тренд, рассчитанный на разовое приобретение определенных марок товаров (и услуг) и предполагающее отсутствие повторного интереса к данной продукции или услуге. Для этого не нужны новые, незаурядные решения, требующие серьезного погружения в процесс. При отсутствии должного государственного и социального

контроля, количество подобной продукции, не имеющей положительного отклика, но обладающая оперативностью освоения бюджетных средств, будет увеличиваться.

Экономия мышления, цинизм и упрощенность восприятия картины мира, формируют у общества некое подобие упрощенной формы решения его социальных вопросов. В рамках прежней парадигмы управления власть пытается административным порядком, ускоренно наладить положительную динамику в различных сферах государственной политики – социально-экономической, научной, технологической и т.д. Навязанная обществу упрощенность восприятия среды существования не способствует решению основного посыла в вопросах социальной справедливости, однако благоприятствует его атомизации, усилению когнитивных искажений. Так, шаблонное мышление все чаще формирует среди молодежи психотип восприятия, не способный к анализу сложных конструкций по причине упрощенной подачи выгодной информации.

Поменялась потребительская модель общества: вместо импульсивных покупок сложного разнообразия брендов появилась экономическая целесообразность «возможность-цена-качество». Приоритетом среди людского выбора ресурсов, включая человеческих, становятся критерии «необходимость» и «доступность». Вместе с тем, экономические трансформации тридцатилетней эпохи хронических реформ не привнесли существенного решения ключевых вопросов социальной сферы. Социологи по-прежнему отмечают высокий уровень социального неравенства, снижение качества занятости, монетарную (70%) и жилищную бедность (80%) россиян, а также демографический кризис [1, с.81].

Накопления большинства россиян, как и советских граждан второй половины 80-х гг., не обладают возможностями товарной реализации с той лишь разницей, что накопления первых обусловлены дефицитом денег, а накопления вторых – дефицитом товаров. Отсюда циничный прагматизм и крайняя рациональность в поступках многих российских граждан, включая бизнес-сообщество.

Именно в равенстве возможностей, а не в равенстве доходов видит справедливость большинство россиян (60%), при этом лишь 2% населения России говорит об отсутствии острых неравенств. Кроме того, нелегитимность оснований неравенств вызывает в обществе сильную негативную реакцию, особенно в условиях стремительно сокращающегося списка возможностей «самостоятельно реализовать или улучшить «свою модель жизни» [2].

На фоне продолжающегося системного обесценивания стратегически значимых профессий (преподаватель, врач, научный работник) в

российском обществе наблюдается безынициативная работа по инерции, встроенная в стрессовые ритмы социально-экономических трансформаций. Подобные нагрузки откладывают негативный отпечаток на общее самочувствие россиян. [3].

Отражением общей картины является наблюдаемый в последние годы рост продаж антидепрессантов в России: в 2024 г. россияне купили 16,1 млн упаковок антидепрессантов, потратив на это около 13,5 млрд руб., что на 5,2% больше, чем в 2023 г. (15,3 млн упаковок препаратов) и на 23,8% больше, чем в 2022 г. (13 млн упаковок) [4].

На фоне геополитических, социально-экономических проблем, граждане самостоятельно пытаются минимизировать свою зависимость от ряда стресс-факторов, о чем свидетельствует нарастающий в обществе тренд дистанцирования от проблемной среды [5].

Все это вкупе с разочарованием в социальной справедливости, перманентностью неустойчивого положения граждан поляризует общество, приводит к ухудшению его психологического состояния, утрате им стратегической определенности, порождая проблему «общества травмы» [6].

Постсоветские радикальные социально-экономические потрясения способствовали укреплению у современных россиян «агрессивного адаптационного индивидуализма» (30%). И если значимость трудолюбия и бережливости спустя 30 лет среди россиян снизилась не столь критично по сравнению с периодом 1990-1991 гг., когда, согласно результатам исследований, они рассматривались советскими гражданами как главные ценности идеального советского человека, составляя, соответственно 93% и 61% ответов респондентов, то значимость гуманистических ценностей, таких как терпимость и уважение к людям, снизилась существенно. По данному показателю в 2017-2020 гг. Россия опустилась с 18-го на 31-е место [7].

Тем не менее состояние эмоционального истощения у граждан не отменяет их запрос на качественную среду, что в настоящее время представляет собой весьма чувствительный показатель. Российские граждане перестают видеть себя исключительно как источник неисчерпаемого ресурса. Остается надеяться, что включенность в процессы, скажем, общения для большинства россиян, как и прежде, предполагает помимо смысла и идеи, также теплоту и душевный комфорт.

Источники и литература

- 1) Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107.

- 2) Несправедливость — проблема не только бедных и обделенных. Здесь все российское общество солидарно». URL: <http://m.realnoevremya.ru/articles/170582-sociolog-svetlana-mareeva-ob-otnoshenii-rossiyan-k-neravenstvu?ysclid=mkqji5pmcp62639322> (дата обращения 15.01.2025).
- 3) Что станет с Россией и русскими через 25 лет? Эксперты бьют тревогу, но есть и оптимизм. Москве приготовиться. URL: <https://runews24.ru/articles/12/12/2025/chto-stanet-s-rossiej-i-russkimi-cherez-25-let-czifryi-shokiruyut-ekspertyi-byut-trevogu> (дата обращения 19.12.2025).
- 4) Продажи антидепрессантов в России в 2024 году стали рекордными. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/678a0aa79a7947948b32b611?ysclid=maapl3565z855877985> (дата обращения 19.05.2025).
- 5) Никонов В. А. Урбанистические стресс-факторы: медико-социальные, культурно-исторические и психологические аспекты // Пространство науки. 2025. Т. 2, № 3. С. 654–674. DOI: <https://doi.org/10.33873/3034-4379.2025.2-3.654-674>
- 6) Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: Весь мир, 2020. 352 с.

Осеев Александр Александрович

*МГУ имени М.В.Ломоносова, социологический факультет, кафедра
экономической социологии и менеджмента, Москва, РФ*

**Социологические исследования в преддверии рыночных
реформ как основа изучения последствий экономических
трансформаций в России**

С 1960 г. по 1991 г. учеными МГУ проводятся многочисленные социологические исследования. С 1975 г. по 1991 г. лишь одной группой, состоящей из 6-7 человек, было проведено свыше 20 научных исследований и подготовлено около 40 научно-прикладных разработок. Тематика работ была самая обширная: одними из приоритетных направлений в теоретическом плане являлось отношение к труду, мотивы и удовлетворенность трудом, эмпирические исследования трудового коллектива, бригадная форма организации труда. В прикладных исследованиях - разработка Комплексных планов социального развития трудового коллектива, которое включало: улучшение условий и охраны труда, совершенствование

профессиональной структуры предприятия, улучшение оплаты труда, культурно-бытовых и жилищных условий, социального обеспечения членов трудового коллектива, социальная карта работников, всестороннее развитие личности, оценка профессиональных и личностных качеств руководителей и резерва на выдвижение на руководящие должности. Важными вопросами выступали: трудовая миграция, текучесть и адаптация кадров, свободное время и образ жизни работников. С образованием социологического факультета интенсивность социологических исследований еще больше возросла. После Чернобыльской катастрофы 26 апреля 1986 г. на первый план вышли проблемы состояния трудовой, технологической и общественной дисциплины, здоровый образ жизни, медицинское обслуживание персонала предприятия, социальное страхование, страхование рисков, эффективность работы социальной инфраструктуры города, структура досуга работников и пути ее совершенствования. Сначала рыночных реформ актуальными стали вопросы исследования трудоустройства в 2-х и 3-х членов семей, занятости и безработицы. В начале 90-х, ознаменовавшихся нарастанием кризисных явлений в экономике, изучаются пути преодоления социально-трудовых конфликтов и способы их урегулирования. С развитием рыночных преобразований в России активно развивается теоретическая и прикладная проблематика социальных и социально-трудовых конфликтов, социологии организации и менеджмента, управления персоналом, экономической социологии, методологии и методов проведения социологических и маркетинговых исследований. В рамках управления персоналом особое внимание уделяется оценке, аттестации руководящих кадров с использованием методов психодиагностики. Получают импульс исследования лидерства, профессионально важных личностных качеств работников и разработка моделей отбора персонала с использованием методов математического моделирования. Накопленный опыт проведения социологических исследований по широкому спектру актуальных проблем социально-экономического развития производственных организаций СССР послужил важным фактором повышения профессионального уровня преподавателей и научных сотрудников социологического факультета, подготовил кадровую и методическую основу изучения последствий экономических трансформаций в России. Классические теории экономической социологии получают возможность эмпирической верификации.

Павлова Эвелина Антоновна
МГУ имени Ломоносова, Москва, Россия

Актуальные проблемы эколого-экономической политики на примере проблемы обращения с отходами в Московской городской агломерации

Исследовательская работа посвящена вопросам оптимального способа обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО), которые образуются на территории Москвы и Московской области (МО). В работе рассматривается теоретическая рамка предметной области, а также проводится количественный анализ текущего и оптимального состояния системы

Теоретическая глава работы фокусируется на рассмотрении особенностей основных методов обращения с отходами (захоронение, сжигание, переработка), их экономических и экологических преимуществ и недостатков, а также международного опыта комбинации мер обращения с ТКО. Мировым бенчмарком является пример Скандинавских стран с равными долями отходов для сжигания и переработки, с незначительной долей захоронения. В России более 90% ТБО направляются на свалки и мусорные полигоны, причем более половины из них функционируют с техническими нарушениями, что является экономически неэффективным решением и влечет значительные негативные внешние эффекты на здоровье жителей и качество окружающей среды

Количественная часть работы посвящена анализу территориальных схем обращения с отходами Москвы и МО. На основе официальных данных и агрегированных оценок стоимости экологического вреда, мы рассчитываем текущую стоимость обращения с ТКО, которая включает в себя стоимость и углеродный след транспортировки, захоронения и переработки отходов Московской агломерации. До трети отходов Москвы направляются на полигоны МО, а остальной объем размещается на объектах Владимирской и Калужской областей. Кроме того, распространена ситуация, в которой из одного пункта сбора отходов исходит несколько маршрутов до пунктов захоронения или сжигания, что генерирует дополнительные транспортные издержки и избыточный углеродный след. Это доказывает неэффективность текущей сети маршрутов.

Решение транспортной задачи позволяет достичь экономии в 18% от общей стоимости обращения с отходами. Это возможно благодаря принципам "один район - один объект" и "выбор ближайшего доступного объекта". Применение оптимизации к данным за 2024- 2029 гг. позволяет

достичь экономии более 36 млрд рублей. После оптимизации маршрутов оказывается, что некоторые полигоны больше не являются перспективными пунктами приема отходов. Среднесрочным решением, которое минимизирует стоимость обращения с отходами и снижает внешние эффекты, станет рекультивация этих полигонов и свалок. Долгосрочным решением станет применение мер экономической политики, которые позволят прийти к оптимальной комбинации способов обращения с отходами, одновременно снижающих денежную стоимость и натуральные издержки для природы и здоровья жителей. Одной из форм политики может стать смена назначения объектов (полигоны - заводы), которая финансируется за счет средств, сэкономленных в рамках решения транспортной задачи и оптимизации потоков отходов. Продолжением работы станет расширение механизмов с московской агломерации на соседние регионы, а также более детальная проработка внешних эффектов от каждого вида обращения с ТКО.

Источники и литература

- 1) Accounting for transportation impacts in the environmental assessment of waste management plans. Emanuele Brambilla Pisoni & Roberto Raccanelli & Giovanni Dotelli & Donatella Botta & Paco Meli'a. <https://link.springer.com/article/10.1007/s11367-009-0061-0>
- 2) Economic and environmental benefits of optimized waste transportation routes in Khulna Ankon Baral, Islam M. Rafizul, Swadhin Das, Senta Berner. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667010024001896>
- 3) Marjukka Hiltunen. Economic environmental policy instruments in Finland (2004) // URL https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/40441/FE_676en.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
- 4) Optimization of municipal solid waste collection and transportation routes. S. Das, Bidyut Kr. Bhattacharyya. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0956053X15004432>
- 5) Thomas C. Kinnaman, Don Fullerton (1999) The Economics of Residential Solid Waste Management // URL: <https://www.nber.org/papers/w7326> (дата обращения: 20.11.2025).
- 6) А.Ю. Колпаков, Е.А. Лазеева. Перспективы низкоэмиссионной трансформации сектора обращения с твердыми отходами в России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 137-148

- 7) Постановление Правительства Московской области от 11.01.2022 № 3/1 "О внесении изменений в постановление Правительства Московской области от 22.12.2016 № 984/47 «Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами Московской области». <https://mgkh.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/postanovleniya/21-02-2022-14-38-07-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot>
- 8) Приложение № 1 к распоряжению Департамента жилищно-коммунального хозяйства города Москвы №01-01-14-590/19 от 26.12.2019. Территориальная схема обращения с отходами города Москвы, 2019. https://www.mos.ru/upload/documents/files/5871/02_TSOO-Moskva-2019-12-26-v19.pdf
- 9) Федеральный закон от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 04.08.2023) "Об отходах производства и потребления" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024)

Панасюк Артур Анатольевич

Финансовый университет, Москва, Россия

**Как социальные отношения и культурные контексты
формируют управленческие практики**

На первый взгляд, может показаться, что менеджмент - это чисто техническая дисциплина: набор универсальных инструментов для повышения эффективности, которые можно применить где угодно: в Сиэтле, Сингапуре или Самаре. Экономическая социология бросает вызов такому упрощённому взгляду. Она утверждает: чтобы понять суть управления, нужно увидеть его в контексте - историческом времени и социальном пространстве. Именно контекст превращает абстрактные схемы в живые, работающие, а иногда и неработающие практики.

Часть 1: Через призму экономической социологии

Классическая экономическая теория часто рассматривает менеджера как рационального актора, максимизирующего прибыль. Экономическая социология предлагает более богатую оптику. Она говорит, что любое экономическое действие, в том числе управленческое, «укоренено» в сетях социальных отношений. Это ключевое понятие ввёл Марк Грановеттер. Решение о повышении сотрудника, выборе поставщика или внедрении инновации зависит не только от расчёта, но и от доверия, репутации, неформальных обязательств.

Кроме того, менеджмент существует внутри институтов - формальных правил (законов) и неформальных (традиций, норм, «правил игры»). И, наконец, он наполнен культурными смыслами. Зарплата - это не просто платёж, это может быть символ справедливости, инструмент контроля или знак статуса.

Таким образом, экономическая социология позволяет увидеть в менеджменте не технологию, а социальный институт. Он решает задачи не только координации ресурсов, но и легитимации власти, построения сотрудничества и создания общих смыслов для людей в организации.

Часть 2: Измерение Времени: как эпоха меняет менеджмент

Если мы посмотрим на эволюцию менеджмента, то увидим, как он менялся вместе с обществом.

В промышленную эпоху (начало XX века) контекстом было конвейерное массовое производство. Ответом стал тейлоризм. Социологически это была модель дисциплинарной власти. Социальные связи работника игнорировались, человек рассматривался как придаток машины. Управление стремилось максимально «вырвать» трудовое действие из его жизненного контекста.

Во второй половине XX века, в постиндустриальную эпоху, на первый план вышли услуги, информация, качество. Возникла японская модель управления, идеи корпоративной культуры. И здесь мы наблюдаем триумфальное возвращение социального! Экономическая социология фиксирует: управление теперь работает через вовлечение, ценности, командный дух. Компании становятся «тотальными институтами», формируя жизнь сотрудника. Акцент смещается с формального контроля на неформальные нормы и доверие.

Сегодня, в цифровую эпоху, контекст - это глобальные сети, платформы, удалённая работа. На авансцену выходят Agile-методологии, холакратия, управление сообществами. Менеджмент становится сетевым и ситуативным. Формальная иерархия размывается, но возникают новые, более тонкие формы контроля - через цифровые KPI, дедлайны, прозрачность цифрового следа. Главным вызовом становится построение доверия и координация в виртуальных, распределённых командах. Менеджер теперь всё больше - модератор социальных взаимодействий в digital-среде.

Часть 3: Измерение Пространства: как культура формирует менеджмент

Но одного временного измерения недостаточно. Один и тот же тренд, например, «бережливое производство», будет по-разному работать в раз-

ных уголках мира. Почему? Потому что менеджмент укоренён в национальных институтах и культуре.

Возьмём для сравнения две модели.

- Англо-саксонская модель (США, Великобритания) построена на идеологии рынка. Акцент - на краткосрочной прибыли, индивидуальных результатах, формальных контрактах. Менеджер - это наёмный профессионал. Социальные связи здесь слабее, а институты поддерживают индивидуальную конкуренцию.

- Рейнская или японская модель (Германия, Япония) делает ставку на кооперацию, долгосрочные отношения, качество. Здесь менеджмент глубоко укоренён в социальных институтах: банки, отраслевые союзы, пожизненный найм, сильные профсоюзы. Менеджер - часть социального организма фирмы. Успех определяется не только рыночной игрой, но и прочностью социальных связей.

Что происходит, когда модель пытаются механически перенести из одного пространства в другое? Чаще всего - институциональный конфликт.

Классический пример - попытки внедрения западного менеджмента в России. Российский контекст характеризуется силой неформальных сетей («связи», «блат»), историческим патернализмом, высокой дистанцией власти. Когда в такую среду внедряют, например, систему КРІ, рассчитанную на беспристрастную оценку, она неизбежно «приручается». Оценки начинают зависеть от личных отношений, показатели подгоняются, а сама система наполняется местными смыслами, далёкими от первоначальной идеи. Успех требует не копирования, а глубокой адаптации к локальной социальной ткани.

Заключение

Итак, что же нам открывает взгляд экономической социологии на менеджмент во времени и пространстве?

Мы приходим к выводу, что не существует «лучших» управленческих практик «вообще». Их эффективность напрямую зависит от соответствия социальному контексту.

Современный менеджер действует на пересечении двух координат:

1. Горизонтали времени (эпохи): Он должен понимать логику сетевого цифрового мира.

2. Вертикали пространства (культуры): Он должен чувствовать и уважать специфику локальных институтов, норм и традиций.

Поэтому так важно развивать не только бизнес-навыки, но и социологическое воображение - способность видеть за экономическими моделями и КРІ живых людей, их связи, историю и коллективные смыслы.

Для бизнеса это означает необходимость глубокого анализа социальной среды. Для исследователя – изучение менеджмента как живой, постоянно меняющейся социальной практики.

Именно такой, контекстуальный взгляд позволяет не просто применять инструменты, а создавать по-настоящему эффективные и жизнеспособные системы управления, укоренённые в своём времени и пространстве.

Пасовец Юлия Михайловна

ФГБОУ ВО "Курский государственный университет", Курск, Россия

К вопросу о понятии NEET-модели поведения

В последнее время в научном сообществе стали подниматься вопросы о необходимости самостоятельного использования понятия «NEET-модель поведения», отражающего специфику поведения, связанного с отказом от обучения, трудовой деятельности и профессиональной подготовки вне зависимости от возраста, а также корректности понятия «NEET-молодежь», фиксирующего привязку феномена NEET к поколению молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет (в ряде интерпретаций – в возрасте до 29 или 34 лет).

Критика термина «NEET-молодежь» во многом опирается на тот факт, что отказ от образовательной деятельности и занятости на рынке труда наблюдается и в более старших возрастных группах трудоспособного населения. Можно наблюдать, что те, кто несколько лет назад был в возрасте 15-24 лет и считался «NEET-молодежью», взрослея и сохраняя эту модель поведения, сейчас переходят в средний возраст.

При этом нужно учитывать ограниченную вовлеченность общности молодых людей в возрасте 15-24 лет в рабочую силу из-за включенности большинства из них в процесс получения общего и профессионального образования. Если для социального положения молодежи 15-24 лет большую значимость имеет включенность в систему образования, то в старшей возрастной группе молодежи (25-35 лет) и далее на протяжении трудоспособного возраста повышается роль занятости на рынке труда.

Вместе с тем обращение к понятию NEET-модели поведения на рынке труда требует его разграничения с термином безработицы населения. Эти два понятия характеризуют положение трудоспособного населения на рынке труда, связанного с отсутствием занятости. Зачастую понятие безработицы считается более широким по своему содержанию, чем понятие NEET-модели поведения на рынке труда.

Полагаем, что сущностные отличия NEET-модели поведения от поведения безработного как двух моделей поведения на рынке труда связаны с мотивацией и попытками трудоустройства, в том числе получения образования для последующего трудоустройства. Если исходить из установок и поведения безработного, закрепленных в его дефиниции, данной Международной организацией труда, то для безработных характерны, с одной стороны, готовность выйти на работу (даже для отчаявшихся найти работу), с другой – попытки разными способами найти работу в течение определенного времени [6, с. 12-14]. Если опираться на содержание феномена NEET и результаты исследований NEET-молодежи [1-4], то для NEET-модели поведения свойственна несформированность готовности к работе (или получению образования) и пассивность на рынке труда, отказ от выхода на работу (который встречается и у тех, кто получил образование, но избегает начала трудовой деятельности).

Обобщая, можно заключить, что граница между этими моделями поведения на рынке труда связана с жизненной позицией человека, которую определим в терминологии В.А. Ядова [5] как диспозицию – сочетание ценностных ориентаций, установок личности и условий ее жизнедеятельности.

Источники и литература

- 1) Варшавская Е.Я. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31-39.
- 2) Зудина А.А. Дороги, ведущие молодежь в NEET: случай России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 2. С. 197-227.
- 3) Молодежь: конструирование трудовой биографии / М.К. Горшков, И.В. Батыков, А.В. Быков и др. // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2018. № 1. 147 с. DOI: 10.19181/inab.2018.1.
- 4) Пасовец Ю.М. Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества. Курск: Курский государственный университет, 2020. 232 с.
- 5) Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
- 6) Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 180 с.

Петров Денис Сергеевич

*Воронежский государственный университет, доцент кафедры
социологии и политологии, Воронеж, Россия*

Социальные последствия экономических трансформаций в России: современные тенденции (на примере Воронежской области)

Современные тенденции социальных последствий экономических трансформаций в России на примере Воронежа характеризуются ростом доходов и занятости на фоне демографического спада и миграционных вызовов. Экономика региона растет быстрее средних общероссийских показателей благодаря АПК, инвестициям и импортозамещению, что улучшает качество жизни. Однако сохраняются проблемы с оттоком специалистов и старением населения.

1. Экономический рост и занятость

Воронежская экономика демонстрирует положительную динамику: ВРП к 2026 году прогнозируется на уровне 108,1% к 2023-му (против 106,9% по России), с ростом промышленного производства и сельского хозяйства. Реальные доходы населения увеличиваются за счет роста зарплат на 3,7% за 2024–2026 годы, безработица остается низкой. Бюджет Воронежа на 2026 год ориентирован на социалку - около 30 млрд рублей на нужды жителей, что усиливает финансовую устойчивость.

2. Демографические сдвиги

Численность населения области сократилась на 13 400 человек (0,6%) за 2024–2025 годы, достигнув 2,26 млн, из-за естественной убыли (низкая рождаемость, высокая смертность пожилых). Миграционный прирост частично компенсирует потери, но отток молодых специалистов создает дефицит кадров. Пенсионные выплаты индексируются на 7,6% с января 2026 года для поддержки пожилых.

3. Инвестиции и качество жизни

Регион фокусируется на инфраструктуре, модернизации АПК и социальной сферы, что снижает риски от санкций и инфляции. Прогнозы на 2026–2028 годы предполагают рост инвестиций и розничной торговли, улучшая благосостояние. Проблемы: бюрократия и энергодефицит, решаются через диверсификацию и поддержку бизнеса.

4. Безработица

К 2025 году безработица в Воронежской области упала до 2,1% (с 6,4% в 2020-м), занятость выросла до 62,7%, численность работающих - свыше 1,2 млн. Стратегии развития акцентируют качество жизни, наукоемкие производства и комфортную среду.

В 2025 году в Воронеже и Воронежской области уровень безработицы достиг рекордно низких значений — около 2%, с тенденцией к снижению по сравнению с предыдущими годами. Занятость выросла благодаря активной работе служб занятости, росту инвестиций и сельхозпроизводства. Число официально зарегистрированных безработных сократилось на треть за два года.

Уровень безработицы во втором квартале 2025 года составил 2% в области (снижение на 0,8 п.п. к 2024-му), что поставило регион на 51-е место в России. К середине года достигнут минимум 2,1%, лучше среднего российского и уровня 2020-го (6,4%). За январь–август зарегистрировано 5 тыс. безработных — минус 33,2% к 2023-му.

Службы занятости посетили 24,5 тыс. человек, трудоустроено 6 тыс. подростков летом. Занятость населения в возрасте 15+ остается высокой, среднее время поиска работы — 7,9 месяцев. Рост зарплат (72 793 руб. в январе–июле, +20,7% к 2024-му) стимулирует рынок труда и рост занятости.

В Воронеже, как областном центре фокус сместился на инновации и человеческий капитал для снижения неравенства.

Пивоваров Александр Михайлович

*Санкт-Петербургский политехнический университет (СПбПУ),
Санкт-Петербург, Россия*

Массовое общество в эпоху платформенного капитализма

Распространенное мнение о демассификации современного общества в эпоху цифровизации предполагает, что диверсификация медиа привела к исчезновению массового общества. Однако это требует критического пересмотра. Массовое общество подверглось качественной трансформации под воздействием платформизации экономики.

Классическое массовое общество базировалось на массовом производстве, потреблении и культуре. В эпоху позднего капитализма эти элементы не исчезли, а видоизменились. Постфордистское производство стало гибким, потребление приобрело макдональдизированный характер, культура превратилась в коммерциализированную индустрию.

Ключевое отличие платформенного капитализма состоит в том, что цифровые платформы опосредуют все три сферы одновременно, организуя производство контента, потребление и формирование культурных предпочтений. Алгоритмическое управление вниманием, персонализированная унификация потребления и нишевая стандартизация воспроизводят логику массовости на новом уровне интеграции и контроля.

Парадокс платформенной экономики: при сохранении массового масштаба она создаёт иллюзию индивидуального обслуживания. Потребитель становится «невидимым производителем» данных через онлайн-активность. Внимание превратилось в главную валюту и источник прибыли.

Механизм интеграции массы остался прежним: атомизированные индивиды контролируются через объекты массового интереса. Но если в индустриальную эпоху контроль был стихийным, то платформенные системы создали беспрецедентную эффективность управления экономическим поведением через алгоритмы и персонализированный маркетинг.

Экономический парадокс платформенного капитализма: декларируемая гибкость производства маскирует усиление контроля над рабочей силой. Алгоритмическое управление трудом (GPS-трекинг, рейтинги, автоматизированное распределение задач) трансформирует постфордистскую децентрализацию в новую форму массового управления прекаризированной рабочей силой.

Платформенное массовое общество — это новая форма организации экономики, где извлечение стоимости из данных становится центральным процессом капиталистического накопления. Для экономической социологии это означает переосмысление категорий труда, потребления и стоимости в условиях, когда платформы одновременно организуют производство, потребление и извлечение данных как сырьё современного капиталистического накопления.

Полиенко Андрей Александрович

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Российская Федерация*

Тенденции прекаризации труда молодежи

Актуальность и цель. Современность характеризуется новыми формами занятости и форматами выполнения работы, каждый из которых в свою очередь обусловлен факторами современной экономики. Эти новые формы занятости традиционно считаются характерными для неустойчиво занятых – прекариев. Феномен прекаризации труда с одной стороны известен относительно давно: еще П. Бурдьё упоминал о прекаризации во всех жизненных сферах, а Г. Стэндинг систематизировал имеющуюся информацию об этом феномене для научного дискурса; тем не менее, феномен все еще недостаточно изучен. Существующие эмпирические данные свидетельствуют о все большем распространении феноменов пре-

каризации труда в молодежной среде. На основании изложенного, можно прийти к необходимости изучения факторов прекаризации молодежи, особенно представителей так называемого поколения Z, так как его представители демонстрируют данную тенденцию в большей степени. Таким образом, целью данной статьи является изучения факторов прекаризации молодежи.

Методы исследования. В качестве теоретико-методологической базы исследования применяются общенаучные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, классификация), а также структурно-функциональный подход (в рамках определения внешнего влияния структур и феноменов структур на молодых работников, приводящих к прекаризации труда). В качестве методов эмпирического исследования выступает полуструктурированное интервью. Для анализа полученной информации используется метод кластерного анализа.

Результаты. В результате проведенного исследования выявлены две полярные тенденции, связанные с прекаризацией в молодежной среде. Так, первая группа интервьюируемых говорит о защищенности труда и преимущественном отсутствии сущностных характеристик прекариата даже при том, что демонстрирует ряд черт (занятость в формате фриланса, готовность менять работодателя в краткосрочной перспективе) прекариата. Данная группа характеризуется высоким уровнем компетенций, творческой направленностью труда (IT-сфера, инженерия, техническое проектирование) и повышенным спросом на специалистов в сфере их занятости. Вторая же группа интервьюируемых демонстрирует все признаки прекариата, ассоциирует свою занятость с прекарной вне зависимости от квалификации (часть опрашиваемых высоко квалифицированы, даже сверхквалифицированы для занимаемых должностей или выполняемой работы).

Научная новизна. Заключается в получении детализированной информации о субъективном восприятии молодежью факторов, влияющих на их трудовую незащищенность. Рассмотрение факторов прекаризации с позиции молодых работников как группы, демонстрирующих ряд сходных стратификационных признаков, позволяет сделать точечные выводы о необходимости трансформации ряда социальных институтов (в противоречие доминирующему организационному подходу).

Дискуссия и перспективы исследования. В дискуссионной части планируется сопоставить полученные результаты с результатами существующих эмпирических исследований.

Источники и литература

- 1) Dörre K. Prekarität – eine Frage der Klasse? Zum Formwandel unwürdiger Lohnarbeit // Bürger & Staat. 2024. Heft 2. S. 82–90.
- 2) Dörre, K. (2021). Ausschluss, Prekarität, (Unter-)Klasse – theoretische Konzepte und Perspektiven. In: Anhorn, R., Stehr, J. (eds) Handbuch Soziale Ausschließung und Soziale Arbeit. Perspektiven kritischer Sozialer Arbeit, vol 26. Springer VS, Wiesbaden. DOI: 10.1007/978-3-531-19097-6_4
- 3) Doerre, Klaus. (2017). Die neuen Vagabunden. Prekarität in reichen Gesellschaften. DOI: 10.1007/978-3-658-12707-7_53-1.
- 4) Kausch, S. (2008). Von «Neuer Unterschicht» und Prekariat. Sozialtheorie. <https://doi.org/10.14361/9783839410004>
- 5) Krzyminiewska, G. (2015). Prekariat nowym interesariuszem ekonomii społecznej. Studia i Prace WNEiZ. <https://doi.org/10.18276/SIP.2015.41/2-03>
- 6) Великая, Н. М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы "самозанятые" / Н. М. Великая // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 6-21. – DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1. – EDN MBMQCF.
- 7) Воробьева, И. В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений / И. В. Воробьева // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 3. – С. 100-112. – DOI 10.17805/zpu.2021.3.7. – EDN XOGIKA.
- 8) Гасюкова, Е. Н. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп / Е. Н. Гасюкова, В. В. Карачаровский, Г. А. Ястребов // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 48-63. – EDN WHKHOJ.
- 9) Шкаратан, О. И. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова // Социологические исследования. – 2015. – № 12(380). – С. 99-110. – EDN VGFMFUZ.

***Попова Ольга Николаевна¹, Вицентий Ирина Викторовна¹,
Городничева Алена Анатольевна²***

1 - филиал Мурманского арктического университета, Апатиты, Россия; 2 - Администрация города Апатиты Мурманской области, Апатиты, Россия

Между благотворительностью и обязательством: ожидания местного населения от внешних социальных программ бизнеса

Социальная ответственность бизнеса в широком понимании подразумевает активное участие предприятий в развитии разных сфер общественной жизни на добровольной основе, очень часто не связанное с основной сферой функционирования организации, ответственность перед сотрудниками, потребителями и заказчиками, местным сообществом [1]. Программы внешней социальной политики предприятия способствуют улучшению качества жизни местного сообщества. Однако, согласно результатам социологических исследований [2], существует риск рассогласования между направлениями социальных программ, о которых известно населению и реальными потребностями местных сообществ. Также отношение населения к внешней социальной политике предприятия является динамичным и может изменяться в зависимости от множества факторов. Важно учитывать эти факторы при разработке и реализации социальной политики организации, чтобы обеспечить ее эффективное восприятие и поддержку со стороны общественности

С целью изучения оценок местного населения (городов Апатиты и Кировск Мурманской области) внешних социальных программ градообразующего предприятия КФ АО «Апатит» весной 2025 г. был проведен онлайн опрос. В рамках пилотажного исследования было опрошено 100 человек.

Результаты анализа полученных данных свидетельствуют о том, что основная ответственность за развитие города, по мнению большинства опрошенных жителей, возлагается на региональные и муниципальные органы власти (83%), а также на государственные городские предприятия и службы (49%), федеральные власти (40%). Значимая роль коммерческих предприятий и организаций в развитии города отмечается чуть менее половиной опрошенных (38%). При этом чаще жители отмечали роль именно градообразующего предприятия.

Среди основных причин, почему предприятие должно вносить вклад в развитие города, были отмечены: создание комфортных условий для работы предприятия и жизни сотрудников (47%), компенсация экологического воздействия производства на окружающую среду (46 %), треть опрошенных отметили репутационные и инфраструктурные выгоды для самого предприятия (предприятие использует городские ресурсы (дороги, коммуникации), поэтому должно участвовать в их модернизации, участие в развитии города повышает доверие к компании среди жителей и партнеров.

Значительная часть опрошенных (42%) считают, что предприятие реализует, прежде всего, значимые для себя инициативы.

Таким образом, результаты пилотажного исследования свидетельствуют, что в оценках местного населения программы внешней социальной политики КФ АО «Апатит» воспринимаются скорее как направленные на удовлетворение потребностей и интересов самого предприятия, а не устойчивый вклад в развитие местных сообществ. Также подчеркивается компенсаторная роль подобных программ за неблагоприятное экологическое воздействие производства на окружающую среду. Ответственность за развитие города опрошенные жители возлагают в первую очередь на органы власти.

Источники и литература

- 1) Шевченко Е. А., Луговской С. И. Роль социальной ответственности бизнеса в социально-экономическом развитии территории // Kant. - 2023. - №3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnoy-otvetstvennosti-biznesa-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-territorii> (дата обращения: 20.01.2026)
- 2) Социальная ответственность бизнеса в эпоху СВО [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2024. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-otvetstvennost-biznesa-v-ehpokhu-svo> (дата обращения: 20.01.2026)

Радионова Светлана Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, РФ

Императивы эпохи постмодерна сквозь призму инновационного преобразования экономического пространства

В условиях становления 6-го технологического уклада и находящегося с ним в диалектических отношениях мирохозяйственного уклада [1,2] существенно меняется мышление людей: от логики и рационального самощущения к самосознанию и возможности индивидуальной свободы и неограниченной традицией творческой деятельности [2]. Качественный скачок в способности человека к освоению измененного пространства (AR, VR) расширяет экспансивные возможности личности [2]. Виртуальность раскрывает новые свойства экономического пространства (ЭП), а

механизмы пространственных трансформаций и самоорганизации приводят к диверсификации ЭП, расширяя его для реализации новых философских принципов качества [3,4]. В основе К-волн лежат процессы трансформации структуры экономики как исторической системы длительной протяжённости (большое время или время культуры). С помощью феноменологического понятия «внутреннее время» как вертикали большого времени, предполагающего совместную данность того, что во времени и пространстве бесконечно отделено одно от другого, создается другое пространство и время, другое измерение и понимание [5]. Если обратиться к культурным структурам, «встроенным в определенные типы логик, формирующихся во взаимодействии с технологиями» [6], то обнаруживаются результаты 30-летнего присутствия постмодернизма, который является эстетикой симулякра [7]. На экономику также оказывают влияние императивы постмодернизма, исследуемые смежными дисциплинами:

- философия: состояние индивидуалистического хаоса концепций и подходов; нестрогое мышление (эклектичность сознания и поверхностные суждения); иллюзорное представление о неограниченных возможностях науки; трансдисциплинарная проблема возникновения сложного (новые науки); резонансный диалог с другими культурами, существующими в любом пространственно-временном отрезке истории для принятия социально-экономических решений без учета понятия «внутреннего времени» субъекта, т.е. другого измерения, которое и есть измерение понимания; утрата понятий «справедливость», «совесть» - как трансцендентальных априори, которые сотворяют человека [8]; потеря уникальности в создаваемой VRв силу роста масштабируемости на почве монетизации;
- математика: поиск многомодельности с попыткой дать проявленную картину мира в пространстве и времени, а в дальнейшем – ее понимание, но «к последнему нет общего и алгоритмизируемого перехода от предметных элементов картины» [9];
- психология: утрата ценностных ориентиров (цели индивидуальной и социальной идентификации не совпадают); самореализация на основе незрелых внутренних принципов.

Задачи социологии с точки зрения экономистов: глубокий анализ структурной и содержательной дифференциации общества для построения ГО, формирования региональных экосистем; исследование взаимосвязи виртуальных и реальных сообществ для определения возможностей коллаборации с реальным бизнесом; анализ социального ранжирования в виртуальных социальных сообществах для системной структуризации социальной подсистемы.

Источники и литература

- 1) Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Избранные работы / Н. Д. Кондратьев – Москва : Изд-во Юрайт, 2021. – 490 с.
- 2) Глазьев, С.Ю., Щипков, А.В. Экономика и общество: монография / С. Ю. Глазьев, А. В. Щипков – Москва : Проспект, 2021. – 192 с.
- 3) Сурнина, Н. М. Пространственная экономика: проблемы методологии, теории и практики / Н. М. Сурнина – Екатеринбург : Изд-во рГЭУ, 2003.
- 4) Иняц, Н. Малая энциклопедия качества : в 3 ч. Ч.3. Современная история качества : пер. с серб.-хорв. / Н. Иняц – Москва : Стандарты и качество, 2003. – 224 с.
- 5) Мамардашвили, М. К. Время и пространство / Выступление перед Союзом кинематографистов Грузии, весна, 1990. / URL: <http://www.mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/publikacii-iz-arhiva/interview/vremya-i-prostranstvo> (дата обращения 23.01.2026)
- 6) Голиченко, О. Г. Мезотраектории технологического развития: взгляд со стороны неозволюционной и неоинституциональной теорий // Глобальные тенденции в эволюции мировой экономики и вызовы для России: методология, экономическая теория и практика : сборник тезисов докладов участников XVI Пущинского симпозиума по эволюционной экономике – Москва : ИЭ РАН, 2025. – С.32-34
- 7) Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция = Simulacres et simulation / пер. с англ. А. Качалова (2011). — Москва : Рипол-классик, 2015.
- 8) Мамардашвили, М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии : (Опыт физической метафизики) / Мераб Мамардашвили – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 352 с.
- 9) Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.

Решетникова Кира Викторовна¹, Решетников Александр Кириллович²

1 - МГУ им. М.В.Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук, Москва, Россия; 2 - МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Российская Федерация

Российские туристы в начале XX века: социально-демографические характеристики

Развитие туристической отрасли находится в поле внимания исследователей со второй половины XX-го века. Однако туризм как отрасль в России начал формироваться еще в 19 веке: Крым, Кавказские минеральные воды уже тогда были привлекательным местом отдыха многих людей разных сословий. Работ, анализирующих историю российского туризма, социально-демографические особенности путешественников, их выбор направлений отдыха, выбор развлечений, практически отсутствует. Целью нашего исследования является выявление социально-демографических характеристик российских туристов в конце 19 - начале 20 вв.

Проблему в исторических исследованиях, посвященных развитию туризма, составляет поиск первичных данных. Между тем есть интересный источник таких документальных данных, позволяющий «услышать голос» путешественников того периода, - это почтовые открытки. Почтовая открытка - документальный источник, объединяющий в себе текстовую и визуальную информацию, отражающую с одной стороны историю страны, а с другой стороны - повседневность и личные истории отдельных семей [1; 3; 4]. Почтовые открытки позволяют проанализировать социально-демографические характеристики авторов (пол, иногда возраст, принадлежность к тому или иному сословию, социальной группе), выделить основные направления поездок людей, так как обычно как раз из мест отдыха принято присылать открытые письма семье, родственникам, друзьям.

Для реализации исследовательской задачи мы обратились к анализу открыток, представленных на сайте <http://www.pishutebe.ru/>

[2]. «Пишу тебе» — это цифровой корпус дореволюционных, советских и современных почтовых открыток (около 58500 открыток на январь 2026 г.). В базе данных по каждой открытке представлена информации по 30 пунктам.

На первом этапе из корпуса открыток были выбраны открытки с датой отправления ранее 1918 года и тэгом «отдых». Таким образом было отобрано чуть более 400 открыток. Далее был проведен анализ этой базы по следующим параметрам: страна и населенный пункт отправления, адрес отправителя, текст открытки, имена отправителя и получателя, до-

полнительные сведения о получателе и отправителе (титул, должность, профессиональная принадлежность, родственные связи).

В результате удалось выявить ряд социально-демографических параметров российских путешественников, отдыхающих на российских и зарубежных курортах, совершающих поездки с целью отдыха и развлечений, основные направления туристических поездок, времени года для отдыха, виды развлечений для разных групп туристов.

Источники и литература

- 1) Белько, Т.В., Агафонова А.В. Функционально-коммуникативный аспект дизайна открыток конца XX — начала XXI в.. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 13 (147). — С. 666-669. — URL: <https://moluch.ru/archive/147/41183/>.
- 2) Использованы данные Цифрового корпуса почтовых открыток «Пишу тебе». URL: <https://pishutebe.ru>.
- 3) Сокоиков, С. С., С. О. Ткаченко. Открытка в зеркале научных исследований: состояние и перспективы // Вестник культуры и искусств. — 2019. — № 2 (58). — С. 63–70. <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytka-v-zerkale-nauchnyh-isledovaniy-sostoyanie-i-perspektivy/viewer>.
- 4) Хусяинов Т.М., Жаров Д.О. Реконструкция социальной реальности жителей малых городов на рубеже XIX-XX веков посредством корпуса почтовых открыток «Пишу тебе» // Сборник докладов, представленных на конференцию «Маргиналии-2023» в Арзамасе (22-24 сент.). М., 2023. С. 146-148. [Электронный ресурс] URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2023-10/marginalii2023_tezisy_fin.pdf.

Рипка Дарья Дмитриевна

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Особенности и причины эмоционального выгорания у трудоспособного населения г. Екатеринбург

В современном обществе трудоспособное население сталкивается с хроническим стрессом и психоэмоциональными перегрузками. Всё это стало приводить к появлению синдрома эмоционального выгорания, который проявляется в эмоциональном истощении, деперсонализации и снижении профессиональных достижений.

Эмоциональное выгорание является распространенной проблемой, что обуславливает свою актуальность в наше время:

Аналитический центр НАФИ и Фонд Росконгресс изучили ситуацию в России в 2023 году. 45% работающих россиян когда-либо сталкивались с профессиональным выгоранием. О личном опыте выгорания чаще говорят женщины (55%), люди с трудовым опытом 11-15 лет (58%), руководители среднего звена (58%) и квалифицированные специалисты (52%), занятые в сфере образования (59%), государственной службы (76%), добычи полезных ископаемых (68%).

Исходя из рассмотренной актуальности возникновения синдрома эмоционального выгорания, в рамках исследования было конкретизировано понятие «эмоциональное выгорание». Целью исследования является выявление причин и особенностей эмоционального выгорания у трудоспособного населения г. Екатеринбург

Для достижения данной цели был проведен социологический опрос среди трудоспособного населения г. Екатеринбурга. В опросе приняло участие 400 респондентов.

Было выявлено, что основной причиной эмоционального выгорания трудоспособного населения г. Екатеринбург являются не личные факторы, а системные организационно-управленческие проблемы на рабочих местах. Исследование показало, что ключевые факторы истощения напрямую связаны с плохой организацией труда: большой объем работы (70,3%), монотонная деятельность (52,8%) и отсутствие баланса между работой и личной жизнью (53,5%) формируют среду, ведущую к выгоранию. Примечательно, что классический фактор «низкая заработная плата» (17%) оказался менее значимым, чем дедлайны и отвлекающие факторы (44,8%). Это указывает на то, что для профилактики выгорания работникам критически важны не столько материальные стимулы, сколько чёткость задач, здоровый психологический климат и осмысленность деятельности.

Результаты исследования демонстрируют, что государственная служба (24,5%) представлена в выборке как одна из крупнейших профессиональных групп, сталкивающаяся с эмоциональным выгоранием, что прямо указывает на её значительную уязвимость к синдрому. Этот факт подтверждает и усиливает основной вывод предыдущего анализа: ключевые причины выгорания (нечёткие обязанности, конфликты, монотонность, дисбаланс работы и жизни) в полной мере присущи и государственным структурам.

Исследование подтверждает, что эмоциональное выгорание — это системная проблема, порождаемая в первую очередь плохой организацией

труда, а не личными качествами сотрудников. Ключевые факторы риска — нечёткие обязанности, конфликты и монотонность — одинаково актуальны для всех сфер, включая государственную службу, которая составила значительную долю респондентов (24,5%).

Родина Александра Дмитриевна
МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

Смена парадигмы управления сквозь призму спиральной динамики развития общества

1.1 Развитие парадигм с точки зрения спиральной динамики

Если воспринимать управление как деятельность, то объяснение изменениям в парадигме может дать спиральная динамика. Если совмещать теорию спиральной динамики по Грейвзу, Беку и Ковану, Лалу, Клейнеру, то можно выделить 9 основных ее уровней: инфракрасный, фиолетовый, красный, янтарный, оранжевый, зеленый, желтый, бирюзовый, перламутровый (Kovan, Beck, 2010; Чистякова, Голд, 2015; Лалу, 2016; Клейнер, 2020).

Исходя из стадий спиральной динамики, можно заключить, что общество и организации, проходя через ступени эволюции, становятся более гибкими и открытыми миру. Начиная с зеленого этапа, организации и люди смещают фокус внимания с правил, стандартов и механического выполнения работы на межличностные отношения, духовное развитие, самореализацию. Следуя этому, логически все стадии спиральной динамики можно разделить на две категории - «неживые» или «старые» и «живые» или «новые» парадигмы.

1.2 Концепции менеджмента через призму спиральной динамики

Спиральная динамика может накладываться на концепции менеджмента, которые представляются изменениями парадигмы и движениями ее от старой к новой. Так, например, синии уровень спиральной динамики может быть сопоставим с концепциями следующих авторов: Тейлор, Гилберт, Гантт, Форд, Вебер, Фаиоль. Оранжевый - Файоль. Зеленый - Мейо, Фоллет, Левин, Белбин, Pirson, Lawrence, Petriglieri, Кузин, Roberson. Желтый - Друкер, Макьярелло, Джозеф. Бирюзовый - Бек, Лалу и др.. Перламутровый - Клейнер.

Заключение

Мы стоим на пороге изменения парадигмы управления. Она плавно перетекает из «старой/неживой» формы в «новую/живую», в пользу

этого утверждения есть два аргумента: 1) Спиральная динамика - отклонение маятника на «мы» в бирюзовой и перламутровой стадиях, т.к. происходит сдвиг в сторону изучения и анализа человека и групп внутри организации, а также межличностных отношений. т.е. в сторону «живого».

2) Новые концепции менеджмента, которые описывают изменения человеческих взаимоотношений в организации, их движение к гуманизму. Данный вывод основан на теоретическом анализе литературы, но проявляется ли это в поведении российских руководителей?

Источники и литература

- 1) Адизес И. 2017 На пороге управленческой революции // HBR-Россия, 6 февраля, просмотрено 22.09.2022, <http://hbr-russia.ru/management/upravlenie-izmeneniyami/a18761/>
- 2) Клейнер Г. Б. Спиральная динамика, системные циклы и новые организационные модели: перламутровые предприятия // Российский журнал менеджмента, 2020, No4, с. 471-496
- 3) Клейнер Г. Б. Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент - путь к менеджменту XXI века // Российский журнал менеджмента, 2018, No2, с. 231-252.
- 4) Кузин Д. В. Менеджмент XXI века: новый взгляд // Управленческие науки, 2014, No4 (13), с. 16-25.
- 5) Кун Т. 1977 Структура научных революций / – М.: «Прогресс», 300 с.
- 6) Лалу Ф. 2016. Открывая организации будущего / Пер. с англ. – М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 329 с.
- 7) Минцберг Г. 2004. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб.: «Питер», 512 с.
- 8) Gribbins R.E., Hunt S.D. Is Management a Science? // The Academy of Management Review, 1978, vol. 3, No. 1, pp.139 -144.
- 9) Kovan K., D. Beck D. 2010 Spiral Dynamics. Managing values, leadership and change in the 21st century / «BestBusinessBooks» Open World Publishing House - 415 p.
- 10) Kuhn T. 1970. The Structure of Scientific Revolutions – 2-d ed. / THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS, LTD., LONDON, 210 p

- 11) Petriglieri G. 2020a Are Our Management Theories Outdated? // HBR, June 18, accessed on 22.09.2022, <https://hbr.org/2020/06/are-our-management-theories-outdated>

Рудковская Анастасия Владиславовна

Госпиталь для ветеранов войн №2 ДЗМ, Москва, Россия

Восприятие рабочей среды медицинскими работниками в условиях профессионального выгорания

Профессиональное выгорание представляет собой системную угрозу для кадрового потенциала здравоохранения, приводя к психической дезадаптации, ухудшению физического здоровья и потере трудоспособности специалистов.

Эмпирическую базу исследования составил вторичный анализ данных (N=134), собранных в ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ» на базе Госпиталя для ветеранов войн №2 (Москва). Уровень и компоненты профессионального выгорания (истощение, дистанцирование, когнитивные и эмоциональные нарушения) измерялись с помощью валидированного опросника BAT-12, а их связь с удовлетворенностью условиями труда анализировалась методами ANOVA и критерия Тамхейна.

Сотрудники с высоким уровнем выгорания значительно ниже оценивали отношения с руководством, условия труда, внедрение телемедицинских технологий и обустройство комнат психологической разгрузки. При этом оценки объективных параметров (например, качество мебели) и отношений с коллегами оставались устойчивыми, не коррелируя с выраженностью синдрома, что указывает на их буферную или ресурсную функцию.

Анализ отдельных компонентов выгорания показал их дифференцированное влияние. Эмоциональные нарушения имели наиболее широкий спектр связей, искажая оценку практически всех аспектов труда — от организационной логистики до взаимодействия с руководством. Когнитивные нарушения проявляли более ограниченное влияние, затрагивая в основном оценку внешней среды. Выявлены также профессионально-групповые различия: у врачей выгорание было тесно связано с критической оценкой технологической оснащенности рабочего места, в то время как у медицинских сестер оно коррелировало с неудовлетворенностью широким кругом организационно-бытовых условий.

Таким образом, профессиональное выгорание селективно деформирует восприятие трудовой среды, снижая удовлетворенность параметрами, которые непосредственно связаны с индивидуальным ресурсом

и субъективным благополучием (оплата труда, график, управленческое взаимодействие). В то же время более объективные и социально-поддерживающие элементы среды (качество материального оснащения, отношения в коллективе) оказываются устойчивыми к его влиянию.

Полученные данные демонстрируют, что поведение медицинских работников напрямую зависит от качества организационной среды, которая либо истощает, либо поддерживает их адаптационный ресурс. Эффективное управление человеческими ресурсами в здравоохранении требует комплексного подхода, выходящего за рамки формального соблюдения норм. Необходимо целенаправленно формировать среду, которая минимизирует рутинные стрессоры, обеспечивает не только материальную, но и символическую справедливость (признание, поддержка руководства), а также активно поддерживает психологический климат и культуру взаимопомощи. Такой подход является ключевым условием для сохранения здоровья персонала и устойчивости системы здравоохранения в целом.

Рыжов Владимир Александрович¹, Захарчук Олег Тарасович²

1 - ЭСВУ БРИКС (Экспертный Совет Высокого Уровня).

*Сопредседатель от РФ Комиссии ЭСВУ БРИКС по
информационно-коммуникационным технологиям. Сretenский клуб
им. Курдюмова С.П., Россия, Москва, Москва, Россия, Москва, Россия;
2 - ООО "АСис Софт", Москв, Россия*

Социальный матрикс и новая парадигма управления сложными организационными экосистемами

В условиях глобальной цифровой трансформации и геополитической турбулентности традиционные системы управления, основанные на фрагментарных регламентах и «лоскутной» автоматизации, истощают свою эффективность.

Актуальность. Возникает необходимость в новой парадигме, способной управлять сложностью целостных социально-технических систем. Это управление сложной организационной экосистемой с учетом её внутренней согласованности и целостности.

Ключевая проблема. Фундаментальным барьером является семантический разрыв между естественным человеческим мышлением (нарративы, контекст) и формализованными машинными онтологиями, требуемыми для анализа и автоматизации. Это приводит в управлении к потере смысла, рассогласованию данных и высоким издержкам координации.

Предлагаемое решение. Инновационный подход реализован в отечественной ИТ-платформе ASys (компания АСис Софт, Москва, Зелено-

град) [1]. Его ядро – единая метамодель деятельности, выступающая языком перевода между человеком и компьютером. В метамодели работают ключевые механизмы:

1. Цифровой двойник организации для симуляции и прогнозной аналитики.
2. Семантические сети и NLP для связывания текстовых описаний со структурированными данными.
3. Цифровые обязательства как «смысловой мост», соединяющий человеческие цели на естественном языке с формальными KPI и сроками.
4. Универсальные рабочие места, адаптирующие интерфейс под тип деятельности (творческий или регламентированный).
5. Корпоративный университет – управление знаниями.

Концепция социального матрикса. Эволюцией цифрового двойника применительно к социотехническим системам является социальный матрикс. Это модель, целенаправленно включает множество социальных субъектов (индивидов, группы, организации) с их интересами, связями и, что критически важно, взаимными обязательствами. Социальный матрикс фокусируется на полном жизненном цикле этих обязательств, становясь инструментом для достижения консенсуса и координации в условиях множественности центров управления (например, в ГЧП или сетевых альянсах).

Практическая значимость и выводы. Внедрение подхода на основе социального матрикса позволяет:

- Преодолеть «лоскутность» управления за счёт создания единого семантического пространства.
- Резко сократить издержки координации и бюрократии.
- Повысить качество решений через симуляцию сценариев с учётом как объективных данных, так и социальных связей.
- Создать основу для технологического суверенитета в области управления сложностью.

Таким образом, социальный матрикс представляет собой новую парадигму управления, синтезирующую человеческий фактор, знания, социальные и информационные технологии [2]. Он отвечает на вызовы, стоящие перед российской социологией: от поиска новых моделей экономического управления и социальных технологий до проектирования адаптивного цифрового государства. Этот подход позволяет не просто анализировать социальную реальность, но и активно формировать её, строя управляемые, устойчивые и суверенные организационные экосистемы будущего.

Источники и литература

- 1) Захарчук О.Т. Цифровая платформа ASys. // Сайт компании АСис Софт. URL: <https://asys.ru/>
- 2) Рыжов В.А., Захарчук О.Т. Эффективное управление знаниями: единая онтология, когнитивно-агентный подход и платформенное решение с использованием алгоритмов ИИ. – Москва: ИД «Народное образование», Журнал «Речевые технологии» 1/2025, стр. 67-95. УДК 004.89:159.9:007:005.2 // URL: <https://speechtechnology.ru/zhurnals/2025/1-2025.html>

Савченко Ирина Алексеевна

*Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия*

О проблеме информированности населения о механизмах и целях государственно-частного партнерства в г. Москве

Эмпирическое исследование, проведенное в 2025 году среди 250 жителей Пресненского района города Москвы, показало, что лишь 9% опрошенных заявили о полном понимании механизма государственно-частного партнерства (далее ГЧП), тогда как большинство — 47% — отметили средний уровень знаний, а 30% признались в недостаточной осведомлённости. Оставшиеся 14% не смогли дать однозначной оценки своего уровня информированности, что также указывает на её низкий уровень.

Эти данные свидетельствуют о том, что население имеет смутное представление о том, как работает механизм ГЧП, какие цели он преследует, кто является партнёром, и каким образом такие проекты связаны с улучшением городской среды и качества жизни. Отсутствие чёткого и доступного объяснения этих вопросов порождает скепсис, недоверие и пассивность со стороны горожан, что снижает степень общественной поддержки и мешает формированию устойчивой системы взаимодействия между властью, бизнесом и гражданским обществом.

Одним из факторов, способствующих этой проблеме, является недостаток системного подхода к информированию населения [1]. Информация о проектах ГЧП зачастую предоставляется формально, без должной детализации, либо вообще отсутствует. Даже при наличии официальных источников данных, таких как сайты управ районов или порталы государственных услуг, эти материалы изложены в сложной для восприятия

форме, не учитывают потребностей целевой аудитории и редко доходят до конечного пользователя [2]. В результате граждане не получают исчерпывающих сведений о том, какие именно объекты строятся или модернизируются, кто выступает частным партнёром, какие этапы реализации уже выполнены и какой эффект можно ожидать в будущем.

Согласно данным исследования, более 45% респондентов получают информацию через социальные сети, однако именно в этом направлении наблюдается наибольший дефицит контента от официальных структур. Официальные сайты и традиционные СМИ остаются менее популярными, что говорит о необходимости адаптации государственных коммуникаций к цифровым реалиям. Для формирования положительного отношения к государственному управлению и бизнесу необходимо провести системную работу по просвещению населения. Это позволит развеять мифы и стереотипы о ГЧП как способе передачи социальных объектов в частные руки, повысить уровень доверия к власти через объективную информацию.

Использование социальных сетей особенно важно, так как они являются основным источником информации для 45% опрошенных. При этом только 15% респондентов регулярно используют сайты органов власти, что свидетельствует о необходимости адаптации коммуникаций к современным цифровым реалиям.

Без должного информирования невозможно создать условия для полноценного диалога, обеспечить общественный контроль и сформировать положительное отношение к сотрудничеству между властью и бизнесом. Именно поэтому повышение уровня информированности должно стать приоритетом для всех уровней управления, задействованных в реализации ГЧП-проектов.

Источники и литература

- 1) Завьялова Е. Б., Ткаченко М. В. Проблемы и перспективы применения механизмов государственно-частного партнерства в отраслях социальной сферы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023. №1. С. 44-50.
- 2) Патрунина К.А. Инструменты и новые формы государственно-частного партнерства на пути реализации корпоративной социальной ответственности бизнеса: облигации социального воздействия, социальное инвестирование, государственно-общественно-частное партнерство // Государственно-частное партнерство. 2022. №2. Т. 4. С. 29-45.

Сары-Гузель Виолетта Валерьевна
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Национальный брендинг как драйвер социального и экономического развития региона

В 2022 году сервисом «Работа ру» был проведен Всероссийский опрос, позволивший выявить самый узнаваемый национальный бренд России. По результатам опроса, россияне чаще называли бренды, которые были созданы еще в советское время: Тульский пряник (57% опрошенных), Оренбургский пуховый платок (37%), Адыгейский сыр (35%), Амурский тигр (33%) и др. Это ставит перед современным обществом задачу по актуализации национальных кодов разных регионов. Ниже рассмотрим конкретные примеры брендов территорий, которые уже демонстрируют успешный результат по увеличению туристической привлекательности и развитию инфраструктуры для жизни в регионах.

7 лет назад для продвижения Нижнего Новгорода была разработана коммуникационная программа «Начало Нового». С тех пор город ежегодно завоевывает звание столиц – молодежной, культурной, а в 2026 году Роспатент официально закрепил за городом права на бренд «Столица закатов». «С помощью брендинга и коммуникаций город перезапустил себя, стал звучать в России, и к нам поехали люди. Мы выросли в 2024 году до 4,7 млн туристов, которые потратили на территории Нижегородской области 80 млрд рублей», – Олег Беркович, заместитель Губернатора Нижегородской области.

В 2022 году в ответ на вопрос «зачем туристы едут в Хабаровский край?» был разработан региональный бренд «Родина китов и самолетов». Он стал символом гармоничного соседства современных промышленных центров и развитой инфраструктуры с нетронутой, первозданной природой. Ежегодно Хабаровский край посещало более 500 тысяч человек, а в 2025 количество турпоездов в регион составило 848 тысяч, что сделало край вторым на Дальнем Востоке по турпотоку и объему оказанных туристских и гостиничных услуг.

Иногда успешный бренд начинается с антипримера. В 2019 году среди молодежи был популярен пессимистичный лозунг «Кто последний улетит из Мурманска, выключите свет в аэропорту». Это отражало отсутствие перспектив и желания оставаться в регионе и натолкнуло на создание позитивного девиза «На Севере — жить!», что стало началом реализации комплексного плана развития региона. В 2023 году впервые с 1989 года количество прибывших в регион превысило число уехавших.

Позднее слоган стал символом развития не только Мурманска, но и всей Арктики.

Устойчивый бренд способствует развитию не только внутренних связей, но и репрезентации российских товаров и услуг на международном рынке, пример тому – нацпроект "Международная кооперация и экспорт" и программа «Сделано в России».

На ПМЭФ в 2025 году прошло панельное заседание «Брендинг территорий: время созидать», где было отмечено, что все больше регионов успешно используют коммуникационные инструменты для продвижения своих территорий. С февраля 2025 года вступил в силу закон о правовой поддержке сектора креативной экономики, который обозначил основные границы отрасли и понятийный аппарат. Теперь в контур мер государственной поддержки творческой экономики включены также брендинг, связи с общественностью и некоторые другие коммуникационные индустрии.

Источники и литература

- 1) Тульский пряник с краснодарским чаем: россияне определили 15 самых узнаваемых региональных брендов [Электронный ресурс] // — URL: <https://press.rabota.ru/rossiyane-opredelili-15-samykh-uznavayemykh-regionalnykh-brendov> (дата обращения: 29.01.2026)
- 2) Хабаровский край стал вторым на Дальнем Востоке по турпотоку в этом году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края. — URL: <https://khabkrai.ru/events/news/212069> (дата обращения: 29.01.2026)
- 3) Жить на Севере – это: как одна фраза стала брендом целого региона [Электронный ресурс] // ГТРК «Мурман» — URL: https://murman.tv/news-n-39274-zhit-na-severe-%E2%80%93-eto-kak-odna-fraza-stala-brendom-celogo-regiona?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 25.01.2026)
- 4) Девиз «На Севере – жить!» стал символом развития Арктики [Электронный ресурс] // — URL: <https://kn51.ru/2025/10/31/deviz-na-severe-zhit-stal-simvolom-razvitiya-arktiki/> (дата обращения: 25.01.2026)

- 5) Родина китов и самолётов или зачем туристы едут в Хабаровский край [Электронный ресурс] // — URL: <https://presspass.ru/project/detail/rodina-kitov-i-samolyetov/> (дата обращения: 29.01.2026)
- 6) Территориальный брендинг — трамплин для развития региона [Электронный ресурс] // — URL: <https://brand-hub.ru/media/territorialnyy-brening-tramplin-dlya-razvitiya-regiona> (дата обращения: 29.01.2026)
- 7) Деловая Россия и АКОО на ПМЭФ провели круглый стол, посвященный региональному брендингу [Электронный ресурс] // — URL: <https://corpmedia.ru/delovaya-rossiya-i-akos-na-pmef-proveli-kruglyy-stol-posvyaschennyu-regional-nomu-breningu/> (дата обращения: 30.01.2026)
- 8) Эксперты АБКР выступили на Петербургском международном экономическом форуме [Электронный ресурс] // — URL: <https://russianbranding.ru/news/eksperty-abkr-vystupili-na-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskom-forume> (дата обращения: 30.01.2026)
- 9) "Сделано в России": как креативный бизнес выходит на международную арену [Электронный ресурс] // — URL: <https://ria.ru/20251111/biznes-2053282627.html> (дата обращения: 30.01.2026)

Свердликова Елена Альбертовна

Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Московская область, д. Немчиново, д. 107 А, Россия

**Формирование новой модели солидарности и ценности
российской деловой культуры**

В условиях формирования новой модели солидарности особую значимость приобретает анализ места и роли традиционных российских ценностей. Мы рассмотрим данную проблему в контексте развития российской деловой культуры и на основе результатов исследования, проведённого в рамках спецкурса на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. На теоретическом этапе исследования были выявлены переходящие ценности российской деловой культуры, характерные для 3 периодов российской истории: традиционного, имперского и советского. Среди них: социальная ответственность бизнеса, инновационность,

трудолюбие, целеустремлённость, коллективизм, патриотизм, справедливость, свобода, семья, терпение, героизм. Цель исследования - выявление структуры и иерархии ценностей современной российской деловой культуры в публичном медиа дискурсе, где формируется символический образ российского бизнеса и новые формы солидарности. Результаты: полезной информации в общем объёме проанализированной информации - 48%. Иерархия внимания коммуникатора к ценностям российской деловой культуры указывает на явное доминирование трёх: инновационность (17%), социальная ответственность бизнеса (16), трудолюбие (15), что отражает основные векторы современного делового дискурса: технологическое развитие и адаптацию к новым технологиям, ответственность бизнеса перед обществом и работоспособность. Значимую роль играют традиционные ценности: целеустремленность (14%), коллективизм (11), патриотизм (11). Ещё один блок традиционных ценностей: семья (4%), героизм (4) и свобода (5), находятся в нижней части иерархии. Среди оценочной информации преобладают положительные оценки: 75,7%; нейтральных: 17,2; отрицательных: 7. Данные отражают сдвиг делового дискурса в сторону прагматичных установок, а также демонстрируют активный процесс формирования новых, нестандартизированных ценностей. Традиционные ценности, такие как трудолюбие, целеустремлённость, коллективизм, патриотизм занимают устойчивое, но не доминирующее положение. Их преимущественно положительная оценка указывает на нормативный характер: они воспринимаются как самоочевидные и ожидаемые качества, не требующие дополнительной легитимации. Эти ценности функционируют как базовые элементы профессионального этоса, а не как предмет активного общественного обсуждения. При этом, ценности семьи, героизма, свободы и терпения оказываются на периферии публичного делового дискурса. Их низкая частота упоминаний и нейтральный характер оценок позволяют сделать вывод о том, что они не выступают в качестве системообразующих принципов современной деловой культуры. Скорее сохраняют символическое значение, актуализируясь в исключительных ситуациях, не формируя устойчивую основу повседневных бизнес-практик. Вывод. Современная российская деловая культура опирается на традиционные ценности, в публичном медиапространстве. Иерархия ценностей обусловлена значимостью инновационного развития. Наблюдается и усложнение ценностной структуры за счёт появления новых ориентиров.

Светличный Виктор Вениаминович

Новая геометрия глобального экономического пространства: от иерархий к многослойным цифрово-социальным сетям

Традиционные модели глобального экономического пространства, основанные на географических иерархиях «центр-периферия», уступают место более сложной конфигурации. Современные инновационные экосистемы формируют многослойную топологию, где физическая география, цифровые платформы и социальные сети взаимно накладываются и переплетаются. Это исследование предлагает социотехнический подход к анализу глобального экономического пространства, рассматривая его как динамическую совокупность материальных и нематериальных потоков - капитала, данных, знаний и социального доверия .

Ключевой тезис заключается в том, что инновации сегодня диффундируют не линейно от развитых центров, а по гибридным траекториям внутри глобальных сетей. Эти сети объединяют технологических предпринимателей, венчурных инвесторов и научные сообщества, действуя поверх государственных границ. Движущей силой становятся не столько национальные системы, сколько межнациональные "инновационные узлы" (хабы), связанные интенсивными транзакциями . Например, финансирование исследований и разработок и потоки венчурного капитала концентрируются вокруг таких хабов, создавая новую карту экономического влияния .

Для менеджмента этот сдвиг означает переход от логики цепочек создания стоимости к логике участия в сетях со-создания стоимости. Успех компаний все больше зависит от способности занимать структурные позиции в этих многослойных сетях, получая доступ к разнородным ресурсам и знаниям. С точки зрения экономической социологии, это ставит в центр анализа проблему формирования социального капитала и институтов доверия в цифровой среде, которые становятся критической инфраструктурой для глобальных инноваций.

Таким образом, глобальное экономическое пространство переживает фундаментальную трансформацию. Его новая архитектура, определяемая сетями инновационных экосистем, требует пересмотра классических теорий и разработки новых управленческих практик, ориентированных на работу в условиях многослойности и сетевой динамики.

Источники и литература

- 1) Рагулина, Ю. В. Перспективы глобального влияния инноваций на экономическое развитие / Ю. В. Рагулина // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 9. – С. 2219-2238. – DOI 10.18334/ecsec.7.9.121710
- 2) Heney P. 2021 Global R&D Funding Forecast Released. 22.02.2021. URL: <https://www.rdworldonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released>
- 3) Federal Research and Development (R&D) Funding: FY2022. Congressional Research Service. 17.11.2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46869>

Селезнева Алёна Сергеевна¹, Савенкова Анастасия Сергеевна¹

1 - Российский университет дружбы народов (РУДН) имени

Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Цифровой тейлоризм: даннификация труда на современном рынке

В эпоху цифрового капитализма происходит глубокая трансформация труда. Два взаимосвязанных процесса — цифровой тейлоризм и цифровой колониализм — выступают ключевыми механизмами этой трансформации, усиливая отчуждение и коммерциализацию человеческой жизни. Их конвергенция ведет к формированию новой сферы, где логика прибыли доминирует над общественным благом.

Цифровой тейлоризм представляет собой переосмысление идей Ф. Тейлора, доведенное до логического предела алгоритмами. Труд разбивается на микрооперации, которые фиксируются и оцениваются автоматизированными системами[1]. Водитель такси, курьер или модератор контента — все они так или иначе подвергаются тотальному контролю. Цифровой тейлоризм предполагает использование технологий для мониторинга сотрудников путем распределения и отслеживания работы[2]. Человеческие креативность и автономия приносятся в жертву метрикам производительности, а сам работник превращается в источник данных, который можно анализировать и оптимизировать.

Эта модель не ограничивается рамками отдельной страны или корпорации. Она глобализируется через механизмы цифрового колониализма. Крупнейшие технологические корпорации из США, Китая и Европы навязывают свои платформы, цифровую инфраструктуру и эксплуатационные трудовые режимы странам Глобального Юга. Они воспроизводят

колониальную зависимость: извлекают данные, формируют культурные предпочтения и используют более дешевую рабочую силу. Так, алгоритмы, разработанные в Кремниевой долине, определяют условия труда водителей в Джакарте или Найроби, а западные соцсети становятся ведущим актором общественной дискуссии, вытесняя локальные медиа[3].

Помимо дегуманизации, коммодификации личности, угрозы цифрового тейлоризма связаны с финансовой безопасностью миллионов работников по всему миру. В условиях развития искусственного интеллекта именно механический, алгоритмизированный труд в первую очередь рискует быть роботизированным. Уже сейчас мы видим беспилотные такси, роботов-доставщиков, маникюрные автоматы. Проблема общенациональна, например, в Китае возможна автоматизация 395 млн рабочих мест[4].

Если рассматривать феномен с позиции социологии риска, обнаруживается политический аспект проблемы. Так, распространённый призыв к занятости в реальном секторе экономики становится популистским лозунгом, следование которому является вариантом производства угрозы безработицы. Риск здесь рассматривается на двух уровнях:

- индивидуальный, осмысляющий индивида, как жертву тех, кто формирует риск, но не ощущает его последствий на себе[5];
- групповой, возникающий в связи с готовностью обвинить в собственном маргинальном положении окружающих, сделавших неверный политический выбор[6].

Противодействие этим угрозам требует критического переосмысления роли цифровых технологий и жесткого регулирования со стороны государств и международных институтов. Будущее цифрового общества зависит от того, удастся ли прервать эту спираль овеществления и отчуждения.

Источники и литература

- 1) Pitts, Frederick Harry. (2025). Value Struggles in Digital Taylorism: Scientific Management and Social Mediation. Режим доступа: http://www.researchgate.net/publication/383661184_Value_Struggles_in_Digital_Taylorism_Scientific_Management_and_Social_Mediation (дата обращения: 10.01.2026)
- 2) Park, Sangcheol & Ryoo, Sungyul.(2023). How Does Algorithm Control Affect Platform Workers' Responses? Algorithm as a Digital Taylorism. Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 18. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/368348524_How_Does_Algorithm_Control_Affect_Platform

m_Workers'_Responses_Algorithm_as_a_Digital_Taylorism (дата обращения: 10.01.2026)

- 3) Yılmaz, Özgür. "Digital Taylorism and Reification: A Literature Review on the Recolonization of Life." Turkish Research Journal of Academic Social Science, 2025. Режим доступа: https://www.academia.edu/130329889/Digital_Taylorism_and_Reification_A_Literature_Review_on_the_Recolonization_of_Life (дата обращения: 10.01.2026)
- 4) Наука за рубежом. Июнь, 2021, № 99. Китай: подготовка кадров для меняющейся экономики. Под ред. Л. К. Пипия, В. С. Дорогокупец, О. Е. Осиповой, Н. В. Шапковой, В. А. Хохловой Режим доступа: Nauka_zh_rubejom_n99.pdf (дата обращения: 11.01.2026)
- 5) Beck U. Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit (World risk society. In search of the lost security). Frankfurt/M., 2015. 437 S. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/264271369_Ulrich_Beck_Weltrisikogesellschaft_Auf_der_Suche_nach_der_verlorenen_Sicherheit_World_at_Risk_The_Search_for_Lost_Security_Frankfurt_am_Main_Suhrkamp_Verlag_KG_2007_439_pp_1980_cloth_ISBN-13_978-3-518 (дата обращения: 11.01.2026)
- 6) Douglas, M., & Wildavsky, A. B. (1982). Risk and Culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley: University of California Press. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/240457487_Choice_and_Risk_in_Environmental_Control_Mary_Douglas_and_Aaron_Wildavsky_Risk_and_Culture_An_Essay_on_the_Selection_of_Technical_and_Environmental_Dangers (дата обращения: 11.01.2026)

Симонова Маргарита Михайловна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Профессионализация менеджмента

Профессиональное развитие специалиста в области знаний — это процесс, который, согласно действующим профессиональным стандартам, развивается по трём различным направлениям: знания, эффективность и сущность, а также персональный брендинг. Политика работодателей в

области обучения и найма, оплата труда, объём работ, передаваемых на аутсорсинг, отношение к существующему персоналу, гибкость и методы управления — всё это изменится в связи с предстоящей борьбой за молодых талантливых сотрудников. Три условия для достижения уровня эксперта. 1. Нужно быть достаточно целеустремлённым, чтобы хотеть практиковаться. Не просто ради практики, а целенаправленно и систематически. Эрикссон называет это «целенаправленной практикой» [1]. 2. Вам необходимо выделить достаточно времени на практику и иметь необходимые учебные материалы и условия. 3. Вам необходим доступ к правильному обучению, руководству и поддержке. Персональный брендинг Дальнейшие изменения на рынке труда (растущая глобализация и автоматизация профессиональных профессий) приводят к усилению конкуренции между специалистами. Поэтому крайне важно понимать правила конкурентного рынка, как никто другой. Лучший специалист не всегда получает подходящую работу. Точно так же, как быть правым и делать её правильно — не одно и то же. Профессионалы недооценивают важность личных качеств и безосновательно доверяют рациональному механизму отбора, благодаря которому нужный человек автоматически оказывается на нужном месте. Пуристы ставят во главу угла свою индивидуальность и не готовы идти на компромиссы. По сути, это отличная отправная точка для личного брендинга! Однако у личного брендинга есть и коммерческая сторона, которая подразумевает стратегическую презентацию и продажу своих профессиональных качеств. Как только пурист примет это, он сможет сделать следующий шаг к развитию своей профессиональной «упаковки» и превращению в личный бренд, отличающийся индивидуальностью, преданностью своему делу и энтузиазмом. Разница между успешными и очень успешными людьми во многом заключается в том, что очень успешные люди не перестают совершенствоваться, добившись успеха. Они продолжают последовательно и целенаправленно работать над своим развитием.

Источники и литература

- 1) Андерс Эрикссон. Максимум. Как достичь личного совершенства с помощью современных научных открытий. 2016, с 288

*Соколенко Богдан Валентинович¹, Полетаев Дмитрий
Александрович¹*

1 - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Социальные аспекты рынка образовательных услуг

Рынок образовательных услуг стремительно развивается. К таковым услугам относят и традиционные очные курсы (школы, кружки, вузы), и онлайн. Выбор того или иного продукта конечным потребителем сводится к рекомендации друзей либо необходимости срочно получить конкретный документ [1]. Требуется прозрачное оценивание различных услуг, а также получение набора отзывов от уже их получивших граждан. Целью работы является предложение концепции размещения образовательных услуг на интернет маркет-плейсах.

Онлайн магазины активно занимают место привычных офлайн торговых точек [2]. Это связано с удобством покупок, круглосуточным графиком. Граждане предпочитают без спешки выбрать товары, сравнить и оценить их качества. Предлагаемая концепция содержит ряд элементов: массовый доступ к возможным образовательным услугам, возможность комментирования образовательных услуг, возможность поэтапного освоения с продолжением образовательного процесса, ассортимент бонусных программ и специальных предложений. Рассмотрим данные особенности подробнее. Массовый доступ к возможным образовательным услугам декларирует масштабность интернет площадок для размещения для получения большого числа отзывов. Возможность комментирования образовательных услуг подразумевает получение исчерпывающей информации потребителю не только представителя образовательной услуги, но и от потребителей. Кроме того, интернет площадки предоставляют функционал составления рейтингов, сравнения различных услуг, классификации их по направлениям и компетенциям и так далее. Возможность поэтапного освоения с продолжением образовательного процесса включает возможность освоения аналогичной программы, подбора по параметрам и компетенциям. Социальные особенности выбора также включают ряд стоимостных характеристик. Современные интернет магазины (озон, валберрис и аналогичные) выступают посредниками по продаже услуг других организаций. Поэтому заинтересованным в продажах образовательным организациям требуется расширять ассортимент, снижать стоимость, предлагать бонусы и оптовые продажи.

Применение концепции может быть осуществлено следующим образом. Формируются странички вузов, колледжей, школ и других образовательных организаций на современных интернет магазинах. При этом описы-

ваются характеристики образовательных услуг, указываются параметры, по которым их можно классифицировать и рейтинговать, указывается конечная стоимость, возможные связанные услуги, бонусные курсы. При этом значительно расширяется возможность выбора. Потребители могут выбирать не по конкретной организации, а по всем зарегистрированным с учетом оценки комментариев пользователей! Это положительно сказывается на качестве предоставляемых услуг.

В рамках данной работы в студенческом конструкторском бюро физикотехнического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского активно ведется проработка предложенной концепции.

Источники и литература

- 1) Минина, В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты / В. Н. Минина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 84-101.
- 2) Бахтина, Д. Ю. Состояние электронной коммерции в мире и РФ / Д. Ю. Бахтина, Д. Р. Туктамышева // Бизнес в реалиях современности: национальное, региональное и международное измерение : сборник статей национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей Российского государственного социального университета, Москва, 17 декабря 2024 года. – Москва: ЗАО «университетская книга», 2024. – С. 16-20.

Сонина Лидия Александровна

ВШЭ, Москва, РФ

Шеринговые практики в современной России: социально-экономические измерения и перспективы развития

Шеринговая экономика стремительно набирает популярность в России, трансформируя потребительские практики. По данным аналитической службы Т-банка рынок шеринга вырос до 86 млрд руб. в 2023 г., каршеринг занял 52% , 44 млрд руб., кикшеринг увеличился в 3 раза, при этом мегаполисы генерируют 72% выручки [1]. Объем рынка каршеринга в России по данным Росстата в январе–августе 2025 года вырос на 16% в годовом выражении, до 46,76 млрд руб. В Москве потребители потратили на эти услуги 45,5 млрд руб. (+17%), в Подмосковье - 107,5 млн руб. (+6%). [2].

В качестве методологии была использована институциональная стратификация шеринга: концептуальная модель, структурирующая платформы на три уровня по относительному капиталу (экономическому, социальному, культурному). Адаптация П.Бурдьё к цифровым рынкам позволяет типологизировать развитие шеринга как процесс институциональной эволюции [3].

Типологизация уровней:

- Уровень I (институциональные): Делимобиль, Яндекс.Драйв - высокое доверие благодаря государственной легитимности и масштабной верификации. Лидеры каршеринга с высоким охватом.

- Уровень II (репутационные): Whoosh, Avito P2P - среднее доверие, основанное на алгоритмах и сетевых эффектах. Активно развивают кикшеринг и C2C.

- Уровень III (локальные): ЖК-шеринг, бартер-группы - низкое доверие, опираются на коммьюнити-нормы и теневой P2P-сегмент.

Стратификация отражает закон Грешема в цифровой экономике - институциональные платформы уровня I вытесняют репутационные за счет легитимности и масштаба: 52% рынка каршеринга против нишевых сегментов. Топ-3 контролируют 90% выручки, формируя олигопольную структуру с барьерами входа для уровня III.

Экономические эффекты: Концентрация ресурсов у лидеров обеспечивает экономию на масштабе: низкие CAPEX и высокую маржу: +25–30% годовых, но тормозит инновации в регионах. Уровень II стимулирует сетевое ускорение, создавая ниши для самозанятых (P2P-72% выручки) [4,5].

Социальные эффекты: Мегаполисы аккумулируют сетевой социальный капитал через платформенные экосистемы, тогда как регионы сохраняют ограниченный доступ к институционализированным практикам шеринга. Доверие выступает ключевым капиталом масштабирования, дифференцируясь по уровням стратификации: от низкого уровня в локальных сообществах типа ЖК-шеринг до высокого в институциональных платформах - Делимобиль, Яндекс.Драйв.

Шеринг формирует новые нормы: молодежь предпочитает доступ владению из-за экономических и реже экологических причин и социальных связей. Основные барьеры, которые часто выделяют исследователи - недоверие пользователей и стигматизация «экономии как бедности». Платформы преодолевают это через многоуровневую верификацию и репутационные системы.

Перспективы и прогнозы

Рынок продолжит рост +25–30% годовых по оценкам аналитиков [6]. Институциональные платформы (уровень I) усилят доминирование за счет регуляторных преимуществ, например Mos.ID, налоговые льготы. Новые ниши: шеринг пауэрбанков, одежды, жилья продолжают масштабироваться. Социальные последствия распространения шеринга в России формируют двойственную социальную структуру: урбанистические центры аккумулируют сетевой капитал, институционализируя практики совместного потребления и создавая новые нормы мобильности. Региональные территории сохраняют традиционные модели владения, усиливая географическую стратификацию. Корпоративные платформы замещают локальное доверие институциональной легитимностью, трансформируя повседневные социальные практики мегаполисов [7].

Источники и литература

- 1) Б1. Рынок шеринга в России 2025: каршеринг и кикшеринг. Т-Банк, 2025. URL: <https://www.tbank.ru/invest/research/review/shared-mobility/> (дата обращения: 27.01.2026)
- 2) Рынок каршеринга в России, Коммерсант, 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8099447> (дата обращения: 27.01.2026)
- 3) Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002, № 5, 60–74
- 4) Smart Ranking. Выручка шеринг-сервисов +31%. ТАСС, 2024. URL: <https://smartranking.ru/ru/analytics/drugoe/sheringo-vye-servisy-mogut-vyrasti-v-vyruchke-na-31-k-koncu-goda-bystree-vseh-razvivaetsya-segment-pau/> (дата обращения: 27.01.2026)
- 5) РАЭК. Экономика совместного пользования в России 2020. URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9845/> (27.01.2026).
- 6) Бойко, С.В. , Проблемы и перспективы развития шеринговой экономики в Российской Федерации // Муниципалитет: экономика и управление. 2024. №3 (48), 7-18
- 7) Ершова, О.А., Отношение жителей мегаполиса к личному и общественному транспорту // Современная зарубежная психология, 2023, 12(1), 16-25. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120102>

Степанов Данил Вадимович
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Домохозяйство как хозяйствующий институт под давлением цифровых платформ: неоинституциональный анализ трансформации экономических ролей в России

В рамках неоинституционального подхода цифровые платформы, которые кардинально меняют структуру стимулов и трансакционные издержки, рассматриваются как новые институциональные практики, направленные на реализацию экономических функций домохозяйства. Традиционно семья как институт, минимизирующий издержки поиска, переговоров и контроля в ключевых социальных сферах, функционирует через неформальные контракты о разделении труда; однако цифровые платформы, выступая в роли институциональных предпринимателей, предлагают внешние рыночные альтернативы, тем самым вступая в прямую конкуренцию с семьёй.

Эмпирический анализ, который охватывает несколько областей, выявляет существенное давление платформ. Так, маркетплейсы и фриланс-биржи трансформируют домохозяйство, которое из замкнутой потребляющей ячейки превращается в гибридный субъект, поскольку они снижают издержки для микробизнеса, но одновременно повышают их для поддержания внутренней кооперации. Более того, сервисы доставки еды, клининга и онлайн-образования, осуществляя аутсорсинг традиционных семейных обязанностей, формализуют и дробят негласный «контракт» о ведении быта, что ведёт к его радикальной трансформации.

Вследствие этого происходит глубокая трансформация института, при которой перераспределяется внутрисемейная власть в пользу тех членов, которые лучше владеют платформенными инструментами для заработка. Индивидуализация потребления через платформы, ослабляя процессы коллективного принятия решений, подрывает солидарность, и поэтому ключевой вопрос заключается в переопределении границ и «ядерных» функций института: если быт и образование аутсорсены, то уникальной компетенцией семьи остаются долгосрочные эмоциональные инвестиции и формирование базового доверия.

Данный анализ, выходя за рамки частного вопроса, представляет собой ключевой тест для объяснительных моделей, поскольку господствующий утилитаристский подход, восходящий к Г. Беккеру и сводящий решение о рождении детей к калькуляции издержек, оказывается несостоятельным перед лицом глобального тренда. Кризис семьи, который, с позиции институционального анализа в духе К. Поланьи, является прямым следствием её «вытеснения» из социально-значимой деятельности,

усугубляется платформенной экономикой, атомизирующей её членов и подрывающей материальную основу для солидарности.

Таким образом, цифровые платформы, превращающие домохозяйство в открытую узловую точку сетевых обменов, создают новые формы социального неравенства и ведут к менеджериализации частной жизни, что ставит перед экономической социологией сложную задачу. Задача заключается в том, чтобы переосмыслить хозяйственное пространство, включив в него семью как субъект особой экономики, чему может способствовать поиск «квази-чаяновских» форм деятельности, а также диверсификация институциональных условий, поскольку развитие гибкого законодательства и новой управленческой этики, ценящей альтруистическую кооперацию, становится необходимым ответом на современные вызовы.

Источники и литература

- 1) Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
- 2) Радаев В.В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 183–200.
- 3) Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. 2014. Т. 3. № 3. С. 44–58.
- 4) Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 491 с.
- 5) Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Семьецентризм: миф или реальность? М.: МАКС Пресс, 2016. 324 с.

Судьин Сергей Александрович

*ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского", Нижний
Новгород, Россия*

Демографические последствия экономических трансформаций

Одним из наиболее частых обвинений, которые выдвигаются «эпохе перемен» ностальгирующими по дореформенным временам соотечественниками, являются претензии к состоянию и динамике демографических процессов: рождаемости, смертности, брачности и разводимости.

Снижение количества рождений, рост смертности, распространение сожительства и рост разводимости традиционно объясняются экономическими проблемами, возникшими в результате трансформаций 90-х годов прошлого века, приведшим к резкому расслоению и падению общего уровня жизни. К этой же точке зрения, по всей видимости, склоняется и власть, пытаясь регулировать рождаемость экономическими мерами. Последние данные свидетельствуют, что эта стратегия действует весьма ограниченно, хотя полностью отрицать ее эффективность было бы несправедливо. Отчасти, эта мера оправдана, поскольку дети признаются главным фактором бедности россиян, риск и масштаб которой возрастает с рождением каждого последующего ребенка.

Экономический детерминизм или, скорее, редукционизм в понимании репродуктивного поведения позволяет закрывать глаза на процессы и явления, имеющие объективную природу и вписывающие нашу страну в контекст, общий для значительной части современного мира. Новые итерации демографического перехода, снижение роли детей в экономическом благополучии домохозяйств, повышение доходов, образовательные и карьерные установки женщин, ужесточение требований к уровню жизни и потреблению – все это нельзя игнорировать при анализе демографической ситуации и выработке мер демографической политики.

Несправедливость претензий к 90-м гг. XX века становится очевидной при анализе данных динамики населения в предшествующие периоды. Так, в 1992 г. Россия достигла пика численности населения, а в 1994-1995 гг. приняла до полумиллиона русскоязычных выходцев из среднеазиатских республик бывшего СССР. Единственным по-настоящему кризисным оказался 1999 г., ознаменовавшийся минимальными показателями рождаемости и рекордно высоким разрывом в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин. И хотя в 1999 г. связь экономической ситуации с демографической была очевидна и неоспорима, особую контрастность ей придавало сравнение именно с самыми благополучными с точки зрения воспроизводства населения концом 80-х и началом 90-х гг. XX века. Если же говорить о демографических процессах 70-х и первой половины 80-х гг., то картина воспроизводства населения была достаточно близка к ситуации середины и конца 2010-х гг., но тогда она усугублялась более высокими показателями смертности от причин, которые в наше время удалось преодолеть. Кроме того, несоизмеримо выше были и показатели младенческой смертности.

Общий вывод заключается в призыве к отказу от экономической детерминации демографического кризиса и закупки детей у населения как единственной стратегии его преодоления.

Тюриков Александр Георгиевич

Финуниверситет, Москва, РФ

Добровольное пенсионное обеспечение россиян: доверие, перспективы и барьеры вовлечения

В России наблюдается устойчивый демографический тренд на увеличение численности старших возрастных групп: в 2025 году доля населения старше 65 лет составляет 18%; в среднесрочной перспективе наиболее вероятно сохранение динамики роста. В связи с этим возникает необходимость трансформации экономической и социальной политики с учетом следующих **угроз**:

1. Избыточная нагрузка на трудоспособное население создает ситуацию, в которой необходимо развитие экономической субъектности населения в сфере добровольных (негосударственных) пенсионных накоплений. Однако результаты исследования показывают, что россияне проявляют недостаточный интерес к формированию будущей пенсии в целом и к долгосрочным сбережениям, в частности. При этом наиболее популярна установка на государственный патернализм в сфере пенсионного обеспечения, согласно которой ответственность за будущую пенсию лежит на государстве (72%). Среди способов формирования будущей пенсии трудоспособное население чаще всего указывает на пассивные действия, а не на конкретные финансовые действия по формированию таких накоплений. *Первый ключевой вызов*: отсутствие заинтересованности населения в формировании долгосрочных сбережений.

2. Наблюдается недоверие к системе добровольного пенсионного страхования и ее инструментам. Практически половина россиян не доверяет государственной пенсионной системе, а еще меньшая часть – субъектам добровольного страхования. Существующая негосударственная пенсионная система у значительной части населения связана с такими качествами, как несправедливость, неспособность защитить от инфляции, отрицательна репутация. На этом фоне высокодоходные и молодые предпочитают инвестирование и собственный бизнес. *Второй ключевой вызов*: отсутствие доверия к институциональным инструментам формирования пенсионных накоплений.

3. Отсутствие навыков оценки выгод и рисков финансовых продуктов, связанных с формированием долгосрочных сбережений усиливает недоверие. Результаты глубинных интервью показывают, что люди, имеющие отрицательный опыт, не всегда были должным образом информированы при заключении договоров, не понимали механизма защиты и доходности своих накоплений. За счет отрицательного опыта формиро-

вания сбережений в период «перестройки», кризис доверия наблюдается среди действующих пенсионеров: они в большинстве своем не доверяют НПФ. Отрицательные установки могут быть транслированы от старшего поколения к молодежи.

Интегрирующей угрозой для экономической безопасности является слабая вовлеченность населения в институциональные инструменты формирования пенсионных сбережений, и, прежде всего, добровольных. В связи с этим возникает необходимость поиска способов вовлеченности целевых групп населения в программы добровольного страхования.

Прим. Анализ настоящих угроз опирается на результаты комплексного социологического исследования коллектива Финансового университета в сфере доверия и вовлеченности населения в системе добровольного пенсионного страхования. Использована комбинация эмпирических опросных методов: массового опроса 1689 опрошенных в первой волне (2024 год) и 1600 опрошенных во второй волне (2025 год), выборка репрезентует взрослое население РФ по социально-демографическим параметрам. Глубинные полуструктурированные интервью с населением проведены 1–20 февраля 2025 года. Участники исследования: 60 россиян – молодёжь, граждане среднего возраста и предпенсионного возраста.

У Ци

МГУ ВШСН, Цзилинь, Китай

Цифровой контент-менеджмент в китайских соцсетях: стратегии глобального маркетинга

В эпоху цифровой трансформации китайские социальные медиа (WeChat, Weibo, Douyin, Xiaohongshu) изменили процессы формирования идентичности брендов и взаимодействия с потребителями, интегрируя мессенджеры, электронную коммерцию, платежи и аналитические инструменты в единую экосистему. Эти платформы формируют новые стандарты цифровых коммуникаций, влияя на глобальные маркетинговые практики через алгоритмы персонализации и инновационные форматы взаимодействия.

Цель исследования — проанализировать стратегии цифрового контент-менеджмента на китайских социальных платформах и выявить их эффективность для глобальных маркетинговых стратегий. Методология включает сравнительный анализ платформ, контент-анализ кейсов кам-

паний (Dior в Douyin, Starbucks в WeChat) и синтез данных из отраслевых отчётов. Теоретическая основа — концепции цифровой трансформации и кросс-культурной адаптации.

Китайские соцсети создают замкнутую экосистему, где алгоритмы на основе искусственного интеллекта и больших данных анализируют поведенческие паттерны пользователей — длительность просмотров, лайки, комментарии, скорость прокрутки, повторные взаимодействия — формируя персонализированные информационные потоки. Кампания Dior в Douyin использовала AR-фильтры и челленджи с микроинфлюенсерами, обеспечив вирусное распространение контента и быстрый рост продаж за счёт органического охвата. Starbucks в WeChat запустил мини-программу с персонализированными предложениями и live-трансляциями, интегрированными с WeChat Pay, что обеспечило высокую конверсию через непрерывный цикл от коммуникации к покупке. Сотрудничество с лидерами мнений (KOL) и потребителями (KOC) обеспечивает аутентичность: контент инфлюенсеров воспринимается как органический, повышая доверие. Пользовательский контент (UGC) проходит платформенную валидацию и алгоритмическое продвижение, снижая затраты на продакшн. Live-трансляции создают пространство реального времени для демонстрации товаров, ответов на вопросы и эксклюзивных акций.

Главные вызовы связаны с необходимостью адаптации контента под культурные особенности разных стран: перевод символических смыслов и риторических стилей, изменение визуальных образов для соответствия местным традициям и ожиданиям аудитории. Кроме того, бренды обязаны соблюдать разные правовые нормы — в Китае это законы о кибербезопасности и цензуре, а на международных рынках — стандарты защиты персональных данных вроде GDPR.

Анализ стратегий цифрового контент-менеджмента на китайских платформах выявил их высокую эффективность для глобальных маркетинговых стратегий. Успешный опыт формирует глобальные тренды: переход к нишевым персонализированным взаимодействиям с генеративным ИИ, внедрение gamification и VR/AR-технологий, интеграция с Web3-платформами. Китайские социальные сети задают новые стандарты влияния социальных взаимодействий с коммерческим опытом, обеспечивая брендам устойчивые конкурентные преимущества в транснациональном пространстве.

Источники и литература

- 1) Алексеева Н. В. Анализ инструментов интернет-маркетинга для продвижения на рынке Китая // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 4. С. 45–50.
- 2) Баранцева А. Г., Чжэндун Ш., Немировская Е. П. Ванхун-экономика как медиафеномен социальных сетей Китая // Global and regional research. 2019. № 1. Т. 1. С. 206–209.
- 3) Гаврилова Н. И. Влияние китайской культуры на рекламные стратегии международных брендов // Вестник международных отношений. 2023. № 2. С. 112–118.
- 4) Дмитриева Е. А. Цифровой брендинг как инструмент публичной дипломатии группы стран ДАЧ // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. С. 98–103.
- 5) Иванова Т. С. Особенности интернет-маркетинга для бренда одежды в Китае // Маркетинг и логистика. 2020. № 3. С. 55–60.
- 6) Козлова М. В. Социальные медиа как маркетинговый инструмент в цифровой экосистеме // Журнал исследований в области экономики и управлени. 2022. № 5. С. 77–82.
- 7) Ли С. Тенденции развития медиарынка Китая под влиянием новых технологий // Вестник экономики и права. 2021. № 4. С. 89–94.
- 8) Морозова А. П. Развитие использования цифрового маркетинга в мировой экономике // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2. С. 101–106.
- 9) Петрова Е. Н. Изучение китайских социальных медиа-площадок и микроблогов в контексте публичной дипломатии // Международные отношения и внешняя политика. 2022. № 1. С. 65–70.
- 10) Смирнова И. В. Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2021. № 3. С. 33–38.

Фаткуллина Гульшат Рашитовна

*Институт социально-экономических исследований Уфимского
научного центра Российской академии наук, Уфа, Россия*

**Финансовая грамотность в условиях структурных
ограничений: бедность и долговая ловушка работающей
молодежи Башкортостана**

В условиях растущей долговой нагрузки и макроэкономической нестабильности финансовая грамотность приобретает амбивалентный характер. С одной стороны, она рассматривается как ключевой ресурс экономической устойчивости, с другой – может трансформироваться в фактор риска, создающий иллюзию контроля на фоне структурного неравенства. Целью представленного исследования является эмпирический анализ роли финансовой грамотности в воспроизводстве и преодолении бедности среди работающей молодёжи Республики Башкортостан.

Эмпирическую основу составили данные репрезентативного опроса ($n=678$ респондентов 18-35 лет). Анализ выявил структурный характер молодёжной бедности в регионе. Её ядро формируют не маргинализированные группы, а занятые по найму лица 30-35 лет, имеющие высшее или среднее профессиональное образование и высокую иждивенческую нагрузку. Парадоксальным образом, наличие высшего образования не страхует от попадания в группу с доходами ниже прожиточного минимума: среди бедной молодёжи выпускники вузов составляют 40,5%. Это указывает на системные диспропорции регионального рынка труда, включая низкий уровень оплаты в бюджетном секторе и слабую связь между уровнем образования и доходом.

Критическим фактором, усугубляющим бедность, выступает долговая нагрузка. Более половины (54,7%) низкодоходной молодёжи тратят на обслуживание долгов свыше 30% семейного бюджета, а для 24% эти расходы превышают 50%. Это формирует «долговую ловушку», которая блокирует возможности для сбережений и деформирует финансовое поведение, вынуждая к стратегиям выживания, таким как использование кредитов для покрытия текущих базовых потребностей.

Сравнительный анализ индикаторов финансового поведения и грамотности показал системное отставание низкодоходной группы. Наличие сбережений у них более чем в два раза ниже, чем в среднем по выборке (13,3% против 27%). При этом разница в участии в программах финансовой грамотности минимальна (28,0% против 30,6%), что опровергает тезис о недостаточной информированности как основной причине проблем. Результаты свидетельствуют, что в условиях структурного дефицита доходов формальная финансовая грамотность утрачивает функцию ресурса преодоления бедности, поскольку главным барьером является не отсутствие знаний, а отсутствие финансовых возможностей для их практической реализации.

Таким образом, исследование верифицирует тезис о двойственной природе финансовой грамотности в контексте структурных ограничений. Практический вывод заключается в необходимости смещения ак-

цента с универсальных программ финансового просвещения на адресные меры социально-экономической политики. Они должны комплексно сочетать инструменты снижения долговой нагрузки (консультации, реструктуризация), повышения доходов (переобучение, поддержка предпринимательства, содействие трудоустройству) и территориального развития для снижения межпоселенческой дифференциации в Республике Башкортостан.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01228 «Региональный профиль бедности основных социально-демографических групп населения в условиях нестабильности социально-экономического развития»).

Источники и литература

- 1) Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
- 2) Каримов А. Г. Особенности и динамика ресурсного потенциала «работающих бедных» (на примере социологического исследования в Республике Башкортостан) // Социодинамика. – 2020. – № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34690
- 3) Тарасова А. Н. Оценка рисков и угроз для молодежи на региональном рынке труда (на примере Свердловской области) / А. Н. Тарасова, Н. А. Черных // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019 Том 5 № 4 (20). С. 52-75. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-52-75
- 4) Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. N. Y.: Columbia University Press, 1964. 187 p.
- 5) Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. N. Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.
- 6) Lusardi A., Mitchell O. S. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. 2014. Vol. 52. № 1. P. 5-44.
- 7) Martin R. Financialization of Daily Life. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 258 p.
- 8) OECD/INFE 2020 International Survey of Adult Financial Literacy. Paris: OECD Publishing, 2020. URL: <https://www.oecd.org/financi>

al/education/launchoftheoecdinfeglobalfinancialliteracysurveyreport.htm (дата обращения: 20.09.2025).

- 9) Willis L. E. Against Financial Literacy Education // Iowa Law Review. 2008. Vol. 94. P. 197-285. URL: <https://ilr.law.uiowa.edu/print/volume-94-issue-1/against-financial-literacy-education/> (дата обращения: 19.09.2025).

Фурсов Андрей Викторович

РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Финансовая грамотность: важность стратификационного подхода

За последние 15 лет финансовая грамотность (далее ФГ) стала обсуждаемым концептом, преимущественно среди экономистов и педагогов, однако её социологическое осмысление часто остается на втором плане. Существующие методики зачастую измеряют ФГ через стандартизированные индексы, постулирующие универсальные советы: «откладывайте», «инвестируйте», «диверсифицируйте». Такой подход игнорирует социальную неоднородность, сводя проблему к личной некомпетентности.

Данные о доходах (медианный доход в РФ ~40 тыс. руб (Росстат, 2023); почти 30% граждан живут «от зарплаты до зарплаты» (опрос «финансы.mail.ru) и т.д.) показывают, что для значительной части населения базовые рекомендации по сбережениям структурно недоступны. Когда доходы системно, ввиду структурных ограничений, не покрывают расходы, стратегии накопления и инвестирования теряют смысл. Низкий уровень ФГ — не только вопрос компетенций, но и следствие объективно заданных классовых ограничений.

Предлагаемый стратификационный подход опирается на социологическую классику, а также развивает её. Так, от П. Сорокина и М. Вебера мы берём сам принцип многомерной стратификации и ключевую роль дохода как объективного критерия неравенства. Однако для понимания того, как структурное давление трансформируются в повседневные практики, дополним его иными теориями: теория структуризации Э. Гидденса, показывающая, как структуры одновременно формируют и формируются повседневными практиками; теория П. Бурдьё, чьи концепции габитуса и капитала объясняют воспроизводство социального неравенства через инкорпорированные диспозиции в рамках полей.

Таким образом, предлагается дифференциация структуры ФГ для различных страт.

Для групп с низкими доходами: ФГ как грамотное выживание. Ключевые компетенции: бюджетирование в условиях дефицита, доступ к мерам господдержки, критическая оценка опасных продуктов (микрозаймы). Цель — не накопление, а предотвращение усугубления положения.

Для среднего класса: ФГ как рациональное потребление и управление долгом. Акцент на кредитной грамотности, осознанном выборе банковских продуктов, стратегиях избегания долговой ловушки и т.д.

Для высокодоходных групп: ФГ как управление капиталом. Релевантны знания об инструментах фондового рынка, диверсификации, налоговом планировании. Здесь ФГ работает как инструмент умножения капитала и участия в финансировании экономики.

Тем не менее, стратификация не отменяет общего ядра ФГ, актуального для всех: защита от мошенничества, умение читать договоры, понимание природы процентов, отсутствие импульсивных трат (особенно, которые усугубляют здоровье, как алкоголь).

Предлагаемый подход преодолевает разрыв между абстрактными рекомендациями и реалиями. Он отказывается от подхода, возлагающего на индивида всю ответственность за преодоление системных ограничений, и предлагает практико-ориентированную систему знаний, релевантную его социальному положению. Это повышает эффективность программ повышения ФГ, делая их справедливыми и адресными.

Источники и литература

- 1) Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17. – №. 5. – С. 13-29.
- 2) Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество/общ. ред., сост. и предисл. АЮ Согомонов: пер. с англ. М. – 1992.
- 3) Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. – 2005.
- 4) Пьер Б. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – №. 2. – С. 44-59.
- 5) Каждый второй россиянин живет от зарплаты до зарплаты. // Коммерсант - 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6309422?ysclid=mkzp1vaody641832434>
- 6) Стало известно, сколько россиян копят деньги. // Газета.ру - 2025. https://www.gazeta.ru/business/news/2025/09/30/26838854.shtml?ysclid=mkzp1w0dfw214039857&utm_auth=false

- 7) Как в России распределяются доходы населения. // РБК - 2024.
URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/05/2024/664c65cb9a79473d52d9bff4>

Черепанова Мария Ивановна

*ФБГОУ ВО "Алтайский государственный университет, Барнаул,
Россия*

Сбережение российского населения

Актуальность проблемы народосбережения обусловлена необходимостью минимизации и преодоления ускоренной депопуляции российского населения, которая является главной угрозой национальной безопасности страны. Значительная гетерогенность российских территорий требует дифференцированных региональных решений демографических проблем [1]. Предметом анализа явились глобальные и региональные детерминанты ухудшения экологии населения страны, провоцирующие стремительную депопуляцию РФ в последние десятилетия. Согласно полученной регрессионной модели, такими факторами явились: социально-демографические характеристики, включившие преимущественно мужчин, имеющих средне-профессиональное образование. Жители сельской местности в большей степени, чем горожане подвержены негативным стратегиям самосохранительного поведения [2]. Жители, находящиеся в ситуации развода или вдовства также более уязвимы в контексте неблагоприятных форм разрушительного девиантного поведения. Социально-экономические показатели, включающие низкий материальный статус жителей, неуверенность в завтрашнем дне, безработицу, опасение потери работы, вносят значительный совокупный вклад в негативные поведенческие стратегии населения [3]. Социально-психологическое самочувствие жителей приграничных территорий, объединяющее разные формы неудовлетворенности базовыми аспектами жизнедеятельности в регионе, обуславливают социально-психологическую фрустрированность и стимулируют негативные паттерны демографического поведения. Разнообразные девиации, такие как: нанесение повреждений себе ради удовольствия, идеи; занятия проституцией; алкогольная зависимость; употребление нелегальных подпольных алкогольных изделий; употребление наркотиков инъекционным путем и другие девиации на статистически значимом уровне провоцируют саморазрушающее поведение граждан, вносят значительный вклад в неестественную смертность российского

населения. Народрсбережение должно стать базовым направлением современной российской социальной политики. Минимизация депопуляции российского населения должна базироваться на следующих аспектах: комплексном повышении социально-экономического благополучия россиян; введении оценочного индикатора- «ожидаемая продолжительность здоровой жизни» - это число лет, которое останется, если вычесть из ее общей длины время тяжелых болезней. [3].

Источники и литература

- 1) Черепанова, М.И. Регрессионная модель здоровья населения российских регионов. Вопросы безопасности. 2023, 4, 111 - 125. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.4.39112 [Электронный ресурс]: Режим доступа URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=3911 (дата обращения 18.03.25)
- 2) Cherepanova M. I. Social Well-Being as an Integral Characteristic of the Secure Functioning and Sustainable Development in Regions. Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research, Lecture Notes in Networks and Systems, 2023, с. 417-424.
- 3) Cherepanova M. I. Human Capital and Problems of Russian Human Ecology. Complex Social Systems in Dynamic Environments. Advanced Theories, Innovative Methods, and Interdisciplinary Research Results. Cham, 2023. с. 405-411

Черкашина Ирина Анатольевна

*Институт горного дела Дальневосточного отделения РАН,
Хабаровск, Россия*

Горнодобывающие проекты как фактор социальной трансформации региона (на примере Хабаровского края)

В тезисах представлен анализ роли горнодобывающих проектов в социально-экономическом развитии Хабаровского края. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки влияния масштабных инвестиций в добычу минерального сырья на социальное благополучие региона. Методологической основой послужили анализ статистических данных, экономический анализ и социологическая интерпретация фактов.

Установлено, что горнодобывающая отрасль оказывает комплексное воздействие на экономику края. Несмотря на долю в ВРП около 8% (2024 г.), сектор демонстрирует устойчивый рост показателей добычи ключевых видов полезных ископаемых. За 9 месяцев 2025 г. налоговые отчисления в бюджет превысили 26 млрд руб., что на 11,5 млрд руб. больше показателей предыдущего года. Масштабные инвестиции выступают мощным драйвером развития горной промышленности и освоения ранее слаборазвитых территорий [1, 2, 3].

Экономические процессы запускают глубокие социальные изменения, затрагивая, например, рынок труда и человеческий капитал. Планируемое создание на горнодобывающих объектах более 15 тыс. рабочих мест до 2030 г. стимулирует трудовую миграцию, включая привлечение не только вахтовых специалистов, но и интеграцию дальневосточного населения, для которого создается система профессиональной горнопромышленной подготовки, что в дальнейшем может быть фактором «социального лифта» для молодого поколения [4, 5].

Влияющим фактором также является развитие транспортной инфраструктуры. Ведь добывающие проекты стимулируют создание крупных объектов (Тихоокеанская железная дорога), что повышает транспортную доступность региона. В рамках корпоративной социальной ответственности (КСО) горные компании строят различные социальные объекты, выполняя частично государственные функции и становясь ключевыми действующими лицами на территориях присутствия [6, 7].

Наряду с положительными эффектами, также выявлены ключевые риски и вызовы. Основной из них – дефицит минерально-сырьевой базы (запасы рудного золота на 8 лет, россыпного – на 5 лет), что в перспективе угрожает упадком созданной инфраструктуры. Важно также отметить трудности, связанные с инфраструктурным и энергетическим обеспечением перспективных месторождений, находящихся в отдаленных районах края [7].

Заключение. Для устойчивого развития региона необходим комплексный подход. Предлагается стимулировать геологоразведку силами действующих компаний при развитии механизмов общественного контроля, создавать программы кадрового обеспечения с ориентацией на региональное население и опережающими темпами развивать энергетическую инфраструктуру. Реализация этих мер позволит сформировать в крае сбалансированный, социально ответственный хозяйственный комплекс.

Источники и литература

- 1) Дальневосточное обозрение. К 2028 году Минэкономразвития Хабаровского края прогнозирует рост ВРП на 11% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dvobozrenie.ru/news/vrp-habarovskogo-kraja> (дата обращения: 10.11.2025).
- 2) Добывающие предприятия активно пополняют бюджет Хабаровского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prokhab.ru/dobывayushhie-predpriyatiya-aktivno-popolnyayut-byudzhethabarovskogo-kraja> (дата обращения: 10.11.2025).
- 3) Дальневосточное обозрение. Регион наращивает производство золота, олова и меди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dvobozrenie.ru/news/dobycha-zolota-v-habarovskom-krae> (дата обращения: 10.11.2025).
- 4) Краснов О.С., Салихов В.А. Влияние кластеров на экономическое и социально-экологическое развитие горнопромышленных регионов и на переход к новым технологическим укладам // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2021. – № 56. – С. 81-96.
- 5) Кузнецов Д.С. Сбалансированность социально-экономического развития северных регионов в связи с освоением минерально-сырьевых ресурсов на примере Республики Коми // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24. – № 8. – С. 221-236.
- 6) Крюков В.Г. Экономика горного комплекса в зонах реализации инфраструктурных проектов в Хабаровском крае / В.Г. Крюков, И.А. Краденых // Региональные проблемы. – 2022. – Т. 25, № 3. – С. 124–126.
- 7) Рамазанова Э.А., Игнатенко И.В., Власенко С.А. Перспективное развитие энергосистем на примере регионов Дальневосточного федерального округа // Транспорт Азиатско-Тихоокеанского региона. – 2025. – № 2 (43). – С. 71-77.

Чернега Валерия Валерьевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальные ожидания молодого поколения на рынке труда как индикатор трансформации трудовых отношений в России

Моя исследовательская работа посвящена анализу социальных ожиданий поколения Z при выходе на рынок труда как индикатора глубин-

ных трансформаций в сфере трудовых отношений в современной России. Ключевая проблема заключается в растущем разрыве между высокими, сформированными в цифровую эпоху запросами молодежи и реальными возможностями, которые предоставляет им рынок, особенно в регионах.

Поколение зумеров, выросшее в условиях тотальной цифровизации и глобализации, демонстрирует принципиально новую систему трудовых ценностей. Для них работа перестала быть исключительно источником дохода, превратившись в важнейший инструмент самореализации и личностного развития. Их ключевые ожидания от работодателя включают не только достойную оплату, но и гибкий или удалённый график, возможность быстрого карьерного роста, интересные задачи, социальную значимость деятельности и внимательное отношение к психологическому комфорту.

Однако реальность рынка труда зачастую оказывается иной. Молодые специалисты сталкиваются с жёсткими корпоративными структурами, бюрократией, преобладанием вакансий с традиционным полным рабочим днем в офисе и завышенными требованиями при скромных стартовых окладах. Это противоречие обостряется ярко выраженной региональной асимметрией.

Проведённое мной сравнительное исследование Москвы и Брянска наглядно это демонстрирует. В столице зарплатные ожидания молодежи на старте карьеры существенно выше (в среднем 62 тыс. рублей против 50 тыс. в Брянске), сильнее выражена ориентация на карьерный рост, корпоративные бонусы вроде ДМС и оплаты обучения. В Брянске же, при более скромных финансовых запросах, выше ценность стабильности, а удалённая работа рассматривается не просто как предпочтение, а часто как необходимая компенсация дефицита местных качественных вакансий. Налицо структурный дисбаланс: молодёжь в обоих городах проявляет наибольший интерес к сферам ИТ, финансов и творческих индустрий, в то время как рынок, особенно в регионе, не может предложить им адекватного количества рабочих мест в этих сегментах.

На мой взгляд, социальные последствия этой нарастающей диспропорции носят глубокий и комплексный характер. Во-первых, это ведёт к массовой профессиональной неудовлетворённости, высокой текучести кадров среди молодёжи и раннему эмоциональному выгоранию. Во-вторых, усугубляется проблема регионального неравенства: талантливая и амбициозная молодёжь из регионов вынуждена рассматривать переезд в крупные центры как единственный способ реализации своих запросов, что усиливает депопуляцию и ослабляет человеческий капитал целых областей. В-третьих, возникает феномен прекаризации - ро-

ста неустойчивой, неформальной занятости (фриланс, проектная работа) без социальных гарантий, что становится вынужденной адаптацией к негибкому рынку. Наконец, формируется конфликт поколений в корпоративной среде между ценностями зумеров и устоявшимися практиками старших коллег.

Таким образом, выход на рынок труда поколения зумеров с высокими ожиданиями актуализирует необходимость постепенной, но системной адаптации самих трудовых отношений. Для снижения напряжённости между ожиданиями молодёжи и возможностями рынка важна встречная трансформация со стороны работодателей и институтов поддержки. Ключевыми шагами видится более широкое внедрение гибких форматов занятости, пересмотр подходов к мотивации и карьерным траекториям, а также развитие инфраструктуры для эффективной удалённой работы. Для регионов особое значение приобретает целевая поддержка перспективных отраслей, способных создать привлекательные для молодёжи рабочие места. Такая адаптация позволит не только эффективнее использовать потенциал нового поколения, но и смягчить текущие дисбалансы на рынке труда.

Источники и литература

- 1) Российское «поколение Z»: установки и ценности. Сборник Фонда имени Фридриха Эберта. Москва, 2020. С. 120.
- 2) ЛАНИТ. Мифы и реальность о поколении зумеров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inp.ru/.files/408/2_backup.pdf (дата обращения 30.01.2026)
- 3) Взаимоотношения организации и работников: тенденции, проблемы, решения: Коллективная монография / Под редакцией Е. Г. Ксенофонтовой. – Москва : ООО "МАКС Пресс", 2021. – 176 с. – ISBN 978-5-317-06588-1. – EDN DURKPH.
- 4) Аранжин В. В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости / В. В. Аранжин, Е. В. Нехода // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 1. С. 166-168.
- 5) Анфиногентова М. Д. Особенности поколения Z на рынке труда / М. Д. Анфиногентова, О. С. Андреев // Modern Science. – 2020. – № 12-4. – С. 31-34. – EDN OWJJZZ.

Сравнительный анализ карьерных стратегий в контексте экономических трансформаций в России и Китае

Изучение карьерных стратегий представляет собой не только прикладную задачу управления человеческими ресурсами, но и ключевое направление в социологии труда и экономической социологии, позволяющее диагностировать глубинные последствия масштабных социально-экономических трансформаций. В современной России, спустя три десятилетия после начала рыночных реформ, сохраняется очевидный парадокс: несмотря на широкое распространение в публичном дискурсе и корпоративной риторике ценностей «гибкости», «мобильности» и «проектной карьеры», наблюдается устойчивый, а в периоды кризисов и усиливающийся, спрос на «стабильную» работу в государственном секторе. Это противоречие указывает на незавершенность процессов трансформации трудовых отношений и на существование глубоких структурных факторов, продолжающих определять жизненные выборы россиян.

Сравнительный анализ с Китаем, страной, также пережившей переход от плановой экономики, но избравшей принципиально иную траекторию реформ, выступает мощным аналитическим инструментом. Он позволяет вычленить специфическое влияние типа и характера институциональных изменений на формирование моделей экономического поведения. Таким образом, центральный исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом различия в путях системной трансформации («шоковая терапия» в России против «постепенных реформ» в Китае) сформировали различные институциональные контексты, которые, в свою очередь, породили системные различия в доминирующих карьерных стратегиях населения?

Концептуальный фундамент исследования образует синтез нескольких перспектив. В рамках неоинституционального подхода (В.В. Радаев, Р. Нудель), который в российской традиции акцентирует роль неформальных правил и стратегий адаптации в условиях институциональной неопределённости (Радаев, 2005), карьерные стратегии рассматриваются как рациональные ответы на сложившийся комплекс формальных (законы, контракты) и неформальных (социальные нормы, доверие) «правил игры». Трансформация понимается как процесс смены институциональных матриц, создающий новые возможности и ограничения.

Социология риска (У. Бек) дополняет эту картину, фокусируясь на том, как макропроцессы (глобализация, индивидуализация) переводят системные противоречия в плоскость индивидуальной ответственности.

В условиях распада традиционных систем социальной защиты (советской системы гарантированной занятости и социальных благ) индивид вынужден становиться «предпринимателем» собственной карьеры, самостоятельно управляя рисками занятости, нестабильности доходов и профессиональной устарелости.

Ключевым для данного исследования является понятие «карьерной стратегии». Мы определяем ее как устойчивый, социально и культурно обусловленный комплекс практик, связанных с занятостью, трудовой мобильностью, инвестициями в специфический и общий человеческий капитал, а также мобилизацией социальных сетей для достижения профессиональных целей и обеспечения долгосрочной социальной безопасности.

Исходные условия трансформации в двух странах радикально различались. В России радикальная либерализация и приватизация начала 1990-х сопровождались глубоким институциональным разрывом. Это привело к катастрофической эрозии общественного доверия не только к государству как гаранту благосостояния, но и к работодателю как к надежному агенту. Опыт этого периода, детально описанный в работах по социальной стратификации и бедности (Тихонова, 2003), сформировал у значительной части населения, особенно старших когорт, устойчивую установку на фундаментальную ненадежность любых долгосрочных социальных контрактов.

В Китае реформы, начатые в конце 1970-х, носили постепенный, экспериментальный и управляемый сверху характер. Ключевым отличием стало сохранение сильной, централизованной роли партийно-государственного аппарата в управлении экономическими процессами. Это позволило не демонтировать, а медленно реформировать «островки стабильности» – крупные государственные предприятия (ГП) и правительственные учреждения, одновременно открывая новые рыночные ниши (особые экономические зоны, частный сектор). В результате сформировался уникальный «двухколейный» режим занятости, где стратегии, ориентированные на традиционную «стабильность» (госсектор), и стратегии, ориентированные на рыночную «гибкость» и высокие доходы (частный сектор), легитимно сосуществуют и институционально поддерживаются.

Эмпирические данные позволяют выделить две доминирующие, идеально-типические модели. В России утвердилась модель, которую можно охарактеризовать как «оборонительную или вынужденную гибкость». Глубокое недоверие к способности или желанию организаций (и государства) выполнять долгосрочные обязательства ведет к экстерна-

лизации карьеры. Профессиональная безопасность и рост связываются не с продвижением внутри одной организации, а с накоплением переносимых навыков, сертификатов и расширением сети внешних контактов. Частая смена работы (добровольная или вынужденная) воспринимается не как признак нелояльности, а как рациональная необходимость для поддержания конкурентоспособности и роста доходов. Широкое распространение получает «портфельный» подход к занятости: совмещение нескольких работ, фриланс и др. В Китае наблюдается более сложная картина «расчетливого гибридизма» или «стратегической диверсификации». Феномен «жэнькао» (национальные экзамены на госслужбу), принимающий масштабы социального явления, однозначно свидетельствует о чрезвычайно высокой ценности институционализированной, гарантированной государством стабильности, которая ассоциируется не только с надежным доходом, но и с социальным статусом, льготами и пенсией. Однако параллельно в динамичных рыночных секторах (ИТ, электронная коммерция, финансы) высоко ценятся и вознаграждаются мобильность, инновационность и готовность к риску. Многие профессионалы, особенно из поколения миллениалов, строят карьеру не по принципу жесткого выбора «или-или», а по принципам «последовательной сегрегации» (сначала – бороться и зарабатывать в частном секторе, затем – стабилизироваться в госсекторе) или «семейной диверсификации рисков» (один супруг работает в госструктуре, обеспечивая базовую стабильность и социальный капитал семьи, другой – в частном бизнесе, максимизируя доход).

Выявленные модели модифицируются под влиянием важных посреднических переменных.

Поколенческий разрыв в восприятии гибкости на российском рынке труда находит подтверждение в исследованиях трудовых ценностей и установок (Ядова, 2009). Представители «трансформационного» поколения часто воспринимают «гибкость» как вынужденное и нежелательное зло, носящее травматический оттенок. Молодежь, не заставшая советскую систему, адаптируется к ней как к объективной данности, хотя в их нарративах также часто звучат мотивы незащищенности. В Китае же молодежь, выросшая в эпоху экономического бума, часто рассматривает «гибкость» и предпринимательство как активную, желаемую стратегию для достижения быстрого успеха («китайская мечта»), имея при этом в виду возможность «отступления» в госсектор как запасной, легитимный вариант.

Социальный капитал. В российском контексте неформальные сети («свои», «знакомые») часто выполняют компенсаторную или замещаю-

щую функцию, помогая обходить неэффективные формальные институты трудоустройства, получать доступ к информации о «скрытых» вакансиях или решать проблемы в бюрократических системах. В Китае система «гуаньси» представляет собой более формализованный и глубоко укорененный инвестиционный актив. Выстраивание и поддержание отношений является осознанной, требующей времени и ресурсов, частью карьерной стратегии. Проведенный сравнительный анализ подтверждает центральную гипотезу о том, что тип и скорость социально-экономической трансформации выступают критическим макрофактором, формирующим карьерные ландшафты и модели поведения на микроуровне. «Шоковая терапия» в России, сопряженная с резким институциональным разрывом, привела к доминированию оборонительной, экстернализированной «гибкости». Эта стратегия является в значительной степени адаптивной реакцией на коллапс институтов, обеспечивавших коллективную стабильность, и отражает перенос рисков и ответственности на индивида. Постепенные, управляемые реформы в Китае создали условия для формирования гибридного режима, где стратегии, ориентированные на «стабильность» (как наследие и институциональный продукт), и стратегии, ориентированные на «гибкость» (как ответ на новые рыночные возможности), не исключают, а дополняют друг друга, комбинируясь на основе сложного индивидуального и семейного расчета.

Таким образом, данное сравнение не только проясняет социальную природу современных карьерных стратегий в двух крупнейших постсоциалистических странах, но и открывает новые горизонты для понимания того, как общества, имеющие общее историческое прошлое, конструируют различные «будущие труда» в условиях глобальной неопределенности.

Источники и литература

- 1) Радаев В.В. (2005). Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- 2) Константинова Л. В. Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М. : летний САД, 2003. 408 с // ЖИСП. 2004. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tihonova-n-e-fenomen-gorodskoy-bednosti-v-sovremennoy-rossii-m-letniy-sad-2003-408-s> (дата обращения: 29.01.2026).
- 3) Ядова Е.Н. (2009). Поведенческие установки постсоветского поколения: трудовые ценности и карьерные стратегии // Социологические исследования, № 5. С. 37-48.

Шипунова Ольга Дмитриевна
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg,
Россия

Экологические императивы и геосоциальность эпохи постмодерна

Проблемы развития глобального мира как единой планетарной системы в 21 веке связаны с неопределённостью перспектив неограниченной технологической модернизации, усиливающей антропогенное воздействие на природные системы. В этом контексте экологические императивы соотносятся с принципами эффективности, согласованности и достаточности, определяющими концептуальную основу стратегии устойчивого развития. Императив экологической эффективности предполагает, что повышение энерго- и материалоемкости производственных процессов должно способствовать снижению воздействия на окружающую среду без ограничения производства, потребления и экономического роста. В качестве альтернативы предлагается принцип достаточности, подчеркивающий необходимость сокращения производства и потребления. Принцип согласованности (коэволюции), который подчеркивает несоответствие между промышленным и естественным метаболизмом, выступает важнейшим императивом стратегии устойчивого развития, поскольку эффективность и достаточность не способны продлить промышленное производство в неопределённом будущем. Выявляется различие между параметрами устойчивости, определяющими цели в межпоколенческой и внутрипоколенческой стратегии. В частности, Хартманн [1] акцентирует экологические императивы на уровне межпоколенческих прогнозов устойчивого развития и принцип справедливости как императив внутрипоколенческой стратегии.

Проблема сохранения планетарных границ жизни на Земле в эпоху постмодерна связана с формированием нового типа социальности, в основании которой лежат экологические императивы. Публичные обсуждения изменения климатического режима, пандемии и других глобальных вызовов формируют новый уровень общности в виде геосоциальности [2]. Анализ экологических императивов эпохи постмодерна позволяет раскрывать содержание геосоциальности в различных контекстах. Так, характеристиками структуры геосоциальности выступают параметры экологической идентичности, которые не конкретизируются и используются на уровне интуитивного понимания [3].

Источники и литература

- 1) Hartmann, E. 2025. "Sustainability Strategies: What's in a Name? A Conceptual Restatement of Fundamental Mechanisms Toward Sustainability". Sustainable Development, article sd.3443. Volume33, Issue4, August 2025, Pages 5983-5997<https://doi.org/10.1002/sd.3443>
- 2) Герасимова И.А. От модернизации к экологизации. Геоэкология и геосоциальность // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 8–21.
- 3) Mosanya M., Kwiatkowska A. New Ecological Paradigm and third culture kids: Multicultural identity configurations, global mindset and values as predictors of environmental worldviews // International Journal of Psychology. 2023. Vol. 58, no. 2. P. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12887>

Юрасова Мария Владимировна

МГУ им. М.В.Ломоносова, г Москва, Россия

Рынок труда для специалистов по эмпирической социологии

Результаты эмпирических исследований играют важную роль для принятия управленческих решений. Эти решения касаются различных процессов: разработки стратегии развития (региона, организации, товара и др.), маркетинговых исследований, изучения удовлетворенности клиентов, персонала, общества (стейкхолдеров, территории) и многих других. Важный вопрос – это качество проведения самого эмпирического исследования, что влияет на качество получаемого результата, и, следовательно, качество принимаемого решения.

Любой современный специалист в области проведения эмпирических исследований должен иметь хорошую базу в области теоретической, методологической и методической подготовки. Более того, специалист должен иметь своеобразную «начитанность» результатов исследований коллег, а также понимать дальнейшие действия по преобразованию эмпирического результата в конкретное исследовательское решение. Важно не только иметь знания о методах и способах их применения, возможностях инструментария по сбору и обработке информации, но и успешно этим пользоваться. Помимо методических знаний, целесообразно внимательно следить за рынком: партнерами, конкурентами, коллегами. То есть перенимать лучший опыт (бенчмаркинг), быть в тренде развития в профессии, а также быть осведомленным и обученным на чужих ошибках, минимизировать риски.

Примерно 10% выпускников с дипломом социолог, могут найти работу по реализации полевых работ (эмпирических исследований), что, в целом, соответствует запросам рынка. К ним предъявляются высокие требования знания методологии и владения методиками качественной и количественной стратегии исследования, умения проводить опросы различного уровня (массового, экспертного, фокусированного группового и др.); владения методами обработки информации.

Примерно 10-15% выпускников устраиваются в компании, где социологические (маркетинговые, политические) исследования возлагаются в качестве одной из составляющих общего перечня компетенций для сотрудника, а периодическое проведение эмпирических исследований по внутреннему заказу компании с заданной периодичностью или по графику входит в должностные обязанности. Ставится сложная задача совместить профессиональные знания с умениями и навыками в области организации и управления эмпирическими проектами.

Владение арсеналом эмпирических методов требуется социологам в органах государственного и муниципального управления. Несмотря на то, что в должностных требованиях указано умение проводить социологические исследования, по факту, сотрудник не имеет права проводить полевую работу самостоятельно. Он должен заказать проведение эмпирических исследований на конкурсной основе организациям, уметь формировать техническое задание, читать и оценивать технические предложения, заказывать и проверять информацию, получаемую от компаний, специализирующихся на проведении социологических исследований. Подтверждение этого тезиса можно увидеть на сайте госзакупок, где аккумулированы запросы к исследовательским компаниям.

Таким образом, современное социологическое образование, востребованное на рынке труда, должно включать компетенции по методологии и методике проведения полного цикла исследования, в том числе обработку и интерпретацию полученных данных, а также умение управлять исследовательским проектом.

Яковлева Тамара Владимировна

*ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена", Санкт-Петербург, Российская Федерация*

**Социальный капитал в цифровую эпоху:
экономико-социологический анализ новых паттернов
молодежного потребления**

Современная экономическая социология фиксирует новые формы связи экономического поведения и социальной стратификации. Переход к экономике впечатлений, где ценностью становится персональный опыт, и трансформация цифровизации в социальный институт требуют пересмотра классических подходов к статусной идентичности молодежи. Ценностные ориентиры молодого поколения смещаются в сторону скорости, гибкости и персонализации. Потребление становится «перформативным актом» по производству цифрового контента [1, с. 15]. Выбор определяется уже не утилитарными свойствами товара, а его потенциалом как символического ресурса для конструирования социальной реальности в медиасреде.

Актуальность исследований поведенческой экономики в данном аспекте сложно переоценить. Она позволяет деконструировать иррациональные, на первый взгляд, модели поведения (как, например, готовность переплачивать за «эксклюзивный» опыт ради его демонстрации), выявляя когнитивные искажения, социальные предубеждения и эмоциональные триггеры, которые лежат в основе новых статусных иерархий. Понимание этих механизмов необходимо для анализа того, как в цифровой среде формируются новые социальные нормы рациональности.

Эмпирические данные, полученные в результате опроса студенческой молодежи (N=78), подтверждают эти теоретические построения. Так, 45% респондентов признают, что большое количество подписчиков повышает авторитет человека в их глазах, а 32% рассматривают карьеру блогера как более предпочтительную по сравнению с традиционными траекториями. Более 28% готовы платить премию за доступ к «закрытым» событиям, причем ключевым мотивом зачастую является не само потребление впечатления, а возможность его последующей репрезентации в социальных сетях для укрепления своего цифрового капитала.

Выводы свидетельствуют о глубокой трансформации системы статусного потребления. Это ставит перед системой образования новые вызовы и задачи. Формирование у студентов компетенций, актуальных для новой экономики, должно идти рука об руку с образованием в области рационального и ответственного потребления. Необходимо развивать критическое мышление, позволяющее отличать подлинную ценность от симулякра, навязанного алгоритмами и стремлением к виртуальному статусу. Таким образом, синтез подходов экономической социологии, поведенческой экономики и педагогики становится ключом к пониманию и формированию адаптивных моделей экономического поведения нового поколения в условиях цифровой реальности.

Источники и литература

- 1) Иванов С. Ю., Иванова Д. В., Чвякин В. А. Виртуальный человеческий капитал и профессиональная адаптация молодежи // Социодинамика. — 2023. — № 6. — С. 1–21.

«3. Становление социологии коммуникаций в России: основные школы и перспективы (руководитель – д.с.н., проф. А.К. Мамедов)»

Абабкова Марианна Юрьевна

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ) им. В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

**Контент, сгенерированный искусственным интеллектом:
актуальные направления исследований**

Развитие нейронных сетей и искусственного интеллекта оказывает непосредственное влияние на индустрию маркетинга и коммуникаций. Согласно исследованиям, осведомленность о том, что контент создается с участием искусственного интеллекта, не снижает уровень удовлетворенности потребителя и не влияет на его готовность платить за контент [1].

Пока искусственный интеллект на данном этапе своего развития не может участвовать в реализации самостоятельного творческого процесса, однако активная и динамичная природа алгоритмов искусственного интеллекта может изменить нормы и динамику общения людей.

Исследование того, как потребители воспринимают созданный человеком контент и сгенерированный искусственным интеллектом позволяет использовать потенциал этой технологии, снижая при этом ее потенциальные риски и подводные камни.

Изучение соответствия сгенерированного контента предпочтениям предполагаемых пользователей, его привлекательности и способности привлекать внимание пользователей к продукту и, таким образом, в определенной степени способствовать продажам продукции связано с интеграцией методов нейромаркетинга для выявления подсознательных предпочтений и повышения прогнозируемого успеха коммуникационных кампаний [2]. Айттрекинг в коммуникационных исследованиях позволяет глубже понять поведение потребителей и создавать более эффективные рекламные сообщения. Например, показатели отслеживания взгляда, такие как фиксация, саккады и размер зрачка, эффективно измеряют эмоциональное возбуждение и когнитивную нагрузку на потребителя при

восприятии сгенерированного контента. Кроме того, различия в восприятии контента мужчинами и женщинами позволяют выявить когнитивные стратегии полов, что может быть использовано при разработке более эффективных коммуникаций [3]. Например, было установлено, что при определении сгенерирован ли контент искусственным интеллектом или нет, одна из стратегий пользователя заключается в оценке таких аспектов изображения, как тип текстуры, освещение или другие низкочастотные характеристики. Другой предполагаемый метод определения подлинности изображения заключается в определении того, содержит ли оно объекты или ситуации, которые вряд ли могут возникнуть в реальном мире, или какие-либо конфабуляции.

Синтетические изображения человека как мощный инструмент воздействия на потребителя также являются объектом современных исследований. К основным проблемам сгенерированных изображений человека можно отнести классические гендерные стереотипы, социальные культурные предрассудки, заложенные в обучающих данных или архитектуре модели [4], расовые и этнические стереотипы, искажения, связанные с деятельностью, работой и хобби [5].

Использование инструментов для генерации изображений в коммуникациях требует многомерного исследовательского подхода. Исследования синтетических (сгенерированных) изображений помогут также в разработке этических принципов генерации контента, обеспечивающих ответственное использование алгоритмов искусственного интеллекта.

Источники и литература

- 1) Zhang, Y., Gosline, R. (2023). Human favoritism, not AI aversion: People's perceptions (and bias) toward generative AI, human experts, and human-GAI collaboration in persuasive content generation. *Judgment and Decision Making*, 18, e41. <https://doi.org/10.1017/jdm.2023.37>
- 2) Tang, Y.; Chen, C. (2024)/ Can Stylized Products Generated by AI Better Attract User Attention? Using Eye-Tracking Technology for Research. *Appl. Sci.* 14, 7729. <https://doi.org/10.3390/app14177729>.
- 3) Erden, A., Bilgili, A., Durmuş, B., Çinko, M. (2025). Focusing Area on Advertising: An Eye Tracking Application. *Bilişim Teknolojileri Dergisi*, 18(1), 77–83. <https://doi.org/10.17671/gazibtd.1506664>.
- 4) Alkhateeb, G., Storie, J., Bell, S., Suškevičs, M. (2025)/ Virtual Imaginative Geographies: Generative AI and the Representation of

Landscape Imagery. Geographies. 2025; 5(1), 9. <https://doi.org/10.3390/geographies5010009>.

- 5) Freixa, Pere et al. AI, Stock Photography, and Image Banks: Gender Biases and Stereotypes. Hipertext.net, 2025, no. 30, pp. 41-78, <https://doi.org/10.31009/hipertext.net.2025.i30.05>.

Абраев Алексей Иванович

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Трансформация личности в современном социуме как вызов интернет среды

Современное общество характеризуется таким глубинным и масштабным процессом как медиатизация, в рамках которого происходит коренная трансформация интернет-среды из инструмента коммуникации в пространство конструирующим новую социальную реальность, а в месте с ней и новую личность. Данный процесс диктует новые вызовы для современного человека, вызовы оказывающие влияние на процессы социализации, самопрезентации и идентификации личности. Россия, находящаяся на сложном пути модернизации и поиска национальной идентичности, в полной мере ощущает воздействие интернет-среды. Для нее данное воздействие приобретает особенную остроту и уникальность в силу исторического, культурного и социального контекста. В данной работе мы исследуемые основные направления трансформации личности в условиях цифровизации и интернетизации современного общества.

Онлайн-пространство, в особенности соцсети, предоставляет шанс конструирования и показа множественных «Я». Это приводит к образованию полиидентичности – эластичной системы самопредставлений, приспособляющейся под определённую площадку и слушателей (Telegram для сослуживцев, VK для приятелей, Мах для стиля жизни).

Исследователи констатируют, что для российских пользователей свойственен высокий уровень самоконтроля и цензуры в цифровом пространстве, что обусловлено не только внешними политическими факторами, но и усвоенными установками на осмотрительность. Как показал проект «Digital I» Центра социологии культуры СПбГУ, молодые россияне активно занимаются «цифровой уборкой» (digital housekeeping): сегментируют аудитории, скрывают посты, ведут «фейковые» аккаунты (Finsta) для узкого круга [1, с. 45-47]. Это показывает стратегическое управление самосознанием, где цифровое «Я» делается заботливо отбрасываемым проектом, а не прямым отображением оффлайн-личности.

Исследование Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге показало, как школьники создают в VK «параллельные» аккаунты, свободные от контроля родителей и учителей, где формируют альтернативные нормы общения и идентичности, зачастую противоречащие официальным школьным ценностям [2, с. 112].

Гиперстимуляция интернет-среды, алгоритмы, построенные на удержании внимания, напрямую бросают вызов механизмам саморегуляции личности. Цифровая прокрастинация становится массовым явлением, приводя к хроническому стрессу, эмоциональному выгоранию и чувству экзистенциальной неполноценности.

Исследования психологов МГУ им. М.В. Ломоносова указывают на связь между интенсивным использованием социальных сетей (особенно визуально-ориентированных, как Instagram) и ростом уровня тревожности и социального сравнения среди молодежи [3, с. 78-80]. В условиях российского общества с высоким уровнем неравенства демонстрация «успешной жизни» в соцсетях усугубляет чувство относительной депривации.

В работе А.С. Маркиной анализируется феномен «зависания» в коротких видеоформатах (TikTok, Reels, «Яндекс.Дзен»), который приводит к состоянию потока, но с негативными последствиями: дезорганизацией времени, когнитивной перегрузкой и эмоциональным опустошением после сеанса [4, с. 23].

Интернет трансформирует природу социальности: устойчивые сообщества (Gemeinschaft) уступают место ситуативным, тематическим сетевым связям (Gesellschaft). Социальный капитал становится более слабым, но широким. Это формирует клиповое сознание и фрагментированную картину мира.

Российские социологи (Волков, Гончаров) фиксируют поляризацию цифрового пространства. С одной стороны, есть запрос на анонимные, деидеологизированные сообщества по интересам (игровые, хобби-группы в Telegram). С другой – наблюдается активное строительство «цифрового гражданского общества», где формируются новые солидарности (волонтерские сети, экологические инициативы, взаимопомощь в период пандемии COVID-19) [5, с. 56-58]. Однако эти солидарности часто носят ситуативный характер и могут быстро распадаться.

Исследование ФОМ «Рунет-2023» показывает, что для россиян интернет остается важнейшим, а часто и единственным, пространством для свободного обсуждения острых социальных и политических тем после 2022 года, что смещает функцию формирования общественного мнения в закрытые мессенджеры и блоги [6].

Постоянный поток информации и многозадачность ведут к снижению способности к глубокому, продолжительному сосредоточению («синдром утенка»). Формируется новая этика коммуникации, где нормальными становятся фрагментированный диалог, реактивность вместо рефлексии, культура отмены (cancel culture).

Адаптация глобальных трендов идет с учетом локального контекста. Например, «культура отмены» в российском сегменте интернета (Рунете) часто принимает форму «хейтерства» — агрессивного преследования не только публичных персон, но и обычных пользователей, чьи взгляды расходятся с мнением агрессивного большинства в конкретном сообществе. Это создает атмосферу цифровой нетерпимости и самоконтроля.

Исследование коммуникативных практик в российских политических пабликах VK, проведенное социологами из НИУ ВШЭ, выявило высокий уровень эмоциональной зараженности и бинарного мышления («свой/чужой»), где рациональная аргументация уступает место мемам и эмоциональным лозунгам, что упрощает картину мира и усиливает поляризацию [7, с. 34-36].

Трансформация личности в интернет-среде является комплексным вызовом для современного российского социума. С одной стороны, цифровое пространство открывает новые возможности для самовыражения, построения слабых, но широких социальных связей. С другой — оно порождает риски атомизации, усиления тревожности, фрагментации идентичности и когнитивных способностей.

Российская специфика заключается в наложении этих глобальных трендов на традиционно высокий уровень конформности и коллективизма, что приводит к парадоксальным явлениям: стратегическому управлению множественными идентичностями, росту цифрового активизма параллельно с цифровой самоцензурой, формированию поляризованных и эмоционально заряженных сетевых сообществ. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочных последствий этой трансформации для социального капитала, психического здоровья нации и формирования гражданской позиции в условиях гибридной (онлайн-оффлайн) реальности.

Источники и литература

- 1) Самутина Н.В., Запорожец О.Н. Digital I: как молодые люди управляют своей цифровой репутацией // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 38-58. [Электронный ресурс]. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2094

- 2) Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: к вопросу о формировании идентичности // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 106-117.
- 3) Гусельцева М.С., Богачева А.В. Цифровая социализация и психологическое благополучие молодежи в условиях неопределенности // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 5. С. 72-84.
- 4) Маркина А.С. Цифровая прокрастинация как феномен современной медиасреды: психологические механизмы и последствия // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 1. С. 18-39.
- 5) Волков Д., Гончаров С. Цифровая реальность российского общества: новые линии разлома и солидарности // Pro et Contra. 2021. Т. 23. № 4. С. 48-67.
- 6) Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Рунет-2023: главные тренды. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Runet/15237> (дата обращения: 15.01.2026).
- 7) Богданова В.О., Смирнов И.Б. Политическая коммуникация в российских социальных сетях: эмоции vs. рациональность // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 28-44. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.03

Адамьянц Тамара Завеновна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

**Социальные смыслы как предмет изучения в социологии
коммуникаций**

Массовые коммуникационные взаимодействия в современном цифровом пространстве целесообразно рассматривать как сферу проявления или создания социальных смыслов [1] относительно актуальных событий и проблем, ставших предметом обсуждений и дискуссий (имеется ввиду возможность для любого человека стать как непосредственным создателем коммуникационного «продукта», так и принять участие, посредством комментариев и «лайков», в его обсуждении).

Создаваемые в процессе коммуникационных взаимодействий социальные смыслы представляют собой, в соответствии с семиосоциопсихологической концепцией социальной коммуникации [2], многоуровневые

виртуальные структуры, состоящие из взаимоподчинённых и взаимообусловленных коммуникативно-познавательных и эмоционально-образных уровней, ориентированных на интенциональность, или «равнодействующую мотивов и целей» [3, С. 16] авторов/участников коммуникации.

Феномен социальных смыслов близок, но не тождественен научным представлениям об общественном сознании. Субъектами проявления или создания социальных смыслов, как и при рассмотрении феномена общественного мнения, оказываются представители разных социальных слоёв, групп, общностей и т.д.

Различие – в объекте изучения и его внутренней структуре и, соответственно, в методах анализа и особенностях применения полученных результатов.

Если объектом общественного мнения оказывается массовое сознание как набор «определённых суждений, идей, представлений, вербальных и невербальных оценок...» [4, С. 81], то объект социальных смыслов – это целостные многоуровневые структуры (конструкты), в которых отражены выработанные в процессе коммуникационных взаимодействий «равнодействующие мотивов и целей» участников.

Рассмотрение феномена социальных смыслов как действие и процесс коммуникационных взаимодействий позволяет фиксирование динамичных колебаний «живущих» в социуме или его части социальных смыслов (эффект «руки на пульсе»), что позволяет оперативно принимать взвешенные управленческие, социокультурные, педагогические, политические и т.д. решения, давать оценку особенностям социализации и социальной адаптации аудитории.

Так, в результате изучения особенностей «встреч» участников коммуникационных взаимодействий в Интернете с разнонаправленными смыслами на одну и ту же тему было зафиксировано наличие собственной позиции, созвучной с морально-нравственными ценностями общества, а также умение «видеть» и отторгать манипулятивные приёмы у социально активной части аудитории среднего и старшего возраста относительно следующих тем: отношение к уехавшим из страны по политическим мотивам; отношение к скандальным заявлениям недавних «звёзд» эстрады; отношение к оскорблениям россиян на национальной почве.

Выводы об особенностях реакций активной и понимающей части аудитории Интернета представляется возможным распространить, на уровне тенденций, на реакции и особенности адаптации активной и понимающей части населения страны среднего и старшего возраста к факту наличия разнонаправленных смыслов в современной социокультурной среде [5].

Источники и литература

- 1) Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы [монография] [Электронный ресурс] / Т. З. Адамьянц; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2017. – 69 с. // Официальный портал ИС РАН [веб-сайт]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5020>.
- 2) Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., Наука. 1984.
- 3) Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. М. 2000 Кн. 1 С. 5-42.
- 4) Тюрина И.О. Общественное мнение // Социологическая энциклопедия в двух томах. Том 2. Руководитель научного проекта доктор политических наук Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2003. С. 80-83.
- 5) Адамьянц Т.З. Разнонаправленные смыслы современной социокультурной среды в ракурсе их влияния на социально значимые реакции аудитории // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025. Т. 11. № 4. С. 63-76. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-5

Азарова Екатерина Николаевна

*Местная детско-юношеская спортивная общественная организация
«Центр развития футбола г. Новочеркасск», Новочеркасск, Россия*

"Цифровое" vs "реальное" одиночество: сравнительный анализ социальных переживаний молодежи

Цифровизация, виртуальная среда, искусственный интеллект все более прочно входят в повседневную жизнь молодых людей, и переформируют коммуникационные связи с «живых» на «обезличенные», что проявляется в увеличении доли лиц, ощущающих себя одинокими.

По результатам телефонного опроса на тему «Жизнь в стиле соло», проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2025 году были получены интересные выводы: во-первых, тема одиночества в российском обществе не теряет своей актуальности; во-вторых, поколение зумеров наиболее одинокие.

Отметим, что в молодежной среде популярен тренд - ежедневный просмотр лент кумиров, блогеров с последующей обратной реакцией в виде лайков, комментариев, где коммуникация строится в формате «чат-ов без лица». Зачастую молодые люди связывают свою неуспешность, заниженную самооценку в виртуальной сети с низкими показателями лайков на собственных страницах в социальных сетях и, ощущают себя одинокими.

Под цифровым одиночеством будем понимать субъективное переживание изоляции, дефицита значимых связей, спровоцированного и усугубленного взаимодействием с виртуальной средой и социальными медиа.

Приведем сравнительные характеристики «реального» и «цифрового» форм одиночества. «Реальное» одиночество отличается причинами возникновения (дефицит связей, переезд, потеря близкого человека), и проявляется в чувстве пустоты. К причинам цифрового одиночества относятся сравнение, неискренность, и проявляется в ощущениях тревожности и стресса.

В заключении отметим, что две формы одиночества: «цифровое» и «реальное» отличаются по генезису и воспроизводящим механизмам, но общим для них остается базовый набор переживаний субъективного ощущения одиночества молодыми людьми. «Цифровое» одиночество сложноструктурированное явление, выступает гибридной формой феномена одиночества.

Источники и литература

- 1) Азарова Е.Н. Феномен одиночества в условиях цифровизации современного общества: тенденции и причины // Актуальные проблемы научных исследований: теоретические и практические аспекты: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Казань, 12 декабря 2023 года. - Уфа: ООО «Омега сайнс», 2023. - С. 184-186.
- 2) ВЦИОМ Жизнь в стиле соло. Жизнь в стиле соло. Наиболее остро проблема одиночества сегодня выражена в молодежной среде [Электронный ресурс].-Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo>.

Алексеева Елизавета Тимофеевна

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Социологический факультет), Москва, Россия*

Репрезентация социальных установок креативного класса в современном кинематографе

В условиях становления социологии коммуникаций в России особое значение приобретает анализ массовых медиасистем как каналов трансляции социальных установок и ценностей. Современный кинематограф, являясь одной из наиболее массовых форм коммуникации, выступает важным инструментом символического конструирования социальных образов. В постиндустриальном обществе субъектом символического производства становится креативный класс – социальная группа, для которой креативность выступает ключевым ресурсом экономической и профессиональной деятельности. Современный кинематограф как неотъемлемая составляющая креативных индустрий находится в тесной связи с креативным классом и активно исследует его социокультурные аспекты, транслируя их массовому зрителю.

Теоретизация понятия «креативный класс» формируется в русле фундаментальных социологических концепций постиндустриального и информационного общества. В работах Д. Белла, Э. Тоффлера и М. Кастельса постулируется переход от индустриальной модели социальной структуры к системе, в которой ключевыми ресурсами становятся знание и информация. В рамках этих теорий закладываются предпосылки для выделения особой социальной группы, чье положение определяется не отношением к собственности, а включенностью в процессы генерации смыслов и символической коммуникации. Непосредственно понятие «креативный класс» введено Р. Флоридой и определяется ученым не просто как множество творческих индивидов, а как специфическая среда с присущими ей кооперативным и состязательным эффектами, способствующими созданию инноваций. В качестве группообразующей характеристики рассматривается креативность – способность нешаблонно мыслить и генерировать идеи, которую можно выразить в формуле «интеллект + воображение». Важным элементом данной концепции является модель «Трех Т» – совокупность технологии, таланта и толерантности, образующая систему ценностей данной социальной группы.

В отечественной научной литературе концепция креативного класса получила развитие в работах Т. Д. Степановой, О. В. Петровской и Е. В. Зеленцовой, которые рассматривают его как формирующийся социальный слой, представители которого заняты преимущественно в креативных индустриях – разнообразных направлениях творческой и интеллек-

туальной деятельности, основанных на использовании интеллектуальной собственности.

Результаты контент-анализа продуктов массового кинематографа показывают, что образ креативного класса в кинематографе носит стереотипизированный характер и воспроизводит установки, связанные с девиантным поведением и социальной безответственностью. Данные репрезентации вступают в противоречие с эмпирическими характеристиками реального креативного класса, для которого характерны высокая профессиональная вовлеченность и ориентация на самореализацию. Таким образом, современный кинематограф выполняет не только отражающую, но и конструирующую функцию, формируя и закрепляя искаженные социальные установки в массовом сознании.

Источники и литература

- 1) Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999.
- 2) Зеленцова Е.В. От творческих индустрий к творческой экономике // Управленческое консультирование. - 2009. - №3. - С. 190-199.
- 3) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
- 4) Петровская О.В. Ценности "креативного класса" в культуре постиндустриального общества: дис. канд. филос. наук: 24.00.01. - Ростов-на-Дону, 2013. - 27 с.
- 5) Степанова Т.Д. Экономические основания формирования креативного класса: дис. канд. экон. наук: 5.2.1. - М., 2022. - 115 с.
- 6) Тоффлер Э. Третья волна. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 784 с.
- 7) Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. - М.: Классика XXI, 2005. - 353 с.

Ананьев Валерий Леонидович

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика
Беларусь*

Образ инвалида в белорусских СМИ

Для повышения эффективности разработки и практической реализации мероприятий государственной социальной поддержки инвалидов необходимо учитывать общественное мнение по отношению к данной социальной группе населения. Одной из основных компонент, его формирующих является представляемый в СМИ образ инвалида.

По нашему мнению, в обществе постсоветских стран в отношении инвалидов сложился стойкий социальный стереотип, согласно которому инвалид является человеком, в следствие проблем своего здоровья, не способным быть полноценным членом общества, нуждающимся в постоянной помощи со стороны государства и общества – то есть, имеющим законные права быть социальным изживенцем.

Авторами публикаций об инвалидах как о социальной группе в белорусских СМИ являются, с одной стороны, представители государственных органов власти и представители общественных организаций инвалидов, с другой. Содержание публикаций представителей госорганов фактически напоминает «отчёт о проделанной работе» и при том без указания нерешённых проблем инвалидов. Представители общественных организаций также стараются «рекламировать» в СМИ достижения своих объединений, обозначая при этом, нередко достаточно остро, проблемы инвалидов, требующие решения со стороны государства.

Образ конкретного инвалида в белорусских СМИ в большинстве случаев представлен в двух противоположных типах.

1. Инвалид «герой» – человек, которому инвалидность не стала непреодолимой преградой для его успешной социализации. Как правило он имеет профессиональное образование и работу. Причём в подобных материалах в описании его биографии достаточно подробно описываются проблемы, связанные прежде всего с негативным отношением к нему общества, которые пришлось преодолеть. Таким образом, все его жизненные успехи нашего «героя» подаются как совершенный им «подвиг». Следует отметить, что в большинстве случаев героями подобных публикаций являются представители редких занятий, требующих наличие у человека особого дарования – спортсмены пар олимпийцы, творческие работники.

2. Инвалид «несчастный» – человек в следствие своей инвалидности требующий к себе особого отношения общества и помощи, как правило, материальной. При этом «за кадром» нередко остаются такие особенности его личности, как завышенная самооценка своих возможностей, эгоизм в его поведении, нежелание помочь себе самому.

Таким образом, лейтмотивами указанных выше публикаций являются противоположные мысли: «посмотрите на героя» – в первом случае, и «надо собрать деньги на помощь» – во втором.

Бесспорно, инвалидность – источник значительных жизненных проблем, не только физических, но и социальных. Однако, по нашему мнению, журналистам не следует делать их описание главной темой своих публикаций.

Героем публикаций прежде всего должен стать реально интегрированный в общества человек с инвалидностью, жизненные успехи которого сопоставимы с успехами рядового члена общества, а также обычные люди, соприкасающиеся с ним в повседневной жизни.

Андрианова Роза Ахбановна

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Москва, Россия*

Цифровая научная коммуникация как ресурс воспроизводства научных кадров высшей квалификации

Цифровая научная коммуникация, осуществляемая с использованием цифровых платформ и онлайн-средств, может стать важнейшим современным ресурсом подготовки научных кадров высшей квалификации, развития у аспирантов и докторантов научно-исследовательских и коммуникативных компетенций, воспроизводства научного знания, необходимых для подготовки кандидатской или докторской диссертации с последующей защитой. В последние годы социальная сеть ВК и мессенджер Telegram активно используются в России для создания и функционирования различных научных сообществ, анонсирования научных конференций разного уровня (международных, региональных и др.), организации онлайн-дискуссий и оперативного обмена научной информацией. Академические социальные сети как средство и среда коммуникации рассматриваются в работах Г.А. Николаенко, А.А. Камаловой. Однако в настоящее время потенциал цифровой научной коммуникации остается недостаточно исследованным для повышения эффективности подготовки научных кадров в условиях стремительной цифровой трансформации науки и образования. 9 октября 2025 г. на площадке ИНИОН РАН (Институт научной информации по общественным наукам РАН) прошла международная научно-практическая конференция «Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации: проблемы и перспективы», в которой приняли участие 381 человек (в том числе

аспиранты, адъюнкты, докторанты из различных научных и образовательных организаций). Участники конференции отметили значительное снижение показателей выпуска аспирантов и докторантов с защитой диссертации (аспирантов в среднем 10%, докторантов – 20% от общего числа выпускников в период с 2020 по 2024 гг.). В рамках работы конференции были проведены неформальные беседы с аспирантами, адъюнктами и докторантами для выявления опыта цифровой научной коммуникации. Участники конференции отметили, что цифровые платформы "ВКонтакте" и Telegram стали для них одним из ведущих ресурсов вхождения в профессиональную научную среду. Особо значимой данная форма коммуникации оказалась для аспирантов первого и второго года обучения: цифровая научная коммуникация способствовала их успешной горизонтальной интеграции в научное сообщество, расширению профессиональных контактов, снижению социально-психологического барьера участия в научных дискуссиях и формированию исследовательской идентичности, усвоению норм научной аргументации и научной этики. Установлена важнейшая особенность цифровой научной коммуникации: высокая оперативность обмена актуальной информацией, снижение пространственных и временных, социально-психологических барьеров, сочетание формального и неформального научного взаимодействия. Очевидно, что цифровые научные коммуникации могут поддерживать мотивацию аспирантов и докторантов к подготовке и защите диссертации, становятся важнейшим современным ресурсом повышения эффективности подготовки научных кадров высшей квалификации, развития и сохранения научного потенциала Российской Федерации.

Источники и литература

- 1) Камалова, А. А. Цифровые коммуникации как императив управления репутационным капиталом научно-образовательных организаций / А. А. Камалова // Первый экономический журнал. – 2023. – № 1(331). – С. 12-18. – DOI 10.58551/20728115_2023_1_12. – EDN FQLXMA.
- 2) Николаенко, Г. А. Академические социальные сети в процессе цифровой трансформации научной коммуникации : специальность 54.10.00 : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Николаенко Георгий Александрович, 2022. – 581 с. – EDN DVGWRM.
- 3) Пост-релиз о международной научно-практической конференции «Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей

квалификации: проблемы и перспективы», <https://inion.ru/ru/about/news/mezhdunarodnaia-nauchno-prakticheskaia-konferentciia-podgotovka-nauchnykh-i-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-vysshei-1/>

- 4) Погожина, Н. Н. Современные тенденции коммуникативного взаимодействия науки и общества / Н. Н. Погожина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 76. – С. 141-152. – DOI 10.17223/1998863X/76/14. – EDN FMCULC.
- 5) Андрианова, Р. А. Проблемы и перспективы подготовки научных кадров высшей квалификации: обзор докладов международной научно-практической конференции / Р. А. Андрианова // Научные исследования. – 2025. – № 4. – С. 5-29. – DOI 10.31249/naukoved/2025.04.01. – EDN IAXVMW.

Антюшев Иван Игоревич

ФГБОУ ВО "Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева", Чебоксары, Россия

**Творчество как преодоление противоречия: вызов эпохи
искусственного интеллекта**

Фундаментальный вопрос о природе творчества особенно актуализируется в эпоху глобальной информатизации и интенсификации распространения технологий искусственного интеллекта (ИИ). Мы справедливо задаемся вопросом: является ли творческий процесс необузданной стихийной силой, уникальным свойством человеческого сознания, или его можно свести к упорядоченному алгоритму, потенциально воспроизводимому машиной?

Технологии становятся активными участниками коммуникации и преобразующей деятельности. Искусственный интеллект (нейронные сети) берёт на себя исполнительские функции, создавая продукты (живопись, музыку), традиционно ассоциирующиеся с творчеством. Это заставляет переосмыслить перспективы и сущность творческой активности.

В целом, «творчество — неотъемлемый аспект человеческого мышления, активная преобразующая деятельность, определяющая сущность человека и являющаяся двигателем цивилизации. Исходным импульсом

творческого акта является столкновение с противоречием» [1, с. 10]. Противоречие понимается не как ограничение разума, а как универсальный закон бытия, катализатор глобальных изменений и точка роста любой системы. Творческий акт начинается с осознания противоречия и принятия решения о его преодолении. Затем в сознании возникает аттрактор – образ желаемого результата, который регулирует последующую деятельность, задавая её цель и логические рамки.

Творчество – «проявление человеческой свободы, способ разрешения противоречия между субъективным и объективным факторами» [2, с. 95]. Если рассмотреть данную категорию с позиции концептуального наследия органицизма, то мы можем утверждать, что через творческие акты человек поддерживает равновесие и гармонию мировой системы (органического целого).

Несмотря на попытки формализации (например, в теории решения изобретательских задач – ТРИЗ), творчество не сводится к строго детерминированному алгоритму. Стихийность (спонтанность) творчества коренится в непредсказуемости возникновения противоречий и в рефлексивном осмыслении непознанного. Человек не может заранее предугадать характер и время появления противоречий на своём пути.

В контексте гипотез о технологической молодости человечества («гипотеза зоопарка») или гипотезы симуляции, творчество человека может выглядеть крайне примитивным. Однако это не свидетельствует о его бесперспективности, а указывает на потенциал роста. В будущем творческая деятельность может стать средством обнаружения иных цивилизаций или выходом за границы установленных правил симуляции.

В эпоху искусственного интеллекта творчество сохраняет статус амбивалентной силы, укоренённой в диалектике противоречия и человеческой свободы. Оно остаётся ключевым метафизическим основанием человеческого бытия, механизмом самоорганизации и преобразования реальности, который, будучи направленным на преодоление границ, определяет онтологический статус человека.

Источники и литература

- 1) Антюшев, И. И. Творчество в эпоху глобальной информатизации: стихия или алгоритм? / И. И. Антюшев // Творчество как национальная стихия: общее и особенное в современном социокультурном пространстве : Сборник статей по итогам пятой международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 июля 2019 года / Под редакцией Г.Е. Аляева, О.Д. Маслобоевой. – Санкт-

Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – С. 5-15.

- 2) Маслобоева, О. Д. Российский органицизм и космизм XIX - XX вв.: эволюция и актуальность : монография / О. Д. Маслобоева ; О. Д. Маслобоева ; М-во образования и науки Российской Федерации, Акад. повышения квалификации и проф. переподгот. работников образования. – Москва : АПК и ППРО, 2007. – 292 с.

Анучина Ольга Васильевна

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия

**Социологическое расколдовывание технодетерминизма и
оценка управления социальным с помощью ИИ: по
материалам опроса студенчества РТ**

В условиях насыщенного цифрового бытия, где технологии играют все более значимую роль, их влияние на различные сферы жизни становится все более ощутимым с каждым годом. Мониторинг научных статей в области социологии за 2024-2026 годы в РФ показывает популярность темы «устойчивости к постправде» и социальный заказ на объективную оценку «больших данных», «глубокого обучения» в корреляции с социальной сферой, например, риски и возможности внедрения ИИ в сферу образования. Технологии определяют социальное развитие и изменения в обществе. В этом контексте следует упомянуть концепцию «зачарованного технодетерминизма», предложенную исследователями Камполо А. и Кроуфорд К. [1], базирующуюся на методологии М. Вебера, чтобы понять, как происходит «расколдовывание мира» в условиях современного технологического прогресса. Современный этап интеллектуализации общества также сопровождается явлением постправды, когда факты и объективная информация подменяются эмоциональными аргументами и манипуляциями. Расколдовывание мира подразумевает не просто осознание природы технологий, но и умение различать правду и ложь в океане информации. Алгоритмы и модели машинного обучения становятся не только инструментами, но и самостоятельными актерами, формирующими новые нормы и правила. Глубинное обучение, как одна из наиболее передовых технологий, вызывает восхищение и страх, создавая вокруг себя ореол «магии» и «сверхъестественных» возможностей. Камполо и Кроуфорд, опираясь на идеи Вебера, подчеркивают важность процесса «расколдовывания». Этот процесс заключается в том, что мы должны

осознать, что технологии - это не магия, а результат человеческого труда и научных исследований.

В проведенном социологическом исследовании среди студентов Казанского (Приволжского) федерального университета и Казанского национального исследовательского технологического университета (N=291) было выявлено отношение современной молодежи к внедрению продуктов технотерминизма в социальное. Социальные нарративы о технологиях в популярных каналах, мессенджерах закрепляют иллюзию, что глубинное обучение способно выявить скрытые закономерности, предсказать события и даже заменить человека в ряде профессий. Однако на практике алгоритмы нуждаются в качественных данных, человеческом вмешательстве и постоянном контроле - так считает 18 % респондентов. 64 % убеждены, что в условиях постправды важно развивать навыки критического мышления и анализа для улучшения качества жизни и решения актуальных социальных задач.

Уместно обратиться к результатам исследования, проведенного в апреле 2025 года компанией «NtechLab» [2] совместно с Центром развития гуманитарных технологий «Новая эра» среди российской молодежи от 18 до 35 лет (N=1200): 72 % опрошенных сравнили прорыв ИИ в наши дни с изобретением парового двигателя, т.е. молодежь увидела в ИИ драйвер масштабных изменений, аналогичных промышленной революции. По результатам данного анкетирования 40,6 % студентов КФУ (гуманитарных специальностей) используют искусственный интеллект часто, 27,7 % - редко, 25,2 % - иногда, а 6,4 % - не используют. Анализируя данные об использовании искусственного интеллекта в повседневной жизни, полученные в результате опроса, можно выделить следующие основные категории (809 ответов): Чат-боты: 16,6 %. Навигация, онлайн-карты, путешествия: 12,7 %. Виртуальные личные помощники, ассистенты: 10,6 %. Музыка и потоковое видео, релевантные Вашим предпочтениям: 10 %. 5,6 %. ИИ используется для автоматического распознавания изображений, что применяется в различных областях, таких как безопасность, реклама и автоматизация. Рекомендуемая новостная повестка, каналы, люди в социальных сетях: 5,4 %. Видеоигры: 5,3 %. Системы распознавания речи: 4,9 %. Умный дом: 4,8 %. Финансовые услуги: 4,8 %. Рекомендательные системы, используемые в интернет-магазинах: 3,5 %. Безопасность и наблюдение: 3,1 %. Умный ввод данных: 2,5 %. Онлайн-поддержка клиентов: 2,1 %. Для наблюдения за мошенническими транзакциями: 0,6 %.

Среди наиболее тревожных последствий использования нейросетей 60 % опрошенных студентов отметили симуляцию знаний, 10 % - получение

недостовверных данных, 5 % - снижение творческого потенциала и оригинальности. Использование нейросетей для генерации идей и контента приводит к однообразию и отсутствию новаторства. 11 % респондентов считают, что внедрение нейросетей может привести к потере рабочих мест. Это создает угрозу для многих профессий, особенно в сферах, где рутинные задачи могут быть выполнены быстрее и эффективнее с помощью технологий. 6 % пользователей указывают на возможность нанесения вреда в случае применения ИИ недоброжелателями. Нейросети могут быть использованы для создания манипулятивного контента, кибератак и других преступных действий. Это поднимает вопросы этики и безопасности, которые требуют внимательного подхода к разработке и внедрению технологий.

Одним из примеров успешного использования ИИ в социальных службах является система RF-Pose [3], которая учит беспроводные устройства анализировать позы и движения людей. Эта технология может быть полезна для мониторинга пациентов с болезнями, такими как паркинсонизм, склероз, для обеспечения безопасности и самостоятельности жизни для пожилых людей, для проведения поисково-спасательных работ. Другие примеры успешного использования технологий искусственного интеллекта в социальных службах России, выявленные во время анкетирования студентов КФУ, включают: 1. Использование чат-ботов для автоматического общения с гражданами (15,4 %); 2. Улучшение коммуникации с клиентами в режиме реального времени (14,9 %); 3. Автоматическое распознавание и обработка документов, возможность самостоятельного заполнения анкет для оформления различных документов (12,9 %). Однако следует учитывать специфику применений технологий ИИ для решения социальных вопросов. Отдельные проблемы выносят разгром технологической этики с точки зрения моральной философии [4], например, наличие предвзятости в системах ИИ. Студенты отмечают такую проблему как обеспечение безопасности и конфиденциальности персональных данных граждан (8,6 %). В целом, студенческая молодежь РТ заключает, что искусственный интеллект является важным инструментом, который может помочь улучшить качество жизни и эффективность работы, но его использование также требует тщательного взвешивания рисков и преимуществ.

Источники и литература

- 1) Campolo A., Crawford K. Enchanted Determinism: Power without Responsibility in Artificial Intelligence. URL: <https://estsjournal.org/index.php/ests/article/view/277> (дата обращения: 20.12.25).

- 2) Перспективы развития искусственного интеллекта: восприятие молодежи России - 2025 // Материалы федерального социологического исследования. NtechLab и Центр развития гуманитарных технологий «Новая эра». URL: https://new-era.space/upload/Перспективы_развития_искусственного_интеллекта_НЭ_Ntec (дата обращения: 3.01.26).
- 3) Wireless smart-home system from the Computer Science and Artificial Intelligence Laboratory could monitor diseases and help the elderly «age in place» // Massachusetts Institute of Technology news. URL: <https://news.mit.edu/2018/artificial-intelligence-senses-people-through-walls-0612> (дата обращения: 13.01.26).
- 4) Анучина О. В. Теория и практика управления инновационными процессами : учебное пособие / О. В. Анучина, Е. А. Алексеева. – Казань : ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2025. – С. 27. – ISBN 978-5-00245-477-8. (дата обращения: 21.12.25).

Ахметвалиева Мейсеря Гарафовна

*ОАНО ВО "Московский психолого-социальный университет", Москва,
Россия*

**Исследование образно-ассоциативного восприятия
современной России ее гражданами и эмигрантами**

На основе результатов опроса граждан России и эмигрантов проведен сравнительный анализ их представлений об образе современной России.

С целью установления национальной идентичности гражданам России и эмигрантам была предложена анкета «Образ России» (образно-ассоциативная методика) [1, с.100]. В исследовании приняли участие жители городов России – Москва, Саратов; б) эмигранты – бывшие граждане России, проживающие последние 2-3 года в Республике Узбекистан.

Наши исследования, проведенные среди граждан России, эмигрировавших в Узбекистан, показывают, что большая часть респондентов оказалась в ряду эмигрантов из-за потери чувства безопасности в своей стране. Всего было опрошено 2791 человек. Выделить какую-то ведущую группу по роду профессиональной деятельности не удалось, среди эмигрантов оказались граждане с различным уровнем образования и занятых в России различными видами деятельности: бизнесмены, IT-специалисты, преподаватели, самозанятые, психологи, копирайтеры, работники торговли и т.п. Среди опрошенных более 63% имеют высшее

образование, включая обучение в аспирантуре; у почти 19% - 2 высших образования; около 3% закончили магистратуру; более 7% опрошенных со среднеспециальным образованием.

Проживающие на территории России граждане единодушно на первое и второе место по шкале субъективных оценок определили 2 образа-ассоциации - Русская художественная литература, Музыкальные произведения российских композиторов. Эмигрировавшие в Узбекистан по среднему баллу также на первые 2 места поставили эти же суждения. опрошенные не ассоциируют Россию с литературной и музыкальной классикой.

Россияне считают, что неотъемлемой частью, определяющей образ страны, являются Природа России, Живопись российских художников, Русский язык, Историческое прошлое России.

Эти же показатели анкеты «Образ России» не нашли высокой оценки у представителей второй группы - эмигрантов, были определены, согласно среднему значению, на одни из самых низких мест в шкале оценивания. Такие образы-ассоциации, как Русский язык и Живопись российских художников, в группе эмигрантов по среднему значению заняли 7 и 8 ранговые места. От третьего до шестого места эмигранты разместили, на их взгляд, достойные образы России показатели: Народные сказки, Национальная одежда народов России, Типичные продукты питания, Национальная кухня. У россиян по среднему значению в число показателей первых двенадцати рейтинговых мест вышли: история России, литература, музыкальные произведения, народные сказки и песни. Эмигранты, согласно полученным средним значениям по группе, русский язык не считают ведущей ассоциацией с образом России.

Источники и литература

- 1) Фролова С.В. Приверженность личности стране: социально-психологический анализ. – Саратов: ИЦ «Наука», 2019. – 370 с. (дата обращения: 30.12.2025).

Багаева Алиса Валерьевна

*Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия*

**Формирование патриотических установок посредством
использования цифровых технологий и каналов
коммуникации**

Виртуальная коммуникационная среда представляет собой уникальное пространство, которое оказывает значительное влияние на формирование ценностей и мировоззрения индивида. Интерактивные цифровые технологии обладают высоким потенциалом влияния на массовое сознание, что позволяет рассматривать их в качестве каналов распространения общественно значимых смыслов и устойчивого позитивного восприятия культурных особенностей своего государства. Далее мы рассмотрим некоторые коммуникационные каналы, которые могут использоваться для воспитания патриотизма и повышения интереса к отечественной истории.

В качестве первого примера приведем интерактивные уроки, представленные различными российскими образовательными платформами. Уроки по истории включают мультимедийные презентации, викторины и задания, позволяющие учащимся погружаться в изучаемый материал и лучше усваивать ключевые моменты российской истории, такие как День Победы, подвиг народа и Красной Армии в Великой Отечественной войне, а также больше узнавать о жизни выдающихся ученых, деятелей культуры и искусства нашей страны.

Следующим примером применения виртуальной цифровой среды для формирования патриотических установок являются виртуальные экскурсии, которые проводятся различными российскими музеями. Основным порталом с масштабной коллекцией виртуальных туров, 3D-панорам музеев и культурных объектов является Культура.РФ [1]. Он объединяет экскурсии по ведущим музеям, включая Третьяковскую галерею, Эрмитаж и Русский музей, позволяя изучать экспонаты онлайн и обеспечивая доступ к культурному наследию России для пользователей по всему миру. Задачи этого портала не исчерпываются проведением виртуальных экскурсий. Это настоящая виртуальная коммуникативная среда, внутри которой можно узнать об интересных и значимых событиях и людях российской культуры, о ее народных традициях и природе в формате просветительских статей, заметок, интервью, тестов, новостей и в других современных интернет-форматах.

К числу тематических мероприятий, которые проводятся с целью формирования патриотических установок, можно отнести фестивали, конференции и конкурсы, которые проводятся с использованием цифровых технологий, что позволяет участникам общаться онлайн, смотреть фильмы, посещать выставки и концерты, приуроченные к тем или иным важным датам в истории России. Конкурсные мероприятия этой направленности стимулируют интерес к изучению научных открытий и достижений России.

Еще одним важным инструментом, активно развивающимся онлайн, но не ограниченным виртуальным форматом, являются киноклубы, которые позволяют студентам и молодым людям объединяться для совместного просмотра и обсуждения фильмов. Такие клубы способствуют развитию критического мышления, эмоциональному росту и профессиональному развитию. Например, в России существует ряд успешных проектов, таких как «Клуб любителей документального кино» Высшей школы экономики и международный кинофестиваль учебных фильмов и инновационного образовательного контента «КиноИнтеллект» [2]. Такие инициативы помогают формировать чувство принадлежности к обществу и осознание важности культурных традиций. Через просмотр и обсуждение фильмов молодые люди учатся анализировать исторические события, ценности и символы, что способствует укреплению национальной идентичности и патриотических чувств.

Все перечисленные примеры демонстрируют, как современные технологии становятся инструментом, способствующим воспитанию патриотизма и повышению интереса к национальной истории и культуре. Эти инициативы, при условии комплексного подхода, создают условия для глубокого понимания исторического наследия России и формируют чувство гордости за страну.

Источники и литература

- 1) Онлайн-проект Культура.РФ <https://www.culture.ru/>
- 2) Терновая Л. О., Багаева А. В. Синергический эффект медиаобразования и кинопедагогики в образовательном процессе // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 11. — С. 25–30.

Баженов Анатолий Матвеевич

Тульский государственный университет, Тула, Россия

Коммуникация между родителями и детьми как средство социализации личности в трактате Жан-Жака Руссо "Эмиль, или О воспитании"

Жан-Жак Руссо (1712 – 1778) писал свой трактат как пособие по трудной и важной теме о воспитании детей. Эта тема в современном российском обществе, как никогда, является востребованной. Об этом

свидетельствует девиантное поведение некоторых российских подростков. Об этом же сообщают средства массовой информации.

Ж.-Ж. Руссо в самом начале произведения определяет роли родителей и ребенка. Он пишет: «Как истинная кормилица есть мать, так истинный наставник есть отец. Пусть они сговорятся относительно порядка распределения своих функций и относительно своей системы; пусть из рук одной младенец переходит в руки другого. Он будет лучше воспитан рассудительным и ограниченным отцом, чем самым искусным светским учителем; так как рвение лучше пополнит недостаток таланта, чем талант – недостаток рвения» (1).

Писатель формулирует четыре правила, которых, по его мнению, родители должны придерживаться в воспитании своих детей. Первое правило исходит из того, что дети не только не обладают лишними силами, но у них недостаточно сил для всего, что требует от них природа. Следовательно, им нужно предоставить возможность пользоваться теми силами, которые дает им природа и которыми они не могут злоупотреблять.

Второе правило предполагает, что родители обязаны помогать детям и возмещать то, чего им не хватает по части рассудка или силы, во всем, что касается физических потребностей.

Третье правило напоминает взрослым людям о том, что, оказывая детям помощь, нужно ограничиваться исключительно тем, что действительно полезно, ни в чем не потакая фантазии или неосновательному желанию. Думается, фантазия не будет их мучить, если не давать ей зародиться, так как она не вытекает из природы.

Четвертое правило связано с ответственным моментом в жизни детей. Родителям надо тщательно изучать язык и знаки детей, чтобы в возрасте, когда они не умеют притворяться, различать в их желаниях то, что вытекает непосредственно из природы, и то, что вытекает из мнения. Ж.-Ж. Руссо замечает: «Дух этих правил – предоставлять детям больше истинной свободы и меньше власти; давать им больше действовать самим и меньше требовать от другого. Таким образом, рано привыкая ограничивать свои желания своими силами, они будут мало чувствовать лишения того, что не окажется в их власти» (2).

Одним из важных принципов в деле воспитания детей, по мнению Ж.-Ж. Руссо, является тот, согласно которому родители должны учиться у природы. Обращаться нужно со своим воспитанником соответственно его возрасту. Прежде всего нужно поставить его на принадлежащее ему место и уметь удерживать его на нем, так, чтобы он не пытался сойти с него. Нельзя приказывать ему никогда ничего, абсолютно ничего.

Не допускать у него даже мысли, что родители претендуют на какую бы то ни было власть над ним.

Таким образом, Жан-Жак Руссо излагает программу воспитания, которая непосредственно связана с социализацией личности. В этом процессе большую роль играет коммуникация между родителями и детьми.

Источники и литература

- 1) Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М.: Книга по требованию, 2022. С. 24. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М.: Книга по требованию, 2022. С. 45.

Бардукова Дарья Дмитриевна¹, Гулина Вероника Денисовна²
1 - Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия; 2 - Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

TikTok-тренды как форма алгоритмически поддерживаемой социальности

Устойчивые формы коммуникации и коллективной идентичности под влиянием цифровых платформ все чаще воспроизводятся через практики, в которых все реже можно проследить содержание и аргументацию. Большее внимание уделяется действиям в повторяемых форматах и практиках участия, а алгоритмизация влияет на распространение типизированного контента и его видимость.

Теперь для создания у зрителя чувства вовлеченности достаточно минимального знака-приглашения («если ты это видишь — ты в группе»), тогда как семантическая насыщенность сообщения становится вторичной, что прослеживается в современных трендах TikTok [1].

Данный эффект интерпретируется в социологии коммуникации как переход от коммуникации, ориентированной на передачу смысла, к коммуникации как воспроизводству связей и различий. В терминах Н. Лумана [2] коммуникация понимается как самореферентная операция социальной системы, где решающим является не «истина сообщения», а воспроизводство ожиданий и включенности; платформенная среда усиливает эту самовоспроизводящуюся логику за счет высокой скорости циркуляции и стандартизации форм. В перспективе медиатизации С. Хьярварда [3] цифровые платформы выступают как институциональные

медиаторы: они задают правила видимости и тем самым структурируют социальные взаимодействия, перераспределяя символическую значимость.

Алгоритм рекомендаций в этом контексте выполняет функцию «коммуникативной инфраструктуры» и одновременно механизма различия: принадлежность конструируется через сам факт попадания в общий поток (видимость), а не через общую программу действий. Это сближает платформенные тренды с измерением повседневности И. Гоффмана [4]. Участие в тренде — это публичная презентация «включенности», где социальное признание обеспечивается распознаванием формата. Наконец, в логике П. Бурдьё [5] подобные практики могут быть описаны как микропроизводство символического капитала: статус участника возникает из демонстрации «доступа» к определенному алгоритмически организованному пространству.

Таким образом, TikTok-тренды демонстрируют перспективную для социологии коммуникаций проблему: в платформенных медиа коммуникация функционирует как форма алгоритмически поддерживаемой социальности, где «сообщение» редуцируется до маркера принадлежности, а ключевым ресурсом становится управляемая платформой видимость.

Источники и литература

- 1) Красавина, А. В., Золина, Д. О. Трансформация медиаформатов в социальных сетях: феномен TikTok // Медиасреда. – 2021. – № 1.
- 2) Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
- 3) Хьярвард, С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 2.
- 4) Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ.; вступ. ст. А. Д. Ковалева. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле. – 2000.
- 5) Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3.

Баркова Анна Сергеевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Цифровая самодисциплина современного соискателя работы

Процессы цифровизации оказали трансформационное воздействие на все сферы социального бытия, и рынок труда не стал исключением. Сложившиеся исторически практики трудоустройства – реклама в СМИ, выставки и презентации, неформальные связи и др. – хотя и не были полностью вытеснены, утратили свою доминирующую роль, уступив место интенсивному онлайн-взаимодействию соискателей работы и работодателей. Данный сдвиг порождает очевидный парадокс: с одной стороны, цифровая среда предоставляет беспрецедентные возможности – такие, как агрегация бесчисленных вакансий и создание собственного профессионального профиля в сети. С другой стороны, эта же прозрачность порождает для соискателя комплекс новых, не всегда очевидных вызовов, конституирующих новую социальную реальность поиска работы, где приватное и профессиональное вступают в сложное, часто конфликтное взаимодействие.

Современный соискатель работы реализует себя в двух различных цифровых измерениях: формализованном профессиональном профиле (на платформах типа *ХэдХантер*) и аутентичном профиле в социальных сетях, служащем для приватной и неформальной коммуникации. Социальное взаимодействие в контексте найма на работу изначально задумывалось как процесс, опосредованный исключительно виртуальной «передней сценой» профессионального профиля, где соискатель, следуя логике драматургического подхода Ирвинга Гофмана, осуществляет стратегическое управление впечатлением в образе компетентного и лояльного специалиста. В этой системе «задняя сцена» (личный аккаунт) традиционно рассматривалась как пространство для снятия социальных масок и спонтанного самовыражения [1].

Однако, как свидетельствует практика рекрутинга, происходит систематическое нарушение этого драматургического договора [3]. Работодатель целенаправленно инспектирует приватное пространство «задней сцены», превращая его в дополнительное, а часто и решающее поле для оценки. Это представляет собой новый виток в теории социального взаимодействия: несанкционированный прорыв зрителя в закулисы, что радикально меняет баланс власти и условия перформанса, возлагая на соискателя тяжкое бремя постоянной, тотальной самопрезентации [2].

Таким образом, соискатель оказывается в условиях необходимости осуществлять тотальное управление впечатлением, расширяя контроль далеко за пределы профессионального профиля. Совокупность практик «цифровой гигиены»: мониторинг ника и аватара, цензура высказываний, тональности и частоты активностей – трансформируется из тактики трудоустройства в универсальную стратегию конструирования цифрово-

го «Я». Личное виртуальное пространство, утрачивая функцию «задней сцены», колонизируется логикой рынка труда и становится продолжением «передней сцены». В результате спонтанное самовыражение вытесняется превентивной самодисциплиной, что формирует новый тип цифровой истины, где подлинность измеряется не соответствием внутреннему «я», а успешностью адаптации к внешним ожиданиям цифрового поля.

Источники и литература

- 1) Батыгин Г. С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. №2. С. 5-24.
- 2) Как не испортить впечатление о себе активностью в соцсетях. [Электронный ресурс] URL: <https://serpuhov.hh.ru/article/301106> (Дата обращения 20.12.2025)
- 3) Профилем не вышли. Онлайн-портрет становится все более важным критерием оценки при приеме на работу. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6295764> (Дата обращения 20.12.2025)

Барышная Наталия Александровна

*Российский государственный социальный университет, Москва,
Российская Федерация*

Трансграничность этнотерриториальных сообществ: роль современных коммуникационных систем

В настоящее время усиливается рестрикционная миграционная политика РФ в отношении трудовых мигрантов из стран Средней Азии, затрагивающая занятость, условия проживания, регистрацию, получение разрешительных документов, условий проживания прибывших с ними семей. Эта политика провоцирует зеркальную рефлекссию со стороны этнических миграционных сообществ, которые активно используют развитую инфраструктуру мобильной связи и обмена данными для поддержания режима трансграничности. Находясь в принимающем российском обществе, мигранты обеспечивают себе практически непрерывную связь с родственниками и доступ к актуальным новостям из страны исхода, что минимизирует разрыв с этнокультурной средой.

Виртуализация внутриобщинных социальных сетей выступает безопасной платформой для общения на родном языке, укрепления общеразделяемых этнокультурных ценностей и разрешения коммуникативных проблем. Это способствует формированию и усилению этнической и этнотерриториальной солидарности, создавая виртуальные анклав, где мигранты сохраняют идентичность без необходимости глубокого погружения в принимающее общество. Процессы цифровизации миграционных потоков, сочетающиеся с анклавизацией и краткосрочностью пребывания, а также введенными ограничениями по срокам и условиям труда, существенно осложняют усилия государственных структур и национально-культурных объединений по адаптации и интеграции иностранных культурных мигрантов.

С одной стороны, мигранты стремятся к визуализации своего присутствия в локальном сообществе (в терминах П. Бурдьё) через участие в массовых религиозных праздниках и создание этнокафе, мест общепита, выступающих социально-культурными и экономическими центрами воспроизводства исходной территориальной идентичности. Это позволяет демонстрировать присутствие общины без риска утраты культурных основ. С другой стороны, фиксируется отказ от территориальной экспансии и формирования физических анклавов в пользу параллельной виртуальной плоскости. Цифровизация кланово-родственных и территориально-этнических общин проявляется в интенсивном общении не только с близкими на территории исхода, но и с соотечественниками внутри России.

Такое цифровое капсулирование снижает необходимость адаптации: редкие контакты с местным населением (ограниченные трудовой сферой) компенсируются частыми коммуникациями с земляками в РФ и родственниками за рубежом. Ярким индикатором служит лингвистическая компетенция: чем уже круг общения, тем преобладает родной язык, а современные интернет-приложения упрощают трудовую деятельность, усиливая изоляцию. Общение на языке страны исхода доминирует дома и с друзьями/коллегами-земляками, подчеркивая трансграничный характер этнотерриториальных сообществ.

Буянова София Георгиевна

НИУ ВШЭ (Москва), Москва, Россия

**Дискурс о трудовых мигрантах в открытых русскоязычных
Telegram-каналах: анализ региональных факторов
тональности**

Настоящее исследование вносит вклад в становление и развитие социологии цифровых коммуникаций в России, фокусируясь на ключевой проблеме формирования общественного мнения в региональном онлайн-дискурсе. В качестве объекта изучения выбрана социально значимая тема восприятия трудовых мигрантов из Средней Азии. Цель работы - проанализировать, как в открытых Telegram-каналах конструируется и варьируется в зависимости от регионального контекста тональность дискурса по данной проблеме, тем самым выявляя факторы, влияющие на формирование коллективных установок в цифровом пространстве.

Методологический дизайн работы отражает междисциплинарный подход, характерный для современной социологии коммуникаций, и интегрирует методы цифровой социологии, компьютерной лингвистики и статистического моделирования. Эмпирическую базу составили 25 539 постов за 2023-2024 годы, собранные методом парсинга из пяти наиболее популярных открытых Telegram-каналов по каждому региону, обеспечивающих покрытие для 82 субъектов Российской Федерации. Автоматический анализ тональности проводился с помощью нейросетевой модели RuBERT, которая была дополнительно дообучена на размеченной вручную выборке из 2556 постов для повышения контекстуальной точности в рамках исследуемой темы. Для проверки гипотез о влиянии регионального контекста использовался метод множественной линейной регрессии, где в качестве независимых переменных были включены ключевые социальные, демографические, и экономические показатели регионов, полученные из данных Росстата и иных открытых источников.

Полученные результаты демонстрируют, что общий фон дискурса носит негативный характер, однако его тональность и степень поляризации существенно различаются в зависимости от региона. Регрессионный анализ выявил, что ключевыми факторами, усиливающими поляризацию мнений, выступают структурные, а не сугубо экономические показатели. В частности, высокая демографическая нагрузка (доля нетрудоспособного населения) статистически значимо увеличивает разброс тональности в дискурсе. В то же время большая доля мигрантов из Средней Азии в регионе значимо снижает поляризацию. Этот результат предоставляет эмпирическое подтверждение теории межгруппового контакта Г. Аллпорта в условиях цифровой коммуникации, указывая на то, что реальная социальная структура региона опосредует характер онлайн-обсуждения.

Таким образом, данное исследование иллюстрирует, как региональные социальные и демографические контексты транслируются в цифровое пространство, влияя на процесс формирования и поляризации общественного мнения по чувствительным социальным вопросам. Работа также демонстрирует потенциал интеграции методов автоматического анализа текста и статистического моделирования для решения задач социологии коммуникаций, внося методический вклад в изучение трансформации публичного дискурса и коллективных установок в российской интернет-среде.

Источники и литература

- 1) Мاستикова Н. С. Динамика отношения к миграции в России (по данным Европейского социального исследования за 2006-2016 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 99-116.
- 2) Парк Р. Человеческая миграция и маргинальный человек – Американский журнал социологии. 1928. — Т. 33, № 6. С. 881-893.
- 3) Константинов А. А., Мошкин В. С. Разработка подхода к сентимент-анализу текстовых ресурсов социальной сети. // Вестник УлГТУ. 2021. №3. С. 40-44.
- 4) Troszyński M., El-Ghamari M. A great divide: Polish media discourse on migration, 2015–2018 // Humanities and Social Sciences Communications. – 2022. – Т. 9. – №. 1. – С. 1-12.
- 5) Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1958.
- 6) Park R. E., Burgess E. W. The city. – University of Chicago Press, 2019.
- 7) Castles, Stephen, and Godula Kosack. 1973. Immigrant workers and class structure in Western Europe. Oxford: Oxford University Press.
- 8) Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream : assimilation and contemporary immigration // Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2003.
- 9) Allport, G. W. The nature of prejudice. - 1-е изд. - Cambridge, MA: Perseus Books, 1954
- 10) Saqia B. et al. Deep Learning-Based Identification of Immoral Posts on Social Media Using Fine-tuned Bert Model // International Journal of

Вандина Мария Максимовна

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Российская Федерация*

**Творчество в виртуальном мире: тренды и ограничения в
контексте государственного и муниципального управления на
примере Свердловской области**

Цифровизация трансформирует творчество, перенося его в виртуальный мир, где создаются новые формы самовыражения. Государственное управление играет ключевую роль в стимулировании этих процессов. В России Федеральный закон № 330-ФЗ от 08.08.2024 определяет креативные индустрии как базовый сектор экономики, устанавливая меры поддержки, включая реестры субъектов и гранты[1].

Распоряжение Правительства РФ № 2613-р от 20.09.2021 (ред. 21.10.2024) утверждает Концепцию развития креативных индустрий до 2030 года, подчеркивая цифровые сервисы, экосистемы для предпринимательства и локальную идентичность[2]. Муниципалитеты формируют кластеры с инфраструктурой для VR-контента, усиливая взаимодействие с сообществом.

В России существует множество примеров творческих пространств с применением технологий виртуальной или дополненной реальности. Например, в Екатеринбурге существует исторический парк «Россия — Моя история», который использует VR, 3D-моделирование и интерактивные экраны для панорамного представления истории[3]. Также в Свердловской области существуют модельные библиотеки, такие как «МИКС» в Серове, оснащенные VR-шлемами и интерактивными комплексами с зонами для творчества и инклюзии. Данные примеры являются внедрением виртуальных технологий в творчество регионов России.

Тема цифровизации требует определенных ограничений. Например, Федеральный закон № 149 ограничивает доступ к информации для защиты нравственности и безопасности, требуя идентификации в иностранных системах и блокировку вредного контента[4]. Это обеспечивает защиту данных, балансируя свободу творчества с рисками.

Цифровизация трансформирует творчество в виртуальном мире, где новые технологии создают новые формы самовыражения, а государ-

ственное и муниципальное управление обеспечивает их развитие через нормативно-правовое регулирование.

Источники и литература

- 1) О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон № 330-ФЗ от 08.08.2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2026)
- 2) Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (ред. от 21.10.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2026)
- 3) Официальный сайт исторического мультимедийного парка «Россия-Моя история» [Электронный ресурс] URL: <https://myhistorypark.ru/> (дата обращения: 25.01.2026)
- 4) Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон №149 от 27.07.2006 (ред. 24.06.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2026)

Волнистая Марина Георгиевна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Формирование коммуникативных навыков и критического мышления у студентов методами философских и социально-гуманитарных дисциплин

Социально-гуманитарная компонента в учебном плане современного университета является обязательной академической составляющей в фундаментальной и профессиональной подготовке выпускника высшей школы. Именно она оказывает основное влияние на профессиональную культуру и мировоззрение, научную картину мира и социализацию будущего специалиста с высшим образованием [1]. Социально-гуманитарная подготовка и ее содержание определяют системность мышления и само качество будущей профессиональной культуры выпускника университета. В настоящее время социально-гуманитарные дисциплины особенно

актуализированы в образовательном пространстве высшей школы Республики Беларусь. Это связано в первую очередь не только с информационными рисками и угрозами, оказывающими сильное воздействие на общественное сознание молодых людей через сетевое информационное пространство, но и с необходимостью формирования и воспитания мировоззренческих и гражданских установок, установок социальной ответственности перед обществом у современной студенческой молодежи [2]. Актуализировалась проблема воспитания у молодого поколения уважения к историко-культурному наследию своей страны, формирования духовно-нравственных ориентиров и истоков патриотизма и исторической памяти, укрепления социальных связей между поколениями. Современные информационные риски и глобальные информационные войны требуют более внимательного отношения к социально-гуманитарной компоненте высшего образования в суверенном государстве. Философские и социальные, культурологические и исторические дисциплины непосредственно участвуют в реализации информационно-воспитательной функции учреждения высшего образования. Они направлены в том числе на гражданско-патриотическую составляющую в процессах социализации молодых людей в современном жестком и прагматичном «обществе потребления». В учреждениях высшего образования Республики Беларусь формирование коммуникативных навыков и критического мышления у студентов предусмотрено в целевых задачах учебных программ социально-гуманитарных и философских дисциплин, которые направлены на развитие не только высокой профессиональной культуры, но и на воспитание у студентов уважения к истории и символам своего государства, уважение и знание историко-культурного наследия и культурных традиций, формирование исторической памяти белорусского народа, формирование социальной ответственности у выпускника высшей школы за результаты своей профессиональной деятельности, ответственности перед обществом и государством за будущее своей страны. За многолетний опыт преподавания дисциплины «Философия» в техническом вузе и дисциплин «Социология» и «Социология культуры» в Белорусском государственном университете, особенно во время проведения семинарских занятий, нами наблюдалась эволюция процессов как студенты применяют интернет, информационные технологии и, наконец, приложения ИИ для своей подготовки к семинарам по социальным и философским дисциплинам. Следует отметить, прежде всего достаточно высокий интерес и мотивацию к изучению социально-гуманитарных дисциплин у студенческой молодежи, интерес к социально-гуманитарному знанию. Наблюдения позволяют так же сделать вывод о положительном восприятии

студентами социально-философской и гуманитарной составляющей в вузе. [3]. Это подтверждают и социологические опросы, выделяя большое влияние дисциплин социально-гуманитарного цикла на развитие коммуникативных навыков и критического мышления, развитие умений работать в команде у будущих специалистов с высшим образованием, а возможно и у будущих руководителей инновационных производств и научных структур. Отдельно следует выделить возрастающий интерес со стороны студентов к экспертным точкам зрения специалистов по различным актуальным проблемам развития культуры и экономики, социальной сферы современного общества, к государственной политике и к оценкам глобальных проблем современной цивилизации. Использование медийных ресурсов на образовательном портале в учебном процессе БГУ создает сегодня необходимые условия для этого. Интерес представляет прежде всего то, как интерпретируют информацию наши студенты, используя технологии ИИ и другие цифровые источники. Большое значение для развития навыков критического мышления и университетского коммуникативного пространства, по нашему мнению, играют тематические междисциплинарные курсы по социально-гуманитарным, философским и историческим дисциплинам. Этот положительный опыт уже давно есть у наших коллег во многих российских вузах, начата подобная практика и в БГУ. Междисциплинарная коммуникация способствует развитию необходимых навыков критического мышления и навыков ведения академической дискуссии, умению отстаивать свою точку зрения, обучает искусству задавать вопросы и аргументации. Философские и социально-гуманитарные дисциплины играют сегодня достаточно важную роль в формировании личностной мировоззренческой компоненты в условиях информационных рисков, эти дисциплины актуальны для профессиональной культуры будущего специалиста с высшим образованием, и педагогические коммуникативные системы, выстроенные с участием проблемного поля философских и социально-гуманитарных дисциплин успешно решают эти задачи.

Источники и литература

- 1) Данилов, А. Н. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции // Социологические исследования. СОЦИС. – 2023. – № 2. – С. 63-71.
- 2) Мамедов, А.К., Волнистая, М.Г. Проблема интернет-зависимостей в молодежной среде // Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи : сб. науч. ст. - Минск :

РИВШ, 2020. - (Современная молодежь и общество / под науч. ред. И. И. Калачёвой; ISSN 2410-4213; Выпуск 8). - С. 5-9./ <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249817> – Дата обращения – 12.01.2026.

- 3) Волнистый, А.Г., Волнистая, М.Г., Воспитательный потенциал социально-гуманитарных дисциплин в формировании профессиональной культуры выпускника университета// Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы: сборник материалов XXI научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 29 марта 2024 г., Минск / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: Н. В. Курилович (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 47-51.

Волнистая Марина Георгиевна¹, Волнистый Андрей Григорьевич²

1 - Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 2 - Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Формирование коммуникативных навыков и критического мышления у студентов методами философских и социально-гуманитарных дисциплин

Социально-гуманитарная компонента в учебном плане современного университета является обязательной академической составляющей в фундаментальной и профессиональной подготовке выпускника высшей школы. Именно она оказывает основное влияние на профессиональную культуру и мировоззрение, научную картину мира и социализацию будущего специалиста с высшим образованием [1]. Социально-гуманитарная подготовка и ее содержание определяют системность мышления и само качество будущей профессиональной культуры выпускника университета. В настоящее время социально-гуманитарные дисциплины особенно актуализированы в образовательном пространстве высшей школы Республики Беларусь. Это связано в первую очередь не только с информационными рисками и угрозами, оказывающими сильное воздействие на общественное сознание молодых людей через сетевое информационное пространство, но и с необходимостью формирования и воспитания мировоззренческих и гражданских установок, установок социальной ответствен-

ности перед обществом у современной студенческой молодежи [2]. Актуализировалась проблема воспитания у молодого поколения уважения к историко-культурному наследию своей страны, формирования духовно-нравственных ориентиров и истоков патриотизма и исторической памяти, укрепления социальных связей между поколениями. Современные информационные риски и глобальные информационные войны требуют более внимательного отношения к социально-гуманитарной компоненте высшего образования в суверенном государстве. Философские и социальные, культурологические и исторические дисциплины непосредственно участвуют в реализации информационно-воспитательной функции учреждения высшего образования. Они направлены в том числе на гражданско-патриотическую составляющую в процессах социализации молодых людей в современном жестком и прагматичном «обществе потребления». В учреждениях высшего образования Республики Беларусь формирование коммуникативных навыков и критического мышления у студентов предусмотрено в целевых задачах учебных программ социально-гуманитарных и философских дисциплин, которые направлены на развитие не только высокой профессиональной культуры, но и на воспитание у студентов уважения к истории и символам своего государства, уважение и знание историко-культурного наследия и культурных традиций, формирование исторической памяти белорусского народа, формирование социальной ответственности у выпускника высшей школы за результаты своей профессиональной деятельности, ответственности перед обществом и государством за будущее своей страны. За многолетний опыт преподавания дисциплины «Философия» в техническом вузе и дисциплин «Социология» и «Социология культуры» в Белорусском государственном университете, особенно во время проведения семинарских занятий, нами наблюдалась эволюция процессов как студенты применяют интернет, информационные технологии и, наконец, приложения ИИ для своей подготовки к семинарам по социальным и философским дисциплинам. Следует отметить, прежде всего достаточно высокий интерес и мотивацию к изучению социально-гуманитарных дисциплин у студенческой молодежи, интерес к социально-гуманитарному знанию. Наблюдения позволяют так же сделать вывод о положительном восприятии студентами социально-философской и гуманитарной составляющей в вузе. [3]. Это подтверждают и социологические опросы, выделяя большое влияние дисциплин социально-гуманитарного цикла на развитие коммуникативных навыков и критического мышления, развитие умений работать в команде у будущих специалистов с высшим образованием, а возможно и у будущих руководителей инновационных производств и на-

учных структур. Отдельно следует выделить возрастающий интерес со стороны студентов к экспертным точкам зрения специалистов по различным актуальным проблемам развития культуры и экономики, социальной сферы современного общества, к государственной политике и к оценкам глобальных проблем современной цивилизации. Использование медийных ресурсов на образовательном портале в учебном процессе БГУ создает сегодня необходимые условия для этого. Интерес представляет прежде всего то, как интерпретируют информацию наши студенты, используя технологии ИИ и другие цифровые источники. Большое значение для развития навыков критического мышления и университетского коммуникативного пространства, по нашему мнению, играют тематические междисциплинарные курсы по социально-гуманитарным, философским и историческим дисциплинам. Этот положительный опыт уже давно есть у наших коллег во многих российских вузах, начата подобная практика и в БГУ. Междисциплинарная коммуникация способствует развитию необходимых навыков критического мышления и навыков ведения академической дискуссии, умению отстаивать свою точку зрения, обучает искусству задавать вопросы и аргументации. Философские и социально-гуманитарные дисциплины играют сегодня достаточно важную роль в формировании личностной мировоззренческой компоненты в условиях информационных рисков, эти дисциплины актуальны для профессиональной культуры будущего специалиста с высшим образованием, и педагогические коммуникативные системы, выстроенные с участием проблемного поля философских и социально-гуманитарных дисциплин успешно решают эти задачи.

Источники и литература

- 1) Данилов, А. Н. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции // Социологические исследования. СОЦИС. – 2023. – № 2. – С. 63-71.
- 2) Мамедов, А.К., Волнистая, М.Г. Проблема интернет-зависимостей в молодежной среде // Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи : сб. науч. ст. - Минск : РИВШ, 2020. - (Современная молодежь и общество / под науч. ред. И. И. Калачёвой; ISSN 2410-4213; Выпуск 8). - С. 5-9. / <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249817> – Дата обращения – 12.01.2026.
- 3) Мамедов, А.К., Волнистая, М.Г. Проблема интернет-зависимостей в молодежной среде // Социальная, культурная и междуна-

родная коммуникация молодежи : сб. науч. ст. - Минск : РИВШ, 2020. - (Современная молодежь и общество / под науч. ред. И. И. Калачёвой; ISSN 2410-4213; Выпуск 8). - С. 5-9. / <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249817> – Дата обращения – 12.01.2026.

Востоков Максим Фёдорович

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

**Цифровое неравенство как механизм воспроизводства
социальных рисков**

В условиях продолжающейся цифровой трансформации цифровое неравенство перестаёт быть исключительно проблемой доступа к технологиям и приобретает характер устойчивого механизма воспроизводства социальных рисков. Для понимания данного процесса важно учитывать структурную дифференциацию форм цифрового неравенства. В рамках классических подходов широко используется трёхуровневая модель цифрового неравенства [1], включающая: 1) доступность информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); 2) наличие навыков работы с цифровыми технологиями; 3) эффективность использования ИКТ. Именно на последнем уровне, когда индивиды формально включены в цифровое пространство, проявляются новые формы уязвимости и рисков.

Одним из ключевых проявлений данного процесса становится алгоритмический разрыв, связанный с неравным воздействием алгоритмических систем на различные социальные группы [3]. Алгоритмы, определяющие видимость и доступность информации, характеризуются непрозрачностью и асимметрией контроля, что формирует различия в информационных траекториях пользователей и неравные условия принятия решений. Алгоритмический разрыв выступает предпосылкой алгоритмической дискриминации, при которой автоматизированные системы воспроизводят и усиливают существующие формы социального неравенства. Использование систем искусственного интеллекта способствует масштабированию подобных эффектов и снижению роли человеческого контроля [2].

Особую роль в закреплении алгоритмического разрыва играют рекомендательные системы цифровых платформ. Персонализированный отбор контента формирует «информационный пузырь» – алгоритмиче-

ски сконструированную информационную среду, ограничивающую доступ к альтернативным точкам зрения [5]. Наряду с этим возникают «эхо-камеры» – закрытые коммуникативные пространства, где циркулирует преимущественно информация, подтверждающая убеждения индивида [4]. Тем самым пользователи оказываются включены в ограниченные информационные потоки. Неравномерное распределение способности сохранять автономию информационного выбора ведёт к фрагментации публичной сферы и атомизации социальных групп.

Дополнительным измерением цифрового неравенства становится разрыв в управлении цифровыми рисками. Наличие цифровой грамотности, времени и ресурсов для настройки приватности позволяет одним группам минимизировать последствия цифровых угроз, тогда как другие оказываются лишены подобных возможностей. В результате цифровое неравенство трансформируется в неравенство управляемости рисков, при котором социальная уязвимость закрепляется и воспроизводится.

Таким образом, цифровое неравенство формирует основу для новых форм социальной дифференциации и выступает значимым механизмом воспроизводства социальных рисков в условиях углубляющейся цифровизации.

Источники и литература

- 1) Басова Е.А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29046> (дата обращения: 29.01.2026).
- 2) Володенков С.В., Федорченко С.Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 24-48.
- 3) Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171-192.
- 4) Русаков А.Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник СПбГИК. 2019. № 2 (39). С. 11-15.
- 5) Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 304 p.

Гридина Юлия Борисовна

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия

Искусственный интеллект в повседневных цифровых практиках молодежи

В условиях цифровой трансформации общества технологии искусственного интеллекта становятся значимым элементом повседневных цифровых практик молодежи. Молодое поколение характеризуется высокой степенью вовлеченности в цифровую среду, что обуславливает активное использование интеллектуальных алгоритмов в коммуникации, образовании и информационном потреблении. Повседневные практики формируются в пространстве цифровых платформ, где искусственный интеллект встроен в привычные сервисы и приложения.

Использование искусственного интеллекта молодежью чаще всего носит рутинный и не всегда осознанный характер. Рекомендательные алгоритмы, интеллектуальные помощники и автоматизированные фильтры контента становятся частью обыденного пользовательского опыта. Как отмечает М. М. Назаров, «диффузия цифровых инноваций в социальной группе молодежи проходила опережающими темпами» [1, с. 141], что позволяет рассматривать молодежь как ключевого актора освоения и распространения технологий искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект оказывает влияние на трансформацию способов мышления и поведения в цифровой среде. В образовательных и коммуникативных практиках интеллектуальные системы используются для обработки информации, поддержки принятия решений и расширения возможностей самоорганизации. По мнению Х. Ф. Саттарова, «искусственный интеллект – это продукт человеческого интеллекта, а молодежное движение – его обновление. Искусственный интеллект – это будущее, и молодежь играет ключевую роль в его построении» [2, с. 894]. Данная позиция подчеркивает значимость молодежи как активного субъекта цифровых трансформаций и формирования новых практик взаимодействия с интеллектуальными технологиями.

Наряду с индивидуальными практиками использование искусственного интеллекта затрагивает институциональные аспекты взаимодействия государства и молодежи. В рамках государственной молодежной политики искусственный интеллект применяется для анализа цифровых данных и повышения эффективности коммуникации с молодым поколением. В работах К. Е. Стребковой, Д. А. Мальцевой и Д. А. Федотова подчеркивается, что технологии искусственного интеллекта используют-

ся как инструмент повышения эффективности вовлечения молодежи в общественные и социальные процессы [3].

Таким образом, искусственный интеллект становится неотъемлемой частью повседневных цифровых практик молодежи, влияя на формы социальной активности, способы получения информации и модели взаимодействия с обществом. Анализ данных практик позволяет выявить ключевые направления трансформации молодежной среды в условиях развития интеллектуальных технологий.

Источники и литература

- 1) Назаров М. М. Искусственный интеллект и алгоритмические решения в социальной сфере: представления молодёжи // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 3. С. 141–158.
- 2) Саттаров Х. Ф. Молодёжь и искусственный интеллект: движение к новому мышлению // Экономика и социум. 2025. № 10 (136)-1. С. 889–894.
- 3) Стребкова К. Е., Мальцева Д. А., Федотов Д. А. Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 590–605.

Гримов Олег Александрович

*Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская
Федерация*

Теоретический аппарат осмысления цифровой культуры

В современных условиях развития средств и технологий сетевой коммуникации расширяется также и смысловое содержание уже устоявшихся терминов для описания того коммуникативного и технологического контекста, свидетелями которого мы являемся. Так, одной из подобных категорий является понятие «цифровая культура», отражающее как широкие культурные рамки информационно-коммуникативных технологий, так и конкретные их практические приложения и продукты. В целом под цифровой культурой можно понимать систему современных цифровых средств и технологий, обусловленных ими культурно-коммуникативных

норм, ценностей, практик и артефактов. Однако стремительный характер изменений самой «цифры» требует также перманентного обновления методологического аппарата. Рассмотрим далее актуальные аспекты цифровой культуры и теоретический аппарат их социологической проблематизации.

Современные цифровые технологии характеризуются трансформацией субъектности (появлением её новых форм – распределённой, коллективной, гибридной социотехнической). При этом сама концептуальная фигура субъекта ещё со времен постмодернистской критики подвергается обесцениванию. Утрату субъектности авторства в культурных практиках постмодерна можно обнаружить и в цифровых практиках современности. Можно сказать об экзистенциальной недостаточности субъекта в цифровой среде. Значимым здесь представляется разработанный Ф. Лаку-Лабартом концепт «дезистенция» [1], фиксирующий неустойчивость и неполноценность экзистенциальных координат современного субъекта. Данная идея созвучна предложенным Ж. Батаем [2] категориям «проклятой части» и «суверенности». В цифровом пространстве можно обнаружить определённые зоны обмена, где сосредотачиваются и распределяются «излишки» цифровой культуры – тот контент, который не отвечает категориям утилитарности, а служит объектом свободного обмена (например, торрент-трекеры).

Значительным потенциалом для анализа цифровой культуры обладает также теория ассамбляжей [3]. В ней рассматриваются возможности рассмотрения комбинаций таких объектов, которые не связаны устойчивыми функциональными отношениями и зависимостями. Ассамбляж – это сборка объектов разной онтологической природы; в структуре ассамбляжа приоритетным является множественность социальных связей, лишенных при этом предзаданных свойств. Формируемые в контексте ассамбляжа социальные отношения в силу своей множественности и динамичности принципиально не могут быть рассмотрены в классической субъект-объектной логике. При этом комбинации различных объектов в ассамбляже кратковременны и спонтанны. Цифровые ассамбляжи, как правило, недолговечны и носят искусственный характер (нередко с применением технологий искусственного интеллекта).

Представленные теории и связанные с ними концепты могут обогатить социологическое осмысление феномена цифровой культуры как на теоретическом, так и на прикладном уровне.

Источники и литература

- 1) Лаку-Лабарт Ф. Проблематика возвышенного // Новое литературное обозрение. 2009. № 95.
- 2) Bataille G. The accursed share. Vol. I: Consumption. New York: Zone Books, 1991.
- 3) Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.

Грошева Любовь Игоревна

*Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова
училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова,
Тюмень, Россия*

Проявление тревожности молодёжи в процессе цифровизации коммуникаций

Развитие технологий цифровой коммуникации, а также интенсивное внедрение искусственного интеллекта в различные практики сформировало новую коммуникативную реальность, которая влияет на поведение и самочувствие молодёжи. Формируемая тревожность как реактивная, так и личностная категория – предопределяет вероятные проявления деструктивной экономической активности, а также нанесение морально-психологического вреда, препятствующего социальной инклюзии различных групп молодёжи.

Исследования Т.А. Горбачевой демонстрируют высокую активность делинквентного сообщества, в особенности в отношении финансовых операций, удалённых форм дохода, а также в системе защиты информации. Распространение информации о деятельности преступных сообществ становится одним из факторов тревожности молодых людей, которые ориентированы на формирование личной финансовой стабильности [2, с. 98]. Подобный эффект ранее был обнаружен исследователями в ходе анализа социально-политической активности населения, в рамках которой утрата способности различать достоверную и фальсифицированную информацию приводила к фрустрации, и стагнировала деятельность в социально значимых направлениях жизни общества, стимулировала отказ от выбора, стереотипизацию социальных установок и снижение доверия к базовым социальным институтам [1, с. 411].

С целью анализа факторов и специфики проявления тревожности в молодёжной среде в рамках реализации активности в цифровой среде,

автором статьи в августе-декабре 2025 года было проведено исследование методом фокус-групп (N=32, группы по 5-7 человек, мужчины и женщины в равных долях) среди молодых людей, имеющих опыт взаимодействия с нейросетевым пространством и коммуникативной цифровой средой не менее 1 года.

Результаты исследования показали, что молодые люди испытывают затруднения в работе с цифровой коммуникативной средой, так как демонстрируют достаточно низкие навыки верификации предлагаемых данных. Недостаточно чёткое понимание механизма функционирования искусственного интеллекта стимулирует рост тревоги относительно личной и финансовой безопасности. Совершенствование технологий обработки текстовой, аудиальной и графической информации нейросетевыми структурами формирует у молодёжи три приоритетных поведенческих модели. Первая заключается в интуитивном доверии к тем сообщениям, которые характеризуются непротиворечивостью, соответствуют исходным стереотипическим установкам пользователей, а также имитируют логику изложения живого автора. Вторая модель основана на автоматическом отвержении любой информации, если она отличается нестандартным содержанием или неоднозначной подачей. Третья модель предполагает игнорирование любых форматов данных, которые не относятся к непосредственному инструментарию для принятия решений, и принудительную верификацию тех сведений, которые входят в круг интересов или потребностей. Выбор приоритетной стратегии в значительной мере происходит на основе интуитивного подхода, а также случайной выборки в рамках анализа данных.

Источники и литература

- 1) Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 2. 406-424.
- 2) Горбачева Т.А. Искусственный интеллект: риски и проблемы внедрения в Российской Федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 1. С. 96-105.

Гусарова Татьяна Евгеньевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Стратегии самопрезентации личности в блогинге как отражение тенденций современного общества

В XXI веке социальные сети стали основной платформой для самопрезентации личности. Количество аккаунтов растет, а их качественное развитие приводит к формированию нового вида творческой и профессиональной занятости – блогинга.

Согласно И. Гофману, индивид конструирует публичное «Я», что является социально и психологически формируемой практикой самопрезентации. Блогинг дает пользователям возможность делать это через трансляцию повседневной жизни и личных ценностей. Это позволяет выявить актуальные стратегии цифровой самопрезентации и отследить их соответствие общественным тенденциям современности.

Для исследования, в котором участвовало 11 блогеров разного пола в возрасте 19–28 лет, использовался метод глубинного интервью. Участникам были заданы открытые вопросы об их пути в блогинге: причинах и целях ведения блога, его роли в повседневной жизни, значимости отклика аудитории и трудностях.

Обработка ответов осуществлялась методом тематического анализа, в результате чего были выявлены основные категории: денежная мотивация, самореализация, самовыражение, хобби, создание личного бренда, общественное признание, помощь людям, формирование сообщества, политическая и экономическая нестабильность, сложности в трудоустройстве, конкуренция.

Исследование показало, что блогеры используют несколько стратегий самопрезентации. Наиболее часто выбираемой стратегией является демонстрация профессиональных компетенций. Среди причин – нестабильная ситуация на рынке труда и высокая конкуренция. Цель стратегии – формирование доверия к себе как к профессионалу для того, чтобы быть востребованным кадром. Еще одной стратегией является трансляция повседневного опыта через призму эмоциональной рефлексии. Блогеры рассказывают о событиях из личной жизни, своих достижениях и переживаниях. Так они формируют эмоциональную близость с аудиторией и подчеркивают аутентичность. Блогеры отмечают, что эта стратегия помогает им чувствовать себя менее одиноко и ощущать собственную социальную значимость. Нередко блогеры объединяют эти две стратегии, чтобы транслировать стремление к гармоничному образу жизни и возможность его реализации даже в нестабильных условиях современности.

Вспомогательными стратегиями являются визуальная эстетизация даже непривлекательных сторон жизни и активное вовлечение аудитории для получения обратной связи как ресурса самореализации.

Используя эти стратегии, блогеры транслируют такие ценности, как профессиональный рост, индивидуальность и уникальность, социальная значимость, творчество, аутентичность. Это соотносится с современными общественными тенденциями: людям важно быть заметными и компетентными в условиях высокой конкуренции, оставаться спокойными, несмотря на экономический и политический кризисы, и чувствовать себя значимыми в мире нестабильных социальных связей.

Таким образом, стратегии самопрезентации блогеров напрямую связаны с ценностями, формирующимися под влиянием тенденций современного общества.

Источники и литература

- 1) Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
- 2) Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельнику и Н.Фёдоровой; Посл. А.Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
- 3) Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ., вступ. ст. А. Д. Ковалева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
- 4) Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. М.: Издательство “Логос” 2000. – 184 с.
- 5) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Данилов Александр Николаевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Виртуальная культура и коммуникация

Время рождает запрос на изменения. Периодически возникающие новые вызовы и риски приводят к поиску адекватной ответной реакции современного общества, его институтов, человека. Меняется проблемное

поле науки, тематика исследований, что предполагает возможность выхода на новые теоретические обобщения, обновление теории или методологии анализа. К сожалению, человечество все еще не в состоянии ответить на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним современное развитие. В последнее время все больше получает подтверждение мысль о том, что в центре крупных перемен в жизни современного общества и ее социосферы стоят изменения культуры, которые, как правило, являются следствием переосмысливания глубинных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Прав был М.К. Горшков, когда утверждал, что культура становится «мерой человеческого в человеке». Статус ключевого элемента общественной системы придает культуре две ее характеристики: критическое осмысление многовекового исторического опыта народа, его традиций и ценностей и, пожалуй, самое главное – побуждать современников слышать голос народа из глубины веков и руководствоваться достижениями предков при социальном строительстве будущего страны.

К настоящему времени в мире уже сложилось глобальное коммуникационное пространство, которое успешно функционирует в глобальном виртуальном мире и существенно влияет на все стороны жизни общества и человека. В условиях виртуализации общества и расширение данного сегмента в социосфере возникает виртуальная культура, которая формирует категориальный строй сознания людей новой эпохи, целостный образ жизненного мира человека, выражающий отношение к природе и обществу, возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты части общества, включенного в виртуальное пространство. Эта активная часть общества становится той питательной средой, которая определяет направленность его изменений и их содержание. В процессе виртуальной коммуникации «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности и наполняются новым смыслом.

Виртуальная коммуникация оказывает существенное влияние на сознание личности, формирование ее поведенческих установок, оценок, мнений, убеждений, ценностей, жизненных стратегий, национальной и культурной идентичностей. События последних десятилетий в мире показывают все возрастающее влияние виртуальной коммуникации на поведенческие установки населения, формирование мировоззрения.

Будущее, которое выстраивается сегодня, в том числе с нашим непосредственным участием, и ведущее к новой архитектуре социосферы с помощью виртуальной коммуникации рождает новые вызовы и риски. Выстраивание безопасного будущего напрямую сопряжено с сохранением биосферы как важнейшего фактора выживания человечества. И это потребует переоценки основополагающих принципов общественного раз-

вития, факторов устойчивости жизнедеятельности, а самое главное – ценности человеческой жизни, значения культуры, науки и образования в выстраивании стратегии будущего. Конечно, мир, преодолев возникшие вызовы и риски, выйдет из этих перемен и потрясений, совершенно иным. . .

Доброхотов Леонид Николаевич

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Формирование патриотических установок в цифровом коммуникативном пространстве

Если говорить о России, наша история, наша культура, православная религия настолько пронизаны любовью к Отечеству и решимостью народа в любые времена защищать его до последней капли крови, что у нас ставить под сомнение само понятие и значимость патриотизма неуместно. Однако, вопреки этой очевидности, и в дореволюционные, и даже в первые революционные годы, а особенно в перестроечный и ельцинский период усилиями либералов и космополитов оно не просто подвергалось сомнению. Оно осмеивалось и отвергалось. Еще в XIX веке современник Пушкина (!) поэт Владимир Печерин под влиянием, по его собственному признанию, своеобразно понятого им «байронизма», оставил строки:

*Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!/[1]*

Великий Достоевский словами одного из своих персонажей уже давно, но на все времена ясно высказался в «Бесах» по этому поводу: «Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить».[2]

К счастью, за горьким похмельем 90-х и нулевых годов последовало осмысление происшедшей рукотворной трагедии и растущие усилия по восстановлению нашей государственности и цивилизационной идентичности.

Опросы показывают, что в целом современная российская молодежь, в том числе студенчество, в большинстве своем разделяет патриотические ценности, что с особой очевидностью проявляется в добровольном участии многих тысяч ребят в защите интересов Отечества в ходе СВО,

в целом отношении молодежи к Великой Отечественной войне советского народа, к дореволюционной и советской истории, свершениям и героям нашего народа во все века его существования. Поддержку большинства молодежи, как показывают опросы и наблюдения автора этих строк, вызывает нынешняя политика президента страны и Федерального собрания, думских партий в области внешней политики и безопасности государства.

Согласно данным мартовского 2024 г. всероссийского опроса ВЦИОМ, уровень патриотизма в российском обществе сейчас высок как никогда: ныне патриотами себя считают 94% наших сограждан, в том числе безусловными патриотами — 62%, это абсолютный максимум за весь период наблюдений. В целом тренд на «безусловный патриотизм» берет начало осенью 2014 г., когда доля «безусловных» патриотов впервые за долгое время ощутимо превысила долю «скорее» патриотов (48% vs. 36%). Одно из очевидных объяснений всплеска патриотизма в обществе в тот период — воссоединение Крыма с Россией и начало специальной военной операции. Протестные настроения среди молодежи страны находятся на исторически низком уровне[3]

Правда, при этом надо учитывать, что по разным причинам не все опросы общественного мнения соответствуют реальным умонастроениям различных групп населения нашей страны, в том числе и молодежи. Так, несмотря на широкое признание и наличие долгого исторического опыта, результаты ВЦИОМ нередко вызывают споры. Есть множество примеров, когда официальные данные опросов значительно расходятся с мнением общества, выражаемым в социальных сетях или публичных обсуждениях.

Тем более, что молодежь ежедневно подвергается массированному идеологическому, ценностному воздействию враждебных интересам нашего государства социальных сетей, особенно с использованием инструментов мягкой силы — музыки, кино, компьютерных технологий, в том числе по линии украинской подрывной пропагандистской службы ЦИП-СО и тысяч западных или оплачиваемых Западом других центров влияния. При этом надо учесть, что хотя на федеральных каналах телевидения России в последние годы достаточно профессионально работают противостоящие этому враждебному влиянию и разоблачающие ложь Запада программы типа «Антифейк», молодежь в целом мало интересуется программами телевидения, будучи почти целиком поглощена социальными сетями.

В этой связи, помимо эффективной контрпропагандистской работы с молодежью именно в социальных сетях, необходимо проводить с ней

более многогранные и открытые исследования, которые позволят учесть реальность взглядов молодежи, как бы к ним не относиться, разнообразие ее интересов и настроений, определить наиболее эффективные пути влияния на них. Только так можно достичь гармонии между официальными данными и реальным общественным мнением, что станет решающим фактором для устойчивого развития страны в будущем.

Полагаю, что в МГУ, как и в целом в стране работа по патриотическому и гражданскому воспитанию студенчества должна быть значительно активизирована с активным привлечением к ней профессорско-преподавательского состава.

Источники и литература

- 1) Печерин В.С. Оправдание моей жизни. Памятные записки. "Наше наследие", 1989, № 1-3
- 2) Достоевский Ф.М. Бесы. Часть первая. Глава четвертая. Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах
- 3) ВЦИОМ: патриотизм среди российской молодежи достиг рекордных 99%

Долаберидзе Мария Андреевна

РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия

Дейтинг-усталость в цифровую эпоху: социологические факторы выгорания пользователей российских платформ для знакомств

В российской действительности существует множество дейтинговых приложений. Со всех сторон мы натываемся на заголовки по типу «Топ-9 приложений для знакомств-2025», «12 лучших приложений для знакомств», «16 лучших приложений для знакомств в 2026 году» и многие другие. Приложения уходят и приходят. Свято место пусто не бывает и сервисам всегда в скором времени находится замена. Летом 2023 года Tinder покинул Россию. После ухода Badoo в 2022 году он считался самым популярным дейтинговым приложением в России. На уход гигантов отечественный рынок отреагировал мгновенно. Общее число установок топовых приложений для онлайн-знакомств в РФ продемонстрировало снижение: с 17.5 млн. в 2023 году до 16.7 млн. в 2024 [1].

Казалось бы, спрос упал, но тенденция интереса к приложениям сохраняется. Уже в 2024 году VK Знакомства за счет глубокой интеграции в экосистему VK показали стремительный рост установок на 199% и к концу 2024 года стали лидером рынка. Другие приложения также укрепили свои позиции [2]. Тем не менее, сохраняется одна из главных проблем всех онлайн-платформ для знакомств – «усталость от свайпов». Многовариантность и доступность потенциальных партнеров в сфере онлайн, с одной стороны, призвана способствовать решению проблемы одиночества и поиску «своего человека». С другой стороны, постоянная и непрерывная практика «зависания» в дейтинг-приложениях будит ранее существовавшие и разрастающиеся в пространстве и времени проблемы: страх выбора, неуверенность в себе, тотальное выгорание. Процесс пролистывания анкет вправо-влево превратился в такую же рутинную привычку как листание ленты социальных сетей и залипание. Конфликт возникает как в момент перегрузки нервной системы человека, так и в момент повышения тревожности из-за неудовлетворенности в целом и «парадоксом выбора». В то же время, сами сервисы еще больше вкладываются в развитие своих продуктов, активно внедряя ИИ-технологии. Роль ИИ в дейтинге сводится к снятию барьеров на старте общения: анализ переписки и предупреждение о токсичных сообщениях; сопоставление интересов, образа жизни; помощь в выборе места встречи, где вероятность понравиться друг другу выше.

Согласно Rambler&Co и TASS, около 70% россиян предпочитают заводить романтические знакомства в реальной жизни, приложения используют лишь 12%. Можно говорить о том, что онлайн-формат для многих людей остается «точкой входа» в отношения, но он далеко не всегда приводит к реальным встречам [3]. Рынок выбора партнера пытается предлагать улучшения, которые помогут упростить процесс поиска, но пока что онлайн-приложения по-прежнему сохраняют окрас маниакального пролистывания «товаров». Необходимо предлагать пользователям временные ограничения по пребыванию внутри онлайн-платформ для их же собственного благополучия и достижения лучших результатов в поиске: устанавливать лимит свайпов, что сместит фокус на осознанный выбор, напоминания о перерыве.

Источники и литература

- 1) «Не затягивайте со встречей»: исследовательница дейтинга – о правилах онлайн-знакомств. – URL: <https://t-j.ru/tinder-is-dead/> (дата обращения: 03.12.2025).

- 2) Как уход Tinder и «усталость от свайпов» открыли нишу для стартапов. – URL: <https://vc.ru/social/2052437-kak-uhod-tinder-izmenil-rynok-znakomstv> (дата обращения: 03.12.2025).
- 3) Без свайпов и фейков: как в новом формате знакомств ИИ заботится о безопасности. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/articles/138543-bez-svajpov-i-fejkov-kak-v-novom-formate-znakomstv-ii-zabotitsya-o-bezopasnosti/> (дата обращения: 03.12.2025).

Дроздова Анна Антоновна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Образ женщины в структуре общественного сознания: от философских моделей к коммуникационным механизмам информационного общества

1. Образ женщины рассматривается как элемент социального сознания, а не как совокупность индивидуальных представлений или социальных ролей. Социальное сознание понимается как система коллективно разделяемых ценностей, норм и смыслов, существующая независимо от отдельных лиц и оказывающая нормативное влияние на социальное поведение. В рамках этой концепции образ женщины функционирует как коллективное представление, структурирующее моральные ожидания, социальную ответственность и приемлемые формы участия в общественной жизни.

2. Образ женщины выполняет регулирующую и нормативную функцию в обществе. Он не просто отражает существующие социальные отношения, но активно участвует в их воспроизводстве. Через эти образы общества определяют, что считается желательным, нормальным или законным, тем самым связывая этические ценности с повседневными ожиданиями и практиками.

3. Историческая устойчивость образов женщин объясняется непрерывностью их социальной функции. На протяжении различных исторических периодов образы женщин служили символическими посредниками между моральными ценностями и социальными практиками. Хотя их конкретное содержание менялось, их роль как нормативных рамок оставалась относительно постоянной. Эта функциональная преемственность объясняет как устойчивость, так и адаптивность таких образов во времени.

4. Важная трансформация происходит в механизмах, посредством которых образы женщин создаются и нормализуются в контексте информационного общества. В доцифровых обществах нормативные образы формировались в основном стабильными институтами, такими как философия, религия, семья и государство. В отличие от этого, современные общества все больше полагаются на технологически опосредованную коммуникацию, где цифровые платформы, режимы видимости и повторение играют центральную роль в формировании коллективных представлений.

5. Цифровые технологии выступают в качестве активных посредников социального сознания, а не нейтральных каналов информации. В результате образы женщин приобретают социальное значение не через институциональную власть, а через коммуникативное распространение, взаимодействие и повторение в цифровой среде.

6. В условиях информационного общества женские образы формируются и распространяются через множественные цифровые и медийные коммуникационные пространства, в которых социальные ожидания закрепляются не институционально, а через повторение, видимость и публичное обсуждение. Индивидуальное самопонимание соотносится с социальными нормами прежде всего через коммуникативные практики, что делает коммуникацию ключевым механизмом социальной регуляции.

7. Утверждается, что анализ образов женщин как коммуникативных форм социального сознания обеспечивает продуктивную связь между социальной философией и социологией коммуникации. Такой подход смещает акцент с каталогизации образов на изучение процессов, посредством которых социальные смыслы конструируются, стабилизируются и трансформируются в технологически опосредованных публичных пространствах.

Источники и литература

- 1) Бурдьё П. Мужское господство / пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- 2) Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем. – М.: Высшая школа экономики, 2016.
- 3) Ганюшкина Е. С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения // Телескоп. — 2024. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-algoritmov-filtratsii-sotsialnyh-setey-na-formirovanie-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 20.01.2026).

- 4) Дюркгейм Э. Правила социологического метода / пер. с фр. – М.: Академический проект, 2018.
- 5) Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с фр. – М.: Канон+, 2014.
- 6) Зубофф Ш. Big Other: надзорный капитализм и перспективы информационной цивилизации // Journal of Information Technology. – 2015. – Т. 30, № 1. – С. 75–89. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1057/jit.2015.5> (дата обращения: 20.01.2026).
- 7) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- 8) Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. – СПб.: Журнал «Нева», 1999.
- 9) Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. – М.: Канон-пресс-Ц, 2003.
- 10) Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Современная коммуникативистика: опыт социологической рефлексии // Социологический журнал. – 2025. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/1450> (дата обращения: 20.01.2026).
- 11) Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–XIX вв.). – М.: Ладомир, 1997.
- 12) Сапон И. В., Леденев Д. Е. Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 36–50. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3. URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/2080/> (дата обращения: 25.01.2026).
- 13) Тренц Х.-Й. Теория публичной сферы как когнитивная инфраструктура: новые подходы в условиях цифровизации // Theory and Society. – 2024. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01914537231203905> (дата обращения: 15.01.2026).
- 14) Фуко М. История сексуальности. Т. 1: Воля к знанию / пер. с фр. – М.: Академический проект, 2010.
- 15) Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы / пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2001.
- 16) Эйзенеггер М., и др. Переосмысление публичной сферы в цифровую эпоху // Communication Theory. – 2023. – Т. 33, № 2–3. – С.

Дудин Геннадий Алексеевич

Самарский государственный аграрный университет, Самара, Россия

**Личность в условиях цифровой трансформации и
виртуальной реальности**

Цифровая трансформация обусловила виртуальное пространство (виртуальную реальность) «со своеобразной и многообразной системой общественных отношений» [1, с. 146]. Цифровая трансформация выступает и как «триггер в парадигмальных изменениях современной общественной жизни» [2, с. 398]. Цифровые технологии стали основой для разнообразных медийных средств, которые оказывают существенное влияние на социализацию личности – первичную, вторичную и самосоциализацию [3; 4]. А вместе с этим формируется и «виртуальный социальный капитал» [5]. Появились новые возможности в различных сферах жизнедеятельности.

Обнаружились и противоречивые аспекты существования личности в условиях цифровой трансформации и виртуальной реальности. Появились основания и для вопроса о возможных рисках, связанных с процессом дигитализации (цифровизации) общества [6]. Иначе говоря, с новыми достижениями в цифровых технологиях оказались возможны как польза для людей и общества, так и киберопасности. То есть, «цифровизация не всегда приводит к ожидаемым позитивным эффектам» [7, с. 161]. С цифровизацией связаны и новые риски, в том числе в сфере взаимоотношений поколений [8].

Поскольку цифровая среда создаёт благоприятные условия для быстрого распространения культуры массового потребления, то вместе с этим создаются условия и для «штампования» однотипных личностей («одномерного человека»). Информационно-цифровая среда способствует процессу «нивелирования идентичности индивида как личности» [2, с. 400]. Следует учитывать также, что опосредованные виртуальные коммуникации создают «благоприятную среду для формирования инфантилизации» [9, с. 69]. Коммуникации в виртуальном пространстве могут быть излишними и бесполезными, из-за чего социальный капитал индивида рискует и пострадать [5, с. 238]. Да и полезные возможности виртуальной среды не всегда используются рационально, поскольку, например,

оказываются недостаточно развитыми «коммуникативная и цифровая компетенции» [10, р. 381].

Цифровая культура подразумевает повсеместное использование цифровых технологий в повседневной жизни людей в целом (и в то же время требует необходимую и достаточную адаптацию к цифровым технологиям), а не только в узких сферах образовательной и трудовой деятельности. Поэтому объективно выдвигается в качестве программной цель – «общество с высоким уровнем цифровой культуры и инклюзивности» [11, р. 867]. Но следует признать, что до полномасштабной реализации такой цели ещё далеко. Например, пока остаётся невысокой степень соответствия уровня и качества подготовки, предоставляемой системой образования, реальным требованиям рынка труда, где «на первый план выходит владение цифровыми технологиями» [12, р. 514].

В целом, актуальной является задача не только адаптироваться к процессу цифровой трансформации и виртуальной реальности, но и использовать, по возможности, направлять этот процесс в интересах реализации необходимых обществу и личности гуманистических целей.

Источники и литература

- 1) Лебедева Л.Г. Цифровизация социума в аспекте преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 3. С. 143-149.
- 2) Мамедов А.К., Смирнова О.В., Денисова Г.В., Сапунова О.В. Конфликт реальной и цифровой личности участников медиакommunikационного процесса: результаты исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 2. С. 397–409.
- 3) Дунас Д.В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78.
- 4) Лебедева Л.Г. Роль масс-медиа в социализации личности и поколений (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 2. С. 139-144.
- 5) Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России. 2019. № 1. С. 229–241.

- 6) Лебедева Л.Г. К проблеме рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 165-173.
- 7) Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161-163.
- 8) Лебедева Л.Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 147-151.
- 9) Демиденко А.С. Виртуализация социальной коммуникации в контексте проблемы инфантилизации личности // Гуманитарий Юга России. 2024. № 6. С. 64-71.
- 10) Gris O., Lebedeva L.G. Actual competences for the russian civil service sistem // Digital Economy and the New Labor Market: Jobs, Competences and Innovative HR Technologies. Part of the Lecture Notes in Networks and Systems book series (LNNS, volume 161). Zug, 2020. Pp. 381-387. DOI: 10.1007/978-3-030-60926-9_49 EDN: ATOVPT
- 11) Lebedeva L.G. Digital Competence of Urban and Rural Residents (Generational Aspect) // Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds), Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality, ISCDTE 2021, Lecture Notes in Networks and Systems, volume 304, Springer Nature, 2022, pp. 867-873. DOI: 10.1007/978-3-030-83175-2_105 EDN: HUFOBB
- 12) Ashmarina S.I., Lebedeva L.G., Tokarev Y.A., Izmailov A.M. Students' and their Parents' choice of higher education Institution in the Era of Digitalization // Digital Age: Chances, Challenges and Future. Series. «Lecture Notes in Networks and Systems» 2020. Pp. 514-525. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_62 EDN: EMAUT

***Дудина Елизавета Антоновна¹, Ванаева Эльнара
Ильфатовна¹***

*1 - Уральский институт управления, Екатеринбург, Российская
Федерация*

**Госпаблики как канал публичной коммуникации власти и
граждан: на материалах социологического исследования**

В условиях цифровизации социальные сети закрепились как важный канал взаимодействия органов власти, подведомственных организаций, СМИ и граждан. Центральное место в этой системе занимают государственные паблики (далее – госпаблики), то есть официальные аккаунты государственных структур в социальных медиа. Их роль в формировании общественного мнения и повышении прозрачности деятельности власти сегодня становится особенно значимой.

По состоянию на декабрь 2025 г. в Свердловской области функционирует свыше 4,5 тыс. официальных пабликов органов государственной власти и подведомственных учреждений. По количеству таких аккаунтов регион входит в пятёрку лидирующих субъектов Российской Федерации [1].

В рамках исследования был проведен социологический опрос в форме анкетирования. В исследовании приняли участие 550 респондентов, которые были подписаны на госпаблики разного уровня власти и учреждений. Критерием отбора респондентов являлось наличие подписки на один или несколько госпабликов, а также возраст от 18 лет.

Участникам исследования был предложен онлайн-опрос через Яндекс-формы, направленный на выявление уровня доверия к информации, степени вовлеченности и удовлетворенности качеством публикуемого материала и обратной связи. –

Полученные данные свидетельствуют, что 48% респондентов регулярно просматривают публикации госпабликов, а 64% полностью либо скорее доверяют размещаемой информации. Около 30% опрошенных хотя бы раз направляли обращения (вопросы/проблемы) через паблики; среди них 65% получили ответ в течение трёх дней, 21% – в течение недели, тогда как 14% ответа не получили. В качестве ключевых дефицитов коммуникации респонденты выделили формальный стиль взаимодействия (47%), недостаточную оперативность (35%) и дефицит интересного контента (28%). В целом результаты подтверждают актуальность проблематики и формируют основание для разработки практических рекомендаций по повышению эффективности госпабликов.

В целом результаты исследования показывают, что госпаблики закрепились как востребованный канал публичной коммуникации: значимая доля аудитории регулярно обращается к публикациям и демонстрирует достаточно высокий уровень доверия к размещаемой информации. Это позволяет рассматривать госпаблики не только как инструмент информирования, но и как элемент цифровой публичной сферы, влияющий на формирование повестки и восприятие открытости деятельности органов власти и подведомственных учреждений.

Вместе с тем выявленные проблемы, как формализованный стиль общения, неоднородная оперативность ответов и недостаточная привлекательность контента – ограничивают потенциал госпабликов как канала обратной связи и сервиса для граждан. Следовательно, повышение эффективности их работы требует перехода от преимущественно одностороннего информирования к более диалоговой модели взаимодействия, включая стандартизацию сроков и качества ответов, адаптацию языка коммуникации к потребностям аудитории и развитие интерактивных форматов.

Источники и литература

- 1) Лучшие госпаблики названы в Свердловской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Свердловской области. 18.12.2025. URL: https://midural.ru/news/event_places/document296573/ (дата обращения: 20.01.2026)

Еланская Светлана Николаевна

Тверской государственный университет, кафедра социологии, г. Тверь, Россия

Кинофестивали как коммуникационный кластер: возможности и перспективы социологического анализа (на примере Всероссийского фестиваля исторических фильмов "КиноВЕЧЕ")

В современной социологии культуры и коммуникаций значительное место занимает интеллектуальное наследие К. Разлогова. Великий культуролог неоднократно отмечал значение кинофестивалей как кластеров для развития актуального поискового кино и для сохранения неравнодушного зрительского человеческого капитала. Расставленные им методологические акценты на встроенность региональных российских киносмотров в национальную культуру ценны тем, что позволяют выявить особенности «фестивального кино», стирающего традиционные иерархии элитарное vs массовое.

В первую очередь, важно рассмотреть, в каких непростых соотношениях в структуре экранной культуры находятся сформулированное киноведом понятие «интегральный успех» фильма и оценки общественного мнения. Концептуально российские кинофестивали призваны конструировать национальную идентичность и воспитывать гражданственность.

Всероссийский Фестиваль исторических фильмов «КиноВЕЧЕ», три года проходящий в г. Твери, – чрезвычайно удачный кейс для исследований механизмов формирования патриотических идей и ценностей. Представляются перспективными несколько направлений, позволяющих применить комплексную методологию и методику, научно обосновав киносмотр как социально-культурный феномен:

1. Выяснить, насколько кинопродукция исторической тематики находит отклик у целевой аудитории, имеет ли она зрительский, а главное – патриотический потенциал. Учит ли история?

2. Харизматичная фигура актрисы и режиссёра Светланы Дружининой, которой известен секрет популярности костюмно-авантюрного кино с довольно внятным историческим контекстом, обуславливает специфику киномотра. Его президент и идейная вдохновительница, автор «Гардемаринов», стремится аккумулировать взаимосвязи между поколениями. Легендарная франшиза – хит «интегрального успеха», смыслообразующая сердцевина кинофорума, задающая как патриотические установки, так и являющаяся катализатором поколенческих пристрастий. Способны ли гардемарины стать кумирами молодого поколения, конструировать коммуникативные «обратные» связи между художественными экранными персонажами и молодёжной аудиторией, или для нынешних юных они мало актуальны, а ностальгирует «поколение X», в основном, женщины?

3. Гендерный аспект: необходима проверка гипотезы о преобладающей женской целевой аудитории.

4. Региональная оценка города Твери и Тверской области как кинокластера: съёмочная локация и театральные актёрские кадры.

5. Социологическая экспертиза Приза зрительский симпатий, организованного активным кинолюбным сообществом и региональным отделением Союза Кинематографистов России, а также Рейтинга исторических сериалов – выбор зрителей по итогам онлайн-голосования.

6. В практической перспективе выработать концептуальный критический подход к конкурсной игровой программе.

Бесспорное достоинство кинофестивалей: в противовес виртуальности как способ общения они обеспечивают истинную живую коммуникацию.

Ершова Елена Александровна
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Традиционные религиозные институты в медиасреде мегаполиса: становление и перспективы социологии религиозных коммуникаций

В современном российском обществе усиливается цифровая трансформация традиционных религиозных институтов на фоне постсекулярности, когда религиозные смыслы сохраняются в публичном пространстве, но все чаще передаются в медийных формах и конкурируют с секулярными идеалами [7]. Медиатизация проявляется в зависимости религиозных организаций от присутствия в интернете и от логики цифровых медиа [3]. Коммуникативная среда мегаполиса с ее конфессиональным многообразием и высокой плотностью информационных потоков стимулирует традиционные религиозные институты к обновлению коммуникационных стратегий. При сохраняющемся доверии к традиционным конфессиям возрастает запрос на понятные каналы и форматы передачи духовных смыслов [1].

Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровизации: онлайн-трансляции богослужений, интернет-проповедь, дистанционная катехизация и миссионерство в соцсетях получили массовое распространение [4]. Это расширило доступ к религиозным практикам и ускорило распространение духовного контента, но одновременно обозначило цифровой разрыв, прежде всего между молодежью и институтом, что вызвало потребность ещё больше адаптировать язык религиозного общения к медиа-среде [6].

Эмпирические исследования фиксируют освоение конфессиями интернет-пространства и появление новых форм религиозной активности онлайн. Описаны новые медийные роли духовенства, включая феномен священнослужителей-блогеров, работающих в диалоговых форматах [2]. Показано, что цифровая среда порождает комплекс онлайн-практик, от виртуальных молитвенных групп до цифрового паломничества, двигая границы между сакральным и повседневным [3]. В период пандемии религиозные общины проявили себя как акторы гражданского общества, сочетая цифровую коммуникацию с социальной поддержкой населения [4], а также усиленно развивали волонтерскую деятельность и проявляли благотворительные инициативы [5].

Православные монастыри в мегаполисе выступают хранителями духовного наследия и одновременно участниками городской коммуникации. Их цифровое присутствие открывает возможности миссионерства и просвещения, но порождает новые противоречия. Перед ними возникает задача, главный вопрос которой состоит в том, как согласовать консерва-

тивный уклад с интерактивностью сети, при этом устранив риски поверхностного восприятия сакрального контента [3]. Перспективной задачей становится анализ того, как монастыри конструируют образ в цифровой среде, управляют обратной связью и влияют на общественное мнение, сохраняя институциональную идентичность [2].

Источники и литература

- 1) Юлдашев М.Д., Иванченко А.И., Куликова О.А. Отношение представителей основных религиозных течений к цифровизации религии // Вестник университета. 2022. № 11. С. 214–221.
- 2) Островская Е.А. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1(17). С. 44–59.
- 3) Чеснова Е.Н. Религия онлайн: новые практики и феномены // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2023. № 4(48). С. 68–82.
- 4) Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 148–162.
- 5) Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской Православной Церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 547–558.
- 6) Гузельбаева Г. Я. Отношение молодых людей к религиозным организациям, духовным лидерам и цифровизации религиозной сферы на фоне постпандемии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 181–186.
- 7) Habermas J. Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly. 2008. Vol. 25. No. 4. P. 17–29.

Жигина Ольга Дмитриевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**Потребление как форма социальной коммуникации в
цифровом пространстве**

В контексте эволюции социологии коммуникаций в России особый интерес представляет анализ повседневных практик, которые одновременно относятся к сфере медиакоммуникации и социальной жизни. Одной из таких практик является потребление в цифровой среде. Покупки, выбор брендов, публикация фотографий, отзывов и рекомендаций в социальных сетях перестают быть исключительно экономическими действиями и все чаще выступают способом общения и самопрезентации в виртуальных сетях.

Для личности в цифровом пространстве потребление становится важным ресурсом конструирования идентичности. Через демонстрацию товаров, услуг и стилей жизни индивиды обозначают свою социальную принадлежность, транслируют ценности и формируют желаемый образ «я». В этом смысле потребление может рассматриваться как форма социального высказывания, в которой материальные объекты и сервисы выполняют функцию носителей социально значимых смыслов.

Цифровое коммуникативное пространство придаёт потребительским практикам публичный характер. Данные действия становятся предметом обсуждения, оценки и сравнения, включаясь в сетевые процессы интерпретации и символического взаимодействия. Через обсуждение потребления закрепляются представления о норме, успехе и социально одобряемых стилях жизни, что позволяет рассматривать данные практики как элемент формирования общественного мнения в онлайн-среде.

В этом контексте цифровые потребительские практики могут быть интерпретированы как коммуникативный механизм, связывающий процессы конструирования личности в виртуальных сетях и формирования общественного мнения в цифровом пространстве. Анализ потребления как формы социальной коммуникации позволяет расширить предметное поле социологии коммуникаций, смещая акцент с процессов передачи информации на формирование смыслов и интерпретацию в повседневных цифровых практиках. Тем самым анализ потребительских практик в цифровой среде может рассматриваться как одно из перспективных направлений развития социологии коммуникаций, расширяющее исследование личности в виртуальных сетях и механизмы формирования общественного мнения в цифровом коммуникативном пространстве.

Житенёв Олег Андреевич

*ЮФУ, ИСиР, Директор ООО «Гран», Медицинский центр «Киндер
Клиник», Ростов-на-Дону, Россия*

Конфликт, как реальность в профессиональной деятельности врача

Сфера здравоохранения характеризуется чертами конфликтности в силу многообразия участников и разновидностей взаимодействий между ними. Одним из источников конфликтов могут выступать пациенты и их близкие, чьи ожидания могут не оправдаться и вызвать недовольство качеством оказанных услуг, подталкивая к развитию конфликтного взаимодействия с медицинским или административным персоналом.

Как отмечает В.И. Сперанский, необходимым условием возникновения конфликта является субъективное восприятие ситуации как конфликтной [1], что дает основание говорить о стойкой субъективной природе конфликта между медицинским персоналом и пациентами (представителями пациента). Таким образом, конфликты становятся повседневной реальностью профессиональной практики врача, и возникают они в результате неправильной коммуникации.

Очень важно в профессии врача обладать коммуникативной культурой, стрессоустойчивостью и навыками управления конфликтом.

Неправильная коммуникация, отсутствие эмпатии, барьеры коммуникации – это наиболее распространенные причины, по которым может возникнуть речевой конфликт между врачом и пациентом. А.Н. Белая рассматривает речевой конфликт в аспекте речевой деятельности и отмечает, что «коммуникативный конфликт – явление неоднозначное и многоплановое и может быть результатом не только коммуникативной неудачи, но и намеренно выбранной коммуникативной стратегией» [2, с. 6].

Следует учитывать, что хоть медицина и относится к сфере оказания услуг (пока еще относится, но на законодательном уровне ведется работа по возврату к медицинской помощи в нормативных актах), однако, имеет одну отличительную черту, которая лежит в плоскости психологического состояния пациента. Когда пациент приходит в клинику, это для него связано со стрессом (например, страх перед диагнозом, страх неопределенности).

Среди наиболее распространенных ошибок в коммуникации, приводящих к конфликтам с пациентами, можно назвать следующие:

- грубое и недружелюбное приветствие;
- отсутствие зрительного контакта (когда пациент вошел, а врач продолжает печатать на компьютере);

- врачи или медицинские ассистенты кажутся напряженными и находятся под давлением времени, отведенного на прием, и не дослушивают, перебивают пациента;
- не учитывается страх пациента перед приемом и, возможно, перед поставленным диагнозом;
- отчеты об обследованиях, диагнозы и указания по терапии объясняются неясно (врач использует много терминов не понятных пациенту);
- пациенты часто хорошо осведомлены через Интернет, и врачи зачастую воспринимают это негативно и др.

В результате всех этих ошибок в коммуникации может возникнуть конфликт. Он не обязательно должен быть открытым, конфликт может быть и закрытым. То есть пациент напрямую не выскажет свое недовольство врачу, однако будет недоволен, что может привести к так называемой «холодной войне», когда, например, человек может в последствии негативно высказываться о медицинском учреждении в общении со своими друзьями, знакомыми, писать негативные посты в соцсетях и так далее. Такие ситуации носят латентный конфликтогенный характер и несут серьезные репутационные риски для медицинской организации и врача, в частности.

Среди значимых профессиональных качеств врача П.П. Попов и Д.С. Скороходько выделили некоторые, влияющие на его поведение: эмпатия, аффилиация, эмоциональная стабильность, сенситивность к отвержению. Если эмпатия позволяет установить эмоциональный контакт с пациентом, то аффилиация даст врачу возможность активно сотрудничать с пациентом и защищает его от профессиональных деформаций. Обладая эмоциональной стабильностью врач сможет установить доверительные отношения с пациентом и избегать конфликтов, а в случае их возникновения сможет наладить обратную связь и получить полезную информацию о пациенте с помощью сенситивности к отвержению [3].

Таким образом, формирование коммуникативной компетентности медицинских работников и ее систематическое совершенствование, а также формирование навыков управления конфликтами в медицинских организациях должны стать обязательными не только для медицинских работников всех уровней квалификации, но и административного персонала.

Источники и литература

- 1) Сперанский В.И. Конфликтующие и конфликтогенные люди // Социально-политический журнал. 1996. № 4. С. 165-174.

- 2) Белая А.Н. Речевой конфликт в аспекте речевой деятельности // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2020. № 2 (18). С. 6. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-18/modern-russian-language/sppeech-conflict.html> (дата обращения 29.01.2026)
- 3) Попов П.П., Скороходько Д.С. Возможность применения медиации в медицине // Педагогика: история, перспективы. 2022. Том 5. № 3. С. 89-107

Забнина Наталья Вячеславна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**Архитектурный ландшафт мегаполиса в цифровом
коммуникативном пространстве: новая среда формирования
личности и коллективной идентичности**

Развитие отечественной социологии коммуникации требует сегодня расширения предметного поля, поскольку архитектурный ландшафт мегаполиса, традиционно понимаемый как сложный семиотический «текст» в традиции московской школы (Ю.М. Лотман), обретает гибридную онтологию. Хотя материальная среда сохраняет свое первичное значение, но теперь она дублируется и активно трансформируется в пространстве социальных медиа, где ее образы непрерывно воспроизводятся, обсуждаются и оцениваются, формируя тем самым принципиально новую коммуникативную среду для становления личности.

Если классические исследования, подобные работе Коллин Эллард, доказывают прямое влияние среды обитания на поведение и самочувствие, то в современную эпоху это влияние оказывается опосредованным цифровыми нарративами, которые предваряют и формируют непосредственный опыт. В этом контексте особенно ярко проявляется парадокс локальной идентичности, который детально исследуется в коллективной монографии под редакцией В.А. Касамары и Ю.Ю. Беловой. С одной стороны, цифровые платформы способствуют кристаллизации гиперлокальных сообществ, которые сплачиваются вокруг защиты или семиотического освоения конкретных мест; с другой стороны, те же самые платформы неизбежно втягивают локальные архитектурные символы в глобальные потоки образов, что приводит к их меметизации и отрыву от исходного культурного контекста. Таким образом, процесс формирования личности оказывается напряженным полем, где борются цифровая укорененность в «своем» месте и необходимость позиционирования в транслируемом визуальном поле.

Эмпирические данные убедительно подтверждают масштаб данной трансформации, поскольку, согласно авторскому исследованию, 76% россиян используют социальные сети для получения новостей о своем городе, а 43% вовлекаются в них в обсуждение вопросов благоустройства. В результате архитектура становится ключевым триггером публичной дискуссии, а конфликты, связанные со сносом или реновацией, инициируются и ведутся преимущественно в онлайн-среде. Следовательно, можно утверждать, что коллективная идентичность горожан сегодня в значительной степени кристаллизуется не через прямое взаимодействие в физическом пространстве, а в процессе совместного цифрового производства и обмена смыслами вокруг материальных объектов.

Гибридный архитектурно-цифровой ландшафт выступает квинтэссенцией современного коммуникативного процесса. Главный вывод заключается в том, что базовые механизмы формирования личности и коллективной идентичности в XXI веке опосредованы коммуникацией, в которой архитектурная среда выступает не пассивным фоном, а активным гибридным актором, как мета-среда современной коммуникации, что ведет к пересмотру ее базовых принципов. Во-первых, город-текст превращается в интерактивную платформу, где смыслы не декодируются, а производятся коллективно, смещая фокус социологии к анализу практик. Во-вторых, возникает пространственно-сетевая социальность, стирающая границы онлайн/офлайн через диалектику физического места и его цифровой рефлексии. В-третьих, цифровой образ среды становится инструментом символической политики, формирующей повестку. Следовательно, процессы идентификации оказываются внутренне присущими коммуникации со средой-актором, что требует синтеза семиотики, теорий медиа и цифровой урбанистики для изучения новых паттернов социальности, что открывает перед социологией коммуникаций новые масштабные исследовательские горизонты.

Источники и литература

- 1) Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Максимов А.А. Виртуальная личность: новая онтология и социальный статус. М.: МАКС Пресс, 2025. 150 с.
- 2) Касамава В.А., Белова Ю.Ю. Парадоксы локальной идентичности: как молодежь ищет место под солнцем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 248 с.
- 3) Колин Э. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2018. 287 с.

- 4) Терборн Й. Города власти: город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 470 с.

Зайнутдинова Дарья Денисовна

Новосибирский Государственный Технический Университет,

Новосибирск, Россия

Цифровая среда и социальная активность: возрастные различия в выборе ролей молодежью

Становление социологии коммуникаций в России представляет собой динамичный процесс интеграции классических теоретических подходов с анализом новых цифровых реалий. Формирование отечественной школы шло под влиянием как западных теорий информационного и сетевого общества (М. Кастельс, Я. ван Дейк), так и разработок в области социологии личности, активности и массовых коммуникаций. Современный этап характеризуется переходом от изучения традиционных СМИ к комплексному исследованию гибридных цифровых сред, где медиатехнологии становятся не просто каналом, а структурным фактором [1;2].

Эмпирическое исследование влияния медиатехнологий на социальную активность молодежи, проведенное в ноябре 2025 года (N=65, участники всероссийских проектов), позволило, в частности, зафиксировать значимую возрастную стратификацию мотивации и ролевого участия.

Важным результатом исследования является обнаруженная корреляция между возрастом и предпочитаемой формой участия: респонденты старшей группы (30–35 лет) демонстрируют положительную корреляцию с волонтерской деятельностью (+0,41), в то время как младшая группа (18–24 года) чаще ориентирована на роли спикера, куратора или организатора, что проявляется в отрицательной корреляции с проектной деятельностью (-0,33). Это указывает на разные векторы социальной активности: старшая молодежь в выборке чаще выбирает практическую поддержку (волонтерство), а младшая — публичные и управленческие роли (спикер, куратор). Такой выбор напрямую связан с возможностями медиаплатформ, которые облегчают ведение блогов, организацию мероприятий и публичные выступления.

Таким образом, современная российская социология коммуникаций стоит перед задачей не только описания новых медиареальностей, но и осмысления глубинных социально-возрастных сдвигов, которые эти реальности производят. Перспективой развития школы является синтез

классического анализа социальной активности с качественными методами изучения онлайн-взаимодействий, что позволяет выявлять новые формы солидарности, лидерства и гражданского участия, формируемые в условиях цифровой среды.

Источники и литература

- 1) Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. № 2.
- 2) Князева Г.В. Применение мультимедийных технологий в образовательных учреждениях // Вестник ВУИ. 2010. № 16.

Зимова Наталья Сергеевна

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Доверие к виртуальным инфлюенсерам в структуре цифровых коммуникаций

Современное развитие цифрового коммуникативного пространства сопровождается появлением новых акторов, одним из которых становятся виртуальные инфлюенсеры — цифровые персонажи, создаваемые и управляемые с использованием технологий компьютерной графики и искусственного интеллекта. Виртуальные инфлюенсеры включаются в коммуникационные процессы наравне с реальными лидерами мнений, формируя установки, оценки и модели поведения аудитории. Их возрастающая популярность актуализирует проблему доверия к источникам информации, не имеющим человеческой природы. Это ставит под вопрос традиционные основания доверия, связанные с подлинностью, личным опытом и биографией коммуникативного актора, что требует социологического осмысления в контексте трансформации коммуникационных практик.

Целью исследования является выявление особенностей формирования доверия к виртуальным инфлюенсерам в структуре цифровых коммуникаций.

Теоретической основой исследования послужили социологические концепции доверия, представленные в работах Н. Лумана и Э. Гидденса, а также подходы социологии коммуникаций и исследования цифровой идентичности, раскрытые в трудах Ю. Хабермаса, М. Кастельса и Дж.

Томпсона. Эти работы рассматривают доверие как социально сконструированный и институционально опосредованный феномен. Современные исследования виртуальных инфлюенсеров, представленные в работах К. Марвик и К. Абидина, анализируют данный феномен в контексте трансформации цифровой идентичности и медиатизированных форм социального взаимодействия.

Эмпирическую базу исследования составили данные онлайн-опроса пользователей социальных сетей, проведённого в 2025 году. В опросе приняли участие 312 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, регулярно использующих социальные сети и знакомых с феноменом виртуальных инфлюенсеров. Метод анкетирования позволил выявить уровень доверия к виртуальным инфлюенсерам и факторы, влияющие на его формирование.

Результаты исследования показали, что 46% респондентов в той или иной степени доверяют виртуальным инфлюенсерам, при этом 18% заявили о высоком уровне доверия. Значительная часть опрошенных (39%) занимает нейтральную позицию, рассматривая виртуальных инфлюенсеров преимущественно как элемент развлекательного контента. Среди ключевых факторов доверия респонденты отметили воспринимаемую экспертность (52%), визуальную целостность и стабильность цифрового образа (47%), а также ценностную близость транслируемых установок (41%). При этом фактор «реальности» инфлюенсера оказался менее значимым: лишь 23% респондентов указали его как принципиально важный для возникновения доверия.

Полученные данные свидетельствуют о специфике доверия к виртуальным инфлюенсерам, основанного преимущественно на символических и институциональных характеристиках цифрового образа. Искусственная природа виртуального инфлюенсера в некоторых случаях снижает ожидания искренности и способствует формированию более рационального и устойчивого доверия, не связанного с личной идентификацией.

Таким образом, виртуальные инфлюенсеры выступают новым типом коммуникативных акторов, отражающих трансформацию механизмов доверия в цифровом обществе.

Источники и литература

- 1) Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. — М.: Праксис, 2011. — 352 с.
- 2) Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. — СПб.: Наука, 2007. — 644 с.

- 3) Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / Ю. Хабермас; пер. с нем. А.К. \ Судакова. — М.: Весь мир, 2022. — Т. 1–2. — 880 с.
- 4) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: НИУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
- 5) Томпсон Дж. Б. Идеология и современная культура. Критическая социальная теория в эру массовой коммуникации. — М.: ИНИОН, 1992. — 27с.
- 6) Marwick, Alice E. Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. — 368 p.
- 7) Abidin, Crystal. Internet Celebrity: Understanding Fame Online. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. — 192 p.

Зиновьева Елена Борисовна

Институт кино и телевидения (ГИТР), Москва, Россия

Возможности исследования общественного мнения в цифровом пространстве

В XXI веке человечество развивается в условиях информационного перенасыщения. В связи с этим возникает вопрос: каким образом рост объема поступающей информации влияет на восприятие событий личностью.

Информационная эпоха со всеми ее достижениями, противоречиями, а также конфликтами добавляет человеку информационное перенасыщение, влияет на нестабильное отношение людей к событиям. Формируется общественное мнение, которое быстро меняется в зависимости от одобрения или осуждения в цифровом пространстве, социальных сетях, блогах и других интернет-платформах. Сознание современного человека формируется под влиянием цифровых платформ, где социальные сети, блоги и новостные ресурсы позволяют информации распространяться мгновенно. Еще одна особенность, которую следует учитывать при исследовании общественного мнения, это то, что личная и частная жизнь становится достоянием масс, переходит от индивидуального к публичному явлению, оказывает влияние на реальную жизнь. В связи с размыванием границ

между личным и публичным, усложняется возможность проведения мониторинга социально значимых явлений в реальном времени. Появляется проблема разрушения единого культурного пространства.

В системе управления всегда активно использовались исследования средств массовой информации, которые отражали актуальную общественно значимую информацию. С развитием цифрового пространства для управления всеми организационными структурами наиболее актуальным стал мониторинг целевых аудиторий в интернете с целью выявления общественного мнения. Специалисты по коммуникациям используют такие методы исследований, как: опрос, контент-анализ, мониторинг общественного мнения и другие. С помощью полученных данных можно проследить динамику изменений общественной реакции и мнений и выявить причины оценочной реакции респондентов на конкретные события и явления. Возможности исследования общественного мнения в цифровом пространстве открывают доступ к большому объему социальной информации, позволяют оценивать динамику изменений массового настроения и при необходимости реагировать на него. Для государственных и коммерческих организаций цифровые технологии влияют на улучшение взаимодействия с общественностью и способствуют повышению уровня доверия.

С помощью исследования специалисты по коммуникациям формируют новое информационное пространство. Как пишет Т. Ф. Берестова, «четко ассоциируется с единой системой общественных отношений», «возникает органическая и взаимная связь между общественным сознанием и информационным пространством» [1]. Любая публичная информация формирует общественное сознание на основе слияния идей, ценностей и взглядов, которые распространяются в цифровом пространстве. Процесс восприятия информации общественным сознанием описывает В. Д. Попов: «Информация как свойство материи и сознания отдельного человека в процессе и в результате социальной коммуникации превращается в «социальную информацию» и в итоге входит в содержание сознания. Содержанием общественного сознания социальная информация становится при условии, что свойство материи – факт реального ее существования – обретает социальный смысл, становится фактом общественного бытия» [2].

В интернет-пространстве заложен большой потенциал для изучения общественного мнения с целью формирования информационного пространства, способного удовлетворять социально-коммуникативные потребности личности, а также для развития культурного потенциала. В перспективе можно говорить об эффективном управлении, которое про-

является в способности противодействовать негативным процессам разрушения культуры, защищать единое культурное пространство.

Источники и литература

- 1) Берестова, Т. Ф. Общедоступная муниципальная библиотека в едином информационном пространстве / Т. Ф. Берестова. – М.: Либерия, 2005 – 288 с
- 2) Попов В.Д. Социальная информатиология и журналистика. М., 2007. С. 72

Зубкова Ксения Семеновна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Дискурсивное конструирование социального самочувствия среднего медицинского персонала

В отечественной социологии социальное самочувствие рассматривается как важная характеристика социального положения и качества жизни профессиональных групп, что отражается на степени их социальной и институциональной устойчивости. Социальное самочувствие формируется через совокупность показателей: «уверенность в стабильности своего статуса», «социальную защищенность», «возможность профессионального и карьерного роста» и «комфортность работы в трудовом коллективе» [1, с. 243]. Его интегральным индикатором становится «закрепление специалиста на рабочем месте» [1, с. 245], что позволяет рассматривать данную категорию как показатель адаптации профессиональной группы к условиям труда и институциональной среды. Это делает анализ социального самочувствия особенно релевантным для среднего медицинского персонала, чья деятельность протекает в условиях высокой физической и эмоциональной нагрузки, нормативного давления, неопределенности статуса.

Значимую роль в формировании социального самочувствия также играют дискурсивные практики. Современное медиапространство выступает «площадкой личной, интергрупповой, межгрупповой и массовой коммуникации... трансляции символов, ценностей, идей и образцов поведения» [2, с. 186]. В этих условиях формируется «восприятие профессии» [2, с. 189], осуществляется ее «оценка социально-профессиональной группой» [2, с. 189]. Через включенность в символическое пространство,

определяемое как «инструмент культурных изменений» [3], представители профессиональных групп соотносят собственный опыт труда с транслируемыми образцами и ожиданиями. В результате социальное самочувствие медиков формируется через дискурсивно закрепленные представления о статусе, значимости и признанности данной профессиональной группы.

Проведенный анализ публикаций в «Российской газете Юг России» показал, что за период с 2022 по 2024 год средний медицинский персонал упоминается в 20 публикациях. Основными дискурсивными единицами, ассоциирующимися в текстах с данной профессиональной группой, стали: «загруженность», «сложность», «спасение жизней», когда речь идет о повседневном труде, «жертва», «мужество» и «героизм», когда публикация посвящена СВО. Основными дискурсивными маркерами медиков выступают «сострадание», «труд», «спасение», «помощь». Превалирует дискурс, героизирующий медиков с упором на сложность профессии. Все это создает ощущение значимости труда, формирует чувство признания и уважения, что должно позитивно сказываться на социальном самочувствии представителей данной профессии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03337, <https://rscf.ru/project/25-28-03337/>

Источники и литература

- 1) Журавлева Т. Б., Нарицына Е. А. Социальное самочувствие молодых специалистов как основа оценки качества их жизни // Вестник МФЮА. 2016. № 4. С. 242-253
- 2) Фролова А. С., Посухова О. Ю. Концептуальное моделирование системы символического конструирования профессиональной идентичности в медиапространстве // Медиаобразование (Media Education). 2017. № 3. С. 185-192
- 3) Singh C. New media and cultural identity [Электронный ресурс]. The Free Library. 2010. URL: <https://www.thefreelibrary.com/New+media+and+cultural+identity.-a0219656567> (дата обращения: 24.01.2026)

Иванович Катарина Ромуальдовна

МПСУ, Москва, Россия

**Психолого-педагогические условия формирования
патриотических установок студентов творческих мастерских
вуза**

Актуальность исследования.

В современных условиях формирование патриотизма у молодежи рассматривается как приоритетное направление государственной и образовательной политики. Патриотизм провозглашен «национальной идеей», способной консолидировать общество для укрепления безопасности страны. Согласно стратегическим документам РФ, система высшего образования должна создавать условия для воспитания граждан с высоким патриотическим сознанием и активной жизненной позицией. Особенно остро встает вопрос о разработке оптимальных психолого-педагогических условий, способствующих становлению патриотизма как ценности у студентов. Однако практика показывает, что в вузах патриотическое воспитание часто сводится лишь к военно-гражданским мероприятиям, без учета духовно-нравственных идеалов конкретной национальной культуры. Это приводит к абстрактности усвоения понятий «Родина» и «патриот» и снижает эффективность воспитательных усилий. Данная проблема актуальна для студентов творческих специальностей, так как их профессиональная подготовка непосредственно связана с культурой и искусством, которые могут стать мощными средствами формирования патриотических установок.

Теоретические основы.

Патриотизм как сложное социально-психологическое образование включает в себя систему ценностных отношений личности к своей стране. В психологической структуре патриотизма выделяют множество компонентов: ценностный (ценности и идеалы, отражающие преданность Родине), эмоциональный (чувства любви, гордости за родную культуру), мотивационно-волевой (стремление служить обществу, готовность к защите Родины), когнитивный (знания об истории и культурном наследии страны) и поведенческий (реальное участие в социально значимых делах) компоненты. Патриотическая установка подразумевает готовность личности действовать в соответствии с этими ценностями и чувствами. Формирование установок (*attitude formation*) происходит под влиянием ряда механизмов, изученных в психологии: во-первых, научение (как прямой опыт, так и социальное научение через наблюдение и моделирование) – согласно теории А. Бандуры люди усваивают модели поведения и отношения, наблюдая за значимыми другими. Во-вторых, убеждение и внушение – воздействие слова, СМИ и образовательных практик способно менять ценностные ориентации молодежи при условии, что информация эмоционально окрашена и повторяется. В-третьих, идентификация – молодые люди склонны перенимать установки референтной группы и лидеров мнений; в студенческой среде это может быть куратор твор-

ческой мастерской, известные деятели культуры или герои истории. В четвертых, интернализация ценностей – постепенное превращение усвоенных социальных ценностей в личные убеждения по мере накопления жизненного опыта. Все эти психологические механизмы будут учтены при конструировании педагогических условий развития патриотизма.

Психолого-педагогические условия формирования патриотических установок. На основе анализа литературы и существующей практики мы выделяем ряд ключевых условий, необходимых для эффективного формирования патриотических установок у студентов творческих направлений подготовки:

- Интеграция национально-культурного содержания в творческую деятельность. В учебно-воспитательный процесс мастерских рекомендуется включать материалы, отражающие богатое историко-культурное наследие страны: фольклор, народное искусство, историю отечественной культуры. Такая интеграция обеспечивает связь с этнокультурными традициями, что соответствует государственной стратегии воспитания. Творческие проекты (спектакли, концерты, выставки) на патриотическую тематику создают ситуацию, в которой студенты проживают ценности Родины через личное творчество. Фольклор и другие формы народной культуры обладают комплексным воздействием на личность, одновременно затрагивая разум, чувства и волю студента, что способствует более глубокому усвоению патриотических ценностей.

- Создание эмоционально значимой и лично обусловленной образовательной среды. Формирование патриотизма происходит успешнее, когда у студентов возникает эмоциональная сопричастность и позитивные переживания, связанные с образами Родины. В творческой мастерской следует культивировать атмосферу социально-психологической поддержки и коллективного творчества, где каждый участник чувствует свою роль в общем деле. Совместное художественное творчество – будь то постановка спектакля о героях истории или дизайн-проект на основе национальных мотивов – вызывает у студентов гордость за коллективный результат и ощущение связи с родной культурой. Включение механизмов переживания и идентификации: кураторы направляют дискуссии о значении созданных работ, поощряют рефлексии студентов о том, как творчество отражает их отношение к родной стране. Это позволяет студентам связать патриотические ценности с личным смыслом, что ведет к интернализации установок.

- Комплексное воздействие и учет индивидуально-возрастных особенностей. Психолого-педагогические условия должны быть адаптированы к уровню подготовки и личностным характеристикам студентов. Иссле-

дования показывают, что эффективность патриотического воспитания зависит от социокультурных условий и специфики образовательной среды. Для студентов творческих специальностей важным условием является предоставление свободы самовыражения при направляющей роли педагога. Нужно сочетать разнообразные методы: интерактивные формы (тренинги, творческие мастер-классы), проектную деятельность, конкурсы, волонтерские акции культурно-просветительского характера. В результате у студентов формируются динамические стереотипы поведения – привычка участвовать в социально значимых делах, проявлять гражданскую активность. Параллельно важно подкреплять позитивные примеры (поощрения за инициативу, публичное признание достижений), так как механизм подкрепления усиливает желательные установки. Также необходимо создавать ситуации успеха, где патриотически значимая деятельность приводит к удовлетворению и гордости, закрепляя мотивационный компонент установки.

Этапность исследования.

Отметим, что данное исследование находится на этапе разработки: проводится теоретический анализ и планирование опытно-экспериментальной работы. Научная новизна состоит в обосновании специфических условий воспитания патриотизма в творческой среде вуза, что ранее изучалось недостаточно. Практическая значимость ожидается в разработке методических рекомендаций для руководителей творческих студий и преподавателей, ведущих воспитательную работу. В ближайшее время планируется проведение констатирующего эксперимента: диагностика исходного уровня патриотических установок у студентов творческих мастерских будет осуществлена с помощью опросников (например, методики «Патриограмма», оценивающей компоненты патриотизма). Затем предполагается внедрение авторской программы воспитательных мероприятий в творческой мастерской, нацеленной на активацию выделенных психолого-педагогических условий. После реализации программы последующий замер установок позволит оценить динамику изменений и эффективность предложенных условий. Таким образом, исследование носит превентивный характер – предлагаемые условия будут эмпирически проверены. Несмотря на то, что экспериментальная часть еще не проведена, теоретический анализ уже выявил предположительные механизмы и компоненты, влияющие на становление патриотизма. Мы исходим из гипотезы, что комплекс перечисленных условий и воздействий обеспечит более успешное формирование патриотических качеств и установок у студентов творческих специальностей, чем традиционные подходы.

Выводы.

Формирование патриотических установок студентов – сложный многогранный процесс, требующий психологически обоснованных педагогических воздействий. Творческая деятельность предоставляет уникальные возможности для развития патриотизма через приобщение к культурному наследию и эмоционально-ценностное проживание образа Родины. Разработанные психолого-педагогические условия (включение национально-культурного материала, эмоционально поддерживающая среда, активные методы воспитания с учетом индивидуальных особенностей) соответствуют как задачам современной государственной молодежной политики, так и научному паспорту специальности педагогики, объединяя подходы психологии личности и педагогики. Их практическое применение в вузовских творческих мастерских призвано воспитать новое поколение специалистов, сочетающих творческое мышление с гражданственностью и любовью к Отечеству.

Источники и литература

- 1) Волков Ю.Г., Хунагов Р.Д., Бинеева Н.К., Панфилова Ю.С., Сериков А.В., Тугуз Ф.К. Институциональные практики патриотического воспитания в системе высшего образования: состояние, проблемы и перспективы: монография. Ростов н/Д – Майкоп: Изд-во Адыг. гос. ун-та, 2018. – 204 с.
- 2) Рейма О.Я. Патриотическое воспитание студентов на основе использования русского фольклора во внеучебной деятельности вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. – 198 с.
- 3) Бояк Т.Н. О воспитании патриотизма у современной студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 10. С. 49–52.
- 4) Коган Е.А. Отношение студентов к патриотическому воспитанию в вузе // Человеческий капитал. 2021. № 4(148). С. 203–210.
- 5) Авилова Н.Л. Современные формы патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. №1. С. 21–23.

Ильина Ирина Дмитриевна

Тихий патриотизм повседневности среди молодежи

Современная социология фиксирует глубокие изменения в структуре гражданской идентичности и патриотизма. Эти трансформации происходят на фоне индивидуализации и фрагментации социальных связей. Традиционные формы коллективной мобилизации и ритуального патриотизма индустриального общества уступают место новым, повседневным и менее заметным проявлениям идентичности, которые исследователи называют «тихим патриотизмом». [1, с. 49]

Термин «тихий» или «повседневный» патриотизм, который в последнее время активно используется в научных кругах, восходит к концепции британского социолога Майкла Биллига о «банальном национализме». Этот подход рассматривает символические формы национальной идентичности, которые проявляются в повседневной жизни и не требуют открытого или явного выражения [2].

В контексте современных исследований, таких как работы Е. В. Шестопал, Л. А. Федотовой и А. Ю. Сунгурова, концепция «тихого» патриотизма применяется для анализа устойчивых, но неагрессивных практик гражданской активности среди молодежи. Эти практики включают заботу о локальном сообществе, участие в волонтерских инициативах и реализацию экологических и культурных проектов. [3, с. 112]

Для поколения «цифровых туземцев» патриотическая идентичность чаще проявляется в форме «практического патриотизма». Это выражается в поддержке социальных инициатив через интернет, сохранении культурных традиций посредством медиа-контента, волонтерской деятельности и символических действиях в социальных сетях [4, с. 88]. Такая форма идентичности не требует обязательного участия в официальных ритуалах, однако отражает глубокую внутреннюю установку на принадлежность к своей стране и сообществу.

Важным аспектом феномена "тихого патриотизма" является его взаимосвязь с формированием глобальной идентичности у молодежи. В отличие от предыдущих форм патриотизма, современные молодые люди не рассматривают национальную и глобальную идентичности как взаимоисключающие категории. Напротив, они успешно интегрируют их в своих повседневных практиках, что позволяет им формировать более комплексное и многогранное понимание своего места в мире. [5]

«Тихий патриотизм» находит своё выражение в повседневных действиях, которые не стремятся к публичной демонстрации. Это включает заботу о городском пространстве, участие в локальных инициативах, осо-

знанное потребление, сохранение языка и культурных кодов. Эти практики становятся новым источником социальной солидарности, что согласуется с концепцией «морального гражданства», разработанной У. Беком и Э. Гидденсом. [6, с. 153]

Российские эмпирические исследования феномена «тихого патриотизма» среди молодёжи выявляют его ярко выраженную социокультурную природу. Эмоциональная привязанность к стране, проявляющаяся в любви к истории, культуре и языку, доминирует над практическими действиями, связанными с патриотизмом.

Тулегенова Д. Д., проведя опрос среди 2500 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет из всех федеральных округов России, а также организовав семь фокус-групп, обнаружила, что патриотизм имеет высокую значимость для молодёжи, однако его проявления в реальных действиях остаются слабыми. Большинство респондентов (52,9%) ассоциируют патриотизм с любовью к Отечеству, а треть (31,5%) с заботой о нём. При этом отмечается наличие поколенческих различий и рассогласованности между декларируемыми убеждениями и реальным поведением. [7]

Аналогичные результаты были получены Кульбачевской, которая выявила недостаточно высокий уровень патриотизма в массовом сознании молодёжи. Она отметила дефицит духовно-нравственной составляющей в формировании патриотических чувств и ориентацию части молодёжи на западные ценности, несмотря на поддержку политического курса страны. [8]

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в современном обществе патриотизм всё в меньшей степени проявляется в форме ритуализированных и институциональных практик, характерных для индустриального общества, и всё чаще реализуется в повседневных, «тихих» формах гражданской активности. Для молодёжи патриотическая идентичность становится частью практического опыта, связанного с локальными инициативами, волонтерством, культурным и цифровым участием, а также с интеграцией национальной и глобальной идентичностей. При этом эмпирические исследования фиксируют противоречие между высокой ценностной значимостью патриотизма и ограниченной готовностью к его активной практической реализации. В целом феномен «тихого патриотизма» отражает адаптацию гражданской идентичности к условиям индивидуализации, цифровизации и социальной фрагментации, сохраняя потенциал для формирования новых форм социальной солидарности.

Источники и литература

- 1) Хоскинг, Дж. Национальная идентичность и повседневный патриотизм // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 45–57.
- 2) Billig, M. Banal Nationalism. – London: Sage Publications, 1995. – 214 p.
- 3) Шестопал Е. В., Сунгурова А. Ю. Патриотизм как элемент гражданской идентичности молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – № 4. – С. 110–118.
- 4) Федотова Л. А. Молодежный патриотизм в цифровую эпоху: новые формы и риски // Социологические исследования. – 2022. – № 6. – С. 84–91.
- 5) Омельченко, Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла / Е. Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 37–51. – DOI 10.17323/727-0634-2019-17-1-37-51. (дата обращения: 26.01.2026).
- 6) Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. – Stanford University Press, 1994. – 212 p.
- 7) Тулегенова, Д. Д. Патриотизм в представлениях российской молодежи: политико-психологический анализ / Д. Д. Тулегенова // Социальная политика и администрация. – 2025. – № 2. – С. 148–162. – URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/1826> (дата обращения: 26.01.2026).
- 8) Кульбачевская, О. А. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития страны / О. А. Кульбачевская // Вестник Института этнологии и антропологии РАН. – 2023. – № 4 (40). – С. 45–58. – URL: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/article/view/1169> (дата обращения: 26.01.2026).

Ильина Ирина Дмитриевна

РГСУ, Москва, Россия

Тихий патриотизм повседневности среди молодежи

Аннотация.

В данной работе исследуются трансформации патриотической и гражданской идентичности в эпоху поздней модерности и цифровизации общества. Основное внимание уделяется феномену «тихого» патриотизма, проявляющемуся в неинституционализированных формах гражданской активности, таких как практические действия и символическое выражение. Анализ основывается на современных социологических теориях национальной идентичности и результатах эмпирических исследований российской молодежи. Исследование показывает, что «тихий патриотизм» становится значимым ресурсом социальной солидарности, несмотря на расхождение между декларируемыми установками и реальным поведением.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, повседневные практики, гражданская идентичность, цифровизация.

Современная социология фиксирует глубокие изменения в структуре гражданской идентичности и патриотизма. Эти трансформации происходят на фоне индивидуализации и фрагментации социальных связей. Традиционные формы коллективной мобилизации и ритуального патриотизма индустриального общества уступают место новым, повседневным и менее заметным проявлениям идентичности, которые исследователи называют «тихим патриотизмом». [1, с. 49]

Термин «тихий» или «повседневный» патриотизм, который в последнее время активно используется в научных кругах, восходит к концепции британского социолога Майкла Биллига о «банальном национализме». Этот подход рассматривает символические формы национальной идентичности, которые проявляются в повседневной жизни и не требуют открытого или явного выражения [2].

В контексте современных исследований, таких как работы Е. В. Шестопал, Л. А. Федотовой и А. Ю. Сунгурова, концепция «тихого» патриотизма применяется для анализа устойчивых, но неагрессивных практик гражданской активности среди молодежи. Эти практики включают заботу о локальном сообществе, участие в волонтерских инициативах и реализацию экологических и культурных проектов. [3, с. 112]

Для поколения «цифровых туземцев» патриотическая идентичность чаще проявляется в форме «практического патриотизма». Это выражается в поддержке социальных инициатив через интернет, сохранении культурных традиций посредством медиа-контента, волонтерской деятельности и символических действиях в социальных сетях [4, с. 88]. Такая форма идентичности не требует обязательного участия в официальных ритуалах, однако отражает глубокую внутреннюю установку на принадлежность к своей стране и сообществу.

Важным аспектом феномена "тихого патриотизма" является его взаимосвязь с формированием глобальной идентичности у молодежи. В отличие от предыдущих форм патриотизма, современные молодые люди не рассматривают национальную и глобальную идентичности как взаимоисключающие категории. Напротив, они успешно интегрируют их в своих повседневных практиках, что позволяет им формировать более комплексное и многогранное понимание своего места в мире. [5]

«Тихий патриотизм» находит своё выражение в повседневных действиях, которые не стремятся к публичной демонстрации. Это включает заботу о городском пространстве, участие в локальных инициативах, осознанное потребление, сохранение языка и культурных кодов. Эти практики становятся новым источником социальной солидарности, что согласуется с концепцией «морального гражданства», разработанной У. Беком и Э. Гидденсом. [6, с. 153]

Российские эмпирические исследования феномена «тихого патриотизма» среди молодёжи выявляют его ярко выраженную социокультурную природу. Эмоциональная привязанность к стране, проявляющаяся в любви к истории, культуре и языку, доминирует над практическими действиями, связанными с патриотизмом.

Тулегенова Д. Д., проведя опрос среди 2500 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет из всех федеральных округов России, а также организовав семь фокус-групп, обнаружила, что патриотизм имеет высокую значимость для молодёжи, однако его проявления в реальных действиях остаются слабыми. Большинство респондентов (52,9%) ассоциируют патриотизм с любовью к Отечеству, а треть (31,5%) с заботой о нём. При этом отмечается наличие поколенческих различий и рассогласованности между декларируемыми убеждениями и реальным поведением. [7]

Аналогичные результаты были получены Кульбачевской, которая выявила недостаточно высокий уровень патриотизма в массовом сознании молодёжи. Она отметила дефицит духовно-нравственной составляющей в формировании патриотических чувств и ориентацию части молодёжи на западные ценности, несмотря на поддержку политического курса страны. [8]

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в современном обществе патриотизм всё в меньшей степени проявляется в форме ритуализированных и институциональных практик, характерных для индустриального общества, и всё чаще реализуется в повседневных, «тихих» формах гражданской активности. Для молодёжи патриотическая идентичность становится частью практического опыта, связанного с локальными инициативами, волонтерством, культурным и цифровым уча-

ствием, а также с интеграцией национальной и глобальной идентичностей. При этом эмпирические исследования фиксируют противоречие между высокой ценностной значимостью патриотизма и ограниченной готовностью к его активной практической реализации. В целом феномен «тихого патриотизма» отражает адаптацию гражданской идентичности к условиям индивидуализации, цифровизации и социальной фрагментации, сохраняя потенциал для формирования новых форм социальной солидарности.

Источники и литература

- 1) Хоскинг, Дж. Национальная идентичность и повседневный патриотизм // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 45–57.
- 2) Billig, M. Banal Nationalism. – London: Sage Publications, 1995. – 214 p.
- 3) Шестопал Е. В., Сунгурова А. Ю. Патриотизм как элемент гражданской идентичности молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – № 4. – С. 110–118.
- 4) Федотова Л. А. Молодежный патриотизм в цифровую эпоху: новые формы и риски // Социологические исследования. – 2022. – № 6. – С. 84–91.
- 5) Омельченко, Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла / Е. Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 37–51. – DOI 10.17323/727-0634-2019-17-1-37-51. (дата обращения: 26.01.2026).
- 6) Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. – Stanford University Press, 1994. – 212 p.
- 7) Тулегенова, Д. Д. Патриотизм в представлениях российской молодежи: политико-психологический анализ / Д. Д. Тулегенова // Социальная политика и администрация. – 2025. – № 2. – С. 148–162. – URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/1826> (дата обращения: 26.01.2026).
- 8) Кульбачевская, О. А. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития страны / О. А. Кульбачевская // Вестник Института этнологии и антропологии РАН. – 2023. – № 4 (40). – С. 45–58.

– URL: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/article/view/1169> (дата обращения: 26.01.2026).

Ковалева Екатерина Александровна

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

**От экономической транзакции к социальному
взаимодействию: как маркетплейсы становятся полем
коммуникации.**

Современные маркетплейсы все меньше напоминают нейтральные площадки для купли-продажи — они трансформируются в сложные социокоммуникативные среды, где экономическая транзакция вплетается в устойчивые, регулируемые взаимодействия. Опираясь на теорию социального обмена Питера Блау, можно увидеть, что даже в условиях анонимности цифровой торговли формируются отношения, основанные на взаимности, доверии и социальных ожиданиях. Покупатель, оставляя отзыв, и продавец, отвечая на него, участвуют не в разовом обмене товарами на деньги, а в длительном коммуникативном цикле, где репутация становится социальной валютой.

Эмпирический анализ потребительских практик на российских маркетплейсах выявляет три ключевых фактора принятия решений: удобство и скорость — простой интерфейс, короткий путь до оформления заказа, прозрачные условия доставки и возврата; отзывы — они служат основой для формирования доверия даже при выборе недорогих товаров, особенно при схожих характеристиках предложений; а также цена и стимулирующие акции, которые остаются мощными, но уже не единственными мотиваторами. Важно, что многие респонденты подчеркивают: если весь путь — от поиска до получения товара — вызывает доверие, они не только возвращаются к бренду, но и рекомендуют его другим. При этом платформы с системой отзывов (такие как Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет) создают условия не только для оценки качества, но и для социального сравнения. Особенно среди молодёжи: пользователи не просто читают мнения, но сопоставляют свои вкусы, уровень осведомленности и предпочтения с суждениями других.

Все вышеперечисленное становится механизмом социальной калибровки идентичности: через одобрение или отвержение определённых товаров человек позиционирует себя в социальном пространстве, сигнализируя о своих ценностях и принадлежности к группе. В российском контексте

эта тенденция подтверждается данными Высшей школы экономики: более 68% пользователей Wildberries и Ozon принимают решения на основе отзывов и рейтингов — то есть руководствуются не столько экономической рациональностью, сколько социальными сигналами.

Таким образом, маркетплейсы становятся лабораторией, где чисто экономический обмен эволюционирует в форму социального взаимодействия, регулируемого неформальными нормами. Это открывает перед социологией коммуникаций новое поле исследования: цифровые рыночные пространства уже нельзя рассматривать только как экономические — они всё больше становятся сферой социального, культурного и коммуникативного действия.

Источники и литература

- 1) Blau P.M. Exchange and power in social life New York: John Wiley, 1964. P. 88-142.
- 2) Кашин, А. (2022). «Цифровое потребление в России: социологический взгляд». В кн.: Цифровая трансформация общества. М.: Изд-во ВШЭ.
- 3) Шамовская Т. В. Условия и механизмы формирования и развития социальной идентичности личности // СибСкрипт. 2010. №3. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-mehanizmy-formirovaniya-i-razvitiya-sotsialnoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 08.12..2025).
- 4) MegaResearch, 2025. «Исследования поведения потребителей: что предложить покупателям на маркетплейсах». Электронный ресурс: https://www.megaresearch.ru/news_in/issledovaniya-povedeniya-potrebiteley-chto-predlozhit-pokupatelyam-na-marketpleysah?utm_source=home&utm_medium=screen2&utm_campaign=clicks_on_the_pages_elements&utm_content=links&utm_term=issledovaniya-povedeniya-potrebiteley-chto-predlozhit-pokupatelyam-na-marketpleysah (дата обращения: 08.12..2025).

Коваленко Анастасия Сергеевна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Текст как социальное действие: трансформация текстовых практик в интернет-пространстве

Трансформация текста в интернет-пространстве является значимым направлением современной социологии коммуникаций, поскольку отражает изменения не только форм передачи информации, но и самой структуры публичного взаимодействия. Объектом анализа выступают цифровые текстовые практики в интернет-коммуникации, предметом – их социальные функции и роль в конструировании коллективных смыслов. В условиях платформизации коммуникации текст перестаёт быть замкнутым продуктом и включается в динамическую среду сетевых взаимодействий, где его значение формируется в процессе циркуляции, обсуждения и переинтерпретации.

Ключевой характеристикой современного цифрового текста становится гипертекстуальность, проявляющаяся в нелинейности, фрагментарности и множественности связей [4]. Посты в социальных сетях, комментарии, мемы, новостные ленты и дискуссии в онлайн-сообществах образуют взаимосвязанную систему высказываний, где каждый текст отсылает к другим и существует в поле коллективного обсуждения. Такая структура отражает сетевую организацию общества и способствует переходу от модели «текст – аудитория» к модели распределённого дискурса, в котором пользователи одновременно выступают авторами, читателями и интерпретаторами [3]. С социологической точки зрения цифровой текст функционирует как форма социального действия. Через текстовые практики пользователи выражают ценности, формируют групповые позиции и участвуют в символической борьбе за интерпретацию событий. Лайки, репосты и комментарии становятся не только реакциями, но и механизмами придания высказываниям социальной значимости, влияя на видимость тем и акторов в цифровой публичной сфере. Тем самым текст включается в процессы формирования общественного мнения и перераспределения символической власти.

Трансформация текста затрагивает и сферу социальной идентичности. Использование специфических языковых кодов, иронии, мемов и визуально-текстовых форм способствует формированию чувства принадлежности к сетевым сообществам [2]. Цифровые тексты становятся пространством артикуляции коллективного опыта, где границы между личным и публичным, авторством и соавторством оказываются размытыми. Методологически исследование этих процессов предполагает сочетание дискурс-анализа, позволяющего выявлять ценностные и нормативные структуры сетевых высказываний, сетевого анализа, раскрывающего траектории распространения текстов, и цифровой этнографии, фиксирующей повседневные практики их производства и интерпретации [1].

Такой подход позволяет рассматривать текст не изолированно, а как узел социальных связей.

Таким образом, в интернет-пространстве текст становится не столько отражением социальной реальности, сколько механизмом её производства. Через цифровые текстовые практики формируются коллективные смыслы, нормы и идентичности, что делает их изучение одним из ключевых направлений социологии коммуникаций в условиях цифрового общества.

Источники и литература

- 1) Горбачева А.Г. Особенности письменных жанров в эпоху сетевых технологий (языковые идентичности и их метаморфозы) // Идеи и идеалы. 2014. №3 (21). С. 46-54.
- 2) Дускаева Л.Р. Новостной гипертекст сетевых СМИ: трансформационные стилистико-речевые процессы // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. №1. С. 45-53.
- 3) Намруева Э.В. Интернет-коммуникации как новый канал социального взаимодействия // Академическая мысль. 2020. №3 (12). С. 50-52.
- 4) Саяпин В.О. Смысловые реалии гипертекста в сетевых коммуникациях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. №3. С. 105-113.

Колодиев Николай Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

Медиаобраз российской армии в западноевропейских сетевых СМИ как инструмент формирования общественного мнения

В социологии во многом благодаря Г. Тарду утвердилось понимание того, что общественное мнение в современном обществе формируется прежде всего под воздействием СМИ. При этом многие исследователи настаивают, что основным инструментом воздействия на массовую аудиторию и общество выступают не просто какие-то отдельные факты и комментарии, но более или менее цельные позитивные или негативные медиаобразы социальных объектов. По мнению Ж. Бодрийяра, все эти образы преимущественно имеют синтетическую природу.

Политические структуры, в том числе государство, с момента появления СМИ пытаются использовать их для влияния на общественное мнение. М. Э. Прайс считает, что образы, создаваемые СМИ, способствуют распространению в обществе медиаиллюзий, выступающих в качестве инструмента подчинения наравне с принуждением.

Д. Гербнер установил, что сконструированный медиаобраз может быть усвоен аудиторией в качестве культурного стандарта лишь при соблюдении трех условий. Во-первых, он должен быть устойчивым. Во-вторых, он должен быть повторяющимся. В-третьих, медиаобраз обязательно должен в себя включать некий реалистичный компонент, соответствующий ценностям данной культуры.

Руководство Евросоюза и ряда европейских стран, столкнувшись с экономическими и социально-политическими проблемами, оказались заинтересованы в консолидации и создании наднационального общественного мнения о причинах кризиса и путях его преодоления. В связи с этим они решили задействовать фактор внешней угрозы, для чего стали конструировать образ агрессивной России.

Анализ западноевропейских СМИ показывает, что медиаобраз России, транслируемый аудитории с целью формирования общественного мнения, включает в себя три составных элемента. Его ядром оказался образ российской армии. Он оставался неизменным с 2003 года: вооруженные силы предстают как многочисленные, хорошо укомплектованные личным составом и вооружением. Подчеркивается, что российская армия неуклонно продвигается вперед, занимая все новые и новые территории Украины. Следующий элемент включает моральную оценку политику России: она агрессивная и захватническая. После чего предлагаются пути решения европейских проблем (продолжение поддержки Украины, увеличение расходов на оборону, усиление санкционного давления). На этом этапе конструирования медиаобраза активно задействованы европейские и украинские политики и эксперты.

Медиаобраз российской армии создается и используется для оказания давления на массовую аудиторию и формирования общественного мнения об иллюзорной российской военной угрозе с целью легитимации действующей власти и принимаемых ею решений.

Источники и литература

- 1) Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
- 2) Прайс М. Э. Массмедиа и государственный суверенитет. М.: Ин-т проблем информационного права, 2004. 332 с.

- 3) Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во «КСП+», 1998. 416 с.
- 4) Gerbner G. Cultivation Analysis: An Overview // Mass Communication & Society. 1998. № 1 (3/4). Pp. 175–194.

Коркия Эка Демуриевна

*МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

Трагизм социального одиночества в творчестве Н.А. Бердяева

Обладая безусловной научной ценностью в раскрытии проблемы одиночества, особенно личностного аспекта, различные научные подходы могут быть признаны достаточным объемом знания для целостного понимания проблемы, поскольку включают анализ специфического социального контекста, в котором рассматриваемая проблема существует и воспроизводится.

Одиночество представляет собой широкую социокультурную категорию, которая в самом общем виде отражает присущей личности страх перед социально-психологической изоляцией и разрывом общественных связей, составляющих суть жизненного мира [2, 35-39]. Несмотря на то, что в одних типах исторических и современных обществ одиночество проявляет себя в полной мере, а в других находится в «свернутом» состоянии, оно присуще всем социальным системам, обладая экзистенциальными параметрами [3, 13-18]. Подтверждением могут служить многообразные рефлексии одиночества, демонстрируемые в истории культуры на протяжении практически всей ее истории.

В данном фокусе можно рассматривать творчество философа Н. А. Бердяева, как одно из оснований самобытного культурологического подхода. Несмотря на свободное владение философскими категориями, в этом вопросе Н.А. Бердяев предпочитает использовать в качестве базиса субъективизм переживаний, и индивидуальные характеристики личности. Однако общим приложением проблемы видит ее значения для общества. Рассуждая о рабстве и свободе человека, он пишет: «Одиночество почитающих себя принадлежащими к культурной элите есть ложное одиночество, это есть все-таки стадное одиночество, хотя бы стадо было малой группой, это не есть одиночество пророков и гениев. Гений близок к первореальности, к подлинному существованию, культурная же элита подчинена законам объективации и социализации» [1]. Несмотря

на то, что это одиночество он считает ложным, в этой мысли он предвосхитил понимание проблемы как культурного феномена и дал основания выделения концепции интеллектуального одиночества, как новой социологической категории. Причисление позиции Бердяева к культурологической основано на том, что его категоризация подразумевает, прежде всего, роль этого состояния для развития социума и то, как это состояние в нем отражается: «Есть два разных типа одиночества – одиночество творческой личности, переживающей конфликт внутреннего универсализма с объективированным универсализмом, и одиночество индивидуалиста, противопоставляющего этому объективированному универсализму, к которому он, в сущности, принадлежит, свою опустошенность и бессилие. Есть одиночество внутренней полноты и одиночество внутренней пустоты. Есть одиночество героизма и одиночество пораженности, одиночество как сила и одиночество как бессилие. Одиночество, находящее себе лишь пассивное эстетическое утешение, принадлежит обыкновенно ко второму типу» [1].

Таким образом, принимая во внимание чрезвычайную значимость категории субъективности в анализе проблемы социального одиночества, принципиально разные проявления этой проблемы предлагается различать на те, что связаны с переживанием, – наиболее очевидной коллокацией субъективности, и положением – состоянием, которое можно подтвердить объективными характеристиками, обстоятельствами участия в социальных процессах, особенностями коммуникативных связей, в самом общем смысле обстоятельствами жизни.

Источники и литература

- 1) Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). 1949.
- 2) Коркия Э.Д. К вопросу о смысле одиночества: генезис научной мысли // в журнале Теория и практика общественного развития. № 3, 2021.
- 3) Коркия Э.Д. Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // в журнале Общество: философия, история, культура. № 10, 2021.

Кравченко Эдуард Николаевич

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск,
Республика Беларусь*

Коммуникативное пространство здоровьесберегающих технологий в Республике Беларусь

В настоящее время здоровьесберегающие технологии в Республике Беларусь рассматриваются как одна из развитых форм и методов воздействия на процессы сохранения и укрепления здоровья человека. С помощью здоровьесберегающих технологий достигается цель формирования самосохранительного, антирискового поведения населения по отношению к своему здоровью.

Здоровьесберегающие технологии играют важную роль в социальном и культурном развитии белорусского общества, что приводит к необходимости рассматривать их в контексте применения в социальной практике экономических и социальных инноваций [1, с. 200].

Коммуникативное пространство здоровьесберегающих технологий в настоящее время в Беларуси формируется под влиянием цифровизации сферы здравоохранения. Это процесс, который охватывает целый ряд вопросов, начиная от концептуализации введенных в научный оборот «цифровых» понятий («цифровое здоровье», «цифровое здравоохранение», «электронное здравоохранение», «телемедицина», «квантификация телесности»), до изучения трансформации социального института медицины и перехода к цифровой модели его функционирования, появления новых практик здоровьесбережения с использованием цифровых технологий. Такой подход позволяет осуществлять анализ возможностей и рисков влияния цифровой среды на состояние индивидуального и общественного здоровья в стране [2, с. 32].

Формирование цифровых компетенций у людей становится важной проблемой. В тоже время в долгосрочной перспективе владение цифровыми технологиями, связанными с сохранением здоровья, информацией по укреплению здоровья может оказать влияние и даже улучшить демографическую ситуацию и продлить продолжительность жизни [3, с. 590]. Такая задача, например, включена в Национальную стратегию Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030», принятую Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2020 года № 693.

В Беларуси формирование мотивации населения к здоровьесбережению является делом государственной важности и это закреплено в Государственной программе «Здоровье нации на 2026-2030 годы», утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 года № 798. Здесь одним из приоритетных направлений является разработка мер по укреплению здоровья граждан, информи-

рованию о технологиях здоровьесбережения и формированию культуры здорового образа жизни и здоровьесбережения.

Активно идёт развитие и внедрение здоровьесберегающих технологий путём применения новых медиа, подразумевающих средства передачи информации и способы коммуникации на основе интернет-технологий. Их особенностями являются интерактивность, конвергентность, полиформатность, гиперсвязанность, диалогичность и доступность.

Закрепление положений о цифровизации белорусского общества, включая сферу охраны здоровья, предусмотрено в государственной программе «Цифровая Беларусь на 2016-2030 годы» в подпрограмме 2 «Цифровое государство». Именно в ней предусмотрено создание государственной информационной системы «Оздоровление населения», включающей вопросы организации здоровьесберегающей среды для населения.

Новые медиа также связаны с функционированием коммуникативного пространства здоровьесберегающих технологий и современных виртуальных сообществ, занимающихся пропагандой здорового образа жизни. На эти темы ведутся блоги, чаты, форумы, работают социальные сети, работают электронные сервисы почтовых сообщений. Современные интернет-издания выступают основным фактором в функционировании социально-коммуникативного пространства для людей, в котором они обмениваются своим практическим опытом здоровьесбережения, получают ответы на волнующие их вопросы, в том числе, и о болезнях, и в целом о здоровье [2, с. 33].

Разработка отдельных положений вышеуказанные государственных программ основана на том, что принципы ЗОЖ включают в себя не только физическую активность и правильное питание, но и умение управлять стрессом, достаточный и правильный отдых, отказ от вредных привычек и стремление к гармонии во всех сферах жизни [4, с. 266].

Необходимо отметить, что в настоящее время Республика Беларусь стремится к массовому внедрению цифрового обучения на всех ступенях образования тем самым, формируются условия для цифрового общества, реализуется интегрированный подход, который позволит разработать в будущем модель медико-психолого-педагогического сопровождения здоровьесберегающих технологий и распространения их среди населения [5, с. 247].

Источники и литература

- 1) Лядова, А. В. Обзор здоровья в блогосфере: социологический анализ (Часть 1) / А. В. Лядова // Вестник Московского университета.

Серия 18. Социология и политология. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 28–49.

- 2) Толкач, С. Н. Коммуникативные технологии повышения мотивации населения к здоровому образу жизни / С. Н. Толкач, А. В. Зеленко, О. К. Синякова // Современные аспекты здоровьесбережения : сб. материалов юбил. науч.-практ. конф. с междунар. уч., посвящ. 60-летию медико-профилактического факультета УО «БГМУ», г. Минск, 24-25 окт. 2024 г. / Бел. гос. мед ун-т ; редкол.: С. П. Рубникович (гл. ред.) [и др.]. – Мн., 2024. – С. 262– 267.
- 3) Галкин, К. А. Использование цифровых технологий для здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности / К. А. Галкин // Факторы и механизмы демографического развития : сб. науч. ст. / Инст. экономики УрО РАН ; под ред. Козловой О. А. [и др.]. – Екатеринбург, 2025. – С. 589–597.
- 4) Фролова, П. И. Интегрированное изучение здоровьесбережения в условиях цифровизации образования / П. И. Фролова, А. В. Горина, О. В. Якубенко // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-4. – С. 247– 249.
- 5) Пшеничная, А. В. Значение здоровьесберегающих технологий на современном этапе / А. В. Пшеничная, В. П. Мальцева // Формирование культуры безопасности жизнедеятельности и здорового образа жизни студенческой молодежи : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 21-22 марта 2024 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Пантюк (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2024. – С. 200–205.

Кулешова Дарья Андреевна

Курский государственный университет, Курск, Россия

Личность в виртуальных сетях

В эпоху цифровых технологий виртуальные сети стали важным пространством для формирования и проявления личности. Здесь человек создает свой цифровой образ – аватар, который может быть более смелым, креативным или инновационным, чем в реальной жизни. Социальные платформы дают возможность самовыражения – делиться мыслями, эмоциями, творчеством, находить единомышленников по своим интересам. Это особенно актуально для молодежи, ищущей себя, – сети помогают преодолевать стеснение, пробовать новые роли, получить мгновенную обратную связь через лайки, комментарии и репосты. Виртуальное

пространство позволяет чувствовать себя услышанным в мире, где в оффлайн зачастую сложно найти понимание [1].

Однако виртуальный мир несет и значительные риски. Алгоритмы рекомендаций создают «эхо-камеры», подбирая контент, который усиливает их уже существующие убеждения и ограничивает взаимодействие с альтернативными точками зрения. В результате личность становится более закрытой, менее склонной к эмпатии и компромиссам. Зависимость от внешней валидации приводит к тревоге, постоянному сравнению с «идеальными» жизнями других, а иногда к глубокому расхождению между онлайн и оффлайн- «я». Общение в сетях часто становится поверхностным: короткие сообщения, эмодзи и мемы заменяют глубокие разговоры, что со временем размывает ощущение аутентичности и настоящих эмоциональных связей [2].

Согласно опросу ВЦИОМ 2025 года, среди молодежи 18–35 лет онлайн-среда стала основным пространством жизни: молодые люди проводят в социальных сетях и мессенджерах в среднем 9 часов в день (медиана), а 61% общаются с близкими и друзьями онлайн чаще, чем вживую (против 33%). Среди 18–24-летних этот разрыв еще больше: 69% предпочитают онлайн против 24% оффлайн [3]. Это подтверждает тот факт, что виртуальные сети не просто дополняют реальность, а активно формируют социальные связи и идентичность.

С развитием технологий виртуальной реальности, метавселенных, искусственного интеллекта граница между цифровым и реальным будет стираться еще сильнее. Личность сможет существовать в нескольких измерениях одновременно, но это потребует от нас большей осознанности: умения различать, где заканчивается игра и начинается настоящее «я». В итоге виртуальные сети – мощный инструмент для развития личности, раскрытия скрытых граней и поиска себя, но они требуют баланса между виртуальным и реальным опытом. Этот баланс включает в себя осознание времени, проведенного в цифровом пространстве, и его влияния на наше психическое здоровье и социальные отношения. Важно уметь устанавливать границы, чтобы не потерять связь с реальностью и не забыть о своих истинных ценностях и целях. Кроме того, необходимо осознавать риски, связанные с чрезмерным погружением в виртуальные миры, и стремиться к гармоничному сочетанию онлайн- и офлайн опыта.

Источники и литература

- 1) Ланир Д . Вы не гаджет. Манифест. – М: Астрель, Corpus, 2011. 320с.

- 2) Мелюхин И.С Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 308с.
- 3) Живущие в сети: мониторинг (обзор). 24 июня 2025 г. [Электронный ресурс] . – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analytical-views/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 02.01.2026).

Курганский Александр Михайлович

ФГАУ "НМИЦ здоровья детей" Минздрава России, Москва, Россия

Нейро-физиологические подходы к нормированию цифрового досуга у детей

Важно отметить, что использование цифровой среды детьми создает нагрузку на нервную систему, при этом нагрузка может различаться от вида экранного времени. Так можно выделить клиповое экранное время, игровое экранное время, просмотр видео и мобильный гейминг.

В настоящее время в нейронауках принята трехсетевая модель мозга, включающая сеть выявления значимости, центральную исполнительную сеть и дефолтную сеть мозга.

Предложена гипотеза, что при клиповом восприятии информации – просмотре ленты новостей и выборе подходящего контента без глубокого погружения задействована сеть выявления значимости [1]. При интенсивном гейминге, проходящем в течении нескольких часов с напряжением функциональных резервов пользователя, задействуется центральная исполнительная сеть. При просмотре видео в спокойном состоянии работают ассоциативные зоны мозга, характерные для пребывания нервной системы в состоянии покоя – дефолтной сети мозга. При мобильном гейминге, когда длительность игровой партии составляет несколько минут, наблюдается повышенная переключаемость между сетями – стадиями, повышенная динамичность процесса.

Необходимо сказать об эмоциональном диапазоне, характерном для каждой крупномасштабной мозговой сети [2]. Недостаточная нагрузка сети выявления значимости характеризуется ощущением скуки, с повышенной нагрузкой появляется мотивация, при перегрузке данной сети возникает ощущение тревожности (избыток информации пугает). При недостатке нагрузки центральной исполнительной сети возникает чувство лени, при повышении нагрузки - чувство продуктивной работоспособности, при перегрузке – ощущение раздражительности. При недостат-

ке нагрузки сети состояния покоя, отвечающей за самооценку, характерно ощущение бессмысленности происходящего, при повышении нагрузки возникает чувство удовлетворения, при перегрузке данной сети характерны депрессивные ощущения.

Таким образом, нагрузку производимую цифровой средой, можно нормировать по данным трем шкалам – тревожности, раздражительности, депрессивности.

Важно отметить, что измерять нагрузку можно как количественно, так и качественно. Качественно, к примеру, можно оценивать образовательные программы, учебные курсы, когда обучающийся или освоил необходимые навыки, или нет. Игровая нагрузка не несет в себе какие-либо полезные результаты – это времяпровождение с целью получения положительных эмоций ребенком, поэтому отсутствует принципиальная разница какой гаджет будет использовать ребенок, что создает возможность для оптимизации досуга. При этом, главное чтобы эмоциональный фон укладывался в некоторый положительный диапазон – ребенку не было скучно и не было негативных эмоций, связанных с избыточным напряжением нервной системы, вызванным воздействием гаджетов.

Для гигиенической оценки цифрового досуга необходим подход, основанный на принципах соответствия эмоциональному диапазону и психологическому оптимуму. К учебной нагрузке, требующей ответственности в освоении учебных программ и результатов оцениваемых качественно, данный подход не применим.

Источники и литература

- 1) Нарушения сна у младших школьников при использовании различных видов цифровых устройств / П. И. Храмцов, А. М. Курганский, Н. О. Березина [и др.] // Российский вестник гигиены. – 2024. – № 4. – С. 35-40. – DOI 10.24075/rbh.2024.115.
- 2) Menon V. Large-scale brain networks and psychopathology: a unifying triple network model. Trends Cogn Sci. 2011 Oct;15(10):483-506. doi: 10.1016/j.tics.2011.08.003. Epub 2011 Sep 9. PMID: 21908230.

Курганский Иван Максимович

*Федеральный комитет по контролю, борьбе с экстремизмом,
коррупцией и терроризмом., Москва, Россия*

**Нейропсихолингвистические аспекты трансформации текста в
цифровом коммуникативном пространстве**

Современное цифровое коммуникативное пространство формирует качественно новые условия существования текста как социального и когнитивного феномена. В отличие от традиционных письменных форм, цифровой текст характеризуется высокой степенью фрагментарности, мультимодальности и контекстуальной зависимости, что обуславливает изменение механизмов его порождения и восприятия. В этой связи особую исследовательскую значимость приобретает нейропсихолингвистический анализ, позволяющий рассмотреть трансформацию текстовых практик сквозь призму когнитивных и нейрофизиологических процессов языковой обработки.

На основе анализа современных исследований в области интернет-лингвистики и психолингвистики цифровой коммуникации показано, что сокращение языковых конструкций, активное использование эмодзи, графических маркеров и символических элементов связано с перераспределением когнитивной нагрузки между вербальными и невербальными каналами обработки информации. Цифровой текст функционирует в режиме ускоренного восприятия, опираясь на механизмы предиктивного кодирования, автоматизированного распознавания паттернов и имплицитного извлечения смысла, что снижает роль развернутой синтаксической структуры.

Нейропсихолингвистический ракурс позволяет интерпретировать цифровую трансформацию текста как процесс адаптации языкового поведения к условиям высокой информационной плотности и постоянного коммуникативного давления. В данных условиях усиливается значение ассоциативных и эмоционально нагруженных элементов, способствующих быстрому формированию интерпретации без полного семантического развертывания высказывания. Это приводит к смещению акцента с аналитического понимания текста к контекстуально-интуитивному, что отражается на характере общественного дискурса и практиках формирования общественного мнения.

Таким образом, трансформация текста в цифровом коммуникативном пространстве представляет собой многоуровневый процесс, в котором социальные изменения коммуникации оказываются тесно связанными с перестройкой когнитивных и нейропсихолингвистических механизмов языковой деятельности.

Источники и литература

- 1) Austin W., Nurcholish I. A. Assessing the impact of digital communication on language processing // Kopula: jurnal bahasa,

sastra dan pendidikan. 2025. Vol. 7, no. 1. P. 163–170. DOI: 10.29303/kopula.v7i1.6184.

- 2) Muti'ah E., Basrowi, Khaeruman. From texting to tweeting: the transformation of written language in the digital era // *Lingua: jurnal bahasa, sastra, dan pengajarannya*. 2025. Vol. 21, no. 2. P. 200–211. DOI: 10.30957/lingua.v21i2.1051.
- 3) Pirdaus D. I., Vera. Media and internet linguistics: language transformation in digital communication // *International journal of linguistics, communication, and broadcasting*. 2025. Vol. 3, no. 2. P. 50–56.

Курилович Наталья Вячеславовна

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика
Беларусь*

Интернет-коммуникация в структуре досуга современного студенчества

Досуг студенческой молодежи является междисциплинарной областью исследования, в становление и развитие которой внесли вклад представители многих социально-гуманитарных наук: психологии, педагогики, культурологии, социологии и др. При этом в социологической науке изучение форм и практик досуга студенчества осуществляется на стыке, как минимум, пяти отраслей социологического знания: социологии досуга, социологии культуры, социологии молодежи, социологии образования и социологии коммуникации.

Исследователи разграничивают узкую и широкую трактовку понятия «досуг». В узком смысле досуг ассоциируется с проведением свободного времени, а в широком смысле – под ним понимается совокупность всех видов деятельности, реализуемой для удовлетворения разного рода потребностей в свободное от учебы, работы и домашних обязанностей время [1, с. 105].

В научном дискурсе можно обнаружить разнообразные систематизации видов досуговой деятельности студенчества. По степени активности индивида при проведении своего свободного времени принято разделять пассивные (например, прослушивание музыки, просмотр сериалов и др.) и активные (например, занятия спортом, танцами, туристические поездки, посещение концертов, выставок, музеев и др.) виды досуга. С точки зрения количественного критерия, дифференцируют индивидуальный и

коллективный досуг. Если учитывают институциональный признак, то говорят об институциональном и внеинституциональном досуге. По длительности своего существования все досуговые практики могут быть подразделены на традиционные и современные. К традиционным видам досуговой деятельности относятся те, которые существуют на протяжении многих столетий (например, чтение, посещение театров и т.п.), а к современным – те, которые основаны на использовании Интернета.

Ни для кого не секрет, что в настоящее время значимое место в структуре досуга студенчества занимает Интернет-коммуникация. Глубокая интеграция информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнедеятельность студенческой молодежи привела к тому, что без цифровых гаджетов студенты уже не могут представить свою жизнь, а живое общение с другими людьми все чаще сводится к коммуникации, опосредованной различными мессенджерами. Интернет-коммуникация, выступая характерной чертой проведения студентами своего свободного времени, отражает общую ориентацию молодежного досуга на пассивные, индивидуализированные и внеинституциональные его виды [2, с. 448].

Результаты проведенного кафедрой социологии БГУ в 2024 году опроса студенческой молодежи (n=1982) показали, что большинство студентов, удовлетворенных проведением своего свободного времени, чаще всего предпочитают пассивные и внеинституциональные виды досуга: просмотр фильмов, социальных сети, компьютерные игры и т.п. Широкое распространение цифровых технологий оказывает воздействие на формирование контента досуговых предпочтений студенчества и находит выражение в ограничении использования студенческой молодежью традиционных и активных видов досуга.

Источники и литература

- 1) Кульминская, А. В. Досуг студенческой молодежи: результаты мониторингового исследования / А. В. Кульминская, Л. Д. Забокрицкая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 4(28). - С. 102-120.
- 2) Бояк, Т. Н. Досуг молодёжи и возможности его совершенствования в современных социально-культурных условиях / Т. Н. Бояк // Педагогический ИМИДЖ. 2021. - Т. 15, № 4 (53). - С.446-453.

Лашманкин Александр Владимирович

К вопросу о полилоге в цифровой среде

У истоков создания сети Интернет стояли психологи: Джозеф Ликлайдер и Роберт Тейлор. Одна из подзадач, которая ставилась в рамках возглавляемого ими проекта ARPAnet, — создать техническую основу для реализации коммуникационной модели, предназначенной для совместной работы ученых или инженеров — «проектное совещание». «Проектное совещание, ... является примером широкого класса человеческой деятельности, которую можно охарактеризовать как творческую информационную активность» [1]. Следует обратить внимание на тот факт, что проектное совещание, которое фактически проводилось в форме телеконференции, является одним из видов общения в форме полилога: «Полилог в самых разнообразных его проявлениях получает широкое распространение... в системах электронной связи (электронные сетевые конференции)...» [2,5]. Е.М. Иванова и Л.П. Шурпик показали, «что что термин полифонии, используемый М.М. Бахтиным в работе «Проблемы поэтики Достоевского», послужил теоретическим источником для развития такого современного типа диалога, как полилог» [3]. Согласно Дж. Ликлайдеру и Р. Телору: «Суть задачи коммуникации заключается в том, чтобы его (коммуницирующего) коллеги включили его данные в свои ментальные модели» [1]. Предложенное ими понимание коммуникации соответствует тому, как она происходит в диалоге, как представлял его М.М. Бахтин [4,361-373]. В диалоге изменяется общая смысловая ментальная модель: «Каждому из участников диалога... приходится... моделировать смысловое целое с учетом точек зрения... субъектов вступающих в коммуникацию» [5, 369]. Отметим, что коммуникативно-прагматическая организация полилога в форме проектного совещания подразумевала наличие возможности менять его прагматическое содержание любым образом. Дж. Ликлайдер и Р. Тейлор предложили использовать компьютеры, объединенные в сети, не только как средство коммуникации, но и как интерактор. Дж. Ликлайдер и Р. Тейлор предполагали наступление определенных социальных последствий вследствие создания глобальной сети сетей. В частности, во-первых, повышение уровня индивидуального счастья, во-вторых, рост эффективности и продуктивности общения, в-третьих, появление искусственного интеллекта, с которым будет осуществляться большая часть общения, в-четвертых, расширение горизонта возможностей для тех, кто будет подключен к этой сети. Можно утверждать, что Дж. Ликлайдер и Р. Тейлор, проек-

тируя сеть, преследовали вполне определенные цели, которые впоследствии воспринимались и сейчас воспринимаются, как некие «естественные» следствия, вытекающие из якобы сугубо технического феномена.

Источники и литература

- 1) J.C.R. Licklider and Robert W. Taylor, The Computer as a Communication Device, Reprinted from Science and Technology, April 1968. URL: https://internetat50.com/references/Licklider_Taylor_The-Computer-As-A-Communications-Device.pdf (дата обращения: 27.01.2026).
- 2) Яковлева Э.Б., Многосторонние формы общения: Полилог как объект лингвистического анализа: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания / - М., 2006. - 72 с.
- 3) Иванова Е. М., Шурпик Л. П., Интерпретация концепции диалога-полифонии М.М. Бахтина как основание для трансформации традиционного диалога в полилог в современном обществе» / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики/ Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II., с.71-76.
- 4) Бахтин М.М., Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. - 423 с.
- 5) Кондаков И.В., Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия, М., Прогресс-Традиция, 2007 г.

Липатова Мария Евгеньевна

Социологический факультет МГУ, Москва, Россия

Роль цифровой коммуникации в формировании культурной идентичности

Формирование и сохранение культурной идентичности человека в последние годы приобретает всё большее значение в условиях открытости общества информационному воздействию, изменениям в системах воспитания и образования, сохраняющее своё инерционное воздействие на социум процесса глобализации, а также усилении антиглобализма и процесса глокализации. Сохранение суверенитета и единства народа через

язык, историю и культуру отмечал в своём выступлении президент России В.В. Путин [1].

Одним из ключевых инструментов формирования культурной идентичности является коммуникация. Освоение языка, культуры осуществляется посредством различных социальных институтов, среди которых в современном обществе особое значение приобретают средства массовой коммуникации. Развитие новейших технологий и переноса значительной части общения и взаимодействия в пространство интернета приводят к изменениям, которые ВЦИОМ обозначает как «сдвиг в культуре общения» [2]. В особенности это касается молодёжи, для которой онлайн коммуникация стала естественной, привычной формой поддержания социальной связи (в возрастной группе 18-24 года 69% опрошенных отметили, что общение с близкими и друзьями перенесено в онлайн пространство).

Цифровые ресурсы, в особенности социальные сети, стали универсальными площадками как для поиска и получения информации, так и для общения с коллегами, друзьями или единомышленниками. Здесь происходит поиск актуальной информации (в том числе новостной), работы, друзей, предлагаются образовательные проекты, формируются группы по интересам и для решения профессиональных задач и пр. Так по данным ВЦИОМ среди опрошенных респондентов старше 18 лет наиболее популярным контентом являются новости (77%), образовательный (41%), юмористический (35%), развлекательный (33%), научный (30%). Внимание к страницам о путешествиях, природе, домашним животным проявляют 24%, 20% и 20% соответственно [3].

Среди ключевых маркеров культурной идентичности можно выделить язык, воображение и память [4]. Язык описывает систему образов и создаёт картину мира, описывает культуру и выступает связующим звеном между ней и идентичностью. В современной цифровой среде это важный элемент знакомства с контентом и общения с авторами информации. В условиях многоязычности информации взаимодействие упрощается благодаря новейшими технологиями, такими как, например, искусственный интеллект. Аудитории важно не просто потреблять информацию, а интересен личный опыт других людей, готовых с ней говорить на одном языке, делиться своим мнением.

Повседневность постоянно дополняется воображаемой, художественной, виртуальной реальностью, что позволяет расширять границы опыта человека. При этом в условиях бурного развития новых медиа и цифрового контента особое значение приобретают креативность, как способность индивида, так и как важный компоненты привлекательности контента. Современные цифровые ресурсы и алгоритмы социальных сетей

подстраиваются под потребителей информации, делая потребление контента персонализированным.

Источники и литература

- 1 Стенограмма пленарного заседания Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-plenarnogo-zasedaniya-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora-28-11-2023.html?ysclid=lpkvru0edy116343190> (Дата обращения: 30.01.2026 г.)
- 2 Аналитический обзор от 24.06.2025 г. «Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодёжи». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi>
- 3 Аналитический обзор от 10.08.2023 г. «Социальные сети и мессенджеры: вовлечённость и предпочтения». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzheru-vovlechnost-i-predpochtenija>
- 4 Лисенкова А.А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2. С. 55-68. С. 61.

Литвинова Дарья Олеговна¹, Андриянова Татьяна Владимировна¹

1 - Курский государственный университет, Курск, Россия

Интернет-досуг в формировании облика современной студенческой молодежи

В условиях цифровой трансформации общества Интернет становится важным фактором формирования облика, особенно в среде студенческой молодежи как наиболее активной социальной группы: он влияет на ценностные ориентации, способы самопрезентации, характер коммуникации и повседневные практики. Это актуализирует необходимость формирования культуры осознанного Интернет-досуга, ориентированного на личностное развитие. Интернет-досуг все чаще выступает средством онлайн-социализации молодежи, сочетая возможности личностного развития и

риски пассивности [5]. С целью их изучения на базе Курского государственного университета в 2025 году было проведено исследование обучающихся, показавшее что их Интернет-досуг связан с просмотром развлекательного видеоконтента и онлайн-общением (62% соответственно), а основным устройством выступает смартфон (78%), обеспечивающий постоянную включенность в цифровую среду. Такая структура досуга формирует ориентацию на быстрое эмоциональное удовлетворение и снижает значимость рефлексивных и развивающих практик. Доминирование развлекательных форматов способствует формированию клипового мышления и снижению глубины анализа информации [3]. Характер сетевой активности также влияет на формирование облика современного студента: 48% респондентов выступают пассивными потребителями контента, и лишь 2% – его создателями, что снижает уровень субъектной активности личности.

Данные свидетельствуют, что влияние Интернет-досуга на формирование облика студенческой молодежи носит противоречивый характер. С одной стороны, он выполняет компенсаторную функцию, способствует улучшению эмоционального состояния и расслаблению (52%), что подчеркивает его значимость для эмоциональной саморегуляции. С другой, фиксируются риски, связанные с потерей времени (70%), признаками зависимости (58%), уходом от реальной жизни (50%). Лишь 34% респондентов используют стратегии осознанного самоконтроля Интернет-досуга, что свидетельствует о недостаточной сформированности у остальных навыков саморегуляции, ответственности за досуговое поведение, деструктивном влиянии на личностное развитие молодежи [6].

Согласно данным Крыминформ (2026 г.), в топе пяти самых востребованных у молодежи форм Интернет-досуга значатся: видеосервисы с обучающими уроками и влогами (крупные медиаплатформы); игры и игровые сообщества вокруг популярных игр (например, Авиатор КЗ), стриминговые видео с возможностью загрузки контента для просмотра в автономном режиме, удобном для «цифровых кочевников»; подкасты по требованию (от настоящих преступлений до скетчей); социальные сети, позволяющие представить пользовательский контент как «плавильный котел» идей и взглядов. Кроме того, мессенджеры становятся платформой для людей и организаций в стремлении делиться своими идеями и общаться с широкой аудиторией [7]. В типах Интернет-досуга набирают популярность интерактивные сервисы GeoGuessr, Radiooooo, онлайн-свидания, виртуальные путешествия, что позволяет с пользой проводить время, обучаться и общаться. Но не стоит забывать, что режим онлайн

подразумевает и некоторую составляющую постоянной игры, от которой затем сложно переходить к формам реальной социальной активности: знакомиться с людьми, создавать семьи и компании друзей, проявлять участие в делах других и т.д. [1; 2].

Таким образом, Интернет-досуг играет двойственную роль в формировании облика студенческой молодежи, выступая одновременно ресурсом коммуникации и эмоциональной поддержки и источником рисков пассивности и зависимости.

Источники и литература

- 1) Андриянова Т.В. К концептуализации понятия «медийная инклюзия»: управленческий аспект // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 137-146. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-3-137-146.
- 2) Андриянова Т.В., Быканова Я.П. Медиафера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219-231. DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-2-219-231.
- 3) Архангельская И.Б. «Свой круг»: медиапотребление российской молодежью развлекательного контента в социальных сетях 2022-2024 годов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 2(52). С. 75-84.
- 4) Литвинова Д.О., Андриянова Т.В. Экспертные исследования интернет-коммуникации современной молодежи // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира: Сборник научных трудов Четвертой международной научно-практической конференции, Иркутск, 10-12 июня 2025 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2025. С. 262-266.
- 5) Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски // *Juvenis scientia*. 2019. № 1. С. 43-48.
- 6) Салганова Е.И., Белова Л.И., Гафнер Н.А. Влияние медиапространства на досуговую деятельность современной молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2022. Т. 22, № 1. С. 70-77.
- 7) 5 самых популярных видов развлечений в Интернете. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/106158> (дата обращения 27.01.2026).

Ломоносова Ангелина Михайловна

*Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина,
Санкт-Петербург, Россия*

Визуальная репрезентация древнерусских праздников в цифровом пространстве: сохранение традиции и новые формы коммуникаций.

В условиях развития цифровых технологий в XXI веке российское общество столкнулось с проблемой как прочтения, так и репрезентации своего культурного кода. Усложняется это проблемой отсутствия исторических знаний, а также подменой научного знания упрощёнными мифологемами. ВЦИОМ в начале 2025 года представил результаты опроса на знание предмета «История России», выяснилось, что с вопросами школьной программы на «отлично» или «хорошо» справилось 17% опрошенных респондентов[2]. Эксперты ВЦИОМ также подчеркнули, что опрошенные наиболее верно отвечают на вопросы, если период правления ближе к нашим дням, а период Древней Руси мало знаком среднестатистическому россиянину.

Что человек, живущий в России, может знать об этом периоде? Рюрик, Крещение Руси, Иван Грозный. Знакомы ли ему сказки, которые будучи значимой частью фольклора, несли в себе элементы языческой мифологии, обычаи и привычки? К сожалению, большая часть архивных документов, посвященных быту, традициям, заметкам о жизни в Древней Руси, была уничтожена в результате пожаров и войн а то, что сохранилось – находится в закрытом доступе в архивах и музеях. Эти документы требуют оцифровки для того, чтобы с ними мог познакомиться массовый читатель.

Проблему неосведомленности в последнее время решают соцсети. Стали появляться страницы и блоги, а формат коротких видео (до 1 минуты) погружает пользователя в быт прошлого времени. Не имея глубоких знаний об эпохе, через визуальный язык образов современный человек формирует часто искаженную картину об определенном историческом периоде. Репрезентация периода Древней Руси в социальных сетях стала визуально отличаться от того, какой она была ранее. В запрещенной сети Instagram канал Анны Лариной (@ainannet) уже набрал около 170 000 подписчиков, в блоге Анна часто рассказывает об эпохе Древней Руси. Подбирая определенный визуальный ассоциативный ряд, видео набирают до 700 000 просмотров. Стоит заметить, что автор канала уже запустил свой платный курс «Зимние мифы».

Тренд «на русское» стал коммерциализироваться, что заинтересовало организаторов досуга и культурных пространств. Частные лица и компании стали создавать предложения, начиная от комплекса услуг (парения в русской бане, мастер-классы), магазинов одежды, предметов интерьера, заканчивая турами по Древнерусским городам и организаций тематических мероприятий. В рекламе визуальный ряд становится визитной карточкой для потенциального клиента. Возрождение праздников Масленицы, Ивана Купалы, Святков, стали приносить доход. Самый яркий пример - фестивали в арт-парке «Никола-Ленивец»[1]. Благодаря соцсетям, придавая видеоформату эстетику фолк-хоррора, формат получил высокий охват, а также стал прибыльным для офлайн мероприятий. Таким образом, в конце первой четверти XXI века сформировался общий тренд переосмысления прошлого с активным использованием цифровых технологий, а интерес к эпохе Древней Руси привел к появлению нового визуального контента, который стал продаваться коммерческими организациями.

Источники и литература

- 1) <https://maslenitsa.nikola-lenivets.ru/#program>
- 2) <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomni-svoikorni>

Лушников Дмитрий Александрович

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Молодежь в киберпространстве: фактчекинг и информационная гигиена.

Молодежь в киберпространстве: фактчекинг и информационная гигиена.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

В качестве показателей фактчекинга и информационной гигиены у молодежи, относительно определения фейковых новостей, в нашем исследовании были выбраны: осведомленность о термине «фейковые новости» через фиксацию их наличия в Интернете; способы определения

новости как фейковой; навыки, необходимые для эффективного противодействия информационным атакам.

Осведомленность о термине «фейковые новости» через фиксацию их наличия в Интернете фиксировалась в вопросе: «Сталкивались ли Вы с фейковыми новостями в Интернете?». Подавляющее большинство респондентов ответили на этот вопрос утвердительно, однако частота наблюдения фейковых новостей вызывает определенный интерес: около половины респондентов указали, что встречались с фейковыми новостями «иногда», «часто» – 40.5% и «никогда» – 12.2%. Это свидетельствует не столько о высокой культуре фильтрации Интернет-контента и наличия проверенных источников информации, сколько о том, что само понятие «фейковые новости» не до конца понимаемо молодежью.

Среди способов определения новости как фейковой лидирует проверка фактов и данных – 48.1%, далее идет проверка на нескольких источниках – 42.6%, анализ авторитета источника – 36.4% и использование специальных приложений и сервисов – 21.7%. То есть, молодые люди в целом понимают процедуры фильтрации новостного контента и мыслят в подобных ситуациях достаточно логично и последовательно.

Навыки, необходимые для эффективного информационного противодействия, фиксировались в вопросе «На Ваш взгляд, какие навыки необходимы для эффективного противодействия информационным атакам?». Более половины респондентов выделили наличие критического мышления, 38.9% – умение анализировать информацию, 32.8% – коммуникационные навыки и 23.7% – технические навыки. Таким образом, значимость установки на критическое восприятие информации осознается молодежью, как и необходимость определенного скепсиса в отношении сконструированных «жареных фактов», фейковых новостей и других инструментов и способов информационно-пропагандистского воздействия.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что анализ представленных показателей фактчекинга и информационной гигиены у молодого поколения свидетельствует о том, что молодежь еще недостаточно разбирается в методах и инструментарии информационно-пропагандистского воздействия, однако присутствует понимание необходимости фильтрации, селекции и подтверждения достоверности получаемой информации. Следует отметить и позитивную установку на критическое восприятие информации, препятствующую эмоциональной раскачке информационно-пропагандистского контента.

Люберцев Павел Павлович

*ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ИГУ),
Иркутск, РФ*

Профессиональные стратегии работающей молодежи в условиях цифровых трансформаций

В настоящее время глубоко изучаются особенности профессиональных стратегий работающей молодежи в условиях цифровых трансформаций современного общества. Анализируются направления адаптации молодежи к изменениям рынка труда, обусловленным цифровизацией, развитием информационных технологий. Выявляются основные типы профессиональных стратегий, а также риски и противоречия, сопровождающие процессы цифровой трансформации занятости.

Тезисы

Цифровые трансформации, охватывающие ключевые сферы общественного развития, оказывают существенное влияние на структуру и содержание профессиональной деятельности. Развитие цифровых технологий, автоматизация производственных процессов, внедрение искусственного интеллекта и платформенных форм занятости приводят к изменению традиционных моделей рынка труда. В этих условиях особый научный интерес представляет анализ профессиональных стратегий работающей молодежи как социальной группы, наиболее активно вовлеченной в процессы цифровизации.

Работающая молодежь характеризуется высокой степенью адаптивности и мобильности, что обусловлено как возрастными особенностями, так и спецификой социализации в цифровой среде. В условиях ускоренного обновления профессиональных знаний и навыков одной из базовых стратегий становится ориентация на непрерывное обучение. Молодые специалисты активно используют возможности онлайн-образования, цифровых образовательных платформ и профессиональных сообществ, что позволяет им оперативно реагировать на изменения требований рынка труда и поддерживать конкурентоспособность.

Важное место в структуре профессиональных стратегий занимает гибкая карьерная модель, предполагающая отказ от линейного профессионального пути. Цифровая экономика способствует распространению проектной занятости, фриланса и совмещения нескольких видов деятельности. Для молодежи подобная стратегия выступает способом расширения профессионального опыта и снижения рисков, связанных с неста-

бильностью занятости. При этом происходит смещение акцента с долгосрочной организационной лояльности на развитие индивидуального профессионального капитала.

Особое значение в условиях цифровых трансформаций приобретает формирование репутационно-цифровой стратегии. Профессиональный имидж в цифровом пространстве, наличие цифрового портфолио, участие в профессиональных сетевых сообществах становятся важными ресурсами трудоустройства и карьерного продвижения. Таким образом, цифровой капитал все в большей степени дополняет и трансформирует традиционные формы профессионального и социального капитала.

Вместе с тем цифровизация рынка труда сопровождается рядом рисков. Распространение нестандартных форм занятости усиливает процессы прекаризации труда, характеризующиеся нестабильностью доходов и отсутствием социальных гарантий.

Максимов Арсений Андреевич

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная субъектность искусственного интеллекта в межпредметном поле

Для решения проблемы субъектности искусственного интеллекта (далее – ИИ) необходимо утверждение междисциплинарной парадигмы, в рамках которой будут согласованы представления о значимости и роли ИИ в социальных отношениях. Но, как можно судить по актуальным исследованиям по правоведению, философии и социологии вопрос субъектности остается дискуссионным и консенсус не столь очевиден. Тем более, в межпредметном поле.

В правовом поле актуален вопрос о возможности рассмотрения ИИ как индивидуального и коллективного субъекта права. Но индивидуальное право ориентировано на граждан, обладающих правосубъектностью. «Общая правосубъектность...охватывает возможность обладать правами и обязанность и их самостоятельного осуществления» [2].

Субъектом правовой ответственности могут выступать создатели программного обеспечения ИИ, а также посредники, контрагенты и лица, связанные иными правоотношениями с первыми. Следовательно, ИИ – это продукт коллективного творчества лиц, несущих правовую ответственность за результаты его деятельности.

Другой стороной вопроса являются права на результаты деятельности ИИ. Если, например, ИИ сулит неоправданные сверхприбыли для

его создателей, то решением может служить присвоение прав собственности на произведения самому ИИ. И тогда ИИ признается субъектом творчества, однако институт права существует лишь для людей [4,7].

С философских рационалистических позиций, в основе ИИ лежат рациональные мышление и действия. Так, Ю. Дрейфус выделил три предположения-основания модели ИИ: психологическое, эпистемологическое и онтологическое. Антирационалистическая же философия настаивает, что познание формализовано лишь на начальном этапе, но затем приоритетными становятся эмпирические правила и интуитивные решения. Для М. Полани, например, неявное знание – это определяющее условие познавательной деятельности.

Уместно вспомнить и о свободе воли как трансцендентной предпосылке человеческого бытия. Однако такой взгляд на свободу воли не позволяет обсуждать свободу воли ИИ, поскольку трансцендентные предпосылки смоделировать невозможно.[5].

С точки зрения социологии, ИИ активно включается в процесс социальной коммуникации. Стремительно разрушаются социальные связи, а социальные акторы заменяются на ИИ. Самообучение ИИ при этом можно воспринимать как форму социализации и как один из критериев субъектности [8]. В коммуникативной системе, к примеру, ИИ выполняет все три селекции коммуникации по Н. Луману. А если, опираясь на акторно-сетевую теорию, увидеть в ИИ нечеловеческого актанта, то вопрос о субъектности ИИ вообще снимается. Кроме того, ИИ все чаще выступает медиатором в акторсети, а человек – интермедиатором. Эта метаморфоза подчеркивает глубину социотехнической трансформации.

Постнеклассическая рациональность предполагает моделирование действительности в мировоззренческом и этическом аспектах. И вопросы ИИ представляются именно той областью, где парадигма может быть выстроена лишь на основе согласования социального, философского и правового поля.

Источники и литература

- 1) Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об обществах с ограниченной ответственностью", ст. 3, п.1.
- 2) Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. М.: Юрид. лит., 1982.
- 3) Бахрах Д. Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-rossiyskog-o-prava> (дата обращения: 15.01.2026).

- 4) Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45.
- 5) Войченко А. Субъективность и эволюция философии ИИ // URL: <https://hackernoon.com/lang/ru/%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%B8-%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8-%D0%98%D0%98> (Дата обращения: 9.01.2026)
- 6) Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. №2 (159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-subektnosti-i-skusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 16.01.2026).
- 7) Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3.
- 8) Максимов М.А., Старовойтов Д.М. К вопросу о социальной субъектности искусственного интеллекта: философский аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №7-1 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsialnoy-subektnosti-iskusstvennogo-intellekta-filosofskiy-aspekt> (дата обращения: 10.01.2026).

Мамедов Агамали Куламович

*МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

Теоретические основания анализа конфликтности искусства

Теоретические основания анализа конфликтности искусства

Феномен конфликтности искусства имеет глубокие философские, психологические и социологические основания. Как показывают классические и современные теоретические подходы, конфликт в искусстве не является аномалией или следствием внешних обстоятельств, а представляет собой структурное условие его социального функционирования.

Начиная с античной философии, искусство рассматривалось как сила, способная нарушать устойчивость социального порядка. Платон в «Государстве» подчёркивал, что поэзия и художественное подражание «питают и усиливают низшие стороны души» и тем самым «разрушают разумное начало в человеке» [8, кн. X, 605–606]. История искусства предоставляет многочисленные примеры, подтверждающие структурную природу художественного конфликта. Одним из ранних и наиболее показательных случаев являются иконоборческие споры в Византии VIII–IX веков, в ходе которых изображения святых выступали не просто религиозным объектом, а символом власти над интерпретацией сакрального. Ю. М. Лотман видел в подобных конфликтах признаки смены культурного кода, когда «старые знаковые системы теряют свою очевидность, а новые ещё не обрели легитимность» [6, с. 45]. Не менее ярко конфликтогенность искусства проявилась в эпоху Возрождения в реакции церковных институтов на росписи Микеланджело в Сикстинской капелле. Напряжение между традиционными религиозными нормами и новым гуманистическим пониманием телесности и субъективности В. Беньямин рассматривает как институциональный характер художественного конфликта, поскольку «каждая новая форма искусства ставит под вопрос прежние способы восприятия» [2, с. 39], что неизбежно вызывает сопротивление со стороны доминирующих культурных структур.

В философии XX века конфликтная природа искусства получает принципиально иное осмысление. Теодор Адорно считает, что произведение искусства «по своей внутренней структуре является конфликтом» [1, с. 234] и именно через отрицание подлинное искусство сохраняет свою автономию: «Искусство социально постольку, поскольку оно противостоит обществу» [1, с. 226]. В этом смысле конфликтогенность становится формой негативной диалектики, посредством которой искусство обнажает противоречия социальной реальности.

Социологическое измерение конфликтогенности искусства наиболее последовательно разработано в теории культурного поля Пьера Бурдьё, считавшего, что художественное поле структурировано борьбой: «Поле культурного производства есть поле борьбы за монополию легитимного определения культурных ценностей» [3, с. 61]. Конфликт здесь возникает между различными агентами — художниками, критиками, институциями, — претендующими на право определять, что считать искусством: «Вкусы классифицируют, и классифицируют тех, кто классифицирует» [5, с. 23]. Социологическая перспектива позволяет рассматривать конфликт в искусстве как проявление борьбы за символическую власть, поскольку культурное поле структурировано конкуренцией агентов, а эс-

тетические разногласия выражают социальные противоречия: «Всякая позиция в поле культуры определяется отношением к другим позициям» [3, с. 64].

Применяя культурологический анализ, Ю. М. Лотман в работе «Культура и взрыв» рассматривает конфликт в искусстве как механизм культурной динамики, культурного обновления: «Механизм взрыва связан с резким увеличением неопределённости и конфликтом интерпретаций» [6, с. 26]. Он подчёркивает, что «взрыв есть форма перехода культуры в иное состояние» [6, с. 28]. Художественный конфликт в этом контексте становится точкой разрыва привычных семиотических структур, открывая пространство для формирования новых смыслов и форм восприятия.

Психологический аспект конфликтности искусства, связанный с особенностями восприятия художественного объекта, с точки зрения Зигмунда Фрейда, выражается в вытеснении содержания психики: «Художественное произведение действует, вызывая в нас аффекты, которые обычно подавляются» [9, с. 47]. Карл Юнг, в свою очередь, отмечая, что «подлинное искусство всегда вызывает напряжение, поскольку затрагивает глубинные структуры психики» [11, с. 91], видит связь конфликта в искусстве с архетипической природой образов: «Искусство вызывает внутреннее напряжение, поскольку активизирует коллективное бессознательное» [11, с. 89]. Это напряжение, переходящее в конфликт, может выполнять конструктивную функцию, стимулируя рефлекссию и расширение когнитивных границ личности.

Особое место в теоретическом осмыслении конфликтной природы искусства занимает концепция Вальтера Беньямина, представленная в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»: «Техническая воспроизводимость произведения искусства освобождает его от ритуальной функции» [2, с. 36]. Таким образом, конфликтность искусства усиливается по мере утраты традиционных форм сакральности и уникальности художественного объекта, что порождает новый тип конфликта — между эстетическим опытом и массовым восприятием, между элитарной и демократической культурой. Беньямин прямо указывает, что «массовое восприятие искусства имеет принципиально иной характер, чем созерцание в традиционном смысле» [2, с. 41], что ведёт к изменению механизмов легитимации искусства и, как следствие, к усилению культурных и социальных напряжений.

Мишель Фуко в «Словах и вещах» рассматривает конфликтность искусства через призму анализа власти и дискурса: «В каждом обществе производство дискурса одновременно контролируется, отбирается,

организуется и перераспределяется» [10, с. 67]. Искусство, нарушающее установленные дискурсивные границы, неизбежно вступает в конфликт с институциональными структурами власти. Фуко подчёркивает, что отклонение от нормы всегда воспринимается как угроза: «Там, где возникает разрыв дискурса, появляется и сопротивление» [10, с. 72].

Коммуникативное измерение конфликтогенности искусства представлено в «Теории коммуникативного действия» Юргена Хабермаса: «Современное искусство часто сознательно нарушает ожидания понимания, тем самым провоцируя коммуникативный сбой» [12, Т.1, с. 312]. Этот «сбой» не является деструктивным по своей сути — он открывает пространство для критической рефлексии и общественного диалога, стимулируя пересмотр норм и ценностей, лежащих в основе социальной коммуникации. По мнению Пьера Бурдьё, конфликтогенность искусства как особая форма символического насилия направлена на вскрытие структурных противоречий общества, «поскольку оно не распознаётся как таковое» [4, с. 168] — художественный конфликт делает символическое насилие видимым, выводя его в пространство публичного обсуждения. Именно поэтому искусство так часто становится объектом цензуры, скандалов и институциональных ограничений.

Таким образом, философские, социологические и психологические концепции сходятся в признании того, что конфликтогенность искусства не является случайной или внешней характеристикой — это устойчивый механизм культурной динамики, результат трансформации эстетического опыта в условиях массовой культуры (Беньямин), форма сопротивления дискурсивной власти (Фуко) и механизм нарушения и обновления коммуникативных структур общества (Хабермас). Через конфликты художественные формы обновляют символические структуры общества, выявляют скрытые противоречия и способствуют трансформации культурных и социальных норм.

Источники и литература

- 1) Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 527 с. 2.
- 2) Беньямин В., Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 240с.
- 3) Бурдьё П., Поле культуры. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- 4) Бурдьё П., Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

- 5) Бурдьё П., Различение: социальная критика суждения / Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.
- 6) Лотман Ю. М., Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
- 7) Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Максимов А.А. К вопросу об эстетике безобразного (на примере современной скульптуры в общественном пространстве) // Социально-гуманитарные знания, 2025.
- 8) Платон. Государство. СПб.: Наука, 2005. 570 с.
- 9) Фрейд З. Психоаналитические этюды / Сост. Д.И. Донского, В.Ф. Круглянского; Послесл. В.Т. Кондрашенко. Минск: Попурри, 1997. 606 с.
- 10) Фуко М., Слова и вещи. М.: Прогресс, 1994. 408 с.
- 11) Юнг К. Г., Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
- 12) Хабермас Ю., Теория коммуникативного действия. М.: Весь Мир, 2022. 577 с. В 2-х т.

Марченко София Игоревна

Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация

Идентичность личности в виртуальном пространстве

Интернет как неотъемлемый компонент современной цивилизации интегрирован во все сферы общественной жизни. В эпоху глобальной цифровизации и повсеместного распространения сетевых технологий классические представления о природе личности претерпевают существенные изменения. Таким образом, актуальность изучения феномена личностной идентичности в виртуальной среде продиктована фундаментальной взаимосвязью человеческого существования и использования интернет-платформ.

Социологическое осмысление понятия «виртуальное пространство» активно развивается. И это логично, поскольку интернет становится не только необходимой средой жизнедеятельности социума. Виртуальность формирует массовое сознание, определяет поведение индивида, особенно молодого поколения [1]. Мы можем сказать, что виртуальное пространство – некая особая реальность, постоянно меняющаяся и развивающаяся; созданная и поддерживаемая компьютерными технологиями среда, существующая в виде информации.

В цифровой среде происходит обособление и преобразование личности, выражающееся в целенаправленной самопрезентации через виртуальные образы, что может привести к изменению её фундаментальных характеристик. Во-первых, цифровая личность может быть представлена как «образование» («надстройка») на основе «реальной личности», но существующая и развивающаяся как отдельный элемент – со своими субъективными мотивами, аффективными состояниями, когнитивными особенностями и психофизиологическими детерминантами, которые формируются и/или развиваются в цифровой среде. Во-вторых, объективная цифровая среда опосредуется через субъективные схемы, фреймы и когнитивные репрезентации цифровой личности и трансформируется в цифровое пространство. Это социокультурное пространство имеет ряд характеристик, присущих и всем остальным социокультурным пространствам. Оно конструируется человеком и выражается в форме пространственно-временной целостности [3]. Личность в цифровой среде развивается благодаря динамическому взаимодействию реальных и виртуальных аспектов, которое приводит к их взаимопроникновению и изменению границ самоопределения.

Наряду с этим наблюдается пересечение характеристик реальной и виртуальной идентичности, что позволяет выделить ряд общих параметров конструирования личности. Виртуальная личность создаётся реальной личностью, пространством деятельности её является виртуальный мир интернета. Виртуальная личность не имеет физической представленности в виртуальности, но для выстраивания социального взаимодействия перемещает часть своих личностных качеств в виртуальное пространство. Виртуальная личность служит для самопрезентации реальной личности в виртуальных коммуникациях, воплощая себя в определённый образ. Виртуальная личность характеризуется виртуализацией сознания, преобладанием виртуальности в повседневной жизни [4].

В исследовании, проведенном Е. Рыльской и Д. Погореловым, предметом анализа стало сопоставление феноменов реальной и виртуальной личностной идентичности, что позволило выявить их особенности. Общими для реальной идентичности и идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей являются качества личности, черты характера, содержание деятельности и способности. Наличие общих характеристик позволяет говорить о существовании особой инвариантной составляющей образов виртуального и реального «Я», которая содержит совпадающие области идентичности с устойчивыми характеристиками, проявляющимися как в реальном, так и в виртуальном пространстве бытия [5]. Результаты данного эмпирического исследования подтверждают

гипотезы о слиянии и взаимном влиянии реальной и виртуальной (в социальных сетях) личностной идентичности, а также о тенденции к «размыванию» (или диффузии) их границ.

Цифровая идентичность сегодня имеет реальное значение, влияя на реальную жизнь человека во множестве аспектах. Можно сказать, что каждая виртуальная личность потенциально является произведением искусства, то есть создание виртуальной личности – пример самоизобретения, а сама сеть интернет – это зеркало современной цивилизации, ее информационное отражение [2].

Анонимность в социальных сетях позволяет примерить любой образ, а множество инструментов ретуширования – создать идеальный образ своей личности [5]. Самый глубокий парадокс виртуальной идентичности заключается в том, что анонимность может привести к большей подлинности. В реальном мире наше поведение жестко регулируется страхом осуждения, иерархией и социальными нормами. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей, в отличие от идентичности в реальном пространстве, осознанно контролируется личностью, в связи с чем может быть легко скорректирована вплоть до полной противоположности реальной идентичности [5]. Из-за этого со временем виртуальное «мы» начинает диктовать условия реальному «нам». Если в интернете мы добились признания как эксперты, мы чувствуем необходимость соответствовать этому образу и за пределами экрана. Происходит разрушение контекста: границы между ролями стираются. Проблема не в том, что мы притворяемся в сети, а в том, что мы начинаем воспринимать созданный нами виртуальный аватар как своё единственное и подлинное отражение.

Идентичность в виртуальном пространстве – это сложная, постоянно развивающаяся система. Следует признать виртуальное «я» не просто цифровым двойником, а новой, динамичной частью человеческого бытия.

Источники и литература

- 1) Касьянов В. В. Виртуальное пространство как новый – «старый» социокультурный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – № 25. – С. 38–42.
- 2) Кокшарова Е. И., Никифоров О. Ю. Полиидентичность личности в виртуальном коммуникативном пространстве сети интернет // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 1. – [Электронный

ресурс]. – URL: <https://human.snauka.ru/2013/01/2263> (дата обращения: 24.11.2025).

- 3) Лучинкина И. С. Поведение личности в современной цифровой среде // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. – 2023. – № 3. – С. 51–56.
- 4) Расина Э. О. Терминологические границы концепта «виртуальный образ личности» в контексте современных психологических исследований // Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 478–481.
- 5) Рыльская Е. А., Погорелов Д. Н. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 105–114.

Михайлов Константин Любомирович

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Роль пользовательского контента в процессах медиаконвергенции

Современный этап медиаконвергенции, начало которого ознаменовано внедрением Web 2.0, характеризуется смещением фокуса с технологического слияния СМИ на культурные и социальные изменения в контексте журналистского и пользовательского творчества. Изначально являющаяся реципиентом информационного сообщения аудитория СМИ, получив возможность распространять собственный контент, становится вовлечена в процесс его создания.

От технологической трактовки конвергенции (И. де Сола Пул, В. С. Хелемендик) научная мысль уже пришла к пониманию ее как культурного процесса (Г. Дженкинс). Сегодня возникает потребность в теоретическом обосновании роли пользовательского контента в процессах медиаконвергенции с культурологической и социологической точек зрения.

На практике эти изменения в процессе медиакоммуникаций проявляются, в том числе, в новых форматах привлечения пользовательского контента. Их можно условно разделить на две большие группы: инструментальное использование и совместное производство материалов.

В первом случае пользовательский контент может выступать в качестве источника информации или иллюстрации к редакционным журна-

листским материалам (оперативные фото и видео с мест событий, комментарии в соцсетях и т. п.). Такое решение используют многие российские сетевые издания регионального и федерального уровней: «Фонтанка», 78.ru, AiF.ru и другие.

Во втором случае речь идет о привлечении аудитории к созданию собственных материалов. В частности, использование написанных пользователями текстов наравне с редакционными практикуется, например, зарегистрированными средствами массовой информации «Свободная пресса», «Сноб» и «Спортс».

Однако на данный момент вовлечение аудитории в создание журналистских материалов остается ограниченным. Качественные традиционные СМИ нечасто интегрируют пользовательский контент в свои публикации и, как правило, редко предоставляют читателям возможности для полноценного создания собственных текстов на своих платформах. Тем не менее, представляется, что модель активного участия аудитории в журналистском творчестве обладает значительным потенциалом и в перспективе получит распространение во многих сетевых СМИ в силу меняющейся в цифровую эпоху культуры потребления контента.

Источники и литература

- 1) Дженкинс, Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / пер. с англ. А. Гасилина – М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. – 384 с.
- 2) Карпенко, И. И. Конвергенция в медиасреде: понятие и типы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. №13 (156). – С. 190–194.
- 3) Коханая, О. Е. Феномен конвергентной журналистики в медиакommunikationном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2019. №8. – С. 63–75.
- 4) Маклюэн, М. Г. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. – 5-е изд., испр. – М. : Кучково поле, 2023. – 464 с.
- 5) Хелемендик, В. С. Союз пера, микрофона и телекамеры : опыт системного исследования / В. С. Хелемендик. – Москва : Мысль, 1977. – 316 с.

Молодова Алиса Дмитриевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
**Развитие видеоблогинга в российских социальных медиа:
возможности и ограничения**

Российская видеоблогосфера продолжает занимать важное место в глобальном медиaprостранстве. Большое число русскоязычных авторов регулярно публикуют видеоконтент на различные темы, реализуя потребность в самовыражении и творчестве. Культурный продукт, в особенности эгалитарный, быстро распространяется в социальных медиа и получает активную обратную связь от аудитории.

В настоящее время российские видеоблогеры сталкиваются с трудностями, связанными с блокировкой или прекращением деятельности на территории России популярных зарубежных платформ. Авторы сталкиваются с потерей аудитории, ранее созданного контента и его монетизации. Как следствие, возникает необходимость поиска новых площадок, которые позволили бы наиболее эффективно осуществлять дальнейшую творческую деятельность.

В сложившихся условиях политика импортозамещения коснулась средств массовой коммуникации. Она включила в себя законодательное стимулирование разработок новых и улучшения существующих платформ, а также практическое замещение ряда функций зарубежных сервисов.

Потенциал развития отечественных социальных медиа для публикации и распространения пользовательского контента начинает привлекать видеоблогеров. Авторы видят в них стратегически важную площадку для формирования независимого от внешнего влияния информационного поля. Возникает новая конкурентная среда, которая стимулирует внедрение инноваций в разработку собственных инструментов монетизации и способствует повышению качества и разнообразия предлагаемого аудитории видеоконтента.

Изменяется и имидж российских видеоблогеров. Его формирование начинает осуществляться с опорой на традиционные ценности, патристические установки, уважение к культурному и историческому наследию России. Успешность контентмейкера начинает измеряться не только охватами, но и его вкладом в позитивное позиционирование страны и ответствием запросам общества.

Тем не менее, существует ряд трудностей, с которыми сталкивается отечественная видеоблогосфера. Относительно ограниченное число тем видеоконтента, несовершенства в работе цифровых платформ, возможность обхода блокировок замедляют приток новой аудитории. Усложня-

ется коммуникация с зарубежными пользователями, что затрудняет обмен мнениями и результатами творческой деятельности. Неоднозначную роль играет активное внедрение алгоритмов искусственного интеллекта, что подчеркивают результаты опроса 2024 года. Хотя 50% респондентов указали на рост возможностей для создания контента, 66% опрошенных увидели риск замены творческой деятельности автоматизированными системами.

Итак, российская цифровая среда, несмотря на сокращение числа платформ, создает комфортные условия для развития отечественного видеоблогинга. Однако успешность нововведений зависит от решения ключевых задач: привлечения пользователей через осознанный выбор, превращения этих площадок в основные для деятельности видеоблогеров и предотвращения формирования информационного пузыря с дефицитом достоверных данных.

Источники и литература

- 1) Вершинина И.А., Лядова А.В. Трансформация повседневности современного человека под влиянием технологий искусственного интеллекта // Теория и практика общественного развития, 2023. № 6. С. 73-78.
- 2) Кузьмина А.Д. Новые медиа в информационно-коммуникационном пространстве в условиях новой реальности (на примере «ВКонтакте», «Telegram», «RuTube», «Яндекс.Дзен» // Социологические исследования, 2022. № 1. С. 27-33.
- 3) Лядова А.В. Образ здоровья в блогосфере: социологический анализ (Часть 1) // Вестник Московского университета, 2023. № 3. С. 28-49.
- 4) Рикитянская М. Медиа и аудитории в историко-социологической перспективе // Вестник СПбГУ, 2022. № 3. С. 285-298.
- 5) Скороходов С.Н. Анализ российского рынка социальных медиа в условиях импортозамещения // Креативная экономика, 2025. Т. 19. № 3. С. 541-556.

Надергулова Дарья Сагитовна

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

**Новые медиа как инструмент конструирования образа
Южной Кореи в коммуникативном пространстве российской
молодежи**

Южная Корея в последние десятилетия характеризуется как страна, активно продвигающая свой культурный продукт – от корейской популярной музыки до корейской косметики. Культурный экспорт оказал значительное влияние на формирование глобального образа страны, и российская молодежь также попала под влияние «корейской волны» (или же «халлю») – социокультурного явления, представляющего собой глобальное распространение и популяризацию различных аспектов южнокорейской культуры.

Южная Корея, помимо традиционной дипломатии и экономического давления, использует привлекательность своей культуры для формирования позитивного международного имиджа и расширения своего влияния. Новые медиа, благодаря своей цифровой структуре и отсутствию географических ограничений, стали главным каналом популяризации южнокорейской культуры.

Проанализировав ряд совместных социологических исследований ВЦИОМ и корейского университета Хангук мы можем рассмотреть изменение представлений российских граждан о Южной Корее – от страны «экономического чуда» и технологий образ склонился в сторону восприятия страны культурного гиганта, распространяющего свои продукты креативных индустрий. В 2010 году в России корейская культура еще была незаметна, а сейчас она стала основополагающим фактором в ассоциативном портрете страны.

По аналогии с концепцией «веб 1.0 – веб 3.0» феномен халлю также имеет три волны развития, последняя из которых является глобальной благодаря вовлеченности пользователей в создание цифрового контента о Южной Корее. Распространение через стриминговые сервисы и социальные сети делает продукцию корейских креативных индустрий доступной для российской молодежи, независимо от географического положения и уровня дохода.

Целью данного исследования стало выявление роли новых медиа в формировании образа Южной Кореи у молодежи российского мегаполиса. Новые медиа играют важную роль в формировании глобального восприятия, и критическая оценка потребляемого контента является необходимой во избежание искаженных представлений о стране. Исследование показало, что образ Южной Кореи, транслируемый в социальных сетях, часто является селективным и не отражает полной картины социального и политического ландшафта страны.

Визуальная составляющая и фокус на позитивных аспектах культуры создают идеализированную картину, вызывая у российской молодежи ощущение привлекательности страны, не всегда соответствующее реаль-

ности.

Корейская популярная музыка, дорамы и другие элементы южнокорейской поп-культуры играют доминирующую роль в формировании позитивного образа Южной Кореи. При этом среди российской молодежи особой популярностью пользуются блоги русскоязычных ютуберов, проживающих в Южной Корее. Культура Южной Кореи воспринимается российской молодежью как альтернатива западной культуре, представляющая собой сочетание современных тенденций и традиционных ценностей.

Источники и литература

- 1) Чой В. И. Восприятие южнокорейцами и россиянами культуры стран-партнеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. No 4. С. 165-185.
- 2) Kim Bok Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. — 2015. — No 5. — pp. 154-160.
- 3) Cicchell V., Octobre S. The sociology of hallyu pop culture: surfing the «korean wave» — FR.,: Palgrave Macmillan Cham, 2021. — 356 p.

***Назарян Армен Каренович¹, Епремян Диана Олеговна¹,
Ерохов Михаил Васильевич¹***

1 - Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Творчество в виртуальном мире: уровень "рекреационной культуры" среди подростков

В настоящее время мы стремимся оценить уровень «рекреационной культуры» среди подростков. Наш анализ научной базы выявил, что досуг включает в себя мотивационно-ценностные, когнитивные, операционные и рефлексивные элементы [1; 2; 3]. Мотивационно-ценностные компоненты формируют основу для понимания причин, побуждающих человека к организации своего свободного времени. Необходимо, чтобы эта причина была четко осознана и служила руководящим принципом. К тому же, она отражает личные убеждения и моральные ориентиры, а также комплекс интеллектуальных и нравственных ценностей, которые люди руководствуются, планируя свой отдых. Особую остроту данный

вопрос приобрел в связи со стремительным развитием цифровых технологий и переносом проведения досуга в виртуальный мир.

Наличие в сознании базы данных, включающей в себя понимание различных моделей отдыха, норм и правил, определяющих процесс коммуникации, принципов взаимодействия, этикета, а также умение преобразовывать эти знания в повседневное поведение — вот что относится к когнитивному компоненту.

Операционный элемент культуры определяется активной приверженностью к организации отдыха, коммуникациям (в числе прочего и в виртуальном пространстве), различным видам активности, соблюдению этикета, наличию практических навыков, необходимых для планирования и осуществления досуга, а также креативному использованию накопленных знаний. В основе этого элемента лежит опыт культурного поведения, представляющий собой конкретное событие, сформированное в результате многократных повторений, характеризующееся высокой степенью мастерства, практически исключающего необходимость осознанного регулирования или контроля.

Пытаясь понять, что из себя представляет культура досуга, мы определили три основных уровня активности, характерных для подростков:

- Низкий уровень, или пассивный.
- Промежуточный, совмещающий активность и пассивность.
- Высокий, характеризующий инициативностью и активностью.

В соответствии с установленными критериями мы обозначили три степени развитости рекреационной культуры, свойственные подростковому возрасту.

Для подростков было организовано анкетирование, к которому были привлечены ученики средней школы г. Брянска. Общее число респондентов составило 212 человек, чьи возрастные рамки варьировались от 12 до 15 лет. Учащиеся данной возрастной категории демонстрируют слаженность внутри коллектива, а также проявляют интерес к познанию нового. Зачастую они проводят досуг вне стен школы вместе: посещают музеи, кинотеатры, различные выставки. Много ребят активно участвуют в разнообразных школьных олимпиадах, конкурсах и прочих мероприятиях, будь то спортивные состязания или творческие проекты. Несколько подростков посещают музыкальную школу, ходят в дома творчества и занимаются в спортивных секциях. В анкетировании проверялись знания учащихся о таких категориях, как «досуг», «деятельность в свободное время», разновидностях и способах организации досуга. Анкета содержала вопросы о свободном времени подростков, о том, чем они его заполняют, об участии в секциях и кружках, о проведении досуга в

виртуальном мире. Также входили вопросы, направленные на выяснение предпочтений ребят в плане мероприятий. Анкетирование определяло осведомленность о проведении культурно – досуговых мероприятий для подростков: участие в концертах, праздниках, фестивалях, беседах, круглых столах, карнавалах, вечерах, выставках и творческих встречах. В итоге выяснялись их пожелания по дальнейшему развитию культурно – досуговой деятельности.

Основным способом проведения досуга для проведения досуга для 29 % учащихся являются компьютерные игры и просмотр кинофильмов. 38 % предпочитают посвящать свободное время музыке – прослушиванию музыкальных композиций и исполнителей, формирование личных музыкальных коллекций, игре на музыкальных инструментах и другим подобным занятиям. 25 % школьников регулярно посещают спортивные секции. 8 % опрошенных затруднились дать определенный ответ. Таким образом, можно констатировать, что досуг в виртуальном мире занимает значительное место в «рекреационной» культуре подростков.

Источники и литература

- 1) Киричек, П. Н. Витальная максима образа жизни / П. Н. Киричек, С. А. Бедягин // Регионология. – 2014. – № 1(86). – С. 99-108. – EDN SAZRLN.
- 2) Назарян, А. К. Влияние интернета на культурно-досуговую деятельность молодежи / А. К. Назарян, Е. И. Назарян // Образовательные технологии в современном учебно-воспитательном пространстве. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. – С. 106-110. – EDN XCPELY.
- 3) Назарян, А. К. Сущность культурно-досуговой деятельности в условиях образовательной организации / А. К. Назарян, Т. Е. Демидова // Образовательные технологии в современном учебно-воспитательном пространстве. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. – С. 107-110. – EDN UHUUSQ.

намруева эльвира викторовна

РГГУ, москва, россия

**Блогосфера как феномен современного медийного
пространства России**

На сегодня информационно-телекоммуникационное пространство сеть Интернет способствует активному социальному взаимодействию различных акторов: «...сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность»[1]. Возникновение сетевых сообществ породило так называемый сетевой индивидуализм, который понимается как желание и возможность самовыражения, свободу творчества и самореализации.

Современная блогосфера России – это уникальный медиапродукт и динамичный медиапроцесс, который прошел путь от элитарного хобби малочисленной интеллектуальной аудитории до мощного инструмента формирования общественного мнения в массовой интернет-среде. При этом «...запуск собственного блога, как правило, не сопряжен с существенными материальными издержками и несложен с технической точки зрения, появление новых участников блогосферы ничем не ограничено»[2].

Российская блогосфера сегодня представляет собой динамично и активно развивающуюся среду, а блоги являются уже не просто каналом для транслирования актуальной информации, но и «...социально-коммуникативным явлением, существующим на стыке журналистики, маркетинга и политических технологий»[3]. При этом она демонстрирует высокую адаптивность, развиваясь в условиях жестких внешних ограничений.

В XXI веке в новом формате актуализировалась теория П. Дазарсфельда, когда контент массмедиа «... усваивается массовой аудиторией не непосредственно и не сразу, а спустя некоторое время и под влиянием «лидеров мнений»»[4], то есть субъектов, чье авторитетное мнение имеет значение для его целевой аудитории.

Постоянно растущий и мобильный российский блогинг создает многожанровый и многоформатный медиаконтент. Причины популярности блогов заключаются в новизне контента, его креативной подаче, а также харизматичности блогеров как публичных коммуникаторов. При этом российская аудитория, характеризующаяся в большинстве своем невысоким уровнем медийной компетентности, зачастую не понимает исходной мотивации блогерского контента.

В настоящее время российская блогосфера переживает период реформирования, адаптируясь к новым социально-политическим реалиям. Происходит постепенная профессионализация блогерства, что способствует усилению правового и этического регулирования этой сферы: появился реестр крупных блогеров[5], определены конкретные коды эко-

номической деятельности блогеров[6], начался реальный процесс саморегулирования[7].

Современный российский блогер сочетает в себе образы общественного активиста (публичный лидер), трендсеттера (продвижение новых идей), инфлюенсера (продвижение товаров и услуг). Его роль в формировании общественного мнения по тем или иным социально-значимым вопросам продолжает расти. Исследование современных трендов и ограничений российской блогосферы необходимо для понимания механизмов формирования общественного мнения в медийном пространстве. Особенно в русле активного развития и продвижение отечественных платформ.

Источники и литература

- 1) Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 152.
- 2) Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. – М.: Фак. журн. МГУ, Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 14.
- 3) Чечулин А. В., Бабенко В. А., Степанова Е. А., Иванова В. М. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. 2023. № 4. С. 81.
- 4) Дергунова М.В., Завгородняя М.Ю. Теория Пола Лазарсфельда: вне времени // Власть. 2014. № 8. С. 124.
- 5) Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
- 6) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности" (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 11.09.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
- 7) Ассоциация блогеров и агентств (АБА): официальный сайт <https://aba-media.ru/>

Николаев Дмитрий Евгеньевич

АНО Исследовательский центр «Аналитик», Москва, Россия

Современный интернет-текст как постчеловеческий слой культуры

Появление генеративного искусственного интеллекта фиксирует глобальное изменение онтологического статуса интернет-текста. Текст в цифровой среде все меньше может рассматриваться как продолжение человеческой коммуникации или культуры. Он формирует самостоятельный слой символического производства, в котором человек перестает быть центральным субъектом и становится лишь одним из участников [1].

Ключевая особенность этого сдвига заключается в изменении адресата текста. Значительная часть интернет-текстов сегодня создается не для человеческого чтения и интерпретации, а для машинной обработки – индексации, ранжирования, рекомендаций, генеративного использования другими алгоритмами [2]. Впервые в истории культура в массовом масштабе производится не как пространство смыслового обмена, а как инфраструктура обработки данных.

Этот процесс позволяет говорить о формировании постчеловеческого слоя культуры. В отличие от гуманистической модели, где текст понимался как результат человеческого намерения и опыта, новая реальность характеризуется распределенным авторством и множественностью субъектов. Алгоритмы, платформы, интерфейсы и протоколы становятся не просто медиаторами, но активными участниками культурного производства [3; 4].

Это означает переход от коммуникационной модели культуры к операционной. Интернет-текст функционирует как элемент системы, а не как высказывание, адресованное Другому. Он включен в цепочки машинного чтения, копирования и трансформации, где интерпретация не является обязательным этапом. В этом контексте смысл выступает не целью, а побочным эффектом вычислительных процессов [5].

Формирование постчеловеческого слоя культуры имеет последствия, выходящие далеко за пределы трансформации авторства. Речь идет о смене базового режима символического существования общества. Интернет-текст перестает быть формой коммуникации и все в большей степени становится средой, в которой осуществляется социальная координация без понимания. Среди ключевых последствий этого можно отметить: разрыв между текстом и опытом (текст больше не обязан соотноситься с пережитым, увиденным или осмысленным); исчезновение читателя как культурной фигуры (чтение как практика интерпретации уступает место обработке как технической операции); трансформацию

публичности (публичное пространство становится средой оптимизации сигналов, а не ареной аргументации и убеждения) и эрозию ответственности (постчеловеческий текст не лжет и не говорит правду, он просто функционирует).

Источники и литература

- 1) Braidotti, R. (2013). The Posthuman. Cambridge: Polity.
- 2) Manovich, L. (2020). Cultural Analytics. Cambridge, MA: MIT Press.
- 3) Galloway, A. (2012). The Interface Effect. Cambridge: Polity Press.
- 4) Latour, B. (2005). Reassembling the Social. Oxford: Oxford University Press.
- 5) Kittler, F. (1999). Gramophone, Film, Typewriter. Stanford: Stanford University Press.

Новицкая Татьяна Евгеньевна

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Социальные сети и внешнеполитическая коммуникация

Социальные сети двойственно влияют на внешнеполитическую коммуникацию: 1) могут применяться в целях публичной дипломатии, для создания позитивного имиджа страны, укрепления политического лидерства; 2) могут быть инструментами «острой силы» для установлении определенной информационной повестки, рекрутинга и координации деструктивных сообществ. Здесь для создания иллюзии общественного мнения по политически значимым вопросам в медиапространстве иностранных государств могут быть задействованы и фальшивые аккаунты, и чат-боты. Механизмы внешнеполитической коммуникации посредством соцсетей – «острая сила» и стратегическая коммуникация. Первая опирается на распространение дезинформации, манипуляции общественным мнением, вмешательство в политические процессы иных государств, оказание влияния на принятие политических решений, подрыв политических систем и т. п.; вторая нацелена на организацию диалога с аудиторией для создания благоприятного отношения к интересам, целям, имиджу страны, для продвижения идей. В одних условиях стратегическая коммуникация может являться орудием «острой силы», в иных – противостоять ей. Виральность и мемезация внешнеполитического контента важны и для стратегической коммуникации, и для «острой силы». Воздействие на политические процессы с участием иностранных

пользователей может осуществляться через политическую рекламу. Эффективность ее воздействия повышают обращение к анализу Big Data и последующее таргетирование контента. В связи с актуализацией феномена постправды в новых медиа снижается значимость объективных фактов в ходе формирования картины политической реальности, приобретают силу эмоции и субъективные убеждения, релятивистские настроения. Медиааналитика способствует составлению портрета участника политического процесса внутри страны, она же применима для внешнего влияния на предвыборные компании. Возрастает значение глобальных медиакорпораций ввиду их управления алгоритмами демонстрации новостей и рекламы, усиления политических хэштегов. Они могут блокировать аккаунты политиков. Но существует государственная практика закрытия доступа к опасным или недружественным медиа. Цифровой суверенитет может обеспечиваться и фрагментацией глобальной Сети на национальных уровнях, системами фильтрации трафика. Распознавание дезинформации, реагирование и противодействие ей – важнейшая задача, связанная с социальными сетями как фактором внешнеполитической коммуникации. Ее реализации могут способствовать: совершенствование механизмов ее идентификации; анализ внешних гибридных угроз; применение искусственного интеллекта для работы с Big Data (для мониторинга и анализа публичного контента, выявления вирусного контента, отслеживания тенденций эффективности влиятельного контента, мониторинга дискуссий и наиболее популярных тематических публикаций, выявление онлайн-активности, стимулирующей широкие обсуждения), маркирование взаимодействия с ботами.

Орлова Елена Александровна

Финансовый университет, МПГУ, Москва, Россия

Трансформация механизмов формирования общественного мнения. XXI век

Многие классические теории общественного мнения (Г.Тард, Ю.Хабермас, Э.Ноэль-Нойман), рассматривали его как продукт взаимовлияния трех элементов публичной сферы: массмедиа, межличностной коммуникации и социальных институтов.

Сегодня одни исследователи считают, что интернет-пространство прекрасно подходит для формирования публичной сферы, демократии. «По мнению представителей критического подхода, . . . интернет в целом надо рассматривать как новый инструмент контроля над гражданами» [Жапаралиев: 118].

Тренд на персонализацию контента приводит к исчезновению единого инфополя. Происходит отказ от традиционных каналов коммуникации, например, молодежь мало уделяет внимания телевидению, школьники уже не смотрят кинофильмы. Инфополе заменяется множеством изолированных или слабо связанных цифровых ниш (сообщества, чаты, сайты и др.). Формируются «эхо-камеры» и «фильтрующие пузыри», где пользователи «получают» информацию, которая им «интересна», подтверждает их точку зрения, что может усиливать солидарность внутри сегментов и одновременно приводит к изоляции сегментов от внешней информации.

Алгоритмы соцсетей (рекомендации, ленты «новостей») становятся ключевыми «привратниками», определяющими доступность информации для аудитории. Логика алгоритмов предполагает вовлечение и увеличение времени пребывания на платформе. Это способствует распространению упрощенного, эмоционально насыщенного контента, конфликтного, провоцирующего на «высказывание» пользователя, далеко не всегда конструктивное. Алгоритмы постоянно совершенствуются, изменяются, делая контент все более ориентированным на конкретного пользователя.

Скорость формирования общественного мнения сократилась.

Мнение, рожденное в ТГ-канале «экспертом», может быть подхвачено в других социальных сетях, визуализировано там же, пересказано в традиционных СМИ, и привести к офлайн-акциям. Т.о. проявляются гибридность и мультиплатформенность системы общественного мнения, его многослойная динамика.

Таким образом, происходит трансформация механизмов формирования общественного мнения в цифровую эпоху, которая характеризуется переходом от централизованной иерархической модели к децентрализованной сетевой. Ключевые факторы: алгоритмическая логика платформ, психология групповой динамики в изолированных сообществах, новая экономика внимания, гибридность, высокая скорость и виральность, изменение агентности и ролевой структуры. Все это порождает парадокс: при кажущейся плюрализации и демократизации дискурса, механизмы цифровой среды могут вести к усилению социальной поляризации, манипулятивности и фрагментации коллективного сознания. Следовательно, перед социологией встает новая задача – разработка новых концептуальных инструментов для адекватного изучения этой динамичной и нелинейной реальности.

Источники и литература

- 1) Жапаралиев Ш. Хабермас и интернет: обратная трансформация публичной сферы в эпоху новых медиа? // Мировая экономика и международные отношения, 2023, том 67, № 7, сс. 118-126

Острейко Родион Александрович

*Новосибирский государственный технический университет, Павлодар,
Казахстан*

**Этические проблемы коммуникации между людьми,
опосредованной искусственным интеллектом**

Активное внедрение систем искусственного интеллекта в цифровые коммуникационные среды приводит к изменению структуры взаимодействия между людьми. Алгоритмы рекомендаций, автоматической модерации и генерации контента всё чаще выступают посредниками общения, определяя условия видимости сообщений, темп диалога и допустимые формы выражения позиций. В результате коммуникация между людьми оказывается опосредованной технологическими системами, которые, хотя и не обладают моральной агентностью, оказывают существенное влияние на этические параметры социального взаимодействия [5].

Одним из ключевых этических эффектов алгоритмического посредничества становится трансформация доверия в коммуникации. Экспериментальные исследования показывают, что в ряде ситуаций пользователи склонны доверять рекомендациям искусственного интеллекта не меньше, чем советам человека, воспринимая алгоритмические решения как более рациональные и беспристрастные [2]. В условиях межличностного общения это приводит к тому, что доверие к партнеру по коммуникации частично смещается в сторону системы, опосредующей диалог. Такое перераспределение доверия изменяет характер ответственности участников общения и снижает степень критической оценки передаваемой информации.

Дополнительный этический риск связан с антропоморфизацией алгоритмических систем. Исследования показывают, что пользователи нередко приписывают искусственному интеллекту намерения, оценочные суждения и моральные качества, даже если он выполняет исключительно технические функции [1]. В контексте коммуникации между людьми это приводит к искажению восприятия роли посредника: алгоритм начинает восприниматься не как инструмент, а как активный участник взаимодействия. В результате решения, принятые системой — например, удаление

сообщений или приоритизация определённых точек зрения, — интерпретируются как этически мотивированные, что усиливает эмоциональное напряжение и конфликтность общения.

Существенное значение имеет и проблема нормативности алгоритмического посредничества. Как отмечается в работах, посвящённых искусственной этике, алгоритмические системы действуют в рамках заранее заданных правил и ограничений, заложенных разработчиками [3]. Эти внутренние нормативные структуры не совпадают с социальными и моральными нормами человеческого общения, однако именно они определяют поведение системы в коммуникативной среде. В результате возникает разрыв между ожиданиями участников общения и фактическими алгоритмическими решениями, что нередко воспринимается как нарушение этических принципов коммуникации.

Прикладные кейсы использования искусственного интеллекта в цифровых платформах демонстрируют, что значительная часть этических конфликтов возникает не из-за технических сбоев, а вследствие изменения условий коммуникации между людьми. Алгоритмы модерации и фильтрации контента формируют новые коммуникативные рамки, в которых одни высказывания получают поддержку и распространение, а другие оказываются маргинализированными. Это влияет на структуру публичного диалога и может приводить к асимметрии коммуникативных возможностей участников [5]. При этом сами пользователи часто не осознают, каким образом именно алгоритмические механизмы влияют на динамику общения.

Особую проблему представляет размывание моральной ответственности в условиях алгоритмического посредничества. Пользователи цифровых платформ склонны объяснять негативные последствия общения — искажение информации, исключение отдельных групп, усиление конфликтов — действием алгоритмов, тем самым снижая собственную ответственность за участие в коммуникации. Искусственный интеллект в данном случае выступает в роли своеобразного «этического посредника», который перераспределяет ответственность между людьми, платформами и разработчиками, затрудняя её социальную и моральную атрибуцию [4]. Таким образом, этические проблемы коммуникации между людьми, опосредованной искусственным интеллектом, обусловлены сочетанием нескольких факторов: смещением доверия к алгоритмическим системам, антропоморфизацией цифровых посредников, нормативной несоразмерностью алгоритмов и социальных ожиданий, а также размыванием ответственности участников общения. Искусственный интеллект, выполняя функцию медиатора, трансформирует не только технические, но и

социально-этические параметры коммуникации. В этой связи актуальной задачей социологии коммуникаций становится анализ алгоритмического посредничества как фактора изменения этических норм межличностного и публичного общения, а также разработка критериев оценки его социально значимых последствий.

Источники и литература

- 1) Гюллинг А.О., Назарова Ю.В. Этические проблемы антропоморфности искусственного интеллекта // Философия и культура. – 2023. – № 8. – С. 25–36.
- 2) Винокуров Ф.Н., Садовская Е.Д. Экспериментальное сравнение доверия искусственному интеллекту и человеку в экономических решениях // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 5–18.
- 3) Батурин С.А. О построении стандартов искусственной этики роботов // Социология науки и технологий. – 2024. – № 4. – С. 6–19.
- 4) Stahl B.C., Schroeder D., Rodrigues R. AI Ethics: Cases and Approaches. – Springer, 2023. – 280 p.
- 5) The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / Ed. by L. Edwards, P. Hacker. – Cambridge University Press, 2020. – 620 p.

Панкова Светлана Николаевна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Самоформирование созидательной личности в условиях цифровизации: трансформация знания и идентичности в повседневной практике

Возрастание роли цифровизации в повседневной жизни становится ключевым фактором, влияющим на самоформирование личности в современном социокультурном пространстве. Развитием технологий обостряется необходимость анализа взаимодействия знания и творчества, создающих фундамент пространства жизнедеятельности современного человека.

Возможности искусственного интеллекта влияют на распределение ролей «человеческих и нечеловеческих агентов» в производстве знаний [5].

Это приводит к новому пониманию творческой деятельности и созидательной личности. В условиях неопределенности, изменений возрастает значение субъектности, самоформирования и созидания в противовес пассивности и потреблению.

Когнитивная саморегуляция позволяет людям визуализировать будущее, что влияет на их настоящее. Расширение когнитивных возможностей способствует формированию личности [7]. "Пропускная способность" каналов получения информации как личностных ресурсов в широком смысле определяет самоэффективность. Хотя она не гарантирует успех, отсутствие веры в себя приводит к неудачам [6].

Цифровая фрагментация повседневности создает новые формы организации знания [12]. В условиях цифровизации переосмысляются каналы коммуникации, что способствует изменению способов передачи и усвоения знаний [2; 3].

Изменяются практики самоидентификации: возрастает значение виртуальных форм коммуникации [1]. Цифровизация и виртуализация открывают новые возможности для творчества индивидуальности, а возникающие «множественные «я»» в этих условиях могут включать в себя разные аспекты самосознания [4].

Саморефлексия становится важным инструментом адаптации к цифровой среде в условиях неопределенности [14]. Она обеспечивает обратную связь для развития личностного потенциала. Так как система знаний формируется через повседневный опыт [16], то внедрение в него цифрового контекста в качестве условий жизнедеятельности, адаптации ведет к изменению и способов самовыражения [13]. Новая реальность трансформирует и ресурсы власти, что способствует появлению лидеров нового типа [10], эффектов «нежданно-негаданно».

С цифровизацией источников и методов производства знаний происходит постоянная адаптация и переосмысление человеком своего жизненного опыта. Внедряясь в этот процесс в качестве инструмента искусственный интеллект изменяет традиционные механизмы формирования личности [8]. Появляются новые формы самопрезентации [9], установления доверия и верификации информации [11]. Но избыток доступных ресурсов приводит к новым рискам, ментальными перегрузкам и снижению возможности концентрации [15].

Развитие социологии знания и анализ новой повседневности в контексте возрастающей цифровизации углубляет понимание индивидуального самоформирования и открывает новые горизонты для анализа феномена созидательной личности в эпоху цифровизации. Технологические изменения становятся неотъемлемой частью формирования идентичности,

обогащая личностный опыт, создавая новые возможности и ограничения для самовыражения в современном мире.

Источники и литература

- 1) Белинская Е. П., Франтова Д. К. Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2017. – №. 3 (9). – С. 28-43
- 2) Полищук И. В., Кириллина Н. В. Цифровые платформы как пространство коммуникации молодежи // Коммуникология. – 2024. – Т. 12. – №. 4. – С. 181-191.
- 3) Семенова Е. А. От балагана до хайпа (Проблемы современной интернет-коммуникации) // Наука телевидения. – 2019. – №. 15.2. – С. 43-64.
- 4) Alemany Oliver M., Vayre J. S. Big data and the future of knowledge production in marketing research: Ethics, digital traces, and abductive reasoning // Journal of Marketing Analytics. – 2015. – Т. 3. – №. 1. – С. 5-13.
- 5) Anisin A. Theorizing the Impact of Generative Artificial Intelligence on Social Causation // Journal of Posthuman Studies. – 2025. – Т. 9. – №. 1. – С. 57-75.
- 6) Bandura A. But what about that gigantic elephant in the room // Most underappreciated: 50 prominent social psychologists describe their most unloved work. – New York: Oxford University Press, 2011. – С. 51-59.
- 7) Bandura A. Toward an agentic theory of the self // Advances in self research. – 2008. – Т. 3. – С. 15-49.
- 8) Collett C. I. Framing gender bias in the design of AI recruitment technology: дис. – University of Oxford, 2024.
- 9) Delacroix S., Veale M. Smart technologies and our sense of self: Going beyond epistemic counter-profiling // Life and the law in the era of data-driven agency. – Edward Elgar Publishing, 2020. – С. 80-99.
- 10) Kremnitzer Y. Caught in the Web. Media and Authority, Between Old and New // MASTER/S. – С. 337.
- 11) King L. L. «The Algorithm Did It»: Legal Responsibility and the Regulation of Artificial Intelligence. – Salve Regina University, 2021.

- 12) Leshkevich T. G. The Digital «Splitting» of Everyday Life // RUDN Journal of Philosophy. – 2025. – Т. 29. – №. 2. – С. 446-459.
- 13) Maynard D. W., Heritage J. Ethnomethodology's legacies and prospects // Annual Review of Sociology. – 2023. – Т. 49. – №. 1. – С. 59-80.
- 14) Smith P., Hilbolling S. Demystifying serendipity: How mundane practices enable the identification and pursuit of extraordinary discoveries // Strategic Organization. – 2025.
- 15) Campo E. Attention and its crisis in digital society. – Routledge, 2022.
- 16) Zerubavel E. Frame analysis: Erving Goffman and the sociocognitive organization of experience // Symbolic Interaction. – 2024. – Т. 47. – №. 4. – С. 525-537.

Передня Дмитрий Григорьевич
ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

**Трансактивная память как аспект практической функции
дружбы в условиях виртуализации межличностных
отношений**

Межличностные отношения в форме дружбы, являются наиболее древними в человеческой истории. Фундамент дружбы заложен в первобытном обществе и до сих пор остается важной основой для формирования человеческих связей. На протяжении всей истории она выполняла ключевую роль в процессе социализации, помогая человеку разделять мир на «своих» и «чужих» и находить в нем свое место. Дружеские отношения продолжают оставаться неотъемлемой частью жизни. Однако в современном обществе такая форма социальных отношений начала претерпевать некоторые изменения, наполняясь новым содержанием. Если ранее пространственная близость была ключевой основой дружеских отношений, которые зарождались, преимущественно в молодом возрасте, то сегодня цифровые технологии стирают эти границы, создают феномен виртуальной дружбы и тем самым способствуют атомизации общества.

Для молодежи виртуальная среда естественна, ее представители быстрее всех принимают новые практики взаимодействия. Дружба многофункциональна. Ее предназначение многогранно, ценность неоспорима. Она остается важным инструментом социализации и формирования идентичности. Мы не станем рассматривать все функции дружбы, наша

цель, сфокусировать внимание на снижении ее практической функции за счет размывания личной трансактивной памяти и перенос ее в виртуальную среду.

Исследователь Wegner определил систему трансактивной памяти как комбинацию памяти нескольких индивидов и внутригрупповых коммуникационных процессов [1, с. 191]. Несколько индивидуальных памятей оказывались волеченными в транзактивные процессы, что создавало коллективную систему, включающую в себя памяти нескольких индивидов и коммуникации между ними. Как следствие этого происходило разделение интеллектуального труда, связанного с кодированием, хранением и поиском знаний из различных областей. Наблюдалась определенная специализация индивидов и приобреталась ответственность друг перед другом. В некоторых случаях знания могли интегрироваться, дублироваться, тем самым подкреплялась уверенность и убежденность в каком-либо знании. Члены группы постоянно отслеживают, что известно или должно быть известно остальным в их коллективе, осознают и учитывают состав знаний и навыков соучастников. Заставляют поддерживать его и соответствовать ему. По сути, трансактивная память влияет на инновационность, креативность и различные активности, связанные со знаниями в группе [2, с. 1429].

В до цифровую эпоху персональные дружеские отношения имели дополнительную ценность в виду важности и трудно заменимости функционального, прикладного аспекта трансактивной памяти членов дружеского сообщества. В текущих условиях персонализированное доверие снижено на фоне тенденции доверять электронным ресурсам и все перепроверять через них. Последствия этого явления наблюдаются не только в ослаблении дружеских связей в виду снижения их надобности. Постоянное взаимное оценивание внутри группы друзей, необходимость дорожить репутацией и поддерживать авторитет держали в тонусе индивидуальные ресурсы памяти. Теперь необходимость запоминания сменилась нормой незапоминания, в следствии делегирования информационной поддержки цифровой среде и появлению так называемому – «гугл-эффекту» [3, с. 293]. Также можно предположить деградацию коллективного диалога, в процессе взаимообмена нужной информацией между друзьями. Это значимая утрата, так как подобного рода диалог «рождает новые идеи, формирует направления для дальнейшего изучения тех или иных вопросов и тем» [4, с. 73].

Таким образом, трансактивная память, встроенная в процесс дружбы в условиях виртуализации межличностных отношений, ослабевает и замещается рассредоточенным, но емким знанием цифровой компьютерной

среды. Степень ослабления, последствия для социальной солидаризации предстоит выяснить путем проведения эмпирических исследований.

Источники и литература

- 1) Wegner D. M. Transactive memory: A contemporary analysis of the group mind // Theories of group behavior. New York: Springer, 1987. P. 185-208.
- 2) Кадиров Н. Т., Филиппов В. В. Влияние системы трансактивной памяти на инновационность и управление знаниями в командах и организациях // Креативная экономика. 2016. Т. 10. № 12. С. 1417-1434.
- 3) Сапегин Г. Е., Блинникова И. В. Эффекты трансактивной памяти при взаимодействии с информационными системами студентов разных специальностей // Экспериментальная психология в социальных практиках : Материалы 5-ой международной научно-практической конференции (расширенное 2 издание), Москва, 20 декабря 2024 г. М.: Универсум, 2025. С. 293-302.
- 4) Сабанчеев Р. Ю. Анализ формирования коллективной памяти профессиональных сообществ посредством конгрессов и круглых столов // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 72-76.

Повар Мария Сергеевна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Коммуникативно-сетевое пространство в исторической памяти города

Современное общество развивается в условиях цифровизации, формируя новую социальную реальность — сетевое пространство, которое становится важной средой коммуникации, обмена информацией и конструирования общественного мнения [1]. Эти процессы трансформируют не только формы социального взаимодействия, но и способы восприятия и осмысления городского пространства и его прошлого.

Городское пространство выступает носителем коллективной исторической памяти: его планировка, архитектура и символические объекты отражают представления общества о мире и истории. Исторические примеры реконструкции и модернизации городов (Москва, Париж, Берлин,

Минск и др.) показывают, что город постоянно переосмысливает своё прошлое, сохраняя или трансформируя элементы памяти в зависимости от социальных и политических условий [2].

В условиях сетевого общества город приобретает цифровое измерение. Виртуальные платформы, цифровые архивы, интерактивные карты, социальные сети и онлайн-мемориалы формируют особый слой городской реальности, в котором фиксируются и транслируются образы прошлого. Сетевое пространство функционирует как продолжение материального города, дополняя физические «места памяти» цифровыми формами — фотографиями, комментариями, виртуальными экскурсиями и мультимедийными проектами [3].

В социологии сформировалось понятие цифровая память (digital memory), обозначающее цифровые формы хранения и воспроизводства памяти. Цифровые технологии меняют не только способы фиксации информации, но и структуру коллективной памяти, определяя, какие элементы прошлого становятся значимыми. При этом существует риск «колонизации» памяти, когда контроль над репрезентацией прошлого концентрируется у ограниченного круга акторов, что делает актуальным анализ цифровых практик мемориализации [3].

Особое место занимают виртуальные мемориалы и интернет-сообщества, возникающие вокруг значимых исторических событий и социальных травм. Они позволяют сосуществовать официальным нарративам и «народной» памяти, выраженной в личных историях и обсуждениях пользователей. Такие сообщества можно рассматривать как цифровые аналоги «мест памяти», обладающие собственными границами, символами и устойчивыми практиками коммуникации.

На примере создания сетевых сообществ г. Минска очевидно, что сетевое пространство играет всё более значимую роль в сохранении и актуализации городской исторической памяти. Цифровые инициативы — интерактивные карты, онлайн-архивы, блоги и виртуальные хроники — дополняют традиционный мемориальный ландшафт столицы и способствуют объединению официальных и индивидуальных воспоминаний. Для белорусской молодёжи память о Великой Отечественной войне остаётся ключевым элементом исторического сознания, а цифровые платформы расширяют доступ к этим смыслам и усиливают вовлечённость горожан [4].

В целом формируется многослойное историко-мемориальное виртуальное пространство города, в котором цифровые практики становятся важным компонентом формирования современного исторического сознания. Внимание когда сетевые ресурсы обращены к нарративам такого

виртуального историко-культурного пространства города особенно в периоды значимых памятных дат, например, таких как 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, усиливают общественную рефлекссию прошлого, истории города способствуют консолидации коллективной памяти и обеспечивают включение широких социальных групп в коммуникацию и процессы её сохранения, трансляции и переосмысления.

Источники и литература

- 1) Информационное общество в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). — Минск : Белстат, 2023. — 65 с. — Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_77679/. . — Дата доступа: 14.11.2025.
- 2) Русакова О. Ф. «Город как пространство исторической памяти» / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Дискурс-Пи. — 2017.
- 3) Ксенофонтова И. В. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» / И.В. Ксенофонтова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Том 5. № 6. С. 133-144.
- 4) Мысливец Н. Л. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодежи (из опыта социологических исследований) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 26-43.
- 5) Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города : сборник материалов международной научно-практической конференции, 30 ноября 2023 года, г. Минск, Республика Беларусь / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. социальной коммуникации ; [редкол.: И.В. Пинчук (отв. ред.) и др.]. — Минск : БГУ, 2024. — С. 416-421.

Подлесный Виталий Александрович

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

**Цифровое неравенство пожилых людей как фактор
уязвимости перед мошенничеством**

В эпоху повсеместной цифровизации острейшим социальным вызовом стало цифровое неравенство, наиболее болезненно проявляющееся в группе пожилых людей. Ключевая проблема сегодня — не отсутствие технического доступа к интернету, а глубокий структурный дефицит цифровой грамотности и критически важных «защитных» компетенций, таких как навыки верификации информации, цифровой гигиены и безопасного взаимодействия с онлайн-сервисами. Именно этот качественный разрыв формирует специфическую позицию социальной уязвимости старшего поколения. Старые, привычные нормы доверия — к телефонному звонку, официальному тону, бумажному документу — перестают работать, а новые нормы цифровой осторожности и критического мышления еще не усвоены, создавая «нормативный вакуум». Структурно цифровое неравенство в старшем возрасте представляет собой многоуровневую систему. Первый уровень — доступ к инфраструктуре — постепенно нивелируется. Второй и наиболее критичный уровень — неравенство в навыках и компетенциях — создает основной разрыв. Третий уровень проявляется в «цифровом минимуме» — ограниченном использовании технологий преимущественно для общения при невладении финансовыми или административными онлайн-сервисами. Эта структура усугубляется комплексом взаимосвязанных барьеров: когнитивно-физиологическими, мотивационно-психологическими (технофобия, страх ошибки) и социально-коммуникативными (сужение круга поддержки). Мошенничество в данном контексте предстает не как случайное преступление, а как целенаправленная социальная технология, изоэкономно эксплуатирующая каждый компонент цифрового неравенства. Современные гибридные схемы, сочетающие аналоговые каналы (телефонный звонок) с требованиями совершить цифровые действия (перевод через онлайн-банк), используют дефицит навыков верификации через фишинг и подмену номеров, играют на технофобии, мимикрируя под «службу безопасности» или «техподдержку», и действуют в созданном ими же нормативном вакууме, устанавливая ложные «кризисные» правила поведения. Социальная изоляция пожилого человека усиливает уязвимость, так как мошенник намеренно создает атмосферу секретности, блокируя последние каналы проверки информации. Последствия таких инцидентов выходят далеко за рамки материальных потерь. Наиболее разрушительными являются тяжелые психологические травмы — чувство стыда, беспомощности, потеря базового доверия к социальным институтам, — которые часто провоцируют добровольную цифровую и социальную самоизоляцию жертвы, нанося тем самым ущерб социальной сплоченности и «экономике доверия». В связи с этим необходима смена

парадигмы в подходах к защите пожилых людей. Требуется переход от разовых лекций об осторожности к системным, адресным мерам.

Поздеева Елена Геннадиевна

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, Санкт-Петербург, Россия*

Цифровая идентичность и ее визуальные формы

Цифровое общество побуждает и поддерживает социальные практики, направленные на формирование, поддержание и развитие новой субъектности, активной формой которой выступает цифровой имидж, глубинным конструктом которого является цифровая идентичность. Реализуя свою знаково-символическую природу, имидж с помощью новых технологий нацелен на то, чтобы создавать у целевой аудитории желаемый образ, в котором находят воплощение все виды капитала с акцентом на паблиситый и символический [1]. Успешность этого образа во многом связана с проявлением идентичности и умением гибко настраиваться на запросы аудитории.

Главной чертой современного общества является усложнение коммуникационного пространства, которое все больше окутывает субъектов, создавая сетевые структуры. С помощью цифровых инструментов и навыков участники взаимодействий регулируют свой репертуар самопрезентаций, выстраивая коммуникацию на основе реконструкции идентичности, частичного самовыражения и экспериментирования с идентичностью [2]. Субъект постоянно оказывается в ситуации «множественности» полей притяжения, переживает расчлененность осознания реальности, фрагментарность впечатлений, что обусловлено его активным общением в сети, использованием коротких сообщений, символов. Поскольку сетевая коммуникация приобретает тотальный характер, то идентичность неизбежно становится весьма неустойчивой, она постоянно трансформируется, дрейфует, «перебирает» различные образы, отличается неопределенностью и плюрализмом. Можно говорить о двойственности реальности, которая требует подхода как с точки зрения выявления соотношения реальности и конструкта воображаемого [3], так и с позиций актуализации проблем внутреннего мира человека, стремящегося выстроить гармонию между своей идентичностью и образами в виртуальном пространстве. Множественная идентичность, вызванная различными вариантами модели собственного Я в отражении Другого, в роли которого выступает виртуальная сеть, есть порождение этого виртуального мира,

в котором идентификационные процессы отмечены смешением реальной и виртуальной идентичностей [4.]

Цифровая идентичность возникает в процессе каждодневных цифровых практик, она зависит от выбора и культуры пользования визуальными средствами самопрезентации. Ключевое место в визуальном контенте сегодня занимает создание и размещение селфи, этот феномен является не просто фотографией, а рассматривается как акт коммуникации и самопрезентации [5]. На создание селфи пользователи, особенно среди молодежи, готовы тратить много времени, они придают этому большое значение, что побуждает их совершенствовать свои практики и технические навыки. Визуальная эстетика, характерная социальным сетям и цифровым ресурсам, охватывает предпочитаемые и рекомендуемые графические решения и цветовые палитры, типы композиций, стили редактирования фотографий, шаблоны. Тренды дизайна интерфейсов и визуальных данных задаются инфлюенсерами, определяют стандарты, следование которым позволяет заявлять об уникальной идентичности и вести поиск сообществ.

Таким образом, обращение к цифровой идентичности затрагивает глубинные вопросы процесса формирования и трансформации идентичности, требует комплексного анализа визуального контента, учета развития рефлексивных способностей и точек уязвимости личности в современном обществе.

Источники и литература

- 1) Поздеева Е. Г. Управленческий потенциал цифрового имиджа. В сборнике: Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 176-179.
- 2) Вашрова Н. Особенности конструирования персональной идентичности в коммуникативном пространстве интернета. THESAURUS. Могилев, Вып. VII, 2020. С. 27-35.
- 3) Тищенко В. И. Феномен «цифрового двойника» // Sciences of Europe. 2021. №85-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovogo-dvoynika> (дата обращения: 04.12.2025)
- 4) Платонова С. И. 2024. Идентичность в цифровом обществе: генезис понятия и основные характеристики. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 49(2). С. 357–366.

- 5) Кочетова, Ю. А., Климакова, М. В. Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя // Социальные науки и детство, 2025, 6(3), С. 85—98.

Поletaев Дмитрий Александрович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.

И. Вернадского», Симферополь, Россия

Социальный подход воспитания молодежи

Воспитанию молодежи уделяется пристальное внимание. Функционируют различные кружки, проводятся соревнования. Однако с точки зрения социального взаимодействия старшее поколение находится на некотором расстоянии от молодежи [1]. Цель данной работы – предложение концепции эффективного взаимодействия поколений.

Предлагается организация штабов волонтеров при Храмах, социальных центрах, магазинах, школах и вузах. В штабах волонтеры могут дежурить для ассистирования пенсионерам: провести домой, донести покупки, проводить обход района для выявления тем, кому необходимо помочь, визитов к представителям старшего поколения (ассистирование, ремонт, общение, поздравления). Кроме того в штабах производится безвозмездный сбор техники, ее ремонт, настройка и безвозмездная передача представителям старшего поколения. Также могут быть предоставлены помещения с ремонтным оборудованием, где каждый желающий может настроить и провести ремонт устройства. Дополнительными положительными моментами такой организации будут привлечение внимания к волонтерству, повышение профессиональных компетенций граждан при привлечении на практику студентов, как естественнонаучных направлений (ремонт и обслуживание техники), так и гуманитарного профиля (социальное взаимодействие). Кроме того, организации с организованными штабами могут получать государственные субсидии, согласно принятому от 7 июля 2022 года закона «о движении детей и молодежи».

В плане цифровизации [2] для эффективной работы штабов может применяться информационная система с базой данных зарегистрированных волонтеров и мобильного приложения для удобного взаимодействия (составление графика дежурств, замены волонтеров на определенное время и так далее).

Общая структура может быть описана следующим образом. При регистрации нового волонтера в информационной системе он может выбрать разные географические локации штаба и присоединиться к нему. Далее происходит очное знакомство гражданина с уже работающими волонтерами. В процессе деятельности молодежь дежурит, проводит обходы улиц. Старшее поколение тоже должно привыкнуть, что им могут помочь. Для этого требуется проводить просветительские мероприятия, готовить и размещать плакаты (также могут быть носимые элементы одежды, на которых поясняется структура волонтерской работы). Молодежь помогает старшему поколению с текущими бытовыми задачами, а представители старшего поколения – делятся опытом. Совместная работа повышает социализацию молодежи, минимизирует пристрастие к вредным привычкам, повышает моду на волонтерство. Действительно, когда все большинство сверстников занимаются социальной работой, остальным невыгодно оставаться в стороне. Требуется организация условий для достижения критической массы волонтеров, к которым будут присоединяться остальные.

В рамках данного проекта в студенческом конструкторском бюро физико-технического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского более 10 лет ведется работа по ассистированию представителям старшего поколения.

Источники и литература

- 1) Левицкая А. Н. Проблемы межпоколенного взаимодействия в организациях // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии: материалы XXVIII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Приоритет, 2021. С. 100-106
- 2) Суркова И.Ю. Потенциал использования интернет-технологий в региональных социальных сервисах для молодежи / И.Ю. Суркова // информационная безопасность регионов. – 2017. – № 1. – с. 74 – 79

Полтавская Мария Борисовна¹, Криворучко Милана Андреевна¹, Потапова Анастасия Александровна¹

1 - Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

**Влияние антропоморфных и гендерных характеристик
искусственного интеллекта на отношение пользователей:
социологический анализ восприятия цифровых агентов**

Современные системы искусственного интеллекта наделяются антропоморфными характеристиками: голосовые ассистенты используют мужские и женские голоса, человекоподобные роботы получают выраженные гендерные черты. Такая имитация человека формирует новые модели взаимодействия между пользователем и машиной и трансформирует привычные коммуникативные форматы. Если ранее разработчики стремились максимально приблизить поведение ИИ к человеческому, что нередко приводило к путанице и снижению доверия, то сегодня особенно важным становится понимание границы, за которой функционально оправданный антропоморфизм начинает вызывать у пользователей дискомфорт и тревогу. Цель исследования - определить, как пользователи воспринимают мужское и женское начало при использовании искусственного интеллекта и какие антропоморфные признаки оказываются для них комфортными.

В контексте концепции сетевого общества М. Кастельса взаимодействие с ИИ рассматривается как часть повседневных коммуникационных практик, встраивающихся в структуру цифрового общества [1]. В логике "общества риска" У. Бека важным становится осмысление новых зон неопределенности, связанных с технологическими инновациями и изменением границ между человеческим и искусственным [2]. Чрезмерная антропоморфизация ИИ может рассматриваться как одна из таких зон риска: она порождает сомнения в прозрачности технологий, страх манипуляции и нарушения границ взаимодействия.

Эмпирическая часть исследования основана на онлайн-анкетировании с помощью Google-формы, с 27 ноября по 3 декабря 2025. В опросе приняли участие студенты Волгоградского государственного университета в возрасте 18-25 лет (N=44), 23 жен. (52,3%) и 21 муж. (47,7%). Гипотеза исследования: большинство пользователей не обращают особого внимания на гендер ИИ, и голос (мужской или женский) почти не влияет на их выбор. Дополнительно введена категория "границы антропоморфизма", понимаемая как тот момент, когда ИИ перестает восприниматься как удобный инструмент и начинает казаться чрезмерно человекоподобным. Респондентам предлагалось оценить разные модели поведения ИИ - от минимально "машинной" до максимально приближенной к человеческой речи. ИИ без речи вызывал нейтральное отношение у 23 человек (52,3%), комфорт у 13 (29,5%), а дискомфорт у 12 респондентов (27,3%). Наиболее предпочтительной оказалась диалоговая модель: ИИ, ведущий развернутый диалог и задающий уточняющие вопросы, вызвал чувство комфорта у 36 респондентов (81,8%), что является максимальным значением среди всех описанных сценариев. Анализ предпочтений по типам голосов

показал, что женский голос является наиболее комфортным. Его выбрали 18 респондентов (40,9%) как предпочтительный, при этом 30 человек (68,2%) охарактеризовали женский голос как доброжелательный. Мужской голос воспринимается более нейтрально.

Гендерно-нейтральный голос был выбран 6 респондентами (13,6%), и уровень комфорта по отношению к нему можно охарактеризовать как средний: он не вызывает резкого отторжения, но и не занимает лидирующие позиции в структуре предпочтений. Роботизированный голос не был выбран ни одним из участников опроса как комфортный вариант (0%); напротив, 29 респондентов (65,9%) охарактеризовали его дискомфортным. Таким образом, пользователи однозначно предпочитают человеческие голоса. Вопрос о допустимости имитации человека выявил преимущественно позитивное или нейтральное отношение к антропоморфизму. Лишь 7 респондентов (15,9%) считают антропоморфное поведение ИИ недопустимым, тогда как 37 человек (84,1%) воспринимают имитацию человеческих черт как полностью или частично нормальное явление. Это показывает, что для большинства пользователей присутствие человеческих характеристик в поведении цифрового агента не является проблемой само по себе.

Итак, антропоморфизация ИИ должна рассматриваться не только как технический или дизайнерский прием, но и как социально чувствительный параметр, влияющий на доверие, принятие технологий и формирование новых зон неопределенности. Общий вывод заключается в том, что оптимальная стратегия разработки ИИ предполагает баланс между функционально оправданной "человечностью" и прозрачностью технологической природы системы: именно этот баланс обеспечивает комфортное взаимодействие и минимизирует риск возникновения ощущения угрозы или манипуляции.

Источники и литература

- 1) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 607 с.
- 2) Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.

Поляничко Мария Константиновна

КубГУ, Краснодар, Россия

**Формирование патриотических ценностей молодёжи:
культурный аспект**

В современных условиях развития России особую значимость приобретает формирование патриотических ценностей через многопрофильную систему медиа-агентов.

Усилия государства в системе развития гражданского самосознания ярко прослеживаются в нормативных актах и проектах, направленных на воспитание патриотизма у молодёжи через массовую культуру. Работа опиралась на сетевой подход авторов М. Кастельса, М. Маклюэна, которые утверждают, что число и влияние коммуникативных форматов массовой культуры расширяются, создавая глобальные и комплексные формы взаимодействия [1; 2]. С целью изучения СМИ и медиа пространства как агентов формирования гражданской позиции было проведено исследование влияния советского и современного кинематографа на поднятие национального духа молодёжи России методом анкетирования, где приняло участие 39 студентов социально-гуманитарных направлений КубГУ.

Рассмотрим результаты: 87% респондентов считают, что отечественный кинематограф играет важную роль в формировании гражданской идентичности. Более половины опрошенных смотрят патриотические фильмы несколько раз в год, при том 15% не смотрят его вовсе, что может влиять на недостаточность освоения культурных ценностей. Также, студенты выделили 3 наиболее значимых ценности, которые воспитывает военно-патриотическое кино у молодого поколения: патриотизм, товарищество, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, что отражает намерение совершать поступки на благо общества и государства (72%). Участники опроса предпочитают советский кинематограф современным военно-историческим кинофильмам, так как советское кино глубоко передаёт подлинные эмоции людей, переживших испытания военного времени, а также истинное представление о сущности войны. Были отмечены кинокартины, как «Они сражались за Родину», «А зори здесь тихие» и «Офицеры», которые конструируют традиционные ценности, уважение к ветеранам, чувства единства и гордости за страну. Таким образом, просмотр военно-патриотических фильмов способствует развитию и укреплению патриотических чувств российской молодёжи, подчёркивая её ценностно-этнический компонент.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что институт государства оказывает значительное влияние на формирование ценностных ориентиров, способствующих укреплению гражданской идентичности молодёжи России посредством реализации культурной политики и поддержки военно-патриотической тематики в медиа с целью воспитания национального самосознания, укрепления гражданского потенциала

и сохранения исторической преемственности, что находит отражение в сознании молодёжи.

Источники и литература

- 1) Кастельс М. информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
- 2) Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширения человека. М., 2003.

Пузырев Кирилл Вячеславович

Факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Особенности влияния праворадикальной среды на информационную повестку

В свете усиления политической вовлечённости населения России в связи с проведением Специальной военной операции, роста интереса всех групп населения к актуальным проблемам общества набирают влияние медиа-структуры, субъекты информационного воздействия, такие как тв-каналы, каналы в соцсетях и на видео-хостингах, радио-передачи и сравнительно новый для аудитории формат подкастов.

Политические партии и общественные объединения самых разных взглядов активно используют информационные ресурсы для продвижения своих программ и идеологий[1].

Не являются исключением и правые радикалы, находящиеся в сложных условиях в вопросе легальности информационного самопродвижения: многие символические формы выражения и элементы идеологий (если речь идёт о наиболее крайних формах) законодательно запрещены [2]. Выходом из этого положения стала тактика формирования информационной повестки на массовую аудиторию (а не только для своих соратников), методичное расширение влияния на информационное поле посредством выдвигания на первый план лидеров общественного мнения и их финансового спонсорства. Это позволяет им, с одной стороны, раскрывать актуальные проблемы российского общества сквозь призму своих идеологических установок, и, с другой стороны, самим определять содержание повестки [3]. Так, на регулярной основе в праворадикальных каналах в соцсетях появляются сообщения

о столкновениях граждан на почве этнического или социокультурного конфликта [4].

Конечно, политические активисты рассматривают информационные ресурсы не столько как объект, самоцель, сколько как средство мобилизации населения, широкой агитации. Крайне радикальные ультраправые организации в связи с этим выработали и уже более 15 лет практикуют метод создания устрашающего контента, популяризации практики насилия. По данным мониторингового центра NVMP, за первые 11 месяцев прошедшего 2025 года было зафиксировано 534 видео с нападениями правых радикалов на граждан и их имущество, из них на 151 видео фиксируется нанесение тяжелых травм, в 7 случаях речь идёт об убийствах [5]. Такой контент хотя и нарушает законодательство, ярко и эмоционально демонстрирует способности и отношение радикальных активистов к прямым оппонентам.

Таким образом, к настоящему моменту в информационной повестке наметилась тревожная тенденция, связанная с усилением потока идеологизированного насилия. Борьба с данной тенденцией, в свою очередь, должна предполагать совместную деятельность правоохранительных органов, средств массовой информации и гражданского общества.

Источники и литература

- 1) Бродовская Е. Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа. // Власть. – 2020. – С. 81-88.
- 2) Венцель С. Символы праворадикальных течений в Рунете: историческая преемственность и современные черты. // Обзор.НЦПТИ. - 2021. - №3(26) - С. 25-37.
- 3) Пузырев К. Профилактика вовлечения российской молодёжи в деятельность ультраправых экстремистских организаций // XIX Международная научная конференция «Сорокинские чтения» - 2025. - [устный доклад].
- 4) Обстановка в Кишлакотеринбурге (пост канала «Русский Меч» от 14.01.2026). – URL: <https://t.me/Rrussiansword/11571?single> (дата обращения: 18.01.2026).

- 5) Данные за ноябрь 2025 года (по материалам мониторингового агентства NVMP). – URL: <https://t.me/Nazivideomonitoring/7570> (дата обращения: 18.01.2026).

Путилин Сергей Владимирович

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курганский государственный университет»,
Курган, Россия*

Патриотический потенциал и патриотическая аудитория публичных каналов мессенджеров

Одной из современных актуальных тенденций развития нашего государства является борьба за технологический суверенитет. Как сказал президент В.В. Путин, мессенджер Мах «стал последней недостающей частью, обеспечившей РФ технологический суверенитет»[1]. Мессенджер в текущих геополитических условиях является важным средством воздействия на общественное мнение и инструментом развития патриотизма. Мы наблюдаем последние несколько лет смену крупных платформ в российском инфопространстве: от WhatsApp к Telegram, VK и Мах. При этом общая мировая тенденция состоит в усилении контроля за мессенджерами за счет их огромного влияния на аудиторию, граждан и их патриотические чувства, эмоции, гражданскую активность. Патриотический потенциал современных мессенджеров с многомиллионной аудиторией является стратегическим ресурсом.

Рассмотрим некоторые аспекты патриотического потенциала и аудитории в мессенджере Telegram. Отечественный мессенджер Мах во многом похож на него, но в силу более позднего времени создания уступает в охвате аудитории и повторяет его путь развития. Происходит активное развитие публичных каналов как мест консолидации различных социальных, патриотических и политических сил в среде интернет. В результате массового цифрового коммуникативного развития произошёл всплеск реального патриотизма, гражданского общества в России. Об этом часто говорят крупные блогеры, ведущие администраторы каналов мессенджеров. Каналы Telegram оказали и оказывают большое значение для развития реального патриотизма. Особенно это проявилось с началом проведения Специальной военной операции (СВО), когда пользователи, граждане активно включились в этот процесс и начали участвовать, узнавать, быть в курсе событий в реальном режиме времени,

проявилась более чёткая самоидентификация, гражданская и патриотическая идентичность, активность, коллективизм, сопереживание происходящим событиям и понимание сложности текущего момента, интерес к собственной истории, религии, православию, культуре и вообще общественной жизни.

Наблюдается формирование и идентификация, оформление разных групп и форм патриотизма в среде мессенджеров в виде патриотов, «турбопатриотов», «ура-патриотов» и других категорий патриотов, которые сегодня ситуативно формируются как разновидности граждан с патриотическим настроем. «И «турбопатриоты» - это не угроза стране и государству. Это новый фактор, который уже никуда не денется. Так научитесь использовать этот фактор на благо общего дела. Потому что весь ход СВО реально создал это общественное движение. Горизонтальные связи, волонтеры, военные блогеры, добровольцы, телеграм-каналы – переплетены между собой гораздо сильнее, чем вы думаете... Это – реальные изменения в нашем общественном строительстве.» [2]. Происходит осмысление важности защиты патриотизма и критические риски его исчезновения, поскольку «... убивание патриотизма очень быстро превращает, казалось бы очень мощные в военном плане государства в жалкие подобию себя самих» [3].

Источники и литература

- 1) Владимир Путин: мессенджер Мах обеспечил технологический суверенитет России URL: <https://expert.ru/news/vladimir-putin-messenger-mah-obespechil-tekhnologicheskii-suverenitet-rossii/> (дата обращения: 21.01.2026)
- 2) Два майора. Турбопатриоты как новый элемент внутривластной обстановки URL: https://t.me/dva_majors/15203 (дата обращения: 22.01.2026)
- 3) Мир сегодня с «Юрий Подоляка». Что бывает, когда в стране исчезают патриоты URL: <https://t.me/yurasumy/22257> (дата обращения: 24.01.2026)

Радионова Светлана Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, РФ

**Управление коммуникациями в целях создания нового
качества среды, способствующей осуществлению
инновационных проектов**

Организация и информация являются специфическими факторами производства, которые активизируют основные факторы производства (труд, земля, капитал) и оптимизируют процессы структурной трансформации как внутри предприятия, так и на уровне региона. Предприятия МСБ, осуществляющие реальные инновационные проекты, являются открытыми системами, выстраивающими свою работу на основе двух сопряженных информационных контуров – внутренний и внешний. Цифровизация на этих предприятиях сопровождается передачей бизнес-процессов внешним подрядчикам (outsourcing) и переходом на проектную форму управления с digital-менеджерами во главе проектов. Одновременно на предприятиях МСБ создают обеспечивающий back-office, а управленческое ядро дополняется новой позицией – strategic-менеджер, который принимает непосредственное участие в разработке и осуществлении стратегии предприятия. Если digital-менеджер выстраивает работу на внутри-проектном уровне, то функции back-office заключаются в автоматизации и оптимизации обеспечивающих процессов: внедрение ERP и бухгалтерско-финансового ПО, обеспечение ЭД и ЗС, настройка HRM и ATS системы, встраивание блоков CRM и УП. Стратегический менеджер формирует портфель проектов, организует их предварительную экспертизу и оценку, организует обсуждение на стратегической сессии. Координирование кросс-функциональных проектных команд относится к функциям back-office, организационное проектирование на стратегической основе находится в ведении strategic-менеджера. Рассмотрим организационные проблемы, возникающие у рекламного агентства, перспективной целью которого является создание коммуникационного агентства полного цикла (FDS). Реструктуризация бизнес-процессов на основе кросс-функциональности; поиск заказов и активные коммуникации с заказчиками по определению требуемого качества продукта; сокращение сроков проекта в условиях ограниченных ресурсов – все это требует привлечения специалистов с высоким уровнем квалификации и междисциплинарными познаниями. FDS необходимо придерживаться agile-подходов при наборе персонала, учитывая сложность и разнообразие решаемых проектных задач в рамках FDS-стратегии: разработка сайта, ведение социальных сетей, запуск контекстной и таргетированной рекламы, наладка SEO и др. Важно обладать высоким уровнем внутренней экспертности [1]. FDS учитывает все потребности клиента по продвижению услуги, связанные с digital-коммуникациями, поэтому требуется глубокое погружение в продукт и бизнес рекламодателя, но в н. в. отсутствует единая база статистики. На крупных предприятиях реального бизнеса используется матричная структура управления проектами

и создается проектный офис. Для привлечения молодых специалистов можно создать дублирующий (резервный) проектный офис, наделенный функциями по продвижению НИОКР предприятия. Использование патентов, ноу-хау и др. объектов права интеллектуальной собственности в экономическом обороте позволяет обеспечить эффективную конкурентоспособность продукции [2,3]. Резервы здесь огромные.

Источники и литература

- 1) Радионова С. П., Васильева В. Р. Финансово-экономический аспект оценки человеческого капитала как фактора повышения эффективности деятельности медиаорганизации // Инновационное развитие экономики, 2024, № 4(82), С. 229-240
- 2) Дыбаль, С. В. Инноватика НИОКР : учебное пособие /С. В. Дыбаль, М. А. Дыбаль – Москва : КНОРУС, 2021. – 272 с.
- 3) Радионова, С. П. Возрастающая роль науки в формировании новой инновационной экономики //РЭК-2020, Москва МГУ им. М.В. Ломоносова 21-25 декабря 2020г. Том X. Тематическая конференция «Наука и инновации» (сборник материалов), М., 2020.– С. 119-122.

Решетникова Виктория Дмитриевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Влияние цифровых коммуникаций на процесс социальной атомизации в современном урбанистическом пространстве

Современный этап развития человечества обусловлен масштабным проникновением цифровых технологий в повседневную жизнь, где социальные связи и профессиональная деятельность все в большей степени ими определены. В условиях интенсивной урбанизации современный город, характеризующийся высокой плотностью населения, с одной стороны, остается пространством, объединяющим людей и создающим высокую плотность контактов, а с другой – превращается в такую среду, где в качестве более предпочтительного способа коммуникации становится использование цифровых средств. Это приводит к противоречию. Цифровые коммуникации, обладающие огромным потенциалом для расширения социальных связей, формирования новых сообществ и доступа к информации, одновременно становятся катализатором процессов социальной атомизации – то есть ослабления традиционных социальных

связей, а также усиления индивидуализации и роста чувства одиночества. Кроме того, требуется осмысление роли искусственного интеллекта как нового субъекта коммуникации, способного замещать человеческое общение и усиливать атомизацию через иллюзию социального присутствия.

Особую роль в этой теме играет новое «цифровое поколение» молодых людей, для которых онлайн-взаимодействие является не дополнительной, а естественной и привычной формой социального поведения. Цифровая социализация формирует особые паттерны поведения, ожидания от общения и способы конструирования идентичности. Это только усугубляет разрыв между онлайн- и офлайн-связями и способствует атомизации на индивидуальном уровне. С помощью осознания и понимания специфики коммуникативных практик молодых людей в городской среде удастся прогнозировать и будущую социальную структуру мегаполисов. Однако важно учитывать неравномерность проникновения цифровизации в различных городах.

Таким образом, исследование направлено на выявление степени и характера цифровой коммуникации на процесс атомизации.

Источники и литература

- 1) Бергер, П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
- 2) Бурдье П. (1993) Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение. Бурдье П. Социология политики, М.: SocioLogos: 33–52.
- 3) Бурдье, Пьер Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.
- 4) Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии / ИНИОН РАН. М., 2005.
- 5) Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
- 6) Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, №3(34), 2002, с. 1-12
- 7) Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни 607 с.

- 8) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. — М. : Издательство ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
- 9) Кёниг, Г. Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта [Текст] / К. Кёниг; пер. с нем. А. Степанова. — СПб. : Издательство «Портал», 2023. — 240 с.
- 10) Кидуэлл, Пол Психология города. Как быть счастливым в мегаполисе / Пол Кидуэлл ; пер. с англ. Екатерины Петровой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 288 С.
- 11) Кузьменков В. А. Аномия: основные подходы // Nomothetika: философия, социология, право. — 2020. — Т. 45, № 1. — С. 31–41. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41, с. 32
- 12) Негропonte, Н. Цифровое бытие [Текст] / Н. Негропonte // Электронные средства массовой информации: сб. ст. — М., 1998. — С. 35–40.
- 13) Парк Р.Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов. ИНИОН РАН; Центр социал.науч.-информ. исследований. М.: ИНИОН РАН, 2011
- 14) Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 2010. — 795 с.
- 15) Туркл, Ш. Вместе одиночки. Почему мы ожидаем большего от технологий и меньше друг от друга [Текст] / Ш. Туркл. — М. : АСТ, 2018. — 448 с.
- 16) Boyd, D. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens [Текст] / d. boyd. — New Haven : Yale University Press, 2014. — 296 p.
- 17) Wellman, B. The Social Affordances of the Internet for Networked Individualism [Текст] / B. Wellman // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2002. — Vol. 8, № 3. — DOI: 10.1111/j.1083-6101.2002.tb00172.x

Римский Владимир Львович

Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

**Социокультурные аспекты межгосударственных отношений
России, западных и исламских стран**

Самюэль Хантингтон утверждал, что различия между современными цивилизациями существенны и во многом определяются их социокультурными особенностями. А самыми существенными причинами конфликтов между государствами становятся их цивилизационные различия [4; 5], что многом соответствует положениям смыслогенетической концепции А.А. Пелипенко [1; 2; 3].

Центром анализа А.А. Пелипенко является логоцентризм, который возник в первых цивилизациях [2, с. 18], и стал затем общей культурной основой западной, исламской и православно-славянской цивилизаций по типологии Хантингтона. Россия относится к последней из них.

В логоцентризме смыслы формируются преимущественно вербально. И слово является не только обозначением реальности, но и её онтологическим источником [3, с. 36], что характерно, например, для христианской и исламской религий. Многие современные социальные институты, включая правовые концепции, мораль и нравственность, начали формироваться в древнем логоцентризме, существенно менялись в течение тысячелетий человеческой истории, но до сих пор осмысляются логоцентрически [1, с. 26].

Примерно с XIV века в Западной Европе происходит распад логоцентризма [2, с. 32], приведший к глобальному социокультурному кризису [1, с. 680; 2, с. 8]. Распад логоцентризма формирует новых антропологических субъектов – постлогоцентриков, для которых слово перестало быть основой смыслов реальности, а мышление стало синкретичным с его образностью, чувствами и эмоциями в оценивании реальности, поверхностностью смыслов реальности, постоянным движением сознания между разными смыслами без установления определённых смысловых доминант. Следствиями стали массовые отказы от следования нормам морали и закона, их замены ситуативно формируемыми правилами поведения.

Но распад логоцентризма имеет существенные различия в разных цивилизациях. В Западной Европе распад логоцентризма с эпохи Возрождения стал формировать автономных и свободных личностей, а затем породил чрезмерный индивидуализм, секуляризацию и моральный релятивизм. Они стали значимыми причинами кризиса гуманизма, в силу его неспособности разрешить противоречие между социальным и индивидуальным.

В исламской цивилизации во многом сохраняется логоцентризм в его теократическом виде, в котором Коран, его словесные смыслы, являются онтологическим источником всего сущего. Исламский логоцентризм стремится сохранить свои ценности и традиции, противостоя распаду

логоцентризма. Но это не избавляет исламские государства от кризиса, вызванного столкновением с влиянием западных государств и обществ.

В современной российской социокультурной системе сохранились значимые элементы логоцентризма (православие, славянофильство) и мифоритуальной культуры (родовые связи, коллективизм, связь с землёй). Но были интегрированы и элементы западной культуры (права человека, гражданское общество, демократия, ценности потребления и другие). Распад логоцентризма разрушил старые смыслы и цели развития, а новые ещё не сложились. И происходит поиск новой идентичности (не советской, но и не западной) [2, с. 32; 3, с. 150-153].

Социокультурные тенденции развития обществ и государств этих трёх цивилизаций значимо различаются. Взаимопонимание между государствами разных цивилизаций крайне затруднено вследствие разных систем смыслообразования. Это приводит к многочисленным конфликтам, включая вооружённые, и крайне затрудняет осмысление и решение общих проблем человечества.

Источники и литература

- 1) Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. — М.: ООО «Издательство «Согласие»; Издательство «Артём», 2014. — 728 с.
- 2) Пелипенко А. А. Глобальный кризис и судьбы Запада. — М.: Издательство «Знание», 2014. — 224 с.
- 3) Пелипенко А. А. Контрэволюция — М.: Издательство «Знание», 2016. — 240 с.
- 4) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
- 5) Хантингтон С. Столкновение цивилизации / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: АСТ, 2016. 640 с.

Рубанов Анатолий Владимирович

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Плюсы и минусы участия в социальных сетях

Разнообразное участие в виртуальных социальных сетях стало неотъемлемым элементом жизни современного человека. Так, в Республике Беларусь, по данным Национального статистического комитета за 2024

год, использование сети Интернет в личных целях сегментировано следующим образом. Культурно-развлекательный сегмент – просмотр фильмов, прослушивание музыки, компьютерные игры – 91,3%; общение в социальных сетях – 87,2%; информационный сегмент – чтение газет, журналов, литературы – 78,2%; деловой сегмент – поиск информации о товарах и услугах – 80,3%, осуществление финансовых операций – 62,4%, оформление заказа или продажи товаров, услуг – 57,0%; управленческий сегмент – взаимодействие с государственными структурами – 36,0%; образовательный сегмент – в целом 26%, в отдельных возрастных группах: 6-15 лет – 77,9%; 16-24 лет – 86,5%.

К сожалению, в статистической информации не зафиксировано использование виртуальной сети в трудовой сфере. По данным социологических исследований, дистанционная работа привлекает в настоящее время до трети трудоспособного населения, прежде всего, специалистов высокой квалификации и молодых людей, а поиск различных вариантов трудоустройства, в том числе посредством личной самопрезентации, в профессиональных социальных сетях – до четверти населения.

Исследования также показывают, что присутствие, а тем более активное участие в виртуальных сетях имеет своим следствием разнонаправленное воздействие на личностное развитие и деятельность человека. В основе позитивного эффекта лежат новые возможности для ценностно-смыслового выбора и самореализации личности, открытый и оперативный доступ к интересующей образовательной, научной, культурно-исторической, политической и новостной информации, благоприятные условия для межличностных, межгрупповых, межкультурных коммуникаций и формирования на основе самоорганизации позитивных общественных инициатив. Негативный эффект проявляется в интернет-зависимости, сужении прямых межличностных контактов и обеднении эмоциональной сферы человеческой жизни, смешении достоверной и фейковой информации, неконтролируемом развитии новых технологий манипуляции общественным мнением вплоть до прямого обмана и использования в преступных целях и др.

При оценке плюсов и минусов развития социальных сетей и последствий участия в них для человека очевидно доминирование следующего экспертного мнения. Историческая ретроспектива говорит о том, что свои позитивные и негативные эффекты были возможны, и в той или иной мере проявились, например, при появлении письменности или возникновении книгопечатания. Однако, в конечном счете, неоспоримое преобладание в обоих случаях положительных эффектов стало прямым

результатом осознанного регулирующего влияния со стороны человеческого сообщества.

Рыбакова Марина Владимировна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Moscow, Россия
Управление современным медиапространством.

Современные коммуникационные процессы происходят в медиапространстве, меняют социальную реальность и влияют на все сферы жизнедеятельности человека.

Концепт медиапространство активно используется в различных междисциплинарных исследованиях: в виде сформированного «глобального культурного потока», имеющего в своем основании следующие культурно-символические пространства-потоки: этнопространство, технопостранство, финансовое пространство, медиапространство, идеопостранство[1].

Вместе с тем медиапространство имеет глобальные, сетевые, фрагментарные, мозаичные характеристики и выполняет совершенно определенные функции, такие как: формирование культурно-символической среды, в рамках которой осуществляется формирование идентичности и интеграции молодежи, происходит рекреация и досуговые практики, формируются новые коммуникационные возможности для участия в политической жизни страны и для взаимодействия людей.

Взаимодействие общества, власти, социальных групп и личности во многом осуществляются в медиапространстве и не всегда на основе правдивой информации. Появляются негативные тенденции использования медиапространства для пропаганды разрушительных для общества идей и вербовке членов для противоправных и мошеннических, террористических действий.

Все это приводит к необходимости выявления структуры и управления медиапространством. Задача управления структурой медиапространства в интересах государства и гражданского общества весьма сложная и требует основательного методологического подхода. А. В. Тихонов подчеркивает, что «управление, которое преследует аморальные и асоциальные цели, становится опасным источником социальной деформации»^[2].

Структура современного российского медиапространства представляет собой сложную многоуровневую организацию, на которую оказывает влияние: географическое расположение страны, плотность населения по регионам, ее экономическая, профессиональная разнородность,

культурно-лингвистическое разнообразие аудитории, и региональные, а зачастую и национальные особенности управления различных элит.

В нее входят глобальные и национальные смыслообразующие институты, формирующие смысловой контент, средства массовой коммуникации и, собственно, аудитория. Бесконечность и «текучесть социума», создание смыслов, разрушающих общество и формирование вызовов и рисков: медиакратии, медианеравенство, медиазависимости, что требует новых гуманистических форм, методов и подходов в управлении.

Источники и литература

- 1) Макарова О.И. А. Аппадурай: культурное измерение глобализации // Вестник государственного областного университета. 2023. № 3. С. 33-37.
- 2) Тихонов А.В. Социология управления. М.: Канон+-РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с. С. 128.

Салтанович Ирина Петровна

*Белорусский государственный институт иностранных языков, Минск,
Беларусь*

Цифровая культура как пространство пересечения: от инструментов к социальным трансформациям

Формирование цифровой культуры — это не линейный процесс технологического детерминизма, а результат сложного взаимодействия между технологическими возможностями, социальными практиками, культурными ценностями и структурами власти.

Необходимо отметить, что Интернет, ставший универсальным инструментом коммуникации и информационного обмена, в современных условиях отражает характерные культурные тенденции общества. Превысивший энтузиазм относительно того, что Интернет способен радикально преобразовать культурную сферу, постепенно угас, поскольку стало очевидно, что влияние культуры на Интернет оказалось сильнее, чем воздействие самого Интернета на культуру.

Инновационное определение, интегрирующее две конкурирующие перспективы - коллективного значения и инструментального подхода концептуализирует цифровую культуру как "совокупные инструменты организации для использования цифровых ресурсов с целью трансформации практик создания социальной и экономической ценности (Grover, 2022) [1].

Цифровая культура как концептуальная эволюция прошла путь от простого переноса офлайн-практик в онлайн к формированию качественно новых форм социальности, культурного производства и идентичности. Изучение цифровой культуры требует разнообразия методологических подходов, от цифровой этнографии до структурного моделирования, от сравнительного анализа платформ до лонгитюдных исследований. Можно констатировать, что в своем развитии цифровая культура порождает цифровой разрыв, который со временем не исчезает, а трансформируется, требуя внимания не только к доступу, но и к навыкам, качеству использования и результатам.

Современный этап - платформизация и алгоритмическая культура характеризуется доминированием крупных цифровых платформ (GAFAM - Google, Apple, Facebook/Meta, Amazon, Microsoft) и возрастающей ролью алгоритмов в кураторстве контента. Согласно исследованию D. Nieborg, и T. Poell платформизация представляет собой проникновение экономических и инфраструктурных расширений онлайн-платформ в веб, влияющее на производство, распространение и циркуляцию культурного контента, что имеет глубокие последствия как для культурного производства, автономии создателей так и распределения культурной власти. Вопросы надзора, приватности, цифрового благополучия и концентрации власти требуют критического осмысления и регулирования [2]..

Развитие искусственного интеллекта, особенно генеративного AI, представляет новый этап эволюции цифровой культуры. Почти все компании инвестируют в AI, но только 1% считают, что достигли зрелости в этой области. Сопротивление и недоверие к AI остаются реальными проблемами на рабочем месте, несмотря на видимость и использование генеративных AI-инструментов. Развитие AI ставит фундаментальные вопросы о культуре, творчестве и человеческой идентичности. UNESCO подчеркивает важность AI-образования для обеспечения культурного разнообразия и артистической свободы. Необходимо развивать человекоцентричный подход к AI, учитывающий этические измерения и культурные ценности.

Культурные трансформации сегодня можно оценить как основательные и даже революционные, особенно если учесть, что влияние культуры часто превышает по силе воздействия государственные институты, которые традиционно считаются доминирующими силами в обществе. Государство может выступать в различных ролях, но культурные нормы формируют потребность человека в постоянном развитии и новых «картинах мира». Современная цифровая культура вносит изменения,

затрагивающие полный комплекс культурного и социального пространства.

Источники и литература

- 1) Grover V., и др. A theoretical perspective on organizational culture and digitalization. - Information & Management. - Vol. 59 (4). - 2022. – P.1-13.
- 2) Nieborg, D. B., & Poell, T. The platformization of cultural production: Theorizing the contingent cultural commodity. - New Media & Society. - 20(11). – 2018. – P. 4275-4292 .

Свирина Елизавета Романовна¹, Николаенко Георгий Александрович¹

1 - Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Опережающее развитие и фрагментация: структура дискурса об искусственном интеллекте в социальных науках

Стремительное внедрение инструментов искусственного интеллекта во все сферы жизни общества находит отражение как в академических, так и в коммерческих социологических исследованиях, что сопровождается трансформацией научной коммуникации и методологических стандартов производства знания. В контексте цифровой трансформации науки академические социальные сети становятся важнейшим инструментом формирования исследовательского дискурса. ResearchGate занимает среди них центральное место связующий хаб научных коммуникаций.

В соответствии с этим цель данного исследования - посредством сетевого анализа выявить структуру дискурса об ИИ-инструментах в социологии на платформе ResearchGate.

Теоретическую основу составляет синтез структурно-сетевого подхода, социологии науки П. Бурдьё и акторно-сетевой теории Б. Латура. Сетевой анализ используется как методологическая парадигма для операционализации понятий «символический капитал», «позиция в поле» и «конфигурация сетей» [1; 2; 3]. В этой модели научная коммуникация предстаёт динамической сетью, где распределение связей отражает иерархию влияния. Акторно-сетевой подход позволяет трактовать в качестве полноправных акторов не только учёных, но и тексты, алгоритмы и функционал платформы [4].

Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных платформы ResearchGate и включает 3127 публикаций за период 2020–2025 гг., отобранных по многоуровневой системе ключевых слов. Сбор данных осуществлялся с использованием веб-скрейпинга и специализированного инструментария ResearchGate Data Hub. Каждая публикация рассматривалась как узел ориентированной сети взаимных цитирований. Для анализа и визуализации сети использовался программный пакет Gephi с применением алгоритма ForceAtlas2 и расчётом базовых сетевых метрик.

Ключевое преимущество метода — возможность выявить структуру дискурса, выделив его ядро, периферию и тематические кластеры на основе формальных сетевых связей. Однако подход имеет и ограничения. К ним относятся доминирование англоязычного контента, а также сложности с определением географической принадлежности авторов, что сужает возможности пространственного анализа. Кроме того, сетевой анализ, опираясь на формальные связи (например, цитирование), не позволяет в полной мере оценить содержательные различия между публикациями и типами цитирования, а также не учитывает коммуникации за пределами исследуемой цифровой платформы.

Результаты анализа демонстрируют, что дискурс об использовании ИИ в социологии отличается полицентричностью и фрагментированностью. В нём чётко выделяются устойчивые тематические кластеры: прогнозирование социальных процессов, анализ анкетных и текстовых данных, а также применение машинного обучения. Ядро сети образуют публикации, сфокусированные на вычислительных и количественных методах, в то время как периферию составляют междисциплинарные и менее институционализированные направления.

Полученные данные подтверждают выдвинутые гипотезы и свидетельствуют о формировании структурно неоднородного научного поля. В нём технологическое развитие ИИ опережает его критическую рефлексию, что, в свою очередь, усугубляет фрагментацию дискурса.

Источники и литература

- 1) Бурдьё П. Поле науки : [электронный ресурс] / П. Бурдьё // Гуманитарный портал. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2598> (дата обращения: 10.12.2025).
- 2) Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 288 с.

- 3) Barabási A.-L. Network Science. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 475 p.
- 4) Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества / Б. Латур ; пер. с англ. К. Федоровой ; под ред. С. Гавриленко, К. Федоровой. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

Семенова Татьяна Николаевна¹, Ситнова Лариса Ивановна¹

1 - РГУ нефти и газа (НИУ) им.И.М.Губкина, Москва, Россия

Проблема социализации молодежи в информационном пространстве

Информационный век породил новые подвиды социальных отношений, форм общения и деятельности, которые пару десятилетий назад казались бы невозможными.

Виртуальное пространство в первую очередь обеспечивает возможность самопрезентации, которую пользователь может курировать до мелочей. С развитием социальных сетей самопрезентация в виртуальном пространстве превратилась в нечто зачастую более реальное для пользователей, чем материальный мир. Как минимум, аттракция, социальный капитал, получаемый при взаимодействии с другими пользователями в социальных сетях, точно стали для многих одной из базовых потребностей реализации.

Личные страницы пользователей социальных сетей могут служить зеркалом их интересов, мыслей, чувств, стремлений, страхов и т.д. Это аватар, сублимация сущности в цифровом пространстве, который имеет свой набор внешних характеристик, передающих другим таким же аватарам социально-значимую информацию: активность, наполнение профиля личной информацией и, конечно же, метрика взаимодействия. В подавляющем большинстве случаев такой метрикой служат отметки “нравится”, они же “лайки” - простейший механизм выражения социального одобрения в симулякре общения, один клик, который валидирует существование цифрового аватара - и, как следствие, его реального физического пользователя.

Успешность в виртуальном мире начинает мериться количеством лайков, просмотров, комментариев, - другими словами, знаками взаимодействия с другими пользователями. С течением времени сами площадки стали исключительно ориентированы на такое взаимодействие, так как это увеличивает время пользования. Наиболее явным примером такой модели

является китайская социальная сеть TikTok, ориентированная не только на создаваемый пользователями контент, но и на возможность бесконечного взаимодействия одних пользователей с контентом других в форме коллабораций, ремиксов (“дуэтов”) и т.д.; что еще более значительно - дизайн приложения приоритизирует контент, который заставляет пользователя принимать решение, нравится ему контент или нет, за доли секунды. Это акселерационистский дизайн, который, вполне возможно, является фактором, влияющим на сокращение концентрации внимания более молодых поколений.

Еще одним феноменом цифровой эпохи является развитие так называемых парасоциальных отношений. Понятие “парасоциальной интеракции” было введено еще в 1956 году антропологом Д. Ортоном и социологом Р. Воллом для описания той привязанности, которую испытывали зрители телепрограмм по отношению к их ведущим, знаменитостям и прочим персонажам экранов телевидения. В мире же, где каждый способен создавать и проецировать контент - видео, аудио, тексты - через призму своего мировоззрения, профессия блогера, видео-эссеиста, интернет-комика или актера является абсолютно реальной перспективой (особенно учитывая экономическую притягательность крупных социальных сетей для компаний-рекламодателей, что в свою очередь конвертируется в прямой заработок для популярных создателей контента).

Источники и литература

- 1) Недбаева С.В., Ткаченко В.В. Тенденции и психологические особенности социализации личности в интернет-пространстве <https://cyberpsy.ru/articles/socializaciya-lichnosti-internet-prostranstvo/>
- 2) Карпова М.К., Мони́на М.А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karpova_mk_monina_ma_18_1_25.pdf
- 3) Ковалева А.А., Полуэхтова И.А. Социализация личности в информационном обществе / <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1650>

Семёнова Мария Александровна

*Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

**Идентичность в контексте цифрового прайминга: диссонанс и
фрагментация личности.**

Современные эмпирические данные демонстрируют: деятельность пользователей в цифровой среде, включая процесс создания текстовых сообщений, далеко не всегда находится под непосредственным осознанным регулированием — зачастую такие паттерны поведения, в особенности социального характера, протекают на неосознаваемом уровне либо действуют скрытно. Одной из характерных особенностей неявного когнитивного механизма является тот факт, что накопленный жизненный опыт, когнитивный диссонанс и даже внешний цифровой прайминг может незаметно корректировать оценки и решения, вне сферы явного контроля индивида.

Обнаружено, что ключевые феномены, лежащие в основе психологии прайминга (установки), самооценочные положения, многочисленные стереотипные образы, — функционируют посредством неоперабельных для самонаблюдения процессов, что одновременно расширяет аналитическую перспективу их изучения и улучшает возможности прогноза поведенческих проявлений.

В современных взаимоотношениях посредством цифровых коммуникаций вопрос цифровой идентичности приобретает центральное значение, играя ключевую роль в трансформации личного восприятия и социальных взаимосвязей. На онлайн-платформах, где активируется цифровой прайминг, пользователи не только формируют тщательно сконструированные образы, зачастую демонстрируя отредактированные версии себя, но и сталкиваются с рисками, связанными как с утратой аутентичности, так и с фрагментацией представления о собственной личности. Корпус академических работ подчеркивает, что эти виртуальные пространства способствуют развитию самовыражения и формированию групповой принадлежности, однако одновременно порождают вопросы по поводу безопасности данных, сохранения приватности и неизбежных сложностей, связанных с разделением идентичности на онлайн и офлайн составляющие.

Возникающая необходимость продвижения цифровой грамотности особенно заметна в свете усиливающегося влияния социальных медиа на процессы самоидентификации. Более того, требуется законодательное регулирование, направленное на защиту персональных данных пользователей и обеспечение их права на конфиденциальность в цифровой среде. Недостаток благоприятных практик управления цифровой идентичностью может негативно отражаться на психологическом состоянии индивида, способствуя изменению поведенческих моделей и увеличению тревожности, связанной с социальным одобрением.

Для объективного понимания долгосрочных изменений в области циф-

ровой идентичности научное внимание должно быть направлено на проведение лонгитюдных исследований, позволяющих проследить динамику эволюции самоощущения индивидов под воздействием онлайн-коммуникаций. Также представляется необходимым выявление и апробация эффективных методик поддержки конструктивного формирования цифровой идентичности, что позволит минимизировать риски фрагментации личности и укрепить здоровые стратегии поведения в условиях все более виртуализированного общества.

Источники и литература

- 1) Конева А. В. "Цифровая идентичность": процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации / А. В. Конева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 1. – С. 50-61.
- 2) Greenwald, A. G., & Banaji, M. R. (1995). Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review*, 102(1), 4–27. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.102.1.4>
- 3) Pérez-Torres, V. (2024). Social media: A digital social mirror for identity development during adolescence. *Current Psychology*, 43, 22170–22180. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05980-z>
- 4) Rosana, A., & Fauzi, I. (2024). The role of digital identity in the age of social media: Literature analysis on self-identity construction and online social interaction. *Journal of Social Science*, 1(4), 477–489. <https://doi.org/10.59613/a8yyff42>

Синяпкина Инна Владимировна

*УО "Белорусский государственный экономический университет",
Minsk, Республика Беларусь*

Педагогические коммуникативные системы в условиях взаимодействия с технологиями ИИ

Эволюция технологий искусственного интеллекта стремительно меняет конфигурацию не только всех сфер деятельности человека, но и порядок социальных взаимодействий в обществе. С целью регламентирования данных процессов в Республике Беларусь создана Государственная программа «Цифровая Беларусь», посредством которой предполагается создать новую экосистему для решения многих социальных проблем

для населения на основе цифровых технологий. [1] В настоящее время более 80% населения в республике регулярно или периодически взаимодействуют с нейросетями и доверяют решениям ИИ, но предпочитают проверять выводы. [2] Наиболее перспективными областями применения ИИ являются бизнес-аналитика, образование и креативные индустрии.

Проблема применения технологий ИИ вызывает и актуальность социологического исследования специфики функционирования коммуникативных систем в социальном институте образования. Востребованы исследования в рамках социологии коммуникативных систем. Эксперты, ученые и практики изучают риски и факторы влияния технологий ИИ на педагогические коммуникативные системы (ПКС) в условиях цифровизации образовательной среды. [3] Данная тема исследования является исключительно востребованной в педагогическом сообществе и обусловлена возрастающими информационными рисками, а также интеграцией технологических, социальных и педагогических факторов в образовательной экосистеме. На глобальном уровне (ЮНЕСКО) ведутся научные дискуссии среди экспертов о будущем образования под воздействием технологий ИИ. [4]

Социологическое изучение проблемы взаимодействия технологий ИИ и педагогических коммуникативных систем – это один из стратегических и тактических вопросов будущего образования. Темпы развития генеративного ИИ сегодня существенно опережают способность педагогического и академического сообщества их осмыслить и объяснить. Необходимо системное осмысление и рефлексия данной проблемы для выработки адекватных управленческих стратегий в образовании. Содержательный аспект социологического исследования ставит вопрос о сохранении «человеческого» аспекта в образовании в условиях цифровизации. Процессы внедрения ИИ в образовательную среду непосредственно связаны с тем, как эти технологии в перспективе изменят сущностные характеристики педагогической коммуникации, ее структуру, содержание и социальные отношения между участниками образовательного процесса.

Формирование и определение контуров педагогической коммуникативной модели в условиях технологий ИИ для белорусской системы образования весьма актуально. Педагогические коммуникативные системы являются неотъемлемым составляющим элементом не только современной профессиональной культуры педагога, но и академической культуры преподавателя высшей школы.

Социологическое исследование трансформации педагогической коммуникативной системы в эпоху ИИ является не только актуальным, но на междисциплинарном уровне оно находится на пересечении трех измере-

ний и ведущих трендов: технологического (революция ИИ), педагогического (смена парадигмы от трансляции к тьюторству), коммуникативно-социологического (изменение каналов, агентов и форматов, механизмов взаимодействия).

Социологическое исследование проблемы направлено на обеспечение образовательного суверенитета Республики Беларусь и устойчивое развитие социального института образования в интересах общества и государства.

Источники и литература

- 1) О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г., № 793 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=...> - Дата доступа: 19.01.2026.
- 2) Что белорусы думают об ИИ? Опрос МТС: более 50% ждут прорыва в ИИ-обработке данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mts.by/news/106154/> - Дата доступа: 19.01.2026.
- 3) Субботина, М.В. / Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники? [Электронный ресурс] / М. В. Субботина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. - Т. 24, № 1. - С. 7–25. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-vysshee-obrazovanie-vragi-ili-soyuzniki> - Дата доступа: 19.01.2026.
- 4) Технологии искусственного интеллекта в образовании: перспективы и последствия [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО - ISBN:978-92-3-400061-1 – 2022. – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382446> - Дата доступа: 19.01.2026.
- 5) О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 01 апр. 2025 г. - № 135 // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru> . – Дата доступа: 19.01.2026.

Смирнова Елена Андреевна

Коммуникативный аспект осуществления коллективной экологической волонтерской деятельности в социальных сетях: на примере московской студенческой молодёжи

Введение. Социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни, трансформируя способы общения, обмена информацией и формирования сообществ. В контексте экологических инициатив они играют ключевую роль в мобилизации и координации коллективных действий. Особый интерес представляет изучение коммуникативных процессов, сопровождающих волонтерскую экологическую деятельность в цифровой среде. Актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью экологической повестки и потенциалом социальных сетей для вовлечения молодёжи в природоохранные практики. В данной связи анализ особенностей коммуникации московских студентов в экологических сообществах позволяет выявить механизмы и барьеры цифрового взаимодействия в решении экологических задач.

Цель исследования. Изучение коммуникативного аспекта осуществления коллективной экологической волонтерской деятельности московской студенческой молодёжью в социальных сетях.

Методы сбора эмпирических данных. Сбор данных осуществлялся посредством онлайн-анкетирования на платформе Simpoll (01.09.2025–20.10.2025). Для формирования выборки применялся метод квотного отбора, обеспечивающий репрезентативность по гендерному признаку и курсу обучения. Объём выборочной совокупности составил 300 человек. Доверительный интервал — 0,95, ошибка выборки не превысила 5%. Дополнительно был проведён контент-анализ экологических сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Telegram» за период с 01.09.2025 по 30.09.2025.

Результаты. Анализ вовлечённости студентов в экологические сообщества показал, что основными формами коммуникации являются пассивные реакции: лайки и эмодзи. Только 15% опрошенных регулярно комментируют посты, а 8% участвуют в обсуждениях в чатах. При этом 67% респондентов ограничиваются просмотром контента без активного взаимодействия.

Сравнение платформ выявило, что аудитория экологических сообщений в «ВКонтакте» значительно превышает аудиторию в «Telegram» (в среднем в 5–7 раз). Однако коэффициент вовлечённости (ER) в «Telegram» оказался выше: в отдельных сообществах он достигал 6,94%,

что соответствует высокому уровню вовлечённости. В «ВКонтакте» значения ER варьировались от 0,29% до 1,74%, что указывает на низкую и среднюю вовлечённость.

Тематика постов в обеих социальных сетях в основном совпадает: организация мероприятий, информационные сообщения, отчёты о проведённых акциях. В «ВКонтакте» также встречаются шуточные посты, а в «Telegram» — публикации без текстового сопровождения (фото/видео в кружочке).

Среди барьеров коммуникации респонденты выделили:

- отсутствие обратной связи от администрации сообществ (45% в «ВКонтакте», 48% в «Telegram»);
- конфликты в комментариях (43% и 37% соответственно);
- недостаток достоверной информации (особенно в «Telegram»).

Технические проблемы не были названы значимым препятствием.

Выводы. Проведённое исследование позволяет утверждать, что коммуникация в экологических волонтёрских сообществах московских студентов носит преимущественно пассивный характер. Несмотря на высокую самооценку цифровой грамотности, активные формы взаимодействия (комментирование, участие в чатах) развиты слабо. Выявленное противоречие между количеством подписчиков и уровнем вовлечённости указывает на формальный характер участия в экологических инициативах. Основными барьерами являются отсутствие обратной связи и конфликтность в обсуждениях, что требует усиления модерации и коммуникативной стратегии сообществ.

Сорокин Олег Владимирович

МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук, Москва, Российская Федерация

**Коммуникативное пространство российское молодежи:
моделирование и перспективы исследования.**

Коммуникативное пространство рассматривается как совокупность способов взаимодействия акторов, отражающих, с одной стороны, смысловые принципы солидаризации, а с другой, принципы разобщения и дезинтеграции. Смысловые принципы, в свою очередь, выступают как способы достижения молодыми людьми целей жизнедеятельности. В основании смыслов лежат ценности, которые наполняют взаимодействия

мировоззренческим содержанием. Таким образом, коммуникативное пространство молодежи описывается как совокупность способов взаимодействия молодых людей как носителей субъективных смыслов и ценностей. В рамках исследования коммуникативного пространства российской молодежи применялось структурно-таксономическое моделирование. Данный метод позволяет изучить комбинации типов культуры, которые участвуют в образовании смысловых конфигураций способов взаимодействий. Кроме того, структурно-таксономическое моделирование позволяет изучить распределение смыслов по слоям в таксонах и принципы такого распределения. Это становится возможным благодаря тому, что таксономия создает иерархическую систему соподчинённых классов (групп, таксонов) для построения классификации объектов. В качестве характеристик базисного пространства (подлежащего) для задач таксономии используется пространство респондентов, либо совокупность параметров (на основе таблиц сопряженности), задающих контекст исследования. В качестве элементов-образов («сказуемых» таблицы сопряженности) использовались элементы-образы, презентующие основные части социокультурного механизма управления взаимодействиями молодёжи, а именно: архетипы, выделенные на основе согласия молодёжи с пословицами; ментальные (традиционные) и современные характеристики мировоззренческих установок, непосредственно связанные с особенностями национального характера и отмечаемые молодыми людьми как черты их собственного поколения; типы культуры, сконструированные на основе подхода П.А. Сорокина; габитусы как устоявшиеся поведенческие predispositions, базовое доверие/недоверие к окружающим и стереотипы.

В результате была построена таксономическая модель взаимосвязи элементов механизма регуляции взаимодействий молодежи и смысловых характеристик, рассматриваемых в контекстном пространстве, состоящем из респондентов.

Разработанная в рамках исследования и предложенная модель изучения коммуникативного пространства молодежи должна стать эффективным инструментом обоснования и принятия управленческих решений в российском обществе в области молодежной политики. Внедрение этой модели в систему государственного управления позволяет решать стратегическую задачу диагностики сформированности традиционных российских духовно-нравственных ценностей в сознании молодых граждан.

Источники и литература

- 1) Сорокин О.В. Девиантное поведение молодёжи: саморегуляция в изменяющейся реальности / Г.В. Осипов, И.Б. Орлова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2024. – 404 с.
- 2) Чанкова Е.В., Сорокин О.В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 10-25.
- 3) Сорокин О.В., Любутов А.С. Социокультурные девиации молодёжи в сфере межличностных взаимодействий: саморегуляция и моделирование // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 98-108.

Сычева Екатерина Юрьевна¹, Чавгун Дмитрий Леонидович¹

1 - Брянский государственный университет имени академика И.Г.

Петровского, Брянск, Россия

**Личность в виртуальных сетях: социальные проблемы
молодежи**

Современные методы исследования активно включают использование информационных технологий, автоматизированных систем сбора и обработки данных, а также методов дистанционного мониторинга. Это значительно расширяет возможности исследования, повышает его точность и оперативность, а также позволяет реализовать междисциплинарный подход, объединяющий социологию, психологию, экономику, политологию и другие науки. В целом, развитие и применение разнообразных методов исследования социальных проблем обеспечивают глубокое и системное понимание актуальных вызовов, стоящих перед обществом, и способствуют формированию эффективных стратегий их преодоления.

Вопросы о социальных проблемах молодежи обусловлены современными социальными, культурными и психологическими процессами, происходящими в обществе, а также необходимостью разработки и внедрения более эффективных методов исследования молодежной среды [5; 7; 8].

В условиях быстрого социального и технологического развития молодежь сталкивается с множеством новых вызовов и проблем [1; 2]. К числу таких проблем относятся социальная изоляция, недостаток социальной поддержки, сложности в адаптации к новым условиям жизни, проблемы психологического здоровья, апатия к электоральным процессам [3; 4], а также вопросы трудоустройства, образования и профессиональной

самореализации. Эти аспекты требуют глубокого и комплексного анализа, поскольку они существенно влияют на формирование личности, социальную активность и будущее развитие молодежи [6].

Традиционные методы исследования социальных проблем — такие как количественные опросы, анкетирование и статистический анализ — зачастую не позволяют в полной мере понять внутренний мир молодежи, её субъективные переживания, мотивации и ценности. Они дают лишь обобщённые сведения, которые могут не отражать глубинных причин и смыслов, лежащих в основе социальных проблем. Поэтому возникает необходимость использования качественных методов исследования, способных раскрыть индивидуальный опыт и внутренние смыслы молодежи.

Нарративное интервью представляет собой эффективный инструмент для получения богатого, насыщенного контекстом личного рассказа. Этот метод позволяет выявить не только фактические обстоятельства, но и эмоциональные реакции, мотивы, жизненные истории, что существенно расширяет понимание социального положения молодежи. Использование нарративных технологий способствует более гуманистическому и гуманитарному подходу к изучению социальных проблем, что важно в условиях современного гуманитарного исследования.

Исследование методики изучения социальных проблем молодежи методом нарративного интервью является актуальным и своевременным направлением, поскольку позволяет получать более глубокие и богатые данные, способствующие развитию теоретических основ и практических решений для улучшения условий жизни и развития молодежи. Это, в свою очередь, способствует формированию более гуманистического, социально ориентированного подхода в изучении и решении актуальных проблем современного общества.

В социологических исследованиях нарративный метод применяется для изучения таких объектов, как процессы формирования социальной идентичности, опыт социальной мобильности, влияние культурных традиций, переживания и интерпретации социальных конфликтов, а также для анализа историй жизни, опытов миграции, социального статуса и других аспектов социальной реальности. Особенно ценным он является при исследовании сложных, многоплановых и личностных феноменов, где важна субъективная перспектива участников.

Приведем мнения респондентов. 1: «Я считаю, что сейчас очень много молодых зависает в интернете, и это влияет на их психологическое состояние. У многих возникают депрессии, тревожность. Кроме того, есть проблема с жильем — очень сложно найти доступное и комфортное ме-

сто для жизни, что создает постоянную неопределенность»; 2: «Я вижу, что многие молодые люди страдают от цифровой зависимости, которая мешает учебе и личной жизни. Плюс — общая неуверенность в будущем, сложности с получением жилья или стабильной работы».

Интервью выявило, что молодежь сталкивается с рядом взаимосвязанных социальных проблем, таких как психологические трудности, финансовая нестабильность, наркомания и социальное отчуждение. Решения требуют системных мер, поддержки со стороны государства, бизнеса и общества, а также личной ответственности и внутренней работы. Важно признавать актуальность проблем молодежи и создавать условия для их поддержки, развития и самоорганизации.

На основе проведенного анализа и полученных данных можно выделить следующие рекомендации, направленные на повышение эффективности вовлечения молодежи в решение социальных проблем:

Во-первых, необходимо усилить информационную поддержку молодежи, создавая доступные и привлекательные ресурсы, использующие современные средства коммуникации — социальные сети, мобильные приложения, видеохостинги. Регулярное обновление информации, использование интерактивных форм подачи данных и адаптация контента под интересы молодежи существенно снизят барьеры в доступе к актуальной информации.

Во-вторых, важно внедрять образовательные программы и тренинги, направленные на развитие навыков анализа социальных проблем, формирования гражданской ответственности и активной гражданской позиции. Эти программы должны быть интегрированы в школьную и вузовскую системы, а также реализовываться через молодежные центры и организации.

В-третьих, необходимо создавать и развивать платформы для диалога, обмена мнениями, совместной работы над проектами. Онлайн-форумы, дискуссионные площадки, молодежные советы и клубы станут эффективными инструментами для вовлечения молодежи в активное участие и формирования социального сознания.

Источники и литература

- 1) Гостенина, В. И. Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность / В. И. Гостенина, Т. В. Епремян, С. А. Шилина // Society and Security Insights. — 2025. — Т. 8, № 1. — С. 116-130. — DOI 10.14258/SSI(2025)1-08. — EDN JETZBD.

- 2) Киричек, П. Н. Человек и его ресурс в социальной коммуникации / П. Н. Киричек // Журналист. Социальные коммуникации. – 2024. – № 4(56). – С. 86-96. – EDN YTHCBJ.
- 3) Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации российского электората: управленческий анализ : : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Лупенкова Екатерина Юрьевна. – Москва, 2013. – 178 с. – EDN SUXHX.
- 4) Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации студентов в формирующихся моделях электорального поведения / Е. Ю. Лупенкова // Социокультурные проблемы подготовки современного педагога. – Брянск, 2008. – С. 185-189. – EDN VQJPAD.
- 5) Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации студенчества в моделях электорального выбора: социологический анализ / Е. Ю. Лупенкова // Образование и общество. – Москва: Институт социологии РАН, 2009. – С. 226. – EDN TCILKJ.
- 6) Мамедов, А. К. Цивилизация стандарта как итог социального потребления / А. К. Мамедов, Э. Д. Коркия // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2015. – № 3(138). – С. 40-43. – EDN TSKBGF.
- 7) Социальный портрет безработного молодого специалиста: управленческий аспект / С. Л. Мельников, К. А. Романов, Е. Ю. Сычева [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 21-27. – EDN LLDJAU.
- 8) Социологический аспект молодежных студенческих проблем / С. А. Шилина, Е. А. Салегина, О. О. Чивильдеева, А. М. Шилин // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 2(34). – С. 42-54. – DOI 10.22281/2542-1697-2024-03-02-42-54. – EDN HOANEI.

Терновая Людмила Олеговна

Журнал "Власть истории и история власти", Москва, Россия

**Стадии этнополитического процесса через призму
морфологического анализа**

В сложности и простоте интернет пространства обнаруживается амбивалентность, сочетание, при всей парадоксальности создающее возможность выявления структурных признаков и систематизации любых

процессов благодаря морфологическому подходу. Он фокусируется на изучении структуры объекта: формы, внутреннего строения, взаимосвязей составных частей, их конфигурации. Применительно к политическим процессам происходит анализ не столько содержания решений или идеологий, сколько паттернов, определяющих логику политического взаимодействия. [2] Морфологический анализ позволяет сравнивать, как конфигурации политических структур проявляют свою эффективность, устойчивость, конфликтогенность. [4; 5]

Стадии этнополитического процесса начинаются с алломорфоза, накопления потенциала. Этнос или политическое образование приспосабливается к конкретным условиям, развивает культуру, социальные институты, хозяйство, но без глубокого прорыва.

Следующая стадия ароморфоза решающая, означает качественный скачок, резкое повышение уровня организации, конкурентоспособности и влияния. Переломный момент наступает в результате накопленного потенциала или ответа на внешний «вызов». [3]

Третья стадия гиперморфоза предполагает стабилизацию, реализуя ранее полученные преимущества. Система расширяет зону влияния, тиражирует успешные модели, достигая пика могущества. Настает время расцвета империй, распространения их культуры, права, языка. Но возникают риски, система становится слишком крупной, сложной для управления.

Четвертая стадия специализации и стагнации, по сути, алломорфоза на новом уровне. Система перестает качественно развиваться, сосредотачиваясь на поддержании статус-кво, снижается адаптивность. Институты бюрократизируются, идеология догматизируется. Начинается внутренняя дифференциация, центробежные тенденции. Происходят «закостенение» политической системы, рост сепаратизма. Наступает закат империй.

Пятая стадия катаморфоза свидетельствует, что система не справляется с внутренними и внешними вызовами. Идет распад сложных структур, утрата территорий, культурный и институциональный регресс. Вариантов исхода три: распад на составные части, начинающие цикл заново; поглощение более динамичной системой (ассимиляция, завоевание); трансформация через революцию или глубокие реформы, что может стать основой для нового ароморфоза. Они соответствуют трем моделям течения времени: циклическому, линейному и параллельному. [1]

Финальная фаза морфогенеза представлена стадией трансформации или распада. Старая этнополитическая система либо прекращает существование, либо становится субстратом для новой. На ее обломках могут

возникнуть образования, потенциально способные повторить цикл. Модель с ароморфозом в центре позволяет увидеть этнополитический процесс не как линейный прогресс, а как череду волн, где периоды накопления, прорыва, расцвета, стагнации и упадка сменяются, подготавливая почву для следующего витка развития.

Источники и литература

- 1) Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90 – 97.
- 2) Голофаст А. В. Political morphology=Политическая морфология: моногр.: для всех направлений подготовки бакалавриата, изучающих дисциплины «Философия» и «Политология» (на англ. яз.) / Акад. труда и соц. отношений, Каф. философии и политологии. М.: АТИСО, 2023. 131 с.
- 3) Нечаев Д.Н., Волкова А.Е. Парадигма этнополитического ароморфоза в процессе нациестроительства государств постсоветского пространства. М.: Политическая энциклопедия, 2025. 151 с.
- 4) Терновая Л.О. Морфология государственной службы и журнал «Государственная служба» // Государственная служба. 2016. № 2. С. 34 – 35.
- 5) Терновая Л.О. Морфология федерализма и социальная безопасность // European Social Science Journal. 2014. № 7. Том 2. С. 21 – 30.

Трунов Анатолий Анатольевич

*Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород,
Россия*

Идеология в цифровой коммуникации: формирование, репрезентация, влияние

В условиях цифровой трансформации социальной реальности коммуникация перестает быть всего лишь каналом передачи информации и выступает пространством производства и циркуляции идеологических смыслов. По сути, цифровая среда формирует особый тип коммуникации, в рамках которого идеология проявляется не в виде политических манифестов или жестко артикулированных доктрин, а как сово-

купность рассредоточенных смысловых установок, встроенных в повседневные практики сетевого взаимодействия.

Цифровая коммуникация представляет собой специфическую среду идеологического конструирования, где пересекаются индивидуальные стратегии самопрезентации, коллективные формы символической идентификации и институционально опосредованные коммуникативные процессы. Важнейшей характеристикой современной идеологии является ее имманентность коммуникации. Идеологические смыслы «растворяются» в форматах общения, визуальных кодах, нарративах и языковых клише. Так, повседневное воспроизведение определенных речевых формул, мемов или оценочных суждений в сетях публичности создает устойчивые интерпретационные рамки восприятия социальной действительности.

Функционирование идеологии в цифровом пространстве осуществляется через систему дискурсивных практик, в которых участвуют как индивидуальные акторы, так и медиaplatformы, экспертные сообщества, социальные институты. Особую роль играют алгоритмически опосредованные механизмы селекции и ранжирования информации, которые оказывают существенное влияние на видимость, повторяемость и легитимацию определенных смысловых конструкций. Идеология все чаще проявляется в фрагментированной, мозаичной форме, организуя восприятие социальной реальности без обращения к целостным мировоззренческим системам наукообразного типа.

Репрезентация идеологии в цифровой коммуникации тесно связана с трансформацией текста и образа. «Сжатие» смыслов, визуализация и меметизация способствуют формированию эмоционально насыщенных и легко воспроизводимых идеологических паттернов, активно циркулирующих в сетевых сообществах. Меметические практики функционируют как механизм быстрого распространения и укоренения идеологических установок через их упрощение и эмоциональное усиление (виральный контент). Эти формы оказывают влияние на процессы социализации личности, формирование идентичностей и ценностных ориентаций.

Идеологические смыслы задают устойчивые рамки интерпретации событий, определяют горизонты допустимого и значимого, формируя символические границы существующего социального порядка. Социологическое исследование этих процессов требует методологического синтеза анализа дискурса, сетевого анализа и критической теории медиа для понимания идеологии как встроенного измерения цифровой социальности.

Тюкаева Галина Александровна

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный технический университет",
Брянск, Россия*

**Цифровой исследователь в эпоху искусственного интеллекта:
трансформация образа жизни учёного**

Современное научное сообщество переживает период глубинных преобразований, обусловленных экспансией технологий искусственного интеллекта (ИИ), в том числе в исследовательскую практику. Согласно данным исследования Oxford University Press, в 2024 году уже 75% учёных, публикующих свои работы в ведущих научных журналах, применяли разнообразные инструменты на основе ИИ в своей профессиональной деятельности [3]. Подобные статистические данные, на наш взгляд, свидетельствуют не просто о техническом обновлении инструментария, но о фундаментальной трансформации самого образа жизни учёного как участника социокультурных преобразований.

Для осмысления происходящих изменений необходим комплексный методологический подход, способный учитывать факторы быстро развивающегося техногенного общества. Социотехноприродная концепция, разработанная Междисциплинарной научно-философской школой при Брянском государственном техническом университете, представляет методологическую основу для исследования взаимодействия трёх фундаментальных сфер: социосферы, техносферы и биосферы [2]. Так, согласно концепции Э.С. Демиденко, современное общество характеризуется восходящим формированием научно-технических производственных сил, техносферы и нарастающей техногенной трансформацией человеческого организма, образа жизни и культуры населения [1]. Искусственный интеллект (машинное обучение, компьютерное зрение, экспертные системы, чат-боты и т.д.) в этой парадигме представляет собой не внешний по отношению к человеку инструмент, а элемент формирующейся интеллектуальной техносферы, влияющий на восприятие информации, формирование мировоззрения и конфигурации повседневных исследовательских практик.

Использование ИИ систем в каждой научной сфере имеет свои особенности. Однако общим преимуществом будет то, что ИИ берёт на себя выполнение рутинных операций: от подбора и систематизации литературы (к примеру, Elicit, Semantic Scholar), до проверки гипотез (что вызывает споры о достоверности) и первичного анализа экспериментальных данных [3]. Это освобождает учёного, даёт время для решения творческих задач, формирует другой алгоритм работы.

Как отмечает М. Абрамов, учёный постепенно превращается из непосредственного исполнителя исследовательских операций в «куратора цифрового интеллекта», дирижирующего ансамблем человека-машинных взаимодействий [3]. По нашему мнению, эта трансформация затрагивает все три компонента: в социосфере меняется структура научного сообщества и коммуникации; в техносфере формируются гибридные человеко-машинные исследовательские практики; работа ИИ систем наносит вред биосфере (электропотребление, добыча полезных ископаемых, отходы и т.д.). Кроме того, в будущем возможна трансформация самого социобиологического организма исследователя, ведь его когнитивные паттерны и ритм жизни начинают меняться уже сейчас.

Таким образом, интеграция ИИ в научную практику инициирует фундаментальные социотехнобиологические изменения образа жизни современного исследователя, среди них: организация времени, характер работы, скорость открытий, новые компетенции и технобиологические инновации в организме человека и т.д. Вместе с тем реализация потенциала ИИ в науке требует критического осмысления связанных с этим эпистемологических, этических и образовательных вызовов, что определяет актуальность дальнейших междисциплинарных исследований в данной области.

Источники и литература

- 1) Демиденко Э. С. Техногенное общественное развитие и его проблемы / Э. С. Демиденко // НАУ. – 2015. – № 2-10 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnogennoe-obschestvennoe-razvitie-i-ego-problemy> (дата обращения: 15.10.2025).
- 2) Демиденко Э. С. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование : монография / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева. – Москва : URSS, 2023. – 280 с.
- 3) Купченко Д. Наука в эпоху ИИ / Д. Купченко // Ведомости. – 2025. – № 2 (2). – С. 2–5.

Федоров Владислав Иванович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

**Проблема виртуализации образов политиков, созданных
искусственным интеллектом**

Применение искусственного интеллекта (ИИ) расширяется, охватывая все сферы общественной жизни, включая политику. Принесёт ли ИИ на службе государства и политиков общее благо? Готово ли общество к радикальному шагу – делегировать своё право на власть алгоритмам? Особую актуальность эти вопросы приобрели в 2025 году, когда ИИ начал напрямую вмешиваться в политические процессы: в Непале «Чат Джипити» (ChatGPT) дал совет политическому меньшинству при выборе нового премьер-министра, в Албании ИИ-бот вошёл в состав правительства, а в России на выборах массово использовались агитационные ролики, созданные ИИ.

В связи с последними достижениями нейросетей, способных к быстрому, качественному и экономичному производству политического контента, симуляции политических акторов, появляется необходимость политологического осмысления этого нового социотехнического феномена. В этом может помочь концепция симулякра Ж. Бодрийяра, который понимал под симулякром знаки или образы, которые дистанцируются от сущности конкретных явлений и событий, к которым они изначально относились.

Появление генеративного ИИ создало техническую основу для возникновения принципиально новой технологии массовых коммуникаций – *политического нейросимулякра*, под которым понимается нейросетевой образ политического лидера или политической партии, наделенный улучшенными качествами и новыми способностями, симулирующий объекты физического и цифрового мира. Политический нейросимулякр агрегирует информацию о действиях политических акторов в кабинетах власти и в сети «Интернет», артикулируя и распространяя их обращения к политической массе с целью повышения электоральной популярности.

Сентябрь 2025 года стал поворотной вехой в истории применения ИИ в политике. Во-первых, политические нейросимулякры в формате ИИ-ботов с согласия части общества стали источником власти и даже взяли на себя функции министров в правительстве. Во-вторых, на выборах начали массово применяться видеозаписи с участием кандидатов и партий, полностью созданные искусственным интеллектом.

В России видео с кандидатами на выборные должности, сгенерированные ИИ, стали широко применяться в ходе избирательной кампании 2025 года, которая во многом была пробой новых технологий перед выборами депутатов Государственной Думы в 2026 году. Стимулом для изготовления таких медиа-продуктов является экономия людских, финансовых и временных ресурсов. По сути, в видеозаписях, созданных ИИ нейросимулякры некоторых российских политиков сконструировали

для электората гиперреальность, где они наделены свойствами супергероев и выглядят сильнее и решительнее, чем в настоящих видеозаписях с их участием. Нейросимулякры улучшают образ политика, тем самым создаются риски ввести электорат в заблуждение.

Фокин Артемий Павлович

Курский государственный университет, Курск, Россия

Творчество в виртуальном мире: тренды и ограничения

Цифровая эпоха сильно изменила природу творчества. Она почти полностью перенесла его в виртуальное пространство. Под влиянием технологий искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности возникают новые формы художественного выражения, меняются инструменты и сам язык искусства. Вместе с безграничными возможностями появляются и новые ограничения, связанные с авторским правом, правилами платформ и этическими вопросами.

Конечно, самым громким событием в творческих сферах стало появление нейросетей. Искусственный интеллект перестал быть лишь инструментом. Сегодня он генерирует изображения, музыку, тексты, помогая художникам воплощать идеи, которые ранее требовали месяцев работы. Большие языковые модели позволяют создавать контент, максимально соответствующий запросам пользователей. Виртуальная и дополненная реальность открывают новые измерения для искусства, превращая статичные произведения в интерактивные инсталляции.

Цифровое пространство дало большие возможности для индивидуального творчества. Традиционные коллективные работы уступают место индивидуальным формам самовыражения в киберпространстве. Блоги, персональные страницы, нишевый контент, видеоблогинг и создание уникальных цифровых аватаров позволяют каждому пользователю стать творцом. Концепция «сетевого индивидуализма» описывает этот феномен, где личность, оставаясь связанной с сообществами, реализует свой потенциал через персональные проекты.

Также виртуальное пространство подарило нам Короткие вертикальные видео (TikTok, Reels), AI-генерируемая графика, закрытые комьюнити по подписке — это ответ на запросы современной аудитории. Творчество становится мультимодальным, объединяя визуальные, звуковые и тактильные элементы в единое цифровое полотно.

Из сложностей, которые появляются в цифровом творчестве, основным является определение авторства. В виртуальном пространстве

сложно доказать авторство, особенно когда контент легко копируется и видоизменяется. Хотя авторские права возникают автоматически, нарушения часто остаются безнаказанными. Платформы могут использовать пользовательский контент на своих условиях, что ставит под вопрос контроль творца над своим произведением.

Также ограничения вносят и правила платформ. Социальные сети и медиаресурсы устанавливают строгие правила, запрещающие контент экстремистского, насильственного или деструктивного характера. Нарушение может привести к блокировке канала без возможности восстановления. Это создаёт этическую дилемму: между свободой творчества и необходимостью модерации.

Также массовое использование ИИ ставит вопрос об уникальности и искренности творчества. Если машина генерирует идеи, образы и даже эмоции, что остаётся художнику? Как отмечается в исследованиях, именно человеческий взгляд, креативность и эмоциональная глубина остаются незаменимыми. И все эти возможности ограничивает проблема авторства. Можно ли назвать творческий процесс творческим если человек принимает в нем минимальное участие? Значимая часть потребителей считают, что нет. Но при этом толерантность по отношению к ИИ понемногу возрастает.

Таким образом, творчество в виртуальном мире — это динамичное поле, где технологии расширяют границы возможного, а социальные и правовые рамки формируют новые вызовы. Будущее цифрового искусства будет зависеть от баланса между инновациями и сохранением человеческого измерения, между свободой выражения и ответственностью перед обществом. Как показывает практика, даже в эпоху AI и метавселенных именно личность, её уникальный опыт и мировоззрение остаются сердцем творческого процесса.

Источники и литература

- 1) Мартиросян К. М., Юркова Е. М. Тенденция индивидуального творчества в киберпространстве. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. №59. С. 26-39.
- 2) Художник без признания: четверть россиян готовы платить за ИИ-искусств - [электронный ресурс] – URL: <https://nafi.ru/analitics/khudozhnik-bez-priznaniya-chetvert-rossiyan-gotovy-platit-za-i-i-iskusstvo/> (дата обращения 14.01.2026)

- 3) Габидуллина Ч. Ф. Влияние искусственного интеллекта на профессии креативных индустрий. // Общество и государство. 2024. №2. С. 6-11.
- 4) Плешаков Е. А., Просвирнина М. И. Проблема авторства произведения, созданного нейросетью // Образование и право. 2023. №7. С. 408-411.
- 5) Лингиан Чжан, Юнь Ван, Цзяруй Лю Художественное творчество в виртуальном пространстве // Технологии в инфосфере. 2023. №3. С. 40-48.

Хвостов Антон Александрович

Саратовская региональная общественная организация «Центр социально-правовых и природоохранных инициатив», Саратов, Россия
**Экологическое творчество в сети: цифровые платформы как
инструмент защиты природы**

В современном мире творческий подход к использованию цифровых инструментов помогает защищать природу в условиях давления со стороны ангажированных чиновников.

Поэтому экологическое творчество в сети - это не роскошь, а необходимость. Рассмотрим вкратце несколько направлений:

1. Соцсети как поле битвы: мемы и арт

Экологические мемы - это не просто шутки, а инструмент привлечения внимания к проблемам, которые игнорируют местные власти. Некоторые активисты активно используют их для доступа к молодёжной аудитории. Например, для жителей Поволжья будет актуален мем «Волга в слезах»: На фото загрязнённой Волги можно приложить текст: «Если бы река могла плакать, она бы уже утопила всех, кто её отравляет». Почему это работает? Юмор снижает порог вовлечённости: Люди охотнее делятся мемом, чем серьёзным постом. К тому же его трудно заблокировать: мемы часто не содержат прямой критики конкретных людей.

Визуальные платформы позволяют активистам показывать экологические проблемы творчески, обходя ограничения с помощью арт-акций. Поэтому можно предложить серию иллюстраций «Поволжье без маск»: Художник может нарисовать реальные пейзажи своего региона, но с добавлением элементов фантастики - например, заводы в виде монстров, пожирающих реку. Эти работы потом можно будет опубликовать

в социальных сетях с хэштегом #ПоволжьеБезМаски. Подойдёт и видеочеллендж «Чистая Волга»: Активисты снимают короткие видео у загрязнённых участков реки, а затем - у тех же мест после субботников. Видео набирают тысячи просмотров и вдохновляют других присоединиться.

Эффект в том, что визуальное воздействие сильнее текста: люди лучше запоминают проблемы, когда видят их «в картинках». Особенно подростки, которые часто равнодушны к «серьёзным» эко-проблемам.

2. Онлайн-карты и краудсорсинг: цифровые инструменты, которые помогают документировать экологические нарушения

Цифровые карты позволяют активистам фиксировать и визуализировать проблемы, которые пытаются скрыть.

Можно предложить идею по созданию онлайн-карты, на которой отмечены, например: несанкционированные свалки, места сброса химикатов в Волгу, заводы, нарушающие экологические нормы.

Активисты и местные жители сами будут присылать фото и координаты проблемных мест, а карта будет обновляться в реальном времени и доступна по ссылке.

Представляет интерес и краудсорсинг данных. Например, люди фотографируют загрязнения и присылают фото в бота. Волонтёры анализируют данные и готовят отчёты. А затем юристы помогают составить жалобы в надзорные органы.

Почему это будет эффективно? Масштаб: Один активист не может обследовать весь регион, но сотни глаз - могут. Доказательная база: Фото и видео с геометками становятся неопровержимыми доказательствами для судов.

3. Подкасты и стримы: как голос становится инструментом изменений

Аудио- и видеоформаты позволяют доносить сложные эко-проблемы до широкой аудитории, не полагаясь на текстовые посты, которые легко игнорировать.

При желании и материальных возможностях, защитники природы могут запустить подкаст о проблемах своего региона, в котором будут: интервью с экологами (например, о загрязнении Волги), разбор законов (как защищать свои эко-права), истории успеха (как местным активистам удалось закрыть свалку или остановить вырубку).

Стримы в интернете по экологической тематике тоже могут вызывать интерес с помощью онлайн-трансляции с эко-локаций: прямые включения с мест загрязнений, дискуссии с экспертами, мастер-классы (например, «Как написать жалобу в Росприроднадзор?»).

Эффект: Прямой контакт с аудиторией: зрители могут задавать вопросы в реальном времени. Вирусный потенциал: стримы можно записать и распространять дальше.

4. Онлайн-петиции и краудфандинг

В последние годы экоактивисты активно используют петиции для решения соответствующих проблем. Как это работает? Петиция ссылается на законы с прикреплением фото и видео загрязнений и адресована конкретным чиновникам (главам администраций, депутатам).

А платформы вроде «Планета.ру» или «Бумстартер.ру» помогут собирать деньги на: анализы воды (чтобы доказать загрязнение), юридическую поддержку (для судов против эко-преступников), организацию субботников.

5. Виртуальные выставки и арт-проекты: как творчество помогает привлечь внимание

Можно организовать виртуальную выставку, где художники представят работы на тему экологических проблем своего региона: фотографии загрязнённых мест, картины с символическими образами (например, «Волга в цепях»), инсталляции из мусора, собранного на берегах.

Также можно предложить жителям Поволжья нарисовать эко-проблемы своего города и выложить рисунки с хэштегом #РисуйЭкологиюПоволжья.

Если говорить в целом, то экологическое творчество в сети - это не просто развлечение, а мощный инструмент изменений. В условиях, когда традиционные методы защиты природы становятся малоэффективными, цифровые платформы дают активистам возможность: документировать эко-преступления, привлекать внимание к проблемам через творчество и объединять людей, несмотря на расстояния. Даже в самых сложных условиях творческий подход помогает не только выживать, но и побеждать.

Хуторцова Екатерина Романовна

*Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра
Великого, Санкт-Петербург, Россия*

Проблема доверия в научной деятельности при участии искусственного интеллекта

Деятельность в области научных коммуникаций представляет собой не только совокупность процессов и практик обмена научной информацией, но и социальный механизм, обеспечивающий воспроизводство на-

уки как социального института. В рамках внутренних научных коммуникаций новое знание проходит через цепочку коллективных взаимодействий, включающих обсуждение, рецензирование, верификацию, фальсификацию и иные формы критической проверки. Доверие к научному знанию в результате формируется не как вера в его истинность, а как уверенность в наличии субъектов, способных объяснить логику рассуждений и нести ответственность за сформулированные утверждения.

Постепенное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) трансформирует данный механизм. В условиях стремительного развития генеративного ИИ отдельные модели начинают использоваться как вспомогательные инструменты для интерпретации данных, генерации гипотез и создания научных текстов. При этом расширение функциональных возможностей ИИ не сопровождается появлением у него понимания или смысловой рефлексии [1]. Результативность применения ИИ в научной сфере напрямую связана с сохранением агентивности, автономии и способности к критическому мышлению со стороны пользователя [2].

В России институциональное внедрение искусственного интеллекта остается ограниченным: ИИ используется лишь в 5% научных организаций и 10% вузов. На уровне индивидуальных исследовательских практик распространение технологий значительно шире. По международным данным, до 75% ученых применяют ИИ для поиска научной литературы, анализа данных, редактирования и перевода текстов. Уровень доступности ИИ-систем оценивается как низкий, особенно в отношении отечественных программных решений, что связано с дефицитом финансирования, кадров и ИКТ-инфраструктуры. Одновременно почти половина организаций ожидает существенных изменений научной деятельности в ближайшие годы [3].

На концептуальном уровне особые споры вызывает идея «соавторства» человека и искусственного интеллекта. Несмотря на способность ИИ создавать формально корректные и правдоподобные тексты, работа подобных систем не основана на понимании языка и смысла, что не позволяет признавать их субъектами познания [4].

Сложившаяся ситуация порождает три взаимосвязанные проблемы доверия. Первая связана с доверием к ИИ как источнику знания, выводы которого остаются непрозрачными для верификации. Вторая касается доверия к знанию, полностью сгенерированному ИИ, так как оно лишено социальной легитимности. Третья проблема затрагивает доверие к научным работам, созданным при участии ИИ, где часть тезисов оказывается недоступной для запроса, уточнения и оспаривания. Подобные трудности подтверждают социальную природу доверия, зависящую

от прозрачности, контроля и участия акторов в проектировании технологий [5].

Источники и литература

- 1) Фролов И. Э., Киселев В. Н. Искусственный интеллект как драйвер прорывных технологий: глобальные тренды и уроки для России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 3.
- 2) Копцева Н. П., Менжуренко Ю. Н. Творчество человека и искусственного интеллекта в образовании // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 573–582.
- 3) Стрельцова Е. А., Попов Е. В., Гершман М. А. Искусственный интеллект в науке. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: <https://issk.hse.ru/news/1015931860.html> (дата обращения: 29.01.2026).
- 4) Масленкова Н. А., Никитина А. С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 122–133.
- 5) Асеева И. А. Искусственный интеллект и большие данные: этические проблемы практического использования (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение. 2022. № 2. С. 89–98.

Чернавский Александр Сергеевич¹, Трубачев Станислав Олегович²

1 - Московский Педагогический Государственный Университет, Москва, РФ; 2 - ООО "ОПС ГУРУ", Москва, Россия

Предчувствие AGI и трансформация социального капитала — от сетевых связей к алгоритмическому влиянию

Классическая концепция социального капитала П. Бурдье определяла его как совокупность ресурсов, приобретаемых через сетевые связи и укорененные в макросоциологических структурах [1]. Однако сегодня, в эпоху ожидания реализации AGI эта парадигма подвергается фундаментальной трансформации. Уже сейчас социальные связи всё больше конструируются алгоритмами, управляемыми интересами платформ.

Сегодня значительная часть контента, который видит/на который реагирует пользователь, определяется алгоритмами. Именно они определяют/«профилируют» пользовательское поведение и направляют наши сетевые взаимодействия [2]. Результатом является актуальный переход к новому типу социальности, где множество взаимодействий проходят через фильтры алгоритмов рекомендаций. Это создает новую форму зависимости, поскольку пользователи становятся зависимы от «благосклонности машины», от скрытых правил, определяющих видимость контента для пользователей.

В алгоритмических экосистемах символический капитал становится исключительно метрическим: определяется через количество лайков, комментариев, репостов и т. п. Опасность подобного смещения мы видим в том, что измеримое становится по сути идентичным ценному. Контент, генерирующий более сильные эмоции, получает и больше видимости/просмотров только потому, что он генерирует вовлеченность пользователя. Актуальные исследования показывают, что алгоритмы благоприятствуют эмоционально значимому контенту, даже независимо от его фактической достоверности [3].

Для описания сегодняшней трансформации необходимо ввести концепцию «алгоритмического капитала» – экстернализированной модели личности¹ в датасетах машинного обучения. Он определяется способностью генерировать сигналы/реакции платформе, использованием инструментов, готовностью делегировать алгоритмическим системам контроль над коммуникацией.

Трансформация социального капитала в эпоху AGI представляет собой фундаментальный социальный сдвиг. Влияние индивида всё больше зависит от способности оптимизировать себя под требования машинных систем. Это позволяет калибровать мнение и удерживать внимание, подталкивать к покупкам или формировать мнение необходимое для достижения KPI (ключевые показатели эффективности). Результатом является алгоритмическая стратификация, специфичная для нашей эпохи.

Источники и литература

- 1) Бинюкова И. С. Концепция социального капитала П. Бурдье //социокультурные процессы в условиях глобализации: вызовы современности. – 2018. – С. 27–31.
- 2) Metzler H., Garcia D. Social drivers and algorithmic mechanisms on digital media //Perspectives on Psychological Science. – 2024. – Т. 19. – №. 5. – С. 735–748.

- 3) Piccardi T. et al. Reranking partisan animosity in algorithmic social media feeds alters affective polarization //Science. – 2025. – Т. 390. – №. 6776. – С. eadu5584.

Чуреков Илья Игоревич

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

От контент-анализа к смысловому картированию: гибридный Python-инструментарий для работы с открытыми ответами в социологических опросах

Актуальность исследования обусловлена противоречием между высокой востребованностью социологических данных и устойчивым запросом на повышение их достоверности. Как показывают данные ВЦИОМ, в 2025 г. 66% россиян считали, что опросы отражают действительные мнения граждан, однако индекс доверия к ним демонстрировал отрицательную динамику. Одним из ключей к повышению валидности является углублённая работа с открытыми вопросами, дающими доступ к неструктурированным смыслам. Однако классический контент-анализ таких данных трудоёмок и плохо масштабируем. Цель работы — предложить и концептуально обосновать гибридный метод, сочетающий автоматизированную обработку на Python с контролируемой интерпретационной работой исследователя для анализа больших массивов текстовых ответов.

В основу метода положен трёхэтапный алгоритм. На первом этапе (предобработка) с помощью библиотек pandas, nltk и pymorphy2 осуществляется очистка текста, лемматизация и нормализация. На втором этапе для выявления латентных тематических кластеров применяется алгоритм тематического моделирования BERTopic, работающий с векторными представлениями слов. Ключевым является третий этап — интерпретационно-верификационный. Исследователь формулирует априорную кодировочную матрицу на основе теоретической рамки. Затем, используя доступ к предобученной языковой модели (YandexGPT), производится сопоставление выделенных алгоритмом смысловых кластеров с заданными категориями. Запрос к модели структурируется как задача эксперта-ассистента: «К какой из данных социологических категорий относится смысловая доминанта следующей группы высказываний? Аргументируй». Это преобразует LLM из «чёрного ящика» в инструмент контролируемой верификации исследовательских гипотез.

Эмпирический контекст для апробации методологии задают реальные данные всероссийских опросов ВЦИОМ, включая проект «Спутник» (N=1600, стратифицированная случайная выборка). Предлагаемый инструментарий решает прикладную задачу по преодолению ограничений традиционного анализа открытых вопросов, например, из исследований об эмоциональном состоянии общества или ассоциативных рядов. Метод позволяет работать с полным массивом вербальных ответов, а не с их выборочной ручной обработкой.

Апробация подхода на тестовых наборах данных демонстрирует его эффективность. Алгоритмический этап объективно структурирует текстовый корпус, выделяя смысловые кластеры, которые могут не быть очевидны при ручном кодировании. Последующая верификация с помощью LLM в рамках заданной схемы позволяет сохранить контроль над социологической интерпретацией, минимизируя субъективизм и значительно ускоряя процесс. Таким образом, достигается баланс между масштабом анализа «больших данных» и глубиной качественного подхода.

В заключение, предлагаемый гибридный инструментарий представляет собой шаг от традиционного контент-анализа к «смысловому картированию» — более быстрому, воспроизводимому, но сохраняющему концептуальный контроль исследователя. Он отвечает на современные вызовы цифровой эпохи, наследуя и модернизируя методологический аппарат классической социологической школы. Разработка подобных методов критически важна для повышения аналитического потенциала отечественной социологии и укрепления доверия к её результатам.

Источники и литература

- 1) Аверин Ю. П. Теоретическое построение количественного социологического исследования : учебное пособие для вузов / Ю. П. Аверин. — 2-е изд., уточн. и доп. — Москва : Академический проект, 2014. — 432 с.
- 2) Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий : аналит. обзор / ВЦИОМ. — 2026. — 30 янв. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-14>
- 3) Итоги 2025 года и ожидания от 2026 года [Электронный ресурс] : аналит. обзор / ВЦИОМ ; авт.: Т. Смак. — 2025. — 24 дек. —

Шилин Андрей Михайлович¹, Емельянов Виктор Александрович¹, Епремян Татьяна Владимировна¹

1 - Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Личность в виртуальном пространстве : адаптация в условиях инклюзивного образования

Реалии современного российского социума таковы, что приобретают особую остроту проблемы инклюзивного образования. Стоит отметить, что существует два подхода к данному явлению. Во-первых, инклюзия заключается в том, что обучающийся с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) должен приспособиться к тем условиям, которые существуют в том общеобразовательном учреждении, где он обучается наравне с теми, кто не имеет особенностей здоровья. Во-вторых, школа создает условия для таких учеников, которые не могут обучаться наравне со всеми без дополнительных условий (например, наличие пандусов, подъемников, больших, чем обычно, проемов в дверях, тьюторского сопровождения, особых программ, учитывающих те или иные отклонения в здоровье и так далее). Конечно, более затратно второе направление, но именно оно предпочтительнее в российских условиях, хотя и имеет множество напряженных моментов, например, финансирование, отношение класса к ребенку с ОВЗ, мнение родителей одноклассников необычного ребенка о том, следует ли такому ученику быть среди обычных детей, и многие другие вопросы. Поэтому актуальным является наше обращение к вопросам инклюзивного образования с точки зрения применения информационных технологий, включенности личности в виртуальное пространство, что является востребованным для адаптации детей с ОВЗ в условия общеобразовательной школы [1; 4].

Как представляется, особую помощь в разрешении вышеназванных проблем может оказать применение технологий ИИ, особенно в составлении индивидуальных программ обучения для детей с недостатком слуха или зрения, с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Именно владение компьютерными навыками может способствовать эффективному усвоению общеобразовательных программ личностью, не способной на равных быть включенной в образовательный процесс с людьми, не имеющими проблем по здоровью, а также успешной коммуникации между

детьми с разными возможностями по здоровью. Культура нашего общества имеет хорошую традицию взаимопомощи, милосердия, заботы о ближнем, что находит отражение в художественной литературе, массмедиа [2], в социальной политике нашего государства [3], поэтому можно сказать, что внедрение инклюзии в образование станет успешным. Общество меняется, то, что раньше отторгалось, теперь становится привычным. Больше говорят об отношении к инвалидам и людям с ОВЗ, стремятся создавать условия удобной городской среды, которая получила название «доступной». И большую роль в создании таких условий играет ИИ, применяемый в различных сферах: здравоохранении (например, телемедицина), организации городского пространства (например, программа «Умный город» в Москве), образовании (например, образовательные программы для детей с ОВЗ) и т.д.

Социологические аспекты инклюзивного образования заключаются, например, в проведении социологических исследований, нацеленных на изучение общественного мнения по данному вопросу, в прогнозировании изменения отношения общества к людям с ОВЗ и инвалидам, в рассмотрении проблем включения ИИ в различные сферы нашего жизнеустройства, в том числе применения технологий ИИ в образовательном процессе школы и вуза. Сложный и противоречивый процесс принятия социумом людей с ОВЗ и инвалидов как равных продвигается благодаря усилиям многих как ученых и практиков, так и государственных структур, в том числе социологов, чья работа нацелена на создание благоприятного дискурса для формирования общественного мнения, благожелательно настроенного на включение в социум людей с разными возможностями.

Источники и литература

- 1) Киричек П. Н. Витальная максима образа жизни // Регионология. – 2014. – № 1(86). – С. 99-108.
- 2) Киричек П. Н. Лики медиакультуры и маски политики. – Москва : Издательство РАГС, 2010. – 55 с. – (Серия «Точка зрения»).
- 3) Киселев А. Г. Формы и методы кадровой политики в органах власти в современной России // Вопросы управления. – 2017. – № 1(44). – С. 30-35.
- 4) Рогачева Л. В. Модель социальная вместо медицинской: проблемы инвалидности в стране // Актуальные проблемы обеспечения устойчивого экономического и социального развития регионов. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация», 2013. – С. 49-52.

Шилина Светлана Александровна¹, Старченко Марина Александровна¹, Петрушин Александр Викторович¹

1 - Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Роль общественного мнения в цифровом пространстве в решении студенческих проблем

Для выявления ключевых трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся в условиях коллективного проживания, а также в анализе факторов, влияющих на их адаптацию и качество жизни [5], применён метод социологического интервью как основной инструмент сбора первичных данных, дополненный качественным контент-анализом полученных материалов, что способствует изучению общественного мнения. Распространение результатов исследований в цифровом пространстве, как представляется, играет большую роль в решении студенческих проблем [4; 6; 7].

Исследование опиралось на следующие методы: социологическое интервью со студентами 18–25 лет, проживающими в общежитиях; контент-анализ транскриптов интервью для систематизации и категоризации выявленных проблем, сравнительный анализ ответов респондентов с целью выявления общих и специфических трудностей; статистическая обработка количественных показателей. Методологическая база исследования опиралась на классические работы по качественной социологии [1; 2; 3], в частности — на труды С. Квале по технике глубинного интервью.

Анализ данных позволил выделить ключевые социально-бытовые проблемы студентов-общежитников. Среди материально-технических недостатков отмечены ветхость зданий и инженерных систем (проблемы с отоплением, водоснабжением), недостаточная звукоизоляция, нехватка мест для хранения личных вещей, перегруженность общих зон (душевые, кухни, прачечные). Эти выводы согласуются с результатами всероссийских опросов студентов, проведённых в 2022–2023 гг., где аналогичные проблемы названы наиболее острыми.

В социально-психологическом аспекте зафиксированы конфликты с соседями из-за различия в привычках и ритме жизни, дефицит личного пространства и приватности, трудности адаптации к коллективному быту. Среди административных барьеров выделены жёсткие или негибкие правила комендантского часа, низкая оперативность реагирования администрации на жалобы, недостаток прозрачных механизмов разрешения конфликтов. Как показано в исследованиях по социальной психологии

общежития, такие конфликты часто носят латентный характер и редко фиксируются в официальной отчётности.

Выявлены следующие факторы, усугубляющие проблемы: ограниченный бюджет на ремонт и модернизацию общежитий; нехватка персонала для обслуживания общих зон; отсутствие систем обратной связи между студентами и администрацией; недостаточная информированность жильцов о своих правах и возможностях.

Анализ социологических исследований показал, что восприятие трудностей варьируется в зависимости от ряда факторов: курса обучения (первокурсники чаще испытывают стресс от адаптации); длительности проживания в общежитии (опытные жильцы лучше ориентируются в решении бытовых вопросов); личностных особенностей (терпимость к шуму, потребность в уединении).

Социологическое интервью подтвердило свою эффективность как метода выявления скрытых и латентных проблем, не фиксируемых официальной статистикой. Установлено, что большинство трудностей носит комплексный характер, сочетая материально-технические, организационные и социально-психологические компоненты. Ключевым фактором улучшения ситуации признано вовлечение студентов в процесс принятия решений по управлению общежитием.

В качестве практических рекомендаций предложены следующие меры. В сфере модернизации инфраструктуры: капитальный ремонт зданий с заменой инженерных систем; оборудование зон для учёбы и отдыха; увеличение числа стиральных машин и сушилок. В части оптимизации управления: разработка чётких правил совместного проживания с участием студентов; внедрение системы медиации для разрешения конфликтов; проведение регулярных собраний жильцов для обсуждения актуальных вопросов. По направлению информационной поддержки: создание онлайн-платформы для подачи заявок на ремонт; размещение наглядных инструкций по использованию общих зон; проведение вводных семинаров для первокурсников по правилам общежития. В области социального сопровождения: организация мероприятий для сплочения сообщества (праздники, спортивные турниры); привлечение психологов для консультаций по адаптации.

Перспективными направлениями дальнейших исследований признаны: изучение эффективности предложенных мер через повторные интервью; сравнительный анализ опыта общежитий разных вузов и регионов; разработка цифровых инструментов (приложений, чат-ботов) для оперативного решения бытовых проблем; исследование долгосрочных эф-

фактов адаптации студентов к общежитию на их академическую успеваемость и психологическое благополучие.

Полученные данные, распространенные в цифровом пространстве, могут быть использованы для совершенствования нормативных документов по эксплуатации общежитий, разработки программ социальной поддержки студентов и повышения качества жизни обучающихся в условиях коллективного проживания.

Источники и литература

- 1) Киричек, П. Н. Человек и его ресурс в социальной коммуникации / П. Н. Киричек // Журналист. Социальные коммуникации. – 2024. – № 4(56). – С. 86-96. – EDN YTHCBJ.
- 2) Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации российского электората: управленческий анализ : : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Лупенкова Екатерина Юрьевна. – Москва, 2013. – 178 с. – EDN SUXHX.
- 3) Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации студентов в формирующихся моделях электорального поведения / Е. Ю. Лупенкова // Социокультурные проблемы подготовки современного педагога. – Брянск, 2008. – С. 185-189. – EDN VQJPAD.
- 4) Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации студенчества в моделях электорального выбора: социологический анализ / Е. Ю. Лупенкова // Образование и общество. – Москва: Институт социологии РАН, 2009. – С. 226. – EDN TCILKJ.
- 5) Мамедов, А. К. Цивилизация стандарта как итог социального потребления / А. К. Мамедов, Э. Д. Коркия // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2015. – № 3(138). – С. 40-43. – EDN TSKBGF.
- 6) Социальный портрет безработного молодого специалиста: управленческий аспект / С. Л. Мельников, К. А. Романов, Е. Ю. Сычева [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 21-27. – EDN LLDJAU.
- 7) Социологический аспект молодежных студенческих проблем / С. А. Шилина, Е. А. Сапегина, О. О. Чивильдеева, А. М. Шилин // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 2(34). – С. 42-54. – DOI 10.22281/2542-1697-2024-03-02-42-54. – EDN HOANEI.

Ширанов Михаил Константинович

РГУ им. А.Н.Косыгина, Москва, Российская Федерация

Восприятие международных конфликтов молодежью и формирование гражданской позиции в условиях цифрового медиапространства

В условиях усиления глобальных международных конфликтов возрастает их влияние не только на межгосударственные отношения, но и на повседневные социальные практики внутри стран. Особое место в этих процессах занимает молодежь как наиболее активный потребитель информационного контента и потенциальный субъект общественных изменений. Несмотря на высокий уровень вовлечённости в медиапространство и интерес к международной повестке, молодежь часто демонстрирует фрагментарные исторические знания и ограниченную политическую осведомлённость. Это затрудняет формирование рефлексивной гражданской позиции и участие в содержательных общественно-политических дискуссиях. Дополнительным фактором выступает доминирование социальных сетей и мессенджеров как источников информации, что усиливает риски дезинформации, эмоциональной перегрузки и поверхностного восприятия сложных международных процессов.

Объектом исследования является молодежь, использующая СМИ и цифровые платформы для получения информации о международных событиях. Предмет исследования – влияние международных конфликтов на формирование гражданской позиции и политической осведомлённости молодежи.

Цель исследования – выявление роли международных конфликтов в жизни молодежи и факторов, определяющих их восприятие. В рамках исследования анализируются интерес молодежи к международной тематике, особенности информационного поведения, влияние уровня исторических и политических знаний на формирование гражданской позиции, а также разрабатываются рекомендации по повышению политической и медиаграмотности.

Исследование выполнено с применением качественных методов: контент-анализа и фокус-группового интервью. Фокус-группа проведена в г. Москве среди студентов в возрасте 18–35 лет ($n=8$), с учётом профессионального и гендерного баланса. Основными источниками информации для респондентов выступают Телеграм-каналы, видеоплатформы и личные коммуникации с очевидцами событий.

Основные результаты исследования: была выявлена дифференциация молодежи по уровню интереса к международным конфликтам. Вы-

сокая вовлечённость характерна для респондентов, чья образовательная или профессиональная траектория связана с социальными науками, тогда как остальные ограничиваются поверхностным потреблением новостного контента. Международные конфликты воспринимаются как значимый фактор, влияющий на эмоциональное состояние, экономические ожидания и чувство социальной нестабильности. При этом фиксируется дефицит системного знания, необходимого для аналитического осмысления происходящего.

Исследование подтверждает гипотезу о том, что интерес молодежи к международным конфликтам сочетается с недостаточной политической и исторической грамотностью. Полученные результаты указывают на необходимость развития образовательных программ в сфере медиаграмотности, аналитического мышления и психологической устойчивости, что способствует формированию более осознанной гражданской позиции молодежи в условиях глобальной нестабильности.

Источники и литература

- 1) Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Дубина А. Ш., Афанасьева Ю. Л. Актуальные внешнеполитические угрозы: тревоги и опасения студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1 (69). С. 42–56. DOI: 10.21685/2072-3016-2024-1-4.
- 2) Рожкова Л. В. Россия в современном миропорядке: представления и оценки студенческой молодежи // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 2. С. 86–99. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-2-9.
- 3) Tayie S. S. Media education and countering disinformation: A qualitative study of Egyptian youth // Anàlisi. 2025. № 73. P. 87–103. DOI: 10.5565/rev/analisi.3893.

Шпилев Дмитрий Анатольевич

ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", Нижний Новгород, Россия

Влияние качества отношений с родителями на поведение студентов в интернет-пространстве

В ноябре-декабре 2025 с помощью сервиса «Анкетолог.ру» в городе Кирове методом онлайн-анкетирования нами было проведено исследование «Роль киберпространства в формировании молодежных девиаций»,

в котором приняли участие 1825 студентов семи вузов города в возрасте от 16 до 30 лет (N=1825).

Анализ полученных данных показал, что одним из факторов, обуславливающих склонность респондентов к девиантному поведению, является отсутствие доверительных отношений с родителями.

Студенты, имеющие хорошие отношения с родителями, почти всех своих друзей в социальных сетях знают лично, только некоторых они никогда не видели. У ребят с плохими отношениями с родителями ситуация диаметрально противоположная – большинство своих друзей в социальных сетях они не видели никогда.

Ребята, чьи отношения с родителями не сложились, не имеют четких планов на будущее, они предпочитают жить одним днем. При хороших отношениях с родителями студенты уже думают о своем будущем, но не всегда могут окончательно определиться со своими планами.

Респондентам был предложен список жизненных ценностей для ранжирования по значимости. У ребят, имеющих хорошие отношения с родителями, более высокий рейтинг получили такие ценности, как успешная профессиональная карьера, счастливая семейная жизнь, познание себя, родительство и воспитание детей, развитие своих способностей, то есть, стремление к самореализации в различных сферах жизни.

Студенты с плохими отношениями с родителями относятся к потенциальным угрозам, исходящим из сети Интернет, менее серьезно. Кроме того, они используют интернет для повышения своей сексуальной грамотности. Ребята с хорошими отношениями с родителями, очевидно, получают подобную информацию из других источников, например, из книг.

При нормальном контакте с родителями студенты, как правило, используют незапрещенные в настоящий момент социальные сети: Вконтакте и Telegram. При плохих отношениях с родителями помимо разрешенных социальных сетей (например, Одноклассники и Мой мир) студенты чаще используют ряд запрещенных ресурсов, например, Facebook.

Таким образом, анализ полученных данных подтверждает выводы, сделанные в ранее проведенных нами исследованиях о важности доверительных отношений между детьми и родителями. При наличии доверительных отношений у детей фиксируется ориентация на будущее, включение механизмов самоограничения, поэтому количество времени, проводимого в интернете, составляет от 3,5 до 5,5 часов в день. Потребляемый контент не скрывается от родителей и позволяет, прежде всего, реализовать стремление пользователя к саморазвитию. При отсутствии доверительных отношений с родителями фиксируется ориентация на гедонистическое поведение, отключение механизмов самоконтроля, скры-

вание потребляемого контента от родителей – шок-контент, порнография, смерть, убийство, самоубийство, наркотики. Количество времени, ежедневно проводимого в интернете, превышает 5,5 часов.

Важно отметить, что у студентов, имеющих хорошие отношения с родителями, членство в тех или иных группах в интернете служит целям самореализации и поиска себя. У ребят с плохими отношениями с родителями членство в неформальных интернет-объединениях используется для проведения времени и получения общения, поддержки и понимания, которых не хватает в семье. Именно этой особенностью поведения ребят, имеющих сложности при взаимодействии с родителями, стараются воспользоваться модераторы сайтов различных деструктивных движений.

Юдина Елена Николаевна

*Российский государственный университет социальных технологий,
Москва, Россия*

Коммуникативная культура современного вуза как фактор формирования инклюзивной солидарности

Инклюзивное образование как социальное явление давно находится в фокусе внимания многих гуманитарных наук: социологии, коррекционной педагогики социальной медицины, психологии, социальной работы. Инклюзивная образовательная стратегия предполагает включение студентов с инвалидностью в обычные образовательные учреждения при совместном обучении с другими сверстниками.

Современный социологический подход к проблеме инклюзивного образования заключается в рассмотрении его как перспективного направления для преодоления социального неравенства на уровне социокультурной системы общества и исследовании зависимости самочувствия инвалида от общества и близкого окружения. Дальнейшее развитие инклюзивного образования во многом зависит от готовности окружающей социальной среды формировать гармоничные отношения между инвалидами и студентами с ОВЗ и студентов с условной нормой.

Одной из важных проблем инклюзивного образования, изучение особенностей коммуникации разных категорий людей с инвалидностью и без инвалидности — наиболее перспективное направление, которое будет иметь высокую теоретическую и практическую значимость. Формирование благоприятной коммуникативной культуры является основой утверждения инклюзивной солидарности. С точки зрения автора, этот вид

солидарности характеризуется органичным включением в социальную общность людей с разными социальными, психологическими, физическими ресурсами. С нашей точки зрения, как пример проявления инклюзивной солидарности можно привести нормативные отношения в семье.

Под нашим руководством было осуществлено социологическое исследование «Отношение студентов к лицам с инвалидностью и ОВЗ». Был проведён он-лайн опрос 192 студентов г. Москвы и городов Центральной России различных вузов, обучающихся по социальным, психологическим, медицинским и творческим специальностям.

Целью исследования было изучение отношения нормотипичных студентов к инвалидам и лицам с ОВЗ, выявление факторов, влияющих на это отношение, а также оценку уровня информированности студентов различных специальностей о проблемах инвалидов.

В открытых вопросах студенты предлагали улучшить условия профессионального образования студентов с инвалидностью. Эти высказывания стали основой наших рекомендаций. 1. Специальное оборудование учебного помещения; 2. Установка лифтов, пригодных для инвалидов; 3. Введение подходящего режима обучения для инвалидов; 4. Разработка специальных программ обучения; 5. Дополнительная подготовка и специализация преподавателей; 6. Использование современных технических и программных средств обучения. Большинство опрошенных поддерживают современный тренд на то, чтобы у инвалидов была возможность посещать театры, музеи, стадионы заниматься спортом.

Проведенное под нашим руководством исследование показало, что осведомленность об этой проблеме среди студентов всех специальностей остается невысокой, поскольку большое количество респондентов либо уклонились, либо затруднились с ответом. Поэтому необходимо усиливать информационно-разъяснительную работу среди студентов, особенно в пространстве социальных сетей. Поскольку социализация современных студентов происходила непосредственно под влиянием интернета, то его необходимо использовать для продвижения идей инклюзивного образования. Новые каналы коммуникации в сети интернет не только создают благоприятную информационную среду, но постоянно развиваясь, они могут помочь вывести межличностное общение студентов с ОВЗ и инвалидностью на новый уровень, способствуя формированию инклюзивной солидарности и повышению общественной активности студентов.

Яковенко Андрей Вячеславович

*ФГБОУ ВО "Луганский государственный университет имени
Владимира Даля", Луганск, Российская Федерация*

**Патриотические установки в цифровом коммуникативном
пространстве: к проблеме зрелых поколений**

Формирование патриотических установок в цифровом коммуникативном пространстве в настоящий момент, пожалуй, наиболее нетривиальная задача для всех кто осознает ответственность за результативную ретрансляцию исторической памяти.

При этом сформировалась устойчивая практика адресовать сложности передачи патриотических целеполаганий молодежной когорте, рассуждая о поколениях «зумеров», «альфа» и т.д., об их оторванности от дел родного государства. Нет смысла преуменьшать актуальность работы в этом направлении. Значимо также не забывать, что в данном ключе проблемное поле не ограничивается исключительно молодёжью. В силу известных причин страна получила гигантскую пропасть в восприятии Родины как высшей ценности и среди, а, возможно, и в первую очередь, более зрелых поколений, формирование или переформатировка характеров которых пришлось на циничные и во многом криминальные 90-е годы прошлого века. В период, когда понятия «патриотизм», «долг», «честь», «Отечество» были высмеяны и выброшены из лексикона в качестве основополагающих в воспитании. Сегодня представители данных поколенческих групп также в «цифре», к тому же переполнены воспоминаниями и ностальгическими установками отнюдь не российского контента. Персонажи кинофильмов, художественных произведений, включая многочисленные комиксы, американского, японского, британского и иных культурных экспансий, которые начали доминировать с начала 90-х, и наполняли детские и юношеские эмоции нынешних сорока- и даже пятидесятилетних, теперь переключались в новый технологический формат, продолжая препятствовать созданию российской цифровой патриотической реальности. Мало того данные поколения в значительной мере несут ответственность за цинизм собственных детей, получавших отнюдь не позитивные примеры отношения к Родине от родных и близких.

Сложно представить эффективность политики по воспроизводству патриотических установок без демонстрации успехов на технологическом поприще. В своё время советский энтузиазм и патриотический настрой 50-х–70-х опирались на конкретные достижения: первая в мире атомная электростанция, спутник, выход человека в околоземное пространство, луноход и многое другое. Молодежь и представители старших поколений больше знают медийно раскрученных зарубежных персоналий, оли-

цветворяющих цифровой мир, зачастую рассматривая свою страну как арьергардную, способную лишь плохо копировать иностранные аналоги.

В связи с этим первостепенное значение имеет широкое внедрение отечественных инноваций, охватывающих ключевые составляющие современной цифровой эпохи от компьютерных игр до новейших разработок в области ИИ. Советская физико-математическая школа смогла осуществить задел, которым пользуются и сегодня. Важно расширять его в стремительно изменяющихся условиях. Первостепенную значимость имеет политика сохранения на патриотических позициях не только тех, кто будет созидать новое цифровое пространство России, но и тех, кто был вынужден в своё время наблюдать забвение передовых позиций родного государства.

«4. Семейно-демографические исследования в контексте развития отечественной социологии (руководитель – д.ф.н., проф. А.И. Антонов)»

Oladiran Khadijat Omobolanle

Novosibirsk state university of technology, Novosibirsk, Russia

Population Aging, Family Transformation, and Elderly Loneliness in Large cities using the exemple of Lagos Nigeria and Novosibirsk Russia

Population aging is a key demographic trend of contemporary societies and has a direct impact on family structures and social integration of elderly people. Population aging and urbanization have transformed traditional family and kinship structures, reduced extended co-residence and increased nuclear or one-person households, with implications for elderly social support in large urban centers [1].

This article examines elderly loneliness as a socially produced outcome of population aging and family transformation in large cities, using Lagos and Novosibirsk as comparative examples. The study is based on qualitative content analysis of sociological and demographic literature, policy documents, and analytical materials developed within the author's master's research. Illustrative expert interview excerpts are used to contextualize selected analytical themes.

In Russia, demographic aging is advanced and accompanied by high urbanization and the spread of nuclear families and one-person households [2]. In large cities such as Novosibirsk, elderly people often live separately from adult children, while apartment-based living and weak neighbourhood ties limit everyday social interaction. An expert from the long-term care system in Novosibirsk notes that loneliness persists even among elderly people receiving institutional support, as family contact is often irregular and communication remains superficial.

Nigeria represents a different demographic model, with a relatively young population structure. In Lagos, extended family norms remain culturally significant; however, practical family support is increasingly constrained by labor migration, housing shortages, and economic pressures

[3]. Expert perspectives from the Nigerian social work field indicate that adult children's mobility and economic obligations reduce opportunities for daily intergenerational interaction, leaving elderly family members socially isolated despite formal family ties.

The comparative analysis shows that elderly loneliness in large cities arises through different cultural pathways but similar structural mechanisms. Population aging and family transformation weaken traditional forms of social integration, while urban living intensifies social isolation. These findings confirm the relevance of family and demographic studies for understanding elderly loneliness as a structural social problem rather than an individual psychological condition.

Источники и литература

- 1) Kobayashi & Tanaka (2024) Impact of Urbanization on Traditional Family Structures in Rapidly Developing Metropolitan Region.
- 2) Gurko (2025) Trends and social reasons of living alone
- 3) Aboderin, I. (2004). Modernisation and Ageing Theory Revisited. Ageing & Society.

Абрамов Александр Петрович

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Оценка школьниками Московский агломерации своих межкультурных взаимодействий с детьми мигрантами

Одна из задач нашего исследования – оценка самими московскими школьниками своих межкультурных взаимодействий с мигрантами. На решение этой задачи было направлено фокусированное интервью, проведенное в период с 21 мая по 16 июня 2025 года, в котором приняло участие 48 участников в возрасте от 14 до 18 лет (школьники 8-11 классов).

По месту жительства интервьюируемые распределены следующим образом:

- Троицкий и Новомосковский административный округа Новой Москвы – 18 чел. (37,6%);
- Юго-Восточный административный округ г. Москвы – 22 чел. (45,8%);
- Северо-Восточный административный округ г. Москвы – 2 чел. (4,2%);

- Южный административный округ г. Москвы – 2 чел. (4,2%);
- Восточный административный округ г. Москвы – 2 чел. (4,2%);
- Западный административный округ г. Москвы – 1 чел. (2%);
- Северный административный округ г. Москвы – 1 чел. (2%).

Все участники интервью обучаются в одном классе с детьми-мигрантами из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Обучаются совместно с представителями этих трех стран 6,25% из числа интервьюируемых московских школьников. Учатся вместе с мигрантами из Таджикистана и Узбекистана 14,6% респондентов; из Кыргызстана и Узбекистана – 8,3%; из Кыргызстана и Таджикистана – 10,4%; только из Кыргызстана или только из Таджикистана по 12,5% соответственно. Почти у трети (31,2%) среди одноклассников дети-мигранты представлены исключительно гражданами из Узбекистана.

Фокусированное интервью включало следующий блок вопросов:

1) Как бы ты охарактеризовал/охарактеризовала свои взаимоотношения с твоими одноклассниками – детьми мигрантов из Центральной Азии? Приведи примеры своего взаимодействия с такими ребятами.

2) Насколько тебе легко налаживать дружеские отношения со сверстниками разных национальностей?

3) Как ты думаешь, какое влияние оказывает присутствие детей мигрантов на образовательный процесс и общую атмосферу в твоем классе и в школе?

4) Чего тебе хотелось бы больше: чтобы твои одноклассники-дети мигрантов сохраняли свои культурные особенности или постепенно приспособлялись к окружающему российскому обществу?

5) На твой взгляд, насколько важно, чтобы мигрантов сохраняли свою культуру?

6) Расскажи, узнал/узнала ли ты что-то о культурных особенностях и традициях детей из семей мигрантов из Центральной Азии во время обучения с ними в одном классе? Если да, то расскажи, о каких именно.

7) Как бы ты отнесся/отнеслась к проведению в школе мероприятий, знакомящих тебя и твоих одноклассников с культурами стран Центральной Азии? Если такие мероприятия уже были, то расскажи о них подробнее.

8) Что, по твоему мнению, больше всего мешает успешной адаптации детей мигрантов в твоей школе?

9) Готов/готова ли ты лично участвовать в помощи и поддержке детей мигрантов из Центральной Азии в школе, помогать им адаптироваться и учиться? Если такие случаи уже были, то расскажи о них подробнее.

10) Есть ли еще какие-то моменты, которыми ты бы хотел/хотела поделиться с нами в контексте взаимодействия с детьми-мигрантами из Центральной Азии в твоем классе или школе, о чем мы не успели поговорить? Расскажи, пожалуйста.

Как показало интервью, московские школьники поддерживают вполне хорошие отношения со своими одноклассниками мигрантами из Центральной Азии. Так, оценивают свои отношения с ними как дружеские более 33% респондентов. То, что их общение нормальное без особой близости отметили 39,6% интервьюируемых. Формальный характер, взаимодействия по необходимости – так определили свои контакты с детьми-мигрантами 25% участников интервью. Свои отношения характеризуют как негативные 2% респондентов.

Подавляющее большинство респондентов в целом довольно легко ладят со своими сверстниками мигрантами. Не испытывают серьезных трудностей в налаживании дружеских отношений более 81% участников интервью, но с определенными оговорками: «Приятельские отношения налаживать легко. Тесную дружбу – проблематично, в связи с тем, что существуют барьеры».

Самая распространенная позиция в суждениях интервьюируемых относительно влияния детей мигрантов на образовательный процесс и общую атмосферу в классе и в школе – «Никакого влияния не оказывает» (37%). Оценка этого влияния, как в целом положительного прослеживается в суждениях 44% респондентов.

Основные результаты нашего исследования свидетельствуют о наличии комплексных барьеров социокультурной адаптации, среди которых доминирующее положение занимают трудности межличностного взаимодействия со сверстниками-россиянами. Данный фактор был идентифицирован родителями как наиболее значимый вызов в процессе адаптации их детей. Не менее важными проблемами адаптационного процесса выступают:

- языковые барьеры, затрудняющие как учебную деятельность, так и социальную коммуникацию;
- необходимость освоения культурных норм и ценностей принимающего общества;
- сложности академической адаптации к российской системе образования.

Опираясь на результаты нашего исследования и предложения экспертного педагогического сообщества, изложенные в научных публикациях различного уровня, можно резюмировать следующее:

1) Проблема адаптации детей мигрантов в настоящее время неразрывно связана с ключевыми позициями государственной политики в сфере регулирования миграционных процессов;

2) Образовательная организация рассматривается как важнейшее звено в адаптации и интеграции детей из семей мигрантов. Созданные в ней условия должны способствовать минимизации рисков их дезадаптивного поведения в российском социуме, сократить путь вхождения в новую для себя культурную среду без утраты собственной национальной идентичности.

3) Эффективность адаптации детей мигрантов в системе общего образования обеспечивается объединением психологической и педагогической деятельности, а также взаимодействием всех участников образовательных отношений через создание и реализацию педагогически целесообразных инструментов [1].

4) Использование социокультурного подхода открывает широкие перспективы для изучения подростковых субкультур, прежде всего, в образовательных социумах [2].

5) Развитие поликультурной образовательной среды – необходимое условие, обусловленное возросшими потоками миграции населения [3]. Образовательные организации должны создавать условия для построения поликультурной образовательной среды, не только для решения проблем обучения и воспитания детей мигрантов, но и обогащения культуры обучающихся доминирующего этноса.

Источники и литература

- 1) Кузнецова Е. Н., Кузнецова С. В., Кустова Н. В. Адаптация детей с миграционной историей в поликультурной образовательной среде // Педагогический журнал. 2025. Т. 15, № 6А. С. 66
- 2) Абрамов А. П. Об эффективности военного образования // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 140–144
- 3) Гурьянчик В. Н., Космалев Н. С. Инклюзивная поликультурная образовательная среда как фактор социализации детей из семей мигрантов // Педагогика и просвещение. 2024. № 1. С. 198–199.

Александрова Ирина Эрнстовна¹, Горелова Жанетта Юрьевна¹

1 - ФГАУ "НМИЦ здоровья детей" Минздрава России, Москва, Россия

Здоровьесберегающее поведение современных подростков: проблемы, пути решения

Здоровье современных подростков, обуславливаемое в значительной степени образом жизни, степенью приверженности к здоровому образу жизни, определяет репродуктивный потенциал государства, его будущее. Значимой составляющей образа жизни является питание.

Выявлены особенности организации питания 680 старших школьников (16 - 18 лет) в условиях цифровой среды. Оценивались приверженность правильному питанию, пищевые предпочтения школьников в образовательной организации и в домашних условиях, режим питания. Опрос показал, что большинство обучающихся считают свои знания по вопросам здорового питания достаточно полными, т.е. хорошо информированы (98%). При этом сформированность навыков здорового питания не соответствовала полученному показателю информированности: свой рацион считали сбалансированным 78,5% опрошенных. В рационе 85,7% школьников ежедневно присутствовали сладкая выпечка и булки; у 75,0 % - сладкие напитки. Блюда фаст-фуда предпочитали 41,1% подростков, а фрукты и овощи - только 14,5%.

Перерывы между приемами пищи лишь у 14,3% опрошенных составляли 3-4 часа, что соответствует физиолого-гигиеническим рекомендациям.

Длительное использование цифровых средств для учебной и внеучебной деятельности нарушает традиционный режим жизни подростков. Это обуславливает гиподинамию, уменьшение длительности пребывания на воздухе, нарушение режима сна и режима приема пищи в течение дня. Вовлеченность в использование гаджетов искажает правильное восприятие реальности: подросток забывает вовремя поесть и пропускает основные приемы пищи, подменяя их перекусами. Снижается чувство сытости, увеличивается доля углеводного компонента в рационе, развиваются метаболические нарушения, нарастает избыточная масса тела, ожирение. Хронический недостаток, дефицит или избыток важных в питании подростков пищевых веществ, микронутриентов могут способствовать развитию алиментарно-зависимых заболеваний (анемия, гипотиреоз, остеопения, анорексия, ожирение, диабет и др.), способствовать снижению репродуктивной функции.

Это диктует необходимость внедрения образовательных программ для повышения грамотности будущих потенциальных родителей в вопро-

сах ЗОЖ, как неотъемлемой части процесса, направленного на укрепление семейных ценностей – приоритета государственной политики.

Источники и литература

- 1) Горелова Ж.Ю., Соловьева Ю.В., Летучая Т.А. Особенности домашнего питания и выбор дополнительного ассортимента буфетной продукции школьниками в образовательных организациях // Евразийское Научное Объединение. - 2021. - № 4-2 (74). - С. 117-120. DOI: 10.5281/zenodo.4749522.
- 2) Александрова И.Э., Горелова Ж.Ю., Курганский А.М., Тапешкина Н.В. Цифровая занятость и домашнее питание школьников // Школьные технологии. - 2025. №2. – С.99-103.

Альбрехт Ольга Александровна

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

Понятие перспективной семьи

Изучение семьи остается популярным направлением в социологии и других науках. Представлено много дефиниций данного понятия, акцентирующие разные аспекты (брачные, демографические, хозяйственно-бытовые, воспитательные, социально-экономические и др.). Определения семьи в течение длительного времени неконструктивно изменились и носят устойчивый характер, так как семья одна из самых важных и фундаментальных социальных систем для человека. К таким популярным понятиям семьи в отечественной социологии относятся трактовки А.Г. Харчева [1], А.И. Антонова [2], В.М. Медкова [2], П.А. Сорокина [3] и др.

В социологической литературе обозначены и изучаются разные типы семей, в рамках наших научных интересов – перспективная семья. По ней нет сформулированного определения, чаще встречается аспект про перспективы развития современной семьи. И перспективность развития семьи представляется как взгляд в будущее в положительном и благополучном ключе.

В связи с тем, что широко употребляемый термин «перспектива семьи» раскрывает такие основополагающие признаки, как благополучие, развитие, деятельность, результат и др. Используя «принцип корневой

папки», выделим общее главное понятие благополучной семьи. Например, М.Ф. Глухова называет благополучную семью, которая сама в состоянии решать свои проблемы, способна в полной мере выполнять социальные функции, обладает способностью к самореализации и саморазвитию на основе равноправного, взаимного сотрудничества с государством и обществом и дальнейшее развитие которой, с высокой степенью вероятности, будет стабильным [4]. Данное понимание характеризует благополучную семью, как счастливую и дееспособную ячейку общества, без акцента на реализацию двух основных функций семьи: воспроизводство и социализация.

Таким образом, мы добавим, благополучная семья называется такой, при наличии трех генов-действительной семьи: 1) лад в семье; 2) наличие обоих супругов; 3) социально необходимая норма детей [5].

Следующим иерархичным понятием выделяем действительную семью, и она проявляется в разных степенях ее «семейности». Их (этих степеней), как минимум, три: 1) «высшая», когда в семье реализуются одновременно обе «глобальные семейные» функции «воспроизводства» и «социализации»; 2) «средняя» – реализуется лишь одна из функций; и 3) «низшая» – не реализуется ни одной из этих функций.

В составе действительных семей «имеют быть»: 1) «окончательно действительные», то есть уже реализовавшие обе функции (имеющие трех и более детей в условиях «семейного лада» к завершению репродуктивного возраста); и 2) «перспективно действительные», то есть в тех же условиях «семейного лада» «заводящие» детей в «типично-репродуктивном» возрасте (18-40 лет) с наличием предпосылок дальнейших рождений. То есть перспективная семья есть действительная семья в репродуктивном возрасте родителей [6].

Источники и литература

- 1) Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1979. – С. 75.
- 2) Антонов А.И., Медков, В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета Бизнеса и управления («Братья Кирич»), 1996. – С. 4.
- 3) Сорокин П.А. Кризис современной семьи (социологический очерк) // Вестник МГУ, серия 18. 1997. № 3. С. 65.
- 4) Глухова М.Ф. К вопросу о развитии благополучия в молодёжной среде: меры социальной поддержки молодых семей. Социология и социальные технологии // 2011. № 8 (103). Выпуск 16. С. 64.

- 5) Тараданов А.А. О генетическом методе социального исследования (по следам забытой дискуссии) // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 24. – № 15 (269). – 2012. – С. 110.
- 6) Тараданов А.А. Семейно-демографическая перспективность социально-экономических субъектов: монография / А.А. Тараданов, О.А. Альбрехт, О.П. Коваль, Е.Ф. Павленко. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2025. – С. 11-12.

Аляпина Юлия Алексеевна

Курский Государственный университет, Курск, Российская Федерация

**Брак и семья в ценностных ориентациях современной
российской молодежи**

Трансформация института семьи в современной России представляет собой сложный социокультурный процесс, детерминированный переходом от традиционной модели к эгалитарной. В условиях глобализации и цифровизации жизненные стратегии молодежи претерпевают качественные изменения, где приоритет личных достижений и самореализации зачастую конкурирует с установками на создание семьи [1]. Ценностные ориентации молодых людей сегодня характеризуются внутренней противоречивостью: при сохранении высокой значимости семьи как абстрактного идеала практические шаги по ее созданию откладываются на более поздний возрастной период.

Согласно данным ВЦИОМ, на 2025–2026 годы семья остается в топе жизненных приоритетов россиян: около 68% молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет называют создание крепкой семьи и воспитание детей своей главной целью [2]. Однако подходы к реализации этой цели изменились. Наблюдается тренд на «сознательное родительство» и «рациональный брак». Опросы показывают, что большая часть респондентов считают оптимальным возрастом для вступления в брак период от 25 до 30 лет, обосновывая это необходимостью получения образования и достижения финансовой независимости. При этом значительная часть молодежи допускает длительное сожительство без официальной регистрации отношений как этап проверки чувств [3].

Особое влияние на формирование ценностей оказывает медиасреда и государственная политика [4]. Демографические инициативы, такие

как расширение программ материнского капитала и поддержка многодетных семей, находят отклик в сознании молодежи, однако их эффективность сталкивается с экономическими опасениями. Данные исследований подтверждают, что для молодых людей ключевым барьером для рождения первого или последующего ребенка является отсутствие собственного жилья и нестабильный доход [5].

Важной чертой современного молодого поколения является стремление к психологическому комфорту внутри союза. В отличие от советской модели, где доминировал общественный долг, современная молодежь ориентирована на партнерство, основанное на эмоциональной близости и разделении домашних обязанностей. По данным социологических замеров 2025 года, более 75% молодых пар выступают за равное распределение бытовых задач и совместное принятие решений. Таким образом, происходит ревизия традиционных устоев в пользу демократизации семейных отношений.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на кризисные явления в институте брака, молодежь России не отказывается от семейных ценностей, а адаптирует их к реалиям постиндустриального общества. Процесс формирования этих ориентаций требует комплексного сопровождения: от просветительских программ до реальных экономических преференций, которые позволят молодым людям перейти от декларации ценностей к их практическому воплощению в виде создания устойчивых семейных союзов. Семья остается базовым элементом идентичности, но ее формат становится более гибким и индивидуализированным.

Источники и литература

- 1) Зеленков М. Ю. Особенности формирования ценностных ориентаций современной молодежи России // Конфликтология. 2023. № 4. С. 47-61.
- 2) ВЦИОМ. Семья и брак в России XXI века: аналитический обзор [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka> (дата обращения: 13.01.2026).
- 3) Филимонова Е. В., Костинекова Ю. Н. Семья и брак в системе ценностных ориентаций современной молодежи. // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 200-202.
- 4) Цуканова Д., Бадоян М. Семейные ценности студенческой молодежи в условиях цифровизации // Вестник молодежной науки. 2024. № 1. С. 1-8.

- 5) ВЦИОМ. Квартирный ответ на демографический вопрос [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. 2024. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros> (дата обращения: 13.01.2026).

Ананьев Валерий Леонидович

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Ценностные установки молодых инвалидов как фактор формирования стратегии их социальной реабилитации

Устойчивая тенденция увеличения числа инвалидов, в Республике Беларусь априори является основным фактором, актуализирующим необходимость и важность анализа их жизненных проблем. Присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН о правах инвалидов влечёт за собой изменения в законодательстве, внедрение в социальную практику общества положительного опыта западных стран в социальной помощи инвалидам. Однако указанные нововведения будут адекватно восприняты далеко не всеми представителями исследуемой социальной группы, что неизбежно потребует изменений в социальной политике в отношении инвалидов, направленных прежде всего на корректировку их социального поведения и формирования у них адекватной самооценки своей социальной позиции и комплекса социальных притязаний.

В этой связи изучение ценностных ориентаций и установок инвалидов приобретает особое значение. Правильное понимания содержания ценностных установок на социализацию конкретного инвалида позволяет построить эффективный алгоритм реабилитационной работы, значительно повышающий её результат как для него самого, так и для общества.

Многолетний опыт наших исследований указывает на ряд методологических особенностей социологического анализа проблем инвалидов, требующих специфических решений. Прежде всего это связано с основным системообразующим признаком данной группы – инвалидностью. Существует много видов нарушений здоровья и причин инвалидности, которые могут являться основанием для выделения отдельных групп инвалидов. Для каждой из этих групп многие жизненные проблемы имеют специфические особенности их решения.

Результаты нашего исследования [1] указывают на то, что наличие инвалидности не оказывает существенного влияния на формирование

базовых ценностных установок большинства инвалидов. Вместе с тем серьёзной проблемой для них в ряде случаев является практическая реализация своих ценностных установок (создание семьи, образование, получение работы), связанная с особенностями здоровья.

Важно отметить, что основные базовые ценности по сути являются компонентами социальной интеграции инвалидов. Их высокая значимость для молодых инвалидов позволяет рассматривать их социальную интеграцию как специфическую ценность, характерную для данной социальной группы, требующую, по нашему мнению, научного анализа.

Значительное влияние на ценностные установки инвалидов оказывают имеющиеся иждивенческие настроения людей с инвалидностью и их социального окружения. Конкретной формой их выражения может являться своеобразный комплекс «претензий к обществу» по поводу невозможности реализации тех или иных его притязаний на фоне фактически абсолютной пассивности самого инвалида – отсутствии каких-либо действий по их практической реализации. Фактором, усиливающим социальное иждивенчество среди инвалидов, является широко транслируемый в социальную практику нашего общества зарубежный опыт социальной инклюзии, в основе которого лежит так называемая концепция социальной толерантности к инвалидам, предполагающая прежде всего безусловное расширение их прав.

Источники и литература

- 1) Актуальные проблемы современного белорусского общества 2021 – 2024 гг.: социологический и политический аспекты / Д.В. Белявцева [и др.] под общ. Ред. Д.В. Белявцевой, Л.В. Филинской. – Минск : БГУ, 2025. – 192 с.

*Андрейковец Елена Михайловна¹, Шалимо Варвара
Владиславовна¹*

*1 - Филиал ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный
университет", Минск, Беларусь*

Технология кейс-менеджмента в системе социально-педагогического сопровождения студенческих семей

В современных социально-демографических условиях противоречие между репродуктивными установками молодежи и жесткими требова-

ниями образовательного процесса становится все более острым, приобретая характер системного кризиса. Студенты-родители сталкиваются с критическим дефицитом временных, финансовых и инфраструктурных ресурсов, что неизбежно ведет к возникновению «ролевого конфликта»: необходимость очного присутствия на парах вступает в прямое противоречие с потребностями ребенка. Следствием этого становятся хронические академические задолженности, вынужденные отчисления и глубокое эмоциональное выгорание, когда молодой человек теряет уверенность в своей успешности как в профессиональной, так и в родительской сфере. В связи с этим стратегически актуальным становится внедрение технологии кейс-менеджмента — системы индивидуального ведения случая, обеспечивающей комплексное сопровождение каждой студенческой семьи.

Специфика данной технологии в рамках высшего учебного заведения заключается в радикальном переходе от фрагментарной помощи к проактивному сопровождению через модель «единого окна». В этой системе за каждой студенческой семьей закрепляется персональный кейс-менеджер — квалифицированный координатор, который выступает в роли личного навигатора и связующего звена между студентом и ресурсами вуза. Он консолидирует административные, психологические и социальные возможности университета, избавляя родителя от необходимости самостоятельно преодолевать бюрократические барьеры в различных департаментах. В образовательной плоскости это реализуется через проектирование гибких персональных маршрутов: внедрение индивидуальных учебных планов, предоставление приоритетного права при выборе графиков аттестации и активное использование гибридных форматов обучения.

Социально-инфраструктурный блок кейс-менеджмента охватывает не только юридическую навигацию по государственным льготам, но и масштабную трансформацию пространства вуза под нужды молодых семей. Это предполагает создание коворкингов и оборудованных комнат матери и ребенка, где созданы все условия для гигиенического ухода и полноценного отдыха. Важным элементом становится организация зон кратковременного присмотра за детьми, где студенты старших курсов педагогических, психологических или социологических факультетов в рамках практики могут присмотреть за ребенком.

Системное внедрение такой технологии эффективно устраняет барьеры, препятствующие самореализации молодежи в обеих ролях, и способствует формированию позитивного образа родительства в студенческой среде. Таким образом, создание поддерживающей экосистемы превращает

университет в пространство социальной навигации, которое укрепляет институт ранней семьи и гармонизирует жизненные стратегии молодежи.

Источники и литература

- 1) Ростовская, Т. К. Студенческая семья в системе высшего образования: социальный портрет и меры поддержки / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Образование и наука. — 2023. — Т. 25, № 5. — С. 112–135.
- 2) Гурко, Т. А. Студенческие семьи с детьми: стратегии совмещения родительства и учебы / Т. А. Гурко // Социологические исследования. — 2022. — № 8. — С. 78–89

Басимов Михаил Михайлович

*Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»,
Москва, Россия*

Динамика взглядов студенческой молодежи на гражданский брак в 2014-2019 годах

В рамках междисциплинарных исследований студенческой молодежи Кургана был проведен сравнительный анализ данных докризисного (начало 2014 г.) и современного (начало 2019 г.) периодов. В двух исследованиях совпали 9 вопросов с номинальными ответами (выбор 1, 2, иногда 3 ответов). Рассмотрим результаты, касающиеся взглядов молодых людей на «гражданский брак» и его соотношение с браком законным.

1. Динамика причин, способствующих переходу «гражданского брака» в законный.

При сравнении мнений респондентов за 2014 и 2019 годы можно отметить, что для оформления отношений законным браком возросло значение как причины длительного совместного проживания с 4.74% (2014 г.) до 10.00% (2019 г.), а планирование общих детей стало менее значимой причиной, т.к. выбор уменьшился с 61.05% (2014 г.) до 55.00% (2019 г.), как и материальное положение, необходимость которого отмечали 16.32% (2014 г.) и 10.83% (2019 г.). Два оставшихся ответа: необходима убежденность в прочности союза (75.26% и 77.50%) и перехода «гражданского брака» в законный никогда не будет (3.68% и 5.83%) по частоте выбора изменились незначительно.

2. Динамика причин вступления молодых людей в «гражданский брак».

Для молодых людей, опрошенных в 2019 г., решение вступить в гражданский брак чаще продиктовано попыткой репетиции семейных отношений (37.50%) в сравнении с опросом 2014 года (16.84%). Еще более значимо изменилась проверка совместимости на уровне быта с 26.84% (2014 г.) до 50.83% (2019 г.). При этом значительно снизилась важность проверки совместимости характеров с 67.37% (2014 г.) до 45.00% (2019 г.).

В меньшей степени снизили свою значимость такие причины вступления в «гражданский брак», как финансовые затруднения с 25.79% (2014 г.) до 20.00% (2019 г.) и неуверенность партнеров в своих чувствах с 27.89% (2014 г.) до 20.83% (2019 г.).

Четыре оставшихся ответа: в гражданском браке партнерам формально легче разойтись (48.95% и 47.50%); препятствия со стороны родственников (6.32% и 5.83%); уход от ответственности (18.95% и 20.83%); возможность сохранить свободу (14.74% и 16.67%); проверка сексуальной совместимости (5.26% и 5.00%) по частоте выбора изменились незначительно.

3. Динамика выбора значимых недостатков гражданского брака.

При сравнении ответов респондентов в 2014 и 2019 годах мы видим, что важность социального статуса, связанного с оформлением семейных отношений, снизилась с 25.79% (2014 г.) до 17.5% (2019 г.). Но возросла оценка юридических рисков гражданского брака с 14.74% (2014 г.) до 21.67% (2019 г.). Так же возросло убеждение, что у гражданского брака отсутствуют недостатки с 12.63% (2014 г.) до 19.17% (2019 г.) и ощущение стабильности своего положения: нет такого ощущения в 2014 г. определяли 50.53% респондентов, а в 2019 г. только 42.50%.

Два оставшихся ответа: у людей, состоящих в гражданском браке, нет ощущения серьезности отношений (35.26% и 35.00%); против такой формы брака обычно активно возражают родители (9.47% и 13.33%) по частоте выбора изменились незначительно.

Источники и литература

- 1) Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 432 с.
- 2) Басимов М.М. Природа статистических связей в психологии / М.М. Басимов. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2023. 516 с.

- 3) Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.

Баяндина Яна Олеговна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

От убеждений к намерениям: анализ репродуктивного поведения в рамках теории И. Айзена

Намерения личности в отношении деторождения, то есть репродуктивное поведение личности, можно анализировать, опираясь на теорию планируемого поведения. Теория планируемого поведения - это социально-психологическая модель для предсказания поведения личности, разработанная И. Айзенем в 1985 году. В общих чертах, согласно теории планируемого поведения, решение о каком-либо поведении (в данном случае, о том, заводить ли детей), зависит от трёх групп убеждений [1].

Первая группа убеждений называется поведенческими убеждениями - они относятся к предполагаемым положительным или отрицательным последствиям определенного поведения (например, рождения ребёнка) и субъективным ценностям и оценкам этих последствий. В совокупности поведенческие убеждения приводят к формированию положительного или отрицательного отношения к рождению ребёнка.

Вторая группа убеждений связана с предполагаемыми ожиданиями и поведением референтных для человека людей или групп, а также с мотивацией человека соответствовать этим людям или группам (родственникам, друзьям, близкому окружению и др.). Данная группа убеждений носит название нормативных убеждений, и в совокупности эти убеждения, основанные на социальном влиянии, формируют субъективную норму в отношении рождения ребёнка.

Третья группа убеждений – убеждения контроля, то есть, убеждения личности о наличии возможностей, способствующих определенному поведению, или барьеров, препятствующих ему. Эти убеждения также формируют уровень предполагаемого контроля поведения, иными словами, насколько личности будет легко или сложно реализовать определенный сценарий поведения, например, завести ребенка.

Помимо основных трех групп убеждений И. Айзен в своей теории рассматривает роль фоновых, контекстуальных факторов [2]. Их также можно поделить на три группы: демографические, индивидуальные (личностные) и социальные факторы. К демографическим факторам можно отнести пол, возраст, уровень образования, уровень дохода, религиозность и другие. К индивидуальным (личностным) факторам относятся черты личности, система ценностей, общие установки, интенции, настроения личности и прочее. К социальным факторам можно отнести социальные нормы, уровень культуры, экономический и политический контекст. Эти факторы могут влиять на репродуктивное поведение личности, воздействуя на её убеждения, которые формируют отношение, субъективную норму и предполагаемый контроль в отношении деторождения [3].

Таким образом, теория планируемого поведения И. Айзена позволяет объяснить репродуктивное поведение личности через взаимодействие трёх ключевых компонентов: отношение, норма, контроль. Очевидно, чем более позитивным является отношение личности непосредственно к деторождению, более благоприятной субъективная норма в отношении рождения ребёнка, транслируемая референтными группами, и чем выше предполагаемый контроль репродуктивного поведения, тем выше вероятность того, что у человека сформируется намерение родить ребёнка.

Источники и литература

- 1) Aizen I. Theory of Planned Behavior Diagram [Электронный ресурс] – URL: <https://people.umass.edu/aizen/tpb.diag.html> (дата обращения: 02.12.2025)
- 2) Aizen I. Theory of Planned Behavior With Background Factors [Электронный ресурс] – URL: <https://people.umass.edu/aizen/tpb.background.html> (дата обращения: 02.12.2025)
- 3) Aizen I. Fertility Intentions: An Approach Based on the Theory of Planned Behavior / I. Aizen, J. Klobas // Demographic Research. – July, 2023. – Vol. 29. – pp. 203-231.

Биккинина Джамия Дамировна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Социологическая репрезентация политического дискурса традиционных семейных ценностей в России

1. Под содержанием семейной повестки понимается совокупность значений, которыми наделяются представления о семье и семейных ценностях в ходе коммуникации, при условии, что эти значения получают интерпретацию в публичной политике

2. Ценность семьи для человека и общества обуславливает активное использование семейной повестки политическими силами в качестве идеологического сигнала (символа), подаваемого в целях консолидации вокруг политических элит носителей определенных ценностных убеждений.

3. Отдельным вопросом формирования повестки становится трансформация семейных ценностей, в том числе использование их содержания для формирования политических нарративов. Отдельным вопросом становится понимание традиционных ценностей населением и властью, в результате осуществления которой смысловое и идеологическое наполнение понятий может меняться.

4. В результате восприятия семьи через призму идеологии она становится значимым фактором политической (публичной) жизни, удельный вес которого повышается по мере возвращения традиционных, в том числе сопряжённых с религией, ценностей в публичное поле. Дискурсивные формации поддерживают определённый режим воспроизводства представлений о семье и семейных ценностях. Репрезентация традиционных ценностей неразрывно связана с семейной повесткой и каналами формирования её восприятия.

5. Границы дискурса семейной повестки определяются, с одной стороны, характеристиками самого понятия дискурса, с другой – статусом субъектов политических высказываний. В связи с этим механизм символизации реализуется: 1) на уровне символической политики как структуры действий политических элит, создающих ценностно-символическое содержание посредством формирования политического мифа; 2) на уровне отдельных высказываний – как воплощения интенций элит в речевых актах, оказывающих эмоциональное воздействие, в том числе через использование метафор.

6. Формирование семейной повестки осуществляется через два взаимосвязанных процесса: 1) символизацию как формирование вторичной семиологической системы понятий и представлений; 2) инсценирование реальности – многоуровневое конструирование событий, явлений и рис-

ков, обусловленное нелинейным характером современной социокультурной динамики и глобальной сложностью общества.

7. Таким образом, формирование семейной повестки в политической коммуникации может быть исследовано на нескольких уровнях: 1) дискурсивное измерение – политический дискурс семейной повестки; 2) нарративы, конструируемые политическими элитами для достижения целей в рамках этой повестки; 3) политические высказывания как речевые акты, содержащие призыв к определённым действиям через формирование соответствующего отношения к семейной повестке; 4) политический миф как ценностно-символическое содержание семейной повестки, возникающее в результате формирования политически значимых смыслов.

Васильева Екатерина Николаевна¹, Васильев Евгений Сергеевич²

1 - Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

2 - Научно-исследовательская автономная некоммерческая организация «Институт «Царьград»», Москва, Россия

Абортивные практики в структуре репродуктивного поведения

В современной России в рамках обсуждения демографических проблем расширяется общественный дискурс об этических основаниях абортов, что привело к введению обязательного доабортного психологического консультирования [7]; в некоторых регионах приняты законы о введении административных штрафов за склонение беременных женщин к абортам и/или частные медицинские клиники отказались от лицензий на проведение процедур прерывания беременности и т.д. К конкретным мерам регулирования этических вопросов репродуктивного выбора в России шли постепенно, до этого речь шла о вреде абортов на разных сроках беременности для организма, расширялись практики применения контрацепции [2]. В то же время указанный дискурс принимается акторами неоднозначно, в России аборты стали доступны женщинам раньше, чем в других странах [4], а в совокупности с антирелигиозной политикой сформировались устойчивые паттерны репродуктивного поведения, в которых аборт становился нормой репродуктивного цикла. А.И. Антонов, В.М. Карпова [1], исследуя структурные компоненты репродуктивного цикла, выявили, что аборты являются значимым, но не доминирующим компонентом репродуктивного поведения российских женщин, опыт искусственного прерывания беременности имеют 18% женщин.

В научной традиции аборт или рождение ребенка рассматриваются как результат репродуктивного выбора, на который влияют социализация, ценностные ориентации, условия жизнедеятельности, в итоге формируются нормы детности, потребность в детях, репродуктивные установки и линии репродуктивного поведения [1, 5, 6, 7]. Данные о репродуктивном поведении и абортивных практиках собираются в рамках Выборочных наблюдений репродуктивных планов населения [3], мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации [8] и др.

В этих условиях актуализируется следующая научная проблема – влияет ли и каким образом общественный дискурс на репродуктивное поведение акторов? В этом отношении интересны результаты, проведенного нами методом количественного онлайн-опроса экспертов (n=64) – врачей, акушеров-гинекологов и иных специалистов, осуществляющих доабортное консультирование. Результаты опроса, проведенного в 2025 году в регионах Российской Федерации, показали, что не всеми специалистами практики доабортного консультирования оцениваются положительно. По итогам теоретического анализа и обобщения данных эмпирических исследований, можно формулировать и проверять разные гипотезы о позитивном, нейтральном и негативном влиянии общественного дискурса на принятие женщинами решения в условиях репродуктивного выбора. Сегодня необходимо расширять методический инструментарий исследования абортивных практик, фиксировать – меняются ли ценностные основания репродуктивного выбора, искать причины разного отношения к проблеме аборт у мужчин и женщин, представителей разных социально-экономических групп, исследовать корреляции представлений об абортах и репродуктивном здоровье женщин.

Источники и литература

- 1) Антонов А.И., Карпова В.М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 73-87.
- 2) Аполихин О.И., Москалева Н.Г., Комарова В.А. Современная демографическая ситуация и проблемы улучшения репродуктивного здоровья населения России // Экспериментальная и клиническая урология. 2015. № 4. С. 4-14.
- 3) Архангельский В.Н., Безвербная Н. А., Безвербный В. А., Землянова Е. В. Взаимосвязь репродуктивного поведения поколений

в семье // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 3. С. 48-61. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61.

- 4) Елисеева И.И. Основная семья: предыстория и перспективы // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 6-35.
- 5) Калачикова О., Козлова О., Архангельский В. Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 4. С. 105-138.
- 6) Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71-85.
- 7) Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., Knyazkova E.A. Trends in abortion-related behaviour of Russians in the context of demographic policy // Population and Economics. 2024. Т. 8. № 1. С. 15-36. DOI: 10.3897/pop econ.8.e106949
- 8) RLMS-HSE - мониторинг социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации URL: <http://www.hse.ru/rlms/description> (дата обращения 12.01.2026)

Воронцов Алексей Васильевич

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Комплексный подход в стимулировании рождаемости

Россия находится на этапе демографического перехода, характеризующегося снижением уровня рождаемости с 2016 г., отдалением вступления в брак (до 26 лет) и деторождением на более поздний период (около 28 лет) из-за экономической нестабильности и жилищных проблем, ориентира на индивидуализм, иждивенчество, образование и карьеру, а также преобладанием малодетных и однопоколенных семей. Основные проблемы – снижение числа заключаемых браков на 10 % до 360 тыс., сокращение числа женщин репродуктивного возраста до 34,2 млн. человек, 77 % женщин от 20 до 24 лет не имеющих детей, а также поло-возрастное несоответствие молодежи детородного возраста. Индекс рождаемости 1,4 вместо 2.5 – 3.0.

Выступая 23 октября 2025 г. в Кремле, на Совете по реализации государственной демографической и семейной политике, Президент РФ отметил что «Создание семьи и рождение детей должно стать модным,

чтобы люди понимали счастье отцовства и материнства. Поддержка семьи – задача всех уровней власти, сквозное направление всех наших национальных проектов, стратегических планов развития, затрагивает все сферы жизни, поскольку речь идет о будущем нашей страны !».

24 декабря 2025 г. Президент РФ поручил Правительству найти решение по сохранению пособий многодетным семьям при росте доходов, ввести налоговый вычет. Президент РФ подчеркнул, что в этом вопросе особенно важны координация, консолидация усилий государства, бизнеса, гражданского общества, служителей традиционных религий, средств массовой информации, выстроенные в единой логике действий на всех уровнях и по всем направлениям. Отмечено, что российские компании не спешат поддерживать рождаемость, трудоустройство матерей и женщин в декретном отпуске. Глава фракции СР С.М. Миронов предложил систему компенсации за ЖКУ и денежную выплату на выбор вместо набора льгот. Председатель ГД РФ В.В. Володин сообщил, что в страховой стаж родителей будут включать периоды ухода за ребенком до 1,5 лет.

Всемерная поддержка семьи как фундаментальной основы общества, защита и сбережение семейных ценностей и традиций, которые на протяжении веков объединяли и укрепляли страну и, в первую очередь, русских, русскоговорящих и думающих людей. Национальный проект «Семья» стартовал в России в 2025 году и стал правопреемником нацпроекта «Демография». За последние два года число многодетных семей увеличилось на 17,4 %. Считаю, если количество многодетных семей в ближайшие годы удвоится проблема в значительной степени будет решена. Президент РФ отметил, что многодетная семья с тремя и более детьми должна стать нормой в жизни страны. И здесь решающее значение имеют внутренние жизненные и ценностные ориентиры, убеждения людей.

Анализ данных статистики свидетельствует о том, что значительное поло-возрастное различие состава мужского и женского населения детородного возраста на 26 пунктов сдерживает образование семей детородного поколения, постоянно сокращается количество мужчин, состояние их здоровья, продолжительность жизни и возможность содержать семью с детьми. Поэтому по данным Союза педиатров России ежегодно осуществляется около 3-4 млн. аборт. Социологи отмечают, что 70% женщин в возрасте 50 лет сожалеют о том, что в молодости сделали аборт. Женщины по численности проживают в России на 26% больше, но на производстве они заняты меньше, больше работают в бюджетной сфере и, как правило, они не в состоянии в одиночку содержать семью с детьми (по крайней мере – не более одного ребенка).

Сложности в создании семьи и рождению детей, возникают по психологическому сознанию нежелания дополнительной ответственности за семью, большого объема домашних нагрузок, сокращения свободного времени, отдыха, развития личности с получением образования и стремлением к успеху в жизни. При этом, нынешние «помолодевшие» и работающие бабушки и дедушки не спешат менять общение в коллективе на социальный уход и помощь в воспитании внуков. Большинство опрошенных молодых людей считает приоритетным карьерный рост и личное развитие, а не семейные проблемы. Пропаганда традиционных ценностей нередко встречает сопротивление у молодежи, во многом ориентированной на комфорт, социальное иждивенчество и праздную жизнь.

В этих условиях, комплексный подход в организации социальной и психологической поддержки семьи становится приоритетом государства: финансовая поддержка многодетных семей, обеспечение жильем по семейной ипотеке под 6%, трудоустройство на неполный рабочий день и в шаговой доступности с домом, улучшение медицинских услуг, бесплатные ясли и детские сады, льготы по квартплате, бесплатные занятия, обеспечение спортивным инвентарем, формой и музыкальными инструментами в учреждениях дополнительного образования. Посредством СМИ пропаганда семейных ценностей и здорового образа жизни.

Опыт других стран показывает, что создание условий для совмещения гражданами семейной, образовательной и профессиональной социализации укрепляет семью и стимулирует рождаемость. Это также требует изменения общественного сознания в пользу семейной политики при патернализме государства и помощи работодателей. Начинать просветительскую работу по социологии семьи и психологии брака необходимо в старших классах средней школы, с продолжением в университетах и колледжах.

И в завершении отмечу: демографическая проблема связана также с массовой миграцией населения из сельской местности, вызванной за 2024-2025 гг. обезлюдиванием и ликвидацией 566 деревень, более 100 малых городов, соответствующим понижением бюджетной обеспеченности и социальных стандартов, качества и доступности социальных и медицинских услуг, которые напрямую зависят от численности и плотности населения, проживающего на данной территории. Однако в сельской местности женщины рожают на 16 % больше, чем в городах. Для их решения требуется инфраструктурное развитие сельских территорий и малых городов с градообразующими предприятиями, аграрно-

промышленными комплексами – как экономическими субъектами и национальными проектами развития.

Источники и литература

- 1) Электронный ресурс .Открытый диалог. Демография России 2025: национальные проекты, проблематика и пути решения.24.11.2025 г.
- 2) Электронный ресурс. Вести.ру. В.В. Путин назвал поддержку семей важнейшим приоритетом.23.10.2025 г.
- 3) Электронный ресурс. Известия. В.В. Путин поручил найти решение по поддержке многодетных семей при росте их доходов. 24.12.2025 г.
- 4) Электронный ресурс. Коммерсант. Труд и материнство не смешиваются. 10.03.2025 г.
- 5) Электронный ресурс. Вести.ру. С. Миронов предложил самим многодетным выбирать форму социальной поддержки.25.09.202
- 6) Электронный ресурс. Лента.ру.В.В. Володин назвал вступивший в силу в январе новый закон.09.01.2026 г.
- 7) Электронный ресурс. Коммерсант. Общество. В.В. Путин о снижении рождаемости 23.10. 2025г.
- 8) Электронный ресурс. Известия. Демографическая стратегия России. 26.05.2025 г.
- 9) Электронный ресурс. Парламентская газета. Переезд в села поможет решить демографическую проблему в стране.05.06.2025 г.

***Гаврилъева Туйара Николаевна¹, Парилова Варвара
Даниловна²***

*1 - ГБУ «Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия)», Якутск, Россия; 2 - Университет Тохoku, Сендай,
Япония*

Социология питания сельского населения в Республике Саха (Якутия)

Работа посвящена выявлению этно- и социокультурных особенностей рациона сельского населения Якутии в условиях трансформации продовольственной системы. В число задач входят: оценка частоты употребления традиционных блюд саха(якутов) и коренных народов Якутии;

определение территориальных, этнических и сезонных особенностей потребления местных блюд, включая выделение кластеров повседневной и ритуальной пищи.

Эмпирическая база основана на данных социально-экономического обследования, проведенного в рамках проекта RISE (грант РФФИ № 21-55-70104) в 2021–2023 гг. в 18 сельских поселениях Якутии. Всего было опрошено 400 домохозяйств (1418 человек). Использовалась анкета из 99 вопросов, включая демографию, денежные и натуральные поступления, потребление товаров и услуг, ведение личного подсобного хозяйства, наблюдаемые климатические изменения и др.

В анализ включены 40 наименований традиционных блюд, классифицированных по частоте и сезонности потребления. Результаты показывают *наличие универсального ядра* рациона сельского населения, которое остается относительно стабильным независимо от географических и этнических различий. Это, традиционные для народов Якутии, мясной суп, варенье и морсы из местных ягод, а также оладьи.

Региональные различия обусловлены типом традиционной хозяйственной деятельности и этническим составом населения, а также транспортной удаленностью и доступностью тех или иных пищевых видов. Например, в Южной Якутии, где исследование проводилось в изолированном эвенкийском селе, отмечено наименьшее разнообразие традиционных блюд.

Согласно нашим данным, в сельских поселениях Якутии наблюдается *четкая структура сезонности традиционных блюд*: дихотомия между зимней и летней кухней сохраняется. Зимний полюс сосредоточен вокруг технологий заморозки мясных и рыбных продуктов. Строганина, салат Индигирка, замороженная жеребятина и печень формируют кластер блюд, потребление которых достигает максимума в декабре-январе и минимума в летние месяцы. Этот паттерн может отражать не просто доступность холода для естественной заморозки, но и более глубокую культурную логику, согласно которой зима воспринимается как время изобилия, а холод – как ресурс. Летний полюс концентрируется вокруг молочной ферментации и свежих продуктов. Кумыс, бырпах, саламат демонстрируют согласованные летние пики, особенно в июне, что связано не только с биологическими циклами, но и с культурным календарем, центром которого является праздник Ысыах, который традиционно празднуется в день летнего солнцестояния.

Отмечается *трансформация* многих традиционных продуктов, например, строганина, кумыс, из повседневных в ритуальные и праздничные. Даже в период максимальной доступности эти продукты

остаются деликатесами или специальной пищей, связанной с особыми случаями, а не основой повседневного рациона. Такая трансформация отражает глубокие изменения в образе жизни народов Севера, где традиционные технологии заготовки и хранения продуктов уступают место современным альтернативам, а традиционные блюда приобретают символическое значение маркеров культурной идентичности. Блюда, приготовленные из местных ингредиентов, переходят из ранга повседневной в ранг праздничной еды.

Некоторые исследователи связывают это с дороговизной транспортировки и высокой стоимости продукта, начавшейся уже в советское время, усложнением социальной реальности и необходимостью экономии времени на бытовые нужды (Борисова и др., 2020), переходом охоты и рыбалки в разряд хобби (Гоголев и Федоров, 2022).

Источники и литература

- 1) Борисова И.З., Борисова А.А., Бианки И. и др. (2020) Проблема валоризации и популяризации культуры питания народов Севера в современных условиях (на примере Якутии): коллективная монография. Якутск: ООО «ПРИОРИТЕТ». – 530 с. – ISBN 978-5-905468-87-2. – EDN ORMQMF.
- 2) Гоголев А.И., Федоров С.И. (2022) Охотничья деятельность у якутов на современном этапе // Человек и культура. № 2. С. 30-37. DOI 10.25136/2409-8744.2022.2.35817. – EDN WXYRGN.

Гайкович Екатерина Константиновна

*Междисциплинарная НИЛ "Изучение мировых и региональных социально-политических процессов" НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия*

К вопросу об эффективности мер повышения рождаемости в новой стратегии семейной и демографической политики

В статье рассматривается вопрос об эффективности мер повышения рождаемости, утвержденных в новой стратегии семейной и демографической политики России до 2036 г. [1]. Исследование показывает, что целый ряд направлений семейной и демографической политики России, обозначенных в новой стратегии РФ, не только не ведут к укреплению семьи и повышению демографического потенциала, но способны вести к

снижению рождаемости, ухудшению здоровья детей и репродуктивного здоровья населения, деформации института материнства и детства [2].

В ходе исследования были проанализированы: 1) программы содействия женской занятости для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; 2) расширение системы внесемейного ухода за малолетними детьми до 3-х лет (ясли); 3) расширение программы применения вспомогательных репродуктивных технологий для лечения бесплодия и поддержки рождаемости [3, 4, 5].

Делается вывод о том, что программы содействия женской занятости будут способствовать дальнейшей деформации института материнства и детства, снижению фертильности и детности, увеличению интервалов между рождениями детей, сверхнагрузкам женщин репродуктивного возраста. К негативным последствиям для здоровья детей может привести программа расширения организаций внесемейного ухода для детей до 3-х лет, предполагающая раннее отлучение ребенка от матери, а также расширяющаяся практика применения небезопасных для здоровья матери и ребенка программа вспомогательных репродуктивных технологий [6].

В исследовании делается акцент на недооценке на государственном и научном уровне последствий длительной реализации политики ограничения рождаемости, основанной на формировании так называемых «добровольных предпочтений» и «языка» малодетности и бездетности, имплементированных на уровне терминов, институтов, культуры и норм права, которые ведут к трансформации репродуктивных ценностей молодежи и разрушению института традиционной семьи. Делается вывод, что сложно обратимый процесс восстановления режима воспроизводства населения в России должен предполагать наличие института защиты репродуктивных ценностей и системы ограничения пропаганды нерепродуктивных установок [7, 8, 9].

Источники и литература

- 1) Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 г. от 15 марта 2025 г. // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/54573/>
- 2) Гайкович Е.К. «Разворот мировой демографии»: трансформация подходов по вопросам народонаселения. М.: ИНФРА-М, 2025. – 436 с.
- 3) Рудакова Е.К., Устинкин С.В. Защита прав детей на здоровье в контексте дискуссии о законодательном ограничении применения

в России вспомогательных репродуктивных технологий // Власть. 2023. № 4. С. 199-204.

- 4) Павлюкова Е.Н., Колосова М.В., Алексеева Е.О., Карпов Р.С. Вспомогательные репродуктивные технологии и детское сердце // Медицинский совет. 2023. Т. 17. №17. С. 11-22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54773214>
- 5) Ланцбург М.Е., Соловьева Е.В. Сравнительное исследование материнского отношения к детям раннего возраста, зачатым при помощи ЭКО и спонтанно // Сборник тезисов Четвертой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. – 187 с. С. 41-43.
- 6) Чухланцева Е.А., Фатыхова Р.М. Материнство: феноменология и особенности формирования в онтогенезе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. (50). С. 131–137.
- 7) Гончарова Н.П. Проблема результативности российской демографической политики в оценках экспертов // Ученые записки Алтайского филиала РАН-ХиГС при Президенте РФ. 2021. №19. С. 14–19.
- 8) Бушкова-Шиклина Э.В., Корелина С.К. Репродуктивные установки дет-ности и контроля рождаемости у молодёжи // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Т. 9(4). С. 382–393.
- 9) Макаренцева А.О., Бирюкова С.С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. №2. С. 31–56.

Гайфуллин Андрей Юрьевич

*ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий", Уфа,
Россия*

**Укрепление семейных ценностей молодежи как основа
эффективной демографической политики**

Укрепление института семьи является важным фактором решения демографического кризиса в нашей стране. Молодёжь, становясь будущими родителями, закладывает основу для дальнейшего демографического роста страны [1]. Изучение представлений молодежи о семейных

ценностях приобретает особую значимость для формирования эффективной демографической политики, способствующей подъему рождаемости и восстановлению оптимального демографического баланса [2].

Эмпирические данные были собраны в рамках инициативного социологического исследования, проведенного среди студентов ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий" (Республика Башкортостан, г. Уфа). Методом сбора данных являлся анкетный опрос студентов вуза. Опрос проводился в мае-июне 2025 года. Общее количество опрошенных 450 человек.

Полученные результаты показывают высокую степень приверженности традиционным семейным ценностям среди молодёжи, подчёркивая важность усилий государства по укреплению института семьи.

Как показали результаты опроса, наиболее важной личной семейной ценностью для подавляющего большинства респондентов оказалась любовь и взаимопонимание (90,2%), далее следует поддержка друг друга (76,5%). Доля тех, кто считает материальную обеспеченность одной из важных составляющих счастливой семьи значительно ниже (54,9%), подчёркивая, что финансовая сторона важна, но не главная.

Молодежь стремится создавать тёплые, открытые и доверительные отношения в семье, делая упор на личную близость и взаимную помощь. Наиболее значимой чертой семейных отношений признана открытость и честность в общении (84,3%). Совместный досуг (64,7%) и регулярное общение всех членов семьи (64,7%) поддерживают гармонию и дружную атмосферу в семье. Большое значение придаётся комфортному балансу между личным пространством и взаимодействием в кругу семьи (58,8%).

При этом современные взгляды на семью становятся всё более дифференцированными и индивидуализированными. В оценках молодежи концепция идеальной семьи может варьироваться в зависимости от жизненных обстоятельств и внутренних убеждений. Так, оценивая важность детей в формировании идеала семьи, 37,3% опрошенных считает, что дети это необходимым элементом полноценного семейного опыта, тогда как значительная часть (47,1%) признает их важность, но готова мириться с отсутствием потомства. При этом 15,6% опрошенных убеждены, что наличие детей вообще не влияет на понятие идеальной семьи. Полученные данные показывают растущую терпимость к альтернативным сценариям семейной жизни, где дети не всегда занимают центральное место.

Исследование показало, что среди молодежи сохраняются сильные традиционные семейные ценности, такие как любовь, взаимопонимание, поддержка и уважение. Тем не менее, возникли новые тенденции, характеризующиеся ростом индивидуальной свободы и снижением стремления

к деторождению. Учитывая этот феномен, очевидно, что недостаточно полагаться исключительно на традиционные подходы к демографической политике [3]. Необходима продуманная система государственной поддержки, которая помогла бы трансформировать имеющиеся положительные семейные ценности в реальные стимулы для повышения рождаемости и укрепления демографической стабильности.

Источники и литература

- 1) Гайфуллин А. Ю. Социально-демографические характеристики молодежи Республики Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 3(11). С. 82-87. DOI 10.47309/2713-2358_2022_3_82_87.
- 2) Гайфуллин А. Ю. Ценность семейных отношений в оценках и взглядах студенческой молодежи Республики Башкортостан // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1(146). С. 32-42. DOI 10.17922/2071-3665-2023-22-1-32-42.
- 3) Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.

Грошева Ирина Александровна¹, Грошев Игорь Львович²

1 - Филиал Автономной некоммерческой организации Высшего Образования «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, Тюмень, Россия; 2 - Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Семейно-демографические исследования: от эмпирики к новым моделям

Решение вопросов, связанных с демографической политикой, в настоящее время является приоритетной задачей в системе государственного управления. Программно-целевые показатели достижения оптимального соотношения демографических показателей имеются в нормативных документах, в программах, отражающих такие важнейшие аспекты как помощь семьям, имеющим детей; поддержка молодой семьи, стимулирование рождаемости и др. [1].

Результаты семейно-демографических исследований свидетельствуют о том, что материальные факторы для поддержки семей с детьми безусловно важны. В ходе реализации Проекта Российского общества социологов (РОС) «Семья в современной России: взгляд студенчества. РОС-2024» [2], в реализации которого приняли активное участие авторы статьи (в 2024 г. опрошено посредством онлайн-анкетирования 9168 студентов в возрасте от 18 до 21 года), выяснилось, что в федеральных округах мнение о семье и мерах поддержки среди молодёжи различается. Например, каждый четвёртый житель Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) согласен, что семья должна быть многодетной. Однако более половины молодых людей (55,4%) уверены в том, что «семья может быть счастливой и без детей». Низкий уровень доходов, отсутствие жилья и неуверенность в прочности семейных отношений составили тройку лидеров причин отказа от рождения детей. Среди мер государственной поддержки, которые могли бы в перспективе способствовать увеличению количества детей в семьях, студенческая молодёжь СКФО выбрала увеличение ежемесячных пособий на детей до достижения 18 лет, материнского капитала и прожиточного минимума для всех категорий населения. Однако в остальных округах на первом месте оказалось формирование уверенности в завтрашнем дне, что актуализирует наряду с материальными социально-психологические проблемы.

В связи с этим общий лейтмотив предлагаемой авторской модели аккумулирован в единой парадигме целеполагания и целедостижения, что обеспечивает эффективность механизма по разрешению демографических проблем в России. Главные направления комплекса рекомендаций представлены следующими положениями:

1) формализация трудовых отношений семьи с государством (родитель – «воспитатель гражданина Российской Федерации» в статусе госслужащего) – с коррекцией заработной платы в привязке к прожиточному минимуму;

2) жильё категории социального найма создаёт предпосылки для целевого расходования финансовых ресурсов семьи в рамках семейного бюджета (в кратковременной и долгосрочной перспективе) – автоматическое улучшение жилищных условий вне зависимости от конъюнктуры рынка недвижимости;

3) профессиональная подготовка родителей на всех этапах воспитательного процесса;

4) концентрированный контроль со стороны государства за качеством семейного воспитания (отношений) на основе конкретных

количественно-качественных критериев (понятных нанимаемым на госслужбу родителям);

5) персонифицированное непрерывное консультирование (психологическое сопровождение) в том числе с применением искусственного интеллекта.

Источники и литература

- 1) Национальные проекты. Семья // Официальный сайт Правительства России. URL: <https://xn--80aapremcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/podderzhka-semi/> (дата обращения 12.12.2025).
- 2) Широкалова Г.С., Мансуров В.А. Особенности исследовательского проекта РОС 2024 «Семья и студенты» // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 164-167.

Грудина Татьяна Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

Российская социология семьи: школа фамелизма и ее ключевые направления исследований

Школа фамелистической социологии в России представлена широким кругом исследований в области семьи и демографии [1,2,5,7,8,9]. В рамках данной работы мы подробнее остановимся на ключевых направлениях исследований кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудники которой придерживаются фамелистической парадигмы [3,4,8,11,12].

Научный коллектив кафедры за последние годы провел более двадцати выборочных межрегиональных исследований, связанных с изучением факторов, влияющих на формирование ценностей семейно-детного образа жизни. В условиях мощного кризиса института семьи, массовой малодетности, отказа от рождения детей, высокой разводимости и низкой рождаемости именно это направление исследования является наиболее привлекательным на пути преодоления семейно-демографических метаморфоз [2,9,10].

В 2018–2019 гг. сотрудник кафедры провели опрос 1,2 тыс. семейных пар (в опросе участвовали оба супруга, отвечая на одни и те же вопросы в разное время). Результаты полученных данных были опубликованы в

ряде монографий [3,4,8,11,12]. Одним из ключевых направлений исследования кафедры семьи и демографии является исследование традиций и ценностей, социального и семейного благополучия многодетных семей в России, семейно-детного образа жизни. Так, было проведено ряд исследований по гранту Российского научного фонда № 23-28-00518 “Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования”. Таким образом, начиная с 2018 года были опубликованы следующие монографии: Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, А. Б. Синельников, Е. Н. Новоселова и др. — Москва: Издательский Дом Инфра-М, 2018. — 540 с.; Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — Москва: ООО МАКС Пресс, 2020. — 486 с.; Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — ООО Перо Москва, 2021. — 240 с.; И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — У Никитских ворот Москва, 2022. — 270 с.; Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — ИСЭПН ФНИСЦ РАН Москва, 2024.

На основе полученных эмпирических данных, ученые пришли к выводу о том, что «именно от ценностей семейно-детного образа жизни и их места в общей системе ценностей больше всего зависит заключение и расторжение браков, рождение того или иного числа детей, отношения как между супругами, так и между родителями и детьми» [2, С.190-191].

Также было выявлено, что главная причина депопуляции (естественной убыли населения), в которой наша страна находится более тридцати лет, кроется в превалировании внесемейных ценностей над семейными [2,3,8]. В этой связи, авторами были даны рекомендации в области семено-демографической политики: акцент «не только на изменении установок нынешних репродуктивных когорт, а на формировании установок подростков и молодежи к семье с несколькими детьми приведет в конечном счете к полному устранению депопуляции и устойчивому тренду роста населения» [2, С.202]. Таким образом, именно поддержка семей-

ности и семейно-детного образа жизни позволит преобразовать российское общество и будет способствовать его процветанию.

Источники и литература

- 1) Антонов А.И. В строю научной школы фамелизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4.
- 2) Антонова А.И., Синельников А.Б., Новосёлова Е.Н. Социологические исследования в области семьи и демографии: отвечая на вызовы современности. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024;30(4):189-207.
- 3) Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — ИСЭПН ФНИСЦ РАН Москва, 2024.
- 4) И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — У Никитских ворот Москва, 2022. — 270 с.
- 5) Ионцев В. А., Узкая Ю. А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20, № 4. — С. 597–611.
- 6) Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.
- 7) Носкова А.В. Семьи сквозь призму разнообразия (О IX Конгрессе Европейского общества семейных отношений) / Носкова А.В., Кузьмина Е.И. // Социологические исследования. — 2019. — №3. — С. 153-155.
- 8) Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, А. Б. Синельников, Е. Н. Новоселова и др. — Москва: Издательский Дом Инфра-М, 2018. — 540 с.
- 9) Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71–85.

- 10) Синельников А. Б., Золотарева О. А., Карпова В. М. Влияние откладывания браков на рождаемость в России (по данным переписей) // Вестник НГУЭУ. — 2025. — № 4. — С. 91–110.
- 11) Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — ООО Перо Москва, 2021. — 240 с.
- 12) Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — Москва: ООО МАКС Пресс, 2020. — 486 с.

Гурьянова Марина Петровна

ФГАУ "НМИЦ здоровья детей" Минздрава России, Москва, Россия

**Тревоги старшеклассников, планирующих в перспективе
создание семьи**

Тезисы основаны на результатах исследования, проведённого в 2024 году НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «НМИЦ здоровья детей Минздрава России и центром социальной помощи семье и детям «Гармония», г.Боровск Калужская область. На вопрос анкеты касающийся тревог-страхов при создании семьи, ответили 179 обучающихся 8-11 классов: 93 девушки, 86 юношей.

На **первом месте** среди тревог у старшеклассников – *здоровье членов семьи, прежде всего, ребёнка, и семейные межличностные отношения*. Так ответили 18% девушек и юношей. Тревогу у них вызывают: здоровье членов семьи, прежде всего детей; болезнь ребёнка, страх смертельной болезни ребёнка; психическое здоровье ребёнка; смена пола, чтобы ребёнок был традиционной ориентации. Проблемы *семейных межличностных отношений, включая детско-родительские и супружеские отношения*, затронули 16% юношей и девушек. Тревожит будущих родителей максимализм подросткового возраста; непослушание детей; утрата доверия у ребёнка со стороны родителей; потеря взаимопонимания; когда ребёнок срывается, кричит на родителей, не отвечает на звонки; не уважает родителей; отсутствие взаимопонимания у жены с мужем; разногласия в браке, ведущие к разводу; разлад в семье; недопонимание, недоверие, разногласия, ссоры. Возможно, эти страхи

проистекают из фактов реальной жизни, из внутреннего ощущения неготовности к ряду моментов, связанных с семейной жизнью, из того, что подрастающее поколение не учат, как быть родителями и супругами.

На **втором** месте среди тревог обучающихся – проблема *взаимоотношений ребёнка с окружающим миром, отношения к ребёнку окружающих, его адаптация в социуме*. 11% юношей и девушек написали об тревогах, связанных с взрослением детей : конфликтах со сверстниками; страх того, что ребёнок попадёт в плохую компанию, станет жертвой травли, что у него появятся вредные привычки. Как видим, страхи за воспитание будущих детей вытекают из наблюдений старшеклассников за сегодняшней жизнью, где социальные проблемы детей многообразны, сложность их решения очевидна.

Третье место среди страхов обучающихся занимает *боязнь не справиться с воспитанием*. 10 % юношей и девушек сказали о неопытности в воспитании ребёнка; боязни быть плохим отцом; страхе за то, каким человеком вырастит ребёнок; тревоге не дать своим детям по максимуму; если ребёнок не захочет жить; тревоге за взросление и личную жизнь ребёнка; если ребёнок останется без присмотра; страхе потерять ребёнка. «Ребёнок – это большая ответственность», – написал один юноша.

На **четвёртом месте** у 4% юношей и девушек страх *финансовых трудностей*.

На **пятом месте** – *быт после рождения ребёнка и обучение ребёнка в школе*. 3% юношей и девушек волнует переход ребёнка из детского сада в 1 класс; экзамены у ребёнка по ОГЭ и ЕГЭ, которые у некоторых детей вызывают панические атаки и с которыми связаны многие проблемы их физического и психического здоровья.

Как видим, ответы учащихся обозначили ключевые социальные проблемы современной школы, с которыми сталкиваются сегодняшние дети и родители.

Источники и литература

- 1) Артеменков Ф.А. Социальные страхи молодёжи в современных условиях/ Ф.А.Артеменков// XV Международная конференция памяти профессора Л.Н.Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 20-23 марта 2012 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С.1414-1418. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/50757>
- 2) Скосарь В.С., Особенности проявления социальных страхов у молодёжи // Актуальные исследования. 2024. №7 (189). Ч.III. – С.74-77.

- 3) Акименко, А. Е. Страхи современной молодежи / А. Е. Акименко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 48 (547). – С. 151-152. – URL: <https://moluch.ru/archive/547/119676/>.

Дашевская Екатерина Анатольевна
СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

**Новые практики формирования семейноцентричных
ценностных ориентаций молодёжи России в условиях
социокультурной трансформации общества**

Вектор социокультурной трансформации в современной России обостряет противоречие между индивидуальными ориентациями молодёжи и требованием демографической устойчивости, зафиксированным в стратегических документах и исследованиях отечественных социологов.[2] Эмпирические данные показывают устойчивый разрыв между декларируемой значимостью семьи и практиками позднего вступления в брак, распространением «жизни в стиле solo» и снижением рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства.[7]

Российская социология семьи, опираясь на классические разработки о браке и родительстве и современные исследования семейной политики, демонстрирует переход от описания кризиса семьи к поиску механизмов ценностной переориентации молодёжи на образ благополучной, крепкой, ответственной, многодетной семьи.[6] П. А. Сорокин подчёркивал решающую роль семьи как «первого скульптора личности», формирующего интеллектуальные, моральные и социальные черты через любовь и социализацию. В логике его идей особое значение приобретает анализ того, как в новых условиях формируются жизненные сценарии молодёжи, сочетающие профессиональную самореализацию и семейную идентичность. [8]

Результаты диссертационного исследования, проводимого автором с 2024 г. по н.в. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, показывают, что для абсолютного большинства молодых респондентов семья сохраняет статус ключевой ценности, но перемещается во времени, уступая приоритет карьере, образованию, саморазвитию. При этом ориентации на брак и родительство существенно дифференцируются по поколенческим когортам X, Y, Z, типам занятости и уровню включенности в сетевые формы взаимодействия.[1]

Отдельный пласт исследования связан с поиском и анализом новых социальных практик, способствующих формированию ценностных ори-

ентаций молодёжи на брак и семью в условиях многовариантности жизненных сценариев. В этом контексте рассматривается семейный менторинг как инновационная практика, в рамках которой благополучные семьи с длительным брачным стажем и позитивным опытом совмещения работы и семьи становятся наставниками (значимыми другими) для молодых семей и молодёжи, передавая не только поведенческие модели, но и ценностные основания выбора в пользу семьи, без ущерба саморазвитию и построению карьерных траекторий. Результаты эмпирического исследования (94 семьи, смешанная методология) подтверждают, что участие в менторских форматах способствует укреплению уверенности в возможности сочетать карьеру и семейную жизнь, снижает страхи перед браком и родительством, усиливает ориентации на ответственное отцовство и материнство.

Тем самым, сохраняя связь времён – от классических социологических представлений о семье как базовом институте социализации до современных концепций work–life balance и межпоколенческого обмена, – выстраиваются горизонты будущего через разработку и эмпирическую проверку моделей, в которых семья предстаёт не как пережиток традиционализма, а как важный ресурс адаптации молодёжи к вызовам современности.

Источники и литература

- 1) Дашевская, Е. А. Семейный менторинг – инвестиции в будущее поколения // Социология. – 2025. – N.6. – С.71–76.
- 2) Ефимова, Г. З. Семья или карьера? Счастье и успешность молодёжи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9. № 2. – С. 33–57.
- 3) Жаворонкова, А. А. Теория поколений в России: миф или реальность // Образование. Наука. Научные кадры. – 2023. – N.4. – С. 189–192.
- 4) Каропова, С. Г., Некрасов, С. В., Пинчук, А. Н. Социокультурные трансформации современного российского общества: ключевые тенденции и их отражение на уровне массового сознания // Социология. – 2024. – N.8. – С. 165–172.
- 5) Первые демографические итоги 2024 года в России, часть 1 // ДемоскопWeekly, № 1067–1068, 16.03.2025–31.03.2025 [Электронный ре-

сурс] Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01067/barom05.php> (Дата обращения: 18.02. 2026.)

- 6) Ростовская, Т. К., Синельников, А. Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. - 2025. - Т. 19, № 2. -С. 6–16.
- 7) Семья в системе российских ценностей. ВЦИОМ. Новости. Москва, 22.11.2024. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения 20.02.2026)
- 8) Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. – 1916. – № 2. – С. 174–186; № 3. – С. 159–172.
- 9) Станкевич, Г. Л., Станкевич, Н. Г. Интеграционный менторинг как технология укрепления целостности личности и формирования культуры трансформационного образа жизни // Человек. Общество. Наука. - 2025. - Т. 6. № 3. - С. 60–76.
- 10) Тагирова, Р. А. Влияние социокультурных условий на трансформацию ценностной ориентации семьи как социального института / Р. А. Тагирова // Проблемы современного педагогического образования. - 2024. - № 84–2. - С. 354–358.

Дорофеев Михаил Львович

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

**Демографически ориентированные финансовые инструменты
жилищной поддержки семей: сравнение проактивной и
реактивной форм стимулирования рождаемости**

Демографический вызов, связанный со снижением рождаемости, является одним из наиболее острых для долгосрочного развития России. Опыт стран, демонстрирующих более стабильные демографические показатели (таких как Швеция, Норвегия, Дания), указывает, что успех базируется не на кредитных инструментах, а на формировании комплексных институциональных условий, позволяющих беспрепятственно совмещать родительство и профессиональную деятельность [1; 2]. В последние годы в России наблюдается активная интеграция различных инструментов социальной защиты в систему государственной поддержки семей с

детьми, что непосредственно связано с решением демографических проблем и стимулированием рождаемости [3-6]. Вместе с тем, анализ эффективности программ социальной защиты, включая ипотечные субсидии, показывает, что в долгосрочной перспективе требуются более адресные меры поддержки, направленные на решение проблем, возникающих из-за растущих цен на жильё и снижения доступности жилья для семей с детьми [7-12].

Целью исследования является концептуальное обоснование и структурное проектирование системы демографически ориентированных социальных продуктов, основанных на увязке льготных жилищных условий с рождением детей и нацеленных на разные доходные и возрастные социальные группы.

Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке и апробировании комплексной методики оценки эффективности мер жилищной поддержки семей с детьми на основе коэффициента достаточности, интегрирующей финансовые, социально-демографические и правовые параметры анализа. Впервые выявлен и научно обоснован феномен кумулятивного эффекта при комбинировании федеральных и региональных мер жилищной поддержки, проявляющийся в достижении показателей достаточности до 0,95 в субъектах Российской Федерации с развитой системой софинансирования. Существенным вкладом в развитие научных представлений является предложение и комплексный анализ модели целевой семейной ипотеки с условным списанием долга, доказана ее правовая и финансовая реализуемость в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Теоретическое значение исследования состоит в развитии методологических основ формирования адресной демографической политики через разработку концепции сегментации мер жилищной поддержки по доходному и возрастному признакам, создание теоретической модели оценки бюджетной эффективности демографических программ с учетом отложенного характера бюджетных обязательств и мультипликативного эффекта, а также формирование научного подхода к дифференциации параметров жилищной поддержки с учетом региональной специфики рынка недвижимости и демографических характеристик населения.

Источники и литература

- 1) Дорофеев, М. Л. Финансовые методы и инструменты обеспечения роста рождаемости и благополучия населения России: проблемы и

- решения / М. Л. Дорофеев // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 43-51. – DOI 10.26794/1999-849X-2025-18-3-43-51.
- 2) Дорофеев, М. Л. Государственное финансовое регулирование демографических процессов в России: проблемы и решения / М. Л. Дорофеев // E-Management. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 83-94. – DOI 10.26425/2658-3445-2023-6-4-83-94.
 - 3) Аверин А. Н. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о проблемах демографии и социальной политики / А. Н. Аверин, А. С. Бутова, К. В. Пуцер // История. Культурология. Политология. – 2025. – № 3. – С. 99–104. – DOI: 10.24412/3034-3364-2025-3-99-104.
 - 4) Попова П. А. Влияние COVID-19 и льготных программ ипотечного кредитования на ипотечное кредитование: данные из России = The Impact of COVID-19 and Preferential Mortgage Lending Programs on Mortgage Lending: Evidence from Russia / П. А. Попова // Working Papers. Series: Financial Economics. – 2025. – WP BRP 97/FE/2025. – 29 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2025/wp97fe.pdf> (дата обращения: 02.11.2025).
 - 5) Третьяченко Т. В. Льготная ипотека как фактор повышения доступности жилья на первичном рынке жилой недвижимости / Т. В. Третьяченко, Г. Б. Пивоварова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2024. – № 4 (31). – С. 134–148. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.013.
 - 6) Золотарёва О. А. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы / О. А. Золотарёва, Д. В. Накибаев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 154–173. – DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.9.
 - 7) Жирнов Г. А. Массовая льготная ипотека: продлевать нельзя завершать // Вопросы экономики. – 2025. – № 1. – С. 115–133. – DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-115-133.
 - 8) Прокофьева, Л. М., Корчагина, И. И., Миронова, А. А., Тарновская, Е. Е. Социальный контракт как механизм преодоления бедности в России // The Journal of Social Policy Studies. URL: <http://jsps.hse.ru/article/view/3349> (дата обращения: 04.11.2025).
 - 9) Егорова, С. В. Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски // Семиотические исследования. – 2023. – Т. 3, № 3. – С. 67-76. – DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76.

- 10) Spéder Z., Kapitány B. The impact of family policies on fertility: Evidence from Hungary // European Journal of Population. – 2023. – Vol. 39, No. 1. – P. 12–28. – DOI 10.1007/s10680-023-09656-7.
- 11) OECD. Social Protection Systems and Demographic Challenges: Balancing Sustainability and Equity. – Paris: OECD Publishing, 2024. – DOI 10.1787/9789264311657-en.
- 12) Свириденко, В. С. История становления и развития института ипотеки в России. Исторический и практический аспект / В. С. Свириденко // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2024. – № 68. – С. 162-177. – DOI 10.17223/19988648/68/7.

Дюков Сергей Викторович

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская
Федерация*

Влияние буллинга и моббинга на деформацию представлений молодежи о браке и семье

В детских и подростковых коллективах одними из самых распространенных видов девиантного поведения являются буллинг и моббинг. Несмотря на сходство в методах притеснения жертвы, это разные явления в контексте конечных целей агрессоров [2]. В любом случае оба феномена оказывают разрушительное влияние не только на физическое, но и на психическое здоровье. Происходит ужесточение форм школьного насилия. Так, буллинг все чаще становится комбинированным [3]. Однако, негативное влияние не ограничивается лишь школьными стенами, дворовой площадкой или онлайн-пространством. Пережитый опыт буллинга или моббинга, особенно в роли жертвы, способен оставить глубокий след в сознании, деформируя представления молодого человека о социальных отношениях, в том числе о браке и семье. Такой опыт подрывает уверенность в способности других проявлять эмпатию. Жертвы агрессоров зачастую испытывают трудности в установлении доверительных отношений, которые важны при построении семьи. Страх быть униженным и отвергнутым переносится на потенциального спутника жизни, становится ожидаемым от него. То есть, ожидание повторения психотравмирующих ситуаций, повышенная тревожность, неуверенность в своих силах и недостаток эмоциональных ресурсов могут значительно препятствовать созданию семьи. Ellen W. DeLara провела исследование среди молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, подвергшихся унижениям в школе. У

большинства из них наблюдались отдаленные последствия в виде психологических проблем. Прежде всего, эти проблемы были выявлены в установлении доверительных отношений, в особенности с представителями противоположного пола [5].

В основе буллинга и моббинга лежит агрессия. Любой участник этих процессов, будь то агрессор, жертва или свидетель, могут закрепить в своем представлении, что насилие является неотъемлемой частью межличностных отношений и его вполне можно перенести в будущую семью. Таким образом, деформация представлений о браке и семье, вызванная буллингом и моббингом, может приводить к следующим негативным последствиям:

- Трудности в установлении здоровых семейных отношений;
- Выбор неблагополучных партнеров;
- Повышенный риск домашнего насилия;
- Проблемы в воспитании детей;
- Более высокая вероятность разводов;
- Социальная изоляция и одиночество.

Морально-нравственное развитие ребенка формируется в семье и социальных коллективах. В исследовании А.Х. Аптикиева определена зависимость возникновения девиаций от влияния агрессивного или холодного стиля семейного воспитания. Данные стили воспитания могут привести не только к развитию агрессивного или виктимного поведения ребенка, но и к отрицанию молодыми людьми ценности «счастливая семейная жизнь» [1]. Е.А. Ипполитова с коллегами отмечают, что юноши и девушки с девиантным поведением «менее ориентированы на традиционные ценности рождения и воспитания детей, при этом оценивают их как труднодостижимые для себя в будущем, в образе которого типичные для семейной жизни репродуктивные планы практически не присутствуют» [4, с. 297].

В преодолении влияния буллинга и моббинга на формирование ценностных ориентаций в отношении семьи и брака важную роль играют:

- Своевременная психологическая помощь жертвам агрессии, направленная прежде всего на восстановление уверенности в себе, формирование здоровых моделей взаимоотношений;
- Повышение информированности общества о проблемах буллинга и моббинга и их последствиях;

- Создание в обществе атмосферы нетерпимости к любым видам насилия;
- Формирование позитивных ценностных ориентаций в отношении семьи и брака. Важно продвигать идеи любви, уважения, взаимопонимания и поддержки, начиная с раннего возраста;
- Поддержка со стороны семьи и близких. Любящая и поддерживающая семья может стать надежным оплотом для жертвы агрессии, помогая ей восстановиться и создать собственную семью.

Источники и литература

- 1) Аптикиев, А.Х. К проблеме изучения криминогенной направленности личности подростка / А.Х. Аптикиев, Л.Р. Аптикиева, М.С. Бурсакова // Психология и Психотехника. 2016. – 12. – 15 с. – DOI: 10.7256/2454-0722.2016.12.22976.
- 2) Дюков, С.В. Дифференциация терминов «буллинг» и «моббинг» как проблема психолого-педагогического осмысления // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13. № 1. DOI: 10.15393/j5.art.2025.10084
- 3) Дюков, С.В. Подростковый буллинг. Анализ терминологии и пути преодоления проблемы // Народное образование. 2025. № 6. С. 71–80.
- 4) Ипполитова, Е.А. Семейные перспективы юношей и девушек, склонных к девиантному поведению / Е.А. Ипполитова, Г.Ф. Кроян // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 295–298.
- 5) DeLara, E.W. Consequences of Childhood Bullying on Mental Health and Relationships for Young Adults. J Child Fam Stud 28, 2379–2389 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1197-y>

Еникеева Ирида Ирековна¹, Настасюк Наталья Петровна²

1 - БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Российская Федерация; 2 - СПб университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Ценностные критерии выбора брачного партнёра студенческой молодёжью России и Беларуси: сравнительный анализ

Проблема выбора брачного партнёра актуальна на фоне трансформации института семьи и сдвигов в ценностях современной молодёжи евразийского пространства. Последние десятилетия отмечаются ростом разводов, увеличением незарегистрированных браков, снижением рождаемости и смещением возраста вступления в брак. Эти тенденции связаны с изменением ролевых моделей: брак всё чаще видится как личный выбор, основанный на эмоциональной близости, совместимости и социальной обеспеченности.

В фокусе исследования – сравнительный анализ критериев выбора партнёра среди студентов России и Беларуси. Опрошено 1835 студентов очной формы обучения. Факторный и сравнительный анализ выявил сходства и различия в структуре предпочтений.

Полученные данные свидетельствуют о формировании критериев выбора брачного партнёра у студентов России и Беларуси под влиянием универсальных и культурно-специфических факторов. Ведущую роль в обеих выборках играют личностные качества, для 62% российских и 67% белорусских студентов – это доброта, честность, надёжность, – что подчёркивает приоритет личной совместимости в брачных стратегиях молодёжи. Значимыми остаются интеллектуальные и коммуникативные характеристики, а также духовные ценности, отражающие стремление к глубокому партнёрству. Студенты Беларуси сильнее акцентируют интеллект и образование, в то время как российские респонденты демонстрируют большую сбалансированность между внутренними чертами и внешними атрибутами (внешность, возраст, сексуальный опыт). Эти нюансы выявляют культурные акценты, обусловленные социокультурной средой. Менее значимы религиозная принадлежность, этническая близость, территориальная схожесть и сходство с родительской моделью семьи [2]. Это указывает на индивидуализацию выбора, где доминируют ценности эмоционального комфорта и прагматизма современного образа жизни.

Особое внимание уделено интернет-знакомствам как новой форме выбора. Большинство респондентов имеют опыт онлайн-общения и считают его допустимым, несмотря на риски. Так, 42% российских студентов и 38% белорусских допускают возможность использовать сайты знакомств для поиска брачного партнера. Это подтверждает теорию Э. Гидденса [1], согласно которой цифровые платформы расширяют зоны интимности, обогащая социальный капитал и преодолевая ограничения традиционных моделей в отношениях, что способствуют диверсификации ценностных ориентаций в выборе партнера. В гендерных группах типология культурного пространства находит свое наиболее выразительное вопло-

щение в конструировании экзистенциальных ценностей, чье воздействие остро ощущается в сфере ценности труда [3].

Результаты подчёркивают культурное влияние – общий ценностный фундамент сочетается с национальными акцентами. Различия отражают социокультурную специфику и открывают пути для кросс-культурных исследований цифровой социализации. Практическая ценность – вклад в евразийскую молодёжную политику. Данные полезны для программ поддержки цифровой социализации, межкультурного диалога и позитивных установок в межличностных отношениях стран ЕАЭС.

Источники и литература

- 1) Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- 2) Еникеева И.И. Особенности восприятия и конструирования сакральных образов представителями поколения Z: конструирование образа сакрального (на примере студентов технического вуза Республики Башкортостан) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. №2. С. 460-476.
- 3) Зубок Ю.А., Чупров В.И., Сорокин О.В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2020. Специальный выпуск. С. 38–59. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3 ББК 60.561.2 DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3

Жданова Веста Эдуардовна

Уральский институт управления РАНХиГС, Северорурльск, Россия

**Оценка эффективности программы регионального
материнского (семейного) капитала на территории
Свердловской области за период 2018–2021 годы.**

Одной из дополнительных мер, нацеленных на социальную поддержку многодетных уральских семей в Свердловской области, является программа областного материнского (семейного) капитала. Важно отметить, что региональный материнский капитал выступает в качестве инструмента, направленного на стимулирование рождаемости и увеличение

числа многодетных семей, проживающих в данном регионе. Цель данного исследования заключается в оценке эффективности программы областного материнского (семейного) капитала за период с 1 января 2018 по 1 января 2021 года. Для анализа использованы официальные статистические данные, представленные в Постановлении Законодательного Собрания Свердловской области №142-ПЗС от 17 ноября 2021 года «Об исполнении Закона Свердловской области», а также информация с официального сайта Свердловскстата.

В процессе реализации программы регионального материнского капитала в Свердловской области с 2018 по 2021 годы были получены следующие результаты. В частности, наблюдалось существенное сокращение выдачи сертификатов на областной материнский капитал уральским семьям, что представлено на *рисунке 1* [1]. Уменьшение общего количества выданных сертификатов на областной материнский капитал объясняется падением уровня рождаемости в регионе.

Рассматривая направления использования областного материнского капитала уральскими семьями, стоит отметить, что наиболее востребованными являются приобретение или строительство жилья, а также оплата образования и медицинских услуг. Менее популярными направлениями оказались использование сертификата для подключения жилья к газовым сетям и оплата платных образовательных услуг [1]. На *рисунке 2* можно увидеть статистику по направлениям использования материнского капитала с 1 января 2018 года по 1 сентября 2021 года. При этом опрос жителей Свердловской области в 2023 году показал, что количество возможных направлений использования регионального материнского капитала недостаточно. Рекомендуются добавить возможность тратить эти средства на ремонт жилья и семейный отдых. [3, с. 78-79]. По мнению Ж.Б. Абельбаева и М.С. Борисовой также стоит включить возможность оплаты услуг няни или дополнительного образования [2, с. 736-737].

Также в результате изучения положений Закона Свердловской области N 86-ОЗ от 20 октября 2011 г. «Об областном материнском (семейном) капитале» было выявлено, что данный нормативный акт подразумевает ведения реестра лиц, которым предоставляется областной материнский (семейный) капитал. Однако, на данный момент этот реестр недоступен для ознакомления[1].

Таким образом, на основе проведенного анализа реализации программы регионального материнского капитала в Свердловской области в период с 1 января 2018 года по 1 сентября 2021 года можно сделать вывод, что органы государственной власти уделяли недостаточно внимания усо-

вершенствованию сертификата регионального материнского капитала. В целях повышения эффективности данной программы, рекомендуется расширить список направлений, на которые можно расходовать средства областного материнского капитала, а также разработать порядок формирования и ведения реестра граждан, которым предоставляется областной материнский (семейный) капитал.

Источники и литература

- 1) Об исполнении Закона Свердловской области «Об областном материнском (семейном) капитале»: Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 17 ноября 2021 г. № 142-ПЗС. Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravo.gov66.ru/32515/> (дата обращения 25.12.2025).
- 2) Абельбаева, Ж. Б. Материнский капитал: региональный аспект / Ж. Б. Абельбаева, М. С. Борисова // Эволюция российского права : Материалы XXII международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 25 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 733-741.
- 3) Жданова, В. Э. Оценка реализации социальной политики по защите материнства и детства в Свердловской области / В. Э. Жданова // Первый шаг в науку : Материалы студенческой научной конференции, Екатеринбург, 15 мая 2023 года / Редколлегия: Т.Е. Зерчанинова, Д.А. Калугина. – Екатеринбург: Уральский институт управления - филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2023. – С. 73-79.
- 4) Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. Цены, инфляция [Электронный ресурс] URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29690> (дата обращения 25.12.2025).

Захарова Людмила Ивановна

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный технический университет",
Брянск, Россия*

Проблемы формирования ценностных ориентаций молодежи на брак и семью в условиях трансформации социальной реальности

Институты брака и семьи, являясь фундаментальными социальными структурами, претерпевают в современном мире глубокую трансформацию. Молодежь как социально-демографическая группа, находящаяся в критической фазе социализации и формирования жизненных стратегий, оказывается в эпицентре ценностных противоречий. Процесс формирования у нее ориентаций на брак и семью сталкивается с рядом системных проблем, что имеет далеко идущие последствия для демографического воспроизводства, социальной стабильности и психологического благополучия будущих поколений. Выделим основные проблемы формирования ценностных ориентаций на брак и семью [1, 2, 3]: 1. Конкуренция ценностных систем и нормативная неопределенность. Современный молодой человек находится в поле напряженной конкуренции различных ценностных систем. Такая плюрализация приводит к нормативной неопределенности. Молодежь лишается четких, общепризнанных «инструкций» семейной жизни, что ведет к пролонгации поиска, страху совершить ошибку и откладыванию брака. 2. Противоречие между ценностью самореализации и семейными обязательствами. В системе ценностей современной молодежи доминирующее положение занимает индивидуализм и установка на личностный и профессиональный рост. Семья же, особенно с детьми, традиционно ассоциируется с ограничениями, ответственностью и «жертвой» личными интересами. Возникает воспринимаемый конфликт: «самореализация ИЛИ семья». 3. Экономическая детерминация и проблема ресурсной обеспеченности. Формирование установки на брак напрямую зависит от оценки собственных экономических возможностей. Нестабильность рынка труда, высокие требования к «стартовому капиталу» для отдельного проживания, воспитания детей, создают эффект экономической несостоятельности. Брак перестает восприниматься как ресурсная коалиция и начинает видаться как непосильная финансовая ноша. 4. Деформация образов брака и семьи в медиа-дискурсе. Средства массовой информации и цифровая среда выступают мощными агентами формирования установок. С одной стороны, наблюдается романтизация «идеальных отношений», создающая завышенные, нереалистичные ожидания. С другой - тривиализация разводов, конфликтов, измен в популярной культуре нормализует нестабильность брака. 5. Кризис института семьи как агента первичной социализации. Семья, будучи основным транслятором ценностей, сама переживает кризис. Вы-

сокий уровень разводов в родительских поколениях, конфликтные модели отношений, наблюдаемые молодежью в детстве, формируют установки недоверия к устойчивости брака. Ослабление межпоколенческих связей, дефицит позитивных примеров успешного долгосрочного партнерства подрывают саму возможность усвоения просемейных паттернов. Проблема формирования ценностных ориентаций молодежи на брак и семью носит системный характер и отражает глубинную трансформацию социального порядка. Ключевые противоречия лежат в плоскости столкновения ускоряющейся индивидуализации с коллективистской природой семьи, экономических рисков с потребностью в безопасности, медиатизированных симулякров с реальным опытом межличностных отношений. Преодоление выявленных проблем невозможно через возврат к нормативному принуждению или идеологическую пропаганду. Только комплексное воздействие на всех уровнях социальной организации может способствовать формированию у молодежи осознанных, ответственных и жизнеспособных ориентаций на брак и семью как на одну из ключевых ценностей человеческого существования.

Источники и литература

- 1) Педагогический дизайн в теории и практике профессионального образования / Е. Абовян, Г. Гарбузова, Л. Захарова [и др.]. – Брянск : Брянский государственный технический университет, 2024. – 207 с.
- 2) Мальцов С.И. Социальная инициатива в промышленном регионе во второй половине XIX века / Л. И. Захарова, Ю. Т. Трифанков, В. В. Дзюбан, Н. Г. Федькина. – Брянск : Брянский государственный технический университет, 2014. – 291 с.
- 3) Захарова Л. И. Историко-философский очерк об исследованиях социально-техногенного развития мира / Л. И. Захарова // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 79-90.

Зернин Сергей Владимирович

*ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия*

**Отношение молодежи к совместному проживанию без
регистрации брака (на примере города Екатеринбурга)**

В последние годы совместное проживание без регистрации брака становится все более распространенной практикой в молодежной среде. Это вызывает дискуссии о том, меняется ли само отношение молодежи к браку как социальному институту или же сожителство выполняет вспомогательную, временную функцию.

В данном исследовании ставится задача определить, воспринимается ли совместное проживание без регистрации брака как устойчивая ценностная норма либо преимущественно как своеобразный переходный этап на пути к официальному браку. Исследование проводилось методом анкетирования молодежи города Екатеринбурга в возрасте 18-25 лет. Количество опрошенных составило 140 человек, из которых 76 человек – мужчины (54%) и 64 – женщины (46%).

Результаты показывают, что совместное проживание без регистрации брака в целом допускают 78% респондентов (допустимость данной формы отношений не тождественна ее предпочтению в качестве долгосрочной жизненной стратегии). При этом отношение к данной форме отношений существенно различается по полу. Среди мужчин 22% рассматривают сожителство как полноценную альтернативу браку, тогда как среди женщин – лишь 14%. Напротив, ориентация на официальный брак как обязательный итог отношений более выражена у женщин: 42% женщин заявляют о предпочтении зарегистрированного брака против 29% среди мужчин. Сожителство как временный этап «проверки отношений» чаще отмечают женщины (48%), чем мужчины (43%).

Гендерные различия прослеживаются и в мотивации выбора незарегистрированного проживания. Мужчины в большей степени указывают на стремление сохранить личную свободу и избежать преждевременных обязательств (45% против 32% у женщин). Для женщин более значимыми оказываются экономические факторы: прежде всего отсутствие стабильного дохода и жилищной самостоятельности (58% против 45% у мужчин), а также неопределенность в перспективах отношений. Психологическая неготовность к браку как мотив отмечается обеими группами примерно одинаково (около 40%).

Важно отметить, что вне зависимости от пола большинство респондентов не отрицают институт брака как таковой. О намерении зарегистрировать отношения при улучшении материального положения и уверенности в партнере заявляют 76% женщин и 67% мужчин. Идеологическое неприятие брака фиксируется лишь у незначительной части молодежи (около 11%).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в ценностных ориентациях молодежи совместное проживание без регистрации бра-

ка чаще выступает не как новая социальная норма, а как функциональный и временный формат отношений. Несмотря на расширение допустимых моделей партнерства, официальный брак сохраняет статус желаемой и значимой формы семейных отношений. Это свидетельствует о сочетании элементов модернизации и сохранения традиционных установок в брачно-семейных ориентациях современной молодежи.

Источники и литература

- 1) Коблева Зурет Халидовна Незарегистрированный брак в оценках молодежи в условиях трансформации российского общества // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezaregistrirovannyy-b-rak-v-otsenках-molodezhi-v-usloviyah-transformatsii-rossiyskogo-obshchestva> (дата обращения: 29.12.2025).
- 2) Фурсина, Т. А. Отношение молодежи к незарегистрированному браку / Т. А. Фурсина, С. В. Кузьмина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 9.4 (113.4). — С. 72-74. — URL: <https://moluch.ru/archive/113/29339>.

Иванова Наталья Анатольевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Социальная политика Российской Федерации в преодолении демографического кризиса

Демографический кризис представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для устойчивого развития Российской Федерации. Его многогранная природа, выраженная в сокращении численности населения, старении общества и падении уровня рождаемости [3], оказывает значительное влияние на общественную политику и экономическое развитие страны. Недостаточный прирост населения в сочетании с ростом доли пожилого населения создает давление на социальную сферу, здравоохранение и пенсионную систему, а также затрудняет потребности в рабочей силе для роста экономики. Согласно данным Росстата, сегодня в России наблюдается снижение численности населения, отрицательный естественный прирост населения (число умерших превышает число новорожденных), уменьшение суммарного коэффициента рождаемости, старение населения и другие факторы [1].

В этом контексте преодоление демографического кризиса становится неотложной задачей для государственной политики, требующей комплексного подхода и эффективных мер, направленных на стимулирование рождаемости, поддержку молодых семей и создание благоприятной среды для роста населения [4].

Проблемы рождаемости в России начали появляться в начале XX века, и связаны они были с определенными кризисами в истории страны, включившую в себя две мировые войны, гражданскую войну, а также ошибки в социальной политике СССР. Стоит также отметить период 1990-х годов с характерным падением прироста населения [2] из-за нестабильной политической и экономической ситуации в стране, высокой смертностью трудоспособного населения.

Современная демографическая ситуация в России не соответствует требованиям к естественному воспроизводству населения, которая равна 2,1 человека на семью. Современные статистические данные указывают на цифру равную 1,61 детей в семье. В то время по прогнозу по данным Росстата этот коэффициент составляет 1,4-1,45. В связи с этими данными Правительство Российской Федерации активно проводит социальную политику, направленную на преодоление демографического кризиса в стране [4].

Пожалуй, самым известным мероприятием для преодоления демографического кризиса в стране является программа материнского капитала. Но в то же время многие исследователи отмечают, что экономическое стимулирование на длинной дистанции не дает значимого прироста населения. Современные тенденции мира в рождаемости не столь сильно упираются в экономическое благосостояние семьи, как внутренние предубеждения семьи, принадлежность к этнической группе и религии.

Россия имеет более чем тысячелетнюю историю развития страны. На всем протяжении мы несем традиционные ценности в наших семьях. Благодаря данным устоям население России неуклонно росло, но с развитием глобализации и ростом экономического благосостояния планирование семьи передвинулось на более поздний срок. Социальная политика государства направлена на сохранение и защиту семьи, в том числе с помощью экономического стимулирования. Приоритет отдается традиционным ценностям, которые так важны в современном мире, благодаря которым есть возможность к стимулу роста населения.

Источники и литература

- 1) Демография. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.01.2026).
- 2) Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне // Социально-трудовые исследования. 2023. № 51 (2). С.16-26.
- 3) Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (1). С. 4-43.
- 4) Национальные проекты России. Семья. Официальный сайт. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/> (дата обращения: 03.01.2026).

Казаков Роман Евгеньевич

*Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург, Российская
Федерация*

Особенности брачного выбора студенческой молодежи

Институт семьи в России переживает значительные изменения: значительная часть браков расторгается, возраст вступления в брак вырос до 25–27 лет у женщин и почти 28 лет у мужчин, распространяются незарегистрированные союзы, снижается рождаемость. Распад СССР и либерализация социальных норм привели к кризису традиционной патриархальной семьи, ослаблению контроля общественного мнения и усилению роли индивидуального выбора. Молодёжь как наиболее восприимчивая к социальным изменениям группа формирует новые модели брачного поведения, требующие научного осмысления в региональном контексте.

Основной целью эмпирического социологического исследования стало изучение факторов, влияющих на брачный выбор студенческой молодежи. Основной метод сбора информации – анкетный опрос студентов, проживающих в крупном промышленном городе Екатеринбурге (n=150). Для углубления понимания процесса брачного выбора мы также обратились к интервью со студентами, которые были вовлечены в анкетирование (n=6).

Большинство респондентов (68,7%) считают незарегистрированный брак нормой современности, при этом значительная часть рассматривает его как проверку отношений на прочность. Однако четверть раскрывает

его риск ухода от материальной ответственности, а почти пятая часть квалифицирует такой союз как безответственный.

Наиболее предпочтительный возраст вступления в брак: для женщин – 24–26 лет (54,5%), для мужчин – 27–30 лет (36,5%). К числу факторов стабильности брака опрошенные отнесли: испытываемые глубокие эмоциональные чувства к партнеру (70,7%), духовная близость (60,7%), устойчивое материальное положение (32%). При выборе брачного партнера студенты планируют руководствоваться личностными качествами будущего супруга/супруги (средний балл 3,89), чувством любви (3,90), схожими жизненными целями (3,79). Подчеркнем, что материальное положение и социальный статус родителей будущего жениха/невесты отходят на второй план.

Подавляющее большинство респондентов приветствует совместное управление семейным бюджетом (92,7%) и воспитание детей (97,3%), что свидетельствует об эгалитарной ориентации при выборе брачного партнера. Обращаясь к стратегиям поиска мужа/жены, студенты отметили в качестве приоритета компании знакомых (80,5%), место работы/учебы (68,5%), досуговые учреждения (58,4%). При этом обращение к цифровым «свахам» (приложения/сайты для знакомств) выбрала лишь пятая часть респондентов (18,8%), что свидетельствует о недоверии к виртуальным каналам как инструменту поиска брачного партнера.

Студенческая молодёжь демонстрирует доминирование эмоциональной составляющей над рациональной в брачном выборе; формируется эгалитарная модель супружеских ролей; сохраняется значение офлайн-взаимодействия в поиске будущего супруга/супруги. Полученные данные могут быть использованы для разработки и внедрения молодежных программ, ориентированных на формирование концепта крепкой семьи.

Карпова Вера Михайловна

ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Особенности эмоционального благополучия беременных – фактор наличия детей

Для современной демографической ситуации в России, и в первую очередь для уровня рождаемости характерны две главные тенденции. С одной стороны, происходит постепенное снижение показателя суммарного коэффициента рождаемости (СКР), который к 2025 году достигает практически сверхнизких значений – 1,3 детей [1]. С другой стороны, в

обществе сохраняются относительно высокие показатели идеального и желаемого числа детей, что может говорить о сохранении норм двухдетного образа жизни. Однако исследования, посвященные полноте реализации репродуктивных установок показывают довольно низкий уровень, когда в реальных семьях появляется в среднем лишь половина желаемых детей.

Таким образом значимой становится тема изучения факторов рождения второго ребенка, что приводило бы к полной реализации установок двухдетности и увеличивало бы шанс на рождение последующих детей. Среди множества факторов в данном исследовании был выделен один, связанный с предыдущей репродуктивной историей женщины. Действительно исследования показывают, что течение беременности, ее психологическое переживание, а также опыт родов являются значимыми факторами не только здоровья матери и ребенка [3, 4], но и дальнейшего репродуктивного поведения женщины [5].

В связи с вышесказанным представляет интерес опыт проживания, состояние здоровья, особенности жизни и психологического благополучия беременных женщин. В данной работе на основе данных Выборочно-го наблюдения состояния здоровья населения 2024 года (ВНСЗН-2024) проводится анализ психологического благополучия беременных женщин при помощи методики WHO-5, разработанной Всемирной организацией здравоохранения и используемой в качестве эффективного маркера общего психологического благополучия и отсутствия депрессии [6].

В рамках исследования были отобраны ответы женщин, имеющих беременность на момент опроса: всего было рассмотрена совокупность из 1333 ответов женщин в равной степени были представлены возрастные группы 18-29 лет и 30 лет и старше (48% и 52% соответственно). В целом полученные результаты свидетельствуют о достаточно благополучном психологическом состоянии беременных участниц исследования (средний балл по шкале WHO-5 составил 75,4, а риск развития депрессии был отмечен лишь у 8% опрошенных). Основной задачей данного исследования было сравнение уровня психологического благополучия женщин в зависимости от наличия опыта предыдущих беременностей, причем данное сравнение проводилось в разрезе возрастных групп, так как возраст является одним из ключевых факторов снижения психологического благополучия. В результате расчетов было выявлено, что среди женщин старше 30 лет первая беременность переживается с более высокими показателями психологического благополучия (76,1 по сравнению с 73,1 в группе женщин ($p < 0,05$), у которых уже есть дети), при этом в группе женщин 18-29 лет таких различий не наблюдалось.

Полученные предварительные результаты позволяют сделать вывод, что наличие опыта беременности является значимым фактором течения имеющейся беременности, что в свою очередь может повлиять на здоровье матери и ребенка как в ходе беременности, родов, так и после рождения ребенка. Таким образом, необходимо дальнейшее изучение данного аспекта и взаимосвязи репродуктивной истории, ее переживания и дальнейшего репродуктивного здоровья и репродуктивного поведения женщин.

Источники и литература

- 1) Kohler, H. Billari, F., Ortega, J. (2002) “The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe during the 1990s”, *Population and Development Review*, 28(4): 641-680
- 2) Карпова В.М., Ляликова С.В. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: сборник материалов VII Всероссийского социологического конгресса (Москва, 12-14 ноября 2025 г.). – Москва: РОС, 2025
- 3) Зефирова Т.П., Мухаметова Р.Р. Чем опасен психологический стресс для беременных и как снизить его влияние на течение беременности и перинатальные исходы. *Доктор.Ру*. 2023;22(5):34–39. DOI: 10.31550/1727-2378-2023-22-5-34-39
- 4) Брехман, Г.И. Психологические особенности беременных женщин / Г.И. Брехман, Н.П. Лапочкина // *Психологический журнал*. 1996. - № 6
- 5) Жаркова О. С., Уразаев А. М., Берестнева Е. В. Личностные особенности беременных женщин, ожидающих рождения первого ребёнка // *Acta Biomedica Scientifica*. 2013. №3-1 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-beremennyh-zhenschin-ozhidayuschih-rozhdeniya-pervogo-rebyonka>
- 6) Garland, A. F., Deyessa, N., Desta, M., Alem, A., Zerihun, T., Hall, K. G., Goren, N., & Fish, I. (2018). Use of the WHO’s Perceived Well-Being Index (WHO-5) as an efficient and potentially valid screen for depression in a low income country. *Families, Systems, & Health*, 36(2), 148–158. <https://doi.org/10.1037/fsh0000344>

Кирпикова Виктория Сергеевна

Российский Университет Дружбы Народов, Москва, Россия

Насилие над мужчинами в семье: генезис проблемы в детской социализации индивида

Первичная социализация является важным этапом для каждого индивида, так как именно она закладывает определенные нормы и ценности, образцы поведения, определяет мировоззрение и мироощущение. Говоря о воспитании, которое мы получаем от своих родителей, немаловажно рассмотреть то, насколько оно разнится между отношением в семье к девочке и к мальчику.

Мы зачастую слышим такие высказывания по типу: «научись решать проблемы по-мужски — кулаками», «главная роль мужчины — добытчик» и т. д. Так или иначе, эти установки укореняются в сознании индивидов. Отсюда начинают возникать некие стереотипы в рамках того или иного типа общества. «Так, Р. Коннелл создал концепцию гегемонной маскулинности. По данной концепции в обществе существует множество форм мужской самоидентификации, но одна из них находится всегда во главе — гегемонная маскулинность» [2. С. 245]. Рассматривая концепцию гегемонной маскулинности в рамках современного общества в контексте семейного насилия над мужчинами, важно заметить, что отрицательной чертой в характере мужчины является проявление слабости, что может послужить одним из поводов, замалчивания о проблеме насилия со стороны мужского пола. Помимо этого, норма физической силы и доминирования может оборачиваться ожиданием, что мужчина «все стерпит» или «даст сдачи», а если не может — он «не мужчина», что опять-таки скрывает проблему агрессии, направленной на мужчину. Тем самым, идея мужчины как «защитника», а не «жертвы», делает его «невидимым» для различных систем помощи. «Между тем, по данным Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Госдумы РФ сообщается, что мальчики подвергаются насилию в семье в 3 раза чаще, чем девочки, из них 60% — дошкольники и 40% — школьники» [3].

Также придерживаясь «теории социального научения Бандуры» [1. С. 310] можно заметить, что посредством наблюдения мальчиком за родителем, в частности отцом, который, как правило демонстрирует пример, что «мужчина не плачет», сверстниками-«поведи себя как мужчина-дай сдачи» и медиа, где происходит частая репрезентация образа отрицательного героя, решающего проблемы силой, складывается некая идеальная модель поведения для мужчины. Данная модель находит подкрепление в одобрении таких качеств, как агрессия, доминирование,

скрытие печали, которые становятся неким стандартом. Но если мальчик/мужчина начинает показывать слабость, выражающуюся в слезах или в просьбах о помощи – это поддается резкому осуждению со стороны окружающих. Именно так и происходит процесс прибегания к господствующей модели мужественности, в которой полностью отрицаются феминные черты. «Кроме того, социологи и психологи утверждают, что человек, испытывающий насилие в детстве, с большой вероятностью будет прибегать к той же модели поведения, как и его родители по отношению к собственной семье» [4]. Тем самым, насилие становится нормой для решения проблем, а молчание о нем является показателем того, что ты не слабый.

Источники и литература

- 1) Бандура А. Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений: Пер.с англ. Серия: Психология, XX век Издательство: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс. 2000 г.
- 2) Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / авториз. пер. с англ. Т. Барчуновой под ред. И. Тартаковской. м.: новое литературное обозрение. 2015 г.
- 3) Россияне бьют и будут бить детей, матери — чаще отцов [Электронный ресурс]: Вестник К. – Электрон. дан. – 2016 г. URL: <https://vestnikk.ru/society/people/25728-rossiyane-byut-i-budut-bit-detey-materi-chasche-otcov.html>
- 4) 20% родителей бьют детей. И вот, какими они потом вырастают [Электронный ресурс]: Комсомольская правда – Электрон. дан. – 2022 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27432/4633545/>

Клименко Герман Андреевич

Московский государственный университет, Москва, Россия

Отношение к браку у российских студентов

Основными тенденциями трансформации матримониального поведения российской молодежи являются снижение значимости официальной регистрации брачных отношений, рост популярности сожительства и незарегистрированных отношений (Ильиных, 2012; Чукреева, Дэбеева, 2016; Давлетшина, Долгих, 2018), смещение среднего возраста официального вступления в брак к старшим возрастным группам (Захаров,

2015), снижение доли молодежи в официальных брачных отношениях, более лёгкое отношение к разводам (Кучмаева, 2010; Малимонов, 2015), ранним началом сексуальной жизни (Архангельский и др., 2005).

Среди молодежи студенты обладают наиболее низкими ожидаемыми показателями рождаемости (Cleland, Rodriguez, 1988; Guryan et al, 2008; Калабихина и др., 2020). Значимость карьеры для студентов повышает вероятность отложить процесс официальной регистрации брака и рождения ребенка на более поздние сроки (Miller, 2011).

В то время как, люди с высшим образованием с большей вероятностью могут обеспечить более достойное воспитание детей они остаются наименее заинтересованы в создании расширенной семьи.

Исследование направлено на выявление матримониальных установок студентов российских ВУЗов (отношение к официально зарегистрированному браку, оценка мотивов регистрации брака, мотивов разводов и т. д.).

После обработки полученных данных были проанализированы ответы 5 356 студентов 229 российских ВУЗов из 59 регионов страны.

Были получены следующие результаты:

- 1) 73,7% опрошенных считают, что нужно регистрировать отношения.
- 2) Студенты крайне негативно относятся к браку по договоренности родителей (90% от всех опрошенных), свободным отношениям (80,5%) и браку «по залету» (60,3%). Положительное отношение у опрошенных сложилось к заключению брачного договора (51,7%). К браку во время обучения в вузе опрошенные преимущественно относятся нейтрально (31,2% - положительно, 55,1% - нейтрально и 11,5% - негативно).

3) Наиболее значимыми для студентов мотивами являются: любовь, желание партнера и рождение/воспитание детей. При этом наименьшей значимостью для студентов обладают такие институты как религия, традиции и родители.

4) Наиболее значимыми причинами невступления в зарегистрированный брак являются отсутствие уверенности в партнере, его неготовность, короткий период времени с момента знакомства и ранний возраст партнера.

5) Наиболее значимыми причинами развода студенты обозначили мотивы, связанные с наличием разного рода насилия (рукоприкладство, буллинг), изменами и наличием алкогольной или наркотической зависимости.

Статистический анализ данных опроса позволяет сформировать предварительно следующие выводы:

- Можно говорить о ценности осознанного планирования семьи среди опрошенных студентов.
- Учеба одного из партнеров, по мнению респондентов, не является причиной, препятствующей официальной регистрации брака.
- Для опрошенных студентов финансовые причины не являются ключевыми, препятствующими регистрации брака.

Источники и литература

- 1) Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). – М.: ТЕИС, 2005. 352 с.
- 2) Давлетшина Л. А., Долгих Е. А. Статистический анализ брачности и разводимости в Российской Федерации и ее регионах //Вестник университета. – 2018. – №. 7. – С. 88–92.
- 3) Захаров С. В. Браки и разводы в современной России //Демоскоп weekly. – 2015. – №. 625–626. – С. 1–29
- 4) Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №. 4 (20), вып. 1. – С. 220–232
- 5) Калабихина И. Е., Абдуселимова И. А., Клименко Г. А. Влияние высокоскоростного интернета на репродуктивное поведение в России //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2020. – №. 6. – С. 90–103
- 6) Кучмаева О. В. и др. О современной семье и ее воспитательном потенциале //Социологические исследования. – 2010. – №. 7. – С. 49–55
- 7) Малимонов И. В. и др. Проблема брачного поведения студенческой молодежи //Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – №. 10 (54). – С. 202–219
- 8) Чукреева Л. Н., Дэбзеева Т. Б. Семейные ценности студенческой молодежи вузов Республики Бурятия //Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – №. 12. – С. 39–42
- 9) Cleland, J., & Rodriguez, G. (1988). The effect of parental education on marital fertility in developing countries. Population studies, 42(3), 419-442

- 10) Guryan, J., Hurst, E., & Kearney, M. (2008). Parental education and parental time with children. *Journal of Economic perspectives*, 22(3), 23-46
- 11) Miller, A. R. (2011). The effects of motherhood timing on career path. *Journal of population economics*, 24(3), 1071-1100

Ковалева Галина Александровна

*ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет",
Череповец, Россия*

Установки на многодетность среди детей из многодетных семей города Череповца

В современном обществе семья как социальный институт претерпевает изменения. По мнению авторов [3,4] у молодежи наблюдается тенденция к индивидуализму, что проявляется в нежелании вступать в брак, рождении одного или вовсе отказе от детей. Молодые люди испытывают сомнения, связанные с родительством: страх финансовой нестабильности, потеря личного пространства, профессиональной реализации, а также высокая ответственность, связанная с воспитанием детей. О. Н. Калачикова [5] считает эти факторы способствующими сокращению числа многодетных семей и изменению представления о семье как о большой и сплочённой системе. На фоне изменений особенно интересно рассмотреть детей, выросших в многодетных семьях. Они получают уникальный опыт, наблюдая, как их родители справляются с воспитанием детей, строят отношения, распределяют обязанности. Стоит начать с главного вопроса, о том хотят ли дети из многодетных семей иметь многодетную семью в будущем. Обратимся к некоторым результатам исследования ВЦИОМ «Студенческая семья России» [2]. Большинство респондентов предпочли бы иметь 1-2 детей. Такая семья является оптимальным вариантом для большинства опрошенных, независимо от их текущего семейного положения. Желание иметь 3 детей демонстрируют примерно 20-22 %. Это подтверждают и данные нашего исследования «Установка на повторение родительской модели семьи у детей из многодетных семей». В интервью приняли участие 15 студентов из многодетных семей. Опрошенные не хотят много детей, почти все предпочитают завести 2 детей. Типичный ответ: *«Не хотела бы много, 2 наверное»*. Лишь трое предпочитают 1 ребенка: *«Наверное 1 ребенка максимум справлюсь»*. К счастью, есть те, кто готов последовать примеру родителей: *«Я была*

бы не против многодетной семьи, мне нравится, это весело и интересно». В настоящее время в Вологодской области [1] наблюдается снижение рождаемости и распространению семьи с одним-двумя детьми. Такая модель воспринимается как реалистичная с различных точек зрения. Если говорить об факторах, влияющих на формирование установки на рождение трёх и более детей, то в ходе интервью удалось выделить ряд ключевых аспектов. Финансы являются важной частью для планов респондентов, и при их наличии они готовы на создание большой семьи: *«Надо быть уверенным в своих финансовых».* Препятствием для респондентов становится построение карьеры: *«Я стала циничнее, потому что понимаю, большая семья усложнит профессиональную реализацию».* Важным для создания семьи респонденты считают брак. Найти хорошего партнера является особым фактором для шага к многодетности. Сужение брачного круга также осложняет намерения создания большой семьи. К сожалению, родительская семья - не пример для подражания. Многие делятся неприятными воспоминаниями о семье. Особенно это характерно для девушек, они заменяли младшим братьям и сёстрам мать. Многодетная семья — это не только весело, это проблемы достатка, удовлетворения потребностей, дефицит внимания со стороны родителей. Неутешительный вывод, к которому мы пока приходим – дети из многодетных семей не стремятся к повторению родительского опыта.

Источники и литература

- 1) В многодетных семьях Вологодской области воспитывается более 66 тысяч детей [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/news/by/story/26c2a4f7-51c3-58b7-8623-e61c9146ee23> (Дата обращения: 01.04.2025)
- 2) ВЦИОМ «Многодетная семья: оценка и отношение» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie> (Дата обращения: 01.04.2025). ВЦИОМ. Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (Дата обращения: 01.04.2025).
- 3) Грудина Т.Н. Трансформации института семьи и изменения норм детности // Образование и общество - 2013. - №5 (82) - С.98-102.
- 4) Журавлёва Е. К., Копцева О. А. Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // Народонаселение.

- 5) Калачикова О.Н. (2012). Некоторые аспекты репродуктивного поведения студенческой молодежи // Высшее образование в России. № 3. С. 132–136.

Ковалевская Елена Викторовна

*Институт социально-экономических проблем народонаселения им
Н.М.Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия*

Репродуктивное поведение россиян

Сложные социально-экономические условия в современной России изменяют уровень и качество жизни россиян, влияют на стабильность семьи и репродуктивное поведение россиян. В последние годы в нашей стране наблюдается снижение рождаемости и уменьшение числа детей в семьях. По данным результатов опросов, проведенных ВЦИОМ в феврале 2025 года, в 2014 году 29% респондентов имели одного ребенка в семье, у 38% россиян было двое детей, у 8% опрошенных было трое детей и четверо и более детей было у 2% от общего числа опрошенных. В 2025 году, спустя 11 лет, ситуация изменилась, но не в лучшую сторону, и доля респондентов с одним ребенком в семье составила 24% от общего числа опрошенных, то есть снизилась на 5%, а доля россиян, имевших двух детей стала 30% от всех опрошенных, то есть уменьшилась на 8% по сравнению с 2014 годом. В 2025 году доля имевших троих детей увеличилась до 13%, то есть таких семей стало больше на 5% по сравнению с 2014 годом. И в 2025 году в два раза увеличилось число семей с четырьмя и более детьми по сравнению с 2014 годом. В то же время, в 2025 году доля россиян, у которых не было детей составляла 26%, а 9% опрошенных из этой группы в ближайшее время ближайшие год или два планировали завести ребёнка, но 17% респондентов, не имевших детей, в ближайшее время не планировали заводить детей [1].

Данные опроса ВЦИОМ показали, что россияне откладывают рождение детей на более поздние сроки. В 2025 году среди 24% однопородных россиян 3% респондентов были в возрасте от 18 лет до 24 лет; 21% опрошенных в возрасте от 25 лет до 34 лет; 25% россиян в возрасте от 35 лет до 44 лет; 27% респондентов в возрасте от 45 лет до 59 лет и 29% от всех опрошенных в возрасте о 60 лет и старше. Среди 30% россиян с двумя детьми только 5% респондентов были в возрасте 18-24 года, 13% респондентов - в возрасте 25-34 года, 32% опрошенных - в возрасте 35-44 года,

35% и 41% россиян в возрасте 45-59 лет и 60 лет и старше соответственно. Трех детей имели 13% от всех опрошенных, и среди них трое детей было у 14% респондентов из группы в возрасте 35-44 года и возрастной группе от 60 лет и старше, в возрастной группе 45-59 лет троих детей имели 18% респондентов [1].

По данным опроса ВЦИОМ россияне стали чаще стали называть идеальной многодетную семью. Так, в идеальных условиях, без учета нынешних условий жизни, в группе респондентов 18-45 лет трех детей хотели бы иметь 35% женщин и 31% мужчин, двух детей хотели бы иметь 36% женщин и 27% мужчин, четырех детей и более детей хотели бы иметь 15% женщин и 27% мужчин, не хотели бы иметь детей 4% женщин и 2% мужчин [1].

За период с 1990 года по 2025 год повышение рождаемости в Российской Федерации было в 2015 году, и тогда суммарный коэффициент рождаемости достиг уровня 1,76, но в последующие годы рождаемости стала уменьшаться. В 2025 году в Российской Федерации суммарный коэффициент рождаемости по данным Росстата составил 1,38, то есть рождаемость в России пока продолжает снижаться. В 2025 году среди федеральных округов РФ наибольший суммарный коэффициент рождаемости был 1,77 в Северо-Кавказском федеральном округе и наименьший составлял 1,23 в Северо-Западном федеральном округе. Среди городов федерального значения наибольший коэффициент рождаемости в 2025 году был в Москве и составлял - 1,46, в Санкт-Петербурге он был 1,27 и в Севастополе – 1,09 [2].

Источники и литература

- 1) Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? Аналитический обзор ВЦИОМ 25 февраля 2025 года. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume?ysclid=mkzmnzzz5u806518827> (Дата обращения 28.01.2026).
- 2) Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Суммарный коэффициент рождаемости /Федеральная служба государственной статистики (Росстат) / Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/62852> (Дата обращения 20.01.2026).

Козин Сергей Владимирович¹, Жидяева Татьяна Павловна²

1 - Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 2 - Алатырский филиал ФГБОУ ВО "Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова", Алатырь, Россия

Воздействие социологии на семейно-демографическую политику современной России

Первостепенным моментом, на который нам хотелось бы обратить свое внимание, является та важная роль, которую играет социология. Социология играет центральную роль в формировании и непосредственной реализации национальной семейно-демографической политики в России, предоставляя эмпирическую базу для понимания современных тенденций в брачно-семейных отношениях, рождаемости и репродуктивном поведении [6, с. 175]. Эту информацию властям оперативно предоставляют такие социологические центры, как ВЦИОМ, ГАУГН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ, ФОМ и др. С результатами этих данных можно ознакомиться на страницах ведущих профильных социологических журналов, таких как: Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, Социологическая наука и социальная практика, Социологический журнал, Уровень жизни населения регионов России и др. Социологические исследования выявляют факторы, влияющие на демографические процессы, такие как социально-экономические условия, ценностные ориентации, доступность образования и здравоохранения, гендерное равенство, баланс между работой и личной жизнью, а также изменения в структуре общества например, появление класса прекариата [3]. Социологический анализ позволяет оценить эффективность существующих мер семейно-демографической политики и определить их влияние на различные группы населения. О.А. Дубровина и Т.П. Жидяева считают, что такие исследования показывают, какие меры поддержки семьи (например, материнский капитал, пособия на детей, жилищные программы) оказывают наибольшее позитивное воздействие на рождаемость и благополучие семей [1]. Кроме того, социология изучает трансформацию семейных ценностей и моделей, выявляя новые тенденции, такие как рост числа гражданских браков, отложенное материнство, увеличение количества одиноких родителей и изменение ролей супругов в семье. Понимание этих изменений необходимо для разработки гибкой и адаптивной семейно-демографической политики (в том числе и для мигрантов) [2; 4; 5], учитывающей современные потребности и ожидания различных поколений. Таким образом, социологические исследова-

ния являются необходимым инструментом для выработки научно обоснованной семейно-демографической политики в России, направленной на повышение рождаемости, укрепление института семьи и улучшение качества жизни населения. Они позволяют не только диагностировать проблемы, но и находить эффективные решения для их преодоления.

Источники и литература

- 1) Дубровина О.А., Жидяева Т.П. Обзор по итогам XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения» // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 339-343.
- 2) Козин С.В., Жидяева Т.П. Новые вызовы для российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 860-868.
- 3) Козин С.В., Жидяева Т.П. Новые знания в изучении российского прекариата (рецензия на книгу: Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2024. 462 с.) // Наука. Культура. Общество. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 85-93.
- 4) Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р. Адаптация мигрантов в России в зеркале социологических комплексных исследований // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 148-155.
- 5) Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р. Миграция из России в Кыргызстан: опыт социологического исследования // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 193-201.
- 6) Синельников А.Б. Что повысит рождаемость – льготы и пособия для семей с детьми или демографическая саморегуляция? // Социологический журнал. – 2020. – Том 26, № 2. – С. 174-182.

Кудасова Юлия Александровна (монахиня Фекла)

*Архиерейское Подворье Собора Святой Живоначальной Троицы с.
Белбаз, Факультет Социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

**Межинституциональное взаимодействие в формировании
просемейных ориентаций населения: социологический анализ
и практические решения**

Современная семейно-демографическая ситуация в России характеризуется снижением рождаемости, ростом нестабильности браков и ослаблением механизмов передачи просемейных ценностей. Эти процессы отражают не исчезновение институтов социализации, а снижение их эффективности и разрыв между декларируемыми нормами и реальными практиками населения. Государственная поддержка, фокусирующаяся на материальных мерах, оказывается недостаточной для формирования устойчивых семей. В этих условиях возрастает роль социологии как дисциплины, изучающей институциональные механизмы формирования семейных установок.

Материалы эмпирических проектов, реализованных в Городецкой епархии в 2012–2023 гг., демонстрируют потенциал взаимодействия государства, семьи и Церкви в преодолении дефицита семейной социализации. У населения проявляется системный дефицит не только целостных представлений о материнстве и отцовстве, но и практических компетенций для построения семьи.

Проекты типа «Путь к Жизни» показывают, что наиболее эффективные форматы формируют установки не через информирование, а через механизм «погружения» на практическом уровне в среду, интегрирующую образовательное, духовно-просветительское и социокультурное пространство. Институт Церкви в таких моделях усиливает, а не подменяет семейные функции, предлагая смысловые рамки, устойчивое сообщество и пространство освоения семейных ролей.

Региональный опыт выявил институциональные разрывы: отсутствие механизмов координации между муниципальными структурами и религиозными организациями, слабую мотивацию и недостаточные компетенции специалистов, отсутствие научного сопровождения и единой системы оценки результатов. Это подтверждает необходимость создания экспериментальных региональных площадок по межинституциональному проектированию.

С научной точки зрения межинституциональная модель позволяет:

- выстраивать новые форматы социализации;
- выявлять факторы формирования устойчивых семейных установок;
- оценивать механизмы ценностной трансляции;
- разрабатывать научно обоснованные инструменты демографической работы.

Таким образом, интеграция усилий государства и Церкви при научном сопровождении открывает возможность формирования новых стандартов семейной социализации и повышения демографической устойчивости. Социология в этом процессе выступает ключевым аналитическим

и проектировочным ресурсом, способным превратить локальные практики в элементы государственной политики.

Кузянина Анастасия Александровна

АлтГУ, Алтайский край, Барнаул, Россия

Организация межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, как системообразующий фактор эффективной помощи семье и детям

Аннотация: Семья в современных условиях не всегда самостоятельно находит выход из сложных жизненных ситуаций, что приводит к росту числа неблагополучных семей. Семейное неблагополучие находит выражение в конфликтных отношениях между родителями, между детьми и родителями, антисоциальном поведении. Неблагополучная семья нуждается в помощи со стороны. Объектом государственной защиты и поддержки может стать ребенок из семьи любого типа. Однако степень нуждаемости в социально-педагогической защите и поддержке у разных категорий детей будет различна. Особенно уязвимыми являются несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении (СОП). Сегодня семье уделяется пристальное внимание со стороны всех социальных институтов, занимающихся проблемами воспитания. Это объясняется пониманием того, что семье принадлежит приоритет в воспитании детей. Недостатки семейного воспитания можно преодолеть лишь в том случае, если меры воздействия на родителей выбраны в соответствии с особенностями ситуации в семье и осуществляются в рамках межведомственного взаимодействия. Взаимодействие — одно из главных направлений, отражающих процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения. В соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации воспитание ребенка для родителей является неотъемлемой составляющей частью осуществления родительских прав, поэтому органам и учреждениям системы профилактики при выявлении несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, рекомендуется в первую очередь признавать и уважать права и обязанности родителей, несущих по закону ответственность за ребенка. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»

№ 120-ФЗ (статья 4) определяет круг субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В так же статье указываются основные особенности, проблемы межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Рассматриваются особенности применения обновленного порядка межведомственного взаимодействия № 3 от 07.02.2025 по выявлению рисков социального сиротства и организации комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав индивидуальной профилактической работы в Алтайском крае. Проводится комплексное авторское исследование проблемы межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики на примере районов Алтайского края. Выработка новой стратегии работы специалистов учреждений социального обслуживания, управления социальной защиты населения, которая будет ориентирована прежде всего на качественное исполнений мероприятий межведомственных программ реабилитации, анализ эффективности кураторства семей находящихся в социально опасном положении.

Методология. общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (логико-юридический) методы познания, позволяющие раскрыть некоторые тенденции реформирования органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: взаимодействие, безнадзорность, беспризорность, порядок взаимодействия, куратор, орган системы профилактики, КДН и ЗП.

Межведомственное взаимодействие можно рассматривать как разновидность социального взаимодействия. Сторонами взаимодействия выступают социально ориентированные субъекты (органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, подведомственные им организации, учреждения, некоммерческие организации и иные), достигающие своих целей посредством определенных профессионально специализированных мер и действий. Основными путями и средствами оптимизации межведомственного взаимодействия учреждений социальной сферы при решении проблем профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются: обеспечение процессов взаимодействия необходимой законодательной базой; научно-методическое обоснование комплексной работы; четкое разграничение функций между участниками взаимодействия на всех уровнях совместной работы; предоставление учреждениям полномочий и средств в соответствии с выполняемыми функциями и поставленными задачами; обеспечение управленче-

ских структур и учреждений квалифицированными кадрами; организация единого информационного пространства; создание общей концепции совместных действий; оптимизация работы межведомственного координирующего звена и иные. Эффективное решение задач в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних нецелесообразно без работы сформированной межведомственной системы взаимодействия. Принятие Федерального Закона от 24.06.1999г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» заложило основу системы профилактики асоциальных явлений среди несовершеннолетних [3,с. 48].

Основные проблемные вопросы, возникающие при организации межведомственного взаимодействия

Проблемные направления

- Конкретизация проблемных вопросов.

Правовой статус КДН и ЗП:

- Неясность, размытость правового статуса комиссий не только внутри системы профилактики, но и с точки зрения их взаимодействия с образовательными учреждениями, общественными объединениями и иными организациями.

Обмен информацией:

- Отсутствие единого реестра (базы данных) КДН и ЗП в свободном доступе, в связи с чем желательна рассылка информации или предоставление ссылки на данную информацию для совместной эффективной работы;
- Отсутствие в общем доступе информации о методах работы с правонарушителями;
- Отсутствие информации об убытии несовершеннолетних, в том числе состоящих на учете, в другой субъект РФ;
- Несвоевременное предоставление информации о постановке несовершеннолетних обучающихся на учет в КДН и ЗП.

Организация совместной деятельности:

- Недостаточно совместных мероприятий с сотрудниками МВД направленных на пропаганду навыков здорового образа жизни, пропаганду культурно-семейных ценностей, также требуется специалисты для оказания обучающимся превентивной помощи в решении

проблем и трудностей социального, психологического и личного характера;

- Частая смена кадров по линии МВД, учреждений социальной сферы.

Иные:

- Медленное реагирование на запросы образовательных организаций, бюрократизация всех действий.

На текущий момент настоящий порядок разработан в целях обеспечения межведомственного взаимодействия и согласованной работы органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению рисков социального сиротства и организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и их семьями [2, с. 114-124].

Вводятся такие понятия как:

трудная жизненная ситуация – обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности гражданина и последствия, которых он не может преодолеть самостоятельно;

семья, находящаяся в социально опасном положении, – семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию

и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними;

несовершеннолетний, нуждающийся в помощи государства, – это безнадзорный несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей (иных законных представителей) либо должностных лиц, в отношении которого отсутствует возможность незамедлительной передачи его родителям (иным законным представителям), обеспечения в полной мере сохранности его жизни и здоровья, и (или) несовершеннолетний, пострадавший от противоправных посягательств или в отношении которого предполагаются такие посягательства и находящийся в обстановке, представляющей угрозу его жизни и (или) здоровью либо препятствующей нормальному воспитанию и развитию;

куратор семьи – специалист органа или учреждения системы профилактики, в функциональные обязанности которого входят: построение

доверительных отношений с членами семьи, находящейся в социально опасном положении, содействие в выполнении мероприятий межведомственной индивидуальной программы реабилитации и адаптации;

ведомственная индивидуальная профилактическая работа – мероприятия, которые реализуются отдельно взятым органом или учреждением системы профилактики в рамках его компетенции на основании нормативных правовых актов, регулирующих сферу деятельности данного органа или учреждения, и не требуют координации межведомственного взаимодействия со стороны муниципальной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;

межведомственная индивидуальная профилактическая работа – комплекс мероприятий, отражающих согласованные действия органов и учреждений системы профилактики, направленные на своевременное выявление несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, их социально-педагогическую реабилитацию и (или) предупреждение совершения ими правонарушений и антиобщественных действий, которые реализуются на основании межведомственных индивидуальных программ реабилитации и адаптации, утверждаемых постановлениями муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав [1, с.1-3].

Для более успешного взаимодействия субъектов системы профилактики в большей степени необходимо, чтобы территориальная комиссия по делам несовершеннолетних занимала главенствующую позицию в системе профилактики и обладала, в связи с этим расширенными полномочиями [3, с. 100-108]. Одним из таких полномочий могло бы стать право на санкции в отношении субъектов профилактики, не исполняющих должным образом свою деятельность.

Улучшению качества функционирования системы профилактики в целом будут способствовать мероприятия по повышению престижа деятельности специалистов, осуществляющих профилактику правонарушений. Для изменения существующего на сегодняшний день состояния данной системы потребуются достаточно глубокая и разнонаправленная работа, в том числе научно-исследовательского характера.

Источники и литература

- 1) Порядок межведомственного взаимодействия по выявлению рисков социального сиротства и организации комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав индивидуальной профилактической работы в Алтайском крае//07.02.2025 №3 С. 1-3.

- 2) Аржанов В.В. Вызовы, стоящие перед комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 114-124.
- 3) Ермолаева Т.А., Ильгова Е.В., Зайкова С.Н. Четные функции субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации как элемент их информационного взаимодействия // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4.
- 4) Туганбекова К. М., Мусраунова А. С. ущность социальной профилактики в социальной работе [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SWMN_2010/Pedagogica/58825.doc.htm

*Куприянова Татьяна Сергеевна¹, Вдовина Маргарита
Владимировна¹*

*1 - Российский государственный социальный университет, Москва,
Россия*

Роль молодежи в адаптации старшего поколения к условиям цифрового общества

Цифровизация общества диктует изменения социального взаимодействия и подразумевает цифровую трансформацию во всех видах деятельности. При этом современное общество неуклонно стареет, и нарастают проблемы с адаптацией старшей возрастной когорты к новым технологиям и новым цифровым услугам.

Цифровая власть сейчас принадлежит людям преимущественно молодого возраста, чей жизненный опыт недостаточен для безошибочного проектирования цифровых услуг, и часто при разработке информационных систем и приложений возможность включить в число пользователей пожилых граждан минимальна. Актуализируется роль молодого поколения в содействии преодолению цифрового разрыва поколений, одновременно с пользой для молодых изучать сценарии старения, разрабатывать новые и вносить совершенствования в имеющиеся технологии. Опрос, проведенный в 2025 г. онлайн-платформой «Авито», показал, что почти 64% молодых и людей среднего возраста в России помогают старшим родственникам в освоении цифровых технологий. Эта помощь, чаще всего, включает в себя семейную поддержку, волонтерские инициативы, образовательные программы.

Особенности когнитивной сферы человека в старшем возрасте часто подразумевают необходимость наличия медиатора и адаптивных методик для использования цифровых устройств. Младшим членам семьи приходится многократно повторять одни и те же наставления и примеры для успехов в цифровом обучении пожилых.

Особого участия молодых требует профилактика мошеннических действий в сети, чтобы обезопасить пожилого пользователя. Молодым родственникам важно следить за уровнем критического мышления старших, однако не уходить в режим их пассивного подчинения – необходимо делать «вместе», а не «вместо».

Нынешняя молодежь становится не только производителем информационных продуктов, но и обязана учитывать потребности старшего поколения, чтобы минимизировать предпосылки к цифровому возрастному неравенству.

Источники и литература

- 1) Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 131-143.
- 2) Вдовина М.В. Человек в цифровом обществе. Тверь, 2024. 105 с.
- 3) Вдовина М.В., Ускова Е.В. Межпоколенческие отношения в семье в условиях цифровизации. В сборнике: Российская семья в повседневной жизни: горизонты благополучия. Материалы XXI Международного конгресса. Москва, 2023. С. 28-31.
- 4) Вдовина М.В. Семейная конфликтология. Москва, 2011. 264 с.
- 5) Семейведение / Прохорова О.Г., Холостова Е.И. и др. (1-е изд.). Москва, 2013. 403 с.
- 6) Цифровая грамотность и старшее поколение: как молодежь помогает пожилым людям осваивать онлайн-сервисы? (результаты опроса, проведенного онлайн-платформой «Авито») URL:https://dzen.ru/a/Z__qZuT0VVfbsvFq (дата обращения 30.01.2026).

Лаврикова Анастасия Александровна¹, Шумилова Ольга Евгеньевна¹

1 - Тульский государственный университет, Тула, Россия

Формирование ценностных ориентаций молодежи на брак и семью: вызовы современности

В условиях общемировых демографических вызовов и стратегической задачи повышения рождаемости, молодые семьи остаются ключевым субъектом воспроизводства населения. Ценностные ориентации данной социальной группы на брак и семью, формирующиеся на стыке макроэкономических условий, институционального влияния и глубоких социокультурных трансформаций, определяют долгосрочные демографические тенденции. Изучение этих процессов на региональном уровне приобретает особую практическую значимость, поскольку именно в регионах происходит непосредственная реализация федеральной демографической и семейной политики, а социально-экономическая и культурная специфика территории накладывает отпечаток на жизненные стратегии молодежи.

В рамках партнерского проекта Тульского государственного университета и Министерства труда и социальной защиты Тульской области в декабре 2025 года был проведен очередной этап мониторинга «Социально-экономическое положение и репродуктивные намерения молодых семей». Его цель состояла в анализе динамики репродуктивных и брачных установок молодых семей в контексте государственной политики, ориентированной на рост рождаемости, для последующей разработки корректирующих мер. Эмпирическим объектом выступили представители супружеских пар (официально зарегистрированных и незарегистрированных), вступивших в отношения в период с 2016 по 2020 годы. Объем выборочной совокупности составил 300 человек. Ошибка выборки не превышает 3 %, что позволяет считать выводы относительно надежными.

Исследование выявило устойчивый разрыв между декларируемыми репродуктивными установками (ориентация на 2 - 3 детей) и реальными краткосрочными намерениями. Ключевым фактором, препятствующим реализации этих аттитюдов, остаётся субъективно высокая значимость социально-экономических барьеров (материальная и жилищная обеспеченность, стабильность занятости), даже при средней или выше средней оценке текущих условий жизни.

Ценность официального брака сохраняется, однако его заключение откладывается. Регистрация брака, особенно первого, имеет высокую значимость и коррелирует с возрастом, уровнем образования и более чёткими репродуктивными планами. При этом доминирующей моделью стала последовательность: длительное сожительство («проверка чувств») → брак → дети, что позволяет говорить о пролонгированном «добрачном» этапе как новой социальной норме.

Репродуктивные планы представителей молодых семей носят размытый характер и зависят от жизненного этапа. Наибольшая неопреде-

лённость и чувствительность к барьерам (образовательным, карьерным, жилищным) наблюдается в младшей возрастной когорте (18–24 года) и среди лиц с неустойчивым положением на рынке труда.

Такие меры демографической политики, как материнский капитал, льготная ипотека и выплаты, не выступают первичным мотивом для решения о рождении ребёнка (лишь 5,4 % респондентов связали своё решение с ними). Однако они высоко ценятся как необходимое условие, снижающее риски и уровень тревожности. Таким образом, поддержка воспринимается не как «стимул», а как механизм, ослабляющий влияние основных барьеров.

Выделены зоны территориального и социального риска. В частности, идентифицированы муниципальные образования с низкой устойчивостью брачных установок. К социально уязвимым в контексте репродуктивного планирования относятся молодые люди 18–21 года и безработные, для которых первостепенными являются проблемы самоопределения и достижения базовой экономической стабильности.

Лебедева Людмила Геннадьевна

ФГАОУ ВО "Самарский государственный экономический университет", Самара, Россия

**Проблема брачно-семейных ценностных ориентаций
молодежи в аспекте международной миграции и
межнациональных браков**

По исследованиям, выделяются жизненные траектории – «ориентация на создание семьи и рождение детей; профессиональное становление и включение в общественное разделение труда» [1, с. 17]. В межнациональных браках и семьях «жизненные траектории» приобретают социокультурное своеобразие. Как показывают социологические данные, «стержневая траектория – ориентация 97% населения в возрасте 18 лет и старше на создание счастливой семьи, рождение и воспитание хороших детей» [1, с. 18]. Первенство указанной «стержневой траектории» свойственно всем возрастным группам, начиная с молодежи 18–30 лет [1, с. 22].

Внутренняя и международная миграция и прибытие беженцев из других стран являются очень значимыми явлениями [2]. В связи с миграцией всё более существенным становится вопрос о содержании идентичностей и этнонациональных ценностей у членов интернациональных семей. Что будет на первом плане – местное (российское) или пришедшее извне (зарубежное), или нечто третье – гибридное?

Существует точка зрения, что человек будет принимать и поддерживать (сознательно и неосознанно) национальную память, культуру и ценности [3, с. 328]. Но ведь внутри семьи люди существуют не сами по себе, а сосуществуют с другими членами семьи и вынуждены, вольно или невольно, придерживаться каких-то общих норм совместной жизни. Это касается и гендерного аспекта. Так, у россиян проявляются черты-свойства, свидетельствующие о наличии «женского мира» и «мужского мира» [4, с. 16]. Следует также иметь ввиду различие в ценностных ориентациях мужчин и женщин во всем населении, и что это различие «не является специфически внутрисемейным феноменом» [5, с. 63]. Однако, несомненно, что межнациональный брак придаёт определённую социокультурную специфику «совместности» людей в семье.

В большинстве случаев в обычных российских семьях (а также в семьях сопредельных стран) преобладают признаки патриархального уклада – ведущей роли мужчины в решении основных вопросов семейной жизни (прежде всего, финансово-экономических), соответственно, аналогичная ситуация может автоматически складываться и в случаях межнационального брака и семьи. Так какую же культуру и ценности будут культивировать иномонациональные мужчины, прибывшие в Россию?! Или условия заставят приехавших в Россию «подстраиваться» под общероссийскую социальную ситуацию?! Конечно, играет роль и модель социокультурной адаптации, свойственная конкретным индивидам (ассимиляция, сепарация, маргинализация или интеграция) [6, с. 319–320].

В любом случае, проблема «конфликтогенности миграции» [7] имеет и внутрисемейное (микросоциальное) измерение.

Если рассматривать «идентичности россиян как фактор консолидации российского общества» [8], то следует присмотреться, что же происходит при увеличении доли межнациональных браков и семей в связи с миграцией?! В целом, исследования проблем межнационального брака и семьи приобретают всё большую актуальность.

Источники и литература

- 1) Шереги Ф.Э., Приведенцева О.С. Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 13–36.
- 2) Lebedeva L.G., Orlova L.V. The City as a Social Space of Interaction between Generations // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 4. Сер. "4th World Multidisciplinary Civil Engineering-Architecture-Urban Planning Symposium, WMCAUS 2019 - Section 3" 2019. P. 042062.

- 3) Цун Линь. Национальная идентичность этнических меньшинств Китая: опыт Тибета и Синцзяна // Социология. 2020. № 2. С. 328–333.
- 4) Лебедева Л.Г. Социологический взгляд на нынешние поколения россиян (гендерный аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2025. Т. 11 (77). № 1. С. 10-20.
- 5) Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В., Новоселова Е.Н., Синельников А.Б., Жаворонков А.В. Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов // Коллективная монография / Москва: Издательство «Перо», 2021. 240 с.
- 6) Константинов В.В., Осин Р.В. Модели социокультурной адаптации мигрантов: история и типология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 315–342.
- 7) Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (09). С. 16–29.
- 8) Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 18–33.

Леньшин Владимир Петрович

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра
РАН, Москва, Россия*

**Межведомственное взаимодействие и искусственный
интеллект в реализации государственной демографической и
семейной политики: регионально-муниципальный аспект.**

Реализация государственной демографической и семейной политики, на регионально-муниципальном уровне, обусловлена не только нормативными правовыми актами, методологией научных исследований, но и социально-экономическим взаимодействием, системой государственного, муниципального и отраслевого управления.

Комплексный подход к реализации государственной демографической и семейной политики предполагает разработку и реализацию механизма межведомственного взаимодействия в институциональной форме на региональном и муниципальном уровнях. Участники межведомственного взаимодействия: органы власти, научно-образовательное и предпринимательское сообщества, институты гражданского общества, общественные объединения, общественные организации, иные структуры.

К устоявшимся инструментам достижения целевых показателей демографической и семейной политики, в настоящее время, относятся материнский капитал, единое пособие для семей с невысокими доходами, льготная ипотека. С 2026 года данный перечень расширится за счет семейных налоговых выплат, погашения ипотечного кредита.

В силу того, что в нормативных правовых актах акцентируется внимание на преимуществах механизма межведомственного взаимодействия в реализации демографической и семейной политики, то логично говорить и о системном подходе к разработке корпоративных Дорожных карт, и о соответствующих системных элементах инструмента их реализации. Наибольшая эффективность функционирования последних, в условиях временных и ресурсных ограничений, достигается за счет искусственного интеллекта и системных элементов инструмента реализации механизма межведомственного взаимодействия и дорожных карт.

В данном контексте искусственный интеллект рассматривается как комплекс социально-технологических решений включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке различных эмпирических и статистических баз данных¹ и разработке на их основе необходимых социальных технологий.

Системные элементы инструмента реализации механизма межведомственного взаимодействия и дорожных карт: социальные технологии, количественные показатели и качественные характеристики получаемые в процессе методологического, методического, социологического, аналитического, информационно-коммуникационного, экспертного, рекламного (социальная реклама) сопровождения реализации корпоративных Дорожных карт и в целом механизма межведомственного взаимодействия.

Источники и литература

- 1) Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (С изменениями и дополнениями от 15 февраля 2024 г.); Заседание Совета по реали-

зации государственной демографической и семейной политики 23 октября 2025 года.

Лихачев Николай Егорович

МГУ имени А.А.Кулешова, Могилев, Беларусь

Роль социальной поддержки семьи: социологический анализ

Вопросы семейной политики государства в последние годы оказались в эпицентре общественного внимания и обсуждаются на различных уровнях властных структур, научных конференциях, публицистике. Дискуссии посвящены главным образом констатации кризиса семьи и перспективам супружеских отношений. В каждой стране реализуется свой комплекс задач, направленных на укрепление стабильности брачных отношений. В условиях Беларуси, как показывают социологические исследования, рост разводов, сокращение рождений напрямую связаны с материальными и жилищными условиями. Но немаловажную роль здесь играют и духовно-нравственные устои общества, отношение к традиционным семейным ценностям, положение женщины-матери и роль мужчины в семье. Необходим комплекс экономических, психологических и других мер, способствующих обновлению социальных программ, позволяющих выйти из критической демографической ситуации. В основу эмпирического материала положены результаты социологического интервьюирования 510 респондентов в разных регионах Могилевской области.

В ходе социологического исследования мы предложили нашим респондентам ряд мер социальной направленности, применение которых в определенной мере смягчило бы проблемы незащищенности некоторых категорий семей. Участники исследования продемонстрировали единодушие по поводу оказания помощи таким семьям. Так, 90% опрошенных одобряют расширение объемов строительства жилья, которое на льготных условиях предоставлялось бы молодым семьям, матерям-одиночкам и другим незащищенным социальным категориям. Свыше 80% респондентов поддерживают предложение о необходимости наличия в городе (районе) банка свободного муниципального жилья, чтобы нуждающиеся могли на время снять дешевую квартиру (например, в случае конфликта между супругами). Более 96% согласны с тем, что необходимо организовать продажу в кредит бытовых товаров длительного пользования (холодильников, стиральных машин, мебели и т.п.) многодетным, неполным и малоимущим семьям.

Несмотря на скромные материальные возможности многих семей с детьми, число удовлетворенных своей жизнью превышает шестидесятипроцентный рубеж. Среди имеющих небольшой супружеский стаж таковых оказалось более 80%. Этот факт еще раз подтверждает тезис: наличие семьи стабилизирует психическое состояние личности, позволяет человеку иметь "эмоциональную нишу" для отдыха от производственных, политических, экономических и иных потрясений. Супружество и родительство играют роль своеобразных амортизаторов, позволяющих снижать социальное напряжение. Следовательно, чем прочнее семейно-брачные устои, тем менее конфликтным будет общество. Эти же данные показывают, что материально-бытовая и личностная неустроенность провоцируют психоэмоциональное напряжение, усиливают состояние конфликтности.

Таким образом семейная политика должна опираться не на фрагментарные действия и эпизодические финансовые инъекции той или иной социальной категории семей, а стать целенаправленной планомерной деятельностью по укреплению семьи.

Лихачёва Светлана Николаевна

МГУ имени А.А.Кулешова, Могилев, Беларусь

Социальные проблемы молодежи в восприятии старших поколений

Проблемы молодежи актуальны не только для нее самой и государства, но и для старших поколений, взаимодействующих с молодыми на уровне семьи, образования, трудовой деятельности и в других сферах общества. Однако на сегодняшний день отношения между поколениями приобретают более сложный характер, например, из-за так называемого «цифрового неравенства», связанного с освоением информационных технологий; увеличением интенсивности миграции трудовых ресурсов за пределы страны, когда уезжают чаще молодые; имеет место конкуренция за рабочие места; возникают вопросы с приоритетностью социальной поддержки со стороны государства разных возрастных групп. Несомненно, жизненный опыт старших подсказывает ошибки, которые можно было бы избежать современной молодежи и не растрачивать свою жизнь впустую.

При проведении опроса в Могилевской области управлением социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» представителям

среднего и старшего возраста был задан вопрос: «Какие проблемы Вы считаете актуальными для современной молодежи?». Взрослые «бьют тревогу» по поводу интернет-зависимости молодежи (65,1%), которая отнимает массу времени, отрывает от реальной жизни, неконтролируемо влияет на ценностные ориентации, деформирует психику. На втором месте оказалось использование молодежью электронных сигарет (46,9%), продающихся в местах скопления людей и являющихся модным поветрием с разнообразными «вкусами», мифами о меньшей вредности и т.д. Многими отмечается как проблема невысокая оплата труда молодых специалистов (37,1%) и трудности с трудоустройством (37,7%), что, несомненно, является причиной для беспокойства их родителей. Но каждый четвертый сталкивается с нежеланием молодых прилагать усилия для достижения цели (25,1%), а также 18,3% отметили, что тратится время на бесполезные занятия. Беспокойство вызывает отношение к здоровью, злоупотребление алкоголем, табаком, наркотиками. Наименьшими проблемами стали недостаток денег на карманные расходы и трудности в получении образования.

Можно утверждать, что оценка современной молодежи старшими поколениями в большинстве случаев происходит по сравнению с самими собой. Предположение о том, что они считают молодых «потерянным» поколением, не подтвердилась. Отмечается, современные молодые люди в первую очередь стремятся найти себе достойную работу, в группе 50 лет и старше так считает большинство.

Старшие поколения не видят серьезных внешних препятствий для самореализации молодежи и объясняют ее затруднения пассивностью, нежеланием брать на себя ответственность. Как проблема отмечается невостребованность молодежи на рынке труда и, связанная с ней, общая ситуация с распределением трудовых ресурсов по отраслям и регионам. Показательно, что немногие видят какую-либо дискриминацию со стороны старших поколений, тогда как молодежь говорит об этом часто, особенно в связи с местами работы в престижных сферах.

Ломакина Ульяна Сергеевна

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Феномен "внутренней маятниковой миграции" и его влияние на семейную жизнь в России.

Как говорила М. В. Афонина: «Внутренняя маятниковая миграция – условное название регулярных, обычно — ежедневных, поездок населе-

ния из одного населённого пункта (места жительства) в другой — на работу или учёбу и обратно». Маятниковая миграция начала развиваться с появлением современного транспорта, который позволяет за более короткое время пересекать значительные расстояния. В большинстве случаев маятниковая миграция преобладает в отдалённых от городских агломераций местах. В российском обществе внутренняя маятниковая миграция распространена в регионах, где имеется весомый процент безработицы или непримечательное для индивида место учёбы. Но, также, помимо деловых и учебных передвижений, к ней можно отнести и систематические передвижения населения для удовлетворения культурно-бытовых и рекреационных потребностей внутри страны. Таким образом, можно сказать, что мобильность перемещения в большей степени преобладает в сельской местности, чем в городской.

По данным Росстата за 2022 год, среди 3,47 миллиона человек, совершивших переезд, внутренняя миграция (в пределах региона) составила 1,64 миллиона человек (47,4%). В то же время межрегиональная миграция (переезд в другой регион) была несколько более распространённой — 1,82 миллиона человек (52,6%). В основном данный феномен преобладал в сельской местности — 30,9% (1069,2 тыс. человек). В городской же местности внутренняя маятниковая миграция составила 69,1% (2396 тыс. человек). Исходя из статистики за 2022 год, можно сказать, что в основном внутренняя маятниковая миграция преобладает в сельской местности, где в основном отсутствует развитость многих аспектов, присущих городской агломерации.

Внутренняя маятниковая миграция, несомненно, влияет на взаимоотношения внутри семьи. В зависимости от того, какой член семьи покидает место жительства, или в зависимости от обстоятельств, ситуация может повлиять как положительно, так и негативно.

Рассмотрим более распространённую ситуацию среднестатистического человека, проживающего в России.

Негативным влиянием на семейную жизнь может стать дефицит времени, из-за траты его на дорогу. Таким образом, возникает систематическая усталость от дороги и отсутствие или малое количество времени, проведённого с родными и близкими индивида, а также помощи с детьми и ведением домашних дел. Из проблемы помощи с детьми и ведения быта вытекает проблема ролевой перегрузки одного из членов семьи, который вынужден брать на себя весь быт, воспитание и организацию жизни, что ведёт к переутомлению и чувству несправедливости. Помимо вышеперечисленного, внутренняя маятниковая миграция нарушает семейные ритуалы или традиции, так как недостаточное внимание или

отсутствие члена домашнего круга разрушает единство семьи и повышает риск появления конфликтов и отчуждения. Вдобавок возникает бытовая сложность в виде значительных расходов на транспорт и постоянное планирование перемещения из точки А в точку Б.

Стоит учесть, что внутренняя маятниковая миграция может иметь не только негативное влияние, но и позитивное. За счёт осознанного выбора высокой зарплаты индивид получает экономическую стабильность и повышенный уровень жизни, что улучшает материальную базу семьи. Благодаря большим затратам времени на дорогу, встречи близких после разлук становятся качественными и более эмоциональными, что может сделать взаимоотношения внутри семьи более крепкими. В некоторых случаях может развиваться самостоятельность в ведении быта и ответственность.

Как мы выяснили, внутренняя маятниковая миграция больше всего распространена внутри региона, позволяя найти альтернативный источник досуга, дохода или подходящее место учёбы. Также, проводя сравнительный анализ, можно сказать, что негативное влияние на семейную жизнь преобладает в большей степени, чем позитивное, поскольку внутренняя маятниковая миграция сама по себе уже является социальной проблемой, которая со временем набирает всё больше оборотов.

Источники и литература

- 1) Руденко, Л. С. Миграционные процессы в современном городе [Электронный ресурс] // LibCat : электронная библиотека. – URL: <https://libcat.ru/knigi/spravochnaya-literatura/spravochniki/sociology-book/372212-5-larisa-rudenko-migracionnye-processy-v-sovremen-nom-gorode.html> (дата обращения: 30.01.2026).
- 2) Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году. Статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 30.01.2026)
- 3) Афолина, М. В. Миграционные процессы в современном городе / М. В. Афолина // Социологические исследования. – 2024. – № 5. – С. 45–58.

Лукащук Виталий Игоревич

*Севастопольский государственный университет, Севастополь,
Российская Федерация*

Социологический анализ факторов рождаемости в Республике Крым

Рождаемость является ключевым демографическим показателем, который, определяя воспроизводство населения, оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие региона/страны и национальную безопасность в целом.

Материалы последнего футурологического форума ВЦИОМ [1] указывают на тревожную перспективу: к 2036 году мировой средний коэффициент рождаемости достигнет 2,15, что позволит обеспечить простое воспроизводство населения, однако не предполагает его рост в целом. В прогнозах на 2050 год этот показатель снизится до 1,8, а к 2100 году – до критической отметки 1,6. К концу XXI века лишь в шести странах на одну женщину будет приходиться более двух детей, что свидетельствует о дальнейшем снижении рождаемости в большинстве государств [2].

Как и в большинстве регионов России, в Крыму наблюдается снижение суммарного коэффициента рождаемости ниже уровня воспроизводства населения, что в последствии может привести к замедленному социально-экономическому развитию региона [3].

Для разработки эффективных мер поддержки семей необходимо понимать, какие именно факторы оказывают наибольшее влияние на репродуктивное поведение жителей региона.

На основе эмпирических данных установлено, что суммарный коэффициент рождаемости в Республике Крым по состоянию на конец 2023 года составил величину 1,419, что на 0,6 % выше среднего общероссийского показателя (1,41). Однако эта положительная динамика не перекрывает общую тенденцию к снижению рождаемости. Установлена основная причина этого спада – уменьшение числа семей, решающих на рождение первого или второго ребенка, что говорит о значительных изменениях в структуре рождаемости, связанных с продолжающимся трендом откладывания на более поздний возраст рождения первого ребенка. Такой сдвиг негативно сказывается на показателе рождаемости вследствие естественных возрастных изменений организма, в том числе репродуктивных функций, что затрудняет реализацию планов по рождению потомства. Кроме того, с возрастом у людей формируются устоявшиеся представления о комфорте и привычном образе жизни, и появление нового члена семьи рассматривается как риск потери привычного стиля существования. Особенно отчетливо это проявляется при планировании второго и третьего ребенка, без рождения которых невозможно обеспечить полноценное обновление популяции и преодолеть существующую

ющие негативные демографические тренды. Используя при прогнозировании метод «передвижки возрастов» был сделан вывод, что сдвиги в возрастной структуре населения Крыма могут обеспечить увеличение числа рождений, начиная с [U+202F] 2028 [U+202F] года. Данный сценарий базируется на прогнозируемых изменениях возрастной структуры населения при сохранении текущих показателей рождаемости (без учёта возможных мер демографической политики). Предложен ряд конкретных мер для повышения рождаемости в Республике Крым.

Источники и литература

- 1) Футурологический конгресс – 2036. Демография // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/futurologicheskie_kongress-2036_demografiya.pdf (дата обращения 18.01.2026).
- 2) Макаров, В. Л. Долгосрочное демографическое прогнозирование в новых реалиях / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. – № 3. – С. 85–94.
- 3) Архангельский, В. Н. Статистическая оценка влияния региональных мер демографической политики на рождаемость / В. Н. Архангельский // Факторы и механизмы демографического развития. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. – С. 453–472.

Ляликова Софья Викторовна

ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Особенности включения отцов в заботу о детях

Детство россиян было счастливым, согласны с данным утверждением 86% респондентов, причем делает его счастливым в первую очередь совместное времяпрепровождение с родителями (76%) [1]. Сегодня родительство некоторыми исследователями воспринимается не как естественная практика, а то, чему следует учиться, осваивая широкий спектр навыков и компетенций [6:7]. Современное отцовство подвергается все большему переосмыслению и перестает отождествляться исключительно с экономической функцией, акцент смещается на качество родительно-детских отношений [6:24].

Эмпирические данные исследования бюджетов времени Росстат-2019 позволяют дать количественную оценку вклада мужчин в заботу о детях и домашний труд. Анализ нуклеарных семей, включающих хотя бы одного несовершеннолетнего ребенка (6955 домохозяйств), показал, что временные затраты мужчин на уход за детьми значительно ниже, чем у женщин: в будни отцы проводят с детьми в среднем 0,7 часа, тогда как матери – 2,5 часа; в выходные – 1,1 (2,0 часа среди женщин) [4]. При увеличении числа детей в семье участие мужчин в уход за детьми незначительно возрастает в сравнении с включенностью матерей. Если женщины при рождении каждого последующего ребенка сокращают занятость и увеличивают долю времени, приходящегося на домашний труд, то время мужчин перераспределяется в сторону заботы о детях без значимого снижения профессиональной активности.

Результаты качественного этапа исследования ЖСС показывают, что ограниченное время, проводимое мужчиной с семьей, не всегда свидетельствует о его низком уровне участия в жизни семьи [5]. Даже при непродолжительных контактах с детьми отец может быть эмоционально вовлечен в семейные процессы, что воспринимается супругой как проявление поддержки, заботы и ответственности за семью – факторов, оказывающих значимое влияние на стабильность семейных отношений.

Виды занятий также различаются по гендерному признаку. Матери в большей степени заняты физическим уходом – обеспечением питания, гигиены и повседневного быта, это занимает свыше 40% их времени, посвященного детям. Отцы оказываются более вовлеченными в игры, спорт и организацию досуга (до 38% времени взаимодействия с детьми в выходные дни), а уже потом в воспитание и обучение (16%) ребенка, а также в сопровождение детей (15%). Похожие результаты были получены в рамках исследования представителей Нижегородской области, авторы показали, что «мужчины выбирают определенные роли, связанные, например, с проведением свободного времени, формированием хобби, избегая не очень интересных, рутинных, а значит и менее престижных для них видов деятельности по уходу и воспитанию» [2:246].

Результаты ЖСС-2024 (МГУ, ИСЭПН ФНИСЦ РАН) уточняют качественные аспекты отцовской вовлеченности. Согласно мнению респондентов, уровень участия мужчин в заботе и воспитании детей оценивается в среднем на 7,8 балла из 10, причем оценки мужей и жен совпадают [3]. Наиболее распространенные формы взаимодействия, часто встречающиеся в повседневных практиках – беседы и советы детям (78,6%), материальная поддержка (69,1%) и организация совместного досуга (64,3%).

Реже отмечаются помощь по учебе (39,9%) и участие в повседневных уходовых практиках, например, укладывание спать (35,8%).

Наблюдаемые изменения соответствуют общемировой тенденции – росту участия мужчин в уходе за детьми и совместном времяпрепровождении с ними. Несмотря на сохраняющееся неравенство в распределении домашнего труда и уходовых практик между мужчинами и женщинами, отцовская вовлеченность постепенно становится важнейшим фактором укрепления семейных связей и эмоциональной устойчивости семьи.

Источники и литература

- 1) Детское счастье: вчера и сегодня. ВЦИОМ. 01 июня 2023. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 28.02.2026)
- 2) Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского». Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. (2). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>
- 3) Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. – ИСЭПН ФНИСЦ РАН Москва, 2024. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/717843606/> (дата обращения: 28.02.2026)
- 4) Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 137–152.
- 5) Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Времени в обрез: факторы, влияющие на заботу о детях, сквозь призму бюджетов времени // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 4. – С. 179–191.
- 6) Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Детоцентризм как универсальный код российского гендерного порядка. СоциоДиггер. 2020. №2.

Магомедова Аминат Гимбатовна¹, Куприянов Александр Александрович²

1 - ВШГА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 2 - Сбербанк, Москва, РФ

Изменение гендерных ролей в семье и динамика здоровья в период урбанизации

Процессы трансформация брака и гендерных ролей в семье, распространившиеся в Европе в XIX-XX столетиях, получают все большее развитие и в России. Хотя в большинстве регионов страны доминирует эгалитарная модель семьи, некоторые регионы находятся на переходном этапе, а в ряде регионов сохраняется и традиционный патриархальный тип гендерной культуры. Влияние этнокультурных традиций и патриархальных норм на регулирование гендерного взаимодействия в семье постепенно ослабевает, запрос женщин на паритетные отношения растет.[i]

60-80-гг. XX столетия характеризуются активными изменениями брачной семейных отношений на фоне урбанизации и других социально-экономических преобразований в России. Разрушение традиционного хозяйственного уклада повлекло за собой изменения во всех областях жизни.

Мужчина, потеряв свой статус «главы семьи», которая была в традиционном обществе одновременно базовой общественной хозяйственной единицей, утратил также и право на свое первенство в семье. Если вплоть до переписи 1939 г. понятие «глава семьи» подразумевало всегда мужчину, как главного в семье, уже в 1959 г. многие мужья утратили возможность материально содержать семью. Понятие главы семьи потеряло исключительно гендерный характер и вопрос о главе семьи в переписи уже был заменен на «члена семьи, записанного первым».

В этот период начался процесс активной эмансипации женщин. Если до Великой Отечественной войны доля официально трудоустроенных в СССР женщин составляла 40%, в 1960-м году уже работали практически все и их доля составила 49,5%.[iii]

Послевоенная нехватка мужчин сделала процесс женского вовлечения в экономику в равных масштабах с мужчинами необратимым, что обеспечило главное условие эмансипации – финансовую независимость женщины. Женщина получила равные права на жилье и полное гражданское равноправие, в том числе – в семейной жизни. Она могла взимать с бывшего мужа алименты на детей, а в случае отсутствия или потери мужчины – кормильца, получать государственную помощь.

Несмотря на проблему занятости профессиональными и семейными обязательствами в тот период[iv], для российской женщины-крестьянки это была ситуация немыслимая, которую она ждала на протяжении всей российской истории. Согласно традиционным отношениям в русской де-

ревне женщина не имела прав на землю, которая общине, которая делила ее между своими членами – мужчинами пропорционально числу едоков. Она не имела прав на жилище, которое семейству, в лице его главы и ответственного налогоплательщика, также предоставлял мир. У нее не было доли в семейных финансах, кроме доходов от собственных подработок. Советская власть внесла некоторые коррективы, но больше – на словах.

А в городах, будучи уравненной с мужчиной в правах и получив реальный доступ к высшему образованию, советская женщина начала активно заниматься карьерой после столетий бесправного, униженного и подчиненного положения. Некоторые специальности и целые отрасли захватывались женщинами. Уже к концу 60-х годов они составляли больше половины всей интеллигенции СССР, 53 % специалистов, имеющих высшее образование и 62 % специалистов, имеющих среднее специальное образование. Третья часть инженеров, две трети педагогов и три четверти врачей также были представлены женщинами» [v].

Этот процесс эмансипации и завоевания новых позиций имел двоякое влияние на здоровье женщин. Во-первых, он создавал у них позитивное настроение, им стало интересно жить. Во-вторых, в процессе завоевания «жизненного пространства» у них просто не оставалось времени на «аутодеструктивные» привычки и модели поведения, которые стали распространяться среди мужчин.

Женщины быстрее, чем мужчины, перенимали европейскую культуру здорового образа жизни, осваивали свойственные городской среде модели самосохранительного поведения. Это все благотворно сказывалось на их здоровье, в том числе, и психологическое.

Кроме того, если в 50-60-е гг. больше говорилось о решенном «женском вопросе», несмотря на отсутствие внимания к их быту и досугу, в 70-80-е гг. и позже все больше внимания уделялось созданию условий для совмещения общественно-производственной и семейной функций женщин.[vii]

Таким образом, была разрушена традиционная семья, что привело в итоге к эмансипации женщин и изменению гендерных ролей в семье. Женская, юридическая, финансовая и социальная независимость, ускоренная «европеизация» по сравнению с мужчинами и превращение их в авангард российского общества привели в этот период к окончательному краху русской патриархальной семьи и подготовили население, особенно в европейских провинциях, ко второму демографическому переходу.

В то время, как роль женщины в обществе и в семье росла, роль мужа, лишённого и привычной авторитарной власти в семье, и прио-

ритета в управлении семейной собственностью, часто поставленного в униженное положение на работе, падала. Роль мужа в семье становилась формальной, без него в быту вполне можно было обойтись. Стали распространяться разводы, все больше мужчин оказывалось в одиночестве, что негативно влияло на мужскую ОПЖ. В Европе количество самоубийств изменяется прямо пропорционально числу разводов и раздельных жилиществ супругов».[viii]

Шок от разрушения прежней традиционной системы ценностей и погружения в конкурентную среду способствовал аутодеструктивному поведению и проблемами со здоровьем у мужчин.[ix] Государственная патерналистская политика также не способствовала формированию ответственности за собственное поведение.

«Новые горожане», хотя и получили доступ к городским комфортным условиям, психологически находились в состоянии стресса от изменившихся условий жизни и труда. Городской комфорт и наличие общественного транспорта обеспечили им много свободного времени. Постепенно стал меняться их образ жизни, в особенности - рацион питания. Пища стала более калорийной, но менее здоровой, питаться стали обильнее и разнообразнее, а двигаться - меньше, что привело к развитию болезней, характерных для третьего эпидемиологического перехода.

Мужчины стали проводить свободное время и снимать стресс с помощью алкоголя и курения. Ожирение от переедания и недостатка физической нагрузки приводило к инсультам, ишемической болезни сердца и другим БСК, ставшим основной причиной смерти в рассматриваемый период. Стала расти заболеваемость диабетом, к которому не располагали условия довоенной жизни.

Таким образом, мы видим, что урбанизация и изменение гендерных ролей в семье имеет разнонаправленное влияние на здоровье и продолжительность жизни мужчин и женщин.

Источники и литература

- 1) Абдулаева З. З. Трансформация института семьи в регионах Юга России: факторы, тенденции и специфика // Народонаселение. - 2024 - Т. 27. - № 4. - С. 163-178. DOI: 10.24412/1561-77852024-4-163-178; EDN: GRLSGF.
- 2) Клецина И. С., Векилова С. А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций/ Женщина в российском обществе. No. 3. 2020. С.78-91. DOI:10.21064/WinRS.2020.3.7.

- 3) Курганов И. А. Женщины в народном хозяйстве // Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968. С. 57-107.
- 4) Пушкарева Н.Л., Битокова Т.В. Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 305–320. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-305-320>.
- 5) Губанова Т.С. Женская повседневность и стереотипы феминности по материалам советского кинематографа конца 60-х – начала 80-х гг./ Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Исторические науки. Т.6. № 1, 2024. С. 103-112.
- 6) Рябкова Е.С. Женщины и женский быт в СССР в 1950-1960-х гг. в советской и современной российской историографии. Вестник РУДН. Серия: История России. Т.16. № 4, 2017. С.670-685.
- 7) Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.—М.: Мысль, 1994. 399 с.
- 8) Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с французского А. Б. Гофмана. — 4-е изд., испр. — М.: Издательство Юрайт, 2019. 308 с.

Мартикян Элина Армановна¹, Касаркина Елена Николаевна²

1 - МГУ им. Н.П.Огарева, Саранск, Российская Федерация; 2 - МГУ им. Н.П.Огарева, Саранск, Россия

Показатели социального благополучия семей, потерявших кормильца

Система социальной поддержки семей, лишившихся кормильца является результатом многолетней, систематической деятельности местных органов власти, социальных служб и институтов по созданию комплексного, действенного механизма помощи данной уязвимой категории населения с учетом специфики региона.

Семьи, потерявшие кормильца – это семьи, лишившиеся члена семьи, который их содержал, что удостоверено законными документами. К ним относят семьи: неполные и/или малообеспеченные и/или находящиеся в сложной жизненной ситуации, имеющие на иждивении несовершеннолетних детей состоящих на иждивении умершего; семьи, утратившие

члена семьи (дочь/сына, супруга/супругу, внуку/внука, брата/сестру), который их обеспечивал.

Причины, которые определяют семей, потерявших кормильца объектом изучения социологии: внезапное наступление трудной жизненной ситуации в семье, невозможность в социальной практике предотвратить данную проблему, потеря семьей бывшего социального статуса, проблема одиночества, стресса членов семьи и т. д.

Основной федеральной мерой социальной поддержки семей, лишившихся кормильца, является пенсия. Право на получение пенсии по потери кормильца имеют нетрудоспособные лица, состоящие на полном иждивении умершего/безвестно отсутствующего/пропавшего без вести: дети; супруг/супруга; родители; прародители; братья/сестры; внуки [1].

Помимо пенсии, государством предусмотрены другие меры поддержки семей, лишившихся кормильца, например: компенсация расходов на ЖКХ; компенсация затрат на лекарства и лечение; лечение в санатории; льготы при оплате проезда; бесплатное обучение/льготное поступление в вузы/колледж; бесплатные завтраки и обеды в школе; социальная стипендия; единовременные или ежемесячные выплаты и другие.

Однако вид и содержание компенсаций, льгот, размер выплат зависит от региона и дохода семьи. Например, в Мордовии семьям, лишившимся кормильца и находящимся в сложной жизненной ситуации, предоставляется компенсация на оплату жилого помещения. Важной составляющей поддержки является предоставление мест детям из таких семей в образовательных учреждениях без очереди, а также социальная помощь, включающая продуктовые наборы и консультационные услуги. Размер выплат и состав льгот в регионе зависит от финансовых возможностей бюджета и уровня доходов семей, что позволяет адаптировать поддержку под реальные потребности людей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

В социологии важными показателями социального благополучия семей с детьми, потерявшие кормильца являются их материальная обеспеченность, способность сохранить прежний социальный статус и функциональность, а также отсутствие девиаций, высокий уровень психологической устойчивости членов семьи и т. д.

Понятие «благополучие» имеет двойственное, субъективно-объективное содержание. Изменчивость в пространстве и во времени в свою очередь порождает эту двойственность. Благополучие состоит из множества экономических, политических, социальных, культурных аспектов и компонентов, различных по содержанию. Стремление людей к благополучию может быть реализовано посредством различных соци-

альных механизмов, среди которых значительную роль играет процесс социализации общества и государства. Так, основными показателями социального благополучия семей, потерявших кормильца, являются финансовая стабильность, сохранение социального статуса как семьи, так и детей, отсутствие отклонений у членов семьи и способность семьи выполнять свои основные функции.

Для совершенствования системы социального благополучия можно увеличить размер пособий, льгот и расширить перечень видов именно финансовой помощи таким семьям, например, путем введения дополнительных форм поддержки (выплаты на покрытие текущих расходов, связанных с жильем, образованием и медицинским обслуживанием и т.д.). Таким образом, социальное благополучие семей, потерявших кормильца, определяется их финансовой устойчивостью, психологическим здоровьем и способностью успешно адаптироваться к новым условиям, сохраняя свои основные функции.

Источники и литература

- 1) О страховых пенсиях: Федер. Закон [принят Гос. Думой 28.12.2013] // Российская газета, № 296. Ст. 10.
- 2) Азарова Елена Герасимовна Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. №8 (248). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnoe-obespechenie-detey-poteryavshih-kormiltsa-osobennosti-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 27.11.2025).
- 3) Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-blagopoluchie-vozpriyatie-realiy> (дата обращения: 25.11.2025).

Маслова Юлия Юрьевна

ФГБОУ ВО "Курский государственный университет", Курск, Россия

Трудовые мигранты в России

Вопрос о необходимости трудовых мигрантов в России остается одним из самых острых в общественной дискуссии. С одной стороны, звучат аргументы о жизненной важности иностранной рабочей силы для

развития ключевых отраслей экономики, с другой, – о растущей социальной напряженности и давлении на бюджет.

По данным МВД России, в 2023 году в стране находилось около 3,5 – 4 млн. иностранных работников. Большинство из них – граждане стран СНГ – Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и других. Они сконцентрированы в секторах, которые традиционно испытывают дефицит отечественных кадров – строительстве, ЖКХ и сфере услуг, торговле, сельском хозяйстве, транспорте. Без мигрантов, готовых к тяжелому, часто низкооплачиваемому труду, эти отрасли, особенно в мегаполисах, столкнутся с серьезными проблемами – ростом цен, срывами сроков сдачи объектов, коллапсом в сфере доставки и обслуживания. По сути, мигранты в экономике РФ стали ее структурным элементом.

При этом отношение россиян к трудовым мигрантам неоднозначно. Согласно исследованиям, проводимым ВЦИОМ, в последние годы фиксируется снижение уровня тревожности по этой теме. Если в 2013 году 74% россиян считали приток мигрантов очень серьезной проблемой [1], то к 2022-2023 годам этот показатель существенно уменьшился. Однако настороженность остается. Больше всего граждан беспокоит не сам факт их присутствия в стране, а их нелегальный статус, возможная криминализация и проблемы культурной интеграции [2].

Фонд «Общественное мнение» также фиксирует двойственность восприятия мигрантов. С одной стороны, россияне признают, что мигранты выполняют работу, на которую не идут местные жители (строительство, уборка улиц). С другой стороны, значительная часть общества выражает озабоченность по поводу конкуренции на рынке труда и сохранения культурной среды. При этом, согласно опросам ФОМ, многие согласны с тем, что при цивилизованном регулировании (официальное трудоустройство, уплата налогов, знание языка) труд мигрантов может быть полезен для страны [3].

Обратимся к аргументам «за». Зачем они нужны? Отметим три момента. Во-первых, демографический кризис: Россия переживает естественную убыль населения, сокращение трудоспособного населения. Мигранты компенсируют эту нехватку, особенно в низкоквалифицированных секторах. Во-вторых, экономическая эффективность: мигранты позволяют сдерживать рост издержек в трудоемких отраслях, что влияет на конечную стоимость товаров и услуг. В третьих, налоговые отчисления: легально работающие мигранты платят налоги (НДФЛ, патентные платежи), которые пополняют региональные и федеральный бюджеты.

Приведем аргументы «против». Это давление на социальную инфраструктуру: неофициальные потоки мигрантов создают нагрузку на боль-

ницы, школы, рынок аренды жилья, что вызывает недовольство местных жителей. Это теневая занятость: значительная часть мигрантов по-прежнему работает неофициально, что ведет к нарушению их прав, недополучению государством налогов и демпингу зарплат. Это проблемы интеграции: языковой и культурный барьер, формирование замкнутых этнических анклавов могут провоцировать социальные конфликты. Это к тому же «ловушка» для экономики: зависимость от дешевого труда тормозит модернизацию и переход к высокотехнологичным производствам.

Анализ статистических и социологических данных приводит к выводу о том, что Россия уже не может обойтись без трудовых мигрантов в среднесрочной перспективе. Их присутствие – не выбор, а объективная реальность, продиктованная демографией и структурой экономики. В таких условиях задача государства и общества – трансформировать стихийную и зачастую проблемную миграцию в регулируемую и цивилизованную.

Источники и литература

- 1) «Добро пожаловать» – или «посторонним вход воспрещен»? ВЦИОМ, Москва, 7 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dobro-pozhalovat-ili-postoronnim-vkhod-vospreshhen> (дата обращения: 10.01.2026).
- 2) Иммигранты в России: за и против. ВЦИОМ, Москва, 14 августа 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 10.01.2026).
- 3) Миграция и рынок труда. ФОМ, 12 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/11946> (дата обращения: 12.01.2026).

Мещанинова Евгения Юрьевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Деньги и брачный выбор

В сентябре прошлого года ВЦИОМ представил результаты опроса россиян о финансовой стороне романтических отношений между мужчинами и женщинами [2]. В России в настоящее время сохраняется представление о семейном заработке как мужской обязанности, а деньги традиционно играют важную роль в оценке мужской привлекательности,

причем как в женской среде, так и в мужской. Однако представления о сути финансовых обязанностей и влиянии денег на восприятие мужчин различаются на гендерном и поколенческом уровнях. На вопрос «Вы согласны или нет с мнением, что деньги делают мужчину привлекательным для женщин, и, чем больше у мужчины денег, тем он привлекательнее?» 54% респондентов мужского пола и только 32% женского дали положительный ответ (выбрали вариант «полностью согласен» и «скорее согласен»). Для мужчин деньги и материальное благосостояние по-прежнему являются символом успеха, состоятельности, статуса, сексуальности, мужской идентичности, а также критерием оценки и маркером заинтересованности со стороны противоположного пола. Среди россиян подобное мнение о связи финансов и привлекательности мужчины шире всего распространено среди представительниц младших миллениалов (1992-2000 годы рождения) (44%) и старших миллениалов (1982-1991 годы рождения) (40%). Менее популярно данное утверждение у женщин поколения оттепели (до 1947 г.) (20%). Другими словами, представления женщин значительно отличаются от самоощущения мужчин относительно роли денег в восприятии мужской привлекательности. Однако интересен следующий парадокс: чем старше женщина-респондент, тем меньше значимости она придает денежному фактору, но при этом она менее готова начать отношения с мужчиной, зарабатывающим меньше нее (степень готовности к таким отношениям среди поколений следующая: поколение цифры – 74%, младшие миллениалы – 77%, старшие миллениалы – 67%, поколение реформ – 70%, поколение застоя – 59%, поколение оттепели – 52%) [2].

В контексте формирования брачного союза значимость монетарной составляющей может несколько отличаться от контекста чисто романтических отношений. Другие исследования, изучающие влияние монетарного или материального фактора на выбор брачного партнера среди женщин, показывают: материальный расчет (наряду с эмпатией, эмоционально психотерапевтической функцией, желанием иметь свой дом, сепарацией от родителей, чувством долга) является значимым фактором выбора потенциального супруга для возрастного этапа 18-25 лет, а вот в возрастных группах от 26 до 60 лет и старше на первый план выходят другие критерии (продолжение рода, подходящий возраст и др.) [1]. По мнению ряда авторов (Д. Басс, А. и Б. Пиз, Г. Джермейн, Г. Хелм, Н. Круз и др.), за важностью монетарной составляющей скрывается действие ресурсного фактора. Женщины оценивают мужчин с позиции их ресурсообеспеченности и готовности делиться этими ресурсами, что должно обеспечить стабильность и счастливое будущее. Статус,

доход и материальные блага – это одна из социальных разновидностей указанной ресурсообеспеченности, которую оценивают женщины [3, 4, 5, 6].

В современных условиях материальная обеспеченность, деньги мужчины становятся для женщин лишь дополнительным фактором стабильности, надежности и положительных перспектив наряду с чувством любви, личными качествами партнера, общими ценностями и гендерно-ролевыми представлениями и ожиданиями. А вот для мужчин деньги и брачный выбор – это чаще всего вопрос личных приоритетов и принципов (защита мужской идентичности, гендерной роли и социального статуса), а не способ обеспечения стабильности или улучшения материального положения.

Источники и литература

- 1) Ледовская Т.В. Факторы выбора брачного партнера на разных возрастных этапах // Вестник ВятГУ, 2021. №3.
- 2) Мужчина, женщина и деньги // ВЦИОМ, 02.09.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-zhenshchina-i-dengi> (дата обращения: 24.01.2026)
- 3) Пиз А., Пиз Б. Почему мужчины хотят секса, а женщины любви - М.: Эксмо, 2009.
- 4) Buss D.M. Human Mate Selection: Opposites Are Sometimes Said to Attract, But in Fact We Are Likely to Marry Someone Who Is Similar to Us in Almost Every Variable // American Scientist, 1985. № 73.
- 5) Buss D.M. Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures // Behavioral and Brain Sciences. 1989. № 1.
- 6) Henry J., Helm H., Cruz N. Mate Selection: Gender and Generational Differences // North American Journal of Psychology, 2013. № 1.

Мисихин Владимир Русланович

РАНХиГС, Москва, Россия

Развитие системы долгосрочного ухода для пожилых людей и инвалидов в Российской Федерации

С 2018 года в России в рамках федерального проекта «Старшее поколение» реализуется пилотный проект по созданию системы долгосрочного ухода (СДУ) за гражданами пожилого возраста и людьми с

инвалидностью. Долговременный уход – это скоординированная помощь пожилым людям и инвалидам, направленная на поддержание здоровья, функциональности и социальной активности, учитывающая проблемы с мобильностью, когнитивными способностями, слухом, зрением, питанием и психоэмоциональным состоянием. Цель системы – сохранить привычное качество жизни нуждающихся и поддержать тех, кто за ними ухаживает.

В 2025 году коллективом Лаборатории полевых исследований РАН-ХиГС было проведено социологическое исследование системы долговременного ухода для пожилых людей и инвалидов в России. Целью работы стало выявление лучших практик и профессионального опыта её участников, изучение форм и методов предоставления социальных услуг старшему поколению. Проведённый анализ показывает, что формирование СДУ является закономерным ответом на демографические и социально-экономические вызовы стареющего общества, такие как рост продолжительности жизни и изменение структуры семейных связей. Исследование позволило оценить ключевые достижения за период с 2018 года: создание методологии типизации получателей услуг, внедрение организационных моделей помощи, развитие сети региональных координационных центров и развёртывание системы подготовки помощников по уходу.

Особое внимание было уделено изучению социального самочувствия и профессиональной идентичности работников СДУ. Применение качественной методологии, включавшей глубинные интервью (N=230) в шести регионах, выявило высокую социальную значимость их труда, основанную на альтруистических мотивах и чувстве долга. Полученные данные обозначили важность решения задач по повышению престижа профессий в сфере ухода, развитию карьерных траекторий и улучшению условий труда помощников по уходу.

Сравнительный анализ показывает, что российская модель СДУ находится на этапе активного становления, демонстрируя устойчивую динамику в построении современной человекоцентричной модели. Перспективными направлениями развития системы являются: нормативное закрепление статуса СДУ, углубление межведомственного взаимодействия, цифровая трансформация процессов учёта и мониторинга, внедрение программ поддержки персонала, диверсификация финансовых механизмов, а также формирование единой федеральной модели на основе лучших региональных практик.

Система долговременного ухода стала неотъемлемой частью социальной инфраструктуры России. Дальнейшее развитие СДУ требует консолидации усилий государства, профессионального сообщества и институ-

тов гражданского общества для укрепления социальной сплочённости и достижения национальных демографических целей.

Михайлов Сергей Валерьевич

Тверской государственный университет, Тверь, РФ

Современная городская семья в мнениях и оценках тверской молодежи

На базе Лаборатории социальных исследований Тверского государственного университета (ТвГУ) в апреле 2025 г. был проведен массовый опрос, некоторые итоги которого приведены ниже.

52% респондентов проявили безусловное желание создать собственную семью. 35% надеются найти постоянного партнера и только, убедившись во взаимности, будут вступать в официальный брак. 10% опрошенных еще не обдумывали данный вопрос. 3% и вовсе не собираются создавать семью.

Важнейшими качествами партнера названы: забота (81), доверие (80%), ответственность (69%), честность (68%), уверенность в себе (50%), открытость (43%), материальная обеспеченность (36%) и т.д. Таким образом, респонденты хотят иметь дело, в первую очередь, с ответственным человеком, который не сдастся в трудных жизненных ситуациях, не боится брать на себя ответственность в решении сложных проблем. Как физическая привлекательность (29%), так и общительность (21%) перестали быть важными факторами при выборе партнера.

Варианты отчетов на вопрос «Кто в современной городской семье больше всего занимается воспитанием детей?» распределились следующим образом: 56% респондентов указали на мать как главного воспитателя детей в семье; 18% опрошенных считают, что оба родителя одинаково участвуют в воспитании детей; 17% опрошенных убеждены, что в воспитании преобладают улица, школа, друзья, братья, сестры; 9% респондентов уверены, что ни один из родителей не участвует должным образом в воспитании и обучении детей в семье.

Если при наличии детей возникают недопонимание, ссоры, конфликты, каковы предпочтительные способы выхода из этой ситуации: 76% опрошенных попытаются решить проблему самостоятельно, пойдут на компромисс, поговорят с партнером; 14% решат проблему с помощью развода, оставив детей себе; 8% респондентов пойдут к специалисту для решения семейных проблем; 2% также прибегнут к разводу, но оставят при этом детей партнеру.

69% респондентов отрицательно отнеслись к разводу, видя в нем последний шаг в решении безнадёжной ситуации. При этом современные молодые люди перечисляют следующие причины возможного развода: отказ от совместной жизни, отказ от совместного решения проблем – 36%; недоверие, ложь и обман по отношению к партнеру – 27%; непонимание партнеров – 26%; ревность, отсутствие романтики и сексуального влечения, исчезновение любви и уважения – 17%; измены – 14%; несовместимость характеров, отсутствие общих ценностей и целей – 11%; вредные привычки (алкоголизм, курение, физическое насилие) – 10%; материальные и жилищные проблемы, безработица – 9% и др.

Наилучшим возрастом для вступления в брак респонденты посчитали 27 лет для мужчин и 25 лет для женщин.

Обработка ответов на открытые вопросы дает дополнительные штрихи к образу семьи в глазах региональной молодежи. В свободное время современные городские семьи предпочитают сближаться с природой, уйти от городской суеты, на свежем воздухе поправить здоровье. Зачастую перерыв в работе или учебе проводится в развлекательных центрах, походах за новыми покупками, просмотрах всей семьей новых фильмов на большом экране и т.д. Общение с близкими родственниками, друзьями или окружающими практикуется, но не слишком активно. Часто семья предпочитает или вынуждена по тем или иным причинам закрываться от посторонних глаз и ушей и общаться только с лучшими друзьями и близкими родственниками.

Морозкина Елена Андреевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**Представления российской молодежи об условиях,
необходимых для создания семьи: социологический анализ**

В современном обществе наблюдаются глубинные трансформации мировоззренческих установок. Современные семьи претерпевают значительные изменения, вызванные как структурными, экономическими и политическими преобразованиями: переход к производству, ориентированному на индивидуальный труд, и система общественных приоритетов, ставящая личный трудовой вклад выше семейных ценностей; в постиндустриальном обществе ключевые потребности, которые раньше удовлетворялись внутри семьи перешли к государственным институтам. Также изменения касаются мировоззренческих установок и жизненных стратегий молодёжи: ценности фамелизма уступают место ценностям индивидуализма, личных достижений и самореализации вне семьи.

Это находит отражение в различных семейных моделях: нуклеарность, неполнота семей, пониженная рождаемость, рост сожителства, высокая частота разводов, партнерская ролевая модель и автономность сексуального и репродуктивного поведения.

Для изучения представлений российской молодежи об условиях, необходимых для создания семьи, было проведено собственное исследование, которое представляло собой анкетный опрос в онлайн-формате. Выборка составила 310 человек. Эмпирическим объектом исследования являются респонденты в возрасте от 18-35 лет, проживающие на территории Российской Федерации. Предмет исследования – представления молодежи о необходимых материальных и психологических условиях для заключения брака и рождения детей.

В результате исследования были описаны факторы, на которые молодежь особо обращает внимание при создании семьи. Несмотря на то, что нематериальные факторы остаются главными условиями для создания семьи, существует парадокс, заключающийся в том, что взаимных чувств, общих ценностей и взглядов на семейные отношения, оказывается недостаточно. Во главу угла ставятся вопросы материального обеспечения. Проблемы с жильем волнуют молодёжь все больше. Причиной откладывания вступления в брак является недостаточность доходов, в том числе и на покупку жилья.

Таким образом, необходимо акцентировать внимание на формировании традиционных семейных ценностей, начиная с раннего возраста, поскольку именно тогда закладываются основы мировоззрения. В условиях современного общества, где институт семьи подвергается трансформации, целенаправленное воспитание уважения к браку, верности, родительской ответственности и межпоколенческой связи становится важнейшей задачей. Готовность молодежи к супружеской жизни – это социально-психологическое образование, которое включает связь принятия ценностей семьи, признания личностью семейных отношений и семейной педагогики как высшей ценности.

Источники и литература

- 1) Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., Изд-во МГУ. Изд-во Международного университета бизнеса и управления (Братья Карич), 2005. 304 с.
- 2) Волков А. Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. Социология. Этнология. 1999. №4. С. 51. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rossiyskoy-semi-v-xx-veke> (дата обращения: 21.01.2025).

- 3) ВЦИОМ Идеальная семья. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 03.03.2025).
- 4) Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 85-125. [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/pdf/book026.pdf (дата обращения: 11.02.2025).
- 5) Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук / Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000 – 880 С.
- 6) Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. – 43 с.
- 7) Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. – 2019 – №. 2 – 14 С.

Назаров Зинур Исламович

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,. экономический факультет, каф. экономики и управления, Стерлитамак, Россия

**М.М. Ковалевский как российский основоположник
социологической науки о семье и народонаселении**

В докладе на юбилейной сессии РАН 26 марта 2008 года, где праздновалось очень важные для отечественной социологии даты – 50-летие со времени основания Советской Социологической Ассоциации и 40-летие создания в стране первого социологического института, Г.В.Осипов – академик РАН, отмечал, что отечественная социология дореволюционного периода развивалась в рамках общемирового процесса наравне с ведущими национальными социологическими школами Европы и США. Он говорил о том, что «русский период» отечественной социологии еще не изучен в должной мере не только за рубежом страны, но и в самом Отечестве. Вместе с тем, это очень плодотворный и содержательный отрезок исторического времени, сконцентрировавший значимые открытия в области философии, истории и формирующихся социальных наук. Это в полной мере относится к формировавшейся в трудах М. М. Ковалевского социологической науки о семье и народонаселении

В опубликованном в печати в мае 1890 г. «Очерке происхождения и развития семьи и собственности» по настоянию М. М. Ковалевского была сохранена форма серии лекций, прочитанных им в Стокгольмском университете. В первой лекции он предпосылает своим рассуждениям важную мысль о том, что основатель социологии Огюст Конт основал свою стройную теорию на данных, которые не имели предполагаемого им характера общности, так как один только римско-католический мир имел честь быть предметом его позитивного исследования. Между тем как всякая новая попытка установить новые социологические истины будет иметь научное значение в том лишь случае, если в поле изысканий будет включен Восток и, в особенности, мир славянских народов. Конечно же, он в первую голову имел в виде русский православный мир.

М. М. Ковалевский во многих исследованиях, особенно последних лет жизни, пытался объяснить все общественные явления путем анализа их происхождения. Этот генетический метод, примененный в социологии, и дал то, что М. М. Ковалевский называл «генетической социологией», которая занимается проблемами образования основных общественных институтов, среди которых им было наиболее подробно рассмотрено происхождение семьи, частной собственности и государства.

Ковалевский считал главным двигателем экономического развития «демотический фактор» (увеличение массы и плотности народонаселения) и трактовал его как биосоциальное явление. Проблематикой народонаселения он занимался главным образом в связи с изучением сущности и факторов общественного прогресса. М. М. Ковалевский доказывал, что развитие демографических и экономических процессов связано прямой зависимостью.

Существо своей социологической концепции великий русский ученый выразил в понятии социального прогресса, который он рассматривал как основной закон социальной жизни и который является выражением господствующей в истории закономерности, не раз повторяя «без идеи прогресса не может быть и социологии».

Источники и литература

- 1) Бороноев А.О. М.М. Ковалевский – первый русский социолог / Вступительная статья в: Ковалевский, Максим Максимович. Сочинения : в 2 т. / М. М. Ковалевский ; отв. ред., вступит. ст. А. О. Бороноев. - Санкт-Петербург : Алетейя, 1997 - . - (Российская социология). - Текст : непосредственный. Т. 1. - 1997. - 287 с. – С. 5 – 17.

- 2) Ковалевский М.М. Сочинения: в 2 т. / М. М. Ковалевский ; отв. ред., вступит. ст. А. О. Бороноев. - Санкт-Петербург : Алетейя, 1997 - . - (Российская социология). - Текст : непосредственный. Т. 1. - 1997. - 287 с.
- 3) Ковалевский М.М. Сочинения: в 2 т. / М. М. Ковалевский ; отв. ред., вступит. ст. А. О. Бороноев. - Санкт-Петербург : Алетейя, 1997 - . - (Российская социология). - Текст : непосредственный. Т. 2. - 1997. - 415 с. с.
- 4) Максим Ковалевский и современная общественная мысль. К 150-летию со дня рождения М.М. Ковалевского. / Тезисы докладов научной конференции 20 – 21 сентября 2001 г. [Редкол.: А. О. Бороноев и др.].- СПб, 2001. – 100 с.
- 5) Осипов Г.В.– академик РАН / Доклад на юбилейной сессии РАН 26 марта 2008 г. «Возрождение социологии в России». / https://www.isras.ru/index.php?page_id=699

Николаев Андрей Игоревич

*Новосибирский государственный университет экономики и
управления, Новосибирск, Россия*

**Роль движения "Российские студенческие отряды" в
вовлечении студенческой молодежи в поддержку пожилых
людей**

В условиях демографического старения поддержка пожилого населения становится одной из значимых общественных задач. Волонтерство, особенно среди не обремененной семейными узами и трудовыми обязательствами студенческой молодежи, рассматривается как важный ресурс ее решения [2]. Университеты видят в добровольчестве инструмент формирования социальной ответственности и «переносимых навыков» [3]. Ключевой платформой для такой деятельности в России выступает движение «Российские студенческие отряды» (РСО), сочетающее трудовую занятость с масштабными социальными проектами, такими как акция «Снежный десант», направленная, в том числе, на помощь ветеранам и пожилым людям в отдаленных населенных пунктах [1]. Это обуславливает актуальность изучения мотивов участия студентов в РСО для понимания потенциала молодежи в поддержке старшего поколения.

Мы предполагаем, что современные студенты воспринимают движение «Российские студенческие отряды» в первую очередь как источник

трудовой деятельности и заработка, а не как среду для волонтерства и социальной самореализации.

Для проверки гипотезы были проведены глубинные интервью с двумя командирами студенческих отрядов (педагогического и энергетического) в Новосибирской области.

Данные интервью показали, что материальные мотивы, актуальные на этапе вступления, уступают место социальным и ценностным. Командиры отрядов отмечают, что основной причиной продолжения участия в отряде после летнего трудового периода является погружение в особую «*семейную*» среду, чувство принадлежности и эмоциональная удовлетворенность от совместной деятельности. Волонтерские акции (например, «Снежный десант») становятся неотъемлемой частью этой среды. Участники исследования акцентируют, что волонтерская деятельность воспринимается как ценная коллективная практика, а не как обособленная «*обязанность*». Заработок респонденты единодушно характеризуют как «*приятный второстепенный бонус*».

Таким образом, выдвинутая гипотеза не нашла своего подтверждения. Участие в социально ориентированных проектах РСО мотивировано в первую очередь потребностью в интеграции в сплоченное сообщество и ценностной самореализацией, а не экономическим расчетом. Следовательно, движение РСО можно рассматривать как эффективный канал вовлечения студенческой молодежи в поддержку старшего поколения через интеграцию волонтерских практик в систему коллективных ценностей и социальных связей.

Источники и литература

- 1) Всероссийская патриотическая акция «Снежный десант РСО» // Трудкрут.рф (Российские студенческие отряды). – URL: https://трудкрут.рф/snezhnyy_desant_rso.html (дата обращения: 25.01.26).
- 2) Джапарова С. К., Абдулаева З. З. Волонтерство как проявление проактивности студенческой молодёжи // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – №. 4. – С. 103-112.
- 3) Зиневич О. В., Мелёхина Е. А. Российское студенческое волонтерство в контексте целей и ценностей устойчивого развития // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – №. 3. – С. 104-125.

Николаева Мария Александровна

СПбГУ, факультет социологии, Санкт-Петербург, Россия
**Внутрисемейные ресурсы жизнестойкости вынужденных
переселенцев**

В феврале 2022 года россияне оказались в новой реальности – реальности специальной военной операции, которая стала глубоко травмирующей для людей, проживающих рядом с линией соприкосновения с военными действиями – семьи продолжают покидать родные дома, чтобы спасти свою жизнь и оказаться в безопасности. В такое время особенно важно, чтобы семья вынужденных переселенцев не теряла прочность, а, напротив, обращалась к своим внутренним ресурсам. Принятие семьей жизнестойкой позиции поможет укрепить отношения между ее членами, обрести новые смыслы и сохранить позитивный взгляд на жизнь.

Следовательно, актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления и поддержки внутренних ресурсов семей вынужденных переселенцев как ключевого фактора их адаптации и сохранения целостности в условиях острого социально-психологического кризиса, а анализ источников по теме демонстрирует ограниченность научных данных, в чём заключена и проблема исследования. Цель исследования – изучить внутрисемейные ресурсы жизнестойкости, которыми обладают семьи вынужденных переселенцев в контексте современной России, и сконструировать модель их внутрисемейной жизнестойкости. Настоящее исследование основывается на положениях концепции жизнестойкости личности С. Мадди и концепции устойчивости семьи Ф. Уолш. Выбор был остановлен на качественном методе сбора данных, а именно на проведении глубинных интервью. Эмпирической базой исследования является благотворительный фонд «Теплый дом», который помогает семьям с детьми, проживающим в Санкт-Петербурге и попавшим в трудную жизненную ситуацию. Информантами стали 5 семей вынужденных переселенцев.

Результаты исследования позволили сконструировать модель внутрисемейной жизнестойкости вынужденных переселенцев. Ядром модели выступает смысловой уровень, где семья мобилизуется вокруг сверхзадачи (например, образование и развитие детей), что переводит кризис из плоскости утрат в плоскость осмысленного преодоления. На организационно-деятельностном уровне происходит оперативное перераспределение социально-экономических функций (члены семьи осваивают новые профессиональные ниши). Функционирование этих процессов обеспечивается коммуникативно-регулятивным уровнем, где семья практическим образом выстраивает диалог и формирует ясные привыч-

ные для всех членов семьи форматы общения (например, совместное обсуждение теленовостей).

Важно понимать и то, что тяжело оставаться жизнестойким без отсутствия внешней помощи, а потому семьи вынужденных переселенцев нуждаются в организованной социальной поддержке со стороны специалистов, ведь, не выдерживая трудностей, такие семьи могут изолироваться и распадаться.

Исследование выполнено за счет гранта российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

Источники и литература

- 1) Maddi, S. R., Khoshaba, D. M. (1994) Hardiness and mental health, *Journal of Personality Assessment*, vol. 63, iss. 2, pp. 265—274.
- 2) Walsh, F. (2016) Family resilience: a developmental systems framework, *European Journal of Developmental Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 313—324.

Новоселова Елена Николаевна

*Социологический факультет, МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия*

Старость в обыденном сознании

Современное общество сталкивается с демографическим трендом, который невозможно игнорировать – старением населения. Этот факт делает анализ восприятия старости в обыденном сознании актуальным – вопрос о месте и статусе пожилого человека в системе социальных координат из теоретического превращается в вопрос практический и общественно значимый. Сегодня опыт уже не эквивалентен знаниям, а мудрость не является обязательным атрибутом возраста, происходит пересмотр традиционной роли пожилых людей как «стратегических учителей» и хранителей истории, каковыми они являлись в прошлом. Здесь надо оговориться, что существует точка зрения, согласно которой на самом деле «для стариков никогда не существовало «золотого века»».

Социо-лингвистический анализ подтверждает сложность восприятия старости в обыденном сознании. Большинство слов-синонимов к понятию «старость» носят негативную окраску, описывая упадок и завершение жизненного пути. Исследование фразеологизмов демонстрирует, что

в обыденном сознании старость прочно ассоциируется с выходом из активной социальной жизни и приближением смерти [1]. Данные «Русского ассоциативного словаря» также показывают преобладание отрицательных оценок способностей пожилых людей, несмотря на наличие некоторых положительных ассоциаций [2]. Народные пословицы совмещают как негативные, так и уважительные оценки старости, современные анекдоты чаще эксплуатируют откровенно геронтофобские стереотипы.

Глубоко укорененные в культуре установки по отношению к старости балансируют между архаичным почитанием возраста и неким медико-экономическим восприятием старения, когда тело пожилого человека воспринимается как «объект износа». Статистический анализ эвфемизмов подтверждает доминирование негативного восприятия: около 60% выражений о старости имеют отрицательную окраску, что свидетельствует о преобладании в коллективном сознании образа упадка. Это находит прямое отражение в социальных практиках: молодежь часто демонстрирует стратегию избегания и дистанцирования по отношению к пожилым, что вызвано непониманием, отсутствием навыков взаимодействия и бессознательным страхом перед собственным старением. Подобная ситуация создает порочный круг, в котором самостигматизация пожилых подкрепляет их социальную изоляцию, а избегание со стороны молодых, в свою очередь, усиливает ощущение ненужности, подтверждая тезис об отсутствии «золотого века» для стариков в современном обществе.

Однако сам феномен старости и отношение к нему в обществе начинают претерпевать изменения. Опросы ВЦИОМ (2005-2017 гг.) показывают, что доля людей, видящих в старости преимущества, выросла в три раза (с 20% до 62%), а доля негативных ответов снизилась более чем вдвое (с 70% до 33%). Хотя последние 10 лет, по данным ФОМ, позитивный тренд стагнировал, пожилой человек у большинства (57%) вызывает прежде всего уважение. Современные «молодые пожилые» люди часто ведут активный образ жизни, продолжают профессиональную деятельность и осваивают новые социальные роли, что постепенно трансформирует устоявшиеся стереотипы. При этом сохраняется и значительная доля жалости (38%) и желания помочь (35%), что указывает на двойственность восприятия. Зарождение концепции «серебряной экономики», ориентированной на запросы и потенциал старшего поколения, свидетельствует о попытке системного переосмысления возраста не как обузы, а как ресурса для развития. Однако эти позитивные сдвиги пока носят фрагментарный характер и не смогли кардинально изменить

глубоко укорененные в языке и массовом сознании негативные паттерны восприятия старости.

Источники и литература

- 1) Бурнаева К. А. «Старость» в русской и английской фразеологии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №1.
- 2) Крючкова Н. В. Специфика проявления концептуальных признаков в лексической системе языка и в ассоциативных связях (на материале концепта старость в русском языке) // Вестник ТГПУ. 2006. №5.

Омельченко Дарья Алексеевна

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Религиозность и религиозное воспитание как детерминанты ценностного отношения к семье у российской молодежи

В глобальном академическом дискурсе религия и семья рассматриваются как институты, производство смыслов и норм которых опосредует траектории перехода к взрослости и сценарии брачного и репродуктивного поведения. Религиозность ассоциируется с ориентацией на семью, детей и принятием иерархических норм семейных отношений, тогда как рост общественного благосостояния и секулярных ценностей – со снижением значимости традиционалистских аспектов семейной организации [3]. В критическом ключе эти результаты поднимают вопрос не только о «передаче веры», но и о воспроизводстве нормативных режимов, задающих рамки «правильных» семьи и жизненных сценариев, что позволяет рассматривать религиозность не как «однозначное благо», а как требующий осмысления ресурс, устанавливающий морально-нравственные ориентиры в вопросах создания и сохранения семьи.

Религиозная идентичность молодых людей формируется в условиях ослабления влияния религиозных норм и роста группы «none», для которых важна возможность выбора (не)религии и собственных семейных сценариев [2]. В России вопросы семейного поведения молодежи встроены в проект «духовно-нравственного возрождения», институционализировавший дискурс о семье как центральной ценности, неотделимой от личного успеха и благополучия. Региональные исследования показывают, что семья для российской молодежи сохраняет высокую субъективную значимость наряду с карьерой и материальным достатком, однако

набор семейных представлений во многом прагматичен и связан с запросом на безопасность и самореализацию [1].

Социологические исследования, проведенные автором в составе научного коллектива АлтГУ среди молодежи до 35 лет в 2024-2025 гг. (n = 887, Алтайский край, Забайкальский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия), показали, что религиозность лишь отчасти определяет направленность ценностных ориентаций: большинство молодых людей, независимо от вероисповедания, уровня религиозности и места проживания ориентированы на счастливую семейную жизнь (всего по выборке 78%, среди лиц с низкой религиозностью этот процент даже выше – 81,9%), около 40% видят свое предназначение в счастье и благополучии других. Довольно значительны различия, касающиеся ориентаций на карьеру и личную свободу, более важные для нерелигиозной молодежи (различия от 15% до 26%). Механизм семейного «наследования» религиозных традиций по-прежнему актуален, но имеет тенденцию к ослаблению (около 27% молодых людей с низкой религиозностью воспитывались в религиозных семьях). Одновременно, фиксируются альтернативные каналы привлечения молодежи в религию во внесемейной среде. В отношении религиозного воспитания собственных детей верующая молодежь однозначна в выборе воспитания детей «в вере» (64,6%), 16,7% – готовы дать наряду со светским и религиозное воспитание, тогда как неверующие отличаются слабостью рефлексии, поддержкой идей «свободы выбора» и только 12% – видят необходимость в религиозном просвещении, что указывает на вариативность и дифференцированность стратегий молодежи.

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности».

Источники и литература

- 1) Матвеева Е.В., Сат А.В. Кросс-региональный анализ семейных ценностей студенческой молодежи в регионах сибирского федерального округа // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. № 19(1). С 148–155.
- 2) Breskaya O. Religious upbringing in the family and individual autonomy of “Nones”: a comparative study of youth in Italy and Russia // International Journal of Sociology and Social Policy. 2025. Vol. 45 No. 7/8. P. 725-742.

- 3) Petts R. Parental Religiosity and Youth Religiosity: Variations by Family Structure // Sociology of Religion. 2015. No. 76. P. 95-120.

Орлик Елена Николаевна

ВлГУ им.А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ

Доверие как атрибут первичной социализации: условия и факторы формирования

Любое социальное взаимодействие предполагает готовность социальных единиц к взаимовыгодному обмену услугами, информацией, знаниями, опытом и т.п. И если его кульминация связана с получением награждения в виде желаемого блага, то его отправной точкой является установление доверия. Доверие исключает оппортунизм в отношениях людей, оно является ценностной доминантой общественного порядка и личностного благополучия. Доверие во всех его формах выступает как источник формирования, проявления и накопления социального капитала.

И эти процессы начинаются с детства. Забота, внимание, проявление любви и нежности со стороны родителей конвертируются в безусловное доверие детей к миру окружающих их взрослых. Речь идёт о базовом или межличностном доверии. Однажды сформировавшись, оно остаётся в багаже личностных коммуникаций, но его характер и степень полноты могут со временем, например, по мере взросления личности, изменяться. Социологические исследования показывают, что большее влияние на развитие детей школьного возраста оказывают не те мероприятия, которые практикуются педагогами и родителями в виде контроля за выполнением домашних заданий, посещением школьных мероприятий, за режимом учебы и отдыха (и здесь мы наблюдаем явное улучшение ситуации), а те, которые предполагают беседы на образовательные и школьные темы, диалоги о семейных ценностях и связанных с ними родительских ожиданиях, а также те, которые предполагают баланс между поддержкой и любовью к детям с дисциплиной [1 с.89]. С этой точки зрения укрепление базового доверия предполагает вовлеченность родителей в сферу жизненных интересов детей. Если последнее отсутствует, то возникают коммуникационные разрывы, ведущие к разным формам девиаций в детской и подростковой среде. Речь идёт о педагогической запущенности, ответственность за которую несут наряду с родителями и образовательные коллективы по месту обучения детей.

Таким образом, для формирования асертивной личности, строящей свои отношения с окружающими на основе доверия и взаимного уважения, требуется настройка трёхсторонней коммуникации между ребёнком, родителями и образовательным учреждением. И если современная стратегия в системе среднего образования предполагает обязательное внедрение воспитательных программ в педагогическую практику по укреплению семейных ценностей, то, напротив, многие родители игнорируют возможности по установлению контактов со школами, нередко последними узнавая о тех проблемах, с которыми сталкиваются их дети. И тому есть весомые основания, связанные с дефектами родительства: чрезмерная суровость отцов, равнодушие со стороны матерей, недостаточные привязанность и любовь, проявляемые к детям, семейные конфликты.

В настоящее время этими проблемами частично занимаются государственные центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. Безусловно, их решение требует основательного социологического мониторинга.

Источники и литература

- 1) Дорофеева З.Е., Козырева П.М. Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей/Социологические исследования, 2023. № 8. – С.86-100. 2. Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. – М.:Аспект Пресс, 2011. – С.57-87.
- 2) Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. – М.:Аспект Пресс, 2011. – С.57-87.

Панфилова Алина Сергеевна

Приморская краевая клиническая больница 1, Владивосток, Россия

Прегавидарная подготовка как фактор репродуктивного здоровья

Развитие демографического потенциала – важнейшая стратегическая задача социальной политики российского государства. Репродуктивное здоровье граждан расценивается как важнейший индикатор состояния социального здоровья. «Фокус демографической политики государства сегодня направлен на молодежь, на сохранение репродуктивного здоровья (РЗ) и формирование у молодых людей позитивных репродуктивных установок» [3, с. 19]. Охрана материнства и детства – ключевой ее пункт.

Подготовка к будущей беременности и родам имеет значение сразу в нескольких контекстах - в собственно медицинском, семейном и, как максимум, в социально-демографическом. Ее назначение – рождение здорового ребенка при сохранении здоровья матери. «С уверенностью можно сказать, что внедрение в гинекологическую практику протоколов прегравидарной подготовки может существенным образом повлиять на показатели рождаемости, увеличивая, тем самым, численность населения» [1, с. 101]. Экспертное мнение медицинского сообщества однозначно: ее реализация позволяет значительно снизить риски для жизни и здоровья как беременной, так и уже родившей женщины. Одновременно она может иметь большое, и даже принципиальное значение для физического статуса новорожденного ребенка. Во многом с этим связано жизненное и социальное благополучие семьи.

Проблемность в ситуации показывают официальные данные. Они фиксируют очень невысокий процент ее реализации в репродуктивной практике современных российских женщин. Меры такой подготовки «проходят не более 5 % супружеских пар» [2, с. 78]. Семейные пары также слабо осведомлены о необходимости обоюдного участия партнеров в подготовке к беременности. «Если о контрацепции в настоящее время хоть какое-то представление молодые люди имеют, то о планировании и подготовке к беременности – нет» [2, с. 78]. Опыт работы автора в профильных медицинских учреждениях г. Владивостока (с 2023 г. по настоящее время) также позволяет указать на низкую осведомленность женщин репродуктивного возраста о необходимости такой подготовки. Это также позволяет наметить поле социологической проработки этого вопроса.

Источники и литература

- 1) Микляева И.А. и др. Эффективность комплексного подхода прегравидарной подготовки в успешном развитии беременности // Дальневосточный медицинский журнал. 2019. № 3. С. 100-105.
- 2) Шелемех К.Е. и др. Подготовка к беременности – выбор сознательной молодежи // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2021. Т. 17. № 2. С. 77–83.
- 3) Белокриницкая Т.Е. и др. Репродуктивные ориентиры, знания и репродуктивное здоровье учащихся вузов: многоцентровое исследование в Дальневосточном федеральном округе // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2025. № 21 (3). С. 17–27.

*Панькова Елена Геннадьевна¹, Ковальчук Данила
Владимирович¹*

*1 - Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия*

**Проблемы социальной реабилитации инвалидов с
двигательными нарушениями в РМ**

В Республике Мордовия по состоянию на 1 января 2026 среди постоянных жителей инвалидность имеют 62 979 человек (7,9 % от всего населения). Значительную долю этой группы составляют люди с двигательными нарушениями, специфика ограничений жизнедеятельности которых определяет особую значимость реабилитационных мероприятий. С целью изучения практики социальной реабилитации инвалидов с двигательными нарушениями в Мордовии и выработки рекомендаций по их совершенствованию, в 2025 году было проведено эмпирическое исследование (опрос, методом анкетирования), в котором приняли участие 150 человек инвалидов ОДА, в том числе ветераны СВО.

Результаты опроса позволили выявить следующие проблемы социальной реабилитации инвалидов ОДА. Несмотря на наличие законодательной базы, на практике сохраняется множество барьеров: 1. Физическая и транспортная недоступность (в частности, инфраструктуры в сельской местности; большинство многоквартирных домов непригодны для лиц с болезнями ОДА, а программы по перепланировке носят заявительный характер и бюрократически сложны; водители общественного транспорта не обучены работе с маломобильными пассажирами). 2. Дефицит и несовершенство системы комплексной реабилитации (доступ к современной реабилитации - «привилегия» жителей крупных городов, в регионах не хватает центров, работающих по непрерывным индивидуальным программам, отсутствует система реабилитационных мультидисциплинарных команд; слабо развита социально-психологическая реабилитация; отсутствие эффективных практик, которые позволяли бы инвалиду получать качественные реабилитационные услуги на дому, после выписки из стационара). 3. Проблемы с техническими средствами реабилитации (ТСР) и ИПРА (нередко процедура получения ТСР длительна; ИПРА зачастую составляется без активного участия инвалида, содержит типовой, а не персонализированный набор мероприятий и ТСР. Исследование показало, что ИПРА разработана у 98% опрошенных, и только 16,3% считают, что она полностью соответствует их потребностям, а по мнению 10,2% - не соответствует вовсе). 4. Бюрократические барьеры и правовая неграмотность (ведомственная разобщенность субъектов со-

циальной реабилитации; цифровое неравенство - электронные формы на портале Госуслуг могут быть непреодолимым барьером для пожилых людей или лиц с когнитивными нарушениями; незнание инвалидами своих прав и отсутствие навыков и возможности их отстаивать, так согласно исследованию, преобладает средний и низкий уровень информированности о реабилитационных услугах и правах (52% и 40% соответственно), наиболее востребованы услуги по информированию о льготах и правах (38%), консультированию по реабилитации (24%) и адаптации жилья (16%).

Таким образом, реабилитация инвалидов ОДА рассматривается как набор услуг, а не как непрерывный процесс достижения жизненных целей человека с инвалидностью, меры носят заявительный характер и направлены на пассивную поддержку, а не на активное включение человека в общество.

Источники и литература

- 1) Ковалев В. А. Доступная среда для инвалидов: современные подходы и решения: методическое пособие / В.А. Ковалёв, О.А. Мирошниченко, В.Б. Осинская, О.С. Кудря, А.В. Штепа, Я.Д. Курганова; под редакцией О.Н. Владимировой. – Санкт-Петербург: СПбИ-УВЭК, 2022. – 152 с. ISBN 978-5-6049270-0-7. – Текст: непосредственный.
- 2) Население Республики Мордовия : сайт. Федеральная служба государственной статистики «РОССТАТ» : сайт.– URL : https://bdex.ru/naselenie/respublika-mordoviya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 29.01.2026). – Режим доступа : сеть Интернет. – Текст : электронный.
- 3) Фахретдинов В. В. Современные подходы к реабилитации пациентов, перенесших инсульт // В. В. Фахретдинов, Н. С. Брынза, А. А. Курмангулов. – Текст: непосредственный / Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2019. – №2.

Пасынок Ульяна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

**За пределами стереотипа: домашнее насилие над мужчинами
как системная социальная проблема.**

Актуальность. Мужчины также становятся жертвами домашнего насилия. Воспитанные как «сильный пол», они скрывают факты насилия из-за страха стигматизации. Преобладают нефизические формы. Стереотип о насилии как исключительно «женской» проблеме доминирует, хотя данные указывают на гендерную симметрию.

Особенности и формы. Характерно преобладание нефизических форм: психологическое (унижения, газлайтинг, шантаж), экономическое (контроль доходов, саботаж карьеры). Физическое насилие часто опосредовано, сексуальное — наиболее табуировано.

Барьеры. Существует комплекс барьеров: внутренние (стыд, страх несоответствия стереотипу), социальная стигматизация (восприятие как «слабого»), системные пробелы. В РФ нет закона о профилактике домашнего насилия, правоохранительные органы руководствуются стереотипами, отсутствует сеть кризисных центров для мужчин.

Последствия. Имеют тяжелый характер: психологические (тревога, депрессия, суицидальный риск), социальные (изоляция, профессиональные проблемы), семейно-правовые (ограничение общения с детьми — материнский гейткипинг).

Векторы решений. Требуется многоуровневый подход:

Законодательный: Принятие комплексного закона.

Институциональный: Создание служб помощи, обучение сотрудников.

Научно-информационный: Стимулирование исследований, кампании против стереотипов.

Общественный: Поддержка правозащитных организаций.

Заключение. Домашнее насилие над мужчинами — системная проблема. Гендерные стереотипы создают двойную ловушку: травму и стигму. Игнорирование этого подрывает принципы равенства. Для преодоления ситуации необходимо признать гендерную симметрию и отказаться от упрощённой модели «тиран-жертва». Защита мужчин — основа общества, где право на безопасность гарантировано каждому.

Перепечай Петр Эдуардович

ФГБОУ ВО "Дальневосточная государственная академия физической культуры", Хабаровск, Россия

**Престиж профессий в социальных представлениях молодёжи
Хабаровского края и миграционные установки**

Технологические сдвиги и перестройка занятости усиливают роль символических ориентиров профессионального выбора. Для молодёжи

престиж профессии задаёт ожидания к будущей занятости и может быть связан с готовностью к переезду или закреплению в регионе. Цель исследования – выявить, как интегральная престижность профессий в социальных представлениях молодёжи Хабаровского края соотносится с миграционными установками и через какой механизм эта связь проявляется.

Эмпирическая база – стандартизированное анкетирование молодёжи 14–22 лет в Хабаровском крае (апрель 2025 года; 1977 респондентов: Хабаровск – 1140, сельская местность – 642, районные центры – 195). Престиж операционализирован как интегральный статус с пятикомпонентной структурой: ожидаемый доход, общественное уважение, карьерные перспективы, условия труда, символический капитал. Применены индексы по шкальным батареям, ранжирования «престижно – важно для региона – востребовано сегодня», сравнения по типам поселения и анализ совместных престижных выборов на основе матрицы ранговых корреляций Спирмена.

Показано, что ядро престижности носит рациональный характер: престиж чаще всего связывают с востребованностью и высокой оплатой; уважение и значимость для региона занимают вторичный контур, а интерес к деятельности чаще выступает «удерживающим» мотивом. Верхний пояс престижных выборов устойчив и включает айти–сферу, медицину и предпринимательство, далее – правовые и управленческие роли. Совместные престижные выборы образуют содержательные кластеры (силово–героический, техно–рыночный, индустриально–инженерный, креативно–медийный, социально–гражданский), что позволяет описывать «престижные профили» траекторий и выявлять «престижные разрывы» между престижем, важностью и востребованностью.

Ключевой результат – престиж влияет на миграционные установки преимущественно опосредованно: через образ «качественного рабочего места» и набор требований к занятости. Единственный устойчивый «толкающий» фактор – ориентация на высокий доход; удерживающее ядро составляют интерес к работе, комфорт и предсказуемость условий, престиж конкретного работодателя и близость к дому. Практический вывод – снижение миграционной готовности требует адресной настройки компонентов престижности локально востребованных профессий: прозрачных зарплатных вилок, видимых карьерных карт, укрепления связи «образование – работодатель» через целевой набор, наставничество и стажировки, а также публичного статуса региональных работодателей.

Ключевые слова: престиж профессий, молодёжь, социальные представления, рынок труда, миграционные установки, Хабаровский край.

Перова Анастасия Евгеньевна

РОС РАН, Москва, Россия

**Антагонизм в современной российской музыке при
формировании семейных ценностей у молодежи:
контент-анализ слов песен**

У современной молодёжи может сложиться двоякая картина мира при прослушивании современной музыки. С одной стороны, большая часть музыки написана о любви, с другой стороны, можно встретить очень много песен о её угасании и уходе, не доверии и изменах. И, самое страшное, их большинство.

Всё это может повлечь за собой шаткую ситуацию, когда после прослушивания любимой музыки молодёжь не торопится с укреплением семейных ценностей и, соответственно, не вступает в брак и не повышает рождаемость. Двойственный посыл современной музыки латентно влияет на внутреннюю речь и установки, ведь песни "крутятся" в голове, их слова повторяют и проживают музыку, как она идёт и пишется.

Как всегда в нашей стране, в музыке есть положительные герои и есть отрицательные. Кто пользуется большей популярностью, вопрос, достойный отдельного исследования, а мы займёмся контент-анализом текстов песен современных российских авторов и исполнителей.

Методология: контент-анализ доступных текстов песен плейлиста, сформированного искусственным интеллектом по мотивам личного плейлиста с любимой русской музыкой жанров поп, рок, фолк и инди. Всего 50 исполнителей, известных и не очень, молодых и уже опытных.

Контент-анализ - анализ текстового содержания, количественный и качественный, при котором характерно выделение смысловых единиц текста. Он нацелен на оценку и выявление трендов, тенденций, характеристик явлений и феноменов, социальных и культурных. В нашем случае контент-анализ - нацелен на выявление позитивных и плодотворных для демографической ситуации в стране явлений в современной российской музыке.

17 позитивных и 33 грустных песни о любви и почти ничего действительно семейного во всей подборке - результат контент-анализа.

В чем же причина такого отношения? Возможно, ответ можно найти в словах самих песен. Так, в песне группы "Помни имя своё" есть следующие слова: "Почему все стихи такие грустные – Их, наверно, пишут

пророки // Давай в этой неновой повести // Просто возьмемся за руки". Пророческий полюс точно не есть семейный: слово отбирает от земной жизни, трансформирует и преобразует. Даже у А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова можно найти стихотворения "Пророк" - и все они об отказе от семейной, привычной жизни, уходе в пустыню и осуждении мира. Это не противоречие, а наследие Православия, в корне меняющего ценности и уводящего в монастыри и пустыни.

Как вывод, можно рекомендовать Министерству культуры устроить конкурс семейных песен и музыки, несущей семейные ценности. Ослабить путы Православия и вспомнить о крестьянской рождаемости в двадцать человек в семье поможет величественная классическая музыка Шостаковича и Глинки, Римского-Корсакова и более современных исполнителей и композиторов.

Раз только треть песен о любви со счастливым содержанием, пора принимать меры, ведь молодежь живёт музыкой и часто ходит на концерты, фанатеет от любимых исполнителей. Это содержание и воспевание нашей жизни, и пора браться за ум в отношении слов песен.

Источники и литература

- 1) Яндекс.Музыка
- 2) А.С. Пушкин. Стихотворение "Пророк" \\ URL: <https://culture.ru/poems/4409/prorok>
- 3) М.Ю. Лермонтов. Стихотворение "Пророк" \\ URL: <https://culture.ru/poems/36609/prorok>
- 4) Зинина Ю. М. Контент-анализ текстов современной британской поп-музыки (на материале текстов песен популярного британского певца Эда Ширана // Litera. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-tekstov-sovremennoy-britanskoy-pop-muzyki-na-materiale-tekstov-pesen-populyarnogo-britanskogo-pevtsa-a-eda-shirana> (дата обращения: 04.01.2026).

Петрова Алина Яковлевна¹, Хохрикова Ксения Олеговна¹

*1 - Дальневосточный федеральный университет, Владивосток,
Россия*

**Репрезентации феминности и маскулинности в анимационных
фильмах разных периодов в контексте гендерной
социализации личности**

Проведенное авторами исследование посвящено анализу репрезентаций феминности и маскулинности в анимационных фильмах разных исторических периодов как фактора формирования базовых установок личности в процессе гендерной социализации и усвоения семейно-родственных ролей. Анимация рассматривается как значимый медийный агент социализации, транслирующий нормативные модели гендерного поведения для детской и подростковой аудитории. Эмпирическую основу составляет контент-анализ российской (1982-2025 гг.) и западной анимации (1993-2025 гг.), проведённый по авторской кодировочной схеме. Она включает в себя оценку поведенческих, визуальных и ролевых индикаторов феминности, маскулинности и андрогинности, а также системы санкций и поощрений за гендерное поведение персонажей.

Выборка сформирована по принципу репрезентативности массового детского и семейного просмотра и включает наиболее тиражируемые, рейтинговые и культурно значимые полнометражные и сериальные анимационные проекты четырёх периодов. По мнению авторов, это позволяет проследить динамику гендерных моделей в связи с изменением социокультурного контекста.

Результаты показывают, что российская анимация характеризуется волнообразной динамикой гендерных репрезентаций с чередованием периодов расширения и последующей нормализации гендерных образов, тогда как западная анимация демонстрирует более последовательную трансформацию моделей феминности и маскулинности. В российской выборке в трёх из четырёх периодов у женских персонажей маскулинность превышает феминность, что приводит к формированию обобщённого образа героини с доминированием маскулинных поведенческих и ролевых характеристик. При этом мужские персонажи демонстрируют усиление традиционной маскулинности и вытеснение феминных черт к периферии образа. В западной анимации женские персонажи сочетают высокую феминность с интегрированной маскулинностью и растущей андрогинностью, достигая пика в индексе андрогинности 2.23 в 2004-2014 гг.

Визуальная стереотипность увеличивается в российской анимации (с 1.0 до 2.33 у героинь), тогда как в западной слегка снижается, что отражает различия в культурных кодах маскулинности и нормативных представлениях о «женском» и «мужском» телах. Анализ системы наград и наказаний за гендерное соответствие выявляет постепенное смягчение санкций в обеих выборках, но сохранение различных норм контроля: женщин чаще награждают за традиционность в ранние периоды, мужчин чаще наказывают за отклонения от маскулинных норм, особен-

но в российских проектах. Также отмечается структурная трансформация творческих команд, выраженная в увеличении присутствия женщин-режиссеров и смешанных коллективов.

Пленкин Антон Александрович

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

**Обряд крещения в современном обществе: функции,
восприятие и связь с институтом семьи**

В условиях трансформации института религии в современном обществе особую актуальность приобретает анализ функционирования традиционных религиозных практик. Несмотря на распространение секулярных теорий [2], начиная с 1970-х гг. фиксируется рост религиозности [9], в том числе среди молодёжи [4], что позволяет говорить о процессах десекуляризации и изменении форм религиозного участия.

Одним из ключевых элементов христианской религиозной практики является обряд крещения, выполняющий функции инициации, интеграции и компенсации экзистенциальных страхов [3]. С точки зрения социологической теории Э. Дюркгейма крещение относится к позитивным культовым практикам, обеспечивающим символическую связь индивида с сакральным и воспроизводство религиозной общности [7].

Эмпирическую основу исследования составил массовый опрос молодёжи г. Череповца ($N = 100$), а также неформализованные интервью со священнослужителями Русской Православной Церкви. Полученные данные демонстрируют высокую распространённость практики крещения: 94% опрошенных являются крещёными. При этом наиболее частотный возраст крещения приходится на младенчество и раннее детство (0–3 года), а инициатива в подавляющем большинстве случаев исходит от родителей, что указывает на ведущую роль семьи в религиозной социализации. Указанные данные коррелируют с данными всероссийских исследований на эту тему [1].

Анализ мотиваций совершения обряда выявил преобладание прагматических и компенсаторных установок. Наиболее значимыми основаниями респонденты называют стремление к «защите свыше», спасению души и духовному очищению. Это позволяет говорить о распространении элементов магического мышления и восприятии крещения как защитного ритуала. В то же время более половины опрошенных связывают крещение с желанием стать частью христианской общины, что подтверждает сохранение интегративной и инициационной функций обряда.

В оценках крещения молодёжь в целом демонстрирует позитивное и уважительное отношение: большинство считает данный обряд значимым в современном мире. Одновременно фиксируется тенденция к индивидуализации религиозного выбора — усиление установки на самостоятельное принятие решения о крещении.

Таким образом, обряд крещения, несмотря на трансформацию религиозных форм, сохраняет социальную значимость, адаптируясь к условиям современного общества и сочетая традиционные функции с новыми моделями восприятия.

Источники и литература

- 1) Борисова, О. Н. Крестные и крестники в современной России: по материалам социологического опроса. — М. : ПСТГУ, 2022. — 150 с.
- 2) Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
- 3) Восковская, Л. Ю. Отношение к смерти религиозно-ориентированных лиц // Известия ЮФУ. Технические науки. — 2012. — № 10. — С. 167–172.
- 4) Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Религия и общество: мониторинг [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (дата обращения: 10.12.2025).
- 5) Крещение // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/2459045.html> (дата обращения: 04.12.2025).
- 6) Alfani G. Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy. — London ; New York : Routledge, 2009. — 273 p.
- 7) Durkheim, E. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой ; под науч. ред. А. Апполонова. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 736 с.
- 8) Hammel E. A. Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1968. — 120 p.

- 9) Pew Research Center. How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020 [Электронный ресурс]. — 09.06.2025. — URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/how-the-global-religious-landscape-changed-from-2010-to-2020/> (дата обращения: 04.11.2025).

Полякова Виктория Владимировна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Духовная доминанта модели воспитания в Древней Руси

Система воспитания в Древней Руси представляла собой уникальный социокультурный феномен, в котором задачи воспитания были неразрывно связаны с богословской мыслью. В период с XI по XVII век формирование личности происходило в рамках жестко заданного религиозного вектора, где ключевым институтом социализации выступала Церковь. Главенствующая роль Церкви в этот период диктовала жесткие требования к «богопослушной личности», что фактически превращало процесс воспитания в методичное созидание «добропорядочного христианина».

Основным идеологическим отличием древнерусской модели воспитания от античных или современных западных систем был полный отказ от культа личного успеха. В центре воспитательной парадигмы находилась не социальная реализация человека, а спасение его бессмертной души. В связи с этим ценность личной успешности и материальных благ земного существования были нивелированы стремлением обрести жизнь вечную.

Воспитательный процесс был направлен на подавление «эго» и развитие аскетических качеств. Приоритетным считалось почитание Господа как непререкаемого Абсолюта и борьба с греховными страстями в брэнной жизни. Такая установка формировала особый тип личности, ориентированный на внутреннее самосовершенствование, смирение и строгое следование авторитетам.

В качестве основного инструмента регулирования поведения использовались сакральные тексты. Они предлагали четкую бинарную систему координат, разделяющую мир на сферу добродетелей и зону «антинорм». К базовым качествам, которые прививались и ребенку, и взрослому в процессе социализации, относились «вера, надежда, любовь, благоразумие, мужество, справедливость, умеренность».

Параллельно с этим велась активная работа по профилактике пороков. Воспитательная траектория данного периода фокусировалась на

описании пагубности неблагоприятных проступков и несдержанности в речах. Семь смертных грехов (гордыня, жадность, гнев, зависть, похоть, чревоугодие и уныние) воспринимались не просто как теологические понятия, а как реальные угрозы гармоничному существованию индивида и общества.

Особое место в истории древнерусского просвещения занимает фигура новгородского епископа Луки Жидяты. Его деятельность в первой половине XI века, совпавшая с вокняжением Владимира Ярославича, ознаменовала начало формирования собственно русской книжной традиции. Знаменитое «Поучение новгородского архиепископа Луки Жидяты к братии» считается первым исконно русским произведением духовной литературы. Это сочинение было ориентировано на широкую аудиторию: адресовано не только духовенству, но и представителям «городской элиты». В тексте автор давал практические разъяснения методов достижения смирения, благонравного поведения, жизненной гармонии и спасения души – «... Будьте смиренны и кротки, да и послушницы будьте и творцы Божиим заповедям: ибо в сердце гордаго обитает диавол, и слово Божие не может утвердиться в нем.». Таким образом, через слово пастыря происходило транслирование этических стандартов от высших слоев общества к широким народным массам, что закрепляло единство культурного и воспитательного пространства Руси.

Подводя итог, можно отметить, что древнерусская модель воспитания носила ярко выраженный аксиологический характер. В её основе лежало убеждение, что благонравие и верность религиозным нормам являются единственно верным путем развития человека. Социализация личности в этот период была процессом глубоко сакральным, превращающим повседневную жизнь в постоянный труд по преодолению греховной природы ради достижения высшего духовного идеала.

Источники и литература

- 1) Поучение новгородского архиепископа Луки Жидяты к братии // Предание.ru : [сайт]. URL: <https://predanie.ru/book/110503-pouchenie-k-bratii/> (дата обращения: 26.01.2026).

Прохода Владимир Анатольевич

*1. МГУ имени М.В. Ломоносова; 2. Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия*

**Традиционализм в распределении семейных ролей (по
материалам межкультурного исследования)**

Традиционализм в распределении семейных ролей играет важную роль в обеспечении стабильности семьи, в тоже время в ситуации выраженной ролевой асимметрии может сопровождаться комплексом проблем, связанных с дисбалансом обязанностей, перегрузкой, снижением возможностей самореализации, риском бытовых конфликтов и т.д. Диагностика установок населения относительно распределения ролей в семье предполагает обращение к результатам массовых социологических опросов.

Публикация базируется на материалах опросов, проведенных в 2021-2025 гг. в рамках международной программы социальных исследований (ISSP) по теме: «Семья и меняющиеся гендерные роли». В России полевой этап исследования проведен АНО «Левада-Центр» (внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) в 2022 г. методом личного интервью по месту жительства респондентов, отобранных по репрезентативной многоступенчатой вероятностной выборке населения страны в возрасте 18 лет и старше (N=1585).

С использованием факторного анализа (извлечение методом главных компонент; КМО = 0,68; суммарная дисперсия – 55,1%) рассчитана скрытая переменная, условно именуемая в дальнейшем «традиционализм» в распределении семейных ролей. Чем ярче проявляется «традиционализм», тем сильнее степень согласия с высказываниями о том, что «работа — это хорошо, но на самом деле большинство женщин хотело бы заниматься только домом и детьми» (факторная нагрузка – 0,75), «дело мужа – зарабатывать деньги, а дело жены – вести домашнее хозяйство и заниматься семьей» (0,81); тем больше уверенность, что отец должен «обеспечивать семью финансово» (0,67), а обязанность матери «ежедневно заботится о ребенке» (0,73).

Страны-участницы проекта были ранжированы в порядке возрастания средних факторных значений «традиционализма». Минимальные показатели фиксируются в странах Северной Европы – Норвегии (ранг - 1), Швеции (2), Дании (3), Исландии (4), Финляндии (7), а также во Франции (5), Испании (6) и Германии (8). Отчасти это связано с достигнутым уровнем гендерного равенства, в том числе экономического, а также особенностями политики соцобеспечения. На противоположном полюсе, характеризующимся выраженным традиционализмом, расположены азиатские государства – Индия (ранг - 32), Филиппины (31), Таиланд (27) и страны Восточной Европы – Болгария (30), Словакия (29), Венгрия (26), Чехия (25), что предопределяется специфичными сочетаниями исторических, культурных, социально-экономических факторов. Россияне в целом демонстрируют сравнительно высокий уровень «тра-

диционализма» (ранг - 28), значимо не отличаясь по результатам дисперсионного анализа от жителей Таиланда, Венгрии и Чехии.

Таким образом, компаративный анализ позволяет констатировать наличие высокую приверженности россиян «традиционализму» в распределении семейных ролей. Перспективным представляется выявление и описание групп респондентов в зависимости от степени согласованности фактического распределения обязанностей в семье и доминирующих установок.

Радионова Виктория Денисовна

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Роль братьев и сестер в социализации

Семья представляет собой сложную систему взаимоотношений, где каждый её член играет свою роль, выполняет определённые функции и удовлетворяет потребности других членов. Взаимоотношения в семье поддерживаются через взаимодействие всех её участников. Интересна специфика психологии взаимоотношений в многодетной семье[1].

Сиблинги — это дети одних родителей, связанные узами второй степени родства. Термин «сиблинги» пришёл в русский язык из английского (siblings). Он используется для описания родственных связей в этнологии, социальной антропологии и других науках[2].

Тесные и долговременные привязанности между братьями и/или сестрами начинаются ещё в младенчестве. Старшие дети выступают для малышей образцом социального поведения, а иногда и лицом более авторитетным, нежели родители. Система взаимоотношений братьев и сестер является значимым компонентом социальной ситуации развития. Сиблинги образуют первую группу равных, в которую вступает ребенок и в которой они вырабатывают собственные стереотипы взаимодействия. Помощь в учёбе, совместное времяпровождение, общий быт укрепляют отношения между детьми, делают их не только родственниками, но и лучшими друзьями. При этом, старшие дети направляют развитие интересов, увлечений младших братьев и сестер, и нередко влияют на сознательный выбор ими будущей профессии, повторяющей тоже профессиональное направление, что и у старших сиблингов. Более того именно личностные особенности старшего ребенка определяют характер отношений в сиблинговой паре[3].

Разница в возрасте является значимым фактором для отношений в детстве и перестает быть важной и определяющей отношения между

взрослыми братьями и сестрами. Как правило, младшие больше знают о своих сиблингах, оказывают значимую эмоциональную поддержку и рассчитывают получать её в ответ в большей степени, чем старшие. Сиблинги, живущие близко друг от друга, больше конкурируют между собой, чаще и позитивнее общаются, и уровень практической поддержки у них выше, чем у проживающих далеко друг от друга.

Сиблинговые отношения сегодня трансформируются из заданного родства в добровольный пожизненный союз, становясь ключевой «сетью безопасности» в мобильном обществе. Они обеспечивают уникальную поддержку, сочетающую эмоциональную близость и практическую взаимопомощь, но требуют постоянных усилий для преодоления конфликтов и конкуренции. Это центральный элемент социальной архитектуры личности в условиях хрупкости других связей.

Источники и литература

- 1) Склярова С. А., Симонова Л. Б. Влияние сиблинговой позиции на формирование личности детей в многодетной семье // Вестник науки. 2024. №6 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-siblingovoy-pozitsii-na-formirovanie-lichnosti-detey-v-mnogodetnoy>
- 2) <https://znanierussia.ru/articles/Сиблинги>
- 3) Тулегенова Альбина Георгиевна, Васильева Виктория Валентиновна Влияние старших сиблингов на процесс социализации младших детей в семье // Научный вестник Крыма. 2018. №1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-starshih-siblingov-na-protsess-sotsializatsii-mladshih-detey-v-semie>
- 4) Алмазова Ольга Викторовна Типология взаимоотношений взрослых сиблингов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-vzaimootnosheniy-vzroslyh-siblingov>

Серикова Татьяна Евгеньевна

*ФГБОУ ВО "Луганский государственный университет им. В. Даля",
Луганск, Российская Федерация*

Отказ от деторождения как одна из социальных установок современной молодежи

Социальная и информационная политика, направленная на культивирование здоровых семейных отношений и деторождение, выступает

залогом благоприятной перспективы развития страны. Данная максима, получающая в последнее время политическую поддержку, требует скрупулезного учёта неблагоприятных факторов, препятствующих её полноценной реализации. Значительное число репрезентативных социологических исследований демонстрируют ряд сложностей продвижения установок на укрепление семейных ценностей с преимущественной ориентацией на рождение детей. Тем более нескольких. Даже, если респонденты в качестве прерогативы отмечают семью, это не означает такое же позитивное отношение абсолютного большинства молодых людей к перспективам рожать детей, воспитывать их, выводить в люди.

Проведенный на базе Луганского государственного университета имени Владимира Даля опрос студентов (ноябрь 2024, 1043 респондента) при общей видимой положительности показателей в отношении семьи с детьми как первостепенного целеполагания продемонстрировал тревожный факт. С одной стороны, при ответах на вопрос: «По Вашему мнению, сколько детей должно быть в семье?» в совокупности 74,5% респондентов выбрали варианты ответов, предполагавшие различное число планируемых детей [1]. Наибольший процент опрошенных считает, что детей в семье должно быть двое (49,2%), 15,7% респондентов полагали, что – «один» и почти каждый десятый – «три и больше» (9,6%) [1]. С другой стороны, – практически четверть из общего числа участников опроса либо затруднились с ответом, либо вообще отвергли идею значимости деторождения. Количественно показатели данной группы распределились следующим образом: 12,4% – затруднились с ответом, 0,8% – ответили, что «ни одного», а ещё весомый процент – 12,4%, выбрали наиболее жёсткую альтернативу, специально предложенную социологами «иметь детей необязательно» [1]. Анализ категорий респондентов, ответивших таким образом, продемонстрировал, что бо́льший процент, не считающих органичной связку «семья-дети», составили девушки.

Заметим, отвечая на вопрос «Какие жизненные ценности Вы ставите перед собой в настоящее время?», 69,9% респондентов указали что это – «счастливая семья». Результаты опроса свидетельствуют о необходимости детализации представлений о счастливой семье. В том числе и в отношении понимания того, включает ли понятие «счастливая семья» деторождение.

Приведённые выше итоги опроса требуют уточнения и проверки. Всё же сложно отрицать наличие масштабной и изолированной внешней пропаганды, использующей передовые информационно-коммуникативные технологии, направленной на культивирование у современной молодежи

представлений о семье как своеобразном «союзе эгоистов», которые воспринимают деторождение как нарушение зоны комфорта.

Источники и литература

- 1) Проценко А. Актуальные аспекты и специфика изучения этнополитической безопасности в ЛНР. URL: <https://lawinrussia.ru/a-protsenko-aktualnye-aspekty-i-spetsifika-izucheniya-etnopoliticheskoy-bezopasnosti-v-lnr/> (дата обращения: 04.01.2026).

Синельников Александр Борисович

*Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Возможные демографические последствия отделения от родителей до брака

Не состоящие в браке люди старше 30 лет, живущие с родителями, считаются в обществе не полностью социализированными, еще не ставшими взрослыми [1]. Их осуждают не за то, что не создали свои семьи, а за то, что не ушли из родительских семей. По данным ВЦИОМ, «В общественном мнении возраст «нормального» отделения от родителей совпадает с реальной практикой и одинаков для сыновей и дочерей — 21 год <...> совместное проживание с родителями в зрелом возрасте (30-40 лет) становится «красным флагом» для отношений, прежде всего в глазах женщин. Подавляющее большинство из них такого мужчину, даже симпатичного и интересного, не рассматривает как партнера для отношений» [2].

Отделение от родителей помогает стать самостоятельными, но избавляет от необходимости считаться с интересами самых близких людей. Не все из привыкших к такой свободе откажутся от нее ради создания семьи, что требует постоянных самоограничений ради заботы о супругах и детях.

Проживающие в общежитиях или снимающие квартиры вместе с друзьями должны считаться с интересами соседей. Но все больше становится людей, которые живут одни. Зачем им создавать семьи, если общество этого от них уже не требует и больше не осуждает ни внебрачные сексуальные связи, ни безбрачие, ни бездетность? Поэтому многие люди, которые высоко ценят свободу, навсегда остаются одинокими. Другие меняют мнение и вступают в брак, но не желают иметь детей, а если

потом захотят стать родителями, то это желание нередко появляется в том возрасте, когда его реализация маловероятна или вообще невозможна. Когда люди, привыкшие ни с кем не считаться, создают семьи, но не заботятся о супругах и детях, игнорируя их интересы, эти семьи, как правило, распадаются.

Для изучения позитивных и негативных демографических последствий отделения (или неотделения) от родителей до брака надо включать в анкеты социологических исследований вопросы к респондентам:

- о том, живут ли они с родителями, а если отделились, то сколько времени до создания своей семьи жили в общежитиях, на съемных квартирах с друзьями или соседями либо совсем одни.

- об изменении их семейного положения до и после отделения от родителей (сожительство, брак, развод, рождение того или иного числа детей)

- об их отношении к тем или иным ценностям (семья, брак, дети, карьера, богатство, свобода т.д.),

- об их отношении к не состоящим в браке людям того или иного возраста, которые живут с родителями

- о том, следует ли откладывать вступление в брак и(или) рождение первенца до завершения образования, трудоустройства, достижения какого-то уровня дохода, приобретения жилья или для того, чтобы «пожить для себя»

- об их отношении к людям, вообще не желающим вступать в брак и(или) иметь детей

- об их мнении относительно уважительных причин для развода.

При включении в анкету всех этих вопросов можно узнать, как влияет отделение от родителей до создания своей семьи на брачность, разводимость и рождаемость. Это поможет понять, должна ли демографическая политика помогать молодым людям в приобретении отдельного от родителей жилья еще до вступления в брак или только после этого.

Источники и литература

- 1) Радаев В.В. Откладывают ли молодые поколения свое взросление, и в чем это проявляется // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12. №4. С. 4-44. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i4.30411>(дата обращения 29.01.2026)
- 2) ВЦИОМ. Новости. Маменькины сынки XXI века. (Опубликовано 19.01.2026). <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mamenkiny-synki-xxi-veka> (дата обращения 29.01.2026)

Синица Арсений Леонидович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Старение населения Крайнего Севера: динамика, факторы, последствия

Старение населения – один из важнейших процессов, характеризующих современное общество. Оно является глобальной угрозой, последствия которой предсказать в полной мере невозможно, поскольку старение населения в мировом масштабе – проблема, с которой мир ранее ещё не сталкивался.

Для России данная проблема особенно острая: низкая продолжительность жизни сочетается с низкой рождаемостью и неблагоприятной структурой миграции на фоне значительной пространственной неоднородности страны. Неблагоприятная ситуация усугубляется слабой адаптацией инфраструктуры к потребностям пожилых и низким уровнем пенсионного обеспечения.

Среди зон повышенного риска выделяется Крайний Север – ресурсная база страны, старение население которой обусловлено государственной политикой освоения Севера и Арктики как в советский период, так и в последующие годы.

При анализе старения населения Крайнего Севера я использовал индекс динамики старения З. Длугоша (ИДС), позволяющий оценивать вклад в этот процесс возрастных групп моложе 15 и старше 65 лет, а также медианный возраст, который является более надёжным инструментом, чем средний возраст.

Главный вывод исследования: старение населения Крайнего Севера определялось преимущественно динамикой доли младшей возрастной группы. Из-за низкой продолжительности жизни это особенно заметно у мужчин. Решающая роль населения старше 65 лет в старении Севера проявилась только по данным последней переписи, хотя к 2021 году доля молодёжи увеличилась, что может свидетельствовать об изменении модели старения.

До 1989 года население страны старело быстрее, чем население Севера, однако к 2002 году ситуация изменилась: Европейская часть Севера за исключением Ненецкого АО стала демонстрировать более высокие значения ИДС и медианного возраста.

Второй вывод: гендерные различия в динамике ИДС проявляются умеренно. Тенденции старения мужчин и женщин в обеих возрастных группах в целом совпадали, но амплитуда колебаний у женщин была несколько выше. Несмотря на преобладание мужчин, в северных регионах ди-

намику ИДС в значительной степени определяли женщины, чья доля в старших возрастах гораздо выше.

Третий вывод: значительные миграционные потоки деформировали возрастное распределение населения Крайнего Севера и послужили причиной менее заметных различий между городскими и сельскими поселениями, чем по стране в целом. Однако Север следовал генеральным трендам, поэтому межпоселенческие различия и там были выше гендерных.

Четвёртый вывод: на протяжении последних 100 лет население Крайнего Севера старело. Его омоложение отмечалось только по данным переписи 1989 года и вызвано реализацией широкого набора мер демографической политики в предшествующем десятилетии. Однако в ряде регионов население стало моложе и к 1970 году.

Принципиально важно отметить, что старение населения не является стихийным процессом. Комплексная демографическая политика способна улучшить половозрастную структуру населения, но она потребует значительных финансовых ресурсов и времени.

*Сиротина Татьяна Викторовна¹, Чурикова Дарья
Васильевна¹*

1 - Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Семейно-демографические тренды и меры поддержки в Алтайском крае

Семейно-демографические процессы выступают важнейшими индикаторами социального развития региона и одновременно являются объектом государственной политики. Динамика количества браков, разводов, рождаемости и пр. отражает как долгосрочные изменения семейных норм и жизненных стратегий населения, так и влияние внешних факторов. В этой связи сопоставление региональных и общероссийских тенденций позволяет выявить проблемные зоны и определить направления, требующие приоритетного внимания со стороны институтов семейно-демографической политики.

Согласно данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай коэффициент брачности в Алтайском крае демонстрирует снижение с 2022 г.: в 2022 г. показатель составил 7,3, в 2023 г. — 6,5. При этом в 2020 г. было зафиксировано наиболее существенное снижение коэффициента брачности за последние 20 лет — до 5,0, что может быть связано с последствиями

пандемии COVID-19. В 2021 г. число браков в расчете на 1000 чел. населения в Алтайском крае выросло до 5,8, продолжив рост в 2022 г. до 7,3. Однако, в 2023 г. тенденция вновь сменилась снижением.

Число разводов в расчете на 1000 чел. населения в Алтайском крае стабильно растет с 2020 г.: в 2020 г. коэффициент составил 4,3; в 2021 г. — 4,6; в 2022 г. — 5,0; в 2023 — 5,1 [2]. Таким образом, в регионе одновременно фиксируются рост количества разводов и снижение числа заключенных браков (после краткосрочного восстановления в 2021 — 2022 гг.). Региональные тренды в данной области коррелируют с общероссийскими трендами согласно информации Федеральной службы государственной статистики по России.

Так, после резкого спада в 2020 г. количества браков на 1000 чел. в России (2020 г. — 5,2) наблюдался значительный рост коэффициента брачности в 2021 и 2022 гг. (2021 г. — 6,3, 2022 г. — 7,2). Однако в 2023 г. число заключаемых браков на 1000 чел. в России вновь снизилось до 6,5. Динамика количества разводов также имеет отрицательный тренд в России: с минимума в 3,8 развода на 1000 чел. в 2020 г. показатель вырос до 4,7 в 2022 и 2023 гг. (2020 г. — 3,8; 2021 г. — 4,4; 2022 г. — 4,7; 2023 — 4,7) [3].

Общероссийские и региональные тренды Алтайского края схожи, а именно: рост коэффициента разводимости с 2020 г. и падение коэффициента брачности с 2022 г. В тоже время число разводов на 1000 чел. в регионе опережает средние по России значения.

Коэффициент рождаемости в Алтайском крае в 2024 г. составил 7,3 на 1000 чел., что ниже среднего коэффициента по России, который составил 8,4. Коэффициент рождаемости в регионе имеет стойкую тенденцию к снижению (2020 г. — 8,6; 2021 г. — 8,3; 2022 г. — 7,8; 2023 — 7,8; 2024 — 7,3) [1]. Одновременно в регионе отмечаются и позитивные тенденции — рост числа многодетных семей — за последние пять лет их количество увеличилось в 1,5 раза и достигло 37 тыс. В общей сложности в 304 тыс. семей Алтайского края воспитывается более 450 тыс. детей [4].

Для реагирования на семейно-демографические вызовы в регионе формируется система мер поддержки семей. В крае реализуется государственная программа Алтайского края «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» [6].

Для молодых семей с детьми выделяются средства на компенсацию найма аренды жилья. Молодые семьи, проживающие в сельской местности, при рождении третьего и последующих детей получают единовременную выплату в размере 300 тыс. руб. В 2025 г. для нуждающихся семей открыты пункты проката детских товаров для новорожденных и

малышей до 1,5 лет в 10 населенных пунктах края; услугами проката воспользовались более 200 семей. Данные меры являются частью реализации национального проекта «Семья» и региональной программы повышения рождаемости по инициативе губернатора Алтайского края [4].

Целью регионального проекта «Многодетная семья» (в составе национального проекта «Семья») является увеличение количества многодетных семей на 15% к 2030 г. С 2025 по 2027 гг. предусмотрено оказание мер поддержки более 5,5 тыс. семей ежегодно. Для улучшения материального положения семей развиваются меры государственной социальной помощи на основании социального контракта [5].

Анализ показывает, что семейно-демографическая динамика Алтайского края в целом воспроизводит общероссийские тенденции. Региональными особенностями являются более высокий уровень количества разводов, а так же более низкий уровень рождаемости в регионе по сравнению со средними значениями по России. С учётом выявленных тенденций меры поддержки семей, реализуемые в Алтайском крае (обеспечение жильем, адресная помощь молодым и многодетным семьям, развитие инфраструктуры поддержки семей с детьми), представляются актуальными и соответствующими российской семейно-демографической политике.

Источники и литература

- 1) Влияние факторов среды обитания на здоровье населения Алтайского края по показателям социально-гигиенического мониторинга с обзором за 2024 год: информационный бюллетень / Администрация Первомайского района Алтайского края: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://perv-alt.ru/investicii/06.10.2025_Информационный_Бюллетень_АК_2024.pdf
- 2) Демография / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/219321>
- 3) Демография // Федеральная служба государственной статистики России: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
- 4) Национальный проект «Семья» // Министерство социальной защиты Алтайского края: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.aksp.ru/nac_proekt/

- 5) НП «Семья» / Алтайский край: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://altairegion22.ru/territory/natsionalnye-proekty-2025-2030/semya.php>
- 6) Порядок реализации некоторых мероприятий подпрограммы "Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае" государственной программы Алтайского края "Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края» / Гарант: информационно-правовой портал: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/74727252/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

Староверова Надежда Васильевна

*Судья Горномарийского районного суда Республики Марий Эл,
аспирант Юго-Западного государственного университета г. Курск, п.
Юрино Республика Марий Эл, Россия*

Трансформация института семьи в современном обществе

В последние десятилетия наблюдается существенное изменение традиционных моделей семейных отношений: рост числа разводов, изменение роли гендерных ролей, расширение форм семейных объединений, появление новых форм партнерства. Эти изменения требуют системного анализа для выявления их причин и последствий, а также для разработки рекомендаций по адаптации семейных институтов к новым условиям.

Научная новизна исследования заключается в предложении нового взгляда на процессы трансформации института семьи.

Целью исследования является изучение и анализ процессов трансформации института семьи в современном обществе, выявление факторов, влияющих на эти изменения.

Этапы развития института семьи представляют собой сложный и многогранный процесс, отражающий исторические, культурные, социальные и экономические изменения общества.

Первый этап можно назвать древним или традиционным, охватывает периоды до формирования первых цивилизаций и продолжает существовать в некоторых традиционных обществах до наших дней. В этот период семья выступала как основная ячейка общества, объединяющая родовые связи, совместное хозяйство и воспитание детей. Важной характеристикой этапа является патриархальность, закрепленная в культуре и религии.

Следующий этап связан с развитием античных обществ и формированием более сложных форм семейных структур. В Древней Греции и Риме появились новые модели брака, расширение роли гражданских институтов и развитие правовых норм, регулирующих семейные отношения. В этот период наблюдается переход от патриархальной семьи к более демократическим формам.

Средневековье и эпоха Возрождения характеризуются усилением роли религии и церкви в регулировании семейных отношений.

Переход к Новому времени и индустриализации ознаменовался кардинальными изменениями в структуре и функциях семьи. В XVIII-XIX веках происходит урбанизация, рост городов и развитие промышленности. В этот период начинают развиваться институты гражданского брака [1].

XX век стал эпохой радикальных перемен в развитии института семьи. Важной особенностью этого этапа является расширение прав и свобод личности, а также признание разнообразия семейных форм.

Современный этап развития института семьи характеризуется глобализацией, информационными технологиями и изменением социальных ролей. Изменение семейных ценностей, ролей и форм взаимодействия между членами семейных объединений [2]. Современное общество ориентировано на личностное развитие, самореализацию и удовлетворение личных потребностей [3].

Развитие информационных технологий, коммуникационных средств и цифровых платформ кардинально изменило способы взаимодействия внутри семейных структур, повлияло на традиционные роли и модели семейной жизни.

Государство, как главный регулятор общественных отношений, осуществляет множество мер, направленных на создание условий для стабильности и благополучия семей, а также на защиту прав и интересов каждого члена семьи - государственные программы поддержки семей. Эти меры способствуют снижению финансовых трудностей, повышают уровень рождаемости и стимулируют создание благоприятных условий для воспитания детей.

Важным аспектом является укрепление социальной ответственности и активное участие каждого члена семьи в совместной жизни и воспитании будущего поколения.

Источники и литература

- 1) Вишне夫斯基 А.Г. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики: Сб. Семья и семейная политика. Вып.1.- М., 1991. С. 14, 15.
- 2) Дмитрийчук А.Ю. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе. Научные ведомости, т.43. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-transformatsii-semi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve/viewer>, дата обращения 03.01.2026 г.
- 3) Кучмаева О.В., Кучмаев М.Г. Трансформация института семьи и семейные ценности. Вестник славянских культур, 2008 г. <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-i-semeynye-tsennosti>, дата обращения 03.01.2026 г.
- 4) Сорокин П.А. Кризис современной семьи. М.: Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 65 – 79.
- 5) Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М. : Финансы и статистика, 1981. 199 с.
- 6) Петрова Н.Д. Трансформация института семьи в информационном обществе: кризис, причины и возможности преодоления (международно-правовые аспекты), Образование и право, 2024, <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-v-informatsionnom-obschestve-krizis-prichiny-i-vozmozhnosti-preodoleniya-mezhdunarodno-pravovye> дата обращения 03.01.2026 г.
- 7) Романович Н.А. Проблемы института семьи в молодежной среде. Наука, культура, общество, 2023 г. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-instituta-semi-v-molodyozhnoy-srede>, дата обращения 03.01.2026 г.

Стегний Василий Николаевич

*ФГАОУ ВО "Пермский национальный исследовательский
политехнический университет", Пермь, РФ*

Социализирующая роль семьи в представлении студентов

Отношение современной молодежи к семье и браку весьма интенсивно исследуется социологической наукой, которая фиксирует тенденцию их трансформации [1]. В представлении молодежи о своем социальном будущем семья и брак занимают конкретное место [2]. В проектировании

ей своего жизненного пути и она отводит важную роль [3] и рассматривает их в качестве базовых фундаментальных ценностей [4], понимание которых у студенческой молодежи имеет свои специфические особенности, прежде всего, в технических вузах. Поэтому в качестве объекта конкретно-социологического исследования выбраны студенты Пермского национального исследовательского политехнического университета [опрос проводился среди студентов инженерных специальностей в 2024 году, всего опрошено 223 чел.], а предмет анализа – формирование у них базовых социальных установок на семью и брак в процессе социализации в семье.

В современном обществе (как в нашей стране, так и за рубежом) существуют разные формы организации семейной жизни: многодетная семья, неполная семья, бездетная семья; межнациональный брак, традиционный брак, «гостевой брак», «гражданский брак», «пробный брак», «однополоый брак». Попросили студентов дать им оценку. Студенты с этим справились успешно, дав по каждой форме как положительную, так и отрицательную оценку, что является одним из показателей того, что они ориентируются как в формах современной семьи, так и брака. Среди этих форм одни получили более высокую положительную оценку, а другие – более низкую, что свидетельствует о многообразии социальных установок у студентов как на семью, так и на брак. Из указанных форм семьи самую высокую оценку респонденты дали многодетной семье – 52,0 %. Из многообразных форм брака самую высокую оценку получил традиционный брак – 72,0 %.

То, что респонденты дали как положительную, так и отрицательную оценку всех предложенных им форм организации семейной жизни свидетельствует о том, что у них уже сформировались определенные социальные установки на них, но еще не окончательно. Это пока их идеальные представления о будущем роли этих форм в их жизни, и это хорошо, что они размышляют об этом и ориентируются в них, давая им разные оценки.

На выбор индивидом будущей формы семьи и брака существенное влияние оказывают условия социализации в семье. На вопрос о том, в каких семейных условиях Вы воспитывались, респонденты дали следующие ответы: с обоими родителями – 79,0 %; с одним из родителей – 14,0 %; с другими родственниками, опекуном – 6,0 %; в приемной, патронатной семье – 1,0 %. То, что преобладающая группа респондентов, более 90,0 %, прошла первичную социализацию в своей родной семье, как с обоими родителями или с одним из них, для XXI века, информационного, сетевого общества, это весьма значимый показатель, характеризую-

ющий определенный высокий уровень их социализации, направленный на формирование позитивного отношения к семье и браку при создании уже своей семьи.

Источники и литература

- 1) Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О. Институционализация гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры как отражение трансформации семьи и брака // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024 – № 27 (5). – С. 65-105.
- 2) Романович Н.А. Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. – 2023. – № 3. – С. 135-139.
- 3) Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути, или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 85-93.
- 4) Алмакаева А.М., Настина Е.А. Базовые ценности и практика социального участия в России // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 56-67.

Степанов Данил Вадимович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**От семейной экономики к платформенной экономике:
историко-социологический анализ трансформации
экономической функции семьи под влиянием социальных
технологий**

В рамках фамилистической парадигмы А.И. Антонова, базирующейся на классическом наследии П. Сорокина, экономическая функция семьи рассматривается не как утилитарный расчёт, а как основа для формирования «семейного Мы» через совместную деятельность и самотрансценденцию. Этот подход позволяет проследить фундаментальную трансформацию экономической роли семьи, достигшую критической точки в эпоху социальных технологий.

Исторически, аграрная семья (по А.В. Чаянову) была целостным производственным коллективом, где совместный труд родителей и детей на земле был основой выживания и воспроизводства. «Самоэксплуатация» в этой модели была не негативным термином, а условием автономии и способом формирования альтруистической солидарности. Индустриальная эпоха, как отмечал К. Поланьи, отделила экономику от социальных

отношений, а семья превратилась в «рефьюджинг» – убежище от рынка труда, её экономическая функция свелась к потреблению и накоплению человеческого капитала для внешнего рынка. Нуклеаризация стала следствием этой утилизации семьи экономической системой, ориентированной на максимизацию прибыли.

Современность и эпоха цифровых платформ доводят эту логику до предела, так как семья перестаёт быть даже «рефьюджингом»: она трансформируется в узловую точку цифрового потребления и источник данных. Платформы (от маркетплейсов до сервисов такси) формируют новый тип экономического поведения – «платформенную семейственность», где совместная деятельность заменяется совместным потреблением услуг, а самоэксплуатация в чаяновском смысле (труд на общее благо) вытесняется прекаризацией (фриланс, гиг-экономика), которая подрывает экономическую стабильность – базис для рождения детей.

Статистика подтверждает этот разрыв: рост ВВП на душу населения в России коррелирует со снижением суммарного коэффициента рождаемости (с 1,776 в 2015 до 1,374 в декабре 2025). Социальные технологии, культивируя индивидуалистические модели успеха и мгновенного потребления, работают против формирования «семейного Мы», а закон, запрещающий детский труд (в контексте совместной деятельности семьи), окончательно разрывает связь поколений в экономическом пространстве, делая детей лишь статьёй расходов, что в логике Г. Беккера ведёт к «балансу» в пользу малодетности.

Вывод, следующий из историко-социологического анализа в духе Сорокина–Антонова, парадоксален: современные социальные технологии, декларируя связь, на деле системно разрушают глубинные основы семейной солидарности, подменяя совместную экономическую деятельность, порождающую альтруизм, на совместное цифровое потребление, порождающее новый индивидуализм. Таким образом, трансформация экономической функции семьи – это не эволюция, а индикатор её глубокой институциональной деградации в системе финансового капитализма. Выход, как обозначено в дискуссиях Уральской школы А.П. Багировой, лежит не в «подачках», а в поиске форм хозяйственной деятельности, восстанавливающих семью как коллективного субъекта, что требует изменения форм собственности и пересмотра самих основ экономической системы.

Источники и литература

- 1) Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века : Размышления о семейн. политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000. 414 с.
- 2) Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- 3) Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 491 с.
- 4) Багирова А. П., Быкова Д. Г., Ворошилова А. И., Ильвес Э. В., Черешова С. В. Родительский труд: экономический и социологический анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 208 с.

Турдимуратова Гулмира Рашид кизи

*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь,
Российская Федерация*

Межнациональные и внутриэтнические браки мигрантов: факторы выбора

Миграция как сложный экономический, социальный и демографический процесс в современном мире оказывает значительное влияние на параметры и структуры населения почти всех государств мира [3]. Брак представляет собой социально-институциональную форму семейных отношений и является важным компонентом социальной интеграции мигрантов. В рамках социологии миграции брачный выбор рассматривается как показатель этнокультурной дистанции, уровня социальной адаптации и характера межгрупповых отношений. Рост масштабов трудовой миграции приводит к увеличению числа транснациональных семей, в которых физическое разделение супругов вызывает значительные изменения в динамике взаимодействия, распределении ролей и традиционных структурах [2]. В условиях российского общества, характеризующегося этнонациональным разнообразием и значительными миграционными потоками, анализ факторов, формирующих брачный выбор мигрантов, позволяет выявить ключевые механизмы социальной интеграции и культурного взаимодействия.

Межэтнический брак определяется как брачный союз между лицами, принадлежащими к разным этническим группам, в то время как внутриэтнический брак относится к союзу, образованному внутри одной этнической группы. В демографических исследованиях смешанные

(межэтнические) браки обычно рассматриваются как показатели этнокультурной близости и степени межгрупповой интеграции в обществе.

Как международная, так и российская наука выделяет несколько основных подходов к анализу брачного поведения мигрантов, включая теорию социальной дистанции (фокусирующуюся на степени культурной и социальной дистанции между группами), сетевые теории (рассматривающие социальные сети как ключевые контексты брачных взаимодействий) и теорию брачного рынка (концептуализирующую выбор партнера с точки зрения спроса и предложения в социокультурном пространстве).

Факторы выбора брачного партнера мигрантами. Социально-структурные факторы включают уровень образования, социально-экономический статус, место жительства (городское или пригородное), возраст и доступ к социальным сетям. Более высокий уровень образования и вовлеченность в профессиональные сети повышают вероятность взаимодействия с представителями других этнических групп и, следовательно, могут способствовать увеличению числа межэтнических браков.

Языковая близость, религиозная принадлежность и этническая идентичность являются ключевыми культурными фильтрами при выборе семьи. Мигранты, сохраняющие сильную этнокультурную идентичность, с большей вероятностью вступают в внутригрупповые браки. Напротив, межэтнические союзы с большей вероятностью возникают в условиях, характеризующихся культурной близостью и двуязычием, или когда мигранты проживают в принимающем обществе в течение длительного периода времени. Мигранты не оторваны от брачного рынка своей страны, но для них открывается и новый брачный рынок, страны принимающей, что дает им право выбора [4]. Происходит процесс ассимиляции мигрантов, в ходе которого они перенимают традиции, ценностные установки, культурные ориентиры от населения страны пребывания [1].

Правовой статус мигрантов, доступ к гражданству и особенности миграционной политики России также влияют на брачные стратегии. Например, брак с гражданином России может восприниматься как средство легализации своего статуса в стране, что повышает стимулы для межэтнических союзов.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в России большинство мигрантов придерживаются эндогамных брачных моделей, привозя супругов из своих стран происхождения.

Таким образом, брачный выбор мигрантов в России определяется множеством взаимосвязанных факторов: социально-структурных, культурно-идентификационных и институциональных.

Источники и литература

- 1) Барсукова Т.И., Часовская Л.А. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 7-12.
- 2) Леденева В.Ю. Транснациональные семьи в условиях трудовой миграции: трансформация семейных ролей и динамики взаимодействия // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 147-160.
- 3) Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 68–91.
- 4) Эндрюшко А. А. Брачный выбор иммигрантов в России: основные характеристики и связь с интеграцией // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 17-30.

Тышкевич Виктория Петровна

МГУ имени М.В. Ломоносова, г Москва, Россия

Социальные проблемы старения населения в современной России

Развитие населения мира вступило в фазу замедления темпов прироста с прогнозируемой перспективой стабилизации и последующего снижения численности мирового населения. Определяющими факторами такого развития стали структурные факторы, формирующие потенциал демографического роста, смертность, рождаемость. Следствием этого стало старение населения, выражающееся в росте доли лиц старших возрастов и увеличении среднего возраста населения, как универсальная тенденция развития современного населения, затронувшей все страны и регионы мира.

В России, относящейся к группе стран, в которых численность населения стабилизировалась, фактором положительного влияния на динамику численности населения является снижение смертности и рост ожидаемой продолжительности, при отрицательном влиянии рождаемости и возрастной структуры, что определяет национальную модель старения населения: высокие глубину и темпы старения, определяющую роль низкой рождаемости в постарении, региональную и гендерную специфику процесса.

Феномен старения как результат улучшения качества жизни населения вследствие социально-экономического прогресса, сопровождающегося снижением смертности во всех возрастных группах и увеличению ожидаемой продолжительности жизни, сопровождается различными рисками и угрозами.

Традиционно в центре внимания находятся экономические проблемы: растущий дефицит трудовых ресурсов, изменения в структуре потребления, повышение бюджетной нагрузки, связанной с финансированием пенсионного, социального и медицинского обеспечения старших поколений.

Большое внимание уделяется и обострению демографических проблем: снижению рождаемости, показателей замещения поколений и естественной убыли населения.

Но не менее значимы социальные последствия старения:

- усиливающееся социальное одиночество пожилых, причинами которого является не только уменьшение размеров семей вследствие низкой рождаемости и нуклеаризации семьи, но и ослабление внутрисемейных связей;
- социальная идентификация пожилых и их роль в обществе;
- стереотипы, завышенные требования и ожидания, распространенные как в пожилых, так и в молодых поколениях по отношению друг к другу;
- рост межпоколенческих конфликтов вследствие различий в системах ценностей, усугубляющийся, в том числе и ослаблением внутрисемейных связей.

Преодоление таких последствий связано, на наш взгляд, с развитием взаимодействия поколений, качественным и количественным ростом всех форм контактов; созданием инфраструктуры взаимодействия, позволяющей поколениям быть вместе, например, в сфере образования, в сфере социальной деятельности (перспективным направление - волонтерская деятельность); изучением и распространением эффективных практик налаживания диалога и совместной деятельности.

В основе этого может и должна быть семья, формирующая потребность взаимодействия, в основе которого будет отношение к старшим как к носителям культурного капитала, ресурса опыта и мудрости, качество использования которых для развития зависит от коммуникации поколений.

Источники и литература

- 1) United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022: Summary of Results (UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3).
- 2) United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results (UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9).
- 3) United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division . World Population Prospects 2024. <http://population.un.org/wpp/>.

Учелли Валентино

Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Влияние внутренней миграции на семейные и репродуктивные стратегии молодежи

В современной России внутренняя миграция молодежи становится одним из основных определяющих социальных трендов, оказывая прямое воздействие на ключевые демографические показатели — брачность, рождаемость и планирование семьи. Принимаемые молодёжью решения о переезде сдвигают сроки реализации семейных и репродуктивных планов, формируя специфические жизненные стратегии. При этом цифровая среда, в которой существует современная молодежь, превращает социальные сети в площадки для обсуждения личного опыта и формирования коллективных установок относительно миграции и семьи. Это создает уникальную эмпирическую возможность для анализа спонтанных и зачастую неотрефлексированных высказываний, раскрывающие реальные мотивы принятия решений о создании семьи.

Исходя из этого, цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа цифрового дискурса выявить и сравнить структуру репродуктивных и семейных установок, а также выявить факторы, влияющие на принятие решений, среди двух групп молодежи: имеющей опыт межрегиональной миграции и постоянно проживающей в одном регионе.

Теоретическую основу составляет синтез классических и современных социологических подходов, позволяющий комплексно проанализировать взаимосвязь миграции и репродуктивного выбора. В качестве

рамки, объясняющей тренд на отсрочку брака и рождения детей, применяется концепция второго демографического перехода [1]. Для анализа того, как конкретное жизненное событие — межрегиональный переезд — воздействует на индивидуальный временной график реализации этих планов, используются теории миграции, трактующие её как критическое биографическое событие, нарушающее нормативный жизненный цикл [2]. Поскольку предметом изучения выступает спонтанный дискурс в цифровой среде, методологический инструментарий заимствуется из подходов к анализу user-generated content (UGC) и цифровых следов, которые позволяют операционализировать изучение онлайн-обсуждений как отражения коллективных смыслов и групповых стратегий [3]. Таким образом, синтез этих трёх уровней анализа формирует основу для достижения цели исследования.

Результаты анализа дискурса позволяют верифицировать ключевые теоретические положения и выявить специфику репродуктивных стратегий. В высказываниях мигрантов подтверждается базовый принцип второго демографического перехода — рационализация и планирование жизненного графика. Репродуктивные события описываются как цели, жёстко привязанные к достижению предварительных условий («обустройство»), что иллюстрирует доминирующий нарратив «сначала встать на ноги» [4]. При анализе были выделены два паттерна, обусловленные типом мобильности: для образовательных мигрантов характерна стратегия, ориентированная на инвестиции в человеческий капитал (карьерный рост, самореализация), а для трудовых мигрантов — на достижение конкретных материальных параметров. В дискурсе немобильной молодежи общая логика отсрочки также присутствует, однако требования к предварительным условиям носят менее жёсткий характер, сам же фактор миграции как нарушителя жизненного цикла, естественно, отсутствует.

Полученные данные свидетельствуют о формировании среди мобильной молодежи не просто отложенных, но структурно более сложных и обусловленных контекстом миграции репродуктивных стратегий.

Источники и литература

- 1) Van de Kaa, D. J. (1978). Recent Trends in Fertility in Western Europe. NIDI Working Paper, No. 11, Voorburg, NIDI (published under the same title as Pp. 55- 83, in: R.W.Hiorns (ed), Demographic Patterns in Developed Societies, London, Taylor and Francis Ltd., 1980).
- 2) Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с

- 3) Глазков а.а., Лукина м.в. Цифровые следы в социальных науках: методы сбора и анализа данных интернета // мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. с. 4-24.
- 4) Омельченко Е.Л., Абрамов С.В. «Сначала встать на ноги»: репродуктивные нарративы молодёжи в цифровых сообществах // журнал исследований социальной политики. 2022. т. 20. № 4. с. 581-596.

Фаткуллина Гульшат Рашитовна

*Институт социально-экономических исследований Уфимского
научного центра Российской академии наук, Уфа, Россия*

Ценностные ориентации и экономическое поведение молодежи Республики Башкортостан

Молодежь Республики Башкортостан представляет собой стратегическую социальную группу, чьи экономические стратегии формируются на стыке региональной специфики и общероссийских трендов. Эмпирическая база – данные социологических исследований 2021 и 2024 гг. – позволяет выявить ключевые демографические и ценностные сдвиги. Наблюдается устойчивое «взросление» когорты: доля группы 30-35 лет достигла 39,5%, что актуализирует анализ их сформированных экономических практик.

Ценностный анализ выявляет диалектику устойчивости и изменчивости. Стабильное ядро представлено традиционными ориентациями на семью и здоровье. Одновременно на периферии системы происходит процесс рационализации: значимость абстрактной ценности «материально-обеспеченной жизни» снижается, в то время как конкретные цели – «жизнь в достатке» и «хорошая работа» – демонстрируют резкий рост. Материальное благополучие трансформируется в инструментальное условие для достижения иных приоритетов.

Для структурирования этого многообразия применена трехуровневая типология, выделившая адаптирующий, социализирующий и индивидуализирующий типы. В регионе преобладает социализирующий тип (46,6%), что отражает ориентацию на традиционные институты. Типология коррелирует с социальным контекстом: сельская молодежь тяготеет к социализации, городская – к индивидуализации. В гендерном разрезе отмечается преобладание индивидуализации среди мужчин и адаптации среди женщин.

Ценностные установки напрямую влияют на экономическое поведение. Ориентация на индивидуализацию коррелирует с диверсификацией доходов через подработки и предпринимательство. Патриотизм и семейные ценности выступают предикторами более высокого материального положения. В потреблении эти установки связаны с предпочтением качественных товаров как стратегической инвестиции.

Финансовое поведение поляризовано. Выделяются кластеры «консерваторов» (низкорисковые стратегии) и «инноваторов» (высокорисковые активы). Кредитная активность имеет четкую возрастную и ценностную динамику.

Таким образом, экономическое поведение молодежи Башкортостана синтезирует традиционные установки и прагматическую рационализацию. Полученные результаты обосновывают необходимость дифференцированной социально-экономической политики, учитывающей ценностные особенности различных групп молодежи.

Исследование выполнено в рамках Госзадания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов

Источники и литература

- 1) Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Особенности, факторы и тенденции финансового поведения молодежи (на примере республики башкортостан) // Социодинамика. – 2021. – № 6.
- 2) Красавина Е.В. Молодежь в фокусе социологического анализа: функциональный и поколенческий подходы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 6.
- 3) Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. – М.: Дело, 2010.
- 4) Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 40.
- 5) Rokeach, M. The Nature of Human Values. – N.Y.: Free Press, 1973.

Филинская Лариса Владимировна

*Белорусский государственный университет кафедры социологии,
Минск, Республика Беларусь*

Система взаимоотношений и поддержки между родителями и взрослыми детьми в Беларуси

Социальные проблемы людей старшего возраста, практики их взаимодействия с другими возрастными группами приобретают в современном обществе особую актуальность в связи со старением населения. В настоящее время в Республике Беларусь проживает 1627,9 тыс. граждан в возрасте старше 65 лет [1].

Забота о родителях является традицией и ценностью в белорусском обществе. Утрата людьми старшего возраста способности к трудовой деятельности, ухудшение здоровья, снижение уровня финансовой обеспеченности обуславливают их потребность в помощи окружающих, и прежде всего, членов семьи: детей, внуков, других родственников.

Результаты второй волны лонгитюдного исследования в рамках программы «Поколения и гендер», проведенного в Республике Беларусь в 2023 г., свидетельствуют о том, что регулярную помощь в выполнении работы по дому (приготовление еды, уборка с помощью пылесоса, стирка, мелкий ремонт по дому и вокруг него) получали 13,4% респондентов в возрасте 60-69 лет и почти каждый пятый (19,3%) в возрасте 70 лет и старше.

Следует подчеркнуть, что пожилые жители Беларуси не только получали регулярную помощь в выполнении работы по дому, но и сами оказывали помощь родственникам, знакомым при одевании, приеме пищи, принятии душа и др., включались в приготовление еды, уборку, стирку – то есть помогали выполнять домашнюю работу, оказывали помощь в уходе за ребенком. Регулярную помощь по уходу при одевании, приеме пищи, мытье и др. оказывали 8,9% в возрасте 60-69 лет и каждый двадцатый (5,5%) старше 70 лет.

Финансовые, материальные подарки на сумму 800 рублей и более люди старшего возраста получают не часто: об этом заявили всего 2,4% респондентов старше 60 лет. Однако в роли дарителей они проявляют себя гораздо активнее: деньги, подарки дарили 9,6% представителей старших возрастных групп, что в 4 раза превышает долю получавших аналогичные подарки. Среди работающих в возрасте 60-69 лет о таких подарках детям сообщили 19,1% респондентов. Финансовая поддержка своих детей становится способом участия в жизни семьи и даже некоторого влияния на младшее поколение.

Значимым показателем субъективного благополучия людей старшего возраста является частота социальных контактов. Результаты исследования свидетельствуют, что примерно каждый десятый (10,4%) житель

страны в возрасте от 60 лет и старше встречается со своими детьми один раз в 1,5-2 месяца; 12,6% – видятся практически ежедневно.

Значительно чаще родители и их взрослые дети общаются по телефону, с использованием электронной почты, социальных сетей, мессенджеров: почти половина (47,2%) представителей старших возрастных групп контактируют таким образом ежедневно, каждый седьмой (14,2%) – через день, 22,1% – один раз в 2-3 дня.

Учитывая ценностные приоритеты, нормативные представления населения о межпоколенческой взаимопомощи и достаточно высокую частоту контактов, можно утверждать, что дистанции между поколениями родителей и детей в Беларуси не наблюдается.

Источники и литература

1) День пожилых людей. Статистический обзор, 2025. – URL:[http://https%20\(дата обращения 28.12.2025\)](http://https%20(дата%20обращения%2028.12.2025)).

Источники и литература

1) День пожилых людей. Статистический обзор, 2025. – URL:https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2025.pdf (дата обращения 28.12.2025).

Цинченко Галина Михайловна

РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Осознанный отказ от создания семьи среди молодёжи 18–35 лет

В современном обществе отмечается рост числа молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, осознанно отказывающихся от создания семьи и детей. В России около 46% россиян 18-45 лет не планируют заводить детей, статистика Росстата [1] фиксирует снижение коэффициентов рождаемости в младших возрастных группах и общее падение суммарного коэффициента рождаемости до 1,41. Исследования, проведенные автором в 2025 году, показывают, что значительная часть молодёжи сегодня предпочитает семейным ценностям самореализацию, построение карьеры и обеспечение личного комфорта, что увеличивает долю одиноких домохозяйств, влияет на социальную структуру общества и экономику. Происходит трансформация семейных ценностей: для молодого поколения семья перестаёт быть безусловной жизненной целью, уступая место идеям индивидуализма, стремления к саморазвитию и личной свобо-

ды. Актуально изучение данного феномена: выявить глубинные причины, побуждающие людей выбирать сознательное одиночество, оценить краткосрочные и долгосрочные последствия такого выбора для общества. Мужчины в большей степени ориентированы на карьеру и автономию, демонстрирую высокую толерантность к альтернативным жизненным сценариям (около 70% считают, что общество «возможно, но лишь частично» примет жизнь без семьи). В возрастной группе 18–23 лет заметно преобладает ориентация на отказ от создания семьи и рождения детей, при этом молодые люди этого возраста максимально фокусируются на самореализации. Респонденты с высшим или незаконченным высшим образованием чаще выбирают карьеру и автономию и склонны к рационализации выбора через экономические критерии (около 75% придают высокое значение «стабильному доходу» и «собственному жилью»). Феномен носит масштабный и устойчивый характер. Половина респондентов не планируют иметь детей, а 51% не состоящих в браке заявляют о нежелании создавать семью, что согласуется с официальной демографической статистикой. Ключевые причины отказа в сочетании экономических и ценностных факторов. Экономические барьеры: высокая стоимость жилья, расходы на воспитание детей, нестабильность рынка труда, низкие зарплаты. Ценностный сдвиг: приоритет самореализации, личной свободы и финансовой независимости. Карьера и материальный достаток оцениваются значительно выше, чем родительство (4,4 против 2,3 по 5балльной шкале). Общество сохраняет традиционные нормы, но часть молодёжи формирует альтернативу. Плюсы и минусы осознанного одиночества воспринимаются полярно. Преимущества: время на себя (58%), финансовая свобода (48%), гибкость решений (45%). Риски: одиночество в старости (35%), социальное осуждение (40%), отсутствие поддержки (32%). Перспективы: частичная легитимация альтернативы. 38% респондентов не планируют менять отношение к семье, аргументируя это ценностью свободы. 55% допускают, что общество частично признает сознательное одиночество как норму, но 25% уверены в сохранении традиционных ценностей.

Источники и литература

- 1) Дашевская Е.А. Традиционные семейные ценности – ценность для России // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2025. – N.3. – С. 341–345

*Цыплакова Ольга Геннадьевна¹, Рахманова Юлия
Викторовна¹*

*1 - Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

**"Семейные ценности" и "семейные практики":
социологический анализ разрыва между риторикой и
реальным поведением как вызов для
социально-демографической политики**

Социологические исследования констатируют наличие ключевого противоречия, которое заключается в том, что декларативные «семейные ценности» и реальные «семейные практики» представляют собой разнонаправленные социальные системы, находящиеся в состоянии скрытого конфликта.

Природа этого конфликта заключается в том, что «семейные ценности» — это нормативный идеал, транслируемый государством для консолидации общества, акцент в котором делается на традиционную, многодетную, законную семью. [2] В то время как «семейные практики» — это повседневные решения, диктуемые экономической нестабильностью, дефицитом инфраструктуры ухода, стремлением к самореализации и качеству жизни.

В итоге возникает ценностно-поведенческий разрыв, который заключается в том, что социологическая оптика фиксирует тот факт, что ценность детей остается высокой, но родительство становится сложным «проектом», который откладывается; ценность семьи сохраняется, но на первый план выходит качество партнёрских отношений, что ведет к росту сожительства и поздних браков. [3]

Семейные практики становятся все более гибкими и ситуативными, а демографическая политика, адресованная «среднестатистической семье», оказывается малоэффективной, так как таких семей в реальности становится все меньше.

Игнорирование этого разрыва в реализации демографической политики порождает следующие основные риски:

во-первых, риск символической политики, меры которой воспринимаются как «ритуальные», направленные на поддержание правильного дискурса, а не на решение реальных проблем (например, выплаты, не покрывающие реальных затрат на ребёнка);

во-вторых, риск социального исключения, выражающаяся в том, что политика, привязанная к формальному браку и определённой последо-

вательности жизненных событий, стигматизирует и лишает поддержки растущее число людей, живущих в иных семейных моделях;

в-третьих, риск углубления неравенства: универсальные меры, такие как материнский капитал имеют разный эффект – эта мера актуальна преимущественно для менее ресурсных групп, в то время как для более обеспеченных и образованных групп ключевыми остаются не денежные трансферты, а инфраструктурные и организационные условия (гибкий график, карьерные гарантии, доступные ясли).

Социология предлагает путь к «реалистическому повороту» в социально-демографической политике: от политики ценностей к политике поддержки жизненных практик. [1]

Необходимо сменить парадигму: с пропаганды «правильной» семьи на поддержку разнообразных ответственных семейных проектов, вот в чем могут заключаться конкретные шаги:

- поддержка не «семьи вообще», а конкретных практик: ухода за детьми (развитие яслей, сертифицированных нянь), совмещения работы и родительства (гибкий график);

- переход от разовых выплат к долгосрочному сопровождению: от доступной медицины при планировании беременности – к качественному образованию для детей;

- инвестиции в «мягкую инфраструктуру, развитие сервисов, снижающих нагрузку по уходу и хозяйству, – критически важно для реализации репродуктивных планов.

Таким образом, разрыв между ценностями и практиками – это карта вызовов, а не тупик. Социология даёт инструменты для перехода от нормативной риторики к прагматичной политике поддержки, создающей условия для реализации родительства в его разнообразных формах.

Источники и литература

- 1) Артюхина В. А. Социологическая оценка основных факторов репродуктивного поведения современных российских женщин / В. А. Артюхина, В. В. Нагайцев, А. Н. Шрайбер // Вестник НГУЭУ. 2020. № 3. С. 251-259.
- 2) Комов В. Э. Особенности реализации демографической политики России в области повышения рождаемости / В. Э. Комов // Вестник Академии знаний. 2025. № 3(68). С. 236-243.
- 3) Ростовская Т. К. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Вестник Южно-

Российского государственного технического университета (НПИ).
Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 121-129.

Черкасова Татьяна Васильевна

*Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа,
Россия*

**Семейные традиции в российско-туркменском
кросс-культурном пилотном социальном исследовании студенчества -
2026**

Образцовая по своему функциональному предназначению семья, как институт-агент социализации, целенаправленно воспитывает в молодом поколении адекватное понимание и принятие социальных ролей, ценностей и установок народной-этно-национальной культуры. Региональный опрос российских и туркменских студентов, обучающихся в Башкортостане, выявил некоторые тенденции. Культурная трансмиссия семейных традиций представлена в двойной шкале полученных ответов: 1.«Взаимопомощь»-71,3% российские респонденты и **(40,7%-туркменские студенты-респонденты)**;2.«Уважение материнства»-64,3**(61,1)**, **соответственно**;3.«Бережное хранение семейных историй, реликвий»-62,6**(7,4)**;4.«Методы гуманного воспитания детей»-60**(31,5)**;5.«Учет мнения и просьб детей»-59,1**(26)**;6.«Умение гибко разрешать конфликты»-57,4**(18,6)**;7.«Уважение отцовства»-55,7**(33,4)**; 8.«Трепетное отношение и любовь к родным, к отчужденному дому, к малой родине, к земле предков»-53,9 **(27,8)**; 9.«Уважение и авторитет старших для младших членов семьи»-50,4**(46,3)**;10.«Общие семейные советы по решению возникающих проблем»-43,5**(20,4)**; 11.«Освоение опыта старших поколений (история семьи, национальная культура-кулинария, одежда, религия)»-37,4**(7,4)**; 12.«Семейные разговоры о духовных ценностях, о прекрасном, о смыслах, о вере»-36,5**(14,8)**;13.«Личный пример выполнения ролевых обязанностей старшими членами семьи, их отношение к труду»-31,3**(16,7)**. Объединяющий фактор у опрошенной молодежи - это безоговорочный пиетет матери. Туркменская молодежь (в шкале своих ответов) уважительно относится к авторитету старших, к роли отца, особо подчеркивает важность взаимопомощи и отчего дома. Превалирует среднеазиатское воспитание и восточный менталитет граждан «закрытого от западного влияния» Туркменистана. Многонациональная российская региональная

молодежь живет в евразийском пространстве, поэтому демонстрирует дето-центризм, акцентирует внимание на доминирующей роли детей в семьях, на внутрисемейной помощи детям. Респонденты заявили, что воспитаны в модели «закрытого» отдыха, в котором более популярными стали внутрисемейные праздники - 80,9% и совместная работа на дачном участке, на своей земле-70,4%. Туркменские респонденты рассказали об «открытом» семейном досуге, включающем в себя приготовление национальной восточной кухни-40,7% и приглашение гостей-38,9%. У трети российских респондентов вопрос о межпоколенных конфликтах представлен в «гипертрофированном» виде, среди туркменских респондентов показатель меньше в пять раз-5,6%. Треть российских и туркменских респондентов обеспокоены межнациональными конфликтами на бытовом уровне. Манкуртизм в молодежной среде, как состояние утраты национальной культуры, волнует российских-13% и меньше - туркменских респондентов-3,7%. Реалии постсоветского пространства нашли отражение в трансформационных процессах, наблюдаемых в институте семьи, о чем свидетельствует сравнительный анализ современных и традиционных ценностно-культурных приоритетов и установок студенческой молодежи России и Туркменистана.

Чернова Анна Михайловна

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская
Федерация*

**Семейные киносеансы как элемент профилактики и
корректировки девиантного поведения. Опыт ЦКР
"Карасунский", кинотеатр "Городское кино" г. Краснодар**

В современном обществе риска, наполненном деструктивными процессами, а также под влиянием разрушающего влияния бездуховности и безнравственности западной культуры очень важно находить рычаги противодействия. Одним из таких инструментов являются семейные киносеансы.

Центр культурного развития «Карасунский», кинотеатр «Городское кино» г.Краснодар проводит семейные киносеансы, концерты и культурные мероприятия, посвященные историческим событиям и памятным датам, а также праздникам, транслирующим традиционные и духовные ценности. Семейные походы в кино на мероприятия кинотеатра «Городское кино» создают платформу для укрепления семейных ценностей, воспитания у подрастающего поколения бережного отношения к исторической памяти, духовным, культурным и нравственным ценностям.

Важно понимать направленность социальной работы – возвращение в семью функции воспитания. Совместное пребывание в атмосфере общения к культурным и нравственным вопросам, обсуждение и анализ полученного материала помогает выявить проблемы и определить направленность для укрепления межличностных внутрисемейных отношений. На некоторых мероприятиях присутствует приглашенный психолог, помогающий семьям обсудить конфликтные ситуации, повысить уровень доверия и открытости к диалогу со стороны взрослых по отношению к детям.

В рамках направленности профилактики и коррективки девиантного поведения затрагиваются разносторонние аспекты социума. Например, вопросы инклюзивности.

Кинотеатр «Городское кино» проводит на постоянной основе совместные мероприятия с Кубанской митрополией (Екатеринодарская и Кубанская епархия РПЦ МП), которые поднимают темы духовного возрождения, сохранения культуры родного края, ценности живого общения и семейных ценностей.

Большой интерес для семейного просмотра представили фильмы, посвященные исторической и военной памяти. Дети увидели примеры для подражания, образцы мужества и верности долгу, внутренней силы человека перед лицом смерти, человеческих отношений, боевого товарищества, сохранения памяти, ценностей мира и семьи. Зрители определили такие кинопоказы как «мост между прошлым и будущим», «выбор каждого дня — быть достойным своих предков», «кирпичики в фундаменте патриотического воспитания».

Осенью 2025 года в рамках компании «Антитеррор» был представлен для семейного просмотра фильм «Игры с огнем», в него включены кадры оперативных съемок во время задержания, интервью с семьями, специалистами, с самими подростками, совершившими противоправные действия. На кинопоказе присутствовали семьи, чьи дети состоят на учете в органах ПДН (например «зацеперы»). Также, по задумке автора фильма, после просмотра фильма обсуждались темы школьного буллинга. Важно, что психологу удалось вывести на контакт детей, которые подверглись травле в школе, а также тех, кто оказался втянут в переписки в социальных сетях, с целью побудить совершить противоправные действия. Дети готовы говорить, если взрослые готовы их слушать.

Шмонин Максим Геннадьевич
РГСУ, Москва, Россия

Изменение семейного социального капитала в российских мегаполисах и его демографические последствия

В условиях ускоренной урбанизации и структурных изменений социальной среды семья в российских мегаполисах претерпевает существенные трансформации, затрагивающие характер внутрисемейных связей, формы межпоколенческого взаимодействия и механизмы воспроизводства социального капитала [4]. Социальный капитал семьи, понимаемый как совокупность устойчивых социальных связей, норм взаимной поддержки и доверия, выступает важным ресурсом адаптации семьи к меняющимся социально-экономическим условиям и оказывает прямое влияние на демографическое поведение [1].

В отечественной и зарубежной социологии социальный капитал семьи рассматривается в контексте работ П. Бурдье, Д. Коулмана и Р. Патнэма, где акцент делается на роли социальных связей в воспроизводстве неравенств и поддержании социальной интеграции [7, 8, 9]. Применительно к современной городской среде исследователи отмечают ослабление традиционных родственных связей, рост индивидуализации семейных стратегий и сокращение объемов неформальной взаимопомощи. Эти процессы особенно характерны для мегаполисов, где высокая мобильность населения и напряженный ритм жизни трансформируют формы семейного взаимодействия [2].

Эмпирические данные федеральных статистических наблюдений и социологических исследований фиксируют снижение интенсивности межпоколенческих контактов, откладывание вступления в брак и рождения детей, а также рост числа нуклеарных и неполных семей в крупных городах [5]. Ослабление семейного социального капитала связано с изменением репродуктивных установок, снижением готовности к рождению второго и последующих детей, а также с перераспределением функций поддержки от семьи к институциональным формам социальной помощи [6].

В то же время исследования показывают, что сохранение и адаптация семейного социального капитала в городской среде способствует демографической устойчивости, формированию установок на родительство и поддержанию межпоколенческой солидарности. В этом контексте особое значение приобретает анализ не только утрат, но и новых форм семейных связей, возникающих в условиях мегаполиса [3].

Трансформация семейного социального капитала в российских мегаполисах требует учета при разработке семейно-демографической политики, ориентированной на поддержку внутрисемейных ресурсов, развитие ин-

фраструктуры, способствующей межпоколенческому взаимодействию, и укрепление социальных связей как условия демографического развития.

Источники и литература

- 1) Брагина Т. С. Социально-психологический подход к изучению социального капитала семьи // Социологические исследования. 2024. № 6.
- 2) Гужавина Т. А., Макарова С. П., Ясников Н. Н. Носители социального капитала в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1.
- 3) Каравай А. В. Социальный капитал российского общества в условиях социальной неопределенности // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4.
- 4) Кучмаева О. В. Трансформация семейных и репродуктивных установок населения в современной России // Народонаселение. 2021. № 3.
- 5) Нечаева О. А. Семейно-демографическая политика Российской Федерации в условиях демографических рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2022. № 4.
- 6) Ростовская Т. К., Ветрова О. А. Современные приоритеты семейно-демографической политики в России // Социальная политика и социология. 2025. № 2.
- 7) Bourdieu P. The Forms of Capital // Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986.
- 8) Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94.
- 9) Putnam R. D. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.

Юфин Владимир Николаевич

*Российский государственный социальный университет, Москва,
Россия*

**Семейно-родственные роли в поздней цифровой
социализации: механизмы межпоколенческой передачи
практик**

Цифровая трансформация социальных институтов сопровождается изменением повседневных условий социальной включенности и норм. Использование цифровых сервисов становится обязательной частью повседневной жизни, что обостряет проблему поздней цифровой социализации — включения в цифровую среду на более поздних этапах жизни, когда соответствующие практики ранее не были востребованы.

Повседневность выступает базовым уровнем воспроизводства социального порядка, где новые практики приобретают статус «само собой разумеющихся» [3]. Цифровые сервисы входят в повседневную жизнь, формируя устойчивые нормы взаимодействия с социальными институтами. Для индивидов, чья первичная социализация формировалась в иных технологических условиях, данное смещение норм повседневности требует вторичной, поздней социализации.

Поздняя цифровая социализация разворачивается в условиях сформированного габитуса, задающего устойчивые схемы восприятия и действия [4]. Несоответствие между привычными повседневными практиками и условиями цифровой среды усиливает зависимость от посторонней помощи. В этом контексте семья становится ключевым пространством трансляции и перераспределения различных форм капитала, необходимых для включения в цифровую повседневность [5].

Культурный капитал проявляется в способности интерпретировать цифровые интерфейсы и правила использования сервисов, социальный капитал — в наличии устойчивых межпоколенческих связей, обеспечивающих доступ к помощи и сопровождению. На их пересечении формируется цифровой капитал, как комплекс ресурсов, обеспечивающих устойчивое участие человека в цифровой повседневности и доступ к социальным благам [1].

Межпоколенческое взаимодействие в семье выступает механизмом закрепления цифровых норм и практик на уровне повседневности [6]. В этом процессе внутри семьи возникают новые роли: «помогающий», «проводник», «представитель» и «делегирующий». Эти роли формируют отношение к цифровым технологиям, повышают уровень доверия к ним и способы делегирования действий.

Вместе с тем семейные механизмы передачи цифрового капитала носят неравномерный характер, поскольку зависят от объема доступных капиталов и структуры межпоколенческих связей. Это указывает на ограниченность семейной поддержки как компенсаторного механизма и показывает, что поздняя цифровая социализация сопровождается воспроизводством социальных и цифровых неравенств в повседневных практиках [2].

Источники и литература

- 1) Ragnedda M. Conceptualizing Digital Capital. London: Emerald Publishing, 2018
- 2) van Dijk J. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. London: Sage Publications, 2005
- 3) Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с
- 4) Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001
- 5) Бурдье П. Формы капитала // Journal of Economic Sociology. – 2002. – Т. 3. – №. 5. – С. 60-74
- 6) Вдовина М. В. Критерии благополучия современной российской семьи // Теория и практика общественного развития. – 2024. – №. 11. – С. 18-24

«5. Социальные технологии в России: от социальной инженерии к социальной архитектуре (руководитель – к.с.н., доц. О.В. Гавриленко)»

Адвокатова Екатерина Сергеевна

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Россия*

Социальная архитектура как инструмент устойчивого развития регионов

В современных условиях традиционные реактивные методы управления социальными процессами теряют свою эффективность. Ответом на этот вызов в России формируется новая междисциплинарная практика – социальная архитектура – целенаправленная научно обоснованная деятельность по проектированию и реализации социально значимых изменений, ориентированная на долгосрочное развитие социальных систем.

Важной характеристикой социальной архитектуры является её двух-уровневая структура. Первый уровень – социальное моделирование, включающее формирование образов будущего региона, стратегическое прогнозирование и ценностное целеполагание. Второй уровень – социальное проектирование, связанное с реализацией конкретных социальных проектов, направленных на решение актуальных проблем территорий.

Как показывают материалы экспертных дискуссий и исследования практик крупнейших российских корпораций, социальная архитектура перестала быть теоретической концепцией. Её ядро составляет переход от сиюминутных решений к стратегическому партнёрству бизнеса, власти и местных сообществ, где жители выступают не пассивными получателями помощи, а активными соавторами возможных изменений.

Проекты, будь то федеральные («Бессмертный полк», выставка-форум «Россия») или локальные выстраиваются на принципе эффективного вовлечения. Они системно решают общественно значимые задачи, одной из которых является интеграция молодежи в социально-экономическую жизнь. Так, например, программа «Золотой билет в карьеру» («Полюс») направлена на подготовку квалифицированных кадров, снижение оттока молодежи, а «Фосагро школы» («Фосагро») на

профориентацию и раннее вовлечение школьников. Соучаствующее проектирование в программе «Родные города» («Газпром нефть») или деятельность Агентства развития Норильска напрямую улучшают качество городской жизни.

Успех подобных инициатив обеспечивается передовыми технологиями работы с запросами населения: от фокус-групп и форсайт-сессий до цифровых платформ голосования и AI-аналитики обратной связи. Менеджмент проектов также эволюционирует: компании создают корпоративные фонды, агентства развития, запускают грантовые конкурсы, выстраивая партнёрства с НКО и властью.

Таким образом, социальная архитектура предлагает регионам комплексный инструментарий для перехода к модели устойчивого развития. Она синхронизирует долгосрочные интересы бизнеса и стратегические цели территории. Ключевым становится эффект синергии: проекты, подобные программе «ДРОЗД» («ФосАгро») или «Выручаем» (Х5), одновременно решают социальные, экономические и экологические задачи.

Источники и литература

- 1) Амандурдыев И., Амангелдиев Д., Аманмырадов Р. Архитектура и социальное взаимодействие: как проектирование пространства влияет на общественные связи // Вестник науки. 2024. № 9 (78).
- 2) Лариса Валентиновна Шарахина Социальная архитектура как политическая технология создания гражданского нарратива // Медиалингвистика. 2025. № S.
- 3) Скорченко Юрий Александрович Социология архитектуры: актуальные акциденты // Основы ЭУП. 2023. № 1 (36).

Анучина Ольга Васильевна

КПФУ, Казань, Россия

**Социальная инженерия и маршрутозависимость систем
мобильности современного человека: социологическая
интерпретация в новой парадигме геополитики**

Сегодня актуализируется социальный запрос на изучение проблем нелинейно развивающейся социо-цифро-природной реальности, изменения функциональности общества, природы человеческого существова-

ния, в особенности, вопросов проявления способности человека к потенциации и конструированию материального и социального миров; целенаправленного формирования специфичного группового социального поведения.

На современном этапе общество проходит испытание на устойчивость к постправде после кульминации процесса интеллектуализации. Дискурсивная поляризация (Н. Хомский, С. Жижек) на тему NBIC-конвергенции и цифровизации повседневности, дебаты между сторонами, колеблющимися между грозящими угрозами и скрытыми шансами («human enhancement», беспрецедентное расширение человеческих возможностей, например, когнитивные технологии, развитие человеко-машинного интерфейса, «бестелесные» киберкоммуникации; эти технологии синергетично взаимодействуют) в академическом поле сегодня должны дополняться исследованиями по «новому антропоцентризму», выявлению сложных моделей и закономерностей социологического характера.

Релевантным данному исследованию является концепт «гаверментальность» в теории «микрофизики власти» формальной рациональности дисциплинарного общества М. Фуко [1]. Власть цифры пронизывает материальность социальной среды и программирует многообразные социальные практики уникальных личностей в стандартные данные цифровых актантов. Бюрократизация привела к рационализации надзора и программированию поведения через паноπτические системы (в цифровом обществе это платформы, «умные» алгоритмы). Побороть дегуманистическое начало программирования дисциплинарного общества поможет «гаверментальная рациональность» рефлексивного типа («управление» и «ментальность») – проявление взаимосвязи, отношения между технологиями и формами правления и технологиями самоорганизации, самоконтроля, саморефлексии (управление с учетом допустимости активного выражения субъектности индивидов, через их истину). Данный тип рациональности предполагает «трансформацию себя» субъектом, организацию управления телом, здоровьем, образом жизни, потреблением, питанием, коммуникациями, сексуальностью самим человеком, обществом, а не институтами, госструктурами. Здесь уместно обратиться к Ж. Бодрийяру, который считал, что «доверить свой интеллект машине – значит, освободиться от всякой претензии на знание» [2].

Согласно предположениям социолога Дж. Урри возможны два сценария будущего: 1 вариант - фрагментация глобального капитализм или «племенная сделка», регионализация, где глобальная мобильность доступна только сверхбогатым людям; 2 вариант - «цифровой паноπτикон»

усиление глобализированного мира и латентного надзора для сдерживания ускоряющегося развития систем мобильностей. Маршрутозависимость систем и капитал мобильностей Дж. Урри – теория, позволяющая концептуализировать цифровизацию повседневности. В трудах «Мобильности» и «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия» под капиталом мобильностей определяется «совокупность возможностей» доступности человеку многообразных систем мобильности, наделяющих его специфическими преимуществами. Социолог выделяет пять видов мобильности (физическое перемещение людей в пространстве, физическое перемещение объектов, воображаемые путешествия («образов»), коммуникационные, виртуальные) и вводит дихотомию «мобильности-иммобильности».

Одним из способов воздействия на общественное восприятие молодежи является запуск мемов [3], которые могут потенциально отвлекать внимание от критических вопросов, создавать искусственные проблемы, а затем продвигать необходимые решения. Рассмотрим эволюцию взглядов на данное явление в социологии. Социолог У. Липпман определил общественное мнение как «оценку значимого происходящего; представления людей о самих себе», согласие или несогласие с преобладающими публичными позициями. Такое общественное чувство включает в себя оценку текущих событий и коллективную перспективу, консолидацию «коллективного социального», что крайне важно культивировать в молодежной среде на фоне духовно-информационной войны в новой парадигме геополитики. Согласно Ж. Бодрийяру общественного мнения не существует, так как оно трансформировалось в «гиперреальную политическую субстанцию». Поступающий современному человеку объем информации необъятен и идентифицировать в нем копии невозможно. Общество воспроизводит «массовое представительство», некое общее мнение данного времени-пространства здесь и сейчас, а члены общества не транслируют и не вырабатывают индивидуальных выборов. Ж. Бодрийяр проводит аналогию с валовым национальным продуктом, который просто должен воспроизводиться вне корреляции с общественной целесообразностью. Г. Беккер в теории стигматизации обозначает прямую корреляцию между общественным мнением и влиятельными социальными группами, маркирующими других членов социума.

Способность молодого поколения в настоящий момент противостоять попыткам управленческих воздействий на конструирование определенной позиции через социальные сети, фейкореальность, медиамемы зависит от множества факторов, в частности, уровня развития гражданского общества.

Источники и литература

- 1) Ж. Бодрийяр. Прозрачность зла / Жан Бодрийяр ; [пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской]. - [3-е изд.]. - Москва : Добросвет : КДУ, 2009. – 257 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004364163> (дата обращения: 03.01.26)
- 2) Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь. – 1996. – С. 312.
- 3) Лисина О.В. Проблемы противодействия молодежному киберэкстремизму в условиях интернетсоциализации: вопрос нравственного здоровья подрастающего поколения // Теория и практика общественного развития. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-protivodeystviya-molodezhnomu-kiberekstremizmu-v-usloviyah> (дата обращения: 5.01.26)

Бородин Егор Константинович¹, Точин Михаил Романович¹

1 - Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Экономическое голосование на выборах губернаторов в России: кросс-муниципальный взгляд как индикатор социальных трансформаций

Электоральное поведение в современной России формируется в уникальном институциональном контексте, сложившемся в результате масштабных социально-экономических и политических трансформаций последних десятилетий [Савченко: 237]. Этот контекст характеризуется особым балансом между национальными политическими нарративами и централизацией управления [Мартьянов: 93] .

В фокусе данного исследования находится теория ретроспективного голосования – классическая парадигма политической науки, зародившаяся в условиях западных либеральных демократий. Ее ключевой постулат заключается в том, что избиратель на выборах санкционирует или наказывает правящую партию или политика, основываясь на оценке изменений в своем экономическом положении за предшествующий период [Lewis-Beck: 186]. Долгое время считалось, что эта модель слабо применима к политическим процессам в России, где на первый план выходили факторы общенациональной стабильности, геополитики

и личной популярности лидера. Однако если гипотеза о связи социально-экономических состояния территории и электорального выбора начнет находить устойчивые эмпирические подтверждения в российских реалиях, это станет важным индикатором глубинных изменений.

Такой результат будет означать, что в социальной жизни страны формируются более зрелые и инструментальные каналы обратной связи между властью и обществом, а локальный социально-экономический контекст начинает играть всё более значимую роль в политическом выборе граждан, адаптируя универсальную теорию к особенностям национальной политической системы.

Для проверки данной гипотезы используется кросс-муниципальный дизайн исследования. Работа анализирует связь между динамикой ключевых социально-экономических показателей (реальные доходы населения, уровень безработицы, объем инвестиций в основной капитал) и результатами голосования за партию власти/представителя данной партии на уровне отдельных муниципальных образований в регионах, где выборы главы субъекта проходили в 2025 году.

Исследование направлено на проверку функционирования универсальной логики экономического голосования в специфическом контексте российской политической жизни как следствия ее социально-экономических трансформаций.

Источники и литература

- 1) Виктор Сергеевич Мартьянов Российская Федерация между постимперией и отложенной нацией// Полития. 2025. №2 (117), с. 71-101
- 2) Савченко Сабина Михайловна Особенности электорального поведения граждан современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №2, с. 237-241.
- 3) Lewis-Beck, M., & Stegmaier, M. (2000). Economic Determinants of Electoral Outcomes. Annual Review of Political Science, p. 183-219.

Буковская Антонина Александровна

ООО "Ростелеком Информационные Технологии", Москва, Россия

Роль социальных инициатив в политической социализации молодежи: от теории к практике

Устойчивость политической системы — это динамическая способность системы сохранять свою идентичность и траекторию развития, адаптируясь к внешним и внутренним вызовам, опираясь на политико-культурные традиции и ценности. Это не статичное равновесие, а процесс, сочетающий сохранение «генетических» основ системы с гибкостью к изменениям [1]. Она отражает баланс политических процессов и их способность к самоорганизации.

Ключевыми регуляторами устойчивости политических систем являются механизмы социализации и легитимации. Социализация способствует передаче политических норм, адаптации к изменяющимся условиям, что позволяет системе реагировать на запросы общества, сохраняя стабильность и легитимность [2].

В современной России политическая социализация молодежи имеет особое значение, так как именно молодое поколение формирует будущее страны. Традиционно основными источниками социализации являются семья, образование и медиа [4]. Однако их влияние ослабевает из-за изменений в социально-экономической структуре, глобализации и цифровизации. Перед государством стоит задача поиска новых подходов к включению молодежи в политическую жизнь.

Примером успешной государственной инициативы является президентская платформа «Россия – страна возможностей», созданная 22 мая 2018 года по инициативе Президента Российской Федерации Путина В.В. Платформа является открытой площадкой для взаимодействия школьников, студентов, специалистов, предпринимателей, управленцев и волонтеров [3].

Ее цель — предоставить равные возможности для самореализации, раскрытия талантов, развития профессионального потенциала, поддержки бизнес-идей и общественных инициатив. С момента запуска реализовано более 60 проектов и конкурсов, охвативших все регионы России и 150 стран мира. Аудитория платформы превышает 20 миллионов человек, из которых 11 миллионов — дети и молодежь до 35 лет.

Деятельность платформы укрепляет стабильность государства, формирует доверие в обществе и повышает конкурентоспособность страны. Эффективность инициативы подтверждают данные: доля молодых людей, уверенных в возможности самореализации в России, выросла с 37% в 2017 году до 86% в 2025 году [5]. Этот ре-

зультат подчеркивает значимость платформы для формирования позитивного восприятия молодежью своих перспектив в стране.

Источники и литература

- 1) Карпова Н. В. Устойчивое развитие современной России в контексте политико-культурных оснований // Теория и практика общественного развития. 2023. №10.
- 2) Нажмудинов Г.М., Палатников Д.Е. Синергетический подход к анализу социально-политической среды общества // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1. С.82-85.
- 3) О нас // Россия – страна возможностей URL: <https://rsv.ru/about-us/> (дата обращения: 22.12.2025).
- 4) Слабкая Д.Н. Особенности политической социализации молодежи России // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 7А. С. 40-47.
- 5) Дмитрий Чернышенко: более 86% молодых людей верят в возможность самореализации в России // Росмолодежь (ФАДМ) URL: <https://fadm.gov.ru/news/dmitriy-chernyshenko-bolee-86-molodykh-lyudey-veryat-v-vozmozhnost-samorealizatsii-v-rossii/> (дата обращения: 23.12.2025).

Бурашникова Анна Александровна

РАНХиГС, Москва, Россия

Между алгоритмом и доверием: наставничество как вызов тотальной институционализации социальных технологий

В декабре 2013 года на совместном заседании Госсовета РФ и Комиссии при Президенте РФ по мониторингу достижений целевых показателей социально-экономического развития Президент России в своем указывании на необходимость «подумать, как ... возродить институт наставничества» [1]. Данное выступление становится отправной точкой для запуска инициатив, направленных на институционализацию наставничества как социальной технологии.

Однако в общественном дискурсе нет единого понимания «наставничества». Если из цитаты Президента РФ явственно следует интерпретация наставничества как кадровой технологии, то научное сообщество

трактует это понятие значительно шире: «здесь всё: и наставничество обучающихся, молодежная политика, очень широко используется наставничество в содействии занятости инвалидов, в дополнительном образовании детей и, конечно, в практике» [2]. Такое рассогласование позволяет говорить о том, что в процессе проектирования нового института был упущен этап операционализации понятия.

На наш взгляд, рассматривать наставничество в качестве социального института преждевременно. Зачастую авторы, заявляя рассмотрение институциональной природы наставничества, фактически раскрывают его как процесс вхождения в профессию, или как технологию формирования компетенций и ценностей, или как технологию сопровождения личности, или как вид отношений.

Обобщая существующие определения социального института, рассмотрим наставничество с позиций характерных особенностей социального института и обозначим проблемные зоны:

- наставничество не имеет четко артикулируемой социальной специализации,
- в наставничестве отсутствуют разделяемые всеми субъектами формальные правила, неформальные ограничения и механизмы, обеспечивающие соблюдение этих правил и ограничений [3],
- ресурсы и полномочия наставничества – это совокупность ресурсов наставников, а не ресурсы социального института,
- в процессы регулирования наставничества включено неограниченное количество организаций и объединений, однако только отдельные участники этих объединений, могут выступать непосредственными субъектами наставничества. Задача организаций и объединений фактически сводится к обобщению и формализации опыта реализации наставничества.

Спорным нам также видится вопрос о перспективах институционализации данного явления. Под институционализацией понимается «процесс превращения новых ... социальных практик ... в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени структуры общества...». [4] Являются ли практики наставничества действительно новыми, учитывая, что истоки наставничества обнаруживаются в античности.

Наставничество представляет собой концепт с «открытым горизонтом значений...» [5]. Наставник и наставляемый, вступающие в некие отношения, априори не знают, переродятся ли эти отношения в непосредственно наставничество. Достаточно трудно однозначно утверждать, какая совокупность внешних и внутренних факторов может привести к этой трансформации.

Источники и литература

- 1) <http://www.kremlin.ru/events/state-council/19882>
- 2) <https://национальныеприоритеты.рф/news/eksperty-obsudili-rol-nastavnika-v-obrazovanii-vospitanii-i-v-professionalnoy-deyatelnosti/?ysclid=mk2oylgihu169075687>
- 3) Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики /Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С.26.
- 4) Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/institutsionalizatsiia-7753b9?ysclid=mk5laxrnrn624158988>
- 5) Смирнова Н.М. Концепт интерсубъективности в структурах междисциплинарного синтеза // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 145-163.

Бурмыкина Ирина Викторовна

ЛГПУ имени П.П.Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия

Социально-технологический подход к оценке эффективности государственных программ

Программно-целевой метод в государственном управлении современной России является ключевым подходом, поскольку позволяет ориентировать государственные расходы на конкретный социально-экономический результат; предполагает комплексность решения проблем территории, заложенных в программу за счет реализации экономических, социальных, экологических, научно-технических и иных мероприятий в рамках одной программы и, наконец, дает возможность долгосрочного планирования приоритетов развития страны, отдельных регионов и муниципальных образований.

Государство осуществляет нормативное, методическое сопровождение реализации и оценки эффективности государственных программ, однако практика показывает, что, во-первых, далеко не все программы осуществляются в полном объеме и в установленные сроки, во-вторых, оценка их эффективности требует существенной доработки.

Во-первых, единственным измеримым критерием эффективности целевых программ является изменение непосредственных статистических

показателей — объемов выполненных работ, оказанных услуг, поставленной продукции в натуральном или стоимостном выражении. Во-вторых, не учитывается влияние изменения этих показателей на основные индикаторы социально-экономического развития региона, то есть не выявляется качественный общественно значимый результат. В-третьих, упор, в основном, делается на экономическую или бюджетную эффективность программ, а не на социальную, в то время как большинство государственных программ имеет социальный характер. Как следствие, итоговая результативность программ определяется суммой затраченных усилий, «освоенных» бюджетных средств, проведенных мероприятий, а не произведённым социальным эффектом, меняющим ситуацию с проблемными полями или выбранными целевыми группами к лучшему. Более того, эта составляющая эффективности реализации государственных программ — социальная — признается практически неизмеримой.

Разработанный нами социально-технологический подход к оценке социальной эффективности государственных программ, в своей основе имеет парадигму социологического конструктивизма, где объектом исследования является общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды, органическая синтезирующая целостность человека и общества и деятельностно-активистский подход. Такая методологическая стратегия позволила выделить в структуре социальной эффективности государственных программ интенциональную составляющую и объективную, задаваемую социальной средой, разделить понятия «социальный эффект» и «социальная эффективность» и разработать аналитическую модель оценки социальной эффективности реализации государственных программ.

Бухтиярова Ирина Николаевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Пионерская организация как инструмент социальной инженерии в СССР

В условиях современного интереса к формам патриотического воспитания и создания общероссийских молодёжных движений особую актуальность приобретает анализ советского опыта, позволяя выявить универсальные механизмы и риски использования детских коллективов в целях социальной инженерии. В современной социологии социальная инженерия рассматривается как целенаправленный процесс проектирования социальных институтов, практик и идентичностей для решения конкретных общественных задач и предполагает системный, осознанный подход

к преобразованию социальной реальности.

Рассматривая социальную инженерию с точки зрения детских общественных организаций, можно выделить основные цели - формирование гражданской идентичности, создание чувства принадлежности через символику, ритуалы, общие ценности, в рамках политической социализации - воспитание гражданина, разделяющего положения официальной политики, осуществление контроля молодежной среды через альтернативы протестным настроениям в виде участия в решении молодежных вопросов, карьерном росте и др. В результате общественная организация становится каналом коммуникации между государством и молодежью. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина представляет собой масштабный пример проекта социальной инженерии, направленного не только на идеологическое воспитание советской молодежи, но и на решение задач социальной интеграции и формирования человеческого капитала. Пионерия с социологической точки зрения была сложным механизмом решения ключевых общественных задач: интеграции разнородного детского населения огромной страны, трансляции базовых социальных норм, формирования социального капитала и направления подростковой активности в конструктивное русло. Теоретической основой исследования выступает теория социальных институтов (Т. Парсонс, П. Бергер), концепция социального капитала (П. Бурдьё, Р. Патнэм), теория коллективных представлений (Э. Дюркгейм) др. Пионерская организация в СССР представляла собой масштабное движение, являясь своего рода лабораторией по производству социального капитала, через которую государство без посредничества семьи передавало молодому поколению нормы, ценности и модели поведения. Таким образом, обеспечивалась идеологическая преемственность поколений, формировалось молодежное общественное сознание. Посредством пионерской организации происходило конструирование социальной реальности, дети приобщались особой системе героев, ритуалов, языка. Через совместную деятельность детей из разных регионов конструировалась общность, объединенная общими символами и чувством сопричастности. В рамках функционалистского подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) пионерию можно рассматривать в точки зрения полезности для устойчивости социальной системы, раскрывая явные и скрытые функции. Это и патриотическое воспитание, организация досуга, развитие навыков, а также интеграция молодежи в политическую систему, снижение аномии и неопределенности путем предоставления четких правил и идентичности, подготовка будущих кадров для государственного аппарата и общественно-политической сферы.

Пионерская организация имени В.И. Ленина является одним из самых масштабных инструментов конструирования социальной реальности, где через выстроенную институциональную структуру, символический ритуальный комплекс и повседневные дисциплинарные практики государство стремилось с детского возраста конструировать особый тип личности «советского человека», нравственного, трудолюбивого, ответственного гражданина. Можно отметить позитивный вклад пионерской организации в социальную интеграцию, формирование гражданских навыков и создание «культурного кода» поколений. Опыт пионерии демонстрирует, что успешная социальная инженерия предлагает адекватные ответы на реальные общественные вызовы; создает институты, выполняющие конкретные функциональные задачи; разрабатывает эффективные технологии формирования идентичности и солидарности. Этот исторический пример остаётся ценным материалом для социологического анализа возможностей проектирования социальной реальности.

Источники и литература

- 1) Бухтиярова И.Н., Филипова А.Г., Скрыпникова Е.М. Социальная активность детей и общественные организации: ресурсы, ограничения и возможности участия. //Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2023г. – № 1. –С. 147-156
- 2) Жирикова А.А., Сычев А.В. Детские общественные организации как элемент института гражданского общества современной России: социологический анализ. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. №2. – С. 191-201
- 3) Малых В. А. Воспитание молодёжи в условиях информационного общества: роль государства и общественных организаций // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Социология. - 2021. - № 5. - С. 39-48.
- 4) Нижник Н.С, Нудненко Л.А. Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства. // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – №1. – С.7-12

Бычик Татьяна Александровна

Тульский государственный университет, Тула, Россия

Альтруизм как фактор развития волонтерского движения

Альтруизм представляет собой фундаментальное понятие человеческой морали и является не просто моральной ценностью, но и мощным фактором развития волонтерской деятельности, определяя ее мотивы, масштабы и воздействие. В своей сущности, альтруизм – это бескорыстная забота о благополучии других, готовность жертвовать личными интересами ради блага общества. В контексте волонтерства, альтруизм выступает той движущей силой, которая побуждает людей отдавать свое время, энергию и ресурсы на решение социальных проблем, помощь нуждающимся и улучшение окружающего мира.

Английский философ и социолог Г. Спенсер, будучи приверженцем эволюционистского подхода, рассматривал альтруизм как продукт эволюционного прогресса, как результат постепенного развития моральных чувств и социальных институтов. Французский социолог и философ Э. Дюркгейм, в отличие от Г. Спенсера, рассматривал альтруизм не как продукт индивидуального развития, а как выражение коллективного сознания и социальной солидарности. Для Э. Дюркгейма альтруизм – это не просто моральное чувство, а фундаментальный принцип социальной организации, обеспечивающий сплоченность и стабильность общества. В свою очередь, немецкий философ и социолог Г. Зиммель, в рамках формальной социологии, понимал под альтруизмом одну из форм социального взаимодействия, которая, как и другие формы (конфликт, конкуренция, кооперация), является универсальной и присутствует в любых социальных группах. Для Г. Зиммеля альтруизм – это не просто нравственный идеал или социальная функция, а специфический способ установления и поддержания социальных связей. Он подчеркивал амбивалентный характер альтруизма: с одной стороны, альтруизм способствует социальной интеграции и смягчает конфликты, с другой стороны, он может быть использован для манипуляции и эксплуатации. Например, альтруистические побуждения могут быть использованы для оправдания несправедливого распределения ресурсов или для навязывания определенной идеологии.

Несмотря на различия в методологических подходах, все три мыслителя признавали важность альтруизма для функционирования и развития общества. Взаимосвязь альтруизма и волонтерства очевидна: альтруистические побуждения являются первичным импульсом, побуждающим людей посвящать свое время, энергию и ресурсы нуждающимся, в то время как волонтерская деятельность предоставляет практическую платформу для реализации этих побуждений. Волонтерство является способом проявления альтруизма и играет ключевую роль в развитии гуманного и справедливого общества. Волонтеры вносят неоценимый

вклад в улучшение жизни нуждающихся, защиту окружающей среды и продвижение социальной справедливости. Волонтерство предоставляет возможность получить моральное удовлетворение от совершения добрых дел и ощутить свою значимость, а эта потребность остается актуальной всегда, независимо от политического строя или уровня экономического развития.

Источники и литература

- 1) Дюркгейм Э. Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 456 с.
- 2) Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. М.: Юрист, 1996.
- 3) Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое / перевод с английского Н. Федоровой. Санкт-Петербург: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1894. 238 с.

Викторов Александр Шагенович

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Духовность и духовная безопасность как технологии управления социальными процессами в обществе

Духовность и духовная безопасность являются гуманитарными технологиями формирования гражданской идентичности и повышения уровня духовно-нравственного состояния общества [1, с. 109-120].

Общим объектом духовной безопасности выступают духовно-нравственные отношения. Предметом – духовно-нравственная жизнь личности, общества и власти, представляющая собой их реально функционирующее практическое сознание. Итогом этой многообразной деятельности являются духовно-нравственный облик личности, определенные состояния массового и специализированного сознания, представляющего собой основные блоки системы духовно-нравственной безопасности [2].

Духовную безопасность как технологию управления необходимо рассматривать через антиномию духовности современного общества. В методологическом плане духовность содержит два структурных взаимосвязанных элемента, имеющих разное функциональное и ценностное основание: технотерминизм и социальный конструктивизм. В социологическом контексте следует выделить три основных направления духовности

как гуманитарной технологии: системное, институциональное, социокультурное.

1. Духовность – это важнейший элемент системы, который интегрирует систему общества в одно целое и сохраняет ее целостное состояние, отличая ее тем самым от других целостных систем. Здесь главным субъектом духовности выступает государство, его отношения с церковью, культурная политика и идеология духовного единения (или идея);

2. Институциональный – характеризует тот или иной уровень состояния (низший, средний, высокий) духовной среды (то есть, что она воспроизводит) и особенности функционирования культурных институтов и субъектов духовности в контексте сохранения и направленности развития духовности.

3. В социокультурном отношении духовность раскрывается как через коммуникативные связи, взаимодействия, взаимоотношения (личностные, межличностные), групповые (на макро- и микроуровне), которые ориентированы на воспроизводство общего блага и отличаются стремлением жить для других, так и через основные (мировоззрение, ментальность, менталитет, культура, творчество, креативность, нравственная ценность, идеал) и вспомогательные понятия – идеология, убеждение, патриотизм.

Таким образом, социологическая рефлексия духовности и духовной безопасности выявила их взаимосвязанность, направленную на создание особых духовно-нравственных отношений, ориентированных на интеграцию людей в одну социальную общность. Духовность и духовная безопасность в качестве гуманитарных технологий управления общественными процессами способствуют активизации национально-патриотических движений и гражданского единения общества.

Источники и литература

- 1) Викторов А.Ш. К проблеме формирования новой идеологемы социологического знания // Вестник Московского Университета, сер. 18 «Социология и политология». №3. 2012. с. 109-124.
- 2) Волков Ю.Г. Социология. Учебник. 5-е изд. перераб. и доп. М.: Альфа-М. 2024. 512 с.

Гавриленко Ольга Владимировна

МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

От социальной инженерии к социальной архитектуре: развитие социальных технологий в России XX – XXI вв.

Вопрос о границах вмешательства человека в преобразование социальной реальности, возможностях воздействия на социальные процессы и социальные институты не имеет однозначного ответа. Наиболее уверенно о необходимости и реальной способности субъектов управления влиять на социальные институты и процессы, применяя те или иные социальные технологии, говорят представители социоинженерного подхода к социальному управлению. Так, К. Поппер рассматривал социальную инженерию как деятельность по проектированию новых социальных институтов, по перестройке и управлению уже существующими социальными институтами путем частичных, постепенных реформ и изменений [1].

Социальная инженерия в России получила активное развитие начиная с 20-х годов XX века в период строительства советского государства. «Программы рационального экономического и социального планирования идеально вписывались в технократическую логику управления молодым советским государством. Рациональное управление обществом и государственное регулирование политической, социокультурной, экономической сфер являются примером осуществления социальной инженерии в СССР. Согласно подходу К. Поппера, само создание советского государства и ряд крупных проектов того периода (например, НЭП, первые пятилетки, освоение целинных земель) являются примерами «утопической» социальной инженерии, при которой осуществляются не частичные и постепенные реформы, а радикально меняется основа построения общества и государства. В 20-е годы в СССР проблемами организации труда и управления занимались несколько научно-исследовательских институтов» [2, с.99].

Социальная инженерия в различных ее проявлениях была популярна в СССР вплоть до конца 80-х годов, а потом «ушла в тень», в том числе из-за роста популярности гуманистического подхода в социальных науках и построения либеральной модели экономики, в рамках которых критиковалась возможность централизованного планирования общественных процессов со стороны государства, отстаивалась идея, что право, язык, рынок не должны попадать под контроль государства.

Сегодня в России интерес к социоинженерной деятельности возвращается, в том числе это отражается в образовательном пространстве вузов, идет подготовка социальных инженеров нового типа – социальных архитекторов. Социальный архитектор — это человек, конструирующий

социальный проект либо занятый его технологической поддержкой, выстраивающий отношения власти с населением, «формирующий» социальное самочувствие, составляющий социальные модели и образы будущего, «тонко настраивающий» социальную реальность.

Новые цифровые ИКТ позволяют более эффективно преобразовывать социальную реальность как за счет алгоритмических способов воздействия на аудиторию (формируя «картину мира» и управляя поведением пользователей средств массовой коммуникации), так и лучшего понимания «социальных объектов» (используя для управления корректные данные). «Развитие цифровых информационно-коммуникативных технологий и их применение в целях управления различными объектами выводит реализацию модернизационных проектов на новый уровень, где «объект» социоинженерного воздействия становится «прозрачным» за счет генерирования и предоставления огромного массива корректных данных и наличия технологий их обработки» [3, с. 26].

Источники и литература

- 1) Поппер К. Открытое общество и его враги: пер. с англ. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- 2) Гавриленко О. В. Российская деловая культура в цифровую эпоху: социальные технологии и управленческие практики: монография. — Издательство ФИВ Москва, 2025.
- 3) Социальные технологии управления обществом в цифровую эпоху. Учебное пособие / под ред. О.В. Гавриленко — АНО ЦЭМИ Москва, 2026.

Газиева Инна Александровна

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

**Поиск ценностного ядра устойчивости социальной общности:
использование технологий социальной инженерии**

В условиях фрагментации ценностных ориентаций и усиления конкуренции дискурсов возрастает потребность в научно обоснованной диагностике ценностного ядра социальных общностей — той совокупности ценностей, которые не только декларируются как значимые, но и интериоризованы, то есть последовательно реализуются в повседневной жизни.

Переход от поверхностного констатирования декларируемых ценностей к выявлению ценностного ядра устойчивости обеспечивает использование социально-инженерных технологий. Однако сегодня в научной и публичной сферах наблюдается концептуальная деградация понятия «социальная инженерия», превращающая его из инструмента гуманистического, поэтапного социального реформирования в синоним манипуляции и кибермошенничества [1,2,3,4,5 и др.].

Мы предлагаем переосмыслить понятие «социальная инженерия», опираясь на классические подходы [6,7,8,9,10,11,12,13,14 и др.], но с фокусом на авторскую эмпирическую модель анализа социальной ценности [15, 16], которая включает: оценку идеального ценностного отношения респондента к социальной реальности в рамках каждой изучаемой ценности («идеал»); оценку значимости каждого индикатора, входящего в описание конкретной ценности («значимость»); оценку готовности респондента к совершению действий, отвечающих каждой изучаемой ценности («готовность»); оценку отражения следования ценности в конкретных поступках («действие»); соотнесение указанных оценок и определение ценностных разрывов.

На основе описанного подхода предлагаем следующее определение социальной инженерии: *научно обоснованная, этически рефлексивная деятельность по социологической диагностике, проектированию и трансформации социальной общности на основе выявления ее ценностного ядра устойчивости.*

На основе описанной выше эмпирической модели оценки социальных ценностей, автором проведена социологическая диагностика ценностной структуры студенческой молодежи, представляющей ведущие российские вузы (N = 3864; 6 вузов). По результатам корреляционного анализа выявлены ценности с высокой внутренней согласованностью всех ценностных категорий и одновременно с устойчивыми межценностными связями. В ценностное ядро устойчивости вошли восемь ценностей, объединенных в два кластера: государственно-патриотические ценности (патриотизм, служение Отечеству, историческая память, преемственность поколений, семья) и духовно-нравственные ценности (милосердие, взаимопомощь, приоритет духовного над материальным). Полученные результаты позволяют перейти от абстрактных ценностных деклараций к этически выверенному социально-инженерному сопровождению молодежных общностей, опирающемуся на реально интериоризованные ценности, а не на внешние нормативные установки. Предложенная методология может быть использована как для прогнозирования социального поведения, так и для социального проектирования развития иных социальных общно-

стей, ориентированного на укрепление ценностной целостности личности и общества в целом.

Источники и литература

- 1) Останина Е.А. Обучение как противодействие методам социальной инженерии // Человеческий капитал. 2021. № 3 (147). С. 172-180. DOI: 10.25629/НС.2021.03.15
- 2) Чирков М.А., Золкин А.Л., Чистяков М.С., Лукашина Д.И. Социальная инженерия как фактор способствования мошенническим действиям в цифровой сфере // Философия хозяйства. 2021. № 4 (135). С. 216-228
- 3) .; Романов В.Г., Романова И.В. Социальное мошенничество “covid-19” и манипулятивные технологии социальной инженерии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 9. С. 57-67
- 4) Шевелева К.В., Радченко Т.В. Особенности криминалистической характеристики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1 (33). С. 240-250
- 5) Жидков Э.И., Васильченко А.П., Остапенко А.А., Кольцов А.С., Шварцкопф Е.А., Щеголеватых А.С. Кибератаки вида "социальная инженерия": риск-ландшафт векторов атак и уязвимостей телекоммуникационных сетей // Информация и безопасность. 2024. Т. 27. № 2. С. 285-298.
- 6) Popper K. “Utopia and Violence,” in *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge* (New York: Routledge, 2002), 485. – 608p
- 7) Кравченко А.И. Инженерия социальная // Российская социологическая энциклопедия. Под общ.ред.Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. - с.155
- 8) Тихонов А.В Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола). // Социологические исследования. 2018. № 2 (406). С. 102-113
- 9) Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием (теоретико-методологический аспект). - Минск: «Наука и техника», 1986. — 205 с.
- 10) Резник Ю.М. Социокультурный подход к управлению: анализ и конструирование // Вестник Нижегородского университета им.

- Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 104-110.
- 11) Резник Ю.М. Социальная инженерия как профессия // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 124-130
 - 12) Уржа О.А. Социальная инженерия как методология преобразовательной деятельности // Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5 (5). С. 115-121
 - 13) Уржа О.А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 87-96
 - 14) Бекарев А.М., Плотников М.В. Проблемы социальной инженерии // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14. № 1 (69-70). С. 219-227
 - 15) Газиева И.А. Социология ценностей: методология исследования: монография. – М.: Инфра-М, 2024. — 253с
 - 16) Газиева И.А. Эмпирическая модель анализа социальных ценностей студенческой молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 230–240

Горбатова Алёна Алексеевна

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный
центр Российской академии наук», Сочи, Россия*

Инклюзивный туризм как драйвер социальных изменений территории

Инклюзивный туризм перестаёт быть узкоспециализированной нишей и становится важным драйвером социально-экономического развития территорий. В России наблюдается смена двух ключевых парадигм. Во-первых, переход от административного принуждения к созданию доступной среды к восприятию инклюзии как необходимого условия для устойчивого развития государства, бизнеса и общества. Во-вторых, смещение модели отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья: с медицинской модели, где фокус делается на диагнозе и «неполноценности», на социальную. Социальная модель признаёт, что

ограничения лиц с инвалидностью спровоцированы не самой болезнью, а барьерами окружающей среды, включая архитектурные, информационные, коммуникационные.

Современные демографические тренды, такие как старение населения и увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни, делают этот переход безотлагательным. Растущая доля пожилых людей формирует массовый спрос на комфортную и безопасную среду. В этих условиях инвестиции в безбарьерную среду, адаптацию услуг и подготовку персонала перестают быть лишь социальными расходами и превращаются в стратегические инвестиции в привлекательность и устойчивость территории.

Инклюзивный туризм, основанный на социальной модели, выступает катализатором комплексных изменений. Работа по устранению барьеров для маломобильных граждан затрагивает не только людей с инвалидностью, но и родителей с колясками, граждан, временно использующих костыли после переломов, людей, передвигающихся на электросамокатах и велосипедах. По разным оценкам, около трети населения в той или иной степени испытывают потребность в доступной среде. Формирование безбарьерной среды ведёт к качественному улучшению условий пребывания для всех гостей и жителей территории посредством совершенствования системы транспорта, навигации, связности территории, доступа в здания и сооружения. Работа по устранению барьеров становится полигоном для отработки социальных технологий, инициируя диалог между властью, бизнесом, экспертным сообществом и местным населением. В данном контексте, инклюзивный туризм, через реализацию прав граждан на достойный и доступный отдых, становится эффективным инструментом для повышения качества жизни и социальной инклюзии местного населения и туристов дестинации.

Источники и литература

- 1) Павлова Ю.Ю. Перспективные направления развития инклюзивного туризма в России // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. – 2025. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-inklyuzivnogo-turizma-v-rossii> (дата обращения: 27.01.2026).
- 2) Чурилина И.Н., Ларченко Л. В., Анисимов Т. Ю., Волков А. М. Инклюзивный туризм как инновационный метод реабилитации и восстановления благополучия человека // Инновации. – 2021. – № 1(267). – С. 79-84. – DOI 10.26310/2071-3010.2021.267.1.011.

- 3) De La Santa, J. Tourism as a lever for a more inclusive society // Worldwide Hospitality and Tourism Themes. – 2020. – № 12. – P. 731-738. – DOI 10.1108/whatt-07-2020-0071.
- 4) Gorbatoва A. The impact of inclusive tourism on the sustainable development of the host community // Bio Web of Conferences : International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2024), Saint Petersburg, 03–06 сентября 2024 года. Vol. 130. – Les Ulis: EDP Sciences, 2024. – P. 04024. – DOI 10.1051/bioconf/202413004024.
- 5) Scheyvens R., Biddulph, R. Inclusive tourism development // Tourism Geographies. – 2018. – № 20. – P. 589-609. – DOI 10.1080/14616688.2017.1381985.

Грунин Григорий Алексеевич

ННГУ им. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Формирование городской идентичности как социальная технология управлением мегаполиса (на примере г. Нижний Новгород)

В современных условиях городские системы конкурируют за человеческий капитал. Городская идентичность представляет собой социально-культурный феномен, отражающий взаимосвязь личности и города. Её сформированность отражает степень удовлетворенности средой, влияет на миграционные установки и, как следствие, социально-экономическое состояние городского пространства. В социологической науке отсутствует единый подход к определению городской идентичности и её характеристикам, что требует применения научно обоснованных управленческих подходов.

В данной работе формирование городской идентичности рассматривается не только как объект социологического исследования, но и как социальная технология. Опираясь на определение Афанасьева, социальная технология представляет инструмент практической деятельности, позволяющий разрабатывать управленческие решения с опорой на знания социальных наук. [1, с. 56] Эмпирической базой является социологическое исследование, включающее опрос населения (n=100) и опрос экспертного сообщества (экспертов-управленцев, урбанистами и представителями городских сообществ; n=7).

Исследование подтвердило наличие городской идентичности у жителей: 54% соотносят себя с нижегородцами. Основными факторами, оказывающими влияние на формирование идентичности, являются историческое наследие (архитектура города) и культурные практики (экскурсии и фестивали). Однако были выявлены проблемы, тормозящие развитие городской идентичности. К ним относится состояние общественного транспорта в городе - большинство опрошенных отмечает данную проблему (86%), неравномерность развития городского пространства, что выражается в сосредоточении культурных мероприятий в центре города. Данные проблемы ограничивают жителей периферийной части города.

На основе результатов исследования были разработаны практические рекомендации, направленные на оптимизацию городского управления для усиления городской идентичности. Предлагаемый комплекс мер структурирован по двум направлениям:

1. Совершенствование инфраструктурного развития. Ключевым предложением является создание постоянной и стабильной платформы обратной связи с населением.

2. Развитие социально-культурной среды. Для снижения территориального неравенства предлагается децентрализация культурной политики.

Таким образом, проведенное исследование на примере г. Нижний Новгород демонстрирует, что изучение механизмов формирования городской идентичности служит основой для разработки конкретных социальных технологий. Предложенные меры, подразумевающие совершенствование инфраструктуры и развитие социально-культурной среды, позволят укрепить взаимосвязь жителей с городом и улучшить динамику его развития.

Источники и литература

- 1) Нечаева Е. О. Социальные технологии: история становления и версии понимания // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. №4 (126).

Демидов Аркадий Владимирович

Российский Биотехнологический Университет, Москва, Россия

Социальная технология кадрового резерва: опыт реализации в муниципальном управлении малыми и средними городами

Кадровый резерв как социальная технология представляет собой группу руководителей и специалистов, способных к управленческой деятельности, отвечающих требованиям, соответствующих должности и имеющих специальную профессиональную подготовку [3, с. 328]. В качестве основных целей кадрового резерва выступают целенаправленная подготовка кадров, своевременное закрытие вакансий и повышение использования кадрового потенциала.

Об эффективности технологии кадрового резерва говорят эксперты, работающие в государственных органах. Результаты социологического исследования эффективности кадровых резервов на государственной гражданской службе, проводимого в 2020 году среди 56 государственных служащих в форме экспертного интервью, говорят о высокотехнологичности и современности кадрового резерва как социальной технологии [2, с. 325]:

- 52% опрошенных считают, что кадровый резерв является современной кадровой технологией, позволяющей решать комплекс кадровых задач;

- 41% опрошенных говорят о кадровом резерве как о требовании законодательства, что является основным смыслом его формирования;

- оставшиеся 7% респондентов видят кадровый резерв как технологию, используемую для конкурсов замещения вакантной должности муниципальной службы.

Однако, стоит учесть, что в отличие от экспертов, большинство населения чаще всего или мало осведомлено, или вообще не имеет представление о сути кадрового резерва как социальной технологии. Поэтому вопрос об эффективности данной стратегии пополнения кадров в малых и средних городах остается под сомнением.

В Российской Федерации имеются свои издержки, говорящие о неосостоятельности управленческого аппарата кадрового резерва для небольших городов. В настоящее время сформировано большое число кадровых резервов в рамках государственной гражданской и муниципальной службы: под патронатом Президента РФ, федеральный и региональный резервы управленческих кадров, муниципальные резервы, квази-резервы, формируемые по результатам конкурсов. Но в малых и средних городах кадровый резерв формируется в администрациях на основе включения кандидатов в список на конкретную должность муниципальной службы, не затрагивая другие сферы общественной жизни. В связи с этим, кадровый резерв в муниципальных образованиях средних городов существует лишь формально и затрагивает работу только муниципальных служащих, а не всех социальных институтов.

В качестве вывода стоит отметить, что в малых и средних городах Российской Федерации социальная технология формирования кадрового резерва на современном этапе слабо проработана и нуждается в реорганизации ее структурной части. Для таких городов необходимо разработать и апробировать научно-обоснованную модель единого многоуровневого кадрового резерва, которая позволит решать задачи поиска, привлечения и развития персонала как для государственных и муниципальных служб, так и для множества подведомственных организаций [1, с. 51].

Источники и литература

- 1) Демидов А.В., Юдина Т.Н. Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 42-52.
- 2) Масленникова Е.В., Шебураков И.Б., Татарина Л.Н. Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2022. Т. 22. №2. С. 324-336.
- 3) Суржицкая Л.И. Сущность кадрового резерва. Цели формирования кадрового резерва. Этапы работы по формированию кадрового резерва // Экономика и социум. 2020. № 9 (76). С. 327-331.

Ефремова Елизавета Валериевна

АНО НИИ организационной психологии и психолингвистики

Устроение, Москва, Россия

Сферный подход к организационной культуре. Язык, дискурс и семиосфера как основание социальной архитектуры

В современных исследованиях организационной культуры сохраняется представление о культуре как наборе формализованных ценностей, норм и моделей поведения. В такой оптике организация мыслится объектом социальной инженерии, а язык рассматривается лишь как канал передачи предписаний. Однако методологические разработки последних лет показывают, что культура функционирует иначе: как дискурсивная среда, в которой образуются смыслы, регулирующие коллективные практики.

В рамках работ НИИ «Устроение» предлагается сферный подход, основанный на триалектической логике и семиотических представлениях

о культуре. Модель опирается на идеи Ю. М. Лотмана о семиосфере как целостном смысловом пространстве, внутри которого тексты, практики и субъекты образуют взаимосвязанные зоны. Организация в этой логике рассматривается не как вертикальная структура или набор «слоёв», а как сфера - динамическое поле взаимодействия действия, речи и коллективного переживания.

Ключевым аналитическим инструментом выступает изучение организационного дискурса. Именно в дискурсивных переходах - между формальными документами, управленческой речью, повседневной коммуникацией и профессиональными жанрами - проявляется реальная архитектура культуры. Здесь становятся видимыми механизмы согласования различий, распределения ответственности, образования норм и возникновения коллективной субъектности. Особое внимание уделяется феномену организационного «муноса» - зоны умолчаний, скрытых предположений и непроговоренных ожиданий, определяющих поведение сильнее официальных ценностей.

Сферный подход позволяет переосмыслить управление культурой: от инженерного воздействия к архитектурному проектированию условий, в которых коллектив может порождать смысл сам. Такая рамка делает аналитически доступными те элементы организационной жизни, которые традиционно описывались как «нематериальные» или «трудно измеримые». Она позволяет увидеть культуру как автономную семиотическую систему, где язык не обслуживает действие, а формирует его границы, возможности и способы.

Представленные положения фиксируют промежуточные результаты разработки интегральной модели организационной культуры как сферной, семиотической и дискурсивной среды. Материал основан на исследованиях организационной речи, анализе внутренних жанров коммуникации и реконструкции структур смысла в российских организациях.

Источники и литература

- 1) Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
- 2) Тён, А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-2
- 3) Фэрклау, Норман. Дискурс и социальные изменения. — Москва: Высшая школа экономики (ВШЭ), 2010. — 280 с.

Забнина Наталья Вячеславна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная архитектура в российском мегаполисе: от инженерного замысла к технологиям формирования локальной идентичности

Традиция осмысленного проектирования городской среды как инструмента формирования личности и общества имеет в России глубокие исторические корни. Советская практика «социальной инженерии» в градостроительстве ставила перед архитектурой задачу создания «нового человека»: микрорайонная застройка с обширными дворами и ДК предполагала воспитание коллективизма, а монументальные ансамбли центров городов – транслировали идеи государственной мощи и патриотизма. Этот подход, как отмечает Йоран Терборн, является классическим примером того, как «города власти» используют пространство для легитимации определенного социального порядка. Ландшафт выступал материализованной идеологией, а социологическая диагностика сводилась к нормативным расчетам обеспеченности населения услугами.

Однако переход к постиндустриальной, креативной экономике и рост городского населения до 75% в развитых странах (данные ООН, 2025) радикально изменили запрос. Как показывают современные исследования, вслед за Ричардом Флоридой, высококвалифицированные специалисты выбирают города не только по базовым параметрам, но и по качеству общественных пространств, культурному разнообразию и возможности самореализации. Жесткая социальная инженерия уступает место более тонким технологиям «социальной архитектуры», где среда не предписывает, а предлагает сценарии взаимодействия, формируя идентичность через выбор и участие.

Современная социальная технология работы с городским пространством представляет собой целостный цикл, начинающийся с глубокой диагностики, основанной не на нормативах, а на герменевтике среды — «чтении» архитектурных форм и выявлении сложившихся поведенческих сценариев с помощью ментальных карт и биографических интервью, что позволяет декодировать ценностные смыслы, заложенные в ландшафте. Следующим этапом является фасилитация процесса соучаствующего проектирования, которое трансформирует жителей из пассивных объектов воздействия в активных соавторов, чье коллективное действие, согласно исследованиям парадоксов локальной идентичности, служит основным катализатором формирования подлинного чувства принадлежности и ответственности за территорию. Итогом стано-

вится архитектурное воплощение, где материальная среда, будучи тонко настроенным инструментом, предрасполагает к определенным моделям социального взаимодействия — от соседского общения до публичных civic-инициатив, — выполняя тем самым роль непрерывно действующего, но невидимого социального технолога, что находит подтверждение в нейроархитектурных исследованиях, демонстрирующих прямое влияние конфигурации пространства на когнитивные функции и эмоциональное состояние человека.

Сама материальная структура мегаполиса — его улицы, площади, дворы — превращается из пассивной декорации в активную социальную технологию: это не просто пространство для жизни, а сложный семиотический аппарат, непрерывно генерирующий социальные смыслы и поведенческие сценарии. Архитектура перестает быть лишь инструментом решения утилитарных задач; она становится формой недирективного управления, которая, подобно гравитационному полю, незаметно, но неотвратимо формирует траектории повседневных практик, модели взаимодействия и, в конечном счете, коллективную идентичность. Успех современного города определяется не мощностью его инженерной инфраструктуры, а тонкостью его семиотической настройки — способностью среды провоцировать диалог, поддерживать память места и производить новый социальный капитал из самой ткани городского ландшафта.

Источники и литература

- 1) Касамара В.А., Белова Ю.Ю. Парадоксы локальной идентичности: как молодежь ищет место под солнцем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 248 с.
- 2) Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху: социальные технологии и управленческие практики. М.: Издательство ФИВ, 2025. 272 с.
- 3) Бурдые П. Социальное пространство: поля и практика. М.: Ин-т эксперим. социологии, 2005. 576 с.
- 4) Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2011. 430 с.

Зубова Оксана Геннадьевна

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Курс "Основы российской государственности" как социальная технология воспитательной работы в высшей школе

Образование играет важную роль в обществе, определяя функционирование и развитие социума, впоследствии влияя на социальный статус человека. Социальные технологии в образовании охватывают три главные цели обучения: развивающую, образовательную и воспитательную и рассматриваются в качестве средства подготовки определенного типа личности, необходимого обществу для его успешного функционирования и развития.

Закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет воспитание как «деятельность, направленную на развитие личности... создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства...» [7]. Приоритеты патриотического воспитания молодежи как ведущего направления воспитания подрастающего поколения отражены в нормативных актах по государственной национальной, молодежной и культурной политике РФ. Курс «Основы российской государственности» в высшей школе можно рассматривать как социальную технологию воспитательной работы, направленную на формирование у студентов патриотических и гражданских ценностей, а также на формирование чувства национальной идентичности. Курс введен в образовательный процесс во всех вузах России с 1 сентября 2023 года и носит междисциплинарный характер [2].

ВЦИОМ в 2023 году провел опрос, показавший, что большинство россиян (68%) считают такой курс важным и актуальным в современных условиях, лишь 16% не одобряют его запуск, 16% затруднились с ответом. На вопрос о том, хотели бы они, чтобы этот курс изучали их дети и внуки – 72% ответили утвердительно, не хотели бы 11%, нейтральную позицию заняли 12%, затруднились с ответом – 5%. Обосновывая свой ответ, отвечающие отметили следующие критерии полезности новой дисциплины: знание молодежью страны, в которой они живут (32%); знание истории своей страны (24%); повышение патриотизма (17%); ликвидация пробелов в школьном образовании (10%); расширение кругозора (5%); политическая составляющая (3%); повышение ответственности, воспитания (2%). Отвечая на вопрос о том, почему этот курс не нужен, были отмечены следующие причины: бесполезный для жизни предмет (28%); пропаганда (17%); суть рассматриваемых тем отражена в других предметах (16%); большая загруженность студентов (13%); студенты долж-

ны больше обучаться по специальности (12%); только школьный уровень преподавания таких предметов должен остаться (9%); предмет лишь для специальных факультетов (4%) [5]. Опрос показал, что для нового курса важны задачи, связанные с образованием и гражданско-патриотическим воспитанием современных студентов [1].

Введение нового курса вызвало широкие общественные дискуссии, положительные стороны связаны с расширением знаний молодежной аудитории по истории России, а также ее интереса к изучению своей страны; формированием чувства гордости за свою страну и свой народ; лучшим пониманием современных геополитических процессов [3]. Основные сложности определяются отсутствием устоявшихся подходов; междисциплинарными разногласиями; вариативностью кадрового обеспечения; необходимостью поиска эффективных методов и технологий обучения, в том числе игровых, чтобы этот курс не превращался в формальную практику, а становился реальным практическим инструментом для укрепления знаний студентов о российской государственности, укрепления гражданской идентичности, а также формирования ценностных ориентиров и позитивного образа будущего [4, 6].

Эффективность в дальнейшей реализации связана с одобрением подобного рода инициатив в обществе; интересом студентов к занятиям; вызываемыми положительными эмоциями и чувствами от интерактивного обучения; актуальностью и практической направленностью обсуждаемых тем; личностью преподавателя, устанавливающего доверительные отношения с аудиторией и обладающего необходимыми компетенциями для реальной работы в рамках обозначенных задач.

Источники и литература

- 1) Андреев А. Л., Андреев И.А. О преподавании основ российской государственности // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 2. – С. 158-167.
- 2) Борзова Т. А. Реализация содержательного потенциала дисциплины "Основы российской государственности" в системе патриотического воспитания высшей школы // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 2(105). – С. 26-28.
- 3) Галимуллина Н. М., Вагаева О. А. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высшей школы: восприятие обучающимися и методика преподава-

ния // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 4. – С. 235–250. – URL: <http://e-koncept.ru/2024/241054.htm>.

- 4) Лукушин В. А. Практика реализации учебного курса «Основы российской государственности» в оценках преподавателей вуза // Власть. – 2025. – Т. 33, № 5. – С. 215-222.
- 5) Можно ли научить государственности? Опрос ВЦИОМ от 20.09.2023 Электронный ресурс: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 29.01.2026).
- 6) Саратовцева Н. В., Вагаева О. А. Курс «Основы российской государственности»: взгляд преподавателя // Гуманитарные науки и образование. – 2024. – Т. 15, № 2(58). – С. 97-103.
- 7) Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.03.2025) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 29.01.2026).

Зырянов Владимир Викторович

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

О структуре социальных технологий в современном высшем образовании

Высшее образование (ВО) в современном высокотехнологичном и сложно организованном обществе является одним из важнейших институтов, обеспечивающих его жизнь и развитие, а потому изучается с разных сторон – от экономики и управления до педагогики и социологии. Социальные технологии (СТ) также входят в топ тем как для изучения, так и для использования в управлении практически во всех сферах общества. Однако при работе с литературой, по СТ в образовании, неожиданно выяснилось, что исследованиям ВО с позиций СТ посвящено крайне мало публикаций [1, 2, 3], в которых они к тому же представлены фрагментарно и преимущественно как СТ в обучении.

Исходя из этого, полагаем, что изучение как функционирования ВО, так и его результатов должно осуществляться в социологии не толь-

ко с позиции системного, структурно-функционального, деятельностного подходов, но и дополняться социально-технологическим.

Структура СТ, используемых в ВО, определяется его сложностью как открытой системы. Более того, само ВО (как и образование в целом) имеет все признаки СТ, поскольку его цель и рамочные условия функционирования определяются государством через использование квазитехнологий, как обозначил их В.В. Щербина [4]. В этом качестве они выступают как юридически или административно закреплённые институализирующие социальные практики (законы, социальные нормы, традиции). В рамках этих законов, норм и традиций акторы ВО определяют производные цели. Их достижение обеспечивается использованием специально разработанных СТ, которые создаются как для управления ВО как целым (Болонская система, рейтингование, мониторинг), так и для корректировки, уточнения и интенсификации достижения определённых целей («Проект 5-100», «Приоритет – 2030», «Создание сети современных кампусов»).

Поскольку именно на уровне вузов реализуется базовая функция ВО – подготовка бакалавров и магистров, то далее мы обратимся к СТ, обеспечивающим само их функционирование. Так как государство регламентирует образовательный процесс ФГОСами, то основной СТ их реализации является образовательная программа. Кроме того, здесь можно отметить такие СТ, как профессионально-общественная аккредитация, опросы студентов. Также вузы используют СТ, направленные на их устойчивую работу в текущих условиях (оптимизация управленческой структуры, укрупнение, проведение олимпиад, конкурсов, участие в проектах, фестивалях, праздниках местных властей). Далее выделим СТ управления отдельными сторонами образовательного процесса (профессиональная ориентация, повышение квалификации ППС).

Следующим уровнем образовательного процесса является собственно обучение. Среди СТ, обеспечивающих его, выделяются такие, как балльно-рейтинговая система, самостоятельная работа студентов, научное руководство, смешанное, гибридное, проектное обучение.

Завершающим звеном в структуре социальных технологий ВО выступают СТ воспитания (волонтёрство, студенческие и профессиональные праздники, студенческие научные конференции, спортивные турниры и творческие конкурсы и т.д.).

Источники и литература

- 1) Каташинских В.С. Социальные технологии управления процессами изменений содержания высшего образования макрорегиона //

Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, 2019. № 1. С. 27-43.

- 2) Романкова Л.И. Высшая школа: социальные технологии деятельности; Науч.-исслед. ин-т высш. образования. — М. : НИИВО, 1999. — 255 с.
- 3) Третьякова И.В. Социальные технологии в системе высшего образования // Миссия конфессий. 2023. Т. 12, № 4(69). С. 76-84.

Карпова Наталья Владимировна

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

**"Проработка" исторической памяти как социальная
технология конструирования будущего России**

В современной России историческая память перестает быть пассивным наследием, а превращается в ключевой ресурс стратегического проектирования будущего развития страны [1]. Конструирование образов исторического прошлого для любой политической системы, особенно в случае политических изменений и кризисов, выступает принципиальным условием ее легитимации. Для России 2020-х годов обращение к феномену исторической памяти - это не просто фиксация определенных черт исторического опыта государства, а условие ее «использования в деятельности людей или для возвращения влияния в сферу общественного сознания» [3].

Историческое самоопределение политической системы главным образом осуществляется «сверху» посредством выработки и внедрения различного рода «идеологем», формирующих культурный фундамент текущей политики государства. На роль одной из центральных социальных технологий, позволяющих государству выстроить свои связи с прошлым в контексте конструирования и обоснования пути будущего развития страны, в настоящее время выдвигается механизм культурной «проработки» прошлого. В основе теоретико-методологического основания социально-технологических аспектов «проработки» исторической памяти лежит социально-конструктивистский подход, рассматривающий память не просто как фиксацию фактов, а как непрерывный диалог между прошлым и настоящим, в ходе которого отбираются, актуализируются и наделяются смыслом те или иные исторические нар-

ративы (М. Хальбвакс) [4]. В современной социологической литературе «проработка» трактуется как «критическая ревизия» и переосмысление прошлого, направленные на формирование определенных культурно-исторических нарративов, «оправдывающих конкретные политические действия и включающих в себя взаимодействие ведущих политических институтов, политических элит, ресурсов и интересов» [5].

В российской практике ведущие позиции по вопросам формирования исторической памяти заняло государство. Официальная стратегия «проработки» исторической памяти направлена прежде всего на формирование коллективной идентичности и ценностно-смысловую консолидацию государства и общества, цель которых заключается в том, чтобы «собрать» из прошлого связный, легитимирующий и мобилизационный каркас для настоящего и будущего [2]. Ключевыми объектами «проработки» становятся такие узловые точки истории, как Победа в ВОВ, научные и технологические достижения имперского и советского периодов. Через призму данных «скреп» и «уроков» выстраивается логика исторической преемственности, где современная Россия предстает как наследник и защитник тысячелетней государственности, цивилизационной уникальности и статуса великой державы. Будущее России таким образом конструируется, как продолжение единой традиции, что делает публичное восприятие прошлого понятным и потенциально работающим на легитимацию текущего курса страны. Вместе с тем «проработка» исторической памяти — это сложный рефлексивный процесс, требующий усилий не только политических элит, но и всего гражданского общества.

Источники и литература

- 1) Арамян К.А. Уроки истории: формирование исторической памяти через диалог с «живым прошлым» // Социально-гуманитарные знания. 2024. №1. С. 59.
- 2) Карпова Н.В. Историческое сознание общества как элемент политической культуры // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 35.
- 3) Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4. С. 4.
- 4) Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). URL: <https://web.archive.org/>

web/20140305090950/http:/magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html
(дата обращения 14.12. 2025 г.)

- 5) Hunter J. D. Democracy and Solidarity: On the Cultural Roots of America's Political Crisis. Yale University Press, 2024. P.26.

Кобзаренко Людмила Николаевна

СКФУ, Ставрополь, Россия

**Клаббинг как форма культурно-досугового поведения
современной молодёжи в условиях общества потребления**

Представленный в данной работе феномен клаббинга рассматривается как форма молодёжного культурно-досугового поведения в условиях общества потребления. В обществе потребления система направлена на предоставление изобилия товаров и услуг. Следовательно, происходит переконфигурация сфер жизни общества. Разрастается не только сфера позитивно-развлекательных форм досуга молодёжи, которым посвящено множество современных отечественных исследований. Также наблюдается рост форм досугово-потребительских практик, граничащих или вовсе навязывающих девиантные формы молодёжного поведения. Одной из таких практик является клаббинг.

Клаббинг в научной литературе относят к формам обыденно-потребительского досуга с определённой степенью зависимости от поведенческого паттерна. Иными словами, данная досуговая практика предполагает формирование аддиктивного поведения [3, с. 80]. Помимо этого, другие отечественные учёные, изучая клаббинг, находят закономерность заимствования таких досуговых практик из других культур. Так, Ф. Веселов отмечает, что активная ночная жизнь реже является предметом научных исследований и чаще является темой, которую специалисты размещают в каналах распространения паттернов потребительского досуга. Туристические брошюры, гайды, страницы в социальных сетях – всё это приобретает статус авторитетного источника получения информации [1, с. 58]. Ключевым средством эффективности действия этих источников является опора на моду. Мода формирует неустойчивые в длительном времени, но циклические паттерны поведения, навязывая целевой аудитории, что следование этим паттернам является средством получения определённой значимой ценности.

Так работает логика общества потребления, которое навязывает определённые паттерны поведения через механизмы воздействия с помощью

моды и культуры. Защищая намерения определённых слоёв населения, имеющих власть над механизмом потребления, специалисты распространения паттернов потребительского поведения создают структуру властного воздействия на общество. Если разбирать конкретно ту ценность, которую общество навязывает молодёжи через досуговые практики девиантного типа, одной из которых является кلابбинг, то здесь необходимо затронуть понятие свободы. Р. Ю. Денисов отмечает, что в современности кلابбинг является стилем жизни, который базируется на свободе, преобразуемой в процессе непосредственной реализации поведенческих практик [2, с. 185]. Мода навязывает не способы достижения свободы, а механизмы закрепления социального неравенства, даже не латентного характера, поскольку в обществе потребления, поддерживаемого современными медиатехнологиями, это воздействие выставлено на всеобщее обозрение или экранировано.

Таким образом, кلابбинг как форма досугово-потребительской практики навязывает девиантное поведение, укрепляя разрыв между различными слоями общества и развивая социальное неравенство. Молодёжь как уязвимая для воздействия внешних источников социальная группа становится целевой аудиторией, на которой тестируется, развивается и распространяется структурный механизм воздействия на поведение и переписывание идентичности.

Источники и литература

- 1) Веселов Ф. Ночная экономика, алкоголь и развлечения в большом городе: стратегии ревитализации, пространства конфликта и персонажи ночной жизни в исследованиях ночного города // *Laboratorium*. 2023. №2. С. 57 -92.
- 2) Денисов Р. Ю. Отличие ценностных ориентаций студентов-клубберов и их взаимосвязь с социальной адаптацией // *Инновационные научные исследования: теория, методология, тенденции развития: Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции*, Уфа, 28 марта 2023 года. Том Часть 2. Уфа: ООО Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 183-191.
- 3) Залевская Е. А. Социально-философская концептуализация понятия «аддиктивное поведение» // *Вестник ТИУиЭ*. 2022. №2 (36). С. 78-80.

Коломытцев Евгений Константинович

УрФУ, Екатеринбург, Российская Федерация

**Методика оценки деятельности региональных отделений
политических партий как инструмент социальной
архитектуры**

Эффективное функционирование политических партий на региональном уровне является одним из ключевых элементов политической системы Российской Федерации и требует наличия объективных и воспроизводимых инструментов оценки их деятельности. Проблема разработки комплексной методики такой оценки находится на пересечении политологии, социологии и теории государственного управления, что обуславливает её актуальность в контексте традиций российской социологии.

Опираясь на аналитическую рамку П.А. Сорокина, социальная стратификация понимается как дифференциация совокупности людей на иерархически расположенные слои, основанная на неравномерном распределении прав, привилегий, ответственности и влияния. В контексте партийных организаций эти принципы применимы как к внутренней иерархии, так и к внешнему влиянию региональных отделений на различные уровни публичной власти. Теория социальной мобильности Сорокина позволяет рассматривать партийные структуры как каналы политической мобильности региональных элит.

Традиционные подходы к анализу деятельности региональных отделений ограничиваются описанием электоральных результатов и численности членской базы. Современные исследования показывают необходимость многомерного подхода, включающего оценку конкурентности партийной системы, эффективного числа партий, устойчивости поддержки и динамики фрагментации. Показатели эффективного числа партий (по Голосову) выступают интегральным индикатором уровня политической конкуренции и позиции партии в региональной партийной системе.

Практика оценки эффективности региональных отделений получает институциональное оформление в деятельности ведущих партий. В «Единой России» обсуждается введение систематической оценки, где ключевыми критериями признаются электоральный рейтинг, его динамика и результаты выборов, а также регулярный мониторинг не реже двух раз в год. При этом подчёркивается, что количество мероприятий не может выступать критерием эффективности — главным индикатором является мнение граждан, обратная связь и медийная активность.

Комплексная методика оценки должна опираться на системный подход и интегрировать несколько блоков: (1) институционально-организационный (структура, кадры, внутренняя культура); (2) электорально-политический (динамика результатов, позиция в партийной системе); (3) взаимодействие с властью и обществом (законодательные инициативы, работа с группами интересов); (4) кадровый потенциал (профессионализация актива, формирование элит); (5) коммуникационно-медийный (присутствие в СМИ и социальных сетях, вовлечённость аудитории).

Каждый блок предполагает использование специализированных индикаторов, сочетающих количественные и качественные методы: анализ официальной статистики, контент-анализ медийного присутствия, экспертные опросы и социологические исследования. Концептуальная рамка отталкивается от разработанных в теории государственного управления критериев целевой и функциональной эффективности.

В логике социальных технологий методика оценки может быть понята как управленческий инструмент целенаправленного конструирования социальных структур. Опираясь на сорокинскую трактовку социальной мобильности, оценка эффективности позволяет выявлять, насколько партия выступает каналом вертикальной мобильности и как изменяется её влияние в динамике. Тем самым методика связывает аналитические показатели с задачами управления политической мобилизацией, внутриорганизационной дисциплиной и рекрутированием элит.

Существующие исследования показывают, что комплексный анализ даёт возможность глубже понять механизмы политической конкуренции и партийные стратегии в регионах. Встраивание регулярной оценки в управленческий цикл позволяет своевременно выявлять проблемные зоны, перераспределять ресурсы и оказывать адресную поддержку. Результаты оценки могут служить основанием для принятия стратегических решений о развитии региональной организации, корректировки избирательных стратегий и выстраивания эффективных каналов обратной связи с гражданами.

Источники и литература

- 1) Расторгуев С.В. Основные критерии оценки эффективности исполнения функций государственной власти в контексте развития гражданского общества // Гуманитарный вестник Финансового университета. 2019. № 2.

- 2) Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. С. 304–423.
- 3) Шпагин С.А. Партийная динамика российских регионов по итогам парламентских выборов 2019–2020 годов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62.
- 4) Кынев А.В. Выборы региональных парламентов 2014–2020: результаты и их причины. М.: Либеральная миссия, 2021.
- 5) Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Анализ эффективности коммуникаций парламентских российских политических партий (на примере Единого дня голосования 2017 года) // Гражданин. Выборы. Власть. 2017.
- 6) «Единая Россия» оценит эффективность работы региональных отделений // Официальный сайт партии «Единая Россия». 06.12.2018.

Колосов Илья Игоревич

ФГБОУ ВО "ТулГУ", Тула, Россия

**Символический код Z-поэзии как форма поддержки
участников СВО**

В гуманитарных дисциплинах (социологии, культурологии и т. д.) символический код понимается как глубинная система знаков, символов и правил, по которым они взаимодействуют. Основными функциями такой системы являются формирование и структурирование мировоззрения членов той социальной группы, в которой определённые символы распространены. Через символическую сеть индивиды конструируют собственное мышление, формирующее ценностные ориентиры и помогающее отличить «своё» от «чужого». Особенно важными функции символического кода становятся во время всеобщего стресса. В РФ такая ситуация была вызвана началом Специальной Военной Операции 24 февраля 2022 года.

Настолько большие по масштабу события всегда вызывают желание высказаться у творческих людей. На литературном поприще ярчайшей реакцией на проведение СВО стала Z-поэзия. Основной темой, которую затрагивает данный тип лирики, является военный конфликт на востоке

и юго-востоке Украины. Произведения, повествующие о данном противостоянии, появлялись ещё в 2014 году, однако термин Z-поэзия возник после принятия решения о начале СВО, так как именно в это время латинская буква «Z» стала самым узнаваемым символом российской армии.

Анализ сборников, в которых представлены произведения Z-лириков, позволяет выявить ядро символического кода Z-поэзии. Во-первых, сакрализация исконно русского пространства. Донбасс и Новороссия мифологизируются, представая как нечто утерянное, что-то, что необходимо вернуть, а их защита осмысливается как духовный долг каждого, кто считает себя частью «русского мира».

Во-вторых, милитаризация исторической памяти. Z-поэты проводят прямые параллели между участниками СВО и воинами Великой Отечественной Войны, встраивая текущие события в героический нарратив национального мифа.

В-третьих, выстраивание жёстких бинарных оппозиций. Мир «своих» («плохих парней», «русских баб») противостоит миру «чужих» («светлоликих эльфов» «упырей»), что позволяет избежать моральной неопределённости.

В-четвёртых, использование религиозных образов, где война предстаёт испытанием веры, а гибель — жертвой во имя высших ценностей.

Данный символический код выполняет для участников СВО ряд важных поддерживающих функций. С его помощью политические действия воспринимаются через призму этических и онтологических категорий: долга, судьбы, архетипической борьбы Добра и Зла. Также символы играют терапевтическую и смыслообразующую роль, предлагая язык для осмысления травмы и рассматривая частное горе как общую жертву. К тому же символический код является консолидирующим инструментом, создающим ясное символическое пространство «своих», сплочённых общими исторической памятью, ценностями и языком. Это формирует чувство принадлежности к единой социальной сущности и оправдывает необходимость продолжать борьбу. Таким образом, поэзия становится не просто отражением событий, а активным социальным действием, формирующим идеологическую опору для «своих».

Кривошеев Владимир Вениаминович

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,
Россия*

Социальные технологии в реформировании школьного образования: хаос вместо реальных практик применения

В управлении любыми социальными процессами и объектами одним из определяющих моментов является точное соблюдение последовательной и рационально принятой процедуры, то есть применение социальных технологий. Это было важно всегда, но в настоящее время, когда общество, все что в нем происходит становятся сложными, многогранными, такой метод является жизненно необходимым. Тем более, что темп социального времени непрерывно нарастает, перемены встраиваются в уже идущие перемены.

Очевидно, что сказанное не может не затрагивать один из "вечных" социальных институтов каким является образование. Не претендуя на полный и всесторонний анализ положения дел в системе школьного образования, хотелось бы рассмотреть лишь некоторые аспекты состояния преподавания обществознания в современной школе. Начнём все же с ключевой, по нашему представлению проблемы, с Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ), содержания и методики использования этого инструмента фиксации полученных знаний. Прежде всего возникает вопрос: насколько технологично выглядит сама система этого экзамена, если сама учебная дисциплина "обществознание" выглядит конгломератом сведений, данных, показателей из философии, экономики, политологии, правоведения, социологии? Речь не только о сложности фрагментарного освоения всего этого обучающимися, но и проблемой преподавания всего этого набора для учителей, которые должны быть, судя по всему, настоящими энциклопедистами.

Министерство просвещения Российской Федерации постоянно заявляет о неких новациях. То издаются приказы о внедрении в учебный процесс просмотра кинофильмов, перечня обязательных для исполнения патриотических песен. Возникла идея возвращения к оцениванию поведения учащихся, о сокращении времени на подготовку домашних заданий. Чем только не озабочивается министерство! При этом все выглядит не только не технологично, не обоснованно, после получения и анализа информации о реальном положении дел в гимназиях и лицеях, а неким бессистемным шараханьем в разные стороны. Складывается впечатление, что управленцы не вникают в содержательную сторону учебного процесса, а озабочены внешней, формальной стороной происходящего.

Возвращаясь к проблеме преподавания обществознания, необходимо сослаться на точку зрения Т.Е. Лисковой, старшего научного сотрудника Института стратегии развития образования Российской академии

образования. Лискова к тому же является автором многочисленных модульных триактив-курсов, рабочих тетрадей и тетрадей-тренажёров по обществознанию. Словом, это специалист, который владеет всей информацией, затрагивающей существо проблем, связанных с преподаванием и оценкой знаний по обществознанию, регулярно отслеживает все происходящее в этой сфере. Каждый год публикуется «Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ».

И вот что показывает анализ этих рекомендаций. Из года в год наблюдая что, собственно, содержится в этих документах, можно прийти к неутешительному выводу. А именно. Да, в самом начале в рекомендациях традиционно отдаётся дань ситуации, всегда указывается, что, в общем и целом, с обществознанием все обстоит не так уж плохо, выпускники разбираются и в экономике, и в правоведении. Но всегда интересно читать, что же показывается дальше. А дальше картина явно далека от нормальной, как будто даже перечёркивающей выше сказанное. Вот что фиксировалось, например, в 2024 году. "Более половины выпускников 2024 г. испытали затруднения при выполнении задания 23, проверявшего знание и понимание ценностей, закреплённых Конституцией Российской Федерации (выполнили 44%). Они допускали ошибки при характеристике таких основ конституционного строя Российской Федерации, как федеративное государство, суверенное государство, социальное государство, государство, где гарантируется презумпция невиновности, а также продемонстрировали непонимание специфики политических прав гражданина, их отличия от прав (свобод) человека" [1, с.7]. А вот уже в чем ошибаются выпускники 2025 года. "Самая распространённая ошибка участников ЕГЭ 2025 г. при выполнении...заданий связана с неразличением назначения и функций законодательной власти и полномочий главы государства. Как и в 2016–2024 гг., наблюдается путаница в представлениях экзаменуемых о разделении предметов ведения, полномочий между уровнями публичной власти в Российской Федерации" [2, с.7]. "Многие участники ЕГЭ 2025 г. (как и участники ЕГЭ предыдущих лет с результатами ниже 60 т.б. не смогли указать выдающихся представителей отечественной науки / отечественного искусства и кратко охарактеризовать/описать/проиллюстрировать примерами их достижения... Типичной ошибкой также было причисление А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других классиков русской литературы к учёным, что свидетельствует о непонимании обучающимися различий между наукой и искусством как формами (областями) духовной культуры" [2, с.13].

Причём, повторяюсь, все это фиксируется из года в год. Понятно, что речь идёт не об отдельных фактах, тем более что, как говорится, на любой пример можно привести и другой, ему противоположный. Речь и не о желании в чем-то частном упрекнуть систему просвещения.

Столь обстоятельное цитирование потребовалось для одного: зримой иллюстрации не просто незначительны ошибок в преподавании того или иного предмета школьной программы, а для того, что показать изъян в самой сути жизни современной средней школы. И за этим кроется явное, сущностное непонимание работниками министерства того, что реально происходит сегодня с учениками, учителями, что за мельтешением приказов, инструкций отсутствует системный, социально технологичный подход к воздействию на все происходящее в одном из ключевых социальных институтов.

Источники и литература

- 1) Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2024 [Электронный ресурс]. URL.: [https://docs.yandex.ru/docs/фипи/Аналитические методические материалы 2024 / обществознание / analiticheskie-i-metodicheskie-materialy / 2024](https://docs.yandex.ru/docs/фипи/Аналитические_методические_материалы_2024_обществознание_analiticheskie-i-metodicheskie-materialy_2024)
- 2) Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2025 [Электронный ресурс]. URL.: <https://fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy#!/tab/173737686-9>

Кропачев Сергей Александрович
ПНИПУ, г Пермь, Пермский край, Россия

Корпоративная идеология как социальный механизм нематериальной мотивации и вовлечённости работников

В современных организациях мотивация всё реже сводится к зарплате и формальным стимулам. Всё большую роль играют смыслы, ценности и представления о «правильной работе». Через миссии, принципы и корпоративные истории компании стремятся вовлечь работников глубже, чем это возможно с помощью инструкций и контрактов. В идеале сотрудник начинает воспринимать цели организации как значимые для себя, а работу — как морально оправданную и социально важную.

Однако с социологической точки зрения здесь возникает принципиальный вопрос: где проходит граница между вовлечённостью и контролем. Корпоративная идеология может выступать источником внутренней мотивации, чувства принадлежности и осмысленности труда. Но она же способна работать как инструмент нормативного давления, когда от работника ожидается не просто выполнение задач, а соответствие определённому образу «правильного» сотрудника. Поэтому анализ корпоративной идеологии важен не как изучение риторики, а как исследование социального механизма, влияющего на трудовое поведение и идентичность работников.

В социологическом понимании корпоративная идеология — это не набор лозунгов, а система ценностей и норм, через которую организация и коллектив объясняют, каким должен быть труд и каким должен быть работник [1]. В отличие от корпоративной культуры, охватывающей весь спектр повседневных практик, идеология формирует ценностное ядро и задаёт рамку интерпретации происходящего. Она становится действенной только тогда, когда разделяется коллективом и встроена в реальные управленческие практики [3].

Исследователи подчёркивают, что идеология выполняет интегративную функцию, формируя общие ориентиры и поддерживая согласованность действий внутри организации [1]. При этом её эффективность зависит от согласованности с управленческими технологиями: если ценности декларируются, но не подтверждаются практикой, нематериальная мотивация теряет доверие [2]. В этом смысле идеология выступает не украшением управления, а его скрытым основанием.

В критической традиции корпоративная идеология рассматривается как форма нормативного контроля. Управление всё чаще действует не через прямые приказы, а через формирование идентичности работника, побуждая его самому регулировать своё поведение в соответствии с ценностями организации [4]. Такой контроль может выглядеть мягким и добровольным, но он затрагивает более глубокий уровень — самоощущение человека в труде.

Важное дополнение даёт теория психологического контракта. В ней идеология понимается как особая «валюта» обмена между работником и организацией, связанная с миссией и ценностями [5]. Организация обещает значимое дело и уважение, а работник отвечает повышенной вовлечённостью. Однако этот обмен работает только при наличии доверия и признания; иначе идеология превращается в источник напряжения.

Теоретический анализ показывает, что корпоративная идеология может быть мощным механизмом нематериальной мотивации, но только

при определённых условиях. Она становится эффективной тогда, когда ценности понятны, разделяются коллективом и подтверждаются повседневными практиками. В этом случае идеология действительно поддерживает вовлечённость, формирует чувство принадлежности и задаёт моральные ориентиры труда.

В то же время идеология всегда амбивалентна. Там, где она подменяет собой реальные отношения уважения и справедливости, она перестаёт мотивировать и начинает дисциплинировать. Вовлечённость превращается в моральное обязательство, а контроль — во внутреннюю самодисциплину. Поэтому социологический анализ корпоративной идеологии важен не для оценки «хороших» или «плохих» ценностей, а для понимания того, как через них воспроизводятся власть, согласие и напряжение в современном труде.

Источники и литература

- 1) Имаева, Н. Р. Идеология: от политических доктрин к управлению корпорацией / Н. Р. Имаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2010. — № 2(14). — С. 28–33.
- 2) Маслов, Е. В. Управление персоналом: технология и идеология / Е. В. Маслов // Организационная психология. — 2015. — Т. 5, № 1. — С. 73–90.
- 3) Николаева, А. А. Трансформация организационной идеологии в аспекте развития образовательной организации / А. А. Николаева, И. А. Савченко, М. А. Мартьянова // Образовательные ресурсы и технологии. — 2018. — № 2(23). — С. 87–94. — DOI: 10.21777/2500-2112-2018-2-87-94.
- 4) Alvesson, M. Identity Regulation as Organizational Control: Producing the Appropriate Individual / M. Alvesson, H. Willmott // Journal of Management Studies. — 2002. — Vol. 39, no. 5. — P. 619–644. — DOI: 10.1111/1467-6486.00305.
- 5) Bal, P. M. Ideological currency in psychological contracts: the role of team relationships in a reciprocity perspective / P. M. Bal, R. Vink // The International Journal of Human Resource Management. — 2011. — Vol. 22, no. 13. — P. 2794–2817. — DOI: 10.1080/09585192.2011.560869.

Крылов Эдуард Андреевич

НИУ ВШЭ г. Москва, Москва, Россия

Социальная архитектура меры: от социальной инженерии к принципу Maßhaltung

Усложнение управленческих подсистем порождает структурный парадокс, можно определить таким образом, что оно одновременно повышает устойчивость социальной системы, но и снижает её локальную управляемость. В условиях ограниченной сложности и непрозрачности системы теряют способность адекватно взаимодействовать с окружающей средой, что подрывает возможности регулирования и прогнозирования, вокруг чего ведутся академические споры, в основном в западноевропейской традиции (Kreienkamp J., Pegram T. 2020). Парадокс вызывает интерес к альтернативным архитектурам управления.

Классические и цифровые модели социальной архитектуры объединяет общая проблема: они слишком верят в возможность спроектировать социальный порядок, при этом явно пренебрегая нормативными основаниями легитимности. Я убеждён, что принципом социального архитектора должна стать категория «удержания меры» (Maßhaltung). Она не возникает из ниоткуда, а коренится в немецкой традиции критики инструментального разума (Horkheimer M. 1937; Horkheimer M., Adorno T. 1947). Перекликается с этикой ответственности, где важен трезвый учёт асимметрии между действием и его последствиями (Jonas H. 1979). И отзывается в современных диагнозах общества риска и тотального ускорения (Beck U. 1986; Rosa H. 2005).

По своей сути, это нормативная рамка для коллективных решений. Её цель двояка: предотвращать необратимое и институционализировать долгий горизонт ответственности. В отличие от инструментальных моделей управления, «удержание меры» работает превентивно. Оно задаёт пределы вбирая в себя и принцип ответственности (Jonas H. 1979), и подходы к управлению рисками, и идеи устойчивости (Renn O. 2008; Holling C. 1973).

Вместе с тем категория «удержания меры» обладает структурными ограничениями. Во-первых, она не является инструментом оперативного разрешения кризисов и слабо применима в режимах антикризисного управления, где доминирует логика немедленного вмешательства (Perrow C. 1984). Во-вторых, её универалистская претензия сопряжена с риском нормативного унифицирования и напряжением с ценностным плюрализмом современности (Berlin I. 1958; Gray J. 2000). В-третьих, ориентация на удержание в рамках биофизических границ. Она пере-

носит дискуссию в область экономической трансформации, неминуемо сталкиваясь с доминирующей логикой роста. Это противоречие и выплескивается в вечные споры о совместимости роста и устойчивости (Daly H. 1977; Jackson T. 2009).

Однако даже здесь «удержание меры» не должно стать лишь рекомендацией. Ее можно интерпретировать как процедурный принцип, который находит точки соприкосновения с делиберативной демократией и конкретными научными дебатами о планетарных пределах (Habermas J. 1992; Rockström J. et al. 2009). Так она становится особым типом рациональности, предлагая фундаментальный сдвиг в сторону ответственности и легитимности. В условиях сложности и неопределённости «удержание меры» начинает работать как методологический ограничитель, налагающий рамки на социальную архитектуру.

Источники и литература

- 1) Beck U. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. 1986.
- 2) Berlin I. Two Concepts of Liberty. 1958.
- 3) Daly HE. Steady-State Economics. 1977.
- 4) Gray J. Two Faces of Liberalism. 2000.
- 5) Haberl H, Wiedenhofer D, Virág D, et al. A systematic review of the evidence on decoupling of GDP, resource use and GHG emissions. *Environmental Research Letters*. 2020;15(6):065007. doi:10.1088/1748-9326/ab842a.
- 6) Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. 1992.
- 7) Holling CS. Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973;4:1–23. doi:10.1146/annurev.es.04.110173.000245.
- 8) Horkheimer M. Traditional and Critical Theory. 1937.
- 9) Horkheimer M, Adorno TW. Dialektik der Aufklärung. 1944/1947.
- 10) Jackson T. Prosperity without Growth. 2009/2017.
- 11) Jonas H. Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation. 1979.
- 12) Kreienkamp J, Pegram T. Governing Complexity: Design Principles for the Governance of Complex Global Catastrophic Risks. *International Studies Review*. 2020 Oct 2:vial074. doi:10.1093/isr/vial074.

- 13) Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. 1984.
- 14) Renn O. Risk Governance: Coping with Uncertainty in a Complex World. 2008.
- 15) Rosa H. Beschleunigung: Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. 2005.
- 16) Rockström J, et al. A safe operating space for humanity. Nature. 2009;461:472–475. doi:10.1038/461472a.
- 17) Steffen W, et al. Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet. Science. 2015;347(6223):1259855. doi:10.1126/science.1259855.

Курагин Владимир Сергеевич
УИУ РАНХиГС, Москва, Россия

**Развитие компетенций для технологического суверенитета в
промышленности: производственно-технические факторы
влияния**

Решение задач технологического суверенитета напрямую связано с обеспеченностью кадрами. В подготовке и развитии кадровой компоненты задействованы многие общественные процессы и реализация социальных технологий может повысить их эффективность. Активная модернизации и автоматизации производственных процессов в последнее десятилетие изменила требования к профессиональным компетенциям рабочих. Первоочередной задачей, стоящей перед автором исследования стало выявление производственно-технических факторов, которые влияют на обозначенные процессы.

Результаты исследований свидетельствуют, что качественный скачок в уровне технологичности напрямую коррелирует с повышением требований к квалификации рабочих [1].

Современными исследователями выделяется ряд составляющих производственно-технических факторов влияния на процесс формирования развития профессиональных компетенций. Далее рассмотрим их подробнее.

1) Новое оборудование.

За последние этапы промышленной модернизации произошло обслуживание оборудования, его замена более производительным. На практике

наблюдается, что даже в условиях устаревшего оборудования высокая квалификация работников остается востребованной, поскольку зачастую им приходится компенсировать недостаток технологий собственными силами и накопленным опытом.

2) Цифровизация.

Широкое использование цифровых технологий привело к созданию и распространению промышленной робототехники. Обслуживание данных систем требует от работников не только технических навыков, но и умения анализировать ситуации, принимать обоснованные решения и эффективно взаимодействовать с коллегами и руководством.

3) Автоматизация.

Современная идеология промышленного производства стремится к минимизации влияния человеческого фактора. Переоборудование производственных линий подчеркивает необходимость наличия глубоких специальных знаний и понимания принципов работы высокотехнологичных устройств. Главной задачей становится постоянный мониторинг и адаптация сотрудников к новым условиям. Функция контроля перестает быть отдельным (ранее самостоятельным) звеном и проникает в каждый этап производственного цикла. Советующие компетенции требуются всем сотрудникам, задействованным в технологической цепочке.

Исследования последних лет также выявили, что работники компаний, активно внедряющих передовые технологии, отличаются повышенной мотивацией к профессиональному росту и повышению личной эффективности. Это означает, что такой подход не только способствует формированию квалифицированного штата, но и позволяет ускорять процесс внедрения новшеств.

Производственно-технические факторы играют опорную роль в развитии профессиональных компетенций в современном промышленном секторе. Компетентностный подход в сочетании с социологическими методами дает возможность глубже понять механизмы формирования профессиональных компетенций. Таким образом, в современных условиях кадровый потенциал становится ведущим условием для достижения технологического суверенитета в промышленности. Инвестиции в развитие труда и технологий должны стать приоритетом для общей стратегии промышленной политики.

Источники и литература

- 1) Кублин И. М., Еремеев М. А., Плеханов С. В. Качественное изменение труда в условиях цифровизации производства // Вестник

Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – №. 1 (75). – С. 65–69.

Леньков Роман Викторович

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
инклюзивного высшего образования «Российский государственный
университет социальных технологий», Москва, РФ*

Социопрогностический подход как особое направление социального познания и социальной практики

Подход актуализирован в процессе изучения векторной динамики развития общества, выявления факторов общественных изменений и конструирования новой социальной реальности. Он интегрирует социально-гуманитарное знание с научно обоснованной разработкой решений текущих и перспективных проблем средствами социокультурной диагностики и проектных технологий. Научная значимость подхода состоит в объединении смыслов и методов реализации технологий социального прогнозирования и моделирования. В его основе – социоантропоцентристская концепция социологии Н.И. Лапина; алгоритмическая концепция стадий и этапов управления Ж.Т. Тощенко; концепция прогнозного социального проектирования Т.М. Дридзе; концепция социокультурной модели управления А.В. Тихонова; концепция общественной инженерии С.В. Попова. Методологические принципы – системности, согласованности, вариантности, непрерывности, верифицируемости, обусловлены спецификой объекта прогнозирования, включённого в практику взаимодействия с другими элементами общества.

Системообразующие феноменологические составляющие и сопровождающие социальное управление эффекты: феномены – социального времени, коллективной памяти о будущем, социальной перспективы, интуиции; эффекты – футурофобии и «Эдипа». Безусловное предсказание будущего состояния социальных объектов некорректно, поскольку они могут видоизменяться средствами управления, в частности, планирования. Иными словами, вероятно «самореализация» или «самопарализация» предсказаний с учётом содержания и формы предсказанного. Это обуславливает методологическую ориентацию социопрогностического подхода на научную обоснованность и социальный мониторинг последствий принятия прогнозных решений.

Проекты, реализованные учёными ФНИСЦ РАН в 2019-2023 гг. с применением элементов социопрогностического подхода: Социологический

мониторинг процесса реформирования работы органов власти и управления в регионах РФ; Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года; Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений.

Названные проекты позволили получить новое социологическое знание о механизмах управления процессами социального группообразования в условиях изменения национальных целей и постановки прорывных стратегических задач, модифицировать классическую социологическую теорию общественного договора в условиях современных вызовов и угроз.

Полученный опыт был полезен при анализе проблем высшего образования в социокультурной модернизации РФ и её регионов, «сборки» будущей российской интеллигенции как её потенциала.[1]

Источники и литература

- 1) Леньков, Р.В. Высшее образование как ресурс управления социокультурной модернизацией регионов / Р.В. Леньков. М.: ИНФРА-М, 2020. 161 с. (Научная мысль). ISBN 978-5-16-016155-6. DOI 10.12737/1084388.

Леонов Сергей Сергеевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)», Москва, Российская Федерация

Восприятие контента от искусственного интеллекта: как возраст влияет на доверие к ИИ-агентам

Сегодня в социальных сетях всё чаще встречается контент, созданный искусственным интеллектом (ИИ): новости, комментарии, посты. Важно понять, как обычные люди воспринимают такую информацию и насколько они готовы ей доверять.

Цель исследования — сравнить, как разные возрастные группы реагируют на один и тот же текст, если знают, что его написал ИИ, а не человек.

Метод исследования: Лабораторный эксперимент с фокус-группами.

Участникам (всего 80 человек) показывали идентичные тексты на социально значимые темы.

Первой группе говорили, что автором является человек, второй группе — что текст создан ИИ.

Затем измеряли уровень доверия к информации, согласие с аргументами и готовность поделиться контентом.

Участники были разделены на две возрастные категории: 18–24 года и 25–45 лет.

Главные результаты:

Возраст — ключевой фактор. Респонденты старше 25 лет демонстрировали снижение доверия к контенту от ИИ в среднем на 45% по сравнению с идентичным контентом от человека. Их готовность к репосту снижалась на 60%.

Молодёжь доверяет технологиям. У участников 18–24 лет разница в доверии к контенту от человека и от ИИ была незначительной (всего 5–10%). Для них технологичность источника не являлась решающим аргументом.

Выводы:

Воздействие ИИ-агентов на общественное мнение сильно зависит от возраста аудитории. На молодёжь такое влияние может быть более прямым и эффективным.

Данные подтверждают гипотезу о формировании «слепого доверия» к цифровым агентам у части молодой аудитории, что создаёт потенциал для скрытого манипулятивного воздействия [1; 2].

В младшей возрастной группе (18–24 года) разница в доверии была незначительной (5–10%), что свидетельствует о более высоком принятии технологических посредников [3].

Перед социологией стоит новая задача — разработка «цифровой медиаграмотности», которая поможет людям критически оценивать источник информации в эпоху искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, восприятие информации, доверие к ИИ, цифровая грамотность, возрастные различия, эксперимент.

Источники и литература

- 1) Туронок С.Г. Цифровые технологии в политике: влияние искусственного интеллекта на общественное мнение // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 4. — С. 118–134.

- 2) Waddell T.F. What does the crowd think? How online comments affect perceived trust in science and scientists // *Public Understanding of Science*. – 2018. – Vol. 27, № 5. – P. 562–581.
- 3) Følstad A., Skjuve M. Chatbots and the New World of HCI // *Interactions*. – 2019. – Vol. 26, № 4. – P. 38–42.

Ли Минсюань¹, Юй Анна Николаевна², Лю Яньюн¹

*1 - Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия; 2 - Российский государственный
педагогический университет, Санкт-Петербург, Россия*

**Сравнительный анализ модели "институты — технологии —
индивид — культура" в сфере занятости IT-молодежи в
различных городах Китая и России**

В контексте глобальной цифровой экономики занятость IT-молодежи является не только экономическим показателем, но и ключевым окном для понимания воспроизводства и трансформации социальной структуры. Несмотря на то, что и Китай, и Россия определяют IT-индустрию как стратегическое ядро, профессиональные траектории их молодежи демонстрируют системные различия. Динамичный рынок Китая часто сопровождается высокой мобильностью и предпринимательскими инициативами, в то время как в России наблюдается традиционная ориентация на стабильность инженерно-технических позиций.

Современные интерпретации зачастую демонстрируют «двойное упрощение»: они не только рассматривают политические, технологические и иные факторы изолированно, но и воспринимают «государство» как однородное целое. Подобный подход затрудняет анализ социальных механизмов формирования профессиональных различий, игнорируя внутреннюю дифференциацию между такими городами, как Пекин и Чэнду, Москва и Казань, что отдаляет анализ от реальной картины. Для преодоления этих ограничений предлагается «модель взаимодействия “институты-технологии-индивид-культура”», рассматривающая четыре измерения как динамичную социальную систему взаимного конституирования. При этом в качестве ключевого поля анализа фокусируется «город» — пространство, аккумулирующее конкретные социальные отношения и властные структуры, что позволяет системно раскрыть глубинные механизмы формирования различий в занятости IT-молодежи в ключевых городах Китая и России. Сравнительное исследование центральных городов двух стран представляет собой не только

углубленный анализ различий в IT-занятости молодежи, но и проверку эвристического потенциала данной интегративной модели в объяснении сложных социальных явлений. Одновременно это эмпирическая калибровка и демонстрация теоретической модели, нацеленная на создание более пронизательного аналитического.

Закрепление анализа на уровне городов обладает методологической необходимостью. Макронарративы, использующие «государство» в качестве единицы анализа, часто неявно предполагают его внутреннюю однородность, что скрывает высокую пространственную неравномерность в распределении ресурсов развития, промышленной структуры и социальных возможностей. В действительности любая национальная стратегия или глобальный технологический тренд должен «материализоваться» через локальные институциональные механизмы, промышленную экосистему и повседневные практики, трансформируясь в воспринимаемые молодежью возможности и ограничения. Город, особенно город — центр концентрации ключевых отраслей, и является тем критическим сосудом, в котором происходит эта «трансформация». Это пространство, где институциональные нормы конкретно применяются и даже трансформируются; почва, на которой глобальные технологические пути формируют локальную экосистему; непосредственная сцена, где молодежь осуществляет образовательные инвестиции, профессиональную конкуренцию и социальную жизнь; а также жизненный мир, в котором восприятие смысла труда, успеха и риска переживается, оспаривается и воспроизводится. Таким образом, фокус на конкретных городах, таких как Пекин, Москва, Чэнду или Казань, означает смещение аналитической перспективы от абстрактного «усредненного показателя» к конкретным механизмам социального генезиса, позволяя наблюдать, как теоретические измерения собираются и функционируют в реальном пространстве. Помещая четыре различных города в рамки «модели взаимодействия „институты-технологии-индивид-культура“», мы можем выявить различные механизмы функционирования этих систем.

Как показано на рисунке.

На основе проведенного сравнительного анализа можно заключить: макроразличия в занятости IT-молодёжи Китая и России по своей сути обусловлены действием разнородных механизмов социального генезиса, воплощаемых в разных городах. Пекин и Москва, хотя и относятся к типу «стратегически управляемых» систем, демонстрируют принципиально разную логику взаимодействия институтов и технологий, индивида и культуры, а также отличающиеся конечные цели, что формирует профессиональные среды с противоположными показателями интенсив-

ности конкуренции и коэффициента стабильности. Чэнду и Казань, в свою очередь, раскрывают, как в условиях глобализации и национальных стратегий города второго уровня через уникальные локализованные стратегии и адаптивную корректировку формируют гибридную экосистему, сочетающую возможности, напряжённость и ограничения. В конечном счёте, данное исследование подтверждает теоретическую ценность «города» как ключевой аналитической единицы: оно помещает динамическую модель «институты-технологии-индивид-культура» в реальное, осязаемое социальное пространство, позволяя выйти за рамки обобщённых сравнений на уровне стран и перейти к анализу сложных, но структурированных социологических механизмов, посредством которых конкретно формируются различия в занятости. Такой подход показывает, что для понимания профессиональных траекторий молодёжи в цифровую эпоху необходимо рассматривать их в контексте конкретного города — поля взаимного формирования многомерных социальных сил.

Источники и литература

- 1) Novikov, D. A. Comparative Study of Approaches to Legal Regulating of Digital Platform Employment in Russia and China / D. A. Novikov // Legal Issues in the Digital Age. – 2025. – No. 4. – P. 52-73. – DOI 10.17323/2713-2749.2025.4.52.73. – EDN EBLDPI.
- 2) Chang K., Zheng X. (2019) Employment Relationship or Equal Partners? An Analysis on the Nature of Employment Relationship in the Internet Economy. Journal of Renmin University of China, vol. 33, no. 2, pp. 78-88 (in Chinese). Available at: URL: <http://xuebao.ruc.edu.cn/CN/Y2019/V33/I2/78> (accessed: 26.01.2026).
- 3) Chen B., Liu T., Guo L., Xie Z. (2020) The Disembedded Digital Economy: Social Protection for New Economy Employment in China. Social Policy & Administration, vol. 54, no. 7, pp. 1246-1260. EDN: OWCQAR.
- 4) Куражев, С. Д. Стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов в кризисном обществе (итоги пилотажного исследования) / С. Д. Куражев, А. Г. Маранчак, П. П. Дерюгин // Информация–Коммуникация–Общество. – 2023. – Т. 1. – С. 178-182.
- 5) Proceedings of XXIV Annual RESER Conference 2014 "Services and New Societal Challenges: Innovation for Sustainable Growth and Welfare", Helsinki, 11–13 сентября 2014 года. – Helsinki: RESER, 2014. – 1415 p. – ISBN 978-951-38-7436-0. – EDN TVFUZJ.

Линюшина София Денисовна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социально-управленческие механизмы влияния формальных социальных сетей поддержки на стрессоустойчивость персонала

В условиях нарастающей социально-экономической неопределенности и ускорения темпов цифровизации управленческая наука сталкивается с необходимостью поиска новых инструментов сохранения трудового потенциала. Одной из центральных проблем становится профессиональный стресс, негативно влияющий на производительность и психофизическое состояние работников. В данном контексте актуализируется использование социальных технологий, направленных на проектирование формальных сетей поддержки в организациях.

Под формальными социальными сетями поддержки понимается совокупность институционализированных каналов и структур, созданных руководством организации для оказания психологической, информационной и инструментальной помощи персоналу. К таким сетям относятся службы медиации, психологического консультирования, системы наставничества, корпоративные порталы взаимопомощи и программы поддержки здоровья. В отличие от неформальных связей, данные сети обладают заданными параметрами управления, что позволяет рассматривать их как элемент социальной архитектуры предприятия.

Социально-управленческие механизмы влияния данных сетей на стрессоустойчивость персонала включают три основных вектора. Первый вектор — когнитивно-информационный. Формализованные каналы коммуникации снижают уровень неопределенности, предоставляя четкие алгоритмы действий в кризисных ситуациях. Второй вектор — эмоционально-регулятивный. Создание атмосферы психологической безопасности через доступные службы поддержки позволяет сотрудникам эффективно перерабатывать негативные эмоции, предотвращая эмоциональное выгорание. Третий вектор — ресурсно-инструментальный. Наличие четкой структуры поддержки гарантирует сотруднику доступ к необходимым ресурсам в сложный период, что повышает его уверенность в собственных силах и лояльность к организации.

Переход от социальной инженерии к социальной архитектуре в управлении стрессоустойчивостью предполагает создание целостной экосистемы поддержки, встроенной в бизнес-процессы. Управленческое воздействие при этом заключается не в реагировании на частные случаи стрес-

са, а в конструировании такой среды, которая превентивно минимизирует риски деструктивного влияния внешней среды на личность работника.

Таким образом, формальные социальные сети поддержки выступают важным механизмом укрепления стрессоустойчивости. Применение социально-технологического подхода к их формированию позволяет трансформировать организационную среду, превращая ее в устойчивый фундамент для профессионального развития сотрудников.

Источники и литература

- 1) Гавриленко О.В. Социальные технологии управления в современной России // социология и общество. 2021. № 2. С. 45–52.
- 2) Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96.
- 3) Чуланова О.Л. Современные технологии кадрового менеджмента: актуализация в российской практике, возможности, риски : монография. – сургут : сургутский государственный университет, 2016.

Матюнцева Татьяна Алексеевна

ФГБОУ "РОСБИОТЕХ", Москва, Россия

Социально-технологические подходы к управлению социальными инновациями в системе реабилитации участников СВО: от социальной инженерии к созданию инклюзивной среды

В настоящее время социальные изменения, которые вызваны СВО, создали актуальность для комплексной реабилитации ее участников. Здесь необходимо отметить, что это касается не только медицинской реабилитации, но и социальной, психологической, трудовой, а также дальнейшей реинтеграции в общество. В данных условиях огромную роль играют социальные инновации и социально-технологические подходы к их управлению, которые направлены на создание инклюзивной среды.

Социально-технологический подход берет за основу идеи социальной инженерии, управления социальными процессами и инновациями, а также проектирует социальные системы. Социальные технологии можно рассматривать как приемы, методы, инструменты, направленные на достижение поставленных целей и воздействия на социальные группы

и институты. В рамках реабилитации участников СВО данные технологии дают возможность перейти от разнообразных моделей и программ помощи и поддержки к комплексной.

Социальная инженерия в этом контексте будет выражаться не как контролирующая практика, а как научно-обоснованное проектирование социальных условий, которые оказывают влияние на реабилитацию и самосовершенствование личности человека.

Социальные инновации в системе реабилитации участников СВО выражаются в:

1. Разработка и интеграция методов и концепций различных реабилитационных практик и программ;
2. Включение в практику цифровых платформ;
3. Наставничество и взаимное (сетевое) обучение;
4. Разработка совершенно новых форм занятости и социального предпринимательства.

Управление вышеуказанными инновациями требует значительной координации государства, НКО, а также и самих участников СВО.

Инклюзивная среда считает возможным приспособление социальных институтов, например, образования, культуры, рынка труда и т.д., к различным потребностям участников СВО, сюда можно отнести:

1. Безбарьерная среда;
2. Адаптивность образовательного процесса;
3. Формальная, официально признанная психологическая поддержка;
4. Социальная роль, значимость, ценности индивида их признание и символическое включение.

Социально-технологический подход может контролировать данный процесс с помощью получения данных об эффективности, а также его проектного управления.

Таким образом, управление социальными инновациями в системе реабилитации участников СВО нуждается в смещении от фрагментарности к системному социально-технологическому проектированию. Инклюзивная среда превращается в долгосрочный результат деятельности социальной политики, что, в свою очередь, дает возможность для успешной интеграции и социальной справедливости.

Источники и литература

- 1) Семянникова Д.А. — Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военнослужащим участникам специальной военной операции // Юридические исследования. — 2023. — № 12.

Мукожсева Диана Алексеевна

*ФГБОУ ВО "Кубанский государственный университет", Краснодар,
Россия*

**Социальная темпоральность как технология управления:
конструирование "правильного будущего" в современной
России**

Социальная темпоральность, понимаемая как система коллективных представлений о времени, его направленности и ценности [1, 2], выступает предметом целенаправленного конструирования в контексте управления общественными процессами. В условиях современной России формирование специфического темпорального режима становится ключевой технологией легитимации политического курса, обеспечения социальной консолидации и структурирования горизонтов коллективного ожидания [3, 4].

Целью исследования является анализ комплекса социальных технологий, продуцирующих нормативный образ будущего. Основной тезис заключается в том, что данный процесс представляет собой системное управление темпоральностью для нейтрализации альтернативных проектов будущего и мобилизации населения вокруг доминирующего нарратива.

Выделяются следующие технологические компоненты:

- 1) Нарративно-историческая технология. Конструирование непрерывного исторического нарратива, в котором будущее репрезентируется как возвращение и приумножение прошлого величия. Данный подход нивелирует запрос на социально-политическую трансформацию, предлагая консервативно-циклическую модель темпоральности.
- 2) Дискурсивная технология суверенитета. Создание бинарной оппозиции «суверенного будущего» страны и «деградирующего настоящего» иных цивилизационных проектов. Этот дискурс легитимизирует изоляционистскую повестку и переводит общество в режим чрезвычайного исторического времени, ориентированного на перманентное преодоление внешних угроз.

- 3) Технократическая технология целеполагания. Формализация образа будущего через систему национальных проектов и стратегических целей. Эта технология трансформирует ценностно-смысловой нарратив в набор управленческих показателей, транслируя образ будущего как результат планомерной государственной инженерии, а не стихийных общественных процессов.
- 4) Ритуально-символическая технология. Использование церемониальных практик (парады, мемориальные даты, выставки) для синхронизации коллективного переживания времени. Эти практики служат реификации доминирующего темпорального нарратива, эмоционально закрепляя его в массовом сознании

Реализация данной модели сопряжена с имманентными противоречиями. Ключевым из них является конфликт между официальной, консервативно-циклической темпоральностью и альтернативными горизонтами ожидания, сформированными в логике глобализованного, индивидуализированного и линейного времени. Существует риск темпорального разрыва – утраты легитимности нарратива вследствие расхождения между прогнозируемыми образами будущего и повседневным социально-экономическим опытом, что может привести к социальной атомизации [3]. Кроме того, формальные институты целеполагания подвержены риску бюрократизации.

Таким образом, управление социальной темпоральностью представляет собой комплексную технологию, направленную на стабилизацию политического порядка. Ее долгосрочная эффективность детерминирована не только силой проецируемого нарратива, но и способностью формировать легитимацию через запуск позитивных изменений в актуальную социальную реальность.

Источники и литература

- 1) Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Пер. с фр. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 576 с.
- 2) Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: методологический и функциональный анализ // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 112–119.
- 3) Коселлек Р. Будущее прошлого: К семантике исторического времени / Пер. с нем. – М.: Издательство «Европа», 2022. – 358 с.
- 4) Роза Х. Ускорение: изменение структуры времени в модерне / Пер. с нем. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 528 с.

Мурзаков Леонид Константинович

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования "Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина", Екатеринбург,
Российская Федерация*

**Роль социального технолога при определении причин
возможного общественного конфликта и практика его
предупреждения**

В рамках проектного обучения в УрФУ в 2023–2024 годах нами проведено исследование доступности и эффективности государственных программ реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью. Выявлено доминирующее негативное отношение респондентов к сложившейся практике реабилитации в бюджетных учреждениях РФ.

Учитывая рост численности инвалидов СВО, накопление недовольства качеством реабилитационных услуг в этой молодой и активной группе существуют предпосылки для роста социальной напряженности. Текущие меры поддержки (материальные выплаты, медицинская реабилитация и реабилитация инвалидов длительностью 14–35 суток в течении года) не решают проблему долгосрочной интеграции в социум и снижения негативного фона. Существует риск трансформации локального недовольства в масштабный общественный конфликт.

Для предупреждения подобных рисков предлагается максимизировать роль социального технолога и вынести проблематику на уровень высшей школы. Это позволит привлечь молодых исследователей к созданию эффективных практик.

В целях реализации второго этапа исследования нами зарегистрирована некоммерческая организация. Планируется запуск пилотного проекта по проведению индивидуальной физической реабилитации группы инвалидов СВО с тяжелыми травмами опорно-двигательного аппарата и ампутациями. Проект направлен на улучшение здоровья, социализацию и мониторинг настроений участников. Процесс будет сопровождаться видеофиксацией практик для их последующего масштабирования.

Грамотное взаимодействие с НКО, государственными фондами и бизнес-сообществом позволит снизить напряжение и предупредить конфликт в наиболее уязвимых социальных группах. Роль социолога в данном процессе заключается в конвертации научных теорий и практик в реальные инструменты решения актуальных проблем общества

Нечаева Ирина Васильевна

Росбиотех, Москва, Россия

Серьезная игра: геймификация как инструмент институционального дизайна в креативных индустриях

Актуальность исследования обусловлена системным барьером для развития креативных индустрий стран Большой Евразии – феноменом «вторичного инноватора». Данная институциональная ловушка воспроизводится на стыке образования и управления, закрепляя «докреативный габитус», ориентированный на репродукцию уже имеющихся практик и избегание риска. Преодоление этой ловушки требует конкретных социальных технологий, способных трансформировать повседневные практики.

Цель исследования — концептуализировать геймификацию в качестве социальной технологии управления, ориентированной на институциональный дизайн, выходя за рамки её традиционного понимания как педагогического или HR-инструмента. Мы выдвигаем гипотезу, что геймифицированные форматы, как сквозная технология, не только синхронизируют логику действий в образовании и бизнесе, но и способствуют преодолению докреативного габитуса.

Методологическую основу составляет качественный анализ кейсов. Эмпирическая база включает: 1) кейс внедрения геймифицированного продуктоориентированного модуля в вузе (хакатон как «квест» по созданию MVP для реального заказчика); 2) кейс использования аналогичных механик (система бейджей, краудсорсинг идей) для управления инновационными процессами в диджитал-студии. Теоретической рамкой выступили теория практик П. Бурдье и неинституциональный подход.

Геймификация концептуализирована как социальная технология управления, ядро которой – инженерия мотивации, правил взаимодействия и обратной связи. Выявлен механизм «сквозной трансляции»: идентичные геймифицированные форматы (например, система поэтапных «ачивок» за прототипирование и валидацию гипотезы) формируют схожие поведенческие паттерны и ценностные ориентации в учебной и профессиональной среде. Это снижает и уменьшает институциональное напряжение и ускоряет интеграцию креативного человеческого капитала. На примере кейсов показано, как игровые механики легитимизируют ошибку, смещают фокус с формального отчета на создание ценности и создают психологически безопасную среду для экспериментов.

Геймификация доказала эффективность как «серьезная игра» – технология, которая через внешне игровые формы решает задачу институ-

ционального дизайна, изменяя глубинные правила взаимодействия. Для креативных индустрий она становится инструментом конструирования среды, генерирующей первичные инновации. Практическая значимость заключается в возможности целенаправленного проектирования «сквозных» образовательно-корпоративных траекторий. Дальнейшее исследование предполагает синтез данной технологии с проектированием самих продуктоориентированных практик, составляющих содержательное ядро новой институциональной логики.

Источники и литература

- 1) Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- 2) Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34–56
- 3) Юдина Т.Н., Нечаева И.В. Феномен «вторичного инноватора» как барьер для развития Большой Евразии: диагностика и управленческие решения // Logos et Praxis. 2025. Т. 24. № 4.
- 4) Robinson K., Aronica L. Creative Schools: Revolutionizing Education from the Ground Up. Penguin UK, 2015.
- 5) The Innovation Imperative: Building Human Capital for the Digital Economy. World Bank, Washington, DC, 2023.

Паразян Ярослав Александрович

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Представление о счастье поколения Z: коллективный проект или индивидуальная задача?

На протяжении XX века общественный дискурс счастья трансформировался: от коллективных проектов будущего – таких как советское «светлое будущее» или «американская мечта» – к множеству индивидуализированных сценариев. Вместо единой модели успешной жизни возникает широкий набор конкурирующих представлений о том, что означает «быть счастливым». В русле работ Евы Иллуз эта трансформация связана с ростом социальной нестабильности и индивидуализации: счастье

утрачивает статус коллективного проекта и превращается в личную задачу, ориентированную на управление эмоциями и выстраивание близких межличностных отношений. Внешние достижения и общественное признание уходят на задний план, а значение близких социальных связей возрастает.

Эмпирической базой для написания статьи послужило исследование «Разговор о счастье», проведённое на базе факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского методом онлайн-опроса. Оно охватывает четыре поколения россиян, но в данной работе анализируется именно представление о счастье поколения Z: общий объем выборки по нему составил 824 человека (47% мужчин, 53% женщин); опрошены жители Нижнего Новгорода в возрасте от 14 до 24 лет. Большинство приводимых ниже данных собраны из вопросов с множественными ответами, потому совокупный процент превышает 100.

Результаты демонстрируют, что ключевыми условиями счастья для зумеров выступают: здоровье и физическая энергия (59%), благополучие и безопасность близких (48%), поддержка и понимание со стороны близких (42%), отсутствие личной тревоги (39%). Макросоциальные ориентации, такие как служение обществу (7%), стремление оставить след в истории (8%) – занимают периферийное положение. Такая структура согласуется с логикой «общества риска» У. Бека, в рамках которого внимание смещается с проектов по «расширению возможностей» к предотвращению угроз и управлению неопределённостями.

Аналогичный сдвиг проявляется в ответах на вопрос о том, что придаёт смысл усилиям. Наиболее значимо наличие надёжного романтического партнёра (46%), ощущение того, что забота опрошенного делает его близких людей счастливее (39%) и внутренняя самооценка (35%), как способность справляться с жизненными трудностями, а также оценка себя как самостоятельной личности. Желание внести свой вклад в улучшение мира не так популярно (20%), как и формы «внешнего» альтруизма, выходящего за пределы близкого круга общения.

Полученные данные позволяют предположить, что субъективное счастье поколения Z в большей степени формируется через включенность в устойчивые горизонтальные связи, а не через участие в масштабных социальных проектах. В этом контексте социальная архитектура, ориентированная на поддержку различных форм самоорганизации, может снижать уровень тревожности и усиливать субъективное ощущение счастья без необходимости создания универсальных моделей его достижения.

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00395.

Источники и литература

- 1) Иллуз Е. Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / Е. Иллуз, Э. Кабанас ; пер. с англ. А. В. Рахманько. – Москва : АСТ, 2023. – 352 с. – (Слово современной философии). – ISBN 978-5-17-153457-8.
- 2) Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. - Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.

Петухова Елена Александровна

*Поволжский государственный технологический университет,
Йошкар-Ола, Россия*

Социально-профессиональные ориентации студентов и молодых госслужащих: дисбаланс ожиданий и реальности (на примере Республики Марий Эл)

Государственная служба сегодня является не просто профессиональной деятельностью, она рассматривается в контексте реального служения на благо общества и государства. При этом все острее становится проблема привлечения молодежи на госслужбу, как на федеральном уровне, так и на региональном.

Анализируя показатели, характеризующие кадровую ситуацию в органах гос.власти Республики Марий Эл, можно полагать, что изменения кадрового состава связаны с малой привлекательностью госслужбы. Согласно данным Администрации Главы республики, среди поступающих на госслужбу доля молодёжи составляет не более 15%, наблюдается отток молодёжи после 2-3 лет службы (около 3% в год). Чаще всего накопленный на госслужбе практический опыт и навыки позволяют сотрудникам попробовать себя в других более привлекательных для них профессиональных областях. Обновление кадрового состава осуществляется зачастую за счёт специалистов «среднего» возраста, имеющих малый опыт службы или не имеющих его вообще. Иными словами, сегодня на госслужбе существует опасность серьезного снижения качества ее кадрового потенциала [2].

При этом ежегодно образовательные организации выпускают дипломированных специалистов в сферы госуправления, однако доля служащих с профильным образованием «Государственное и муниципальное управление» (далее - «ГМУ») невысока (не более 11 %) [2].

С целью изучения мотивационной структуры профессиональных ориентаций автором был проведен опрос среди студентов направления подготовки «ГМУ» Поволжского государственного технологического университета (N=105) и экспертный опрос гражданских служащих республики в возрасте до 35 лет (N=79). Опрос студентов касался их мотивов при выборе направления подготовки для получения высшего образования, опрос молодых госслужащих - причин выбора профессии.

В ходе анализа эмпирических данных установлено, что абсолютное большинство респондентов среди студентов (83%) демонстрируют высокую осведомленность о роли госслужбы («служение», «благо общества», «интересы государства»), личные амбиции и стремления применительно к госслужбе («карьерный рост», «профессиональное развитие», «статус»). При этом «вчерашние» выпускники - госслужащие указывают, что основными причинами поступления на госслужбу стала ориентация на «стабильность» (43%) и «система соцгарантий и хорошие условия работы (график работы, близость к дому)» (52%). Лишь 33% руководствовались «желанием служить на благо общества», отмечая «престижность профессии» (23%).

Полученные данные позволяют сделать вывод о наличии определенного дисбаланса: студенты, настроенные на работу в системе органов власти, в какой-то момент меняют планы построения карьеры на госслужбе, т.е. происходит смена их социально-профессиональных ориентаций [1].

Полагая, выстраивая технологии по привлечению и удержанию молодежи на госслужбе, необходимо опираться на их социально-профессиональные ориентации, учитывать особенности теории поколений, а также придать ценность госслужбе, в целом.

Источники и литература

- 1) Газијева И.А. Социально-профессиональные ориентации студенческой молодежи как основа формирования кадрового потенциала органов публичной власти // Государственная служба. - 2025. - Том 27. - № 4. - С. 79-87.
- 2) Петухова Е.А. Анализ кадрового потенциала государственной гражданской службы: региональный аспект // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Экономика и управление. - 2023. - № 4 (59). - С. 63-70.

- 3) Маркеев А.И. Технологии привлечения молодых специалистов на государственную гражданскую службу // Кадровик. 2023. №7. URL: <https://panor.ru/articles/tekhnologii-privlecheniya-molodykh-spetsialistov-na-gosudarstvennuyu-grazhdanskuyu-sluzhbu/94818.html#>.
- 4) Методические рекомендации по поиску, привлечению, адаптации и сохранению молодежи на государственной гражданской службе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/>
- 5) Сиволап Л.А., Шикова Л.В. Управление персоналом с учетом теории поколений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. - 2023. - № 2. - С. 154-162.

Полтавская Мария Борисовна

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

**Социальные технологии "цифрового долголетия":
конструирование нового образа старшего поколения**

Современные социальные технологии, основанные на цифровых платформах, становятся ключевыми механизмами формирования нового образа старшего поколения. Они не только расширяют доступ пожилых людей к коммуникации и информации, но и поддерживают реализацию принципов позитивного старения, продвигаемых Всемирной организацией здравоохранения: активное участие, социальная вовлеченность, безопасность и самореализация. В этом контексте цифровое сообщество «Активный пенсионер. Волгоград» в мессенджерах Телеграм и WhatsApp* рассматривается как пример социальной технологии цифрового долголетия — осознанно созданной среды, направленной на переосмысление социальной роли пожилого человека в обществе. Такое сообщество выступает не просто медиатехнологией, а архитектурой цифрового взаимодействия, где старшее поколение осваивает новые форматы коммуникативного присутствия. В отличие от социальных сетей, мессенджеры обеспечивают адресное, доверительное и взаимное общение, что снижает барьеры включенности и страх перед цифровыми инструментами. Сообщество «Активный пенсионер» становится своеобразным «третьим местом» — виртуальным пространством, где коммуникация заменяет убывающие формы соседства и воспроизводит новые социальные связи [1].

Исследование чата показало, что цифровые технологии становятся базисом самоорганизации и развития индивидуального потенциала пожилых участников. На примере групп «Объявления» и «Общение» видно сознательное структурирование коммуникации, снижающее когнитивную нагрузку и способствующее цифровой адаптации. Эта технология управляет информационным потоком и формирует зоны доверия, важные для старшего поколения. Внутри сообщества реализуются ключевые формы цифрового долголетия: творческая самореализация (публикация песен, стихов, фотографий), эмоциональная поддержка и социальная активность — обсуждение городских проблем, волонтерство, коллективные инициативы. Так формируется образ «активного пенсионера» — современного, компетентного и вовлеченного в жизнь города. Теоретическую основу анализа составляет концепт социальных технологий как форм социетального проектирования. В логике Н. Лумана, сообщество действует как самоорганизующаяся система, где коммуникация — базовый элемент [2]. Социальные роли возникают через сетевое взаимодействие. «Активное ядро» участников, создающее до двух третей контента, выполняет функции организаторов, модераторов и примирителей, поддерживающих баланс общения. Важен симбиоз объединяющего (bonding) и связующего (bridging) социального капитала: первый обеспечивает эмоциональную поддержку, второй — доступ к новым знаниям и сетям [3].

Цифровая платформа становится инструментом формирования «нового социального капитала», продолжая традиции солидарности в цифровом формате. Ценностно-нормативная система чата отражает «социальную архитектуру доверия»: поддерживаются уважение, взаимопомощь, критичность и поощрение творчества. Саморегуляция участников демонстрирует высокий уровень культурного капитала. Таким образом, сообщество «Активный пенсионер. Волгоград» представляет собой социальную технологию цифрового долголетия, совмещающую инженерные и архитектурные элементы. Эта среда конструирует позитивный образ старости — периода активности, творчества и общественной вовлеченности, где технологии выступают инструментом социальной трансформации, а пожилые — субъектами цифрового общества.

WhatsApp* принадлежит компании MetaPlatforms. Деятельность данной организации запрещена на территории РФ.

Источники и литература

- 1) Полтавская М. Б., Кондрашина И. Б. Цифровые инструменты как фактор трансформации социальных практик пожилых людей (на примере создания и самоорганизации чата в мессенджере) // Logos

et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 56–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.6>

- 2) Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- 3) Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y.: Simon & Schuster, 2000.

Попкова Наталья Владимировна

*Брянский государственный технический университет, Брянск,
Российская Федерация*

Социальные технологии как философское понятие

Понятие «социальная технология» употребляется с 60-х гг. XX века, когда стало очевидным: в современном обществе технологичной является не только область материального производства, но и вся жизнь человека [6]. Технология понималась в широком, философском смысле слова: как «система принципов, методов и средств воздействия на объект», позволяющая субъекту реализовать свои цели: под социальной технологией стали подразумевать, по словам Н.Е.Осипова, «совокупность способов и средств (материальных и идеальных) деятельности, применяемых социальным субъектом для преобразования общества в соответствии со своими целями и волей» [4, с. 18], или, по словам И.Т.Касавина, «гарантированный алгоритм управления социальными субъектами и процессами» [3, с. 10], способ «профессиональной трудовой деятельности по формированию и управлению социальными процессами, группами и отдельными индивидами» [2, с. 11]. В.Г.Горохов отмечает, что нельзя отождествлять социальную технологию и психотехнику как форму «манипуляции человеческой мыслительной деятельностью с целью достижения определенных... целей.» [1, с. 113]. Технократическое понимание социальных технологий сменилось социокультурным: сегодня философия техники утверждает, что они, наряду с рациональными компонентами, включают и эмоциональные, поэтому, например, внедрение новой техники невозможно без применения социальных технологий.

Было показано, что социальные технологии необходимы для саморегуляции общества, что время от времени они устаревают и меняются, что существуют технологии, направленные на разрушение сложившихся общественных отношений. Фактически посредством социальных технологий одни люди управляют другими; но, поскольку сами управляющие

подвержены воздействию этих технологий, они в известной степени имеют объективный характер и могут рассматриваться как внешний фактор поведения людей. Итак, система социальных технологий образует способ человеческой жизни и формирует определенный тип личности: «совершая поступки преимущественно вполне сознательно», человек при этом воспроизводит усвоенные в процессе социализации социальные технологии [4, с. 21].

Социальные технологии расширяют область применения. В частности, сегодня традиционные методы разработки учебных курсов уступают место методам, объединяемым понятием педагогического дизайна [5]. Выбирая теоретический материал и форматы преподавания, проектируя мотивационную стратегию и разрабатывая тестовые задания, педагогический дизайнер делает учебную дисциплину удобной для восприятия конкретной аудиторией. Поскольку учебные планы задают желаемый результат обучения, эффективнее всего модель обратного дизайна (backward design): ожидаемые результаты позволят сформулировать порядок следования учебных тем и длительность отдельных блоков, содержание контрольных заданий и форму их подачи. Таким образом, выбор средств и методов учебной работы облегчается конструированием с помощью моделей педагогического дизайна, которые также можно отнести к социальным технологиям.

Источники и литература

- 1) Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 2. – С.110-123.
- 2) Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. – Вып. 19. – 2014. – С.9-26.
- 3) Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 4. – С.5-15.
- 4) Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // Философия и общество. – 2012. – № 2. – С. 107–119.
- 5) Попкова Н.В. Педагогический дизайн и преподавание философии в техническом университете // Педагогический дизайн в теории и практике профессионального образования: Монография / под ред. М.В.Хохловой, В.В.Спасенникова. – Брянск: ООО «Новый проект», 2024. – С. 108-129.

- 6) Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление
// Эпистемология и философия науки. – 2012. – № 1. – С.55-64.

Попова Наталья Викторовна

УрФУ, Екатеринбург, Россия

Социальное проектирование оценочной системы в СПО: от социальной инженерии к архитектуре профессионального воспитания

Трансформация системы оценки знаний в СПО из инструмента контроля в механизм профессионального становления представляет собой актуальную задачу социального проектирования. На основе эмпирического исследования в Березовском техникуме «Профи» (углубленное полуструктурированное интервью с 15 педагогами, составляющими ядро коллектива) выявлены дисфункции, требующие перехода к системе, основанной на социальном партнерстве как технологии управления. Анализ данных показал, что 73,3% педагогов признают формальную объективность системы, однако 46,7% указывают на частичную достаточность промежуточной аттестации для выявления реального уровня знаний. Наиболее острой проблемой 60% педагогов назвали недостаточную мотивацию студентов, а 46,7% отметили сложности в объективной оценке практических навыков, что подтверждает разрыв с требованиями профессиональной деятельности. Эти противоречия задают логику социально-инженерного решения. В качестве основы предлагается модель, интегрирующая следующие три технологии социального партнерства. Совместная разработка контрольно-оценочных материалов с работодателями. Необходимость подтверждается данными опроса (46,7% педагогов видят потребность в доработке инструментов) и позволяет повысить профессиональную релевантность заданий [3]. Дуальная оценка с привлечением внешних экспертов, которая непосредственно отвечает на проблему субъективности в оценке практики (46,7%) и коррелирует с логикой дуального обучения как формы социального партнерства [1]. Внедрение проектно-кейсовых методов. Актуальность подкрепляется тем, что 66,7% педагогов назвали практические задания наиболее объективной формой контроля, что трансформирует оценку в процесс профессионального воспитания. Реализация данных технологий требует институциональных изменений («От кафедр к институтам»), где ключевую роль играет социальный технолог – координатор, обеспечивающий

взаимодействие и выступающий агентом преобразования социальной реальности. Таким образом, эмпирически выявленные проблемы системы оценки могут быть решены через её перепроектирование в логике социальной архитектуры. Проектируемая система становится средой для социально-профессионального становления, где оценка интегрирована в процесс формирования профессиональной идентичности, что составляет основу разрабатываемой педагогической стратегии.

Источники и литература

- 1) Гумбрис О. В. Дуальное обучение как форма подготовки специалистов // Образование. Карьера. Общество. – 2020. – № 1(64). – С. 27-28.
- 2) Фирстова Н. В. Модульно-компетентностный подход в среднем профессиональном образовании Российской Федерации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 8. – С. 29-31.

Рысюкевич Наталья Сигизмундовна¹, Котляров Игорь Васильевич²

1 - Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь; 2 - Белорусское отделение Международного фонда духовного единства народов, Минск, Беларусь

Общественное здоровье вчера, сегодня и завтра (теоретические аспекты)

В условиях резкого обострения социально-экономической и политической ситуации, утраты четких мировоззренческих ориентиров, даже смысла жизни важно найти системообразующий концепт, благодаря которому можно анализировать динамику развития социумов, государств, даже цивилизаций и целенаправленно влиять на них. Нужна теоретическая модель, учитывающая разнообразие концептов социально-политического поведения и способная формировать новую социальную реальность в соответствии с индивидуальным и общественным императивами граждан. Процессы и события, ускоряющие экзистенциальные процессы, требуют глубоких смыслов, знаний и ценностей, критического анализа их форм и предпосылок, глубокой философской рефлексии и погружения в нее. Таким концептом может стать общественное здоровье как важная движущая сила современных

обществ, являющаяся наиболее чувствительным барометром, отражающим состояние территориальных общностей и социумов, трудовых коллективов и общественных организаций. Общественное здоровье охватывает все стороны человеческой жизнедеятельности, среди которых особое место занимают политическая власть и суверенитет, национальная безопасность и традиционные ценности, идеология и здоровье, вера и политическая стабильность, доверие и справедливость, свобода и равенство.

Предлагаем авторское определение общественного здоровья. В широком смысле этого понятия - это социальное пространство взаимодействия личностей и организаций, ролей и смыслов, отражающих политические и экономические, идеологические и демографические, социальные и медицинские, военные и финансовые нормы и принципы, исторически сложившиеся традиции и ценностные ориентиры, развитые горизонтальные и вертикальные связи, детерминирующие создание необходимых и достаточных условий для развития общества. Под общественным здоровьем в узком смысле слова можно понимать интегральную характеристику физического и психического, социального и духовного здоровья субъектов социальных отношений, их способности эффективно взаимодействовать друг с другом и выступать гарантом развития социальной реальности.

Смысловая определенность общественного здоровья выражается ценностно-содержательным стержнем, куда входят политика и власть, суверенитет и независимость, социально-демографическая ситуация и эффективность образования и здравоохранения, традиционные ценности и благосостояние населения, культура и интеллект, коллективная память и менталитет, семья и другие концепты, тысячелетиями составляющие духовно-нравственную основу человечества. Все эти компоненты общественного здоровья через социологические исследования измерять и с помощью специальных механизмов влиять на них для получения необходимого конечного результата завтра.

Сахаров Максим Романович

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Социальное мифотворчество как технология манипулирования массовым сознанием

Социальное мифотворчество понимается как целенаправленное создание и распространение упрощённых, эмоционально насыщенных нар-

ративов, призванных формировать коллективные представления и поведенческие ориентиры [1].

Функция мифов — не просто объяснять реальность, а конструировать её смысловую рамку: легитимировать решения, нормировать поведение, мобилизовать поддержку и демобилизовать оппозицию [2].

Механизмы производства включают институциональные ресурсы (государственные коммуникации, экспертные сети), медийные технологии (телевидение, пресса, цифровые платформы), образовательные практики и корпоративные кампании. Акторы — политические элиты, медиа-олигархи, PR-агентства, интеллектуальные элиты и влиятельные блогеры[3].

Структура содержания мифа опирается на простые символы, архетипы и эмоциональные коды: враг/спаситель, утраченная/восстановленная идентичность, обещание порядка или процветания. Эти элементы комбинируются в устойчивые сюжеты, легко воспроизводимые и адаптируемые под разные аудитории[4].

Технологии распространения включают повторение, визуализацию, персонализацию и фрейминг. Повторение повышает узнаваемость; визуализация усиливает эмоциональный отклик; персонализация делает миф релевантным для конкретных групп; фрейминг задаёт интерпретационные рамки для событий [5].

Социальные эффекты: мифы легитимируют институции и политические решения, формируют нормативные ожидания, способствуют консолидации или фрагментации общества, влияют на электоральное поведение и готовность к коллективным действиям. В условиях кризиса мифы выполняют компенсаторную функцию, снижая когнитивную неопределённость[6].

Исторический контекст показывает, что в постсоветской России мифотворчество сочетает советские архетипы, националистические мотивы и рыночные идеологемы. Переходный период и неолиберальные реформы породили новые нарративы, объясняющие экономические и социальные потрясения[7].

Цифровая трансформация изменила скорость и формы мифотворчества: социальные сети, мессенджеры и алгоритмы усиливают вирусность, фрагментарность и возможность микротаргетинга. Это усложняет контроль над дискурсом и повышает роль неформальных акторов[8].

Этические и методологические выводы: анализ мифотворчества требует междисциплинарного подхода — сочетания социологии, культурологии, медиазнания и политологии. Необходимы методы контент-анализа, дискурса-анализа и сетевого анализа для выявления акторов, каналов и

эффектов. Социальное мифотворчество — эффективная технология манипулирования массовым сознанием, обладающая высокой адаптивностью и устойчивостью. Понимание его механизмов важно для разработки стратегий информационной грамотности, укрепления публичной сферы и защиты демократических процедур.

Источники и литература

- 1) Андриенко Е.В., Ефременко А. А. Социальное мифотворчество и манипуляции общественным сознанием в контексте общественных трансформаций // ЭСГИ. 2019. №3 (23).
- 2) Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика. 2015. №3.
- 3) Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок. Российский контекст // Мониторинг. 2022. №2 (168).
- 4) Рязанова С. В. Роль теории архетипов в анализе мифа // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №3 (20).
- 5) Сарна А. Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиaprостранстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. №2.
- 6) Иванов А. Г. Механизм воздействия мифов на развитие общества // Logos et Praxis. 2016. №2 .
- 7) Романцова М. А. Особенности процесса политического мифотворчества в постсоветский период // Власть. 2023. №3.
- 8) Римский А. В., Сорокопуд М.С., Ахмаров А.В. От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право.* 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-efira-k-algoritmam-transformatsiya-vlasti-v-epohu-tsifrovyyh-media-i-sotsialnyh-setey>

Серкина Яна Игоревна¹, Бабинцев Валентин Павлович¹

1 - ФГАОУ ВО "Белгородский государственный национальный исследовательский университет", Белгород, Россия

Проектный подход к построению социальной архитектуры провинциальной городской агломерации в России

Несмотря на попытки федеральных властей хотя бы в какой-то мере ограничить пределы выстраивания агломераций вокруг провинциальных городов в России (поскольку неконтролируемый рост городского населения осуществляется главным образом за счет села, следовательно, ведет к дальнейшей деградации российской деревни), города в провинции постепенно превращаются в агломерации. Этот процесс имеет ряд позитивных следствий для них самих и для субъектов федерации, в которых они расположены. Вместе с тем возникает ряд довольно сложных проблем как экономического, так и социального характера. К последним относятся, в частности, сложности кросс-культурного взаимодействия, ксеноизация городской среды (включение в нее инородных элементов), взаимная адаптация, межгрупповые конфликты и др.

В силу специфики их возникновения основная часть этих проблем отражает неразрешенность противоречий, проявляющихся по двум направлениям: 1) коренное население и мигранты; 2) участники двух противоположных потоков миграции. Первый связан с переселением на территорию города и его окрестностей сельских жителей и приезжих из других регионов; второй – с расселением на пригородные территории горожан. Наряду с этими постоянными потоками возникают временные, представляющие собой переселение групп людей в кризисных ситуациях (жители территорий, входящих в зоны стихийных бедствий, участники СВО).

Нарастание гетерогенности населения городских агломераций предъявляет повышенные требования к институтам, осуществляющим регулирование общественных процессов. Однако практика показывает, что институциональные изменения, как правило, запаздывают, осуществляются на основе адхократического подхода и без учета долгосрочных перспектив. Фрагментарные институциональные модификации осуществляются без научного обоснования. Остаются практически невостребованными наработки в теории и практике социальной инженерии.

Между тем, современная сложно структурированная социальная реальность, замкнутая на цифровые технологии, открывает возможности для широкого использования социальных технологий. Одной из них является проектирование социальной архитектуры локальных систем. Данная технология включает в себя моделирование структуры представленных в пространстве городской агломерации социальных институтов, коммуникаций между ними, моделирование будущих институциональных изменений, а также систем, обеспечивающих функционирование социальных институтов в агломерации. Результатом проектирования должна стать конфигурация институциональной

структуры составляющего агломерацию сообщества, представленная в динамике и в статике, и формирующая комфортное пространство для воспроизводства и развития.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03536, <https://rscf.ru/project/25-28-03536/>

Стасяк Павел Валентинович

Учреждение "Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта", Минск, Республика Беларусь

**Реверс-менторство как проект социальной архитектуры:
проектирование кросс-поколенческой организационной
культуры**

Современные организации сталкиваются с глубинными межпоколенческими разрывами (цифровыми, ценностными, коммуникационными), которые традиционные иерархические модели управления неспособны преодолеть [1]. Это требует перехода от парадигмы социальной инженерии, адаптирующей человека к системе, к парадигме социальной архитектуры, проектирующей саму среду взаимодействий [2]. В этом контексте реверс-менторство (обмен знаниями, где менее опытный сотрудник обучает более опытного) раскрывается не как кадровая технология, а как инструмент целенаправленного проектирования новой организационной реальности.

В отличие от разовых HR-акций, реверс-менторство как социально-архитектурный проект нацелено на изменение культурного кода организации через создание устойчивых «несущих конструкций»: каналов взаимного доверия, горизонтальных связей и норм открытого обмена. Его суть – в взаимной выгоде и двунаправленном диалоге: старшие коллеги получают актуальные компетенции (цифровые, Agile), а младшие – доступ к неявным знаниям и организационной мудрости, что формирует гибридную экспертизу [3]. Теоретически это опирается на теории социального обмена и социального капитала, наращивая «связующие» связи между группами [4].

Ключевой результат проекта – трансформация организационной культуры в сторону большей открытости и инновационности. Эффективность измеряется не только ростом навыков, но и усилением доверия, увеличением кросс-поколенческих инициатив и показателями удержания талантов [5]. В российском контексте, для которого характерны сильная

иерархия и запрос на цифровую трансформацию, такая практика становится особым социальным лифтом и механизмом интеграции молодежи в процессы изменений, например, в госуправлении или образовании [6]. Таким образом, реверс-менторство позволяет перейти от управления людьми к проектированию связей, формируя устойчивую среду для совместного ответа на вызовы будущего.

Источники и литература

- 1) Reverse Mentoring: Transforming Learning at Individual, Team, and Organizational Levels // International Journal of HRD Practice, Policy and Research. – 2025. – Vol. 10, № 1. – P. 88–102.
- 2) Social architecture of the Far East: models of the future and practices of the present [Электронный ресурс] // EastRussia. – 2025. – URL: <https://www.eastrussia.ru/material/sotsialnaya-arkhitektura-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 25.01.2026).
- 3) Дардур М. From reverse mentoring to collaborative communities' emergence: A career capital perspective // 2nd International Symposium of the Research Group on Collaborative Spaces. London, 2018. – 22 p.
- 4) Virtual Intergenerational Reverse-Mentoring Program Reduces Ageism and Increases Empowerment [Электронный ресурс] // PMC. – 2022. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9506438/> (дата обращения: 25.01.2026).
- 5) How Reverse Mentoring Can Build a More Resilient Business [Электронный ресурс] // Lab Manager. – 2024. – URL: <https://www.labmanager.com/how-reverse-mentoring-can-build-a-more-resilient-business-31134> (дата обращения: 25.01.2026).
- 6) Дорохова Т.С., Кругликова Г.А. Реверсивное наставничество как средство профессиональной социализации педагогов в период модернизации образования [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reversivnoe-nastavnichestvo-kak-sredstvo-professionalnoy-sotsializatsii-pedagogov-v-period-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 25.01.2026).

Сычков Алексей Владимирович

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Экзитполы в рамках современной демократии: вызовы и перспективы

Современные демократические политические системы сталкиваются с кризисом легитимности: избиратели более не склонны безоговорочно доверять традиционным механизмам представительной демократии и выбирают прочие формы конвенционального политического участия. Тем не менее, выборы все еще незаменимы, и в этом отношении представляют практически безграничный потенциал для проведения междисциплинарных исследований, в том числе при помощи экзитпола.

Во-первых, экзитпол – это инструмент социологического сопровождения избирательных кампаний (сбор эмпирических данных, их обработка и анализ); во-вторых – это институционализированный механизм обеспечения соответствия выборов демократическим стандартам. При этом необходимо определить строгие и обоснованные критерии демократического процесса, так как «практически везде демократия является позитивным символом, и существует тенденция дополнять это понятие различными политическими целями, которые, по мнению их сторонников, являются желательными» [1, р. 43].

В то же время экзитполы крайне чувствительны к режимным изменениям, поэтому их использование в авторитарных и гибридных политических системах неизменно сопряжено как с институциональными ограничениями, так и с поведенческими искажениями. Организаторы экзитполов, намеренно или нет, могут порождать эффект подражания большинству, когда результаты опроса, при их широком распространении, формируют у части граждан представление о неизбежности победы определенного кандидата (партии), оказывая тем самым влияние на их политическое поведение [2, р. 78].

В качестве еще одного примера несовершенства экзитполов можно привести феномен американских «синих сдвигов», когда первоначальное преимущество Республиканской партии в день голосования оказывается иллюзией ввиду того, что последующий подсчет почтовых бюллетеней (которые, как правило, приходят с опозданием), может обеспечить итоговое преимущество Демократической партии, особенно в колеблющихся штатах.

С целью повышения эффективности проведения экзитполов, автор предлагает использовать смешанную модель, включающую как традиционные опросы на выходе из избирательных участков, так и онлайн-опросы. На данный момент социологическое сообщество крайне неоднозначно относится к использованию последнего инструмента, однако

постепенное внедрение информационно-коммуникационных технологий и повышение цифровых компетенций избирателей, по мнению автора, будет способствовать сокращению смещения выборки и повышению репрезентативности рассмотренной модели.

Таким образом необходимо и дальше совершенствовать методологию проведения экзитполов как необходимого элемента демократической политической системы. Вместе с тем важно соблюдать баланс между политическими свободами и защитой избирательного процесса от всевозможных манипуляций и злоупотреблений.

Источники и литература

- 1) Democratization. Second Edition / C. Haerpfer [et al.]. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 488 p.
- 2) Exit Polls, Turnout, and Bandwagon Voting: Evidence From a Natural Experiment / R. Morton [et al.] // European Economic Review. – 2015. – Vol. 77. – P. 65-81

*Тахаутдинова Диана Рустамовна¹, Диченко Кристина
Сергеевна²*

*1 - МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 2 - Университет
ИТМО, Санкт-Петербург, Россия*

Когнитивные ловушки сознания: как спроектировать выход из цифрового лабиринта экологической безответственности

Актуальность экологических проблем и их масштаб не вызывают сомнений в научном и общественном дискурсе, однако их признание редко переходит в конкретные действия. Призывы к экологической ответственности все чаще наталкиваются на своеобразный когнитивный иммунитет, уходящий корнями в устройство человеческой психики.

Основы для понимания этого феномена были заложены более 15 лет назад американским психологом Р. Гиффордом. В фокусе нашего доклада лежит анализ четырех ключевых когнитивных ловушек, представляющих цифровую проекцию его барьеров.

Ловушка 1. Экологическое онемение – психологическое состояние, при котором люди не осознают угроз, таких как изменение климата, из-за отсутствия моментальных негативных последствий [1]. Механизмы бесконечного скроллинга редуцируют значимость экологических изменений и нормализуют их, помещая климатический кризис в один ряд с развлекательным контентом.

Ловушка 2. Оптимистическая предвзятость – вера в личную неуязвимость и автономное разрешение проблем. Это искажение подкрепляет медиа-нарратив, эхо-камеры и пузыри фильтров, демонстрирующие контент, соответствующий ожиданиям пользователей. Подтверждая эмпирически, 76% людей считают себя умнее среднего, 69% – порядочнее [2].

Ловушка 3. Дисконтирование суждений – систематическая недооценка отдаленных рисков и выгод по сравнению с сиюминутными. Это усугубляется цифровым интерфейсом, который скрывает экологические издержки, делая их абстрактными, в то время как выгода, например, от заказа на маркетплейсе, конкретна и мгновенна.

Ловушка 4. Токенизм – практика выполнения наиболее простых действий по борьбе с изменениями климата, которые создают иллюзию участия, но не оказывают реального влияния на проблему [1].

Путь к выходу из лабиринта когнитивных искажений должен лежать через локальное вовлечение и персонализацию – создание цифровых двойников местности – динамичных моделей конкретной территории, на которых будет отслеживаться динамика изменений окружающей среды.

Одной из основных функций может стать режим симуляции последствий, позволяющий отслеживать изменения знакомых мест в результате тех или иных антропогенных воздействий. Освещение конкретных примеров увеличит шансы того, что люди будут чувствовать себя причастными к улучшению окружающей среды. Это поможет стимулировать коллективные действия по борьбе с глобальными климатическими изменениями [3].

Источники и литература

- 1) Gifford R. The Dragons of Inaction: Psychological Barriers That Limit Climate Change Mitigation and Adaptation // American Psychological Association, Vol. 66, No. 4, 2011. P. 290-302.
- 2) Сколько людей считает себя умнее или красивее окружающих. [Электронный источник]. URL: https://t-j.ru/better-than-average-stat/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.01.2026).
- 3) Taylor C. Comfortably Numb to the Climate Crisis. [Electronic resource]. URL: <https://thestarfish.ca/journal/2022/02/comfortably-numb-to-the-climate-crisis> (accessed: 29.01.2026).

Тихонов Александр Андреевич

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.,
Москва, Россия*

Цифровая трансформация государственного управления как переход к социальной архитектуре гражданского участия в современной России.

На сегодняшний день Россия находится в рамках перехода от традиционного бюрократического государственного управления к инновационной модели цифровизированного управления, где у технологий есть шансы послужить основой для социальной архитектуры – целенаправленного проектирования структуры общества, ориентированного на активное гражданское участие. На бумаге процесс должен перестроить социальную структуру, усилив вовлеченность граждан в принятие решений и снижая барьеры для общественного диалога. Центральную роль в этой трансформации играет политический класс России – политическая элита, чиновники, партийные лидеры и региональные администраторы, которые выступают как инициаторы и модераторы изменений, адаптирующие свои компетенции к требованиям «цифрового общества».

Теоретически цифровая трансформация эволюционирует от «электронного правительства» к «открытому правительству» как платформе, где социальная архитектура проявляется через цифровые инструменты для гармоничного развития общества. Роль «архитектора» здесь исполняет политический класс: направляет внедрение ИИ, аналитики больших данных и онлайн-сервисов, обеспечивая стране технологический суверенитет и экспорт цифровых решений. Первые результаты уже имеются. Согласно данным 2025 года, распределение органов власти по уровням цифровой зрелости показывает прогресс – 18% на начальном уровне, а 48% на развивающемся и выше. Претворяется в жизнь национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», количество пользователей портала «Госуслуг» достигло 100 млн активных пользователей, появились региональные платформы вроде «Активный гражданин». Лидеры по цифровизации – Москва (95 баллов), Белгородская область (94) и Татарстан (92) – иллюстрируют рост рейтинга на 15% за год. Политический класс управляет этими данными через сценарии (консервативный, инновационный, регуляторный), балансируя риски: от цифровых разрывов до угроз приватности. Это требует от элит эволюции – от традиционных форм к «цифровым лидерам», способным мониторить общественное мнение в реальном времени и противостоять фейковым нарративам.

Цель доклада – выяснить, в какую сторону пойдет дальнейшее развитие социальных технологий управления и будут ли они всё больше перенимать такие черты социальной архитектуры, как внимание к этическим стандартам, инклюзивность, адаптивность, баланс между технологическим суверенитетом и принципами социальной справедливости. Также доклад ставит перед собой вопрос дальнейшего влияния цифровизации государственного управления на российский политический класс.

Источники и литература

- 1) Статистика интернета и соцсетей на 2025 год — цифры и тренды в мире и в России. <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2025-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/#1>.
- 2) Цифровая трансформация в государственном управлении [Электронный ресурс]: коллект. моногр. / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин и др.; под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
- 3) Обушева, К.А. Цифровая трансформация государственного управления. - «Молодой ученый», 2022.
- 4) Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. 2023. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики. Полис. Политические исследования. № 1. С. 96-113.
- 5) Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р “Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления” <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408634367/>
- 6) Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления // ЭПП. 2024. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-2> (дата обращения: 29.01.2026).
- 7) Цифровая трансформация государственного управления в России: тренды 2025-2030. // <https://digitalstateranepa.ru/articles/obshchie/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-trendy-2025-2030/>
- 8) абанов Ю.А., Чугунов А.В., Панфилов Г.О. Электронное гражданское участие в России: от «электронной демократии» к «нервам государства» // Политическая наука. 2025. - №3. - С. 182-205.

- 9) Кургаева, Ж. Ю. Цифровизация государственного управления и гражданского участия: индикаторы оценки уровня развития, вызовы и перспективы / Ж. Ю. Кургаева // Вестник Евразийской науки. — 2025. — Т. 17. — № 2.
- 10) Попова О. В. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ // PolitBook. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-klass-v-sovremennom-gosudarstve-otsenki-ekspertov> (дата обращения: 29.01.2026).
- 11) Понеделков А. В., Карабущенко П. Л. Политические элиты современной России в условиях становления «цифрового общества» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 3. С. 220–231.
- 12) Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации. Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019;12(6):6-28.
- 13) Шарахина Л.В. Социальная архитектура как политическая технология создания гражданского нарратива // Медиалингвистика. 2025.
- 14) Южаков Владимир Николаевич, Покида Андрей Николаевич, Зыбуновская Наталья Владимировна, Старостина Александра Николаевна ОЦЕНКА ГРАЖДАНАМИ ЭФФЕКТОВ И РИСКОВ ИХ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВОМ: ДИНАМИКА 2022–2025 ГГ. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. №4.
- 15) В Кремле назвали особенности российской социальной архитектуры. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/11/27/1158467-v-kremle-nazvali-osobennosti-rossiiskoi-sotsialnoi-arhitekturi>

Ткаченко Кирилл Владимирович

*анкт-Петербургский государственный университет, исследователь,
Санкт-Петербург, Россия*

К парадигме социальной архитектуры: синтез теории поля и перформативности для трансформации институтов

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-18-00261-П

Классические подходы к реформированию социальных институтов часто демонстрируют парадокс: изменения формальных правил и структур не приводят к ожидаемой трансформации практик. Вместо этого новые нормы могут ритуализироваться, старые дисфункции — воспроизводиться в обновлённых формах, а целевые показатели — достигаться за счёт смысловой подмены. Эта устойчивость институциональных рутин указывает на разрыв между уровнем спроектированных структур и уровнем их повседневного воплощения, что ставит под вопрос эффективность доминирующей парадигмы «социальной инженерии».

Данный тезис намечает теоретическую перспективу преодоления этого разрыва через переход к парадигме «социальной архитектуры». Её цель — проектирование не абстрактных правил, а самих процессов их устойчивого воспроизводства и преобразования в действиях агентов. Для этого требуется методологическая рамка, способная аналитически связать макро-уровень институциональных контекстов с микро-уровнем конкретных действий, объясняя не только принуждение, но и возможности для изменения.

В качестве основы предлагается интегративный подход, синтезирующий теорию социального поля Пьера Бурдьё [2, 3] и теорию перформативности Джудит Батлер [1]. Каждая из этих теорий по-своему описывает взаимосвязь структуры и действия, но обладает комплементарными ограничениями.

- Теория Бурдьё вводит ключевые понятия поля — структурированного социального пространства с неравным распределением специфических капиталов — и габитуса как системы инкорпорированных диспозиций, которые направляют практики агентов, адаптируя их к логике поля [2]. Этот подход объясняет устойчивость иерархий и неявную логику практик, но уделяет меньше внимания микромеханизмам сиюминутного воспроизводства нормы в отдельном акте.
- Теория Батлер фокусируется именно на этом микромеханизме, вводя концепт перформативного цитирования. Социальные нормы и категории, согласно Батлер, не имеют субстанционального существования, а постоянно материализуются через повторяющиеся речевые и телесные акты, вынужденно цитирующие устоявшиеся конвенции [1]. Власть, таким образом, действует через принуждение к

цитированию. Однако в этой модели относительно слабо проработаны вопросы устойчивости социальных структур и распределения материальных ресурсов, определяющих условия, в которых происходит цитирование.

Синтез этих подходов позволяет преодолеть указанные ограничения и построить модель, в которой институциональная реальность понимается как динамический эффект, возникающий на пересечении трёх элементов:

- 1) Структурированного контекста (поля) с его правилами, неравенством ресурсов (капиталов) и доминирующими логиками.
- 2) Инкорпорированных диспозиций агентов (габитуса), формирующих их предрасположенность действовать определённым образом.
- 3) Конкретных ситуативных актов перформативного цитирования или субверсивного искажения норм.

Такая рамка смещает фокус анализа и проектирования институциональных изменений. Вместо манипуляции формальными правилами («социальная инженерия») она предполагает архитектуру условий для иных режимов цитирования. Практическая перспектива, вытекающая из этого синтеза, заключается в разработке социальных технологий, работающих одновременно на трёх уровнях: диагностики инкорпорированных диспозиций и неформальных иерархий в поле; анализа и перепроектирования рутинных процедур как перформативных актов; создания сред, способствующих рефлексивному и содержательному, а не ритуализированному, воспроизводству институциональных норм. Таким образом, интеграция теорий Бурдье и Батлер открывает путь к более комплексному и эффективному подходу к преобразованию социальных институтов.

Источники и литература

- 1) Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / Пер. с англ. С.А. Фомичева. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
- 2) Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001.
- 3) Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.

Топорина Александра Анатольевна

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Инновационные социальные технологии в работе с пожилыми гражданами

Современная жизнь характеризуется использованием большого количества инновационных социальных технологий, таких как онлайн общение и консультирование, системы GPS. Данные технологии быстро осваивает молодое поколение, однако, это нельзя сказать о гражданах пожилого возраста. Для данной группы населения, необходимо использовать такие технологии, которые они легко смогут освоить и использовать в своей повседневной жизни.

Одна из распространённых социальных проблем пожилых граждан – это одиночество. Данную проблему можно решить при использовании технологий общения в интернете, которые создают возможности для нивелирования чувства отчужденности, чувства эксклюзии, а также компенсируют отсутствие семейного общения и взаимодействия в семье. Важно разрабатывать специальные программы, приложения и социальные сети, которые будут способствовать улучшению общения пожилых людей, создавать новые и перспективные технологии для их онлайн-общения и обеспечивать их информационную безопасность [3].

Остро стоит вопрос перед профессиональными сообществами в создании инновационной экосистемы для различных направлений сопровождения пожилых граждан, например, телемедицина; проектирование инфраструктуры, доступности транспорта и общественных мест с учетом потребностей пожилых людей; программы профилактического ухода и фитнес-технологий для содействия здоровому старению; программы взаимодействия поколений и обучения на протяжении всей жизни, содействия умственной стимуляции; построение партнерских отношений между, поставщиками социальных, медицинских и иных услуг, правительствами и некоммерческими организациями для удовлетворения потребностей стареющего населения.

Так, для адаптации пожилых граждан к данным технологиям, необходимо обеспечить персональную поддержку, специальные обучающие программы, видеофильмы, телепередачи, очные тренинги, которые также будут включать в себя информацию о защите от мошеннических действий [4].

Например, «Школа активного долголетия», доступная в онлайн формате, включает в себя информацию о финансовой, правовой и компьютерной грамотности, здоровом образе жизни и безопасной жизнедеятель-

ности. Курс «Информационное пространство», позволит пожилым гражданам получить информацию о правилах интернет покупок [1]. Данные курсы могут проводить различные социальные службы и специалисты в сфере инноваций.

Одним из распространенных видов инноваций является внедрение стационароразмещающих технологий в социальной и медицинской практике. Они способствуют улучшению качества жизни и сохранению достоинства пожилых [2]. Такой технологией является система медицинского оповещения, при помощи которой можно следить за жизненными показателями пожилого человека и за его местоположением для экстренной помощи [5].

Таким образом, использование инновационных социальных технологий для пожилых граждан, способствуют улучшению качества жизни, позволяют не отставать от современного мира, избавиться от одиночества и узнавать новую и актуальную информацию.

Источники и литература

- 1) Беляева З. К. Инновационные технологии в работе социального работника с пожилыми людьми // Экономика и социум. 2025. №3-2 (130). С. 439-443. (дата обращения: 28.11.2025).
- 2) Макина А. И. Стационароразмещающие технологии в социальной работе с пожилыми людьми: региональный аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №7-1 (82). С. 181-184. (дата обращения: 28.11.2025).
- 3) Галкин К. А. Роль визуальных онлайн-образов в повседневности пожилых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. №2. С. 135-148. (дата обращения: 28.11.2025).
- 4) Кирилюк О. М. Инновационная экосистема «серебряной» экономики // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. 2023. №1. С. 89-95. (дата обращения: 28.11.2025).
- 5) Новые инновации, облегчающие жизнь пожилым людям [Электронный ресурс] // МедД. – 2024. – 21 марта. – URL: https://www.me-d.ru/publ/medicinskoe_oborudovanie/poleznye_sovety/novye_innovacii_oblegchajushhie_zhizn_pozhilym_ljudjam/45-1-0-1258?srsId=AfmBOopt0_VODzAajGndN7OyId-fmP3Uo5jUx8eu938O7dfCu_INN7in (дата обращения: 13.12.2025).

Третьякова Ирина Владиславна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

К вопросу о духовно-нравственном возрождении российского общества

Перед нашей страной, народом стоят цели и задачи цивилизационного масштаба – воссоздание и укрепление экономического и технологического суверенитета, сохранения и приумножения человеческого капитала.

Следует прояснить в сознании и мироощущении народа его исконные, архетипические ценности, его сильные стороны с опорой на прежние славные победы предков и величайшие достижения национального гения. Для этого требуется обновить систему исторических знаний, повествующих о победах, беспримерном героизме и подвигах, самоотверженности многих поколений наших предков, включенных в строительство великой цивилизации. Это позволит перезагрузить народное самосознание и вернуть нашему народу законное право быть самими собой, хозяевами на своей земле – наследниками победителей, пассионариями, несущими народам земли последнюю правду о спасении. Следует осознать свои сверхзадачи, а через их осознание обрести новые силы.

Историческая память, передача социально-культурного опыта обеспечивают связь времен и преемственность поколений. Этот процесс можно организовать не только на семейном уровне, но и на уровне общественных организаций. На специально организованных ресурсах могут стать востребованными регулярные записи людей старшего поколения на темы здоровья, безопасности, воспитания, семейных взаимоотношений, взаимоотношений в коллективе. Старшее поколение найдет в этом исполнение своего предназначения, сможет масштабировать свой опыт. Для кого-то это будет возможностью подвести некоторые итоги, переосмыслить, простить. Конечно, молодежь может быть закрыта к восприятию такого рода сведений, но для поколения их родителей такая технология может стать востребованной, вступив в резонанс с их личным опытом и стоящими задачами.

Старшее поколение должно научить молодежь видеть возможности и успеть вовремя воспользоваться ими, не медлить с намерением перейти к деятельной жизни и торопиться с толком употребить счастливые годы молодости и ранней зрелости. Речь идет прежде всего о получении серьезного качественного образования, накоплении интеллектуального капитала, приобретении профессиональных навыков и компетенций. Следует помочь молодым людям определиться со своим жизненным при-

званием – делом, которым они смогут заниматься по велению сердца, в котором будут наиболее компетентны и трудолюбивы в силу своей одаренности.

К социальным технологиям передачи духовного опыта можно отнести приглашение специалистов высокого ранга не только для выступлений, но и для неформальных встреч, отдыха на природе, турпоходов, когда они будут максимально раскрыты, чтобы наблюдать их человеческие проявления, приобщиться к богатству их личности, раскрыть для себя загадку их успешности.

А в идеале надо активировать в человеке его трансцендентный духовный потенциал, выводящий на понимание религиозных смыслов, надеяющихся людей истинной свободой, уникальностью, стремлением к служению своему Отечеству и народу.

Ульбашева Марзият Аликовна

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Волонтерство как социальная технология в управлении общественными процессами в современной России

В условиях современных социально-экономических трансформаций в Российской Федерации управление общественными процессами становится всё более сложным. Государственные институты, несмотря на развитую систему социальной поддержки, не всегда способны оперативно реагировать на многообразие социальных запросов населения. В этой связи возрастает роль социальных технологий управления, основанных на вовлечении граждан и использовании потенциала гражданского общества.

Одним из ключевых инструментов таких технологий выступает волонтерство и деятельность общественных организаций. Они являются не только формой социальной активности, но и эффективным механизмом регулирования общественных процессов, направленным на повышение качества жизни и укрепление социальной стабильности. В современной России волонтерство рассматривается как управляемый социальный ресурс, способствующий снижению социальной напряжённости и формированию доверия между обществом и государством.

Волонтерство представляет собой форму реализации активной гражданской позиции и важный элемент социального управления. В узком смысле оно определяется как добровольная, осознанная и неоплачиваемая деятельность физических лиц, направленная на достижение обще-

ственно полезных целей и решение социальных проблем, что делает его значимым инструментом социального регулирования [1, 9].

Разнообразие социальных вызовов определяет широкий спектр направлений волонтерской деятельности. Особое значение имеет социальное волонтерство, ориентированное на поддержку уязвимых категорий населения: пожилых людей, инвалидов, детей-сирот, мигрантов и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Наряду с этим развиваются медицинское, юридическое и культурное волонтерство, а также деятельность в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций.

Практика показывает, что волонтерство и деятельность общественных организаций способствуют росту социальной сплоченности, формированию горизонтальных связей и снижению социальной изоляции [2, 155]. Общественные организации обладают гибкостью и близостью к потребностям населения, что позволяет им эффективно участвовать в реализации социальных программ, в том числе в кризисные периоды, как это было во время пандемии COVID-19.

Волонтерская деятельность также оказывает влияние на личностное развитие участников и социальную интеграцию различных групп населения. Вместе с тем данные институты сталкиваются с рядом проблем, включая нехватку финансовых ресурсов и недостаточную координацию действий [4, 2]. Их преодоление возможно через развитие партнерств, цифровых форм взаимодействия и повышение информированности населения.

Таким образом, волонтерство и деятельность общественных организаций выступают эффективной социальной технологией управления общественными процессами в современной России [3, 2].

Источники и литература

- 1) Волонтерская деятельность. Событийное волонтерство : учебник для среднего профессионального образования — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. 155 с.
- 2) Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / А.П. Метелев, Ю.С. Белановский, Н.И. Горлова и др.; отв. ред. И. В. Мерсиянова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». [U+200A] М.: НИУ ВШЭ, 2022. 456 с
- 3) Козырева Ф.Т. Актуальные проблемы волонтерской деятельности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 6. С. 97-99.

- 4) Грушина В. В. Перспективы развития современных волонтерских организаций в РФ // Альманах «Крым». 2024.

Федоров Егор Павлович¹, Червоткина Полина Игоревна¹

1 - Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

Проблемы социализации выпускников детских домов: поиск эффективных форм сопровождения

Социальная интеграция выпускников детских домов остается сложной задачей, требующей поиска эффективных форм поддержки. В 2025–2026 гг. проведено анкетирование 49 выпускников, осуществленное на базе НКО с помощью онлайн-анкеты. Проведенное исследование позволяет выделить два профиля выпускников по их готовности к взаимодействию. «Открытый» профиль характеризуется инициативностью в установлении внешних контактов и вовлеченностью в групповые активности, в то время как «сдержанный» профиль ориентирован на поддержание связей в узком, привычном кругу.

Сложившаяся практика индивидуального патроната решает важные задачи первичной адаптации, однако существуют и ограничения этой модели. В рамках теории социального капитала [1] такая связь преимущественно формирует связывающий и соединяющий капиталы, укрепляя вертикальные отношения с организацией. Для полноценной интеграции в общество необходим мостовой капитал, возникающий из горизонтальных доверительных отношений с разными социальными группами. Индивидуальный формат может актуализировать категорию «выпускник детдома» как основную для самовосприятия. Теории социальной идентичности [2] и концепция стигмы [3] показывают, как включение в сообщества, основанное на общих интересах, способствует перекаатегоризации. Это позволяет развить более сложную социальную идентичность [4], где опыт сиротства становится лишь одной из многих составляющих.

Исходя из результатов исследования, представляется обоснованным рассмотреть дополнение программ поддержки групповыми форматами: организация клубов по интересам, внедрение элементов проектной работы в существующие программы и активное использование данных об увлечениях для формирования сообществ на их основе. Такой подход не предполагает отказа от индивидуального патроната, но направлен на создание более разнообразной социальной среды, где выпускники полу-

чают возможность накапливать различные виды социального капитала и формировать идентичность, выходящую за рамки статуса сироты.

Выводы исследования могут быть использованы для оптимизации работы НКО, социальных служб и социальной политики. Комбинация индивидуальной и групповой работы помогает интегрировать уязвимые группы в общество и реализовать их человеческий потенциал через и включение в социально значимую деятельность.

Источники и литература

- 1) Putnam, R. D. Bowling alone: the collapse and revival of American community / R. D. Putnam. – New York : Simon & Schuster, 2000. – 541 p.
- 2) Tajfel, H. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J. C. Turner // The social psychology of intergroup relations / ed. by W. G. Austin, S. Worchel. – Monterey : Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.
- 3) Гофман, И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1: Стигма и социальная идентичность / пер. с англ. М. С. Добряковой. – Москва, 2021.
- 4) Roccas, S. Social identity complexity / S. Roccas, M. B. Brewer // Personality and Social Psychology Review. – 2002. – Vol. 6, № 2. – P. 88–106.

Хамутовская Светлана Викторовна

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Основные признаки консолидации общества как социального феномена

В настоящее время в социально-гуманитарном научном дискурсе в связи с необходимостью обеспечения государствами национальной безопасности во всех сферах жизнедеятельности в условиях геополитической нестабильности, глобализации, усиления информационного, идеологического и иных противостояний, сопровождающихся появлением новых вызовов, рисков и угроз, активно продолжается осмысление феномена консолидации, ведется поиск определений, в наибольшей степени отражающих смысловое содержание последнего. В том числе предпринимаются попытки исследования сущности и специфики консолидации в междисциплинарном ключе представителями социологической, политологической, философской и иных наук. Междисциплинарный подход

позволяет в комплексе учитывать не только различные аспекты изучаемого предмета, но и связи между ними.

Анализ соотношения понятий «консолидация», «интеграция», «социальная интеграция», «солидарность», «общественное согласие» позволяет выделить такие основные отличительные признаки консолидации, как отсутствие дифференциации между ее элементами (индивидами, социальными группами, организациями и т.д.); ориентация не на создание новых, а на укрепление имеющихся связей, отношений, взаимодействий в социальной системе, в том числе в кризисной обстановке, при наличии проблем социально-политического характера (в отличие от интеграции и социальной интеграции); выработка общих целей для субъектов и объектов, ее осуществляющих; использование в качестве предпосылок для реализации солидарности и общественного согласия. В свою очередь, главным признаком, присущим всем вышеперечисленным явлениям, выступает наличие включенных в социальные интеракции субъектов (индивидов, социальных групп, общностей) для реализации социального действия, направленного на достижение цели в рамках конкретной среды. В качестве базы для возникновения и реализации подобных социальных интеракций могут выступать сходные установки, потребности, ценности, нормы, интересы. Следует отметить, что в научной литературе также встречается типологизация консолидации в зависимости от сферы проявления на политическую, социальную, национальную и т.п. – с последующим выделением соответствующих отличительных признаков.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что консолидация общества есть сложный многоаспектный феномен, содержание которого крайне многогранно и зависит от множества факторов, вследствие чего закономерным является продолжение научной рефлексии по поводу определения сущности и наиболее значимых признаков, позволяющих исследовать как сходства, так и особенности последнего в сравнении с иными социальными явлениями и процессами. В данном ключе перспективным представляется использование междисциплинарного подхода, ориентированного на интеграцию различных наук для системного целостного изучения консолидации общества как своего рода социальной технологии, необходимой для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государств в современных условиях.

Чернова Анна Михайловна

**Ресоциализация воинов с ампутационными ранениями через
участие в социальных проектах. Опыт Кубани.**

Летом 2025 года в Краснодарском крае в рамках курса «Социология риска и безопасности» был запущен исследовательский проект: «Ресоциализация ветеранов-инвалидов СВО через участие в социально-значимых проектах».

Задачами исследования стали:

1. Выяснить, как участие в социальных проектах помогает воинам, получившим ампутационные ранения, ресоциализироваться в гражданской жизни.

2. Выяснить, как проекты социальной направленности влияют на включенность ветеранов СВО в социальные группы и способствуют формированию общественного дискурса и повышению общественного статуса воинов-ветеранов.

3. На основе полученных данных разработать рекомендации по организации и проведению мероприятий и проектов, направленных на системную ресоциализацию воинов-ветеранов, в том числе, получивших ампутационные ранения.

Практические возможности исследовательского проекта и проводимых в его рамках мероприятий:

1. Содействовать процессу полноценной ресоциализации воинов-ветеранов СВО, особенно тех, кто получил инвалидность.

2. Повысить статус в общественном дискурсе воинов-ветеранов СВО.

3. Оказать содействие в реализации программ инклюзивной направленности.

4. Предоставить дополнительные трудовые ресурсы рынку труда по итогам включенности воинов-ветеранов в социальные процессы.

5. Повышение позитивной социальной активности населения, направленной на взаимопомощь (волонтерские практики).

6. Повышение культурного и патриотического уровней населения.

7. В рамках концепции национальной и информационной безопасности – предупреждение различных негативных социальных факторов и явлений.

Мероприятия, осуществляемые в настоящее время в рамках проекта:

- Реализуется проект по организации и проведению курсов гражданской обороны и тактической медицины в станице Полтавской Краснодар-

ского края, с привлечением в качестве инструкторов воинов-ветеранов СВО, в том числе, получивших ампутационные ранения.

- Проводятся патриотические мероприятия на базе среднеобразовательных школ г.Краснодара с участием воинов-ветеранов и действующих военнослужащих (п.Лазурный и пос.Северный).

- Проводятся культурные мероприятия (фестивали, конкурсы, социально-культурные проекты) на базе центров культурного развития и домов культуры г.Краснодара и Краснодарского края с активным участием воинов-ветеранов СВО, в том числе, получивших ампутационные ранения.

- Разработана и внедрена программа патриотического воспитания для неформальных волонтерских объединений. Программа предполагает включение в процесс организации и проведения мероприятий воинов-ветеранов СВО, в том числе воинов, получивших ампутационные ранения.

Проект направлен на:

- консолидацию общества,
- противодействие глобальным деструктивным процессам индивидуализации и размытия ценностей,
- на борьбу с когнитивным угрозами.

Шаповалов Алексей Викторович

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, РФ

Добровольчество как фундамент и инструмент социальной архитектуры (российский кейс)

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа».

В условиях геополитической турбулентности, демографических сдвигов и ценностных трансформаций в России сформировался запрос на научно-обоснованный «образ будущего». Ответом на данные вызовы стал проект «социальной архитектуры» – целенаправленной деятельности по проектированию и организации общественно значимых изменений. Его ключевая задача – создание «мостов» через социальные разломы и формирование устойчивых моделей взаимодействия. В этом контексте инсти-

тут добровольчества (волонтерства) переосмысливается не как спонтанная активность, а как системный фундамент и практический инструмент новой управленческой парадигмы.

Социальная архитектура в российской модели делает акцент на ценностном проектировании. Добровольчество, с его ключевой ценностью «МЫ» (коллективизм, солидарность, взаимопомощь), предоставляет, в данном случае, готовый смысловой каркас. Оно актуализирует такие базовые для государственной идеологии понятия, как «Родина, вера, семья, правда, воля», переводя их из абстракции в практику повседневных взаимодействий.

Одной из практических задач социальной архитектуры является моделирование и проектирование социальных изменений. Добровольчество здесь выступает как:

1. инструмент вовлечения: через платформы типа «Добро.РФ» и движения («МыВместе», «Волонтеры Победы») происходит массовая мобилизация граждан (в настоящее время около 22 млн. человек) для участия в общественно значимых делах.

2. метод соучаствующего проектирования: успешные кейсы, подобные стратегии «На Севере – жить!» в Мурманской области, где 72 тыс. предложений жителей легли в основу плана развития, демонстрируют, как волонтерский (гражданский) ресурс используется для диагностики проблем и выработки решений «снизу».

3. механизм превентивной работы: волонтерские сообщества, будучи близки к локальным проблемам, помогают выявлять социальные риски до их обострения.

Анализ кейсов показывает эволюцию волонтерства от ситуативной помощи к элементу социально-архитектурного проектирования. Движение «МыВместе», зародившееся как реакция на пандемию, трансформировалось в общенациональный проект, требующий устойчивой управленческой модели. Его партнерство с сообществом социальных архитекторов для разработки «карты ценностей» и структурирования деятельности – яркий пример системной интеграции. Эта институционализация подтверждается запуском Конкурса социальных архитекторов, в рамках которого прорабатываются модели эффективного взаимодействия с добровольческими НКО.

Развитие социальной архитектуры сопровождается формированием новых профессиональных ролей. Социальный архитектор выступает не вместо, а в связке с волонтерским сообществом: он координирует, систематизирует, обеспечивает методологическую поддержку и помогает масштабировать успешные практики (например, через создаваемый «Банк

социальных проектов»). Образовательные программы (в МГУ, Финансовом университете, РГГУ) призваны подготовить специалистов, способных работать с этим живым социальным ресурсом, переводя общественный запрос в работающие институциональные решения.

Российский кейс демонстрирует уникальную модель, где добровольчество, исторически опирающееся на традиции коллективизма и взаимопомощи, сознательно интегрируется в государственную стратегию построения будущего. Оно выполняет двойную функцию: служит фундаментом для формирования ценностно-солидарной среды и является гибким инструментом для реализации конкретных социально-архитектурных проектов на всех уровнях – от федерального до муниципального. Дальнейшее исследование этой синергии требует мониторинга эффективности конкретных проектов, анализа мотивации волонтеров в новых условиях и изучения роли цифровых платформ как инфраструктуры для такого взаимодействия. Успех данной модели будет зависеть от способности сохранить подлинную гражданскую инициативу в рамках системного проектирования, избегая ее излишней формализации и чрезмерной нагрузки на социум.

Источники и литература

- 1) Будущее социальной архитектуры // ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/budushchee-socialnoi-arkhitektury> (дата обращения: 21.01.2026).
- 2) В Кремле назвали особенности российской социальной архитектуры // Ведомости. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/11/27/1158467-v-kremle-nazvali-osobennosti-rossiiskoi-sotsialnoi-arhitekturi> (дата обращения: 21.01.2026).
- 3) В РФ создадут первый социально-архитектурный проект в сфере волонтерства // Дзен-канал ИА РЕГНУМ. [Электронный ресурс] URL: <https://dzen.ru/a/aTAdZJmXjixmsyA6?ysclid=mkno5iod3509963412> (дата обращения: 21.01.2026)
- 4) Дан старт совместной работе #МЫВМЕСТЕ и социальных архитекторов // Сообщество в ВК «Социальные архитекторы России». [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-228794433_484 (дата обращения: 21.01.2026)
- 5) Зайцева А. П., Ильвицкая С. В. Соучаствующее проектирование в процессе формирования архитектуры молодежных волонтерских центров // АМІТ. 2022. №1 (58). URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/souchastvuyuschee-proektirovanie-v-protsesse-formirovaniya-arhitektury-molodezhnyh-volonterskih-tsentr
ov (дата обращения: 21.01.2026).

- 6) Кто такие социальные архитекторы: новая профессия для будущего России. // Федерал Пресс. [Электронный ресурс] URL: <https://fedpress.ru/article/3417921> (дата обращения: 21.01.2026).
- 7) Моделирование будущего: зачем и каким образом? // ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/modelirovanie-budushchego-zachem-i-kakim-obrazom-16-12> (дата обращения: 21.01.2026).
- 8) Социальная архитектура в России: точки роста и перспективы. // Солидарность. [Электронный ресурс] URL: https://www.solidarnost.org/netcat_files/userfiles2025/Alexandr_Ryabtsev._Ploschadka_VNESHNIY_AUDIT._Sessiya_1_GOSUDARSTVO._TEMA_SOTSIALNAYA_ARHITEKTURA._TRUD.pdf?ysclid=mkobq7ys1y322622382 (дата обращения: 21.01.2026).
- 9) Социальная архитектура. Что это такое и зачем нам это нужно? // ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/socialnaja-arkhitektura-cto-eto-takoe-i-zachem-nam-eto-nuzhno> (дата обращения: 21.01.2026).
- 10) Участники форума «Мы вместе» рассказали о создании социальной архитектуры. // Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2025/12/03/uchastniki-foruma-my-vmeste-rasskazali-o-sozdanii-socialnoj-arhitektury.html?ysclid=mkn8slzcor904518677> (дата обращения: 21.01.2026).
- 11) Экспертиза по любым вопросам. Команды губернаторов могут дополнить «социальными архитекторами» // Коммерсант. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7956072> (дата обращения: 21.01.2026).

Шевлягина Анастасия Олеговна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Электронное правительство как инструмент трансформации государственного управления в России

Актуальность изучения данной темы обуславливается действующим внедрением цифровых технологий в концепцию государственного управ-

ления, а также потребностью осмысления социальных результатов их использования[1]. Электронное правительство видоизменяет формы взаимодействия государства и его граждан[2]. Цель исследования состоит в раскрытии основных тенденций, а также противоречий существующих модификаций в области государственного управления в Российской Федерации. Объектом исследования является концепция электронного правительства, предметом - трансформация сферы государственного управления в России посредством ее внедрения.

Методологической основой исследования выступили синтез, анализ, статистическое наблюдение, контент-анализ, интернет-опрос, сравнительный метод, изучение и обобщение отечественной и зарубежной практики, а также исторический метод.

Гипотеза исследования состоит в том, что отношение населения к процессу внедрения концепции электронного правительства в сферу государственного управления в России носит противоречивый характер в связи с низким уровнем цифровой грамотности граждан, неравным доступом к благам цифровизации, а также страхом превышения государством своих полномочий[3].

Научная значимость заключается в возможности использования основных выводов исследования по теме электронного правительства в России в последующей разработке актуальных проблем в социологии государственного управления.

Выделены ключевые этапы внедрения электронного правительства в России - от федеральной целевой программы «Электронная Россия» до современных суперсервисов, а также федерального проекта «Цифровое государственное управление»[4;5]. Определены преимущества цифровизации - повышение доступности, а также удобства предоставления государственных услуг, увеличение прозрачности административных действий, а также оптимизация управленческой деятельности[2]. Обнаружены риски, сопряженные с сохранением цифрового неравенства, низким уровнем цифровых компетенций населения и государственных служащих, а также угрозами, связанными с безопасностью персональных данных[3].

Сформирован вывод о дуальном характере модификации государственного управления: научно-технические достижения сопровождаются системными социальными и институциональными вызовами[2]. Перспективы последующих исследований связаны с изучением социального восприятия электронного правительства, а также разработкой стратегий цифровой трансформации с учетом общественной разнородности населения.

Источники и литература

- 1) Мельничук Д. П. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 57–78. URL: http://balticregion.kantiana.ru/upload/iblock/8a9/4_57-78.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
- 2) Зубарев А. Л. Государственное управление в цифровую эпоху: теория и практика внедрения электронного правительства в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 45–56.
- 3) Васильева Е. В., Пуляева В. Н., Юдина В. А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Бизнес-информатика. 2018. № 4 (46). С. 28–42.
- 4) Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 19.10.2025).
- 5) Федеральный проект «Цифровое государственное управление» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1009/> (дата обращения: 26.10.2025).

Янкина Ирина Витальевна

*МГУ им. М.В. Ломоносова, Социологический факультет, Москва,
Российская Федерация*

Роль социального технолога в преобразовании современной социальной реальности

Современная социальная реальность развивается в контексте внедрения цифровых технологий в повседневную жизнедеятельность общества. Возникает необходимость интеграции масштабных преобразований в жизнь социальных систем, состоящих из индивидуальных и групповых взаимодействий, социальных практик и институтов, с минимальными ресурсными затратами. Это осуществимо при помощи социальных

технологий – отрасли социологического знания и практики; инструмента управления, направленно воздействующего на социальные системы и процессы в них [1]. Специалист, реализующий проектирование социальной реальности в новых условиях – социальный технолог, воздействующий на социальную реальность через синтез эмпирического инструментария (опросы, интервью, фокус-группы) и социологических теорий. К последним относятся: теории социотехнических систем [2], постулирующие важность оптимизации социальных и технических элементов; акторно-сетевая теория, изучающая взаимодействие индивидов и технологий как равных акторов; социосистемный анализ, позволяющий устанавливать глубинные причины исследуемых проблем. Профессиональный социальный технолог должен обладать знаниями, позволяющими разобратся в возможностях и рисках распространения цифровых платформ, навыками работы с Big Data и цифровыми алгоритмами. Также в задачи технолога входит осуществление диагностики и аналитики на предмет скрытых социальных проблем, конфликтов; оценка возможных последствий внедрения инноваций [3].

Данная работа востребована в таких отраслях как: публичное управление, корпоративная среда, социальная сфера жизнедеятельности. В современной России разработка и внедрение социальных технологий находит свое применение в интеграции цифровых платформ в волонтерской деятельности, внедрение «бережливых технологий» в сферы здравоохранения и образования и т.д. Следует обозначить риски, с которыми сталкивается социальный технолог: разрыв между научно-техническим прогрессом и медленной эволюцией социальных институтов; неравенство в доступе к цифровым технологиям и данным, возникновение новых этических вызовов.

Таким образом, необходимо отметить важность роли социального технолога в конструировании новой реальности, способного к гармонизации внедрения цифровых инноваций и корректному измерению потребностей социума в процессе адаптации к перманентным трансформациям.

Источники и литература

- 1) Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 79.
- 2) Шестакова, И. Г. Новая роль технологической составляющей в социальной реальности эпохи цифрового транзита // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 38(2). 2022. С. 242–253.

- 3) Шмарион Ю. В., Нарбаев Д. Ю., Благинин В. С. Социально-технологический подход к процессу формирования здорового образа жизни населения // Научный результат. Социология и управление. 2016. №2 (8). 7 с.

**«6. Социология образования: от становления
теории к объяснительным возможностям
(руководители: д.п.н., проф. Л.В. Темнова,
к.э.н., доц. В.В. Зырянов)»**

Akter Zobayda I do not have patronymic name

Novosibirsk state technical University, Novosibirsk, Russia

**Digital Tools and Community Agency: Reconfiguring State
Society Relations in Urban Agriculture Governance in
Bangladesh**

The study suggests that when formal state governance is lacking, low-tech digital tools can spark innovation at the grassroots level. It uses a qualitative case study approach, relying on field research conducted between 2023 and 2024. Data came from semi-structured interviews with 25 urban gardeners, mostly women, and key informants from local community organizations. Additionally, the research included observations of gardening collectives and examined the digital maps produced. The theoretical framework engages with ideas of spatial justice, neoliberal urban governance, and the sociology of technology.

The findings show that the digital mapping process changed informal gardening plots from contested, invisible areas into clear, community-managed resources. This visualization had significant social impacts: it decreased conflict within the community over land use, provided a key tool for internal coordination, and established a formal reference that residents could use in rare conversations with local authorities. Importantly, this effort improved the grassroots connection with the state, not by changing policies directly, but by building the community's ability to organize and make claims. The main sociological outcome was a notable change in community empowerment, especially for women. Participants shifted from being seen as informal occupants to recognized caretakers of urban green spaces, with the digital records enhancing their legitimacy and negotiating power.

However, this case also shows the limitations of isolated digital solutions within fragmented governance. The tool's effectiveness was limited because

it came from outside state institutions, revealing a persistent gap in public administration. The state remained passive, responding to community-led data instead of integrating urban agriculture into planning or welfare systems. This points to an important insight for the sociology of public administration: digital tools can reshape local dynamics and boost social resilience, but their ability to reduce systemic inequality is limited without supportive institutional frameworks. The study concludes that the future development of the welfare state in growing megacities must include and officially recognize these grassroots, digitally-enabled self-governance systems. For public administration, the outlook suggests a need for hybrid models where the state provides a platform for community-led initiatives, especially in areas like agriculture that significantly affect well-being and spatial inequality.

***Андрянова Татьяна Владимировна¹, Боева Елизавета
Алексеевна¹***

1 - Курский государственный университет, Курск, Россия

**Историческая память о войне в медиапространстве
современного российского вуза**

Формирование исторической памяти современной молодежи представляет собой важный, сложный и многогранный процесс, обеспечивающий преемственность поколений и формирование ценностных ориентиров. Существенную роль в нем играет система образования как пространство осмысленного усвоения исторического опыта, а также: социально-экономические условия развития общества, идеологические установки, деятельность средств массовой информации и т.д. [1]. В условиях медиатизации [2; 3] это приводит к повышению значения образовательных учреждений в систематизации исторических знаний, включая историю Великой Отечественной войны, а также новейшую военную историю России. С целью исследования данного вопроса нами в 2025 году проведен опрос студентов Курского государственного университета. Полученные данные показывают, что тема войны воспринимается многими обучающимися не только как учебный материал, но и как значимая часть социальной идентичности. Существенное влияние на формирование такого отношения оказывает образовательный процесс и деятельность преподавателей: «от качества преподавания, использования эффективных методик в изучении исторических дисциплин напрямую зависит сохранение и содержание исторической памяти, формирование образов прошлого в

сознании молодого поколения» [4]. Данный тезис подтверждается ответами студентов, отмечающих значение лекций, семинаров и кураторских часов в формировании интереса к истории военных событий нового и новейшего времени.

Исследователи отмечают, что историческая память молодежи «становится все более медийной и менее критичной; нацеленной на воспроизведение, а не интерпретацию данных» [5]. Это усиливает значимость образовательной среды как фактора развития критического осмысления исторической информации. В медийной практике университетов реализуются различные формы учебной и воспитательной работы, направленные на сохранение памяти о войне. По результатам опроса 37,7% студентов рассматривают медийное пространство университета как основной источник достоверных знаний, при этом 9,4 % респондентов не участвуют в памятных мероприятиях, чаще всего по причине нехватки времени или информации.

Курская область в настоящее время является ключевым объектом специальной военной операции как приграничный регион, на страже которого постоянно находятся вооруженные силы России. О посильной помощи бойцам и многих важных военных событиях, связанных с исторической памятью, регулярно оповещает медийное пространство Курского государственного университета [6]. В октябре 2024 года его коллективу объявлена благодарность Президента Российской Федерации за заслуги в научно-педагогической деятельности и подготовке высококвалифицированных специалистов [7]. Рейтинговое агентство RAEX включило в 2025 году Курский государственный университет в топ-100 лучших вузов России по более чем 40 критериям, статистическим и репутационным показателям, в том числе: вклад в формирование элит, роль в научном сообществе, авторитет среди молодежи и воздействие на интернет-аудиторию [8].

Таким образом, система образования выступает ключевым механизмом формирования исторической памяти студентов, обеспечивая связь знаний, ценностей и гражданской позиции. В современных условиях именно университетское медийное пространство способствует устойчивости исторического сознания и сохранению памяти о Великой Отечественной войне у молодого поколения.

Источники и литература

- 1) Красильникова Е.В., Кольцова А.А., Тюлина А.В., Шевлякова С.А., Кайимова С.В., Луковников Н.Н. Формирование исторической памяти как составляющая учебно-воспитательной деятельности

сти аграрного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2018. №3.

- 2) Андриянова Т.В. К концептуализации понятия «медийная инклюзия»: управленческий аспект // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 137-146. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-3-137-146.
- 3) Андриянова Т.В., Быканова Я.П. Медиафера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219-231. DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-2-219-231.
- 4) Юмашева Т.А., Назаров В. В. Формирование исторической памяти студентов педагогического вуза в процессе преподавания учебной дисциплины «История России» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. №9 (5). С. 489–496.
- 5) Зернов Д.В., Игаева К.В. Медиатизация памяти молодежи: социологический опрос студентов исторических и неисторических специальностей // Преподаватель XXI век. 2021. №4. 2. С. 296–307.
- 6) В Студенческом пространстве КГУ состоялась Всероссийская историческая интеллектуальная игра «РИСК Январский гром». URL: <https://kursksu.ru/stories/view/21911> (дата обращения 28.01.2026).
- 7) Благодарность Президента Российской Федерации объявлена коллективу Курского государственного университета за заслуги в научно-педагогической деятельности и подготовке высококвалифицированных специалистов. URL: <https://kursksu.ru/stories/view/19492> (дата обращения 28.01.2026).
- 8) КГУ третий год подряд входит в ТОП-100 лучших вузов России. URL: <https://kursksu.ru/stories/view/20654> (дата обращения 28.01.2026).

Аревкина Валентина Тимофеевна

*Акционерное общество «Научно-исследовательский центр
«Строительство», кафедра иностранных языков, Москва, Российская
Федерация*

Студент принимает вызов цифровой эпохи

Современные технологии развиваются с огромной скоростью. Появившееся в нашей жизни понятие «цифровизация» охватывает всё боль-

шие области и профессии в жизни современного общества. Многие сферы деятельности меняют свои системы на цифровые и даже привлекают роботов для выполнения рутинных операций. Цифровизация как явление современности представляет собой внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни и деятельности общества для повышения уровня жизни и развития экономики.

Основная идея цифровизации состоит в переводе информации в доступную цифровую среду, где ее проще проанализировать с целью получения более точного решения. Основными инструментами для этого являются Big Data (Большие данные), машинное обучение, искусственный интеллект, нейронные сети, виртуальная реальность, роботизация и т.д..

Ранее считалось, что только живой преподаватель может подстраивать учебную нагрузку и траекторию под обучаемого, но теперь с этой задачей должен справляться искусственный интеллект. Например, Microsoft выпустил приложение для изучения китайского языка. Цифровой преподаватель не просто отвечает на вопросы: он подбирает задания исходя из предыдущих ответов обучаемого и формирует индивидуальную программу обучения, но при этом не представляется возможным проверить степень усвоения материала, как это было бы возможно при наличии живого преподавателя.

Цифровизация системы образования – процесс, требующий тщательного осмысления и применения новых элементов с учетом их разумного использования. Превращение обычного традиционного обучения в цифровое, использование дистанционного обучения, разработка и создание системы, подбирающей для каждого учащегося индивидуальную программу, требует прежде всего подготовить специальные кадры, способные запустить этот сложный механизм в системе образования.

Представляется, что по новой системе онлайн-обучения преподаватель становится виртуальным, оказывает услуги и задаёт направление, по которому развиваются обучаемые.

Цифровизация – это значимый этап в создании интернет-технологий, поскольку наука и техника развиваются со стремительной скоростью; появились новые открытия, новые структуры, которые в настоящее время помогают обучаемым лучше ориентироваться в информационном мире. Но сегодня ещё не представляется возможным оценить насколько это новшество будет положительным и быстродействующим, поскольку прошло ещё не так много времени с момента внедрения цифровизации в процесс образования. Поэтому это нововведение с элементами цифровизации пока не может полностью заменить преподавателя, по крайней мере в

условиях Российской школы образования, имеющей глубокие корни, традиции, культуру. В обучении очень важен принцип общения, нахождения контакта с обучаемым и умение донести и объяснить информацию. Причем, не вся информация, предоставленная искусственным интеллектом (ИИ), является компетентной и в ряде случаев требует проверки. Каждый учащийся уникален, одарен и талантлив по-своему. И в настоящее время ученые еще не смогли создать единый компьютерный алгоритм, подходящий для всеобщего обучения без присутствия преподавателя.

Тем не менее онлайн-образование, как составная часть процесса обучения, призвано предоставлять учащимся необходимый информационный ресурс, сообщая о мощных прорывах в области инновационных разработок, осуществляемых практически во всех областях науки и техники.

Источники и литература

- 1) Аревкина В.Т. Крушняк Б.С. Аспиранты выбирают цифровую экономику // «Строительство. Экономика и Управление» №2(30) – М., ЦНИИЭУС, 2018, с.38-42
- 2) Поляков Ю.А. Формирование адекватного отношения студентов к информации, получаемой с помощью интернет-ресурсов // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2015, № 10, с. 104-108.
- 3) Цветков В.Я. Когнитивные аспекты построения виртуальных образовательных моделей // Интеграция образования. – 2014. Т.18, № 3, с.71-76.
- 4) Холмс У., Бялик М., Фейдл Ч. Искусственный интеллект в образовании. Перспективы и проблемы для преподавания и обучения. – М.: Альпина PRO, 2022 – 304с.
- 5) Mindell D. A. Between Human and Machine: Feedback, Control, and Computing Before Cybernetics — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. — P. 319–320.

Артамонова Марина Васильевна

МГТУГА, Москва, Россия

Совмещение работы и учебы как новая модель структуры образовательных программ высшего профессионального образования

Рынок труда в РФ существенно изменился. Система образования инерционна относительно общественных трансформаций: образовательные программы не успевают подстраиваться под стремительное появление новых профессий в условиях рыночной экономики. Наличие диплома перестало быть гарантией найма, критически важным стал стаж работы по специальности. По данным ВЦИОМа 77% старшекурсников вузов утверждают, что за прошедший год подрабатывали. В формате постоянной работы в свободное от учебы время (первая или вторая половина дня) работают 32% старшекурсников университетов [1].

Наши пилотные исследования 2022-2025 подтверждают выводы общероссийских опросов: более 60% первокурсников! работают [2].

Вопрос от констатации трудовой «вторичной» занятости студентов и обсуждения, как это плохо влияет на академические успехи обучающихся, переходит в плоскость необходимости законодательного закрепления существующих практик совмещения работы по специальности и учебы, требует разработки новой модели(лей) структуры образовательных программ, адаптированной(ых) к новым реалиям, образовательных стандартов, допускающих разные способы подтверждения профессиональной квалификации, государственной /спонсорской/учредительской поддержки и социальной защиты слаборесурсных талантливых абитуриентов и студентов малообеспеченных категорий граждан.

Некоторые шаги в поиске новых решения были предприняты Минобром в последние два года. Эксперимент по внедрению самостоятельных образовательных стандартов (СОС) в 6 ведущих вузах РФ (МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГТУ им. Баумана, СПбГУ) включает сокращенные и специализированные программы, тесное взаимодействие с индустриальными партнерами и переход от теоретических дисциплин к практико-ориентированным модулям [3].

Однако, центральная проблема институционализации студенческого труда в рамках норм законодательства пока существует только как постановка вопроса. В то время как комплексный проект реформирования структуры образовательных программ как результата взаимодействия между ВУЗами, государством и рынком труда уже назрел. Необходимо стихийную занятость студентов преобразовать в легитимный, управляемый и поддерживаемый ресурс развития. В современных российских условиях совмещение работы и учёбы превратилось в системный фактор социального неравенства.

Источники и литература

- 1) Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы, решения. Экспертно-аналитический доклад: URL: <http://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/trudoustroistvo-molodezhi-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 02.12.2025)
- 2) Артамонова М.В. Опыт освоения студентами исследовательских компетенций в рамках курса Социологии// Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы. 2023. Т. 1. № 13. С. 271-278. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=81024591> (дата обращения: 02.12.2025)
- 3) Тумарова Т. Новая система высшего образования в России для укрепления национального суверенитета URL: https://roscongress.org/materials/novaya-sistema-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-dlya-ukrepleniya-natsionalnogo-suvereniteta/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 02.12.2025)

Ахмедова Фарангис Мухамадовна

Не работаю, не учусь на данный момент, Москва, Россия

Фиктивное образование в системе дополнительного профессионального образования как вызов социологии образования в условиях цифровой трансформации

Современная система образования переживает период глубокой трансформации, связанный с цифровизацией, коммерциализацией и ростом формализованных процедур оценки компетенций. В этих условиях особую актуальность приобретает феномен фиктивного образования - приобретение дипломов и удостоверений без подлинного освоения знаний.

С позиции социологии образования данное явление может рассматриваться как форма институциональной девиации, затрагивающая базовые функции образования как социального института. Если классическая традиция рассматривала образование как механизм трансляции культуры и воспроизводства социального порядка, то в современных условиях происходит смещение акцента с содержания знаний на формальное подтверждение статуса.

Особенно уязвимой в этом отношении становится сфера дополнительного профессионального образования, где обязательность регулярной аттестации сочетается с высокой степенью бюрократизации и доступностью дистанционных форм обучения. В результате возникает ситуация,

при которой значительная часть обучающихся ориентирована не на получение компетенций, а на получение документа.

Принципиально важно, что данная практика формируется не только под влиянием институциональных факторов, но и как результат индивидуального выбора. Даже в условиях несовершенства системы субъект сохраняет агентность и принимает решение между реальным обучением и его имитацией. Тем самым фиктивное образование отражает более широкий кризис ценностных ориентиров, при котором формальный успех начинает преобладать над содержательным развитием личности.

Распространение симулятивных образовательных практик приводит к эрозии доверия к диплому как социальному маркеру компетентности, снижению качества профессиональной деятельности и ослаблению механизмов воспроизводства человеческого капитала. Для социологии образования данная проблема представляет значимый исследовательский вызов, поскольку позволяет выявить противоречия между декларируемыми целями образовательной политики и реальными практиками участников образовательного процесса.

Источники и литература

- 1) Волкова Н. С. Анализ системы дополнительного профессионального образования России и его роль в современных условиях. Молодой ученый. 2012. № 5 (40). С. 412 - 415.
- 2) Ирхин В. Н., Ирхина И. В., Собянин Ф. И., Кравец А. О. Проблемы и перспективы развития системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров вузов России. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023 Т.42 № 2. С. 242 - 251
- 3) Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования : учеб. пособие для вузов. Москва. 2005. Гардарики. С. 383
- 4) Ибрагимова О.В., Кузнецова Н.В. Дистанционные образовательные технологии в дополнительном профессиональном образовании. ОТО. 2015. № 3: 421 - 435.
- 5) Мантуленко В. В. Перспективы развития дополнительного профессионального образования в России .Непрерывное образование: 21 век. 2023. Вып. 2 (42).
- 6) Ключарёв Г. А. Дополнительное профессиональное образование: особенности, эффективность, перспективы. Социологические исследования. СоцИс. 2010. № 2. С. 83-91

- 7) Азиева Р. Х., Хакимова М. Р., Вазкаева С. С. А. Цифровизация и цифровые технологии образовании. Экономика и предпринимательство. 2022. № 1 (138). С. 1129-1135.
- 8) Смирнова. Е. А. Академическое мошенничество при дистанционном обучении и методы противодействия ему. Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 59-61

Ахметова Эльмира Ирековна

*Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа,
Россия*

Цифровая трансформация науки: сетевые структуры как фактор институциональных изменений

Актуальность и цель: Современная наука переживает масштабную институциональную трансформацию, движимую сетевой парадигмой и цифровыми технологиями. Формирование глобальных коллабораций и цифровых сообществ бросает вызов традиционным институциональным порядкам. Цель исследования — выявить механизмы и противоречия этой трансформации на примере научного сообщества.

Методология: Исследование опирается на синтез институциональной теории, социологии науки и концепций сетевого общества. Эмпирическую базу составляет социологический опрос 170 научных сотрудников УФИЦ РАН (2023 г.), направленный на анализ взаимосвязи мотивации ученых, их цифровых практик и восприятия институциональной среды.

Ключевые результаты:

1. Доминирование ценностной мотивации: в основе профессионального выбора ученых лежат внутренние стимулы — «наука как призвание» (познание нового — 63,1%, реализация потенциала — 56,0%), что создает культурную основу для коллаборации.

2. Амбивалентность цифровой адаптации: при тотальной интернетизации (98,2%) и активном использовании соцсетей (81,8%) их профессиональный потенциал раскрыт слабо: лишь 16,5% систематически используют платформы для нетворкинга. Цифровая среда служит поддержанию личного, а не профессионального социального капитала.

3. Институциональные разрывы: Выявлены критические дисбалансы: 1) между личной интеграцией ученых в глобальные сети (57,6%) и низкой интеграцией их организаций (28,2%); 2) в сфере трансфера знаний (механизмы слабо институционализированы); 3) в виде барьеров —

«институциональных завалов» (гиперрегламентация) и «вакуума» (отсутствие поддержки), фрагментирующих сетевые структуры.

Вывод: Трансформация носит противоречивый характер, создавая возможности для открытой науки, но одновременно воспроизводя новые формы стратификации и институционального напряжения. Перспективы адаптации связаны с целенаправленным преодолением этих асимметрий через: 1) профориентированную цифровизацию, 2) создание стимулов для сетевой коллаборации, 3) развитие институтов трансфера знаний, 4) смягчение институциональных барьеров.

Научная новизна заключается в эмпирической верификации теоретических положений об институциональных изменениях на материале конкретного научного сообщества, с акцентом на выявлении разрывов между индивидуальными практиками и организационными институтами в условиях цифровизации.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Госзадания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов»

Источники и литература

- 1) Богатов В.В., Сыроежкина Д.С. Коллаборации научных организаций как элемент инфраструктуры науки // Управление наукой и наукометрия. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaboratsii-nauchnyh-organizatsiy-kak-element-infrastruktury-nauki> (дата обращения: 15.12.2025).
- 2) Корнеев Д. Н., Корнеева Н. Ю. Сетевое взаимодействие как фактор инновационного развития организаций высшего профессионального образования // Сетевое взаимодействие как форма реализации государственной политики в образовании. 2015. С. 51-58.

Бабаева Джэннет

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Ашхабад, Туркмения

Восприятие аспирантами справедливости селективного финансирования как фактор образовательного неравенства и академической мотивации

Актуальность и проблема. В условиях массовой аспирантуры и ограниченности ресурсов селективное финансирование становится ключевым

инструментом повышения результативности научно-образовательной подготовки. Однако его внедрение порождает сложный социально-психологический контекст, требующий изучения через призму восприятия самой аспирантской среды. Данное исследование фокусируется на оценке аспирантами справедливости и эффективности подобной практики, что является важной социологической проблемой в рамках управления образовательными системами и анализа их скрытых социальных механизмов.

Методология. В основе работы лежит анкетный онлайн-опрос 231 российского аспиранта (лето 2025 г.), дополненный статистическим анализом с учетом демографических, социально-экономических и академических характеристик респондентов. Ключевыми выводами выделены: (а) Распространенность и вариативность; (б) Критерии справедливости; (в) Влияние на мотивацию и социальное самочувствие; (г) «Контракт справедливости».

Заключение и научно-практическая значимость. Исследование выявляет, что селективное финансирование в аспирантуре не является нейтральным управленческим решением, а становится мощным социальным фактором, формирующим восприятие справедливости, академическую мотивацию и групповую динамику. Полученные данные имеют объяснительный потенциал для социологии образования, демонстрируя, как макрополитики трансформируются в микросоциальные реальности и внутренние конфликты образовательного сообщества. С практической точки зрения, работа подчеркивает необходимость транспарентности и широкого обсуждения критериев финансирования, а также разработки поддерживающих мер для аспирантов, оказавшихся за пределами системы грантовой поддержки, для минимизации рисков демотивации и воспроизводства образовательного неравенства.

Источники и литература

- 1) Бабаева, Д., & Малошенок, Н. Г. (2025). Систематический обзор финансовой поддержки аспирантов: типология практик и перспективы. *Высшее образование в России*, 34(2), 86-107.
- 2) Бедный, Б., Бекова, С. К., Рыбаков, Н. В., Терентьев, Е. А., & Ходеева, Н. А. (2021). Профессиональная аспирантура: международный опыт и российский контекст. *Высшее образование в России*, (10), 9-21.

- 3) Бекова, С. К., Груздев, И. А., Джафарова, З. И., Малошенок, Н. Г., & Терентьев, Е. А. (2017). Портрет современного российского аспиранта. Современная аналитика образования, (7), 4-59.
- 4) Бекова, С. К., & Джафарова, З. И. К. (2019). Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения. Вопросы образования, (1), 87-108.
- 5) Бекова, С. К. (2020). Академическое самоубийство: сценарии отсева в российской аспирантуре. Вопросы образования, (2), 83-109.
- 6) Малошенок, Н. Г., & Терентьев, Е. А. (2019). На пути к новой модели аспирантуры: опыт совершенствования аспирантских программ в российских вузах. Вопросы образования, (3), 8-42.
- 7) Терентьев, Е. А., Бекова, С. К., & Малошенок, Н. Г. (2018). Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления. Университетское управление: практика и анализ, 22(5 (117)), 54-66.

Бабич Ирина Николаевна

*Общественная организация "Женщины в науке и образовании",
Москва, Россия*

Российское образование в условиях перехода от цифрового настоящего к постинформационному будущему

Обеспокоенное проблемами будущего российской науки и образования, сообщество ученых и практиков на рубеже XX и XXI веков инициировало социальный эксперимент по формированию мировоззрения, отвечающего новому миропорядку. Не будучи профессиональными обществоведами, исследователи обратились к трудам классиков отечественной социологии (Н. Кареев, М. Ковалевский, Е. Де-Роберти, П. Сорокин), к научным методологиям социологических исследований. Социальный объект - научно-образовательная среда осмыслен как целое, динамично изменяющееся в силу внешних и внутренних возмущений [1, с. 416].

Теоретическую основу эксперимента составили социальные проекции трех научных школ: неравновесной физики И. Пригожина, синергетики Г. Хакена, теории нелинейного анализа С.П. Курдюмова. Согласно Нобелевскому лауреату И. Пригожину, мы живем в мире неустойчивостей и флуктуаций. В неравновесном мире востребовано образование, не только адаптирующее к будущему, но и его конструирующее.

Развивая традиции российской науки, общественная организация «Женщины в науке и образовании» тридцать три года подряд проводит международные конференции «Математика. Компьютер. Образование» (<https://www.mce.su>). Возглавляет ассоциацию заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, заведующий сектором информатики и биофизики сложных систем Г.Ю. Ризниченко. Именно информатика стала базой информатизации образования. Дополненный обучением учителей и курсом «Социальная информатика» в выпускных классах, эксперимент стартовал в 1997 году на уроках первоклассников «Информатика в играх и задачах». Будущее человечества и науки, по убеждению академика В.А. Садовниченко, находится в руках тех, кто «делает первые шаги по дороге знаний».

Здесь важен ценностный аспект, связь времен. Начиная с любви к своей семье, школе, природе, уже дальше любовь к Родине, по мысли Д.С. Лихачева, созрев, становится сознательной любовью к своей стране и народу. Нельзя, перескочив через отдельное звено, скрепить всю цепь, если в ней что-то выпало или отсутствовало изначально [2, с. 75]. Мыслящий дальними горизонтами, Д.С. Лихачев утверждает патриотизм началом творческим. Снижение креативности чувственной культуры отмечает П. Сорокин. При смене типов культуры от духовной к материальной меняется содержание образования. Исчерпав созидательные возможности, чувственная культура привела к упадку морали [3, с. 166]. Падению противостоит духовная функция образования. Э. Дюркгейм, заложивший основы социологии образования, настаивает на моральной пользе научного образования [4, с. 443].

Исследовательский интерес ученых и педагогов сконцентрирован на организации учебного и воспитательного процесса с применением цифровых технологий; социальных последствиях цифровизации; гуманитарных аспектах информационного общества. Результатом эксперимента стала просветительская программа «Языки науки – языки искусства». Формируя нелинейное мышление, она способствует передаче культурных ценностей становящемуся постинформационному миру.

Источники и литература

- 1) Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 5-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 480 с.
- 2) Лихачев Д.С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Л.: Наука, 1985. — 575 с.

- 3) Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Салова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – 640 с.
- 4) Дюркгейм, Э. Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с.

Байков Николай Михайлович

*Хабаровский краевой институт развития образования им. Ушинского,
Хабаровск, Россия*

Профориентация школьников в социологическом измерении

Регионы Дальнего Востока России традиционно являются трудодефицитными. С начала 90-х гг. XX века они характеризуются масштабным миграционным оттоком постоянного населения, в т.ч. выпускников школ и профессиональных образовательных организаций. Вкупе с притоком трудовых мигрантов низкой квалификации из зарубежных государств эти процессы оказывают негативное влияние на социально-экономическое развитие макрорегиона. Эффективная профориентация школьников на осознанный выбор ими обучения востребованным профессиям в вузах и техникумах региона – залог решения кадрового дефицита на рынке труда.

В этих целях профориентация школьников включена в федеральный проект «Профессионалитет», реализуется в проекте «Билет в Будущее», но добиться в полной мере сформированности профориентации как результата определения такого вида трудовой деятельности, в которой школьник хочет себя проявить, осознанно делает выбор конкретной профессии на основе оценки своих способностей и осведомленности о ней из надежных источников и каналов коммуникации [1]. Определенное представление об этом дают результаты опроса учащихся и их родителей о профориентации в школах Хабаровского края [2]. Две трети школьников демонстрируют свой интерес к учебе, отмечая, что им нравится учиться, но родители отмечают недостаточность школьной подготовки для дальнейшего профессионального обучения и вынуждены направлять каждого третьего школьника к репетиторам (27%). В ТОП-5 востребованных в школах профориентационных форматов отмечены анкетирование, тестирование (34%), встречи с представителями разных профессий (34%),

мастер-классы (в том числе с работодателями) по развитию компетенций (30%), выездные мероприятия в вузы (29%) и техникумы (колледжи) (27%).

Однако только половина опрошенных школьников декларируют выбор своей будущей профессией (53%). Диссонанс выражен между тем, кто помогает школьникам определиться с их профессией и тем, кто, по их мнению, должен в этом помогать. Большинство учащихся декларируют, что это их собственный выбор (79%) и в меньшей степени оценивают помощь родителей (28%). Незначительные доли опрошенных выделяют помощь СМИ и Интернета (16%), друзей и знакомых (10%), учителей (7%) и специалистов по профориентации (6%). При этом менее половины оценивают профориентацию в своей школе на «отлично» и «хорошо» (42%).

Престиж профессии, как показатель профориентации, школьники определяют по высокому уровню оплаты труда (75%), востребованности на рынке труда (63%), возможности построения карьеры (53%), комфортным условиям деятельности (47%). Свои планы выбора профессионального обучения опрошенные связывают с поступлением в вузы и техникумы (колледжи) Хабаровского края (50%), либо с учебой за пределами региона (22%) и их неопределенностью (25%). Миграционно-образовательные стратегии школьников по-прежнему направлены преимущественно в города центральной России (65%) и лишь незначительно - Дальнего Востока за пределами Хабаровского края (18%). Главными причинами нежелания поступать в образовательные учреждения Хабаровского края школьники считают отсутствие в регионе перспектив своего профессионального развития (50%), ограниченные возможности трудоустройства по будущей профессии в регионе (37%), трудности найти подходящую специальность (профессию) (33%) и др.

В целом, несмотря на многообразие форм профориентационной работы в школах Хабаровского края, очевидна ее недостаточная системность и корреляция с запросами рынка труда. В сознании школьников отражена востребованность субъектов профориентации, деятельность которых в школах явно недостаточна, слабо ими ощущается или не фиксируется. Это сохраняет высокий миграционный потенциал выпускников по выбору своей дальнейшей образовательной траектории и жизненных планов за пределами региона.

Источники и литература

- 1) Лукашова О.Г. Профессиональная ориентация // Новейший социологический словарь/Сост. А.А. Грищанов, В.А.Абушенко,

Г.М.Евелькин, Г.Н.Соколова, О.В.Терещенко – Мн.:Книжный Мир, 2010. С.815

- 2) Опрошено 6649 учащихся 8-11 классов во всех 19 муниципальных образованиях Хабаровского края по репрезентативной выборке в общеобразовательных школах. ДВИУ - филиал РАНХиГС, 2022 г.

Баранов Артём Васильевич

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение - средняя общеобразовательная школа № 12 с углубленным изучением отдельных предметов, Жуковский, Россия

**Социология образования о цифровизации управления:
вызовы, роли, компромиссы**

В эпоху стремительной цифровизации важно осмыслить, как меняются социальные роли и взаимодействия внутри образовательного института — не только в педагогической практике, но и в сфере управления.

Внедрение цифровых инструментов в школах меняет иерархию и взаимодействие: директор из носителя авторитета превращается в координатора информационных потоков, смещаясь от единоличного принятия решений к анализу данных и модерации командных процессов. Это формирует более прозрачную, но напряжённую управленческую культуру — решения принимаются быстрее, а ответственность размывается между людьми и алгоритмами.

Завучи, отвечающие за учебно-методическую работу, сталкиваются с двойственным эффектом. С одной стороны, цифровые платформы позволяют гибко корректировать учебные планы, отслеживать динамику классов в реальном времени, автоматизировать рутину. С другой — возникает риск подмены педагогического смысла формальной отчётностью: вместо глубокого анализа качества обучения менеджер вынужден «подтягивать» цифровые показатели. Создается напряжение между профессиональной идентичностью методиста и цифровой бюрократией.

Для педагогов цифровизация открывает возможности индивидуализации обучения, но одновременно усиливает чувство уязвимости. Учитель, осваивающий новые платформы, часто ощущает себя «вечным студентом», вынужденным постоянно переучиваться. Более того, цифровые инструменты меняют саму природу педагогического авторитета: если раньше знания транслировались через личный контакт, то теперь посредником становится экран, а это требует переосмысления традиционных ролей «наставник — ученик». В результате педагог сталкивается с

двойным вызовом: с одной стороны, нужно осваивать технические навыки, с другой — сохранять эмоциональную связь с классом, не теряя профессиональной идентичности.

С социологической точки зрения, эти изменения указывают на трансформацию институциональных норм образования. Мы наблюдаем:

- перераспределение властных полномочий внутри школьной иерархии;
- рост значимости «цифровых компетенций» как критерия профессиональной пригодности.

Однако важно не упустить из виду социальные риски. Цифровое неравенство — не только про доступ к технике, но и про способность осмысленно встраиваться в новые практики.

Цифровая трансформация управления школой — это социальный сдвиг.

Социология образования помогает выявлять скрытые конфликты интересов.

Чтобы избежать дегуманизации образования при цифровой трансформации, важно:

- вовлекать педагогов и управленцев в проектирование цифровых решений;
- регулярно изучать эффекты цифровизации на школьные сообщества через социологические исследования.

При этом необходимо выстраивать систему поддержки для тех, кто испытывает трудности в адаптации, и сохранять баланс между технологическими инновациями и гуманистическими основаниями образования. Только так можно обеспечить инклюзивность и устойчивость образовательных изменений.

Источники и литература

- 1) Босова Л. Л., Вайнштейн Ю. В., Гриншкун В. В. (ред.). Избранные вопросы цифровой трансформации образования. — М. : ИНФРА М, 2024
- 2) Дерябин А. А., Бойцов И. Э., Попов А. А. и др. Анализ представлений директоров школ России о цифровой трансформации // Образование и наука. — 2021. — Т. 23, № 10. Стр. 182-207

Бзадже Жанна Байзетовна

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

Парадокс государственной образовательной политики: феномен ценностных ориентаций студенческой молодежи

В условиях трансформации Российского образования усиливается роль ценностного измерения образовательной политики. Государство декларирует через систему образования традиционные, коллективистские и патриотические ориентиры, тогда как существующая экономическая ситуация, культурная среда поощряет индивидуалистические, связанные с личным успехом, мобильностью и высоким финансовым доходом. Два вида ценностей, которые формируются в образовательной среде порождают парадоксальное расхождение, когда официально поддерживаемые государственной политикой идеалы не совпадают с реально значимыми для студентов ориентирами. Доминирование прагматических, индивидуалистических ориентиров эмпирически фиксируются в результатах исследований ВЦИОМ 2022 года и указывается, что высокий уровень благополучия входит в число главных жизненных целей молодежи и называется значительно чаще, чем «приносить пользу обществу».

Цель исследования - выявить и описать феномен «двойных ценностей» студенческой молодежи как результат противоречивого воздействия государственной образовательной политики, рыночных механизмов и культурной среды. Теоретической основой работы выступает диспозиционная концепция В. А. Ядова. Данный подход дает возможность выявить расхождение между ценностями, навязываемыми «сверху» и ценностями признаваемыми в среде студенческой молодежи. Для понимания того, каким образом каждая диспозиция формируется в зависимости от эпохи или времени, мы обращаемся к поколенческому подходу в социологии. Для интерпретации внутренних противоречивых ценностей мы используем понятие «кентавризм» - термину, который вводит в свою работу «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» Ж. Т. Тощенко. Для описания противоречивых социальных явлений считаем возможным ценности транслируемые «сверху» и реальные ценности студенческой молодежи рассматривать в качестве «кентавр-проблемы». Результатом подобного «кентавризма» может выступать:

Расхождение между декларируемыми и реально действующими ценностными ориентирами снижает эффективность воспитательных и идеологических программ, так как молодежь наблюдает несвязность реальных повседневности и ценностей, которые им пытаются внушить. Ж. Т. Тощенко в своей работе «Ценности молодежи и молодежная политика: как соединить их вместе?» пишет, что ценности молодёжи и молодежная по-

литика «существуют сами по себе», мало пересекаются, совпадают по очевидным вопросам.

- Формирование внутреннего недоверия к двум институтам: государству, как источнику ценностей, образованию - как транслятору ценностей. Как следствие - отчужденность от государственных органов и нежелание работать в государственном секторе. Государственная служба воспринимается молодыми специалистами как менее перспективная по сравнению с коммерческим сектором, что подтверждается результатами исследования К. А. Игнаткова. Это усиливает ориентацию части студентов на альтернативные траектории.

В рамках нашего исследования мы сосредоточились на построении модели формирования у молодежи коллективистских ценностей через образовательную политику, а индивидуалистических ценностей - через экономический контекст и массовую культуру. Понимание этого парадокса и «кентавризма» связанных с ценностями позволит образовательным организациям страны гармонизировать воспитательную политику и сориентировать студентов на стремление к единению различных ценностей.

Источники и литература

- 1) Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Ценности молодежи: аналитический обзор [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 29.01.2026).
- 2) Тощенко Ж. Т. Ценности молодежи и молодежная политика: как соединить их вместе? [Электронный ресурс]. XIII Международные Лихачёвские научные чтения. 2013. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/8338/8847/8848/> (дата обращения: 29.01.2026).
- 3) Игнаткова В. А. Исследование привлекательности государственной и муниципальной службы для молодых специалистов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-privlekatelnosti-gosudarstvennoy-i-munitsipalnoy-sluzhby-dlya-molodyh-spetsialistov> (дата обращения: 29.01.2026).

Букреев Александр Сергеевич

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Москва, Россия

Интеграционные стратегии научно-образовательной и производственной сфер: от территориальных кластеров к образовательным экосистемам

Концепция кластера, заложенная М. Портером, предполагает географическую концентрацию взаимосвязанных компаний и организаций, которые одновременно конкурируют и сотрудничают [10]. В научно-образовательной сфере кластер рассматривается как форма сетевого взаимодействия, где университет выступает "ядром", генерирующим человеческий капитал и новые знания.

Согласно данным мониторинга, значимая доля ведущих российских образовательных организаций высшего образования официально интегрирована в 25 пилотных инновационных территориальных кластеров [4]. В среднем в один пилотный кластер входят 2-3 вуза, что позволяет реализовать синергетический эффект за счет объединения ресурсов [5].

Выделяются две основные стратегии участия вузов:

- Монокластерная стратегия: специализация компетенций вуза под нужды одной конкретной отрасли.
- Мультикластерная стратегия: диверсификация связей вуза с предприятиями различных отраслей региона.

Практика реализации кластерной политики в России (например, в Татарстане, Самарской и Томской областях) опирается на создание универсальных платформ для долгосрочного сотрудничества [1]. В Татарстане успешно функционирует нефтегазовый кластер, где ПАО "Татнефть" выступает якорным предприятием, формирующим запрос на сквозные образовательные программы и прикладные НИОКР [5].

Важным инструментом управления становится проектный подход. В Республике Мордовия внедрена автоматизированная система управления проектами, которая позволяет координировать действия государственных органов, бизнеса и науки на нескольких уровнях. Это обеспечивает баланс интересов и прозрачность распределения ресурсов при реализации высокотехнологичных инициатив [8].

Особую роль играет **государственно-частное партнерство**. Оно позволяет вузам модернизировать изношенную материально-техническую базу за счет инвестиций бизнеса, взамен предлагая подготовку кадров с заданными компетенциями. Институциональными формами такого партнерства становятся эндаумент-фонды и совместные инжиниринговые центры [6].

Научно-образовательный кластер служит средой для развития **предпринимательских компетенций** молодежи. Исследования показывают, что участие студентов в кластерных проектах формирует у них ценностные ориентации на "служение" и "предпринимательство" как ключевые "карьерные якоря". Практиканты в таких структурах демонстрируют высокую мобильность и готовность к решению нестандартных бизнес-задач [11].

Для инженерных кадров кластерный подход обеспечивает переход от репродуктивного обучения к формированию творческой личности, готовой к работе в условиях неопределенности. Это достигается через созидание базовых кафедр на предприятиях ("Роствертол" и ДГТУ) и использование симуляционных центров и технопарков (МФТИ, МИЭТ) [9].

Переход к индустрии 4.0 требует радикальной смены образовательной парадигмы. Концепция **"Цифрового университета"** включает следующие элементы:

- Индивидуальные образовательные траектории: использование ИИ для подбора курсов на основе цифрового следа студента;
- Цифровой профиль компетенций: замена классического диплома верифицированным реестром достижений на базе блокчейн;
- Виртуализация среды: использование VR/AR-симуляторов для отработки практических навыков на сложных производствах без риска для оборудования;
- Сетевое взаимодействие: интеграция с глобальными MOOK-платформами и создание "Университетских точек кипения" для открытых дискуссий [7].

Современные исследователи отмечают постепенную эволюцию кластеров в образовательные экосистемы. В отличие от кластера, имеющего жесткую структуру и зачастую вертикальное управление, экосистема характеризуется децентрализацией, добровольностью участия и горизонтальными связями [3].

Для описания динамики таких систем применяется математический аппарат, в частности модель Лотки-Вольтерры, где взаимодействие "предприятие - выпускник" рассматривается как процесс циклической саморегуляции популяции. Экосистема технического вуза становится более гибкой за счет включения Ed-Tech гигантов, которые предлагают собственные программы профессиональной переподготовки (Skillbox, Geekbrains) [12].

В рамках экосистемного подхода образование становится непрерывным,

охватывая все возрастные группы и интегрируясь в городскую среду через такие проекты как "Парк будущих поколений" в Якутии или "Трава" в Санкт-Петербурге [12].

Развитие научно-образовательного кластера невозможно представить без учета личностного фактора и внутренней мотивации участников. Использование опросника Э. Шейна "Якоря карьеры" позволяет выявить ключевые ценностные ориентации практикантов в классической среде. Исследования ВЦИОМ показывают, что для студентов гуманитарного профиля в условиях кластера доминирующими являются ориентации на "**служение**" (желание приносить пользу обществу) и "стабильность места работы" [11]. Здесь мы можем констатировать своевременную интеграцию в образовательный процесс вузов федеральной образовательной программы "Обучение служением".

При этом научно-образовательный кластер выступает катализатором **предпринимательского потенциала**: участники проектов демонстрируют готовность к созданию собственного дела и реализации личных идей, что становится базисом для формирования конкурентноспособного специалиста. Психологи отмечают, что высокая **мотивация достижения** успеха напрямую коррелирует с эффективностью работы в высокотехнологичных секторах кластера [11].

Опыт показывает, что кластерный подход эффективно адаптируется под специфику конкретных отраслей. К примеру, **медицинские инновационные кластеры** представляют собой симбиоз вуза, НИИ и лечебной практики. Особенностью является создание **научно-образовательной цифровой среды**, где клинические данные (Big Data) используются для развития **персонализированной медицины** и быстрой апробации новых методов диагностики. Это позволяет преодолеть разрыв между фундаментальной наукой и практическим здравоохранением [2].

Педагогические кластеры направлены на модернизацию системы непрерывного образования. Кластерная модель в педагогике позволяет перейти от репродуктивного производства кадров к формированию творческой личности учителя, способного к саморазвитию и профессиональной мобильности в условиях сетевого общества [18-20].

Современная российская практика переходит от модели "Тройной спирали" (государство-вуз-бизнес) к концепции "**Четырёхзвенной спирали**", где четвертым элементом выступает **гражданское общество**, что в свою очередь дает повод для трансформации третьей (социальной) миссии университета к новой реальности.

Важным инструментом диагностики потенциала региона становится анализ запросов населения. Например, расчет **Индекса заинтересован-**

ности в инновациях через сервис "Яндекс WORDSTAT" позволяет оценить готовность жителей региона к принятию новых технологических решений. Регионы-лидеры (Москва, Санкт-Петербург и Белгородская область) демонстрируют высокий уровень восприимчивости общества к инновационным продуктам кластеров [14].

Заключение

Обобщение практик показывает, что научно-образовательные кластеры и экосистемы являются фундаментом для модернизации региональной экономики. Несмотря на наличие барьеров - таких как бюрократизация, цифровое неравенство и нехватка частных инвестиций - интеграция вузов, науки и производства остается безальтернативным путем к инновационному рывку. Будущее принадлежит устойчивым, самоорганизующимся системами, способными эффективно воспроизводить человеческий капитал в условиях постоянных технологических изменений.

Источники и литература

- 1) Андреева Н.В., Герасимов А.В. Подходы к разработке стратегии формирования регионального научно-образовательного кластера в условиях пространственного развития территорий // Управление. 2020. Т. 8. № 3. С. 16–23.
- 2) Вардомацкая Л. П., Кузнецова В. П., Воронина Т. В. Научно-образовательный инновационный медицинский кластер в цифровой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 75–82.
- 3) Вильданов И.Э., Сафин Р.С., Возможна ли эволюция кластера в образовательную экосистему технического вуза? Казанский педагогический журнал №2. 2023.
- 4) Воденко К.В., Черных С.С. Научно-образовательные кластеры в системе инновационного развития региона в условиях индустрии 4.0. // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. С. 30-43.
- 5) Киселкина О.В., Канануха Д.И., Шафигуллин И.И., Научно-образовательный кластер как инструмент развития региональной экономики. // Экономические науки. 2023. №4 (221). С. 150-155.
- 6) Кочеваткина Э.Ф., Волчкова Е.Н. Организационно-экономическая модель государственно-частного партнерства в сфере высшего образования. // Вестник Алтайской академии экономики и права № 5. 2023. С. 92-96.

- 7) Кузина Е.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «Цифровой университет» // E-Management. 2020. № 2. С. 89–96.
- 8) Марабаева Л.В., Соколов О.А., Горин И.А. Структура организационного механизма реализации проектного подхода к развитию стратегического потенциала территориального инновационного кластера. // Вестник Алтайской академии экономики и права № 11. 2019. С 113-119.
- 9) Пономаренко Е.В., Козыбаев Е.Ш., Бондаренко В.П. Модернизация системы непрерывного педагогического образования на основе кластерного подхода как научная проблема. // Международный журнал экспериментального образования № 3. 2018. С. 22-26.
- 10) Приходько Р.В. Образовательные кластеры как инструмент развития экономики региона // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021 № 3 С. 108-116.
- 11) Сергеев Е.П. Карьерные ориентации и предпринимательский потенциал практикантов гуманитарного профиля в условиях научно-образовательного кластера. // Человеческий капитал. 2021. № 9. С. 127-134.
- 12) Сидорова О.В., Сабирова З.Э. Формирование образовательных экосистем в цифровой среде. // Экономика и управление: научно-практический журнал, № 4 (166). 2022. С. 150-155.
- 13) Флек М. Б., Угнич Е. А. Профессионально-образовательный кластер как экосистема: развитие в условиях цифровой трансформации. // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) Том 9, № 4. 2018. С.146-159.
- 14) Юревич, М. А. Новые институциональные инициативы России в контексте концепции четырехзвенной инновационной спирали // Journal of Institutional Studies, 11(2). 2019. С. 79-93.

Бучацкий Арсений Георгиевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

(Не) разделяя теорию и практику: майнор "В лабиринтах сложного общества" как кейс гибкого решения в социологическом образовании для современного классического университета

В рамках доклада будет представлен опыт разработки и реализации двух учебных курсов («Социокультурная динамика» и «Актуальные проблемы современного общества») майнора (долгосрочной части по выбору учебного плана) «В лабиринтах сложного общества: социальная теория и практика» кафедры общей социологии Факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Этот тип курса направлен на присвоение студенту микроквалификации (microdegree), то есть составляет большой процент его набора компетенций, предполагая углубленное применение полученных навыков и возможный переход в область этой микроквалификации.

Рефлексируемые в течение двух периодов реализации (апрель – июнь 2025, январь – март 2026) курсы разработаны и преподаются автором тезисов, что позволяет детально проанализировать связь между лекционными и семинарскими занятиями относительно планируемых образовательных результатов и с точки зрения разных аспектов преподавания. Предлагаемый анализ этих аспектов на основе зарекомендовавших себя модели рефлексивного преподавания Э. Полларда и таксономии учебных целей Г. Блума соединяет в себе теоретическую интерпретацию социологии образования и педагогической теории.

Логика построения авторского курса позволяет постоянно обновлять содержание программы дисциплины, в том числе, адаптировать ее под меняющийся рынок труда, что способствует наполнению курса новыми элементами. Так, с точки зрения педдизайна, курс предлагает нововведения по сравнению с исходной программой: обосновывается кроссмедийность и кроссплатформенность обучения (чат и канал в Telegram, файловый репозиторий), индивидуализированные компенсирующие задания (борьба с генеративным ИИ) и мастер-классы. Кроме этого, в докладе раскрываются меры, основанные на недавних исследованиях и доказательных трендах педдизайна и направленные на адаптацию проверки знаний к вызовам ИИ. Главным образом, это включает избегание неэтичного применения студентами ИИ: даются задания на интерпретацию, аргументацию личного мнения и критическую оценку идей. В формате пилотирования методик представляется работа с мотивацией студента: обсуждается отклик студентов на экспериментальные методики, включая визуальное декодирование ассоциаций к семинарским текстам. Описываются принципы проектной деятельности, позволяющие органично связать теоретические взгляды социологов-классиков и применение навыков, необходимых на современном рынке труда так или иначе практикующим социальные исследования профессионалами (маркетологам, HR-специалистам, системным аналитикам и другим) для освоения курса без отрыва от профильной профессиональной деятельности и с возмож-

ностью моментального применения получаемых аналитических навыков в работе.

На основе систематизации положительного опыта преподавания курса делаются предложения о необходимых для будущих преподавателей курса и студентов инструментах: онбординга преподавателей, промежуточных опросников (помимо принятой в НИУ ВШЭ студенческой оценки преподавания), продуманной системы взаимосвязи цифровых площадок курса.

Источники и литература

- 1) Bloom's Taxonomy: A Forty-Year Retrospective // The Ninety-Third Yearbook of the National Society for the Study of Education. Part II / ed. by L. W. Anderson [et al.]. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 264 p.
- 2) Pollard A., Collins J. Reflective Teaching: Effective and Evidence-Informed Professional Practice. London: Continuum, 2002. 437 p.
- 3) В лабиринтах сложного общества: социальная теория и практика [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — URL: https://electives.hse.ru/minor_complexsociety/ (дата обращения: 31.01.2026).

Веригина Ольга Владимировна

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия
Социологический мониторинг в системе образования

Процесс оптимизации и реструктуризации системы образования, особенно ярко проявившийся в России последних десятилетий, стал результатом комплекса мер, направленных на повышение эффективности образовательных учреждений и качества образования, обусловленных запросам рынка труда и востребованностью специалистов, обладающих актуальными компетенциями и способностью адаптироваться к быстро меняющимся требованиям общества и экономики.

Одним из основных используемых методов, применяемым в процессе оптимизации и реструктуризации системы образования, является социологический мониторинг. Актуальность его применения основывается на том, что технология объединила в себе лучшие свойства контроля,

оценки и диагностики и является эффективным средством управления качеством образовательных услуг.

Мониторинг — это не только сбор данных, но и преобразование их в качественные изменения системы образования. Это повышение прозрачности, доверия и подотчётности системы, что ведёт к улучшению образовательных программ, повышению конкурентоспособности и обеспечению выпускникам лучших стартовых позиций на рынке труда. Мониторинг побуждает вузы к внедрению новых педагогических технологий, цифровизации и проектной деятельности, что делает образование более современным и эффективным. Всё это позволяет обществу видеть реальную ценность получаемого образования, а вузам — оперативно реагировать на изменения, что способствует укреплению репутации и, в конечном итоге, ведёт к росту человеческого капитала и социально-экономическому развитию в целом региона и страны.

Подчёркнём, что в современном обществе существует запрос не только на производство качественного научного знания, но и на его передачу, выстраивание научной коммуникации, поэтому не теряют актуальность вопросы популяризации результатов научных исследований.

Для того, чтобы сделать науку более открытой и доступной для общества, привлечь молодёжь и сформировать интерес к исследованиям необходимо использовать возможности социологического мониторинга. Именно информация лежит в основе формирования мнения людей о качестве образования, а социологический мониторинг — это гибкая технология, позволяющая не только «видеть» текущую картину, но и понимать ее динамику, предвидеть будущее и влиять на него, принимая обоснованные управленческие решения.

Таким образом, мониторинг — это мощный инструмент, который делает образование более ответственным перед обществом и способствует его устойчивому развитию. Его главная цель развитие механизмов и процедур независимой системы оценки вузов и их образовательных программ, повышение конкурентоспособности российской системы образования, научных исследований и развитие федеральных и региональных университетов.

Источники и литература

- 1) Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. N 312 "Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения" (с изменениями и дополнениями)

*Вигель Нарине Липаритовна¹, Меттини Эмилиано
Маврикевич¹*

1 - РНИМУ им. Н.И.Пирогова, Москва, Россия

Роль высшего образования как инструмента социальной мобильности или фактора воспроизводства социального неравенства

Роль высшего образования в современном обществе характеризуется фундаментальной двойственностью, поскольку оно выступает одновременно механизмом восходящей мобильности и инструментом закрепления существующих классовых различий. С одной стороны, институты высшей школы реализуют меритократический принцип, предоставляя индивидам возможность конвертировать интеллектуальные усилия и способности в профессиональный статус и высокий уровень дохода независимо от их социального происхождения. В этом контексте диплом становится ключевым ресурсом для изменения социального положения, обеспечивая доступ к специализированным трудовым рынкам и формируя человеческий капитал. Однако, с другой стороны, социологические теории указывают на функционирование системы образования как механизма воспроизводства неравенства через трансляцию культурного и социального капитала.

Дети из семей с высоким социально-экономическим статусом обладают лучшими стартовыми условиями, включая доступ к качественному довузовскому обучению и развитые социальные связи, что предопределяет их успех в поступлении в наиболее престижные учебные заведения. Экономические барьеры в виде стоимости обучения и сопутствующих расходов на проживание в крупных образовательных центрах также могут ограничивать возможности молодежи из менее обеспеченных слоев, усиливая социальную сегрегацию. Процесс массовизации образования в последние десятилетия привел к явлению инфляции дипломов, при которой реальным маркером элитности становится не сам факт получения высшего образования, а репутация и престижность конкретного вуза.

В результате высшее образование сохраняет потенциал социального лифта, но его эффективность как инструмента равенства возможностей напрямую зависит от государственной политики по поддержке инклюзивности и преодолению материального и цифрового разрыва между различными слоями населения. Таким образом, образовательная система является полем постоянного напряжения между стремлением к социальной справедливости и инерцией структуры классового превосходства.

Вицентий Ирина Викторовна¹, Попова Ольга Николаевна¹
1 - филиал Мурманского арктического университета, Апатиты,
Россия

Профессиональные траектории выпускников социологических образовательных программ в регионах (на примере Мурманской области)

Сегодня процесс подготовки квалифицированных кадров в России регулируется с учетом результатов прогноза кадровой потребности конкретных территорий, который направлен на оценку востребованности квалифицированных кадров во временной перспективе. Основная задача образовательных программ в сфере подготовки профессиональных кадров - обеспечить формирование у обучающихся базового или фундаментального набора профессиональных компетенций, которыми должен владеть представитель профессии [1,2]. Однако полученное профессиональное образование обретает свою практическую ценность и предметное содержание исключительно в конкретном социально-экономическом и территориальном контексте. Нет единой модели применения социологического образования — его практическая реализация всегда адаптивна и зависит от локальных условий.

Мурманская область формирует уникальный рынок труда, который определяется наличием крупных промышленных предприятий и сильной зависимостью от них (горнорудная, металлургическая отрасль, рыбопромышленный комплекс), стратегическим положением региона.

Профессиональная подготовка социологов в Мурманской области начинается в конце XX века, что отражает общую тенденцию регионализации высшего образования и формирования запроса на социально-гуманитарную экспертизу в промышленном регионе. В условиях Мурманской области социологическое образование находит применение не в «чистом» виде, а через адаптацию к специфике регионального рынка труда, который характеризуется доминирующим промышленным сектором и необходимостью решения социальных задач на данной арктической территории с выраженной ресурсной экономикой. За период существования социологического образования в регионе сформировались два устойчивых типа профессиональных траекторий выпускников-социологов, которые являются прямым отражением адаптации полученных компетенций к специфике локального рынка труда.

Первая профессиональная траектория — производственно-технологическая - является доминирующей. Это реализация компетенций в прикладных сферах, непосредственно связанных с ключевыми

отраслями и социальной инфраструктурой региона. В качестве мест трудоустройства выступают социальные службы и социальные отделы крупных промышленных предприятий, департаменты по персоналу промышленных предприятий, аналитические и проектные отделы в органах муниципального управления.

Вторая траектория – академическая – связана с производством и трансляцией социологического знания. Она включает профессиональную деятельность в научных центрах и институтах (например, Кольский научный центр РАН), педагогическую деятельность в образовательных организациях (школы, колледжи, вузы региона), а также продолжение образования в магистратуре и аспирантуре.

Выявленные тенденции указывают на необходимость актуализации социологических образовательных программ, реализуемых региональными вузами, в сторону усиления прикладных, отраслевых модулей и развития партнёрства с ключевыми региональными работодателями.

Источники и литература

- 1) Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 21 октября 2021 г. N 751н "Об утверждении профессионального стандарта "Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям" URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2166> (дата обращения: 21.01.2026).
- 2) Приказ Министерства образования и науки РФ от 05.02.2018 г. №75 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 39.03.01 Социология" URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-39-03-01-sociologiya-75/> (дата обращения: 21.01.2026).

Волкова Лариса Витальевна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

**Генеративные технологии и гуманитарное знание в
университете**

Стремительное внедрение инструментов искусственного интеллекта в академическую и образовательную среду актуализирует вопрос о границах их применения в гуманитарных науках. В отличие от естественно-научных и технических дисциплин, где ИИ преимущественно выступает

как средство оптимизации вычислений и обработки данных, в гуманитарном знании на первый план выходят интерпретация, аргументация и ценностное осмысление — области, в которых алгоритмическая генерация текстов несёт особые риски.

Опасность превращения ИИ в своего рода «противника» гуманитарных дисциплин заключается не столько в автоматизации рутинных операций, сколько в возможности подмены самостоятельного мышления формально корректными, но смыслово усреднёнными текстами. Использование генеративных моделей может создавать иллюзию понимания и исследовательской глубины, тогда как реальный процесс формирования индивидуальной позиции, критического анализа источников и диалогического взаимодействия оказывается вытесненным.

При этом ИИ не следует рассматривать исключительно как деструктивный фактор. С педагогической точки зрения он может выступать инструментом оптимизации рутинных практик — поиска литературы, первичной обработки данных, языковой поддержки, — не затрагивая напрямую процессы формирования индивидуальной позиции. Однако данные функции не затрагивают ядро гуманитарного знания, связанное с интерпретацией, аргументированным несогласием и рефлексией над смыслом и ценностью изучаемых явлений.

В этой связи ключевая задача университетов заключается в разработке таких образовательных регламентов и форм заданий, которые минимизируют риски подмены гуманитарного мышления машинными текстами. Речь идёт о смещении акцента с репродуктивных письменных работ к форматам, предполагающим персональную ответственность за позицию. Под ними следует понимать такие образовательные практики, в которых результат работы не может быть редуцирован к обезличенному тексту без потери смыслового содержания. К ним относятся устные формы контроля, предполагающие аргументированную защиту собственных интерпретаций и ответы на уточняющие вопросы; задания, включающие комментарии к собственному тексту, в которых обучающийся фиксирует ключевые решения и сомнения в процессе работы. Существенную роль играют также коллективные обсуждения и семинары, построенные вокруг анализа эмпирических или текстовых кейсов, где позиция участника формируется и проверяется в диалоге с другими интерпретациями. Подобные форматы делают процесс мышления наблюдаемым и тем самым снижают возможность его подмены машинной генерацией.

Таким образом, интеграция ИИ в образовательную среду должна рассматриваться как структурное изменение образовательных практик, требующее переосмысления механизмов воспроизводства гуманитарного

знания. Сохранение его аналитического и критического потенциала возможно лишь при условии институционального акцента на субъектность обучающегося и поддержание диалогической природы академического взаимодействия.

Источники и литература

- 1) Абрамов Р. Н. Университет в условиях цифровизации: трансформация образовательных практик // Высшее образование в России. — 2021. — № 6. — С. 9–23.
- 2) Кузнецов А. М. Искусственный интеллект и проблемы академического авторства в высшем образовании // Социологические исследования. — 2022. — № 9. — С. 87–97.
- 3) Biesta G. Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy. — London : Routledge, 2010. — 176 p.

Гаранина Ольга Денисовна

*ФГБОУ ВО "Московский государственный технический университет
гражданской авиации", Москва, Россия*

Доступность образования как парадигма перспективных моделей подготовки инженеров в условиях цифровой реальности

В условиях динамично меняющегося технологического уклада проблема обоснования базовых принципов подготовки инженерного корпуса страны в контексте широкого внедрения цифровых технологий приобретает особую актуальность и нуждается в глубоком осмыслении. Цифровизация образовательного пространства порождает нового актора, влияние которого трудно переоценить, поскольку он существенно влияет на качественные трансформации данной сферы. Новые подходы к проблемам цифровизации приобретают международный характер, поскольку «глобальная конкуренция в сфере экономики знаний, а также доминирующая роль цифровых инструментов вынуждают высшие учебные заведения пересматривать свои текущие структуры и принимать радикальные решения для их улучшения, чтобы они лучше соответствовали потребностям и требованиям XXI века» [Kaputa et al, 2022:65]. В современной научной литературе риски цифровой трансформации образования обсуждаются достаточно объемно [Пашков и др., 2022], однако, как

утверждают исследователи, идеализированные концепции «цифрового образовательного будущего» нередко расходятся с эмпирической реальностью, обремененной множеством сложных и труднопреодолимых преград [Осипова, 2024:16].

В рамках обсуждения методологических принципов, составляющих парадигму конструирования инновационной модели инженерного образования в эпоху цифровизации, следует акцентировать внимание на создании условий, обеспечивающих его доступность. Системное единство электронных образовательных ресурсов, открывает пути для свободного доступа к информации и различным образовательным программам, способствует унификации образовательного процесса, предлагая каждому учащемуся возможность функционировать в рамках единой цифровой образовательной среды на равных основаниях с остальными. Внедрение рассматриваемого принципа в модель образования позволяет обучающимся осваивать знания в любое удобное для них время и в любом пространственном контексте, что, в свою очередь, оптимизирует переход от теоретического освоения материала к его практическому применению. Актуальность обеспечения доступности инженерного образования обусловлена не только его непосредственным вкладом в формирование профессиональных компетенций, но и его значимостью в контексте расширения горизонтов узкоспециализированной подготовки. Доступность и открытость образовательного процесса способствует реализации концепции непрерывного образования, предоставляя возможность получения дополнительных квалификаций и освоения второй специальности. Эти аспекты являются ключевыми параметрами современной парадигмы образования, направленной на формирование компетентных специалистов, способных адаптироваться к динамичным изменениям профессиональной среды.

Обосновывая парадигмальность принципа доступности для модернизации национальной модели подготовки инженеров следует подчеркнуть, что в настоящее время его реализация сталкивается с серьезными трудностями, преодоление которых требует тщательного анализа и разработки эффективных стратегий для достижения позитивных результатов. Кризисное состояние доступности отечественного инженерного образования обусловлено тем, что, по мнению исследователей, оно вышло из открытого пространства глобальной сети, превратившись в систему «закрытых информационных пространств, которые образуются вследствие развития проприетарных цифровых платформ, платных мобильных приложений, а также многоуровневых тарифных планов доступа в сеть Интернет» [Пашков и др., 2022:44). «Платформизация» стала болез-

нию отечественного образования, ориентированного на тотальную цифровизацию и вылечить это недомогание будет сложно.

Значительное влияние на доступность образовательных платформ оказывают и политические факторы, действие которых приводит к ограничению межкультурного диалога и усилению языкового неравенства в глобальной сети Интернет, поскольку контент этой системы представлен в основном английским языком. В контексте глобального стремления к доступному инженерному образованию решение данной проблемы становится критически важным.

Источники и литература

- 1) Kaputa, V., Loučanová, E., Tejerina-Gaite, F. A. Digital Transformation in Higher Education Institutions as a Driver of Social Oriented Innovations / Social Innovation in Higher Education. Edition: Innovation, Technology, and Knowledge Management. Publisher: Springer. January, 2022. Chapter: 4. pp.61-85. [https://doi: 10.1007/978-3-030-84044-0_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-84044-0_4).
- 2) Пашков, М.В., Пашкова, В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40–57. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57>.
- 3) Осипова, Н.Г. Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 7-25. [https://doi.org/ 10.24290/1029-3736-2024-30-2-7-25](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-2-7-25).

Говорухина Галина Владимировна

КАУ ДПО "Алтайский институт развития образования имени А.М. Топорова", Барнаул, Россия

Реструктуризация образования в современных условиях: диапазон уровней и форм

Результат образовательных программ зависит от ряда условий и факторов. Одним из таких факторов является качество образования. У ученых до сих пор существуют различные подходы к пониманию качества образования. Официальная версия этого понятия закреплена в Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской

Федерации». Наличие в настоящее время различных типов школ (лицей, гимназия и т.д.) и разнообразие специализированных классов (инженерных, математических и т.д.) приводит к необходимости выделения критериев оценки качества образования [1, с.284].

Поиск эффективных технологий формирования качества образования и критериев его оценки – одна из актуальных задач, стоящая перед учеными и педагогами. Это не случайно, потому что, наряду со школами, учащиеся которых получают золотые медали на международных олимпиадах по разным предметам, существуют и школы, показывающие низкие образовательные результаты (ШНОР), в которых отсутствуют оптимальные возможности развития способностей обучающихся.

В Алтайском крае в последние годы большое внимание уделяется, наряду с поддержкой «элитных» классов, поиску эффективных средств повышения образовательных результатов. В соответствии с этим реализуется региональный проект по сопровождению ШНОР, который предполагает проведение ежегодного мониторинга оценки качества образования в школах такого типа. Результаты мониторинга позволяют выявить причины низких образовательных результатов и меры выхода школы на другой уровень качества образования. Так, результаты опроса представителей ШНОР (62%) в 2025 году выявили, в частности, необходимость разработки индивидуальной траектории сопровождения неуспевающего школьника. В соответствии с этим, во-первых, повышается важность методического сопровождения педагогов по работе с неуспевающими учениками и их родителями, во-вторых, актуализируется потребность расширения форм дополнительного образования, в том числе через онлайн-ресурсы. Школы стали активнее использовать такие формы профилактики низких образовательных результатов, как тренинг по повышению мотивации обучающихся, а также диагностику успеваемости учеников и диагностику профессиональных компетенций педагогов.

В связи с этим при формировании концепции реструктуризации образования важным представляется разработка различных моделей образовательных систем с целью гибкого использования новейших технологий обучения с учетом региональных условий, в которых находится образовательная организация.

Источники и литература

- 1) Говорухина Г.В. Качество образования как составляющая качества жизни // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VII Международной научно-практической кон-

ференции (Москва, 26–27 июня 2025 г.) / науч.ред. В.В. Локозов. – Москва: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025. – С. 283-285.

Гольцова Евгения Викторовна

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ИГУ),

Иркутск, Россия

Государственные образовательные сертификаты как основа реализации права на образование

Конституция Российской федерации гарантирует каждому гражданину право на образование, которое не должно зависеть от пола или расы, национальности или языка, происхождения и места жительства, имущественного, социального и должностного положения и так далее. Однако, десятилетие упорного труда не обеспечивает выпускнику гарантии получения бесплатного высшего образования. В этом состоит главное противоречие сложившейся модели набора студентов в вузы. Рассматривая выпускников школ как основных получателей образовательных услуг системы высшего образования, необходимо учитывать их потребности. В то же время, государство не может не учитывать потребности в кадрах народного хозяйства. Поэтому, ежегодные приемные кампании демонстрируют дисбаланс спроса и предложения и невозможность для многих абитуриентов поступления на бюджетные места.

Ежегодный бюджетный набор в российские вузы составляет более 600 тысяч мест, из которых не меньше половины выделяется на бакалавриат, причем, большая часть отводится инженерным специальностям, здравоохранению и медицинским наукам, машиностроению, информационно-вычислительным технологиям, а также электро- и теплоэнергетике [1]. Каждый год на многих из этих направлений наблюдается недобор или поступление абитуриентов с весьма невысокими баллами. Ситуация усугубляется еще и тем, что многие выпускники, по окончании вуза, не идут работать по специальности. Таким образом, снижается эффективность всей системы высшего образования.

Для решения этой проблемы предлагается введение именных образовательных сертификатов. До настоящего времени такая форма применялась лишь при получении дополнительного образования[2], которое не нуждается в государственной поддержке, поскольку его получают работающие люди, имеющие стабильный доход и способные оплачивать образовательные услуги. Мы предлагаем внедрить новую модель именных

образовательных сертификатов (далее ИОС) для приёма на бюджетные места не только по всем программам основного высшего образования, но также и по программам среднего профессионального образования[3]. ИОС будет распространяться на всех обучающихся, оканчивающих школу и претендующих на бюджетные места. ИОС должен стать именным документом, подтверждающим право выпускника на бесплатное обучение по основной профессиональной программе. Содержательный смысл этого сертификата состоит в том, что он «привязывается» к итоговому рейтингу выпускника и его номинал будет учитываться аналогично баллам, полученным при сдаче Единого государственного экзамена, или другой формы государственной итоговой аттестации.

Главные характеристики именного образовательного сертификата составят его номинал и «жизненный цикл». Номинал - это сумма баллов, эквивалентная сумме баллов итоговой аттестации выпускника и стандарту бюджетного финансирования обучения студента. «Жизненный цикл», включает этап формирования (получение школьного аттестата), этап активизации (прохождение конкурса при поступлении в вуз) и этап реализации (получение ежегодного государственного финансирования во время обучения). Также должна быть предусмотрена процедура приостановки реализации сертификата с прекращением его использования при наличии уважительных причин с возвратом оставшейся неиспользованной суммы, или, при отсутствии уважительных причин, «погашение» сертификата с возвратом неиспользованной части в бюджет.

Источники и литература

- 1) Число бюджетных мест в вузах по инженерным и сельскохозяйственным направлениям в следующем учебном году планируется увеличить: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/98937/>
- 2) Шахмаева А. Р. Обучение государственных гражданских служащих российской федерации на основе государственных образовательных сертификатов //Неделя науки-2021. – 2021. – С. 528-530
- 3) Гольцова Е.В. Образовательные сертификаты как перспективная модель организации приёма студентов в системе высшего образования // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Иркутск, 2024., С. 404-406.

*Санкт-Петербургский государственный университет, Город Хуайань,
провинция Цзянсу, Китай*

Социологический анализ влияния цифровых платформ на взаимодействие между преподавателями и студентами в российских вузах

В данном исследовании проводится системный анализ многомерно-го влияния цифровых платформ на взаимодействие между преподавателями и студентами в контексте цифровой трансформации российских вузов, с использованием комбинированного подхода социологической теории и эмпирического исследования. Исследование основано на смешанной методологии, включающей опрос 1372 студентов и 419 преподавателей, анализ политических документов и записей онлайн-обучения, что позволило создать социологическую структуру анализа взаимодействия преподавателей и студентов в цифровой среде. Результаты исследования показывают: (1) цифровые платформы реструктурировали пространственно-временные отношения между преподавателями и студентами, придав взаимодействию децентрализованный, фрагментированный и нелинейный характер; (2) цифровая трансформация привела к изменению роли преподавателя от передатчика знаний к руководителю обучения, что сопровождается кризисом профессиональной идентичности; (3) взаимодействие между преподавателями и студентами изменилось от традиционной односторонней модели передачи информации к многосторонней модели сотрудничества, однако возник "парадокс близости" в глубине взаимодействия; (4) реорганизация системы символического взаимодействия в цифровом контексте изменила структуру власти и способы конструирования смысла в образовательном поле. В исследовании предлагаются стратегические рекомендации по оптимизации взаимодействия преподавателей и студентов в цифровой среде с точки зрения символического интеракционизма, социального конструктивизма и структурного функционализма, обеспечивая социологическую поддержку для принятия управленческих решений в сфере высшего образования и создавая теоретическую основу для оценки эффективности цифровых инструментов в образовательной среде.

Ключевые слова: цифровые платформы; российские вузы; взаимодействие преподавателей и студентов; социологический анализ; цифровая трансформация образования

Источники и литература

- 1) Abramov, R. N., Gruzdev, I. A., Zakharova, U. S., & Terentiev, E. A. (2021). Prepodavateli rossiiskikh vuzov v usloviyakh pandemicheskoy tsifrovizatsii: mezhdru avtonomiei i kontrolom. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 3(163), 134-154.
- 2) Alekseev, I. A., Gasparishvili, A. T., & Krukhmaleva, O. V. (2021). Tsifrovizatsiya v sisteme vysshego obrazovaniya: sotsiologicheskii analiz. Almamater (Vestnik vysshey shkoly), 8, 16-23.
- 3) Astaf'eva, O. A. (2019). Problemy formirovaniya pozitivnogo vzaimodeystviya pedagogov i studentov v VUZe. Psihologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus, 18(3), 78-82. DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-3(41)-78-82.
- 4) Dolgaleva, Y. A. (2021). Tsifrovye obrazovatel'nye praktiki studentov v usloviyakh lokdauna. Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire, 11(1), 195-205. DOI: 10.20913/2618-7515-2021-1-9.
- 5) Ivanova, D. S., Knyazkova, O. V., & Somova, M. V. (2021). Pedagogicheskie aspekty realizatsii distantsionnogo vzaimodeystviya v VUZe. Psihologo-pedagogicheskij poisk, 1(57), 66-74. DOI: 10.37724/RSU.2021.57.1.006.

Дахтин Роман Владимирович

*Московский Педагогический Государственный Университет, Москва,
Россия*

Межпоколенческие конфликты в условиях цифровизации школьного образования: позиция учеников

Цифровизация современного общества оказывает существенное влияние на систему общего образования, трансформируя не только образовательные практики, но и характер взаимодействия между основными субъектами образовательных отношений — школьниками, педагогами и родителями. В условиях активного внедрения цифровых технологий особую актуальность приобретает проблема межпоколенческого конфликта, возникающего вследствие различий в ценностях, установках и уровне цифровой компетентности представителей разных поколений.

Межпоколенческий конфликт в образовательной среде представляет собой форму социального конфликта, обусловленного противоречиями между младшим и старшим поколениями по вопросам целей, способов

и допустимых границ использования цифровых технологий в учебно-познавательной деятельности. В условиях цифровизации данные противоречия усиливаются за счёт изменения традиционных моделей передачи знаний и социального опыта.

Эмпирическую основу исследования составили результаты социологического опроса школьников, проведённого в 2025 году в пяти субъектах Российской Федерации ($N = 582$). Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство обучающихся осваивают цифровые технологии самостоятельно либо с опорой на сверстников, при этом роль педагогов как основных трансляторов цифровых знаний снижается. Вместе с тем школьники в целом демонстрируют готовность к диалогу с представителями старшего поколения и преимущественно нейтральное или позитивное отношение к их рекомендациям.

Ключевыми причинами возникновения межпоколенческих конфликтов в процессе освоения цифровых технологий выступают различия в уровне цифровой компетентности, недопонимание роли цифровых ресурсов в современном образовании, предубеждения старшего поколения, а также стремление молодежи к автономии и самостоятельности. Конфликт, как правило, носит двусторонний характер и чаще проявляется в неформальном взаимодействии, прежде всего в семье.

В ходе исследования участникам предлагалось указать источники информации, которые они используют для освоения цифровых технологий, сервисов и устройств. Результаты показали, что преобладающей тенденцией стало самостоятельное обучение: **26 %** респондентов осваивают цифровые технологии без посторонней помощи. Тем не менее социальное взаимодействие по-прежнему играет существенную роль в процессе обучения:

- **18 %** опрошенных узнают о цифровых ресурсах от друзей и знакомых;

- **15 %** — от родителей и других родственников.

Значимую нишу занимают онлайн-ресурсы: **13 %** участников исследования отметили, что осваивают новые технологии с помощью интернет-видеоуроков.

При этом наблюдается снижение роли учителя как основного источника знаний в сфере цифровых технологий — лишь **13 %** респондентов назвали педагогов в качестве информаторов по вопросам цифровизации. Эта тенденция связана с тем, что современный мир стремительно меняется: зачастую именно школьники становятся распространителями знаний о новых технологиях и социальных преобразованиях, делясь своим опытом с представителями старших поколений. Несмотря на обозначен-

ные изменения, учителя продолжают выполнять важную функцию — выступают связующим звеном между инновационными технологиями и образовательным процессом.

Исследование выявило, как респонденты реагируют на рекомендации старшего поколения в сфере цифровых технологий. Большинство участников демонстрируют нейтральное отношение к таким советам — эту позицию заняли 46 % опрошенных: они не отвергают рекомендации, но и не проявляют к ним активного интереса. При этом почти половина респондентов (48 %) воспринимают советы старшего поколения позитивно или даже крайне позитивно, что свидетельствует о сохранении межпоколенческого диалога в цифровой сфере и готовности школьников взаимодействовать со старшими в вопросах освоения технологий. Лишь незначительная доля участников исследования выразила негативное отношение к рекомендациям: в общей сложности 6 % респондентов скептически воспринимают такие советы, из них 4 % относятся к ним отрицательно, а 2 % — крайне негативно. В целом результаты указывают на преимущественно конструктивный характер межпоколенческого взаимодействия в цифровой среде: большая часть опрошенных открыта к диалогу со старшим поколением и благожелательно воспринимает их рекомендации по вопросам цифровых технологий.

Результаты исследования показывают, что большинство школьников ориентированы на конструктивные способы разрешения конфликтов, такие как компромисс и сотрудничество. Это свидетельствует о наличии потенциала для гармонизации межпоколенческих отношений в образовательной среде. Снижение уровня конфликтности возможно при условии развития культуры межпоколенческого диалога, повышения цифровой грамотности всех участников образовательного процесса и формирования согласованных подходов к использованию цифровых технологий в образовании.

Источники и литература

- 1) Зотов В. В., Дахтин Р. В. Развитие социологических взглядов на социальный конфликт: от общих идей к исследованию отношений поколений в системе образования // Журнал социологических исследований. 2024. №. 3. С. 2 – 7.
- 2) Мид М. Культура и мир детства [Текст] // М.: Наука, 1988. – 429 с.
- 3) Митина Л.М. Межпоколенческие отношения как критерий эффективности личностного и профессионального развития субъектов об-

разования: разрыв или общность // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. №1. С. 3 – 10.

- 4) Склярова Н. Ю., Литвиненко М.П., Луцкая Е.Е. Технооптимизм или технопессимизм: какой путь необходим для развития российского общего образования // Наука и школа. 2024. № 5. С. 126 - 139.

Дюков Сергей Викторович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Заложники оценок: трудности воспитания креативных и инициативных выпускников в современной школе

В настоящее время очень важно формировать у школьников готовность к принятию новых вызовов, предлагая им пробовать брать на себя ответственность за инициативу и решать задачи, требующие применения нестандартных подходов и креативного мышления. Однако, система школьного образования зачастую ставит во главу угла лишь формальные показатели, такие как оценки, участие и победы в олимпиадах и конкурсах, а также результаты ОГЭ и ЕГЭ. Ориентация исключительно на внешний успех подавляет естественную любознательность и внутреннюю мотивацию школьников к обучению. Вместо того, чтобы воспитывать осознанное стремление к развитию, эта система в качестве основных инструментов использует рычаги воздействия, основанные на страхе наказания (выговоры, навешивание ярлыков, плохие оценки). Это, в свою очередь, формирует зависимость от внешних показателей успеха и мешает развить подлинный интерес к знаниям и креативное мышление [2].

Следующая проблема заключается в том, что чрезмерный акцент на заучивании фактов и формул без понимания их глубинного смысла, без осознания области их реального применения формирует у школьников поверхностные знания и представления. Игнорирование междисциплинарных связей приводит к тому, что учащиеся не могут эффективно использовать полученные знания в дальнейшей учебе и в жизни вообще, что способствует развитию неуверенности и неготовности к реальным вызовам [1]. Также серьезным барьером на пути современного школьного образования является запоздалое внедрение новейших технологий и научных исследований в школьную практику [3].

И.В. Рыбаков с коллегами подчеркивают: «существующая система образования не способствует появлению лидеров изменений в обществе,

конструктивных пассионариев, что не приводит к решению существующих проблем в обществе и затрудняет ответ на внешние вызовы» [4, с. 51]. Зарубежные авторы отмечают, что значительным препятствием для возникновения конструктивных пассионариев, то есть молодых людей, стремящихся к созиданию и преобразованию, является недостаточная развитость лидерских качеств у многих учителей [5].

Пути решения перечисленных проблем современного школьного образования, не в последнюю очередь вызванных предшествующими, не всегда удачными реформами, видятся в следующих пунктах:

- Подготовка педагогов с лидерскими качествами: в высших учебных заведениях ключевое значение имеет подготовка неравнодушных преподавателей, искренне увлеченных своей профессией, способных самим вдохновляться новыми идеями и способных вдохновлять и увлекать своих учеников;
- Повышение квалификации педагогов: учителя должны регулярно проходить обучение и повышение квалификации в области использования современных технологий и научных методов обучения;
- Инвестиции в оснащение школ: необходимо обеспечить школы современным технологическим оборудованием;
- Популяризация научных исследований в образовании: важно доносить информацию о новых научных открытиях в области образования до учителей и широкой общественности, а также стимулировать и поддерживать учителей и школьников в стремлении к ведению научно-исследовательской и научно-публикационной деятельности;
- Создание условий для обмена опытом и инноваций: целесообразно создавать платформы для обмена опытом между учителями, проводить конкурсы на лучшие инновационные проекты;
- Поддержка только тщательно отобранных инновационных образовательных проектов: необходимо финансировать проекты, направленные на внедрение новых технологий и научных методов обучения в школьную практику.

Источники и литература

- 1) Лаптев, В.В. Проблемы реализации междисциплинарного взаимодействия физики и математики в современной школе / В.В. Лаптев, Л.А. Ларченкова, В.И. Снегурова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2024. – № 211. – С. 38–51.

- 2) Лесных, Е.А. Мотивация как основной двигатель процесса обучения / Е.А. Лесных // Наука без границ. – 2020. – № 9 (49). – С. 10–15.
- 3) Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023.
- 4) Рыбаков И.В., Банев А.С., Голубицкий А.В. Формирование конструктивной пассионарности. Новая модель образования // Народное образование. 2025. № 6. С. 48–55.
- 5) School leadership roles and standards: observations from the International Study of Teacher Leadership / C.F. Webber, D. Andrews, C.P. van der Vyver [и др.]. 2024. 46 p.

Евсеева Лидия Ивановна

Санкт-Петербургский политехнический университет,

Санкт-Петербург, Россия

Использование технологий искусственного интеллекта в подготовке молодежи к профессиональной деятельности

Система образования оказывается перед вызовами, которые заставляют обратиться к некогда актуальным идеям интегральности и конвергенции. Процессы конвергенции в сфере образования основаны на интеграции научного знания и технологических достижений, что позволяет интегрировать межпредметные связи, новые подходы и технологии к разработке и реализации образовательных программ и формировать гибкие навыки обучающихся.

Сегодня мы наблюдаем заметную тенденцию разнообразия профессиональных практик через использования технологий ИИ.

Молодежь осваивает приложения технологии ИИ, осуществляя коммуникации, повседневное общение и решая деловые вопросы, что требует пребывания и проведения времени в виртуальном пространстве. Опросы, проведенные в разных регионах страны, дают позитивную оценку включению агентов в коммуникации, показывая между тем ряд различий, в частности, в уровне осведомленности о возможностях технологии ИИ, в проявляемой активности пользователей. Для заметной части представителей студенчества характерно мнение, что влияние технологий ИИ

имеет как позитивные, так и отрицательные последствия (58%/37%), молодые люди также осторожно отзываются о возможностях алгоритмов социальных рейтингов.

Реализация программы «цифровой трансформации» невозможна без преобразования самого человека, поскольку предполагает кардинальные изменения существующих процессов или внедрение новых. Человек становится центром этих преобразований, а его развитие остается главной целью общества. Мотивация заложена в познавательной деятельности самой личности через универсальные ценности обучения и стимулируется запросами и требованиями внешней социально-экономической среды.

В цифровом обществе неизменным атрибутом процесса обучения выступает установка на непрерывное саморазвитие личности.

Современные модели организации профессионального развития основываются на принципах:

1) Предоставление контента в смешанном формате, использование конвергентных платформ в формировании профессиональных компетенций, навыков и др.

2) Выстраивание персонифицированных/индивидуальных моделей образовательных траекторий, культивирование новой функциональности цифровизации как фактора повышения профессиональной конкурентоспособности, а также уникального инструмента повышения мотивации в процессе обучения и заинтересованности в достижении уровня профессионализма.

3) Расширение применения продуктов и приложений искусственного интеллекта в профессиональной деятельности, нейротехнологий, цифровых помощников, технологий виртуальной и дополненной реальностей и др.

Использование продуктов и технологий на базе ИИ в образовательных целях необходимо для того, чтобы обеспечивать высокое качество образования, отвечающее ведущим тенденциям развития общественной и технологической среды, актуальным требованиям меняющегося рынка труда. В связи с этим кажется очевидным, что технологии на базе ИИ должны обеспечивать подготовку будущих специалистов к динамичным условиям рынка.

Евсеев Владимир Владимирович

*Санкт-Петербургский политехнический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Экосистемный подход в трансформации университетского образования

В современном мире, отличающемся ускоренным темпом социальной жизни, быстрым переходом к цифровым сервисам и производству большого количества информации, возникает потребность в новых формах сотрудничества и моделей в системе образования. Цифровые коммуникации и равный доступ к ним может рассматриваться в качестве значимого условия трансформации образовательной экосистемы.

В исследованиях авторов, инновационная деятельность вузов анализируется с точки зрения экосистемного подхода [1]. Она развивается на микроуровне как локальная экосистема, нацеленная на преумножение потенциала отдельного вуза, и на макроуровне как инновационная экосистема, преобразуя потоки инновационных идей, научных разработок, информации и интеллектуальных ресурсов, в практику, трансформируясь во внедренные инновации. По мнению авторов, сегодня в качестве главных подходов к формированию экосистем рассматривают: организационный и технологический.

Университеты обладают всеми необходимыми механизмами и технологиями для проектирования и построения своей экосистемы. В рамках экосистемы вузы предполагают наличие открытой инновационной платформы для студентов, которая бы интегрировала теоретические знания и практические навыки, акцентировала бы нацеленность на инновационное сознание и креативные способности, получаемые в процессе обучения.

Экосистема, исходя из новой функциональности университетов, способствует развитию молодежных сообществ. Университеты заинтересованы в реализации более широкого набора интересов обучающихся, что позволяет осуществлять диверсификацию молодежных сообществ. Деятельность молодежных сообществ не сводится только к образовательным задачам, а направлена на комплексное развитие навыков и ценностного мира студенчества. Это характеризует процесс трансформации традиционной научно ориентированной модели университета в экосистемную, в которой интегрируются сферы обучения, развития и воспитания.

Меняется университетская среда, все больше появляется «гибких форм обучения, сетевых моделей и активного сотрудничества акторов процесса обучения» [2]. Применение технологий на базе ИИ в образовательных целях способно обеспечивать высокое качество образования, отвечающее растущим потребностям общественной и технологической среды, требованиям меняющегося рынка труда.

Вовлеченность студента в познавательный процесс в современном университете стимулируется не только интерактивной средой, но и внутренними установками личности, и внешними правилами поведения. Образовательная «экосистема» может рассматриваться перспективным инструментом развития самой личности и общества.

Возникает необходимость сочетания цифровых и традиционных технологий, что позволяют реализовать индивидуализацию, творческий подход к поиску решений и выполнению заданий, развивать гибкие навыки, формировать потребность в непрерывном образовании.

Источники и литература

- 1) Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Университетская экосистема как предмет образовательной аналитики // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, №3. С. 18–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-31

Енин Даниил Алексеевич

*Московский педагогический государственный университет, Москва,
Российская Федерация*

Цифровизация образования как фактор изменения профессиональной культуры педагога

Цифровая трансформация современного образования выступает институциональным процессом, затрагивающим не только организационно-технологические основы образовательной деятельности, но и содержание профессиональной культуры педагогов. В условиях внедрения цифровых образовательных платформ, электронных форм управления и цифровых каналов коммуникации профессиональная культура педагога претерпевает структурные изменения, связанные с обновлением профессиональных норм, расширением профессиональных функций и изменением способов профессионального взаимодействия.

Профессиональная культура педагога рассматривается как многокомпонентная система, включающая ценностные ориентации, профессиональные нормы, коммуникативные практики и модели профессионального поведения. В современной школе в её структуре особое значение приобретает цифровая культура педагога, понимаемая как совокупность цифровых компетенций, установок и норм профессионального поведения в цифровой образовательной среде. Цифровая культура оказывает влияние на профессиональную идентичность педагога, его готовность к

инновациям, профессиональную самооценку и способы адаптации к изменениям образовательной среды.

Эмпирической основой исследования послужило анкетирование педагогов общеобразовательных школ города Москвы, проведённое в 2025 году ($N = 102$). Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство педагогов оценивают уровень своей цифровой компетентности как достаточный для выполнения профессиональных задач в условиях цифровизации. Цифровые инструменты наиболее активно используются в сфере профессиональной коммуникации, организации учебного процесса и ведения документации, что указывает на их включённость в повседневные профессиональные практики педагогов. Вместе с тем выявляется ограниченность использования цифровых технологий для создания собственных образовательных продуктов и аналитической работы с цифровыми ресурсами.

Анализ ответов респондентов показывает рост профессиональной нагрузки и эмоционального напряжения, связанных с необходимостью постоянного освоения новых цифровых инструментов и адаптации к изменяющимся требованиям образовательной среды. Одновременно фиксируется расширение цифровых профессиональных коммуникаций, усиление горизонтального взаимодействия и формирование элементов цифрового профессионального сообщества в образовательных организациях. Это отражает неоднородность процессов цифровой адаптации и наличие различий в уровне цифровой готовности педагогов.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что цифровая культура выступает одним из ключевых факторов трансформации профессиональной культуры педагога. Её развитие способствует профессиональной устойчивости и адаптации к институциональным изменениям системы образования, тогда как недостаточный уровень цифровой культуры усиливает риски профессиональной неуверенности и эмоционального выгорания.

Источники и литература

- 1) Гаркуша Н. С., Алексеева А. С., Асмолова Л. М. Цифровая культура руководителя образовательной организации: методологические подходы к исследованию // *Science for Education Today*. – 2023. – Т. 13. – №. 4. – С. 123-147.
- 2) Дворецкая И. В., Мерцалова Т. А. Возможности и предпочтения учителей в выборе способов развития компетенций использования цифровых образовательных технологий // *Мониторинг обществен-*

ного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – №. 4 (182). – С. 126-147.

- 3) Козилова, Л. В., Чвякин, В. А., Волкова, Ю. А. Корпоративная и организационная культура : учебник. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. – 131 с.
- 4) Котлярова О. А., Поваляева О. Н., Турко У. И. Цифровая компетентность педагогов в условиях современных вызовов и рисков //Теория и практика физической культуры. – 2022. – №. 12. – С. 55-57.
- 5) Руднова Н.А., Корниенко Д.С., Калимуллин А.М. Особенности цифровых компетенций современных учителей российских школ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 4. С. 1012–1035.
- 6) Спиридонова Ю.С. Понятие и структура цифровой культуры будущего педагога // Образование и общество. 2023. № 5 (142). С. 83–89.
- 7) Уваров А. Ю. Цифровое обновление образования: на пути к «идеальной школе» //Информатика и образование. – 2022. – Т. 37. – №. 2. – С. 5-13.

Ефимова Галина Зиновьевна

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Барьеры академического развития научно-педагогических работников в российских университетах

В условиях глобальной конкуренции и реализации масштабных государственных программ, таких как «Приоритет-2030», российские университеты испытали необходимость повышения научно-инновационной и образовательной результативности. Ключевой агент изменений – научно-педагогические работники (НПР), от академического развития и мотивации которых напрямую зависят достижения вузов [1]. Однако существующая университетская среда содержит комплекс препятствий, которые ограничивают потенциал академического развития НПР.

Материал направлен на выявление и системный анализ барьеров, с которыми сталкиваются НПР в современном российском вузе, и формулирование на этой основе практических рекомендаций для университетского управления. Эмпирическую базу составили результаты интервью с

220 НПР из 15 вузов (участников и кандидатов программы «Приоритет-2030»).

Обозначен комплекс барьеров, препятствующих академическому развитию НПР. Препятствия носят взаимосвязанный характер и имеют ограничивающий инновационный потенциал вузов. Анализ позволил структурировать их в несколько ключевых категорий.

1. Организационно-управленческие и бюрократические барьеры.
2. Ресурсные и временные ограничения (высокая аудиторная нагрузка, дефицит финансирования и времени).
3. Кадровые и мотивационные барьеры (консерватизм и сопротивление изменениям, отсутствие прозрачной системы мотивации и карьерного роста).
4. Внешние (институциональные) барьеры (международная изоляция, жесткие требования министерств и учредителей).

На основе предложений информантов сформулируем направления изменений:

1. Декоммерциализация и оптимизация управления. Радикальное сокращение бюрократии через цифровые платформы, делегирование полномочий, введение операционного персонала. Проведение аудита бизнес-процессов, с привлечением внешних экспертов.
2. Балансировка нагрузки и ресурсная поддержка. Пересмотр норм аудиторной нагрузки, выделение «научных» и «преподавательских» треков. Создание гибких фондов развития (децентрализованных на уровне подразделений) для поддержки молодых ученых, обеспечения доступа к оборудованию.
3. Развитие человеческого капитала. Внедрение понятной и справедливой системы мотивации, карьерного роста и оценки. Создание программ по предотвращению выгорания. Увеличение количества площадок для диалога между администрацией-НПР.
4. Адаптация к внешним условиям. Развитие альтернативных форм международного сотрудничества, активное привлечение индустриальных партнеров, лоббирование изменений на федеральном уровне.

Барьеры академического развития НПР носят системный и многоуровневый характер. Они проистекают из противоречия между требованиями к научной продуктивности и инновационности образования, с одной стороны, и устаревшей, перегруженной бюрократией системой управления с дефицитом ресурсов – с другой. Преодоление барьеров требует перестройки управленческой парадигмы в сторону НПР-центричности, где создание условий для академического развития НПР - приоритет для достижения университетом стратегических целей.

Источники и литература

- 1) Ефимова, Г. З. Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий / Г. З. Ефимова // Вестник университета. – 2025. – № 5. – С. 217-232. – DOI 10.26425/1816-4277-2025-5-217-232. – EDN AMGRFV.

Желнина Евгения Валерьевна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Влияние цифровизации на образовательное и профессиональное неравенство

Стремительное развитие цифровых технологий трансформирует все сферы общественной жизни – экономику, образование, рынок труда, коммуникации. Однако наряду с новыми возможностями цифровизация создает и новые формы социального неравенства. Так называемый «цифровой разрыв» постепенно эволюционировал в более сложный феномен цифрового неравенства, включающий не только доступ к интернету и оборудованию, но и различия в цифровых компетенциях, а также способность извлекать социальные выгоды из использования технологий [Castells, 2010; van Dijk, 2020].

Особую актуальность проблема получила в период пандемии COVID-19, обострившей различия между социальными группами в условиях массового перехода на дистанционные форматы обучения и работы [Селезнева, 2021]. Развитие инструментов искусственного интеллекта (ИИ), прежде всего генеративных моделей, создает новый уровень цифрового неравенства — между теми, кто имеет возможности интегрировать ИИ в учебную и профессиональную деятельность, и теми, кто остается в стороне из-за отсутствия навыков, инфраструктуры или мотивации [Selwyn, 2022].

Цель публикации – провести социологический анализ влияния цифровизации на образовательное и профессиональное неравенство, уделяя внимание роли ИИ как фактору нового цифрового расслоения.

Теоретические подходы к анализу цифрового неравенства. Первые исследования цифрового разрыва были сосредоточены на технологическом доступе: наличии интернета, компьютеров, скорости соединения [NTIA, 1999]. Социологи следующего поколения, включая J. van Dijk и E. Helsper, предложили многоуровневые модели цифрового неравенства,

включающие: доступ к оборудованию, цифровые навыки, социальные выгоды от использования технологий [van Dijk, 2020; Helsper, 2021].

И. Раньедда и Г. Мушерт развивают концепцию цифрового капитала — совокупности технических средств, навыков и социальных стратегий, обеспечивающих субъекту возможность эффективного участия в цифровой среде [Ragnedda & Muschert, 2018]. Данный подход позволяет анализировать цифровое неравенство как часть общей структуры социального капитала.

Ключевые факторы цифрового расслоения в контексте социально-демографических детерминант включают: уровень дохода, регион проживания, возраст, образование, социальный статус семьи [ВШЭ, 2022]. Цифровизация усиливает уже существующие различия, поскольку доступ к технологиям становится новым видом социального ресурса.

Ключевые факторы цифрового расслоения в контексте социально-демографических детерминант формируются на пересечении экономических, территориальных и культурных различий и во многом воспроизводят традиционные формы социального неравенства, придавая им новые — цифровые — измерения. Прежде всего, уровень дохода напрямую определяет возможности доступа к цифровым устройствам, качественному интернет-соединению и платным образовательным платформам. Домохозяйства с низкими доходами чаще сталкиваются с ситуацией «ограниченного доступа», когда использование цифровых технологий носит фрагментарный и утилитарный характер, что снижает потенциал их применения в образовательных и профессиональных целях.

Значимым фактором выступает регион проживания. Межрегиональная дифференциация в развитии цифровой инфраструктуры приводит к устойчивому разрыву между крупными городами и периферийными территориями. В сельских районах и малых городах цифровизация часто ограничивается базовыми сервисами, тогда как жители мегаполисов получают доступ к широкому спектру онлайн-образования, дистанционной занятости и цифровых профессиональных сообществ. Тем самым цифровые технологии не нивелируют территориальное неравенство, а в ряде случаев усиливают его.

Возраст также является важной детерминантой цифрового расслоения. Молодёжь, как правило, обладает более высоким уровнем цифровой грамотности и адаптивности к технологическим изменениям, что расширяет её образовательные и карьерные возможности. В то же время старшие возрастные группы нередко сталкиваются с цифровыми барьерами, связанными как с недостатком навыков, так и с психологическим отчуж-

дением от цифровой среды. Это ограничивает их участие в непрерывном образовании и снижает конкурентоспособность на рынке труда.

Не менее существенную роль играет уровень образования, который коррелирует с характером и глубиной использования цифровых технологий. Лица с более высоким образовательным капиталом используют цифровые ресурсы преимущественно для саморазвития, профессионального роста и расширения социальных связей, тогда как группы с низким уровнем образования чаще ограничиваются развлекательным и потребительским использованием цифровой среды. В результате формируется не только разрыв в доступе к технологиям, но и разрыв в качестве их использования.

Особое значение имеет социальный статус семьи, который закладывает основы цифрового неравенства ещё на этапе первичной социализации. Дети из семей с высоким социально-экономическим статусом с раннего возраста получают доступ к цифровым устройствам, развивающим онлайн-ресурсам и поддержке со стороны родителей, обладающих цифровыми компетенциями. Напротив, в социально уязвимых семьях цифровая среда часто выступает источником пассивного потребления, что воспроизводит образовательное неравенство и ограничивает социальную мобильность.

Таким образом, цифровизация не является нейтральным социальным процессом. Напротив, она усиливает уже существующие социальные различия, поскольку доступ к технологиям и цифровым компетенциям превращается в новый вид социального ресурса, сопоставимый по значимости с экономическим, культурным и социальным капиталом. В условиях цифрового общества неравенство смещается от вопроса формального доступа к технологиям к проблеме неравных возможностей их продуктивного использования, что напрямую влияет на образовательные траектории и профессиональные перспективы индивидов.

Дистанционные форматы обучения требуют не только устройств и интернета, но и развитых цифровых навыков. Исследования показывают, что учащиеся из низких социально-экономических групп чаще сталкиваются с отсутствием технической базы, что снижает их образовательные результаты [OECD, 2021].

Недостаточная цифровая грамотность преподавателей ухудшает качество образовательного процесса, особенно при использовании сложных технологий, таких как LMS-платформы, средства аналитики и ИИ [Смирнова, 2023].

Появление ИИ-платформ (ChatGPT, Claude, GitHub Copilot) создает неоднородность образовательной среды:

- студенты, владеющие ИИ-инструментами, повышают скорость и качество выполнения заданий;
- преподаватели, использующие ИИ, разрабатывают более адаптивные и гибкие курсы;
- образовательные организации без цифровой инфраструктуры теряют конкурентоспособность.

Таким образом, ИИ становится одним из ключевых факторов формирования нового уровня образовательного неравенства.

Логичным продолжением данного анализа является обращение к амбивалентному характеру цифровизации как социального процесса. Несмотря на то, что цифровизация встраивается в уже существующую структуру социального неравенства и нередко усиливает её, сводить её влияние исключительно к эффектам расслоения было бы методологически некорректно. Цифровизация представляет собой двойственный социальный феномен, сочетающий в себе как репродуктивный, так и трансформационный потенциал.

С одной стороны, цифровые технологии действительно воспроизводят и углубляют социально-экономические различия, поскольку доступ к ним и способность эффективно их использовать распределены неравномерно. Однако, с другой стороны, при наличии институциональной поддержки и целенаправленной социальной политики цифровизация способна выступать эффективным инструментом сглаживания и преодоления неравенства. В отличие от традиционных социальных ресурсов, цифровые технологии обладают высокой масштабируемостью и относительной доступностью, что создаёт предпосылки для расширения образовательных и профессиональных возможностей социально уязвимых групп.

В сфере образования цифровизация открывает доступ к онлайн-курсам, дистанционным программам и образовательным платформам, позволяя компенсировать дефицит качественных образовательных ресурсов в регионах и снижать зависимость образовательных траекторий от места проживания и социального происхождения. Аналогичным образом в профессиональной сфере цифровые технологии создают новые формы занятости, расширяют возможности удалённой работы и снижают барьеры входа на рынок труда для лиц с ограниченной мобильностью, включая жителей периферийных территорий, людей с инвалидностью и представителей старших возрастных групп.

Таким образом, цифровизация выступает не как однозначный фактор социального неравенства, а как инструмент социального перераспределения возможностей, эффект которого зависит от социального контекста, уровня цифровой грамотности населения и степени вовлечённости госу-

дарства и образовательных институтов в процессы регулирования цифровой среды. В этом смысле цифровое неравенство не является неизбежным следствием цифровизации, а представляет собой результат неравномерного включения социальных групп в цифровую трансформацию общества.

Цифровизация рынка труда и профессиональное неравенство

Автоматизация и ИИ приводят к исчезновению профессий низкой квалификации и росту спроса на цифровые компетенции. Это усиливает социальное расслоение между «цифровыми» и «традиционными» группами работников [World Economic Forum, 2023].

Большая часть высокотехнологичных рабочих мест сосредоточена в крупных городах, что усиливает миграционное давление и региональное неравенство [РАНХиГС, 2022].

Программы повышения цифровой грамотности и обучение работе с ИИ позволяют снизить неравенство, однако доступ к ним ограничен социально-экономическим положением и территориальной доступностью.

Эмпирический анализ: собственное исследование

Цель исследования – выявить влияние цифрового неравенства и уровня цифровых компетенций преподавателей на доступ студентов к образовательным ресурсам и инструментам ИИ, а также оценить последствия этого для учебной успеваемости и профессионального развития студентов.

Задачи:

1. Определить уровень цифровой грамотности преподавателей и студентов.
2. Оценить использование ИИ-инструментов в образовательном процессе.
3. Проанализировать влияние цифрового капитала на образовательные результаты.
4. Выявить социальные и экономические факторы, влияющие на доступ к цифровым инструментам.

Объект исследования: преподаватели и студенты профильных дисциплин (информационные технологии, прикладная информатика, социология).

Выборка:

- 120 студентов (бакалавриат и магистратура)
- 35 преподавателей университетов

– Социально-демографические показатели: возраст, уровень дохода семьи (для студентов), стаж работы и уровень цифровой компетенции (для преподавателей)

Методы исследования:

1. Анкетирование – оценка цифровых навыков и частоты использования ИИ-инструментов.

2. Полуструктурированные интервью с преподавателями для выявления барьеров и возможностей внедрения ИИ.

3. Анализ учебных достижений студентов (успеваемость, выполнение заданий с использованием ИИ).

4. Статистическая обработка данных – корреляционный и регрессионный анализ (SPSS, Python).

Основные результаты

1. Уровень цифровых компетенций:

– Преподаватели: 42 % – высокий уровень, 38 % – средний, 20 % – низкий.

– Студенты: 35 % – высокий уровень, 45 % – средний, 20 % – низкий.

2. Использование ИИ-инструментов:

– Преподаватели с высоким уровнем цифровых компетенций применяют ИИ в 78 % курсов.

– Студенты, имеющие доступ к ИИ, показывают на 15–20 % более высокие результаты по проектным заданиям.

– Студенты с преподавателями низкой цифровой компетенции менее вовлечены (только 25 % использовали ИИ регулярно).

3. Социальные и экономические детерминанты:

– Регион проживания и доход семьи влияют на доступ к ИИ-инструментам.

– Гендерные различия в использовании технологий статистически незначимы, но наблюдаются различия в уверенности при работе с ИИ.

Интерпретация результатов

– Цифровой капитал преподавателя является ключевым фактором доступа студентов к современным образовательным технологиям, включая ИИ.

– Неравенство в доступе к ИИ усиливает образовательное расслоение между социальными группами студентов.

– Применение ИИ улучшает учебные результаты, однако без равного доступа к технологиям социальное и профессиональное неравенство может увеличиваться.

Выводы собственного исследования

1. Внедрение ИИ в образовательный процесс положительно влияет на успеваемость студентов, но усиливает цифровое неравенство.

2. Повышение цифровых компетенций преподавателей – стратегическое направление снижения образовательного неравенства.

3. Необходимы системные меры: обеспечение равного доступа к инфраструктуре, обучение работе с ИИ, развитие адаптивных образовательных платформ.

Пути снижения цифрового неравенства

1. Развитие цифровой инфраструктуры и доступного интернета.

2. Создание систем обучения цифровым навыкам и навыкам работы с ИИ для всех уровней образования.

3. Поддержка цифровой инклюзии у преподавателей.

4. Разработка адаптивных ИИ-систем, помогающих компенсировать различия в уровне подготовки.

5. Расширение государственных программ цифрового развития регионов.

Цифровизация усиливает социальную дифференциацию, влияя на доступ к образованию и профессиональному развитию. Цифровое неравенство становится многослойным феноменом, включающим нехватку оборудования, недостаток цифровых компетенций и различия в способности использовать технологии для повышения социального капитала. Особую значимость приобретает доступ к инструментам ИИ, который формирует новый тип цифрового разрыва. Для снижения рисков социального расслоения необходимы комплексные меры цифровой инклюзии, охватывающие образовательные учреждения, рынок труда и региональное развитие.

Источники и литература

- 1) Castells, M. The Rise of the Network Society. – 2nd ed. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.
- 2) Van Dijk, J. The Digital Divide. – Cambridge : Polity Press, 2020. – 272 p.
- 3) Helsper, E. The Digital Disconnect: The Social Causes and Consequences of Digital Inequalities. – London : SAGE Publications, 2021. – 305 p.
- 4) Ragnedda, M., Muschert, G. W. The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective. – New York : Routledge, 2018. – 328 p.

- 5) Selwyn, N. Education in a Digital World: Global Perspectives on Technology and Education. – London : Routledge, 2022. – 248 p.
- 6) World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023. – Geneva : WEF, 2023. – 142 p.
- 7) OECD. Digital Education Outlook 2021: Pushing the Frontiers with Artificial Intelligence, Blockchain and Robots. – Paris : OECD Publishing, 2021. – 198 p. – DOI: 10.1787/589b283f-en.
- 8) NTIA (National Telecommunications and Information Administration). Falling Through the Net: Defining the Digital Divide. – Washington, D.C. : U.S. Department of Commerce, 1999. – 90 p.
- 9) Доклад об образовании в Российской Федерации : ежегодный доклад. / под ред. Л.М. Гохберга. – М. : НИУ ВШЭ, 2022. – 390 с.
- 10) Информационное общество в Российской Федерации : статистический сборник. – М. : Росстат, 2022. – 181 с.
- 11) Селезнева, Н. А. Дистанционное обучение в период пандемии: социологический анализ. – М. : Изд-во «Проспект», 2021. – 212 с.
- 12) Смирнова, Т. В. Цифровая грамотность преподавателей: проблемы и перспективы. – М. : Издательский дом Академии народного хозяйства и государственной службы, 2023. – 164 с.
- 13) Развитие регионов Российской Федерации : доклад. – М. : РАН-ХиГС, 2022. – 148 с.

Звягинцева Елена Николаевна

Университет ФЦИН России, Санкт-Петербург, Россия

**Искусственный интеллект как инструмент модернизации
обучения курсантов пенитенциарной системы: анализ
практики и риски**

Учебный процесс в образовательных организациях пенитенциарной системы строится в соответствии с федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования и ведомственными нормативными актами. Учебная деятельность обучающихся состоит из контактной и самостоятельной работ. Самостоятельная работа обучающихся проводится в целях непрерывного, система-

тического повышения и углубления знаний, формирования и закрепления практических умений и навыков. В связи с требованием соблюдать утвержденные временные рамки, по каждому виду работ, курсанты ищут пути модернизации образовательного процесса. В настоящее время таким путем стало использование искусственного интеллекта (ИИ) при выполнении курсантами заданий на самостоятельной подготовке.

В связи с этим возникла необходимость исследовать степень использования курсантами в образовательном процессе сервисов ИИ. Для этого был проведен анкетный опрос, в котором приняли участие курсанты со 2 по 4 курс (всего 107 человек). В результате, опроса было выявлено что курсанты активно осваивают и внедряют в свой образовательный процесс сервисы нейросетей. Так, на вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь с применением ИИ в образовательном процессе» курсанты ответили: очень часто (48%), часто (40%) и иногда (12%). На вопрос «Какие сервисы ИИ Вы используете при подготовке к занятиям» ответы распределились следующим образом: первое место занял сервис DeepSeek (56%), на втором месте Perplexity (34%), третье место разделили сервисы Qwen, Fygo AI, Merlin AI и Алиса Нейро, четвертое место у Giga Chat, ТГботы и Gemini и пятое место занял Chat Gpt. На вопрос «Какие потенциальные преимущества использования ИИ в образовательном процессе вы видите?» ответы распределились так: улучшение доступности образования (34,7%), персонализация учебного процесса (30,8%), автоматизация рутинных задач (23%) и повышение мотивации обучающихся (11,5%). На вопрос «Какие потенциальные риски и недостатки в использовании ИИ в образовании Вы видите» курсанты выделили следующие аспекты: зависимость от технологий (63%), снижение межличностного взаимодействия (18,5%), проблемы конфиденциальности данных (14,8%) и недостаточная надежность алгоритмов (3,7%). На вопрос «Для каких целей Вы чаще всего используете ИИ» курсанты выбрали: создание презентаций (44%), генерация текста (24%), для развлечения (16%), творческой деятельности (12%) и интерактивные обучающие платформы (4%).

Таким образом, курсанты активно используют в процессе обучения не только популярные модели ИИ, но и сравнительно новые или менее известные широкой публике сервисы. При этом вместо одной доминирующей модели наблюдается многообразие сервисов, каждый из которых выполняет свою нишевую функцию в учебном процессе, что указывает на цифровую модернизацию обучения среди курсантов. При этом они выделили риски зависимости от технологий, снижения межличностных отношений и возможности замены роли педагога.

*Зерчанинова Татьяна Евгеньевна¹, Гагауз Артем
Григорьевич¹*

*1 - Уральский институт управления - филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия*

Проблемы развития системы дополнительного образования детей в г. Екатеринбурге

Дополнительное образование детей способствует разностороннему развитию личности, лучшей социализации детей, формированию навыков общения и взаимодействия с окружающими, может помочь детям определиться с будущей профессией. «Дополнительное образование детей и взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [1].

Наличие качественной системы дополнительного образования не только обогащает свободное время детей, но и предоставляет им возможности для профессиональной ориентации и самореализации в различных областях, будь то искусство, спорт, наука или технологии.

Город Екатеринбург, как крупный промышленный и культурный центр Урала, сталкивается с уникальными вызовами и возможностями в этой сфере. Увеличение потока миграции, разнообразие культурных традиций и необходимость интеграции новых методов обучения детей требуют соответствующих изменений в системе дополнительного образования.

В Екатеринбурге в сфере дополнительного образования действует 524 муниципальных организации. Количество детей в возрасте от 5 до 18 лет, получающих услугу дополнительного образования, в 2023 году составило 125,1 тыс. человек. Самыми массовыми направлениями в системе допобразования являются социально-педагогическое направление и спорт.

Однако очевидно и наличие в системе допобразования проблем, которые необходимо решить в ближайшее время:

- несоответствие образовательных потребностей обучающихся и их родителей и имеющихся ресурсов организаций дополнительного образования;
- отсутствие единой базы данных занятости детей в системе допобразования;

- при реализации ФГОС часто не учитывается уже состоявшийся выбор ребенком занятий в организациях дополнительного образования;
- неэффективное использование имеющейся инфраструктуры.

Для решения проблем развития дополнительного образования в Екатеринбурге была принята Муниципальная программа «Развитие системы образования и создание условий для организации отдыха и оздоровления детей в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2023-2027 годы» [2]. Программа охватывает широкий спектр мероприятий, направленных на развитие образовательной системы, включая цифровизацию, поддержку образовательных организаций и улучшение условий для дополнительного образования.

Таким образом, поддержка дополнительного образования детей необходима, так как оно играет ключевую роль в формировании социально активных граждан, способных к конструктивным действиям в обществе.

Источники и литература

- 1) Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) Ст. 75 [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/2f0cff66d896f7b9817e26dba7e5f3207df5c43e/ (дата обращения: 20.01.2026).
- 2) Об утверждении Муниципальной программы «Развитие системы образования и создание условий для организации отдыха и оздоровления детей в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2023-2027 годы»: Постановление Администрации города Екатеринбурга от 28.10.2022 г. № 3360 (в ред. от 28.11.2025). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/406279675> (дата обращения: 20.01.2026).

Зотов Виталий Владимирович

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

**Цифровая и искусственная компетенции как
общекультурные компетенции новых образовательных
стандартов базового высшего образования**

На первый взгляд информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии активно интегрированы в повседневную практику современного студента как «поколения Z». Но наши исследования показывают низкий уровень владения студентами такими цифровыми технологиями, как большие данные, виртуальная и дополненная реальность, блокчейн, цифровые платформы и экосистемы, а также системы искусственного интеллекта [1]. В этих условиях система высшего образования должна целенаправленно развивать у студентов способность ответственно, критически и продуктивно осваивать цифровые компетенции. Однако в действующих ФГОС цифровые компетенции, как правило, представлены лишь фрагментарно, через отдельные умения работы с информацией и ИКТ. Ситуация требует исправления, и это необходимо сделать до принятия новых образовательных стандартов по итогам пилотного проекта реформы высшего образования в РФ, предусматривающего отказ от Болонской системы в пользу двух уровней: базового (4–6 лет) и специализированного (магистратура/ординатура).

Цифровая компетентность не дублирует информационно-коммуникационную компетентность (способность эффективно использовать информационно-коммуникационные технологии для поиска, обработки информации, решения учебных и рабочих задач, а также для коммуникации и создания нового контента), а дополняет их, фокусируясь именно на применении цифровых (сквозных) технологий. Цифровая компетентность определяется как совокупность знаний, навыков и умений работы с цифровыми сервисами и технологиями для решения задач, связанных с повседневной и профессиональной деятельности в цифровом обществе, а также саморегуляция мышления и поведения посредством принятия морально-этических норм обращения с цифровыми технологиями. В таком виде она выступает как общекультурная компетентность, то есть совокупность универсальных (надпрофессиональных) способностей, знаний, навыков и личностных качеств выпускника, которые обеспечивают его успешную социальную и профессиональную адаптацию, эффективную деятельность в современном обществе и готовность к непрерывному развитию.

При этом одной из современных цифровых технологий выступает искусственный интеллект, а поскольку он шаг за шагом охватывает все сферы жизнедеятельности, то одним из главных приоритетов на сегодняшний день становится формирование компетенции в области ИИ (артифициальная компетентность). Компетентность в этой области вовсе не подразумевает превращение каждого студента в профессионала по искусственному интеллекту. Задача состоит в обеспечении его необходи-

мыми знаниями и умениями для осознанного и продуктивного применения технологий ИИ. Но нужна ли отдельная ИИ-компетентность? Есть два варианта: либо включить её в цифровую компетентность как компонент, закрепив его в дескрипторах как обращение с алгоритмическими и ИИ-системами, либо считать самостоятельной компетенцией, выделяя лишь область применения в профессиональной деятельности технологий ИИ.

Источники и литература

- 1) Зотов, В. В. Цифровая трансформация в жизни студенчества / В. В. Зотов, Л. А. Василенко // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего : Сборник материалов конференции, Москва, 02–03 ноября 2023 года. – Москва: Российское общество социологов, 2024. – С. 428-435. – EDN AAXLFJ.

Зотова Валерия Александровна

*Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение
«Академия технического творчества и цифровых технологий»
Санкт-Петербурга, директор, Санкт-Петербург, Россия*

От теории к практике: социологическое осмысление модели "школа-вуз-предприятие" как ответ на вызовы цифровой эпохи

Интегрированная образовательная модель «школа-вуз-предприятие» представляет собой социально-педагогическую экосистему, направленную на преодоление разрыва между образованием и реальными запросами рынка труда. В условиях цифровой трансформации и ускоряющихся изменений на рынке труда эта модель становится социологически значимой практикой, отвечающей на запросы современности.

Модель опирается на следующие ключевые основания: концепцию непрерывного образования, теорию человеческого капитала [1] ситуативного обучения, педагогику проектной деятельности [2], идею зоны ближайшего развития [3] и расширенную «тройную спираль» инноваций [4], в которой школа выступает четвертым, активным агентом.

Модель «школа-вуз-предприятие» реализуется через три ключевых направления. Во-первых, дополнительные общеразвивающие программы: с 6 лет дети знакомятся с профессиями через конструкторы, 3D-печать и встречи с действующими инженерами; с 12 лет решают реальные кейсы от компаний в командах, презентуя решения экспертам.

Во-вторых, досуговые мероприятия: с 6 лет посещают фестивали и ярмарки профессий; с 14 стажировки на предприятиях (инженер, маркетолог, лаборант). В-третьих, конкурсные мероприятия: с 6 лет принимают участие в хакатонах и кейс-чемпионатах по простым задачам; с 14 принимают участие в профессиональных чемпионатах с обратной связью от предприятий. Все этапы обеспечивают практический опыт, формируют профессиональную идентичность и мотивацию, а также создают портфолио для поступления на следующие ступени образования и трудоустройства.

Центральным субъектом модели выступает сам учащийся, чей образовательный маршрут корректируется на основе интересов, достижений и обратной связи от предприятий и университетов. Это формирует у него профессиональную идентичность, навыки XXI века и мотивацию к обучению благодаря осознанию практической ценности знаний. Для предприятий и университетов данная модель становится источником свежих идей, молодых талантливых кадров и снижением затрат на адаптацию выпускников.

С точки зрения социологии, модель демонстрирует, как институт образования становится открытым для социальных и экономических процессов, обеспечивая социализацию, мобильность и воспроизводство человеческого капитала. Модель способствует актуализации предметного поля социологии образования, расширяя его за счет анализа новых акторов (наставников, цифровых ресурсов), механизмов социального партнерства и формирования профессиональной культуры с детства.

Таким образом, интегрированная модель «школа-вуз-предприятие» становится актуальным социальным механизмом, обеспечивающим преемственность образовательных этапов, открытость и гибкость образовательных систем, и их ориентацию на реальные вызовы внешней среды.

Источники и литература

- 1) Мозговых А.В. Теория человеческого капитала Г. Беккера // Журнал прикладных исследований. – 2018. – № 2. – С. 27–30.
- 2) Гузеев В.В. Познавательная самостоятельность учащихся и развитие образовательной технологии / В.В. Гузеев. – Москва : НИИ школьных технологий, 2004. – 122 с
- 3) Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / гл. ред. А. В. Запорожец. — М. : Педагогика, 1982–1984. Т. 3 : Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. — 1983. — 369 с.

- 4) Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. – 2011. – № 4 (150). – С. 5–10.

Зырянов Владимир Викторович

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

**Социология образования в докторских диссертациях по
социологическим наукам (2012-2024 гг.)**

Образовательная проблематика у соискателей докторской степени по социологическим наукам на протяжении последних 13 лет представлена неравномерно. Так, в 2012 г. состоялось четыре защиты, 2013 – две, в 2014 и 2016 гг. – по одной, и лишь через шесть лет, в 2023 – прошло ещё три защиты. Итого 11 работ, или 5,5% от 200 успешно защищенных докторских диссертаций за обозначенный период [1, 2, 3]. Между тем, авторитетные исследователи считают, что «социология образования сегодня – самая популярная отрасль мировой социологии» [4]. Получается, что к проблемам социологии образования в статье или монографии обратиться значительно легче, чем выбрать для докторской диссертации. Выявленный диссонанс сопряжен, на наш взгляд, с пребыванием российского образования в последние 35 лет в состоянии перманентной турбулентности, а не развития в обозначенном и принятом направлении. Поэтому научному осмыслению и обобщению в это время могли подвергаться только непрерывные изменения образования. В то время как серьёзное исследование, как известно, может складываться лишь как отражение устойчивых практик.

Другим принципиальным вопросом при этом является мера соответствия содержания диссертаций, в которых так или иначе обозначена образовательная проблематика, предметной сфере социологии образования. Так, А.М. Осипов отмечает, что «...не все обращения социологов к вопросам образования вливаются в социологию образования...» [4], т.е. исследования социологов нередко ведутся с позиций других отраслевых социологий: молодёжи, культуры, труда, управления и др. или отражают проблематику нескольких социологических направлений. Например, диссертация Чередниченко Г.А. «Формирование образовательных и профессиональных траекторий молодежи: внешние регуляторы и действия субъектов» выполнена на стыке социологии образования, социологии молодёжи и социологии профессий. Поэтому стоит уточнить, что предметная область социологии образования включает взаимовлияние образования и а) формирования социальной структуры; б) процессов

функционирования социальных институтов, общностей, групп; в) содержания социального взаимодействия и социальных отношений.

В этом контексте показательно распределение диссертаций по научным специальностям: «Социальная структура, социальные институты и процессы» - пять, «Социология культуры» - четыре, «Социология управления» - три. То есть в рамках специальностей «Теория, методология и история социологии» и «Экономическая социология и демография» образовательная проблематика не представлена.

Если же попытаться обобщить проблематику защит, то показательно, что ни в одной работе в название не вынесен Болонский процесс. Пять работ посвящены высшему образованию, и по одной – среднему специальному военному образованию и средней школе. Ещё в двух работах исследование охватывает образовательное пространство в целом, кроме того, областями анализа по разу выбраны образование взрослых и социально-гуманитарное образование.

Таким образом, можно отметить, что докторские диссертации вносят в развитие социологии образования весьма ограниченный вклад, имея ввиду и число диссертационных исследований, и их тематическую структуру.

Источники и литература

- 1) Зырянов В.В. Докторские диссертации по социологии, утвержденные ВАК Министерства образования и науки РФ в 2012–2022 гг. // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 89-102. DOI 10.31857/S013216250027780-1
- 2) Зырянов В.В. Докторские диссертации по социологии, успешно защищенные в 2023 г. // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 152-153. DOI 10.31857/S0132162524090141
- 3) Зырянов В.В. Докторские диссертации по социологии, успешно защищенные в 2024 г. // Социологические исследования. 2025. № 9. С. 167-168. DOI 10.31857/S0132162525090147
- 4) Социология образования : учебник для вузов / под редакцией А.М. Осипова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 393 с

Иванова Татьяна Николаевна
ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет",
Тольятти, Россия

Информационно-образовательная деятельность как многомерная эффективная система в контексте новых цифровых возможностей и дистанционного взаимодействия

В современном образовательном пространстве информационно-образовательная деятельность претерпевает значительные трансформации, обусловленные цифровизацией общества и системы образования в частности. Формы информационно-образовательной деятельности в контексте онлайн обучения представляют собой многомерную систему взаимосвязанных элементов, направленных на эффективную передачу знаний, формирование навыков и компетенций обучающихся, посредством цифровых технологий и дистанционного взаимодействия.

Термин «информационно-образовательная деятельность» в современной педагогической науке трактуется как целенаправленная деятельность субъектов образовательного процесса, направленная на реализацию образовательных целей с использованием информационно - коммуникационных технологий (ИКТ). Как отмечает А.А. Андреев[1], эта деятельность включает «совокупность процессов обработки, хранения, передачи учебной информации в цифровой среде для достижения образовательных результатов».

Анализ научной литературы позволяет классифицировать формы информационно-образовательной деятельности по различным основаниям. Наиболее распространенной является классификация по типу взаимодействия между участниками образовательного процесса. Согласно данному критерию, выделяют синхронные, асинхронные и смешанные формы.

Синхронные формы предполагают одновременное участие обучающихся и преподавателей в образовательном процессе. К ним относятся:

Вебинары – онлайн-семинары, проводимые в режиме реального времени с возможностью взаимодействия между участниками. Как подчеркивает Е.С. Полат[2], «вебинары обеспечивают эффект присутствия и создают среду для активного обмена мнениями, что способствует формированию коммуникативных компетенций обучающихся».

Онлайн-лекции – трансляция учебного материала преподавателем с использованием видеоконференций. С.И. Заир-Бек [3] отмечает, что «онлайн-лекции позволяют сохранить традиционный формат подачи материала, дополнив его интерактивными элементами, что повышает вовлеченность студентов».

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР)– цифровые учебные материалы, предназначенные для самостоятельного изучения. В.В.

Гриншкун [4] определяет ЭОР как «комплекс информационных объектов, представленных в цифровой форме и направленных на формирование знаний, умений и навыков обучающихся».

Асинхронные формы не требуют одновременного участия всех субъектов образовательного процесса и характеризуются гибкостью во времени. К ним относятся:

Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) – структурированные образовательные программы, включающие видеолекции, текстовые материалы, задания и тесты, которые представляют собой инновационную форму образовательной деятельности, сочетающую в себе принципы открытости, массовости и доступности образования.

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР) – цифровые учебные материалы, предназначенные для самостоятельного изучения, которые определяет ЭОР как «комплекс информационных объектов, представленных в цифровой форме и направленных на формирование знаний, умений и навыков обучающихся».

Форумы и дискуссионные площадки – виртуальные пространства для обсуждения учебных вопросов, где «учебные форумы стимулируют критическое мышление студентов и развивают навыки аргументации, что особенно важно в условиях дистанционного образования».

Нельзя не отметить тенденцию к интеграции различных форм информационно - образовательной деятельности в рамках единых образовательных экосистем, в контексте современных цифровых образовательных платформ, которые представляют собой комплексные решения, объединяющие различные формы и методы онлайн-обучения, что создает условия для реализации принципов непрерывного образования.

Значимым аспектом в рассмотрении форм информационно-образовательной деятельности является их дидактический потенциал, где представлены следующие критерии для его оценки: «возможность реализации различных видов учебной деятельности, степень интерактивности, уровень обеспечения обратной связи, возможность организации совместной деятельности обучающихся, адаптивность к индивидуальным особенностям обучающихся».

Эффективность различных форм информационно-образовательной деятельности определяется не только их технологическими характеристиками, но и педагогическим дизайном. Педагогический дизайн в контексте онлайн-обучения предполагает системный подход к планированию и структурированию образовательного процесса с учетом особенностей цифровой среды и психологических аспектов восприятия информации в электронном формате.

Важно подчеркнуть, что выбор форм информационно-образовательной деятельности должен осуществляться с учетом целей обучения, специфики предметной области, возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, а также технических возможностей, где предлагается модель выбора оптимальных форм онлайн-обучения, основанную на матрице соответствия педагогических задач и доступных цифровых инструментов.

По мнению Г.А. Красновой [5], «эволюция форм информационно-образовательной деятельности происходит в направлении повышения их интерактивности, персонализации и интеграции с традиционными образовательными практиками». Данная тенденция отражает общий вектор развития образования в цифровую эпоху.

На основе проведенного анализа можно заключить, что разнообразие форм информационно-образовательной деятельности в онлайн-обучении отражает многогранность современного образовательного процесса и создает условия для реализации принципов личностно-ориентированного подхода в цифровой среде.

Источники и литература

- 1) Андреев А.А. Цифровая педагогика: понятийный аппарат и методологические основы. - М.: МИРЭА, 2019. - 148 с
- 2) Полат Е.С. Дистанционное обучение в современных условиях. - М.: Академия, 2020. - 272 с
- 3) Заир-Бек С.И. Методология проведения онлайн-лекций: дидактические и технические аспекты // Педагогика высшей школы. - 2021. - №2. - С. 43-51
- 4) Гриншкун В.В. Электронные образовательные ресурсы: классификация, оценка качества // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. - 2019. - №3. - С. 73-82.
- 5) Краснова Г.А. Электронное образование в эпоху цифровой трансформации. - М.: РУДН, 2021. - 240 с.

Иоселиани Аза Давидовна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Роль цифровизации в образовании: за и против

Цифровизация бытия сложный социальный процесс современной эпохи. Как и всякое сложное явление, этот процесс имеет как положительные стороны, так и отрицательные. Исследователи современного общества в процессах цифровизации и его роли в процессе образования видят даже революционные изменения, которые способны повысить эффективность обучения и предоставить равные возможности для всех учащихся. Однако критики опасаются, что цифровизация может привести к потере человеческого фактора и ухудшению качества образования.

В качестве положительных аспектов цифровизации образования ученые считают следующие моменты: во-первых, расширение *доступа к образованию* с в том числе и к специализированным знаниям — виртуальные классы, онлайн-курсы делают знания доступными для всех, даже для тех, кто ранее не имел возможности получить качественное образование; во-вторых, *индивидуализация обучения* — цифровые технологии позволяют создавать персонализированные образовательные программы, учитывая специфические потребности и скорость обучения каждого ученика; в-третьих, *развитие новых навыков* — цифровые технологии играют важную роль в формировании таких компетенций, как грамотность в IT, критическое мышление, сотрудничество и коммуникация; в-четвертых, *экономия семейного бюджета* — цифровизация образования освобождает родителей от ежегодной покупки тетрадей, учебников, дневников и прочей канцелярии; и наконец, в-пятых, *получение навыков самостоятельной работы* — переход на онлайн-обучение предполагает, что учащийся большую часть времени будет обучаться самостоятельно.

Ученые, аналитики процесса образования отмечают и негативные моменты в цифровизации образования. Так, например, *низкая социализация* — электронная система обучения значительно снижает уровень живого общения; затем *низкая физическая активность и слабое здоровье* — цифровизация предполагает, что большую часть времени ученик находится в сидячем положении и постоянно смотрит в экран, от этого страдает осанка, зрение, меняется мелкая моторика; *вероятность снижения качества образования* — при переходе к цифровизации есть риск, что качество образования может упасть, особенно это касается технических направлений, где в образовательном процессе необходимо проведение лабораторных занятий с применением специализированного оборудования. Еще один аргумент против цифровизации образования, это выработка *цифровой зависимости* — она может стать серьезной проблемой, особенно для детей и подростков. Это порождает необходимость разработки механизмов защиты от чрезмерного использования технологий; и, наконец, *технологическое неравенство* — оно может усилиться, создав

новые формы дискриминации. Такое явление может создать необходимость выработки механизмов обеспечения равного доступа к передовым образовательным технологиям.

Однако следует отметить, что аргументы «за» и «против» не являются абсолютными — польза или бесполезность цифровых инструментов для обучения сильно зависит от контекста и применения инновационной методологии.

Килимова Людмила Викторовна

Юго-Западный Государственный Университет, Курск, Россия

Искусственный интеллект в высшем профессиональном образовании: добро или зло?

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно интегрируется в различные сферы человеческой деятельности, включая высшее профессиональное образование. Современные технологии открывают новые возможности для автоматизации образовательного процесса, что, в свою очередь, способствует повышению его эффективности.

Использование ИИ в образовательном процессе позволяет:

1. Индивидуализировать учебный процесс. Интеллектуальные системы анализа успеваемости позволяют выявлять пробелы в знаниях и предлагать персонализированные задания для их устранения.
2. Автоматизировать рутинные задачи преподавателей – проверки письменных и тестовых заданий, устных ответов. Преподаватели могут сосредоточиться, например, на индивидуальной работе со студентами, разработке новых учебных материалов.
3. Улучшить качество обратной связи. Интеллектуальные системы, предоставляющие мгновенную обратную связь по результатам выполнения заданий, позволяют студентам оперативно выявить и скорректировать свои ошибки, тем самым более глубоко понять учебный материал.
4. Поддерживать студентов с особыми образовательными потребностями. Интерактивные образовательные платформы предлагают персонализированные учебные программы, включающие дополнительные задания, упражнения и рекомендации, направленные на улучшение академических результатов студентами, испытывающими трудности в освоении учебного материала.

Наряду с очевидными преимуществами, использование ИИ в обучении порождает ряд потенциальных рисков и проблем, особенно в контексте его применения студентами при выполнении учебных заданий.

1. Потеря креативности и самостоятельности мышления. Чрезмерная зависимость от ИИ может привести к снижению способности студентов самостоятельно мыслить и творчески подходить к решению задач.
2. Риск формирования неправильных учебных привычек. Студенты, полагаясь исключительно на помощь ИИ, утрачивают навыки самостоятельного анализа и синтеза информации, становясь не способными продемонстрировать глубокое понимание учебного материала.
3. Этические проблемы. Использование ИИ в образовательном процессе поднимает ряд этических вопросов, связанных с объективностью и справедливостью оценивания. Ошибки, допущенные алгоритмами ИИ, могут негативно влиять на самооценку студентов и результаты их обучения, с одной стороны. А с другой, как должен преподаватель оценить работу студента, выполненную не самостоятельно?

Для снижения вероятности использования ИИ студентами преподавателям следует учитывать при разработке учебных заданий следующие аспекты. Включение в учебный процесс различных типов заданий, таких как творческие проекты, исследования, дискуссии. Делать акцент на оригинальность и творчество, подчеркивая важность развития оригинального мышления и поощряя студентов, генерирующих уникальные идеи. Четко формулировать цели и критерии оценки, включая умение выражать собственные взгляды и использовать уникальные подходы. Устанавливать жесткие сроки для выполнения заданий. Осуществлять обязательное обсуждение промежуточных этапов выполнения задания, позволяющее выявить случаи использования ИИ. Поощрять сотрудничество и взаимодействие, организовывая групповую работу и интерактивные занятия для развития навыков командной работы и обмена идеями. Все это будет способствовать затруднению использования готовых решений, предлагаемых ИИ-технологиями.

Коваль Анна Андреевна

*Московский государственный технический университет имени Н. Э.
Баумана, Москва, Россия*

Предикторы управления социальной активностью студенческой молодежи в техническом вузе

Социальная активность студенческой молодежи в техническом вузе представляет собой важный ресурс личностного, профессионального и гражданского развития будущих специалистов. В условиях трансформации высшего образования и возрастания требований к универсальным

и непрофессиональным компетенциям особую актуальность приобретает проблема управления социальной активностью студентов, основанного на выявлении и учете ключевых предикторов данного процесса. Предикторы управления социальной активностью следует рассматривать как совокупность социально-психологических, институциональных, образовательных и организационно-управленческих факторов и условий, определяющих уровень, направленность, формы и устойчивость участия студентов в общественной, проектной, волонтерской и иной социально значимой деятельности. К числу таких предикторов относятся мотивация к самореализации, ценностные установки, уровень сформированности гражданской ответственности, профессиональная идентичность, а также степень включенности студентов в образовательную и внеучебную среду вуза.

Исследовательский поиск показал, что студенты технических специальностей, как правило, ориентированы на решение прикладных задач, инновационную и проектную деятельность. Их социальная активность чаще всего проявляется в формах, связанных с профессиональным развитием: участие в научно-технических кружках, инженерных и междисциплинарных проектах, стартапах, хакатонах, волонтерских инициативах в сфере цифровых и инженерных технологий. Данный факт позволяет рассматривать профессиональную направленность и практико-ориентированный характер обучения как значимый предиктор управления социальной активностью, требующий интеграции социальной деятельности с образовательным и научным процессом.

Методологическим базисом исследования выступают системный, деятельностный и личностно-ориентированный подходы. Системный подход предполагает включение социальной активности в общую стратегию развития технического вуза и формирование целостной модели управления. Деятельностный подход акцентирует внимание на создании условий для инициативной, проектной и командной деятельности студентов. Личностно-ориентированный подход направлен на учет индивидуальных интересов, ценностей, способностей и мотивации обучающихся как важнейших предикторов социальной активности [1].

Учитывая тот факт, что технический вуз выступает координатором и модератором социальной активности, особое значение приобретают институциональные предикторы, выражающиеся в наличии и эффективности органов студенческого самоуправления, молодежных общественных объединений, научных центров, студенческих конструкторских бюро и центров карьеры. Существенную роль играет поддержка студенческих инициатив, развитие партнерского взаимодействия администрации

и обучающихся, а также формирование благоприятной социальной среды.

Вызывает исследовательский интерес группа организационно-управленческих (планирование, координация, мониторинг), мотивационных (гранты, конкурсы, рейтинги достижений), информационно-коммуникационных (цифровые платформы, социальные сети) и педагогических механизмов (наставничество, тьюторство, проектное обучение), выступающих предикторами эффективного управления социальной активностью [2].

Эффективная реализация процесса управления социальной активностью студенческой молодежи способствует развитию социальной ответственности, лидерских качеств, навыков командной работы и коммуникации, а также повышает конкурентоспособность выпускников технического вуза на рынке труда.

Источники и литература

- 1) Дубинина А.А. Социальная активность студенческой молодежи: содержание, структура, критерии диагностики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2025. — № 1 (70). — С. 239–246. — DOI: 10.26456/vtsped/2025.1.239.
- 2) Хусаинов Р. Р. Стратегии педагогического менеджмента для стимулирования грантовой активности студентов вуза // Управление образованием: теория и практика / Education Management Review. — 2024. — Т. 14. — № 8-1. — С. 65.

Ковытева Алёна Александровна

ФГБУ "Российская академия образования", Москва, Россия

Социально-педагогические механизмы профилактики девиантного поведения подростков в институтах школьных объединений

Профилактика девиантного поведения подростков остаётся приоритетной задачей системы образования. В условиях трансформации социальных институтов особую актуальность приобретают школьные объединения как пространство институционализированной деятельности подростков [3].

Методологической основой исследования выступают институциональный и ценностно-деятельностный подходы. Первый позволяет рассматривать школьные объединения как стабильные формы нормативной социализации, второй — акцентирует значение включённости подростков в социально значимую деятельность как механизма формирования субъектности.

Проведённый в школах Москвы анализ показал, что устойчивые, регулярно функционирующие объединения снижают риск девиантного поведения за счёт:

- закрепления норм и ролей;
- создания безопасной среды признания [2];
- возможности позитивной самореализации подростков.

Ценностно-деятельностный подход обеспечивает включённость подростков в коллективную деятельность, принятие решений, осмысление личного вклада [4]. Эти элементы формируют субъектность подростков — важнейшее условие профилактики девиантного поведения. Подросток, осознающий свою значимость и ответственность в группе, реже прибегает к девиантным способам самовыражения [1].

Таким образом, школьные объединения, при условии их институционализации и целенаправленной реализации ценностно-деятельностного подхода, могут рассматриваться как эффективный механизм профилактики девиантного поведения подростков. Полученные результаты имеют прикладное значение для систем воспитания и профилактики в образовательных организациях.

Источники и литература

- 1) Коршунова О.С. Потенциал детского общественного объединения и его актуализация в практике работы классного руководителя // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-detskogo-obschestvennogo-obedineniya-i-ego-aktualizatsiya-v-praktike-raboty-klassnogo-rukovoditelya> (дата обращения: 23.01.2026).
- 2) Куприянов Б.В. Школа как форма организации дополнительного образования детей // Ученые записки университета Лесгафта. 2010. №9 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-kak-forma-organizatsii-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detey> (дата обращения: 23.01.2026).

- 3) Мирошкина М.Р., Веселова Н.Н. Опыт проектной деятельности образовательных учреждений по развитию самоорганизации детей и взрослых // Ярославский педагогический вестник. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-proektnoy-deyatelnosti-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-po-razvitiyu-samoorganizatsii-detey-i-vzroslyh> (дата обращения: 23.01.2026).
- 4) Научные общества учащихся, профессионализация и социализация: социальная сущность научного образования / Ред.-сост. А. С. Обухов. – М.: Журнал «Исследователь/Researcher», 2018. – 108 с.

Козлов Иван Иванович

Независимый исследователь, Раменское, Россия

**Ценностное пространство российских университетов: объект
внешнего воздействия или пространство академической
автономии?**

К началу 2026 года исследователи российской высшей школы могли бы отметить, что в пространстве высшего образования все чаще встречаются носители разнонаправленных ценностей. А само пространство, используя терминологию П.Бурдьё, становится объектом пристального внимания внешних, по отношению к вузам, социальных агентов.

Одним из таких агентов является Русская Православная Церковь. Сегодня внутри Церкви созданы целые административные структуры – университетские благочиния, которые направляют и координируют работу представителей Церкви с группами верующих, входящими в университетские сообщества – администрацию, профессорско-преподавательский состав, студенчество. Но очевидно, что задача университетских благочиний шире – взаимодействие с теми, кто не стал членами Церкви, иначе такие административные структуры были бы не нужны.

Еще одним важным агентом, влияние которого всегда присутствовало в университетском пространстве является государство, с оговоркой, что частные вузы, в меньшей степени испытывали его воздействие до издания Указа Президента России №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Таким образом, университеты представляют собой пространство, или культурное поле, в которое входят государство и церковь.

Взаимодействие ценностей в этом поле можно описывать в терминологии П.Бурдьё, используя его теорию социальных полей, агентов и капиталов. Это дает возможность проследить как происходит взаимодействие между разнонаправленными ценностями, к примеру, ценностями университетов, сложившихся под влиянием секулярной культуры, в которой теология была вытеснена из образовательного пространства, ценностями государства, ценностями религиозных агентов.

Согласно данным эмпирических исследований, в которых мы участвовали, ценным для университетов является поиск истинного знания, включая критику методов, так и результатов, а также академические свободы и автономия.

Содержание Указа №809 содержит важные для государства ценности: среди которых патриотизм, гражданственность, коллективизм, но вместе с этим права и свободы человека, гуманизм. Государство декларирует в этом Указе, что они являются общими для верующих и неверующих.

Ценности религиозных организаций включают в себя источник и содержание собственного учения, религиозную иерархию и авторитет ее мнения.

Таким образом, мы видим взаимодействие ценностей. Во-первых, самих вузов (включая ценности администрации, профессорско-преподавательского состава, студенчества), во-вторых, государства, а в третьих, Церкви. Закладывает ли несовпадение целей агентов - потенциал для возможного конфликта в образовательном пространстве? Возможно, поскольку за последние десять лет произошел ряд ценностных конфликтов в университетской среде. Эти случаи, наряду с данными эмпирических исследований, будут рассмотрены через призму теории П.Бурдьё в докладе.

Источники и литература

- 1) Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. – Москва: Страна Оз, 2014. – 276 с.
- 2) Дюркгейм Э. Социология образования: Пер. с фр. Т.Г.Астаховой. Научн.ред. В.С.Собкин, В.Я.Нечаев. Вступительная статья В.С.Собкина. – М.: ИНТОР, 1996.
- 3) Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций [Текст] / пер.с англ.Е.Стёпкиной; Нац.иссл.ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд.дом. Высшей школы экономики, 2011.

- 4) Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета [Текст] / пер.с исп. М.Н.Голубевой, А.М.Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
- 5) Парсонс Т. О социальных системах/ Под.ред.В.Ф.Чесноковой и С.А.Белановского.-М.:Академический проспект, 2002.-832 с.
- 6) Бурдье, Пьер Социальное пространство: поля и практики / Пер.с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А.Шматько. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

Козлова Мария Андреевна

НИУ ВШЭ, Москва, РФ

**Дружелюбная образовательная среда как перспектива
развития инклюзивного образования: ожидания учителей,
барьеры и драйверы реализации**

Дружелюбная образовательная среда (далее – ДОС) концептуализируется автором как совокупность возможностей эффективного и качественного преподавания и обучения, личностного роста и социального благополучия для всех, возникающая под влиянием совместно проектируемых организационно-технологических и пространственно-предметных условий, где каждый участник воспринимает себя частью сообщества, получая внимание и поддержку, связи строятся на доверии и взаимных обязательствах, участников объединяют общие интересы, нормы, ценности. ДОС операционализируется как система, включающая три типа компонентов: 1) структурные компоненты определяют формальную доступность качественного образования для разных категорий учащихся; 2) содержательные компоненты характеризуют непосредственно контент обучения и воспитания; 3) реляционные компоненты отражают качество отношений между всеми участниками образовательного процесса. Все перечисленные компоненты реализуются на трех уровнях, идентичных предложенным Т. Бутом и М. Эйнскоу для оценки инклюзивности образовательной среды (Booth, Ainscow, 2002): культура, политика и практики.

На материалах исследования с применением качественных (интервью, N=30) и количественных (анкетный опрос, N=167) методов сбора данных анализируются представления московских учителей о желательности развития российских школ в направлении инклюзивности и укрепления ДОС. В докладе рассматриваются вопросы о взаимном соответствии актуального и ожидаемого уровня ДОС в российских школах, а

также о связи присущих учителям (ключевым акторам создания школьной атмосферы) ценностей, оценок самочувствия и инновационного потенциала школы с их принятием (желательностью с их точки зрения) ДОС. На основе иерархии ценностей учителей, исследованных в логике теории Ш. Шварца, параметров инновационного потенциала школы и удовлетворенности педагогов условиями труда выдвигаются предположения о перспективах развития ДОС в российских школах.

Колесникова Елена Юрьевна

Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Цифровизация: социокультурные риски для классических университетов

Практика цифровизации образования включает в себе не только возможности, но и существенные социокультурные риски для классических университетов. Среди них можно выделить следующие:

1. Цифровизация делает возможным технологически отделение образовательной функции и «переток» ее в цифровой оболочке в виртуальное пространство, где она становится коммерческой услугой, продаваемой провайдерами. Таким образом, образовательная функция атомизируется, теряет свое родовое единство с другими миссиями классического университета (исследование, воспитание).

2. Формируя значительное количество самых разнообразных информационных контентов, «заточенных» на сиюминутный, индивидуальный спрос, образовательные бизнес-структуры действуют в логике рынка, тем самым отделяя образовательный продукт от всей цепочки воспроизводства знаний. Коммерциализация отдельной образовательной функции, вне органической связи с другими элементами триады, неизбежно нарушает ее единство и целостность.

3. Цифровизация образования снижает роль живого знания и опыта, сужает пространство живого контакта учителя и ученика, а значит, и пространства ценностных, эпистемологических коммуникаций, а виртуализация образовательных коммуникаций требует от преподавателя оперативной доступности для студентов 24 часа в сутки, что критически снижает временной ресурс для занятия наукой.

4. Ориентация на фундаментальность образования, ее гуманитарную составляющую под натиском изменяющегося спроса на прикладные, практикоориентированные интеллектуальные продукты сужается,

частично размывается, превращается для многих студентов и преподавателей в экзотику [1-3].

Однако, несмотря на давление, которое оказывают драйверы цифровизации на социальную среду существования университетов, ключевой составляющей их стратегий развития остается, как представляется, поиск баланса между объемами и интенсивностью виртуальных платформенных онлайн-коммуникаций и традиционных личностно-ориентированных коммуникаций в системе «Учитель–Ученик», включая закрепление индикаторов этого баланса в соответствующих нормативах и регуляторах по каждой миссии классического университета («исследование–образование–воспитание»). Только при решении этой задачи творческий личностный потенциал преподавателей и студентов университета может быть раскрыт и продуктивно включен в общий процесс достижения академического лидерства российской национальной образовательной системой в современном контексте цифровой революции в образовании.

Источники и литература

- 1) Ковалев, В.В., Касьянов, В.В., Манучарян, А.К.(2020) Онлайн образование в высшей школе России: фактор разрушения или источник развития? // Гуманитарий Юга России. Том. 9 (43)№ 3. С. 72–91.
- 2) Колесникова, Е.Ю. (2022) Цифровая революция в образовании: возможности и риски для классических университетов // Научная мысль Кавказа. № 1 (109). С. 26-36.
- 3) Кузина, Г.П. (2020). Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» // E–Management . Т. 3. № 2 . С. 89–96.

Корсаков Антон Николаевич

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Иностранные выпускники российских вузов как "мягкая сила" продвижения интересов России в мире

По данным Минобрнауки Российской Федерации, на октябрь 2025 года более 414 тыс. иностранных студентов из 184 стран обучаются в

России [1], вместе с тем в соответствии с утверждёнными Правительством целевыми показателями к 2030 году численность иностранцев, получающих образование в российских вузах, должно достичь уровня не менее чем 500 тыс. человек [2]. Через 10 лет ежегодно в страны исхода будут выезжать до полумиллиона высококвалифицированных специалистов, ориентированных на карьерный рост.

Для организации плодотворного взаимодействия с указанной группой важно понимать, какую социальную роль берут на себя иностранцы после возвращения на родину. По нашему мнению, она должна включать в себя следующие направления:

1. Проводник интересов России на территории страны исхода (экономика, политика, силовой компонент).

2. Проводник «мягкой силы»: выпускники становятся «агентами влияния», продвигающими культурные ценности России: понимание исторических процессов, русский язык, традиционных ценностей. Выпускник — продукт и продолжатель российской научной и культурной традиции.

3. Носитель гражданской идентичности: субъект, реализующий национальные интересы своей страны в призме интересов РФ.

4. Медиатор: адаптирует между собой традиционные ценности двух стран, выступая связующим звеном.

5. Носитель компетенций, призванный применять полученные знания для решения практических задач своей страны с применением технологий РФ.

6. Строитель «многополярного мира»: в текущем геополитическом контексте выпускники становятся ключевыми фигурами в процессах технологического суверенитета и создания национальных аналогов (на основе знаний, приобретённых в России).

7. Социально ответственная личность: от выпускника ожидается вклад в развитие своего региона, города, участие в волонтёрских и социальных проектах, на основе приобретённого опыта и в соответствии с культурным кодом РФ.

В рамках исследования профессиональных траекторий иностранных выпускников отечественных вузов и как следствие определения целесообразности сохранения направления государственной политики, нацеленной на увеличение контингента иностранных граждан, обучающихся в России, необходимо учитывать социальные роли, которые занимают представители исследуемой группы, в том числе ориентированы ли они на указанные в работе направления.

Источники и литература

- 1) Статистические показатели количества иностранных студентов в России. URL:<https://edurussia.ru/news/russia-strengthens-its-positions-in-the-world-educational-space-500-000-foreign-students-by-2030/> (дата обращения: 26.12.2025).
- 2) Единый план достижения национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года: утверждён правительством РФ. В данном виде документ опубликован не был. доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Кузнецова Елена Анатольевна

*филиал Военной Академии РВСН им. Петра Великого в г. Серпухове,
Серпухов, Российская Федерация*

**Формирование экономической культуры личности в
информационную эпоху: роль высшего образования и
цифровых агентов**

Процесс формирования экономической культуры личности в условиях цифровизации и быстрого развития информационно-коммуникационных технологий трансформируется вместе с этими изменениями. Как отмечает ряд авторов [1, 2, 3, 4, 5, 6], ни одна из сфер жизнедеятельности человека не останется в неизменном виде, а высокие технологии зададут новые векторы социокультурного развития общества и личности. Экономическая подсистема в настоящее время испытывает наибольшее воздействие таких явлений как внедрение нейротехнологий, искусственного интеллекта, цифровизация, виртуализация и пр. В этой связи становится актуальной проблема развития экономической культуры в новой информационной среде и определения возможностей педагогической системы высшего образования в её формировании, а также понимания механизмов влияния цифровых агентов на экономическое сознание, поведение и ценностные ориентиры личности.

Экономическая культура в цифровую эпоху может рассматриваться как интеллектуальное свойство личности, включающее когнитивный, поведенческий, ценностный и мотивационные компоненты, позволяющие ориентироваться в цифровых экономических условиях, анализировать источники экономической информации, принимать рациональные решения в условиях неопределенности и риска, эффективно действовать на всех типах рынков.

Цифровые агенты формирования экономического сознания и поведения представляют собой алгоритмические системы, которые также целенаправленно влияют на действия и решения, принимаемые личностью, обеспечивая взаимодействие государства, бизнеса и потребителя, но в отличие от системы высшего образования, преследуют иные цели и задачи.

Цифровые агенты (государственные цифровые платформы, цифровые банковские приложения, ассистенты и чат-боты, кешбэк-сервисы и программы лояльности, приложения для инвестиций, социальные сети и инфлюенсеры, рекламные платформы, торговые площадки и др.) сочетают в себе основы поведенческой экономики и маркетинга, применяя возможности когнитивных искажений, таких как «стадное чувство», «страх упущенной возможности», «эффект владения», больших баз данных (поисковые запросы, аналитика, социальные связи и отношения, покупки, присутствие на цифровых платформах и пр.) и искусственного интеллекта (нейросети, прогнозирование поведения, гиперперсонализация). Говоря об их целевых установках, способности влиять на решения, принимаемые личностью в области цифрового экономического взаимодействия и на общую экономическую культуру, выделим положительные (обучающие экономические ресурсы внутри приложений, поощрение и различные типы бонусов, мотивация к экономному поведению, стимулирование инвестиционной активности и финансовой грамотности и др.) и отрицательные (манипуляция и управление процессом принятия решений, дискриминация по различным признакам, психологическое давление на наиболее уязвимые группы населения, построение моделей экономического поведения на основе сбора и обработки личных данных, снижение личной ответственности и компетентности и пр.) стороны воздействия цифровых агентов. Понимание механизмов работы цифровых агентов позволяет сформировать осознанное экономическое поведение в информационной среде.

Особую важность приобретает роль высшего образования в формировании цифровой экономической культуры, это связано с тем, что оно предполагает планирование, организацию, мотивацию, управление, контроль процесса обучения и способно обеспечить целенаправленное воздействие на личность, используя лучшие достижения науки [7]. Современный учебный процесс должен быть ориентирован на высокую внутреннюю мотивацию обучающихся и их личную результативность. Основными характеристиками организации учебного процесса, сопряженные с мотивами у обучающихся, такими как осознание значимости обучения, ответственности за результат и его повышение, будут являться актуальные экономические знания, умения, навыки, способности, значимые и

определенные практические задания, самостоятельность в балансе с коллективными формами их выполнения. Такой подход способен усилить познание экономических явлений и процессов, принимая предпрофессиональный уровень.

Источники и литература

- 1) Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? / Д.Е. Добринская / Социология науки и технологий. – 2021. – Т.12. – №2. – С. 113-129.
- 2) Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы / Ю.А. Чернавин // Цифровая социология/Digital Sociology. – 2021. – №4(2). – С. 4-12.
- 3) Миронов В.В. Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры / В.В. Миронов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22-24 мая 2019 г. – СПб.: СПбГУП, 2019. – С. 183-186.
- 4) Багдасарьян Н.Г. «Цифровое общество»: концептуальные подходы, проблемы и перспективы / Н.Г. Багдасарьян, А.Л. Кравченко // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – №2. – С. 47-59.
- 5) Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность / А.В. Смирнов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 129-153.
- 6) Соловьева Л.Н. Модусы цифрового бытия человека информационной эпохи / Л.Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 4. – С. 51-55.
- 7) Роберт И.В. Цифровая трансформация образования: ценностные ориентиры, перспективы развития / И.В. Роберт // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – С. 868-876.

Лада Алексей Сергеевич

*Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС,
Хабаровск, Российская Федерация*

**Социальное регулирование образовательной мобильности
молодежи: социологический аспект**

В Хабаровском крае продолжается миграционный отток молодежи в центральные регионы страны, что является острой проблемой для регионального рынка труда [1].

На образовательную мобильность молодежи влияют два фактора: введение ЕГЭ и престижность вузов Хабаровского края. Учитывая, что отмена ЕГЭ не предвидится, повлиять на миграционные намерения и поведение выпускников школ на обучение за пределы региона можно лишь наличием престижных в представлениях молодежи специальностей в местных вузах и повышением качества обучения.

В качестве критериев престижности профессии можно выделить ее популярность среди молодежи, а также доходность и востребованность на рынке труда. К сожалению, востребованность профессии в Хабаровском крае для молодежи является далеко не главным показателем, что приводит к тому, что они остаются невостребованными на региональном рынке труда. Самым важным фактором для молодежи при выборе профессии является вовсе не гарантированность трудоустройства, а уровень заработной платы [2].

Неэффективно проводимая профориентация среди школьников приводит, с одной стороны, к получению выпускниками профессионального образования, невостребованного на региональном рынке труда, и, с другой стороны, дефициту квалифицированных кадров по имеющимся вакансиям на рынке труда.

Государство предприняло попытку решить данную проблему административными методами, путем ограничения платных мест в вузах [3]. Под ограничения попали популярные у абитуриентов экономические и юридические специальности.

Представляется неэффективностью подобных мер, поскольку, если абитуриенту с гуманитарными интересами ограничить возможность платного поступления на избранную им гуманитарную специальность, то он выберет не попавшую под ограничение также гуманитарную, а не техническую специальность, получит диплом и не будет трудоустраиваться по специальности. Подобная ситуация складывается с востребованными педагогическими специальностями, когда лишь небольшая доля выпускников работает по специальности. Тем самым государство потратит на него бюджетные средства, а экономика региона не получит желаемого результата. Если же абитуриент с гуманитарными интересами вынужден будет выбрать техническую специальность, то существует большая вероятность того, что он будет отчислен за неуспеваемость после первого курса.

Также абитуриент, воспользовавшись результатами ЕГЭ, может выбрать вуз в другом регионе, где количество платных мест по избранной им гуманитарной специальности значительно больше, чем в вузах Хабаровского края, что еще больше увеличит отток молодежи из региона.

Представляется, что самым оптимальным способом решения указанной проблемы будет являться внедрение эффективных программ профориентации школьников в средних классах.

Источники и литература

- 1) Березутский, Ю. В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? / Ю. В. Березутский // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 65-72.
- 2) Березутский Ю.В. Аналитический отчет по научно-исследовательской работе (социологического исследования) - Хабаровск-2024. Приложение 1. Результаты социологического опроса учащихся школ Хабаровского края – С.8.
- 3) Федеральный закон от 23.05.2025 N 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2025. №21. Ст. 2535.

Ладыжнец Наталья Сергеевна

Удмуртский гос. университет, Ижевск, Россия

Расширение предметного поля социологии университетского образования в условиях интегративного социо-нейросетевого взаимодействия

Выбранная для анализа тема объединяет несколько актуальных трендов: дигитализацию образовательных практик, внедрение нейросетевых инструментов и платформ, перестройку социальных отношений во внутренней и внешней среде университетов. Это требует переосмысления того, что и как изучает социология университетского образования, какие методологические и этические ресурсы ей необходимы, и как она может влиять на практики управления, инновационного развития и преподавания в университетах.

Если говорить о ключевых понятиях, то «социология университетского образования» традиционно фокусируется на институциональной роли

университетов, социальной стратификации, культурных практиках, профессионализации и образовательно-научном взаимодействии. «Интегративное социо-нейросетевое взаимодействие» способствует анализу взаимосвязи человека и искусственных нейросетевых систем, совместных процессов — от персонализации обучения до автоматизированного принятия решений. «Расширение предметного поля» — это включение новых алгоритмических акторов, новых форм данных, практик и проблем.

Теоретические рамки можно представить через обращение к акторно-сетевому подходу и теории алгоритмической власти, рассматривающих алгоритмы как активных участников социальных процессов, способных трансформировать сети взаимодействий и перераспределять ресурсы и статусы. Теория институциональных изменений исследует, как университетские управленческие структуры и практики адаптируются под воздействием технологий. Социология науки и знаний позволяет прояснить, как методы и инструменты, включая и нейросети, влияют на производство знания, профессиональные границы и легитимность экспертизы. Также и эмерджентные междисциплинарные подходы — цифровая, вычислительная и нейро-социология комбинируют качественные и количественные методы, учитывая и биотехнические аспекты взаимодействий.

В этой связи расширение предметного поля будет представлено анализом:

влияния алгоритмических агентов — чат-ботов, рекомендательных систем, интеллектуальных ассистентов на учебную мотивацию и академическое взаимодействие;

больших данных образовательной среды и их объединение с традиционными источниками социологического анализа;

влияния физиологических и нейроизмерений на преподавательские практики и оценку эффективности;

социальных последствий персонификации и автоматизации — изменения ролей преподавателя, усиления или ослабления неравенства, новых форм мониторинга и дисциплины;

а также интерсекциональности технологического воздействия, с прояснением того, как технологии конструируют и репродуцируют образовательные, исследовательские, социально-классовые неравенства и доступ к ресурсам.

Соответственно, приоритеты будущих исследований — это методологическая интеграция, этическая рефлексия и прикладные кейсы, демон-

стрирующие, как можно сочетать инновации и обеспечение общественного блага в университетском образовании.

Лактионова Наталья Яковлевна

ИЭ РАН, Москва, Россия

Задачи интеграционной политики России в рамках ЕАЭС в сфере образования в контексте цифровой трансформации

Задачи России на постсоветском пространстве в рамках Евразийского экономического Союза (ЕАЭС) нацелены на региональную социально-экономическую интеграцию стран-участниц, которая по логике дальнейшего развития, естественным образом позволяет накопить потенциал для более глубокой политической интеграции. Прологом к последней может служить правильно выстроенная социогуманитарная и культурная политика во взаимоотношениях членов ЕАЭС.

В начале августа 2021 года страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) договорились о цифровизации сферы высшего образования и науки. Вопрос создания единой информационной среды научного сообщества государств-членов ЕАЭС был рассмотрен в ходе заседания Научно-технического совета по инициативе Министерства экономического развития РФ. Предполагалась реализация проекта по синхронному развитию цифровых технологий в науке и образовании стран ЕАЭС, а также по повышению общенаучного потенциала евразийского интеграционного объединения, что предполагает прежде всего создание единой научно-образовательной сетевой инфраструктуры с доступом к информационным системам и базам знаний университетов, НИИ, цифровым сервисам науки и образования государств-членов ЕАЭС.

На постсоветском пространстве все ресурсы - и людские, и территориальные, и промышленные, и гуманитарные - сдвинуты в пользу России. И, таким образом, РФ остается лидирующим государством постсоветского пространства. И многое зависит от ее целеполагания на пространстве постсоветской Евразии.

Процесс широко внедряемой в России цифровизации социальной сферы, в первую очередь образования, пока не может быть оценен в полной мере, с точки зрения полномасштабных последствий происходящих изменений. Цифровая трансформация, особенно в области образовательных технологий, должна быть ограничена и стать объектом серьезного общественного контроля. По данным ВЦИОМ, большинство (46%) респондентов придерживаются мнения, что использование ИИ ухудшит качество

образования. Очень важно, с каким образовательным проектом Россия выходит на постсоветское пространство. Цифровая трансформация системы образования не должна быть определяющей. От России нужна миссия.

В середине февраля 2024 в Москве прошел представительный социальный форум под девизом «Другой мир возможен» - и это уже доказала наша страна в XX веке. Необходимо коренное изменение государственной политики в стране, направленное на раскрытие способностей человека, на создание ему благоприятных условий для жизни и труда ... на сплочение и активное сотрудничество государственных и общественных институтов в интересах всех и каждого».

Источники и литература

- 1) В ЕАЭС договорились о цифровизации сферы высшего образования и науки. [Электронный ресурс] – URL: <https://iecp.ru/news/item/430377-V-EAES-dogovorilis-o-cifrovizacii-sferyvysshego-obrazovaniya-i-nauki>
- 2) Евразийская экономическая комиссия, Группа Всемирного банка. Цифровая повестка Евразийского Экономического Союза до 2025: перспективы и рекомендации. [Электронный ресурс]. Доступ URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/ru/413921522436739705/pdf/EAEUOverview-Full-RUS-Final.pdf>
- 3) Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. [Электронный ресурс] – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskienapravleniya-razvitiya.php
- 4) агдасарян В.Э. Российское образование: выбор пути. М. 2019, 335с.
- 5) Искусственный интеллект не идет в классы. Россияне переживают, что ИИ приведет к деградации школьников // <https://www.kommersant.ru/doc/7674948>
- 6) Координационный совет и эксперты Российского социального форума о несогласии с проектом "Стратегия развития образования в РФ"// Психологическая газета, 6 августа 2025г

Ланцев Виктор Леонидович

*Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, Орел,
Российская Федерация*

Профессиональное развитие педагогов дополнительного образования в контексте потребностей рынка труда

Развитие науки и технологий вызывает серьезные изменения на рынке труда. Обновляются требования к профессиональной подготовке кадров и предпрофессиональной подготовке молодежи. Возрастает нагрузка на систему образования, которая вынуждена функционировать в условиях постоянно нарастающей неопределенности. При этом формирование предпрофессиональных и профессиональных компетенций молодежи происходит в основном в системе дополнительного образования, в то время как в общеобразовательных организациях развиваются общие навыки. В этой связи повышается значимость профессионального развития педагогов дополнительного образования, как ключевых элементов системы предпрофессиональной подготовки и профессиональной ориентации.

Профессиональное развитие педагогов дополнительного образования определяется целым рядом факторов [1]. Среди внешних следует выделить внедрение отраслевого профессионального стандарта, ориентацию на реализацию сетевых программ и сотрудничество с организациями реального сектора экономики, появление новых субсидиарных сущностей, выступающих в качестве драйвера развития всей системы образования. К ним следует отнести организации, созданные в рамках национального проекта «Образование»: технопарки «Кванториум», «IT-кубы», дома научной коллаборации, центры «Точка роста» и другие [2]. Среди внутренних факторов большое значение имеют уровень мотивации самого педагога и его профессиональная стратегия.

В контексте быстро меняющейся конъюнктуры рынка труда повышается значимость системы дополнительного профессионального образования [3]. В настоящее время для педагогов дополнительного образования разработано большое количество дополнительных программ, направленных на совершенствование профессиональных и гибких навыков. Анализируя особенности формирования пула дополнительных профессиональных программ, можно отметить, что их тематика зачастую игнорирует запросы рынка труда и часто определяется особенностями функционирования института образования. Среди факторов, предопределяющих тематику дополнительных программ следует выделить правовые (обязательное повышение квалификации раз в три года), системные (часто организации разрабатывают дополнительные программы, исходя из собственных мотивов, а не запросов педагогов) и инновационные, обусловленные внедрением новых инструментов в систему образования. В меньшей степени представлены программы, разрабатываемые на основе

профессиональных дефицитов работников, выявляемого в ходе оценки профессиональных компетенций или по результатам диагностик, проводимых в системе дополнительного профессионального образования. При этом практически не разрабатываются программы, учитывающие запросы труда в части профессионального самоопределения молодежи и предпрофессиональных навыков. В то же время именно такой подход является важным условием социально-экономического развития как отдельных субъектов, так и всей страны. Это свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к определению тематики программ и их содержания.

Источники и литература

- 1) Лактионов В. В. Развитие профессиональных компетенций у педагогов дополнительного образования // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 4(64). – С. 197-201.
- 2) Ланцев В. Л. Роль национального проекта «Образование» в развитии муниципальных систем образования // Социально-гуманитарные технологии. – 2025. – № 2(34). – С. 42-50.
- 3) Гусева Ю. Е. Отражение запросов педагогов дополнительного образования в вариативных программах повышения квалификации // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2018. – № 4(37). – С. 16-23.

Латышев Дмитрий Михайлович

Центр опережающей профессиональной подготовки Свердловской области, Екатеринбург, Российская Федерация

Без аттестата и с профессией: образовательные траектории и профессиональные интересы несовершеннолетних школьников Свердловской области

В 2024 г. Правительством Свердловской области был запущен социально значимый проект [1], направленный на раннюю профессиональную социализацию школьников, которые не получили аттестатов. В том же году в апробационном режиме в трех крупных городских агломерациях региона – в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Каменске-Уральском с расчетом на охват в 1000 несовершеннолетних была запущена программа

«Первая профессия». Стоит отметить, что в пробном режиме программа была рассчитана лишь почти на треть школьников, не получивших аттестата (всего без аттестата в регионе было выпущено 4 302 человека, 14,2% от старшеклассников), с 2025 г. программа реализуется по всем муниципалитетам области.

Нами предположено, что в силу слабой подготовки школьники, не получившие аттестата, будут продумывать свои образовательные планы для быстрого выхода на рынок труда. В этой связи возникает закономерный исследовательский вопрос: какова специфика образовательных траекторий школьников и их профессиональных интересов? В период с 8 ноября по 15 декабря 2025 года было осуществлено социологическое исследование школьников, не получивших аттестата (N=480), отбор доступных случаев.

Распределение школьников по полу составило 54,4 % мужчин и 45,6% женщин. Большая часть школьников происходила из Екатеринбурга, Красноуральска и Кушвы, причём наибольшая часть школьников за пределами областного центра происходили из депрессивного Северного управленческого округа. Большинство юношей выбрали и обучились по профессиям слесаря (9,8%) и оператора ЭВМ (9%). Девушки выбрали учиться по профессии: повар (14,8%), кондитер (5,7%), парикмахер (8,2%) и мастер маникюра (3,3%).

При переходе в 10 класс большая часть школьников планировала работать (43%) или поступать в систему СПО (40%). Менее приоритетными стали служить в армии (9%), дополнительно учиться по профессии (5%) и поступить в ВУЗ (4%). После прохождения обучения по программе эти планы не изменились, пропорции ответов претерпели незначительные изменения.

Таким образом, школьники ориентированы преимущественно на работу по полученной профессии и дальнейшее трудоустройство, однако им мешает слабая подготовка. В сфере профессиональных ожиданий юноши стремятся получить профессии технической направленности, девушки - профессии сервиса и пищевой промышленности. В свою очередь учителя и администрация школ не воспринимают данную программу как важную часть профессиональной социализации.

Источники и литература

- 1) Постановление Правительства Свердловской области от 1 августа 2024 N 498-ПП «Об утверждении Положения о реализации пилотного проекта по профессиональному обучению несовершеннолетних лиц, которые по результатам государственной итоговой атте-

станции по образовательным программам основного общего образования не получили аттестат об основном общем образовании, и перечня муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, на территориях которых реализуется указанный пилотный проект»

Ледяева Александра Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Институт образования, проектно-учебная лаборатория «Развитие университетов», Москва, Российская Федерация

Профессионализация высшего образования в России: роль университетов, происходящих из системы СПО

Современные трансформации систем подготовки навыков размывают границы между профессиональным и академическим секторами, стимулируя профессионализацию университетов и распространение практикоориентированных моделей высшего образования (Maclean & Pavlova, 2011; Powell et al., 2012; Ebner et al., 2013; Barnett, 2013; Durazzi, 2021). В этих условиях особую роль в формировании моделей «университетов будущего» играют вузы, происходящие из системы профессионального образования и сохраняющие выраженную vocational миссию. Опираясь на подход исторического институционализма, исследование рассматривает такие университеты как институты, траектории развития и миссия которых обусловлены историческими институциональными особенностями (Ebner et al., 2013; Barnett, 2013) и территориальным контекстом (Yang & Liu, 2024).

Цель исследования – проанализировать институциональные особенности российских вузов с vocational-происхождением и их место в ландшафте высшего образования, с акцентом на территориальную обусловленность их миссии и возможные модели дальнейшего развития. Исследовательский вопрос: как институциональные характеристики вузов с высокой степенью профессионализации различаются в зависимости от их исторического статуса и расположения в муниципальном пространстве? В работе vocational университеты понимаются как вузы, возникшие на базе или в результате преобразования институтов профессионального образования (СПО, профессиональные училища, учительские институты и др.).

Эмпирическая база включает данные Мониторинга эффективности вузов 2023 года и показатели социально-экономического развития муниципальных образований. На основе структуры контингента, профиля программ и структуры доходов разрабатывается индекс профессионализации университетов с применением метода *Benefit of the Doubt*. Показатели профессионализации интерпретируются как ориентация вуза на массовое и практикоориентированное образование (доля студентов СПО, бакалавриата и специалитета, доля доходов от образовательной деятельности, показатель практикоориентированности программ). Далее отбираются университеты с уровнем профессионализации выше медианного значения, проводится кластеризация и анализ связи полученных типов с историческим статусом и муниципальными индикаторами развития.

Предварительные результаты показывают, что около пятой части российских университетов обладают *vocational*-происхождением и сохраняют профиль массового образования, при этом их характеристики систематически связаны с уровнем социально-экономического развития муниципалитетов. В малых городах такие университеты выполняют универсальную функцию послешкольного образования, совмещая черты СПО и вуза, тогда как в более крупных центрах проявляются различные модели институциональной специализации (от отраслевых до *teaching-oriented* университетов). Исследование позволяет эмпирически выделить категорию *vocational* университетов и обсудить их роль в российском образовательном ландшафте.

Источники и литература

- 1) Maclean, R., & Pavlova, M. (2011). Skills development for employability (TVET) in higher education: Issues and challenges. *Journal of Asian Public Policy*, 4(3), 321–330.
- 2) Powell, J. J. W., Bernhard, N., & Graf, L. (2012). The emergent European model in skill formation: Comparing higher education and vocational training in the Bologna and Copenhagen processes. *Sociology of Education*, 85(3), 240–258.
- 3) Ebner, C., Graf, L., & Nikolai, R. (2013). New institutional linkages between dual vocational training and higher education: A comparative analysis of Germany, Austria and Switzerland. In R. Becker & A. Hadjar (Eds.), *Integration and inequality in educational institutions* (pp. 281–298). Springer Netherlands.
- 4) Barnett, R. (2013). *Understanding the university: Institution, idea, possibilities*. Routledge.

- 5) Durazzi, N. (2021). Opening universities' doors for business? Marketization, the search for differentiation and employability in England. *Journal of Social Policy*, 50(2), 386–405.
- 6) Yang, P., & Liu, Y. (2024). Diversification of higher education as policy diffusion: The rise of the non-university sector in China. *Higher Education Policy*, 37, 167–190. <https://doi.org/10.1057/s41307-022-00299-5>.

Лоскутова Ирина Мироновна¹, Тарченко Вера Сергеевна¹

1 - РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Социальное здоровье и образование

Социальное здоровье – комплексное понятие, которое в разных научных сферах трактуют по-разному:

в медицине – как компонент общего благополучия человека наряду с физическим и психическим здоровьем;

в социологии – как показатель состояния общества и характера взаимоотношений между людьми;

в педагогике – как результат социального воспитания и формирования личности.

Согласно определению ВОЗ, здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие болезни и физических дефектов.

Что же относится к ключевым аспектам социального здоровья личности:

- умение выстраивать гармоничные отношения с окружающими;
- способность к социальной адаптации;
- осознание своих прав и обязанностей;
- наличие нравственных ориентиров и ответственности перед социумом;
- готовность к конструктивному взаимодействию в различных социальных группах.

Какова роль образования в формировании социального здоровья?

Система образования выступает ключевым институтом, влияющим на социальное здоровье как отдельных личностей, так и общества в целом.

Основные механизмы влияния:

- социальное воспитание как целенаправленный процесс формирования нравственных отношений, усвоения правовых и гражданских норм;
- социализация как помощь в освоении социальных ролей и норм поведения в различных средах;
- развитие критического мышления как формирование способности анализировать информацию и принимать обоснованные решения;
- формирование гражданской идентичности как воспитание ответственности за свои действия перед обществом;
- профилактика асоциального поведения как работа с группами риска и неблагополучными семьями.

Исследования показывают прямую корреляцию между уровнем социального здоровья учащихся и их академическими достижениями:

- дети из социально благополучных семей, имеющие адекватную поддержку, демонстрируют более высокие результаты обучения;
- учащиеся с проблемами социального здоровья (из неблагополучных семей, испытывающие трудности в общении) чаще имеют сниженную успеваемость;
- социально адаптированные ученики лучше справляются со стрессом, связанным с обучением, и эффективнее усваивают материал.

Для укрепления социального здоровья в образовательных организациях реализуются следующие программы:

1. Социально-педагогическая диагностика: составление социальных паспортов классов и школы; выявление детей, нуждающихся в особом внимании; мониторинг семейного благополучия учащихся.
2. Профилактическая работа: предупреждение асоциального поведения; сопровождение семей в трудной жизненной ситуации; индивидуальная работа с учащимися на учёте.
3. Развивающие программы: тренинги коммуникативных навыков; формирование умений преодолевать социальные риски; развитие эмоционального интеллекта; воспитание толерантности и уважения к другим.
4. Взаимодействие с социальными институтами: сотрудничество с комиссиями по делам несовершеннолетних; работа с органами опеки и попечительства; привлечение психологов и социальных работников.

Таким образом, социальное здоровье является важнейшим индикатором качества образования и одновременно его условием. Чем выше уровень социального благополучия учащихся, тем эффективнее протекает образовательный процесс и тем успешнее выпускники адаптируются к самостоятельной жизни.

Отдельного внимания требуют проблемы профессиональной адаптации преподавателей и социальной адаптации учащихся в условиях транс-

формации образовательной среды в цифровом обществе. Ведь процессы профессиональной и социальной адаптации также являются залогом социального здоровья и данных социальных групп, и всего общества в целом.

Проблематика профессиональной адаптации преподавателей в условиях трансформации образовательной среды занимает значимое место в современной социологической и междисциплинарной научной литературе. Теоретические основания анализа адаптации формируются в рамках социологии труда, социологии образования, исследований профессий и цифровых трансформаций социальной реальности.

Социальное здоровье молодежи определяется как способность индивида выстраивать качественные межличностные отношения, адаптироваться к динамике социальных групп, эффективно выполнять роли в обществе, проявлять эмпатию и солидарность в условиях изменяющейся среды. В цифровую эпоху эта структура сталкивается с вызовами, когда поверхностные взаимодействия в соцсетях вытесняют глубокие эмоциональные связи. Самоидентификация и самооценка подвергаются риску под влиянием постоянного социального сравнения, формируя кризис идентичности, где ценности потребления доминируют над внутренними ориентирами. Кроме того, пандемия COVID-19 ускорила цифровизацию, сделав онлайн-взаимодействия нормой, но также выявив риски эмоционального истощения от чрезмерной зависимости от экранов, что требует переосмысления структуры социального здоровья с учетом психологической устойчивости.

Развитие цифровой грамотности и критического мышления позволяет молодежи фильтровать манипуляции и использовать платформы для самообразования. Онлайн-платформы облегчают доступ к ресурсам для личного развития, но требуют осознанного баланса, чтобы избежать информационной перегрузки и зависимости. В позитивном ключе цифровые сообщества способствуют формированию идентичности через обмен опытом, повышая самооценку и социальную поддержку. В России это проявляется в росте образовательного контента в соцсетях, где молодежь обретает навыки для профессионального роста, балансируя потребительские риски с возможностями самореализации.

Влияние культуры потребления в цифровой среде на социальное здоровье молодежи представляет собой сложный процесс, где механизмы соцсетей и геймификации одновременно стимулируют вовлеченность и подрывают эмоциональную устойчивость, трансформируя ценностные ориентации и модели взаимодействия. Основные выводы подтверждают необходимость комплексного подхода – от личностного развития крити-

ческого мышления до общественных инициатив по регулированию контента и образовательных реформ.

Лукащук Татьяна Сергеевна

*Кубанский институт профессионального образования, Краснодар,
Российская Федерация*

Анализ новых моделей образовательных программ в условиях цифровой трансформации образования

Одной из актуальных проблем современного образовательного процесса является постоянное увеличение объема информации и одновременно с этим быстрое устаревание знаний. Как отмечают исследователи, в современном мире «жизненный цикл» знаний и навыков очень короток. Ситуация с архаичностью образовательного контента в высших образовательных учреждениях России остается неизменной, количество студентов по актуальным специальностям, отвечающим потребностям современной экономики, в три раза меньше запросов бизнеса [1].

Актуальность оперативного разрешения указанных проблем резко возрастает в условиях вынужденной трансформации всей системы высшего образования. Комплексным решением обозначенных проблем является внедрение новых моделей образовательных программ, соответствующих темпам цифровизации современного общества, создание и продвижение «новой педагогики», основанной на актуальных методических и дидактических принципах.

Опыт внедрения онлайн-форм обучения во время пандемии развеял мифы о преимуществах иммерсивной модели образования и индивидуализированного обучения, осуществляемого на основе онлайн- технологий [2]. Иммерсивность оказалась довольно условной. Оказалось, что существующие «цифровые изюминки» в большом количестве быстро надоедают, а использование преподавателями различных онлайн-платформ и методов работы – утомляет и истощает. Чтобы создать полный курс с использованием иммерсивных методов понадобятся десятки и даже сотни небольших приложений, ведь любая дисциплина является достаточно объемной и требует больших ресурсов для создания необходимого контента по каждой теме занятия. Компании, создавая материалы для определенных курсов, будут разрабатывать их в течение достаточно длительного времени без возможности окупить свой труд до момента выхода полного курса. Кроме того, в случае дистанционного обучения студент должен приобрести устройство виртуальной реальности самостоятельно,

что для большинства российских семей станет проблемой. Учебным заведениям также необходимо будет приобрести комплекты оборудования для аудиторий, в которых будут проходить такого рода занятия, а это требует значительных инвестиций.

Что касается индивидуализации, то здесь тоже не все так просто. Безусловным является тот факт, что студент может смотреть цифровой контент в любое удобное для него время и изучать материал в удобном темпе, но это требует значительной собранности и мотивированности. И, на наш взгляд, это скорее имитирует индивидуализацию обучения, чем действительно учитывает особенности конкретного студента. Ведь, например, компьютер может посчитать результаты тестов, но не способен объяснить, в чем тестируемый ошибся. Так же компьютер не способен ответить на вопросы, возникающие в ходе обучения, и тому подобное.

Конечно, это далеко не полное изложение тех проблем и вызовов, которые принесла с собой полная цифровизация обучения. Сейчас очевидно одно: цифровизация обучения является неуклонной и неотвратимой. А вот насколько эффективной она окажется в наших реалиях и не превратится в очередную имитацию инновационности – покажет только время.

Источники и литература

- 1) Крах вузов: в России создается альтернативная система образования // Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/17/04/2019/5cb6d1109a79478bb3ffc057 (дата обращения: 15.01.2026).
- 2) Шелепаева, А. Х. Виртуальная реальность: практика встраивания в образовательный процесс // Открытое образование. – 2025. – Т. 29. – № 4. – С. 19–28.

Лукьянов Виталий Евгеньевич

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Telegram и школа как конкурирующие инфраструктуры социальной памяти: образ Российской империи

Цифровая публичная коммуникация делает историческую память «быстрой» и конфликтной — это особенно заметно в Telegram, где прошлое постоянно перестраивается в моральные оценки и короткие доказательные «пакеты». Для сравнения показательны два канала лидеров

мнений, выбранные как два полюса мнемонического конфликта: канал Бориса Корчевникова (123 710 подписчиков) и канал Клима Жукова (137 947). При противоположных выводах они используют сходную механику убеждения: не длинное объяснение а формат — цифры, цитаты и перечни. У Корчевникова доминирует реабилитационный рассказ об империи как «утраченной норме» и «проекте модернизации», а советский период описывается как насильственный разрыв; типичны количественные аргументы вроде «36% мирового хлеба было русским хлебом» и маркировка дискуссии хэштегом «#Россиякоторуюнамоболгали». Революция при этом сжимается в эмоциональные формулы: «миллионы были загнаны как скот», «земля была украдена», «ВКП(б) — второе крепостничество». У Жукова, напротив, «достижения... при Николае II» подаются как обвинительный список — от «Кровавого воскресенья» до репрессий; режим описывается через готовность решать проблемы «кнутом, шомполом и пулей», а финал монархии фиксируется как закономерность: «монархия рухнула за два дня». Для усиления эффекта используются социальные контрасты: у Корчевникова — сравнения зарплат («108 рублей в год в Берлине... 155 в Санкт-Петербурге», «299 рублей в год»), у Жукова — бытовая статистика («1,8 человека на кровать», «52 023 человека жили в подвальных квартирах»). В результате «империя» в Telegram выступает не столько термином, сколько способом говорить о настоящем — о справедливости, власти и «нормальности» порядка. Школьный курс истории образует другую инфраструктуру памяти: он обязан превращать спорные смыслы в объяснения, которые можно успеть пройти и проверить. Опрос 70 учителей истории показывает, что в педагогической практике слово «империя» чаще звучит без жёсткой негативной окраски: 68,6% не считают его негативным, 22,9% сомневаются и лишь 8,6% воспринимают как отрицательное. По наблюдениям учителей, у школьников доминирует ассоциация «Царская Россия» (62,9%), тогда как «колониализм и войны» упоминаются реже (15,7%); 72,9% педагогов фиксируют «классическую» периодизацию (XVIII–XX века: Пётр I — Николай II). Важно и то, как учитель модерирует альтернативные мнения: одни сводят обсуждение к «правильному» выводу, другие удерживают плюрализм в логике аргументации и причинно-следственных связей. Наконец, учебники и методические пособия задают легитимный словарь и набор «правильных» акцентов, что позволяет школе стабилизировать смыслы там, где Telegram, наоборот, ускоряет полемизацию. Экзаменационная «оцениваемость» (ОГЭ/ЕГЭ) подталкивает к формульным определениям и кратким схемам, а цифровые приёмы (презентации, карты, инфографика) нередко усиливают «визуальную очевидность» готовых образов. Поэто-

му конкуренция идёт не за факты, а за режимы упаковки: репостный в Telegram и нормализующий в школе.

Источники и литература

- 1) Корчевников Б. Сообщение в Telegram (пост № 6088) [Электронный ресурс] // Борис Корчевников : [телеграм-канал]. Режим доступа URL: <https://t.me/boriskorchevnikov/6088> (дата обращения: 29.01.2026).
- 2) Двинский К. «За сорок четыре года — с 1870-го по 1914-й — Российская империя пережила демографический рывок...» : пересланное сообщение в Telegram [Электронный ресурс] // Борис Корчевников : [телеграм-канал]. Режим доступа URL: <https://t.me/boriskorchevnikov/6427> (дата обращения: 29.01.2026).
- 3) Корчевников Б. «То, что богатейшая страна мира – Россия, которая тогда называлась СССР – вынуждена была почти век закупать зерно...» : сообщение в Telegram [Электронный ресурс] // Борис Корчевников : [телеграм-канал]. Режим доступа URL: <https://t.me/boriskorchevnikov/6575> (дата обращения: 29.01.2026).
- 4) Жуков К. «Приверженность к решению сложных общественных вопросов при помощи кнута, шомпола и пули...» : сообщение в Telegram [Электронный ресурс] // Клим Жуков : [телеграм-канал]. Режим доступа URL: <https://t.me/klimzhukoff/6582> (дата обращения: 29.01.2026).
- 5) Жуков К. «17 июля 1918 года произошло событие, за которое определенная группа граждан призывает платить и каяться...» : сообщение в Telegram [Электронный ресурс] // Клим Жуков : [телеграм-канал]. Режим доступа URL: <https://t.me/klimzhukoff/5681> (дата обращения: 29.01.2026).
- 6) Жуков К. «А что было с жильём у рабочих в Российской империи, которую мы потеряли, но вот-вот найдём?» : сообщение в Telegram [Электронный ресурс] // Клим Жуков : [телеграм-канал]. Режим доступа URL: <https://t.me/klimzhukoff/5682> (дата обращения: 29.01.2026).

Малахова Светлана Игоревна

факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Проблема предмета социологии образования

Вопросы развития социологии образования как самостоятельной отрасли социологического знания связаны с современным состоянием исследования образования. Недостаток теоретических работ, направленных на систематизацию и обобщение социологического знания об образовании, выявление специфики собственно социологического подхода к образованию и отсутствие однозначного решения вопроса о предмете социологии образования в отечественной и зарубежной литературе связаны с многообразием методологических подходов и парадигм в самой социологии и ее зависимостью от других наук, особенно на ранней стадии развития. Предмет социологии образования постоянно эволюционировал. Э. Дюркгейм всемирно-признанный основатель социологии образования считал предметом функции образования: поддержание связи между личностью и обществом, подготовку людей к общественной жизни, укрепление целостности общества. В 1950-е г.г. предметом считалось общественное предназначение образования: передача, сохранение и распространение знаний, инновации в духовной сфере. Учащиеся рассматривались в качестве объекта педагогического воздействия в интересах общественного блага. Распространение концепции социальной стратификации в 1960-е г.г. делает акцент на функциях, выполняемых системой формального образования в отношении социальной структуры. Центральным вопросом становится исследование влияния образования на социальную мобильность, который впоследствии сменяется изучением селективной функции школы, связанной с порождением неравенства образовательных возможностей для представителей разных социальных классов. Это привело к развитию в социологии образования радикальных теорий конфликта, теорий культурного капитала, этнометодологической школы, подчеркивая взаимосвязь образования с интересами социальных групп. Наиболее отчетливую формулировку предмета дает французский исследователь П. Бурдьё, признанный классик социологии образования, который рассматривает роль образования в качестве центрального механизма социально-экономического и культурного воспроизводства. Предмет социологии образования связан с выявлением и анализом связи между культурным и социальным воспроизводством. Социология образования должна изучать роль системы образования в воспроизводстве структуры властных и символических отношений между классами, которую она выполняет вследствие воспроизводства структуры распределения культурного капитала между классами. Специфика социального воспроизводства в современном обществе заключается в том, что именно передача культурного капитала (образование) становится главным способом воспроизводства социальных позиций, в которой ключевую роль

играет система образования. Принадлежность системы образования к структурам бюрократического государства определяет специфику осуществляемых ею функций. В дифференцированном обществе именно государство осуществляет производство и воспроизводство инструментов построения социальной действительности – создание социальных иерархий.

Источники и литература

- 1) Вишневский Ю.Р. История зарубежной социологии образования. Ч.1. Классический этап (сер.ХІХ в.-нач.ХХ в.): Тенденции развития и уроки. Екатеринбург:УрФУ. 2014
- 2) Осипов А.М. Об институционализации социологии образования. // Социологические исследования. 2018. №7.С.41-49.
- 3) Рысакова П.И. Предмет социологии образования: концепции П. Бурдьё. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №27. С.131-136.

Мальцев Александр Леонидович

Уральский институт управления филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия

Реализация государственной кадровой политики в сфере науки и высшего образования (на примере РАНХиГС)

В 2023–2024 годах в РАНХиГС реализуется активная кадровая политика, направленная на обеспечение высокого уровня профессорско-преподавательского состава (ППС) и соответствие современным требованиям законодательства и стратегическим задачам организации.

В 2023 году в штате было 132 преподавателя, из которых 77 - штатные, а 51 - обладатель ученой степени и звания, что составляет 66,23 %. Среди них – доктора наук и профессора – 5 человек (6,4 %), кандидаты наук и доценты – 40 человек (51,94 %), а также кандидаты наук без ученого звания.

В штате по совместительству работало 55 преподавателей, из них 11 - внутренние, 44 - внешние, представляющие ведущие университеты и научные учреждения Екатеринбурга. Уровень научной квалификации внешних совместителей также высокий: 24 из них имеют ученую степень, в том числе докторов наук и профессоров. В 2023 году 66 преподавателей прошли курсы повышения квалификации по актуальным темам,

что способствует развитию профессиональных компетенций и внедрению современных технологий обучения.

В 2024 году кадровый состав сохранил высокий уровень: обеспечено 128 преподавателей, из них 81 - штатные, а 63 - с ученой степенью или званием (77,77 %). В штате по совместительству работают 46 преподавателей, из них 29 - с ученой степенью. Такой кадровый потенциал обеспечивает выполнение образовательных программ высокого качества и соответствие современным стандартам.

Процесс замещения вакантных должностей строится на конкурсной основе, что обеспечивает прозрачность и объективность. Конкурсы объявляются не менее чем за два месяца, проводятся в очной или дистанционной формах с использованием телекоммуникационных технологий. Итоги оформляются протоколами и утверждаются на заседаниях ученого совета. В 2023–2024 годах продолжилась практика привлечения кадров через конкурсы, что повышает профессиональный уровень преподавателей.

Кадровая политика включает постоянное повышение квалификации и переподготовку педагогов. В 2023–2024 годах реализуются программы по актуальным направлениям - информационной безопасности, электронному обучению, управлению проектами и другим. Это повышает уровень преподавателей и качество образовательных программ. Значительная часть педагогов - специалисты предпенсионного возраста, что подчеркивает необходимость планомерного обновления кадров.

Общий кадровый потенциал в РАНХиГС демонстрирует стабильность, эффективность и соответствие требованиям развития образования и науки. Систематическая работа по подбору, развитию и мотивации кадров обеспечивает выполнение стратегических задач, укрепляет научно-педагогическую базу и способствует повышению качества подготовки специалистов для государственной службы и бизнеса.

Источники и литература

- 1) Программа развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (2023) [Электронный ресурс] URL: <https://www.ranepa.ru/sveden/common/> (Дата обращений: 25.01.2026)
- 2) Ежегодный отчет о результатах реализации программы развития университета в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» в 2022 году [Электронный ресурс] URL: <https://www.ranepa.ru/sveden/common/> (Дата обращений: 25.01.2026)

- 3) Поликанов Д. В. «Кадровый голод» на государственной и муниципальной службе // Мониторинг. 2010. №5 (99). С.66-86.

Мартъянова Наталья Александровна

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

**Феномен парентократии в образовательном пространстве
университета**

Современные студенты все чаще демонстрируют тенденцию к возрастающему социальному инфантилизму, который проявляется не только во взаимоотношениях с преподавателями и администрацией университетов, но и в общем непонимании студентами специфики учебного процесса [4].

Одним из последствий социального инфантилизма студентов является феномен парентократии (от лат. parentes - родители и греч. kratos - власть) — тотальное родительское влияние (власть, доминирование), которое в особенности проявляется в сфере образования [5]. При анализе данного феномена можно выделить как экономический аспект, так и социальный.

Экономический аспект проявляется в оплате родителями выбранного ими направления обучения детей, а также в их финансовой поддержке студентов во время обучения. Социальный аспект парентократии предполагает такие практики как: введение родительских собраний в университетах; контроль родителями посещения занятий; регулярное общение с кураторами; участие в организации прохождения практик; создание личных кабинетов родителя (или специальной горячей линии); регулярное получение электронных писем от университета и даже присутствие в качестве членов комиссий на защите дипломов и экзаменах [2] и пр.

Каковы же возможные последствия распространения парентократии в системе высшего образования?

1. Родители вольно или невольно вершат будущее своих детей, без учета их реальных способностей и достижений, а лишь основываясь на собственном социально-экономическом бэкграунде и связанных с ним установках [5]. Так как родители, как правило, более склонны завышать, а не занижать способности и уровень знаний своих детей, то столкновение с реальным образовательным процессом приводит к разочарованию как тех, так и других.

2. Реализации родительских предпочтений и возможностей не оказывает должного влияния на мотивацию студента в процессе получения

знаний, умений и навыков [1]. Более того, снижается мотивация к преодолению препятствий на пути получения образования: при первых же сложностях студенты склонны демонстрировать крайне пассивное поведение, приводящее, в конце концов, к очередному вмешательству родителей.

3. Сохранение и усугубление тенденции к социальному инфантилизму среди студентов. Это, в свою очередь, проявляется в излишней эмоциональности, непосредственности, потребности во внимании, детской «амбициозности», максимализме и, как следствие, — в безответственности (а то и, в принципе, в нивелировании самой идеи о какой ни то ни было персональной ответственности студента), и т.д.

4. Привлечение внимания широкой общественности к конфликтам в образовательной среде [3]. Конфликтное взаимодействие, которое ранее преодолевалось его участниками согласно установленным «правилам игры» и пр., теперь становится ареной публичного столкновения разных социальных групп, в том числе родителей.

Таким образом, феномен парентократии все ярче проявляется в образовательном пространстве университета и требует более детального социологического исследования.

Источники и литература

- 1) Абрамов Р. Парадоксы credenциализма и динамика современного профессионализма // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007.
- 2) Вузам пора проводить родительские собрания?: семьи студентов становятся новыми стейкхолдерами высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/news/796147056.html> (дата обращения: 14.01.2026).
- 3) Мартянова Н.А. Конструктивные конфликты в структуре коммуникации молодежи // Современная российская молодежь: ее социальная ответственность и потенциал в развитии страны (к 270-летию Московского университета): XIX Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2025»; 17 февраля 2025 г.: Сб. материалов. – М.: МАКС Пресс, 2025. С.281-283.
- 4) Назаров Т.А. Понятие "студенческого инфантилизма": причины и структура // Акмеология, 2015. №3 (55). С.127-128.

- 5) Соболевская О.В. Студенческий мезальянс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iq-media.ru/archive/362883775.html> (дата обращения: 14.01.2026)

Марченков Евгений Сергеевич
ГАПОУ СО "ЕКТС", Екатеринбург, Россия

**Подготовка молодых профессионалов в строительной отрасли
промышленного региона в новых реалиях российского
общества: социологический анализ**

Подготовка молодых профессионалов в строительной отрасли промышленного региона в рамках федерального проекта «Профессионалитет» позволяет решить проблему практикоориентированной подготовки, быстрой трудовой интеграции студентов в производственные процессы путем активного вовлечения в процесс работодателей.

Основной механизм реализации проекта – создание образовательно-производственных кластеров, подразумевающих сетевое взаимодействие работодателей и представителей системы образования для быстрой, адекватной потребностям экономики и рынка труда качественной подготовки профессионалов. К 2030 г. отраслевая модель подготовки кадров должна стать базовой при реализации образовательных программ СПО в каждом регионе [3].

Образовательно-производственные кластеры выступают в роли «сетевых узлов», формируя условия для обмена знаниями, навыками и ценностями. Это влияет на профессиональную социализацию молодежи, расширяет ее социальный капитал, снижает социальные барьеры.

Развитие кластеров в рамках проекта идет неравномерно, о чем отмечали авторы ранее [1]. В Свердловской области за три года было создано 12 кластеров, охватывающих более 60 образовательных организаций СПО. Пространственная организация кластеров характеризуется их концентрацией в крупных промышленных центрах при одновременном распространении сетевых форм взаимодействия в других промышленных территориях и моногородах. Каждый кластер представляет собой сообщество с разным количеством работодателей-партнеров и образовательных организаций.

Строительный кластер появился в 2023 г. и объединил пять предприятий и 20 образовательных организаций. Для определения перспектив функционирования кластера были проведены глубинные интервью

с его участниками (n=15). Анализ ответов экспертов позволил классифицировать основные вызовы, стоящие перед участниками кластерного взаимодействия в рамках подготовки молодых профессионалов. Среди них:

- институционально-управленческие противоречия, в том числе работа платформы «Работа в России»;
- финансовые барьеры сетевого взаимодействия (похожие проблемы отмечали и исследователи в другом регионе [2]);
- вызовы организации образовательного процесса;
- отсутствие сетевых механизмов взаимодействия, профессиональная и культурная дезинтеграция;
- системный дисбаланс на рынке труда.

Данные проблемы носят системный характер и свидетельствуют о недостаточной институционализации кластерной модели, что требует комплексных решений на уровне образовательной, кадровой и промышленной политики региона.

Опыт реализации проекта «Профессионалитет» в Свердловской области демонстрирует не только перспективность институциональных решений в системе подготовки кадров, но и системные проблемы. Подготовка молодых профессионалов, их ранняя профессионализация и успешное включение в рынок труда зависят от сетевых усилий всех стейкхолдеров: от органов власти и должностных лиц до профессиональных ассоциаций и конкретных организаций.

Источники и литература

- 1) Марченков Е. С., Чевтаева Н. Г. Совершенствование взаимодействия работодателя с образовательной организацией: кейс кластера «строительство» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. №. 2. С. 71-81. DOI: 10.69571/SSPU.2025.95.2.007 EDN: QBHJQX
- 2) Матаннанов А. К., Данилова Л. И. Взаимодействие бизнеса, образования и власти в системе среднего профессионального образования в регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. №. 3. С. 13-24. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-3/13-24 EDN: FAJEUG
- 3) Федосеева З. А., Ляшенко М. В. Реализация сетевого взаимодействия в образовательно-производственном кластере федерального проекта «Профессионалитет» (на примере отрасли «Машинострое-

ние») //Иновационное развитие профессионального образования. 2025. №. 3 (47). С. 115-128. EDN: GONZXD

Маслова Татьяна Федоровна

ГБОУ ВО СГПИ, Ставрополь, Россия

**Воспитание культуры исторической памяти обучающихся:
опыт моделирования.**

Воспитание исторической памяти занимает особое место в системе культурной преемственности поколений, актуализируется в условиях нравственного кризиса, характерного для современного общества. В связи с этим перед образованием стоит задача развития культуры исторической памяти обучающихся в образовательном процессе. При этом внимание субъектов и акторов образования фокусируется на способах, технологиях и методах воспитания поколений с признанием необходимости того, что, как отмечал П.А. Сорокин развивая идею счастливого поколения: «Воспользоваться всем опытом прошлого, всеми уроками недавнего перелома – отказаться последовательно от того, что «изжито»...,- вот что требуется логикой жизни от «детей» в первую очередь». Данный тезис представляет смысловые установки методического и социологического сопровождения формирования исторической памяти. Теоретические основы и практические векторы воспитания здесь определяют теории социализации, личностно ориентированного обучения, концепции и технологии активного обучения с использованием проектных технологий, ролевых игр, интервьюирования, драматизации; приобщение к устной истории. А также , - методики коммеморативных практик: исторические реконструкции, исторический туризм и другие, содержащие потенциал выработки у обучающихся собственного представления об историческом прошлом. Основами целенаправленного воспитания исторической памяти обучающихся в социальном, аксиологическом, педагогическом аспектах является творческая интеграции предметных знаний, систематизация и координации воспитательных практик, возможностей измерения их эффективности. Одним из подходов в организации воспитания культуры исторической памяти рассматривается концептуальное моделирование, представляющее векторы намечаемых изменений в процессуально – деятельностном аспекте. Исходя из функциональной направленности модели, выделяются следующие компоненты: - прогнозно- целевой компонент, направленный на выявление перспективного запроса и актуальных образовательных решений в сфере формирования культуры

исторической памяти субъектов; содержательно- методический, связанный с развитием компетентности обучающихся в работе с исторической информацией, объективности ее интерпретации; созданием междисциплинарных связей и воспитательных практик; управленческий компонент, направленный на координацию действий в выполнении социального заказа общества по развитию консолидирующей функции исторической памяти и воспитания культуры исторической памяти обучающихся. Реализация модели воспитания исторической памяти способствует систематизации форм и методов передачи моральных и идейных ценностей; ориентации субъектов в социальном времени и пространстве; осуществлению социологического и образовательного мониторинга результативности действий.

Источники и литература

- 1) Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы. СПб: Изд дом «Мирь», 2014.С. 558

Матвеева Наталья Александровна

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный педагогический университет", Барнаул, Россия

Барьеры объяснения образовательных инноваций в социологии образования

В современной отечественной социологии образования эмпирически определена социальная проблема, проявляющаяся в виде противоречия между необходимостью инновационного развития системы образования и наличием социальных барьеров инновационной деятельности участников образовательных отношений. Ранее нами были выявлены и охарактеризованы следующие барьеры инновационной деятельности в системе общего образования: понятийный, концептуальный, организационный, содержательно-управленческий, размытое восприятия препятствий, профессиональные перегрузки, компетентностный и информационный [Матвеева Н.А., 2023]. Но назвать их еще не означает объяснить [Иванов О.И., 2014].

Решение исследовательской проблемы социологического объяснения образовательных инноваций – актуальная методологическая задача современной социологии образования. Начало ее решения кроется в выявлении барьеров объяснения, которое предполагает анализ эвристических

возможностей социологии образования на современном этапе развития отрасли [Осипов А.М., 2024] и рефлексии (саморефлексию) социологического мышления и научного кругозора исследователя. Термин «барьеры объяснения» точнее отражает содержание поставленной методологической задачи по сравнению с использованием термина «границы объяснения», поскольку предполагает анализ трудностей объяснения в рамках отраслевой социологии, а не поиск пределов предметного поля науки [Беспмятных Н.Н., 2014; Иванов О.И., 2012; Матвеева Н.А., 2023].

К основным барьерам объяснения образовательных инноваций в современной социологии образования мы относим:

- сохраняющееся существенное расхождение в определении социологического содержания понятий «образовательная инновация», «инновационные процессы в образовании»;
- отсутствие социологической классификации, типологии образовательных инноваций;
- неразработанность системы социальных показателей для эмпирического измерения образовательных инноваций и анализа инновационных процессов;
- спонтанность выбора социологической парадигмы для объяснения инновационного развития образования и даже неосознанность необходимости решения этой задачи;
- произвольность в разработке методологической базы социологического исследования инноваций в образовании;
- низкий уровень интеграции эмпирических и теоретических исследований инноваций образования;
- слабая корреляция результатов социологических исследований в области образовательной инноватики с фундаментальными исследованиями функционирования и развития образования как социальной системы и как социального института;
- практически отсутствие исследовательского интереса к дихотомии «традиционное – инновационное» в условиях необходимости обеспечения устойчивого развития системы суверенного образования;

Все названные барьеры можно постепенно снять, если они будут определены отечественными социологами как специальные задачи фундаментальных и эмпирических социологических исследований образовательных инноваций.

Источники и литература

- 1) Матвеева Н.А., Замятина О.Н., Машкевич А.С. Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и ба-

рьеры, перспективы // Вестник института социологии. – 2023. – Том 14. – № 4. – С. 288-305.

- 2) Осипов А.М., Бабинцев В.П., Матвеева Н.А. Социология образования в России: тренды и риски последнего десятилетия // Вестник российского университета Дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24. – № 3. – С. 777-794.
- 3) Иванов О. И. Социологическое объяснение: к характеристике современных практик // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 3-9.
- 4) Беспмятных Н.Н. Понятие границы в социологической теории // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика, социология, биология. – 2012. – № 1(125). – С. 43-48.

Мельников Никита Дмитриевич

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Мотивация и барьеры участия студентов во внеучебной деятельности (на основе опубликованной статьи и результатов диссертации)

Введение

Современная парадигма высшего образования нацелена на подготовку не только высококвалифицированного специалиста, но и гармонично развитой личности, способной к активной социальной и профессиональной самореализации. В этой связи внеучебная деятельность, понимаемая как комплекс организуемых ВУЗом активностей, не входящих в учебный план, приобретает роль ключевого инструмента достижения данной цели. К ее формам относятся участие в научных обществах, студенческих организациях, волонтерских проектах, спортивных секциях, культурных мероприятиях и творческих коллективах, что в совокупности способствует развитию лидерских качеств, коммуникативных компетенций, социальной ответственности и гражданской позиции студентов.

Несмотря на очевидную значимость, проблема мотивации студентов к участию в данной деятельности, а также преодоления сдерживающих барьеров остается недостаточно изученной, что и обуславливает актуальность данного исследования. Целью статьи является апробация результатов диссертационного исследования, предполагающая комплексный ана-

лиз и систематизацию ключевых мотивов и барьеров участия студентов во внеучебной деятельности.

1. Мотивы участия студентов во внеучебной деятельности

Современные студенты демонстрируют прагматичный подход к внеучебной деятельности, рассматривая её как важный ресурс для профессионального и личностного развития. Исследование среди учащихся российских вузов диссертация выявила следующие ключевые мотивы [1]:

- **Приобретение профессионального опыта и конкурентных преимуществ.** Студенты стремятся получить практические навыки, повышающие их ценность на рынке труда и значимые для резюме.

- **Развитие мягких навыков (soft skills) и полезных связей.** Особый интерес представляет формирование компетенций в области командной работы, управления проектами, принятия решений и оценки рисков. Немаловажным является и установление профессиональных контактов.

- **Погружение в профессиональную среду.** Студенческие организации воспринимаются как площадка для практической апробации знаний в выбранной сфере и раннего погружения в специальность.

- **Влияние и общественная польза.** Для части студентов (особенно активистов студенческих советов) важным мотивом является возможность влиять на административные решения, защищать интересы студентов и создавать пространство для реализации общественно-полезных инициатив.

2. Барьеры участия студентов во внеучебной деятельности

Ключевыми барьерами, ограничивающими участие студентов во внеучебной деятельности, согласно исследованиям, выступают несколько взаимосвязанных факторов:

- **Временные и ресурсные ограничения.** Наиболее часто отмечается острая нехватка свободного времени, детерминированная высокой учебной нагрузкой и необходимостью совмещения учёбы с оплачиваемой работой [2].

- **Информационный дефицит.** Существенным сдерживающим обстоятельством является недостаточная осведомлённость учащихся о существующих возможностях и форматах вовлечения [3].

- **Психологические и личностные факторы.** К ним относят низкую самооценку, недостаток уверенности в своих силах, а также отсутствие личной заинтересованности или внутренней мотивации к такой активности [4].

- **Социально-экономическое неравенство.** Исследователи констатируют, что студенты из малообеспеченных и социально уязвимых

групп участвуют во внеучебных практиках менее активно. Это объясняется комплексом причин: вынужденной занятостью, порождающей дефицит времени, и более низким уровнем уверенности в себе, что ограничивает инициативу [5].

Заключение

Таким образом, результаты исследования показывают, что мотивация студентов к участию во внеучебной деятельности в значительной степени прагматична и связана с профессиональным и личностным развитием, однако её реализация сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров. Наиболее существенными препятствиями являются нехватка времени, порождаемая высокой учебной нагрузкой и необходимостью подработки, а также недостаток информации и психологические факторы, которые усугубляются социально-экономическим неравенством. Для повышения вовлеченности вузам необходима системная политика, направленная не только на информирование, но и на активное снижение этих барьеров — через оптимизацию расписания, целевую поддержку и создание инклюзивной среды.

Источники и литература

- 1) Мельников Н.Д., Ларичева Д.А. Формирование у студентов мотивации к участию во внеучебной деятельности // Образовательная политика. 2024. №4 (100).
- 2) Belikova L. Students' attitudes toward extracurricular activity in an institution of higher learning // Russian Education & Society. 2002. Vol. 44. No. 2. pp. 73–85. <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393440273>
- 3) Munir S., Zaheer, M. The role of extra-curricular activities in increasing student engagement // Asian Association of Open Universities Journal, 2021. Vol. 16. No. 3. pp.241–254. <https://doi.org/10.1108/AAOUJ-08-2021-0080>
- 4) Иванова Г.П., Логвинова О.К. ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2017. №3. С. 21-25.
- 5) Bathmaker A.-M., Ingram N., Waller R. Higher education, social class and the mobilisation of capitals: Recognising and playing the game // British Journal of Sociology of Education. 2013. Vol. 34 (5–6). pp. 723–743. <https://doi.org/10.1080/01425692.2013.816041>

Михайлов Валерий Алексеевич

Тверской государственный университет, Тверь, РФ

Состояние и перспективы развития инженерного образования в оценках студентов профильных направлений

На базе Лаборатории социальных исследований Тверского государственного университета (ТвГУ) в апреле-мае 2025 г. был проведен анкетный опрос среди студентов Московского физико-технического института (МФТИ) и ТвГУ (всего 468 респондентов).

51% респондентов оценили качество преподавания технических дисциплин как высокое, 39% – среднее, 10% – недостаточное. Таким образом, половина опрошенных указало на необходимость его совершенствования.

Определение степени соответствия образовательных программ требованиям рынка труда показало: только 35% респондентов отметили, что такие программы полностью соответствуют современным запросам работодателей, 50% посчитали такое соответствие частичным, 15% указали на явное несоответствие. Этот результат свидетельствует о наличии разрыва между наличными ООП и практическими потребностями предприятий.

55% респондентов посчитали практико-ориентированную составляющую образовательного процесса недостаточной, 15% вообще отметили ее полное отсутствие, и только 30% опрошенных оценили ее как достаточную. Это также указывает на необходимость расширения и углубления взаимодействия вузов с промышленными предприятиями.

Оценка степени сотрудничества вузов региона с реальным сектором экономики: 50% респондентов указали на частичное взаимодействие, 25% отметили, что их учебное заведение активно сотрудничает с предприятиями, и 25% опрошенных заявили об отсутствии сотрудничества.

О характере и уровне осведомленности респондентов в отношении стратегических инициатив в сфере инженерного образования можно судить по следующим данным: программа «Наука в регионы» (тиражирование и внедрение лучших образовательных практик Московского физико-технического института и Физтех-лицея им. П.Л. Капицы) известна только 20% опрошенным студентам МФТИ, 50% что-то о ней слышали, 30% вовсе не знакомы с данной инициативой.

Выявление ключевых проблем и перспектив развития инженерного образования в регионах РФ (на примере Тверской области) стало важной частью исследования. Так, респонденты отметили несколько направлений, которые могут способствовать повышению качества инженерного образования в регионе: развитие системы дуального обучения, включаю-

щей совмещение теоретических курсов с практической работой на предприятиях; расширение взаимодействия вузов с индустриальными партнерами, в том числе за счет совместных исследовательских проектов и образовательных программ; увеличение количества грантов и стипендий для студентов, занимающихся научной деятельностью и инженерными разработками; модернизация материально-технической базы университетов, включая создание новых лабораторий, исследовательских центров и инжиниринговых кластеров; усиление профориентационной работы среди школьников, что позволит сформировать устойчивый интерес к инженерным специальностям еще до поступления в вуз и др.

Анализ трудоустройства выпускников инженерных направлений в Тверской области в целом засвидетельствовал высокую степень востребованности специалистов данной категории. Однако остается ряд нерешенных вопросов, касающихся качества трудоустройства, его устойчивости и долгосрочных перспектив профессионального роста молодых инженеров.

Нарожная Диана Анатольевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, кафедра управления персоналом, Москва, Россия

Искусственный интеллект в подготовке управленческих кадров: новые возможности и ограничения

Искусственный интеллект становится инструментом трансформации подготовки специалистов в области управления. Доклад посвящен возможностям и ограничениям, возникающим в процессе применения ИИ для обучения студентов бакалавриата и магистратуры по специальности «управление персоналом».

Во-первых, ИИ усиливает практико-ориентированную составляющую подготовки будущих управленцев. Симуляторы, сценарии принятия решений, моделирование реакций стейкхолдеров с использованием ИИ создают для бакалавров и магистрантов безопасную тренировочную среду, где можно проигрывать управленческие ситуации с эффектом максимально приближенным к реальным условиям. Инструменты генерации контента позволяют быстро обновлять кейсы и деловые игры, адаптируя их под актуальные отраслевые вызовы и российский контекст.

ИИ-платформы позволяют создавать реалистичные симуляции HR-ситуаций: конфликты в команде, изменения мотивации сотрудников, реакции на стиль руководства, формирование неформальных лидеров.

Студенты могут видеть последствия своих управленческих решений — например, как выбранная стратегия обратной связи влияет на вовлечённость, текучесть или продуктивность виртуальной команды. Это делает обучение более глубоким и практически ориентированным, чем традиционные кейсы.

Во-вторых, ИИ может анализировать выполнение заданий, поведение в симуляциях, качество коммуникации и аргументации, предоставляя студентам более точную, быструю и структурированную обратную связь. Такие инструменты помогают выявлять индивидуальные пробелы в soft skills — навыках проведения интервью, управления конфликтами, работы с мотивацией, лидерства — и позволяют преподавателю точнее настраивать учебный процесс под группу. Это усиливает практическую ценность подготовки будущих специалистов по управлению персоналом.

Однако массовое внедрение ИИ в работу со студентами сопровождается серьёзными ограничениями. На стадии базового профессионального становления особенно высок риск формирования «зависимости» от подсказок алгоритмов: студенты могут опираться на ИИ при решении кейсов и выполнении заданий, не развивая в достаточной степени критическое мышление, способность аргументировать и брать на себя ответственность за решение. Возникает и риск упрощённого понимания управленческой деятельности как набора алгоритмизируемых процедур, тогда как значительная её часть связана с неопределённостью, ценностным выбором и этическими дилеммами.

Отдельный блок проблем связан с этикой и правовым регулированием. Для корректного использования ИИ в педагогическом процессе, на уровне университетов и подразделений должны быть приняты соответствующие регламентирующие документы, позволяющие исключить злоупотребление этими инструментами.

Никитина Анна Сергеевна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара, Россия

Субъект образовательного процесса в условиях внедрения искусственного интеллекта: социальные установки студентов

Использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в образовательном процессе сегодня приводит не только к изменению привычных учебных практик, но и к трансформации самих субъектов

образования – прежде всего студентов. В этой связи особую актуальность приобретает исследование того, как студенты мыслят об ИИ, какие эмоции по отношению к нему испытывают и каким образом используют ИИ-инструменты.

Зарубежные исследования анализируют социальные установки студентов к ИИ, опираясь на трехкомпонентную модель установки (когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты), восходящую к классической концепции Г. Олпорта [1], преимущественно в рамках психологического подхода. Так, греческими и британскими исследователями показано, что для студентов-гуманитариев наиболее выраженным является аффективный компонент (например, ощущение, что ИИ делает жизнь удобнее); как следствие, студенты осознают важность ИИ, но их позитивное отношение в большей степени продиктовано эмоциями, нежели глубоким пониманием или готовностью применять ИИ на практике [2].

В отличие от подобных психологических подходов, преобладающих в зарубежных исследованиях, мы рассматриваем социальные установки студентов к ИИ как социально обусловленные, воспроизводящиеся в образовательной среде и отражающие особенности субъекта третьей искусственной природы. Формирование установок происходит в специфическом контексте современного студенчества, существенное значение в котором имеют социальные характеристики поколения Z. Так, для представителей данного поколения, как отмечает Л.В. Темнова, характерны адаптивность, «врожденные» цифровые навыки, клиповое мышление, прагматизм, гедонизм, индивидуализм и в то же время ценность человеческих отношений [3]. Исследуя социальные установки студентов, необходимо также учитывать воздействие цифровых образовательных продуктов на когнитивно-личностную и деятельностьную сферу обучающихся [4]. Именно данные особенности задают контекст, в котором воспроизводятся социальные установки студентов по отношению к ИИ. Кроме того, теоретическими основаниями исследования выступают философские концепции эволюции субъектности, разработанные В.С. Степиным и В.Г. Гороховым [5], а также подход А.Ю. Нестерова к анализу субъектности в условиях третьей искусственной природы и внедрения интеллектуальных технологий [6].

Методологической основой исследования выступает анализ социальных установок студентов к ИИ, опирающийся на трехкомпонентную модель установки, описанную выше. Вместе с тем для учета влияния социальной и институциональной среды наш анализ дополняется элементами модели UTAUT (Unified Theory of Acceptance and Use of Technology)

[7], направленной на выявление роли социального влияния и условий использования технологий. Такое сочетание подходов обеспечивает комплексный анализ социальных установок студентов к ИИ с учетом как индивидуальных, так и институциональных аспектов образовательного процесса.

Источники и литература

- 1) Allport G. Attitudes // Handbook of Social Psychology / ed. by C. Murchison. – Worcester, MA: Clark University Press, 1935. P. 798–844.
- 2) Katsantonis A., Katsantonis I.G. University Students' Attitudes toward Artificial Intelligence: An Exploratory Study of the Cognitive, Emotional, and Behavioural Dimensions of AI Attitudes // Education Sciences. 2024. Vol. 14. № 988. DOI: 10.3390/educsci14090988.
- 3) Темнова Л.В. Социальный портрет современного абитуриента вуза // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: к 35-летию социологического образования в России. Санкт-Петербург, 2024. С. 1208–1210.
- 4) Пучкова Е.Б., Темнова Л.В., Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Фадеев Д.С., Агеева А.А. Анализ представлений учителей о воздействии цифровых образовательных продуктов на когнитивно-личностную и деятельностьную сферу обучающихся // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 110–125.
- 5) Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: Контакт – Альфа, 1995. С. 275–290.
- 6) Нестеров А.Ю. Проблема субъекта в искусственной природе // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 22–28.
- 7) Venkatesh V., Morris M.G., Davis G.B., Davis F.D. User acceptance of information technology: Toward a unified view // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27, № 3. P. 425–478. DOI: 10.2307/30036540.

Нойман Раяна Фанусовна¹, Нойман Давид Абрамович²

1 - Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация; 2 - АО «Единая Сервисная Платформа», Москва, Россия

Data-driven подход как эффективная стратегия управления вовлеченностью студентов онлайн-курсов в новых условиях рынка EdTech

Современный этап развития общества характеризуется ускорением научно-технического прогресса и активной диджитализацией, что формирует потребность в непрерывном обучении. В этих условиях значительное количество людей предпочитают обучаться онлайн, с использованием дистанционных технологий, ставшими наиболее популярными в период пандемии COVID-19.

Несмотря на стремительный рост рынка онлайн-образования за последние годы, сегодня рынок столкнулся со снижением темпов роста. По данным исследования агентства Smart Ranking, в 2024 году годовой прирост по всем сегментам составил 19%, тогда как в 2023 году он достигал 34%. Пандемия, вызванная COVID-19, ранее ускорила развитие отрасли — в 2020 году рост был почти трехкратным с 14 млрд. руб. до 39 млрд. руб.

Замедление имеет несколько причин. Снижается интерес к IT-профессиям, которые раньше были драйвером рынка онлайн-образования. Зарплаты начинающих специалистов стали сопоставимы с доходами курьеров, а обещанный социальный лифт больше не кажется очевидным. Высокая ключевая ставка также оказывает влияние на темпы роста: от четверти до половины онлайн-курсов оплачиваются в рассрочку, однако процент одобряемости таких платежей падает, а кредитные ставки остаются высокими. В таких условиях люди предпочитают откладывать обучение, а не инвестировать в него. Растет и цена привлечения клиентов — этот барьер является одним из самых серьезных.

Критическим фактором успеха онлайн-образования является вовлеченность и мотивация студентов, которые могут оцениваться через такие индикаторы, как активность в дискуссиях, своевременность выполнения заданий, рефлексивность высказываний и качество создаваемых образовательных продуктов.

Современное управление вовлеченностью основывается на data-driven подходе. Анализ «цифрового следа» студентов — объективного отражения их поведения (активность в чате, паттерны посещаемости, использование интерактивных функций) — служит объективным индикатором поведенческих и эмоциональных проявлений обучающихся и позволяет понять поведенческие паттерны студентов, выявить корреляции между педагогическими интервенциями и метриками вовлеченности.

Такой подход актуализирует переход от субъективных педагогических оценок к количественному измерению эффективности образовательного процесса. Это позволяет установить корреляцию между операционными метриками учебной деятельности (скорость прохождения, взаимодействие с контентом) и стратегическими бизнес-метриками: LTV,

COR, NPS и др.). Снижение академического оттока (COR) возможно за счет предиктивного выявления рисков на основе поведенческих паттернов, а повышение качества образовательного опыта осуществимо через оптимизацию точек взаимодействия с контентом и преподавателем. В совокупности это формирует цикл управления, где оперативная коррекция вовлеченности на основе данных напрямую влияет на ключевые метрики успешности образовательного сервиса, включая лояльность (NPS) и пожизненную ценность студента (LTV).

Источники и литература

- 1) Мерекина, И. В. Перспективы развития дистанционного обучения / И. В. Мерекина. — Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 10-1 (49).
- 2) Журавлёва, О. В. Возможности и риски развития рынка онлайн-образовательных услуг / О. В. Журавлёва, А. О. Тарасенко, Д. И. Дериволкова. — Текст : непосредственный // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. — 2025. — № 1 (13).
- 3) Вайндорф-Сысоева, М. Е. Методика дистанционного обучения : учебник для вузов / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Т. С. Грязнова, В. А. Шитова ; под общей редакцией М. Е. Вайндорф-Сысоевой. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 194 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-9916-9202-1.
- 4) Перельман, А. К. Инструменты и подходы к построению вовлекающей образовательной среды в онлайн-обучении / А. К. Перельман. — Текст : непосредственный // Управление образованием: теория и практика. — 2025. — № 7-2.
- 5) Образовательная аналитика: управление образовательной организацией и создание контента на основе данных / М. Б. Свердлов, Е. В. Вербицкий, А. В. Конобеев [и др.]. — Текст : непосредственный // Современная аналитика образования. — М. : НИУ ВШЭ, 2021. — С. 65.

Образцов Игорь Владимирович

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия*

**Будущее подготовки социологов в рамках укрупненной
(политической) группы специальностей: лингвистический
фактор**

Переход к новой модели высшего образования связан с перемещением социологии в укрупненную группу специальностей (УГСН) политического профиля [1]. Так, в обновленную УГСН №13: «политика, социология и международные процессы» включены: регионоведение, политология, публичная политика, международные отношения и социология. Как известно, для новой модели характерен «отложенный выбор» специализации после двух лет совместного обучения студентов по общей программе (при переходе на 3-й курс они должны определиться с будущей специальностью).

При отсутствии в настоящее время в публичном поле даже проектов ФГОС 4-го поколения, можно пока, ориентируясь на требования действующих ФГОС 3++, сравнить существующие в них различия. Так, например, по крайней мере, в двух из них: «международных отношениях» [2] «зарубежного регионоведения» [3] предусмотрено углубленное изучение двух иностранных языков. У остальных специальностей, включая социологию, это требование отсутствует.

Получается, для того, чтобы подготовить высококвалифицированных международных и регионоведов необходимо всем студентам, поступившим на УГСН 13, в течение первых двух курсов обеспечить углубленную лингвистическую подготовку по единой образовательной программе. А затем, желающие продолжить данную подготовку, смогут выбирать только между «международными отношениями» и «регионоведением», ибо на других специальностях, включая социологию, это просто оказывается невозможным.

Более того, на социологии предусмотрен мощный объем учебных дисциплин математического и информационного (с изучением языков программирования и специализированного программного обеспечения) блоков, можно сказать, чуждых «чистым гуманитариям». Ведь на вступительных испытаниях на данную УГСН приоритет отдан истории и иностранному языку (при отсутствии математики и даже обществознания). Таким образом «отложенный выбор» будет, скорее всего, не в пользу социологии, на которую согласно уже сложившемуся в некоторых университетах опыту добровольно-принудительного «выбора специализации» попадут менее подготовленные студенты с низкой учебной мотивацией.

В таких условиях будущее подготовки социологов выглядит неопределенным и малоперспективным.

Источники и литература

- 1) Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 01.02.2022 N 89 «Об утверждении перечня специально-

стей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1documentId=478653>

- 2) ФГОС ВО бакалавриат по направлению подготовки 41.03.05 международные отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-41-03-05-mezhdunarodnye-otnosheniya-555/>
- 3) ФГОС ВО бакалавриат по направлению подготовки 41.03.01 зарубежное регионоведение [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-41-03-01-zarubezhnoe-regionovedenie-553/>

Павлова Ксения Михайловна

*ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", Братск,
Россия*

Профессиональные сообщества как форма повышения эффективности подготовки специалистов-психологов

Психологи являются востребованными специалистами в современной России. Согласно исследованию «Индекс потребности россиян в психологической поддержке», проведенного ВЦИОМ в декабре 2024 года, по состоянию на 2022 год индекс потребности в психологической помощи составил 23 пункта из 100, а в течение двух лет вырос на 7 позиций. В другом исследовании ВЦИОМ, проведенном в октябре 2025 года было выявлено, что стресс становится неотъемлемой частью жизни россиян, а 37% респондентов испытывают стресс несколько раз в месяц. Эти исследования подтверждают тот факт, что современный человек сталкивается с психологическими трудностями и нуждается в квалифицированной помощи.

С мая по ноябрь 2025 года нами было проведено пилотажное исследование путем онлайн-опроса среди жителей Иркутской области. Количество респондентов составило 335 человек. В опросе приняли участие 74% женщин и 26% мужчин. 42% респондентов имеют высшее образование, 20% – неоконченное высшее, 16% среднее профессиональное, 21% - среднее общее образование и 1% – ученую степень. Проживают в городской местности 90% опрошенных, в сельской – 10%.

Нами было выявлено, что 65% респондентов считает обращение за помощью психолога нормой. При этом, большинство опрошенных (41%)

отмечает, что доверие к психологам в современном российском обществе скорее не сформировано. Это говорит о существовании определенной стигматизации профессии.

На вопрос «Каким требованиям, на Ваш взгляд, в настоящее время должен соответствовать психолог?» мы получили следующие результаты: наличие профильного высшего образования (81%), регулярное повышение квалификации (80%), соблюдение этических норм (79%), знания в профессиональной области (72%), практический опыт (70%), прохождение личной терапии (55%), включенность в профессиональное сообщество (42%), готовность делиться опытом с коллегами (38%), участие в супервизиях и интервизиях (37%).

Для повышения эффективности работы психологов 57% респондентов отмечает необходимость прохождения психологами сертифицированных курсов повышения квалификации, 44% говорят о включенности психологов в профессиональные сообщества. Еще 43% опрошенных подчеркивают важность создания условий для обмена опытом между психологами.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что при подготовке специалистов-психологов важно не только качественное высшее образование и получение теоретических знаний, но и накопление практического опыта. Основой для этого могут стать профессиональные сообщества. В рамках сообществ может быть создана система наставничества и взаимодействия психологов. Начинающие специалисты могут входить в практику, получая обратную связь и рекомендации от опытных коллег в рамках супервизий, интервизий, обучающих программ. Для психологов со стажем, профессиональное общение может стать ресурсом для профилактики профессионального выгорания и стагнации, полем для роста и развития. Кроме этого, профессиональные сообщества могут выполнять регулятивную функцию, пресекая деятельность псевдопсихологов.

Источники и литература

- 1) Индекс потребности россиян в психологической поддержке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke>
- 2) Стресс и как с ним бороться. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya>

- 3) Шнейдер Л. Б. Психология идентичности: учебник и практикум для вузов / Л. Б. Шнейдер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 328 с. – (Высшее образование).

Панкова Светлана Николаевна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Цифровые практики самоформирования личности: от неформального образования к гибридным моделям обучения

Современная цифровая реальность расширяет запас наличного знания (knowledge at hand), масштабы его социального распределения, появляются новые агенты влияния на общественное сознание [26; 15].

Методология исследования: феноменология повседневности, которая позволяет анализировать цифровые составляющие повседневных фреймов и их влияние на жизненное устройство, контекст интерпретаций и поведенческие ориентиры [7; 14]; теория интерсубъективности и социального конструирования реальности, объясняющая, как цифровые взаимодействия формируют личностный потенциал [25].

Происходит переход от вертикального (экспертного) к горизонтальному (пользовательскому) знанию. Меняется структура образовательного процесса и усиливается субъектность [3]. Алгоритмическая персонализация контента влияет на формирование новых когнитивных схем и идентичности, уникальных траекторий личностного развития [4; 20; 23].

Геймификация и симуляции как эффективные механизмы неформального обучения, способствуют усвоению компетенций в интерактивной форме [2; 10; 22]. Цифровые платформы, сообщества и неформальные сети создают альтернативные образовательные пространства, расширяют возможности самообразования [18]. Использование цифровых инструментов — трекеры и дневники — формирует у личности рефлексивные навыки, необходимые для управления собственным развитием [6].

Локальные онлайн-сообщества (чаты, клубы) выполняют функцию конструирования идентичности: предоставляют пространство для социального экспериментирования и взаимной поддержки [19]. Образовательные ландшафты возникают благодаря конвергенции формального, неформального и информального образования — границы между типами обучения размываются [17].

Виртуальные миры и аватары открывают возможности для экспериментов с социальными ролями. Полученный в цифровой среде опыт

переносится в реальную профессиональную деятельность [21]. Эффективными площадками практического обучения и гражданской социализации становятся цифровое волонтерство и крауд-проекты. Они объединяют образовательные и социальные цели [5; 11; 12].

Университеты будущего трансформируются в гибридные платформы: они интегрируют формальное обучение с цифровыми практиками самоформирования. Необходимы новые образовательные модели [16], включающие: игровые механики; системную поддержку цифровых сообществ; рефлексивные инструменты для самоконтроля и самооценки [8]; персонализированные образовательные траектории и рефлексивные инструменты (quantified self), способствующие развитию личности [24]. Социальный эффект описанных трансформаций проявляется в росте созидательной адаптивности личности к условиям неопределённости.

Изучение микропроцессов самоформирования опирается на этнометодологию и нарративный анализ, наблюдение процессов в их естественной среде [1]. Исследование выходит за рамки образования. В HR-менеджменте – могут быть использованы для программ развития персонала с учётом цифровых практик. В городской политике — для интеграции цифровых форматов в социальные программы [9].

Источники и литература

- 1) Андриянова Т. О. Пирсе: коммуникативно управленческий метод в связях с общественностью // Социальная теория и PR. – 2024. – С. 310.
- 2) Ануфриева Ю. В. Геймификация как инструмент повышения мотивации обучающихся // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3 (106). – С. 19–21.
- 3) Атаманова Г. И. Структурная модель образовательной деятельности в условиях цифровой трансформации // Международный научно исследовательский журнал. – 2023. – № 3 (129). – С. 76.
- 4) Велиев Д. Д. Цифровое сознание и идентичность // Гуманитарное пространство. – 2024. – Т. 13. – № 7. – С. 581–596.
- 5) Гайсина С. В., Белик А. Е. Цифровое волонтерство как фактор социализации школьников // Непрерывное образование. – 2024. – С. 79.
- 6) Гельманова З. С. и др. Личностные навыки и профессиональный успех: влияние self skills // In The World Of Science and Education. – 2025. – № 31 март ЭН. – С. 37–46.

- 7) Гофман И. Анализ фреймов / Вахштайн В. С. Книга о «Реальности» социальной реальности: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологический журнал. – 2004. – № 3–4. – С. 178–187.
- 8) Гурниковский А. И. и др. Современные технологии в обучении цифровым навыкам на уровне высшего профессионального образования в Российской Федерации // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 9 (67). – С. 91–107.
- 9) Ерзнкян Б. А., Фонтана К. А. Современная городская политика и перспективы реализации концепции «умного города» // Проблемы рыночной экономики. – 2022. – № 1. – С. 58–81.
- 10) Ершова Е. С. Геймификация как средство формирования необходимых компетенций у обучающихся digital профессий: магистерская диссертация : дис. – 2024.
- 11) Катаев Д. В., Данковцев О. А., Бабанов Е. А. Обучение служением и педагогическое волонтерство в цифровой образовательной среде как современные подходы к развитию профессионально значимых качеств личности будущих педагогов // Economical and humanitarical researches of the regions. – С. 39.
- 12) Ланщикова Г. А., Позднякова Т. Ю., Сухарев А. И. Применение технологии краудсорсинга в современном образовательном процессе // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 4. – С. 39.
- 13) Лесев В. Н. Применение методов микросоциологии к изучению формирования глобальных компетенций у иностранных студентов // Концепт. – 2025. – № 4. – С. 324–337.
- 14) Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография // Пермь: Перм. гос. ин-т культуры. – 2021.
- 15) Лясковская Е. М. Инструменты конструирования политической реальности в цифровом обществе // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5. – С. 104–114.
- 16) Маматова Г. Д., Кучкаров Т. С. Актуальность концепции «Цифровой университет»: литературный обзор отечественных и зарубежных исследований // Информатика. Экономика. Управление /

Informatics. Economics. Management. – 2024. – Т. 3. – № 1. – С. 0101–0158.

- 17) Никифорова Т. И. Интеграция формального, неформального и информального образования в условиях цифровой трансформации образования // Современные наукоёмкие технологии. – 2024. – № 1. – С. 140.
- 18) Обухов А. С., Крайнова П. О. Открытое образовательное пространство большого города: выход образования за пределы школы // Исследователь / Researcher. – 2024. – № 1–2 (45–46). – С. 114–187.
- 19) Пахтусова Н. А. Становление сетевой идентичности личности в условиях киберсоциализации. – 2022.
- 20) Песоцкая К. И. Эстетика в цифровую эпоху: вкус и алгоритм // Наука. Искусство. Культура. – 2022. – № 3 (35). – С. 25–42.
- 21) Пыников М. А. Потенциальное воздействие технологии виртуальной реальности на человеческое сознание // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 3. – С. 107–113.
- 22) Степанов М. А., Гергет О. М. Игровая технология в образовательном процессе: технологические особенности игр в процессе обучения // International Journal of Open Information Technologies. – 2025. – Т. 13. – № 4. – С. 170–180.
- 23) Тихонюк А. А. Искусственный интеллект и масс медиа: негативные аспекты алгоритмов персонализации контента // Коммуникология. – 2024. – Т. 12. – № 3. – С. 43–60.
- 24) Титков И. В., Логинова И. О. Образовательные возможности геймификации в современном высшем образовании // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26. – № 5 (35). – С. 844–856.
- 25) Устюжанина Д. А. Интернет как сфера социального творчества: социально философский анализ : дис. – Сибирский федеральный университет, 2022.
- 26) Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – Т. 2. – С. 129–137.

Пахтусова Анастасия Андреевна

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный
университет», Санкт-Петербург, Россия*

Социальные роли пожилого человека в музыкально-образовательном процессе: от "обучаемого" к "носителю культурного опыта"

Современное общество характеризуется процессами глобального старения населения, что актуализирует вопросы социальной интеграции, качества жизни и реализации личностного потенциала людей «третьего возраста». В этом контексте система непрерывного образования, и в частности музыкально-образовательная практика, приобретает новое социальное звучание. Традиционно сложившийся подход, унаследованный от моделей детского и юношеского образования, рассматривал пожилого человека преимущественно как «обучаемого» – реципиента знаний и умений, передаваемых педагогом. Однако такая модель зачастую игнорирует ключевой ресурс данного возраста – богатейший культурный и жизненный опыт.

Традиционный подход к образованию пожилых, условно именуемый «парадигмой дефицита», фокусируется на возрастных ограничениях: снижении когнитивных функций, ослаблении физических возможностей, консерватизме мышления [1, с. 45]. В музыкальной педагогике это выражалось в упрощенных программах, дидактических методах и отношении к ученику как к объекту педагогического воздействия. Роль «обучаемого» в этой системе пассивна и предполагает восполнение неких пробелов.

Современная геронтология и педагогика взрослых (андрагогика) сместили акцент на «парадигму потенциала». Согласно данной концепции, старение – это не только утраты, но и приобретения: накопление мудрости, кристаллизация интеллекта, развитие рефлексии и способности к интегративному мышлению [2, с. 112]. В музыкальной сфере это проявляется в сформированном музыкальном вкусе, обширном аудиальном опыте, глубокой эмоциональной связи с музыкой определенных эпох и стилей.

Как отмечает Е.В. Федотова, «пожилой человек является живым носителем музыкально-культурного кода своего поколения, что представляет собой уникальный дидактический ресурс» [3, с. 28]. Таким образом, его роль трансформируется из объекта обучения в субъект образовательного процесса, равноправного участника диалога.

Роль «носителя культурного опыта» является комплексной и проявляется в нескольких аспектах музыкально-образовательной деятельности:

- Историк и свидетель музыкальной эпохи. Личный опыт проживания определенного исторического периода, посещения концертов,

прослушивания музыки на виниловых пластинках или магнитофонах придает знаниям экзистенциальное измерение. Рассказ пожилого человека о том, какую музыку слушали в 60-е или 70-е годы, не просто информативен, но и эмоционально насыщен, что невозможно воспроизвести в рамках традиционной лекции.

- **Интерпретатор и хранитель смыслов.** Музыкальные произведения, особенно связанные с ключевыми событиями жизни (песни военных лет, молодежные хиты юности), несут для пожилого человека глубоко личностные ассоциации. В процессе коллективного обсуждения музыки он становится интерпретатором, раскрывающим не только объективные musicological аспекты, но и их связь с социальным и историческим контекстом, тем самым обогащая восприятие других участников группы [4, с. 91].
- **Участник межпоколенческого диалога.** Интеграция пожилых людей в mixed-age музыкальные проекты (хоры, ансамбли, музыкально-литературные гостиные) позволяет реализовать роль культурного транслятора. Передавая молодежи традиции, фольклор, специфические исполнительские манеры, пожилой человек не просто учит, а вступает в диалог, в котором и сам обогащается новыми музыкальными тенденциями.
- **Эксперт в области «звучащего быта».** Пожилые люди являются носителями знаний о бытовой музыкальной культуре: романсы, народные песни, танцевальные жанры, которые не всегда фиксируются в академических учебниках. Эта роль особенно важна в краеведческой и этнографической работе.

Для актуализации роли «носителя культурного опыта» необходима трансформация методов и форм организации обучения.

- 1) **От лекции к диалогу.** Преподаватель должен выступать в роли модератора, фасилитатора, который выстраивает образовательный процесс как совместный поиск и обмен знаниями. Эффективными являются семинары-обсуждения, «музыкальные гостиные», где участники делятся воспоминаниями, ассоциирующимися с теми или иными произведениями.
- 2) **Биографический метод и метод нарратива.** Включение в программу заданий, связанных с созданием «музыкальной автобиографии», позволяет легитимировать личный опыт как полноценный образовательный контент. Это способствует саморефлексии и укреплению личностной идентичности [5, с. 76].

- 3) Проектная деятельность. Совместные проекты, такие как создание аудиоальбома с воспоминаниями, подготовка тематического концерта-ретроспективы или сбор материалов по местной музыкальной истории, переводят пожилых людей из позиции исполнителей в позицию соавторов и исследователей.
- 4) Использование цифровых технологий. Обучение пожилых людей навыкам оцифровки аудиозаписей, ведения музыкальных блогов или создания цифровых архивов позволяет не только сохранить, но и актуализировать их культурный опыт, сделав его доступным для более широкой аудитории.

Эволюция социальной роли пожилого человека в музыкально-образовательном процессе от пассивного «обучаемого» к активному «носителю культурного опыта» отражает общемировую тенденцию гуманизации и демократизации образования. Эта трансформация не является отрицанием необходимости обучения новым знаниям и навыкам, а представляет собой переход к синергетической модели, где внешняя информация обогащается и переосмысливается через призму внутреннего, накопленного опыта.

Признание и педагогически грамотная актуализация этой роли приводит к множественным позитивным эффектам: повышается мотивация и самооценка пожилых людей, нивелируются негативные стереотипы о старении, укрепляется межпоколенческая связь, а сам музыкально-образовательный процесс становится более глубоким, личностно-окрашенным и социально-значимым. Таким образом, переосмысление роли пожилого человека является ключевым условием для развития инклюзивной и эффективной системы непрерывного музыкального образования в XXI веке.

Источники и литература

- 1) Ермолаева, М. В. Психология зрелого и позднего возрастов в вопросах и ответах : учебное пособие / М. В. Ермолаева. – Москва : МПСИ, 2004. – 272 с.
- 2) Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 940 с.
- 3) Федотова, Е. В. Музыкальное образование в третьем возрасте: от терапии к самореализации / Е. В. Федотова // Педагогика искусства. – 2018. – № 4. – С. 26–32.

- 4) Цыпин, Г. М. Психология музыкальной деятельности: теория и практика : учебное пособие / Г. М. Цыпин. – Москва : Академия, 2003. – 384 с.
- 5) Knowles, M. S. The Adult Learner: A Neglected Species / M. S. Knowles. – 4th ed. – Houston : Gulf Publishing, 1990. – 292 p.

***Пашков Михаил Владимирович¹, Дубровская Светлана
Евгеньевна¹***

*1 - Санк-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в образовании

Описание роли искусственного интеллекта (ИИ) в образовании пока ограничивается его рассмотрением как техники, метода или средства выполнения какого-либо действия. Предполагается, что ИИ может изменять сложившиеся в образовании правила игры, нести навязчивый спам, усугублять неравенство в обществе и приносить вред людям. Так, использование технологий ИИ при написании выпускной квалификационной работы можно рассматривать как пример, который одних обучающихся наделяет преимуществами, а других – страхами по поводу потери человеческого достоинства и индивидуальности. А рассмотрение ИИ в качестве имитации человеческого интеллекта и приписывание ему прав и свобод, идентичных человеку, подразумевает не только радикальную переоценку всего комплекса образовательных технологий, но и взаимодействие с множеством правовых и ценностно-ориентированных претензий, относящихся к его использованию.

1. Так, непонятно, кто несет ответственность за неверные рекомендации/выводы/решения при использовании ИИ. Если это его создатели, тогда их нужно сертифицировать. Однако сделать это сложно. Цифровые технологии и ресурсы возникают и исчезают достаточно быстро. Понятно, что за подготовку специалистов в традиционной форме всю ответственность несут вузы, педагогические коллективы и преподаватели. Правила здесь выверены и отрегулированы веками в отличие от систем ИИ, которые являются магическими и сверхчеловеческими и выходят за рамки того, что мы здесь и сейчас можем понять и отрегулировать.

2. Далее, любое ИИ-решение предполагает ряд заложенных разработчиками правил перехода к альтернативным и авторским методикам

определения веса каждого фактора при выдаче ответов на запрос, а также набор данных, на основе которых нейросеть (модель ИИ) тренируется в предсказывании и выдаче ответа. Такие комплексы правил и наборов данных определяются предпочтениями их авторов. Научные коллективы университетов не имеют отношения к таким командам и не могут представить «начинки» ИИ-систем. Возникает опасность трансляции выводов и трактовок, экспертиза корректности которых никогда не проводилась.

3. Кроме того, технологии ИИ не имеют идентичного живым агентам источника мотивации. Они руководствуются алгоритмами перебора заданного разработчиками пула вариантов. Однако ИИ, не имея четкой социальной мотивации, может вести себя так, как будто она у него есть. С этой точки зрения его можно считать интеллектуальным вирусом, который способен распространять информацию, оторванную от источника, подменять естественный информационный обмен искусственным.

Сказанное свидетельствует о том, что успешное решение любой проблемы образования неотделимо от осознания его единых оснований, тех смыслов образования, которые в своей иерархически выстроенной, логически непротиворечивой целостности определяли бы место человека в мире, задавали бы ему систему ценностных ориентаций, которые позволили бы понять, что процесс обучения неотделим от сборки/взаимодействия тела, мозга, людей, внешнего мира, цифровых технологий и т.п.

Источники и литература

- 1) Fawns, T.: <https://timfawns.com/expanding-the-unit-of-analysis-of-learning/> - Expanding the unit of analysis of learning- Timbocopia.
- 2) Caroline Pelletier. Against Personalised Learning // International Journal of Artificial Intelligence in Education (2024) 34:111–115.
- 3) Selwyn N. The future of AI and education: Some cautionary notes. // European Journal of Education published by John Wiley & Sons Ltd. 2022; 57:620–631.

Петрова Ирина Владимировна

ГАОУ ДПО "Ленинградский областной институт развития образования", Санкт-Петербург, РФ

Институт советников по воспитанию обучающихся в образовании цифрового общества

Реферируемая тема касается проблемы образования современного Российского общества для социализации детей и молодежи в условиях удаленной Интернет-реальности. Квантовое мышление создает картину субъективной квазиреальности, изменяет личность, но социально-поведенческие аксиомы личности зависят не только от текущих повседневных культурных практик субъекта, но и от воспитания. Личность меняется с течением времени, приобретая и утрачивая некоторые особенности характера, но некоторые особенности неизменны и релевантны на протяжении всей жизни. Составляющими личности являются свойства, формирующиеся в процессе взаимодействия с социумом, под влиянием социальных институтов. В рамках социологической теории выделяют важные подструктуры личности: культура, память и деятельность. Культурному многообразию Российского общества присущ синтез национальных культур, «метакультура лучшего», – это духовность, основанная на идеалах добра, справедливости, долга, которая проявляется в нравственном отношении к базовым ценностям: природе, народу, человеку, семье, Российскому обществу, Российскому государству и человечеству.[1] Президентом РФ В.В. Путиным «единая цель» озвучена в основах государственной политики и представлен механизм достижения общественной консолидации «сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей».[2] Современные учебные заведения должны заниматься не только образованием детей и молодежи, оказывать «образовательные услуги», но и воспитанием, что первостепенно, – это правило. Данное государственное видение отражено в документах, регламентирующих воспитательную работу в Российском образовании. Внесены изменения в Конституцию РФ, поправки в ФЗ «Об образовании», где определено понятие «воспитание» и общие требования к организации воспитания обучающихся и др. В институте образования социологи подводят некоторые итоги по реализации государственной политики в сфере защиты детей: осуществлено введение рабочих программ патристического воспитания в 92% средних, специальных и высших учебных заведениях с охватом 97% учащихся школ и колледжей и 88% студенческой молодежи. Для оказания помощи образовательным организациям в реализации программы с 2024 учебного года — во всех субъектах РФ вводятся должности советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в общеобразовательных организациях (в школах, лицеях, колледжах, техникумах). *В вузах также функционируют и развиваются различные молодежные студенческие (научные) общественные объединения и движения, они являются источниками необходимой сегодня естественной социальной активно-*

сти для формирования гражданской компетентности у молодежи, при этом важно усилить дальнейшее развитие общественных структур самоуправления студенчества через создание департаментов советников по воспитанию в вузах. Требуется широкое распространение в институте образования опыта практик советников по воспитанию. Для выстраивания эффективной работы должна быть обеспечена социальная и административная мобилизованность институциональной образовательной системы. Советник по воспитанию помогает сделать главный приоритет образования – воспитание – эффективнее и значимее, работая со всеми целевыми группами/категориями образовательного процесса: родители, педагоги (специалисты), социальные партнеры, сверстники, социальные сети, ресурсы web2.0 и др., т. о. способствует преодолению специфической особенности феномена воспитания – парциальности (частичности, прерывистости), усовершенствует процесс воспитания, выводя его на уровень социализации (непрерывное воздействие акторов).[3]

Источники и литература

- 1) Петрова И.В. Проблема социокультурного комплаенса в глобальном обществе / И.В. Петрова, А.А. Петров // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: Сборник материалов XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2020», Москва, 17-18 февраля 2020 года. – М: ООО «МАКС Пресс», 2020. – С. 365-367. – EDN AKTJAW.
- 2) Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ от 21.02.2023 [Электронный ресурс]. // Официальный Интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=604957546> дата обращения 12.07.2025.)
- 3) Петрова И. В. Междисциплинарный подход в целедостижении воспитания обучающихся / И. В. Петрова // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. – 2025. – № 1. – С. 102-110. – EDN RUBJLU.

Пивоварова Марина Борисовна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Moscow, Россия

Университет будущего как платформа управления российской образовательной и научной деятельностью

Современные трансформации высшего образования и науки, связанные с всепоглощающими процессами цифровизации и глобализации, обуславливают необходимость переосмысления традиционного понимания университета как платформы для обучения и производства знаний. Университет будущего в российском образовательном ландшафте становится ключевым элементом институциональной структуры общества знаний, с формированием новых типов взаимодействий, норм и управленческих стратегий.

Традиционное функционирование университета рассматривал М. Вебера в теории рациональной бюрократии. Однако в настоящее время процессы цифровизации подрывают эффективность предложенной модели классической бюрократии, формируя запрос на более гибкие, адаптивные, сетевые и проектно-ориентированные формы управления. С точки зрения неоинституционального подхода (Дж. Мейер, Б. Роуэн, П. ДиМаджио, У. Пауэлл) университет будущего рассматривается как результат институциональных изменений, обусловленных давлением государства и профессиональных сообществ с одной стороны, и соответствием международным стандартам с другой. С развитием общества и социологической мысли, университет стал рассматриваться как специфическое социальное поле. С позиции П. Бурдьё, внутри него происходит борьба за различные формы капитала — культурного, социального, символического и академического. Данный подход близок к современным платформенным моделям, которые опираются на концепцию сетевого управления, многоуровневого взаимодействия и теорию институциональных изменений. В университете аккумулируются образовательные, научные и управленческие процессы, тем самым обеспечивая согласование интересов академического сообщества, государства и рынка труда. Платформенная логика управления основана на гибкости, горизонтальных связях и использовании цифровых технологий и инфраструктур для социальной координации и коммуникации. Используемые цифровые платформы усиливают прозрачность и «здоровую» конкуренцию.

В условиях необходимости повышения эффективности и результативности образовательной и научной деятельности платформенная модель университета приобретает особую значимость для российского образовательного и научного ландшафта. Университет-платформа позволит: эффективнее управлять образовательной и научной деятельностью на основе проектно-ориентированного подхода; институционализировать персональные траектории обучения; усилить роль университетов в региональных инновационных экосистемах.

Таким образом, университет будущего как платформа вытесняет логику рационального администрирования и бюрократии (М.Вебер), заменяя проектными управленческими практиками. Платформенная модель задаёт новый формат управления в сфере образования и науки, университет становится центральным актором общества знаний. Формирование платформенной модели стоит рассматривать как стратегическое направление развития российской системы образования и науки, определяющее её гибкость, устойчивость и способность адаптироваться к долгосрочным социальным изменениям.

Поletaев Дмитрий Александрович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

О концепции ранней профессиональной ориентации

Современные дети рано знакомятся с цифровыми устройствами. Это может приводить к угасанию интереса у молодых граждан.

Необходимость современной профориентации с участием университетов, научных коллективов обозначил В.В. Путин еще в 2018 году. Так современные цифровые сервисы должны гармонично дополнять традиционные методы, но не заменять их.

В концепции ранней профессиональной ориентации делается акцент именно на молодых граждан (школьный и дошкольный возраст) [1, 2]. Вместе с тем актуальную роль также должны играть и родители. Концепция содержит пункты: заметность, простота, доступность, массовость. В контексте заметности подразумевается «витринность» объектов, вызывающих интерес у молодых граждан. Объекты связаны с профессиональными навыками будущих работников. Простота предусматривает легкость знакомства с объектами, посредством цифровых сервисов. В контексте доступности рассматривается возможность широкого доступа к объектам. Массовость предусматривает большой набор объектов для разных учреждений.

Рассмотрим подробнее возможное применение концепции. Для проведения ранней профориентации целесообразно предложить тематические объекты – некоторые предметы, характеризующие будущие профессии. Так, для естественнонаучных профилей подготовки это могут быть транзисторы, резисторы, пробирки и так далее. При этом данные объекты находятся на стенде общего доступа в образовательных учреждениях (школах, детских садах). Также возможно размещение на улицах

– в скверах, на стендах образовательных заведений. В качестве стендов удобно применять новогодние елки. При этом конкретный объект дополняется биркой, на которой содержится информация об объекте, qr-кодом для того, чтобы подробно про него прочитать (посмотреть видео и другие материалы), а также связанные с ним образовательные заведения (где можно получить соответствующее образование), подсвечивается гирляндами. Такие объекты могут отбирать и готовить студенты младших курсов вузов для будущих студентов.

Рассмотрим конкретный случай применения концепции. В парке устанавливается новогодняя елка с возможностью доступа к ней желающих. На елку, кроме шаров, развешиваются транзисторы, резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности с бирками, на которых содержится информация об объекте, qr-код (ссылка) для того, чтобы подробно про него прочитать в интернете (посмотреть видео и другие материалы), а также связанные с ним образовательные заведения (где можно получить соответствующее образование). Перечень объектов очень большой! Целесообразно размещение соответствующих элементов от Духовных Семинарий, а также вузов гуманитарных направлений подготовки. При этом молодые граждане замечают объект, интересуются, пытаются разобраться. Родители могут ассистировать детям по поиску необходимой информации.

В контексте данной концепции в студенческом конструкторском бюро физико-технического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского проводится активная работа.

Источники и литература

- 1) Маматова, И. С. Ранняя профориентация дошкольников в ДОУ / И. С. Маматова, Л. П. Литвинова, Е. В. Рысаева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 21 (363). – С. 399-401. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81224>.
- 2) Антонова М.В. Профессиональная ориентация младших школьников: состояние, противоречия и пути развития. – Саранск: ГБУ ДПО «Мордовский респ. ин-т образования», 2018. – 323 с.

Половнёв Андрей Викторович

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия*

**Особенности реструктуризации иноязычного общего
образования в современных условиях**

Изменение геополитической ситуации и национальных приоритетов развития РФ отражается на разных компонентах образовательной системы, в т.ч. иноязычном общем образовании [1]. Многоуровневая структура иноязычного общего образования складывается сегодня из программ обучения по нескольким иностранным языкам, которые могут преподаваться в качестве основных или вторых иностранных языков, а также на базовом и углубленном уровнях. Например, содержательный раздел Федеральной образовательная программа начального образования включает в себя программы по 5 иностранным языкам (английскому, немецкому, французскому, испанскому и китайскому) [2]. На уровне основного общего образования он дополняются программами преподавания второго иностранного языка, а в средней школе еще и программами преподавания иностранных языков на углубленном уровне [2]. Таким образом, на уровне среднего общего образования Федеральная образовательная программа содержит уже 15 рабочих программ по учебным предметам, связанным с иноязычным образованием, что создает условия для вариативного развития иноязычных компетенций учащихся.

Иноязычный компонент общего образования на протяжении последних десятилетий неоднократно реструктуризировался и модернизировался [3]. Последние нормативные изменения, связанные с отменой обязательного изучения второго иностранного языка и предоставления образовательным организациям возможности самостоятельно принимать решения о его преподавании на основе заявлений родителей обучающихся, запустили очередные структурные изменения иноязычного общего образования. Наряду с уменьшением объема времени, выделяемого на иноязычное образование в школе, с 2021 г. наблюдается снижение численности контингента учащихся, изучавших несколько иностранных языков в общеобразовательных учреждениях (с 3,1 млн. в 2021 г. до 0,59 млн. в 2024 г.), а вместе с ним и сокращение численности учителей иностранных языков. Например, численность штатных учителей иностранных языков с 2021 по 2024 гг. уменьшилась в общеобразовательных учреждениях более чем на 5,5 тыс. Наиболее заметные изменения коснулись немецкого языка. Так, численность школьников, которым преподавался немецкий, сократилась с 2021 по 2024 гг. почти на 1,9 млн. учащихся, в то время как численность учеников, изучавших английский продолжала увеличиваться и возросла на 0,92 млн. учащихся. Отмена обязательного изучения второго иностранного языка, отразилась на сокращении контингента учащихся и по другим языкам. Например, количество учащихся, изучавших французский язык сократилось в российских школах за 3 года на 509 тыс., испанский - на 63 тыс., китайский - на 40,6 тыс., а итальянский

на 9,6 тыс. учащихся. Т.о. модернизация иноязычного образования приводит к продолжающейся трансформации языковой структуры преподаваемых иностранных языков в школе, выражающейся в т.ч. в увеличении абсолютной и относительной численности учащихся, изучавших английский язык и сокращению численности школьников, изучавших иные иностранные языки.

Источники и литература

- 1) Половнёв, А. В. Глава 9. Иностранные языки в общеобразовательных организациях: структура, динамика и региональные различия / А. В. Половнев // Иноязычное образование в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России: социологический анализ. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Прометей", 2025. – С. 377-412. – EDN DYRPNG.
- 2) Федеральные образовательные программы начального, основного и среднего общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html#/> (дата обращения: 12.01.2026).
- 3) Образцов, И. В. Практики изучения иностранного языка старшеклассниками в условиях модернизации иноязычного школьного образования (2020-2024 гг.) / И. В. Образцов, А. В. Половнев // Вопросы образования. – 2025. – № 2. – С. 142-167. – DOI 10.17323/voprosy-obrazovaniya. – EDN XCBING.

Попова Екатерина Сергеевна
ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Традиция динамического подхода к анализу социального поведения в сфере образования и на рынке труда

Динамический подход к изучению социального поведения молодёжи в сферах образования и на рынке труда обладает комплексным потенциалом, раскрывающимся на пересечении нескольких плоскостей — концептуальной, методической и методологической. Его ценность обусловлена способностью фиксировать не только «сиюминутные» состояния, но и эволюцию социальных процессов, что критически важно для понимания механизмов формирования человеческого капитала и социальной стратификации.

Во-первых, в отличие от разовых социологических замеров, динамический анализ позволяет выявить долгосрочные тенденции и устойчивые паттерны, в частности, проанализировать эволюцию образовательных и профессиональных ориентаций молодёжи на протяжении десятилетий. С другой стороны, способствует обнаружению латентных сдвигов, ускользающих от оптики других методов и подходов. Иными словами, такой подход даёт возможность отделить эпизодические флуктуации от структурных изменений, что принципиально для корректной интерпретации данных и разработки практических рекомендаций.

Общество развивается не линейно: изменения накапливаются, взаимодействуют и порождают синергетический эффект. В данном аспекте динамический анализ позволяет отследить, как различные геополитические и социально-экономические кризисы влияют на образовательные стратегии различных поколений; оценивать последствия образовательных реформ (введение ЕГЭ, введение/отмена Болонского процесса, цифровизация обучения) в долгосрочной перспективе; анализировать влияние демографических сдвигов (волны рождаемости, миграция) на конкуренцию за образовательные ресурсы и распределение образовательных шансов особенно и при учёте существующей социальной дифференциации.

Различные аспекты социальной дифференциации тоже приобрели черты подвижности и динамичности. В плане образовательной инфраструктуры в крупных городах растёт доступ к качественному образованию, в малых – усиливается значение организаций среднего профессионального образования, что в совокупности усиливает территориальную и межрегиональную дифференциацию. Фиксируя подобные изменения, исследователи формируют возможности перехода от описания статичного неравенства к пониманию его динамического характера.

Таким образом, динамический подход преодолевает ограниченность «точечных» исследований, показывая процессы в развитии. При грамотной архитектуре дизайна исследования позволяет раскрыть суть социальных процессов и механизмов, связывая микро- и макроуровни анализа. Как было отмечено ранее, даёт инструмент для диагностики неравенства, выявляя не только его текущее состояние, но и траектории изменения, при этом обеспечивает базу для прогнозирования, позволяя принимать обоснованные управленческие решения.

Попова Наталья Викторовна
УрФУ, Екатеринбург, Россия

Социально-партнерский подход как методологическая основа адаптации системы СПО к вызовам рынка труда (на примере проекта "Профессионалитет")

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска эффективных методологических оснований для модернизации среднего профессионального образования (СПО) в условиях быстро меняющихся требований рынка труда и технологической среды [2]. Социально-партнерский подход рассматривается нами не только как практический инструмент, но и как ключевая методологическая рамка, позволяющая анализировать и конструировать новые модели взаимодействия образования и производства [3]. Эмпирическую базу составили результаты смешанного исследования, проведенного в 2024 году среди студентов, преподавателей и представителей предприятий-партнеров Екатеринбургского промышленно-технологического техникума (n=120, анкетирование; 15 глубинных интервью). Анализ данных в рамках социально-партнерской методологии выявил структурные противоречия: лишь 44% студентов вовлечены в значимую производственную практику; 49% отмечают разрыв между учебными программами и реальными технологическими процессами; более 50% респондентов характеризуют взаимодействие с работодателями как формальное, что снижает эффективность профессиональной социализации [1]. На основе методологии социального партнерства предлагается концептуальная модель трансформации системы СПО, включающая: институциональный уровень (легитимация долгосрочных договоров и создание совместных управляющих советов для интеграции запросов производства в образовательные стандарты); содержательный уровень (проектирование учебных модулей на основе анализа реальных производственных задач и компетенций в логике дуального обучения); технологический уровень (внедрение адаптивного наставничества по цепочке «мастер производства – педагог – студент» как технологии формирования профессиональной идентичности. Выводы исследования подтверждают, что применение социально-партнерского подхода в качестве методологического основания позволяет перейти от разовых контактов к системной интеграции СПО в региональные экономические процессы. Это создает основу для формирования устойчивой модели «техникума будущего», способного гибко реагировать на вызовы цифровой эпохи и воспитывать социально ответственного специалиста, востребованного на конкретном рынке труда.

Источники и литература

- 1) Лучинин, И. Ю. Развитие социально-ценностных ориентаций у студентов в условиях неопределенности / И. Ю. Лучинин, Т. М. Резер // Среднее профессиональное образование. – 2023. – № 3(331). – С. 11-15.
- 2) Набоких, А. А. Социальное партнерство в среднем профессиональном образовании / А. А. Набоких, А. В. Ряттель, А. А. Глатков // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 7. – С. 260-263.
- 3) Billett, S. Vocational education: Purposes, traditions and prospects. – Dordrecht: Springer, 2011. – 276 p.

Попова Светлана Юрьевна

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия*

**Ценности наставничества у студенческой молодежи:
результаты исследования проекта "Школа наставничества"**

Наставничество, как социальный феномен, существовало на протяжении многих веков и, по сути, уже стало традиционной формой работы с молодыми людьми. Вместе с тем, сегодня оно переживает новый виток в своем развитии. Современный человек «общества усталости» (Бён-Чхоль Хан) ищет новые формы своей эффективности, успешности, работает над созданием личного бренда, становится «предпринимателем самого себя». Стремясь ускорить процесс вхождения в профессию, молодой человек обращается к опыту других, состоявшихся, с его точки зрения, авторитетных профессионалов в определенной сфере деятельности.

Говоря о поддержке государством развития наставничества именно в молодежной среде, проект «Школа наставничества: студенты и аспиранты» Министерства науки и высшего образования, проводимый с 2022 года, является примером системной поддержки молодежи в организации профессионального сопровождения карьерных стратегий.

При реализации проекта было проведено научное исследование, целью которого стало определение основных ценностей наставничества для студентов и аспирантов.

Задачи исследования: определить содержание ценностей наставничества; описать место и роль ценностей наставничества в системе ценностей студенческой молодежи; выявить и описать успешные технологии и

практики наставничества; рассмотреть наставничество как технологию передачи опыта молодым специалистам на основе ценностей.

Методическую базу исследования составил комплекс специальных социологических и психологических методов: опросы, анкетирование, интервью. В исследовании приняли участие не менее 50% по каждому из 6 направлений проекта: «Просвещение» (21,1%), «Медицина» (10%), «Молодежная политика» (15,6%), «Культура» (21,1%), «Транспорт» (17,8%), «Сельское хозяйство» (14,4%); из 33 регионов РФ. Были проведены фокус-группы с участием наставников, анкетирование участников, интервью с лидерами направлений.

Возрастная структура выборки говорит о достаточно молодой представленности участников проекта в 2025г.: 18-21 год – 65,6%; 22-25 лет – 26,4%; 26-36 лет – 8,1%.

В исследовании приняли участие действующие руководители организаций и предприятий различных уровней и отраслей, в т.ч. высших учебных заведений, общественные деятели, представители разных сфер и т.д., обладающие значительным стажем профессиональной и наставнической деятельности.

Материалы исследования собирались в онлайн и офлайн формате, с помощью организации ВКС с участниками фокус-групп в период с сентября по ноябрь 2025 года.

В системе ценностей молодежи наставничество ассоциируется с доверием, смыслом, ростом и преемственностью. Сами же принципы наставничества, по мнению респондентов, строятся на сотрудничестве, уважении к личности, открытости, индивидуальном подходе и этичности.

Важно отметить, что это - экзистенциальный, а не только инструментальный феномен. Наставничество в восприятии студенческой молодежи — это про смыслы, ценности и личностный рост, а не только про передачу навыков.

Источники и литература

- 1) Виноградов А. Э. Анализ социологических концепций института наставничества // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 197–208.
- 2) Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. №3. С. 10–30.

- 3) Осипова Н. Г., Каневский П. С. Социальная ответственность и потенциал российской молодежи // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 166-168.
- 4) Попова С.Ю., Селезнева А.В., Палитай И.С. Наставничество в работе с молодежью: технологии и инструменты. Тверь: СКФ-офис, 2025. – 142 с.
- 5) Хан Б.-Х. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Москва: Издательство АСТ, 2023. - 160 с.

Проказина Наталья Васильевна

Финансовый университет, Москва, Российская Федерация

**Социологическое образование в цифровой экосистеме
университета будущего: баланс традиции и инноваций**

Современное социологическое образование переживает глубокую трансформацию под влиянием цифровых технологий, изменений рынка труда и общественных запросов. Ключевым вызовом становится сохранение баланса между традиционными ценностями социологии и инновационными подходами, обеспечивая формирование профессиональной идентичности и компетенций будущих специалистов [1; 3]. Цифровая экосистема университета будущего предполагает интеграцию онлайн-платформ, Big Data, цифровой социологии и гибридных форм обучения [2]. Это расширяет доступ к образовательным ресурсам, способствует индивидуализации обучения, но одновременно требует переосмысления методов преподавания, формирования цифровой и профессиональной идентичности студентов [1; 2; 3]. Традиционные основания социологического образования – развитие социологического воображения, критического мышления, методологической грамотности, сохраняют свою актуальность. Вместе с тем, необходимо интегрировать новые компетенции: аналитику больших данных, цифровую грамотность, навыки работы с цифровыми платформами и инструментами, междисциплинарное мышление [1; 2].

Баланс традиции и инноваций реализуется через: сохранение ядра социологического образования (теория, методология, критическое мышление); развитие цифровых и междисциплинарных компетенций; формирование гибкой профессиональной идентичности, способной адаптироваться к изменениям рынка труда и цифровой среды; усиление роли

профессионального сообщества и менторства в процессе обучения [1; 2; 3; 4].

Следовательно, социологическое образование в цифровой экосистеме университета должно опираться на традиционные методы и подходы, основываться на фундаментальных социологических концепциях и современных теоретических подходах. В сочетании с инновационными подходами и технологиями, такой формат профессиональной подготовки гарантирует готовность будущих социологов к новым вызовам. Но принципиальным является сохранение баланса между традициями и инновациями на принципах соблюдения этических стандартов и профессиональной ответственности. Цифровая экосистема университета будущего, находясь сама в постоянном обновлении, будет задавать принципы непрерывного обучения, актуализации представлений о современных подходах и технологиях и ориентации на развитие личных и профессиональных компетенций.

Авторская позиция состоит в том, что цифровые компетенции не являются самоцелью, а выступают инструментом, который позволяет социологу на основе развитого социологического воображения и теоретического мышления адекватно отвечать на вызовы времени.

Источники и литература

- 1) Скворцов, Н. Г. Социологическое образование: между стандартами и реалиями / Н. Г. Скворцов, В. В. Зырянов // Социологические исследования. – 2018. – № 7(411). – С. 30-40. – DOI 10.31857/S013216250000190-2. – EDN YLFKFF.
- 2) Проказина, Н. В. EdTech в социологическом образовании: вызовы и возможности, риски и решения / Н. В. Проказина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 165-175. – DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-165-175. – EDN WPBGJ.
- 3) Пфетцер, А. А. Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности / А. А. Пфетцер // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 4(88). – С. 985-994. – DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994. – EDN ATUCCM.
- 4) Рогозин, Д. М. Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования / Д. М. Рогозин, О. Б. Солодовникова, А. А. Ипатова // Вопросы образования. – 2022. – №

1. – С. 271-300. – DOI 10.17323/1814-9545-2022-1-271-300. – EDN KLQTLU.

Проскурина Александра Сергеевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Исследование идентичности молодого преподавателя вуза (на примере Финуниверситета)

Молодой преподаватель вуза – перспективная точка приложения исследовательских усилий, так как преподаватель во многом определяет образ следующих поколений работников. Исследования профессиональной социализации и складывания профессиональной идентичности человека направлены на описание функций профессионального труда относительно других компонентов процесса социализации, на понимание ценностно-нормативных ориентиров, создаваемых трудом, а также солидарность и планирование жизненной стратегии [1]. Молодой профессионал сегодня является носителем ряда компонентов своей идентичности. Существующие кадровые технологии направлены на развитие работника, но не на адаптацию молодого профессионала в его комплексности. Преподаватель вуза — это по-прежнему фигура, оказывающая влияние на подрастающее поколение на том этапе социализации, когда происходит формирование установок и ценностно-нормативного комплекса [2], на основе которых человек в дальнейшем будет принимать решения. Результатом взаимодействия с преподавателями становится идентичность следующего молодого профессионала [3].

Нами было выполнено исследование идентичности молодого преподавателя вуза (на примере преподавателей Финансового университета при Правительстве РФ до 35 лет включительно). В данном исследовании молодой преподаватель высшего учебного заведения — это субъект труда, обладающий высшим профессиональным образованием, в возрасте до 35 лет, имеющий степень кандидата наук или в процессе его получения, находящийся на начальных ступенях академической карьеры. На основе анализа литературы и схожих исследований была разработана авторская модель идентичности молодого преподавателя вуза, состоящая из четырёх иерархически-связанных слоёв: наноуровень — смыслы, интериоризированные индивидом; микроуровень — представления, воплощаемые в принятых ролях и деятельности; мезоуровень — ценности, нормы и образцы профессиональной группы; макроуровень — профессиональная

иерархия общества [4]. На её основе была разработана диагностическая анкета, собрано 82 ответа, что соответствует расчётной выборке по университету.

Анкетирование показало, что молодые преподаватели не всегда воспринимают свою профессию как престижную. В целом они выражают желание продолжать работать, часто делают выбор в сторону минимизации рисков, однако, это не приводит к снижению кадровой стабильности, так как доля высокомотивированных исполнителей среди опрошенных высока. Положительно на степень долгосрочности карьерных ориентаций влияют интериоризация профессиональных целей, поддержка коллег, способность адаптироваться к кризисным ситуациям и брать ответственность, стремление к самореализации (особенно в науке).

Разведывательное исследование показало, что в кадровой и исследовательской работе по-прежнему важно отражать многогранность участников социальных процессов и строить процессы вокруг их реальности, а не навязывать готовые решения.

Источники и литература

- 1) Проскурина А. С. Социализация и социализированность через призму трудовой деятельности: определение понятий // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6(134). С. 14–21.
- 2) Рачипа А. В., Латышева А. Т., Самыгин С. И. Институционализация цифрового образования высшей школы: социологический анализ проблемы социализации молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14. – №. 3. – С. 52–60.
- 3) Ребышева Л. В. Особенности процесса профессиональной социализации студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – №. 2 (83). – С. 37–46.
- 4) Боричевская Е. И., Проскурина А. С. Идентичность молодого преподавателя вуза как объект эмпирических исследований // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – №. 9. – С. 13–20.

Пугач Виктория Федоровна

Кафедра ЮНЕСКО НИТУ МИСИС, Москва, Россия

**Мобильные студенты из стран СНГ в российских вузах:
особенности динамики в XXI веке**

Теме мобильности П. Сорокин в своих работах уделял значительное внимание, в т.ч. системе образования как одному из каналов социальной мобильности. Мобильность – очень многогранное явление, нередко включающее разные ее виды. Одним из примеров является международная студенческая мобильность, когда люди одновременно меняют как место жительства, страну, иногда только на время учебы, так и социальный статус.

Работа посвящена анализу мобильных студентов из стран СНГ в российских вузах. Рассматривается динамика общей численности студентов из стран СНГ, особенности представленности граждан отдельных стран в студенческом контингенте с 2000 г.

Для молодежи из стран СНГ российские вузы являются весьма привлекательными, чему способствуют общее советское прошлое, отсутствие языкового барьера, наличие родственных связей и др. факторы.

Анализ динамики численности студентов из стран СНГ в российских вузах в XXI веке показывает быстрый, почти монотонный рост: если в 2000 г. их численность составляла 34,4 тыс., то в 2019 г. – 164,4 тыс. – это максимальное значение. При этом кратность роста составила 4,8 раза. В последующие четыре года наблюдалась стабильная ситуация с незначительной тенденцией к снижению. В 2023 г. студентов из стран СНГ в России было 155,5 тыс.

Если посмотреть на отдельные страны СНГ и сравнить численность студентов в 2023 г. и 2000-м через кратность роста, то ситуация следующая. Максимальная кратность роста – около 74, наблюдается в динамике численности студентов из Таджикистана и Туркмении. Следующей страной является Узбекистан, численность студентов из этой страны увеличилась в 12 раз, далее находятся Киргизия с кратностью роста 5,1 и Азербайджан – 3,7.

Для остальных стран кратность роста не превышает 2,3. Уменьшение численности студентов характерно только для Молдовы и Украины. Ситуация с Украиной особенная, здесь, кроме повлиявшего на все страны ковида, очень большую роль играют общая политическая ситуация и СВО.

Анализ структуры студентов из стран СНГ в российских вузах в относительных показателях показывает, что среднеазиатские страны не только преобладают, но составляют все большую часть: если в 2000 г. их доля составляла 64 процента, то в 2023 г. – 91. Среди среднеазиатских стран максимальная численность студентов из Казахстана.

Выводы

1. Привлекательность российских вузов для молодежи из стран СНГ

растет: за период с 2000 по 2023 годы численность студентов выросла в 4,5 раза и составила в 2023 г. 155,5 тыс. человек.

2. Студенческий контингент из стран СНГ в российских вузах все более приобретает «азиатское лицо», в 2023 г. студенты из стран Средней Азии составили 91% из всех обучающихся из стран СНГ.

3. Несмотря на быстрый рост представленности среднеазиатских стран среди студентов российских вузов, остальные страны СНГ, кроме Молдавии, по численности студентов демонстрируют устойчивое присутствие в высшем образовании России.

Источники и литература

- 1) Индикаторы образования: 2016: статистический сборник / Л.М. Гохберг, И. Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2016.
- 2) Индикаторы образования: 2025: статистический сборник/ Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2025.
- 3) Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2012
- 4) Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014

Пурганова Полина Сергеевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бренд университета как работодателя в цифровом пространстве: анализ российских и зарубежных вузов на основе отзывов сотрудников

Бренд работодателя -образ организации как работодателя, формируемый как внутренними, так и внешними практиками, становится одним из ключевых инструментов управления человеческими ресурсами. Исследования последних лет показывают, что бренд работодателя влияет не только на восприятие текущих сотрудников, но и на намерение потенциальных кандидатов работать в организации.

Для университетов, особенно в эпоху цифровизации и глобализации высшего образования, формирование привлекательного бренда работодателя приобретает особое значение, т.к. они конкурируют не только за

студентов, но и за научно-преподавательские кадры. Несмотря на это, концепция бренда работодателя в контексте высших учебных заведений изучена не в полной мере.

В докладе представлен сравнительный анализ бренда работодателя в университетах России и зарубежных стран на основе отзывов сотрудников, размещённых на платформе Glassdoor — одной из крупнейших цифровых баз отзывов о работодателях.

Выборка вузов для анализа отзывов строилась по следующим критериям: наличие значительного количества отзывов; представительность университетов в своих национальных системах образования; разнообразие управленческих практик и условий труда. Методологически анализ включает: количественный анализ средних оценок по категориям для выявления профилей восприятия, а также качественный тематический анализ текстов отзывов для выявления доминирующих паттернов восприятия управленческих практик, организационной культуры и репутации работодателя.

Ключевые результаты

- Как количественные данные, так и тексты отзывов подтверждают, что сильный бренд работодателя связан с более позитивным восприятием текущими и потенциальными сотрудниками, что усиливает конкурентоспособность университета на рынке труда.

- В российских университетах сотрудники чаще отмечают стабильность занятости и социальные гарантии, но одновременно отмечают недостаточную проработанность HR-стратегий, неспециализированность HR-отделов и слабую интеграцию цифровых инструментов в формирование бренда.

- Зарубежные университеты чаще отражают в отзывах внимание к карьерным возможностям, корпоративным ценностям и цифровым технологиям, что способствует большему уровню привлекательности для международных кандидатов.

- Реальный опыт сотрудников не всегда совпадает с внешне заявленными имиджевыми позициями университетов, что влияет на восприятие работодателя как привлекательного места работы.

Бренд университета как работодателя представляет собой важный элемент управления человеческими ресурсами, который прямо влияет на способность организации привлекать и удерживать талантливых сотрудников. Анализ отзывов сотрудников демонстрирует, что цифровые платформы и отзывы становятся важным инструментом формирования и мониторинга бренда работодателя; российские университеты пока находятся на начальном этапе его развития, что отражается в неоднород-

ности отзывов и не всегда положительном восприятии работников; развитие системной HR-стратегии в российских вузах способно повысить их конкурентоспособность как работодателя и сократить кадровый дефицит.

Источники и литература

- 1) Астафьева, О. В. HR-брендинг вузов как способ привлечения молодых работников в образование / О. В. Астафьева, В. А. Кабакова, В. П. Крошечкин // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2024. – № 2. – С. 139-147. – DOI 10.56584/1560-8816-2024-2-139-147. – EDN CRXMFY.
- 2) Ольховикова, К. Д. Экосистемный подход в развитии HR-бренда университета / К. Д. Ольховикова // Гуманитарный форум в Политехническом : Материалы IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции. В 4-х томах, Санкт-Петербург, 10–12 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. – С. 148-153. – EDN HDERXH.
- 3) Рыбалко, М. А. Вопросы внедрения университетом маркетинговой HR-стратегии / М. А. Рыбалко, А. О. Кравец, И. А. Шумакова // Kant. – 2023. – № 4(49). – С. 111-116. – DOI 10.24923/2222-243X.2023-49.21. – EDN HZBTIN.
- 4) Thao, H.T.; Kim, L.H.; Kim, Y.-J. Employer Branding: How Current Employee Attitudes Attract Top Talent and New Customers. Adm. Sci. 2024, 14, 342. <https://doi.org/10.3390/admsci14120342>
- 5) Maboe, Lerato & Naidoo, Paulene & Ramlutchman, Nisha & Rawjee, Veena. (2024). The influence of social media use on corporate reputation at a higher education institution. International Journal of Business Ecosystem & Strategy (2687-2293). 6. 25-35. 10.36096/ijbes.v6i2.514.

Путилин Сергей Владимирович

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курганский государственный университет»,
Курган, Россия*

**Обратная связь и оценка качества электронных учебных
курсов в системе дистанционного обучения ВУЗа глазами
студентов: методологический аспект**

В современных условиях цифровизации высшего образования и образования в целом усиливается необходимость проведения социально-цифровой, психолого-педагогической и учебной оценки глазами участников образовательного процесса ВУЗа новых форматов развития высшего образования, прежде всего, системы дистанционного обучения [1, 2]. Выделим два важных аспекта которые являются частью большого вызова по формированию реальной и эффективной электронной цифровой образовательной среды. С одной стороны, это методология проведения оценки глазами участников, то есть формирование критериев этой оценки и механизм реализации в системе дистанционного обучения. С другой стороны, это качественный, количественный и объективный анализ ответов студентов, их обратной связи. Реализация обратной связи и оценки качества системы дистанционного обучения является достаточно сложной, но крайне актуальной задачей, от которой зависит развитие образовательной функции ВУЗа.

На примере Курганского государственного университета применяется следующий механизм социально-цифровой обратной связи от студентов системы дистанционного обучения [3]. В крупных электронных учебных курсах с большим количеством студентов был создан отдельный завершающий раздел под названием «Отзывы о курсе». В данном разделе существует два учебных элемента. Первым заданием является «Анкета по работе с учебным курсом», в которой студент выбирает (оценивает) по чётким критериям из имеющихся вариантов относительно всей системы и конкретного курса. В частности, отвечает на один из вопросов: «Оцените данный учебный электронный курс (дисциплину) с точки зрения учебного содержания (доступности, формата и логики изложения учебных материалов, выполнение тестовых и практических работ, распределение баллов за виды активности, общее впечатление)», выбирая оценку по шкале (отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно). Цифровая анкета позволяет увидеть количественное и графическое отображение выбранных вариантов по интересующим нас параметрам электронного курса. Второе задание отзыва представляет собой развёрнутый свободный ответ студента в качестве пояснения к ранее выбранным (предложенным) вариантам в предыдущем задании. В данном случае студент конкретизирует свои варианты ответов из предыдущего задания, но здесь он может как раз свободно изложить и аргументировать своё мнение, привести примеры либо акцентировать внимание на определённых достоинствах и недостатках освоения данного учебного курса и системы обучения в целом.

В результате мы имеем количественную и качественную оценку глазами студентов учебного курса, что позволяет нам видеть сильные и слабые стороны, учитывать специфику предмета и в то же время видеть общие типовые характерные черты в рамках реализации всех электронных учебных курсов. Для студента это возможность высказать своё мнение и поучаствовать в развитии дистанционного образования в ВУЗе, а с точки зрения мотивации премируется несколькими дополнительными баллами в рамках электронного курса.

Источники и литература

- 1) Малышева А. А. Определение содержания удовлетворённости обучающихся образовательным процессом // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2025. С. 15-20.
- 2) Балибардина Н.Г., Лисина Л.М., Белозерова Е.В., Дорофеева Г.А. Психолого-педагогический подход к процессу дистанционного обучения в ВУЗе // Журнал прикладных исследований. 2024 . С. 137 - 141
- 3) Система дистанционного обучения Курганского государственного университета URL: <https://de.kgsu.ru/> (дата обращения: 28.01.2026)

Пэй Ян

Социологический факультет МГУ, Москва, Россия

Оптимизация и реструктуризация: Интеграция ресурсов и реформа управления в профессиональном образовании КНР

В Китае каждая инициатива по реструктуризации образования почти всегда осуществляется с целью достижения лучших результатов в образовании и общественных выгод путем консолидации или перераспределения образовательных ресурсов наряду с оптимизацией управления образованием. Широкое внедрение и реализация модернизации в системе образования КНР имеет одну отличительную особенность: после того, как сформулировано теоретически жизнеспособное предложение по реформе, оно, как правило, тестируется в одной или нескольких школах в определенных регионах. Результаты этих испытаний затем определяют, требует ли схема дальнейшей доработки или более широкого внедрения в дополнительных школах в других регионах. Например, комплексная

система оценки поступления в китайские высшие учебные заведения, которая начала свою пробную фазу в 2015 году (1).

В настоящее время в рамках реструктуризации образования в Китае приоритетным направлением является интеграция цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта с целью изучения новых моделей консолидации учебных ресурсов и управления образованием, и в этой области уже достигнуты определенные успехи. Профессиональное образование представляет собой важнейшее направление развития в рамках общей структурной трансформации образования в Китае. Помимо модернизации аппаратного и программного обеспечения профессиональных учебных заведений с целью повышения уровня цифровизации, создание и развитие крупномасштабных онлайн-платформ профессионального образования открыло новый путь для консолидации ресурсов профессионального образования. Согласно открытым данным (2), к марту 2025 года платформа «Умное образование Китая (smart education of china)» объединила образовательные ресурсы 7000 средних профессиональных и 1500 высших профессиональных учебных заведений, а также ресурсы 3200 предприятий. Кроме того, платформа связывает зарубежные образовательные программы, объединяя более 8,3 миллиона образовательных ресурсов в различных формах и форматах.

Модель реструктуризации и использования ресурсов профессионального образования Китая с помощью онлайн-платформ является неизбежным требованием для достижения целей развития современной системы профессионального образования Китая. Согласно «Общим положениям плана по превращению Китая в образовательную державу (2024-2035)» (3), глубокая интеграция промышленного развития, технологических исследований и разработок, подготовки кадров и преобразования образования с целью создания и формирования новой среды профессионального образования, повышения соответствия между кадрами и должностями, а также повышения эффективности преобразования практического опыта в образовательные ресурсы представляет собой новое направление развития профессионального образования в Китае, по крайней мере, на ближайшее десятилетие. Это также косвенно отражает трудности, с которыми сталкивается трансформация профессионального образования в Китае: в то время как цифровизация образовательных ресурсов ускоряется, реформы в области методик преподавания и оптимизации управления образованием отстают. В результате сохраняется разрыв между подготовкой кадров и потребностями общества.

Две основные проблемы, стоящие перед трансформацией системы профессионального образования Китая, напрямую связаны со студен-

тами. Во-первых, это сложность управления индивидуальными учебными записями; во-вторых, это трудность полноценного использования учебных ресурсов в процессе обучения. С 2010 года развитие платформ управления образовательными сетями в Китае ускорилося. Однако распространение разнообразных платформ привело к тому, что информация о студентах и преподавателях оказалась разбросана по разным системам или дублировалась в них, что создало значительные трудности в управлении. В последние годы китайское правительство сознательно приступило к обновлению своих систем управления личной информацией. На примере развития и применения информатизации управления образованием в провинции Гуандун (4) новая система управления личной информацией выходит за рамки сферы образования и охватывает электронные удостоверения, тесно связанные с отдельными лицами, в том числе относящиеся к жилью, занятости и образованию. Упрощение управления информацией имеет значительные последствия для оптимизации системы профессионального образования в Китае.

В сфере профессионального образования КНР недоиспользование образовательных ресурсов в первую очередь связано с разрывом между технологическим развитием и его практическим применением. По сравнению с быстрым прогрессом в области цифровых технологий и искусственного интеллекта, цифровая грамотность как преподавателей, так и учащихся, а также их владение новыми образовательными технологиями развиваются более медленными темпами. Эта ситуация практически не изменилась по сравнению с проблемами, с которыми столкнулись усилия по цифровизации образования в Китае два года назад (5). В настоящее время большинство преподавателей еще не адаптировались к своей меняющейся роли в процессе обучения. Они с трудом интегрируют новые технологии и оборудование в качестве партнеров по совместному обучению, вместо этого рассматривая их в первую очередь как новые инструменты для представления контента учащимся. Широкое внедрение практических виртуальных тренингов с использованием этих образовательных технологий и оборудования среди учащихся по-прежнему остается ограниченным.

Источники и литература

- 1) Пэй Ян. Реформа политики всекитайских государственных вступительных экзаменов в вузы и образовательное неравенство. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025;31(4):172-193. URL:<https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-172-193>

- 2) Liu Yingjie, Chang Xinwen, Liu Jinlong, et al. Digital Transformation in Vocational Education: Global Consensus, Practical Challenges and Innovative Pathways - Summary of the Parallel Session on 'Digital Transformation in Vocational Education' at the 2025 Global Smart Education Conference [J]. China Education Informatisation, 2025, 31(10): 90-100.
- 3) The Central Committee of the Communist Party of China and the State Council issued the Outline of the Plan for Building an Education Powerhouse (2024–2035). Ministry of Education of the People's Republic of China. 19 January 2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202501/content_6999913.htm.
- 4) Wang Weifeng, Li Shuai, Yang Shenghua. (Department of Education, Guangdong Province). Advancing the Development of Electronic Document Support and Service Systems to Facilitate Digital Transformation in Guangdong Education. // Provincial-Level Education Management Informationisation Construction and Application Cases // 2024 Exemplary Cases of Digital Empowerment in Education Management Informationisation Construction and Application. Education Management Information Centre, Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/E3cpeb3ZqMRsOVMLg-rhcQ>
- 5) Пэй Ян. Цифровизация сферы образования в Китае. Социология. 2024 № 6. с.16-23

Разов Павел Викторович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

**Проблемы профессионализации студенческой молодежи в
современных условиях**

Формирование и развитие профессионализации молодежи выступает ключевым направлением государственных стратегий, направленных на инвестиции в человеческий капитал, повышение конкурентоспособности национальной экономики. Профессионализация молодежи включает в себя не только формирование комплекса компетенций, отвечающих требованиям рынка труда, но и соответствующих установок, норм, ценностей и связей в профессиональном сообществе. В докладе будет

представлен анализ результатов качественного исследования, позволяющего очертить круг рисков и проблем формирования профессионализации современной молодежи. Мнения информантов показывают пробелы в деятельности высших учебных заведений, отсутствие сфокусированного внимания преподавателей к ценностным компонентам профессионализации студенчества. Кроме того, было выявлено, что организация практики в вузах зачастую носит формальный характер. Материалы фокус-групп показали преобладание следующих негативных стратегий в ходе прохождения практики: во-первых, участие студентов в выполнении рутинных функций, предусмотренных для низко-квалифицированного персонала; во-вторых, ограничение роли практиканта до позиции стороннего наблюдателя за процессом труда, что не позволяет получить практические навыки.

Для преодоления указанных проблем предлагается использовать следующие инструменты: двуединство образовательных маршрутов, в которых органично сочетаются теоретическое обучение и практическая подготовка; максимизация включенности работодателя на всех этапах образовательного маршрута студента (формирование профессиональных компетенций, воспитание, усвоение ценностей профессии, практики и стажировки, трудоустройство); повышение эффективности организации производственной практики.

Раитина Маргарита Юрьевна¹, Покровская Елена Михайловна¹

1 - Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

Современные проблемы адаптации студентов в контексте университетской среды

Студенческий период представляет собой критический этап в жизни молодых людей, характеризующийся значительными испытаниями и возможностями, оказывающими влияние на их психологическое состояние и образовательный процесс. В условиях современного высшего образования студенты сталкиваются с вызовами, обусловленными высокой конкуренцией, неопределенностью карьерных траекторий, а также необходимостью непрерывного саморазвития и адаптации к динамичным изменениям мира [1, 2].

Адаптация первокурсников в университете — это важный процесс, который влияет на успешную карьеру студентов и удовлетворение от

учебы. В первые месяцы после поступления студенты сталкиваются с изменениями в учебной среде, социальной активностью и необходимостью самостоятельно организовывать своё время [3]. В Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), как и в любом другом вузе, данный период является важным, и именно от качества поддержки первокурсников зависит их дальнейшее взаимодействие с университетом. Так, на базе ТУСУР было проведено полуформализованное интервью со студентами первого курса с целью выявления особенностей и проблем их адаптации к университетской среде.

Исследование подтверждает, что адаптация студентов-первокурсников в университете представляет собой двуединый процесс, охватывающий академическую и социальную сферы. Выявлены ключевые вызовы, связанные с увеличением ответственности, требованием самостоятельности в обучении и необходимостью гибкой организации времени. Подчеркнута критическая роль таких личных качеств, как самоорганизация, коммуникабельность и способность к стресс-менеджменту. Значимость внешней поддержки со стороны семьи, кураторов и стимулирующей среды общежития для формирования социальных связей также была подтверждена.

На основе полученных результатов сформулирована потребность в развитии университетских инициатив, включающих тренинги по тайм-менеджменту, управлению стрессом и активное вовлечение студентов в жизнь вуза. Ценные рекомендации от респондентов, касающиеся открытости, самоорганизации и участия, предоставляют практическую основу для оптимизации существующих адаптационных программ и оказания поддержки будущим первокурсникам.

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2026-0011.

Источники и литература

- 1) Белов А.А., Белова Е.В. Образовательный процесс в вузе глазами студентов // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 3 (38). С. 24-28.
- 2) Кузьмина Е.Е. Повышение маркетинговой привлекательности образовательных программ вуза // Экономические системы. 2024. Т. 17. №1 (64). С. 63-71.
- 3) Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Никольский В. С., Шаброва Н. В. Академическая и социокультурная адаптация студентов в вузах России // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 12. С. 9–30.

Рассолова Елена Николаевна

*Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

Сайнс-арт как медиатор между наукой, искусством и обществом: образование, сообщества, демократизация знания

В последние десятилетия сайнс-арт занимает все более заметное место в научной и культурной среде как форма взаимодействия между профессиональными исследователями, художниками и широкой общественностью. Эта междисциплинарная практика выступает медиатором научного знания, создавая пространство для его визуализации, осмысления и критического обсуждения. Через образовательные и социокультурные проекты сайнс-арт способствует формированию научных сообществ и вовлечению граждан в исследовательские процессы. В результате такие инициативы становятся инструментом демократизации науки, расширяя доступ общества к современным научным идеям и технологиям. Сайнс-арт выступает медиатором общественных дискуссий, выступая площадкой для диалога между наукой, искусством и обществом, где можно обсуждать важные вопросы, касающиеся различных аспектов научной деятельности [1]. Через эту функцию медиации создается особый мета-язык, который объединяет разные взгляды, мнения, представления, но позволяет находить общее решение [2]. Сайнс-арт также делает научные концепции более доступными для понимания публики в любом уровне научной грамотности. Например, нейроинсталляция "Mirror Ritual" Нины Райчич в Третьяковской галерее (выставка 2021 года) представляла собой взаимодействие человека и нечеловека (машины) в виде черного зеркала, которое считывало эмоции зрителя и создавало поэтическое послание [3]. Связь сайнс-арта с любительской наукой может быть представлена в нескольких сферах и процессах: образование, создание сообществ и демократизация науки.

Рассмотрим каждый из них подробнее. Образование/научное просвещение в контексте научной коммуникации служит цели знакомства с научными методами и технологиями. Проекты сайнс-арта могут включаться в образовательные программы, мастер-классы и резиденции. Также могут осуществлять свою работу мастерские для детей, где под руководством опытного исследователя они получают возможность провести собственное исследование. В данном случае образовательная функция способна нести некоторую профориентационную функцию, которая актуализирует знание о научных профессиях. Одним из таких примеров может выступать методический центр "Медиа искусство", который реа-

лизует образовательные программы, объединяющие пространство ДШИ (детской школы искусств) с современным музеем, что способствует повышению научной грамотности и интереса детей в исследованиях [4]. Создание сообществ через проекты сайнс-арта и гражданской науки позволяет формировать гибкие объединения, где роль участника может варьироваться от консультанта до соавтора произведения. Проект Дарьи Пархоменко выполняет роль площадки для диалога ученых и художников с вариативным набором ролей. В эту систему могут приглашаться волонтеры, которые будут выполнять вспомогательные роли, что выступает элементом гражданской науки. Такой опыт может быть полезным для формирования региональных сообществ гражданской науки. И самая важная роль этих форм научной коммуникации - демократизация науки, которая уравнивает доступ граждан к научному знанию. Совместная работа ученых, дизайнеров, художников делает науку более инклюзивной для общественности. Художник или дизайнер может увидеть проблему под новым ракурсом и предложить решение, которое он может реализовать совместно с ученым. Сайнс-арт проявляет себя как эффективный инструмент медиации между наукой, искусством и обществом, открывая новые формы коммуникации и соучастия. Его потенциал в образовании и демократизации знания показывает важность междисциплинарных подходов к развитию образования и науки. Подобные практики не только делают научное знание более доступным, но и способствуют формированию культуры совместного исследования и критического мышления.

Источники и литература

- 1) Eisner E., Powell K. Art in science? // Curriculum Inquiry. – 2002. – Vol. 32. – № 2. – P. 131–159.
- 2) Пархоменко Д. Куратор выставки Daemons in the Machine о деятельности Laboratoria Art & Science Foundation // The Art Newspaper Russia. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/6225/?ysclid=mhktksdief636541182> (Дата обращения: 04.11.2025).
- 3) Nina Rajcic – Mirror Ritual. [Electronic resource]. – URL: <https://nina.rajcic.com/mirror/> (Дата обращения: 04.11.2025).
- 4) Фукс Н.В. Наука и искусство — это союзники: исследователь новых медиа о синтезе науки и искусства // Научная Россия. 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nauka-i-iskusstvo-eto-souzniki> (Дата обращения: 04.11.2025).

*Рахманова Юлия Викторовна¹, Цыплакова Ольга
Геннадьевна¹*

*1 - Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

Миссия современного университета: от теории к реализации

Наиболее очевидной миссией университетов на протяжении веков было распространение верифицированного знания (образовательная деятельность), затем с развитием идеи исследовательского университета происходит их превращение в исследовательские центры [2, 3], а с последнего десятилетия прошлого века за университетами постепенно признается и третья миссия, предполагающая не только образовательную и исследовательскую деятельность, но и превращение университета в центр социально-экономического развития как на региональном, так и национальном уровне. Появляется понятие «предпринимательского университета», после оно уточняется в идее «новых флагманских университетов» [1, 4]; конкретизируется и содержание данной миссии: проведение совместных исследовательских проектов с организациями/предприятиями различных секторов экономики; организация на базе университетов консультирования и экспертизы; патентование результатов деятельности сотрудников университетов.

Данная концепция вписывается в уже признанные и применяемые практики обучения через совместную исследовательскую деятельность преподавателей и обучающихся, но новизна заключается в том, что при оценке такого сотрудничества основное внимание уделяется нацеленности на практический результат. Примером данного подхода можно считать проект «Продленка с Герценовским университетом», реализуемый сотрудниками и студентами РГПУ им. А.И. Герцена, который запущен с осени 2020 года, чтобы помочь в организации учебного процесса школьников в условиях пандемии, и успешно осуществляется по сей день.

Понимание и содержание третьей миссии университетов еще недостаточно осмыслено университетским сообществом. В качестве удачного опыта изучения мнения профессионального сообщества можно рассмотреть исследование, проведенное на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Методом фокус-групп социологи изучили, как сотрудники вуза интерпретируют основные функции третьей миссии и их значимость. Всего было выделено четыре функции, наиболее важной респонденты признали социальную (содействие развитию города и местного сообщества); на втором месте – образовательная (способствовать личностному и профессиональному развитию

студентов); на третьем и четвертом местах – репутационная и коммерческая функции соответственно [1, с.30-33].

Предполагается целесообразным продолжить изыскания коллег в данной области, реализовав исследовательский проект на базе РГПУ им. А.И. Герцена, в ходе которого предстоит уточнить понимание преподавателями и студентами третьей миссии университета, выявить сложности реализации соответствующих практических проектов и особенности выполнения данной миссии педагогическим вузом.

Источники и литература

- 1) Дремова О. В., Щеглова И. А. Третья миссия университетов в России: тренд на (не)коммерциализацию? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26, № 2. С 27-37.
- 2) Коллини С. Зачем нужны университеты? — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.
- 3) Кроу М., Дэбарс У. Модель Нового американского университета. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 440 с.
- 4) Майер Г.В. Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 2. С 6-12.

***Рахманова Юлия Викторовна¹, Цыплакова Ольга
Геннадьевна¹***

*1 - Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

Опыт использования искусственного интеллекта в учебном процессе

Искусственный интеллект уже активно используется в учебном процессе как преподавателями, так и студентами. Поэтому, одной из важных задач становится организация преподавателем корректного и этически оправданного внедрения искусственного интеллекта в процесс обучения. При правильном использовании искусственный интеллект становится эффективным инструментом в освоении и продуцировании знаний.

Опираясь на собственный опыт преподавательской деятельности, можно констатировать, что использование искусственного интеллекта

только в качестве источника готовых «текстов на заданную тему» постепенно уходит в прошлое. Во многом этому способствует и возможность достаточно просто и достоверно обнаружить такое использование с помощью программы «Антиплагиат».

Можно предложить апробированный алгоритм использования, предлагаемый студентам.

1. Установить предельно допустимый процент использования сгенерированных текстов в работе (обычно не более 10 % от общего объема), при превышении этого процента, выявленного с помощью проверки работы в системе «Антиплагиат», работа автоматически отклоняется.

2. Напомнить студентам о необходимости проверки фактов, точности цитат и правильности их источников, предлагаемых искусственным интеллектом.

3. В тексте работы обязательно указать, что при ее создании используется искусственный интеллект.

4. Демонстрировать студентам направления и примеры корректного использования искусственного интеллекта: а) уточнение формулировок при определении темы, предмета, целей и задач исследования; б) возможные варианты осуществления исследовательского проекта (темы, направления, применяемые теории и методики); подбор источников с последующей проверкой их достоверности и т.д.

Итак, в заключение следует еще раз подчеркнуть, что исключить использование искусственного интеллекта студентами невозможно. Задача преподавателя состоит в том, чтобы научить обучающихся корректно использовать его как своего помощника в образовательной и исследовательской деятельности.

Рева Елена Александровна

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский государственный технический
университет», Новосибирск, Россия*

Цифровизация образования как способ адаптации к современным реалиям (на примере СПО)

За последние два десятилетия цифровизация прочно укоренилась в обществе и затронуло все его сферы. Современное общество, очевидно, меняется под влиянием современных технологий, что естественно сказывается на системе образования 2019-2020 год стали «активаторами» цифровизации в системе среднего профессионального образования. Вре-

мя, когда цифровые технологии сильнее проникли в систему образования и заставили быстро «включиться» всех участников образовательного процесса. Мануэль Кастельс считал, что «Сетевое общество — это глобальное общество» [1]. Цифровые технологии создают образовательные сети, получение знаний упрощается в связи его географической доступностью. Поток знаний становится круглосуточным благодаря использованию электронных библиотек, учебный процесс становится менее привязанным ко определенному времени. В настоящее время в цифровизация на государственном уровне имеет стратегическую значимость и является частью национальной стратегии. 1 января 2025 года в России запущен национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [2].

21 век – век активного развития IT индустрии и технологий искусственного интеллекта. Важно понимать, что молодое поколение, которое сейчас растет, получает образование будет работать, в совершенно других условиях, нежели росли и учились их педагоги. В связи с этим современные педагоги должны обладать такой компетенцией как самообучаемость.

Внедрение цифровых технологий в систему среднего профессионального образования имеет комбинированный характер. В настоящее время для автоматизации системы обучения используется: электронный документооборот («ТАНДЕМ. УНИВЕРСИТЕТ») для централизации данных; система электронного обучения (Moodle) для гибридного или дистанционного обучения, электронный образовательный контент.

Главной задачей системы среднего профессионального образования является подготовка кадров для экономики в условиях технологических изменений, образование становится качественным практикоориентированным. Цифровизация же, в свою очередь, становится помощником для повышения эффективности качества образования.

Источники и литература

- 1) Кастельс М . Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О .И . Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ , 2000. 608 с;
- 2) Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // [Электронный ресурс]// «Цифровая экономика Российской Федерации» Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

Рогач Ольга Владимировна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Наставничество как инструмент профессионализации молодежи в высшей школе

Актуализированная необходимость синхронизации образовательной системы с новыми условиями рынка труда определила научный поиск инструментов профессионализации студенческой молодежи. Данный феномен, с одной стороны, рассматривается как процесс воспроизводства интеллектуального потенциала страны (соответствие полученных в вузе профессиональных компетенций современным требованиям рынка труда, поддержка предпринимательских и научно-исследовательских инициатив студентов), с другой стороны, как результат становления профессиональной идентичности студента (усвоения традиционных ценностей и выбора долгосрочных карьерных треков).

Анализ передового опыта российских вузов свидетельствует, что эффективным инструментом профессионализации могут стать программы наставничества. Будучи передовой технологией, наставничество в высшей школе нацелено на рост мотивации студентов, эффективную передачу и усвоение учащимися экспертного опыта педагога [1]. Потенциал наставничества раскрывается в следующих направлениях:

- формирование личностно-профессиональных качеств студентов, которые снижают давление барьеров при входе в новую для молодежи профессиональную нишу;
- организационно-методическая поддержка гибких образовательных треков, включая сопровождение научно-исследовательской (проектной) деятельности студента, его публикационной и / или грантовой активности;
- экспертное консультирование по вопросам профессионального (карьерного) развития;
- развитие мотивации студентов к усвоению и воспроизводству ценностей (качеств и установок), свойственных выбранной сфере профессиональной деятельности [2-4].

Результаты полуструктурированных интервью с педагогами-наставниками позволили установить проблемы и точки роста профессионализации молодежи через программы наставничества. К проблемам следует отнести: недостаточность личностных или профессиональных компетенций педагогов (например, коммуникативные,

цифровые навыки), сегрегированный подход к работе с профессиональным становлением студента, отсутствие мотивации к данным практикам, профессиональная отчужденность, выгорание ввиду высокой загрузки. Перспективные направления развития наставничества как инструмента профессионализации молодежи могут быть выражены через: закрепление их нормативных моделей, артикулирование высокого статуса педагога-наставника, разработку методик профессиональной поддержки студентов на всех этапах обучения.

Источники и литература

- 1) Могутова О.А., Закервашевич М.И. Социально-технологическая интерпретация наставничества // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 11 (185). С. 138-145.
- 2) Хижная А.В., Строганов Д.А., Валяева К.И. Отношение студентов к наставничеству в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-4. С. 307-311.
- 3) Дулина Н.В., Ануфриева Е.В., Бойко Г.В., Годенко А.Е. Представления студентов Волгограда о научном наставничестве и наставнике // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4 (72). С. 79-91.
- 4) Иванова Л.Л., Кондратенко Е.Н. Принципы современного наставничества в высшей школе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 230-236.

***Розенфельд Наталья Яковлевна¹, Астахова Алина
Андреевна¹***

1 - НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Исследование тренда на дестандартизацию перехода от учебы к труду в современной России: анализ поколений 1986-1998 годов рождения

В исследованиях жизненного пути растёт внимание к дестандартизации и дифференциации молодёжных траекторий. Массовизация образования, диверсификация занятости и экономические кризисы подорвали традиционный линейный переход от школы к работе и стабильной карьере (Mortimer et al., 2002). На смену ему пришли множественные,

более сложные пути, включающие возвраты к образованию, отсроченный выход на рынок труда, периоды прекарности и неактивности. Теория дестандартизации предполагает, что и набор событий, и время их наступления становятся менее однородными, тогда как дифференциация предполагает рост числа устойчиво различающихся моделей и переходов внутри индивидуальных траекторий (Elder et al., 2003; Elzinga & Liefbroer, 2007). Однако эмпирические результаты по странам противоречивы, что связывают с различиями институциональных контекстов (Westerman, 2023).

В российском контексте лонгитюдные исследования в основном фокусировались на семейных траекториях и более старших когортах (Zimmermann & Konietzka, 2018; Андрееenkova & Медведева, 2024), тогда как лонгитюдных работ об образовательных и профессиональных траекториях современной молодёжи всё ещё недостаточно (Попова, 2025). Наше исследование анализирует, как переходы к труду реагируют на крупные институциональные сдвиги: рыночные, образовательные реформы и экономические кризисы. Оно демонстрирует потенциал институциональной периодизации поколений, дополняющей классификацию Радаева (2020) и вносит вклад в дискуссию о дестандартизации.

На данных РМЭЗ НИУ ВШЭ мы реконструировали 12-летние траектории (возраст 15–26 лет) респондентов, родившихся в 1986–1998 годах, и выделили три когорты с разными институциональными условиями переходов от учебы к труду (Капелюшников, 2023). Первая когорта (1986–1989 гг. р.) социализировалась в позднесоветской модели и пользовалась устойчивыми каналами мобильности в период роста до 2008 г. Вторая (1990–1993 гг. р.) совершала переходы в условиях образовательных реформ и экономических шоков. Третья (1994–1998 гг. р.) обучалась в новой институционализированной системе, но выходила на стагнирующий рынок.

Вопреки ожиданиям о неуклонном росте разнообразия траекторий, мы обнаружили признаки рестандартизации (Zimmermann & Konietzka, 2018) в младшей когорте. Снижение сложности интерпретируется как результат усиления трекинга после 9 класса, выбор которого определяется социальным происхождением (Malinovsky & Shibanova, 2022). Напротив, когорта, проходившая переходы в период реформирования, показала наибольшую дестандартизацию и долгосрочный «эффект шрамирования» от ранних неблагоприятных событий (Ritschard et al., 2018).

Источники и литература

- 1) Андрееenkova, A.B., & Медведева, A.A. (2024) Динамика событийной структуры жизненного пути в России. Вестник Института социологии, 15 (3), 189–209.
- 2) Капелюшников, Р. И. (2023). Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 78 с.
- 3) Попова, Е.С. (2025). Межпоколенческий анализ и визуализация образовательных траекторий: нелинейность, адаптивность, вариативность. Вестник Института социологии, 16 (3), 187–202.
- 4) Радаев, В. В. (2020). Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 224 с.
- 5) Elder, G. H., Johnson, M. K., & Crosnoe, R. (2003). The emergence and development of life course theory. In J. T. Mortimer & M. J. Shanahan (Eds.), Handbook of the life course, 3–19.
- 6) Elzinga, C. H., & Liefbroer, A. C. (2007). De-standardization of family-life trajectories of young adults: A cross-national comparison using sequence analysis. European Journal of Population, 23(3–4), 225–250.
- 7) Malinovsky, P., & Shibanova, E. (2022). Social background and tracking at the end of lower secondary education in Russia. Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow, 1, 45–72.
- 8) Mortimer, J. T., Zimmer-Gembeck, M. J., Holmes, M., & Shanahan, M. J. (2002). The process of occupational decision making: Patterns during the transition to adulthood. Journal of Vocational Behavior, 61(3), 439–465.
- 9) Ritschard, G., Bussi, M., O'Reilly, J. (2018). An Index of Precarity for Measuring Early Employment Insecurity. Springer: Sequence Analysis and Related Approaches: Innovative Methods and Applications, 279–295.
- 10) Zimmermann, O., & Konietzka, D. (2018). Social inequality in the transition to adulthood: The case of East and West Germany. Advances in Life Course Research, 36, 54–68.

Рыженкова Анна Владимировна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

**Профессиональное самоопределение современной молодежи в
условиях неопределенности**

Актуальность темы обусловлена кризисом в системе профессионального самоопределения подростков – выбор будущей профессии зачастую происходит неосознанно. Ошибочные выборы приводят к тому, что создается дефицит кадров, молодёжь из регионов уезжает в крупные города, не трудоустроясь по полученной специальности в своем регионе.

Молодежи необходима разносторонняя и своевременная поддержка для получения актуальной и достоверной информации об изменениях на рынке труда, содержании труда выбираемой профессии и перспективах трудоустройства.

Также необходимо проводить мероприятия по профессиональной ориентации не только для определения индивидуальных особенностей и склонностей к определенным видам труда, но и расширять знания о современном мире профессий и обучать техникам и методам осознанного выбора профессии.

С 1 сентября 2023 года во всех общеобразовательных организациях России реализуется Единая модель профориентации обучающихся 6–11-х классов (ЕМП). Частью Единой модели профориентации обучающихся является проект «Билет в будущее», который с 1 сентября 2025 года будет именоваться как проект «Единая модель профориентации «Билет в будущее» [1].

Реализация ЕМП начинается в образовательных учреждениях и это задает высокие требования к педагогам, которые занимаются выстраиванием данного процесса в стенах школ, гимназий и лицеев. Специалисты, отвечающие за программы профессиональной ориентации должны обладать знаниями не только о мире профессий, но и иметь представление о психологической стороне вопроса профессионального самоопределения. К сожалению, большое количество педагогов не имеет дополнительного образования в данной сфере, что может значительно снижать общее качество профориентационной работы в образовательном учреждении.

Современная молодёжь нуждается в разнообразных формах профориентационной работы: не только информирование и диагностика, но и формирование навыка осознанного выбора профессии. Также необходимо учитывать региональные особенности при формировании программы профориентации для каждого отдельного субъекта РФ.

Единая модель профориентации реализуемая в настоящее время, несомненно обладает хорошими перспективами и прогнозируемой высокой результативностью в будущем. Тем не менее присутствует ряд проблем:

- профориентационные мероприятия старших дошкольников и младших школьников реализуются недостаточно полно,

- недостаточное вовлечение родителей в процесс профессионального самоопределения подростков и молодежи,
- слабая просветительская деятельность о целях, задачах, содержании и прогнозируемых результатах профориентационной работы в рамках ЕМП,
- отсутствие отдельных специалистов, ведущих данную модель в образовательных учреждениях.

С учетом изменений подхода к профессиональной ориентации, данная модель обладает не только большим потенциалом, но и имеет «зоны роста», которые необходимо учитывать при ежегодной актуализации программы ЕМП.

Источники и литература

- 1) Порядок реализации проекта Единая модель профориентации «Билет в будущее», утв. Протоколом Комиссии по экспертизе и утверждению методических и регулирующих документов в рамках реализации Единой модели профориентации «Билет в будущее» № 01 от 30 апреля 2025 г. – <https://disk.yandex.ru/i/FxsJeBNkkNZyHg> (дата обращения: 26.01.2026).

Рыхтик Анастасия Игоревна
ННГУ, Нижний Новгород, Россия

Парадокс цифрового предпочтения: онлайн-коммуникация с абитуриентами и институциональные вызовы для вузов

Модель коммуникации между абитуриентами и сотрудниками вуза стала предполагать более гибкий подход в связи с изменением российского законодательства, касающегося поступления в вузы. Эти изменения позволяют поступающим не приезжать в университет в летний период проведения приемной кампании. Все возможные шаги от подачи заявления в вуз до согласия на зачисление можно сделать дистанционно с помощью портала госуслуг. Новый способ подачи документов стал наиболее популярным у абитуриентов: 80% абитуриентов Университета Лобачевского в 2025 г. подавали заявление в вуз дистанционно, что отразилось в коммуникации между сотрудниками вуза и поступающими.

По результатам исследования, проводимого среди первокурсников Университета Лобачевского (ННГУ) и Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ) в 2025 г., большинство респондентов считают самым удобным каналом коммуникации

телефон. Так ответили 50% респондентов в ННГАСУ и 53% в ННГУ. На втором месте телеграм (33% ННГУ и 35% ННГАСУ), на третьем месте очное общение (31% ННГУ и 33% ННГАСУ). Самым популярным ответом о том, откуда первокурсники ННГАСУ впервые узнали о вузе, был: «на общих сайтах про поступление в разные вузы города». 37% респондентов выбрали этот вариант, что превышает показатель личного окружения абитуриента: родственников, друзей/одноклассников (27%).

Сотрудники нижегородских вузов в рамках экспертного интервью также отмечали, что дистанционный формат подачи документов усложнил личный контакт с абитуриентами на протяжении всего периода профориентации и поступления в вуз: «Очно я вижу — абитуриент/родитель понял мою мысль/ответ на вопрос или нет. По реакции/темпераменту вижу ... о чем нужно рассказать и какие направления/конкурсы предложить». Респонденты говорят о ситуации дистанционности от вуза и об обезличивании процесса поступления. Это приводит к изменениям в профориентации: «... раньше приходили все в обязательном порядке. ... когда ребенок приходил в ВУЗ, даже если у него про ВУЗ было не самое хорошее впечатление. ... , можно было поменять это впечатление уже на этапе приема документов. Сейчас вот этой возможности у нас в подавляющем большинстве нет».

Один из главных выводов исследования: введение дистанционного способа подачи документов в вуз трансформирует всю коммуникацию с абитуриентами, начиная с первого знакомства с университетом и заканчивая зачислением. Коммуникации в интернет-реальности отличается от коммуникации в очном-формате. Так, сторонники теории медиатизации говорили о конструировании отдельной социальной реальности, подчиненной законам медиа. Любая институциональная функция или процесс дублируется в двух форматах: очном и онлайн, дополнительно к этому онлайн-реальность предлагает новые способы взаимодействия с абитуриентами и новые виды информации для них. «Выпадение» из этой реальности будет означать потерю равных возможностей для коммуникации, как для сотрудников вузов, так и для абитуриентов.

Источники и литература

- 1) Couldry, N., Hepp, A. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – CAMBRIDGE: POLITY PRESS, 2016. – 256 p.
- 2) Hepp, A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the ‘mediation of everything’ / A.

Непп / European Journal of Communication. – 2013. – 28 (6). – P. 615-629.

- 3) Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.11.2024 № 821 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.11.2024 № 80379) / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290031> (дата обращения: 10.01.2026).

Саблина Екатерина Семеновна

Государственный Университет Просвещения (ГУП), Москва, Россия

**Средства цифровизации в семейном образовании по
классическим программам**

Как ни парадоксально, тенденция к цифровизации становится особенно актуальной в контексте современного общественного запроса на сохранение педагогического наследия. С эпохи Древней Руси и до начала XX в. домашнее образование являлось самой распространенной формой обучения. Развиваясь, этот тип обучения органично воспринимал черты разных исторических периодов.

Подобный запрос сформировался и в настоящее время у определенной когорты родителей, чьи дети находятся на этапе получения начального, основного и среднего общего образования. Согласно официальной статистике, число детей, обучающихся в семейной форме за период с 2016/2017 по 2023/2024 год выросло с 5,1 тысяч до 63,7 тысяч человек. Зачастую семейное образование реализуется с помощью дистанционных ресурсов. Так, по оценке Smart Ranking за I полугодие 2025 года рынок домашнего онлайн обучения вырос больше, чем на 27% по сравнению с предыдущим годом. Это в целом выше, чем весь рынок edtech, чей рост составил 13% за тот же период, и чем рост детского сегмента, показавшего 24%.

Среди причин перехода на семейное образование выделяются неудовлетворенность качеством образовательных программ массовой школы, а также желание вовремя заложить детям фундаментальные знания, сформировать понятийное мышление, развивать самоорганизацию. Не

менее важным является стремление к обеспечению общности семьи и преемственности поколений через передачу знаний, ценностей, нравственных ориентиров в непосредственном процессе обучения.

Возраст родителей, выбирающих семейное образование, составляет в среднем 35–45 лет. Из их числа около 85% являются дипломированными специалистами в своей профессиональной области, 35% связаны с предпринимательством, 20% – с наукой.

Изучая доступные альтернативы, родители всё чаще приходят к обучению по программам, основанных на дореволюционных и советских педагогических методиках (К. Д. Ушинский, А. С. Пчелко) и направленных на гармоничное развитие ребенка. Оцифровка учебных пособий XIX–XX веков дает возможность сохранить и передать знания, накопленные за века. Таким образом, даже при адаптации учебного материала всегда есть возможность обратиться к оригинальным источникам, что является важной частью сохранения педагогического наследия.

Однако, существует проблема недостаточной распространенности подобных очных классов, помогающих детям на семейном образовании комплексно осваивать программу. В таких случаях оптимальным выбором является использование элементов дистанционного образования. Онлайн-школы, работающие в таком подходе, предлагают проводить урок через проектор, который исключает излучение и мигание экрана и является абсолютно безопасным для зрения. Преподаватели на каждом уроке в режиме реального времени взаимодействуют с учениками. Каждый день проверяются домашние задания и классные работы с обратной связью от учителей.

Таким образом, семейное образование по традиционным программам с использованием достижений электронно-цифровой эпохи является оптимальным выбором для части современных семей.

Источники и литература

- 1) Петряева Е.Ю., Суменкова Ю.И., Федоровская М.Н., Козинченко И.В. (2024). Семейное образование в Российской Федерации: анализ данных официальной статистики. Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология, 18 (2), 67-82. doi: 10.25688/2076-9121.2024.18.2.04
- 2) Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. (2016). Развитие семейного образования в России. Общество: социология, психология, педагогика, (1), 62-65.

Саблуков Александр Валентинович

Цифровой разрыв как фактор современного образования

В современном обществе остро стоит проблема цифрового разрыва, отражающая неравномерное распределение доступа к информационно-коммуникационным технологиям. Согласно определению, представленному в энциклопедии Britannica[1], цифровой разрыв включает в себя различия не только в физическом доступе к устройствам и интернет-соединению (первый уровень), но и в уровне владения навыками и специфике применения технологий (второй уровень). Ряд исследователей выделяют еще и третий уровень этого разделения, который проявляется в различиях социальных и экономических последствий, извлекаемых из использования сети.

Анализ показывает, что внутри отдельных стран, доступ к интернету и характер его использования подвержены социальной стратификации по таким признакам, как возраст, уровень образования, доход, гендерная принадлежность и место проживания. Молодежь и образованное население городов, как правило, обладают необходимыми устройствами и компетенциями для активного использования сети в образовательных, профессиональных и общественных целях. В то время как менее защищенные группы населения зачастую ограничиваются базовыми навыками и используют интернет преимущественно для развлечения и общения.

В России уровень проникновения интернета среди взрослого населения достаточно высок. По данным на 2024 год[2], почти 90% россиян старше 15 лет регулярно используют интернет. Тем не менее, внутри страны сохраняются значительные диспропорции. Цифровое неравенство в России во многом перекликается с традиционными социально-экономическими границами: по возрасту, месту жительства, уровню дохода и образования.

Цифровое неравенство усиливает существующую диспропорцию в сфере образования. Например, в период пандемии миллионы школьников по всему миру не имели доступа к онлайн-урокам из-за отсутствия необходимой техники и стабильного интернет-соединения. Это усугубило разрыв между семьями, обладающими технологиями, и теми, кто их лишён. Даже после возобновления очного обучения дети, у которых нет доступа к компьютеру или интернету дома, получают значительно меньше образовательных ресурсов и возможностей для дистанционного или смешанного обучения, по сравнению со своими сверстниками.

Людям без доступа к сети или без необходимых цифровых навыков сложнее овладеть востребованными на рынке специальностями, адаптироваться к современным условиям труда.

Источники и литература

- 1) Digital divide | Bridging the Gap in Society // Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/digital-divide> (дата обращения: 12.10.2025))
- 2) 90% россиян пользуются интернетом, но только 11% освоили цифровую грамотность // IncRussia, 2025. – URL: <https://incrossia.ru/news/90-rossiyan-polzuyutsya-internetom-no-tolko-11-osvoili-tsifrovuyu-gramotnost/> (дата обращения: 12.10.2025)

Сарбаа Людмила Николаевна

ФГБОУ ВО СахГУ, Южно-Сахалинск, Россия

Внешние и внутренние факторы формирования репутации учреждений среднего профессионального образования

Формирование репутации организации сферы образования представляет собой целый комплекс целенаправленных мероприятий, одним из которых является метод. При выборе методов формирования репутации организации необходимо учитывать особенности образовательных учреждений СПО. Относительно среднего профессионального образования автором выделены следующие факторы, которые могут оказывать влияние на выбор методов формирования репутации учреждений:

1. Факторы внешней среды:

1.1. Социально-демографическое положение в районе, области, страны. К данному фактору необходимо отнести численность населения и его возрастную категорию, уровень рождаемости и миграцию населения.

1.2. Географическое расположение образовательного учреждения.

1.3. Транспортная составляющая - логистика до учреждения в пределах города.

1.4. Положительные и отрицательные публикации в средствах массовой информации об учреждении.

2. Факторы внутренней среды:

2.1. Внешний вид здания и помещений.

2.2. Личная репутация руководителя – внешний вид, ораторские навыки, лидерские и профессиональные качества и многое другое влияет на репутацию учреждения.

- 2.3. Наличие общежития, условия проживания и стоимость.
- 2.4. Современная материально-техническая база учреждения оказывает влияние на качество образования и уровень подготовки выпускников.
- 2.5. Обучение по востребованным профессиям на рынке труда (ТОП-50) – популярность профессий является гарантией трудоустройства.
- 2.6. Наличие социальных партнёров.
- 2.7. Возможность обучения по целевому договору – приоритетное поступление, а также обучение за счет бюджетных средств с гарантией дальнейшего трудоустройства (возможность получения стипендии).
- 2.8. Гарантированное предоставление места для прохождения практики, оплачиваемая практика студентам.
- 2.9. Гарантированное трудоустройство – возможность после окончания учреждения трудоустроиться по специальности.
- 2.10. Кадровая политика учреждения (высококвалифицированный коллектив). От данного фактора зависит уровень подготовки студентов.
- 2.11. Разработанная система поощрения обучающихся в виде дополнительной стипендии, материальной помощи, получение гранта на обучение и т.д.
- 2.12. Наличие корпоративной и организационной культуры учреждения формирует общее восприятие образовательной организации.
- 2.13. Развитие мягких навыков и профессиональных компетенций у обучающихся.

Методы формирования репутации образовательной организации строятся индивидуально для каждого образовательного учреждения в зависимости от результатов проведенного анализа имеющейся репутации и выявленных репутационных проблем учреждения, необходим индивидуальный алгоритм формирования репутации организации.

Важно отметить, что метод является конкретизированным способом решения какой-либо задачи. Формирование деловой репутации образовательной организации – это комплексная задача, которая должна стать долгосрочной стратегией учреждения с четко выстроенной структурой, технологией, методами и ответственными лицами.

Сартакова Елена Владимировна

*ГБПОУ НСО "Новосибирский химико-технологический колледж им.
Д.И. Менделеева", НОВОСИБИРСК, Россия*

Модели становления коучинга в образовательной организации

В настоящее время коучинговая парадигма уже применяется в Российском образовании. Становление коучинга как элемента среды в образовательной организации имеет нисходящую динамику и включает этапы, представленные авторской моделью: коучинг как метод управления (появляется через его принятие руководством); коучинг интегрируется в образовательную среду; коучинг становится культурой управления в организации, в сочетании с основными ценностями (доверие, конфиденциальность, равноправие, развитие) и т.д., а также проявлены другие значимые элементы коучинговой оптики, отраженные в коучинговых принципах и аксиомах (например, принятие человека как субъекта, имеющего все ресурсы для решения стоящих перед ним задач); формируется коучинговая среда, которая распространяется не только на управленческий уровень, но и становится организационно-управленческой характеристикой.

Становление коучинга как организационно-управленческой характеристики, формирование коучинговой среды имеет особенности: начинается с метода коучинга с опорой на несколько основополагающих принципов, познаваемых в коучинговой деятельности (равенство, взаимное уважение, доверие, партнерство, ценность развития); метод становится культурой при увеличении количества приверженцев, проникает в корпоративную практику как деятельность; в организации развивается этика метода; появляются поддерживающие метод информационные ресурсы (публичная рефлексия, бенчмаркинг и др.); публичное признание метода и его результатов; появляются традиции. Коучинг как метод важен в развитии, при изменении шаблонов, адаптации к новому, улучшению производительности деятельности и др. В организационно-управленческих условиях образовательной организации - при решении задач различных целевых групп.

Таким образом, появляясь в образовательной организации как метод и закрепляясь в нем в форме культуры, коучинг становится ключевой характеристикой социально-культурной среды.

Источники и литература

- 1) Коваленко Н.В., Дьячков В.А. Коучинг-технологии как средство личностно-профессионального развития педагога // Проблемы современного педагогического образования.-2021.-№71-1.-С.168-171

- 2) Никулина Н.Н., Березина С.В., Ушаков И.И. Сущность и роль коучинга в образовании и воспитании // Образование. Наука. Научные кадры. - 2019.-№3.-С.165-169

Сибирякова Юлия Васильевна

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия

Групповые нормы и учебная мотивация в условиях разных форматов обучения: поточно-групповая система и ИОТ

В российских вузах, где исторически доминирует поточно-групповая система, активное внедрение программ с индивидуальными образовательными траекториями (ИОТ) ставит вопрос о том, как эти различные форматы организации обучения влияют на социальные аспекты студенческого опыта. Для анализа этого вопроса ключевой теоретической рамкой служит концепция социальной интеграции В. Тинто, согласно которой вовлеченность студента в социальные взаимодействия внутри университетского сообщества является критическим фактором академической успешности [1]. Сравнительное исследование двух моделей позволяет выявить, как обучение в постоянных (поточно-групповая система) и временных (ИОТ) учебных коллективах формирует принципиально разные условия для этой интеграции.

В рамках исследования, посвященного сравнению социального опыта студентов на программах с ИОТ и в традиционной поточно-групповой системе на основе качественных данных были выделены четыре ключевые категории различий: адаптация, сплоченность, групповые нормы и влияние состава группы [3]. В настоящей работе более подробно рассматривается возникновение и функционирование групповых норм в постоянных студенческих коллективах и их влиянию на учебную мотивацию и активность студентов на занятиях. Методология исследования основана на качественном подходе. Было проведено 15 полуструктурированных интервью со студентами бакалавриата МГУ (поточно-групповой формат) и ТюмГУ (ИОТ) с последующим тематическим анализом транскриптов [3].

Результаты демонстрируют, что обучение в постоянной группе, характеризующееся длительным взаимодействием, закономерно приводит к возникновению групповой динамики и формированию устойчивых неформальных норм [2]. Эти нормы выполняют двойственную функцию.

С одной стороны, они служат механизмом социальной интеграции, взаимоподдержки и психологического комфорта (например, четкие правила справедливого распределения учебных заданий, коллективная оценка работ, помощь в период сессии). С другой стороны, выявлен и негативный эффект: неформальные правила могут искусственно ограничивать учебную активность и проявления высокой мотивации отдельных студентов из-за опасения нарушить сложившиеся в группе неформальные отношения или «выделиться». Студенты с высокой успеваемостью сообщали о сознательном сдерживании своей учебной активности и даже готовности уступить возможность получить «автомат» для соответствия групповым ожиданиям и сохранения позитивных отношений. Это показывает, что в условиях высокой сплоченности групповые интересы могут начать преобладать над личными образовательными целями.

Таким образом, постоянная студенческая группа выступает как мощный источник надындивидуальных (групповых) эффектов, способных как усиливать, так и подавлять учебную мотивацию через механизм нормативного давления. Полученные данные иллюстрируют ключевой тезис теории В. Тинто о критической роли социальной интеграции в академическом опыте, но также раскрывают ее амбивалентность: сильная групповая интеграция может создавать конфликт между социальной идентичностью и индивидуальной академической интеграцией. Перспективным представляется количественное изучение связи между степенью сплоченности группы, строгостью групповых норм и академическими показателями студентов, а также сравнительный анализ уровня социальной изоляции и удовлетворенности обучением на программах с разными форматами.

Источники и литература

- 1) Tinto V. Leaving College: Rethinking the Causes and Cures of Student Attrition. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- 2) Lewin K. Frontiers in Group Dynamics // Human Relations. 1947. № 1. P. 5-41.
- 3) Сибирякова Ю.В., Малошенок Н.Г. Социальные аспекты опыта студентов, обучающихся по индивидуальной образовательной траектории и в рамках потоочно-групповой системы // Образование и наука. 2025. № 10. С. 160-189.

Сорокина Нина Дмитриевна

Российское общество социологов, Москва, РФ
К истории социологического образования в России

Если вести речь о становлении отечественного социологического образования, нельзя не упомянуть роль выдающегося русского социолога Питирима Сорокина. Он был одним из первых студентов кафедры социологии в Психоневрологическом институте, прослушав курс лекций по социологии выдающихся социологов того времени – М.М. Ковалевского и Е.В. де Роберти. Это и определило дальнейший путь Питирима Сорокина, впоследствии ставшего выдающимся социологом XX столетия.

Ещё в дореволюционной России он начал деятельность по распространению новой научной дисциплины для того времени. За год до революции Питирим Сорокин становится официальным преподавателем Психоневрологического института. Он организовал первую в России социологическую лабораторию «Рефлексология социальных групп». Именно Питирим Сорокин ратовал за введение социологии в качестве обязательного курса в русских учебных заведениях. После Октябрьской революции социология в качестве учебной дисциплины была признана новой властью. Сам же Питирим Александрович в 1920 году возглавляет кафедру общей социологии на факультете общественных наук Петроградского университета. Питирим Сорокин не ограничивался преподавательской деятельностью, он её сочетал с проведением социологических исследований. В частности, он изучал социально-экономическое положение жителей Петрограда. Но новая власть не признала в итоге его заслуг как учёного социолога. В 1922 году он был вынужден уехать из России навсегда.

В 1929 году произошло серьёзное идеологическое давление, которое привело к фактическому исчезновению социологии на много лет. Прошли десятилетия прежде чем социология, как учебная и научная дисциплина, по праву заняла своё место в ряду других социально-гуманитарных дисциплин. Начало было положено в 1968 году созданием первого академического Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР при Академии наук СССР. Но за десять лет до этого в 1958 году была создана социологическая ассоциация, что запустило процесс постепенного восстановления социологии «в своих правах». И что важно, социология в СССР получила международное признание.

Проблема создания социологического факультета к началу 80-х перзрела с точки зрения подготовки социологических кадров. Поэтому не случайно в 1989 году были открыты сразу два факультета социологии: в

МГУ им. Ломоносова и в Санкт-Петербургском госуниверситете (тогда он назывался Ленинградским). С этого времени начинается новый этап в развитии отечественной социологии. Но проходит 35 лет, появляются новые проблемы. Обновление образовательных стандартов (ФГОС) нередко приводит к сокращению базовых гуманитарных дисциплин в пользу профильных и междисциплинарных курсов, социология к таковым в непрофильных вузах не относится. Социологические предметы всё чаще встраиваются в курсы по другим дисциплинам, что не может вызывать озабоченность социологов, которые посвятили этой науке свою жизнь.

Вывод. Развитие отечественного социологического образования сегодня сталкивается с определёнными трудностями. Чтобы их преодолеть, необходимо ставить вопрос о миссии социологии в современном обществе. Для этого социологическому сообществу нужно провести рефлексию ответственности запросов со стороны государства, общества и реального состояния социологического образования с выявлением проблем и указанием путей их решения.

Станевич Анастасия Юрьевна

МГЛУ, Москва, Россия

Особенности иноязычных компетенций ППС (на примере лингвистического вуза)

Языковая подготовка преподавателей выступает важнейшим ресурсом для достижения образовательных стандартов в условиях современности. Иноязычные компетенции ППС – это критически важный элемент системы обеспечения качества высшего образования, поскольку они оказывают непосредственное влияние на результаты обучения студентов. За последние десятилетия методическая работа в сфере языкового образования потребовала проведения синтеза накопленных данных для формирования целостной компетентностной модели преподавателя. Титовой С.В. предлагается карта компетенций, включающая четыре основные группы: информационно-коммуникационную, профессионально-коммуникативную иноязычную, методико-теоретическую и универсальную [1, с. 135]. Особый интерес представляет ситуация в лингвистическом вузе, где языковая подготовка является основной миссией, а преподавательский корпус неоднороден по своему профилю.

Исследование, проведенное на базе МГЛУ (опрос 531 преподавателя, апрель 2024), выявило ярко выраженную диспропорцию в самооцен-

ке языковых компетенций. Подавляющее большинство преподавателей-лингвистов (90%) оценивают свой уровень основного преподаваемого языка как профессиональный (C1–C2 по шкале CEFR) (иллюстрация "Субъективная оценка..."). В то же время среди преподавателей нелингвистических направлений лишь 31% достигают уровней C1–C2 в английском языке, а 17% находятся на базовых уровнях (A1–A2). Каждый шестой нелингвист затруднился с самооценкой, что указывает на недостаточную рефлексию языковых навыков.

Существенные различия наблюдаются и в практиках использования языка. Для лингвистов иностранный язык — неотъемлемый инструмент ежедневной профессиональной деятельности: чтение профессиональной и художественной литературы (по 83%), общение с коллегами и студентами (78%), подготовка публикаций (37%) (иллюстрация "Приходилось ли Вам в течение последнего года..."). Для нелингвистов язык преимущественно выполняет пассивную функцию источника информации: 54% используют его для чтения профессиональной литературы. Активные научно-исследовательские практики (публикации, выступления на конференциях) развиты слабее, а 23% не использовали язык в профессиональных целях за последний год.

Выявленные особенности подчеркивают двойственность языковой среды лингвистического вуза. С одной стороны, существует сильное ядро преподавателей-лингвистов — носителей высоких иноязычных компетенций, активно интегрирующих язык в педагогику и науку. С другой — значительная часть преподавателей-«предметников» демонстрирует фрагментарные компетенции и ограниченные практики использования языка, что создает определенные ограничения их работы с иноязычными ресурсами и включенности в международное профессиональное сообщество.

Таким образом, развитие иноязычных компетенций ППС в лингвистическом вузе требует дифференцированного подхода, включающего системную поддержку нелингвистического профиля через целевые программы обучения и стимулирование научной активности на иностранных языках.

Источники и литература

- 1) Титова С.В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 133–149. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149.

Стародубцева Елена Алексеевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Образовательный институт перед вызовом "цифрового посредника": социологический прогноз трансформации языковой подготовки и межкультурной компетенции

Введение

Вызов «цифрового посредника» как предмет социологии образования. Современная социология образования, развиваясь от становления теорий к новым объяснительным возможностям, сталкивается с вызовом, требующим пересмотра классических категорий. Стремительное внедрение бесшовных технологий ИИ-перевода и коммуникации (т.н. «цифровой посредник») представляет собой не просто техническую инновацию, а новый социокультурный факт. Он трансформирует само ядро языковой социализации, переопределяя традиционные цели института образования, моделируемые им социальные роли и механизмы воспроизводства культурного капитала. Таким образом, анализ ответа образовательного института на этот вызов становится ключевой точкой для развития социологического знания, позволяя проверить и расширить его объяснительный потенциал в условиях цифрового перехода.

Трансформация традиционной парадигмы от цели «владеть языком» к цели «эффективно взаимодействовать»

Классическая модель, где образовательный успех измеряется лингвистической правильностью и объемом усвоенных знаний о языке (в духе теорий П. Бурдьё о культурном капитале), утрачивает актуальность. На первый план выходит способность достигать коммуникативных целей в гибридной среде «человек-посредник-собеседник». Это требует пересмотра самого понятия «межкультурная компетенция».

В основе трансформации переопределение межкультурной компетенции в гибридной среде

Межкультурная компетенция 2030-х годов будет включать новые ключевые компоненты:

- критическая цифровая грамотность

Умение ставить задачу «посреднику», оценивать, корректировать и верифицировать его выводы, понимать его ограничения и культурные смещения.

- мета-коммуникативные навыки

Способность обсуждать и согласовывать с собеседником правила использования посредника

- углубленное культурологическое знание

Именно там, где алгоритм дает поверхностную или стереотипную адаптацию, ценность человека возрастает. Понимание исторического контекста, невербальных кодов, тонкого юмора становится элитарным, но критически важным навыком для глубокого диалога.

- этическая и эмоциональная регуляция

Ответственность за финальное сообщение, эмпатия, управление конфликтом - функции, которые остаются за человеком.

Социологический прогноз об изменении структуры поля и новые формы неравенства

Дифференциация образовательных траекторий

Произойдет раскол между «базовой» языковой подготовкой (функциональное использование посредника) и «премиальной» (глубинное культурное погружение и развитие мета-навыков). Первая может стать массовой и частично автоматизированной, вторая — элитарной.

Новая иерархия и цифровой разрыв 2.0

Социальное преимущество будет давать не доступ к информации, а доступ к качественным настройкам посредника (например, корпоративные ИИ с глубоким знанием отраслевого жаргона) и возможность получить образование, развивающее критическое мышление и культурную чуткость.

Трансформация профессиональной роли преподавателя

Из «носителя и транслятора знания» педагог превращается в архитектора образовательных сред, медиатора культур и тренера мета-навыков. Его авторитет будет основываться на экспертизе в области межкультурной критики и педагогического дизайна, а не на безупречном владении грамматикой.

Заключение

Образовательный институт как агент адаптации, а не консервации. Чтобы сохранить relevance, системе образования необходимо совершить опережающий переход. Это предполагает:

- интеграцию работы с ИИ-посредником в учебные программы как обязательный навык;

- смещение фокуса оценки с изолированных языковых умений на комплексные решения кейсов в гибридной среде;

- подготовку нового поколения педагогов, способных быть гидами в мире цифровой опосредованной коммуникации.

Ответив на этот вызов, образовательный институт не только адаптируется, но и усилит свою роль как ключевого социального механизма формирования критически мыслящей, этической и эффективной личности в глобальном цифровом обществе.

Темнова Лариса Витальевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Вклад С.Т. Шацкого в предметную матрицу социологии образования

Социология образования как междисциплинарное исследовательское поле включает в себя достижения различных наук, она активно взаимодействует с философией образования, психологией образования, экономикой образования, социологией молодёжи; социальной педагогикой и др. Идеи одного из основателей российской социальной педагогики Станислава Теофиловича Шацкого (1878-1934) гармонично развивают и значительно дополняют ключевые предметные области социологии образования. Кратко перечислим их.

1. Шацкий обосновал социальную функцию школы, он указывал на необходимость целенаправленной связи школы со средой, создающей благоприятные условия для наиболее полного развития ребенка [1]. Педагог отвергал узкий просветительский подход («школа только учит») в пользу идеи школы как активного участника «строительства жизни», как центра социальной жизни микрорайона, инструмента преобразования среды. Он стал разработчиком модели «школы-комплекса» как социального института, объединяющего в образовательный процесс семью, местные сообщества, производственные предприятия.

2. Ученый раскрыл основы неформального воспитания. Оно представляет собой естественное, не соответствующее сложившейся официальной форме воспитание. Естественность воспитания актуализируется посредством сущности человека как природного существа, выступающей базой для усвоения ценностей, традиций, социальных норм и правил поведения. То, с чем взаимодействует ребенок с рождения, конституирует его образ жизни, его социальную сущность [3, С. 57-58].

3. Шацкий разработал методологию педагогики среды, которая обосновывает факторы социальной среды и определяет их воспитательный потенциал. Педагогика среды позволяет учитывать ее возможности в воспитании подрастающего поколения с учетом особенностей детей, а также целей, которые ставит воспитатель для их достижения. Шацкий писал: «перед нами стоит вопрос об огромном педагогическом процессе, протекающем в широком обществе, в стране, процессе, формирующем национальные типы и являющемся отражением основных сил, направляющих жизнь страны» [4, С. 117].

4. Ученый раскрывает содержание процесса педагогизации среды – создания конкретных условий воспитательной деятельности, который

позволит вносить «реальное изменение в режим, поведение, работу ребенка»: «Нельзя говорить о педагогическом процессе, который протекает только в специальных школьных зданиях, а правильнее было бы определять педагогический процесс среды» [3, С. 160-161]. Таким образом речь идет о способности педагога учитывать, использовать и влиять на потенциал среды жизнедеятельности с учетом цели воспитания.

5. Шацкий говорил о вреде глубоко укоренившегося общественного социально-воспитательно го предрассудка — идее необходимости подготовки детей к будущей жизни, деятельности, карьере. Он подчеркивал, что в воспитании необходима установка на полноценную и полнокровную жизнь детей «здесь» и «сейчас», а не на подготовку их к взрослой жизни.

Источники и литература

- 1) Быков А.К. Социальное воспитание детей в творческом наследии С.Т. Шацкого и современность // Журнал психолого-педагогических исследований. 2023. №1 (1). С. 5-10.
- 2) Мардахаев Л.В. Неформальное, естественное воспитание подрастающего поколения на основе опыта С.Т. Шацкого// ЦИТИСЭ №3 (16). 2018.
- 3) Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: теоретико-методологические основы: учебник для аспирантов, магистрантов и студентов / Л. В. Мардахаев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Директ-Медиа, 2023. 268 с.
- 4) Шацкий, С.Т. Избранные педагогические произведения: В 2-х т. / под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Скаткина, В.Н. Шацкой. – М.: Педагогика, 1980. т. 1.

Титова Людмила Григорьевна

*Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова,
Ярославль, Россия*

Роль искусства в "оживлении" восприятия политики в учебном процессе

Роль искусства в «оживлении» восприятия политики в учебном процессе

Искусство содержит множество смыслов, значений, возможностей для усиления восприятия социально-политических событий посредством

обращения к традициям и новаторству, образам, несущим моральную составляющую, критику и выявление достоинств и эффективности в произведениях искусства и современных событиях, поиски аналогов героев в жизни с героями в искусстве, воссоздание на основе произведения искусства сюжетов той или иной политической картины и их анализ. Обращение к художественным произведениям дает возможность постижения системности мира искусства и мира политики, единства, выраженного через многообразие персонажей художественного произведения и субъектов политического действия.

Среди многообразия решаемых задач основной является «оживление» мира политики, перевод ее из состояния «радио» в эмоционально воспринимаемый предмет, придание ей значимости с точки зрения реализации политики для человека. С этой целью анализ политических событий через призму анализа художественного произведения: использование приемов одушевления вещей и овеществление людей («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В.Гоголя и роботизация); смешение жанров («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского - жанр детектива, социально-психологического, философского романа) – помогает прямо или косвенно отнестись к политике с морально-психологическими оценками; мысленное соотнесение сюжетов литературного произведения, художественного фильма и т.д. с реалиями современной политики (стихотворение К.И. Чуковского «Тараканище» - сопоставление с характерами современных диктаторов); выявление перспектив новых технологий - и ответственности за воспитание Человека в произведениях научной фантастики (А.Н. и Б.Н.Стругацкие «Улитка на склоне», «Град обреченный», произведения С. Лема, А. Азимова и др.); отождествление политического действия с театральным со своими постановщиками, режиссурой и актерами-исполнителями, кукловодами и марионетками (ЕС, США и В. Зеленский). Связь времен и поколений в социально-политической жизни общества обеспечивается обращением в русскому фольклору, героическому эпосу. Искусство может стать мощным фактором «вскрытия» в образовательном процессе значимости Человека во всех проявлениях современной социально-политической активности.

Источники и литература

- 1) Шкловский В.Б. О теории прозы. М.:Советский писатель. 1983. 385 с.

*Титова Людмила Григорьевна¹, Юдин Владимир
Владимирович¹*

*1 - Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова,
Ярославль, Россия*

Инструментарий определения готовности социальной общности к устойчивому развитию

Для оценки готовности территориального сообщества к устойчивому развитию, в частности характеристик педагогических систем, способствующих или тормозящих становление устойчивого сообщества необходимо использование надежного инструментария.

Построение комплексной методики оценки степени устойчивости сообщества, включает три составляющих: деятельностный потенциал работника, уровень (тип) педагогической системы, смысловая консолидация социальной общности. Для оценки последнего разработана методика оценки субъектности и идентичности в обеспечении устойчивого развития территории.

Результаты отдельных методик сведены к единому показателю - индексу устойчивости территории

Устойчивое развитие — это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без угрозы способности будущих поколений удовлетворять собственные потребности.

На эффективность использования человеческого капитала влияет масса социальных опосредующих факторов, для обозначения которых нами введён[1] термин СП – социальный потенциал. Социальный потенциал – совокупность факторов, либо оргструктур, способствующих реализации в производстве и общественной жизни активной роли работника, гражданина, человека, в свою очередь реализующего в своей деятельности личностные смыслы. Как правило, это - формы особого уровня взаимодействия участников социальных процессов, образующих целостный ресурс, обеспечивающий перспективность социального организма.

Методика предполагает рассмотрение развития территории как результата деятельности индивидов, обладающих качествами субъектности и идентичности и способных, в связи с этим, обеспечить будущее территориального сообщества.

Различение уровней субъектности проводится по шкале уровней освоённой деятельности, являющихся и уровнями образованности[2]. Ценность её состоит в том, что уровни привязаны к известным типам педагогических процессов (М.Н.Скаткин) с соответствующими ОПТх – общепе-

дагогическими технологиями, показывающими как формировать такого человека.

Основой для идентификации нами взяты социокультурные факторы причастности–ценности, через которые происходит соотнесение человеком себя с определенной общностью: семья, язык, профессионально-трудовая деятельность, традиции, религиозная принадлежность, соотнесенность с местом проживания и через которые, в свою очередь, формируются устойчивые связи, образующих территориальную общность.

Источники и литература

- 1) Юдин В.В. Социальный потенциал устойчивого развития. / Непрерывное образование: новые реальности / под научной редакцией В. П. Галенко, Н. А. Лобанова. Коллективная монография по материалам XVII международной конференции 26-28 сентября 2019 г. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 197 с. С 47-57.
- 2) Юдин В.В. Технологическое описание педагогических процессов разных типов // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2015. – № 2 – Том II (Психолого-педагогические науки). – 235 с. С 86-90.

Тишина Ольга Александровна

*ФГБОУ ВО "Юго-западный государственный университет", Курск,
Россия*

От доски к гаджету: вызовы и перспективы цифровизации российского образования

Цифровизация затронула все сферы жизни современного общества, и система образования – не исключение. Процесс перехода от традиционных методов обучения к цифровым форматам значительно ускорился в последние годы. Если раньше школьный класс ассоциировался с меловой доской, деревянными партами, то сейчас вместо учебников – планшеты, вместо мела – интерактивные доски. То есть цифровизация образования в России не просто тренд, а стратегическая необходимость.

Цифровая трансформация образования в России, обозначенная в национальных проектах «Образование» и «Цифровая экономика», а также

в Стратегии цифровой трансформации системы образования до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 25.10.2022 № 2974-р), открывает новые возможности, но сопряжена с серьезными вызовами, такими как:

1. Цифровое неравенство. Доступ к качественному интернету и к современным устройствам в сельских школах намного ниже, чем в городских.

2. Подготовка педагогов. Несмотря на программы повышения квалификации в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда», многие учителя, особенно старшего поколения, испытывают трудности с интеграцией технологий в педагогический процесс.

3. Психологические риски. Чрезмерное погружение в цифровую среду ведет к снижению двигательной активности, а также приводит к проблемам концентрации внимания, усталости глаз. Особенно это негативно сказывается на начальной школе.

4. Потеря «человеческого измерения». В процессе образования важным остается воспитание, эмоциональная поддержка, развитие личности. Но современный подход может привести к обезличиванию обучения. Поэтому важно сохранять грань между технологиями и живым взаимодействием со стороны педагогов.

Но, несмотря на вызовы, цифровизация открывает значительные перспективы для российского образования:

1. Доступ к качественному контенту. У учителей и учеников сейчас больше возможностей для получения более качественной и проверенной информации, благодаря таким федеральным проектам как, например, «Цифровая образовательная среда».

2. Развитие цифровой грамотности. Взаимодействуя с цифровыми инструментами, учащиеся формируют критическое мышление, учатся основам программирования.

3. Персонализация обучения. Темп обучения и его содержание, благодаря цифровым платформам, можно адаптировать под индивидуальные особенности и потребности ребенка.

4. Гибридные форматы обучения. Онлайн-формат однозначно не заменит очное обучение, но сочетание офлайн-занятий и цифровых ресурсов – может повысить эффективность обучения.

Таким образом, важно сохранить «человеческое измерение» в образовании, технологии должны быть помощником учителю и ученику, а не подменять их. Только такой подход обеспечит реализацию целей, обозначенных в Концепции развития российского образования до 2030 года.

Источники и литература

- 1) О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. №203. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 27.01.2026)
- 2) Такиуллин, Т.Р. Влияние цифровизации на систему образования / Т.Р. Такиуллин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. - №47 (389). – С. 5-8. – URL: <https://moluch.ru/archive/389/85723> (дата обращения 27.01.2026)

Ткаченко Мария Реисовна

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима
Сорокина, Сыктывкар, Россия*

Публичная политика и социальные науки: формирование профессиональной идентичности

Профессиональное политическое образование в современной России берет свой отсчет с начала 1990-х годов, когда были осуществлены первые наборы студентов на специальность "Политология" в ведущих вузах страны. В настоящее время кафедры политологии и институты политических исследований имеются в большинстве вузов страны. После перехода системы высшего образования на федеральные государственные образовательные стандарты в укрупненной группе направлений подготовки под названием "Политические науки и регионоведение" появилось направление "Публичная политика и социальные науки", первый набор студентов на которое был осуществлен РАНХиГС в 2015 году. В научной литературе список публикаций на тему становления и развития политического образования в России весьма внушителен, но мало уделяется внимания институционализации направлений подготовки в политической науке, в том числе пока нет работ, посвященных непосредственно результатам и осмыслению опыта реализации такого направления как "Публичная политика и социальные науки". В общественном сознании не сформировано четкое представление о том, какую социальную пользу приносят профессионалы в сфере политических профессий. Целью нашего исследования было понять, каковы же представления студентов направления подготовки "Публичная политика и социальные науки" Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

о политических профессиях в целом, о своем месте в данной профессиональной сфере и о своем профессиональном будущем. Данное исследование базировалось на методе фокус-группы. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: выявить мотивы поступления студентов на направление подготовки; определить, как студенты понимают политические и социальные науки и сферу своей будущей профессиональной деятельности; какие перспективы своей профессиональной траектории видят студенты и как самоопределяют себя в будущей профессии; какие дисциплины учебного плана, по мнению студентов, в наибольшей степени формируют или формировали их видение будущей профессии и профессиональные навыки. Проведенное исследование позволило нам сформулировать следующие выводы. Во-первых, основания для поступления на данное направление подготовки в большинстве случаев ситуативны: например, "подходил набор результатов ЕГЭ только под это направление", "не знал, что это такое, стало интересно", "не прошел по баллам на другое направление подготовки", "привлекла возможность заграничной стажировки". Во-вторых, студенты ассоциируют свою будущую профессию преимущественно с работой чиновника, мэра города или сотрудников СМИ, но некоторые указали на альтернативные варианты карьерного пути, такие как педагогика или дизайн. В-третьих, основная масса студентов видит своё будущее в сфере государственной службы или построении собственной политической карьеры, также отдельно выделяются альтернативы блоггинга на политическую тематику, но велика доля и таких студентов, которые не задумываются о своем профессиональном будущем. В-четвертых, по мнению студентов, именно профессиональные дисциплины и общение с преподавателями этих дисциплин, формирует у них представление о профессии и своем профессиональном будущем, а также уверенность в правильности сделанного выбора. Исходя из полученных результатов, можно сформулировать и практические рекомендации для усиления профессиональной идентичности студентов. В первую очередь, учебный процесс должен быть направлен на повышение информированности студентов о содержании профессии, например, организация ознакомительных лекций и семинаров, посвященных разнообразным направлениям профессиональной деятельности в сфере политологии. Во-вторых, видится перспективным привлечение успешных выпускников и действующих профессионалов для консультаций и наставничества. В-третьих, развитие осознанного подхода к выбору профессии, формирование ясного и четкого представления о профессиях в сфере политических и социальных наук в СМИ и общественном сознании. В-четвертых, включение в учебный план уже на первом курсе не

только общеобразовательных, но и профессиональных дисциплин позволит избежать как многочисленных отчислений после первого года обучения, так и раньше сформировать у будущих выпускников представление о практических сферах своей будущей профессиональной деятельности, уверенность в правильности выбора, а также профессиональную идентичность.

Источники и литература

- 1) Ткаченко М.Р. Роль социальных наук в системе высшего образования и решении общественных проблем // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века : Международная научная конференция, приуроченная к 135-летию со дня рождения Питирима Сорокина : сборник статей / отв. ред. Н. Н. Новикова. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. С. 253 - 260.

Толкачева Елена Вячеславовна

*ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Генеративные нейросети как повседневность высшего образования: социологическая проблематика

Генеративные нейросети перестали быть гипотетическим вызовом и стали фактом повседневности высшего образования. Перед высшим образованием ставится вопрос, являются ли капиталом, в условиях активного развития генеративных нейросетей, формируемые у обучающихся навыки решать текущие задачи с помощью генеративных нейросетей?

Для ответа на него важно понимание того как обучающие применяют генеративные нейросети. Проведенные наблюдения показывают, что практики использования обучающимися генеративных нейросетей существуют не бинарно. Нейронные сети предстают как площадка взаимодействия с нечеловеческим собеседником или консультантом, как редактор текста, как инструмент для мозгового штурма или для делегирования выполнения интеллектуальной операции. По данным эмпирических исследований, 63% опрошенных обучающихся считают, что использование искусственного интеллекта в большей степени положительно отразится на их обучении [1]. При этом не ясно как изменяется в этих условиях их восприятие ценности получаемого образования, как трансформируется авторитет преподавателя.

В академической среде также отсутствует единство в восприятии генеративных нейросетей [2]. Возникают вопросы: «Как отличать самостоятельно выполненную работу от сгенерированной?», «Какие действия легитимны при выявлении фактов использования нейронных сетей?», «Является ли использование генеративных нейросетей девиацией, когда обучающийся использует их для черновой работы с последующей самостоятельной переработкой или наоборот для окончательного чистового форматирования уже готовой самостоятельно выполненной работы?».

В условиях давления академическая среда вынуждена разрешить использование генеративных нейросетей и попытаться встроить их в педагогический процесс [3]. Прделанный анализ рабочих программ университетов показывает, что в них меняются формулировки заданий, вводятся новые критерии оценивания, выстраивающиеся от оценки результата к оценке процесса. При этом навыки обучающегося по критическому анализу, проверке и применению информации, сгенерированной нейронными сетями, не несут в себе принципиальной новизны, поскольку критика информации, полученной из различных источников, а также обращение к личному опыту лежат в основе классического семинара.

Мы видим, что постепенно акцент перемещается с обсуждения запрещать или нет генеративные нейросети, на то, что понимать под умением их использования, доступ к каким именно нейросетевым ресурсам становятся критически важным для формирования профессиональных навыков и как это воспроизводит цифровое неравенство обучающихся. При этом роль преподавателя заключается в формировании у обучающегося понимания разницы между теми задачами, которые решает генеративная нейросеть, и теми, которые она решить не в состоянии.

В обществе, насыщенным искусственным интеллектом, вполне вероятно, капиталом, формирующим новую форму цифрового неравенства, станут не навыки использования генеративных нейросетей, а навыки критики результатов их работы.

Источники и литература

- 1) Буякова К. И., Дмитриев Я. А., Иванова А. С., Фещенко А. В., Яковлева К. И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе. *Образование и наука*. 2024. №26(7). С. 160–193. doi:10.17853/1994-5639-2024-7-160-193.
- 2) Константинова Л. В., Ворожихин В. В., Петров А. М., Титова Е. С., Штыхно Д. А. Генеративный искусственный интеллект в обра-

зовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27, № 2. С. 36-48. – DOI 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.

- 3) Котлярова И. О. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 3. С. 69-82. – DOI 10.14529/ped220307.

Толоконникова Александра Николаевна

Государственный университет управления, Москва, Россия

Проблема цифровой грамотности в российской средней школе

В условиях формирования глобального цифрового мира цифровизация становится стратегическим императивом экономической конкурентоспособности и национальной безопасности страны, вследствие этого в современной России происходит глубокая цифровая трансформация всех сфер жизни общества, в том числе образования, в частности школьного. Цифровизация образования предоставляет учащимся доступ к широкому объёму электронных образовательных ресурсов, позволяет персонализировать обучение, учитывая индивидуальные потребности и способности учеников, сделать проводимые уроки более наглядными и запоминающимися, автоматизировать проверку домашних заданий и многое другое. Однако, несмотря на большой потенциал, цифровизация в российской средней школе сталкивается с рядом проблем, одной из которых является недостаточная цифровая грамотность участников образовательного процесса.

Так, исследование цифровой компетентности учителей Липецкой области (Иголина и др., 2022) выявило, что педагоги демонстрируют достаточный профессиональный уровень владения цифровыми инструментами (средний балл - 54 из 100), однако их пользовательские навыки - ниже (40 баллов), причём преподаватели со стажем свыше 31 года показали результат в 21 балл [1]. Это подтверждает мнение о том, что возраст является основным фактором, влияющим на способность учителей адаптироваться к цифровым инновациям. Аналогичные выводы содержатся в исследовании, проведённом в Донецкой Народной Республике (Нескреба, 2024) [2]. При этом уверенный уровень цифровой компетентности чаще демонстрируют преподаватели со стажем 10-20 лет, в то время как молодые специалисты и учителя предпенсионного возраста

испытывают наибольшие трудности. Важным препятствием цифровизации школьного образования сами педагоги называют также несовершенство материально-технической базы (78,5%), бюрократизацию цифровых процессов (56,7%) и качество программ повышения цифровой компетентности преподавателей (53,5%) [1].

Распространённое представление о том, что современные дети в силу погружения в цифровую среду автоматически обладают высокой цифровой грамотностью, опровергается данными исследований. Изучение цифровой грамотности российских подростков по модели yDSI (Волкова, Сорокоумова, 2025) показало, что только 13,5% опрошенных имеют высокий уровень развития всех групп цифровых навыков [3]. Наиболее развитыми оказались навыки создания контента и коммуникации, тогда как программирование и критическая обработка информации находятся на низком уровне. Важно отметить, что навыки подростков часто носят узкий характер: они умеют пользоваться социальными сетями, развлекательными приложениями, но испытывают трудности в использовании цифровых инструментов для решения учебных задач.

Таким образом, успех цифровой трансформации школьного образования будет определяться не столько количественными параметрами цифровых инноваций, сколько способностью всех участников образовательного процесса эффективно и грамотно использовать цифровые инструменты.

Источники и литература

- 1) Игониная Е.В., Поваляева О.Н., Котлярова О.А. Цифровая компетентность российских учителей (результаты эмпирического исследования на примере Липецкой области) // Перспективы науки и образования. 2022. № 6(60). С. 625–643.
- 2) Нескреба Т.А. Исследование сформированности цифровой компетентности педагогов в условиях дистанционной образовательной среды // Московский педагогический журнал. 2024. № 2. С. 96–110.
- 3) Волкова Е.Н., Сорокоумова Г.В. Цифровая грамотность российских подростков в модели The youth Digital Skills Indicator (yDSI) // Психолого-педагогические исследования. 2025. № 17 (3). С. 149–163.

Туманова Ольга Игоревна

*ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет",
Тверь, Российская Федерация*

Проблема влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс

Технологии искусственного интеллекта на сегодняшний день распространяются практически на все сферы жизни современного общества. Постоянно совершенствуясь, нейронные сети меняют повседневную жизнь, непрерывно расширяя возможности своего практического использования.

Вместе с тем открытыми и широко обсуждаемыми остаются вопросы об этических аспектах использования искусственного интеллекта и возможности определения допустимых границ его применения. Проникая во все сферы жизни нейросети меняют устоявшиеся практики и формат сложившихся процессов, что не всегда, однако можно рассматривать как благо для общества и для человека.

Образование остается одной из областей, в которой использование нейросетей, с одной стороны, оправдано для подготовки специалистов, конкурентоспособных на рынке труда, успешных в рамках новой модели экономики. С другой стороны, развивая и совершенствуя навыки работы с искусственным интеллектом, теряется та ключевая составляющая образовательного процесса, которая направлена на развитие интеллектуальных способностей обучающегося и его творческого потенциала.

Заменяя в процессе получения образования развитие умения мыслить, самостоятельно анализировать информацию, выстраивать логические связи навыком грамотной работы с нейросетью формируется человек, с одной стороны приспособленный к цифровым реалиям будущего, с другой стороны потерявший свою «человеческую» уникальность. Индивидуальность мышления, интеллектуальное развитие которые в значительной степени формируются посредством образования заменяются машинными алгоритмами, унифицируя общество и сознание.

Кроме проблемы развития набора принципиально новых компетенций выпускников образовательных организаций искусственный интеллект в определенной степени трансформирует непосредственно сам процесс обучения и функции педагога в системе образования.

В рамках образовательного процесса нейросети могут быть использованы для решения различных научно-практических и исследовательских задач (например обработка больших массивов информации, работа с базами данных). Однако в повседневной практике обучающиеся чаще всего используют его для выполнения практических и творческих зада-

ний, поиска готовых решений и генерации идей для обсуждения. Это обеспечивает формальное выполнение необходимой самостоятельной работы, однако не способствует реализации самого замысла процесса обучения. Перед педагогом встает задача оценки либо предметных знаний обучающегося, его умения мыслить, либо навыка работы с нейросетью, позволяющего без усилий получить идеальный результат работы.

Не следует забывать, что процесс обучения должен быть направлен не только на формирование специалиста, обладающего необходимыми профессиональными компетенциями, но и полноценной, гармонично развитой личности. В данном случае может возникнуть проблема, когда цифровые технологии в определенном смысле «обнуляют» всю широту и возможности процесса обучения, что в свою очередь отразится на качестве интеллектуального потенциала общества.

Фазлеев Артур Наилевич

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Университет как поликультурное пространство: проблемы социальной адаптации иностранных обучающихся

П. Сорокин выделял образование как один из основных каналов вертикальной социальной мобильности (1). Причем, в разных обществах, оно играет разную роль, в связи со стратификационными различиями, но в современном, приобретает решающую (2). Глобальную роль в современном мире приобретают университеты, которые с каждым годом пополняются новыми студентами из разных стран мира и уровень образовательной миграции постоянно растет. Это актуализирует решение широкого спектра проблем и задач социокультурной адаптации иностранных обучающихся в условиях образовательной среды вуза.

Наши интервью, проведенные среди 30 иностранных студентов Казанского Федерального Университета, позволили выявить некоторые проблемы. В странах, которые входили в состав бывшего СССР: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан и др., где, по мнению большинства опрошенных, сохранились основы советской образовательной системы, процесс обучения немного похож. Студенты из этих подчеркивают, что основное различие, заключается в объеме материала, который нужно освоить с использованием цифровых ресурсов, так широко внедренных в учебный процесс в КФУ. Студенты из этих стран, из небольших городов, отмечают, что у них нет навыка в использовании интернета, как образовательного средства.

Студенты из Ирана, Индонезии, Сирии, Египта и др. отмечали, что у них иная форма подачи учебного материала, организации учебного процесса, посещения занятий и т.д. Интервьюируемые отмечали сложности с принятием: обязательности посещения занятий («... в Сирии посещение занятий не является обязательным»); устного формата экзаменов («... в нашей стране (Египет) большинство из них письменные, а здесь – устные»); практики публичных ответов («... на экзамене нужно обсуждать свой вопрос с профессором перед аудиторией. Это довольно сложно для нас (Иран).»); формата обучения («... много самостоятельной работы и дистанционных ресурсов (Иран)»).

Анализ различных соцсетей, мессенджеров, создаваемых как для студентов-иностранцев, так и самими студентами показал, что контенты, созданные учебной организацией мало востребованы. Чаты, где доступ открыт для всех – проблемы обсуждаются мало, и сообщество используется как информационный канал связи. А закрытые сообщества студентов, где общение идет на родном языке, содержат больше информации, и студенты более откровенно делятся проблемами и эмоциями, а обсуждаемые темы касаются и негативных моментов, связанных с учебной, преподаванием, контактами.

Различия в системах образования разных стран вполне закономерны, однако создать условия для комфортной адаптации иностранных студентов с помощью различных дополнительных программ адаптации и ресурсов вполне приемлемо.

Источники и литература

- 1) Сорокин П. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia, 2005. – 588 с. (Sorokin P.A. Social mobility. N.Y.; L.: Harper Brothers, 1927).
- 2) Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. С. 396–398.

Фролова Елена Викторовна

Финансовый университет при Правительстве РФ, г Москва, Россия

Современные тренды и риски распространения искусственного интеллекта в учебной деятельности студентов

Внедрение и усиление роли искусственного интеллекта (ИИ) в обществе детерминирует необходимость модернизации образовательной поли-

тики современных вузов. В докладе будет представлен анализ результатов анкетного онлайн опроса студентов, преимущественно обучающихся по программам бакалавриата. Как показали результаты исследования, современные студенты используют нейросети для поиска необходимой информации (76,1%), повышения оригинальности текста (30,5%) написания курсовых, рефератов и дипломных (27,8%). Рост обращений к «цифровым посредникам» (чат-боты на базе нейросетей) в ходе учебной деятельности студентов связан с распространением практик использования ИИ в их повседневной жизни. Одним из наиболее актуальных вопросов, как научного дискурса, так и образовательной практики, выступает проблема определения этических границ использования ИИ в учебной деятельности студентов. Результаты исследования показали наличие интерпретационных смещений в оценке потенциала ИИ, доминировании потребительских интересов студенческой молодежи, ориентированной на использовании его технологий в роли цифрового помощника, на которого перекладывается выполнение учебных заданий. Риски внедрения ИИ в учебную деятельность студентов обусловлены нивелированием ценности академического труда, научного авторства, снижением аналитических компетенций, когнитивной атрофией молодежи. Несмотря на цифровой оптимизм, касающийся возможностей ИИ при подготовке к занятиям, выполнению учебных заданий, студенты весьма скептически отнеслись к перспективам применения ИИ в практике выставления оценок и организации учебного процесса. Недостаточный уровень применения ресурсов ИИ в процессах контроля знаний, планирования учебно-методической работы, выработки индивидуальных алгоритмов обучения указывает на существенные дисфункции процессов цифровизации образования.

Искусственный интеллект, как прорывная технология будущего, становится новой реальностью, которая существенным образом меняет ландшафт высшего образования, в том числе, методики обучения, взаимодействий и контроля знаний. Ключевыми задачами для высшей школы в новых условиях становятся поиск решений, позволяющих максимально эффективно внедрять технологии ИИ в учебный процесс с целью повышения качества образования, формирования востребованных на рынке труда компетенций молодежи.

Царюк Анатолий Дмитриевич

*Московский областной филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте
РФ, Москва, Россия*

Научная ориентированность студенческой молодёжи в контексте роста внимания рабочим профессиям

Современный научный прогресс выводит человечество на новый уровень жизни. В этой связи во всём мире особое внимание уделяется развитию фундаментальных и прикладных исследований, научных школ, технологий. Вместе с тем, данные Росстата о том, что в стране с 2023г. по 2024г. общее количество учёных в России уменьшилось с 92601 человека до 89586 человек (уменьшение более чем на 3%), требуют самой серьёзной озабоченности, в том числе исследовательской. Ведь из общего числа докторов наук уменьшение составило примерно 4% (с 22626 осталось 21705 человек), а кандидатов наук с 69975 стало 67881 человек (уменьшение примерно на 3%). Если же анализировать сложившийся с 2015 года негативный и растущий тренд, то общая убыль за указанный период составляет уже 19,3% в том числе докторов наук стало меньше на 22,6%, а кандидатов наук на 18,7%.

Согласно ранее проведённым нами исследованиям, некоторые результаты которых представлены научному сообществу в «XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ», на 2023-2024 год, одна из наиболее результативных методик вовлечения студенческой молодёжи в научную деятельность, основывалась на: «Междисциплинарная, межпрофильная, межвузовская и международная форма заслушиваний результатов научной деятельности обучающейся молодёжи ...». Однако, как показывает практика, эта и другие формы долгосрочного влияния на студенческую молодёжь, в настоящем применяются на фоне реализации других, крайне актуальных для средне/и ближне/срочных экономических перспектив, информационных кампаний. В ряде случаев, смыслы информационных кампаний спорят в пространстве интересов молодёжи, и противоречие разрешается молодыми людьми в пользу краткосрочных перспектив. В частности, на основе комплексного анализа результатов неформализованного опроса 530 респондентов из студенческой молодёжи МГТУ ГА, Красногорский филиал РАНХиГС и МФЮА, было выявлено, что наиболее значимой информационной кампанией, побуждающей студентов игнорировать личные перспективы и возможности развиваться в научном плане, рассматривая повышение своего образования предполагающего выход на послевузовский уровень, является кампания по привлечению внимания молодёжи к рабочим профессиям. Конечно же, среднепрофессиональное образование и рабочие профессии сегодня крайне важны для экономики, однако усиление данного значения является относительно новым условием, в

котором необходимо развивать научную конкурентоспособность страны. Поэтому в результате отмеченного авторского исследования установлены наиболее перспективные в настоящем методы вовлечения студентов в науку. Важнейшим отмечаем метод, состоящий во введении на кафедрах вузов должности «Научный руководитель кафедры».

Цицикашвили Ксения Павловна

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Отсев в педагогической магистратуре как социальный механизм реструктуризации образовательных траекторий

В социологии образования высшее образование рассматривается не только как пространство обучения, но и как социальный институт, регулирующий профессиональные траектории, ожидания и формы включённости индивидов в рынок труда. В современных условиях реформирования российского высшего образования, сопровождаемого процессами «оптимизации» и институциональной перестройки, особый интерес представляет педагогическая магистратура как механизм формирования и перераспределения кадров в системе образования. При этом феномен отсева студентов магистратуры остаётся слабо осмысленным в отечественной социологии образования и чаще трактуется как индивидуальная неуспешность, а не как институциональный эффект [1;3].

Цель исследования – показать, что отсев студентов педагогической магистратуры может рассматриваться как социальный механизм реструктуризации образовательно-профессиональных траекторий и индикатор противоречий между институциональной логикой программ, ожиданиями студентов и условиями профессиональной занятости. Теоретической рамкой исследования служит теория институционального выбытия В. Тинто [6].

Эмпирическую базу составляют полуструктурированные интервью с 21 бывшим студентом педагогической магистратуры Института образования НИУ ВШЭ, досрочно прекратившими обучение.

Результаты исследования показывают, что в большинстве нарративов отсев не воспринимается респондентами как неудача. Напротив, он интерпретируется как осознанная корректировка образовательной и профессиональной траектории после получения базового высшего образования. Это позволяет рассматривать отсев как нормализованный элемент образовательных стратегий взрослых и «нетрадиционных» студентов.

Ключевыми причинами отчисления выступают, во-первых, разочарование в профессии учителя, особенно характерное для студентов без пе-

педагогического образования и опыта работы в школе. Столкновение с реальной педагогической практикой приводит к пересмотру первоначальных альтруистических и внутренних мотивов, возникновению синдрома самозванца и отказу от профессии, что согласуется с результатами международных исследований мотивации и удержания педагогов [2;4;5]. Во-вторых, решающую роль играет академическая интеграция: перегрузка, необходимость совмещения обучения с работой в школе и финансовыми обязательствами и трудности выполнения исследовательских требований (курсовые, ВКР) формируют устойчивое ощущение институционального давления и утраты смысла обучения. В-третьих, выявлена противоречивая роль социальной интеграции: для одних студентов сильное профессиональное окружение становится демотивирующим фактором, для других – отсутствие включённости в студенческое сообщество снижает ценность обучения, что подтверждает сложность и неоднозначность социальных эффектов образовательных программ.

Таким образом, отсев в педагогической магистратуре отражает более широкие процессы институциональной трансформации высшего образования и перераспределения профессиональных траекторий в условиях реформ.

Источники и литература

- 1) Шмелева Е.Д., Фрумин И.Д. (2020). Факторы отсева студентов инженерно-технического профиля в российских вузах. Вопросы образования, 3, 110–136.
- 2) Bruinsma M., Jansen E. (2010). Is the motivation to become a teacher related to pre-service teachers' intentions to remain in the profession? *European Journal of Teacher Education*, 33, 185-200.
- 3) Mayhew M. J., Pascarella E. T., Bowman N. A. (2016). *How College Affects Students. Vol. 3: 21st Century Evidence that Higher Education Works*. San Francisco: John Wiley & Sons.
- 4) Roness D., Smith K. (2010). Stability in Motivation during Teacher Education. *Journal of Education for Teaching* 36,169–85.
- 5) Sinclair C. (2008) Initial and changing student teacher motivation and commitment to teaching, *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*, 36(2), 79-104.
- 6) Tinto V. *Leaving College: Rethinking the Causes and Cures of Student Attrition*. Chicago: University of Chicago, 1993.

Чжан Жун

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

**Teaching English for Specific Purposes under Globalization:
Intercultural Communication and Social Reproduction in Music
Education**

Grounded in the sociology of education, particularly Bourdieu's theories of cultural capital and field, and integrating the core principles of intralinguodidactics—which emphasizes systematic cultural comparison and cognitive construction within a single language—this study employs critical ethnography and mixed methods. Through participant observation in ESP classrooms at two higher music institutions in China and Russia, in-depth interviews with teachers and students, and discourse analysis of teaching materials, the research aims to reveal: 1) the implicit models of intercultural communication and value orientations in current ESP teaching for music majors; 2) how these practices may unconsciously reproduce or challenge academic and social hierarchies based on disparities in cultural capital; and 3) the engagement and capital conversion strategies of students from different socioeconomic backgrounds (e.g., "resource-intensive" vs. "culture-intensive" families as implied in the contextual background).

The findings indicate that in ESP classrooms lacking a critical intercultural approach, the singular emphasis on Anglophone musical terminology, evaluation systems, and academic norms inadvertently constructs a cultural hegemony of "international standards." This privileges students with prior exposure to Western musical cultural capital and marginalizes local musical traditions and practices, thereby facilitating the intergenerational transmission of cultural capital and the covert reproduction of unequal structures. However, the study also identifies cases of transformative pedagogical practices. Consequently, this paper constructs a "Critical Intralinguo-Intercultural ESP Teaching Model." The model proposes three core teaching strategies: First, "bidirectional cultural translation," which involves not only learning the musical discourse of the target culture but also systematically translating and integrating local musical concepts, aesthetic systems, and practical wisdom into international dialogue. Second, "making capital explicit and providing strategic guidance," which uses metacognitive discussions to help students understand the value of various forms of cultural capital and the rules for converting it across different fields (e.g., international competitions, academic publishing, cross-cultural collaboration), thereby acquiring the ability to use and transform capital strategically. Third, "creating a third space," which encourages students to

creatively synthesize diverse musical elements and modes of expression based on intercultural understanding, forming new cultural practices and identities that transcend binary oppositions.

The study concludes that ESP teaching for music majors is by no means a value-neutral, instrumental training but a profound socio-cultural process. By consciously integrating a critical intercultural communication dimension into the intralinguodidactic framework, ESP pedagogy can transform from a potential "accomplice" in social reproduction into a "transformative practice" that fosters students' awareness of cultural subjectivity, promotes the democratization of cultural capital, and empowers students for creative social engagement. This not only provides a new sociological explanatory framework for ESP teaching theory but also suggests a viable pedagogical path toward more equitable and dialogic professional education in the era of globalization.

Источники и литература

- 1) Bourdieu, P., & Passeron, J.-C. (1990). *Reproduction in education, society and culture* (2nd ed.). Sage Publications.
- 2) Byram, M. (1997). *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Multilingual Matters.
- 3) Dudley-Evans, T., & St John, M. J. (1998). *Developments in English for specific purposes: A multi-disciplinary approach*. Cambridge University Press.
- 4) Freire, P. (2000). *Pedagogy of the oppressed* (30th anniversary ed.). Continuum.
- 5) Green, L. (2002). *How popular musicians learn: A way ahead for music education*. Ashgate.
- 6) Hutchinson, T., & Waters, A. (1987). *English for specific purposes: A learning-centred approach*. Cambridge University Press.
- 7) Kramsch, C. (1993). *Context and culture in language teaching*. Oxford University Press.
- 8) Spring, J. (2015). *Globalization of education: An introduction* (2nd ed.). Routledge.
- 9) Wu, X., & Hu, G. (2022). Integrating critical interculturality into ESP pedagogy in Chinese higher education: Challenges and possibilities. *Journal of English for Academic Purposes*, 58, 101123.

- 10) Yudkevich, M., Altbach, P. G., & Rumbley, L. E. (Eds.). (2020). International faculty in higher education: Comparative perspectives on recruitment, integration, and impact. Routledge. (Note: Provides comparative context on academic systems, relevant to the Sino-Russian dimension of the study).

Шагарова Екатерина Антоновна

*Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

**Университет как цифровая платформа: трансформация
академических отношений в условиях смены парадигм
российского высшего образования**

Современный парадигмальный сдвиг в российском высшем образовании – к компетентностной и цифровой модели – имеет не только содержательное, но и глубокое инфраструктурное измерение. Ключевым процессом становится «платформизация» университета – его превращение в социотехническую систему, где основным средством организации обучения, коммуникации и управления выступают цифровые следы (LMS, системы прокторинга, цифровые портфолио) [1]. Этот процесс меняет предметное поле социологии образования, требуя анализа того, как технологические решения определяют отношения между ключевыми акторами [2].

Цифровая платформа внедряет в академическую среду логику данности и алгоритмической управляемости [3]. Поведение студентов (входы в систему, клики, время выполнения заданий) превращается в «цифровые следы» – материал для анализа вовлеченности и прогресса. Преподавательская работа также подлежит квантификации через метрики заполнения курсов, активности студентов и своевременности проверок. Таким образом, платформа выступает не только инструментом, но и активным агентом, задающим новые правила игры: она поощряет одни формы поведения (систематические, соответствующие интерфейсу) и делает невидимыми другие (например, неформальные дискуссии и творческий поиск).

Это ведет к фундаментальной трансформации академических отношений и профессиональных идентичностей. Студент реконфигурируется в «пользователя», чья успешность зависит от цифровой компетентности [4] и навыков самопрезентации в цифровом интерфейсе. Преподаватель

сталкивается с двойственной ролью: с одной стороны, он – модератор контента и сервис-провайдер для платформы, с другой – вынужден выступать интерпретатором данных, что требует освоения новых компетенций и меняет основу педагогического авторитета [5].

Негативным эффектом такой платформизации становится деформация социальных связей в университете. Живое академическое взаимодействие рискует быть вытеснено транзакционными отношениями «система – пользователь». Возникает новый тип алгоритмического неравенства, когда доступ к возможностям и ресурсам начинает зависеть от способности производить «правильные» цифровые паттерны, что актуализирует вопрос о преобразовании цифровых навыков в особую форму капитала [6]. Исследование этого процесса позволяет объяснить природу адаптационных практик и сопротивления в академической среде, а также выявить ключевые задачи для социологии образования. Цель исследователей в данном случае заключается в осмысленном проектировании цифрового перехода, при котором технологическая инфраструктура будет усиливать, а не подменять социальную и гуманитарную миссию университета. Таким образом, формирование модели «университета будущего» требует синтеза технологической эффективности платформенных решений с сохранением университета как уникальной социальной среды для производства знания, критической рефлексии и формирования гражданской идентичности.

Источники и литература

- 1) Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 256 p.
- 2) Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова. Москва: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- 3) Каракозов С. Д., Уваров А. Ю., Рыжова Н. И. На пути к модели цифровой школы // Информатика и образование. 2018. № 7. С. 4-15.
- 4) Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. Москва: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
- 5) Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7-14.

- 6) Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-75.

Шаронова Светлана Алексеевна

РУДН университет, Moscow, Россия

**Трансформация образования в эпоху неопределенности
постиндустриального общества**

Система российского образования в настоящий момент находится в эпицентре круговорота трансформаций. Во-первых, происходит всемирная трансформация при переходе из индустриального в постиндустриальное общество. Во-вторых, российское общество претерпевает сложный переход в новое свое состояние, на пути к которому в 90-е годы произошел распад единого государства и отторжение идеологических основ, поддерживающих экономику, структуру и политику государства. В-третьих, к 2025 году пришло осознание, что безоговорочное принятие принципов построения государства и образования западного образца не является панацеей для российского общества и образования в том числе.

Неопределённость, как отмечал Д. Белл, — характерная черта постиндустриального общества. Это состояние, при котором причинно-следственная связь не очевидна, процессы носят вероятностный характер. Одна из основных причин нарастающей неопределенности и сопровождающих ее инверсий – увеличение объема информации в социокультурной системе. Д. Белл считал, что недостаток информации и свободного времени является более серьезной проблемой, чем недостаток товаров. Еще одна причина -распад традиционных горизонтальных и вертикальных социальных связей. Акцент переносится на локальность и разобщенность.

В российском образовании феномен адаптации к неопределенности был связан с процессом создания новых принципов организации цифровой педагогики. Формирование учебного плана подачи знаний перестал придерживаться поступательно-линейной логике. Все больше предпочтения стали отдавать проектной логике, каждый новый проект строился по принципу междисциплинарных связей, создавая своеобразную сеть знаний из различных дисциплин.

Стала разрушаться привычная структура образования, которая строилась по принципу горизонтальной зависимости объектов: детский

сад, школа, техникум, высшая школа. Вначале возросла роль различных курсов, которые акцентировали внимание на освоение определенных профессиональных навыков и подтверждались выдачей сертификатов/дипломов. Следующим этапом распада классической структуры стало появление сети технопарков, которые значительно расширили образовательную инфраструктуру. Участвовать в реализуемых проектах технопарка теперь могут и школьники, и студенты, получившие награды в отечественных и международных конкурсах/олимпиадах/научных соревнованиях. При этом значимость официального документа от образовательного учреждения становится намного ниже, чем прежде. В условиях неопределенности поиск одаренных, талантливых исполнителей приобретает особую остроту. С другой стороны, новая инфраструктура дает возможность молодежи реализовать свои профессиональные интересы в конкретных проектах.

Таким образом, неопределенность постиндустриального общества размывает классический ландшафт образования, локализирует образовательный процесс в создании различных сетей, которые опираются на подборку необходимых междисциплинарных знаний и на создание неустойчивых профессиональных групп, реализующих конкретные проекты.

Источники и литература

- 1) Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
- 2) Svetlana Sharonova, Elena Avdeeva. 2019. Dialogue between Smart Education and Classical Education. In Program and abstracts of IADA 2019 "Dialogic Matters: Social and Material Challenges for Dialogue in the 21st Century". University of Wisconsin-Parkside, July 24-27, 2019. Milwaukee, Wisconsin, USA, pp. 14-16.

Шлычкова Ольга Николаевна

Кафедра философии Научно-исследовательский центр

"Строительство", г. Москва, Российская федерация

**Реализация программы обеспечения научно-технологического
развития инженерными кадрами: проблемы и решения**

6 февраля 2025 года на заседании Совета по науке и образованию Владимир Путин обозначил ключевые задачи кадрового обеспечения

научно-технологического развития страны. В их числе — формирование устойчивого потока инженерных кадров для приоритетных отраслей, усиление связи образования, науки и промышленности, что значительно увеличит количество исследователей и разработчиков для высокотехнологичной экономики. Эти ориентиры задали направления для обновления государственной программы развития инженерных кадров.

Одним из центральных направлений реализации программы становится подготовка научных кадров по техническим специальностям в аспирантурах вузов и научно-исследовательских центрах. В 2025 году технические советы стали лидерами во защитах диссертаций. В условиях ускоренного технологического обновления именно аспирантура должна обеспечивать подготовку инженеров, способных не только применять существующие решения, но и создавать новые технологии. Однако на практике аспирантура нередко остается формально ориентированной на учебный процесс, а не на реальную научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность. Недостаточная вовлеченность аспирантов в проекты, востребованные промышленностью, снижает мотивацию к завершению обучения и защите диссертаций.

Существенной проблемой остается и сама модель обучения инженеров в аспирантуре. Для многих технических направлений характерен разрыв между требованиями диссертационных исследований и задачами, которые аспиранты решают на предприятиях. Работа по заказу индустрии не всегда укладывается в традиционные рамки кандидатской диссертации, что приводит к затягиванию сроков обучения или отказу от защиты. Дополнительным фактором выступает высокая учебная и административная нагрузка, не оставляющая времени на системную научную работу.

Проблемы с защитами кандидатских диссертаций по техническим наукам носят комплексный характер. С одной стороны, повышаются требования к качеству и публикационной активности, с другой — сохраняется дефицит научных руководителей, способных сопровождать прикладные инженерные исследования на современном уровне. В результате значительная часть аспирантов завершает обучение без защиты, что снижает эффективность бюджетных вложений и ослабляет кадровый потенциал науки и высокотехнологичных отраслей.

В качестве решений представляется необходимым более тесная интеграция аспирантов в реальные научно-технологические проекты, реализуемые совместно с промышленными партнерами. Во-вторых, целесообразно развитие гибких моделей диссертационных исследований, допус-

кающих защиту результатов прикладных инженерных разработок при сохранении научной новизны. В-третьих, важно усилить систему поддержки аспирантов — через целевое финансирование, снижение несо-размерной нагрузки и развитие института наставничества.

Таким образом, успешная реализация программы обеспечения научно-технологического развития инженерными кадрами напрямую связана с реформированием аспирантуры по техническим специальностям. Превращение аспирантуры в эффективный инструмент подготовки инженеров-исследователей способно обеспечить устойчивый кадровый фундамент для достижения технологического суверенитета и долгосрочного развития страны.

Источники и литература

- 1) Высшая аттестационная комиссия. Объявления о защитах. - [Электронный ресурс] : URL : <https://vak.gisnauka.ru/adverts-list/advert> (дата обращения: 27.01.2026).
- 2) Заседание Совета по науке и образованию. 06.02.2025. - [Электронный ресурс] : URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76222> (дата обращения: 05.01.2026).

Шляпников Виктор Валерьевич

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,

Санкт-Петербург, Россия

Необходимость образования в области искусственного интеллекта

Всестороннее понимание механизмов и воздействия искусственного интеллекта (ИИ) необходимо для использования этой технологии на благо общества. Образование в области искусственного интеллекта позволяет каждому человеку участвовать в обсуждениях и принятии решений, определяющих цифровое будущее, и вносить свой вклад в его формирование [1, 2].

Комплексная образовательная инициатива должна охватывать как технические аспекты, так и социальные, правовые и этические последствия ИИ. Образование не должно ограничиваться техническими специалистами, но должно быть доступно широкой общественности для развития критического мышления и осознанной гражданской позиции.

Школы и университеты занимают центральное место в процессе распространения базовых знаний в области искусственного интеллекта. Не менее важным является профессиональное обучение, которое учитывает новейшие разработки в сфере искусственного интеллекта и готовит специалистов к будущим вызовам.

В быстро меняющемся мире непрерывное обучение необходимо для того, чтобы идти в ногу с технологическим прогрессом. Онлайн-курсы, семинары и общественные дискуссионные форумы могут способствовать лучшему пониманию и принятию искусственного интеллекта. Это дает каждому возможность воспользоваться преимуществами искусственного интеллекта и в то же время конструктивно реагировать на связанные с ним проблемы.

Основы искусственного интеллекта, машинного обучения, нейронных сетей и алгоритмов – ключевые темы, которые следует включить в учебные программы школ и университетов, поскольку это актуально не только для карьеры в сфере технологий, но и для многих областей, где ИИ всё больше влияет на процессы принятия решений. Это важно по нескольким причинам:

- способность критически анализировать алгоритмы искусственного интеллекта необходима для обеспечения осознанного и ответственного использования этой технологии и предотвращения некритического принятия результатов, полученных с помощью ИИ;
- профессиональная компетентность всё больше будет зависеть от знания инструментов и процессов, поддерживаемых искусственным интеллектом, поэтому специалисты в разных областях должны уметь эффективно использовать ИИ и оценивать его влияние на свою повседневную работу;
- влияние искусственного интеллекта на общество разнообразно, поэтому каждому необходимо понимание того, как ИИ может влиять на социальное неравенство, изменять демократические процессы или даже контролировать доступ к информации.

Источники и литература

- 1) Смышляева О.В., Груздева М.Л. Определение понятий грамотности и компетенций в области искусственного интеллекта в контексте педагогического образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2025. Т. 22, № 3. С. 371-381. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-3-371-381.

- 2) Lintner T. A systematic review of AI literacy scales // npj Science of Learning. 2024. Vol. 9, art. no. 50. P. 1-11. DOI: 10.1038/s41539-024-00264-4.

Щелкова Татьяна Викторовна

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика
Беларусь*

О современных методах и технологиях обучения в высшей школе

Современное образование требует от преподавателя высшей школы не только широкого кругозора и глубоких знаний своего предмета, но и умения выбирать методы и технологии обучения, обеспечивающие активное вовлечение студентов в учебный процесс. Это актуально и для социологических дисциплин, где формирование профессиональных компетенций, аналитического и критического мышления невозможно без диалоговых и полилоговых форм обучения, творческой деятельности, и практического применения знаний. Ведь «понятийное мышление не способно возникнуть само по себе. Оно развивается в процессе обучения, причем обучения, организованного особым образом и основанного на фундаментальных знаниях» [1]. В связи с этим особый интерес вызывает обратная связь – изучение мнения студентов о современных образовательных стратегиях и практиках.

Анализ 42-х эссе студентов 4-го курса специальности «социология» Белорусского государственного университета показал, что, по их мнению, наиболее эффективными и запоминающимися являются интерактивные, проблемные, практико-ориентируемые и исследовательские методы обучения. Их применение является ключевым фактором в подготовке квалифицированных и конкурентноспособных кадров.

В качестве наиболее продуктивных форм семинарских занятий большинство авторов эссе отметили метод анализа конкретных ситуаций (кейс-метод), деловые игры, дебаты, мозговой штурм, интеллект-карты, визуализацию идей, выполнение творческих заданий. Они подробно описывали реализацию этих методов и свои впечатления, анализировали их эффективность на основе субъективных студенческих практик.

Помимо этого, многие студенты выделили технологию «перевернутого класса», когда заранее даются для ознакомления видеолекции, фильмы, а аудиторное время тратится на их разбор и дискуссию; сравнитель-

ный анализ классических и современных текстов; спецсеминары, посвященные разбору актуальных социологических исследований; социологический анализ фильмов и книг и др.

Относительно работы в мини-группах, мнения разделились. Одни авторы описывали эту технологию как эффективную, направленную на взаимодействие и приобретение навыков командной работы. Другие предпочитают индивидуальную работу, поскольку, по их мнению, разделение функций между участниками группы не охватывает всю работу в полном объеме, потому что каждый выполняет лишь свою задачу. Противники групповой работы также отмечали, что отдельные студенты вообще могут не погружаться в работу и лишь в итоге пользоваться общими результатами.

Что касается лекционных занятий, то наиболее запоминающимися и результативными все авторы эссе считают лекции с элементами диалогового, проблемного, интерактивного обучения. Когда изложение теории сопровождается интересными вопросами для обсуждения и яркими примерами из профессиональной практики преподавателя, теоретические понятия сразу же иллюстрируются практическими примерами и визуализируются через интернет-ресурсы, реализуются совместные решения задач, побуждающих студентов думать и делиться мнениями, применяются интерактивные опросы и др. Им неинтересно быть пассивными слушателями, они ориентированы на активную работу, анализ получаемой информации и научный поиск.

Источники и литература

- 1) Данилов А.Н. Система образования: потенциал и перспективы. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. №3. С. 4–8.

Щербакова Лидия Ильинична

*Южно-Российский государственный политехнический
университет(НПИ) имени М.И.Платова, Новочеркасск, Россия*

Ценность труда как фактор формирования профессиональной идентичности молодых инженеров

Обращение к особенностям формирования профессиональной идентичности у студентов инженерных вузов и выявления в этом процессе

значения труда как жизненной ценности обусловлена социальным запросом российской экономики. Логика социального познания обязывает изменения в сфере труда рассматривать через институциональные, социально-экономические и социоструктурные трансформации, которые детерминированы функционированием в постсоветской России многообразия форм собственности, процессами информатизации и роботизации, технологиями искусственного интеллекта. Но актуальными остаются ценностные аспекты отношения к труду как источнику общественного богатства и нравственности. На поколенческую трансформацию социальных практик молодежи влияют информационные технологии, которые изменяет представления о труде и профессиональной самореализации [1]. Инженерный труд становится интеллектуальным, навыки создания инновационного продукта являются ключевыми составляющими личности конкурентоспособного инженера. Теоретической базой для изучения места труда в структуре жизненных ценностей является интегративная теория П.Сорокина [2]. Ценностное противоречие в сознании студентов между рациональностью на этапе выбора стратегий профессионального роста и нравственностью нацеливает инженерное образование на формирование у обучающихся готовности к глубокому освоению профессии и творчеству, способности к критическому самоанализу. На макроуровне проводится целенаправленная работа по формированию институциональной среды, созданию условий для формирования профессиональной идентичности в экосистеме инженерного образования. На микроуровне проявляется социализирующая функция образования: или молодой человек будет ориентироваться на потребительское поведение, или будет предпочитать на основе упорного труда добиваться успеха в профессии. Многие кризисные явления в высшей школе связаны с низкой академической активностью молодого поколения, у которого нет желания осваивать теоретические основы инженерной деятельности. При этом важно обращать внимание на процессы смыслообразования молодых людей и место в этих смыслах ценности труда, поскольку они составляют основу профессиональной самоидентификации и влияют на перспективы построения жизненной карьеры. Ученые ИС РАН установили, что пока инструментальная ценность труда превалирует над терминальной [3]. ЮРГПУ(НПИ) накопил богатый опыт образовательных практик, сохранив все лучшее, что было присуще советскому периоду в деятельности университета. При реализации проекта «Приоритет 2030» продолжается работа по развитию личностных характеристик инженеров на основе разработанной модели инженера – созидателя [4]. Практика подтвердила, думающий творческий инженер может быть подготов-

лен в университетском образовательном пространстве, в котором обеспечивается оптимальное соотношение фундаментальности и практикоориентированности на базе максимального включения социальных ресурсов каждого студента.

Источники и литература

- 1) «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. 308 с.
- 2) Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. а англ., вступ. ст. и коммен. В. В. Сапов. М.: Академический проспект, 2020. 988 с. (Теория обществ).
- 3) Зубок Ю.А., Чупров В.И., Сорокин О.В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда / Женщина в российском обществе 2020. Специальный выпуск. С. 38—59.
- 4) Щербакова Л.И., Коренюгина Т. Ю. Возрождение инженера созидającego: ключевые ориентиры и технологии обновления высшего образования: монография; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И.Платова. Новочеркасск: ЮРГПУ(НПИ), 2014. 166 с.

Юй Шуминь

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Теоретическое осмысление формирования профессиональной идентичности в китайских профессиональных колледжах: институциональный и организационный анализ

В статье разрабатывается теоретическая модель, объясняющая влияние институциональных и организационных факторов на формирование профессиональной идентичности студентов китайских высших профессиональных колледжей. В условиях стратегического курса Китая на развитие качественных производительных сил, система профессионального образования призвана готовить не просто квалифицированных специалистов, но и внутренне мотивированных носителей профессиональной культуры. Цель работы — раскрыть, как внешние государственные

стратегии и внутренняя среда колледжа совместно конструируют этот процесс. Методологическую основу составляет системный подход, включающий институциональный анализ государственной политики (Закон о профессиональном образовании 2022 г., инициативы «Сделано в Китае 2025» и «1+X») и организационный анализ внутренних практик учебных заведений, с применением сравнительного метода для контекстуализации китайского опыта относительно российской системы СПО.

Научная новизна заключается в комплексном осмыслении специфики китайской модели «интеграции производства и обучения» и ключевой роли преподавателей «двойного типа» как трансляторов профессиональных ценностей. Результаты показывают, что устойчивая профессиональная идентичность формируется на пересечении «вертикального» давления государственных стратегий, повышающих престиж рабочих профессий, и «горизонтального» воздействия практико-ориентированной среды колледжа. Последняя создается через создание учебно-производственных цехов, тесное сотрудничество с предприятиями-партнерами (как в китайско-германском кластере в Тайцане) и активную деятельность «двойных» преподавателей, доля которых достигла 58%. Эти педагоги выступают живым образцом для студентов, связывая теоретическое обучение с требованиями реального производства.

Сравнительный анализ с российской системой выявляет различия в степени интеграции «образование-отрасль» и, как следствие, в показателях трудоустройства по специальности и стартовых зарплатах выпускников. Теоретическая значимость работы состоит в развитии концептуального аппарата для изучения профессионализации в контексте активно направляемой государством образовательной системы. Практическая ценность заключается в выявлении конкретных механизмов (статус «двойных» учителей, система наставничества, глубокая интеграция с предприятиями), которые могут быть творчески адаптированы для совершенствования программ профессиональной ориентации и поддержки студентов в России, в том числе в рамках проекта «Профессионалитет».

Ключевые слова. профессиональная идентичность, высшее профессиональное образование, институциональный анализ, организационная среда, преподаватели «двойного типа», интеграция производства и обучения, Китай, Россия.

Источники и литература

- 1) Лю Чжиянь. О становлении регионализации как основной стратегии развития профессионального образования КНР // Ученые

- записки ЗабГУ. Сер. Педагогические науки. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-regionalizatsii-kak-osnovnoy-strategii-razvitiya-professionalnogo-obrazovaniya-knr> (дата обращения: 15.01.2026).
- 2) Коротаева Е. В. Некоторые вопросы развития высшего образования в Китае // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-v-kitae> (дата обращения: 15.01.2026).
 - 3) Сюй Ин. Человек в образовательном пространстве Китая: культурно-ценностные основания государственной политики : дис. ... канд. филос. наук / Сюй Ин. – Чита, 2023. – 149 с.
 - 4) Биллет С. Опасности смещения непрерывного обучения и непрерывного образования // Международный журнал непрерывного образования. – 2010. – Т. 29, № 4. – С. 401–413.
 - 5) Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования. М.: Прометей, 2004. 334 с.
 - 6) Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 1999. 31 с.
 - 7) «Сделано в Китае 2025»: План развития высокотехнологичных отраслей. Государственный совет КНР, 2015.
 - 8) Закон КНР "О профессиональном образовании" (2022 г.). Официальное издание.
 - 9) Министерство образования КНР. О прогрессе в пилотной работе по системе сертификации «1+X» [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. – 2019. – 10 мая. – URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2019/50642/sfcl/201905/t20190510_381372.html (дата обращения: 15.01.2026).
 - 10) Опубликован Доклад о развитии профессионального образования в Китае (2012–2022 гг.) [Электронный ресурс] // Образование онлайн (EOL.cn). – 2022. – URL: https://gj.eol.cn/jdt/202208/t20220823_2242436.shtml (дата обращения: 15.01.2026).
 - 11) План развития профессионального образования на период «15-й пятилетки» (2026–2030 гг.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Нинцзиньской профессиональной средней специальной шко-

лы. – 2026. – URL: <http://www.sdnjzz.cn/info/news-1558.html> (дата обращения: 15.01.2026).

- 12) В 2024 году доля преподавателей «двойного типа» в профессиональных колледжах страны достигла 58% [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования КНР. – 2025. – URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2025/77063/mtbd/202509/t20250905_1412035.html (дата обращения: 15.01.2026).
- 13) Доклад о развитии профессионального образования в Китае в 2024 году: анализ трудоустройства и удовлетворенности выпускников [Электронный ресурс] // Sohu News. – 2024. – URL: https://www.sohu.com/a/840857768_120855974 (дата обращения: 15.01.2026).
- 14) Новые тенденции развития высшего профессионального образования в России: анализ связи обучения с рынком труда [Электронный ресурс] // База научных данных Lunwendata. – URL: <https://m.lunwendata.com/show.php?id=148292> (дата обращения: 15.01.2026).
- 15) Зинич А.В., Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ревякина Ю.Н. Молодежь в мире профессий будущего: позиционирование и профессиональная идентичность // Society and Security Insights. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-v-mire-professiy-budushchego-pozitsionirovanie-i-professionalnaya-identichnost> (дата обращения: 15.01.2026).

Юй Ян¹, вэй линде¹, Юй Анна Николаевна², Лай Хуаи¹

1 - Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 2 - Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург, Россия

**Ценностное основание образовательной мобильности
китайских студентов в российских университетах: результат
пилотажного исследования**

В условиях углубляющейся интернационализации высшего образования образовательная мобильность студентов все чаще рассматривается как результат институциональных возможностей, экономической рациональности или логики инвестиций в человеческий капитал. Вместе с тем подобные объяснительные модели оказываются недостаточными для анализа реальных стратегий транснациональной образовательной

мобильности, поскольку они в какой-то степени игнорируют ценностное измерение образовательного выбора.

Настоящее исследование исходит из предпосылки, что образовательная мобильность представляет собой не только инструментальную реакцию на внешние условия, но и ценностно обусловленную стратегическую ориентацию, формирующуюся на пересечении институциональных ожиданий, профессиональных устремлений, сетевых ресурсов и представлений о будущем социальном положении. В этой связи ключевой исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие ценностные ориентации лежат в основе образовательной мобильности китайских студентов в российских университетах и как они соотносятся со стратегиями мобильности российских студентов.

Методология и эмпирическая база

Эмпирическую основу исследования составляет пилотажное анкетное обследование, проведённое в 2025 году среди китайских студентов, обучающихся в российских вузах, а также студентов Иркутского государственного университета (ИГУ). Исследование носит разведывательный характер и направлено на апробацию теоретико-методологической модели анализа стратегических ориентаций образовательной мобильности.

В рамках исследования были выделены семь типов стратегических ориентаций: институциональная, профессиональная, транснациональная, предпринимательская, сетевая-проектная, нелинейная ориентация и ориентация на пожизненное обучение.

Для каждой ориентации рассчитывались два показателя: рейтинговая позиция, где меньшее значение соответствует большей значимости ориентации и интегральный балл, отражающий степень выраженности соответствующей ценностной ориентации.

Результаты исследования

1. Рейтинговая структура стратегических ориентаций

Для китайских студентов наибольшую значимость (расположение ближе к центру рейтинга) имеют следующие стратегические ориентации: предпринимательская, транснациональная и ориентация на пожизненное обучение.

Такая конфигурация свидетельствует о том, что образовательная мобильность осмысливается прежде всего как инструмент активного конструирования будущей жизненной и профессиональной траектории, ориентированной на автономию, расширение возможностей и долгосрочное накопление конвертируемых ресурсов. Обучение в российском университете в данном случае выступает не как конечная форма институциональной интеграции, а как этап в более широкой стратегии индивиду-

ального развития. Институциональная и профессиональная ориентации занимают в рейтинге более периферийные позиции, что позволяет интерпретировать их как поддерживающие, но не определяющие элементы стратегии образовательной мобильности.

Для российских студентов (ИГУ) рейтинговая структура имеет иную конфигурацию. Наиболее значимыми стратегическими ориентациями являются

транснациональная, нелинейная и профессиональная ориентации.

Это указывает на восприятие образовательной мобильности как пространства открытости и вариативности будущих траекторий, при сохранении устойчивой ориентации на профессиональную самореализацию. В отличие от китайских студентов, предпринимательская ориентация и ориентация на пожизненное обучение не формируют ядро стратегии, что отражает более умеренное отношение к индивидуальному риску и долгосрочной образовательной экспансии.

2. Интенсивность стратегических ориентаций

Анализ подтверждает устойчивость выявленных рейтинговых различий. У китайских студентов наибольшие интегральные значения фиксируются по предпринимательской, транснациональной ориентации и ориентации на пожизненное обучение. Это свидетельствует о многоуровневом и кумулятивном характере ценностной структуры, в рамках которой образовательная мобильность является частью более широкой жизненной стратегии.

Российские студенты демонстрируют более сглаженное распределение балльных показателей. Наиболее выраженными остаются транснациональная, нелинейная и профессиональная ориентации, что указывает на более структурно согласованную и институционально встроенную модель образовательной мобильности.

Китайские студенты выстраивают образовательную мобильность как открытую, многовекторную стратегию, ориентированную на будущее и допускающую высокий уровень неопределённости. Российские студенты, напротив, склонны к более гибким, но социально укоренённым траекториям, сочетающим вариативность с профессиональной логикой.

Заключение

Результаты пилотажного исследования подтверждают эвристический потенциал ценностного подхода к анализу образовательной мобильности. Уже на данном этапе становится очевидным, что различия в стратегиях мобильности обусловлены не только институциональными условиями, но и различиями в ценностных структурах и жизненных ориентациях студентов.

Дальнейшее исследование предполагает расширение выборки и включение дополнительных переменных, связанных с социальным происхождением, субъективным восприятием риска и уровнем институционального доверия, что позволит углубить анализ ценностных оснований образовательной мобильности в транснациональном контексте.

Источники и литература

- 1) Ценности дополненной социальности в восприятии возрастных когорт китайцев (опыт эмпирического исследования) / П. П. Дерюгин, Л. Вэй, А. В. Бакулин, Я. Юй // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 10(160). – DOI 10.60797/IRJ.2025.160.44. – EDN MZCLIE.
- 2) Диагностика связанности структур дополненной социальности: пилотаж сетевой методики / П. П. Дерюгин, О. В. Кузнецова, С. Д. Куражев [и др.] // VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 01–03 октября 2024 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. – С. 25-31. – EDN JSEVAY.
- 3) Кремнев, Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология / Е. В. Кремнев, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская ; Иркутский государственный университет. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2020. – 155 с. – (Трансдисциплинарная регионология). – ISBN 978-5-9624-1915-2. – EDN JRHHUV.
- 4) Иванов, Д. В. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах / Д. В. Иванов, Ю. В. Асочаков, Е. С. Богомякова // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 49-68. – DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5. – EDN SWKVPR.
- 5) Ольбикова, Е. И. Влияние образовательных различий на характер трудовой мобильности работников (на российском рынке труда) / Е. И. Ольбикова // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4, № 5. – С. 72-94. – EDN OYVASH.
- 6) Садретдинов, С. С. Академическая мобильность в образовательном процессе / С. С. Садретдинов, Г. Ю. Колчина // Kazakhstan Science Journal. – 2019. – Т. 2, № 3(4). – С. 77-80. – EDN VXIGVA.

Ярцев Владислав Анатольевич

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, Москва,
Россия*

Международная академическая мобильность как актуальный объект исследования российской социологии образования

В современном мире образование продолжает быть одним из актуальных инструментов интернационализации, что обуславливает рост интереса к явлению международной академической мобильности. В российской социологии этот феномен рассматривается как сложный социально-институциональный процесс, включающий перемещение студентов и преподавателей между образовательными системами разных государств. Он интересен не только как движение людей, но и как фактор трансформации социальной идентичности участников, чему особое внимание уделяют исследователи в рамках социокультурного анализа. Одним из важных подходов к изучению явления считается институциональный. Университеты выступают как создатели инфраструктуры, обеспечивающей обмен знаниями и развитием академических связей. В рамках интернационализации образования российские научные сообщества рассматривают мобильность как ключевой индикатор интеграции страны в мировое образовательное пространство. В этом контексте особое значение приобретает миграционный аспект - мобильность выступает как легальный канал интеллектуальной миграции и одновременно вызывает опасения по поводу «утечки мозгов».

Российские исследования также уделяют особое внимание вопросам адаптации иностранных студентов, их интеграции в российскую образовательную и социальную среду. Россия за последние годы трансформирует свою стратегию экспорта образования, стремясь стать привлекательной площадкой для иностранных обучающихся и развивая концепцию мягкой силы, что подразумевает использование академической мобильности как инструмента публичной дипломатии и укрепления имиджа страны. В этом процессе важную роль играют сетевые взаимодействия: международные научные сообщества и контакты, которые формируются благодаря мобильности, способствуют развитию совместных проектов и обмену знаниями.

Российская социология в исследованиях международной академической мобильности использует разнообразие методов, что позволяет получать комплексное представление о явлении. Среди ведущих авторов и исследователей выделяются такие, как Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, А. Д. Громов, Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., а также специалисты

по социологии образования и миграции - Козлова Е. С., Константиновский Д. Л., Зайцева А. А. Их работы основываются на классических теориях социальной мобильности, таких как концепции П. Сорокина и Т. Парсонса, что позволяет соотнести явление с более широкими социальными процессами и теориями и продемонстрировать её как многогранный феномен, связанный с социальными, культурными, экономическими и политическими факторами.

Источники и литература

- 1) Зборовский, Г. Е. Социология высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. — 539 с.
- 2) Константиновский, Д. Л. Социальное неравенство и образование: проблемы и перспективы : монография / Д. Л. Константиновский. — Москва : ИС РАН, 2020. — 256 с..
- 3) Международная академическая мобильность в России : тенденции, виды, государственное стимулирование : монография / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.]. — Москва : Экономическое образование, 2019. — 192 с.
- 4) Нефедова, А. И. Эффекты участия в международной мобильности для российских ученых / А. И. Нефедова, Е. Л. Дьяченко // Социологический журнал. — 2024. — Т. 30, № 1. — С. 110–132.
- 5) Ростовская, Т. К. Тенденции академической мобильности в России: статистическая аналитика и прогностика / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Интеграция образования. — 2021. — Т. 25, № 3. — С. 421–438.
- 6) Козлова, Е. С. Социологическая концепция активизации международной академической мобильности как социокультурного феномена / Е. С. Козлова // Вестник экономики, права и социологии. — 2017. — № 3. — С. 162–165.

Яшнова Оксана Александровна

НИУ МИЭТ, Москва, Россия

Формирование моделей университетов будущего в российском образовательном ландшафте: современные тренды и вызовы

Последнее время высшее образование в России переживает период глубинной трансформации, масштаб и скорость которой обусловлены появлением новых глобальных трендов в связи с обозначившимися геополитическими и макроэкономическими реалиями. Дискуссии об «университете будущего», имевшие место до 2022 года, во многом были связаны с академической конкуренцией, а сегодня поиск решений задач связан с определением национального технологического суверенитета и кадровым обеспечением критически важных отраслей. Эти вопросы направлены на поиск новых, адекватных вызовам времени организационных и функциональных моделей университетов.

Основным ключевым драйвером является сфокусированная государственная политика, закреплённая в стратегических документах. Так, Стратегия научно-технологического развития РФ (СНТР), актуализированная в 2022 году, прямо задаёт университетам роль «интеллектуальных центров», обеспечивающих прорыв по критическим технологическим направлениям и создание новых «технологических заделов» [1].

Национальный проект «Наука и университеты» выступает основным финансовым и институциональным инструментом трансформации. Программа «Приоритет-2030» (третий этап, стартовавший в 2024 году) смещает акцент с общих показателей развития на конкретные технологические результаты и кооперацию с промышленными партнерами [2].

На сегодняшний день «универсального рецепта» развития и трансформации не существует. Отсутствие единой модели формирует необходимость для каждого вуза осуществлять сложный стратегический выбор в условиях высокой неопределённости и меняющихся приоритетов государственного финансирования.

Национальный исследовательский университет «МИЭТ» - ведущий вуз России в области высоких технологий - отметил в декабре прошлого года юбилейное шестидесятилетие. Современная инфраструктура и уникальная интеграция образования, науки и промышленности делают МИЭТ лидером по подготовке специалистов в области микро- и нанoeлектроники, телекоммуникаций и информационных технологий. Открытие в 2024 году в структуре НИУ «МИЭТ» Института экономики, управления и психологии определяет его дальнейшее функционирование в соответствии с программой развития университета на 2025-2036 годы. Проводимые структурные изменения ориентированы на достижение стратегической цели – трансформацию университета в лидирующий национальный центр компетенций в области электроники и информационных технологий, обеспечивающий опережающую подготовку научно-

исследовательского, инженерного и управленческого кадрового резерва отрасли [3].

Таким образом, миссия и видение НИУ «МИЭТ» формируют основу для стратегического развития университета, направленного на обеспечение научного, образовательного и технологического лидерства Российской Федерации, представляя собственную уникальную модель университетов будущего, формирующихся в современном российском образовательном ландшафте.

Источники и литература

- 1) Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 15.11.2022 № 858). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=606500763> (дата обращения: 29.01.2026).
- 2) О программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» – [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 29.01.2026).
- 3) Программа развития «НИУ МИЭТ» на 2025-2036 гг. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://priority2030.ru/analytics/ibyubmyqnn/about/program> (дата обращения: 29.01.2026).

«7. Социология государственного управления: новые направления и прогнозы (руководитель – к.э.н., доц. В.П. Васильев)»

Адвокатова Екатерина Сергеевна

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Россия*

"Умный город": цифровая трансформация городской среды и ее влияние на качество жизни населения (на примере Свердловской области)

Стремительное развитие информационных технологий и постоянное увеличение доли городского населения ставят перед современными городами следующие задачи: комплексное развитие инфраструктуры, обеспечение безопасности и повышение качества жизни граждан. Для их решения все более активно внедряются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), позволяющие не только оптимизировать работу городских систем, но и значительно повысить уровень жизни. В этой связи концепция «Умный город» становится особенно значимой и актуальной на всей территории РФ.

«Умный город» представляет собой подход к развитию города, использующего цифровые инструменты для повышения уровня жизни, качества услуг и эффективности управления при обязательном удовлетворении потребностей настоящего и будущих поколений во всех актуальных аспектах жизни. В России сформирована многоуровневая система нормативно-правового регулирования, включающая федеральные законы, стратегические документы и ведомственные программы. Сохраняется преемственность национальных проектов, а развитие нормативно-правовой базы учитывает международные стандарты, включая ISO/IEC и рекомендации ITU.

Свердловская область активно участвует в реализации федеральных проектов и региональных программ. Регион демонстрирует устойчивые позиции в общероссийских рейтингах цифровой трансформации, занимая 6-е место среди субъектов Российской Федерации по итогам 2024 года. В области активно развиваются цифровые платформы, внедряются интеллектуальные системы в сфере жилищно-коммунального хозяйства,

транспорта и городского управления. Вместе с тем наблюдается выраженный дисбаланс между уровнем цифровизации крупнейшего города региона - Екатеринбурга и другими муниципальными образованиями.

Для оценки влияния внедрения «умных» технологий на качество жизни населения был проведён социологический опрос жителей Свердловской области. Результаты исследования показали, что лишь треть опрошенных знакома с понятием «умный город», в то время как подавляющее большинство не имеют представления о данной концепции. Такое расхождение в показателях указывает на наличие информационного разрыва среди населения и свидетельствует о недостаточной осведомленности. Тем не менее, те, кто не знаком с концепцией «умный город» ассоциируют ее с использованием современных цифровых технологий, значительно облегчающих повседневную жизнь, комфортом, безопасностью, доступностью услуг и экономией времени.

Для улучшения качества жизни в городах необходимо развивать умные ЖКХ-системы, транспортную инфраструктуру, экологию и безопасность – отмечают респонденты. Также часть опрошенных лиц считает, что если технологии и вводятся, то чаще всего точечно, в отдельных районах или на определенной территории, инфраструктура развивается неравномерно.

Больше половины опрошенных считают, что внедрение «умных» технологий положительно скажется или уже сказывается на их жизни, так как с применением такой системы значительно повышается комфорт, город становится удобнее, появляется больше времени на решение вопросов, не связанных с повседневной рутинной.

Сравнительный анализ с регионами-лидерами показал, что цифровые решения в Свердловской области реализуются в меньшем масштабе и с меньшей технологической глубиной. Следует развивать не только цифровые сервисы, но и материальную базу, а также вводить обязательные региональные стандарты и устранять нехватку квалифицированных кадров. Необходимо адаптировать решения под специфику региона - учитывать уровень инфраструктуры, доступные ресурсы и приоритеты населения.

Источники и литература

- 1) О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система

правовой информации URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=606911096&intelsearch=&firstDoc=1

- 2) Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства "Умный город": Приказ Минстроя России от 25.12.2020 № 866. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 3) Банных Г.А., Костина С.Н. Цифровизация в документах стратегического планирования муниципальных образований: кейс Свердловской области // Информационное общество. 2023. № 6. С. 56-68.
- 4) Казанцева О. Л. «Умные города» России // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 2. С. 109–113.
- 5) Кондратенко З. К. Правовое регулирование технологии Smart city в условиях цифровизации // Аграрное и земельное право. 2020. № 12(192). С. 80–87.
- 6) Итоги III Национальной Премии «Умный город» // Умный город [Электронный ресурс] URL: <https://russiasmartcity.ru/итоги-iii-национальной-премии-умный-гор>

Ананьев Егор Владиславович¹, Шовхалов Рамзан Ильясович¹

*1 - Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Цифровизация государственного управления и ее влияние на доверие граждан к власти

Целью работы является выявление характера и механизмов влияния цифровой трансформации публичного сектора на уровень и суть институционального доверия граждан. Основная идея заключается в том, что влияние цифровизации на доверие является нелинейным и амбивалентным, так как технологическая эффективность, или рост инструментального доверия, может сопровождаться социальными рисками, ведущими к поляризации или разрушению ценностного и эмоционального доверия. Ключевым фактором выступает цифровое неравенство. В качестве предложенного пути решения выступает анализ сложившегося противоречия через синтез данных социологических опросов (например, ВЦИОМ, ФОМ за последние 5 лет) в рамках теоретической модели, различающей инструментальное и эмоциональное доверие. Акцент делает на оценке прямых эффектов от внедрения сервисов, а также социальных последствий, таких как изменение доступности услуг и восприятия

справедливости. В итоге установлен позитивный эффект на инструментальное доверие при успешной пользовательской реализации цифровых сервисов (посредством удобства и прозрачности); выявлен негативный эффект, именуемый как цифровой разрыв, на общий уровень доверия, связанный с принудительной цифровизацией без альтернатив и ростом барьеров для групп с низкой цифровой компетентностью; обнаружена слабая связь между внедрением административных цифровых платформ и ростом легитимности власти, что указывает на дефицит каналов реального участия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что итог цифровизации зависит от социального контекста внедрения, а не от хаотичных алгоритмов, как может показаться изначально. Технократический подход, фокусирующийся только на эффективности, может углубить социальное расслоение и отчуждения. Таким образом, для укрепления доверия необходим особенный дизайн цифровой трансформации, сочетающей технологические решения с мерами по преодолению цифрового неравенства и созданию институтов обратной связи, способных трансформировать инструментальные успехи в рост легитимности.

Источники и литература

- 1) Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57–68.
- 2) Цифровое доверие как ключевой фактор в формировании датацентричного государственного управления // Государства и граждане в цифровой среде. URL: <https://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/view/1344> (дата обращения: 10.01.2026)
- 3) Электронный портал ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 12.01.2026)
- 4) Электронный портал ФОМ. URL: <https://fom.ru> (дата обращения: 12.01.2026)
- 5) Pérez-Morote R., Pontones-Rosa C., Núñez-Chicharro M. The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries // Technological Forecasting and Social Change. 2020. № 154. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162519313150> (дата обращения: 10.01.2026)
- 6) OECD. URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 12.01.2026)

Андреева Софья Вячеславовна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Доверие молодежи к российским онлайн-платформам государственных услуг как условие развития гражданской активности

Ключевая актуальность работы связана с наблюдаемым противоречием: будучи «цифровыми аборигенами», легко ориентируясь в онлайн-среде, молодое поколение, однако, проявляет скептицизм и осторожность в отношении государственных цифровых платформ как инструмента для полноценного диалога с властью. Это создает парадокс: имея технические возможности для влияния, молодые граждане могут оставаться пассивными из-за недоверия к эффективности и честности цифровых сервисов. Низкий уровень доверия снижает отдачу от государственных инвестиций в цифровизацию и препятствует развитию современных форм гражданской активности.

Теоретико-методологическая основа исследования опирается на классические социологические концепции доверия. Н. Луман рассматривает доверие как механизм редукции социальной сложности и принятия решений в условиях неопределенности и дефицита информации. Э. Гидденс определяет доверие как веру в надежность абстрактных систем, необходимую для поддержания онтологической безопасности в современном обществе. Р. Патнэм связывает доверие с социальным капиталом, рассматривая его как общественно-политическую ценность, накапливаемую через гражданское участие. Д. Норт интерпретирует доверие как неформальный институт, снижающий трансакционные издержки и определяющий сравнительные преимущества обществ.

В условиях цифровизации происходит трансформация традиционных моделей доверия. Взаимодействие «гражданин-электронное государство» опосредовано цифровыми платформами, что требует адаптации классических категорий. Формируется «системное доверие», основанное на уверенности в исправности и предсказуемости технологий и алгоритмизированных процедур, а не в конкретных людях. Государственные платформы активно конструируют «маркеры надежности» для получения «кредита доверия» от пользователей.

Применительно к онлайн-платформам доверие анализируется через многокомпонентные модели. Выделяются когнитивное (рациональная оценка компетентности), аффективное (эмоциональная реакция) и институциональное (уверенность в институтах) измерения доверия. Ключевыми атрибутами, формирующими доверие к цифровому сервису, явля-

ются компетентность (способность выполнить задачу), доброжелательность (готовность действовать в интересах пользователя), честность и предсказуемость. В онлайн-среде особое значение приобретают контекстное доверие (вера в поддерживающие институты) и доверие на предоставление услуг.

Таким образом, доверие к государственным онлайн-платформам представляет собой сложный социальный феномен, синтезирующий классические механизмы снижения неопределенности и новые факторы, связанные с цифровым взаимодействием. Его уровень и структура у молодежи являются критическим условием для реализации потенциала цифровых платформ как инструментов развития гражданской активности. Эмпирическое исследование, запланированное в работе, направлено на выявление конкретных факторов, формирующих это доверие, и его связи с практиками гражданского участия на примере портала «Госуслуги», платформы «Активный гражданин» и «Российской общественной инициативы».

Источники и литература

- 1) Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979, 208 p.
- 2) Алексеева А. Ю. Концептуальные основы исследования феномена доверия: обзор основных подходов // Мир экономики и управления. 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-issledovaniya-fenomena-doveriya-obzor-osnovnyh-podhodov> (дата обращения: 25.01.2026).
- 3) Giddens, E. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Modern Age / E. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 264 p
- 4) Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Акад. Проект, 2005. – 528 с.
- 5) Пороховская Т. И. Доверие как моральный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-moralnyy-fenomen> (дата обращения: 25.01.2026).
- 6) Putnam R. D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 258 p.

- 7) North D. Denzao A. Shared mental models: ideologies and institutions. 1993. С. 1-18.
- 8) Сергодеева Е. А., Гапич А. Э., Ерохин А. М. Феномен доверия в цифровом пространстве: моделирование децентрализованных коммуникаций в условиях современных информационных войн // Гуманитарий Юга России. 2025. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-doveriya-v-tsifrovom-prostranstve-modelirovani-e-detsentralizovannyh-kommunikatsiy-v-usloviyah-sovremennyh-informatsionnyh> (дата обращения: 26.01.2026).
- 9) Иванов А.В. ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. ; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 26.01.2026).

Антипьев Константин Анатольевич

*Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, Пермь, Россия*

Тенденции огосударствления местного самоуправления в современном российском обществе

В очередной раз система местного самоуправления в России переживает процесс своего реформирования. Он вполне укладывается в направление общей политики государства – усиление контроля и управляемости во всех сферах общественной жизни. Исторически местное самоуправление в случае усиления роли государства урезалось и сокращалось, подчиняясь общим целям и задачам государства. На местный уровень сбрасывались государственные задачи, а самостоятельность в принятии решений выхолащивалась. В случае же ослабления государства, местные сообщества либо усиливались сами, либо государство, не справляясь со своими функциями, делилась ими с местным самоуправлением. Местное самоуправление крепло и набирало силу, выдвигались местные лидеры, реализовывались местные инициативы.

В данный момент государство завершает процесс встраивания местного самоуправления в вертикаль власти. Ставка сделана на развитие одноуровневой системы организации местного самоуправления (с возможностью сохранения двухуровневой системы), при которой местное самоуправление будет осуществляться в городских и муниципальных

округах. Аргументация состоит в том, что на сельском уровне нет квалифицированных кадров, есть сложности с формированием бюджета, сельское население неуклонно сокращается. Но, фактически это лишение права жителей сельских поселений на решение вопросов местного значения. Не стоит забывать, что сами сельские поселения тоже разные, имеют свои исторические особенности, традиции, специфику социальной структуры. Их учёт в рамках одноуровневой модели затруднителен. Рационально было бы дать право самим жителям решить, оставлять ли нижний, сельский уровень самоуправления или они согласны на новую модель. Но, этого не было сделано. С позиции власти удобнее всё унифицировать, чем учитывать мнение граждан.

Фактически упраздняя сельский уровень местного самоуправления, федеральный центр лишает себя институтов, которые были наиболее близки к населению. По мере изменения системы местного самоуправления, меняется и престиж местных органов власти.

Отказ от двухуровневой модели местного самоуправления породил и нетипичные для современного российского общества протестные настроения и действия. Протестные акции прошли в Республике Алтай, Бурятии, Красноярском крае. Местные жители опасаются, что утратив право принятия решений на сельском уровне, на их территории придут федеральные игроки, прежде всего коммерческие структуры, которые сам установят режимы пользования землёй, лишая местных предпринимателей, владельцев земли возможностей хозяйствования.

На местном уровне становится всё меньше выборных лиц. Большинство глав муниципалитетов выбирают сами депутаты представительного органа, а не население. Это, увеличивает управляемость, но, не создаёт поля для дискуссий и самостоятельного политического роста для местных руководителей, они всё время находятся в зависимости не от граждан, а от глав субъектов.

Сворачивание снов местного самоуправления усиливает установки граждан, что «от нас ничего не зависит», «мы ничего не решаем», что не создаёт благоприятной базы для развития и реализации местных инициатив, роста гражданской активности. В целом, тренд огосударствления местного самоуправления последовательно реализуется, последовательно превращая местное самоуправление в исполнительные структуры региональной власти на местах.

Источники и литература

- 1) Ковалев И. П. Реформа местного самоуправления 2025 года: последствия, сложности и пути разрешения // Закон и право. — 2026. — № 1. — С. 50–55.
- 2) Прах А., Лавской В. Реформа с переменным ускорением // Коммерсант. — 2025. — 22 июня. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7831932?ysclid=mkzvupnt7v193690108> (дата обращения: 25.01.2026).

Антонова Ева Витальевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**Государственное стратегическое планирование поддержки
молодых семей в Российской Федерации**

В основе государственного стратегического планирования в современной России лежит конституционный принцип социального государства [1], реализуемый через систему Национальных целей развития. Принятие Указом Президента новой иерархии целей на период до 2030 и на перспективу до 2036 года, где на первый план выдвинуто «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» [2] свидетельствует о переходе демографической политики в разряд абсолютных приоритетов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа, насколько эффективно данная иерархия национальных целей отвечает на вызовы, стоящие перед ключевой для демографического будущего группой – молодой семьей. Важность социальной политики также была обозначена Президентом России в Послании к Федеральному Собранию в 2024 году: на высшем государственном уровне предпринимаются систематические усилия, направленные на повышение рождаемости, укрепление семьи, увеличение продолжительности жизни россиян.

Исследование соотносится с классической традицией социологии П. А. Сорокина [6], где ценностно-нормативные изменения выступают ключевым фактором устойчивости общества. Также с теорией социального государства Л. фон Штейна [7] и его функциями и критической демографической парадигмой А.И. Антонова [4] для интерпретации низкой рождаемости как следствия глубинного кризиса института семьи, требующего не только материальной поддержки, но и институционального укрепления. Эти теоретические рамки позволяют нам оценить, совмещает ли современная политика функцию поддержки уровня жизни с за-

дачей укрепления институциональных основ семьи в рамках целостного социального проектирования.

Стратегическое планирование на основе полагания выстраивает иерархию целей общественного развития. Новым явлением для решения демографических проблем стало определение главной национальной цели, что обеспечивает современный подход к теории устойчивого развития [5]. В рамках ее выполнения ставится решение вопросов о повышении рождаемости, благополучия и качества жизни, материальной поддержке, создания условий для комфортного родительства. Это отражает синтез патерналистической и социетальной функции социального государства.

Благодаря реализации направления адресной поддержки населения повышается уровень качества жизни молодых семей. В настоящее время осуществляются следующие меры поддержки семьи: пособие по беременности и родам, единовременная выплата на ребенка, ежемесячное пособие с рождения до полутора лет, материнский капитал, семейная ипотека, помощь многодетным семьям в погашении ипотеки, деньги на первенца, за третьего ребенка и всех последующих, поддержка нуждающихся семей, единое пособие, социальный контракт, забота о детях военнослужащих, «мамина карьера», реализуется программа «Молодая семья» [3]. Фокус смещается на долгосрочные факторы поддержки, что коррелирует с идеей о необходимости преодоления ценностного кризиса семьи через изменение социальной среды.

Эта система демографической поддержки, включающая молодые семьи, реализуется через национальные проекты: «Семья», «Молодежь и дети», «Кадры», «Инфраструктура для жизни» и государственные программы по отраслям.

Источники и литература

- 1) Конституция Российской Федерации. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
- 2) Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»
- 3) Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 №1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»

- 4) Антонов А.И., Синельников А.Б., Новоселова Е.Н. Социологические исследования в области семьи и демографии: отвечая на вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2024 Изд-во Моск. ун-та (М.), том 30, № 4, с. 189-207.
- 5) Васильев В.П. Устойчивое развитие: модификация принципов и институтов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024 Изд-во Моск. ун-та (М.), № 1, с. 193-204.
- 6) Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
- 7) Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.

Балакирев Никита Владимирович
МГУ им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Развитие общественных организаций финно-угорских народов в изменяющемся внешнем окружении

Актуальность исследования определяется комплексом вызовов, с которыми сталкиваются финно-угорские организации России в период 2010–2025 годов. К ним относятся значительные процессы глобализации и цифровизации, трансформация государственной национальной политики, а также усложнение геополитической ситуации. В этих условиях общественные организации выступают в качестве ключевых субъектов, отвечающих за сохранение этнокультурного наследия.

Объектом исследования являются общественные организации финно-угорских народов, а предметом – процесс их развития в условиях динамично меняющегося внешнего окружения.

Цель работы заключается в выявлении основных тенденций и перспектив этого развития.

Методологическую основу составили качественные методы: полуструктурированные экспертные интервью с представителями ведущих организаций в Республике Мордовия, таких как Межрегиональный научный центр финноугроведения и Ассоциация финно-угорских народов РФ, а также контент-анализ документов, включая резолюции съездов и материалы социологических исследований.

Проведенный анализ позволил выявить ряд значимых трансформаций. Подтвердилась гипотеза о стратегическом переформатировании деятельности организаций под влиянием изменений внешнеполитической обстановки, особенно после 2014 и 2022 годов. Согласно экспертным оценкам, произошел переход от международного сотрудничества к фокусу на внутреннюю консолидацию, укрепление общероссийской гражданской идентичности и выстраивание углубленных отношений с государственными институтами. Процессы цифровизации привели не только к расширению деятельности организации, но и к качественному преобразованию форм культурного наследия, которое воплощается в современных цифровых продуктах, таких как онлайн-переводчики, интернет-телевидение и контент в социальных сетях, создавая новые адаптированные для молодежи форматы национальной культуры.

Сравнительный анализ документов показывает переход организаций к модели углубленного сотрудничества, в рамках которой организации действуют как проводники государственной национальной политики и исполнители грантовых проектов. В контексте внешней информационной конкуренции и геополитического давления в деятельности организаций возросла роль историко-патриотических нарративов, что способствует укреплению патриотической идентичности.

В целом, основными адаптационными трендами стали диверсификация функций, активная цифровизация, стратегическая ориентация на работу с молодежью и переход к реализации долгосрочных комплексных проектов. Перспективы развития финно-угорских организаций связаны с углублением цифровизации наследия, развитием молодежных программ и дальнейшей интеграцией в систему реализации государственной национальной политики России.

Источники и литература

- 1) Богатова О. А. Формирование социокультурных образов финно-угорских республик в медиадискурсе федеральных средств массовой информации / О. А. Богатова – Текст: электронный // Финно-угорский мир. – 2013. – №4(17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsiokulturnyh-obrazov-finno-ugorskih-respublik-v-mediadiskurse-federalnyh-sredstv-massovoy-informatsii/viewer> (дата обращения 03.12.2025).
- 2) Герои финно-угорских народов России в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». – Саранск : Издатель Константин Шалкарин, 2020 – 396 с.

- 3) Зотикова В. Как "Яндекс Переводчик" заговорил на мокшанском и эрзянском / В. Зотикова – Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. – 2025. – 3 июл. – URL: <https://rg.ru/2025/07/03/kak-ian-deks-perevodchik-zagovoril-na-mokshanskom-i-erzianskom.html> (дата обращения: 21.12.2025).
- 4) Наше поколение: сборник авторских стихотворений и рассказов на родных языках финно-угорских и самодийских народов / Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». – Саранск : Издатель Константин Шапкарин, 2022. – 296 с. – ISBN 978-5-9906753-2-2.
- 5) Резолюция IV съезда финно-угорских народов Российской Федерации // Финно-угорский мир. – 2009. – №3. – С.9-17. – URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2009/3/9-17.pdf> (дата обращения: 29.12.2025).
- 6) Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире / В. В. Фаузер – Текст: электронный // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – №3. – С.111-125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finno-ugorskie-narody-v-sovremennom-mire/viewer> (дата обращения 27.11.2025).
- 7) Шабаев Ю. П. Демографическая «катастрофа» российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей / Ю. П. Шабаев – Текст: электронный // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19. – № 4. – С. 634–647. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-katastrofa-rossiyskih-finno-ugrov-sotsialnaya-i-politicheskaya-motivirovannost-dreyfa-identichnostey/viewer> (дата обращения 29.11.2025).
- 8) Шубин Л. Л. V съезд Ассоциации финно-угорских народов России / Л. Л. Шубин, З. В. Шубина, Е. П. Рябина. – Текст: электронный // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2013. – № 4. – С. 32-36. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23206598_58502938.pdf (дата обращения: 29.12.2025).

Балич Наталья Леонидовна

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

**Прогнозирование и планирование развития территорий как
формы реализации региональной политики на местах**

Прогнозирование и планирование развития территорий являются формами реализации эффективной региональной политики на местах, поскольку без понимания будущих перспектив сложно принимать взвешенные управленческие решения.

Главной целью социологического прогнозирования и планирования является разработка научно обоснованных планов социально-экономического, культурного демографического развития региона, которые направлены на управление социальными процессами и формирование стратегий, ориентированных на улучшение качества жизни местного населения. Процедуры прогнозирования и планирования взаимосвязаны, поскольку прогнозирование помогает с определенной вероятностью рассчитать будущее развитие региона, а планирование – его организовать, опираясь на государственные программы развития территорий, научные факты и полученную эмпирическую информацию. Стратегический план развития разрабатывается на основе анализа актуальных социальных проблем с учетом слабых сторон и конкурентных преимуществ региона.

Особую важность в сфере государственной региональной политики имеет задача по сокращению межрегиональной дифференциации, измеряемой в различных социально-экономических показателях: доходы населения, уровень безработицы, эффективность производства, количество рабочих мест, структура потребления домашних хозяйств, развитие инфраструктуры (количество предприятий и организаций разного профиля, образовательных, культурных, спортивных учреждений), уровень цифровизации, региональная миграция и др.

Социологическое прогнозирование и планирование представляют собой два взаимосвязанных этапа в рамках единого процесса социального управления региональным развитием. Процедура прогнозирования направлена на аккумуляцию информации о прогнозных вариантах развития региона, а планирование предполагает использование этих вариантов для определения наиболее эффективных стратегий, учитывающих территориальные особенности в объективных и субъективных факторах, разработку конкретных мер для их реализации. Объективными факторами регионального развития являются географический, природный, климатический, демографический, экономический, законодательный, субъективными (социальными) – оценки, предпочтения, пожелания, ценности населения и т.п.

Социологическое прогнозирование предполагает анализ динамики объективных и субъективных факторов в конкретных показателях и на основе их анализа разработку научно-практических рекомендаций для местных органов власти с последующим принятием эффективных управ-

ленческих решений. Сравнение субъективных и объективных показателей в каждом регионе позволит выявить сильные и слабые стороны, а также актуализировать предложения по решению конкретных существующих проблем с учетом специфики территорий.

Таким образом, социологическое прогнозирование и планирование развития территорий является инструментом формирования и реализации эффективной региональной политики на основе научно-практических рекомендаций для местных органов власти. Научное прогнозирование динамики социально-экономического и культурного развития регионов может служить основой для принятия обоснованных управленческих решений на местах с учетом общественного мнения.

Балынин Игорь Викторович

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*

**Развитие цифровых инструментов организации
государственного и муниципального управления социальными
изменения в современных условиях**

Цифровизация социально-экономических процессов является современной тенденцией как в России, так и за рубежом. В последние годы вопросы, связанные с использованием цифровых инструментов организации государственного и муниципального управления в контексте обеспечения социального развития государства, поднимались неоднократно в научной литературе.

По мнению автора, один из цифровых инструментов обеспечения роста качества организации государственного и муниципального управления социальными изменения – цифровой рубль, особенно при его сочетании со смарт-контрактами, что позволяет в автоматическом режиме проверять соответствие получателя социальных выплат предъявляемым критериям (например, в части нуждаемости, или любым другим). Более того, данный симбиоз цифровых инструментов автор считает целесообразным активно применять и при осуществлении государственных и муниципальных закупок, в том числе в социальной сфере.

Конечно, серьёзный вызов представляет развитие искусственного интеллекта, позволяющего генерировать не только текст, но также фото- и видеоматериал, что снижает возможности на 100% достоверного подтверждения личности дистанционно. Поэтому этот риск важно учитывать при модернизации подходов к оказанию мер социальной поддержки

россиян. Более того, автор считает важным крайне аккуратно подходит к использованию AI-ассистентов в официальных системах по вопросам оказания мер социальной поддержки граждан, максимально продумывая механизмы защиты от ошибочных консультаций.

Таким образом, заключим о том, что цифровизация социально-экономических процессов активно влияет и на модернизацию подходов к выстраиванию государственного и муниципального управления социальными изменениями. При этом важно отметить, что она формирует как новые вызовы, так и огромный перечень специфических особенностей, позволяющих организовать государственное управление социальными изменениями на высокоэффективном уровне, обеспечивая и рост адресности предоставления мер социальной поддержки граждан, и повышение эффективности расходов бюджетов бюджетной системы государства.

Барг Анастасия Олеговна

*ФБУН «ФНЦ медико-профилактических технологий управления
рисками здоровью населения», Пермь, Россия*

Удовлетворенность населения как показатель эффективности деятельности органов государственной власти

Эффективность деятельности органов государственной власти оценивается как на основе экономических, так и социальных показателей, отражающих «степень социальной удовлетворенности общества избранной моделью управления» [1], включая удовлетворенность отдельными сторонами жизни.

На международном уровне социальные показатели интегрированы в различные методики оценки эффективности управления (индекс лучшей жизни, индекс благополучия Австралийского союза, Гонконгский индекс качества жизни), в которые входят показатели удовлетворенности. Госкорпорация ВЭБ.РФ ежегодно рассчитывает Индекс качества жизни в 250 городах России.

Исследования показывают, что низкий уровень удовлетворенности теми или иными сторонами жизни негативно влияет на удовлетворенность деятельностью органов власти и уровень доверия лицам, принимающим решения [2]. Это определяет закрепление показателей удовлетворенности в нормативных документах в качестве индикаторов эффективности работы органов власти. Однако, они имеют ряд особенностей, ограничивающих использование: субъективная природа удовлетворенности;

целостность ситуации в восприятии населения; ориентация общественного мнения на ситуацию «здесь и сейчас», апелляция к повседневному опыту.

Обозначенные ограничения установлены на материалах исследования, проведенного методом глубинных интервью (n=30, Пермь–Новосибирск, 2025). Например, «...лето становится очень жарким. ...в некоторых странах ...плавится асфальт. ...плавятся шины, ...невозможно никуда не уехать» (ж., 22) – здесь глобальные, драматические примеры используются для оправдания личной тревоги. Целостность восприятия ситуации видна в ответе информанта на просьбу определить санитарно-эпидемиологическую ситуацию: «Это насколько комфортно человеку проживать в этой среде, насколько она благоприятна для проживания людей, насколько сохраняется баланс...» (ж., 64). «В атмосферу выбрасываются какие-то газы, образуются бреши, чёрные дыры, озоновые дыры...» (ж., 53) – восприятие ситуации через медиа-каналы, предоставляющие фрагментарные данные в драматизирующем ключе. Фиксируется дефицит информации – «Я не знаю объективных данных...» (ж., 54). «Я лично не замечаю никаких изменений...» (ж., 20) – оценка строится на личном опыте и ощущениях – «могу только почувствовать это на себе» (ж., 54).

Таким образом, показатели удовлетворенности населения чаще всего используются в рамках более широких исследований субъективного благополучия, качества жизни или общественного мнения. В ряде случаев показатель удовлетворенности все же используется как прямой, формальный показатель эффективности работы органов исполнительной власти, ответственных за надзор или реализацию природоохранных мер.

Источники и литература

- 1) Ершова, А. С. Измерение эффективности государственного управления: процедуры и показатели / А. С. Ершова // Вестник научной мысли. – 2022. – № 5. – С. 438–442.
- 2) Xiong, X. Government Governance Capacity, Public Environmental Awareness, and Satisfaction with Environmental Governance / X. Xiong, X. Yu, Y. Wang, X. [et al.] // SAGE Open. – 2024. – 14(4), 1–20.

*Белозерова Ксения Руслановна¹, Ванаева Эльнара
Ильфатовна¹*

*1 - Уральский институт управления - филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия*

Нормативно-правовые основы обеспечения доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации

На основе 7 статьи Конституции, в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Одной из категорий, на которое обращено внимание государства — это лица с ограниченными возможностями здоровья[1].

Согласно ст. 2 ФЗ от 24.11.1995 № 181 «О социальной защите инвалидов в РФ», государство формирует систему мер, обеспечивающих инвалидам равные с другими гражданами возможности участия в жизни общества [2].

Одним из направлений этих мер является государственная программа «Доступная среда». После ратификации Конвенции о правах инвалидов (27 апреля 2012 г.) она, в силу ст. 15 Конституции РФ[3], стала частью российского законодательства, а программа была инициирована Правительством РФ Постановлением от 1 декабря 2015 г. №1297[4]. Программа представляет комплекс мероприятий по формированию доступной инфраструктуры (общественные пространства, транспорт, информационные ресурсы и услуги социальной сферы), обеспечивающей равноправное участие лиц с ОВЗ и иных МГН в жизни общества.

Хронология программы включает два этапа:

- 1) 2011–2021 гг. – формирование базовой доступной среды;
- 2) 2022–2030 гг. – повышение качества мер, внедрение технологий и расширение охвата групп с особыми потребностями[5].

Большая работа продолжает вестись и по разработке программ образования для людей с ограниченными возможностями здоровья. Сейчас её результатами можно назвать введение ФГОС начального общего образования обучающихся с ОВЗ, адаптивных образовательных программ и разработка и включение в федеральный перечень учебников для детей с ОВЗ до 10 класса.

Повышение профессионального развития и занятости инвалидов предполагается за счёт роста доли трудоустроенных через службу занятости и увеличения числа занятых при поддержке общественных ор-

ганизаций инвалидов. Для этого запланированы: методические рекомендации для специалистов служб занятости (в т.ч. по оценке влияния нарушенных функций на выполнение труда), стандарт услуги сопровождения при трудоустройстве, примерное положение об организациях социальной занятости инвалидов трудоспособного возраста, рекомендации по выявлению признаков дискриминации.

Таким образом, правовые нормы и госпрограмма «Доступная среда» формируют основу для равных возможностей людей с инвалидностью и других МГН, но реальный эффект зависит от качества исполнения, финансирования и контроля результатов.

Источники и литература

- 1) Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Ст. 7. – Текст : электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/ (дата обращения: 30.12.2025)
- 2) О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 20.09.2025).
- 3) Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2020 годы: постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297. - Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189921/ (дата обращения: 20.09.2025).
- 4) Жаворонков Р. Н. Методическое пособие для обучения (инструктирования) сотрудников учреждений МСЭ и других организаций по вопросам обеспечения доступности для инвалидов услуг и объектов, на которых они предоставляются, оказания при этом необходимой помощи : в 2 ч. / Р. Н. Жаворонков, Н. В. Путило, О. Н. Владимирова [и др.]; Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Фонд содействия научным исследованиям проблем инвалидности. - М., 2015. - 555 с.

- 5) Паспорт государственной программы Российской Федерации «Доступная среда»: офиц. сайт Минтруда России. - Текст : электронный. - URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> (дата обращения: 20.09.2025).

Би Цзяньцзюнь¹, Чжай Цзымин У меня нет отчества²

1 - Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 2 -

*Санкт-Петербургский государственный университет,
социологический факультет, Санкт-Петербург, Россия*

От цифрового разрыва к разрыву управления: датафикация и социальная стратификация

Цифровизация государственных услуг, представляемая инструментом универсализации, на деле трансформирует формы социального неравенства. Традиционный цифровой разрыв, связанный с доступом к инфраструктуре, эволюционирует в разрыв управления — расслоение по способности эффективно взаимодействовать с алгоритмизированными системами власти. Цель статьи — концептуализировать этот переход, выявив механизмы превращения технических требований в социальные фильтры.

Согласно многоуровневой модели, цифровое неравенство проявляется не только в доступе, но и, что критически важно, в навыках использования технологий [1]. госуслуг определяющими становятся процедурные компетенции: умение расшифровывать инструкции, корректно заполнять формы и реагировать на автоматические запросы системы.

Датафикация добавляет к этому измерение данных. Гражданин взаимодействует с государством через датафицированный профиль, и доступ к услуге начинает зависеть от качества и машиночитаемости его цифровых следов. Таким образом, логика доступа смещается от наличия интернета к способности быть корректно распознанным системой. Разрыв управления возникает на стыке гражданина и алгоритмической процедуры через два взаимосвязанных процесса.

Процедура как барьер. Цифровая услуга представляет собой последовательность обязательных шагов, каждый из которых проверяет процедурную компетентность. Ошибка в формате файла или неверная интерпретация пункта формы приводит к остановке процесса. Техническая сложность конвертируется в социальное исключение, благоприятствуя тем, кто обладает ресурсами для преодоления этих барьеров.

Смещение ответственности и эрозия доверия. Автоматизация принятия решений замещает дискрецию чиновника автоматической проверкой данных. Отказ, исходящий от неперсонифицированной системы, становится абстрактным и труднопререкаемым. Исследования подтверждают, что опыт неудачного взаимодействия с цифровыми сервисами подрывает доверие к публичной администрации [2], усиливая отчуждение систематически исключаемых групп.

Датафикация государственного управления создает новый механизм социальной сортировки, где ключевым стратифицирующим признаком становится алгоритмическая управляемость. Это придает неравенству технократическое оправдание, маскируя его под требования соответствия стандартам.

Угрозой становится миссия публичного сектора служить всем гражданам. Если удобство цифровых сервисов становится привилегией подготовленного меньшинства, государство де-факто сегментирует пользователей.

Следовательно, оценка цифровой трансформации должна включать мониторинг распределения реальной доступности услуг. Необходима перепроектировка систем, ориентированная на человекоцентричное понимание доступности, а не только на алгоритмическую эффективность.

Источники и литература

- 1) van Dijk, Johannes A.G.M. / The deepening Divide: Inequality in the information society. London, Thousand Oaks, New Delhy : Sage, 2005. 224 p.
- 2) Androniceanu, A., Georgescu, I., & Sabie, O. M. (2022). The Impact of Digitalization on Public Administration, Economic Development, and Well-Being in the EU Countries. Central European Public Administration Review, 20(2), 9-31. <https://doi.org/10.17573/cepar.2022.2.01>

Большаков Сергей Николаевич

ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", Санкт-Петербург, Россия

Полицентричное управление искусственным интеллектом: глобальные стратегии и вызовы подотчётности

В сфере государственной политики управление искусственным интеллектом представляет собой структурированный механизм регулиро-

вания новых технологий. Современная разработка политик всё больше отходит от традиционных стратегий прямого контроля в сторону более гибких систем, основанных на саморегуляции, адаптивности, совместном участии и способности соответствовать скорости технологических изменений и инноваций. Особую ценность для анализа таких сложных систем представляет теория полицентричного управления, которая объясняет механизмы регулирования при участии множества автономных субъектов принятия решений в рамках единой структуры. Когда мы говорим об «управлении ИИ» как о специализированной государственной функции, речь идёт о сотрудничестве государственных институтов, технологических компаний частного сектора, организаций гражданского общества и граждан на различных территориальных и политических уровнях с целью формирования устойчивых систем регулирования. Рамки упреждающего (антиципаторного) управления призваны решить проблему регулирования новых технологий за счёт внедрения прогнозирования, инклюзивного участия и механизмов адаптивного обучения, необходимых в условиях высокой неопределённости. Результаты экспертной оценки, наглядно иллюстрирует эти различия через приоритетные области восьми ключевых стран и регионов. Оценка приоритетов показывает, что Китай и США присваивают наивысший приоритет (оценка 5) исследованиям и инновациям. В то же время Япония, Южная Корея и Индия больше внимания уделяют промышленному применению. Европейский союз и Великобритания выделяются фокусом на этике и управлении (оценка 5), что отражает европейский человеко-ориентированный подход к регулированию технологий. Уникальная позиция Сингапура заключается в максимальном приоритете развития человеческого капитала, что соответствует его стратегической роли регионального центра компетенций в сфере ИИ. На основе этого анализа можно выделить три доминирующие модели политического управления ИИ:

1. *Рыночно-ориентированная модель* (США) - делает акцент на бизнесе и инновациях при минимальном прямом вмешательстве государства.

2. *Государственно-управляемая модель* (КНР) - характеризуется жёстким централизованным планированием «сверху вниз» в рамках национальных стратегий.

3. *Нормативно-ориентированная модель* (Европейский союз) - ставит во главу угла этические принципы, стремясь через внутреннее регулирование задавать глобальные правовые стандарты.

Современная динамика глобального управления ИИ представляет собой сложную смесь конкуренции и сотрудничества. Конкуренция, став-

шая краеугольным камнем технологической политики определяет основную повестку. Однако параллельно возрастает значение направлений кооперации, особенно в решении общих проблем, таких как предвзятость данных и алгоритмов ИИ. Эти вызовы, будучи универсальными, создают уникальные возможности для формирования элементов подлинно глобального управления искусственным интеллектом.

Источники и литература

- 1) Ahn, M.J, Chen, Y.C. Digital transformation toward AI-augmented public administration: the perception of government employees and the willingness to use AI in government. *Government Information Quarterly*. 2022. № 39 (2). P.39:101664. doi: 10.1016/j.giq.2021.101664
- 2) Engstrom, D.F., Ho, DE, Sharkey, C.M., Cuéllar, M-F. Government by algorithm: artificial intelligence in federal administrative agencies. REPORT SUBMITTED TO THE ADMINISTRATIVE CONFERENCE OF THE UNITED STATES. 2020. №36. pp.1–123.
- 3) Fan Y. The role of artificial intelligence in the digital transformation of government: opportunities and ethical challenges// *Front. Public Health*. 2025. №13. P.1694996. doi: 10.3389/fpubh.2025.1694996
- 4) Mergel, I., Edelmann, N., Haug, N. Defining digital transformation: results from expert interviews// *Government Information Quarterly*. 2019. № 39 (2). P. 36:101385. doi: 10.1016/j.giq.2019.06.002
- 5) Roberts, H., Cows, J., Morley, J., Taddeo, M., Wang, V., Floridi, L. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation// *AI & Society*. 2021. Pp. 36:59–77. doi: 10.1007/s00146-020-00992-2

Бородин Егор Константинович¹, Точин Михаил Романович¹

1 - Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Недовольство в сети как предиктор социальных-политических трансформаций в России на муниципальном уровне

Цифровая трансформация государственного управления является неотъемлемой частью модернизации системы государственного управления России. Современные методы сбора и анализа данных, включая автоматическую обработку больших массивов информации, открывают

простор для формулирования новых исследовательских вопросов, одновременно становясь важным инструментом управления для органов власти.

В 2020 г. во всех регионах РФ были созданы Центры управления регионом, призванные оптимизировать реакцию органов государственной власти, в том числе на различные жалобы жителей в социальных сетях. В связи с активным участием государства в развитии цифровизации государственного управления возникает вопрос — являются ли такие жалобы жителей, особенно массовые и сконцентрированные на определенной территории, индикатором реальных социально-политических трансформаций?

Условной территориальной границей, разделяющей цифровое недовольство и разный социально-политический контекст, выступают муниципальные образования (МО) как территориально первичный уровень власти, на котором зачастую зарождаются локальные протестные настроения. Измерять степень силы цифрового недовольства как индикатора фактических трансформаций можно по итогам губернаторских выборов, которые предоставляют единовременный кросс-муниципальный срез оценки работы региональных властей с потенциально существенными кросс-муниципальными различиями в электоральном поведении.

В рамках данного исследования результаты голосования рассматриваются как зависимая переменная, предиктором которого потенциально может выступать цифровое недовольство

Объектом исследования является электоральное поведение жителей МО различных регионов, предметом — цифровое недовольство, измеряемое через негативные комментарии в социальных сетях. Контрольной переменной являются объективные социально-экономические характеристики МО и их динамика за электоральный цикл. Целью является выявление и объяснение устойчивых закономерностей между электоральными результатами и уровнем цифрового недовольства.

Цифровое недовольство измеряется через количество негативных комментариев в соцсети «ВКонтакте», опубликованных жителями МО, скорректированное на население данных муниципалитетов. Сбор комментариев осуществляется посредством системы мониторинга соцмедиа «Медиалогия» по семантическим запросам, отражающим наиболее чувствительные для населения РФ темы. Данные об электоральном поведении представлены долей голосов за каждого из кандидатов на губернаторских выборах и явкой в отдельных МО. Анализируются данные всех МО регионов РФ, в которых в 2025 г. проводились губернаторские выборы.

Посредством регрессионного анализа выявляются статистические значимые закономерности между недовольством в цифровой среде, что, в свою очередь, является свидетельством глубокой интеграции онлайн-среды в политическую жизнь и подчеркивает значимость цифровых платформ как инструмента государственного управления.

Бояркин Данил Дмитриевич

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Екатеринбург, Россия*

Социальная защита государственных служащих как элемент модели социального государства в России

Модель социального государства в Российской Федерации предполагает не только обеспечение социальной поддержки населения, но и формирование системы социальных гарантий для лиц, осуществляющих публично-властные функции. Государственные служащие занимают особое положение в социальной структуре общества, поскольку их профессиональная деятельность связана с повышенной ответственностью, установленными законом ограничениями, необходимостью соблюдения принципов публичной службы. В данных условиях социальная защита государственных служащих становится элементом реализации конституционного принципа социального государства.

Основу правового регулирования социальной защиты государственных служащих составляет Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В статье 52 данного закона закреплено, что государственные гарантии направлены на обеспечение социальной защищенности гражданских служащих, создание условий для эффективного исполнения ими должностных обязанностей. К числу гарантий относятся денежное содержание, обязательное государственное страхование, медицинское обеспечение, пенсионное обеспечение за выслугу лет, а также гарантии в случае увольнения, временной нетрудоспособности и наступления иных социально значимых обстоятельств [1].

Пенсионное обеспечение государственных служащих регулируется Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [2], а также Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пен-

сиях». Медицинское обеспечение осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3].

Статистические данные подтверждают значение рассматриваемой социальной группы. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2023 году численность государственных гражданских и муниципальных служащих в Российской Федерации составила около 2,2 млн человек. Из них более 600 тыс. приходилось на федеральных государственных гражданских служащих, около 500 тыс. — на служащих органов власти субъектов Российской Федерации и свыше 1 млн — на муниципальных служащих. То есть, государственная служба охватывает сегмент экономически активного населения.

По данным Министерства финансов Российской Федерации, совокупные расходы на денежное содержание, социальное обеспечение государственных служащих в 2022–2024 гг. превышали 1,6 трлн рублей в год. Указанные показатели свидетельствуют о том, что социальная защита государственных служащих является не только правовым, но и экономическим институтом, оказывающим влияние на эффективность государственного управления.

Социальная защита государственных служащих выполняет двойственную функцию. С одной стороны, она реализует принципы социальной справедливости, равенства, закрепленные в Конституции Российской Федерации. С другой стороны, она выступает инструментом кадровой политики государства, обеспечивая снижение текучести кадров. Уровень социальных гарантий непосредственно влияет на мотивацию служащих, их готовность к долгосрочному исполнению служебных обязанностей [5].

Таким образом, социальная защита государственных служащих в Российской Федерации представляет элемент модели современного социального государства, отражающий уровень институционального развития публичной власти. Ее эффективность определяется не только объемом предоставляемых гарантий, но и степенью их доступности, равномерности.

Источники и литература

- 1) Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
- 2) Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

- 3) Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс
- 4) Федеральный закон от 22.04.2024 № 87-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам гражданской службы» // СПС КонсультантПлюс
- 5) Дементьева Ю.К. Проблематика социальной защиты госслужащих в сфере труда // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2023

Буня-Борисова Наталья Юрьевна

Иркутский государственный университет, г Иркутск, Россия

Социальные эффекты цифровизации муниципальных архивов: доступ, доверие и новые практики взаимодействия граждан с государством

Цифровизация архивов — это не просто сканирование старых бумаг. Это часть большого перехода государства в цифровую эпоху, которая меняет саму суть архивов. Они перестают быть просто «хранилищем прошлого и настоящего», они становятся активным инструментом для диалога с обществом и реализации государственной политики. Этот процесс имеет две стороны: он открывает новые возможности, но и создаёт новые вопросы.

1. Доступ: удобство для одних и барьеры для других

С одной стороны, цифровизация делает архивы ближе к людям. Получить нужный документ или найти историческую справку теперь можно онлайн, не выходя из дома и не приезжая в другой город. Это огромный шаг вперёд для исследователей, студентов или людей, ищущих свои корни.

Но с другой стороны, возникает риск «цифрового разрыва». Чтобы получить доступ, нужны компьютер, интернет и навыки работы с порталами. Для пожилых людей, жителей отдалённых или депрессивных районов эти условия могут стать непреодолимым барьером. Таким образом, одно неравенство (территориальное, социальное) может превратиться в другое — цифровое.

2. Доверие: от бумажной печати к надёжности системы

Раньше доверие к документу строилось на физическом оригинале: гербовая печать, подпись, бумага. В цифровую эпоху доверие смещается

в плоскость доверия к системе в целом. Гражданин должен быть уверен в трёх вещах:

- а) Что электронная копия точна и не была изменена;
- б) Что цифровой документ (например, справка о подтверждении стажа работы) имеет полную юридическую силу;
- в) Что система защищена от сбоев и взломов.

Формирование такого «цифрового доверия» — главный фактор успеха любых государственных онлайн-услуг, включая архивные. Утратить его легко из-за одной технической ошибки, а восстановить — очень сложно.

3. Новые практики: архив как инструмент и площадка для диалога

Цифровизация меняет то, как мы взаимодействуем с архивами и государством через них:

- Как часть госуслуг (запросы на подтверждение стажа, права на имущество и другие тематические социально-правовые запросы теперь решаются быстрее через единые порталы, уменьшая бюрократию);
- Как инструмент исторической политики (активно используются цифровые архивы для сохранения памяти, патриотического воспитания и формирования гражданской идентичности).

Важно отметить, что процессы цифровизации в муниципальных архивах имеют свою специфику и развиваются неравномерно. В отличие от крупных государственных архивных проектов, муниципальные учреждения часто сосредоточены на оцифровке конкретных, наиболее востребованных категорий документов — таких как распорядительные акты местных властей и документы по личному составу, необходимые для выполнения социально-правовых запросов граждан. Их усилия направлены на создание эффективного электронного научно-справочного аппарата и постепенное формирование цифрового фонда пользования. Этот прагматичный подход, однако, сталкивается с типичными для муниципального уровня вызовами: ограниченностью финансирования, дефицитом IT-специалистов и необходимостью модернизации инфраструктуры.

Цифровизация муниципальных архивов — это глубокая социальная трансформация. Она напрямую влияет на то, как государство и граждане взаимодействуют друг с другом. Чтобы её эффекты были положительными, недостаточно только вложений в технологии. Необходимо сознательно работать над преодолением цифрового неравенства, создавать понятные и надёжные правовые правила для цифровых документов и развивать обратную связь с людьми. Только так можно усилить и эффективность государства, и доверие к нему со стороны общества.

Источники и литература

- 1) О планировании работы архивных учреждений Российской Федерации на 2026 г. и их отчётности за 2025 г.: письмо Росархива от 10 сентября 2025 г. № 5/3731-А [Электронный ресурс]. — URL: <http://archives.gov.ru/documents/> (дата обращения: 21.01.2026).
- 2) Санина А. Г. Цифровое доверие как основа датацентричного управления: результаты опросного эксперимента / А. Г. Санина, А. М. Семенова, Е. М. Стырин, А. Г. Атаева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2025. — № 1. — С. 159–178. — URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2582> (дата обращения: 22.01.2026).

Васильев Владимир Петрович

МГУ имен М.В.Ломоносова, Москва, Россия

**Институты стратегического макроуправления устойчивым
развитием**

Новые условия современной социально-экономической и геополитической реальности сформировали переход к формированию новой системы институтов стратегического государственного управления. Системообразующими являются институты стратегического планирования [1], основанием которых являются Прогноз социально-экономического развития РФ, Стратегия национальной безопасности, Климатическая доктрина РФ, Стратегические цели Российской Федерации на длительную перспективу.

Роль государственного управления и регулирования в России высока в целом для общества, что объективно обусловлено целым рядом факторов традиционного и современного развития. В России, в отличие от обществ традиционного индивидуализма, высоки ожидания населения от действий государства, Это основано на традиции коллективизма как национальной ценности, значительной занятости и, соответственно, доходах населения от работы в госструктурах и бюджетных организациях, существенной доля доходов населения, получаемых из государственного Социального фонда, управленческая вертикаль власти и выравнивание региональных социально-экономических диспропорций с помощью федеральных трансфертов [2] .

В связи с масштабным воспроизведением концепции устойчивого развития и ее интерпретации как поддержки равновесия дискутируется вопрос о приоритетной цели, движущей бизнес и социально-экономическое развитие – экономический рост, динамика ВВП или устойчивое развитие, ассоциируемое с приоритетом защиты окружающей среды и «нулевым экономическим ростом». При этом устойчивое развитие часто стало использоваться как образ равновесия в каждой из сфер общества.

Экономический рост логически непосредственно связан с целью функционирования бизнеса – получением прибыли, формирование которой основано на создании добавленной стоимости и ее интегральному показателю ВВП. Для бизнеса в формализованном виде устойчивое развитие означает функционирование по защите окружающей среды, снижению энергоемкости и гармонизации трудовых отношений. Цель экономического роста дает главный ориентир для бизнеса – повышение производительности труда методами экстенсивного и интенсивного развития. Отсюда прорисовывается понятная роль государства в реализации такого подхода, использование методов бюджетно-налогового и монетарного регулирования, финансирование и стимулирование инновационной деятельности. Экономический метод реализации концепции – развитие "зелёной" экономики, внедрение возобновляемых источников энергии, поддержка устойчивых бизнес-моделей. Более 30 лет назад наметился подход, согласно которому не экономический рост, а защита окружающей среды будут способствовать удовлетворению основных потребностей, повышению уровня жизни всего населения [3], однако именно экономический рост увеличивает общее благосостояние населения и возможности сохранения национального суверенитета.

Сформулированные цели национального развития до 2036 г. определяют основные факторы экономического роста [4] Однако некоторые проблемы сбалансированности остаются не решенными или требуют уточнения. Конечно, не все имеющиеся задачи государственного управления могут войти в перечень национальных целей, список и финансирование имеют пределы. Однако состав национальных целей и соответствующие национальные проекты должны основываться не только на нормативно-целевом подходе, определении долгосрочного желаемого результата, но и выявление реальных факторов достижения целей и их мониторинге.

Источники и литература

- 1) Федеральный закон "О стратегическом планировании в Российской Федерации" от 28.06.2014 N 172-ФЗ

- 2) Васильев В. П., Деханова Н. Г., Холоденко Ю. А. Социология государственного управления: принципы и механизмы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2025. — № 1. — С. 99–114.
- 3) Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года
- 4) Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”

Ваховский Александр Михайлович

Тульский государственный университет, Тула, Россия

**Цифровизация государственного управления на основе
искусственного интеллекта: анализ трансформации
социальных изменений**

В условиях современного информационного общества цифровизация государственного управления становится не просто техническим процессом, но и ключевым фактором, определяющим социальные изменения. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу государственного управления позволяет радикально трансформировать механизмы взаимодействия государства и граждан. Трансформация государственного управления под влиянием технологий ИИ может рассматриваться как один из векторов воздействия информационных технологий на политическое развитие в целом [1].

Использование технологий искусственного интеллекта во взаимодействии граждан и общества вызывает значительные социальные изменения. Основным вектором социальных трансформаций в данном контексте становится переход от реактивной модели управления к проактивной: технологии ИИ открывают возможности для анализа общественных настроений и повышения доступности государственных услуг, позволяют более эффективно прогнозировать изменение благосостояния населения и общественных запросов. С другой стороны алгоритмизация процесса управления и принятия решений присущая всем моделям искусственного интеллекта создает риски формирования информационных эхо-камер в коммуникации власти и общества, что может приводить к воспроизводству новых форм цифрового социального неравенства, а также размытию персональной ответственности субъекта принятия решений. Таким

образом, центральным ресурсом в новой коммуникационной системе власти и общества становится доверие, которое теперь должно распространяться не только на институты, но и на цифровые системы и данные. Значимость данного ресурса в рассматриваемом контексте подтверждается и результатами социологических опросов, показывающих настороженное отношение населения к использованию технологий ИИ именно в сфере государственного управления [2].

ИИ как и любая технология носит в целом нейтральный характер, особенности, и что более важно, последствия ее использования будут во многом зависеть от характеристик конкретной политической системы: либо прогрессивные социальные изменения либо регресс. Разрешение этой дилеммы предполагает разработку новой парадигмы управления технологическим развитием, которая найдет сложный баланс между технологической эффективностью и приоритетом фундаментальных прав человека.

Источники и литература

- 1) Ваховский А. М. Интернет-технологии как фактор политического развития современной России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / А. М. Ваховский. – Тула, 2007. – 27 с.
- 2) Доверие к ИИ. Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен по заказу АНО «Национальные приоритеты» 21-24 ноября 2024. / Сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 21.11.2025).

Вершинина Инна Альфредовна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Старение населения как один из вызовов для городов XXI века

По прогнозу ООН, к концу 2070-х годов численность населения мира в возрасте старше 65 лет достигнет 2,2 миллиарда человек и превысит число детей младше 18 лет [3]. В результате происходящих демографических изменений города в разных регионах мира стремительно меняются, в том числе и вследствие увеличения доли пожилого населения. С одной стороны, это способствует появлению новых проблем или обострению

прежних; с другой стороны, это создает возможности для переосмысления городской жизни и переустройства городского пространства. Старение населения оказывает серьезное влияние на ключевые сферы городской жизни – строительство, здравоохранение и рынок труда.

По мере старения населения растет нагрузка на систему здравоохранения, что необходимо учитывать при планировании городского развития. Цифровые технологии могут не только способствовать переводу некоторых услуг в дистанционный формат, но и обеспечить оперативное информирование о том, что кому-то срочно требуется помощь, что особенно важно для пожилых людей, проживающих в одиночестве. Так называемый «цифровой уход» может стать одним из вариантов решения проблемы сокращения населения трудоспособного возраста.

Исследования свидетельствуют о том, что переезд из привычного района часто оказывается стрессом для пожилого человека, поэтому некоторые города начинают создавать условия для того, чтобы обеспечить так называемое «старения на месте» [2], что требует комплекса всей необходимой инфраструктуры в шаговой доступности. Результатами подобного улучшения обеспечения объектами социального значения могут воспользоваться представители всех поколений, что еще раз подчеркивает, что старение городов следует рассматривать не только как новые проблемы, но и как новые возможности.

При проектировании пространства также необходимо учитывать потребности пожилых людей, которые нуждаются в инклюзивной городской среде. Подобный подход к городскому планированию, позволяет сделать среду более удобной и для других социальных групп, например, для семей с маленькими детьми. Для датского архитектора Яна Гейла именно присутствие на улицах города пожилых людей и детей – главный признак высокого качества городской среды, позволяющий оценить удачность градостроительных решений [1]. Возможности для коммуникации, например, в общественных пространствах, укрепляют местные сообщества и создают условия для включения пожилых людей в социальную жизнь, повышая эффективность моделей ухода, основанных на участии.

Необходимо понимать, что старение населения – это не только проблемы, но и возможности для преобразования городов, которые можно и нужно использовать. Тем более, что новые решения важны не только для пожилых людей, но и для тех, кто сейчас молод.

Источники и литература

- 1) Вильданова Э., Минвалеев А. Ян Гейл: «Если на улицах города много детей и пожилых, значит в городе хорошее качество жизни» // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес Online». 28.08.2014. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/112617> (дата обращения 11.01.2026).
- 2) Pani-Harreman K.E., Bours G.J.J.W., Bleijlevens M.H.M.C. et al. Towards Consensus According to Experts on the Theorised Contribution of Vital Communities to Successful Ageing in Place: a Modified Delphi Study // Ageing International. 2025. Volume 50, article number 16. DOI:10.1007/s12126-025-09589-w.
- 3) World Population Prospects 2024: Summary of Results. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). URL: <https://population.un.org/wpp/publications> (accessed: 27.01.2026).

Воропанов Матвей Григорьевич

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Российская Федерация*

**Государственно-частное партнерство в сфере
здравоохранения: современные вызовы и региональный
аспект (на примере Свердловской области)**

Актуальность исследования механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) в здравоохранении определяется необходимостью модернизации отрасли в условиях бюджетных ограничений и растущей социальной нагрузки. Для Свердловской области, где ожидаемая продолжительность жизни составляет 71,84 года, а дефицит врачей достигает 500 человек, привлечение частных инвестиций через ГЧП представляет собой значимый инструмент развития инфраструктуры.

Теоретической основой выступает трактовка ГЧП как долгосрочного сотрудничества государства и бизнеса с распределением рисков и ресурсов. В России проекты реализуются преимущественно через соглашение о ГЧП (ФЗ № 224) или концессионное соглашение (ФЗ № 115), различающиеся режимом собственности на объект и гибкостью условий. Однако их эффективность ограничивается сложностями интеграции с системой ОМС, бюрократическими барьерами и фрагментарностью нормативной базы.

Мировой и отечественный опыт (на примере онкоцентров, диализных служб) позволяет выделить ключевые факторы успеха: четкое распределение рисков, стратегическое планирование, финансовая устойчивость и адаптация моделей к локальным условиям. Общий объем инвестиций в российские проекты ГЧП в здравоохранении составляет 183,6 млрд руб.

Региональный анализ показывает противоречивую ситуацию в Свердловской области. С одной стороны, создана система институтов развития (Мининвест, Минздрав, Агентство по инвестициям, Корпорация развития), а успешный пилотный проект – диализный центр в Березовском – доказал жизнеспособность модели. Утвержден перечень из семи новых медицинских объектов для реализации через ГЧП. С другой стороны, регион занимает лишь 14-е место в общероссийском рейтинге развития ГЧП, а объем реализованных инвестиций (50,8 млн руб.) существенно отстает от запланированного (148,9 млн руб.).

К основным проблемам, сдерживающим развитие, относятся:

- 1) Правовая неопределенность, особенно в части тарификации услуг объектов ГЧП в системе ОМС.
- 2) Недостаток компетенций у региональных операторов и высокие административные барьеры.
- 3) Низкая инвестиционная привлекательность проектов из-за длительных сроков окупаемости и бюджетных ограничений.

Для повышения эффективности ГЧП в здравоохранении региона целесообразно:

- 1) Разработать пакет региональных налоговых льгот для частных инвесторов в социальные проекты.
- 2) Внедрить механизм гарантированного частичного возмещения затрат при достижении целевых социальных показателей.
- 3) Запустить программу акселерации проектов, включающую методическую поддержку и упрощение процедур.

Таким образом, развитие ГЧП в сфере здравоохранения Свердловской области требует комплексного устранения институциональных и финансовых барьеров. Предложенные меры могут способствовать повышению инвестиционной привлекательности и достижению баланса между государственными интересами и коммерческой логикой частного партнера.

Источники и литература

- 1) О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2) Об утверждении Перечня объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений в 2025 году, концедентом по которым выступает Свердловская область: Распоряжение Правительства Свердловской области от 28 ноября 2024 г. № 753-РП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3) Регионы России – социально-экономические показатели: Статистический сб. Росстат, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf
- 4) Акулин И.М., Ионкина И.В. Проблемы и перспективы государственно-частного партнерства в здравоохранении Российской Федерации (обзор литературы) // Общественное здоровье и здравоохранение. 2023. №2 (77). С. 32-38.
- 5) Развитие инфраструктуры здравоохранения на принципах ГЧП: Аналитический обзор Национального Центра ГЧП, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfra.ru/library/991-razvitie-infrastruktury-zdravookhraneniia-na-printsipakh-g-ch-p-analiticheskii-obzor>

Горбатов Артем Геннадьевич

КРАГСиУ, Сыктывкар, Россия

**Методы, модели и механизмы государственного управления
авиационной отраслью Российской Федерации.**

Авиационная отрасль Российской Федерации выполняет функцию социального института, обеспечивающего пространственную мобильность населения и связность регионов. В условиях, когда авиационный транспорт играет ключевую роль в межрегиональных перевозках, особенно для труднодоступных территорий, управленческие решения в данной сфере напрямую затрагивают вопросы социальной доступности и территориального неравенства. В этой связи целью исследования является анализ социальных механизмов и акторов системы государственного

управления авиационной отраслью и обоснование направлений её совершенствования с учётом социологических прогнозов.

Эмпирическую основу исследования составили анализ стратегических и программных документов в сфере развития авиационной отрасли Российской Федерации, контент-анализ публичных коммуникаций профильных органов власти, а также анализ управленческих кейсов внедрения цифровизации и проектного подхода.

Во-первых, анализ стратегических и программных документов, регулирующих развитие авиационной отрасли Российской Федерации, выявил устойчивое расхождение между декларируемыми целями межведомственной координации и фактической фрагментацией управленческих решений. В частности, задачи технологического развития и поддержки авиационной промышленности реализуются в логике автономных ведомственных программ, что затрудняет согласование отраслевых приоритетов и воспроизводит ведомственную сегментацию управления [1,2].

Во-вторых, контент-анализ публичных выступлений и официальных коммуникаций представителей Минтранса России и Росавиации показал доминирование технико-экономического управленческого дискурса, ориентированного на показатели пассажиропотока, обновления авиационного парка и инфраструктурного развития [3]. При этом социальные последствия принимаемых решений и позиция профессиональных сообществ систематически остаются вне публичной артикуляции, что ограничивает общественную легитимацию отраслевой политики.

В-третьих, анализ управленческих кейсов, связанных с внедрением цифровых инструментов и проектного подхода в авиационной сфере, зафиксировал трансформацию управленческих взаимодействий, выражающуюся в усилении роли экспертных групп и проектных команд, а также в расширении неформальных механизмов координации [2,3]. Установлено, что данные изменения повышают управленческую гибкость, но одновременно снижают прозрачность процессов принятия решений и формируют асимметрии доступа к управлению.

Совокупность полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что ключевая проблема государственного управления авиационной отраслью заключается не в дефиците регуляторных инструментов, а в несоответствии между институциональной архитектурой управления и реально складывающимися социальными практиками взаимодействия управленческих акторов.

Источники и литература

- 1) Стратегия развития транспортной системы Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2) Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы» : утв. постановлением Правительства Рос. Федерации. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»
- 3) Доклад о состоянии и перспективах развития гражданской авиации в Российской Федерации / Федер. агентство воздушного транспорта (Росавиация). — М. : Росавиация, офиц. аналитические материалы.

Деханова Наталья Геннадьевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальные последствия цифровизации в государственном управлении

Проблема цифровизации в государственном управлении приобретает в последние годы экзистенциальное значение. Мы находимся в той точке развития, где технологическая модернизация перестала быть исключительно инструментом повышения эффективности бюрократических процедур и трансформировалась в фундаментальный фактор социальной стратификации. Таким образом актуализировалась задача не просто зафиксировать текущие тренды внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе в государственное управление, но и вскрыть глубинные, латентные социальные последствия этих процессов.

В данной связи представляется важным расстановка приоритетов в таком базовом нормативном документе, как Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В этом документе «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» закреплена в качестве одной из семи национальных целей, наряду с сохранением населения и укреплением технологического лидерства [1]. Однако реализация столь значимых технократических целей в условиях гетерогенного социального пространства России без опережающих мер социальной адаптации рискует превратить «цифру» в механизм консервации неравенства.

Обозначим лишь некоторые вызовы, с которыми мы сталкиваемся на пути цифровой трансформации в государственном управлении. Так, например, внедрение концепции «государства-платформы» порождает проблему формирования «цифровой бюрократии» нового типа, где процесс цифровизации часто протекает в отрыве от реальных потребностей граждан («цифровизация ради цифровизации»)[2]. Переход к управлению на основе данных порождает специфические риски, которые классифицируются на инфраструктурные и алгоритмические. Инфраструктурные риски связаны с физической уязвимостью систем: утечками персональных данных, техническими сбоями и возможностью несанкционированного доступа. В условиях геополитической напряженности эти риски становятся факторами национальной безопасности. Алгоритмические риски представляют собой более сложную социологическую проблему. Речь идет об «эффекте черного ящика», когда логика принятия управленческих решений, зашитая в нейросети и автоматизированные системы, становится непрозрачной не только для граждан, но и для самих операторов системы (госслужащих)[3].

Крайне актуальным для современной России представляется региональный цифровой разрыв, а также разрыв между крупными городами и сельскими поселениями. Цифровое неравенство конвертируется в гражданско-правовое: житель депрессивного региона де-факто обладает меньшим объемом возможностей для реализации прав через цифровые каналы. Если рассматривать цифровой разрыв в плоскости «город-село», то проблема здесь не только и не столько в физической доступности интернета, а в разрыве в компетенциях и экономическом участии. Сельские жители используют сеть для потребления контента и общения в мессенджерах, тогда как горожане — как инструмент капитализации (образование, удаленная работа, электронная коммерция). Без физической логистики цифра не улучшает качество жизни на селе, а лишь подчеркивает депривацию[4]. Критическим барьером для «экономики данных» становится и человеческий капитал.

Мы находимся перед выбором между двумя сценариями: инерционным (технократическим), ведущим к формированию обширного слоя депривированных граждан в условиях цифровой среды и инклюзивным (социоцентричным). Очевидно, что инклюзивный подход требует значительных финансовых ресурсов. Однако только гуманизация цифрового перехода позволит технологиям служить инструментом социальной солидарности, а не фактором отчуждения.

Источники и литература

- 1) Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" - Система ГАРАНТ <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1717715/>
- 2) Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы. Цифровая социология/Digital Sociology. 2020. № 3(2) С.4-16. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- 3) Зотов В. В., Губанов А. В. Платформенное государство: между организационной эффективностью и маргинализацией человека // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 4. С. 71-88.
- 4) Деханова Н.Г. Риски цифрового развития: социологический анализ // Социология. 2024. №11. С.13-21.

Дианов Роман Константинович

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

**Карьера молодежи и новые формы занятости: вызовы для
государственного управления и социально-экономической
политики**

Трансформации на рынке труда, происходящие на фоне постиндустриальных и цифровых преобразований, сопряжены с распространением нестандартной занятости и отходом от традиционной фордистской модели труда, что ставит под сомнение устойчивость линейных карьерных траекторий [1]. В силу отсутствия необходимого профессионального опыта и карьерного капитала особую чувствительность к этим процессам демонстрирует молодежь [2], находящаяся на начально-срединном этапе своего профессионального становления.

Современные концепции в сфере исследований карьеры (career studies) отражают смещение от линейных моделей карьеры к более гибким и индивидуализированным форматам. Модели «безграничной» и «протейной» карьеры подчеркивают важность мобильности, самонаправленности работников и субъективных критериев успеха [5; 7]. Однако избыточный акцент на агентности работника, свойственный обозначенным моделям, делает актуальным интегральный подход, который представлен, например, концепцией карьерного габитуса, основанной на

идеях П. Бурдьё [6]. Карьерный габитус, находясь во взаимодействии с полем и капиталом, отражает то, как молодые люди адаптируются к новым формам занятости в зависимости от своего социального происхождения, уровня доступных ресурсов и возможностей, которые предоставляют им социум и его институты.

Эмпирические исследования показывают, что среди российской молодежи сохраняется ориентация на стабильную занятость, но постепенно формируется гибридный тип карьерных установок, включающий стремление к мобильности, дистанционной работе и самореализации [см., напр.: 1; 4]. Активное включение молодежи в нестандартные трудовые отношения несет в себе ряд социально-экономических рисков. Рост гиг-экономики – социально-экономической системы, основанной на временных и краткосрочных отношениях работника и работодателя, – усиливает уязвимость молодых трудящихся и создает предпосылки для формирования прекариата – социальной группы, отличающейся нестабильной занятостью, нерегулярным доходом и ограниченным доступом к трудовым гарантиям [3]. Развитие атипичной занятости также способно усугублять социальное неравенство и приводить тем самым к поляризации среди работающей молодежи. В совокупности эти факторы угрожают общественной интеграции молодого поколения и формированию устойчивых социально-профессиональных связей.

Таким образом, трансформация института занятости предстает острой социально-экономической проблемой. Совершенствование государственного управления и социальной политики, на наш взгляд, требует: разработки адаптивной нормативно-правовой базы, регулирующей альтернативную занятость и обеспечивающей доступ к социальным гарантиям независимо от формата трудоустройства; создания системы профориентации и карьерного сопровождения, помогающей молодежи ориентироваться на нелинейном рынке труда и накапливать карьерный капитал; включения в социальный диалог работников с альтернативными формами занятости и организаций, использующих их труд.

Источники и литература

- 1) Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И. Фриланс как новая гибкая форма самозанятости на российском рынке труда. Экономика труда. 2020. Т. 7. № 4. С. 307–320. <https://doi.org/10.18334/et.7.4.100869>
- 2) Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201–223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>

- 3) Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
- 4) Расширенная подборка данных ВЦИОМ. К тематическому выпуску «Труд и занятость» (№1) // СоциоДиггер. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/trud-i-zanjatost> (дата обращения: 04.12.2025).
- 5) Arthur M.B., Rousseau D.M. Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle // The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era / Ed. by M. B. Arthur, D. M. Rousseau. New York: Oxford University Press, 2001. P. 3–20.
- 6) Chudzikowski K., Mayrhofer W. In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice // Human Relations. 2011. Vol. 64. No. 1. P. 19–36. <https://doi.org/10.1177/0018726710384291>
- 7) Hall D.T. The protean career: a quarter-century journey // Journal of Vocational Behavior. 2004. Vol. 65. No. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2003.10.006>
- 8) Lakshminarayanan S., Best S. Career Forms: Organizational, Gig, and In-Between // The Business and Management Review. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 215–221. <https://doi.org/10.24052/BMR/V11NU01/ART-23>

Дубровский Александр Сергеевич¹, Кузнецова Елена Владимировна¹

1 - Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Опыт реализации государственной политики в сфере жилищного строительства на территории Свердловской области

Жилищное строительство является одной из важнейших отраслей экономики. Обеспечение населения доступным и комфортным жильем – приоритетная задача государственной политики для экономического роста. Свердловская область, как один из крупнейших регионов Российской Федерации, имеет богатый опыт реализации государственной жилищной политики, который представляет интерес для анализа и обобщения.

Эффективная жилищная политика играет решающую роль в удовлетворении потребностей граждан в жилье и способствует устойчивому развитию региона. Она включает в себя комплекс мер, направленных на увеличение объемов жилищного строительства, снижение стоимости жилья, поддержку отдельных категорий граждан, развитие ипотечного кредитования и повышение качества жилищного фонда.

В Свердловской области реализуется комплекс мер государственной поддержки, направленных на стимулирование жилищного строительства и повышение доступности жилья для населения. К основным направлениям относятся: развитие ипотечного кредитования - предоставление субсидий на уплату первоначального взноса по ипотечным кредитам, снижение процентных ставок, поддержка молодых семей; строительство социального жилья - возведение жилых домов для нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставление арендного жилья по льготным ценам; развитие инфраструктуры - строительство дорог, школ, детских садов, поликлиник в новых районах; поддержка застройщиков - предоставление земельных участков в аренду без торгов, льготное налогообложение, субсидирование строительства; реализация государственных программ - участие в федеральных и региональных программах по обеспечению жильем отдельных категорий граждан.

Реализация гос. политики в сфере жилищного строительства в Свердловской области осуществляется через следующие механизмы: региональные программы - разработка и реализация гос. программ; законодательное регулирование - принятие нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере жилищного строительства, земельные отношения и ипотечное кредитование; финансовое обеспечение - выделение средств из областного бюджета; взаимодействие с застройщиками - заключение соглашений с застройщиками о строительстве жилья по доступным ценам, предоставление льгот и субсидий; контроль за качеством строительства - осуществление контроля за соблюдением строительных норм и правил; информационное обеспечение - предоставление населению информации о мерах государственной поддержки в сфере жилищного строительства.

Анализ результатов реализации государственной политики в сфере жилищного строительства в Свердловской области позволяет выделить достижения: увеличение объемов жилищного строительства за последние годы, повышение доступности ипотечного кредитования, сокращение количества граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, ввод в эксплуатацию новых социальных объектов и инженерной инфраструктуры в жилых районах.

Источники и литература

- 1) Жилищный кодекс Российской Федерации
- 2) Программа "Стимулирование развития жилищного строительства в Свердловской области".
- 3) Статистические данные о жилищном строительстве в Свердловской области

Дудин Геннадий Алексеевич

Самарский государственный аграрный университет, Самара, Россия

Социальное государство в аспекте модернизации современной России

Одной из актуальных научных задач является - «выяснить и обосновать сильные и слабые стороны российского общества для обеспечения курса модернизации» [1, с. 39]. Объективно «основным звеном» при решении задачи модернизации России является социальное государство. «Социальность государства» подразумевает направленность государства «на решение актуальных социальных задач и обеспечение коренных социальных потребностей населения» [2, с. 95]. Аспект социальности российского государства в существенной мере отражён в Конституции Российской Федерации, в частности, в статье 7 и статьях 17-64 [3]. Для россиян очень важным является «решение социальных проблем разных поколений в духе идей о социальной справедливости» [4, с. 134]. На практике «ядром принципов социального государства стало формирование механизма социального страхования» [5, с. 39].

При этом мы вновь констатируем, что в отношении социального государства «остаются дискуссионными многие конкретные моменты» [6, с. 66]. Дискуссионность отражает сложность общественной системы и социальной структуры в современной России. Об этом свидетельствуют противоречивые «представления молодежи об авторитарном или демократическом государственном устройстве» [7, с. 266]. Вместе с этим, категория «среднего класса» выступает «связующей нитью между двумя мировоззрениями» [8, с. 91], то есть, - в духе социалистического равенства или капиталистического неравенства.

«Определенные варианты социального поведения связаны со степенью социального благополучия людей» [9, р. 10]. И для российского общества социальное государство - исторический императив [10]. Но воз-

можно ли «всеобщее благосостояние» при капиталистической основе современного российского государства?!

Идея «всеобщности» благосостояния для своей реализации предполагает необходимые условия. Дело не только в необходимом высоком уровне развития экономической базы общества и государства, но и в том, чтобы социально-политическая система была «настроена» на фактическое выполнение таковой цели. В этой связи коренным вопросом является выстраивание и совершенствование социального партнёрства трёх глобальных сил внутри общества - «в системе межсекторального партнерства государства, бизнеса и гражданского общества» [11, с. 321], соответственно, речь и о месте государства в этой системе [12]. Именно государство должно играть лидирующую роль, но при активной роли также других социальных партнёров, «уберегающих» государство от «уклонений» от принципов социальности и социальной справедливости.

Идея социального государства находит достаточно положительный отклик в массе населения разных поколений [13]. Но нельзя забывать, что, по социологически данным, «восприятие респондентами своей ситуации <...> часто сопровождается ощущением несправедливости существующего порядка» [14, с. 61]. Поэтому важно не разочаровать массы в идее социального государства.

Источники и литература

- 1) Мокшин В.К. Модернизация современной России в фокусе политической социологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 37-44.
- 2) Лебедева Л.Г. О взаимодействии государства и гражданского общества // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 3 (51). С. 93-107.
- 3) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата доступа: 11.01.2026). Режим доступа: свободный.
- 4) Лебедева Л.Г., Орлова Л.В. Социальное государство в социологическом зеркале преемственной связи российских поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 4. С. 133-139.

- 5) Васильев В.П. Трансформация институтов социального государства // Институциональная трансформация экономики: человек и социум (ИТЭ-ЧС 2021). Материалы VII Международной научной конференции. Томск, 2021. С. 38-40.
- 6) Дудин Г.А. Социальное государство и солидарность поколений // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». 2025. № 2 (38). С. 64–70.
- 7) Селиверстова Н.А., Zubok Ю.А. Представления молодежи о «лучшем» устройстве российского государства: особенности распространения и предикторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 243–269.
- 8) Крыштановская О.В., Лавров И.А. Социальная структура глазами россиян: проблемы легитимности // Социологические исследования. 2025. № 8. С. 80-93.
- 9) Lebedeva L.G., Zvonovsky V.B. The main problems of today's generations as consequence of urban modernization // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020. Vol. 79. European Publisher. Pp. 9-14. DOI: 10.15405/epsbs(2357-1330).2020.3.1 EDN: HBWHJB
- 10) Лебедева Л.Г. Социальное государство как императив гармоничной преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 2. С. 147-157.
- 11) Ильичева Л.Е., Паршина Е.В., Лапин А.В., Ильичева М.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 315–332.
- 12) Малышев М.А. Государство в системе социального партнерства Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 16–28.
- 13) Лебедева Л.Г. Отношение разных поколений россиян к государству (социологический аспект) // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 1. С. 42-50.
- 14) Дудин И.В. Основные факторы острого восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 45–66.

Дьяков Дмитрий Васильевич

*Уральский институт управления филиал РАНХиГС при Президенте
РФ, Екатеринбург, Российская Федерация*

**Взаимодействие органов государственной власти и
общественных организаций в области патриотического
воспитания молодежи (на примере Свердловской области)**

Взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций в области патриотического воспитания молодежи в Свердловской области показывает, что регион активно реализует комплексные программы и инициативы, направленные на формирование гражданской идентичности, патриотических ценностей и социально активной позиции молодежи.

Основная стратегия заключается в создании условий для развития человеческого потенциала региона через многоплановое сотрудничество между государственными структурами, общественными объединениями, образовательными учреждениями и муниципальными образованиями.

В 2025 году в муниципальных образованиях Свердловской области существует 118 организаций, работающих в сфере патриотического воспитания и допризывной подготовки детей и молодежи. Количество занимающихся в этих организациях – более 13972 человек.

На сегодняшний день в Свердловской области действует 137 военно-патриотических, военно-спортивных и историко-патриотических клубов (для сравнения, в 2006 году их количество было 56), 62 поисковых отрядов и архивные группы.

В составе Регионального отделения ДОСААФ России по Свердловской области более 60 образовательных организаций, спортивно-технических, спортивных и авиационных организаций, а также 49 казачьих обществ, 12 региональных и местных общественных казачьих объединений, 18 образовательных организаций высшего профессионального образования, 104 - среднего профессионального образования, 1095 - общего образования и т.д.

На территории области реализуются разнообразные проекты, такие как «Молодежная перспектива региона», «Гордость за Родину», «Ты – предприниматель», а также масштабные мероприятия, включая военно-патриотические и волонтерские акции, фестивали, форумы и конкурсы, способствующие укреплению патриотизма и гражданской ответственности у молодежи. Важной составляющей является развитие инфраструктуры — строительство молодежных центров.

В рамках исследования, автором было проведено экспертное интервью. В ходе него были получены мнения и оценки специалистов, обладающих значительным опытом в сфере патриотического воспитания молодежи. Эксперты отметили значительные достижения в реализации совместных программ, однако подчеркнули необходимость преодоления существующих барьеров и расширения использования современных методов и технологий для повышения эффективности работы.

В целом, эксперты выразили положительную оценку текущему состоянию системы и обозначили перспективные направления развития, включая усиление информационной поддержки, внедрение инновационных подходов и активное участие бизнеса.

Источники и литература

- 1) Национальный проект «Образование». Доступ из официального портала «национальныепроекты.рф» [Электронный ресурс] URL: <https://национальныепроекты.рф>
- 2) Положение о Министерстве образования и молодежной политики Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 21.02.2019 № 91-ПП. Доступ из официального портала Министерства образования и молодежной политики Свердловской области.
- 3) Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. Госкомстат России, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/>
- 4) Интернет-портал Министерства образования и молодежной политики Свердловской области [Электронный ресурс] URL: <https://minobraz.egov66.ru/>

Епархина Ольга Валерьевна

РИЭПП, Москва, Российская Федерация

Научные школы как объект социологического анализа в контексте вызовов государственного управления в РФ

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» Россия исторически является одной из мировых научных держав: отечественные научная и инженерная школы эффективно решали задачи социально-экономического развития и обеспечения

безопасности страны, внесли существенный вклад в накопление человечеством научных знаний и создание передовых технологий. В рамках СНТР необходимо сформировать эффективную систему взаимодействия науки, технологий и производства; создать инфраструктуру и условия для проведения научных исследований и разработок, внедрения наукоемких технологий, отвечающие современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, на основе лучших российских и мировых практик; создать возможности для выявления и воспитания талантливой молодежи, обеспечив сохранение и развитие интеллектуального потенциала науки; сформировать эффективную систему управления в области науки, технологий и производства; сохранить идентичность российской науки. Эффективным инструментом для достижения этих задач может стать использование потенциала отечественных научных школ, существующих в университетах и научных организациях страны. Однако, использование их потенциала невозможно без всестороннего социологического анализа данной институциональной формы существования и развития научного знания и исследовательских коллективов. Научная школа это объединение исследователей, выполняющее функции создания и распространения новых знаний и обладающее способностью к самовоспроизводству. Для нее характерна общность объекта исследования, единая парадигма научной деятельности; способность к созданию знания; собственные технологии создания, передачи и применения знания; саморазвитие, базирующееся на обмене результатами и идеями как внутри одного поколения, так и между ними; признание со стороны других школ. Однако, термин «научная школа» сегодня нуждается в социологическом определении: ею считают и направление в науке, возникшее благодаря определенной научной традиции, и систему передачи знаний на базе образовательных учреждений, доказавшую способность к обучению будущих исследователей, и существующий в течение длительного времени исследовательский коллектив, совместно разрабатывающий единую исследовательскую программу, и исследовательскую организацию, доказавшую способность к обеспечению условий для генерации ученых, внесших значительный вклад в развитие науки. Социологический анализ позволяет не только четко определить объект исследования, но и выявить критерии типологизации научных школ, а, следовательно, найти релевантные инструменты управления ими, показать их функциональные особенности как научного института и структурные особенности как коллектива, что также дает дополнительные инструменты для управления и стимулирования их развития в контексте вызовов и целей СНТР РФ.

Источники и литература

- 1) Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»
- 2) Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Препринт #WP/2011/288– М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – 73 с.

Журавская Полина Александровна

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия*

Оценка антинаркотической политики в России: социальные эффекты и управленческие вызовы

Аннотация: В статье проводится социологический анализ современной государственной политики в сфере противодействия наркомании в России. На основе критического рассмотрения официальной статистики, правовых мер и их практической реализации выявляются противоречия между декларируемыми целями и реальными социальными последствиями. Автор указывает на такие проблемы, как стигматизация зависимых, коррупция в правоохранительных органах, отсутствие эффективной системы реабилитации и ресоциализации, что в совокупности снижает благосостояние населения и препятствует сокращению масштабов проблемы.

Ключевые слова: государственное управление, антинаркотическая политика, социальные последствия, стигматизация, ресоциализация, правоприменение.

Основной текст:

Проблема наркомании является комплексным вызовом для государственного управления, затрагивающим вопросы общественной безопасности, здравоохранения и социального благополучия. В России предусмотрено большое количество статей УК РФ, Указов Президента, Постановлений правительства, связанных с преступлениями в сфере наркоторговли. Однако практика и реальные цифры статистики показывают, что целостная и эффективная политика решения проблемы отсутствует.

Одной из ключевых проблем является несоответствие официальных данных реальной ситуации. Данные Министерства Здравоохранения отражают только учтенных наркозависимых, вставших на учет, и не охватывают тех, кто лечится в частных центрах или вообще не обращается за помощью. По данным проекта «Трезвая Россия», количество людей с пристрастием к ПАВ в 2023 году приближалось к 6 миллионам, что на порядок превышает официальные цифры Минздрава (около 400 тыс. человек). Это затрудняет адекватную оценку масштабов проблемы и планирование ресурсов.

Серьезным управленческим вызовом является стигматизация наркозависимых в обществе. Стигма приводит к тому, что зависимые скрывают свою проблему, не обращаются за помощью, что усложняет и замедляет лечение. Даже после реабилитации человек сталкивается с социальным клеймом, что закрывает перед ним возможности для трудоустройства и полноценной ресоциализации. Таким образом, карательная парадигма управления усиливает социальную эксклюзию, а не решает проблему.

Еще одним фактором, снижающим эффективность политики, является коррупция в правоохранительных органах. Многие сотрудники полиции являются коррумпированными и становятся «крышей» для наркодилеров, а также распространена продажа наркотиков в тюрьмах. Правоохранительные органы зачастую ориентированы на выполнение планов по задержанию потребителей, а не на борьбу с организаторами наркотрафика. Это свидетельствует о системных сбоях в реализации управленческих решений.

Проведенный анализ показывает, что действующая в России антинаркотическая политика, основанная преимущественно на запретительных и карательных мерах, демонстрирует низкую эффективность и порождает ряд негативных социальных эффектов: рост латентной наркопреступности, усиление стигмы, коррупцию, блокировку ресоциализации бывших зависимых. Для повышения благосостояния населения и достижения реальных результатов необходима переориентация управления с силового преследования на комплексную стратегию, включающую профилактику, снижение вреда, доступную реабилитацию, борьбу со стигматизацией и искоренение коррупции. Социологическая оценка должна лежать в основе прогнозирования изменений и выработки новых, более гуманных и результативных принципов государственного управления в данной сфере.

Источники и литература

- 1) Абрамов А. Ю., Косолапова Н. В., Михайлова Ю. В. Современное российское законодательство в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. - 2014.
- 2) Козлова И. В. НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ // Электронный научный архив УрФУ. - 2018.
- 3) Позднякова М.Е. Особенности современной наркоситуации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – Вып. 14. – Москва: Новый хронограф, 2016.
- 4) Чуб И.С. НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2023.

Зыбуновская Наталья Владимировна

РАНХиГС, Москва, Россия

Оценки гражданами защищенности охраняемых законом ценностей от контролируемых государством рисков

Обеспечение и повышение защищенности охраняемых законом ценностей (жизни, здоровья людей, имущества и др.) находится в приоритете российской государственной политики. От решения этой задачи зависит благополучие как отдельных граждан, так и общества в целом. Ее решения контрольно-надзорные органы (КНО) добиваются путем минимизации рисков причинения и причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (ОЗЦ) за счет усиления безопасности их возможных источников. В этой связи особую значимость приобретает обратная связь государства с гражданами, которые выступают конечными потребителями деятельности КНО, а оценку гражданами достигнутого уровня защищенности ОЗЦ от контролируемых государством рисков причинения им вреда можно рассматривать как ключевой индикатор результативности КНО.

Результаты социологического мониторинга [1] показывают тенденцию увеличения доли граждан, оценивающих достигнутый уровень защищенности ОЗЦ (средний уровень их защищенности) от контролируе-

мых государством рисков причинения им вреда (с 30% в 2018 г. до 48,6% в 2025 г.).

Наиболее защищены, по мнению опрошенных, их жизнь, здоровье и имущество от рисков приобретения некачественных непродовольственных товаров, действий преступников, опасных условий труда, пожаров (>50% ответов о достаточной защищенности). Проблемными рисками в восприятии граждан традиционно являются риск несанкционированного распространения и использования персональных данных и риск ухудшения экологии. В настоящее время личный опыт опрошенных, их родственников, знакомых выступает основным источником, формирующим восприятие защищенности ОЗЦ.

Опора на собственные усилия выступает ключевым обстоятельством, от которого, по мнению респондентов, зависит их защищенность. Личные качества граждан, отсутствие у них достаточной правовой и финансовой грамотности, информированности и недостатки в деятельности контрольно-надзорных органов являются наиболее распространенными препятствиями повышения защищенности граждан (защищенности ОЗЦ).

Чем ниже граждане оценивают защищенность ОЗЦ, тем чаще они склонны утверждать, что их защищенность, защищенность иных ОЗЦ зависит от деятельности КНО. Более заметно это проявляется в случае оценки защищенности ОЗЦ от риска несанкционированного распространения и использования персональных данных, нарушений в сфере финансовых услуг и ухудшения состояния окружающей среды, браконьерства.

При этом целесообразно обратить внимание на то, что в случае столкновения с различными нарушениями в отношении ОЗЦ граждане не всегда обращаются в государственные органы контроля за помощью в защите ОЗЦ. Одной из значимых причин такого поведения может выступать отсутствие у них достаточной правовой и финансовой грамотности, информированности о способах защиты. Вместе с тем обращения граждан в КНО за помощью в случае столкновения с рисками причинения вреда способствуют увеличению оценок защищенности ОЗЦ.

Источники и литература

- 1) Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Оценка гражданами влияния контрольно-надзорных органов на обеспечение и повышение защищенности охраняемых законом ценностей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 3. С. 62–94. DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-3-62-94.

Ионин Дмитрий Александрович

Филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Российская Федерация

**Развитие конгрессно-выставочной деятельности в
Свердловской области**

Аналитическая оценка текущего состояния конгрессно-выставочной деятельности в Свердловской области показывает устойчивое и динамичное развитие этого сектора, который занимает лидирующие позиции на федеральном уровне и демонстрирует значительный потенциал для дальнейшего роста и расширения. Регион успешно реализует стратегию масштабирования крупных мероприятий и активного участия в международных проектах, что способствует укреплению его имиджа как центра деловых коммуникаций и инновационных решений.

В 2025 году на территории МВЦ «Екатеринбург-ЭКСПО» было проведено 145 мероприятий, что на 11% больше по сравнению с предыдущим годом, а общая площадь конгрессно-выставочных площадей достигла 125 000 м² при загрузке порядка 88%, что свидетельствует о высокой эффективности использования инфраструктурных ресурсов.

В числе ключевых событий – международные выставки, форумы, чемпионаты и деловые встречи высокого уровня, в том числе участие премьер-министров, министров и руководителей зарубежных стран, что подтверждает высокий статус региона и его привлекательность для проведения мероприятий международного масштаба.

Регион активно участвует в глобальных выставках и форумах, таких как «ИННОПРОМ», СІЕ в Китае, выставки в Узбекистане, Казахстане и других странах, расширяя свои международные связи и продвигая продукцию и технологии за рубежом.

Несмотря на достигнутые успехи, отрасль сталкивается с рядом вызовов, включая необходимость дальнейшей модернизации инфраструктуры, повышения уровня профессиональной подготовки специалистов, улучшения информационной поддержки и продвижения мероприятий, а также усиления конкурентных преимуществ через повышение уникальности и качества услуг.

В условиях внешних вызовов, таких как геополитическая нестабильность и пандемические ограничения, важным является создание условий для устойчивого развития отрасли, развитие инновационных решений и цифровых платформ, что позволяет сохранять и укреплять позиции региона как одного из ведущих центров делового туризма и конгрессно-выставочной индустрии в России.

Источники и литература

- 1) ВНИЦ Р-н-С: Ситуация в конгрессно-выставочной отрасли, связанная с отменой деловых мероприятий в 2022 году // Российский союз выставок и ярмарок — РСВЯ URL: <https://ruef.ru/ob-otrasli/analitika-i-issledovaniyaotrasli/vnits-r-n-s-situatsiya-v-kongressno-vystavochnoy-otrasli-svyazannaya-s-otmenoy-delovyh-meropriyatiy-v-2022-godu.html#/>. (дата обращения: 14.04.2025)
- 2) Официальный сайт Выставочного научно-исследовательский центр (ВНИЦ) R&C. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://rnc-consult.ru/> (дата обращения: 14.01.2026)
- 3) Официальный сайт международной выставки ИННОПРОМ. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://expo.innopro.com/about/participating-countries-2024> (дата обращения: 14.01.2026)
- 4) Официальный сайт Международной выставки форума 100+ TechnoBuild. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://forum-100.ru/> (дата обращения: 14.01.2026)

Калинина Полина Григорьевна

Уральский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Проектное управление в органах государственной власти как инструмент снижения регионального социального неравенства в Российской Федерации

Современное государственное управление в Российской Федерации сталкивается с вызовами, обусловленными необходимостью обеспечения устойчивого развития и снижения регионального социального неравенства. Проектное управление (ПУ) признается ключевым инструментом для повышения эффективности реализации государственной политики, особенно в контексте достижения национальных целей и стратегических задач.

Внедрение проектного подхода в государственном управлении РФ началось с утверждения принципов организации проектной деятельности на федеральном, а затем и на региональном уровнях. Национальные

проекты являются ярким примером масштабного применения ПУ, направленного на решение общенациональных задач, включая развитие инфраструктуры, улучшение здравоохранения и образования. ПУ позволяет четко структурировать комплексные задачи, оптимизировать использование финансовых, кадровых и временных ресурсов, установить измеримые показатели успеха и повысить ответственность за достижение конкретных, осязаемых результатов. Этот подход заменяет традиционные функциональные механизмы, ориентированные на процесс, на результат-ориентированное управление.

Ключевая ценность ПУ в контексте сокращения регионального социального неравенства заключается в его способности обеспечить адресность, прозрачность и результативность государственных мероприятий. Проекты могут быть целенаправленно сфокусированы на развитии отстающих регионов и муниципалитетов, создании новых рабочих мест, улучшении качества социальных услуг (здравоохранение, образование, культура) и инфраструктуры (дороги, жилищно-коммунальное хозяйство, цифровая связь) в периферийных и труднодоступных территориях. Использование ПУ позволяет эффективно распределять бюджетные средства, осуществлять постоянный мониторинг хода реализации программ и оперативно корректировать действия для достижения заявленных социальных эффектов. Это способствует выравниванию жизненных условий граждан, независимо от их места проживания, и повышает доступность государственных услуг, что напрямую воздействует на сокращение социальной и экономической дифференциации между регионами.

Таким образом, проектное управление является одним из наиболее перспективных и эффективных подходов к государственному управлению в Российской Федерации. Его системное применение не только способствует повышению общей результативности деятельности органов власти и достижению национальных целей, но и играет критически важную роль в адресном и системном снижении регионального социального неравенства, формируя основу для более сбалансированного, справедливого и устойчивого развития российского общества.

Камкин Александр Константинович

Финансовый Университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

**Кризис системы социальных стандартов ФРГ как
свидетельство глубоких структурных изменений экономики**

В качестве наиболее распространенного определения «социальное государство» можно привести следующее: это социально-экономическая

система определенной страны, где каждый ее гражданин обладает гарантированным уровнем жизни и определенным набором социальных благ и предоставляемых государственными институтами услуг, тем самым труд гражданина соотносится с социальным обеспечением со стороны государства.

Традиционно основными направлениями социальной работы в Германии являются следующие: обязательное медицинское страхование, система социального страхования, система пенсионного обеспечения, программа социального жилья при активном участии государства, меры поддержки безработных, меры социальной поддержки беженцев (особо актуально с 2015 г. – начала миграционного кризиса).

Долгое время, начиная с 1950-х гг., ФРГ считалась одним из эталонов высоких социальных стандартов во всем мире. Однако, кризис патерналистского государства, о котором экономисты заговорили еще 15-20 лет назад, привел к невозможности государства поддерживать эти стандарты.

Основными причинами снижения и коренного изменения социальных стандартов являются следующие.

Динамика промышленного производства в ФРГ неуклонно падает, начиная с 2020 г. Первым толчком к падению экономики стала пандемия COVID-19, связанная с многочисленными локдаунами. В 2021 г. наблюдалось некоторое оживление экономики, связанное с позитивными инвестиционными ожиданиями, однако, последовавшая с начала 2022 г. цепь санкционных ограничений в отношении России и фактически добровольный отказ от десятилетий экономического сотрудничества между ФРГ и РФ привели к устойчивому падению промышленного производства. По мнению Президента Федерального союза германской промышленности (BDI) Петера Ляйбингера, промышленное производство в ФРГ неуклонно снижается, индексы деловой активности (PMI) также демонстрируют перманентное снижение. В силу тарифной политики администрации Д. Трампа, невозможности согласовать торговое соглашение с Меркосур, энергетической инфляции в силу многократного роста цен на энергоносители, что в свою очередь привело к снижению объемов производства в энергоемких отраслях промышленности на 20-25 %, объемы немецкого экспорта и инвестиции остаются с отрицательным знаком.

В 2026 году планируются рекордные инвестиции более 128 млрд. евро, однако основная часть этих инвестиций носит краткосрочный характер и ориентирована прежде всего на ВПК и инфраструктуру. Из значимого роста расходов на социальную сферу отмечается только рост расходов на

уход за пожилыми людьми (что обусловлено ростом численности представителей этой возрастной категории).

В целом анализ бюджета ФРГ на 2026 год свидетельствует о тенденции перевода экономики на военные рельсы, роста внешних займов и дефицита бюджета, а также роста вероятности повышения инфляции в стране. Все это не оставляет пространства для маневра нынешнему кабинету, о чем, в частности, свидетельствуют кадровые перестановки в Ведомстве Федерального Канцлера лиц, отвечающих за экономическое планирование.

Дебаты о судьбе пенсионной реформы даже привели к многотысячным демонстрациям протеста в конце 2025 г. Амбициозные планы ХСС по возвращению на Украину сотен тысяч граждан этой страны также говорят о признании правящей коалицией факта перегрузки систем социального обеспечения.

Канаев Алексей Александрович

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация

Государство как платформа: цифровизация услуг и трансформация социального контракта в России

Внедрение масштабных цифровых платформ в систему государственного управления Российской Федерации представляет собой не просто техническую модернизацию, а глубокий институциональный сдвиг [1]. Этот процесс ведет к фундаментальной трансформации социального контракта между гражданином и государством, а также к пересмотру самой модели гражданства. В фокусе социологического анализа находится переход от патерналистской модели «гражданин-проситель» к модели «гражданин-пользователь».

В новой парадигме государство позиционирует себя как сервисную платформу, ориентированную на клиентоцентричность и оперативность [2]. Однако трансформация сопряжена с серьезными социальными последствиями. Ключевым из них является перевод социальных прав и гарантий в категорию цифровых услуг, доступ к которым жёстко обусловлен наличием цифровой идентичности, биометрическими данными и технологической грамотностью. Это неизбежно порождает «цифровое неравенство», исключая из полноценного взаимодействия с государством уязвимые группы населения.

Параллельно формируется новый тип зависимости гражданина от надежности, стабильности и «доброжелательности» цифровой инфраструктуры. Технический сбой, ошибка в алгоритме или кибератака могут

в одночасье лишить человека доступа к критически важным услугам. Ярким примером служит процедура получения и поддержания статуса безработного, которая всё чаще модернируется через цифровые платформы, такие как «Работа в России». В системе обязательная активность соискателя оставляет детализированный цифровой след. Этот след становится основным источником данных для инспектора центра занятости, который на его основе оценивает добросовестность поиска работы и соответствие предлагаемых вакансий профилю гражданина.

Стремление к тотальной прозрачности и управляемости через данные, как это было реализовано в проекте «Социальный мониторинг» во время пандемии COVID-19, несет в себе парадоксальный эффект. С одной стороны, оно повышает административную эффективность, с другой – ведет к десоциализации публичной сферы. Непосредственное взаимодействие гражданина с государственными институтами, позволявшее учитывать контекст и нюансы, замещается стандартизированным общением с интерфейсом. Решение социальных проблем все чаще требует не коллективных действий или публичных дебатов, а индивидуальной компетенции в навигации по сложным цифровым сервисам.

Таким образом, цифровизация государственного управления в России выступает мощным фактором социальной атомизации, разрывая традиционные горизонтальные связи солидарности и переводя отношения в плоскость «индивид-платформа». Одновременно она предлагает власти новую, утилитарную форму легитимности, основанную не на идеологических нарративах, а на демонстративной эффективности «доставки» социальных благ. Это переопределяет сами основы социальной связанности, создавая общество, где связующим звеном выступает не общая ценность, а общая цифровая инфраструктура и зависимость от её бесперебойной работы.

Источники и литература

- 1) Алиева М. З., Бастрыкин С. В. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № 1. – С. 95–101. doi: 10.47576/2949-1916_2023_1_95.
- 2) Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О. В. Линник, А. В. Ожаровского, М. С. Шклярчук. – Москва: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. – 180 с.

Кафидов Валерий Викторович

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

Клиент или источник власти

Взаимодействие народа и власти определяется Конституцией РФ, ст.3: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1]. В соответствии с этим, в каждом законе о муниципальном образовании записано, что источником власти является население этого муниципального образования. Каждое поселение – это среда социализации. Эта среда первична, а выбранные органы муниципального управления вторичны. Казалось бы, что тут не понятного. Но вот появилась красивая идея, заимствованная, правда, из психиатрии – клиентоцентричность и клиентоориентированность государства и органов местного самоуправления.

При разработке плана стратегического развития города Астрахани идеи CRM были использованы в полной мере - «Особенностью стратегии города Астрахани является модернизация самого процесса ее разработки путем применения клиентоориентированного подхода. Было выделено четыре основные группы клиентов города: население, предприятия и организации, власть, гости города» [2]. В данном контексте абсолютно непонятно, что такое город, если и власть, и жители являются для него клиентами. При этом авторы стратегии предполагали, что город – это корпорация: «Город можно сравнить с корпорацией, производящей услуги для государства, населения, бизнеса, общественных организаций, гостей, и выполняющей функции, возложенные законодательством» [2].

Сами мероприятия плана весьма полезные, но провозглашение клиентоцентрированности устанавливает соотношение власти и народа. Слово клиент имеет очень много значений, но всегда они связаны с получением услуги или даже с зависимостью от покровителя. Одно из таких определений: Клиент — (от лат. *cliens*) лицо, пользующееся услугами учреждения, организации, предприятия (например, клиент банка), постоянные покупатели, заказчики [3].

Казалось бы это издержки молодой демократии, но оказывается это не так. В статье современного авторитетного автора утверждается, что «В российском государстве развивается новая система взаимодействия государственных органов власти и общества, в которой гражданину отводится место клиента в сфере оказания государственных услуг. Клиен-

тоцентричность становится теоретической основой работы государственного аппарата, а клиентоориентированность – практическим подходом в его работе» [4]. А подтверждением этих позиций стали проводимые ежегодно форумы «Клиентоцентричность в государственном управлении». Вопросы при этом ставятся правильные, но правилен ли глубинный смысл этих вопросов. Федеральная программа «Государство для людей» и позиция: «люди – клиенты государства» видимо не одно и то же.

Источники и литература

- 1) Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) Система ГАРАНТ <https://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/35:0>
- 2) Стратегия развития муниципального образования «Город Астрахань» до 2021 г. Астрахань, 2011; http://administration.astrgorod.ru/sites/default/files/strategiya_astrahani.pdf
- 3) Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. - М.: ИНФРА-М, 2024, - 512 с.
- 4) Журихин С. А. Клиентоориентированность в сфере государственного управления // Вестник Университета Правительства Москвы. 2023. № 1. С. 26–32.

Каширин Фёдор Алексеевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия*

Роль органов местного самоуправления в создании условий для развития физической культуры и спорта на территории малых городов (на примере г. Карпинск)

Один из приоритетов национальной стратегии – здоровье нации, именно посредством физической культуры и спорта осуществляется укрепление здоровья населения, а также духовное воспитание, профилактика асоциального поведения и др.

Для эффективного развития сферы в работе органов местного самоуправления основное внимание следует уделить тем направлениям, которые обеспечат максимальное вовлечение населения в регулярные занятия физической культурой и спортом. В качестве основных направлений можно выделить ремонт, расширение материально-технической ба-

зы, организацию работы с населением по месту жительства, пропаганду здорового образа жизни.

В муниципальном округе Карпинск регулированием вопросов развития физической культуры и спорта занимается соответствующее структурное подразделение администрации – Отдел физической культуры и спорта.

Основная нагрузка по работе в сфере физической культуры и спорта приходится на дошкольные, общеобразовательные, профессиональные образовательные учреждения, также по месту жительства на детско-подростковые клубы, которые ориентированы соответственно на организацию досуга детей и подростков. В сфере адаптивной физической культуры и спорта имеется физкультурно-оздоровительный клуб «Радуга» при спортивно-оздоровительном комплексе, иные секции не функционируют. При этом работа с населением зрелого и пожилого возраста практически не проводится.

Важной частью работы по привлечению населения к физической культуре и спорту является также состояние материально-технической базы, улучшение дворовых территорий. Средства на капитальный ремонт выделяются ежегодно, однако по данным на 2023 год, износ зданий спортивно-оздоровительного комплекса составляет более 40%.

При этом упор стоит делать не на количество, а на качество спортивных площадок и их доступность для использования населением разных возрастных категорий. Работа в данном направлении проводится, ежегодно выделяются средства на обновление материально-технической базы учреждений, на капитальный ремонт зданий, Отдел физической культуры и спорта готовит проекты новых площадок и т.д.

В заключении можно сказать, что несмотря на проводимую работу необходимы поиск и внедрение новых решений, направленных на создание оптимальных условий, пользующихся спросом всех возрастных категорий населения.

Источники и литература

- 1) Отчет Главы городского округа Карпинск о результатах своей деятельности, деятельности Администрации городского округа Карпинск, в том числе по решению вопросов, поставленных Думой городского округа Карпинск за 2022 год // Официальный сайт муниципального округа Карпинск. [Электронный ресурс] URL: https://karpinsk.midural.ru/document/list/document_class/11#document_list (дата обращения: 20.01.2026).

- 2) Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности реализации муниципальной программы «Обеспечение развития физической культуры и спорта, формирования здорового образа жизни на территории городского округа Карпинск на 2020-2027 годы» // Официальный сайт муниципального округа Карпинск. [Электронный ресурс] URL: <https://karpinsk.midural.ru/uploads/2025/07/ОТЧЕТ%20МП%20Спорт%20за%202024.doc> (дата обращения: 20.01.2026).

Кисель Анастасия Александровна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

**Социальная технология и социальная инженерия в
российской социологии конца XX века: особенности
формирования научного направления**

Несмотря на наличие опыта разработки проблем социальной инженерии российскими учеными в начале XX столетия (А.К. Гастев, Н.И. Кареев и другие), в качестве самостоятельного научного направления они стали оформляться лишь в конце прошлого века. Данный процесс характеризовался рядом особенностей, в значительной мере предопределивших его современное состояние.

1. Акцент на социальные технологии, которые определялись как «специально организованная область знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека» [Дятченко, с. 52]. Выбор именно такого ракурса во многом был обусловлен знакомством с работами болгарских социологов Н. Маркова [Марков] и М. Стефанова [Стефанов].

2. Недостаточно строгая демаркация социальных технологий и социальной инженерии. Если у К. Поппера термин «инженерия» используется для «описания практического применения результатов поэлементной технологии» [Поппер, с. 75], то «технология» – для теоретического обоснования этих практик, то в изданном 1995 году словаре «Социальные технологии» его авторы представляют их как группу «специальных методов, методик, отдельных техник и приемов, повышающих эффективность труда руководителя, успешность регулирования социальных процессов» [Социальные технологии: толковый словарь, с. 176].

3. Противоречие между утверждением, что социальные технологии презентовались в качестве новой области обществознания и использо-

ванием разработанного в социологии понятийно-категориального аппарата.

Эти особенности стали одной из главных причин стагнации социальных технологий и социальной инженерии в 2010 – 2020-х годах. Недостаточное внимание к социальной инженерии не позволило перевести теорию социальных технологий в систему преобразующих практик. Ограничение рамками предметного поля социологии привело к неспособности отреагировать на развитие гибридных социобиотехнических процессов и появление конвергентных НБИКС-технологий.

Поэтому в настоящее время актуальной задачей становится формирование новой междисциплинарной парадигмы социально-технологического знания и адекватных ей практик.

Источники и литература

- 1) Поппер, К.Р. Нищета историцизма : [Пер. с англ.] / К. Поппер. - Москва : Прогресс : ВИА, 1993. – 185. с.
- 2) Социальные технологии: толковый словарь. – Москва – Белгород: Луч-Центр социальных технологий, 1995. – 309 с.
- 3) Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий. – Москва: ИКАР, 2008. - 320 с.
- 4) Дятченко, Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с.
- 5) Марков, М. Технология и эффективность социального управления: пер. с болг. / Марко Марков; под ред. и с предисл. Т. В. Керимовой. – Москва: Прогресс, 1982. – 267 с.
- 6) Стефанов, Н. Общественные науки и социальная технология.: пер. с болг. / предисл. и общ. ред. д-ра техн. наук, проф. В. Г. Шорина. – Москва : Прогресс, 1976. – 250 с.

Кислицына Ольга Анатольевна

Институт экономики РАН, Москва, РФ

Неудовлетворенные потребности в медицинской помощи как индикатор благосостояния населения в России

Доступ к медицинской помощи является важным детерминантом здоровья и благосостояния населения и должен быть равным независимо от

социально-демографических характеристик. Традиционные показатели использования медицинских услуг не отражают барьеры доступа, поэтому в исследовании применяется альтернативный индикатор — субъективные неудовлетворённые потребности в медицинской помощи (восприятие отсутствия соответствующей медицинской помощи). Данный показатель широко используется в международных исследованиях для оценки социального неравенства и эффективности социальной политики, однако в России остается недостаточно изученным.

Цель исследования — оценить распространённость неудовлетворённых потребностей в медицинской помощи в России и выявить социальные факторы, связанные с риском их возникновения. Эмпирической базой послужили данные Международной программы социальных исследований (ISSP), модуль «Здоровье и здравоохранение» за 2021 г. (N=1597). Неудовлетворённые потребности измерялись по трём аспектам: доступность (стоимость), достижимость (очереди) и приемлемость (нехватка времени). Анализ факторов проводился на основе поведенческой модели использования медицинской помощи Р. Андерсена с применением многомерных моделей логистической регрессии.

Результаты показывают, что в России сохраняется высокий уровень неудовлетворённых потребностей в медицинской помощи. Наиболее распространённым барьером являются длинные очереди (17% среди всего населения и почти 30% среди нуждавшихся в медицинской помощи), далее следуют нехватка времени и финансовая недоступность. По сравнению со странами Европейского союза уровень неудовлетворённых потребностей в России существенно выше, что указывает на институциональные ограничения функционирования системы здравоохранения.

Наиболее уязвимыми группами являются лица с хроническими заболеваниями и плохим здоровьем, а также молодежь, испытывающая повышенный риск неудовлетворённых потребностей по всем причинам. Существенное значение имеют социально-экономические факторы: женщины, одинокие, жители малых городов, лица с низким социальным статусом и без медицинской страховки чаще сталкиваются с финансовыми барьерами; занятые и жители крупных городов — с нехваткой времени; лица с высоким и средним уровнем образования, низким социальным статусом и городские жители — с очередями. Отсутствие страхового покрытия значительно повышает риск неудовлетворённых потребностей, связанных со стоимостью медицинской помощи.

Полученные результаты свидетельствуют о выраженном социальном и территориальном неравенстве в доступе к медицинской помощи и подтверждают значимость здравоохранения как ключевого компонента

благосостояния населения. Неудовлетворённые потребности отражают неспособность системы здравоохранения в полной мере отвечать потребностям различных социально-демографических групп и могут рассматриваться как важный индикатор для социологической оценки эффективности государственного управления и прогнозирования изменений благосостояния населения.

Ковалев Алексей Николаевич

МИРЭА-Российский технологический университет, г.Москва, Россия

**Социальные технологии управления миграционными
потоками - опыт России и зарубежных стран**

Современная миграция в том числе приводит к демографическим изменениям и экономическому дисбалансу. Решение «миграционных проблем» требует эффективных социальных технологий, которые должны предусматривать правовую регламентацию, экономическое стимулирование и культурную адаптацию.

Краткий обзор социальных технологий, применяемых в управлении миграционными процессами в России и зарубежом позволит выявить лучшие практики реализации мер контроля над миграционными потоками, а также перспективы развития подходов к управлению миграцией.

Россия. Основная направленность на экономически обоснованные миграционные потоки; создание правовых основ регулирования миграции; стимулирование возвращения «соотечественников за рубежом». Основноеполагающее - «Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026 - 2030 годы»; Федеральный закон №109-ФЗ (учет и регистрация мигрантов). Дополнительно-патенты на работу, (упорядочение трудовых ресурсов), и государственная программа «Соотечественники». Интеграционные мероприятия.

Европа. Политика избирательного привлечения мигрантов, система квотирования и отбор высокообразованных специалистов - по совокупности обеспечение гибкого механизма привлечения и интеграции мигрантов в местное сообщество.

Германия - Закон "Aufenthaltsgesetz" регулирует въезд, проживание и интеграцию мигрантов. Программа Blue Card EU (Директива ЕС 2009/50/ЕС) упрощает получение вида на жительство для высококвалифицированных специалистов.

Франция - въезд, пребывание и натурализацию иностранцев регулирует кодекс ("Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile").

Национальная комиссия (Commission nationale de l'intégration) реализует программы интеграции (язык).

Азия - осторожное отношение к миграции и консервативный подход регулирования.

Китай. Жёсткая миграционная политика - Закон о контроле въезда - выезда (2013) - визовые ограничения, разрешение на работу и постоянный контроль перемещения мигрантов.

Япония. Высокий уровень закрытости для мигрантов. Ограниченный приём. Сложная система лицензирования для узкого круга высококлассных профессионалов. Временных низкоквалифицированных рабочих привлекают через программу Technical Intern Training Program - жесткие условия - обязательным языком и медицинской проверкой. Активно поддерживается внутренний рынок труда; подготовка собственных кадров.

Сравнение российского и зарубежного опыта позволяет выявить (адаптировать) успешные социальные технологии для повышения эффективности миграционной политики и укрепления национальной безопасности.

Источники и литература

- 1) Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026-2030 годы, Указ Президента от 15 октября 2025 г. №738.
- 2) Капустин А.Я. «Международная миграция рабочей силы: проблемы управления», 2006г.
- 3) «Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда»-<https://www.demis-journal.ru/index.php/demis/issue/view/597>
- 4) Матюхова Е.И. «Интеграция мигрантов в Германии: роль негосударственных акторов © 2024 – ИМЭМО РАН -<https://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2024/ONS-02-2024-Matiukhova.pdf>
- 5) Стрельцова Я. «Современная миграционная политика Франции» © 2020 – Мировая экономика и международные отношения, 2020, том 64, № 8, с. 119-126
- 6) Шанхайская программа "Геноцинталент" (Shanghai Talent Program) - <https://www.shanghai.gov.cn/>

- 7) Рязанцев Н.С. «Миграционная политика в контексте демографического развития Японии» -2022

Когай Евгения Анатольевна

Курский государственный университет, Курск, Россия

Удовлетворенность жизнью населения приграничного региона

Перед органами власти регионов юго-западного российского приграничья стоят в настоящее время серьезные задачи – оперативное военное реагирование, исполнение федеральных установок, удержание внутренней стабильности и одновременно развитие самих регионов в соответствии с национальными проектами. Решение данных задач происходит в сложных условиях военного давления ВСУ, довольно весомых бюджетных ограничений, постоянного напряжения и беспокойства, организации жизни в перманентном состоянии угрозы.

Курская область является одним из таких регионов. Согласно исследованию КРОС «Национальный индекс тревожности россиян», в 2025 г. область заняла по уровню тревожности пятое место в России. Ведущими причинами данной ситуации аналитики называют инфляцию (ее уровень в регионе выше среднероссийских показателей), ограничения цифровой среды и мобильной связи, снижение доступности ипотеки [1].

Жители Курской области в опросах, касающихся их социального самочувствия, проявляют реализм и приземленность. Фоном таких оценок выступают различные ограничения, в том числе финансовые. Так, в проекте бюджета, принятого Курской областной думой на 2026 год, запланировано сокращение доходов (и соответственно расходов) на реализацию социальной политики, ЖКХ и национальную оборону [2]. В регионе фиксируется спад в таких отраслях, как строительство, сфера услуг, розничная торговля.

Согласно данным социологического мониторинга Аналитического центра при Правительстве РФ, проведенного на рубеже 2024-2025 гг. в Курской области, жители региона указали на круг проблем, требующих особого внимания: рост цен на товары повседневного спроса, получение качественной медицинской помощи, лекарственное обеспечение, качество коммунальных услуг и ряд других. Особую озабоченность вызвали также проблемы, связанные с обеспечением безопасности, а также с созданием благоприятных условий жизни для людей, вынужденно покинувших

территорию постоянного проживания. Следует также отметить, что уровень удовлетворенности положением дел в Курской области был зафиксирован ниже, чем в ближайших приграничных областях – Белгородской и Брянской (68% против 55%) .

Обращение к результатам ИТ-исследования «Оценка эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и образовательных учреждений Курской области», реализованного АНО «Центр гражданских и социальных инициатив Курской области» в течение 2025 года (N=16827), показывает, что жители региона довольно высоко оценивают уровень организации газоснабжения (86,1%), теплоснабжения (78,8%), снабжения населения топливом (73,4%), а также водоотведения (62,4%). При этом более половины участников опроса демонстрируют весьма невысокую степень удовлетворенности качеством услуг сферы здравоохранения (48,8%), организации транспортного обслуживания (47,7%) и качества автомобильных дорог в регионе (44,1%) [4]. Отметим при этом, что согласно полевым исследованиям, осуществляемым по методике «Социокультурный портрет региона», регулярно проводимым на базе Курского государственного университета, при оценке перспектив изменения уровня жизни наибольшая часть опрошенных дает ответ о том, что «ничего не изменится» и довольно значительная часть затрудняется с ответом [5].

Сталкиваясь с вызовами глобального и локального плана, жители региона адаптируются к происходящим изменениям. При этом они в большей мере полагаются на себя и свои возможности, а также проявляют осторожный реализм и сдержанный оптимизм при оценке своих перспектив.

Источники и литература

- 1) Малеева Ю. Почему россияне стали тревожнее в 2025 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2025/12/26/1166606-pochemu-rossiyane-stali-trevozhnee> (дата обращения: 15.01.2026).
- 2) Голубь Ю., Толмачев С., Калашников С. Черноземье затягивает пояса [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8196579> (дата обращения: 15.01.2026).
- 3) Цыбикова Д.Г. Интеллигенция приграничных областей в период проведения специальной военной операции // Социальный потенциал интеллигенции в современном обществе: сб. статей XXVI

Международ. теоретико-методолог. конференции, Москва, 10 апреля 2025 г. – М.: РГГУ, 2025. – С. 111–118.

- 4) Оценка эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и образовательных учреждений Курской области. Курск, 2025. 29 с.
- 5) Когай Е.А., Лапшина А.В. Качество жизни и социальное благополучие жителей региона (на примере Курской области) // Власть и общество: мир и война: Материалы Девятнадцатой Всероссийской научной конференции, Воронеж, 04 февраля 2025 года. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2025. – С. 406–411.

Кононова Дарья Сергеевна

Уральский институт управления - РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Возвратная миграция в зеркале теоретических концептов

В последние годы актуализировался такой феномен как возвратная миграция соотечественников, проживающих в странах дальнего зарубежья и планирующих переезд в Россию. Сообщается о перспективе возвращения в Россию 1 миллиона соотечественников, длительно проживающих в западных странах от 10 и более лет. В настоящее время топ стран дальнего зарубежья, из которых фиксируется наибольший процент возвратных мигрантов, выглядит следующим образом: Германия, Канада, США, Швеция, Эстония[1].

В этой связи представляется актуальным изучение вопроса изученности возвратной миграции зарубежными и российскими социологами. К. Хесс при сопоставлении социальных процессов возвратной этнической миграции (или репатриации) в Германии и Греции отметила, что государственное регулирование данного процесса отражает изменения в идиоматических оборотах принимающих государств [1].

Зарубежные социологи заинтересованы в изучении возрастной миграции на постсоветском пространстве. К примеру, Т. Хелениак представил Советский союз в качестве «сложной системы этнических родин». Данная модель действует как в странах, ранее бывших в составе СССР – для представителей титульной нации, оставшихся за государственными границами, так и для зарубежных стран, где в значительном количестве присутствует русская диаспоры [2].

М. Флинн подчеркивал уникальный характер возвратной миграции в Россию: «потoki постсоветской миграции, особенно потоки репатриантов, «идут вразрез с существующими теоретическими концепциями, а не

укладываются в них». Данный миграционный поток движется не только по причине давления семейных связей и экономических факторов, но и правил жизни, сформированных в других государствах [3].

В исследовании В.А. Ионцева и соавторов проводится исторический анализ русской эмиграции, в частности анализируется идентичность потомков русских эмигрантов [4]. С.В. Рязанцев и А.А. Гребенюк приводят типологизацию русского сообщества в зарубежных странах и «ключи» к пониманию русского сообщества за рубежом [5].

Существуют проблемы инкорпорации соотечественников после переселения в социальные структуры российского общества [6]. После переезда соотечественники сталкиваются с проблемами трудоустройства, получения необходимых документов в России, социально-бытовым обустройством и поиском жилья [7].

В исследовании Е.И. Васильевой и Т. Е. Зерчаниновой анализируется потребность молодых российских соотечественников, проживающих за рубежом, в поддержке со стороны России. Результаты проведенного опроса показали актуальность для молодежи предварительного подбора вакантного рабочего места для облегчения процесса социально-профессиональной адаптации [8].

При этом стоит отметить, что феномен возвратной миграции изучается по большей степени в контексте переезда соотечественников из стран ближнего зарубежья. Также в открытых данных не содержатся конкретизированные сведения о количестве соотечественников из стран дальнего зарубежья, которые планируют или уже переехали в Россию.

Источники и литература

- 1) Hess C. (2011) What Can Co-Ethnic Immigrants Tell Us about Ethnic Visions of the National Self? *Journal of Comparative Research in Anthropology & Sociology*, 1 (2), 103-133.
- 2) Heleniak T. (2008) An Overview of Migration in the Post-Soviet Space // *Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia*. Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 29-68.
- 3) Flynn M. (2003) Returning Home? : Approaches to Repatriation and Migrant Resettlement in Post-Soviet Russia // *Diasporas and Ethnic Migrants : Germany, Israel, and Post- Soviet Successor States in Comparative Perspective*. Portland : Frank Cass, 173-187.
- 4) Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Околоков А.В. (2001) Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов. 420с.

- 5) Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. (2014) «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М: Институт социально-политических исследований РАН, 238с. EDN: TSGBUF.
- 6) Красинец Е.С. (2022) Возвратная миграция в Россию: тенденции прошлого и реалии настоящего. Народонаселение. 25 (1), 105-117, DOI: 10.19181/population.2022.25.1.9. EDN: FIMZOE.
- 7) Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю., Сердюков К.Н., Яковлев, А.И. (2023) «Новые дальневосточники» в принимающем региональном сообществе: социологический анализ (на материалах Приморского края). Восточный вектор: история, общество, государство. 2, 38-47. DOI: 10.18101/2949-1657-2023-2-38-47 EDN: NOVCPM.
- 8) Васильева, Е.И., Зерчанинова, Т.Е. (2022) Нужна ли наша поддержка молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом? Управленческое консультирование. 2 (158) 81-92. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-2-81-92 EDN: BJSYPW.

Королев Иван Борисович

*Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской
академии наук, Москва, Россия*

**Взаимосвязи системы профессионального образования и
рынка труда: макроэкономические проблемы и отраслевые
решения**

Негативные экономические тенденции последних месяцев активизируют дискуссию о необходимости повышения эффективности использования экономических ресурсов, в том числе и такого дефицитного, как квалифицированная рабочая сила. Сигналы о замедлении темпов социально-экономического развития и охлаждении экономики поступали с конца или даже со второй половины 2024 года, поскольку поддержание темпов экономического роста на уровне 4,1-4,3%, как это было в 2023-2024 гг. в условиях ослабления бюджетного импульса и все еще достаточно жесткой денежно-кредитной политики стало фактически невозможным [1]. При этом необходимость качественных изменений сложившейся в России модели экономического развития для обеспечения устойчивого экономического роста и повышения качества жизни населения обсуждается уже в течение достаточно длительного времени [2]. Российский

рынок труда в период интенсивного экономического роста 2023-2024 гг. и даже на этапе охлаждения характеризовался позитивным изменением большинства показателей. В частности, вплоть до середины 2025 г. наблюдались как высокие уровни участия в рабочей силе и занятости, так и рекордно низкие значения уровня безработицы. Безусловно, наблюдаемое ухудшение макроэкономических условий будет сказываться на перспективном состоянии рынка труда, хотя вопрос о том, насколько сильными будут соответствующие изменения, особенно в контексте разных реакции на локальных рынках труда, остается открытым. Уже к концу 2024 г. появились предпосылки к сокращению спроса на рабочую силу, по крайней мере, стала сокращаться величина заявленной предприятиями и организациями в службу занятости потребности в работниках, хотя обвального сокращения спроса на рабочую силу не наблюдалось. Даже на фоне позитивной динамики предшествующего периода многие макроэкономические проблемы сферы занятости и рынка труда сохраняли свою актуальность: структурная несбалансированность, дефицит квалифицированной рабочей силы, особо сильных для рабочих кадров в реальном секторе; проблемы рынка труда, предприятия реального сектора испытывают нехватку квалифицированной рабочей силы; существование значительного неформального сектора, недостаточная согласованность потребностей рынка труда и системы профессионального образования; межрегиональная и межотраслевая дифференциации. Например, между видами экономической деятельности существует заметная дифференциация по показателям рынка труда. Так, уровень общей безработицы по разделам видов экономической деятельности в 2024 гг. различался в 4,4 раза. Очевидно, что на этапе экономической стагнации соответствующие проблемы могут еще более обостриться, и для купирования возможных рисков требуется реализация специальных мер экономической политики.

Источники и литература

- 1) Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Под ред. чл-корр. РАН А.А. Широ́ва. М.: Арктик Принт. 2024. 264 с.
- 2) Квартальный прогноз ВВП. Выпуск 64. ИНП РАН: [сайт]– Москва, 2000. – URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-64/>). (дата обращения: 01.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Кох Иван Адамович

Цифровизация инфраструктуры в развитии социального пространства города

Цифровые технологии все более широко применяются в совершенствовании инфраструктуры социального пространства города. Сервисные службы по интернету, связи, организация деятельности образовательных учреждений и медицинские услуги, жилищно-коммунальное и транспортное обслуживание населения и др. стали важнейшими направлениями цифровизации социального пространства поселений. Вместе с тем существует множество противоречий и недостатков цифровизации. Особую актуальность проблемы формирования цифровой социальной инфраструктуры приобретают в плане развития «умных городов». Реализация стратегии цифровизации социального пространства городов рассматриваются как основное направление совершенствования социальной инфраструктуры и повышения качества жизни населения.

В крупных городах сложились более благоприятные технико-экономические условия для внедрения цифровых технологий. Малые города сталкиваются с множеством проблем, связанных не только с недостаточно надежными сетями связи, но и с отсутствием достаточных финансовых ресурсов у муниципальных образований для широкого внедрения и обслуживания современного цифрового оборудования.

Информационно-коммуникационные технологии широко используются для повышения уровня и качества жизни населения, повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Исследование цифровизации социального пространства нашли отражение в ряде научных публикаций. Анализ систем робототехники и автоматизации цифровых сетей, возможности инфраструктурных сетей, а также повседневный опыт жителей отражены в работах Марджори, Марвина, Вилле [1, 197–217]. Цифровая экосистема рассматривается как движущая сила устойчивого развития «умных городов» в работах Е.В. Попова, К.А. Семячкова [2]. Большое внимание уделяется разработке цифровых платформ и бизнес-моделей, использованию инноваций в реализации мероприятий по преобразованию социального пространства. Нередко предлагаются технологии блокчейна для влияния пользователей сетей на органы государственного и муниципального управления в развитии экономики [3, 31–43].

Для оценки населением состояния цифровизации социальной инфраструктуры муниципального образования было проведено социологическое исследование, в процессе которого наряду с анализом статистиче-

ских материалов был проведен массовый анкетный опрос (опрошено 570 человек), выявил ряд проблем в развитии социальной инфраструктуры городов.

Источники и литература

- 1) Macrorie R., Marvin S., While A. Robotics and Automation in the City: A Re-search Agenda //Urban Geography, 2021, Vol. 42, No. 2.
- 2) Попов Е.В., Семячков К.А. Умные города. Монография. – М., Юрайт, 2020. – 356 с.
- 3) Kundu D. Blockchain and Trust in a Smart City // Environment and Urbanization ASIA, 2019, Vol. 10, No. 1, pp. 31-43.

Кочкин Антон Андреевич

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

Социологическая оценка неформальных практик следователей органов внутренних дел в государственно-правовом поле российского общества

Деятельность следователей органов внутренних дел является неоднородным социальным явлением в современной России, что может быть обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, в виду самой специфики должностных лиц, в полномочия которых входит осуществление предварительного следствия по уголовным делам, их служебные практики строго детерминированы требованиями положений уголовно-процессуального закона (статья 38 УПК РФ) и ведомственными нормативными правовыми актами, в частности, например, Кодексом этики и служебного этикета сотрудников органов внутренних дел, утвержденного приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460, в котором, помимо особенностей повседневной служебной деятельности, указаны правила неформального поведения во внеслужебное время. Это, в свою очередь, подчеркивает всеобъемлющий характер нормативных предписаний, которые распространяются и на частную личную жизнь сотрудника, проходящего службу в системе МВД России.

Во-вторых, несмотря на имеющийся крайний правовой детерминизм повседневных практик следователей ОВД, нельзя не обратить

внимание на то, что в такой закрытой маркированной социальной группе культивируются фратернализированные акты, известные в социологической науке по работе Эрвина Гоффмана «Тотальные институты», становятся средством социальной идентификации индивида в качестве следователя, а также способом социальной инициации вновь прибывших сотрудников в следственное подразделение. Как показывает изучение идей Гоффмана, наличие таких неформальных практик выступает как естественная реакция человека, находящегося в системе социальных отношений, которые четко определяются за счет принуждения под угрозой применения санкций. Предполагается, что такой подход побуждает индивидов создать некую лакуну (микропорядок) с наиболее релевантными правилами для них. Таким образом, чрезмерная правовая регламентация деятельности государственных служащих не может быть гарантом эффективной правоприменительной деятельности, так как «давление» со стороны органов власти может привести к обратному эффекту вместо ригоричного правового поведения.

С позиции же, например, этнометодологической концепции, разработанной и подробно описанной в трудах Гарольда Гарфинкеля и Харви Сакса, генезис неформальных практик осуществляется стихийно и параллельно по отношению к формирующейся системе права, поскольку является следствием нерелексивного конститутивного социального порядка. Иными словами, неформальные практики следователей возникают не столько как реакция на правовой детерминизм, нередко выступающей в качестве панацеи для минимизации делинквентного поведения, но как имманентное свойство социальной деятельности человека.

В заключении следует обратить внимание на то, что неформальные практики сотрудников ОВД не являются исключительно негативным социальным явлением, которые возникают как реакция на несовершенную систему права, но частью сложного самоорганизующегося социального порядка в системе государственной власти.

Источники и литература

- 1) Гарфинкель Г., Сакс Х.О. формальных структурах практических действий / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Социология. — 2003.
- 2) Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психических больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Эрвин Гоффман; Пер. с англ. А. С. Салин; под ред. А. М. Корбута. — Москва: Элементарные формы, 2019. — 464 с.

- 3) Кочкин А.А. Неформальные социальные практики на примере деятельности следователей ОВД / А. А. Кочкин // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 10(126). – С. 23-28. – DOI 10.24158/spp.2024.10.2. – EDN VNYWHT.

Кружкова Яна Алексеевна

*ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск,
Россия*

Развитие индустрии гостеприимства в России в современных условиях

Актуальность изучения проблемы гостеприимства в социологии обусловлена неопределённостью толкования и многозначностью данного социального явления в современном обществе. Ведь гостеприимство, является сложным социальным институтом и рассматривается и как «радушное отношение (прием) гостям» и как «широкий набор видов бизнеса, каждый из которых связан с обслуживанием людей, находящихся вне дома».

Социальные процессы в реалиях новой эпохи не могли не отразиться на гостеприимстве, прежде всего речь идет об огромном внимании цифровой модернизации в различных отраслях. Гостеприимство теряет свою значимость, как механизм интеграции, с одной стороны, и становится актуальным при автоматизации общества. Не составляет и исключений и сфера гостеприимства, которая динамично развивается в России, в том числе и в Байкальском регионе. Индустрии гостеприимства и туризма имеют тесную неразрывную взаимосвязь. И эти две индустрии в наибольшей степени зависят от цифрового развития, которая является экономической составляющей, и в свою очередь имеют перспективные возможности в дальнейшем развитии.

Доходы коллективных средств размещения в 2025 году превысили 9,9 трлн руб. среднегодовой прирост выручки российских КСР за последний год составил +22% (в 2024 году он составил +25%). Связано это прежде всего с тем, что в 2025 году вступило новое Постановление правительства Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения», более того в срок до 1 сентября 2025 года гостиницам необходимо пройти самообследование.

По данным Росстата, среди регионов самыми популярными местами у туристов были Краснодарский край и Республика Крым. Иркутская

область в этом списке заняла 22-е место. На территории Иркутской области и Республики Бурятия в XXI столетия произошел большой прорыв в развитии индустрии гостеприимства. В ближайшее время в Иркутской области в г. Байкальске планируется запуск пятизвездочной гостиницы на 177 номеров с рестораном, СПА-комплексом и медицинским центром. На территории бывшей промышленной площадке БЦБК начал действие круглогодичный событийно-образовательный центр в сфере экологии, в котором создаются различные сообщества, в том числе и в сфере экологического туризма, гостиничной индустрии.

Говоря о стратегическом развитии сферы гостеприимства, предполагается инфраструктурное и кадровое улучшение, а также расширение числа сервисных предприятий, инвестиций в основной капитал, цифровизацию многих процессов. Анализируя данную тему, становится очевидным, что самыми значимыми функциями сферы гостеприимства являются: создание новых рабочих мест; выделение субсидий государства на развитие, а также распределение грантов; улучшение инфраструктуры региона; поддержка различными фондами; рост культурного уровня населения, а соответственно получают более эффективное развитие малые города России, сохраняя свой исторический облик. Регулирование процессов развития данной сферы в России происходит на всех уровнях управления – национальном, региональном и муниципальном.

Таким образом, данное исследование имеет широкий спектр применения и может оказать влияние на развитие, как отдельных предприятий, так и всей отрасли в целом.

Источники и литература

- 1) Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль // Электронный ресурс: <https://dal.slovaronline.com/> (дата обращения 20 января 2026 г.).
- 2) Данные <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73754> (дата обращения 20 января 2026 г.).
- 3) Постановление Правительства РФ от 30.08.2025 № 1345 «Об утверждении Положения о классификации гостевых домов» // Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412520479/?ysclid=mkwpwmizzq504519565> (дата обращения 20 января 2026 г.).
- 4) Данные <https://travel.rambler.ru/local/49903233-na-baykale-stroyat-gostinitsy-pochti-na-7-tys-mest/> (дата обращения 20 января 2026 г.).

- 5) Кружкова, Я. А. Развитие цифровизации индустрии гостеприимства в Байкальском регионе / Я. А. Кружкова // Забайкальские социологические чтения. Социальные процессы: вызовы и пути решения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Забайкальский государственный университет; ответственный редактор А. А. Русанова. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 28-32.
- 6) Кружкова, Я. А. Развитие сферы гостеприимства в России в XX-XXI вв.: методы и техники социологического исследования / Я. А. Кружкова // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. – С. 447-452.

Лазебников Роман Юрьевич

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

**Трансформация пенсионной системы Российской Федерации:
отмена социальной пенсии по старости в контексте
демографического кризиса**

В современных развитых государствах по сравнению со странами «третьего мира» доля пожилого населения старше 65 лет в несколько раз выше. Так, в Португалии 24,1% людей достигли этого возраста, в Японии 29,3%, в Монако 36,2%, а в Замбии, Мали и Афганистане данный параметр равен 1,95%, 2,38% и 2,4% соответственно [5]. РФ по этому показателю находится «на 47-м месте с долей в 16,46%» [5].

В России «сегодня не устранены значительные проблемы, которые отрицательно влияют на пенсионные выплаты» [4, с. 2]: работодатели и работники не заинтересованы в формировании пенсионного капитала, увеличивается дефицит государственных бюджетных средств, «снижаются страховые начисления в системе пенсионного обеспечения» [4, с. 2], а также неэффективно используется налоговый потенциал негосударственных институтов.

Эти факторы создали определенные риски для финансовой системы страны, что вынудило российское руководство предпринять меры и повысить пенсионный возраст в 2018 г. до 65 и 60 лет для мужчин и женщин соответственно [9]. В то же время тенденция к увеличению минимального порога пенсионного возраста прослеживается не только в РФ, но и в

большинстве развитых западных стран: к примеру, во Франции, Германии, Бельгии и др. [6]. Согласно прогнозам Минздрава РФ «к 2030 году россияне в возрасте от 60 лет составят 25,4% населения страны, а к 2046-му – 30,4%» [3], что свидетельствует об устойчивой тенденции старения населения России.

Однако не только демографическое старение создает проблемы для экономики РФ – большое влияние на замедление экономического роста оказывает, в том числе, критически низкая рождаемость. В настоящее время молодые люди в России отказываются рожать детей по множеству причин, среди которых отсутствие жилья, большая ответственность, ориентация на карьеру и прочие личные мотивы [7], а «10% женщин к концу репродуктивного возраста остаются бездетными» [2], что для России является рекордно высоким показателем.

Более того, на данный момент в РФ фиксируется исторически минимальный показатель уровня безработицы (2,3% по стране, а в Москве и вовсе 1% [8]) при одновременном кадровом голоде, что вынуждает отечественные компании сталкиваться «с острым дефицитом персонала, конкурируя за сотрудников» [8]. Такая обстановка на внутреннем рынке вынуждает российскую администрацию предпринимать меры по удержанию граждан пенсионеров на бирже труда, одной из которых является призыв населения завершать трудовую деятельность на 10 лет позже, чтобы «более чем вдвое увеличить размер своей пенсии» [1].

Действующие сегодня механизмы выхода граждан на пенсию (65 лет для мужчин и 60 лет для женщин) представляются целесообразными исключительно в краткосрочной и среднесрочной перспективах. В будущем дефицит бюджета, вызванный необходимостью социального обеспечения значительных масс и усугубленный прочими факторами, создаст перед РФ новые вызовы и вынудит ее трансформировать пенсионную систему, начиная мерами повышения пенсионного возраста и заканчивая полной отменой пенсий.

Источники и литература

- 1) В Госдуме назвали способ увеличения пенсии более чем вдвое // Газета.ru. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/11/16/27193100.shtml> (дата обращения: 26.11.2025).
- 2) Демограф назвал рекордно высоким количество бездетных россиянок // Газета.ru. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/03/26/25402928.shtml> (дата обращения: 25.11.2025).

- 3) Доля россиян старше 60 лет к 2030 году превысит 25% // РБК. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfdd9a79472452adde84> (дата обращения: 24.11.2025).
- 4) Названы причины, почему молодые россияне не хотят рожать детей // Газета.ru. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/09/29/26839820.shtml> (дата обращения: 25.11.2025).
- 5) Названы страны с самой большой долей пожилых жителей старше 65 лет // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20251028/strany-2051074615.html> (дата обращения: 24.11.2025).
- 6) Неизбежная непопулярность: почему весь мир повышает пенсионный возраст // Известия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1454339/dmitrii-migunov/neizbezhnaia-nepopuliarnost-pochemu-ve-s-mir-povyshaet-pensionnyi-vozrast> (дата обращения: 24.11.2025).
- 7) Погосян В.В., Эржапова Р.С., Аюбова М.А., Аюбова М.А., Чакалаев С.Б. Пенсионное обеспечение в России: проблемы и перспективы развития // Научный электронный архив. [Электронный ресурс]. – URL: <http://econf.rae.ru/article/11617> (дата обращения: 25.11.2025).
- 8) Рынок труда 2025: замедление найма на фоне рекордно низкой безработицы // РБК. [Электронный ресурс]. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/YJ5AzmNRAf/ryinok-truda-2025-zamedleni-e-najma-na-fone-rekordno-nizkoj-bezrabortitsyi/> (дата обращения: 26.11.2025).
- 9) Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ (О страховых пенсиях) // Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38043> (дата обращения: 24.11.2025).

Ламбаева Ирина Александровна

*Московский государственный технический университет гражданской
авиации, Москва, Россия*

**Трансформация социальной политики Российской Федерации
в условиях новых вызовов**

Социальная политика современной России находится в состоянии глубокой трансформации. Если ранее она выполняла в основном компенса-

торную функцию, смягчая последствия экономических реформ и обеспечивая минимальные социальные гарантии, то сегодня она провозглашается ключевым инструментом обеспечения национальной безопасности, экономического роста и технологического суверенитета. Этот сдвиг парадигмы является ответом на комплекс внутренних и внешних вызовов: демографический крест, цифровую трансформацию экономики, санкционное давление и нарастающее социальное неравенство. Цель данной статьи – проанализировать контуры новой модели социальной политики России, выявив ее ключевые направления, инструменты и системные противоречия, связанные с ее финансированием и институциональным дизайном.

Основным трендом является переход от логики социального обеспечения к логике социальных инвестиций. Государство все чаще действует как стратегический инвестор, вкладывая ресурсы в здоровье, образование и благополучие граждан, рассматривая их как основной ресурс развития в условиях XXI века.

В рамках новой парадигмы можно выделить несколько стратегических направлений: пронаталистский курсдемографической политики, борьба с бедностью как основа социальной стабильности, инвестиции в человеческий капитал: образование и здравоохранение.

Социальная политика России демонстрирует осознанный переход от патерналистской модели к стратегии активных социальных инвестиций. Этот курс проявляется в комплексных мерах по поддержке демографии, адресной борьбе с бедностью, реформе образования и здравоохранения и масштабной цифровизации. Государство стремится не просто содержать нетрудоспособных, а формировать здоровое, образованное и экономически активное население как главный ресурс развития в условиях новых вызовов.

Однако устойчивость этой новой парадигмы ставится под сомнение системными противоречиями в ее фундаменте. Доминирование регрессивной налоговой системы и ее подчиненная роль по отношению к страховой модели ограничивают перераспределительный потенциал социальной политики. Финансируясь за счет косвенных налогов и сырьевой ренты, а не за счет справедливого налогообложения сверхдоходов, она рискует сохранить высокий уровень неравенства и зависимость от конъюнктурных факторов.

Таким образом, будущее социальной политики России зависит не только от эффективности реализуемых программ, но и от готовности власти реформировать ее фискальную основу, сделав ее в большей степе-

ни соответствующей декларируемым целям социальной справедливости и инвестиций в человека.

Источники и литература

- 1) Деханова Н. Г. , Холоденко Ю. Трансформация функций института социального государства: эволюция взглядов и современные вызовы // Социодинамика. 2024. №10.
- 2) Тихонова, Н. Е. Социальная политика в современной России: новые вызовы "точечного характера" / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2019. – № 3. – С. 20-35.

Леденева Виктория Юрьевна

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Moscow, Россия

Новые инструменты госуправления миграционными процессами в условиях цифровизации

Цифровая трансформация государственного управления кардинально меняет подходы к регулированию миграционных процессов. На смену традиционным и бюрократически процедурам пришли интегрированные цифровые платформы, работающие в режиме реального времени. Такие технологии позволяют эффективно, безопасно и прозрачно управлять миграционными потоками. В рамках ЕАЭС развитие совместных цифровых инструментов в сфере миграции является фактором интеграционного взаимодействия.

Цифровые технологии в миграционной сфере включают в себя единые информационные системы и биометрические реестры. Так, например, в России были созданы платформы для поиска работы на пространстве ЕАЭС и СНГ, реестр контролируемых лиц, в Москве запущено приложение «Амина» через которое иностранные граждане, прибывающие в Москву с целью работы должны зарегистрировать свое место жительства. Межгосударственные платформы агрегируют данные от пограничных служб, миграционных ведомств, налоговых органов и работодателей. Важным шагом в 2025г. стало внедрение биометрической идентификации иностранцев в пограничных пунктах пропуска (отпечатки пальцев, фото лица).

Для трудовых мигрантов введены цифровые профили и смарт-контракты. Внедрение цифровых патентов и электронных трудовых договоров, привязанных к цифровому профилю мигранта, позволяет ле-

гализовать пребывание в стране. Все эти технологии минимизирует коррупционные риски и защищают права работника. Кроме этого, цифровые технологии позволяют прогнозировать миграционные потоки, выявлять регионы с дефицитом кадров или, наоборот, с социальной напряженностью, и корректировать квоты и социальную политику. Распространена практика «единого окна»: от подачи заявления на работу и проверки статуса патента до изучения языка, получения юридической помощи и оплаты налогов. Это мощный инструмент адаптации и интеграции, напрямую связывающий государство с мигрантом.

Таким образом, позитивными эффектами внедрения новых цифровых инструментов госуправления в миграционной сфере является сокращение транзакционных издержек для всех сторон (государства, бизнеса, мигранта), повышение собираемости налогов.

Однако нельзя не отметить и возможные риски, связанные с внедрением цифровизации. В частности, технологии могут быть недоступны для старшего поколения, для трудовых мигрантов, которые трудятся в удаленных районах, при отсутствии интернета. Некоторые эксперты считают, что таким образом создается система тотальной цифровой слежки за мигрантом, где каждое его действие фиксируется. Остро встают вопросы защиты персональных данных.

В целом, успешное внедрение цифровых технологий зависит и от степени гармонизации стандартов, протоколов и законодательства между странами постсоветского пространства, которые особенно взаимосвязаны миграционными направлениями. Цифровизация создает не просто новые инструменты, а новую парадигму управления миграцией - более быструю, точную и комплексную. Государственное управление направлено на создание модели оценки социальных последствий этих технологий и прогнозирование их влияния на интеграционные процессы.

Источники и литература

- 1) Леденева В.Ю. Риски государственного управления в миграционной сфере в условиях цифровой трансформации / В. Ю. Леденева, А. Х. Рахмонов // Управление. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 51-59. – DOI 10.26425/2309-3633-2020-8-4-51-59. – EDN ZWGFZQ.
- 2) Пряжникова О.Н. Цифровизация и искусственный интеллект в управлении миграцией: опыт стран Европы (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России, 2024, №2, С. 158–167.
- 3) Суслов И.Д., Карабанова О.В. (2023). Трансформация подходов к пониманию цифровой миграции // Вестник Московского город-

ского педагогического университета. Серия «Экономика», 2023 №3 (37), 8. <https://doi.org/10.25688/2312-6647.2023.37.3.01>

- 4) Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы».

Лю Тяньси¹, Лай Хуаи¹

*1 - Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Социология китайского рынка: роль государства в создании порядка

В теоретической перспективе социологии рынков рынок понимается не как спонтанный порядок, а как социально-политическая конструкция, чья стабильность основывается на институциональном фундаменте. Согласно подходу Нила Флигстина, устойчивый рынок требует укоренения общепринятых «правил игры», охватывающих права собственности, управленческие структуры, правила обмена и концепции контроля, установление которых неизбежно предполагает активную роль государства. В китайском контексте эта роль выходит за рамки простого регулятора; государство выступает как «институциональный предприниматель», направляющий самый процесс рыночного строительства через модель «государственно направляемого конструирования рынка». Эта модель, характеризующаяся постепенностью и селективностью, позволила адаптировать рыночные механизмы в рамках сохраняющегося стратегического контроля, сформировав особую траекторию развития.

Процесс внедрения государственных норм в ткань рынка осуществляется через двойной, взаимодополняющий механизм. С одной стороны, формально-институциональное внедрение происходит через законы, нормативные акты и отраслевые стандарты, которые создают правовую рамку и перераспределяют власть между акторами. С другой стороны, неформально-практическое внедрение реализуется через более гибкие инструменты: политические экспериментальные зоны, целевые фонды, персональное кураторство предприятий и стратегическую координацию в приоритетных отраслях. Этот второй механизм позволяет нормам адаптироваться к местным условиям и рыночным изменениям, обеспечивая глубокую, но пластичную имплантацию государственной воли.

В ответ на эту имплантацию рыночные акторы развивают разнообразные стратегии, активно участвуя в формировании окончательного порядка. Стратегия полного соответствия, характерная для тесно связанных с государством компаний, предполагает интернализацию политических установок как корпоративной стратегии для получения доступа к ресурсам. Более распространена стратегическая адаптация, когда формальное соблюдение норм сочетается с поиском институциональных лазеек и инноваций, что порождает режим адаптивного взаимодействия с регулятором. На периферии также существует сопротивление в форме скрытых нарушений или тактик уклонения, которое служит обратной связью, заставляющей государство корректировать свои подходы и способствуя достижению динамического равновесия.

В совокупности эти процессы конструируют «легитимированный рынок», порождая многомерные эффекты. Четкие правила повышают стабильность и доверие, снижая трансакционные издержки. Промышленная политика направляет инновационные потоки в стратегические русла, а соответствие государственным нормам придает рыночной деятельности социальную легитимность. Однако этот конструкт несет в себе имманентные противоречия: между контролем и автономией, между унификацией правил и локальной спецификой их применения, а также между институциональной инерцией и рыночной динамикой. Постоянное напряжение и переговоры вокруг этих противоречий, например, в поиске баланса между безопасностью данных и свободой их циркуляции, и составляют суть непрерывного процесса социально-политического конструирования рынка.

Китайская модель формирования «легитимного рынка» представляет собой особый путь, характеризующийся глубоким и активным участием государства, — путь создания «государственно встроенного рынка». Этот подход, отличный как от либеральной парадигмы, так и от тотального планирования, реализуется через имплантацию норм в рыночную структуру по формальным и неформальным каналам. Активные и многообразные стратегии ответа со стороны рыночных акторов превращают этот процесс в совместное конструирование порядка, где государство и рынок находятся в состоянии постоянного адаптивного взаимодействия и переговоров.

Дальнейшая оптимизация этого взаимодействия видится в развитии институционализированных механизмов совещательного управления. Это предполагает расширение участия рыночных субъектов в нормотворчестве, повышение научной обоснованности и транспарентности регулирования, а также сохранение необходимого пространства для инноваций

в рамках установленных правил. Устойчивый и легитимный рыночный порядок, сочетающий динамизм с социальной ответственностью, может быть результатом лишь непрерывного, открытого и структурированного диалога между всеми заинтересованными сторонами.

Таким образом, социология рынков предлагает существенный аналитический инструментарий для понимания данной модели. Она позволяет выявить лежащие в основе конструирования рынка властные отношения, институциональные логики и культурные рамки, обеспечивая глубокое теоретическое осмысление сложной динамики между государством и рынком в контексте современного Китая.

Источники и литература

- 1) Fligstein N. Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, № 4. P. 656–673.
- 2) Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- 3) Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91, № 3. P. 481–510.
- 4) Ван Нин. Механизмы доверия и инновации в управлении платформенной экономикой // Общество. 2020. Т. 40, № 6. С. 88–112.
- 5) Ли Чжишэн, Чэнь Чэнь, Лю Тун. ESG-показатели и стоимость предприятия: эмпирическое исследование на основе рынка акций класса А в Китае // Исследования финансов. 2023. № 4. С. 45–62.
- 6) Линь Ифу. Новая структурная экономика: теоретическая рамка для осмысления экономического развития. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012.
- 7) Лю Шидин, Цюй Цзэци. Проблема «встроенности»: повторное рассмотрение // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 1–15.
- 8) Фу Пин. Социальная логика рынка. Пекин: Издательство социальных наук Китая, 2021.
- 9) Цзян Сюйцюань. Институциональные вызовы и пути управления на рынке данных как производственного фактора // Управление мировой экономикой. 2022. Т. 38, № 5. С. 1–15.

Мартыненко Татьяна Сергеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Парадоксы "старения на месте" в России: между "умным домом" и цифровым разрывом

В последние годы не только в зарубежной, но и в отечественной социологии все чаще обсуждается концепция «старения на месте» [1]. Этот интерес вызван конкретными демографическими тенденциями XXI века, связанными с увеличением старших возрастных групп фактически по всему миру. Так, по данным ООН, «к 2080 году число людей в возрасте 65 лет и старше превысит число детей до 18 лет» [2], а «к середине 2030-х годов в мире будет насчитываться 265 миллионов человек в возрасте 80 лет и старше, что превысит число младенцев» [2]. Указанные тенденции актуальны и для России. Эти демографические изменения приведут к серьезным социальным последствиям, включая увеличение экономической нагрузки на системы социального обеспечения, а также требуют преобразований в политике государства уже сегодня. Концепция «старения на месте» направлена на создание условий, в которых пожилые люди, с одной стороны, смогут как можно дольше оставаться самостоятельными, с другой – будут иметь возможность удовлетворять все свои потребности. Как отмечают российские социологи И.А. Григорьева и И.С. Петухова, «“старение на месте” – это сознательное решение оставаться в выбранной человеком среде обитания так долго, как это возможно, с важными для него удобствами» [1. С. 662]. Существует множество подходов к интерпретации этой концепции, но в большинстве случаев ее ключевыми характеристиками выступают «возраст, место, социальные связи и отношения, социальная инклюзия» [1. С. 662].

Сегодня реализации этой концепции в нашей стране противостоят многочисленные барьеры, среди которых можно выделить централизацию ресурсов, различия в плотности населения, неготовность инфраструктуры к стареющему населению и другие. Несмотря на это высокие темпы цифровой трансформации российского общества могут стать фактором, способствующим реализации концепции «старения на месте» или ей подобных. Уже сегодня цифровые устройства могут помогать отслеживать показатели здоровья, поддерживать связь с близкими на расстоянии, получать новые знания, привозить продукты и другие необходимые товары, создавать цифровые сообщества с низким порогом входа, тем самым создавая в привычном месте жительства человека более комфортную среду. Тем не менее, важно подчеркнуть и проблемы, связанные с реализацией концепций «умного дома» и даже «умного города». Речь

идет о, прежде всего, проблеме цифрового разрыва, особенно в контексте развития цифровой грамотности и цифровых навыков. Так, по данным НАФИ, «по всем показателям у россиян старше 55 лет уровень знаний ниже, чем у более молодых. Особенно серьезные пробелы – в коммуникативной грамотности, цифровой безопасности и создании цифрового контента» [3].

Таким образом, важной фактором для реализации концепции «старения на месте» является снижение цифрового разрыва в части старшего поколения, особенно в контексте обеспечения цифровой безопасности, мотивации использования технических устройств и платформ, а также развития стабильной интернет-инфраструктуры во всех регионах страны.

Источники и литература

- 1) Григорьева И.А., Петухова И.С. Теоретический подход «старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35, № 5. С. 662-667. DOI 10.34922/AE.2022.35.5.001. EDN YTUIPV.
- 2) Старение / ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing> (дата обращения: 15.01.2026).
- 3) Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий / Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovoy-razryv-kazhdyy-tretyi-rossiyanin-starshe-55-let-boitsya-ostatsya-za-bortom-tekhnologiy/> (дата обращения: 15.01.2026).

Маслова Виктория Евгеньевна

Курский Государственный Университет, Курск, Россия

Трансформация социального государства в условиях цифровизации: социологический анализ и прогнозы

Цифровизация в современном обществе выступает одним из ключевых факторов трансформации социального государства, определяя новые формы реализации социальной политики и взаимодействия органов власти с населением. Развитие цифровых технологий влияет не только на управленческие процессы, но и на социальную структуру общества, уровень неравенства и характер социальных рисков, что делает данный процесс важным объектом социологического анализа.

Социальное государство традиционно ориентировано на обеспечение социальной защиты, перераспределение ресурсов и снижение социального неравенства. В условиях цифровизации данные функции реализуются с использованием электронных платформ, информационных систем и технологий обработки больших данных. Порталы государственных услуг, цифровые реестры и автоматизированные системы назначения социальных выплат способствуют повышению эффективности управления и доступности социальных услуг. По мнению Г. В. Атаманчук, цифровые технологии формируют новую управленческую логику, основанную на оперативности, прозрачности и адресности социальной помощи [1].

Однако цифровая трансформация сопровождается рядом социальных рисков. Одним из наиболее значимых является углубление цифрового неравенства, связанного с различиями в доступе к цифровой инфраструктуре и уровне цифровой компетентности населения. Т. Р. Арамисов подчеркивает, что социальное неравенство в цифровую эпоху приобретает новые формы, затрагивая прежде всего пожилых людей, жителей сельских территорий и социально уязвимые группы [2].

В результате цифровизация может не только сглаживать, но и воспроизводить социальные различия. Значительное влияние цифровизация оказывает и на рынок труда, что непосредственно отражается на модели социального государства. Автоматизация и внедрение цифровых технологий трансформируют структуру занятости, усиливая нестабильность трудовых отношений и рост прекариата [3]. В этих условиях государство вынуждено пересматривать механизмы социальной защиты, развивать программы переqualификации и поддержки занятости, а также адаптировать систему социального страхования к новым социальным рискам.

Прогнозы развития социального государства в условиях цифровизации связаны с формированием гибкой и инклюзивной социальной политики. Эффективная цифровая трансформация возможна при условии развития цифровой грамотности населения, обеспечения информационной безопасности и соблюдения этических норм использования персональных данных. Таким образом, цифровизация выступает не только как инструмент повышения эффективности государственного управления, но и как фактор глубокого переосмысления социальной роли государства в современном обществе.

Источники и литература

- 1) Атаманчук Г.В. Государственное управление: теория и практика. М.: Омега-Л, 2020. 556 с.

- 2) Арамисов Т.Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. 2025. №2. С. 28-43.
- 3) Зуева Н.Л. Цифровизация социальной сферы // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. №2 (49). С. 277-287.

Матюнцова Татьяна Алексеевна
ФГБОУ "РОСБИОТЕХ", Москва, Россия

**Институциональное проектирование и управление
социальными инновациями в системе реабилитации
участников СВО: социологический анализ роли государства и
гражданского общества**

Процесс реабилитации участников СВО представляет собой сложный, многоаспектный процесс, который касается множества институтов и акторов. Эффективность данного процесса может зависеть от институционального проектирования и качественного управления социальными инновациями. Социологический анализ дает возможность определить механизмы взаимодействия и порядок ролей между самим государством и гражданским обществом.

Институциональное проектирование в рамках реабилитации участников СВО понимается как создание устойчивых механизмов помощи и поддержки, которые выходят за пределы конкретных программ.

Социологический подход обращает внимание на:

- 1) Формальные и неформальные институты
- 2) Доверие и различные ожидания общества
- 3) Практическое включение или исключение программ помощи и поддержки
- 4) Признание социальной группы

Государство является одним из ключевых субъектов институционального проектирования, так как имеет полномочия для разработки и внедрения нормативно-правовых актов, может их финансировать и координировать. Функции включают в себя:

- 1) Разработка стандартов системы реабилитации

- 2) Создание нормативно-правовых рамок в контексте социальных инноваций
- 3) Принятие проектов и программ, а также их дальнейшее распространение

Гражданское общество – это различные некоммерческие организации, волонтеры, предприниматели и т.д., которые оказывают большое влияние на разработку, а также принятие социальных инноваций. Плюсы гражданского общества состоят в:

- 1) Понимание потребностей целевой группы
- 2) Возможность создавать равные по положению связи и ассоциации помощи и поддержки
- 3) Большая приспособляемость

Социологический анализ указывает нам, что перспективные системы (модели) реабилитации зарождаются при активном взаимодействии между государством и гражданским обществом.

Можно выделить несколько моделей взаимодействия и управления:

А. Государство – заказчик, НКО – исполнители;

Б. Проектирование и управление происходит на основе партнерских связей;

В. Связи, которые формируются на основе равных по положению иерархий социального статуса (она же наиболее перспективная).

Институциональное проектирование системы реабилитации участников СВО для получения положительных результатов и дальнейшего распространения должно опираться на взаимодействие между государством и гражданским обществом. Управление же социальными инновациями здесь требует как административные решения, так и самого понимания социальных процессов, и форм единства.

Источники и литература

- 1) Попов Е.В. Институциональный механизм формирования социальных инноваций / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, Ж.К. Омонов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 57-75. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.3

Медведева Елена Ильинична¹, Крошилин Сергей Викторович¹

*1 - Институт социально-экономических проблем народонаселения
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия*

**Достижимость социально-экономических индикаторов,
заявленных в Национальных целях развития, в аспекте
оценки благополучия населения**

Задачи стратегического развития России, а также всех регионов страны напрямую связаны с достижением национальных целей, обозначенных в государственных программных документах [1]. В конце 2024 года В.В. Путин подписал Указ № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ» [2]. В нем отражены все показатели, которые должны быть ориентиром для расчета и определения эффективности деятельности должностных лиц, как в стране, так и в регионах. В список показателей, необходимых для оценки эффективности деятельности вышеуказанных категорий чиновников были включены: «Доверие к власти», «Численность населения субъекта РФ», «Суммарный коэффициент рождаемости», «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении», «Уровень бедности», «Уровень образования», «Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи» и др. Всего в перечне содержится 21 пункт, включая показатель «"Цифровая зрелость" государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования».

Наряду с оценкой эффективности работы все анализируемые параметры должны коррелировать с социально-экономическими показателями, отраженными в Национальных целях развития России на период до 2030 (далее НЦР Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [3]. Согласно тексту Указа были выделены следующие национальные цели развития (НЦР) Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Из данного перечня целесообразно выделить те, которые имеют цифровые показатели, к которым необходимо стремиться управленцам в каждом кон-

кретном субъекте/регионе РФ. К ним были отнесены: «Обеспеченность жильём» (не менее 33 квадратных метров на чел. к 2030 г.), «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» (78 лет к 2030 г.) и «Суммарный коэффициент рождаемости» (1,6 к 2030 году).

Проведенный анализ достижимости обозначенного ряда социально-экономических индикаторов заявленных в НЦР России на период до 2030г., позволили на основе пессимистичного, нейтрального, оптимистичного вариантов прогнозов получить значения показателей на 2030 год [4].

Рейтинги на основе спрогнозированных показателей НЦР по ФО РФ показали, что к 2030 году ни один из федеральных округов страны не сможет выполнить в полном объёме требования Президента и достичь необходимого уровня значений показателей.

Источники и литература

- 1) Ильин, В. А. Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года / В. А. Ильин, М. В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 9-40. – DOI 10.15838/esc.2024.1.91.1. – EDN EGADXV.
- 2) Указ Президента № 1014 “Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации” // Информационно-правовой портал «Гарант.ru»: [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410912652> (дата обращения: 19.12.2025)
- 3) Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России: [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 01.12.2025)
- 4) Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз / А. А. Шабунова, С. В. Крошин, А. В. Ярашева, Е. И. Медведева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 40-54. – DOI 10.15838/esc.2024.5.95.2. – EDN IGFYCO.

Микрюков Владимир Олегович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Вклад социологии в междисциплинарный ландшафт исследований искусственного интеллекта в системе государственного управления России

Анализ научных источников (монографий, научных статей, отчетов о НИР и др.) показывает, что в исследованиях, изучающих искусственный интеллект (далее - ИИ) доминируют технократические и юридические подходы, фокусирующиеся на эффективности алгоритмов и нормативном регулировании. Социология управления, в свою очередь, вносит принципиально иной вклад, смещая акцент с инструментальных характеристик ИИ на анализ его воздействия на формы социального взаимодействия между властью и обществом, институциональную устойчивость и легитимность государственных институтов.

Ключевой вклад социологии заключается в деконструкции мифа об «объективности» алгоритмов. Эмпирические исследования (интервью с госслужащими, анализ цифровых интерфейсов и др.) демонстрируют, что ИИ-системы не нейтральны, они воспроизводят существующие социальные неравенства при распределении социальных услуг, трансформируют бюрократические практики через делегирование ответственности «чёрным ящикам», а также формируют новый тип власти - алгоритмическую легитимность, основанную на вере в техническую рациональность, а не в социальный контракт. Эти процессы недоступны анализу чисто техническими или юридическими методами.

Социология предоставляет методологический инструментарий для диагностики институциональных рисков: семиотику алгоритмов для выявления скрытых предпосылок в ИИ; анализ дискурсов цифровых госуслуг для оценки изменений в коммуникации власти и граждан; качественные исследования мотивации чиновников при работе с ИИ, отношение граждан к цифровизации госуслуг с применением ИИ и т.д. Такой подход позволяет фиксировать не только функциональные сбои, но и глубинные трансформации социальных институтов (например, эрозию профессиональной автономии госслужащих или снижение общественного доверия из-за непрозрачности решений).

Для России, где внедрение ИИ происходит в условиях высокой централизации власти, социологический анализ приобретает особую значимость. Он позволяет выявить специфические институциональные риски, такие как трансформация моделей взаимодействия власти и общества в условиях алгоритмизации управления, возникновение неравенства в доступе к государственным услугам для различных социальных групп в следствие цифрового разрыва, а также изменение практик общественно-

го участия и механизмов обратной связи в процессах цифровой трансформации государственного управления. Таким образом, социология не только дополняет междисциплинарный ландшафт исследований ИИ, но формирует его критическое ядро, обеспечивая понимание трансформации самой природы государственной власти в цифровую эпоху. Это создаёт основу для разработки стратегий социально-ответственного внедрения ИИ, где технология становится инструментом усиления социальной справедливости.

Морозова Оксана Сергеевна

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
Рязань, РФ*

Электронное голосование и доверие: социальные основания принятия результата в условиях цифровизации выборов

Цифровизация выборов меняет социальную «ткань» доверия к итогам голосования: источник уверенности переносится от видимой процедурности к инфраструктурной опосредованности. Если в традиционных процедурах значимая часть контроля поддерживается наблюдаемыми действиями и материальными следами, то в электронном голосовании ключевые операции оказываются недоступны непосредственному наблюдению и должны быть легитимированы через институциональные гарантии, экспертные режимы контроля и публичные формы объяснения. Поэтому принятие результата целесообразно рассматривать как особый тип социального согласия, зависящий не только от политических предпочтений, но и от того, какие основания доверия производит сама процедура. Предлагается выделять три взаимосвязанных основания принятия результата. Первое — институциональное доверие к организаторам и операторам инфраструктуры, включая ясность распределения ответственности в цепочке «разработка — администрирование — организация процедуры — контроль». Второе — процедурное доверие, основанное на воспринимаемой проверяемости: существовании понятных и воспроизводимых процедур аудита, доступных независимым участникам. Третье — информационное доверие, формируемое в медиасреде: интерпретации «прозрачности» и «рисков» циркулируют как конкурирующие описания процедуры и способны усиливать или подрывать готовность признавать итог как обязательный. На основе предложенной схемы намечаются индикаторы эмпирической проверки: уровень институционального доверия, представления о прозрачности и уязвимостях, знание процедур

контроля и способов подачи жалоб, опыт политического участия, а также структура медиапотребления. Практический вывод состоит в том, что устойчивость электронного голосования определяется не только технической надежностью, но и социальным дизайном доверия: публичной объяснимостью и независимой проверяемостью.

Неглуб Станислав Русланович

ВМедА им С. М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия

Социальное государство и Россия, его появление, внешние и внутренние вызовы.

Социальное государство – это система, регулирующая экономическую деятельность субъектов производственных, торговых и банковских отношений правовыми и косвенными методами с целью перераспределения общественного продукта между различными социальными группами, что должно сглаживать классовое, образовательное и культурное неравенство между социальными акторами. Это явление есть форма адаптации капиталистической системы к наличию мировой социалистической системы [1. С. 325-328], так и новый этап в развитии – социальный капитализм [2. С. 21-22].

Социальное государство сформировалось в течении XX века, так первое свое развитие оно получило в период интербеллума (между двумя мировыми войнами и послереволюционный мир) и в послевоенный период (после Второй мировой войны). Период интербеллума характеризуется тем, что был создан новый международный порядок [3. С. 325 – 342] и появились сомнения в возможностях капитализма к саморегуляции, экономическое же поведение таких государств как США (Великая депрессия) и Германия [4. С. 73-85] показывают тенденцию социального капитализма. Послевоенный мировой порядок характеризуется высокой системной поляризацией, новым военно-политическим положением стран Западной Европы и США в противостоянии с мировой социалистической системой, что вызвало новую волну преобразований, которые и привели к окончательной институционализации социального государства.

Российское социальное государство было построено на развалинах советской коммунистической системы, ощутило на себе последствия отката от более высокоорганизованной системы, [5. С. 228-230] но и приняла на себя инерцию социальной эффективности от предыдущего строя, также сказалось влияние отступления от данного института в странах западного мира (США и Великобритания) в ходе неолиберальной революции,

что глобально ставит под сомнение необходимость данного института. Стали развиваться проблемы, которые обуславливались как самой экономической структурой общества [1. С. 673-704], так и внешнеполитическими аспектами, совокупность всех этих факторов делает будущее такого института неопределенным, например, кризисный характер принимают пенсионный, ценовой, кредитный и жилищные вопросы, что ставит сложную политическую и социальную проблему для руководства.

Источники и литература

- 1) Бузгалин, А. В. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 912 с.
- 2) Зиновьев А. А. Идеология партии будущего / А. А. Зиновьев. — Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. — 256 с.
- 3) Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А. А. Зиновьев. — Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. — 608 с.
- 4) Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы / А. Туз ; пер. с англ. А. Гуськова ; под науч. ред. Е. Антоновой. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2017 . 640 с.
- 5) Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики / А. Туз ; перевод с английского Н. Эдельмана. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2018. — 1292 с.

Нестерова Александра Владимировна

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

**Сокращение регионального социального неравенства в КНР,
посредством использования мер социокультурной адаптации к
системе образования**

Кризис практического урегулирования социального неравенства между живущими в городах и селах провинций Китайской Народной Республики на протяжении долгого времени не считался проблемой, требующей безотлагательного решения и применения радикальных мер, по

ее регулированию. В 1978 году, под руководством Дэн Сяопина и поддерживающих его революционеров, на третьей пленарной сессии Одиннадцатого Центрального комитета КПК, была представлена стратегическая политика по смещению центра внимания партии и государства на направление экономического строительства и проведение реформ “открытости страны”, которая подчеркнула необходимость внедрения глобального процесса урбанизации [1]. Данный процесс, должен был незамедлительно изменить положение регионального социального неравенства, позволяя жителям отдаленных населенных пунктов страны получить рабочее место в городах, где инфраструктура и условия жизни претерпевали положительные изменения.

С целью снижения регионального неравенства, правительством было принято решение о сокращении разрыва в уровне потребления населением минимальных государственных услуг, к которым отнесены стандарты образования, здравоохранения, планирования семьи, охрана окружающей среды, инфраструктура и т.д. Унификация ключевых государственных услуг обрела конституционную и правовую основу, в которых также сформулированы основные цели для их реализации:

- 1) достижение социальной справедливости;
- 2) развитие человеческих ресурсов;
- 3) достижение экономических выгод [3].

Анализируя проблему регионального неравенства, специалисты КНР столкнулись с новой проблемой, скрытой в среде социальных групп: “деление на сектора неравенства регионов” - западный и восточный. По результатам всестороннего анализа социальной структуры секторов, периода с 1999 по 2003 года, были выявлены и рассмотрены аспекты фиксации диспропорций:

- 1) классовое развитие и конфликты;
- 2) “три сельских вопроса”;
- 3) ценностная идентичность и этническое развитие;
- 4) влияние глобализации на социальную структуру общества [4].

В целях укрепления основополагающего сектора образования, для создания крепкой и процветающей нации, правительством КНР были внесены дополнительные положения в реформу образования, подразумевающие создание системы макроэкономического регулирования, получение грантов на среднее и высшее образование, транснациональное обучение,

повышение технологического уровня оснащения образовательных организаций и т.п.[2]. Принятые директивы не ликвидировали социальное неравенство на региональном уровне, однако, позволили его снизить, акцентируя внимание на фактор социальной адаптации населения к единой структуре обучения. Предполагаемым, и полученным, на 2025 год, в Китае, результатом интеграции положений в систему образования, стала форма адаптации ко всеобщему социальному мышлению и фундаментальному восприятию системы академической структуры, способствующих урегулированию процесса общественного неравенства, предлагая регионам равные возможности по повышению качества благосостояния населения.

Источники и литература

- 1) Доклад третьего пленума 11-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] : База данных Национальных съездов Коммунистической партии Китая, 1978 // Китайская Народная Республика. URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/4441902.html>
- 2) Жэнь Ц. Разрыв в региональном развитии Китая и меры по его сокращению / Ц. жэнь // Школа делового администрирования, Сианьский технологический университет, 2005. - С. 1-7.
- 3) Сокращение регионального разрыва в социальном развитии Китая [Электронный ресурс] : China Economic Times, 2000 // Китайская Народная Республика. URL: <https://m.cj.sina.cn/page/aHR0cDovL2ZpbmFuY2Uuc2luYS5jb20uY24vZ2VuZXJhbC9hbmFseXNpcy8yMDAwLTAxLTI4LzE5MTYyLmh0bWw?from=redirect> // <http://finance.sina.com.cn>
- 4) Яо Ю. Социальный кризис как причина развития Западно-Китайского региона / Ю. Яо // Журнал «Общие исследования» центра общего образования Кайнаньского университета, 2006. - №10. - С.105-116.

Нор-Аревян Оксана Аведиковна

*ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет", Ростов-на-Дону,
Российская Федерация*

Кадровое развитие профессии медицинской сестры в России

Система здравоохранения России остро нуждается в увеличении эффективного кадрового обеспечения. Как сообщила вице-премьер Татьяна Голикова на всероссийской конференции «Кадры для современного здравоохранения. Стратегия по снижению дефицита кадров» в системе здравоохранения работают 1,2 млн. средних медицинских работников [1].

Долгое время в центре внимания находилась подготовка лишь врачебных кадров, административное регулирование было направлено на повышение престижа профессии врача. Однако, роль среднего медицинского персонала в системе здравоохранения оставалась недооцененной длительное время. Взять, к примеру, федеральные целевые программы: программа «Земский доктор» появилась в 2012 г., и только в 2015 г. заработала программа «Земский фельдшер». В последние годы отмечен рост численности медицинских кадров как врачебных, так и среднего медицинского персонала. Но, по-прежнему сохраняется, неравномерное распределение кадров между городами и сельской местностью.

Кадровое развитие находится в центре внимания Национального проекта «Продолжительная и активная жизнь», который включает Федеральный проект «Медицинские кадры», согласно которому, к 2030 году будет увеличена обеспеченность системы здравоохранения медицинскими кадрами. Благодаря ликвидации кадрового дефицита предполагается достижение главной цели национального проекта – повышение доступности медицинской помощи для граждан Российской Федерации.

Государственная поддержка системы здравоохранения способствовала решению проблемы кадрового дефицита, в том числе средних медицинских работников, включает следующие ключевые мероприятия:

1) К 2030 году планируется увеличить контрольные цифры приема (КЦП) по программам среднего профессионального образования до 74 203 ед. и обучение по программам среднего профессионального образования по договорам, предусматривающим обязательство по трудоустройству (не менее 60 тыс. договоров к 2030 г.) [2].

2) по поручению президента РФ продлено действие программы «Земский фельдшер» до 2030 г. (изначально планировалось действие до 2024 г.).

3) Установление максимальных месячных размеров специальной социальной выплаты одному медицинскому работнику с 1 января 2023 г. [3]. Благодаря выплатам в малые населенные пункты приехали 4,5 тысячи средних медицинских работников.

Ежегодное увеличение размера субвенции способствовало росту заработной платы медицинских работников в сфере ОМС и выполнению целевых показателей по заработной плате. Так, по данным Федераль-

ного фонда ОМС зарплата среднего медицинского персонала в среднем составила 71 230 рублей и отмечен ее рост на 12,7%. [4].

Эти и другие меры государственной поддержки будут способствовать развитию кадрового потенциала средних медицинских работников в регионах, прежде всего, и скажутся положительно на социальном самочувствии среднего медперсонала и повышении престижа профессии медицинской сестры в России.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03337, <https://rscf.ru/project/25-28-03337/>

Источники и литература

- 1) Сухоруков А. Число врачей за последние два года выросло на 16 тысяч. – URL: <https://объясняем.пф/articles/news/kolichestvo-vrachey-za-poslednie-dva-goda-vyroslo-na-16-tysyach/> (дата обращения 29.01.2026г.)
- 2) Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» включает Федеральный проект «Медицинские кадры». – URL: <http://национальныепроекты.пф/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/meditsinskie-kadry/> (дата обращения 29.01.2026 г.)
- 3) Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. N 2568 «О дополнительной государственной социальной поддержке медицинских работников медицинских организаций, входящих в государственную и муниципальную системы здравоохранения и участвующих в базовой программе обязательного медицинского страхования либо территориальных программах обязательного медицинского страхования» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/406084383/> (дата обращения 29.01.2026 г.).
- 4) В Федеральном фонде ОМС назвали среднемесячную зарплату врачей в 2025 году. – URL: <https://объясняем.пф/articles/news/v-federalnom-fonde-oms-nazvali-srednemesyachnuyu-zarplatu-vrachey-v-2025-godu/> (дата обращения 29.01.2026г.).

Омутков Александр Иванович

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия*

**Принципы эффективного межрегионального управления:
координация федеральных и региональных программ для
сокращения социального разрыва**

Социальный разрыв между регионами — одна из ключевых проблем, с которой сталкиваются многие страны, включая Россию. Различия в уровне экономического развития, доступности социальных услуг и качества жизни приводят к неравенству и социальным напряжениям. Эффективное межрегиональное управление становится важным инструментом для устранения этих диспропорций. В данной статье мы рассмотрим принципы координации федеральных и региональных программ, направленных на сокращение социального разрыва.

1. Понятие межрегионального управления

Межрегиональное управление представляет собой систему взаимодействия между федеральными и региональными органами власти, направленную на реализацию государственной политики в различных сферах. Оно включает в себя координацию действий, распределение ресурсов и мониторинг результатов.

1.1. Значение межрегионального управления

Эффективное межрегиональное управление позволяет:

- Устранить дублирование усилий и ресурсов.
- Оптимизировать распределение бюджетных средств.
- Обеспечить согласованность в реализации социальных программ.

2. Принципы координации федеральных и региональных программ

Для достижения целей межрегионального управления необходимо следовать нескольким ключевым принципам.

2.1. Интеграция стратегий

Федеральные и региональные стратегии должны быть интегрированы, чтобы обеспечить единую направленность действий. Это включает в себя:

- Разработку совместных программ и инициатив.
- Согласование целей и задач на уровне субъектов федерации.

2.2. Участие местных сообществ

Включение местных сообществ в процесс принятия решений способствует более точному определению потребностей населения и повышает эффективность программ. Это можно реализовать через:

- Проведение консультаций и опросов.
- Создание общественных советов при органах власти.

2.3. Прозрачность и подотчетность

Прозрачность в работе органов власти и подотчетность за использование бюджетных средств способствуют повышению доверия со стороны населения. Для этого необходимо:

- Публиковать отчеты о расходах и результатах программ.
- Внедрять механизмы общественного контроля.

2.4. Гибкость и адаптивность

Межрегиональное управление должно быть гибким, чтобы оперативно реагировать на изменения в экономической и социальной ситуации. Это включает в себя:

- Регулярный анализ и оценку эффективности программ.
- Корректировку стратегий в зависимости от текущих реалий.

3. Примеры успешной координации

3.1. Программа "Доступная среда"

Программа "Доступная среда", направленная на создание безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями, является примером успешной координации. В рамках этой программы федеральные и региональные власти совместно разрабатывают стандарты и финансируют проекты.

3.2. Программа "Комплексное развитие сельских территорий"

Данная программа направлена на улучшение качества жизни в сельской местности и включает в себя как федеральное, так и региональное финансирование. Координация действий позволяет более эффективно использовать ресурсы и достигать поставленных целей.

4. Заключение

Эффективное межрегиональное управление требует комплексного подхода и соблюдения принципов координации федеральных и региональных программ. Только через интеграцию стратегий, активное участие местных сообществ, прозрачность и гибкость можно достичь сокращения социального разрыва между регионами. Важно продолжать исследовать и внедрять лучшие практики, чтобы обеспечить устойчивое развитие и социальную справедливость в стране.

Пикулина Дарья Евгеньевна

*Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Российская Федерация*

Проблемы и перспективы цифровизации в государственном и муниципальном управлении

В настоящее время переход от автоматизации задач в сфере государственного и муниципального управления к внедрению искусственного интеллекта, больших баз данных, а также предиктивной аналитике требует научного обоснования, оценки перспектив и рисков, что обуславливает актуальность научного исследования.

Данная проблематика активно разрабатывается отечественными учеными. Многие исследователи сходятся во мнении, что несмотря на очевидные преимущества цифровизации государственного управления, сохраняется необходимость в устранении имеющихся пробелов в правовой среде и трансформации механизма управления в функциональном и институциональном аспектах.

Целью исследования является выявление основных проблем и перспектив цифровизации в государственном и муниципальном управлении.

Необходимость процесса цифровизации в Российской Федерации отражена в многочисленных государственных и муниципальных документах, программах и проектах. Анализ документов показывает, что цифровизация призвана обеспечить качественно новый уровень эффективности государственного управления, но при этом существует необходимость серьезного пересмотра компетенций всех органов государственной власти.

Внедрение информационных технологий в государственное управление имеет следующие преимущества. Цифровизация публичного управления способствует повышению эффективности администрирования, росту качества и доступности государственных услуг для населения, обеспечению безопасной среды для их получения, а также предоставляет возможности для участия граждан в принятии решений на государственном уровне через развитие цифровых платформ. Кроме этого, данный процесс позволит снизить административные барьеры и сделать взаимодействие граждан и бизнеса с государственными органами более комфортным и прозрачным, что снизит риск возникновения коррупционных схем и будет способствовать укреплению доверия к государственному аппарату.

Необходимо выделить также существующие риски цифровизации системы государственного управления. Важно отметить, что этот процесс тесно связан с вопросами кибербезопасности, поскольку сегодня государство все чаще подвергается кибератакам. Переход государственных структур на отечественное программное обеспечение может защитить конфиденциальные данные от стороннего вмешательства. Отставание законодательной базы от темпов развития информационных технологий – серьезное препятствие для данного процесса. Улучшение нормативно-правовой базы может помочь снижению правовых рисков, связанных с цифровизацией. Также существенным риском является неравномерность цифровизации регионов страны, что может привести к возникновению «цифрового неравенства».

В заключение важно отметить, несмотря на преимущества, которые дает цифровизация в улучшении системы государственного управления,

ее эффективность зависит от того, в какой мере будут устранены возможные риски. Дальнейшее ее изучение поможет разработать рекомендации по эффективному решению поставленных задач цифровизации государственного управления в России.

Источники и литература

- 1) Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 11.02.2019 г. // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 20.01.2026).
- 2) Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 20.01.2026).
- 3) Указ Президента РФ от 09.05.2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.01.2026).
- 4) Журавлева И. С. Социальные эффекты цифровизации государственного управления // Социология. 2023. № 4. С. 93-109.
- 5) Звездилина К. Ф. Цифровые платформы для гражданского участия: как технологии меняют взаимодействие государства и общества // Вестник экономики и права. 2025. № 107. С. 48-52.
- 6) Кипервар Е.А., Мамай Е.В., Мизя М.С. Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 10. С. 2223–2242.
- 7) Михайленко Н. В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 171–175.
- 8) Яковлев-Чернышев В.А. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации: преимущества и риски // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2021. № 2. С. 42-51.

Покида Андрей Николаевич

РАНХиГС, Москва, Россия

Совершенствование государственного контроля (надзора) и его влияние на деятельность предприятий частного бизнеса

В последние годы государство обращает внимание на важность обеспечения комфортной среды для бизнеса и ее развития, в связи с чем проводится последовательная деятельность по снижению административной нагрузки на бизнес, связанной с государственным контролем (надзором) (ГК(Н)). В рамках реформирования контрольно-надзорной деятельности выявлен и отменен ряд устаревших и избыточных норм и правил, введен риск-ориентированный подход в проведении контрольно-надзорных мероприятий – вместо сплошных проверок введено дифференцированное планирование контрольных (надзорных) мероприятий в зависимости от степени опасности деятельности юридического лица или ИП для охраняемых законом ценностей (ОЗЦ).

Одно из ключевых изменений в деятельности контрольно-надзорных органов (КНО) – их ориентация на профилактические мероприятия при осуществлении государственного контроля (надзора) в отношении контролируемых лиц и сокращение контрольных (надзорных) мероприятий, в том числе проверок различного формата. Ориентация государственного контроля на профилактические мероприятия является важным шагом на пути к созданию более благоприятного делового климата и повышению эффективности государственного управления.

РАНХиГС начиная с 2017 г. на постоянной основе осуществляет мониторинг результативности государственного контроля (надзора) с позиции частного бизнеса [1, 2].

В целом результаты анализа социологических данных позволили выделить ряд особенностей, в том числе увеличение оценок *общего* положительного влияния ГК(Н) на деятельность предприятий, однако этот рост может быть обеспечен не за счет снижения рисков причинения вреда ОЗЦ, повышения безопасности продукции, процессов производства и т.д., а скорее за счет снижения административных издержек, избыточных процедур при проведении госконтроля, особенно на предприятиях с более низкой категорией риска.

Данные фиксируют и другие позитивные тенденции: меньше становится частных хозяйствующих субъектов, сообщивших о наличии проблем для деятельности их предприятий в связи с мероприятиями КНО; отмечается сокращение временных и материальных издержек при их проведении; частный бизнес сейчас чаще сообщает о том, что обеспечить исполнение всех обязательных требований, являющихся предметом отдельного вида государственного контроля (надзора), не сложно.

В целом анализ результатов исследования о влиянии ГК(Н) на деятельность частных хозяйствующих субъектов демонстрирует, что постепенно среди последних формируется более позитивное отношение к

государственному контролю (надзору). И этот факт, как представляется, имеет важное значение в процессе совершенствования контрольно-надзорной деятельности – для оценки его результативности в целом и определения его приоритетов на будущее.

Источники и литература

- 1) Добролюбова Е.И., Зыбуновская Н.В., Покида А.Н., Южаков В.Н. Оценка влияния государственного контроля (надзора) на деятельность хозяйствующих субъектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 7-25.
- 2) Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Влияние контрольно-надзорных и профилактических мероприятий государственного контроля (надзора) на деятельность частных хозяйствующих субъектов // Власть. 2025. Т. 33, № 4. С. 275-286. DOI 10.24412/2071-5358-2025-4-275-286.

Поляченко Игорь Анатольевич¹, Медведева Елена Ильинична¹
1 - ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инновационные подходы к анализу мирового экономического пространства в сфере высшего образования, включая конкуренцию за таланты

Сфера высшего образования в глобальном экономическом пространстве выступает стратегическим активом, определяющим конкурентное преимущество государства. Человеческому капиталу в условиях технологической революции и геополитической нестабильности отводится роль ключевого фактора научного-технологического суверенитета. Конкуренция за таланты превращает университеты в динамичную экосистему, объединяющую интересы государств, вузов, корпораций и студентов. В России кадровый дефицит 2021-2026 годов в ключевых секторах экономики придает теме привлечения иностранных выпускников статус вопроса экономической безопасности.

Мировое экономическое пространство высшего образования представляет собой четырехкомпонентную модель, где образовательный капитал вузов - программы, инфраструктура и репутация - выступает центром притяжения для талантов, привлекая их в страны с сильными университетскими системами. Миграционные потоки охватывают 6,9 млн

студентов в 2024 году с прогнозом роста до 10 млн к 2030 году [1]. Корпоративный спрос стимулирует совместные лаборатории в ИТ, биотехнологиях и инженерии, превращая вузы в питомники кадров, а государственная политика эволюционирует к активному управлению миграцией.

Структурный дефицит квалифицированных кадров в России наиболее остро наблюдается в ИТ, здравоохранении, энергетике и передовых технологиях. Геополитические сдвиги изменили миграционные потоки, сместив фокус на студентов из Азии и Африки.

Иностранные выпускники российских вузов обеспечивают прямой экономический эффект через заполнение вакансий в дефицитных отраслях, косвенный - за счет трансфера знаний и инноваций, а также мультипликативный - через налоги и потребительский спрос. Необходима своя экосистема, охватывающая весь жизненный цикл талантов от привлечения и обучения до интеграции в рынок труда.

Международные модели привлечения талантов демонстрируют свою эффективность, добиваясь показателя доли выпускников, остающихся работать в принимающей стране, на уровне 35-70% [2] против 8-12% в РФ.

«Цифровой профиль» выпускника с верификацией квалификаций радикально снижает бюрократию. Программы наставничества (6-12 месяцев) и межвузовские консорциумы повышают адаптацию и доверие работодателей через кооперацию. Гибридные форматы «учеба-работа» минимизируют разрыв между дипломом и трудоустройством, создавая непрерывный цикл развития талантов.

«Цифровое гражданство выпускника» с привилегиями (визы, коммуникации, сообщества) превращает диплом в пожизненный актив геополитического влияния.

России следует внимательно рассмотреть возможность ввести программу «Выпускник-профессионал» с двухлетним поиском работы и платформой «Таланты для роста» для связи вузов и работодателей.

Источники и литература

- 1 https://www.iie.org/wp-content/uploads/2024/03/IIE_Outlook-2030_March-2024.pdf
- 2 OECD Migration Outlook 2024, отчеты национальных иммиграционных служб, исследования ICEF Monitor

Потемкина Юлия Геннадьевна

Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный университет им. Н.Н.Лобачевского, Москва, Россия

Зарубежные практики миграционного управления в условиях цифровизации

Современная миграция - один из ключевых факторов формирования населения и трудовых ресурсов России (рост доли и изменение структуры миграционных потоков -Росстат). Изучение региональных «миграционных» практик управления в условиях цифровизации, где цифровые технологии - комплекс инструментов и методов, используемых государствами для автоматизации «миграционных» процессов (электронные базы данных, онлайн-сервисы, биометрия, мониторинг передвижений и применение аналитических систем для выявления рисков и прогнозирования). США и Китай - различные традиции; модели государства; подходы к управлению миграционными процессами. Сопоставление степени цифровизации и эффективности «миграционного» управления. США - децентрализованная модель управления миграцией. Федеральные органы (Department of Homeland Security, подразделения USCIS, ICE, CBP, Department of State и Department of Labor) отвечают за пограничный контроль, депортацию и натурализацию; штаты занимаются трудоустройством, социальным обеспечением и интеграцией мигрантов (высокая степень автономии). Цифровые инструменты - онлайн-порталы и веб-ресурсы (визы, проверка статуса и получение услуг); автоматизированные базы данных и цифровые платформы – оперативная координация действий ведомств; анализ больших данных для выявления тенденций миграции и оптимизировать политику; биометрические технологии для безопасности. Китайская институциональная модель - централизация ключевых функций на национальном уровне (National Immigration Administration, Ministry of Public Security), одновременно значительная операционная автономия провинций. Уникальность - интеграция механизмов контроля над внутренней и внешней миграцией в единую институциональную структуру (историческая система хукоу - регистрация по месту проживания). Цифровые инструменты играют ключевую роль: единая цифровая платформа - централизованное управление миграционными процессами, объединяя базу данных внутренних и внешних мигрантов; система электронных паспортов и виз ускоряет и повышает прозрачность перемещения населения внутри страны; интеграция с системой социального кредита усиливает контроль за соблюдением правовых норм и способствует эффективной интеграции мигрантов; использование

Big Data и AI-технологий позволяет анализировать миграционные потоки, предотвращать нелегальные перемещения. Сочетание централизованного руководства и цифровой инфраструктуры - эффективная институциональная основа комплексного «миграционного» управления. Обе страны активно используют цифровые технологии, подходы различаются: США фокусируются на повышении удобства пользователей и координации учреждений, Китай стремится усилить контроль и интегрировать миграционные процессы в общую систему управления. Исследование направлено на развитие компаративной миграциологии и концептуальной основы совершенствования инструментов миграционной политики в различных социально-экономических контекстах.

Источники и литература

- 1) Castles, S., de Haas, H., & Miller, M.J. (2014). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (5th ed.). Palgrave Macmillan.
- 2) Hollifield, J.F., Martin, P.L., & Orrenius, P.M. (2014). *Controlling Immigration: A Global Perspective* (3rd ed.). Stanford University Press.
- 3) Brettell, C.B., & Hollifield, J.F. (Eds.). (2014). *Migration Theory: Talking across Disciplines* (3rd ed.). Routledge.
- 4) Zolberg, A.R. (2006). *A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America*. Harvard University Press.
- 5) Massey, D.S., Durand, J., & Malone, N.J. (2002). *Beyond Smoke and Mirrors: Mexican Immigration in an Era of Economic Integration*. Russell Sage Foundation.
- 6) Fan, C.C. (2008). *China on the Move: Migration, the State, and the Household*. Routledge.
- 7) Malakhov, V.S. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*, 66(7), 1062-1079.
- 8) Reitz, J.G. (2014). *The Status of Origin Recognition in Canada's Immigration Policy: A Comparison with Australia, the United States, and the European Union*. Institute for Research on Public Policy.
- 9) Ryazantsev, S. (2013). Russia Needs a New Migration Policy. *Russian Politics & Law*, 51(3), 80-88.

Похомова Алеся Андреевна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
**Институт волонтерства как ресурс реализации концепции
социального государства**

Концепция социального государства начала развиваться в странах Западной Европы в середине 19 века. В настоящее время под данным понятием понимают социальную направленность политики государства, ориентированную на обеспечение экономической безопасности, социальной защищенности граждан, достижение социальной справедливости. Реализация задач, стоящих перед социальным государством, предполагает в том числе формирование и осуществление социальной ответственности государства, бизнеса и гражданина [1].

Реализация принципа социальной ответственности позволяет делать модель социального государства более эффективной, а социальную политику государства – более результативной [2]. В статье 1 Конституции Республики Беларусь говорится о том, что Республика Беларусь является социальным государством. В статье 21 подчеркивается, что «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства». Отдельная созидаящая роль отводится в социальной политике белорусского государства молодежи, так в статье 31 отмечено, что государство «создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества».

Формирование и развитие института волонтерства в стране, с одной стороны, свидетельствуют, об укреплении гражданского общества, с другой стороны, повышении социальной ответственности граждан. Волонтерство как добровольная, безвозмездная деятельность человека, ориентированная на помощь нуждающимся, в Республике Беларусь начала институционализироваться в 90-е годы 20 века. В настоящее время этот процесс продолжается, в том числе за счет правового и организационного содействия государства.

Деятельность социальных волонтеров ориентирована на помощь неблагополучным, уязвимым, нуждающимся и иным группам населения, для поддержки которых ресурсов государства бывает недостаточно. По данным выборочного обследования домашних хозяйств Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, охватывающего граждан в возрасте 15 – 74 лет, в 2024 году 69,4% волонтеров относились к занятому населению, среди наиболее распространенных направлений волонтерской деятельности среди белорусов стали такие как зооволонтер-

ство (оказание помощи животным – 44,7%), социальное волонтерство (социальные работы – 14,9%) и экологическое волонтерство (благоустройство и очистка территории населенного пункта – 11,4%) [3].

В последние годы в белорусском государстве особое внимание уделяется молодежному и серебряному волонтерству. В рамках реализации Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи оптимизируются формы и методы воспитательной работы с молодежью, в том числе во многих учебных учреждениях функционируют клубы, отряды, центры волонтерской деятельности, интегрирующие детей и молодежь в разные сферы общественной жизни, прививая такие качества как сопереживание, социальная ответственность, готовность оказать помощь, также важный вклад в развитие молодежного волонтерского движения оказывают общественные объединения. Определенный импульс развитию серебряного волонтерства придало принятие в 2020 году Национальной стратегии «Активное долголетие-2030». В большинстве территориальных центров социального обслуживания населения в отделениях дневного пребывания для граждан пожилого возраста работают волонтеры, в том числе и «серебряного» возраста, организована работа волонтерских групп, что способствует реализации потенциала пожилых людей, преодоления одиночества в пожилом возрасте.

Таким образом, институт волонтерства содействует государственным службам в решении таких задач как помощь социально уязвимым категориям граждан и улучшения качества жизни отдельных групп людей, способствует повышению межличностного доверия, достижению солидарности. В то же время волонтерство молодых людей помогает не только благополучателям, но и самим молодым людям развивать патриотизм, эмпатию и сострадание, формировать индивидуальную социальную ответственность.

Источники и литература

- 1) Забралова О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 6. – С. 21–31.
- 2) Станкевич О.Г. О принципе социальной ответственности // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Республиканской науч.-практ. конференции, Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак. Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 63-68.

- 3) Волонтерская деятельность // Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь: статистический сборник. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/252/3s06v2x23rywvtc6jfgseakg7qorkl8.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).

Прозоров Александр Михайлович

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Социальные механизмы региональной резильентности

Способность регионов адаптироваться к экономическим вызовам существенно различается даже при сопоставимых ресурсах и отраслевой структуре. Этот факт указывает на значимость факторов, которые не сводятся к материальной базе, а коренятся в особенностях социальной организации территориальных сообществ [1, 2]. Цель работы – выявить социальные механизмы, определяющие способность регионов к коллективному адаптивному действию в условиях внешних шоков.

Исходной точкой анализа служит концептуальное различие двух типов адаптации: восстановительной, направленной на возврат к прежнему состоянию, и трансформационной, использующей кризис как окно возможностей для структурного обновления [2]. Именно второй тип характерен для регионов, демонстрирующих устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. Его реализация обеспечивается взаимодействием четырёх взаимосвязанных социальных механизмов [3].

Фундаментальным является институциональный механизм, формируемый через плотность устойчивых связей между органами власти, бизнес-структурами и организациями гражданского общества. Такие связи создают площадки для коллективного обучения и выработки общих интерпретаций вызовов. Накопленный опыт преодоления прошлых кризисов фиксируется в организационных практиках, образуя институциональную память региона.

На основе сложившейся институциональной среды функционирует коммуникативный механизм. Его содержание составляют устойчивые информационные сети, связывающие публичный, частный и некоммерческий секторы. Способность администраций координировать потоки данных о характере угроз и принимаемых мерах ускоряет коллективную реакцию и снижает неопределённость для всех участников взаимодействия.

Экспертно-аналитический механизм связан с институционализацией экспертного знания в процессах принятия управленческих решений. Регионы, создающие аналитические центры и привлекающие внешнюю экспертизу на систематической основе, демонстрируют более высокую способность к выработке обоснованных стратегий экономической диверсификации.

Интегрирующую роль выполняет стратегический механизм, проявляющийся в способности властей сочетать стабильность институциональной среды с гибкостью оперативного реагирования. Его эффективность определяется качеством многоуровневой координации между федеральным центром и регионами, позволяющей адаптировать общие стратегии к локальным условиям без фрагментации усилий.

Таким образом, резильентность региональных экономик формируется на пересечении институциональной плотности, коммуникативной связности, экспертной обеспеченности и стратегической гибкости управления. Понимание взаимосвязи данных механизмов открывает возможности для целенаправленного конструирования институциональных условий, повышающих способность территорий к эффективному реагированию на внешние вызовы.

Источники и литература

- 1) Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 5. С. 93–115.
- 2) Martin R., Sunley P. On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation // Journal of Economic Geography. 2015. Vol. 15. P. 1–42.
- 3) Sutton J., Arku G. Regional economic resilience: towards a system approach // Regional Studies, Regional Science. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 497–512.

Разов Павел Викторович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Кадровая работа в органах власти как фактор социально-экономического развития российских территорий

В докладе будут рассмотрены проблемы кадровой работы в органах местного самоуправления, обоснован вывод о необходимости

профессионализации муниципального управления как ключевого фактора социально-экономического развития российских территорий. От муниципальных кадров требуется интеграция, как базовых знаний в сфере управления финансами, бюджетом, регулирования сложнейших вопросов жилищно-коммунального хозяйства, так и личностно-коммуникативных навыков, позволяющих осуществлять взаимодействие с различными заинтересованными группами (инвесторы, предприниматели, представители региональных властей и, прежде всего, местные жители). Доклад основывается на результатах опроса экспертов, в качестве которых выступили руководители органов местного самоуправления. В ходе исследования были установлены ограничения эффективности деятельности органов местного самоуправления: недостаточная штатная численность муниципальных служащих, а также их профессиональных компетенций. Многозадачность работы муниципального служащего отягощается неконкурентным уровнем заработной платы, суженными возможностями карьерного роста, высокой сложностью вопросов местной повестки, конфликтными рисками. Кроме того, эксперты отметили отсутствие эффективной системы подготовки сити-менеджера в современных условиях. В докладе будут обоснованы и детализированы следующие направления кадровой работы в органах власти: во-первых, оптимизация процедур отбора и подготовки сити-менеджера, как ключевого субъекта местного самоуправления, во-вторых, формирование институциональных условий для развития кадрового корпуса муниципальной службы. В докладе будут раскрыты рекомендации по развитию кадрового потенциала муниципальной службы, повышению ее привлекательности для молодежи.

Распосиенко Дмитрий Юрьевич

*Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Екатеринбург, Россия*

Реализация модели социального государства в моногородах Свердловской области: историческая эволюция и современные тенденции

Социальное развитие в Свердловской области закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) с предприятиями атомной отрасли и оборонно-промышленного комплекса

(ОПК) (г. Новоуральск, г. Лесной) и открытых моногородов с градообразующими машиностроительными гигантами (г. Нижний Тагил, г. Каменск-Уральский и др.) представляет собой уникальный феномен, где в микроформате воплощалась модель «социального государства».

В советский период, когда часто города создавались вокруг предприятий ОПК, реализовывалась своеобразная система патернализма. Предприятия выступали полномочными агентами государства по выполнению его социальных функций, обеспечивая население работой, жильём (получаемым в порядке очереди), общественными благами. В ЗАТО модель «государства-корпорации» была доведена до максимума: высокий уровень обеспечения, изоляция и безопасность граждан обменивались на их полную лояльность, трудовую отдачу и зависимость от единственного работодателя-государства в лице предприятия.

Распад СССР привёл к кризису данной модели, сопровождавшемуся ослаблением социальных обязательств предприятий, передачей социальной инфраструктуры муниципалитетам и ее частичной приватизацией, ухудшением качества жизни населения и его оттоку, и продемонстрировал уязвимость экономики монозависимых территорий [1].

Государство, осознав риски деградации промышленных городов, стало принимать меры по их поддержке и развитию [2, 3]. Предприятия ОПК, стабилизировав свое положение, вернулись к социальным инвестициям в новой прагматичной логике корпоративной социальной ответственности с акцентом на осуществление точечных проектов в социальной сфере. [1, 4].

Текущий период создает противоречивую ситуацию для реализации социальной политики. С одной стороны, государство и корпорации в условиях «кадрового голода» вынуждены вновь активно заниматься развитием территорий присутствия для удержания и привлечения специалистов, конкурируя в этом с мегаполисами, что требует резкого повышения уровня жизни в моногородах, а не просто возврата к советским стандартам [1]. И таким образом, предприятия снова становятся ключевыми драйверами социально-экономической жизни, инвестируя не только в производство, но и в различные социальные проекты.

С другой стороны, полный возврат к советской патерналистической модели невозможен. Вместо нее формируется трипартистская модель, в которой федеральный центр ответствен за определение стратегических приоритетов, финансирование инфраструктурных проектов национального значения, общее законодательное регулирование; госкорпорации/предприятия инвестируют в развитие территории как среду для бизнеса с акцентом на создание инновационных экосистем (технопарков,

центров компетенций), поддержку социальных программ; региональные и муниципальные власти обеспечивают повседневное функционирование социальной сферы и интеграцию корпоративных инициатив в общую стратегию развития региона.

Ключевым становится создание комплексной среды для жизни, работы и самореализации человека.

Источники и литература

- 1) Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Диверсификация в атомной отрасли России: на пути к технологическому суверенитету. Методологические и практические аспекты. Монография. М.: Издательство «Перо», 2024. 304 с.
- 2) О территориях опережающего развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.).
- 3) Об утверждении Стратегии промышленного и инновационного развития Свердловской области на период до 2035 года: Постановление Правительства Свердловской области от 28 июня 2019 г. № 383-ПП (в ред. от 14 ноября 2024 г.).
- 4) Салиенко Н.В., Соколов Г.А. Корпоративная социальная ответственность в оборонной отрасли: сравнительный анализ и перспективы для России // Economic and Social Research. 2024. № 1 (41). С. 80-92.

Рябцев Никита Валерьевич

*Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Екатеринбург, Российская Федерация*

Перспективы развития социальной инфраструктуры малых городов

Состояние социальной инфраструктуры в городах, особенно в малых, остается актуальной проблемой управления. Усугубляется территориальное неравенство, территории испытывают демографический кризис, управление испытывает влияние цифровизации. В данных услови-

ях требуются новые подходы к сохранению и развитию социальной инфраструктуры. Базовая социальная инфраструктура, необходимая для обеспечения жизнедеятельности населения, представлена объектами образования и здравоохранения, однако в исследованиях внимание так же уделяется учреждениям культуры, спортивным объектам, сфере услуг и транспортной доступности. Зачастую для изучения качества социальной инфраструктуры проводится количественный анализ сети объектов и изучение общественного мнения. Современные исследования обращают внимание на дефицит учреждений образования и здравоохранения в малых городах. Все более важным индикатором становится доступность для населения, что обеспечивается в крупных городах, однако остается недостаточным в малых городах. Авторами отмечаются низкий уровень обеспеченности учреждений малых поселений и концентрация населения в более крупных населенных пунктах, где, как правило, проживает большее число жителей муниципалитета или региона. Демографические процессы оказывают влияние на структуру потребностей: сокращение доли населения молодого возраста способствует повышению среднего возраста, что перераспределяет нагрузку и потребности в объектах социальной инфраструктуры для разных возрастных групп. Ряд исследований отмечают роль социальной инфраструктуры в удержании населения в условиях оттока. Социальная инфраструктура города становится важнейшим элементом территории, выполняющим опорную функцию. Население территории, как потребитель социальных услуг, имеет существенную роль в развитии инфраструктуры. Именно оценка населением качества услуг является важным показателем уровня развития. Возрастает роль населения и в вопросах развития территории. В условиях низких бюджетных возможностей местной власти актуализируются идеи возможного перераспределения финансовой нагрузки на население и предпринимателей, а также практики инициативного бюджетирования и софинансирования. Участие населения в вопросах территориального развития может становиться фактором повышения доверия к управленческим решениям на местном уровне, повышать качество обратной связи, что положительно влияет на эффективность решений. Особое внимание в отношениях власти и населения все больше занимает цифровизация: современные услуги характеризуются развитым уровнем сервисов и доступности для граждан в крупных городах, однако актуальными проблемами остаются качество цифровых практик и компетенций населения. При этом, продолжающаяся цифровизация общества продолжит оказывать все большее влияние на социальную инфраструктуру. Процессы сжатия инфраструктуры и уменьшения числа объектов в малых

населенных пунктах становятся фактором, который меняет подходы к управлению и создает специфические условия для развития территорий.

Источники и литература

- 1) Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Базовая Социальная Инфраструктура В Населенных Пунктах России И Динамика Численности Их Населения // Социологические Исследования. 2025. № 5. С. 109–124.
- 2) Карев А. С. ОЦЕНКА ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ // Власть и управление на Востоке России. Россия, Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. № 1 (102). С. 147–161.
- 3) Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю. ИНФРАСТРУКТУРА КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ // Мониторинг правоприменения. Россия, Москва: Федеральное бюджетное учреждение «Научный центр правовой информации» при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2025. № 3 (56). С. 175–186.
- 4) Рогач О. В. Участие населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. Т. 28, № 2. С. 211–237.
- 5) Смирнов И. А. Влияние «умного города» на социальную инфраструктуру городского общества: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. Россия, Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «ХОРС», 2025. № 9. С. 135–140.
- 6) Бродовская Е. В., Синяков А. В., Давыдова М. А. ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Россия, Тула: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессио-

нального образования «Тульский государственный университет», 2022. № 1. С. 120–129.

Сапегина София Игоревна

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Россия*

Роль социально ориентированных НКО в трансформации механизмов государственного управления социальной сферой

В условиях усложнения социальных процессов и роста общественных запросов система государственного управления социальной сферой сталкивается с необходимостью поиска более гибких и адресных механизмов воздействия. Традиционные административные инструменты не всегда позволяют оперативно реагировать на социальные проблемы, что актуализирует роль социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) как значимых участников реализации социальной политики.

СО НКО выступают связующим звеном между государством и населением, аккумулируя реальные социальные запросы и трансформируя их в практические формы помощи [1]. В отличие от государственных структур, некоммерческие организации обладают большей мобильностью, способны быстрее адаптироваться к изменениям социальной среды и применять индивидуальный подход к различным категориям граждан. Это способствует постепенному изменению логики государственного управления — от жёстко иерархической модели к партнёрской и сетевой.

Включение СО НКО в систему государственного управления приводит к трансформации механизмов принятия и реализации управленческих решений. Государство всё чаще переходит от прямого предоставления социальных услуг к модели делегирования и соисполнения, используя инструменты грантовой поддержки, субсидий, социального заказа и соглашений о государственно-общественном партнёрстве [1]. В результате возрастает роль оценки социальных эффектов, общественного контроля и обратной связи, что усиливает социологическую составляющую управления.

Особое значение деятельность СО НКО приобретает в контексте адресности социальной помощи. Некоммерческие организации, как правило, глубже погружены в проблематику конкретных социальных групп, что позволяет точнее определять потребности и снижать риски неэффективного расходования бюджетных средств. Таким образом, СО НКО

становятся не только исполнителями социальных программ, но и источником управленческих инноваций.

Участие СО НКО в трансформации механизмов государственного управления сопровождается рядом проблем, включая неравномерность регионального развития некоммерческого сектора, зависимость от бюджетного финансирования и недостаточную институционализацию партнёрских практик [2]. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовых и организационных условий взаимодействия государства и некоммерческих организаций.

В целом, роль социально ориентированных НКО в трансформации механизмов государственного управления социальной сферой заключается в формировании более гибкой, социально чувствительной и ориентированной на результат модели управления, отвечающей современным общественным потребностям.

Источники и литература

- 1) Григорьева И. А., Парфенова О. Ю. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. Т. 19, № 1, с. 7-22. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/12236> (дата обращения: 09.01.2025).
- 2) Сойфер Т. В., Правовые категории социально ориентированных некоммерческих организаций // Юрист: правовое обозрение. 2023. № 5, с. 22-26. URL: <https://lawinfo.ru/articles/4248/socialno-orientirovannye-nekommercheskie-organizacii-problemy-pravovogo-regulirovaniya/> (дата обращения: 09.01.2025).

Саяпина Мария Александровна

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Прогнозирование траекторий социального неравенства: могут ли идеи психоистории стать инструментом государственного управления?

Актуальность прогнозирования социальных процессов, особенно в кризисных условиях, обусловлена необходимостью заблаговременного выявления и смягчения рисков, среди которых социальное неравенство

занимает ключевое место. Современные методы социального прогнозирования стремятся определить вероятные векторы развития общества, опираясь на анализ текущих тенденций, экспертные оценки и моделирование. В данном контексте возникает вопрос о потенциальной применимости идей психоистории – концепции, предложенной в научной фантастике Айзеком Азимовым, как гипотетического инструмента сверхдолгосрочного и точного прогнозирования массового поведения для целей государственного управления [5].

Современная методология социального прогнозирования оперирует комплексом подходов: от экспертных оценок и сценарного моделирования до фактографических методов, основанных на больших данных и машинном обучении [3]. Эти методы позволяют выявлять скрытые индикаторы и строить вероятностные прогнозы развития социально-экономических систем, включая динамику неравенства. Однако их эффективность ограничена высокой степенью неопределенности, особенно в периоды кризисов, когда любой случайный фактор может существенно изменить траекторию развития [1]. Философско-методологические основания прогнозирования также указывают на неизбежное влияние мировоззрения исследователя на результаты, что вносит элемент субъективности [2].

Идея психоистории, понимаемой как вымышленная наука, способная математически предсказывать поведение больших человеческих масс на столетия вперед, предлагает гипотетический выход за эти рамки. Ее потенциальная ценность для управления социальным неравенством заключалась бы в переходе от реактивного реагирования к превентивному проектированию социальной структуры. Теоретически это могло бы позволить государству не только прогнозировать, но и целенаправленно корректировать глубинные причины роста неравенства, минимизируя социальные риски [4].

Несмотря на теоретический интерес, реализация идей психоистории в качестве инструмента государственного управления представляется маловероятной в обозримой перспективе. Современная наука не обладает ни необходимой полнотой данных о социально-психологических процессах, ни математическим аппаратом для столь детерминированных прогнозов сложной социальной системы. Более реалистичным путем является дальнейшее совершенствование существующих комбинированных методов прогнозирования, усиление роли технологий больших данных и машинного обучения для анализа латентных факторов неравенства [3]. Однако психоистория остается ценным мыслительным экспериментом, подчеркивающим необходимость поиска более совершенных, системных

и долгосрочных подходов к прогнозированию и управлению социальными процессами, включая ключевую проблему неравенства [5].

Источники и литература

- 1) Максимович А.В. Прогнозирование социального поведения в кризисных условиях российского социума: возможности методического // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – №2. – С. 302-306.
- 2) Кравцов О.Ю. Философско-методологические основания прогнозирования // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2024. – №1 (281). – С. 164-168.
- 3) Тетенков Н.Б. Методология социального прогнозирования // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №12. – С. 24-26.
- 4) Белов М., Новиков И. Сказочные социологи и настоящие выдумки // Философско-литературный журнал «Логос». – 2024. – №4 (161). – С. 1-5.
- 5) Максимович А.В. Прогнозирование комплексного социального поведения в кризисных условия развития российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №11. – С. 68-72.

Семёнова Александра Вячеславовна

*Государственное научное учреждение "Институт социологии
Национальной академии наук Беларуси", Минск, Беларусь*

Развитие потребительской инфраструктуры белорусских регионов

Развитие потребительской инфраструктуры (розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания) является неотъемлемой составляющей социально-экономического развития белорусских регионов, а также показателем уровня и качества жизни населения, определяющим привлекательность территорий для проживания. На современном этапе в этом направлении активно реализуется государственная социально-экономическая политика, меры которой четко прописаны в нормативно-правовых документах Республики Беларусь. Среди них: Закон Республики Беларусь № 128-З «О государственном регулировании

торговли и общественного питания» и конкретизирующие его постановления Совета Министров и Министерства антимонопольного регулирования и торговли, Указ Президента Республики Беларусь № 345 «О развитии торговли, общественного питания и бытового обслуживания» и Декрет Президента № 7 «О развитии предпринимательства». В них прописаны требования к организации торговли, общественного питания, бытового обслуживания, а также условия расширения инфраструктуры посредством стимулирования предпринимательских инициатив, совершенствования цифровой сферы, и главное – повышения удовлетворенности населения доступностью и качеством товаров и услуг.

По результатам мониторингов Института социологии НАН Беларуси, проведенных в период 2021–2025 гг., изучены некоторые аспекты удовлетворенности и неудовлетворенности потребительской инфраструктурой среди населения регионов (6 областей и г. Минск, городские и сельские жители) в условиях реализации государством направлений социально-экономического развития.

Данные показали тенденцию роста удовлетворенности жителей областей работой объектов торговли, общественного питания и служб быта в месте проживания. Вместе с тем, несмотря на сокращение разрыва между городскими и сельскими населенными пунктами в обеспеченности услугами, среди части горожан сохраняется запрос на открытие доступных пунктов общественного питания, среди сельчан – объектов общественного питания и бытового обслуживания.

Таким образом, исходя из специфики регионов, в перспективе достижение полного баланса в их развитости требует гибкой политики и применения адресных мер. Например:

- с целью повышения удовлетворенности населения работой объектов сферы торговли представляется необходимым уделить внимание стимулированию предпринимательского сектора с гибкой системой ценообразования на товары повседневного спроса с учетом материальных возможностей разных категорий населения;

- с целью повышения качества услуг общественного питания и бытового обслуживания необходима разработка программ повышения квалификации работников данных сфер;

- в связи с высокими темпами цифровизации сферы потребления, активным и повсеместным использованием белорусами интернет-ресурсов для поиска, выбора и покупки товаров и услуг, актуальным остается внедрение инструментов цифровизации в потребительскую инфраструктуру (интернет-магазины, сервисы для осуществления онлайн-заказов

услуг, сети доставки продукции и др.), а также популяризация их возможностей, особенно среди сельского населения.

Сергеева Диана Сергеевна

*Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Екатеринбург, Россия*

Внедрение современных информационных технологий в сферу государственного управления и их влияние на общество

Процесс цифровизации оказывает значительное влияние на социальные изменения, трансформируя как саму структуру управления, так и общественные отношения с властью. Рассмотрим ряд проблем связанных с внедрением современных информационных технологий и способы их решения.

Первой проблемой является риск неустойчивости государственных порталов и веб-сайтов при покушении на информационную безопасность извне. В связи со сложной политической ситуацией на мировой арене на государственные порталы и веб-сайты совершаются мощнейшие кибератаки со стороны иностранных хакерских объединений, что ставит под вопрос безопасность данных, включая персональные данные граждан, государственных гражданских служащих, государственные тайны, сведения о национальной обороне и экономике. Увеличение числа кибератак требует постоянного обновления мер безопасности, защиты данных и регулярное обучение сотрудников по вопросам безопасности. Решение этих вопросов возможно посредством государственно-частного партнерства, а именно привлечение частных компаний, обладающих опытом в области кибербезопасности, включая IT-компании, консалтинговые фирмы и специализированные стартапы.

Второй проблемой является неудобство использования официальных сайтов государственных органов, что делает «диалог» между населением и властью трудным и непонятным, и, как следствие, приводит к снижению уровня доверия граждан к власти. Устаревший дизайн, большое количество мелкого текста и графических баннеров, неудобство поиска информации и непонятное размещения разделов затрудняет механизм обратной связи с населением. Чтобы решить эти проблемы, предлагается, учитывать критерии доступности при разработке сервисов и привлекать специалистов частных IT-компаний, которые умеют создавать

простые, понятные и удобные для всех категорий граждан сервисы, а также активно работать с механизмом обратной связи от граждан и сотрудников для выявления проблем в работе сайта.

Третьей проблемой является цифровое неравенство среди населения или неразвитость цифровой инфраструктуры. Жители отдаленных сельских местностей, находящихся вдали от крупных городов, не имеют доступа к широкополосному интернету, дорогими и некачественными являются интернет-услуги. Отсутствие цифровой инфраструктуры является препятствием для получения государственных и муниципальных услуг онлайн и создает значительные барьеры для эффективной работы государственных структур, снижает качество предоставляемых услуг и затрудняет взаимодействие с органами местного самоуправления и населением. Важной задачей является реализации мероприятий, способствующих налаживанию качественной и стабильной мобильной сети на отдаленных территориях. Проблема может быть решена путем государственно-частного партнерства, за счет привлечения российских операторов мобильной связи для установки базовых станций на территории поселений.

Середа Юлия Петровна

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск,
Беларусь*

Большие данные в системе современного госуправления и социальной безопасности

Массивы больших данных становятся стратегическим ресурсом и играют важнейшую роль в технико-технологической и организационно-управленческой модернизации государства, а также оказывают влияние на систему обеспечения социальной безопасности. Их использование требует комплексного подхода с учетом технических возможностей, этических стандартов и правовых рамок для достижения баланса между безопасностью общества и правами граждан. В том числе, необходимо обеспечить защиту персональных данных, предотвращать злоупотребления в этой области и соблюдать принципы прозрачности работы аналитических инструментов, что предполагает адаптивный государственный менеджмент на основе разработки социально-ответственного и гуманитарного подхода.

Применение больших данных на различных уровнях государственного управления связано с особым вниманием к таким направлениям

организационно-регуляторного характера, как: 1. Сбор данных – систематическое получение информации из различных источников (госреестры, статистика, IoT-устройства, обратная связь от граждан); 2. Хранение и управление – создание защищённых централизованных хранилищ (дата-центры, облачные платформы) с соблюдением стандартов качества; 3. Аналитика и обработка – использование методов datascience, ИИ и машинного обучения для выявления закономерностей, прогнозирования и моделирования; 4. Визуализация и отчётность – представление данных в понятном виде (профильные дашборды, интерактивные аналитические карты) для поддержки принятия решений.

Инструментализация больших данных в контексте обеспечения социальной безопасности в различных секторах госуправления характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, речь должна идти о модернизации и стандартизации моделей принятия решений на основе данных. На сегодняшний день наиболее перспективной представляется модель «data-driven governance», т.е. переход к принятию стратегических государственных решений на основе профильных наборов больших данных. Внедрение цифровых решений позволит повысить качество госуслуг, упростить их через цифровые платформы и персонализировать. Так же особенностью перехода к развитию экосистем больших данных является прозрачная и подотчетная деятельность организаций-регуляторов. В этом отношении принцип открытых данных помогает корректировать практики применения больших данных для целей устойчивого развития государства и оперативно реагировать на нужды общества. Таким образом, можно сделать вывод, что «дата-центрированный» подход способствует развитию так называемой «проактивной системы» государственного менеджмента, в которой потенциально неизмеримые массивы данных, как важнейший управленческий ресурс, позволяют создавать новые компоненты электронного правительства и благодаря этому работать эффективнее, снижать издержки и повышать доверие граждан к государству и обществу. В целом, положительная результативность в этой сфере зависит от информационно-коммуникационной инфраструктуры, квалификации кадров и адаптации нормативно-правовой базы к внедрению новых цифровых решений в различных сферах общества.

Сметанина Татьяна Владимировна¹, Волкодав Евгения Сергеевна¹

1 - Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Социально-экономическое развитие Луганска в условиях вызовов геополитического пространства

В период геополитических трансформаций обостряются локальные конфликтные ситуации, связанные с историческими процессами, происходящими в рамках суверенных территорий. Ситуация на Украине является следствием изменения глобальной картины мира, её переустройства. Изменение зон влияния крупных геополитических акторов приводит к необходимости самоопределения территорий, расположенных на границах этого влияния. К таким территориям относится Луганск. В своём исследовании мы остановились на рассмотрении влияния на его развитие исторических, демографических и географических факторов. Целью исследования для нас стал вопрос, связанный с определением причин, которые в большей степени повлияли на выход Луганска из состава Украины. Для обоснования результатов исследования мы детально исследовали традиции, обычаи и культуру Луганска. Остановились на вопросах экономики и межорганизационного взаимодействия внутри данной территории. Российскую Федерацию мы рассмотрели в качестве основного бенефициара произошедших событий на территории Луганской Народной Республики. Российской Федерации по результатам нашего исследования отведена роль актора, устанавливающего правила на данном территориальном образовании, которые устраивают его население. Результатом нашего исследования стали предложения по формированию стратегии развития региона, которая на данный момент времени должна стать наиболее успешной для данной территории.

Для определения направлений развития Луганска мы провели социологическое исследование. В рамках проведённого полевого исследования нами была разработана анкета, состоящая из вопросов, охватывающих ключевые факторы успешности становления регионального развития. В анкетировании участвовали представители всех социальных слоёв населения Луганска. Выборка была репрезентативна. Проводилось исследование в течение второй половины 2025 года. Оно отразило мнение населения региона в условиях длящейся специальной военной операции. Тем самым результат анкетирования, сформированный под влиянием агрессивных внешних военно-политических факторов, отразил реальное отношение населения региона к происходящим на его территории событиям. В анкете были как открытые, так и закрытые типы вопросов. Вопросы касались характеристики самих опрашиваемых, их самоопределения, а также длительности осёдлости анкетироваемых на территории ЛНР, уровня их образования, трудовой деятельности на территории региона,

их отношения к происходящим событиям на территории ЛНР, их взаимодействия с организациями из других субъектов РФ как по вопросам организации их частной жизни, так и на уровне реализации ими общественных трудовых функций, их удовлетворённости качеством жизни на территории Луганска и помощью со стороны РФ, реализуемой органами региональной и федеральной власти.

Изучая предпосылки развития данной ситуации в регионе, мы детально изучили структуру ВВП региона за период с 1992 по 2025 гг. Развитие ВВП в последние годы увязали с участием в его становлении экономики города-побратима, а именно города Санкт-Петербурга. Этим мы подтвердили значимость успешного экономического развития региона в его самоопределении. По результатам сформулированных выводов мы предложили стратегию развития региона, увязав её с введением в оборот стандарта регионального развития для вновь присоединённых территорий, который может быть универсальным при оценке ситуации в других трансграничных областях. Введение стандарта, по нашему мнению, позволит снизить риски принимаемых решений на государственном и региональном уровнях власти. Стандарт должен охватывать нормы, определяемые риск-менеджментом, контроллингом и менеджментом качества. Группа стандартов по данным направлениям позволяет сформулировать основные предпосылки развития регионов, снижающие риски принятия необоснованных решений со стороны властей всех уровней управления.

Источники и литература

- 1) ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство.
- 2) ГОСТ Р 56577-2015. Системы менеджмента качества органов власти. Требования.
- 3) Сметанина, Т. В. Повышение уровня социализации индивидов в условиях их адаптации и принятия стандартов качества / Т. В. Сметанина // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2025. – Т. 18, № 4. – С. 36-47. – DOI 10.17213/2075-2067-2025-4-36-47. – EDN RUFZDP.
- 4) Horvath P. Controlling, Vahlen. München, 2006.

Сойко Анастасия Денисовна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
**Перспективы использования искусственного интеллекта в
системе государственного управления образованием**

Немаловажным элементом цифровизации образования является возникновение и активное внедрение в образовательный процесс Искусственного Интеллекта (далее ИИ). Наряду со всеми преимуществами и возможностями, которые открылись перед людьми с появлением ИИ, возникли и значимые морально-этические, методологические, правовые и другие противоречия. Изучение перспектив использования искусственного интеллекта в системе государственного управления образованием ставит перед собой цель понять, каким образом эти технологии могут улучшить качество, эффективность и доступность образовательных услуг.

Искусственный интеллект действительно на данный момент активно применяется в сфере образования, начиная от ведения и проверки экзаменов, заканчивая автоматическим подбором материала для изучения студентом в тех темах, в которых он испытывает трудности. Данный процесс имеет свои преимущества и недостатки. Говоря о преимуществах, можно выделить следующее:

- В первую очередь ИИ выступает помощником для педагога. Он значительно упрощает и во многом автоматизирует работу преподавателя, например, в оценивании работ, выставлении оценок и так далее. Так же ИИ широко применяется преподавателями для подготовки к занятиям, в составлении планов урока, в подборе структуры для выполнения определенных заданий. Благодаря этому у преподавателя освобождается время для исследовательской работы, в том числе совместной со студентами.

- ИИ способен анализировать огромные объемы данных о успеваемости учащихся и предсказывать их будущие успехи. Это помогает исследователям выявлять проблемные зоны и разрабатывать стратегии для их преодоления.

- цифровизация образования в целом позволяет студентам изучать материалы лекционных курсов, создаваемые преподавателями университетов разных стран, а также приобретать знания дистанционно, что открывает возможности для его получения всем слоям населения.

Несмотря на значительные преимущества, технология применения искусственного интеллекта в образовательных целях имеет свои недостатки. К основным можно выделить такие: высокая стоимость внедрения, сложность поддержания функционирования данной системы. А также небольшое количество специалистов, способных развивать внедрение

искусственного интеллекта в образовательные процессы. Немаловажно отметить то, что со временем у студента, применяющего искусственный интеллект появляется риск утраты креативного мышления (при практике написания учебных работ с помощью искусственного интеллекта). Человек перестает думать самостоятельно, доверяя и поручая работу технологиям ИИ. Однако, стоит уточнить, что это лишь при злоупотреблении ИИ.

Исходя из преимуществ и недостатков использования ИИ в сфере образования, можно сформулировать основные цели, которых необходимо придерживаться, разрабатывая и внедряя новые технологии в систему образования через органы государственного управления. Российский философ Брызгалина Е. В. выделила десять основных целей ИИ в образовании:

1. Персонализация и индивидуализация процесса образования за счет: формирования индивидуальных образовательных программ; формирования содержания образования под потребности учащихся; формирования индивидуальных моделей (графиков) образовательного процесса; тьютерской поддержки процесса образования; репетиторской поддержки процесса образования; обратной связи с учащимися.
2. Повышение доступности образования;
3. Поддержка профориентации и трудоустройства;
4. Методическая поддержка учебных программ через систему обратной связи;
5. Организация коллективных образовательных взаимодействий;
6. Личное развитие преподавателей;
7. Автоматизация фиксации результатов образовательной деятельности;
8. Формирование гибридных форматов образования;
9. Эффективное и действенное администрирование образовательных организаций и системы образования на локальном и национальном уровнях за счет аналитики данных;
10. Развитие глобального образования.

Источники и литература

- 1) Немытых, С.Л., Дьячкова, А.В. Искусственный интеллект в образовании: вызовы, возможности, перспективы / С.Л. Немытых // Российские регионы в фокусе перемен : сборник докладов. – Екатеринбург, 2023. URL: - https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133849/1/978-5-91256-641-7_2023_103.pdf. (дата обращения: 24.12.2025)

- 2) Таран, В. Н. Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в образовании / В. Н. Таран, Д. А. Курлов, Н. И. Потапович // Дистанционные образовательные технологии: материалы VII международной научно-практической конференции, Ялта, 20–22 сентября 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 98– 100.
- 3) Брызгалина, Е. В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения/ Е. В Брызгалина // Человек. — 2021. — Т. 32, № 2. — С. 9-29.

Соловьев Аркадий Константинович

Финансовый университет, Москва, РФ

**Влияние цифровизации на государственное регулирование
пенсионной системы для достижения национальных целей
долгосрочного развития России**

Развитие цифровых технологий в системе социального обеспечения сегодня «является ключевым фактором, способствующим повышению обоснованности социальных обязательств государства перед гражданами. Внедрение цифрового инструментария в социальную сферу требует актуализации и адаптации самого исторически сложившегося понятия «социальная сфера». Нормативного регулирования процессов цифровизации социальной сферы в нашей стране на данный момент не сформировано. В научных исследованиях под социальной сферой понимают формы деятельности, посредством которых люди удовлетворяют свои личные жизненные потребности (узкий смысл). Цифровые технологии в социальной сфере направлены на внедрение информационных и коммуникационных технологий для оптимизации предоставления социальных услуг, обеспечения свободного доступа к информации и улучшения взаимодействия между участниками социальных процессов. В результате социальная сфера становится одной из ведущих областей цифровизации государственного управления. ЕЦП социальной сферы представляет собой организованную государством форму материальной помощи, оказываемую при наступлении нормативно-определённых социальных рисков в установленных законом условиях, с целью унификации социального положения граждан. Пенсия является составной частью человеческого капитала, который был сформирован в течение трудоспособного периода жизни. Целью исследования является анализ факторов и условий для

обеспечения для каждого гражданина социального и физического благополучия на основе 2 достойного уровня страховой пенсии. Традиционно признанные риски государственным пенсионным системам (демографическим и макроэкономическим), основанным на солидарно-страховых принципах в текущем веке дополнились комплексом экономических и социальных проблем, в той или иной степени связанными с цифровизацией всех сфер общественной жизни. Для России этот вопрос стоит наиболее остро, поскольку отсутствие государственных механизмов, позволяющих регулировать структуру рынка труда, ведет к необратимому изменению всех макроэкономических характеристик социально-экономического развития страны. Принятые документы стратегического планирования не отражают перспективы фундаментальных преобразований, происходящих вследствие процессов цифровизации, таких как трансформация структуры занятости населения как следствие, трансформации рынка труда. Принятое в 2024 году «Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы» направлено на оптимизацию процессов предоставления гражданам мер социальной поддержки, оказание государственных услуг в социальной сфере, развития информационных технологий и информационного взаимодействия

Станишевский Федор Андреевич

Уральский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Екатеринбург, Россия

Эволюция среднего профессионального образования за счет реализации федерального проекта "Профессионалитет": качество и перспективность образования для молодежи

В современных условиях развитие системы среднего профессионального образования в Свердловской области приобретает особую значимость в контексте подготовки квалифицированных кадров для экономики промышленного региона. Повышение качества образовательных услуг и ориентация на потребности обучающихся становятся приоритетными направлениями государственной образовательной политики.

Важным инструментом модернизации среднего профессионального образования является федеральный проект «Профессионалитет» (далее – ФП «профессионалитет») [3,4]. Проект направлен на развитие студентов за счет применения компетентностного подхода [1,2]

Практически у всего есть своя система оценивания эффективности реализации, в данном случае к одной из составляющих является мнение студентов о качестве образования. «Качество образования» является сложным многоаспектным феноменом, выступающим как оптимальный механизм регулирования образовательной системы в соответствии с интересами и ожиданиями различных социальных субъектов[5].

В опросе принимали участие более 2000 студентов государственных автономных профессиональных образовательных учреждений Свердловской области.

В рамках исследования было выявлено, что примерно 80% опрошенных в той или иной мере удовлетворены качеством образовательного процесса в организациях среднего профессионального образования Свердловской области.

Студенты положительно оценили практическую подготовку в рамках реализации ФП «Профессионалитет». Студенты поставили оценку «10», «9» и «8» суммарно 57,7% в рамках оценки качества практической подготовки. На «5», «6» и «7» суммарно оценили практическую подготовку 36,3% опрошенных.

Прохождение практики влияет на дальнейшую реализацию студентов и их трудоустройство по полученной специальности. Работать по специальности после окончания учебы планируют 68% опрошенных, 16,1% затрудняются ответить, то есть не решили с дальнейшей судьбой. Не планируют работу по специальности 15,9%. Замечу, что доля снова не превышает 1/5 от общего объема респондентов. Также 86,2% ответили, что их профессия востребована на рынке труда, мы снова видим закономерность, что больше 4/5 положительно отзываются о своих перспективах. Однако стоит отметить, что лишь 63,5% знают о том, что федеральный проект

Таким образом, в результате проведенного исследования – реализация ФП «Профессионалитет» положительно влияет на жизненный путь человека с точки зрения реализации личного потенциала и социального становления личности. А так же позволяет государству за счет государственно-частного партнерства развивать инфраструктуру среднего профессионального образования и сокращать кадровый дефицит на рынке труда Свердловской области.

Источники и литература

- 1) Леденева, И. Н. Качество подготовки кадров в системе среднего профессионального образования [Электронный ресурс] / И. Н. Леденева // Вопросы структуризации экономики. Наука об обра-

зовании. – 2022. – № 3. – С. 150-156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-podgotovki-kadrov-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 30.12.2025).

- 2) Министерство просвещения Российской Федерации. Федеральный проект «Профессионалитет» [Электронный ресурс]. – URL: http://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (дата обращения: 01.01.2026).
- 3) Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на оказание государственной поддержки развития образовательно-производственных центров (кластеров) на основе интеграции образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, и организаций, действующих в реальном секторе экономики, а также образовательных кластеров среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет» : Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2022 г. № 4 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://government.ru/docs/all/138971/> (дата обращения: 30.12.2025).
- 4) Об экспериментах по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет» : Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 387 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://government.ru/docs/all/139812/> (дата обращения: 31.12.2025).
- 5) Павлова, Е. В. Качество образования: понятие, факторы, критерии оценки [Электронный ресурс] / Е. В. Павлова // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovaniya-ponyatie-factory-kriterii-otsenki> (дата обращения: 01.01.2026).

Сушко Валентина Афанасьевна

Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, кафедра социологии государственного управления, Москва, Россия

Социологическая оценка и прогнозирование изменения благосостояния населения

Социологическая оценка и прогнозирование благосостояния народа должны опираться на интеграцию объективных и субъективных индикаторов, сочетать панельные и административные данные, применять гибридные методы прогнозирования и представлять результаты в виде вероятностных сценариев. Только при регулярном мониторинге прогноз становится эффективным инструментом для нацеленных социальных политик, снижающих риски для наиболее уязвимых слоёв населения и способствующих устойчивому повышению качества жизни.

Необходимо проводить анализ текущего уровня благосостояния, анализ факторов его динамики с учётом социальных, экономических и институциональных переменных.

Понятие благосостояния включает в себя материальные (доходы, потребление, жилищные условия), нематериальные (здоровье, образование, безопасность) и субъективные компоненты (удовлетворённость жизнью, восприятие своего положения). Полноценная оценка требует интеграции всех трёх измерений.

Среди существующих индикаторов и методик измерения рекомендуется сочетать объективные индикаторы (ВВП на душу, медианный доход, уровень безработицы, доступ к медицине и образованию, индекс дефицита жилищной обеспеченности) и субъективные опросные методы (опросы удовлетворённости жизнью, ожиданий улучшения). Важна стратификация по регионам, возрасту, полу, профессии и социально-экономическому статусу.

Социологические источники данных должны включать в себя национальные выборочные обследования домохозяйств, панельные исследования, репрезентативные опросы общественного мнения, административные базы (пенсии, пособия), Big Data (трафик потребления, поисковые тренды). Панельные данные ценны для отслеживания динамики на уровне домохозяйств.

Факторами изменения благосостояния являются макроэкономические (рост/спад ВВП, инфляция, занятость), институциональные (налогообложение, социальная защита), социальные (демография, образование), внешние шоки (кризисы, пандемии, санкции). Взаимодействие факторов лучше анализировать через мультипликативные модели (тип математических или факторных моделей, в которых результирующий показатель определяется как произведение нескольких факторов или компонентов (тенденции, сезонности, случайных величин).

Для практического применения следует придерживаться следующих рекомендаций: усилить мониторинг доходной и потребительской неравномерности, расширять программы целевой социальной поддержки для

уязвимых групп населения, фокусировать социальную политику на создании занятости и доступе к услугам здравоохранения, образования, внедрять механизмы раннего предупреждения проблемных ситуаций на основе социологических опросов и прогнозных методик.

При проведении социологических оценок и прогнозирования необходимо учитывать некоторые ограничения и этические моменты такие как неточности выборок, искажения самооценок, временную несопоставимость данных, соблюдать конфиденциальность и информированное согласие при сборе персональных данных.

Тимербулатов Дамир Искэндэрович

*Уральский институт управления - филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Екатеринбург, Российская Федерация*

**Реализация государственной политики в сфере
патриотического воспитания (на примере Свердловской
области)**

В 2023 году в Свердловской области активно реализуются программы и проекты, направленные на патриотическое воспитание молодежи. На территории региона действует 50 отделений Всероссийского движения «ЮНАРМИЯ», число юнармейских отрядов выросло до 377, а их численность достигла 15 158 человек. В 2024 году проведено 1395 мероприятий, в которых приняли участие более 37 600 человек. Среди них — участие в Параде Победы, патриотическая акция «Пост № 1» и акция «Верни герою имя», что способствует укреплению памяти о героическом прошлом и формированию гражданской ответственности.

В Свердловской области реализуются масштабные социальные инициативы, такие как программа «Орлята России», которая в 2023 году охватила более 103 000 школьников начальных классов. В рамках проекта действует 841 образовательная организация, что свидетельствует о высокой вовлеченности молодежи в воспитательные мероприятия.

Также создана сеть центров патриотического воспитания, в том числе на базе кадетских школ и образовательных учреждений, что способствует развитию профессиональных кадров педагогов и воспитателей. В 2023 году на развитие этих центров было выделено свыше 116 миллионов рублей.

Особое место занимает подготовка молодежи к военной службе и служебной деятельности. В рамках летних учебно-полевых сборов и подготовительных смен для курсантов и будущих военнослужащих приняли

участие около 900 человек. В регионе функционирует сеть муниципальных штабов «Волонтеры Победы», включающая более 3000 участников, а также деятельность поисковых отрядов, охватывающих около 18 тысяч подростков и юношей.

Государственная поддержка реализуется через субсидии, предоставляемые 54 муниципальным образованиям, на организацию военно-патриотической деятельности. В 2023 году из областного бюджета выделено свыше 21 миллиона рублей для поддержки молодежных инициатив и подготовки педагогов ОБЖ. В регионе создаются учебно-методические центры военно-спортивной подготовки «Авангард», которые проводят мероприятия с участием около 3000 человек. В рамках взаимодействия с федеральными структурами реализуются программы по подготовке курсантов в центрах «Родина» и «Кузнецова», что обеспечивает комплексное воспитание молодежи. В 2023 году на развитие материально-технической базы этих центров было выделено 100 миллионов рублей.

Важной составляющей патриотического воспитания является развитие молодежной политики и создание условий для личностного и профессионального роста. В рамках проекта «Молодежная перспектива региона» и строительства центра «Дом молодежи» реализуются инициативы, направленные на воспитание гражданственности, поддержку предпринимательства и экологической культуры. Охват молодежных мероприятий в 2023 году превысил 120 тысяч участников, что свидетельствует о высокой активности и заинтересованности молодежи в патриотической и социальной деятельности.

Источники и литература

- 1) Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. Госкомстат России, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения 20.01.2026).
- 2) Актуальные вопросы патриотического воспитания: Отчет Общественной палаты Российской Федерации по результатам опроса, 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oprf.ru/news/rossiyane-nazvali-glavnye-problemy-razvitiya-patriotizma-u-molodezhi> (дата обращения 20.01.2026)
- 3) Интернет – портал Министерства образования и молодежной политики Свердловской области [Электронный ресурс] URL: <https://minobraz.egov66.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

Толстогузов Вячеслав Валерьевич

Администрация Белоярского муниципального округа Свердловской области, Екатеринбург, Российская федерация

Цифровизация жилищно-коммунального хозяйства как инструмент легитимации и повышения эффективности публичного управления

Традиционная модель управления жилищно-коммунальным комплексом в России на протяжении десятилетий является источником выраженной социальной напряженности. С точки зрения социологии государственного управления, ключевой проблемой отрасли выступает не только износ инфраструктуры, но и глубокий кризис доверия. Непрозрачность тарифообразования, асимметрия информации между поставщиками услуг и потребителями, а также низкая эффективность обратной связи приводят к девальвации авторитета органов власти. В данном контексте цифровизация ЖКХ выступает не просто как технологическое обновление, а как инструмент пересборки социального контракта на муниципальном и региональном уровнях. Внедрение цифровых платформ и систем автоматизации позволяет создать единое коммуникационное поле для всех социальных акторов отрасли: ресурсоснабжающих организаций, органов власти и жителей. Социологический эффект такой интеграции заключается в переходе от «закрытого» бюрократического управления к модели «прозрачного» сервисного государства. Реализация концепции «Умного города» (Smart City) становится технологическим фундаментом для повышения надежности инфраструктуры и, как следствие, улучшения социального самочувствия граждан. Применение умных приборов учета (например, опыт «Росводоканала» в Воронеже по внедрению систем дистанционной передачи данных) позволяет минимизировать человеческий фактор и ошибки в расчетах, что является критически важным для легитимации управленческих решений в глазах населения. Дистанционный мониторинг и анализ данных в режиме реального времени обеспечивают предиктивный (предупреждающий) характер управления, снижая количество аварийных ситуаций, которые в социологическом измерении считаются как некомпетентность власти. Аналогичный эффект наблюдается в сфере модернизации городского освещения (проекты «Ростелекома»). Интеграция датчиков движения и систем удаленного управления не только оптимизирует бюджетные расходы, но и напрямую влияет на субъективное ощущение безопасности городской среды — базовую потребность современного горожанина. Прогноз развития: В краткосрочной и среднесрочной перспективе про-

гнозируется переход от фрагментарной цифровизации отдельных объектов к формированию комплексных «экосистем управления территорией». Для социологии управления это означает смену парадигмы: житель перестает быть пассивным объектом управления и становится активным участником цифрового взаимодействия. Главным вызовом остается преодоление «цифрового разрыва» и формирование культуры пользования новыми сервисами. Основной прогноз заключается в том, что успешность реформирования ЖКХ будет зависеть не столько от объема инвестиций в «железо», сколько от способности цифровых систем обеспечить реальную прозрачность процессов и восстановить подорванное доверие населения к институтам публичной власти. Таким образом, цифровизация ЖКХ становится ключевым направлением в укреплении социальной устойчивости современных российских городов.

Источники и литература

- 1) Цифровая трансформация ЖКХ: точки роста. // Российская газета. 23.04.2020 <https://rg.ru/2020/04/23/reg-cfo/cifrovaia-transformaciia-zhkh-tochki-rosta.html?ysclid=mh61or4my99853687592>.
- 2) Фонари синтеллект. // Российская газета. 23.11.2022. <https://rg.ru/2022/11/23/reg-ufo/fonari-sintellektom.html?ysclid=mh7cwgfjho3630399463>.
- 3) Постановление Правительства РФ от 20 мая 2022 г. N 913 "Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе учета твердых коммунальных отходов". <https://base.garant.ru/404733863/?ysclid=mh7dh831xq4257174664>.
- 4) Минстрой: цифровизация ЖКХ позволит снизить издержки отрасли до 50 млрд рублей. Банки.ру. <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10957712>

Турутов Алексей Геннадьевич

РГСУ, Москва, Россия

Деятельность органов власти по развитию транспортной инфраструктуры мегаполиса: новые тренды и риски

В условиях урбанизации, повышения качества жизни и дифференциации социальных потребностей населения транспортная инфраструктура становится не только инструментальным средством обеспечения мо-

бильности, но и приобретает дополнительную содержательную нагрузку в виде социокультурных ожиданий горожан. В ходе доклада будут озвучены результаты анкетного опроса жителей московской агломерации, который был проведен в июле-ноябре 2025 года (N=1032), а также опроса экспертов (N=170), проведенного в ноябре-декабре 2025 года.

Результаты исследования иллюстрируют актуализацию таких потребностей жителей, как комфорт передвижения, минимизация временных издержек, расширение линейки дополнительных услуг. Быстрый ритм жизни столичной агломерации, беспрецедентный уровень цифровизации всех сфер общественной жизни города задает вектор на масштабирование услуг, получаемых в онлайн пространстве, максимальную доступность информации, своевременность оповещения о возможных изменениях маршрутов.

В докладе будут представлены результаты опроса экспертов, характеризующие дисфункции государственного управления развитием транспортной инфраструктуры мегаполиса, сложности организационного взаимодействия между властными структурами и бизнесом.

Унанян Юрий Арташович

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Экспертная оценка деятельности местного депутата по сопровождению процессов самоорганизации граждан, проживающих на территории избирательного округа

В современной социологии государственного управления усиливается внимание к разработке методов экспертной оценки деятельности публичных институтов на локальном уровне [1]. Несмотря на растущую роль самоорганизации граждан, поддержка этих процессов со стороны местных депутатов остаётся малоизученной и не имеет единых критериев оценки, что снижает прозрачность и эффективность взаимодействия власти и населения [2].

Для формирования экспертной оценки деятельности депутата по сопровождению самоорганизации граждан мы, вслед за Лесиной и Забокрицкой, предлагаем разработать систему показателей, позволяющую объективно измерять эффективность такой деятельности [4]. Система включает три ключевых блока:

1. Показатели институционального уровня деятельности депутата — подотчётность, прозрачность, соответствие нормативным требованиям, регулярность процедур взаимодействия с жителями.

2. Показатели коммуникативного уровня — наличие устойчивых каналов связи, характер работы со стейкхолдерами, поддержка инициатив «снизу», доступность депутата для населения.

3. Показатели социально-результативного уровня — влияние на развитие локальных сообществ, поддержка проектов самоорганизации, снижение территориальной конфликтности и повышение уровня гражданской вовлечённости.

Разработка такой системы показателей создаёт основу для формирования профессиональной и унифицированной экспертной оценки деятельности депутатов различных муниципальных округов. Это позволит повысить эффективность представительной власти, укрепить механизмы гражданского участия и развивать локальную демократию в крупных городах России.

Источники и литература

- 1) Социология государственного и муниципального управления в России : учебник для вузов / под ред. Н. Г. Чевтаевой. — М. : Юрайт, 2024.
- 2) Овчаренко Р. К., Степанищева П. А. Территориальное общественное самоуправление: возможности влияния на городскую среду // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2024. — № 3.
- 3) Шугрина Е. С. Настольная книга депутата и муниципального служащего. — Калининград : Полиграфычъ, 2023.
- 4) Лесина Л. А., Забокрицкая Л. Д. Социальные технологии в публичной сфере. — Екатеринбург : УрФУ, 2021.

Фахретдинова Альбина Баязитовна

Поволжский ГУФКСиТ, Казань, Россия

Спорт в эпоху "цифрового паноптикума": между императивом безопасности и правом на приватность

Современная социология фиксирует фундаментальный сдвиг в моделях взаимодействия власти и общества: переход от реактивных стратегий (наказание за свершившееся нарушение) к превентивным, базирующимся на алгоритмах «Big Data», предиктивной аналитике и профилировании рисков. Сфера физической культуры и спорта, традиционно

воспринимаемая как пространство досуга и эмоциональной разрядки, сегодня становится полигоном для апробации технологий «цифровой прозрачности». Внедрение систем обязательной идентификации (биометрия, Fan ID) представляет собой не просто техническую модернизацию инфраструктуры, а глубинную трансформацию общественного договора. Ключевой исследовательский вопрос заключается в том, как императив безопасности влияет на социальную структуру сообщества и уровень институционального доверия.

Для теоретического анализа сложившейся ситуации продуктивно использование метафоры «цифрового паноптикума» [1] (М. Фуко, Д. Лайон). Цифровизация создает радикальную асимметрию наблюдения: объект управления (болельщик) становится абсолютно «видимым» и транспарентным для системы, тогда как механизмы принятия решений (алгоритмы скоринга, причины блокировок) остаются для него закрытыми. С социологической точки зрения происходит процесс десубъективации: сложная личность гражданина в оптике цифровой системы редуцируется до набора меток и статусов («зеленый»/ «красный» уровни риска). Приватность людей приносится в жертву административному удобству контроля [2].

Кейс внедрения систем идентификации демонстрирует острый конфликт двух институциональных логик. Логика государственного управления базируется на принципах персонализации ответственности и минимизации рисков. Ее идеальный субъект – «предсказуемый потребитель услуг». Напротив, логика спортивных (фанатских) сообществ опирается на ценности групповой солидарности, карнавальной культуры и анонимности. В этом контексте бойкот цифровых сервисов следует рассматривать не как девиантное поведение, а как форму защиты субкультурной автономии от внешней регламентации.

Цифровизация фундаментально меняет природу доверия. Традиционное межличностное доверие замещается «системным доверием» к безличным алгоритмам. В условиях дефицита базового доверия к государственным институтам повышение «цифровой прозрачности» интерпретируется гражданами не как забота о безопасности, а как усиление полицейского надзора. Возникает парадокс: чем больше данных собирает система, тем менее защищенным чувствует себя индивид перед лицом «всевидящего государства».

Таким образом, проведенный анализ выявляет риски атомизации зрителя (превращение стадиона из пространства социализации в стерильное место потребления) и маргинализации фанатской активности (уход в «тень»). Эффективное государственное управление требует отказа от

принудительной цифровизации в пользу модели «цифрового партнерства». Основой взаимодействия должен стать не императив контроля, а добровольный обмен данных на реальные предпочтения и прозрачность процедур.

Источники и литература

- 1) Lyon, D. The Electronic Eye: The Rise of Surveillance Society / David Lyon. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. – 270 p. – ISBN 978-0-8166-2515-4.
- 2) Скотт, Дж. С. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Джеймс С. Скотт; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. – М.: Университетская книга, 2005. – 576 с. – ISBN 5-98699-016-1.

Федоркина Алла Павловна

"АО НИЦ Строительство", Москва, Россия

Социальные и социально-психологические последствия влияния на современного человека виртуальных сетей

Важную роль в современных социальных процессах играют изменения в соотношении роли и значения реального и виртуального в жизненном пространстве человека. Понимание этих процессов невозможно без учета естественно-научных предпосылок осмысления новых характеристик социальной и социально-психологической реальности. Это связано прежде всего с процессами глобализации, информатизации, развитием новых коммуникативных технологий и т.д., которые создали новое качество социального и социально-психологического пространства, названного сетевым обществом. Именно это общество изменило конфигурацию развития социальных процессов и социально-психологических характеристик человека. Основой этого общества выступают сети, которые стали формой социальной организации, которая начала экспансию, внедряясь и вытесняя, поглощая и поработывая многие другие формы социальной организации. И все шире к анализу социальных процессов стал применяться сетевой подход, в частности, в контексте развития так называемых информационных сетей. С социально-психологической точки зрения в связи с этим важным представляется анализ социально-психологических

последствий влияния этих сетей на когнитивную и коммуникативную сферы психики современного человека.

Так, в связи с этим важно обратить внимание на то, что сообщества в этих сетях функционируют в форме как индивидуальных, так и коллективных субъектов, имеющих особые психологические характеристики. Эти сообщества характеризуются межличностными связями, обеспечивающими взаимодействие, поддержку, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность. Это в конечном итоге меняет и образ жизни современного человека. Если прежде основу всякого человеческого сообщества составляла привязанность к месту жительства и работы, то трендом двадцать первого столетия является ослабление этой привязанности и переход к более слабым реальным социальным связям. В результате возникает новая социальная ситуация, при которой люди утрачивают связи с локальным сообществом не только в силу новых коммуникационных возможностей, но и в силу того, что они реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности.

С социально-психологической точки зрения важно также учитывать все более значимый для человека фактор так называемой массовой коммуникации, который превратился в особый объективный способ общения разобщенных индивидов, способствующий их самоорганизации и формированию новых субъектов в виде сетевых сообществ, что произошло в результате реального изменения процесса коммуникации – создание виртуальной среды, которая повлияла на сознание человека, все более делая из него по существу «бессубъектную личность» с технологизированным и массовизированным типом мышления.

В результате этих процессов с учетом безмерно возросшего влияния на них потоков информации из разных источников и прежде всего интернета, соответственно, происходит трансформация когнитивных процессов, результатом которых все в большей степени происходит увеличение рациональной и уменьшение эмоциональной сферы психики человека. Это тем более очевидно в результате интенсивного внедрения в повседневную жизнь так называемых компьютерных технологий и искусственного интеллекта. В связи с этим можно предположить что в недалеком будущем превалирующей в психике современного человека будет рациональная составляющая. Последствия и прогноз этих процессов требует особого внимания и постоянного мониторинга.

Филиппенко Сергей Александрович

Управа района Коньково города Москвы, Москва, Российская Федерация

Прогнозирование профессиональной самореализации молодёжи в госуправлении

Современное развитие российской государственности и системы публичной власти определяют новые принципы в институционализации государственной и муниципальной службы, актуализируют выработку научно-обоснованных подходов формирования и развития управленческого потенциала в органах публичной власти с привлечением молодёжи.

Карьерная самореализация в системе госуправления актуальна из-за масштабности сферы деятельности, что привлекает молодёжь на государственную и муниципальную службу с внедрением инноваций с новым взглядом на профессиональную самореализацию.

Упор в исследовании был на привлекательность государственной и муниципальной службы для молодёжи, восприятие молодыми людьми профессиональной самореализации в органах госуправления

Так, в 2025 году Росмолодежью был проведен опрос «Молодежь и карьера на публичной службе». В качестве исследовательских задач были выделены: исследование причин поступления на государственную и муниципальную службу, уровня удовлетворенности своей деятельностью, восприятие причин и факторов, влияющих на уровень удовлетворенности, готовность самореализации на государственной и муниципальной службе.

Причинами поступления молодёжи на государственную и муниципальную службу (или уже состоящими на службе) отмечались стабильность и возможность работы на благо людей и государства, внесения вклада в решении важных государственных задач, но и связанных с самореализацией.

Причиной выбора государственной/муниципальной службы стала «Стабильность и уверенность». Общий показатель составил 65%. У государственных служащих на втором по значимости месте новые знания и опыт (45%). В отличие от них, муниципальные служащие в большей степени акцентируют внимание на престижности и статусе своей профессии (45%), дополнительно акцентируют внимание на социальных гарантиях (37%), что свидетельствует о запросе на повышение стабильности и социальной защищенности, о запросе иметь надежное профессиональное будущее, включая гарантии, пенсионные и медицинские льготы, что свидетельствует о более высокой чувствительности данной группы к условиям труда. Молодые сотрудники в 47% в профессиональной самореализации отмечают интересность работы

У молодых сотрудников подведомственных организаций среди достоинств в работе на ведущих позициях - полное соблюдение Трудового Кодекса 31% (общий тренд 26%). Это свидетельство эффективной организации труда, что может детерминировать позитивное прогнозирование профессиональной самореализации молодёжи в структурах госуправления.

Источники и литература

- 1) Зайцева Т.В., Нежина Т.Г. Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: опыт регионов России //Вопросы государственного и муниципального управления.2019№ 1
- 2) Макарова О.А. Профессиональные установки молодых государственных служащих:региональный аспект//Теории и проблемы политических исследований.2015№ 6

Фомичева Татьяна Владимировна

*Российский государственный социальный университет, Москва,
Россия*

Цифровизация и ценностные изменения в России: диалектика взаимосвязи

В связи с существенными изменениями в жизни россиян (прежде всего в контексте жизнедеятельности, во внешней и внутренней политике), возникла особая значимость ценностных приоритетов и суверенитетов (технологических, политических и пр.) в жизни общества. Как следствие, возрастает значимость национальных проектов и программ, внедряемых Правительством России. Одной из них является национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [1]. Программа сформирована с целью интеграции основных положений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [2]. Цифровизация приносит с собой новые цифровые ценности, появляются и внедряются в традиционную культуру новые интересы, потребности, нормы и стереотипы, в конечном итоге формируется цифровая культура. Цифровая культура постепенно становится частью традиционной культуры россиян. Ценности как некий конструкт объединяют различные слои населения [3]. Кроме положительных аспектов внедрения цифровой культуры, есть негативные, которые создают некоторый уровень тревожности среди российского населения: проблема защиты индивидуальных данных; возможный доступ киберпреступников

к персональной информации, программы сбора биометрических данных, незащищенность баз данных и пр. Конечно, необходимо отметить, что государство должно способствовать повышению уровня доверия населения к цифровым технологиям (на групповом и на индивидуальном уровнях), и в то же время отмечается необходимость внедрения обучающих программ, специализированной образовательной среды и, прежде всего, для тех слоев населения, которые в этом наиболее нуждаются.

Источники и литература

- 1) Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым распоряжением от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Сайт Минцифры. [http: \[Электронный ресурс\]: URL: https://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii](http://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii) (Дата обращения 28.01.2026)
- 2) Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" Сайт Гарант. [http: \[Электронный ресурс\]: URL: https://base.garant.ru/71670570/](http://base.garant.ru/71670570/) (Дата обращения 28.01.2026)
- 3) Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212) С. 80-84.

Фролова Елена Викторовна

Финансовый университет при Правительстве РФ, г Москва, Россия

Мотивация муниципальных служащих: факторы формирования и дисфункции

Привлечение профессиональных кадров в органы местного самоуправления, создание условий для их мотивации и вовлеченности в работу выступает ключевой предпосылкой повышения эффективности управленческих решений, доверия населения к власти, социально-экономического развития российских территорий. В докладе будут раскрыты проблемы формирования мотивации муниципальных служащих. Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса муниципальных служащих (N=3066 человек). В ходе исследования было выявлено, что совершенствование профессиональных навыков муниципальных служащих (удовлетворенность данным аспектом отметили

большинство респондентов – 85,2%) не подкрепляется успешным развитием карьеры (44,9% не удовлетворены возможностями карьерного роста). Разрыв между ростом профессиональных компетенций и карьерным продвижением муниципальных служащих, нарушение принципа единства профессионально-карьерного развития может рассматриваться в качестве одного из ключевых факторов снижения мотивации. В докладе будут раскрыты ключевые факторы снижения мотивации муниципальных служащих: многозадачность, неконкурентный уровень заработной платы, высокий уровень загруженности и рутинный характер работы. Негативное действие организационно-административных факторов (высокие нагрузки, многозадачность, рутинная работа, проверки) в совокупности с низкой финансовой ресурсностью муниципалитетов (дефициты материального стимулирования) может инициировать риски формирования таких неблагоприятных поведенческих моделей муниципальных служащих, как ресурсно-затратная (интенсификация деятельности в ответ на увеличение нагрузки, сопровождается стрессом, выгоранием) и редукционная (дистанцированность, отчуждение, деперсонализация).

Хамутовская Светлана Викторовна

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

**Консолидация общества как инструмент обеспечения
стратегических национальных интересов Республики
Беларусь**

Консолидация общества в узком смысле может рассматриваться как инструмент по сплочению социума в рамках государственной политики, направленной на решение общенациональных задач. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» от 25 апреля 2024 г. № 5, указывается, что «национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития» [1].

В статье 8 Концепции определены стратегические национальные интересы: «обеспечение независимости, территориальной целостности и суверенитета, незыблемости конституционного строя и идеологии белорусского государства; всемерная защита народа Беларуси как уникальной исторической общности и единственного источника государственной вла-

сти; сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти; патриотическое воспитание граждан, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений; устойчивое социально-экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики; совершенствование научно-технологического и образовательного потенциалов; благополучие граждан, создание комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала» [1]. В Директиве Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12 подчеркивается, что Беларусь все чаще «сталкивается с угрозой внешней агрессии, принимающей характер гибридного противостояния: информационные войны, борьба идей и смыслов, насаждение чуждой деструктивной идеологии» [2] с целью «дестабилизации политической ситуации, нагнетания социальной напряженности и деформации традиционных духовно-нравственных ценностей» [2]. Гражданское согласие, единство нации и консолидация социума рассматриваются как неотъемлемые составляющие политического и социального компонентов идеологии белорусского государства, важные условия работоспособности белорусской модели общественного развития.

В целом, из вышеизложенного видно, что реализация общих целей, обусловленных стратегическими национальными интересами государства, с учетом появления новых вызовов, рисков и угроз, становится возможным только путем консолидации общества. Последняя, выполняя стабилизирующую функцию, позволяет достичь социального согласия по приоритетным вопросам развития страны, укрепить существующие социальные связи и отношения. В обозначенном ключе консолидация общества выступает своего рода ресурсом, инструментом, обеспечивающим выполнение конкретных задач, в том числе в сложных, кризисных ситуациях, что актуализирует проблематику исследования потенциала консолидационных процессов, происходящих в белорусском обществе в настоящее время.

Источники и литература

- 1) Решение Всебелорусского народного собрания «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» от 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал

Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005> (дата обращения: 27.01.2026).

- 2) Директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 09 апреля г. № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P02500012> (дата обращения: 27.01.2026).

Ханова Любовь Мунировна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Проблемы государственной поддержки безработных в регионах России

Социальная политика в Российской Федерации в сфере занятости направлена на содействие полной занятости, удовлетворение потребностей рынка труда и борьбу с безработицей. Статья 37 Конституции Российской Федерации гарантирует гражданам защиту от безработицы путем содействия занятости и трудоустройства. Согласно статье 23 Федерального закона Российской Федерации от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», безработными признаются «трудоспособные граждане, которые ищут работу, зарегистрированы органами службы занятости в целях поиска подходящей работы и готовы к ней приступить». Для решения вопроса государство реализует такие меры, как содействие гражданам в поиске подходящей работы и содействие работодателям в подборе необходимого персонала. Пособие по безработице является основной формой финансовой поддержки лиц, официально признанных безработными. Данные выплаты предоставляются регулярно, но ограничены определенным сроком [2]. По данным Росстата, с 2000 по 2024 годы в десятку регионов с наибольшим уровнем безработицы вошли в основном субъекты РФ Северо-Кавказского федерального округа, а с наименьшим – регионы-доноры с высокой бюджетной обеспеченностью [4]. Проведенные автором исследования показали, что в проблемных регионах отмечается не только снижение уровня жизни граждан по доходам, но и снижение поступлений налогов (н-р, НДФЛ) консолидированного бюджета этих регионов [1]. В рамках исследования выявлено, что отсутствие комплексной правовой базы, регулирующей занятость и трудоустройство, усугубляет многие имеющиеся проблемы.

Действующий закон ФЗ № 565-ФЗ лишь частично регулирует эти сферы и значительно устаревает, не отвечая современной динамике рынка труда. Законодательный пробел создает непоследовательность в реализации политики и оставляет многие аспекты поддержки безработицы недостаточно урегулированными. Процесс признания лиц безработными сопряжен с трудностями. Рост внутренней миграции привел к тому, что многие граждане работают вдали от своего зарегистрированного места жительства, что усложнило их возможность зарегистрироваться в качестве безработных и получить доступ к причитающимся им пособиям. Действующий механизм финансовой поддержки социальной защиты безработных в России сталкивается с отдельными проблемами, включая региональные различия в уровнях безработицы, недостаточное финансирование развития высококвалифицированной рабочей силы и низкие пособия по безработице, которые не отвечают социальным и материальным потребностям гражданина [3]. В целях повышения эффективности распределения федеральных средств на поддержку региональных программ содействия занятости предлагается внедрить расчетную методику, учитывающую следующие факторы в регионах: уровень безработицы, динамику безработицы за последние 3-5 лет, результативность реализации предыдущих программ содействия занятости, структуру безработицы (доли долгосрочной, молодежной безработицы, безработных среди трудоспособных инвалидов), природно-климатические условия, социально-экономическое положение.

Источники и литература

- 1) Буздалина, О.Б. Общая характеристика развития социально значимых приоритетов в современных условиях / О.Б. Буздалина // Аудиторские ведомости. – 2020. – № 1. – С. 120-127.
- 2) Киселева, Т.Ю., Сангинова, Л.Д. Модель государственной финансовой поддержки бизнеса в условиях пандемии COVID-19 в России: структура, инструменты, опыт / Т.Ю. Киселева, Л.Д. Сангинова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 124-140.
- 3) Остапенко, В. А. Проблемы социальной защиты безработного населения в России / В. А. Остапенко // Актуальные проблемы управления, 2023. – С. 300-303.
- 4) Росстат: Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force/ (: 25.01.2026).

Холоденко Юрий Александрович

*МГУ им М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва,
Россия*

**Глобальные социальные изменения: риски для "государства
благосостояния".**

В конце прошлого столетия распалась мировая система социализма -событие, кардинально изменившее характер мирового общественного развития. Ф. Фукуяме сформулировал гипотезу о «конце истории». Глобализация стала важнейшим фактором социальной динамики. Вместе с тем часть исследователей подчёркивали противоречивый характер либеральной глобализации, способствовавшей превращению стран Запада в центры «наиболее высокого накопления капитала» [1, с.30].

Глобализация привела к масштабному переносу значительной части массового промышленного производства из развитых стран в развивающиеся. Результатом стала деиндустриализация экономик промышленно развитых государств, сокращение их доли в мировом промышленном производстве, сужение ресурсной базы современного «государства благосостояния». Санкции, введённые коллективным Западом в 2022 году против российской экономики, больно ударили по инициаторам, привели к масштабным финансовым потерям европейского бизнеса, росту инфляции и снижению уровня жизни простых европейцев. Это также негативно повлияло на «государство благосостояния» и его возможности выполнять социальные функции.

На фоне ухудшения глобальной экономической конъюнктуры актуализируется проблема долгового бремени, с которой столкнулись многие государства. В некоторых из них (Япония, Италия, США, Франция, Канада, Великобритания, Испания) долговая нагрузка превысила 100% [2]. Для её решения и поддержания уровня социальных расходов промышленно развитым странам необходимо резко повысить темпы экономической динамики. Между тем среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в них снизились с 2,5% в 1981 – 1990 г.г. до 1,1% в 2011 – 2015 г.г. [3, с.26].

На наш взгляд, мы становимся свидетелями глубокого кризиса базовых принципов «государства благосостояния». Всё более значительное число европейцев не относят себя к среднему классу – фактору обеспечения социальной стабильности современного западного общества. Об этом свидетельствуют результаты проведённого в 2021 году в странах Евросоюза масштабного социологического исследования. Так, доля респондентов, оценивавших своё социально – экономическое положение ниже сред-

него класса, в Испании превысило 60%, в Греции, Португалии и Франции – 40%, в Италии, Австрии, Финляндии, Ирландии – 30%, в Германии, Швеции, Дании и Бельгии – 20% [4, с. 86]. Между тем большинство из указанных стран до недавнего времени считались неким эталоном «государства благосостояния».

На фоне происходящих глобальных социальных изменений всё более очевидным становится понимание того, что благополучие и процветание социального государства в странах Запада не в последнюю очередь является результатом фактического ограбления народов глобального Юга. И хотя кризисные явления отмечались и ранее, разрушение сложившейся модели либеральной глобализации обостряет риски для «государства всеобщего благосостояния». Тренды глобальных социальных изменений необратимы, а выбор конкретных мероприятий у западной правящей элиты ограничен.

Источники и литература

- 1) Валлерстайн И. После либерализма. М. 2005.
- 2) Катасонов В. МВФ. Тренды государственного долга в мире. - <https://www.fondsk.ru/news/2023/10/23/mvf-trendy-gosudarstvennogo-dolga-v-mire.html> (Дата обращения 12.12. 2025)
- 3) Варнавский В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве.// Мировая экономика и международные отношения. 2019, том 63, №1. – с.25 – 33
- 4) Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Удары коронавирусной стихии: межстрановые различия.// Мировая экономика и международные отношения. 2022, том 66, №8. – с.82 – 92.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна

*Уральский институт экономики, управления и права, Екатеринбург,
Россия*

Внедрение на государственной гражданской службе искусственного интеллекта: проблемы и тенденции кадровых изменений

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) постоянно влечет за собой все новые изменения во всех сферах общественной жизни. Это касается государственной гражданской службы в том числе, что ведет к

изменению требований к ее сотрудникам. В целях более результативного протекания данного процесса необходимо исследовать использование ИИ в государственном управлении на научной основе, в том числе - социологии.

В данной работе с социологических позиций рассматриваются перспективы кадровых изменений на государственной гражданской службе в результате внедрения в данной сфере искусственного интеллекта.

Сегодня искусственный интеллект стал активно внедряться на государственной гражданской службе. Здесь можно отметить тенденции.

Во-первых, это - перспектива сокращения рабочих мест на государственной гражданской службе. Это - одна из важных проблем на государственной гражданской службе. Также в качестве проблем можно отметить - восприятие этой тенденции чиновниками, сам процесс реализации внедрения ИИ и т.д.

ИИ применяется, где нужны стандартные операции. Его уже используют для обработки больших данных, государственный контроль и надзор, мониторинг социальных медиа, планировании бюджета[1], принятие решений в различных сферах государственного управления, таких как запросы на предоставление грантов, рассмотрение жалоб[1], в процессе проведения выборов и т.д. Использование ИИ дает свои преимущества - это быстрота, непредвзятость, меньше злоупотреблений, более точные прогнозы и анализы за счет более широкого анализа данных.

Во-вторых, к государственным гражданским служащим увеличение требований в плане компетенций. ИИ может работать с большими объемами данных, т.е. может заменить часть сотрудников, работающих с анализом информации. Теперь чиновники вынуждены соперничать с ИИ. Это означает, во-первых, необходимость постоянного совершенствования своих навыков во взаимодействии с ИИ, во-вторых, развитие когнитивных способностей, в особенности аналитических.

В-третьих, необходимо развитие сервисных служб, обслуживающих ИИ. Последние же вмешиваются в деятельность профессионалов. Это – серьезная проблема[2]. В перспективе она может коснуться и государственного управления.

В-четвертых, сегодня от профессионалов с высоким уровнем подготовки население ожидает отношение к профессии как к призванию. Однако на практике это не всегда так[3]. В перспективе это коснется государственной гражданской службы. Но, сначала нужно решить вопрос с безработицей – следствием внедрения искусственного ИИ, и создать материальные условия, чтобы население могло выбирать профессию по призванию.

Итак, в работе были рассмотрены проблемы и тенденции развития кадрового вопроса на государственной гражданской службе, связанные с внедрением в ней искусственного интеллекта.

Источники и литература

- 1) Социология профессий - состояние и перспективы (круглый стол) // Социологические исследования. 2024. №8. С.174-176
- 2) Мансуров В.А. Социология профессий - состояние и перспективы (круглый стол) // Социологические исследования. 2024. №8. С.10.
- 3) Юрченко О.В. Социология профессий - состояние и перспективы (круглый стол) // Социологические исследования. 2024. №8. С.3-21.
- 4) Лебезова Э.М. Искусственный интеллект в государственном управлении. Возможности и перспективы // Материалы научно-практической конференции «Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий» Донецк, 06–07 июня 2023 года. С.172-177.

Цацура Елена Алексеевна
РАНХиГС, Москва, Россия

Самооценка риска потерять жильё: основные триггеры высокого риска и влияние на социальное самочувствие

Бездомность – крайнее проявление бедности и уязвимости. Текущая работа продолжает более пристальное изучение вопросов самоощущения рисков бездомности на данных телефонного опроса ЧСО, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2023 г. В опрос был включен вопрос о восприятии риска оказаться в ситуации бездомности, а также несколько вопросов об опыте бездомности. Вопрос звучал, как «Риск оказаться без жилья в следующем году Вы оцениваете как высокий, низкий или такого риска нет?». Кроме того, вопросник содержит целый ряд социально-демографических вопросов, в том числе вопросы по жилищной ситуации. Всё это позволяет провести исследование восприятия населением рисков оказаться в ситуации бездомности. Выборка обследования ЧСО в 2023 г. составила 9508 человек в возрасте от 18 до 72 лет. Среди респондентов ЧСО 3,7% высоко оценивают свой риск остаться без жилья в следующем году. Говорят, что такой риск отсутствует – 79,7%. Взрослое население

России в возрасте от 18 до 72 лет в 2023 г. составляло 105,2 млн. человек, таким образом, можно сказать, что около 4 млн. человек живут в условиях такого беспокойства и под угрозой оказаться без места жительства в достаточно близкой перспективе. Мужчины чаще говорят о высоких рисках оказаться без жилья в следующем году, чем женщины. Среди мужчин в возрасте от 35 до 54 лет 5,2% говорят о таком риске. Можно выделить несколько ключевых триггеров ощущения высокого риска потери жилья в ближайший год – это плохое здоровье, плохое материальное положение, проживание не в отдельной квартире/доме и в жилье, находящемся не в собственности, конфликтные отношения в семье, а также наличие предыдущего опыта скрытой или уличной бездомности. Ощущение высоких рисков оказаться без жилья в следующем году сказывается на социальном самочувствии людей, провоцирует тревогу, чувство небезопасности, одиночества и нехватки общения и внимания, влияет на удовлетворенность жизнью и ощущение счастья.

Цибин Александр Александрович

*Уральский институт управления, Екатеринбург, Российская
Федерация*

Цифровая трансформация воинского учёта и призыва в Свердловской области

Стратегическое планирование деятельности региональных органов власти в сфере воинского учета и призыва носит комплексный характер и учитывает демографические, социально-экономические и территориальные особенности региона. Среди ключевых направлений выделяются модернизация организационной инфраструктуры, цифровая трансформация учетно-призывных процедур, развитие кадрового обеспечения и мероприятия в сфере гражданско-патриотического воспитания. В рамках настоящего анализа приоритетным объектом рассмотрения выступают процессы цифровизации.

Цифровизация является одним из приоритетов стратегического планирования Свердловской области и ориентирована на повышение эффективности процессов воинского учета и призыва граждан. В рамках регионального проекта «Цифровая экономика Свердловской области» реализуются мероприятия по внедрению автоматизированных информационных систем, обеспечивающих электронный документооборот и обмен данными между военными комиссариатами, органами местного самоуправления, медицинскими организациями и образовательными учреждениями. Разработка и использование специализированных решений

(в частности, АИС «Военно-учетный стол», версия 2.x) повышают оперативность обработки учетной информации, сокращают число ошибок при ведении документации и усиливают прозрачность и контролируемость процедур. Дополнительно цифровые сервисы поддерживают принцип «одного окна», расширяя возможности дистанционного получения услуг в сфере воинского учета[1].

Наряду с достигнутыми результатами сохраняются ограничения, снижающие темпы и однородность цифровой трансформации на территории области. К ним относятся неравномерность внедрения цифровых решений в отдельных муниципальных образованиях, а также необходимость дальнейшего развития межведомственного информационного обмена (разночтения между ведомственными базами (адреса, статус учёта, основания для отсрочки/освобождения); дубли, устаревшие записи, несвоевременные изменения (переезд, обучение, здоровье; цифровой контур работает только при стабильном обмене между военкоматами, МВД/ЗАГС/ФНС/образованием/медициной и др.). Указанные проблемы требуют управленческой коррекции и ресурсного обеспечения для достижения сопоставимого уровня цифровой зрелости на всей территории региона.

Для повышения результативности деятельности органов исполнительной власти в сфере воинского учета и призыва целесообразно ускорить цифровизацию во всех муниципальных образованиях, обеспечив полный переход на электронный документооборот и формирование единой интегрированной информационной системы. Приоритетными являются стандартизация данных и процедур, технологическая совместимость ведомственных контуров и закрепление устойчивых механизмов межведомственного обмена информацией, что позволит повысить управляемость процессов и снизить транзакционные издержки администрирования.

Источники и литература

- 1) Бойченко Е.В., Батьянов П.А., Кусенко Л.В., Коняхина Л.Е., Кахаров А.С., Смайлиева Е.О. АИС «Военно-учетный стол, версия 2.x» // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2024685055, 23.10.2024. Заявка № 2024683449 от 08.10.2024.

Челенкова Инесса Юрьевна

Временно не работа, Санкт-Петербург, Россия

О социальном механизме управления "территории опережающего развития" (ТОР)

Для российского «государства – цивилизации» (1.с.5) укрепление национального суверенитета, достижение стратегических целей развития связано с внедрением новых регулятивных механизмов системы публичного управления. В социологии механизм вне контекста человека не рассматривается. Он характеризуется как социальный механизм. При его определении акцент делается на систему взаимосвязанных институциональных, ценностных, коммуникационных и других структурных элементов, которые со ориентированы на регулирование социальных взаимодействий между субъектами управленческого процесса разных типов и уровней, нацеленных на реализацию конкретных общественных потребностей. Процесс внедрения с 2015 года социального механизма управления ТОР в хозяйственную жизнь Дальнего Востока, стало началом перехода к новой модели отношений государства и бизнеса на основе принципа «социального партнерства»: согласования рациональных интересов при достижении разных целей. В условиях локальных «территорий роста» партнерство основывается на системе таможенных, налоговых, административных и дополнительных преференций, Суть социального механизма управления ТОР заключается в стимулирующем воздействии преференций на ценностно-мотивационный комплекс предпринимателя, включающий его интерес, мотивацию, волю к инвестиционной деятельности, развитию промышленного производства, получению нового продукта на основе современных технологий. Ресурсы ТОР направляются на достижение показателей экономического роста выше мировых и повышение качества жизни граждан. В социологических исследованиях отмечается, что в системе государственного управления в единый диалектический процесс соединены два качественно различных состояний регулятивных механизмов: социального порядка и социальных изменений общественного развития (2, с. 257. 328). Двойственный характер их действий приводит к следующим тенденциям в развитии ТОР. 1. Развитие ТОР осуществляется через вхождение в региональные территориальные социально-экономические системы путем установления сетевых, кластерных взаимосвязей с различными категориями стейкхолдеров. Правительство корректирует этот процесс на основе принятия административных решений: а) о расширении границ отдельных ТОР; б) путем объединения нескольких региональных ТОР в одну; в) с 1 января 2026 все преференциальные режимы мега региона объединяются в единой супер -ТОР. 2. Эффективность функционирования ТОР зависит от

сбалансированного принятия программ социально-экономического развития в регионах. Приоритет реализации экономических целей развития по сравнению с социальными приводит к росту демографических проблем, не удовлетворенному спросу на специалистов и руководителей в необходимом количестве и нужной компетенции. 3. Запаздывание, неопределенность в раскрытии ценностных смыслов социального механизма ТОР является одной из причин социальных отклонений во взаимодействии бизнеса и государства. Исследование в социологии вопросов совершенствования социальных механизмов ТОР взаимосвязано с анализом перспектив осуществления необходимых качественных изменений в системе образования, культуры, с внесением четкого идеологического обоснования в целевые установки стратегии будущего развития российской цивилизации. »

Источники и литература

- 1) Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года
- 2) Тихонов А.В. Социология управления. - М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2007.- 472 с.

Чу Сяохань

Санкт-Петербургский государственный университет, Пенки, Китай

Межрегиональная дифференциация предпринимательской среды молодежи в Китае: институциональный и сетевой анализ

В условиях выраженной межрегиональной социально-экономической дифференциации молодёжное предпринимательство приобретает значение важного механизма экономической трансформации и социальной мобильности. Вместе с тем влияние региональной предпринимательской среды на предпринимательское поведение молодёжи и механизмы этого воздействия остаются недостаточно разработанными в социологической литературе. Опираясь на институциональную теорию и теорию социальных сетей, в статье анализируется, каким образом региональные различия формируют условия и результаты молодёжного предпринимательства в Китае.

Эмпирической базой исследования послужили данные авторского социологического опроса, проведённого в 2024 году среди молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет ($n = 290$), имеющих предпринимательский опыт либо намерение начать собственный бизнес. Региональная предпринимательская среда операционализирована по ряду ключевых параметров, включая институциональную поддержку, экономические условия, инфраструктуру, образовательные ресурсы, социальный капитал и культурный контекст.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии значимых межрегиональных различий предпринимательской среды, оказывающих существенное влияние на вовлечённость молодёжи в предпринимательскую деятельность. Установлено, что социальный капитал выполняет посредническую функцию между региональной средой и предпринимательским поведением, при этом слабые социальные связи играют важную роль в доступе к информации и выявлении предпринимательских возможностей. Кроме того, выявлена региональная неоднородность эффектов институциональных и образовательных факторов: в экономически развитых регионах они способствуют развитию инновационного и высокотехнологичного предпринимательства, тогда как в менее развитых регионах предпринимательская активность в большей степени опирается на неформальные институты и локальные социальные сети.

Теоретическая значимость исследования заключается в интеграции институционального и сетевого подходов к анализу региональной дифференциации молодёжного предпринимательства и расширении применения концепции предпринимательской экосистемы в китайском контексте.

Шаповалов Алексей Викторович

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, РФ

**Эмоциональный ландшафт и доверие молодёжи к
политическому контенту в социальных сетях и мессенджерах**

Социологическое исследование, выполненное при поддержке Минобрнауки России в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа», было проведено в сентябре-декабре 2025 года (анкетный опрос в сервисе «Анкетолог», $N = 6\,093$ представителя молодёжи Ставропольского края) и касалось наиболее значимых сторон жизни современной молодёжи. Данная публикация

посвящена восприятию политики молодыми людьми, проживающими на территории Ставропольского края.

Политика не является значимой или эмоционально заряженной сферой для подавляющего большинства респондентов (совсем не интересуются и не интересуются политикой 16,5 % и 15,1 % опрошенных соответственно). Почти половина всех респондентов (45,6 %) определяют свое отношение как «нейтральное». Скорее интересуются и очень интересуются политикой 1/5 часть опрошенных – 18,6 % и 4,2 % представителей молодёжи. При этом 71,7 % респондентов все же выбрали одну из наиболее предпочтительных для себя идеологий (социализм – 27,9 %, либерализм – 24,1 %, консерватизм – 11,1 %, национализм – 6,5 %, федерализм – 2,2 %). Анализ кросс-распределения показал, что идеология выступает упрощенным, символическим ярлыком для выражения общих ценностных ориентаций или социальных ожиданий (зачастую, усвоенных из среды), а не результатом глубокой рефлексии над политической теорией.

Интерес (41,1 %), тревога (31 %) и надежда (27,8 %) – основные (согласно данным опроса) эмоции, которые чаще всего испытывают респонденты при просмотре политического контента в социальных сетях или мессенджерах. Гордость (19,9 %), озабоченность за близких (19,9 %), усталость (19,7 %), гнев (12,1 %) и вдохновение (7,2 %) испытывают меньшее количество опрошенных. Группа респондентов (1) с нейтральным интересом к политике демонстрирует наивысшие абсолютные показатели по всем основным эмоциям – это не отсутствие эмоций, а сложный «коктейль» из противоречивых переживаний, где интерес и тревога смешаны с усталостью. Кроме того, мы наблюдаем группу респондентов (2) с высоким интересом к политике (возможно при обращении к специализированным СМИ, аналитическим материалам, экспертным мнениям) при умеренно выражаемых ими эмоциях. Низкий интерес к политике у третьей группы опрошенных (3), чаще сопрягается с такими эмоциями как тревога, усталость, озабоченность за близких и может означать не равнодушие к данной тематике, а защитную реакцию на тревожный контент.

Основными признаками достоверности контента в социальных сетях и мессенджерах для респондентов выступают официальные аккаунты (65,6 %), ссылка на первоисточник (37,1 %) и согласие нескольких источников по интересующим вопросам (30,8 %). В меньшей степени «убеждают» респондентов в достоверности информации личный опыт, свидетельства знакомых (22,8 %), визуальные доказательства (21,6 %) и мнения уважаемого лидера (19,3 %). В условиях цифрового шума и эмоциональной тревожности основным источником достоверности выступает фор-

мальный, институциональный признак, а не критическая оценка и содержательная проверка. Респонденты, у которых политический контент чаще всего вызывает интерес, демонстрируют наиболее высокие показатели по всем основным критериям достоверности, особенно по «официальным аккаунтам» (30,7 %), «Ссылке на первоисточник» (16,8 %) и «согласию нескольких источников» (13,7 %).

В ходе проведенного анализа было выявлено четыре типа потребителей политического контента: 1) заинтересованные и мотивированные верификаторы (составляющие ядро аудитории, с которой могут работать органы молодёжной политики); 2) тревожные делегирующие (нейтральный интерес к политике, полагаются на «официальные аккаунты», нуждаются в эмоциональном успокоении и надежных ориентирах); 3) конфликтные и скептически настроенные (основная эмоция – «гнев», политикой интересуются, не доверяют официальным источникам, активно ищут альтернативную информацию, мотивированы желанием опровергнуть, а не поиском истины); 4) пассивные, апатичные конформисты (основные эмоции – усталость, апатия, политикой не интересуются, но формально признают официальные аккаунты как критерий достоверности информации).

Таким образом, формируя рекомендации специалистам по работе с молодёжью (госсектор, «третий сектор»), на основании представленных данных, отметим, что молодежное сообщество сегментируется не только по идеологическим или демографическим признакам, но и по социально-психологическим типам взаимодействия с политической информацией. Успешная коммуникация в публичной сфере требует отказа от унифицированных посланий в пользу «адресного» подхода, который учитывает эмоциональные потребности и когнитивные стратегии каждой ключевой группы. В конечном итоге, укрепление общественного доверия и снижение деструктивной поляризации зависит от способности политических акторов и институтов говорить на разных языках с разными молодёжными аудиториями, сохраняя при этом фактологическую целостность и ценностную последовательность.

Шмидько Наталья Анатольевна

*Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург,
Россия*

**Интеграция ветеранов боевых действий в систему институтов
гражданского воспитания как социальный процесс**

Специальная военная операция (СВО), начавшаяся 24 февраля 2022 года стала мощным толчком к корректировке отраслевых политик в России. С начала специальной военной операции Президент Российской Федерации, власти регионов обозначили приоритетом социальное обеспечение и поддержку участников СВО и членов их семей.

В июне 2025 года Управление президента сообщило, что с СВО вернулись домой примерно 137 тыс. военнослужащих. большую часть вернувшихся ветеранов составляют люди до 35 лет.[1] Как указывает В.Н.Гурьянчик, возвращение участников специальной военной операции к мирной жизни сопровождается формированием у них базовых социальных и личностных потребностей, таких как потребность быть понятым, признанным, принятым и поддержанным обществом. В случае отсутствия возможностей для удовлетворения данных потребностей может возникать ситуация социальной исключённости участников боевых действий из активной жизни в обществе. Поэтому потребность быть принятым обществом является одной из основных в послевоенное время для участников боевых действий.

Президент России Владимир Путин, говоря о бойцах специальной военной операции, заявил, что это элита, золотой фонд государства. которой «не страшно передать в руки» страну.[2] В связи с этим особое значение имеет государственная образовательная программа для формирования новой элиты государства из участников СВО «Время героев». Это федеральный проект, призванный подготовить из слушателей сотрудников высших эшелонов власти, государственных бизнес-структур. Однако, пройти через этот образовательный институт сможет лишь небольшая часть ветеранов СВО. Из более чем 44 тыс. поступивших заявок было отобрано 83 человека (из них 23 Героя России) для участия в первом образовательном потоке. На второй поток было подано более 20 тыс. заявок. Для участия были отобраны 85 человек, среди которых 31 Герой России и 72 кавалера ордена Мужества.[3]

Учитывая высокую востребованность программы, Президент поручил расширить программу «Время героев» за счет запуска аналогичных программ на региональном уровне.

Такие программы запустили практически во всех регионах России. Так Свердловской области заявки на программу «Управленческие кадры Урала» по переобучению ветеранов и действующих участников специальной военной операции в управленцев подали 665 человек. По итогам нескольких отборочных этапов победителями были признаны 65 кандидатов.[4]

Несмотря на государственную и социальную значимость, такие проекты заведомо недоступны для ветеранов СВО. Между, по опыту автора, тем у каждого второго ветерана есть запрос на реализацию и обучение.

Между тем, как показывает опыт работы автора, у ветеранов специальной военной операции имеется большой социальный запрос на интеграцию в образовательную, просветительскую среду. Но часто имея практический опыт и сформировавшиеся в ходе боевых действий ценностные ориентиры, ветераны сталкиваются с недостатком профессиональных компетенций как для работы в органах власти, так и для деятельности в области патриотического воспитания молодежи. Решение проблемы стал образовательный проект для ветеранов и членов их семей «Лектор патриотического просвещения «Знание – Героям», разработанный автором работы и Уральским институтом управления – филиалом РАНХиГС при поддержке Российского общества «Знание» и государственного фонда «Защитники Отечества». Первый поток курса прошел в августе 2025 года, в нем приняли участие 110 человек, желающих заниматься просветительской патриотической деятельностью. Все они получили государственные дипломы о профессиональной переподготовке, портфель методических материалов, кроме того каждому обеспечено сопровождение от авторов и организаторов курса.

Таким образом, полагаем, что большой запрос ветеранов СВО на интеграцию во все направления отраслевых политик и отсутствие системных возможностей для профессиональной переподготовки и реализации должен стать стимулом к пересмотру кадровых приоритетов в регионах и организации для участников СВО на региональном уровне образовательных центров подготовки, переподготовки, стажировки. Как успешный пример такого образовательного центра – курс «Лектор патриотического просвещения» на базе Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Активное включение ветеранов в активную общественную деятельность, в реализацию значимых социальных, благотворительных, волонтерских проектов и инициатив позволит не только социализироваться им самим, реализовать свой потенциал, но и переформатировать общество и активизировать развитие приоритетных отраслевых политик государства

Источники и литература

- 1) Беляев А., Павлова А.А., Шевяков А. Ю. Вопросы отраслевой политики государства // Вопросы отраслевой экономики. 2025. № 1 (9).

- 2) Гурьянчик В. Н. Роль семьи в адаптации и реадaptации участника боевых действий // Психологическое благополучие современной семьи: сборник научных материалов международной конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024.
- 3) Сикорская Д.М. Кадровый потенциал участников специальной военной операции в системе государственного управления // Постсоветский материк. 2025. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-potentsial-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-v-sisteme-gosudarstvennogo-upravleniya>

Шумилова Ольга Евгеньевна¹, Лаврикова Анастасия Александровна²

1 - ФГБОУ ВО "Тульский государственный университет", Тула, РФ;

2 - Тульский государственный университет, Тула, Россия

**Креативные индустрии как инструмент конструирования
образа будущего России: возможности и ограничения в
системе государственного управления**

В условиях социокультурной турбулентности конструирование образа будущего становится ключевой задачей обеспечения национальной устойчивости. Креативные индустрии через производство смыслов, кристаллизацию культурных кодов и формирование ценностных ориентиров обладают уникальным потенциалом для выполнения этой задачи, однако их роль остается периферийной.

Сложившаяся ситуация обусловлена совокупностью системных барьеров: нормативно-правовых (неразвитость законодательной базы, регулирующей авторские права и цифровое распространение контента); финансовых (ограниченность грантовых и инвестиционных механизмов, особенно для стартапов и региональных проектов); инфраструктурных (нехватка креативных кластеров, коворкингов, выставочных и производственных площадок за пределами крупных городов); кадровых (дефицит специалистов, сочетающих творческие и управленческие компетенции). Они, с одной стороны, тормозят развитие самой сферы, а с другой - препятствуют ее эффективной интеграции в процесс преодоления фрагментации видения будущего России. Неравномерность развития креативных индустрий усугубляет дифференциацию в восприятии будущего, которое и так зависит от места проживания, возраста и социального опыта.

При этом роль креативных индустрий носит двойственный характер. В позитивном сценарии они могут сглаживать различия через общие культурные коды и новые паттерны, способствуя консолидации общества; в негативном - сектор рискует воспроизводить существующий разрыв между центром и периферией, разными поколениями и социальными группами, если развитие будет сосредоточено лишь в мегаполисах и ориентировано на узкие аудитории.

Ключевым условием реализации позитивного сценария является целенаправленная государственная и общественная поддержка, направленная на инклюзивное развитие креативных индустрий во всех регионах.

Эффективность креативных индустрий в формировании образа будущего обусловлена их способностью к синтезу: соединению материального и нематериального, традиции и инновации, локального и глобального в конкретных продуктах и практиках. Ряд авторов даже отмечают, что символическая ценность результатов креативной деятельности преобладает над их функциональностью, так как они выполняют роль культурных медиаторов, переводя традиции на язык современности, формируя идентичность и отвечая на социальные запросы. Этот синтез лежит в основе создания «мобилизационных фреймов» - интерпретативных схем, которые могут конкретизировать и детализировать абстрактные национальные нарративы, наполняя их личностно значимым содержанием для разных групп.

Для превращения креативных индустрий в системного агента конструирования будущего необходима реализация комплекса мер, что предполагает, во-первых, создание механизмов ко-производства смыслов между государством (задающим стратегические рамки), креативным сектором (выступающего в роли переводчика и интерпретатора) и локальными сообществами, во-вторых, смещение акцента с поддержки точечных проектов в мегаполисах на развитие креативных экосистем в регионах, в-третьих, развитие инфраструктуры, направленной не просто на рост сектора, а на его целевое включение в процессы формирования национальной идентичности.

Таким образом, интеграция креативных индустрий в процесс формирования образа будущего требует не только экономической поддержки, но и их включения в систему социокультурного проектирования. Это предполагает создание платформ для диалога между представителями креативного сектора, государственными структурами, экспертами и локальными сообществами с целью совместной разработки смысловых и визуальных контуров будущего.

Юнусова Екатерина Маратовна

ГАУГН, Москва, Россия

**Государство как платформа: социология сетевых
взаимодействий между НКО, бизнесом и органами власти в
решении публичных задач**

Текст тезисов доклада:

Концепция «государства-как-платформы» (Government-as-a-Platform) перестает быть технологической метафорой и становится эмпирической реальностью, формирующей новую социальную архитектуру публичного управления. Данный тезис представляет социологический анализ этой трансформации, фокусируясь на сетевых взаимодействиях между тремя ключевыми акторами: государственными органами, бизнес-структурами и некоммерческими организациями. Гипотеза исследования заключается в том, что переход к платформенной модели не столько технологически детерминирован, сколько обусловлен сдвигом в социальных отношениях, нормах и распределении ресурсов, порождая как новые возможности ко-производства публичных ценностей, так и риски воспроизводства структурного неравенства.

В основе феномена лежит трансформация государства из монопольного провайдера услуг в инфраструктурную платформу, предоставляющую правила, стандарты, данные и технологические интерфейсы (API) для сторонних разработчиков [Margetts, Naumann, 2017]. Социологический ракурс позволяет исследовать эту модель не как техническую схему, а как социальный институт, реструктурирующий поле власти. Сетевые взаимодействия в этой системе строятся на принципах гибридности, взаимозависимости и обмена ресурсами: государство делегирует часть властных полномочий и данных, бизнес привносит технологические компетенции и agile-культуру, а НКО обеспечивают связь с локальными сообществами, социальный капитал и предметную экспертизу [Олейник, 2018]. Эмпирически это проявляется в создании краудсорсинговых платформ, публично-частных партнерств в социальной сфере, акселераторах гражданских инициатив и экосистемах на основе открытых данных.

Ключевым социологическим следствием является изменение природы бюрократии и механизмов легитимности. Платформа способствует возникновению «сетевой бюрократии» [Castells, 2009], где горизонтальные связи между разнородными акторами зачастую эффективнее вертикальных иерархических команд. Легитимность решений все больше зависит не от формального авторитета государственного органа, а от воспринимаемой эффективности сетевой коллаборации и инклюзивно-

сти процесса. Однако этот процесс порождает и серьезные вызовы. Во-первых, возникает проблема новой асимметрии власти: технологически и финансово более мощные бизнес-акторы (крупные IT-компании) могут получать непропорциональное влияние на формирование правил платформы и приоритетов, фактически приватизируя публичные функции [Зубаревич, 2020]. Во-вторых, существует риск цифровой эксклюзии: малые НКО и локальные сообщества, не обладающие достаточными цифровыми компетенциями, могут быть исключены из взаимодействия, что усиливает социальное неравенство. В-третьих, размывается традиционная социальная ответственность: в сетевой модели сложнее идентифицировать и закрепить ответственность за сбои или негативные социальные последствия реализованных решений.

Прогноз развития модели «государства-как-платформы» в России и мире связан с разрешением этих противоречий. Наиболее вероятным сценарием представляется становление гибридных режимов управления, где элементы платформенной открытости и сетевого взаимодействия сосуществуют с усилением централизованного цифрового контроля и селективным подключением лояльных акторов [Тощенко, 2020]. Социология управления должна разрабатывать новые аналитические рамки для оценки таких гибридных форм, смещая фокус с анализа институтов на анализ потоков данных, сетевых конфигураций и возникающих в них социальных практик. В качестве методологического вывода предлагается рассматривать платформу не как технический артефакт, а как социотехническую систему, где материальная инфраструктура (код, алгоритмы, интерфейсы) и социальные отношения (доверие, власть, сотрудничество) взаимно конституируют друг друга, создавая новое поле для социологического исследования публичной сферы.

Источники и литература

- 1) Margetts H., Naumann A. Government as a Platform: What Can Estonia Show the World? 2017.
- 2) Олейник А.Н. Сети в публичной политике: от теории к методологии исследования. 2018.
- 3) Castells M. Communication Power. 2009.
- 4) Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? 2020.
- 5) Тощенко Ж.Т. Фантомы современного общества: теория и практика. 2020.

Юсупова Елена Александровна

Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Проблемы северных территорий Российской Федерации.

Суровость климатических условий, зависимость от завоза продуктов и топлива, низкая обеспеченность медицинской помощью приводят к росту миграции населения в глубь страны, что не может сказаться на обороноспособности региона в том числе. Публикации, представленные в литературе, а также проведение межрегиональных конференций с выступлением чиновников разного уровня позволяют предложить пути решения снижения миграционных потоков. Среди основных причин миграции населения северных территорий неоднократно указываются неудовлетворенность транспортной доступностью, состояние жилищно-коммунального хозяйства, доступность медицинской, в том числе и высококвалифицированной помощи, возможность получения конкурентоспособного среднего общего образования. Учитывая результат представленного анализа причин возросшей миграции населения и пути их решения позволит снизить отток населения. Так принятый закон о целевом обучении в медицинских институтах и обязательной отработке по его окончании позволит пополнить медицинские учреждения региона молодыми кадрами, прошедшими специализацию и обучение в столичных ВУЗах и клиниках. Развитие альтернативных транспортных систем позволит обеспечить продовольственную безопасность региона. Организация досуга населения, развитие курортной зоны привлечет туристов и создаст новые рабочие места. Проведение грамотной региональной политики, привлечение в регион квалифицированных специалистов на постоянной основе, освоение новых видов транспорта, пригодных к использованию в условиях климата Севера, обеспечение досуга проживающих, создание Экозаповедников, курортов позволят сократить отток населения.

Источники и литература

- 1) Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. - С.13
- 2) Тараканов М. А. Эволюция пространственной локализации понятий «Крайний Север» и «Север» в России. Архивировано 31 марта 2017 года. // Национальные интересы: Приоритеты и безопасность. — 2010. — № 26. — С. 32—41.
- 3) Лаженцев В.Н, Актуальные проблемы Севера России (Теория и рекомендации), Экономика региона. Тематическое приложение № 2, 2007 г.

- 4) Добровольский Г.В., Челышев Е.П. Природа, культура, население // Вестник РАН. 2004. - Т. 74. - № 1.- С.968-972.
- 5) Российское экологическое общество: Сб. научн. тр. – Архангельск, 2021. – С. 1-19
- 6) Ледяева М., «Исследователи назвали главные проблемы арктических сел и поселков». https://rg.ru/2025/08/08/reg-szfo/gde-na-severe-zhit-horosho.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fden.ru%2Fnews%2Fsearch
- 7) Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189, DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>